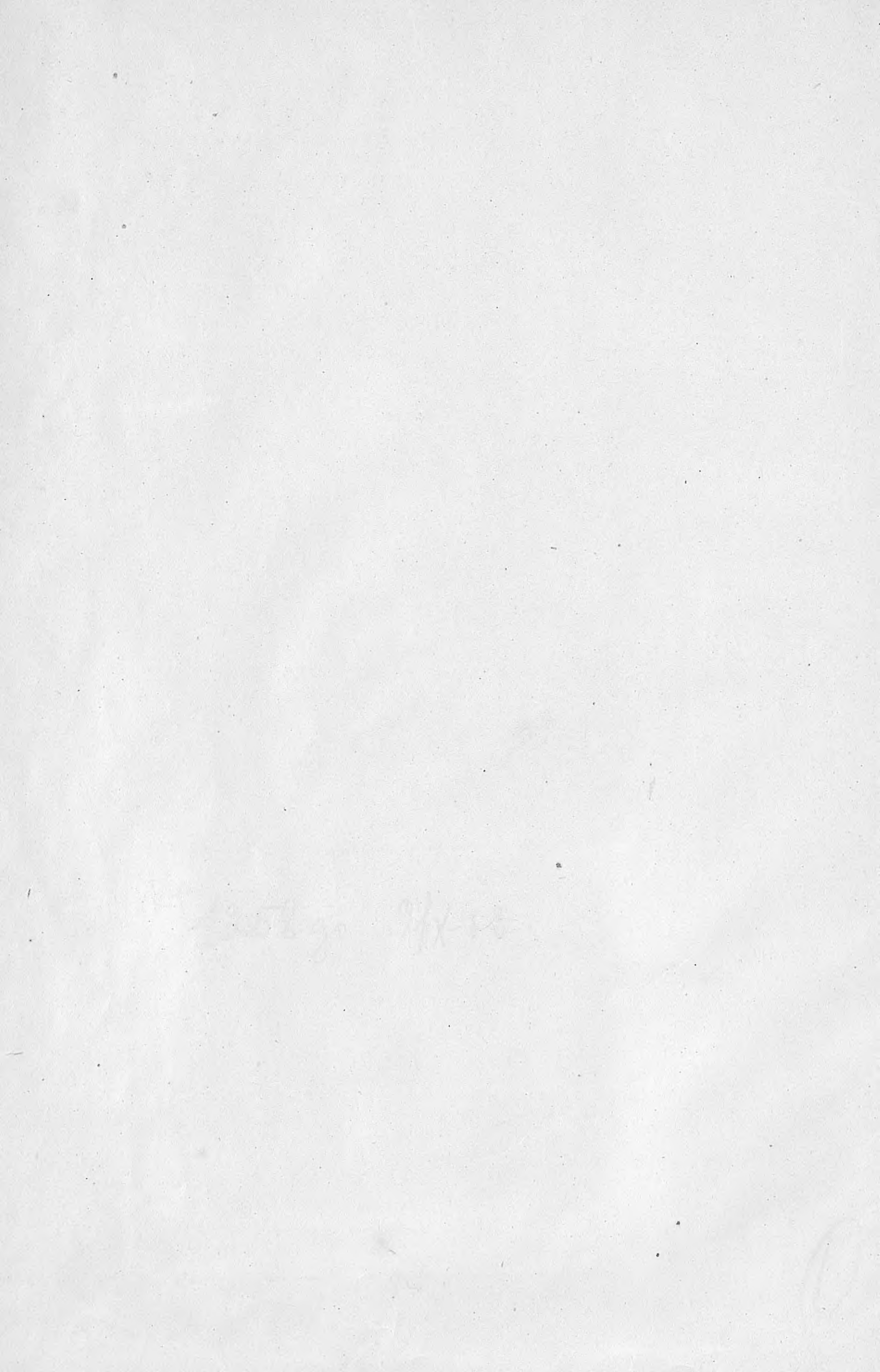


В. С. ИКОННИКОВЪ.

СОБРАНІЕ ИСТОРИЧЕСКИХЪ ТРУДОВЪ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

МАКСИМЪ ГРЕКЪ И ЕГО ВРЕМЯ.

историческое изслѣдованіе.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра, Акц. Общ. печ. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго. Кіевъ, Меринговская № 6.
1915.

МАКСИМЪ ГРЕКЪ

И

ЕГО ВРЕМЯ.

историческое изслѣдованіе

В. С. ИКОННИКОВА.

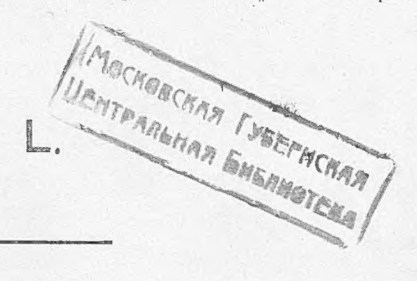
Изданіе 2-е, исправленное и дополненное.

„Οἱ ἀναγιγνώσκοντες μὴ καταγιγνώσκετε τȣ̃ γράψαντος, εἴ πȣ τὶ τῆς ὑγιοῦς γραφῆς ἥμάρται αὐτῷ. Ἀνθρώπινον γὰρ τὸ ἁμαρτάνειν καὶ κοινὸν ἀτύχημα“.

Слова Максима Грека.

Всѣмъ страстемъ мати—мнѣніе; мнѣніе—второе паденіе.

Изъ письма XVI вѣка, о нелюбкахъ старцевъ Кириллова и Іосифова монастырей.



КІЕВЪ
1915.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Первое изданіе настоящаго труда вышло въ свѣтъ ровно 50 лѣтъ назадъ Напечатанный въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, трудъ этотъ въ скоромъ времени сталъ библіографическою рѣдкостью. Съ тѣхъ поръ авторъ неоднократно намѣревался приступить къ новому его изданію; но необходимость въ нѣкоторыхъ измѣненіяхъ, накопленіе новыхъ матеріаловъ и отвлеченіе другими работами все болѣе отдаляли отъ него осуществленіе этого желанія. Тѣмъ не менѣе, въ 1910 г. ему удалось настолько воспользоваться досугомъ, что въ ближайшее затѣмъ время онъ въ состояніи былъ осуществить свое давнее предположеніе. Насколько эта задача оказалась, однако, сложною, видно изъ того, что въ настоящемъ видѣ предлагаемый читателямъ трудъ является увеличеннымъ почти вдвое. При всемъ томъ авторъ не могъ взять на себя полной передѣлки, какъ потому, что это значило бы задаться цѣлью написать совершенно новое изслѣдованіе, такъ и потому, что онъ, при другихъ занятіяхъ, все-таки не располагалъ болѣе значительнымъ временемъ.

Въ настоящемъ второмъ изданіи приложены: два изображенія Максима Грека —одно, снятое съ находящагося при изданіи его сочиненій, съ весьма предупредительнаго согласія Редакціи „Православнаго Собесѣдника“, а другое, съ помѣщеннаго въ обширномъ изданіи Н. П. Лихачева: „Матеріалы для исторіи русскаго иконописанія“, любезно предоставлен-

наго въ распоряженіе автора; автографъ Максима Грека, заимствованный изъ греческой Псалтири 1540 г. съ записью его на ней, полученный, при посредствѣ академика А. И. Соболевскаго; наконецъ, указатель именъ, составленный женою автора. Всѣмъ имъ, за это содѣйствіе, считаю долгомъ принести глубокую признательность, какъ равно: Е Ф. Шмурло и В. П. Забугину, содѣйствовавшимъ сообщеніями изъ малодоступныхъ изданій и нѣкоторыми указаніями, которыя отмѣчены въ самомъ текстѣ.

Авторъ проситъ также обратить вниманіе на приложенныя погрѣшности, происшедшія отчасти по причинѣ сложности корректуры, а отчасти не по винѣ составителя книги.

ВВЕДЕНІЕ.

Имя Максима Грека стоитъ въ средоточіи русской литературы XVI вѣка; его сочиненія не оставляютъ въ сторонѣ почти ни одной черты современной общественной жизни и самъ авторъ ихъ образовалъ около себя большой кругъ учениковъ и послѣдователей. Въ этомъ отношеніи его личность и сочиненія пріобрѣтаютъ весьма важное историческое значеніе. Такое положеніе Максимъ Грекъ занялъ, благодаря своему широкому образованію и необычайной воспріимчивости къ окружавшимъ его явленіямъ и событіямъ. Вырванный случайно изъ близкой ему обстановки, онъ былъ брошенъ въ иную среду, которую могъ бы пройти мимо, но чтобы понять послѣднюю—онъ долженъ былъ всесторонне ее изучить, начиная съ языка, на которомъ сталъ писать и писалъ много. Для такого наблюдателя каждое новое или подмѣченное имъ явленіе служило уже матеріаломъ. Это тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что самое появленіе Максима Грека въ Россіи было обусловлено опредѣленной сферой дѣятельности. Но исходъ XV в. и наступившая эпоха были временемъ общественнаго движенія на Западѣ и въ Россіи. Ученикъ эпохи возрожденія и современникъ религіознаго броженія въ Италіи и Западной Европѣ вообще, Максимъ Грекъ не могъ не внести духа борьбы за извѣстные идеалы и нравственной реформы въ русское общество, въ которомъ были своеобразныя явленія соотвѣтственнаго характера. И онъ является здѣсь то обличителемъ, то проводникомъ новой мысли и новыхъ стремленій, оставаясь, однако, въ этомъ случаѣ вѣрнымъ своей главной—религіозной цѣли. Онъ реформаторъ, но исключительно нравственной стороны религіозной жизни; онъ новаторъ въ сферѣ понятій, но до тѣхъ поръ, пока эти стремленія не идутъ въ разрѣзъ съ его религіозными мнѣніями. Пройдя школу отрицанія, онъ сталъ болѣе консервативнымъ тамъ, гдѣ отрицаніе стремилось поколебать его завѣтныя убѣжденія. Такимъ образомъ и въ этой сферѣ, и въ личной дѣятельности Максима Грека мы найдемъ много сходнаго между явленіями и дѣятелями общественной жизни XVI вѣка въ Россіи и на Западѣ.

Авторъ.

16 апрѣля
1915 г.

Списавыи трудолюбно стую книгу сию дшепо
лезную старецъ Максим грекъ стыя горы. апо
стриженіе его по стои горѣ
пмонасты ри пречтыя бца
марица емы и Ватопедъ,
и добрѣ потрудился
списка стую сию книгу,
вдано здаемѹ бгъ въ
прокпу труда его и пре
чтаа бцамъ здѹ пъ
црпии ноб нгъ, амин.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Вызовъ книжнаго переводчика въ Москву при вел. кн. Василіѣ Ивановичѣ.—Взглядъ на состояніе книжнаго дѣла въ древней Руси.—Порча книгъ и попытки ихъ исправленія.—Роль переводчика при Василіѣ III.—Отношеніе вызова его къ порчѣ книгъ жидовствующими.

I.

15 марта 1515 г. вел. кн. Василій отправилъ грамоту къ проту Аѳонской горы Симеону и собору 18 (большихъ) монастырей, съ просьбой—прислать вмѣстѣ съ посланными, Василіемъ Копыломъ и Ив. Варавинымъ, Ватопедскаго монастыря старца Савву, книжнаго переводчика, обѣщавъ наградить его и въ скоромъ времени отпустить обратно. [1]).

Значеніе настоящей грамоты ясно; но она показываетъ, что въ то время не нашлось въ Москвѣ лица, способнаго для подобнаго предпріятія. Такое положеніе въ значительной степени объясняется состояніемъ книжнаго дѣла въ Московской Руси.

Остановимся нѣсколько на этомъ вопросѣ.

Начало книжности (въ древнихъ памятникахъ этимъ словомъ опредѣляется характеръ тогдашней письменности) на Руси тѣсно связано съ введеніемъ христіанства. На эту связь указываетъ древній лѣтописецъ, говоря о дѣятельности Владиміра св. и Ярослава I. [2]). Настоятельная потребность, по введеніи христіанства, заключалась въ училищахъ и книгахъ, а потому въ этомъ дѣлѣ столь близкое участіе принимаютъ свѣтская и духовная власти. Лѣтопись говоритъ объ учрежденіи училищъ Владиміромъ по городамъ (вѣроятно при епископскихъ

---

[1]) Временникъ Общ. исторіи и древн. россійскихъ, кн. V; ср. Акты историч., I, № 123; о той же грамотѣ упоминаетъ Максимъ Грекъ въ Исповѣд. прав. вѣры. (Соч., т. I, стр. 37).

[2]) Полн. собр. рус. лѣт., I, 51, 65, отд. изд. 3-е, сс. 148—149.

каѳедрахъ); Ярославъ I учреждаетъ училище въ Новгородѣ для 300 дѣтей старостъ и поповъ. Онъ собираетъ многочисленныхъ писцовъ въ Кіевъ и поручаетъ имъ переводъ книгъ съ греческаго языка. [1]). Въ половинѣ XI в. упоминается училище въ Курскѣ. [2]). Основаніе Анной (Янкой) Всеволодовной женскаго Андреевскаго монастыря въ Кіевѣ и кн. Евфросиніей—въ Полоцкѣ (полов. XII в.) и путешествіе ихъ въ Константинополь и Іерусалимъ [3]) свидѣтельствуютъ объ ихъ книжныхъ интересахъ и вѣроятномъ учрежденіи училищъ при основанныхъ ими монастыряхъ. Вотъ почему въ полов. XII в. возможно было такое явленіе, какъ кружокъ любителей греческой письменности въ лицѣ Климента Смолятича и свящ. Ѳомы [4]).

Уже м. кіевскій Иларіонъ могъ обращаться съ своимъ словомъ „къ насытившимся съ избыткомъ книжною сладостью“, [5]). А въ послѣдней четверти XII в. является и такой писатель, какъ Кириллъ Туровскій, обильный своими произведеніями, съ несомнѣннымъ ораторскимъ талантомъ и знакомствомъ съ церковной литературой Византіи, высоко ставившій „книжный разумъ“. [6]). Памятниками любви къ книжному дѣлу Святослава Яр. мы имѣемъ два обширныхъ сборника (Изборники). [7]). Другой черниговскій князь, Николай Святоша, собиралъ книги, тратилъ на нихъ свою казну и просилъ переводить ихъ для себя съ греческаго монаха Ѳеодосія и въ полов. XIII в. Симонъ, еп. владимірскій, свидѣтельствуетъ, что собраніе его книгъ („книги многы“) сохранялось еще въ Печерскомъ мон. [8]). Ѳеодосій Печерскій покровительствовалъ книжному дѣлу: на обязанности монаховъ лежали списываніе и переплетъ книгъ. [9]). Отъ монаховъ онъ требовалъ быть усерд-

---

[1]) П. С. Р. лѣт., I, 65—66. Къ этой школѣ, вѣроятно, принадлежалъ и Лука Жидята.

[2]) Полн. собр. рус. лѣт., I, 88; II, 277, 289; VII, ч. V, 149; Лаврент. лѣт. 3-е изд., 201—202; Житіе Ѳеодосія.

[3]) Степенная книга, I, 264—282; ср. Оп. рус. исторіографіи, II, 1703.

[4]) Литературу этого вопроса и относящіяся сюда мнѣнія см. въ нашей исторіографіи, т. II, стр. 511—517. Другіе допускаютъ хотя бы въ ограниченномъ видѣ (Е. Голубинскій, О такъ наз. схедографіи, Изв. Ак. Наукъ, 1904 II, 49—59).

[5]) Твор. св. отц. Прибавл., II, 1844; с. 225—258.

[6]) Голубинскій, Исторія рус. церкви, I, 656—670.

[7]) Изданія Общ. древн. письм. и Моск. Общ. исторіи.

[8]) Памятн. XII в., изд. В. Яковлевымъ, стр. ci; Патерикъ Кіево-Печер. мон. Изд. Арх. к., Спб. 1911 г.

[9]) Жит. Ѳеодосія Печерскаго. Въ Печерскомъ мон. славился списываніемъ книгъ мон. Иларіонъ, писавшій день и ночь; вел. Никонъ переплеталъ ихъ, а самъ Ѳеодосій въ это время прялъ для нихъ волну и пѣлъ Псалтирь (Памятн. XII вѣка, стр. xxxii, xxix); Полн. собр. лѣт., I, 79.

ными къ церковному пѣнію, преданіямъ отеческимъ и почитанію книжному. Традиція эта перешла и въ предѣлы сѣверной Руси. Въ первой половинѣ XIII в. (1216—1229) ростовскій еп. Кириллъ славился своимъ богатствомъ (кунами, селами и всякимъ товаромъ) и книгами. Въ житіи Стефана Пермскаго сообщается, что онъ потому избралъ для своихъ подвиговъ одинъ изъ ростовскихъ (Григорія Богосл.) мон., что тамъ было много книгъ [1]). Въ ц. Богородицы при еп. Кириллѣ (1231—1262) лѣвый клиросъ пѣлъ погречески, а правый порусски и Стефанъ Пермскій выучился здѣсь греческой грамотѣ [2]). Сергій Радонежскій особенно любилъ инока Аѳанасія за то, что онъ былъ разуменъ въ божественныхъ писаніяхъ, отъ котораго сохранилось много книгъ его „добро-писанія“ [3]). Лѣтописи и другія современныя свидѣтельства говорятъ намъ о многихъ князьяхъ и духовныхъ лицахъ, которыя славились своею книжностью и почитаніемъ божественныхъ книгъ, какъ семья Ярослава I, [4]) Владиміръ Васильковичъ волынскій, [5]) Евфросинія Полоцкая, [6]) Ростиславъ Мстиславичъ смоленскій, [7]) Константинъ Всеволодовичъ ростовскій [8]) и др., или епископы владимірскіе: Симонъ, [9]) Пахомій [10]) и Серапіонъ, [11]) вышедшіе изъ Печерскаго мон., м. Кириллъ II, [12]) Симеонъ еп. тверской, изъ князей полоцкихъ, [13]) инокъ печерскій Никита, знавшій наизусть Ветхій и Новый завѣты [14]).

Представители монашества, основатели монастырей сами служили примѣромъ любви къ книгамъ. Авраамій Смоленскій любилъ выбирать

---

[1]) Полн. собр. рус. лѣт., I, 192;

[2]) Филаретъ, Ист. рус. цер., II, 40; Ж. Стефана Пермскаго, изд. Арх. ком., Спб. 1897, стр. 5.

[3]) Правосл. Соб. 1862, № 2, с. 152.

[4]) Опытъ рус. историогр., II, 181—184.

[5]) П. С. Р. лѣт., II, 218 („книжникъ великій и философъ, акого же не бысть во всей земли и ни по немъ не будетъ“), съ упоминаніемъ о книгахъ, которыя онъ самъ списалъ (222—223).

[6]) Степен. книга, I, 261—282; Пам. стар. литер., IV: „Начевше книги писати своими руками“.

[7]) П. С. Р. лѣт., II, 195.

[8]) П. С. Р. Лѣт. I, 188: „всѣхъ умудряя тѣлесными и *духовными бесѣдами; часто бо чтяше книги* съ прилежаніемъ *и творяше все по писанному*“.

[9]) Онъ хвалился Поликарпу, что „можетъ сказать ему полезная отъ всѣхъ книгъ“ (Памятн. XII вѣка, cxxviii).

[10]) П. С. Р. лѣт. I, 188; VII, 124; Лавр. лѣт. 417.

[11]) „Зѣло учителенъ и силенъ въ божественномъ писаніи“ (Полн. собр. рус. лѣт., VII, 173).

[12]) Ibid. I, 190 („философъ велій, учителенъ зѣло и хитръ ученію божественныхъ книгъ“).

[13]) Татищевъ, IV, 70.

[14]) Памятн. XII вѣка, cxxviii.

все изъ всѣхъ книгъ и списывалъ самъ или посредствомъ многихъ писцовъ [1]); Стефанъ Пермскій написалъ многія книги своею рукой и онѣ сохранялись долго въ его обители [2]); Кириллъ Бѣлозерскій занимался списываніемъ и заповѣдалъ своимъ ученикамъ ничего не держать въ келліяхъ, кромѣ книгъ [3]). Въ числѣ келейныхъ занятій Іосифа Волоцкаго было списываніе книгъ; его преемникъ, игум. Даніилъ (впослѣдствіи митрополитъ) много содѣйствовалъ своимъ участіемъ образованію монастырской библіотеки, а инокъ Герасимъ Черный постоянно занимался списываніемъ книгъ [4]). Старецъ нижегород. Печерскаго мон. Павелъ Высокій (†1382), по отзыву лѣтописца, былъ „великій философъ", славился „многими разсудными бесѣдами", написалъ много „книгъ учительныхъ" (вѣроятно писемъ, грамотъ, которыя также назывались книгами) и разсылалъ ихъ епископамъ [5]). Въ Вел. Новгородѣ, пользовавшемся вначалѣ кіевскими писцами и книгами, благодаря покровительству князей и епископовъ, впослѣдствіи возникла своя школа письма и, вслѣдствіе болѣе благопріятныхъ политическихъ условій, наибольшее число сохранившихся рукописей приходится на долю Новгорода [6]). Въ особенности широкою дѣятельностью въ этомъ отношеніи отличались два архіепископа—Моисей (1325—1359) и Алексѣй (1359—1389).

Принимая во вниманіе отзывы лѣтописей и житій о любви князей и епископовъ къ книжному ученію, Татищевъ значительно расширилъ извѣстія о существованіи въ древнѣйшій періодъ многихъ училищъ (при монастыряхъ въ княж. Ярослава Владиміровича, съ опредѣленіемъ на нихъ монастырскихъ доходовъ) съ греческимъ и латинскимъ языками (въ Смоленскѣ при Романѣ Рост., о Ефремѣ, учившемъ

---

[1]) Правосл. Собесѣд. 1858, № 6, с. 148.

[2]) Филаретъ, Обз. литер., 84 (по Прологу).

[3]) Правосл. Собесѣд. 1858, № 7, с. 253. Монахъ Кирил. мон. Гурій Тушинъ переписалъ два обширныхъ сборника житій „Нилова потруженія" (Изв. Ак. Наукъ по II отд. 1897, I, 78—80).

[4]) Житіе Іосифа Волоцкаго, составленное неизвѣстнымъ, изд. К. И. Невоструевымъ, М. 1865, стр. 45: „бяше бо книги пиша, его же трудодѣліе мниси въ церкви донынѣ яко богатство нѣкое хранящe имѣютъ". Онъ же сообщаетъ о школѣ, въ которой училось много молодыхъ монаховъ.

[5]) Никонов. лѣт., IV, 141; ср. Филаретъ. Обз. рус. дух. лит., 82—83.

[6]) Н. В. Волковъ, Статистич. свѣд. о сохранивш. древнерусскихъ книгахъ XI—XIV вв. Спб. 1897.

Число дошедшихъ до насъ рукописей, вслѣдствіе новыхъ разысканій значительно расширилось: такъ у Срезневскаго за тотъ же періодъ показано - 300; А. И. Соболевскій (Лекціи по ист. рус. яз., изд. 1888 и 1891) насчитывалъ 433; Волковъ—691.

греч. яз. въ Новгородѣ [1]), объ училищахъ во Владимірѣ волынскомъ, въ Галичѣ, и библіотекъ даже съ большимъ количествомъ греческихъ книгъ (напр. во Владимірѣ при церкви св. Михаила училище съ греч. учителями и библіотекой; болѣе 1000 греч. книгъ у Константина Всеволодовича [2]).

Благодаря подобной заботливости о книгахъ въ монастыряхъ, при нихъ возникають библіотеки, изъ которыхъ были особенно замѣчательны на сѣверѣ Россіи: Троицко-Сергіевская, Кирилло-Бѣлозерская, Ростовская, Чудовская (въ Москвѣ), Волоколамская, Соловецкая; менѣе значительныя; въ мон. Троицкомъ-Павловскомъ и Корниліевомъ—вологодскихъ; Саввино-Староже̂вскомъ, Пафнутьевомъ-Боровскомъ и др. [3]). Соловецкая библіотека своимъ возникновеніемъ обязана священно-иноку Досиоею, который на собираніе книгъ посвятилъ всю свою жизнь. Проживая случайно въ Новгородѣ, онъ пріискивалъ писцовъ и оттуда посылалъ книги [4]).

II.

Въ распространеніи книгъ въ Россіи важное мѣсто занимаютъ: Грецiя, Болгарія и Сербія. Ихъ участіе въ этомъ дѣлѣ объясняется религіознымъ общеніемъ, а послѣднихъ двухъ, кромѣ того, употребленіемъ общаго церковнаго языка. [5]). Въ Греціи было собственно два мѣста, гдѣ переводились и переписывались для Россіи книги—Константинополь и Аѳонъ. Первымъ переводомъ съ греческаго, который сдѣлали греки еще для Владиміра, было—Исповѣданіе вѣры Михаила Синкелла; а что этотъ переводъ дѣло грековъ—можно заключать по языку перевода [6]). Несторъ въ житіи Ѳеодосія говоритъ, что онъ

---

[1]) Въ лѣт. Новгород. сказано только „иже нынѣ учаше"; но Татищевъ прибавляетъ: „греческому языку".

[2]) Татищевъ, Ист. Рос. II, 105, 138, 144, 181, 280; III, 220, 238—239, 416 и 446, пр. 601—602. Показанія Татищева принимаютъ: Бутковъ (Обор. лѣт. Нест., 165); Соловьевъ (Ист. Рос., III, 88—89; IV, 272); Н. А. Лавровскій (О древн. рус. училищахъ, Харьк. 1854, с. 19—50); М. И. Сухомлиновъ, О языкозн. въ древн. Рос. (Уч. Зап. Ак. Н. по II отд., I, 216—229). См. наше замѣчаніе (Оп. рус. историогр., II, 1433—1434).

[3]) Правосл. Собесѣд. 1858, № 4, с. 503 и др. Подробнѣе см. нашъ Оп. рус. историогр., I, 731—749; II, 1120—1126. (здѣсь и дальнѣйшая ихъ судьба).

[4]) Правосл. Собес. 1859, № 1 (Соловец. библ., 31). Подробное описаніе рукописей, поступившихъ въ Казан. дух. акад., составл. Порфирьевымъ, 3 вып. Каз. 1881—1898.

[5]) Мы не касаемся особенностей (Соболевскій, Славяно-русская палеографія, 79, 85—88, 94—95).

[6]) Сухомлиновъ, О древн. Рус. лѣт. Уч. Зап. Ак. Н., отд. II, кн. III, 65—68.

посылалъ одного изъ братіи въ Константинополь къ Ефрему скопцу, чтобы тотъ, списавъ весь уставъ Студійскаго монастыря, прислалъ ему. Получивъ его, Ѳеодосій велѣлъ прочитать уставъ передъ братіею, и съ того времени началъ устраивать все въ своемъ монастырѣ по уставу мон. Студійскаго [1]). Лѣтопись же сообщаетъ, что этотъ уставъ принесенъ инокомъ Михаиломъ. Оба извѣстія легко примиряются. Повидимому черезъ Константинополь въ Россіи получены были Еллин. лѣт. и Толковая Палея [2]). Въ XIV в. Стефанъ новгородецъ въ Студійскомъ мон. нашелъ своихъ новгородцевъ Ивана и Добрилу, которые жили тамъ, „списывая книги священнаго писанія, такъ какъ они весьма были искусны въ книжномъ дѣлѣ; отсюда же посылали въ Русь *много книгъ*: уставъ, тріоди и другія книги“ [3]). Митр. Кипріанъ принесъ оттуда „Синодикъ правый“. Въ Константинополѣ переведены соч. Іосифа Евреина „Плѣны Іерусалима“, пис. въ 1399 г. Іоанномъ старцемъ; Четвероевангеліе 1383 г., Діоптра ин. Филиппа, пис. въ 1388 г. киръ Зиновіемъ (въ мон. Иперевлетѣ—Чудовъ); сборн. житій и поученій, 1392 г., напис. въ мон. Іоанна Предтечи, по заказу Аѳанасія, игумена Высоцкаго мон.; Око церковное (Іерус. уставъ), пис. въ 1401 г. въ томъ же мон. Иперевлетѣ, грѣшнымъ Аѳанасіемъ; слова Исаака Сирина, 1420 г., пис. тамъ же для волынскаго епископа Герасима, писцомъ Тимоѳеемъ; Лѣствица Іоанна, пис. тамъ же въ 1421 г., Евсевіемъ—Ефремомъ; Четьи-Минеи 1420 г., пис. для игумена Сергіева мон. Зиновія, и какъ полагаютъ, „сборникъ“, заключающій въ себѣ Паралипоменонъ І. Зонара, и нѣсколько списковъ болгарскихъ и сербскихъ переводовъ, пис. около полов. XV в. и др., большею частью хранящихся въ библіотекѣ Троицкой лавры, находившейся въ особенно частыхъ сношеніяхъ съ русской колоніей, жившей въ Константинополѣ [4]).

Не менѣе важнымъ пунктомъ для Россіи въ снабженіи ея книгами служила Аѳонская гора, гдѣ еще съ XII в. были русскій и сербскій

[1]) Житіе Ѳеодосія въ Уч. Зап. Ак. Н., II отд., вып. II, 148, (также въ Чтен. Общ. исторіи и древн. и въ изд. В. Яковлева).

[2]) Соболевскій, Перев. литер., ib. 32—34, 24—26.

[3]) Сказ. Рус. нар. Сахарова II, 53, 54. Нѣкоторые считаютъ это извѣстіе позднѣйшимъ (Соболевскій, Юж. слав. вліяніе, 11). Другіе вполнѣ принимаютъ (Срезневскій, Макарій, Филаретъ). Въ защиту писалъ Муретовъ (Богосл. Вѣстн. 1898 г. №№ 1, 2).

[4]) Опис. рукоп. Синод. библ. I, 221—227; Срезневскій, Древн. памятн., 52, 212, 250, 379; Опис. рукоп. Рум. музея, 516—517; Строевъ, Библ. Словарь, 11, 13, 400, 415; Акты историч. I, № 8; Макарій, IV, 270—271; Соболевскій, Перевод. литер. 6—10, 24—31; списокъ книгъ, писан. русскими въ Константинополѣ (см. приложеніе 2-е).

монастыри, а съ XIII и болгарскій. Въ спискѣ XII столѣтія монастырскаго имѣнія русскаго монастыря Ксилургу упоминаются русскія книги именно: апостолы, ирмологіи, синаксари, паремійки, миологи, Ефремъ (т. е. творенія Ефрема Сирина) и номоканоны [1]). На Аѳонѣ (XIV—XV в.) занимались списываніемъ книгъ русскіе монахи: Савва, игуменъ тверскаго Вишерскаго монастыря (онъ принесъ оттуда „Правила", которыми воспользовался для составленія своей Кормчей Вассіанъ Патрикѣевъ), Досиѳей, игуменъ печерскій (вынесъ „Правила св. горы"), Евсевій-Ефремъ русинъ (получилъ тамъ переводъ Постнич. слова Максима Исповѣдника), іеромон. Аѳанасій русинъ—купилъ и переписалъ нѣсколько рукописей; далѣе слѣдуютъ: Митрофанъ Бывальцевъ, Іона игуменъ угрѣшскій и Нилъ Сорскій [2]); кромѣ того, Исаія въ 1371 г. перевелъ съ греческаго на славянскій языкъ Діонисія Ареопагита съ толкованіями Максима Исповѣдника; Гавріилъ Хиландарскій (1412 г.)—толкованіе Олимпіодора на книгу Іова; Венедиктъ и Іаковъ (1426)—перевели бесѣды Іоанна Златоуста; Григорій Хиландарскій списалъ и исправилъ Паралипоменонъ Зонары, дополнивъ его изъ Г. Амартола (1408 г.). Въ 1397 г. въ Новгородѣ былъ списанъ Тактиконъ Никона Черногорца съ рукописи, привезенной съ Аѳона [3]). Твореніе Никона послужило потомъ источникомъ, откуда почерпали свои богословскія свѣдѣнія Нилъ Сорскій и Іосифъ Волоколамскій, ссылки которыхъ въ то время заставляли думать о богатствѣ русскихъ святоотеческихъ переводовъ.

Вліяніе Болгаріи въ книжномъ дѣлѣ началось весьма рано. Не касаясь извѣстій Татищева, указывающаго на весьма раннія сношенія [4]), Шафарикъ говоритъ: „Трудно угадать, когда и какими путями болгарскія книги въ первый разъ явились или чаще всего приходили на Русь. Полагаю, что уже въ войнахъ Святослава съ Болгарами 967 и 971—72 г.г., можетъ быть еще до кончины Ольги (969), нѣкоторыя изъ книгъ вывезены были вслѣдствіе опустошенія болгарскихъ сокровищницъ, храмовъ и библіотекъ, корыстолюбивыми, а съ тѣмъ вмѣстѣ

[1]) Прибавл. къ Твор. св. отц., годъ VI, кн. 1. О сношеніяхъ рус. мон. съ Аѳон. обит., 130; Чтен. Моск. Общ. ист. г. I, № 4, О Пантелеймон. мон., 12; Г. А. Ильинскій, Знач. Аѳона въ исторіи славян. письмен. (Ж. М. Н. Пр. 1908, № 11, 41).

[2]) Прав. Собес. 1859 г., № 12, 378. Христ. Чтеніе 1853, ч. II, Рус. иноки на Аѳонѣ (съ истор. русск. монастыря); Соболевскій, Переводн. литерат., 11, и примѣчаніе 4-ое.

[3]) Прибавл. къ Твор. св. отц., годъ VI, кн. I, 138, и Ж. М. Н. Пр. Указатель матеріаловъ отечеств. исторіи, Строева; Библіогр. Слов. его же, 45, 65—67, 119, 122. Паралипоменонъ напечатанъ въ Чт. Общ. ист. 1847, № 1.

[4]) Рос. ист., I, 38; II, 79.

расположенными къ христіанству воинами. Послѣ крещенія Владиміра (988), Русь не могла обойтись безъ книгъ болгарскихъ... По паденіи Болгарскаго царства (1018), когда въ это время княжилъ на Руси любитель книгъ Ярославъ (1019—1054), который по свидѣтельству лѣтописей, со всѣхъ сторонъ собиралъ книги, безъ сомнѣнія много пришло на Русь разными путями драгоцѣнныхъ болгарскихъ рукописей" [1]). Труды, совершенные подъ покровительствомъ царя Симеона и стараніемъ Іоанна экзарха болгарскаго, перешли и въ Россію. Самое священное писаніе на славянскомъ языкѣ, употреблявшееся уже у южныхъ славянъ, послужило лучшимъ средствомъ книжнаго общенія ихъ съ русскими. Сборники написанные для ц. Симеона, стали извѣстны у насъ съ 1073 г., съ именемъ кн. Святослава Яр. черниговскаго [2]). Въ дѣяніяхъ Владимірскаго собора 1274 г. митрополитъ Кириллъ жаловался уже, что до того времени церковныя правила были невразумительны по причинѣ греческаго языка, и съ радостью указываетъ на новый переводъ Кормчей присланный ему изъ Болгаріи [3]). Вліяніе болгаръ шло также съ Аѳона [4]). Въ другихъ случаяхъ (Типикъ, Синтагма Матѳея Властаря, житіе сербскихъ государей, списокъ Словъ Григорія Богослова 1479 г.) видно участіе сербовъ [5]). Впрочемъ многія славянскія рукописи доставлялись въ Россію и непосредственно изъ Константинополя, гдѣ жили славянскіе монахи. Появленіе въ Россіи (южной и сѣверной) такихъ литературныхъ дѣятелей, какъ мм. Кипріанъ и Григорій Цамблакъ, какъ іером. Аѳонской горы Пахомій Логоѳетъ должно было усилить приливъ южно-славянскихъ рукописей; но также завоеваніе Константинополя (1453) должно было содѣйствовать не только ослабленію этихъ сношеній съ послѣднимъ и Аѳономъ, но и съ южными славянами [6]).

Благодаря вліянію южныхъ славянъ, русская литература увеличилась почти вдвое и вновь полученныя богатства, отличаясь разно-

---

[1]) Шафарикъ: Расцвѣтъ Славянской письменности, въ Чтен. Моск. Общ. ист. и древн. рос., годъ III, № 7, стр. 58.

[2]) Срезневскій, Памятн. письма, 26—28.

[3]) О Кормчей, Калачова въ Чтен. Моск. Общ. ист., годъ III, № 3, с. 83; А. С. Павловъ, Первонач. рус. Номоканонъ, Каз. 1869, сс. 66, 80—81; Опытъ рус. историогр. II, 955 (литература).

[4]) Соболевскій, Переводн. литер., 11—12.

[5]) Ibid. с. 11.

[6]) Соболевскій, Переводн. литература, стр. 11—13, 33; Южно-слав. вліянія на русскую письменность въ XIV—XV вв. Спб. 1894. Русскіе свидѣтели паденія Константинополя составили описанія этого событія (Сказ. Нестора Искандера, изд. Общ. любит. древн. письмен. и Толстов. Хронографъ въ Изборн. Попова).

образіемъ, удовлетворяли болѣе широкимъ потребностямъ и давали болѣе обильный матеріалъ русскимъ авторамъ. Безъ этихъ матеріаловъ быть можетъ немыслимо было бы появленіе соч. Нила Сорскаго, своего Хронографа или Азбуковника съ его статьями по грамматикѣ и орѳографіи [1]). Наконецъ лучшимъ и очевиднымъ свидѣтельствомъ вліянія южныхъ славянъ въ книжномъ дѣлѣ служитъ многочисленность древнихъ нашихъ рукописей съ правописаніемъ чисто болгарскимъ, сербскимъ, или смѣшаннымъ съ русскимъ правописаніемъ [2]).

III.

Вслѣдствіе церковнаго назначенія книжности, составилось понятіе, что книгами должны заниматься исключительно духовные. Еще Кириллъ Туровскій въ своемъ „наказаньи“ писалъ: „не говорите: жену имѣю и дѣтей кормлю, и домъ строю, или князю служу, или власть держу, или занимаюсь ремесломъ, а потому *не наше дѣло занятіе книжное, но чернечское*“ [3]). Во второй половинѣ XIII вѣка митр. Кириллъ, въ „поученіи къ попамъ“, обличалъ тѣхъ, которые говорили, что не ихъ дѣло изучать священное писаніе [4]). А такъ какъ книжность заключалась въ одной церковной литературѣ, то подъ именемъ образованности стали понимать большее или меньшее знаніе священныхъ книгъ [5]). Такъ, Симонъ въ посланіи къ Поликарпу говоритъ: „знаешь ли, братъ, что я *благодатіею Божіею, могу отъ всѣхъ книгъ* сказать тебѣ полезное, но лучше мнѣ мало отъ многихъ въ томъ же блаженномъ и святомъ монастырѣ Печерскомъ совершившихся дѣлъ вспомянуть тебѣ“ [6]). О Симеонѣ епископѣ тверскомъ говорится: „былъ добродѣтеленъ и учителенъ и силенъ въ книгахъ *божественнаго писанія* [7]). Митр. Кириллъ, по словамъ лѣтописи, былъ „*философъ великій, учителенъ весьма и хитръ ученью божественныхъ* книгъ“ [8]). Серапіонъ—„*весьма учителенъ* и силенъ въ *божественномъ писаніи*“ [9]). О Владимірѣ Васильковичѣ Ипатьевская лѣтопись говоритъ: „Владиміръ

---

[1]) Соболевскій, Вліяніе, 16.

[2]) См. наприм. Опис. Рум. муз. №№ 28, 115, 116, 119, 120—130, 132, 134, 136—140, 195, 210, 273—275, 278, 279, 288, 307, 319, 328, 330, 346, 406, 438, 448; 85, 86, 133, 150, 196, 201, 356, 380, 402, 472.

[3]) Рукописи гр. Уварова, т. II, в. I, стр. 71.

[4]) Обз. дух. литер. Филарета, стр. 59; Твор. св. отц. 1843, 425—431.

[5]) Опытъ рус. историографіи, I, 219 и дал.

[6]) Изъ Патерика, л. 194. Лавровскій, О древн. рус. училищ. стр. 84.

[7]) Татищевъ, VI, 70.

[8]) Полн. собр. рус. лѣт. I, 190; Лавр. лѣт. (годъ 1276).

[9]) Ibid., VII, 172.

разумѣлъ притчи и темное слово *и бесѣдовалъ съ епископомъ много отъ книгъ*, такъ какъ былъ *книжникъ* великій и *философъ*, какого не было въ всей землѣ и послѣ него не будетъ" [1]). Съ именемъ книги соединялось обыкновенно понятіе о священной книгѣ. Такъ, Несторъ, говоря, что Ѳеодосій былъ отданъ родителями на ученіе „*божественныхъ книгъ*", прибавляетъ, что онъ вскорѣ изучилъ *всю грамоту* [2]). Онъ же въ лѣтописи, говоря о любви Ярослава къ книгамъ, прибавляетъ: „велика бываетъ польза отъ ученья книжнаго; *книгами наставляемся и учимся пути покаянія,...* кто часто чтетъ книги, тотъ бесѣдуетъ съ Богомъ и святыми мужами". Самая грамматика назначалась для того, чтобы знать какъ писать и читать „*каждую пословицу въ святыхъ книгахъ*" [3]). Поэтому, когда говорится „любилъ словеса книжныя", „мужъ хытрый книгамъ и ученью" и „философъ" и т. п., то слѣдуетъ понимать, что дѣло идетъ о священномъ писаніи, священной книгѣ, или толковомъ знаніи священнаго писанія. Съ понятіемъ книги было связано представленіе о толкованіи чего-то высшаго, выходящаго изъ круга обыденныхъ отношеній. Отсюда объясняется и то особенное уваженіе книжниковъ къ книгѣ, какое мы замѣчаемъ, какъ въ „почитаніи книжномъ", такъ и въ списываніи книгъ. Въ одномъ старинномъ русскомъ поученіи читаемъ: „Хорошо, братія, почитаніе книжное.... книги подобны глубинѣ моря, погружаясь въ которую выносятъ дорогой бисеръ" [4]); „книги, по словамъ древняго лѣтописца—это рѣки, напояющія вселенную, это исходища мудрости; въ книгахъ неисчетная глубина; ими въ печали утѣшаемся, онѣ узда воздержанію;... если поищешь въ книгахъ мудрости, то найдешь великую пользу для души своей" [5]). Въ рукописномъ Измарагдѣ Соловецкой библіотеки помѣщено четыре поученія о почитаніи книжномъ, надписанныя именами Григорія папы римскаго, апостола Павла, Іоанна Златоуста („како не лѣнитися чести книги") и Ефрема („како слушали книги" [6]). Между рукописями Румянцовскаго музея есть „слово о почитаніи книжномъ", начинающееся словами: „Добро есть брате почитаніе книжное" [7]). Самое обиліе наставленій и предписаній относительно „почитанія книжнаго" происходило изъ взгляда на него, какъ на сред-

---

[1]) Полн. собр. рус. лѣт., II, 218; Ипат. лѣт. (годъ 1288).

[2]) Житіе Ѳеодосія, въ разныхъ изданіяхъ.

[3]) Опис. рук. Румянц. муз., стр. 1.

[4]) Правосл. Собес., 1858, іюнь, 173.

[5]) Полн. Собр. рус. лѣт., I, 65—66; 2-е и 3-е изд. (годъ 1037).

[6]) Правосл. Собес., 1858, іюнь, 174, 176.

[7]) Опис. рукоп. Рум. муз., с. 231.

ство спасенія души: „Невозможно спастись, если не часто читать божественное писаніе“ [1]). Въ одномъ сборникѣ XV в. читаемъ: „Какъ корабль безъ кормчаго, вѣтромъ бурнымъ носимый, безвѣстное плаваніе совершаетъ и въ бѣдное пристанище приходитъ; такъ и душа безъ почитанія книжнаго, бурею помышленія злокозненнаго и волнами мятежа житія сего возмущаемая, не можетъ достигнуть пристанища“ [2]). Вотъ почему совѣтовалось: „если не умѣешь читать, то пристань туда, гдѣ можно слушать и пользоваться“, чтобы, „читая святыя книги, отгонять печали и тѣмъ искать пути спасенія“... Передъ Псалтирью, Евангеліемъ, Лѣствицей—помѣщались особыя правила для чтенія [3]). При такомъ почитаніи книги и уваженіи книжнаго чтенія, лѣтописцы и писатели житій вносили на страницы своихъ сказаній извѣстія о книжныхъ переводахъ и похвалы любителямъ чтенія. Въ одной лѣтописи занесенъ переводъ соч. Георгія Писида „Похвала Богу о сотвореніи вся твари [4]),—это поэма византійскаго писателя VII в.; въ другой (г. 1385) помѣщена запись о списаніи перевода нравственно-догматической поэмы Филиппа Пустынника—Діоптры (XI в.) [5]); еще въ одной лѣтописи [6]) записано извѣстіе о переводѣ Димитріемъ Герасимовымъ съ латинскаго Толковой Псалтири (1536 г.). Встрѣчаются извѣстія о составленіи житій. Мы упоминали уже о тѣхъ отзывахъ, какіе расточались любителямъ книжной мудрости. Жизнеописатель Авраамія Ростовскаго написалъ ему такое воззваніе: „радуйся отче, которымъ мы избавились отъ тьмы и свѣтъ познаемъ: ты взоралъ землю сердецъ невѣрныхъ людей св. крещеніемъ и *насѣялъ ее св. книгами* и поученіемъ божественныхъ словесъ“. [7])

Вслѣдствіе религіознаго взгляда на чтеніе, книга получила какъ бы догматическое значеніе. Въ одномъ словѣ встрѣчаемъ слѣдующую мысль: „если кто, *не имѣя книги*, мудрствуетъ, такой подобенъ оплоту, безъ подпоръ стоящему: если случится вѣтеръ, то падетъ, такъ и мудрый, а не книжникъ, если на него нахнетъ вѣтеръ грѣховный, то

[1]) Прав. Соб. 1862, февр., 138, 140.

[2]) Опис. рукоп. Синод. библ. Горскаго и Новоструева, II, 623.

[3]) Опис. рукоп. Синод. библ. I, №№ 3, 48, 51, 53.

[4]) Никонов. лѣтопись, III, с. 146 (подъ 1384 г.). Отсюда же заимствовалъ Татищевъ (Рос. ист., IV, 313; ср. П. С. Р. Л., VI, 116). Переводъ соч. Георгія Писида, изд. Общ. любит. древн. письмен. (о немъ см. Опытъ рус. исторіогр. I, 871, 1123, 1088, 1377, 1721).

[5]) Твер. лѣтоп., 135 (запись новгородская). См. Оп. рус. исторіогр. II, 516, 871, 1195.

[6]) Полн. собр. рус. лѣт., VI, 299, 301

[7]) Правосл. Собес., 1862 г., февраль, 151.

падетъ, не имѣя подпоры книжныхъ словесъ..., ибо глубока пропасть невѣдѣніе писанія, великое предательство спасенію—невѣдѣніе божественнаго закона. Оно родило ереси, оно произвело растлѣнную жизнь, оно небесное сдѣлало земнымъ". [1]) Книга стала синонимомъ мудрости. Такимъ образомъ, когда клирошане пришли къ Зиновію бесѣдовать о новомъ ученіи (Косого) и сознавались въ непонятности для нихъ священнаго писанія, то опирались при этомъ на то, что Косой учитъ „не отъ себя, но отъ книгъ", и потому называли его учителемъ, что онъ говорилъ *по книгамъ*, а не наизусть, какъ попы. [2]). Только подобный, догматическій взглядъ на значеніе книги могъ утвердить мнѣніе въ ея неизмѣняемости; отсюда понятны и то противодѣйствіе, какое встрѣтилъ впослѣдствіи Максимъ Грекъ, прикоснувшись *къ книгѣ*, и та привязанность *къ буквѣ*, которая такъ рѣзко выразилась у раскольниковъ. Отцы церкви (напр. Кириллъ) запрещали измѣнять не только смыслъ, „но реченіе и складъ", [3]) и преступить это запрещеніе значило, выражаясь словами Максима Грека, „подпасть грознѣйшимъ проклинаніямъ". [4]) А потому, когда онъ самъ прикоснулся къ буквѣ, то долженъ былъ встрѣтить съ одной стороны искреннее, а съ другой враждебное осужденіе въ средѣ книжниковъ. При недостаткѣ живаго авторитета, дающаго толкованіе, авторитетъ книги подавлялъ младенческіе умы читателей, наивно вѣрившихъ въ непогрѣшимость книжнаго слова и буквы.

Вотъ почему сторонники раскола во время Никона заявляли: „что ни у какого слова, ни у какой рѣчи ни убавить, ни прибавить ни единаго слова нельзя, и что православнымъ должно умирать *за единую букву азъ*". [5]). Таковъ бо уставъ обычая имѣемъ, если кто скажетъ, что ненаписано, то намъ подобаетъ помышлять, что то лжа есть", говоритъ одинъ изъ авторовъ житій. [6])

IV

Необходимость книгъ въ церковномъ обиходѣ, трудность пріобрѣтенія и списыванія ихъ, дѣлали и то и другое священнымъ, спаси-

[1]) Правосл. Собес., 1858 г., іюнь, 177.

[2]) Сочин. Зиновія: „Истины показаніе", напеч. въ Прав. Собес. 1683 и 1864 гг. см. янв., 12, февр., 42, 49 и отдѣльно.

[3]) Сочин. Максима Грека, I, 257.

[4]) Сочин. Максима Грека, I, 344.

[5]) Расколъ, Щапова, стр. 73.

[6]) Житіе Іакова Боровицкаго, по Рук. Царск., № 135 (И. Некрасовъ, Зарожд. націон. литер. въ сѣвер. Руси, стр. 1).

тельнымъ подвигомъ. Главными списывателями были монахи, въ силу того взгляда: „что какъ корабль безъ гвоздей не составляется, такъ инокъ безъ почитанія книжнаго". [1]) Такъ было еще въ Печерскомъ мон., и поддерживалось, по традиціи, въ другихъ монастыряхъ. Жизнеописатель Авраамія Смоленскаго говоритъ, что онъ имѣлъ обыкновеніе: „изъ всѣхъ книгъ выбирать и списывать или своею рукою, или посредствомъ писцовъ". [2]) Сергій Радонежскій со своими учениками, за неимѣніемъ хорошаго матеріала, писалъ на берестѣ, и особенно благоволилъ къ хорошимъ писцамъ. О новгородскомъ еп. Моисеѣ въ лѣтописи читаемъ: „хорошо пасъ стадо свое, поживъ въ цѣломудріи и, отыскавъ многихъ писцовъ, много книгъ списалъ". [3]) Другіе примѣры выдающейся любви къ книжному дѣлу мы привели выше. При такомъ уваженіи къ книжному труду, если списыватели не имѣли занятія, то говорили: „печаль одержитъ меня, если не пишу". [4]) По взгляду древне-русскихъ книжниковъ не писать—значило зарывать талантъ въ землю. Они обыкновенно выражались: „если я не пишу, то боюсь осужденія притчи того раба лѣниваго, скрывшаго талантъ и облѣнившагося"; или: „я грѣшный боюсь лѣниваго раба въ притчѣ, скрывшаго талантъ въ землю и прибыли имъ несотворившаго". [5]) Есть сказаніе о томъ, что Гурій (XVI в.), впослѣдствіи архіепископъ казанскій, находясь еще на службѣ у одного сильнаго лица, былъ брошенъ въ яму, куда клали ему черезъ три дня снопъ овса. Нѣкто изъ состраданія обѣщалъ ему приносить хлѣбъ; но Гурій отказался, выпросилъ только чернилъ и бумаги, писалъ книги, отдавалъ ихъ въ продажу, а деньги, вырученныя за нихъ, велѣлъ раздавать нищимъ. [6]) Понятно, что писцы смотрѣли на свое дѣло не иначе, какъ на трудъ „о Господѣ Богѣ", какъ на вдохновеніе свыше, а потому требовалось отъ пишущаго имѣть „страхъ Божій" [7]). Съ другой стороны, всякое отступленіе отъ подлинника и неправильность въ передачѣ его были тяжкимъ грѣхомъ. Когда митр. Даніилъ спрашивалъ Медоварцова: „зачѣмъ онъ въ одномъ мѣстѣ заглаживалъ отпустъ", то послѣдній, оправдываясь, говорилъ: „мнѣ, господинъ, Максимъ велѣлъ загладить, и я, господинъ, сталъ гладить, да загладилъ двѣ строки, и впередъ гладить

---

[1]) Правосл. Собес., 1862 г., февр., 148.

[2]) Прав. Соб., 1858 г., іюнь, 143.

[3]) Полн. собр. рус. лѣт., III, 128.

[4]) Правосл. Собес., 1862 г., февр., 173.

[5]) Прав. Соб., 1862 г., февр. 142; Опис. рукоп. Румянц. муз., 692.

[6]) Прав. Соб., 1862 г., февр., 139.

[7]) Опис. рук. Синод. библ., I, 224; Опис. рукоп. Рум. муз., 192.

усомнился. И я говорилъ Максиму, что не могу заглаживать, дрожь меня великая обняла и ужасъ на меня напалъ". [1]) Даже извѣстныя уклоненія въ правописаніи считались соблазномъ для вѣрныхъ. Такъ, въ одномъ сборникѣ, въ „Алфавитѣ, какъ какія рѣчи говорить или писать", предписывается строго соблюдать титла: „потому, что покрыто пишется, то свято", и затѣмъ, представляя своего рода порядокъ значенія словъ, составитель статьи замѣчаетъ: „какой больше грѣхъ можетъ быть, какъ не творить горькое сладкимъ и сладкое горькимъ, свѣтъ тьмою и тьму свѣтомъ, развращая читающихъ; *горе творящему то*, такъ какъ онъ дѣлаетъ соблазнъ душамъ" [2]). Поэтому мы постоянно встрѣчаемъ въ припискахъ древнихъ рукописей извиненія и просьбы писцовъ—исправлять ихъ недостатки, нерѣдко съ объясненіемъ причинъ послѣднихъ. Напримѣръ, одинъ изъ нихъ пишетъ: „если гдѣ я изгрубилъ, или въ тугѣ, или въ печали, или въ бесѣдѣ съ другомъ, а вы, Бога ради исправляя, чтите, ибо грѣхъ клясть труждающагося Бога ради" [3]). На Апостолѣ 1495 г., писанномъ дьякомъ, прибавлено: „если гдѣ, соблазнясь, криво написалъ или строку преступилъ въ своей грубости и въ молодомъ умѣ, то и вы, славяще Господа Бога..., отцы и братіе, имѣя разумъ великій въ сердцѣ своемъ, собою доправливайте, а мене худаго не уничижайте" [4]). „Молю вашу святость, говоритъ другой, отцы святые и братія, прочитывая сію святую книгу, и не сію только единую, но и въ прочихъ шестерыхъ книгахъ, въ которыхъ, было наше грубое потруженіе, если что неразуміемъ и нерадѣніемъ, или по винѣ прежнихъ многихъ переписчиковъ въ спискахъ изронено, о которыхъ я не возмогъ привести свидѣтельства или дойти самъ, то прощенія прошу, вы же, имущіе большій разумъ божественнаго писанія, сія исправляйте, да отъ Господа мзду пріимите" [5]) и т. п. А такъ какъ писецъ трудился въ переписываніи „себѣ на спасеніе и всѣмъ христіанамъ на утѣшеніе" [6]), то и просилъ ихъ въ своихъ припискахъ „молиться за него, поминать за трудъ" [7]). Религіозный взглядъ на книжное дѣло былъ господствующимъ во все время дѣятельности писцовъ, почему многіе изъ нихъ считали долгомъ передъ началомъ своего

---

[1]) Чтен. Моск. Общ. ист., 1847 г., № 7. Судное дѣло.

[2]) Лавровскій, О древн. рус. учил., 165, прим. 1.

[3]) Еванг. у Калайдовича, Іоаннъ екс. болг. и Опис. рукоп. Синод. библ. I, 216.

[4]) Опис. Рум. муз., № 9, стр. 13.

[5]) Опис. рукоп. Синод. б. II, 179. См. тоже I, 222; Рум. муз. №№ 46, 140—142, 138, 195; Опис. рук. Синод. библ., I, 233.

[6]) Еванг. 1270 г. у Калайд. Іоаннъ екс. болг., 32; Рум. муз., 172.

[7]) Опис. рук. Синод. библ., II, 179; Оп. рук. Рум. муз., 166, 194, 799.

труда обращаться за благословеніемъ къ духовнымъ лицамъ [1]); нѣкоторые испрашивали благословеніе при началѣ каждой статьи и даже заочно, и есть книги, въ которыхъ послѣ оглавленія статьи стоятъ выраженія: „благослови отче“, или „евлогисон патера“ [2]).

Списываніе книгъ зависѣло отъ потребности въ нихъ. Умноженіе монастырей и церквей вело за собою и увеличеніе этой потребности. Мы видѣли, что самыя извѣстныя лица въ древней Руси посвящали свои труды списыванію и собиранію книгъ, а что потребность въ нихъ была настоятельна—объ этомъ свидѣтельствуютъ убѣдительныя просьбы иноковъ и настоятелей—увеличить запасъ книгъ. [3]). Въ монастыряхъ потребность въ книгахъ могла быть удовлетворена легче, при большемъ количествѣ свободныхъ рукъ и при лучшемъ знаніи этого дѣла; церкви не имѣли такихъ преимуществъ, не говоря уже о частныхъ лицахъ, такъ какъ книги въ древней Руси служили преимущественно къ удовлетворенію религіозной потребности [4]). При недостаткѣ нерѣдко необходимыхъ книгъ въ церковномъ обиходѣ, снабженіе ими выражалось въ видѣ религіозныхъ вкладовъ, соединенныхъ съ большими пожертвованіями и заботами. Князья и частныя лица жертвовали книги въ монастыри и церкви, на помпнъ по душѣ, на молитвы о здравіи, и даже облагали при этомъ извѣстными обязанностями за свои вклады [5]).

Пожертвованія книгъ съ религіозною цѣлью имѣли важное значеніе для вкладчиковъ: съ существованіемъ книги соединялось самое поминовеніе, и потому они заботились, чтобы пожертвованныя книги оставались въ цѣлости; иногда на самой книгѣ можно встрѣтить перечисленіе разныхъ пожертвованныхъ вещей: этимъ какъ бы хотѣли напомнить о своей заботливости и побудить къ поминовенію за свое

[1]) Опис. рук. Рум. муз., 425, 711.

[2]) Прав. Собес., 1862 г., февр., 154.

[3]) Ibid.

[4]) Въ теченіи XI—XIV в. насчитывается до 90 монаст. и пустынь; въ XIV в. возникло вновь—80, въ первой половинѣ XV в.—70; въ XVI в. до 100, въ XVII в.—220. XIV и XV в. считаются цвѣтущею порою монашества. (Изслѣд. о культ. знач. Византіи, 119). Въ Новгородѣ до 1229 г. было построено 69 церквей, а между 1229—1462 г. не менѣе 150 (Соловьевъ, III, 34; IV, 231).

[5]) См. уставную грамоту Всеволода Мстиславича кн. новгор. въ Доп. къ ист. ак., I, стр. 3. Пожертв. Василія Иван. (Опис. рукоп. Синод. библ. I, 229); Іоанна Гроз. (Прав. Собес. 1859 г. янв., 37) и др. (стр. 36); особенно о Владимірѣ Васильк. въ Ипат. лѣт. (Полн. собр. рус. лѣт., II, 222, 223); о Досеоеѣ, Обз. дух. литер., 125. Образцы пожертвованій на помпнъ и съ обязательствомъ: Опис. рукоп. Синод. б. I, 1, 148 и 230; Опис. Рум. муз., 185, 186, 464 и др. описанія.

усердіе. А такъ какъ нерѣдко случались похищенія книгъ [1]), то отсюда понятны тѣ угрозы и проклятія, какія мы часто встрѣчаемъ въ приписках жертвователей въ родѣ слѣдующаго: „если кто сіе евангеліе унесетъ или украдетъ изъ церкви, да будетъ отлученъ отъ святой и животворящей Тройцы и будетъ проклятъ и недолголѣтенъ на землѣ“ [2]).

V.

Въ дѣлѣ списыванія книгъ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе—признаніе писцами трудности своего дѣла: они писали „съ великою нуждою“, почему мы часто встрѣчаемъ въ ихъ приписках выраженіе радости о концѣ труда. Они обыкновенно говорятъ: „какъ радуется женихъ о невѣстѣ, такъ радуется писецъ, видя послѣдній листъ,“ „радъ заяцъ, избѣжавшій тенетъ, а писарь радъ, добѣжавши послѣдней строки“ [3]). Употребленіе красиваго письма, соблюденіе всѣхъ строчныхъ и надстрочныхъ знаковъ, украшеніе заставокъ и начальныхъ буквъ перевитыми и расписанными изображеніями грифовъ, драконовъ, человѣческихъ фигуръ и т. п. [4]), покрытыхъ мѣстами ультрамариномъ [5]), то расписанныхъ киноварью и голубцомъ, то украшенныхъ золотомъ,—требовали съ ихъ стороны особенной заботливости и усердія [6]). Вотъ почему они такъ дорожили своимъ трудомъ; нерѣдко они записывали имена лицъ и событія, во время которыхъ писали [7]). На Апостолѣ 1307 г. находится приписка о княжескомъ междоусобіи, сходная съ однимъ выраженіемъ „Слова о полку Игоревѣ“: „сего же лѣта, сказано тамъ, бысть бой на русской земли, Михаилъ съ Юрьемъ о княженьe новгородское; при сихъ князехъ сѣяшется и ростяше усобицами; гыняше жизнь наша, въ князѣхъ которы и вѣци скоротишася человѣкомъ“ [8]). Списываніе книгъ требовало и много времени для совершенія труда, и лицъ, способныхъ къ нему, а между тѣмъ возраставшая потребность въ нихъ все увеличивалась, и, не смотря на книжные заказы, вклады и пожертвованія,—книгъ все-таки недоставало. Въ

---

[1]) Чтен. Моск. общ. ист., 1847 г., № 7. О святыхъ отцѣхъ, бывшихъ въ рустѣхъ монастырѣхъ, соч. Іос. Волокол., стр. 9.

[2]) Опис. рукоп. Синод. библ., I, 230, и подоб. примѣры; Опис. Рум. муз. стр. 185, 187, 188, 191, 196, 277; Покровскій, О приписках въ рукоп. Пр. Соб. 1897, №№ 7 и 8.

[3]) Опис. Рум. муз., 171, 189; Полн. собр. рус. лѣт. I, 29.

[4]) Опис. рук. Синод. библ. 1, 23, 27; Опис. Рум. муз. №№ 105, 113.

[5]) Опис. Рум. муз. стр. 176. 183; Опись книгъ степен. монаст. Чт. Моск. Общ. ист., годъ III. № 6.

[6]) Опис. Рум. муз., №№ 118, 120, 124.

[7]) Ibid., 312; Опис. рук. Синод. библ., I, 228, 296.

[8]) Ibid. I, 293.

XIV в. братія Спасоприлуцкой обители жаловалась Димитрію, ея основателю, на недостатокъ книгъ въ его монастырѣ [1]). Изъ посланія митр. Кипріана псковскому духовенству видно, что даже во Псковѣ не было церковнаго правила, и что Кипріанъ посылалъ туда службы Іоанна Златоуста и Василія Великаго, чинъ освященія 1-го августа, синодикъ, чинъ крещенія, обрученія и вѣнчанія. При этомъ онъ говоритъ: „А чего нынѣ не успѣли списать, что вамъ надобно, то хотимъ понемногу заставить списать, чтобы и то у васъ было" [2]) Въ числѣ книгъ, которыхъ не было подъ рукою у Геннадія, во время его борьбы съ еретиками, мы встрѣчаемъ: Пророчества, книги Бытія, Царствъ, Притчи, Іисуса Сирахова и Діонисія Ареопагита [3]).

Приводимые примѣры показываютъ, что потребность въ книгахъ была значительна и потому неудивительно, что списываніе книгъ рано обратилось въ выгодное ремесло. Постепенно болѣе трудный способъ писанія уставомъ замѣняется менѣе труднымъ—полууставомъ и затѣмъ является скоропись, которая наконецъ становится господствующею. Переходъ этотъ показываетъ, что скорость работы стала болѣе необходимою, вслѣдствіе большей потребности въ книгахъ. Для скорости работы писцы списывали книги вмѣстѣ. [4]) Конечно такой трудъ не могъ быть всегда одинаковаго достоинства. Самое списываніе стало особеннымъ занятіемъ нѣкоторыхъ лицъ. Такъ, одинъ изъ писцовъ говоритъ: „о человѣче, если съ трудолюбіемъ будешь прилежать къ божественному писанію, то три блага получишь: *первое—отъ своихъ трудовъ пропитаешься, второе—бѣса праздности прогонишь, третье—съ Богомъ бесѣдовать будешь*". [5]) Другой пишетъ: „не будемъ пренебрегать своимъ писаніемъ, друзья, чтобы три блага получить: *первое—съ ангелами будемъ бесѣдовать, второе—сами пользу получимъ третье— отъ своего труда хлѣбъ пріобрѣтемъ*" [6]). Стоглавый соборъ упоминаетъ о городскихъ писцахъ, какъ объ особенномъ разрядѣ людей. [7]) Конечно не всѣ собиратели и жертвователи книгъ могли добыть хорошихъ писцовъ, такъ какъ переписка обходилась весьма

---

[1]) Шевыревъ, Ист. рус. слов., III, 183.

[2]) Акты Истор., I, № 8.

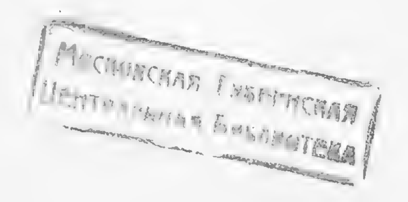
[3]) Посланіе Геннадія къ Іоасафу, Чтен. Моск. общ. ист. и древн., годъ III, № 8, с. 5.

[4]) Опис. рук. Синод. библ. №№ 23, 24; Шевыревъ, Ист. лит. III, 32; Опис. рук. Рум. муз., 291.

[5]) Прав. Собес., 1862 г., февр., 134, 166.

[6]) Тамъ-же.

[7]) Стоглавъ, гл. 25.



дорого: такъ, кн. Владиміръ Васильковичъ за одинъ молитвенникъ заплатилъ 8 гривенъ кунъ, [1]) т. е. болѣе 11 рублей серебромъ. Одинъ вкладчикъ, пожертвовавъ въ монастырь 23 книги, обязалъ при этомъ братію монастыря кормить и одѣвать его съ сыномъ. [2]) Послѣ этого естественно было ожидать, что дешевые писцы получатъ верхъ и будутъ заботиться о томъ, чтобы переписать какъ можно больше книгъ, а не какъ можно лучше. Правда, и въ XVI вѣкѣ мы встрѣчаемъ извиненія въ недостаткахъ труда, но тутъ же писецъ прибавляетъ, что онъ „грубъ и невѣжа, писанія книжнаго не научился“, [3]) и такихъ добавленій можно встрѣтить весьма много въ различныхъ рукописяхъ. И такъ въ самомъ ходѣ книжнаго дѣла заключались уже причины его недостатковъ, а именно трудность дѣла и отсутствіе подготовленныхъ къ тому лицъ. Дѣйствительно, и Максимъ Грекъ, и Стоглавъ въ порчѣ книгъ обвиняютъ писцовъ.

Но не одни писцы были виновны въ этомъ. Максимъ Грекъ рядомъ съ писцами винитъ и „старыхъ“ переводчиковъ. Изъ представленныхъ выше данныхъ видно, что греки и южные славяне имѣли большое значеніе въ распространеніи книгъ въ древней Руси, что въ то время какъ и въ самой Россіи шло переводное дѣло „отъ грекъ на словѣнское письмо“—дѣлались переводы и въ Греціи, и у южныхъ славянъ.

И переводчики, подобно писцамъ, сознавали трудность своего дѣла. Такъ, Исаія, монахъ Аѳонской горы, переводчикъ Діонисія Ареопагита, въ своемъ предисловіи писалъ: „Такъ какъ многіе и за много лѣтъ до насъ были въ славянскомъ народѣ переводчики, перелагавшіе св. писаніе съ многотруднаго, весьма изящнаго и скупаго еллинскаго языка на нашъ языкъ, имена которыхъ не человѣкамъ

[1]) Ипат. лѣт., II, 223. 7 гривенъ кунъ=10 руб. сер. (Карамзинъ, III, прим. 335).

[2]) Опис. рукоп. Рум. муз., 464.—Въ половинѣ XIV в. переписка напрестольн. Евангелія съ матеріаломъ (кожей), по записи на немъ, обошлась въ 92 р. 60 к., а съ переплетомъ до 100 р. на наши деньги (Срезневскій, Свѣд. о малоизвѣстн. памятн., Сборн. Ак. Н., I, 91—96). Вообще, о цѣнахъ книгъ см. Опытъ рус. историогр., I, 98—99, прим.; Матеріалы для исторіи цѣнъ на книги въ древней Руси (XVI—XVIII в.). В. Адріановой, изд. Общ. люб. древн. письм. Спб. 1912. А о перепискѣ книгъ, о писцахъ, записяхъ, торговлѣ книгами и пр. въ ст. А. Н. Лебедева, Надписи на старин. книгахъ (Книговѣдѣніе. 1896, №№ 1—2), а также Срезневскій, Древн. книги; Н. Волковъ (Ж. М. Н. Пр., 1897, № 11) и др.; Соболевскій, Палеогр. 23; М. Орловъ—о переписчикахъ (Чт. люб. дух. просв. 1873. № 4); К. Никольскій (Бѣлозерскій мон., 2 т.).

[3]) Опис. рукоп. Рум. муз. стр. 12. Какъ писались книги на Западѣ см. А. И. Кирпичниковъ, Очеркъ ист. книги, Спб. 1888.

только извѣстны, но и въ книгахъ живыхъ Богомъ написаны, то къ вечеру солнечнаго захода, назову седмиричнаго вѣка, и къ концу моей жизни и мнѣ случилось научиться нѣсколько (мало) греческаго языка, настолько, насколько мнѣ пришлось уразумѣть краткость его и трудность перевода на нашъ языкъ. Греческій языкъ отъ Бога съ самаго начала художественъ и богатъ былъ и отъ различныхъ мудрыхъ людей украшенъ. И нашъ славянскій языкъ отъ Бога хорошо устроенъ былъ, ибо все, что сотворено Богомъ, весьма добро есть, но не удостоился такого богатства отъ любочестныхъ мужей, и хотя я нѣсколько навыкъ въ томъ (греческомъ) языкѣ, однако не хотѣлъ касаться трудовъ тѣхъ, которые свѣдущи болѣе меня; но преосв. митрополитомъ города Сира киръ Ѳеодосіемъ былъ понужденъ на переводное дѣло" [1]).

Понятно, что многіе изъ переводчиковъ брались за дѣло, успѣвъ лишь „*навыкнуть мало* греческаго языка". Еще въ XIII в. митр. Кириллъ говорилъ, что церковные безпорядки произошли „отъ неразумныхъ правилъ церковныхъ", которыя были „помрачены прежде него облакомъ мудрости еллинскаго языка", и онъ съ удовольствіемъ указывалъ на новый переводъ, присланный ему изъ Болгаріи („нынѣ же облисташа, рекше истолкованы быша и благодатіею Божіею ясно сіяютъ, невѣдѣнія тьму отгоняще". [2]) Подобная порча текстовъ отмѣчается и въ рукописяхъ древнихъ писателей. Извѣстный дѣятель эпохи возрожденія Виссаріонъ никейскій объяснялъ самъ ихъ такъ: „Манускрипты искажаются обыкновенно трояко: или вслѣдствіе прибавки, или вслѣдствіе измѣненія, или вслѣдствіе выпуска. Первый видъ искаженія имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, когда переписчикъ прибавляетъ что нибудь или на основаніи параллельныхъ мѣстъ, или прямо изъ собственной головы, на основаніи личныхъ, но ошибочныхъ соображеній. Второй видъ искаженія бываетъ тогда, когда измѣняются переданныя слова или по какимъ либо соображеніямъ, или вслѣдствіе простой ошибки писца, написавшаго вмѣсто одного другое, отличное по значенію, но близкое по звукамъ и начертанію слово. Третій видъ искаженія происходитъ оттого, что въ текстѣ выпускается что нибудь не существенно важное для смысла" и т. д. (съ примѣрами). [3]) Обращаясь къ нашему вопросу, замѣтимъ, что:

---

[1]) Опис. рукоп. Рум. музея, 3, 161.

[2]) Рус. Достопам., I, 107.

[3]) А. Садовъ, Виссаріонъ Никейскій, Спб. 1883, стр. 249—252.

а) переводчикъ въ греческомъ кодексѣ часто принималъ одно чтеніе вмѣсто другаго и потому придавалъ иной смыслъ рѣчи [1]). в) Иногда неточность перевода зависѣла отъ простаго недоразумѣнія переводчика [2]). с) Иногда переводчика затрудняла двусмысленность слова, и потому онъ давалъ неправильное толкованіе рѣчи [3]). с). Вслѣдствіе недостаточнаго знакомства переводчиковъ съ языкомъ, многія мѣста, даже нетрудныя, превратно понятыя, переводились темно и неточно [4]).

---

[1]) Напримѣръ, Исх. 21, 14: прибѣгнеть (убійца злонамѣренный) къ требнику—не поимется убити (ἀπὸ τȣ̃ θυσιαςηρὸȣ μȣ' λήφη αὐτόν)—отъ измѣненія μȣ̃ въ μή измѣненъ смыслъ закона; Числъ 19, 16: и вес иже аще присяжет. и лици отрочате струпиву (καὶ πᾶς, ὅς ἂν ἅφηται ἐπὶ πρόσωπον τπȣ̃εδίȣ τραυματίȣ) вмѣсто τȣ̃πεδίȣ—читано παιδίȣ; Бытія 3, 9: адаме гдѣ бѣ, вм. εἶ читано ἦς. Левитъ 12, 7: от вреда крови, вмѣсто πηγὴ взято πληγή. Суд. 14, 18: и рече им самсонъ аще не бысте принудили злыми прельщеніи уница моея то не бысте увѣдали гаданіа моего,—теперь читается: аще не бысте орали юницею моею (εἰ μὴ κατεδαμάσατέ μȣ̃ τὴν δάμαλιν). Навинъ 23, 7: и безаконіа ˜бъ их, надобно: имена; какъ видно вм. ὀνόματα читано ὀνομήματα; 22, 19: мѣните землю пріатіа господня, иж насельници тамо бо храм господень (οὗ κατασκηνοῖ ἐκεῖ ἡ σκηνὴ κυρίȣ)—переводчикъ вм. οὗ читалъ οἱ, а κατασκηνοῖ принялъ за существительное имя и для смысла еще прибавилъ частицу бо. Руѳь 4, 15: и въ прекормленіи граду твоему, слѣдуетъ: старости твоея, потому что здѣсь вм. τὴν πολίαν взято τὴν πόλιν

[2]) Напр. Нав. 3, 15: іерданъ же скончавшес до всего дна ему, слѣдуетъ: іорданъ же наполняшеся во вся краи своя (ὁ δὲ ἰορδάνης ἐπλήρου καθ ὅλην τὴν κρηπῖδα αὐτοῦ); 17, 21: и отвѣща ахарь—видѣхъ въ пленѣ перстень красенъ и добръ. Словомъ перстень переведено φιλὴν (подразумѣвается ςολὴν, что означаетъ извѣстный видъ одежды); 22, 11: подъ горою земля ханаоня. слѣдуетъ: на предѣлѣхъ (ἐφ ὁρίων); Суд. 11, 39: и сотвори еи ефтаи молбу его (εὐχὴν), здѣсь εὐχῆν значитъ обѣтъ; Руѳь 3. 9: да възложи пазуху (πτερίγιον) свою на рабу твою: слово πτερίγιον переводится Числъ 15, 38 – скута, или въ 1. Царс. 24, 5—воскриліе. До какого разнообразія доходилъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ переводъ одного и того же слова, можетъ служить примѣромъ слово οἰφὶ хлѣбная мѣра: въ Лев. 5, 11 написано съ греческаго уфія, Лев. 6, 20—полспудіе, Числъ 5, 15—спудъ, 28, 5—два спуда. Въ книгѣ Судей просто—четверть муки; въ книгѣ Руѳь (2 17) четверть съ двою спудъ.

[3]) Напр. въ Плачѣ Іереміи выраженіе: ἐξέβαλε ψήφῳ ὀδόντας μȣ̃ переведено: изя *числомъ* зявы моя вм. каменемъ, по обоюдности значенія слова ψῆφος.

[4]) Напр. I. Царс. 2, 27. 28: открыя открыю человѣкъ, иже есть надъ домомъ отца твоего. иже бѣ с нимъ въ земли егѵпетстѣи. рабъ дому фараоню (ἀποκαλυφθεὶς ἀπεκαλύφθην πρὸς οἶκον τȣ̃ πατρὸς σȣ̃, ὄντων αὐτῶν ἐν γῇ Αἰγίπτῳ δούλων τῷ οἴκῳ Φαραῷ); 3. 2. 3. 5 ἐκάθευδεν (*спалъ*) переведено *сѣдяше* вслѣдствіе смѣшенія καθεύδω съ κάθημαι; 13: оправдаю азъ на дом его: ἐκδικῶ —слѣдуетъ отомщу: 4 Царс. 27: и бысть мятежь въ Израили: μετάμελος μεγας—раскаяніе велико. Другимъ словамъ дается значеніе наудачу, по произвольной формаціи; 4 Царс. 13, 20: еще живу сущу Моаву и пріидоша в землю (καὶ μονόζωνοι μωὰβ—отборные моавитяне); Ὑπερῶμια (часть тѣла выше

е) Желая иногда сдѣлать смыслъ болѣе яснымъ переводчики вставляли лишнія слова, [1]) или, не хорошо понимая текстъ, оставляли греческія слова не переведенными, или опускали ихъ совсѣмъ [2]).

Отсюда видно, что несовершенство переводовъ имѣло не малое вліяніе на порчу книгъ при перепискѣ. Такъ, переводчики иногда ставили на поляхъ объясненія, а писцы потомъ вносили ихъ въ текстъ, и оттого выходило повтореніе одной и той же фразы только въ другихъ словахъ; вставки дѣлались совершенно не на мѣстѣ и состояли изъ цѣлыхъ главъ [3]). Иногда писецъ, желая исправить подобныя отступленія, выпускалъ то, что слѣдовало оставить, и оставлялъ то, что слѣдовало выпустить; отсюда произошло разнообразіе списковъ, которое сбивало и затрудняло даже лучшихъ писцовъ. Одинъ изъ нихъ пишетъ: „Бога ради святые отцы, прочитавшіе эту книгу, если кто найдетъ описку или недописку, по моему нерадѣнію и грубости ума, вы исправ-

---

пяечъ) 1 Цар. 10, 23 переведено: образъ (отъ ὁμοίος); περιποίεω—(сохраняю) 15, 3. 15—творю; ἀπερίτμητος безъ помощи и непокорный переведено (1 Цар. 14. 6. 31) необрѣзанный. Въ 3 Цар. 1, 33. 38. 45 εἰς τὴν Γιῶν (собств. имя) передается: на требникъ.—Опис. рук. Синод. библ. I. 18., 27. 28. 29. 81. 101. 34. 35. 36. и Опис. рукоп. Рум. муз. № 106.—Такая несостоятельность переводного дѣла привела къ порчѣ самыхъ текстовъ. Въ этомъ отношеніи переводчикъ, не стѣсняясь, распоряжался смысломъ текста: напримѣръ, 1 Цар. 10, 5: и ти проповѣдающе снитіе на тя духа господня (προφητένοντες καὶ ἐφαλεῖται ἐπὶ σε πνεῦμα—и снидетъ духъ); 54: на тѣлѣ его (σκηνώματι αὐτϐ—въ храминѣ); 3 Царс. 12. 16: что се ны раздѣлитъ Давидъ (τίς ἡμιν μερὶς ἐν Δαβὶδ—какая часть намъ въ Давидѣ?). Иногда переводчикъ дополнялъ текстъ своими объясненіями: 1 Цар. 12. 10: и поработахом валимом рекше каменем, тѣлищомъ и алсомъ рекше мѣдяным капищем; 2. Цар. 1, 24: на ризы ваша—*на украшеніе вам*; 11. 24: и устрѣлиша отъ отрокъ Царь *елико унииxъ бѣ* и т. п. Переводчикъ и намѣренно выпускалъ нѣкоторыя слова изъ текста. Такъ въ 4 Цар. опущены цѣлые стихи: 14. 15. 28; 15, 6. 11. 15. 21. 26. 31. 36; 16, 19. 20. 21; 17, 23. 25. 28. Въ книгахъ Іезикіиля и Іереміи встрѣчаются большія перестановки и пропуски.

[1]) Исх. 22, 2. 3. 8: аще ж въ подкопаніи застанется тать ти язвенъ умрет, нѣсть ему *сирѣч не вмѣнится кровь его убоя*. аще же взидет солнце нань. повиненъ есть *сирѣч тать крадыи да не умрет*.

[2]) 2. Цар. 18, 25: аксаносъ; 4 Цар. 9, 17 скопосъ; 4 Цар. 9, 14 акапувіа. Въ 1 Цар. 2. 4: не переведено χύτρα и οιφί.—Опис. рукоп. Синод. библ. I. 19. 36. 37. 38. 94; Рум. муз. № 31.

[3]) Такъ, въ Быт. 41, 43, на выраженіе ἐπὶ τὸ ἅρμα стоитъ два перевода: и всади на колесницу, и въ оружье второе его; Исх. 22, 12, аще украдется от него, но аще самъ украдетъ у него то есть да тяжитъ господину его (ἐὰν δὲ κλαπῇ παρ αὐτϐ ἀποτίσει τῷ κυρίῳ); а въ книгѣ Числъ 24 гл. между стихами 16 и 17 повторены стихи 5 и 6. Въ книгѣ Исхода стихи 35, 33—37, 5 читаются два раза, а37, 10—39, 2 совсѣмъ опущены—Опис. рукоп. Синод. библ. I. 19. 20, 68; 118, 203 и Рум. муз. 34, 173.

ляйте, потому что *это писано со многихъ списковъ*; а я желалъ, и хотѣлъ, и много старался, чтобы сіи божественныя и истинныя писанія безъ всякаго затрудненія послужили на пользу читателямъ“ [1]).

VI.

Кромѣ частныхъ измѣненій текста, въ нѣкоторыхъ спискахъ встрѣчаются опущенія и вставки большихъ размѣровъ. Въ Евангеліяхъ это объясняется существованіемъ такъ называемыхъ апракосовъ, или Евангелій, расположенныхъ по порядку церковныхъ чтеній. Въ такомъ случаѣ въ этихъ чтеніяхъ одно опускали, другое прибавляли, или соединяли сказанное въ разныхъ мѣстахъ, даже у разныхъ евангелистовъ. А такъ какъ эти списки были болѣе распространены, какъ употреблявшіеся въ церковномъ обиходѣ, то они и подвергались большимъ искаженіямъ писцовъ, которые въ своихъ исправленіяхъ часто руководствовались однимъ личнымъ взглядомъ или болѣе древними списками, также требовавшими исправленія. Полные списки дѣйствительно отличаются бо́льшимъ достоинствомъ. Вслѣдствіе представленныхъ причинъ, разнообразіе списковъ Евангелія въ XIV в. дошло до чрезвычайности [2]).

Не менѣе неблагопріятно отразилось на книжномъ дѣлѣ обиліе греческихъ, болгарскихъ и сербскихъ словъ, встрѣчающихся въ книгахъ. Нилъ Курлятевъ въ предисловіи къ переводу Псалтири, диктованному Максимомъ Грекомъ въ 1552 г., замѣчая объ учености послѣдняго, прибавляетъ: „А прежніе переводчики нашего языка хорошо незнали и они перевели одно погречески, другое пословенски, иное посербски, а иное поболгарски, что не въ состояніи были передать“ [3]). Поэтому одинъ писецъ, прося у читателя молитвъ, за себя прибавляетъ: „да и намъ (Богъ) въ полезная таковая вмѣнитъ и навершитъ ради недостаточнаго пониманія *старыхъ* иностранныхъ пословицъ“ [4]). Современникъ Максима Грека, Макарій, будучи еще новгородскимъ архіепископомъ, при составленіи Четьи-Миней, какъ самъ говоритъ, „многіе

---

[1]) Опис. рукоп. Рум. муз., стр. 146; Опис. рук. Синод. библ. I, 249—61, 300 и далѣе. Ср. еще: Какъ писались книги (Ист. книги Кирпичникова. 32—35); Характеръ и направленіе древне-рус. читателей и переписчиковъ книгъ. М. Орлова (Чт. любит. дух. пр. 1873. № 4); Волковъ и др.

[2]) Опис. рукоп. Синод. библ. I, 289. Количество разночтеній Евангелія опредѣляется до 50000 (Чт. общ. ист. 1896; I, 93, 103—104).

[3]) Царскаго. № 327. Сербскія рукописи, привозимыя въ Россію, очень затрудняли переписчиковъ (Соболевскій, Южно-славянское вліяніе, 14; Перевод. литер. 1—15).

[4]) Опис. Рум. муз., стр. 753.

труды и подвиги подъялъ при исправленіи иностранныхъ и древнихъ пословицъ, переводя ихъ на русскую рѣчь" [1]). Вслѣдствіе этого рано началась замѣна непонятныхъ словъ другими и составленіе „толкованій" ихъ. Такъ, еще писецъ Святослава, по его приказанію, перемѣнялъ нѣкоторыя рѣчи „многостропотныхъ книгъ" (Изборника), чтобы сдѣлать ихъ для него понятнѣе [2]). Митрополитъ Кипріанъ въ Псалтири замѣнялъ одни слова и выраженія другими, такъ такъ нѣкоторыя мѣста въ прежнемъ переводѣ казались неясными [3]). Поэтому составлялись „толкованія неудобопознаваемыхъ рѣчей" и „толкованія собственныхъ именъ, лицъ и предметовъ" [4]), принимая во вниманіе, что были и такіе, которые называли „кустодію пилатовой дѣвицей ключницей" [5]), а непонятныя слова „жидовскими" [6]). Съ другой стороны, сами писцы брались упрощать рѣчь, замѣняя древній текстъ русскими оборотами рѣчи или народными и областными выраженіями [7]).

Не смотря на заботы о распространеніи книжности, училища не принесли соотвѣтственныхъ успѣховъ. Это прежде всего произошло отъ того назначенія, какое придавали тогда книжности: она должна была служить церкви; книги были церковнаго характера; а мы видѣли, какъ рано образовался взглядъ, что книгами слѣдуетъ заниматься однимъ духовнымъ. Сами книжники говорили, что невѣжество хуже грѣха потому только, что грѣхъ, исправившись, можно загладить, а невѣжество ведетъ къ гибели *черезъ ереси* [8]). Съ увеличеніемъ потребности въ книгахъ, запросъ на книжныхъ людей увеличился, а между тѣмъ прежнихъ училищъ было недостаточно. Если князья и поддерживали ихъ денежными пособіями [9]), то это не могло дойти до большихъ размѣровъ, почему училища скоро должны были стать въ зависимость отъ частныхъ средствъ. Говорятъ, что Ярославъ галицкій опредѣлилъ на обученіе дѣтей монастырскіе доходы [10]); но на подобную мѣру должны были смо-

---

[1]) Обз. дух. литер., стр. 144; изд. 3-е, 150.

[2]) Іоаннъ екс. болгар., 103.

[3]) Ист. церк. Филарета, II, 42.

[4]) Опис. Рум. муз., 269, и Іоаннъ екс. болгар., прилож., № 13. Опис. рук. Синод. библ., II, 182.

[5]) Опис. Рум. муз., 717.

[6]) Архивъ историко-юридич. свѣдѣній Калачова, I, 28.

[7]) Опис. Рум. муз. №№ 23, 104, 105, 109, 113. О порчѣ книгъ на Западѣ. Capitular. eccles. 789a (Pertz, Monum. Germ.. t. I., Leg. § 71); Opera Alc., Migne, I № 131; о невѣжествѣ духовенства, Leges, I, pag. 52—53.

[8]) Прав. Собес. 1860 г., мартъ. Правило о покаяніи, 350.

[9]) Татищевъ, II, 280.

[10]) Татищевъ, II, 280.

трѣть неблагопріятно сами монахи—учители. Выгоды, соединенныя съ занятіемъ духовныхъ мѣстъ, скоро развили промышленный взглядъ на послѣднія: „*церквей много наставлено*, говоритъ одинъ лѣтописецъ, *а попы не хотятъ заниматься рукодѣліемъ, но всякій идетъ въ попы, чтобы тѣмъ кормиться* и слѣдовать своимъ плотскимъ похотямъ, ибо они хотятъ не Богу служить, но творить льготу тѣлу своему“ [1]). И митр. Кипріанъ укорялъ священниковъ за то, что они смотрятъ только ко взятію? [2]). Когда же митр. Ѳеодосій сталъ собирать священниковъ для наставленій, то встрѣтилъ сильное неудовольствіе. Архіеп. Геннадій говоритъ, что приготовлявшіеся въ священники „не хотѣли учиться,“ а если и учились, то „не отъ усердія.“ [3]). Конечно такіе попы не годились въ учители, а потому и училища, существовавшія при церквахъ, должны были пасть. Но такъ какъ потребность въ грамотныхъ людяхъ была и возрастала, то самое подготовленіе ихъ скоро сдѣлалось занятіемъ особаго рода мастеровъ, которые изъ личныхъ выгодъ, по словамъ Стоглава, старались недоучивать [4]). Геннадій говоритъ объ этихъ мастерахъ: „мужики—невѣжи учатъ ребятъ и только рѣчь ему портятъ... а отъ мастера отойдетъ, и онъ ничего не умѣетъ, только что бредетъ по книгѣ“ [5]). Правда монастыри продолжали служить нуждамъ школы, но здѣсь вредно отражалось паденіе монастырской жизни, почему Стоглавъ, въ числѣ другихъ распоряженій, постановилъ—не держать въ монастыряхъ „голоусыхъ“. Въ сборникахъ XVI в. встрѣчаются поученія, въ которыхъ говорится, что въ монастырь не должно пускать мальчиковъ, хотя бы они приходили обучаться грамотѣ, и что монахамъ не прилично заниматься обученіемъ [6]). Самое иго татарское на паденіе училищъ могло вліять лишь вмѣстѣ съ другими опустошительными для городовъ явленіями: при постоянныхъ опасностяхъ, всякій заботился о матеріальной сторонѣ жизни; высшіе интересы представлялись уже излишнею роскошью [7]).

---

[1]) Полн. собр. рус. лѣт., VI, 186.

[2]) Истор. рус. литер., Шевырева, III, 179, 210, прим. 10.

[3]) Полн. собр. рус. лѣт., VI, 186; Акты ист., I, стр. 147.

[4]) Стоглавъ, гл. 26.

[5]) Акты истор. I, стр. 147.

[6]) Правос. Собес., 1862 г. февр. Списыв. книгъ, 167. Кобенцель замѣчаетъ, что во всей Московіи нѣтъ школъ и другихъ способовъ къ изученію, кромѣ того, чему можно научиться въ монастыряхъ (Starczewski, II, 15).

[7]) Соловьевъ (IV, 345, 349) и Макарій (VI, 260, 271—272) не признаютъ въ этомъ отношеніи прямого вліянія монгольскаго ига.

Послѣдствія такого порядка вещей не замедлили обнаружиться. Ставленники жаловались Геннадію въ такихъ словахъ: „земля, господине, такова, не можемъ добыть, кто бы былъ искусенъ въ грамотѣ“ [1]); когда же епископы спрашивали ихъ: „почему мало умѣютъ грамотѣ,“ то они отвѣчали: „мы де учимся у своихъ отцовъ или у своихъ мастеровъ, а въ другомъ мѣстѣ де намъ учиться негдѣ; сколько отцы наши и мастера умѣютъ, столько и насъ учатъ“; „а отцы ихъ и мастера сами, по словамъ Стоглаваго собора, потому мало умѣютъ и сами въ божественномъ писаніи не знаютъ, что учиться имъ негдѣ. А прежде сего училища бывали въ россійскомъ царствѣ *на Москвѣ и въ великомъ Новгородѣ и по инымъ городамъ многіе грамотѣ, писать и пѣть, и считать учили,* потому и въ грамотѣ тогда искусныхъ было много“ [2]). Даже князья еще въ средній періодъ нашей исторіи не отличались книжностью: напр. Дмитрій Донской не былъ хорошо изученъ книгамъ Василій Темный былъ некниженъ и неграмотенъ [3]). Въ XVI в. встрѣчаются записи и грамоты, въ которыхъ значится, что князья и дѣти боярскіе потому не приложили къ нимъ рукъ своихъ, „что грамотѣ не умѣютъ [4]). Тоже, хотя и въ меньшей мѣрѣ, можетъ относиться и къ представителямъ церкви: напр. твер. еп. Акакій, современникъ Максима Грека „мало ученъ былъ грамотѣ“ [5]). Самъ Максимъ Грекъ говоритъ, что при немъ духовныя власти знали писаніе только „по чернилу“ [6]), и онъ долженъ былъ объяснять русскому епископу различіе словъ *міръ* и *миръ*, такъ какъ нѣкоторые думали будто бы въ извѣстномъ возгласѣ ектеніи: „о свышнемъ *мирѣ*“—слѣдуетъ молиться о *мірѣ* ангеловъ, за разрѣшеніемъ чего названный владыка счелъ нужнымъ

---

[1]) Акты истор., I, стр. 147.

[2]) Стоглавъ, гл. 25. Въ это время число пригодныхъ ставленниковъ ослаблялось тѣмъ, что дѣти духовенства предпочитали идти въ дьяки и подъячіе (Курбскій и Палицынъ), гдѣ они достигали извѣстнаго положенія.

[3]) Соловьевъ, Ист. Россіи, IV, 349.

[4]) Собр. госуд. грам. I, № 184, 556. При этомъ необходимо имѣть въ виду, что и на Западѣ правители, высшій классъ и духовенство не всегда были на высотѣ своего положенія (Опытъ рус. историогр. II, 45, 220—221, 1036—37). Соболевскій (Палеогр. 7—9). Современникъ Максима Грека, извѣстный своимъ походомъ въ Италію, Карлъ VIII французскій едва умѣлъ читать. (Виллари, Джер.; Савонарола, I, 153).

[5]) Сказаніе о приходѣ на Русь Максима Грека. Опис. рукоп. Синод. библ. II, 580. М. Исидоръ (XV в.) о русскихъ епископахъ отзывался, что они всѣ некнижны, но тутъ могло быть и преувеличеніе (Оп. рус. историогр. II, 1099—97 г.). Другое дѣло—неученые.

[6]) Сочин. Максима Грека, III, стр. 165.

обратиться къ Максиму Греку [1]). Въ другомъ современномъ извѣстіи читаемъ: „въ нынѣшнемъ вѣкѣ мнящіе быть учителями больше въ болгарскихъ басняхъ, а еще болѣе въ бабскихъ бредняхъ упражняются и хвалятъ ихъ, нежели разумомъ великихъ учителей наслаждаются“ [2]). Отсюда само собою ясно, какъ состояніе просвѣщенія и школъ должно было отражаться на положеніе книжнаго дѣла.

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ обстоятельствѣ, имѣвшемъ прямое отношеніе къ этому вопросу: мы разумѣемъ умышленную порчу книгъ, съ одной стороны еретиками, а съ другой—монахами-книжниками. О первыхъ, Геннадій въ посланіи къ Іоасафу, архіепископу ростовскому и ярославскому, замѣчаетъ: „нынѣшніе жидовствующіе еретическое преданіе держатъ, *псалмы Давидовы или пророчества испревращали*, потому какъ ихъ еретики передали—Акгила и Симмахъ и Ѳеодотіонъ по Христовомъ пришествіи и по плѣненіи евреевъ, а не какъ намъ предали *святые апостолы* отъ 70 мудрецовъ, которые перевели еврейское писаніе на греческое за триста лѣтъ прежде Христова пришествія“ [3]). Въ посланіи же къ Прохору, епископу сарскому, Геннадій писалъ, что онъ вмѣстѣ съ слѣдственнымъ дѣломъ о еретикахъ, послалъ къ митрополиту *ихъ псалмы*, гдѣ Прохоръ можетъ видѣть, какъ *„псалмы эти превращены на еретическіе обычаи“* [4]) И Максимъ Грекъ хвалитъ переведенную имъ Псалтирь, какъ, оружіе противъ предстателей ересей [5]).

Объ умышленной порчѣ книгъ монахами находимъ извѣстіе въ „Бесѣдѣ валаамскихъ чудотворцевъ“ (иначе „о неприличіи монастырямъ владѣть вотчинами)“. Авторъ говоритъ: „А то цари не вѣдаютъ и не внимаютъ, что *многіе книжники изъ иноковъ*, по дьявольскому лестному умышленію, *изъ святыхъ божественныхъ книгъ и изъ житій выписываютъ и изъ книгъ преподобныхъ и святыхъ отцовъ выкрадываютъ, а на мѣсто ихъ въ тѣ же книги приписываютъ лучшія и полезныя себѣ въ свидѣтельство того, что подлинное святыхъ писаніе*“ [6]). Мы не говоримъ уже здѣсь о поддѣлкѣ грамотъ

---

[1]) Сочин., III, стр. 92.

[2]) Опис. рук. Рум. муз., стр. 242.

[3]) Чтен. Моск. общ. ист., 1847 г. № 8, стр. 5.

[4]) Опытъ изслѣд. о ереси жидовъ. А. И. Сервицкаго (Прав. Обозр. 1862 г., іюнь, стр. 194).

[5]) Сочин., II, 303.

[6]) Чтен. Моск. общ. ист., 1859 г., книг. 3, стр. 6, и Бесѣда Сергія и Германа Валаамскихъ чудотворцевъ, изд. Арх. Ком. 1890, стр. 11.

и документовъ въ тѣхъ или другихъ интересахъ [1]). Только совокупностью разнообразныхъ причинъ можно объяснить то положеніе, въ какомъ оказалась русская церковь во время Максима Грека: когда послѣ Стоглаваго собора, стали пересматривать книги, чтобы неисправныя замѣнить исправными, то *„мало книгъ оказалось потребныхъ, прочія же вся были растлѣны* или переписчиками ненаученными и неискусными въ разумѣ, или неисправленіемъ пишущихъ“ [2]).

VII.

Исправленія книгъ въ XI-XIII в., какъ у южныхъ славянъ, такъ и русскихъ не видно. Впервые сознаніе неисправности списковъ (преимущественно богослужебныхъ книгъ) и первыя попытки исправленія ихъ по греческимъ оригиналамъ, появились въ Болгаріи въ концѣ XIII в. Хотя о первыхъ попыткахъ этихъ исправленій мало свѣдѣній, но до насъ дошли въ значительномъ числѣ тексты, исправленные здѣсь въ XIII и XIV вв. Во второй половинѣ XIV в. болгарскій патр. Евѳимій (жившій въ Терновѣ), заботясь объ исправности книгъ священнаго писанія и богослужебныхъ книгъ, упорядочилъ среднеболгарскую орѳографію и сдѣлалъ ее однообразною. Въ Сербіи были также попытки исправленія въ нач. XIV в. и слышались такія же жалобы на порчу текстовъ. По исправленіи книгъ въ Болгаріи, Сербія получила исправленные тексты и многія сербскія книги XIV и XV вв. отличаются исправностью послѣднихъ [3]).

Можно думать, что разнообразіе списковъ было первою побудительною причиною повѣрки и исправленія текста священнаго писанія. Мы видимъ, что способы пріобрѣтенія книгъ въ Россіи были весьма различны, и потому неудивительно, что получаемые списки не мо-

---

[1]) Въ лѣтописи читаемъ слѣдующее: „Тое же зимы (1488 г.) архимандрита Чюдовскаго били въ торгу кнутьемъ, и Ухтомскаго князя, и Хомутова, про то, что сдѣлали грамоту на землю послѣ княжи Ондрѣевы смерти Васильевича Вологодскаго, рекши далъ къ монастырю на Каменое къ Спасу“. О подложныхъ грамотахъ см. также: О вотчинныхъ владѣніяхъ Троиц. монастыря, іеромон. Арсенія (Лѣт. занятій Археогр. ком., вып. VII).

[2]) Прав. Собес., 1862 г., апрѣль. Списываніе книгъ, 361.

[3]) А. И. Соболевскій, Славяно-рус. палеогр., Спб. 1908, стр. 78, 95—96; Сырку (Къ вопросу объ исправл. книгъ въ Болгаріи въ XIV в., Ж. М. Н. Пр., 1886, № 6; Къ ист. исправлен. книгъ въ Болгаріи въ XIV в., Сборн. Ак. Н. т. LXVII и отд., т. I, Спб. 1890); А. И. Яцимирскій, (Гр. Цамвлакъ, Оч. изучен. литер. сношеній болгаръ и сербовъ въ XIV—XVII ст. Сборн. Ак. Н.„ т. LXX и отд.); Иречекъ, Ист. Болг. 568; на Аѳонѣ (Голубинскій, Ист. церкв. болг., сербск. и пр.) и др. О дѣятельности Евѳимія у Ѳ. Радченка (Религіозн. и литер. движеніе въ Болгаріи).

гли быть одинаковаго качества, а при существованіи краткихъ и полныхъ текстовъ священнаго писанія, дѣло еще болѣе усложнялось подъ вліяніемъ писцовъ, и потому выходило, что полные списки, какъ рѣже переписываемые, отличались бо̀льшимъ достоинствомъ, а краткіе, то пополняемые, то сокращаемые—подвергались бо̀льшему искаженію. Такимъ образомъ, когда переписчику случалось списывать съ нѣсколькихъ списковъ, а онъ не отличался знаніемъ своего дѣла, то руководствовался при своихъ поправкахъ личнымъ взглядомъ: дѣлалъ такъ, какъ ему казалось лучше. Напротивъ, если онъ былъ подготовленъ и пріученъ къ книжному дѣлу, или былъ знакомъ съ греческимъ языкомъ, то онъ сличалъ рукописи между собою, или даже съ греческимъ текстомъ. О первомъ, какъ о дѣлѣ обыкновенномъ, мы не станемъ распространяться здѣсь, притомъ оно очевидно изъ того, что мы говорили выше; относительно же второго обстоятельства мы коснемся настолько, насколько это необходимо для насъ, не вдаваясь въ подробности [1]).

Составители „Описанія рукописей Синодальной библіотеки“ въ свое время замѣтили, что „при такихъ исправленіяхъ, списки даже ближайшіе между собою по времени и мѣсту написанія ни въ отношеніи одинъ къ другому не имѣютъ полнаго сходства, ни сами себѣ не остаются вѣрными. Одинъ и тотъ же списокъ въ одномъ мѣстѣ слѣдуетъ исправленію такой рукописи и съ нею сходенъ, въ другомъ столь же близко подходитъ къ другой, въ одномъ чтеніи извѣстное мѣсто или слово передается такъ, въ другомъ иначе. Сверхъ того каждый списокъ имѣетъ свои какія-либо особенности, которыхъ нѣтъ въ другомъ“ [2]).

Къ половинѣ XIV вѣка относится списокъ Евангелія, сильно исправленный по греческому тексту и, какъ полагаютъ, написанный въ Константинополѣ (принадл. [3]) Чудовскому мон.), обыкновенно приписываемый м. Алексѣю. Полагаютъ, что онъ имѣлъ возможность выполнить этотъ трудъ, такъ какъ онъ могъ научиться греческому языку, живя при дворѣ митр. Ѳеогноста—грека, который взялъ его для управленія во дворѣ митрополитскомъ. [4]). Кромѣ того, онъ могъ пользоваться лучшими греческими списками во время своего пребыванія въ Константино-

---

[1]) О работахъ, веденныхъ въ монастыряхъ, объ извѣстныхъ доброписцахъ и пр. см. Опытъ рус. исторіогр., т. II, стр. 1196—1209.

[2]) Ист. церк. Филарета, I, 38, пр. 95; Опис. рукоп. Синод. библ., I, 239—246.

[3]) А. И. Соболевскій (Переводн. литер., стр. 10, 29 и прилож. 4) признаетъ его написаннымъ въ Константинополѣ.

[4]) Митр. Алексѣй въ Твор. св. отц., годъ VI, кн. I, 94. Рукопись хранится въ Чудовомъ мон. и издана м. Леонтіемъ подъ именемъ м. Алексѣя.

полѣ. Аббатъ Добровскій объ этомъ трудѣ замѣчаетъ. „Переводъ исправнѣе другихъ. Нѣкоторыя реченія, принадлежащія древности, исправлены по греческимъ спискамъ хорошаго качества; по мѣстамъ точнѣе выражаетъ образъ рѣчи" [1]). При исправленіи Новаго Завѣта на этотъ трудъ, было обращено особенное вниманіе, но въ свое время онъ не имѣлъ значенія, такъ какъ, будучи совершенъ келейно, не оставилъ видимаго слѣда на улучшеніи списковъ. [2]).

Къ другому роду книжнаго исправленія относится дѣятельность митр. Кипріана. Она, повидимому была вызвана порчею книгъ писцами. Это видно изъ его послѣсловія, приписаннаго къ служебнику: „сей служебникъ переписалъ отъ грецкихъ книгъ на русскій языкъ рукою своею Кипріанъ, смиренный митрополитъ кіевскій и всея Руси. Переписывающіе и поучающіеся сими книгами... поминайте наше смиреніе... *Если кто восхочетъ переписывать эти книги, старайся ни приложить или отложить единое какое-либо слово, или точку единую, или крючокъ, которые суть подъ строками въ рядяхъ, ниже измѣнить слогъ одинъ или прибавить, по обыкновенію, какъ исперва привыкъ;* учитесь съ великимъ вниманіемъ прочитывать или переписывать, чтобы *отъ небреженія* въ грѣхъ не впасть, такъ какъ отъ небреженія впасть въ грѣхъ горше нежели отъ невѣдѣнія., [3]). Митр. Кипріану было извѣстно, что въ толстыхъ сельскихъ сборникахъ „много ложнаго", „въ молитвенникахъ лживыя молитвы о трясавіцахъ и о недугахъ" [4]), а всему этому конечно были причиною неразборчивые писцы, иногда и сами вносившіе въ книги подобныя статьи. Дѣйствительно, главная сторона дѣятельности Кипріана была посвящена переводамъ и исправленію книгъ, необходимыхъ въ церковномъ обиходѣ и въ кругу книжниковъ. Сюда относятся: Псалтирь, Лѣствица съ толкованіями, сочиненія Діонисія Ареопагита, Служебникъ, Номоканонъ, разные чины и книги, посланныя имъ во Псковъ, и Степенная книга замѣчаетъ вообще, что онъ „многія священныя книги съ греческаго на русскій языкъ переложилъ". [5].) О своей дѣятельности по книжному дѣлу, какъ о главной заботѣ, Кипріанъ говоритъ въ посланіи къ псковскому духовенству: „а что слышали, что нѣтъ у васъ *церковнаго правила праваго*" и далѣе: „а то, что списано и послано къ вамъ съ нашею братіею, то есть все *право, истинно*", и обѣщаетъ постепенно выслать и

---

[1]) Твор. св. отц., ib., стр. 95; ср. также О з. дух. литер., 73; 3-е изд. 75.

[2]) Опис. рук. Синод. библ., I, 290. Ср. Опытъ рус. исторіогр., II, с. 1092—1093.

[3]) Ист. церкви, II, 72, 161.

[4]) Калайдовичъ, Іоаннъ. екс. болгар., 210; Опис. Рум. муз. 717.

[5]) Степен. кн., I, 588.

другія исправленныя книги. [1]). Въ переводѣ Псалтири онъ ограничивается тѣмъ, что слова и выраженія прежняго перевода, казавшіяся не ясными, замѣнялъ другими, [2]) такъ какъ и въ самой неясности заключалось затрудненіе для писцовъ и представлялся поводъ къ порчѣ.

Современники весьма цѣнили исправленія, сдѣланныя Кипріаномъ. [3]). Впрочемъ полагаютъ, что онъ много содѣйствовалъ распространенію текстовъ, принесенныхъ изъ Болгаріи и съ этого времени все чаще встрѣчаются попытки писцовъ исправлять тексты [4]). Однако, не смотря на все желаніе м. Кипріана—помочь книжному дѣлу, его труды послужили новымъ источникомъ порчи, такъ какъ, по словамъ Нила Курлятева, „митрополитъ Кипріанъ погречески гораздо неразумѣлъ и нашего языка довольно не зналъ, хотя съ ними [5]) нашъ языкъ одинъ, т. е. словенскій, но мы говоримъ на своемъ языкѣ чисто и шумно, а они говорятъ моложаво, и въ писаніи рѣчи наши съ ними не сходятся, и онъ думалъ, что поправилъ псалмы по нашему, а большее неразуміе въ нихъ написалъ, въ рѣчахъ и словахъ все посербски написалъ“ [6]). Такимъ образомъ эта попытка исправленія книгъ, направленная очевидно противъ произвола писцовъ, не вполнѣ удалась; но могла еще болѣе увеличить прежніе недостатки въ книгахъ. Позже Нилъ Сорскій, побывавшій на Востокѣ, свидѣтельствуетъ о себѣ, что онъ съ разныхъ списковъ писалъ и нашелъ ихъ несогласными и, насколько могъ, „согласно разуму и истинѣ написалъ“ [7]). И современникъ его признаетъ, что Нилъ многіе труды въ этомъ дѣлѣ оказалъ.

Иное обстоятельство побудило въ концѣ XV в. новгородскаго архіеп. Геннадія приняться за составленіе полнаго списка Библіи. Въ 1489 г. Геннадій писалъ, что у жидовствующихъ пользуется уваженіемъ русскій переводъ Псалтири (молитвъ) и пророковъ, и нѣкоторые полагаютъ, что это были именно переводы новокрещенаго еврея Ѳеодора, [8]) переводившаго ихъ по желанію митр. Филиппа I

---

[1]) Акты историч., I, стр. 17. Ср. сказаніе м. Зосимы (Рус. Ист. библ. I, 790—794).

[2]) Ист. церк. Филарета, II, 40.

[3]) Запись Успен. соб. 1403 г. (Соболевскій, Южно-славян. вліяніе, 15). Литургическая дѣятельность его разсмотрѣна И. Мансветовымъ (М. Кипріанъ, М. 1882).

[4]) Соболевскій, Палеогр., 96—97.

[5]) Кипріанъ полугрекъ, полуболгаринъ, жившій до пріѣзда въ Россію въ мм. Константинополя и Аѳона. Полагаютъ, что аѳонскій мон. Кипріанъ, къ которому адресовано посланіе Евѳимія Терновскаго—тотъ же Кипріанъ (Соболевскій, Южно-славян. вліяніе 4). Въ защиту трудовъ м. Кипріана противъ отзыва Нила Курлятева писалъ архим. Амфилохій (Труды IV Арх. съѣзда, т. II).

[6]) Порфирьевъ, Опис. рукоп. Соловец. мон., стр. 19.

[7]) Соболевскій, Перевод. литер., 8, 11, 12; 16, 20, 22, 29—30, 35—36.

[8]) Опис. рукоп. Синод. библ. I, 107—108; ср. Соболевскій, о жидовств. литер., ib. 396—401.

(1464—74) и ему же приписываютъ поправки текста въ древнемъ славянскомъ Пятикнижіи, показывающія близкое знакомство исправителя съ еврейскимъ текстомъ; послѣднее подтверждается тѣмъ, что Пятикнижіе раздѣлено на парасиcы—субботнія чтенія, чего нѣтъ въ грѣческихъ спискахъ. [2]) Но тотъ же Геннадій замѣтилъ, что у жидовствующихъ псалмы Давидовы, или пророчества „испревращены", [3]) и въ посланіи къ Іоасафу спрашивалъ его: „есть ли у васъ въ Кирилловѣ, или въ Ѳерапонтовѣ, или на Каменномъ, книги: Сильвестръ папа Римскій, Слово Козьмы пресвитера на новоявшуюся ересь богомиловъ. посланіе Фотія патріарха къ князю Борису Болгарскому, Пророчества, Бытіе, Царства, Притчи, Менандръ, Інсусъ Сираховъ, Логика (І. Дам.) и Діонисій Ареопагитъ. *А эти книги у еретиковъ всѣ есть*". Если послѣ всего сказаннаго сопоставить эти извѣстія, т. е. съ одной стороны отзывъ, что не было даже такихъ книгъ, какъ Бытія, Царствъ, Пророчества, Притчи, а съ другой свидѣтельство о томъ, что книги, бывшія въ рукахъ еретиковъ (положимъ въ русскомъ переводѣ Ѳеодора)—Псалмы Давида и Пророчества, были „испревращены", то станетъ понятно, что дѣятельность Геннадія по составу полнаго списка Библіи была вызвана порчею книгъ еретиками и недостаткомъ хорошихъ списковъ, которые можно было бы противопоставить противникамъ.

Въ трудѣ составленія Библіи принимали участіе доминиканецъ Веніаминъ и Дмитрій Герасимовъ [4]). Первый былъ родомъ славянинъ

---

[1]) О славян. переводѣ Пятикнижія, исправлен. въ XV в. по евр. тексту (Приб. къ Твор. св. отцевъ, т. XV, 1860). Ѳеодоръ крестился при м. Іонѣ. Думаютъ, что онъ не принадлежалъ къ жидовствующимъ. (Соболевскій, 56, 400—434). Перев. Есѳири ему не принадлежитъ (398—399).

[2]) Посл. къ Іоасафу, въ Чтен. Моск. общ. ист. и древн., 1874 г., № 8.

[3]) Чтен. Моск. общ. ист. и древн., 1847 г., № 8. Изреченія Менандра помѣщались иногда въ спискахъ Библіи рядомъ съ изреченіями Соломона и Інсуса сына Сирахова (Библія 1505 г.). Ихъ приводили въ подтвержденіе мнѣнія древнихъ въ пользу христіанства и изображеніе его находится на папертяхъ христіанскихъ храмовъ (Сборн. Ак. Н., VII, 50—51). Ап. Павелъ цитир. Менандра (Сборн. Ак. Н. VI, 057; ср. Посланіе къ коринѳ. 1-ое, 33). Мудрость Менандра по русскимъ спискамъ (славянскій и греческій тексты), В. А. Семенова, изд. Общ. любит. древн. письм. Спб. 1892; Перевод. Сборники изреченій въ славяно-русской письменности. Изслѣд. и тексты, М. Н. Сперанскаго, М. 1904 (изъ Чт. М. О. ист., гл. VII—о Менандрѣ съ литературой вопроса).

[4]) Обз. дух. литер., 112, 114, и Опис. рукоп. Синод. библ., I, 128. О переводѣ Псалтири Ѳеодоромъ (Библ. Лихачева, 21; Чт. Моск. общ. ист. 1907 г., т. II); Псалтирь жидовств. въ переводѣ Ѳеодора еврея, съ предисл. М. Н. Сперанскаго (1—72, съ 2 фототип. табл.).

(б. м. приморскій хорватъ), и, какъ католическій священникъ, несомнѣнно зналъ латинскій языкъ. По отзыву же современника, онъ зналъ не только латин. яз. и грамматику, но и отчасти греческій языкъ и фряжскій (итальянскій). Свѣдѣнія эти подтверждаются характеромъ его переводовъ, но, какъ и другіе переводы того времени, его труды отличаются буквальностью и потому мало удовлетворяютъ по своей темнотѣ.[1]) Дмитрій Герасимовъ, быть можетъ новгородецъ, въ молодости выучившійся латинскому и нѣмецкому яз. въ Ливоніи, участвовалъ неоднократно въ посольствахъ въ Римъ (1491, 1525—26) и въ Германію. Съ его словъ записаны извѣстія о Россіи у Павла Іовія и Герберштейна. Въ Римѣ онъ перевелъ на рус. яз. краткую латинскую грамматику Доната (Осмичастная книга), которую онъ послалъ архіеп. Геннадію вмѣстѣ съ пасхаліей (Кругъ міротворный) и повѣстью о бѣломъ клобукѣ. По желанію Геннадія, онъ перевелъ сочин. Николая Делиры и Самуила Евреина (крещенаго) противъ іудейства, Пѣснь пѣсней (1498 г., съ нѣмец. яз.), а впослѣдствіи Толков. на Псалтирь Брунона († 1045) еп. Вюрцбургскаго (Гербиполенскаго), оконч. въ 1535 г. Не безъ основанія ему приписываютъ и переводъ (1505) латинскаго соч. (нѣкоторые принимаютъ Веніамина) о неприкосновенности церк. имуществъ, возбуждавшей тогда горячіе споры. Вмѣстѣ съ Власіемъ толмачемъ, какъ полагаютъ, онъ исправлялъ текстъ переводовъ Веніамина. Толмачъ Власій потомъ участвовалъ въ посольствѣ къ Карлу V германскому и при пріемѣ Герберштейна въ Москвѣ, а его извѣстія вошли въ описаніе Фабра (о религіи москвитянъ) и того же Герберштейна. Герасимовъ и Власъ являются сотрудниками Максима Грека[2]). Самъ Геннадій для составленія полнаго списка отыскивалъ по русскимъ монастырямъ разныя книги Ветхаго Завѣта, отчасти по-

---

[1]) А. И. Соболевскій, Переводн. литерат., 254—259.

[2]) Горскій и Невоструевъ, Опис. рукоп. Синод. библ. II, 101 (№ 77); II, 3, стр. 603—616; Чтен. въ Общ. исторіи 1902, II („Слово кратко" въ защиту монаст. имуществъ, со ссылками на Вѣно Константиново); А. С. Павловъ, Истор. очеркъ секуляризаціи церковныхъ имущ. въ Россіи; Од. 1871 г., с. 61—64; И. В. Ягичъ Изслѣд. по рус. яз., изд. Ак. Н., I, 812 и д.; А. И. Соболевскій, Переводн. литер., 39—43, 122, 129, 184, 186, 189—194, 229, 256, 261, 385; I. Гамель, Англичане въ Россіи въ XVI—XVII стол., 11, 12, 15, 74, 111, 165, 172, 173, 176—179, 263, 265, 267, 268, 297 (о Герасимовыхъ и Власѣ). Опис. грам. Доната (Рукоп. Казан. унив., Лѣт. зан. Арх. ком., VII, 317—324). О Герасимовѣ у Пирлинга, La Rus. et le S. S. Мнѣніе Л. Н. Майкова, что Д. Герасимовъ былъ братъ Герасима Поповки (Изв. Ак. Н., 1900, № 2, с. 371) оспаривается (А. И. Соболевскій, Переводн. литер., 43). Царскій, №№ 169, 461; Толстой, № 68; Москвитянинъ 1850, № 9; Словари Строева и Филарета; Лѣтоп. зан. Арх. ком., III, 318—331; Матер. для ист. Ак. наукъ, IV, 188

ручалъ переводить ихъ съ латинскаго языка. Заботясь же о полнотѣ, составители пополняли недостающій текстъ даже изъ толкованій, выбирая оттуда пропущенныя мѣста въ своемъ текстѣ [1]). Съ Вульгаты были переведены книги Паралипоменона, три книги Ездры, книги Несмін, Товін, Юднеь, Премудр. Соломона, двѣ книги Маккавейскія и пропуски для книгъ Исаін, Іереміи, Есопри и Притчъ, предисловія—изъ Іеронимовой Вульгаты, а нѣкоторыя изъ нѣмецкой Библіи. Въ то же время пересмотрѣнъ былъ переводъ прочихъ ветхо-завѣтныхъ книгъ, раздѣленъ на главы по латинскимъ изданіямъ, и пополнены опущенія, особенно значительныя въ книгѣ пророка Іереміи [2]).

Но и въ этомъ случаѣ, не смотря на всю заботливость о составленіи полнаго списка Библіи, переводы съ Вульгаты имѣли общіе недостатки древнихъ нашихъ переводовъ. Такъ, многія латинскія слова изъ нея оставлены безъ перевода и написаны русскими буквами въ текстѣ или на полѣ противъ сомнительно переведенныхъ, и вообще удерживается латинскій составъ рѣчи [3]). Но мы уже видѣли, что значило для тогдашнихъ писцовъ встрѣчать въ спискахъ выноски на полѣ, иностранныя слова и тому подобныя особенности перевода. Впрочемъ, полный списокъ Библіи едва ли имѣлъ большое распространеніе по причинѣ своей обширности, такъ какъ полные списки вообще переписывались рѣже сравнительно съ сокращенными. Тѣмъ не менѣе Библія Геннадія имѣла свое значеніе. Она была послана Иваномъ Грознымъ Константину Острожскому и положена въ основаніи при острожскомъ изданіи Библіи; списывалась въ монастыряхъ (2 спи. Волоколам. мон.) и для церквей (напр. еп. рязанскій посылалъ въ одну изъ церквей); употреблялась въ борьбѣ съ еретиками (Зиновій Отенскій) и вполнѣ или въ отдѣльныхъ частяхъ встрѣчается въ разныхъ библіотекахъ;

---

[1]) Нужно замѣтить, что и на Западѣ полные списки Библіи раньше не встрѣчаются (Сбор. Ак. Н., VII, с. 10—11, 34—35).

[2]) Обз. дух. литер., 120, и Опис. рук. Синод. библ., I, стр. VI, VII, VIII.

[3]) Например̂ъ, въ книгѣ Премудрости: 3. 14: и спадо (et spado); 4, 2: вѣнчана, триумфатъ (triumphat)—на полѣ: побѣду иматъ; 5, 10: ни стезя карине (neque semitam carinae),—на полѣ: карина есть дно карабленое пока мѣста вводѣ ходит; 15: яко лануго (tanquam lanugo),—на полѣ: осотовъ цвѣтъ; 19 за торасе (pro thorace),—на полѣ: вмѣсто бронеи; 7, 22: дисертус (disertus),—на полѣ: достроченъ; 11, 24: представляеши грѣхи,—на полѣ: диссимулас (dissimulas); 12, 14: ни тиранус,—на полѣ: мучитель; біеши—на полѣ: флагеллас (flagellas); 15, 4: пиктуре (picturae) — на полѣ: образописаніа, 9: ерраріос (aerarios)—на полѣ: еррарін суть иж льютъ злато и сребро и мѣдь или мѣсто, гдѣ та хранятся; 19, 7: кастра (castra)—на полѣ: полкы.— Описаніе рукописей Синодальной библіотеки, I, 78; подробнѣе, 1—164.

наконецъ принималась во вниманіе при исправленіяхъ Библіи въ 1663 г., въ XVIII стол. и въ позднѣйшихъ [1]).

Нѣкоторые думали предохранить достоинство книгъ отъ произвола писцовъ своими запрещеніями и просьбами—не измѣнять рукописей совершенно, или безъ сличенія съ другими. Такъ, митр. Кипріанъ запрещалъ въ своемъ Служебникѣ: „приложить или отложить *единое нѣкое слово, или точку единую, или крючки*, которые суть подъ строками въ рядахъ, и перемѣнять хотя бы одинъ слогъ". [2]). Іосифъ Волоцкій писалъ одному иноку: „А увидишь въ книгѣ погрѣшеніе, то не переписывать, ни вырѣзывать, а сказать настоятелю *и съ иной книги* исправить, *а не по своему домышленію*" [3]). И Зиновій, ученикъ Максима Грека, проситъ писцовъ сохранить его ороографію даже въ мелочахъ (въ точкахъ и запятыхъ), указывая при этомъ на ихъ обычай, „перемѣнять простыя рѣчи на краснѣйшія" [4]).

Послѣ всего сказаннаго возникаетъ вопросъ, по какой же причинѣ былъ вызванъ книжный переводчикъ при Василіѣ Ивановичѣ?

Въ грамотѣ великаго князя, которую мы привели вначалѣ, заключается лишь просьба о присылкѣ „переводчика книжнаго на время", и потому мы не можемъ изъ нея извлечь вполнѣ опредѣленнаго отвѣта. Однако, по нѣкоторымъ соображеніямъ, можно полагать, что вызовъ переводчика стоялъ въ связи съ ересью жидовствующихъ. Въ пользу этого мнѣнія можно привести слѣдующія основанія:

1) Ересь жидовствующихъ въ это время имѣла еще силу. Такъ, Іосифъ Волоцкій, въ посланіи къ вел. кн., гдѣ доказываетъ, что „грѣшника или еретика руками убить, или молитвою, есть одно и тоже", проситъ, чтобы онъ, „своимъ царскимъ судомъ искоренилъ тотъ злой плевелъ еретическій въ конецъ" [5]). Въ свою очередь, архіеп. Макарій, во время своего пребыванія въ Новгородѣ, въ посланіи къ тому же вел. князю (между 1525—1533 гг.) писалъ: „Ты благовѣнчанный государь уподобился благочестивому и равноапостольному великому

---

[1]) К. И. Невоструевъ, О составѣ Библіи въ древней Россіи (Сборн. Им. Ак. Наукъ. т. VII, 1—78); И. Чистовичъ, Исторія перевода Библіи на рус. языкъ (Христ. Чт. 1872 и 1873 г.г.).

Текстъ Новаго Завѣта избранъ былъ, въ отношеніи варіантовъ и перевода, лучшій, нежели извѣстный подъ именемъ митр. Алексѣя, текстъ, исправленный въ Константинополѣ и м. б. еще на Аѳонѣ (Сборн. 32; Ср. 13, 37),

[2]) Ист. церк. Филарета, II, 72, прим. 161.

[3]) Дополн. къ акт. истор. I, № 216, с. 359.

[4]) Прав. Собес. 1863, янв. Истины показаніе и 1859, янв. Солов. библ., 28.

[5]) Древн. Рос. Вивліоѳика, т. XVI, 423, 424.

царю Константину: какъ онъ христіанскій родъ въ своемъ царствѣ изъ рва преисподняго возвелъ и всякое благочиніе церковное утвердилъ, такъ и ты сдѣлалъ, боговѣнчанный самодержецъ и государь всея Руси, въ своемъ царствіи, потому что прежде сего явившуюся ересь новгородскихъ еретиковъ до конца низложилъ съ богохульными ихъ преданіями и великое свое православіе всѣхъ вѣрующихъ сердца въ св. и животворящую Троицу возвеселилъ" [1]). Самъ Максимъ Грекъ, какъ увидимъ ниже, писалъ противъ еретиковъ жидовствующихъ.

2) Дѣятельность его по переводу книгъ была посвящена толкованіямъ священнаго писанія (Псалтирь, Дѣянія апостольскія, Бесѣды Іоанна Злат. на Евангеліе Матѳея и Іоанна, выписки изъ разныхъ пророковъ съ толкованіями), а это опять составляло прямую потребность, когда по словамъ Іосифа Волоколамскаго (вслѣдствіе ереси жидовствующихъ) „въ домахъ и на путяхъ, и на торжищахъ монахи и всѣ сомнѣвавшіеся о вѣрѣ—пытали и искали подтвержденія ни у пророковъ, ни у апостоловъ и святыхъ отцовъ, но у еретиковъ и отступниковъ христовыхъ" [2]).

3) Первый переводный трудъ Максима Грека былъ—Толковая Псалтирь, которая тогда являлась особенно необходимою по тому значенію, какое она имѣла въ глазахъ древне-русскихъ книжниковъ; а между тѣмъ жидовствующіе, по словамъ Геннадія, „псалмы Давидовы или пророчества испревращали, какъ имъ еретики предали Акила Симмахъ и Ѳеодотіонъ" [3]). Толковая Псалтирь была тѣмъ необходимѣе въ борьбѣ съ еретиками, что церковь по преимуществу на ней опирается въ своихъ доводахъ, подтверждающихъ истинность лица Іисуса Христа и другихъ событій апостольской церкви, тогда какъ жидовствующіе, основываясь главнымъ образомъ на Ветхомъ Завѣтѣ, опровергали самыя основанія христіанскаго ученія. И Максимъ Грекъ, представляя в. князю свой переводъ толковой Псалтири, въ предисловіи къ ней писалъ что, она *„противъ предстателей ересей особенно (нарочитѣ) и наилучше (довольнѣйше) прочитающихъ вооружить можетъ, такъ какъ благодаря ей стало возможнымъ сатанинскія ихъ плевелы съ корнемъ вырвать и пометать въ огонь вѣчный"*, и ниже мы увидимъ, что и первоначальная обязанность переводчика должна была состоять именно въ переводѣ этой Псалтири [4]). Такимъ образомъ, какъ прежніе труды по книж-

[1]) Дополн. къ акт. истор., I, № 25.

[2]) Посланіе Іосифа Волок. къ Нифонту еп. сузд. въ Чтен. Моск. общ. ист., годъ III, № 1, и въ Правосл. Собес. 1855, кн. 3. Просвѣтитель, 58—61.

[3]) Посланіе къ Іоасафу, Чт. Моск. общ. ист. 1847, № 8, стр. 5.

[4]) Сочин. Максима Грека, II, 316; ср. еще I, 37; II, 377—78.

ному дѣлу были вызваны разнообразіемъ списковъ и порчею книгъ писцами, такъ труды Геннадія и Максима Грека стоятъ въ связи съ порчею книгъ еретиками и ихъ толкованіями; и какъ Геннадій былъ побужденъ къ составленію полнаго списка Библіи недостаткомъ самыхъ необходимыхъ книгъ ея, такъ вызовъ переводчика Василіемъ Ив. стоитъ въ связи съ такимъ трудомъ, который можно было бы противопоставить мнѣніямъ еретиковъ и ихъ „испревращеніямъ“.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Выборъ книги для перевода.—Кому могла принадлежать инициатива въ этомъ дѣлѣ.—Избраніе Максима Грека и его назначеніе.—Отношеніе къ этому дѣлу патріарха.

I.

Мы видѣли, какое важное значеніе имѣли въ книжномъ дѣлѣ для Россіи Константинополь и Аѳонъ [1]), въ особенности послѣдній, такъ какъ здѣсь въ большомъ числѣ жили славянскіе монахи и книжная дѣятельность въ славянскихъ переводахъ была гораздо значительнѣе. Получивъ начало въ глубокой древности, „Аѳонская гора“ достигла наибольшаго развитія именно въ то время, когда другіе монастырскіе пункты, вслѣдствіе тяжелыхъ внѣшнихъ условій, начали терять свое значеніе, т. е. въ к. XII и нач. XIII в. Расположенная вдали отъ бурныхъ событій времени, она начала пріобрѣтать славу главнаго центра византійской монастырской жизни. Къ этому времени уже вся гора была покрыта монастырями и представляла какъ бы особое монастырское цар-

---

[1]) О почитаніи Аѳона свидѣтельствуютъ рус. путешественники и сказанія объ Аѳонѣ, дошедшія до насъ. См. Крат. ист. зап. о рус. Пантелеймон. мон. на Аѳонѣ (Чт. въ Общ. ист. 1847, IV, 4—11); Сказаніе о св. горѣ Аѳонской (Чт. въ Общ. ист., 1847—48, IV, 11—36); О соедин. болгар. Рыльскаго и Русск. аѳон. мм., архим. Леонида (1869, III); Іерус., Палестина и Аѳонъ по рус. паломникамъ XIV—XVII вв., его же (1871, I, 1—122); Сказ. о св. горѣ, сост. для м. Макарія въ 1551 г., А. Попова (1881, II, 60—63); Истор. опис. серб. цар. лавры Хиландаря и ея отношеній къ ц.ц. Серб. и Рус., архим. Леонида (1867, IV, 1—138); Сказ. М. Грека, пис. для старца Вассіана (Сочин., т. III); Строевъ (Словарь, см. по указ.); изд. Общ. люб. древн. письм., Спб., 1883; посл. неизв. о жизни аѳон. монаховъ (Ист. В. 1898 № 5. с. 689); Оп. рус. истор. (т. II, 1531—1532); А. И. Соболевскій (Перевод. литер., 338—339, 388—391); Рус. благотв. аѳон. мон. XVI—XVII, Н. Каптерева (Чт. Общ. люб. духов. просв. 1882, №№ 2—3 и его Характ. отнош. и пр.); объ Аѳонѣ, его управл. (ставропигіи и пр.), монастыр. имущ., и пр. (Герцбергъ. Ист. Виз. 87, 188, 276).

ство [1]). Но и для Греціи Аѳонская гора имѣла важное значеніе, какъ владѣвшая множествомъ древнихъ греческихъ рукописей, почему туда посылали за книгами изъ Константинополя, когда греки готовились на соборъ въ Феррару, а, послѣ паденія Константинополя, она стала главнымъ хранилищемъ и складомъ книгъ [2]).

Со времени завоеванія Греціи турками сообщеніе Россіи съ Аѳономъ стало затруднительнѣе и опаснѣе. Такъ, въ грамотѣ властей Ватопедова монастыря къ вел. кн. Василію Ивановичу, объ отправленіи къ нему инока Максима, говорится, что посолъ княжескій Василій Копылъ, вслѣдствіе „многихъ и великихъ трудовъ, искушеній и убытковъ, постигшихъ его отъ безбожныхъ агарянъ, едва дошелъ къ намъ смиреннымъ здравъ“ [3]). Не смотря, однако, на трудность сообщеній, настоятельная потребность въ матеріальной поддержкѣ греческихъ монастырей только измѣнила характеръ этихъ отношеній: вмѣсто прежнихъ извѣстій о переводахъ и списываніи книгъ на Аѳонѣ и въ Византіи, чаще встрѣчаются извѣстія о приходѣ греческихъ монаховъ изъ разныхъ монастырей за милостынею въ Россію. Особеннымъ же покровительствомъ у князей пользовался Пантелеймоновъ монастырь, какъ „строеніе великихъ князей русскихъ, начиная отъ Великаго Владиміра“ [4]); но и прочіе аѳонскіе монастыри получали „подаянье милостивно, на откупъ отъ бусурманскаго царя“, [5]) такъ какъ подвергались нападеніямъ со стороны турокъ и даже обязались, во избѣжаніе того, платить оброкъ въ 280 рублей [6]). Можно думать, что на старца Савву „переводчика книжново“ указалъ великому князю кто нибудь изъ аѳонскихъ монаховъ, приходившихъ въ Россію за подаяніемъ, можетъ быть Нифонтъ, который былъ въ Россіи передъ посланіемъ грамоты на Аѳонъ и черезъ котораго вел. кн. послалъ туда различные дары. Притомъ Савва, вѣроятно, былъ уже извѣстенъ своими переводами, какъ видно изъ того, что въ грамотѣ онъ называется „переводчикомъ книж-

---

[1]) И. Соколовъ, Ист. виз. монаш., гл. 3-я.

[2]) Прибавл. къ Твор. св. отц., томъ VI, кн. 1. О снош. русск. церкви съ святогор. обителями. стр. 138.

[3]) Временникъ, № 5, смѣсь, стр. 32.

[4]) Карамзинъ, VI, прим. 629, годъ 1497. О характерѣ этихъ отношеній см. труды Муравьева, Макарія и Каптерева.

[5]) О сочетаніи втораго брака, Чт. Моск. общ. ист. 1847, № 8, стр. 6.

[6]) Акты истор., I, № 103, стр. 146. По словамъ старца Исаіи турецкому султану Аѳонская гора платила 140 копъ или 14000 турецкихъ денегъ (Соболевскій Перевод. литер., 388).

нымъ“ [1]). Съ другой стороны, въ сочиненіи Максима Грека мы находимъ указаніе, что вел. князь былъ побужденъ къ вызову переводчика посторонним совѣтомъ. Такъ, Максимъ, послѣ перевода Псалтири, писалъ вел. князю: „и нынѣ Господь воистину воздвигъ твою державу къ переложенію толкованій псалмовъ... Царство твое..., разумомъ просвѣщенное и душею божественныя ревности исполненное, *сообщаетъ немедленно совѣтъ* преосвященнѣйшему о Господѣ отцу своему, господину Варлааму, митрополиту всея Руси, и, молитву отъ него и благословеніе принявъ, скорѣйше письменами не праздными, но исполненными изобильно человѣколюбія, подобно плодоноснымъ колосьямъ, посылаетъ къ проту и инокамъ во святой горѣ пребывающимъ, призывая отъ честной обители Ватопеда Савву“ [2]). А такъ какъ, по первоначальному предположенію, занятіе переводчика должно было состоять въ переводѣ Псалтири съ толкованіями извѣстныхъ церковныхъ писателей, то ясно, что сдѣлать этотъ выборъ могъ только человѣкъ, способный оцѣнить все значеніе подобнаго труда, и если обратить вниманіе на то, что вызовъ переводчика стоитъ въ связи съ ересью жидовствующихъ и что въ числѣ сотрудниковъ Максима Грека по переводу находился извѣстный Дмитрій Герасимовъ, который, во время борьбы съ жидовствующими, заявилъ уже себя цѣлымъ рядомъ литературныхъ трудовъ (см. выше, стр. 32),—то можно думать, что ему принадлежитъ и указаніе на ту книгу, которую поручено было перевести Максиму Греку. Герасимовъ былъ близокъ къ вел. князю, отправляя разныя посольскія порученія. Нѣкоторые Герасимова считаютъ даже грекомъ [3]), но это невѣрно: какъ извѣстно въ переводѣ при его посредствѣ Максимъ Грекъ употреблялъ латинскій языкъ.

Въ это время сношенія Москвы съ Турціей значительно оживились. По словамъ лѣтописи, въ 1512 г. (15 дек). вел. кн. „послалъ Мих. Ивашева сына Алексѣева въ Царьградъ къ турскому султану Салимъ-Шаху (Селиму I) съ грамотами о любви“ [4]). Въ свою очередь султанъ счелъ нужнымъ отправить взаимно съ Алексѣевымъ своего посла; такимъ образомъ въ 1514 г., 28 мая, прибылъ въ Россію первый турецкій посолъ

---

[1]) Временникъ, № 5, стр. 32—33, въ смѣси. Ср. Голубинскій, II, 675. О Нифонтѣ, Макарій, VI, 162.

[2]) Сочин. Максима Грека, II, 299.

[3]) Прав. Собес. 1861 г., январь. Посл. Дмитр. Герасимова къ архіеп. новгород. Геннадію, стр. 100—101, прим. 1. В. И. Жмакинъ указаніе на необходимость перевода приписываетъ близкому къ вел. князю Вассіану Патрикѣеву (151); Голубинскій—грекамъ. бывшимъ въ Москвѣ (II, 675).

[4]) Полн. собр. рус. лѣт., VI, стр. 253; ср. Карамзинъ, VII, пр. 105, на основаніи турецкихъ дѣлъ.

„именемъ Кельмалбехъ князь“ или мангупскій князь Θеодоритъ Камаль (родомъ грекъ [1]). Вел. князь, отпуская его въ 1515 г. обратно, отправилъ вмѣстѣ съ нимъ два посольства: Василія Коробова въ Константинополь по дѣламъ политическимъ, а Василія Копыла (Спячаго) и Ивана Варавина, какъ сказано въ лѣтописи, съ милостынею на Аѳонъ [2]). Изъ грамотъ властей Ватопедова монастыря къ вел. князю [3]) и игумена того же монастыря къ митрополиту Варлааму [4]) видно, что вел. князь посылалъ милостыню всѣмъ монастырямъ Аѳонской горы, что милостыню посылала и вел. княгиня Соломонія, что просьбы вел. князя заключались въ поминовеніи по аѳонскимъ монастырямъ всѣхъ его предковъ, въ молитвахъ за *чадородіе* Соломоніи („и да будетъ моленіе о благовѣрнѣйшей Соломонидѣ великой княгинѣ чадородія ради“) и въ присылкѣ просфоры и святой воды. Съ двумя послами, отправлявшимися на Аѳонъ, была послана на имя прота Аѳонской горы извѣстная уже намъ грамота о присылкѣ съ ними старца Саввы, что подтверждается также двумя предыдущими грамотами.

Нѣкоторые изслѣдователи, касавшіеся Максима Грека, упоминаютъ еще о грамотахъ вел. князя (съ просьбою о присылкѣ переводчика), посланныхъ имъ къ патріарху и султану. Такъ, Карамзинъ, основываясь на „сказаніи о Максимѣ инокѣ, святогорцѣ Ватопедскія обители“, принадлежащемъ Троицкой лаврѣ, говоритъ, что когда понадобился вел. князю человѣкъ, способный для переводовъ на славянскій языкъ, то онъ писалъ въ Константинополь, и „патріархъ, желая угодить вел. князю, искалъ такого философа въ Болгаріи, въ Македоніи, въ Θессалоникѣ... Наконецъ узнали, что въ славянской обители Благовѣщенія на горѣ Аѳонской, есть два инока, Савва и Максимъ, богословы искусные въ языкахъ греческомъ и славянскомъ. Первый въ изнеможеніи старости не могъ предпринять дальнѣйшаго путешествія въ Россію, второй согласился исполнить волю патріарха и вел. князя“ [5]). Митрополитъ Евгеній, слѣдуя рукописному житію библіотеки Новгородскаго Софійскаго собора, говоритъ, что вел. князь, для описи книгъ своей библіотеки, просилъ въ Константинополѣ прислать ему

---

[1]) Карамзинъ, VII, 38 и пр. 105. Повидимому онъ принялъ магометанство.

[2]) Полн. собр. рус. лѣт., VI, 257. Подробности объ этомъ посольствѣ и прибытіи Копыла и Максима Грека въ документахъ о сношеніяхъ съ Турціей (Сборн. Рус. Ист. общ., т. XCV, стр. 49, 122—123, 229, 244, 370—371, 426—479, 495, 620—622).

[3]) Временникъ, № 5, смѣсь, стр. 32.

[4]) Акты истор., I, № 122.

[5]) Карамзинъ, VII, 107; Бѣлокуровъ, xxxi—xxxii. Копылъ на Аѳонъ ходилъ одинъ съ двумя чаушами (чиновн.), данными султаномъ (Сборн., 370—371; Никон. лѣт., VI, 205).

способнаго къ этому дѣлу человѣка, и что патріархъ, по долгомъ исканіи, нашелъ въ Аѳонской горѣ двухъ толковыхъ монаховъ—Даніила и Максима и послѣдняго изъ нихъ послалъ въ Россію [1]). Преосв. Филаретъ, на основаніи „сказанія о прибытіи Максима въ Москву", утверждаетъ, что князь посылалъ грамоту къ султану съ просьбой прислать ему ученаго грека, и что на Максима указали, какъ на человѣка самаго способнаго исполнить порученія князя [2]). Но другіе изслѣдователи отрицаютъ существованіе подобныхъ грамотъ, полагая, что мнѣніе о нихъ возникло на томъ основаніи, что въ лѣтописи подъ 1516 г. записано: „пришелъ изъ Царьграда въ Москву Василій Андреевъ, сынъ Коробова, *а Копылъ съ Вараввинымъ остался въ Царьградѣ*" [3]). Замѣтимъ, что—весьма естественно было письменно или словесно просить у турецкаго правительства разрѣшенія отправиться переводчику вмѣстѣ съ русскими послами, тѣмъ болѣе, что послѣдніе отбыли съ турецкимъ посломъ, который конечно, зналъ о ихъ назначеніи, и также просто было просить у патріарха ходатайства объ отпускѣ желательнаго лица. Вызовъ Саввы не состоялся по причинѣ его старости и болѣзни („многолѣтенъ и ногами немощенъ" [4]). Тоже повторяется и въ „сказаніи о Максимѣ" [5]),какъ и самъ Максимъ Грекъ замѣчаетъ, что онъ пришелъ вслѣдствіе старости Саввы, отказавшагося отправиться въ Москву [6]).

II.

Выборъ на Максима со стороны аѳонской братіи палъ потому, что его находили „искуснымъ божественному писанію и годнымъ *на сказаніе* (въ другой грамотѣ „къ толкованію и переводу") *всякихъ книгъ, церковныхъ и свѣтскихъ (глаголемыхъ еллинскихъ)*, такъ какъ онъ возросъ на нихъ отъ самой юности, не только читая много, какъ другіе, но глубоко изучивъ ихъ" [7]). Но и патріархъ не могъ бы сдѣлать лучшаго выбора.

---

[1]) Словарь духов. писат., II, 389. Того-же мнѣнія: въ Ж. М. Н. Пр., 1834, іюнь, проф. Ф. Клоссіусъ въ статьѣ: Библ. в. к. Василія и царя Іоанна, и въ Ж. М. Н. Пр., 1834, авг., статья А. Терещенка: О трудахъ Максима Грека. Всѣ сказанія о Максимѣ Грекѣ сведены С. А. Бѣлокуровымъ (О библіотекѣ московскихъ государей XVI в., прилож., I—LXXXII).

[2]) Москвитянинъ, 1842, № 11, стр. 46; ср. Бѣлокуровъ, XIX.

[3]) Прибавл. къ Твор. св. отц. т. XVII, кн. 2: Максимъ Грекъ, 171, и Христ. Чтен. 1862, мартъ: Максимъ Грекъ. Полн. собр. рус. лѣт., VI, 257.

[4]) Акты историч., I, № 122; ср. Времен. № 5 стр. 33.

[5]) Карамзинъ, VII, 107; С. А. Бѣлокуровъ, стр. VII и д.

[6]) Сочин. Максима Грека, II, 299.

[7]) Акты истор. I, № 122.

Какъ извѣстно константинопольскіе патріархи не переставали надѣяться на возможность возстановленія прежняго зависимаго отношенія русской церкви и всячески противодѣйствовали возможному вліянію папъ, которые все чаще стали обращать вниманіе на Востокъ.

Въ это время положеніе Виз. патріархата было весьма печально. Отсюда—эти постоянныя просьбы о вспомоществованіи и жалобы на грабежъ и притѣсненія турокъ [1]), съ которыми обращались изъ Константинополя въ Россію. Вотъ что говоритъ Давидъ Хитрей о притѣсненіи турками греческой церкви: „Немного не доставало для того, чтобы всѣ христіанскіе храмы въ Константинополѣ (которыхъ около 30, считая и въ монастыряхъ) были обращены въ мечети по приказанію верховнаго турецкаго первосвященника, называемаго муфти. Когда греки, армяне и прочіе христіане униженно просили о соблюденіи привилегій, данныхъ Магометомъ II и его преемниками на свободное отправленіе обрядовъ христіанской церкви, то данъ былъ такой отвѣтъ: „тогда сдѣлана была льгота по причинѣ запустѣнія города и по малочисленности мусульманъ; теперь же, при такой многолюдности поклонниковъ пророка, нужно болѣе мечетей; поэтому справедливость требуетъ, чтобы христіане уступили свои храмы мусульманамъ“ [2]). Бѣдствія церкви увеличивались поведеніемъ самихъ патріарховъ и борьбою греческихъ партій въ Константинополѣ. Послѣ паденія Трапезунта (1461) многіе греки переселились оттуда въ Константинополь, и вражда, разъединявшая цѣлыя два столѣтія константинопольскихъ и трапезунтскихъ грековъ, съ этого времени еще болѣе усилилась. Греческое населеніе Константинополя теперь раздѣлилось на двѣ партіи, изъ которыхъ каждая добивалась возвести на патріаршій престолъ кого нибудь изъ своей среды. Трапезунтцы сперва одержали верхъ, но средство, употребленное ими въ этомъ спорѣ,—подкупъ султана и пашей, положило начало послѣдующимъ бѣдствіямъ грековъ. Чтобы низложить своего противника, патр. Марка, трапезунтскіе греки предложили султану тысячу червонцевъ. Магометъ размѣялся, удивляясь недальновидности грековъ, наконецъ взялъ деньги и положилъ, чтобы впредь каждый поставленный патріархъ вносилъ въ султанскую казну тысячу червонцевъ [3]). На мѣсто Марка былъ возведенъ трапезунтецъ Симеонъ, но

---

[1]) Акты истор., I, № 103, 123, 133, 297; Карамзинъ, VI, прим. 629, г. 1497. Лѣт. Нормантскаго во Времен., № 5, стр. 18, 106, 132; П. С. рус. лѣт. XIII, 24, 278, 254, 275; Макарій, Муравьевъ, Каптеревъ.

[2]) Архивъ ист. юридич. свѣд. о Россіи, кн. 2. Учрежд. патріарш. въ Россіи, стр. 11. Chronicon., pag. 428, 429.

[3]) Philippi Cyprii Magnae ecclesiae Const. protonotarii chronic. Eccles. Graec. p. 346. (Архивъ, II, с. 6).

онъ былъ смѣненъ, по просьбѣ мачехи султана—гречанки, за двѣ тысячи дукатовъ, и его мѣсто занялъ духовникъ ея, Діонисій м. филиппопольскій [1]). Послѣ нѣкотораго промежутка, въ который правилъ снова Симеонъ, былъ возведенъ сербъ, монахъ Рафаилъ, который, по условію съ пашами, обязался ежегодно вносить въ султанскую казну по двѣ тысячи дукатовъ. Такъ нарушалась все болѣе и болѣе охранная грамота Магомета II, освобождавшая патріарховъ и подвластныхъ имъ архіереевъ отъ всякихъ податей и пошлинъ [2]). Наконецъ дань патріарха была раздѣлена на единовременный взносъ „πεσκήσιον", и постоянный „χοράζων", которые безпрестанно увеличивались. Затѣмъ слѣдуетъ рядъ патріарховъ по большей части подвергавшихся низверженію, до Іоакима, при которомъ митр. селибрійскій, добиваясь патріаршества, обѣщалъ пашамъ увеличить „χοράζων" еще тысячью червонцевъ. Султанъ предложилъ тоже условіе Іоакиму; въ противномъ случаѣ грозилъ ему низложеніемъ. Іоакимъ рѣшился на послѣднее; но греки, предпочитая его, согласились на увеличеніе взноса. Однако онъ все-таки былъ удаленъ за самовольное разрѣшеніе постройки церкви въ константинопольскомъ предмѣстьи. Послѣ Пахомія Іоакимъ снова былъ назначенъ патріархомъ, за что его приверженцы должны были дать султану пятьсотъ дукатовъ [3]).

Какъ печально было положеніе дѣлъ церковныхъ, такъ-же печально было и общественное состояніе. „Въ войнѣ, дома, въ публичной жизни, говоритъ Ранке, греки допускались, какъ отступники, или какъ рабы. Харацомъ или податью съ промысловъ они покупали право существованія. Османы постоянно вводили въ сераль цвѣтъ юношества. На этомъ учрежденіи основывалась сила ихъ и подданство грековъ. Торгъ дѣтьми кормилъ турокъ. Такъ, обезсиливаемые, пріучались жить многіе греки, стараясь угождать своимъ повелителямъ. Немногіе потомки благородныхъ константинопольскихъ фамилій, еще ранѣе потерпѣвшихъ притѣсненіе въ собственной землѣ, брали на откупъ доходы султана... Кто занимался при этомъ еще торговлею, какъ нѣкоторые греки въ Москвѣ, въ Антверпенѣ, тотъ обогащался въ короткое время. Михаилъ Кантакузенъ въ 1571 г. въ состояніи былъ подарить султану 15 галеръ; когда онъ ѣхалъ по городу на мулѣ, впереди его бѣжали шесть служителей и седьмой сзади. Эти богатые греки принимали подъ осман-

[1]) Тамъ-же.

[2]) Франца, тамъ-же, 6, прим. 4.

[3]) Chronic., 379; Архивъ, с. 8. Харачъ—харчъ у Арсенія Суханова (Чт. въ Общ. ист. 1894, II, 5).

скимъ владычествомъ азіатскіе нравы, какъ при венеціанцахъ—итальянскіе; носили ихъ чалму, приняли ихъ домашнее устройство, а также не отставали отъ нихъ въ излишествѣ убранства и костюмовъ. Жены ихъ покрывали головы золотыми сѣтками, на лбу носили жемчужныя діадемы, въ ушахъ тяжелыя серьги изъ каменьевъ; грудь прикрывали болѣе золотыми цѣпочками, нежели тканями. Какъ будто онѣ должны были торопиться наслаждаться счастіемъ, въ которомъ не были увѣрены, пока чувствовали надъ собою деспотическую руку владыки. Михаилъ Кантакузенъ казался покорнымъ, смиреннымъ предъ султаномъ; но султанъ въ одинъ день послалъ капиджи-баши, съ приказаніемъ повѣсить его на воротахъ его великолѣпнаго дома, построеннаго въ Ахино, а имущество доставить въ сераль. Простой народъ жилъ въ бѣдности и рабствѣ. Большая часть земли запустѣла, обезлюдѣла, сгибла до конца. И что могло родиться тамъ, гдѣ каждый санджакъ хотѣлъ получить двойной доходъ отъ ввѣреннаго ему участка; гдѣ часто грабители—откупщики затаптывали поля, гдѣ каждый османлисъ распоряжался, какъ неограниченный господинъ“ [1]).

Понятны послѣ того тѣ возбужденія, какія дѣлались греками противъ турокъ на Западѣ и въ Россіи. Патріархъ Θеолиптъ не могъ не воспользоваться столь удобнымъ случаемъ, какъ приходъ русскихъ пословъ, которые притомъ сами испытали бѣдствія отъ „безбожныхъ агарянъ“, чтобы напомнить въ Россіи о тѣхъ бѣдствіяхъ, какія терпятъ греки. Онъ высказалъ это въ посланіи къ митр. Варлааму, отправленномъ вмѣстѣ съ лицами, назначенными для сбора милостыни. „Соборная церковь, говоритъ онъ тамъ, *мать православныхъ христіанъ, терпитъ всякія нужды и обиды*, какъ сами знаете, въ которыхъ нѣтъ ей ни откуда помощи, кромѣ какъ отъ Бога и потомъ отъ ближнихъ дѣтей своихъ, каковые суть архіереи и православные государи и прочіе всѣ православные христіане. Одинъ же отъ ближнихъ архіереевъ есть ты, священнѣйшій! *Того ради* къ тебѣ посылаемъ митрополита Григорія зихновскаго [2])... и съ нимъ нашего старца священнодіакона Діонисія... Въ твоей же власти *поспѣшить на помощь* матери нашей великой церкви и побудить наивысшаго и кротчайшаго царя и вел. краля всей православной земли Великой Россіи, боголюбивыхъ епископовъ и прочихъ великихъ князей, чтобы тѣмъ заслужить мзду предъ Богомъ и похвалу, благодареніе и память отъ насъ, поскольку будетъ твоя помощь и поспѣшеніе, *дѣломъ и словомъ* къ великой церкви Божіей“ [3]).

---

[1]) Ранке, Государи и народы южн. Европы, I, 23.

[2]) Жихна (Зихновъ) городъ и митрополія при Босфорѣ.

[3]) Акты истор., I, № 121; П. С. рус. лѣт. VI 261; VIII, 263.

Нельзя думать, чтобы здѣсь шла рѣчь объ одной матеріальной помощи.

Уже на первыхъ порахъ, при представленіи вел. князю своего перевода Псалтири, Максимъ Грекъ писалъ ему: „Пусть узнають отъ насъ и тамъ пребывающіе бѣдные христіане (т. е. въ Греціи), что они имѣютъ еще царя, который не только обладаетъ безчисленными народами, но и всѣмъ прочимъ, достойнымъ удивленія, царски изобилуетъ, который правдою и православіемъ особенно и превысочайше болѣе всѣхъ прославился, такъ что могъ бы уподобиться Константину и Ѳеодосію Великимъ, коимъ твоя держава послѣдуетъ. О, если бы и намъ когда либо освободиться чрезъ тебя отъ порабощенія нечестивымъ и получить свое царство, ибо все возможно и удобоисполнимо для общаго всѣхъ Владыки, который нѣкогда, воздвигнувъ отъ нижнихъ галловъ великаго въ царяхъ Константина, избавилъ древній Римъ, сильно стѣсненный, отъ нечестиваго Максентія! Такъ и нынѣ новый Римъ, жестоко обуреваемый безбожными агарянами, да соизволитъ онъ освободить чрезъ благочестивую державу царства твоего и да явитъ намъ отъ отеческаго твоего престола наслѣдника и да подастъ намъ бѣднымъ свѣтъ свободы тобою, милостію и щедротами своими“ [1]).

Мысль объ освобожденіи грековъ Максимъ Грекъ настойчиво проводилъ въ Россіи. Такъ, его обличенія противъ магометанской религіи давали ему удобный случай говорить о тѣхъ бѣдствіяхъ, какимъ подвержены греки и въ особенности церковь подъ властью турокъ, чѣмъ онъ думалъ дѣйствовать на религіозное чувство русскихъ. Вел. князя онъ старался побудить на освобожденіе Греціи обѣщаніемъ, что „Богъ дастъ грекамъ наслѣдника престола изъ его рода: *отъ отеческихъ его престоловъ наслѣдника покажетъ*“. Онъ училъ, что къ дѣламъ во славу божію относится и „*противоополченіе* на тѣхъ, кто явно хочетъ истребить божественную вѣру“. И когда ему не удались эти старанія, онъ обличалъ русскихъ за то, что они только думаютъ о своихъ интересахъ („своихъ си ищутъ), а не о томъ, что принадлежитъ Богу Вышнему“, и ставилъ имъ въ укоръ, что о церкви „*терзаемой измаильтянами*, нѣтъ никакого попеченія“ [2]). Подъ вліяніемъ несбывшихся надеждъ, онъ обращался съ „словомъ укоризны къ благовѣрнымъ“, въ которомъ высказываетъ полнѣйшую безнадежность своего дѣла: „добро есть и спасительно намъ, говоритъ онъ, и самому Вышнему благоугодно, чтобы мы отвергли въ мысляхъ нашихъ всякое разслабленіе и пагубное для души

[1]) Сочин. Максима Грека, II, 318; по изд. (рус.) Троиц. лавры, I, 202.

[2]) Сочин. Максима Грека. I, Слово VII (по рус. изд. т. II).

отчаяніе, и въ особенности прельщающую насъ суетную надежду, что опять устроится, какъ прежде, царская держава въ Константинополѣ, чтобы воспрянуть отъ многолѣтняго сна великаго нерадѣнія и небреженія, повинуясь слову проповѣдника: братіе, во всякой премудрости ходите, дорожа временемъ, потому что дни лукавы суть" (Ефес. 5, 15). Въ самыхъ бѣдствіяхъ Греціи онъ видѣлъ признаки „послѣдняго времени"[1]), а въ частной бесѣдѣ даже иронизировалъ надъ опасеніями вел. князя вступить въ борьбу съ врагомъ христіанства[2]). Постоянное обращеніе Максима Грека къ властямъ и тѣ виды, какіе онъ представлялъ на случай успѣха вел. князю, сами собою говорятъ, въ какихъ интересахъ дѣйствовалъ онъ въ Россіи.

Но Максимъ Грекъ сочувствовалъ освобожденію Греціи и по своимъ личнымъ воззрѣніямъ. Онъ смотрѣлъ на это дѣло частію съ религіозной стороны, видя въ освобожденіи отъ турокъ избавленіе церкви отъ поганыхъ; но онъ также былъ проникнутъ чувствомъ патріотизма („грекъ я, съ гордостью говоритъ онъ себѣ, и въ греческой землѣ я родился и воспитанъ"[3]). Когда онъ представляетъ бѣдствія своего народа, то выражается: „у насъ бѣдныхъ грековъ", и съ презрѣніемъ отзывается о тѣхъ изъ нихъ, которые изъ-за „даровъ многихъ и пресвѣтлыхъ саповъ" измѣнили своему отечеству[4]). Въ этомъ случаѣ у него проявляется уже политическая идея и онъ говоритъ о возстановленіи Греческаго царства, во главѣ котораго долженъ стать кто нибудь изъ рода русскихъ князей. Понятно, что, при такой постановкѣ этого вопроса, онъ долженъ былъ придавать большое значеніе и церковному вліянію Византіи на Россію.

III

Извѣстно, какъ патріархи распоряжались поставленіемъ митрополитовъ въ Россіи. Посредствомъ ихъ они старались сохранять на нее свое вліяніе, и потому до XIV в. почти всѣ митрополиты въ Россіи были греки, хотя случалось, что они совершенно не могли имѣть непосредственнаго участія въ дѣлахъ, по незнанію русскаго языка[5]). По церковнымъ правиламъ[6]), избирать митрополита должны были епи-

[1]) Сочин. II, 142—143.

[2]) Чтен. въ Общ. ист. 1847, № 7. Дѣло Максима Грека, 5.

[3]) Сочин. Максима Грека, т. I. Исповѣд. прав. вѣры, I, 36.

[4]) Сочин. Максима Грека, т. I. слово VI. стр. 130.

[5]) Ист. церкви, Макарія, II, 161.

[6]) Апостольск. 1. Никейск. Соб. 4. Антіохійск. 9. Халкидон. 28 (Ист. церк. Макарія, II, прим. 9). Позднѣйшіе труды: А. Н. Шпакова. Госуд. и церковь въ ихъ взаимн. отношеніяхъ въ Моск. госуд. К. 1907; Од. 1912, 2 ч. и И. И. Соколовъ. Архіерей изъ Византіи, К. 1914.

скопы той области, для которой онъ назначался, а патріархъ только утверждалъ его; но въ первое время для Россіи была необходимость и въ самомъ выборѣ со стороны патріарха. Эту временную мѣру патріархи обратили въ правило, руководствуясь политическими и личными интересами. Вотъ почему они всегда спѣшили съ назначеніемъ митрополитовъ, которое, кромѣ того, не обходилось безъ вліянія императоровъ. Какъ патріархи заботились о сохраненіи своего вліянія на Россію посредствомъ митрополитовъ, лучше всего видно изъ послѣдствій возведенія въ митрополиты Климента Смолятича безъ участія патріарха. Послѣдній за то, что Нифонтъ, еп. новгородскій, стоялъ за его права, ублажалъ его и даже причислялъ къ святымъ, тогда какъ вновь назначенный изъ Константинополя митр. Константинъ предалъ в. князя Изяслава Мстиславича проклятію за желаніе имѣть у себя самостоятельнаго русскаго митрополита [1]). Въ актѣ возведенія въ митрополиты Алексѣя сказано, что хотя *„не дозволено назначать въ митрополиты кого нибудь не изъ Константинополя“* но на этотъ разъ для епископа Алексѣя сдѣлано исключеніе въ уваженіе свидѣтельства вел. князя и покойнаго митрополита“ (1354 г.) [2]). Поэтому и въ 1424 г., въ „Исповѣданіи православной вѣры“, новгородскій архіепископъ Евѳимій обѣщался *„не желать принимать иного митрополита, кромѣ того, кого поставятъ изъ Царьграда,* какъ то принято сначала“ [3]). Патріархи старались воспрепятствовать даже всякому стремленію къ раздѣленію русской митрополіи (1317 г.), руководствуясь тѣмъ, что легче было оказывать вліяніе *черезъ одного человѣка.* Свой взглядъ на назначеніе митрополитовъ въ Россію, патріаршій соборъ высказалъ, при поставленіи митр. Кипріана (преемн. Алексѣя), слѣдующимъ образомъ: „такъ какъ свѣтской власти въ Россіи въ одномъ лицѣ сосредоточить было нельзя, то святые отцы собора установили одну духовную [4]). Легко понять, что князьямъ не нравились митрополиты приставники отъ константинопольскаго двора и патріарховъ. Уже Андрей Боголюбскій писалъ въ Кіевъ на соборъ (1168 г.) о томъ, чтобы разсудили, какъ много вреда и убытковъ происходитъ для Россіи отъ власти надъ нею патріарховъ [5]). Въ посланіи Геннадія новгородскаго есть указаніе на то, что поставляемые митрополиты въ Константинополѣ давали плату и посулы, что подтверждается извѣстнымъ дѣломъ Митяя и соборною грамо-

---

[1]) Ипат. лѣт. II, 79, 80; Никон. лѣт. II, 64.

[2]) Арх. истор. юрид. свѣд. II. Учрежденіе патр., 14.

[3]) Акты экспед. I, № 370.

[4]) Митр. Кипріанъ, въ Прав. Собес. 1862 г., январь, 4.

[5]) Ист. церк. Макарія, III, 18 и Акт. ист, I. № 39, с. 73.

тою епископовъ о постановленіи Григорія Цамвлака[1]). Вел. князь Василій Васильевичъ въ посланіи къ патріарху Митрофану удивляется, что когда посылали на поставленіе Іону, то въ Константинополѣ не обратили даже вниманія на просьбы и грамоты княжескія, а поставили неизвѣстнаго Исидора[2]). Постановленіе это имѣло политическую цѣль, такъ какъ тогда, въ виду нападенія турокъ, греческое правительство замышляло соединеніе церквей, надѣясь получить помощь на Западѣ при участіи папъ. Предшественникъ Исидора, митр. Фотій почти всю митрополичью казну перевелъ въ Константинополь[3]). Но когда Исидоръ возвратился съ собора въ Россію приверженцемъ папы, то вел. князь воспользовался этимъ случаемъ, чтобы получить отъ патріарха для русскихъ епископовъ право поставленія митрополита въ Россіи. Въ своемъ посланіи вел. князь выставлялъ два неудобства поставленія у патріарха: опасность пути изъ Константинополя въ Россію и то, что вел. князю приходилось совѣтоваться съ митрополитомъ, а съ грекомъ-митрополитомъ это было неудобно[4]). Но грамота, посланная въ 1441 г., не дошла до Константинополя, и вел. князь въ 1448 г. снова писалъ, уже на имя импер. Константина Палеолога. Здѣсь онъ извѣщаетъ объ избраніи митр. Іоны русскими епископами, „но по великой нуждѣ, а ни кичeніемъ, ни дерзостью", и все-таки испрашиваетъ ему благословеніе отъ патріарха, даже считаетъ долгомъ извѣщать его о всемъ[5]). Утверждаютъ, что патріархъ далъ право русскимъ епископамъ поставлять митрополита, которому притомъ предоставлено было первое мѣсто послѣ патріарховъ[6]), однако это не обошлось безъ противодѣйствія въ самой Россіи (дѣло Пафнутія Боровскаго[7]).

Власть патріарховъ въ Россіи ослаблялась постепенно: раздѣленіемъ русской митрополіи, стремленіемъ князей (въ особенности мо-

---

[1]) Посл. Геннадія, въ Прав. Соб. 1863 г., апрѣль, 481; Акты Запад. Россіи I, № 24. Дѣло Митяя стоило для в. князя Димитрія Ивановича большихъ убытковъ (Оп. изслѣд. о культ. знач. Византіи, гл. vi).

[2]) Акты истор. I, № 39.

[3]) Какихъ средствъ стоила эта зависимость рус. церкви отъ патріарховъ см. у Макарія (V, кн. 2, с. 286; Оп. изсл. о культ. знач. Византіи, 288—292).

[4]) „Еще же и по той нуждѣ, что и духовныя дѣла, необходимыя каждому православному христіанину, и государственныя распоряженія и дѣла нужно совершать съ митрополитомъ, при участіи молодыхъ людей, отъ которыхъ лучше что либо сохранять въ тайнѣ, а они узнаютъ прежде другихъ" (Ак. ист. № 39, стр. 75: „есть что таити, и тіи преже инѣхъ увѣдаютъ).

[5]) Акты истор., I, № 41.

[6]) Дополн. къ истор. акт. II, № 76. Поздн. показаніе—заподозрѣвается. (см. ниже).

[7]) Опытъ русской исторіографіи, II, 1074—1075.

сковскихъ) имѣть у себя русскихъ митрополитовъ, наконецъ печальными обстоятельствами Греціи, когда случалось, что русскіе князья не знали даже, „есть ли въ царствующемъ градѣ святѣйшій патріархъ“ [1]). По завоеваніи Константинополя султанъ хотѣлъ было воспользоваться правомъ византійскихъ императоровъ и назначать въ Россію митрополита, но когда въ 1474 г., въ Константинополѣ, для Россіи, по повелѣнію султана, былъ поставленъ митрополитъ Спиридонъ, то его не приняли, ни литовскій, ни московскій вел. князь [2]). И потомъ въ епископское исповѣданіе внесено было обѣщаніе—не принимать митрополитовъ, поставляемыхъ въ Константинополѣ [3]), такъ какъ патріархъ находится „въ области турковъ поганаго царя“ [4]). Итакъ для патріарховъ не оставалось болѣе возможности оказывать вліяніе на Россію, а между тѣмъ турецкое владычество для нихъ было крайне тягостно. Чтобы удержаться на патріаршемъ престолѣ, они должны были платить непомѣрныя суммы, не будучи въ состояніи выполнить своихъ обѣщаній. Такъ, патр. Рафаилъ былъ заточенъ за неуплату денегъ, обѣщанныхъ въ султанскую казну при возведеніи въ санъ [5]). Понятно послѣ того, что для патріарховъ важнымъ пособіемъ были сборы съ паствы, которые доставляли имъ вѣрное обезпеченіе въ ихъ власти. Они потеряли прежнее вліяніе на Россію; только милостыня посылалась еще въ Константинополь [6]); но и ее патріархи должны были часто выпрашивать, какъ благочестивое подаяніе; а между тѣмъ именно теперь имъ нужна была Россія, которая казалась „вторымъ Ноевымъ ковчегомъ“ [7]). Поэтому для патріарховъ важно было имѣть во главѣ русской іерар-

---

[1]) Акты истор. I, № 41.

[2]) Карамзинъ, VI, прим. 629; Оп. рус. ист—фіи, II, 1003—1004.

[3]) Въ „Исповѣданіи“ говорится: „Отрицаюся же и проклинаю Григорія Цамвлакова раздранія, якожъ и есть проклято. Такожде отрицаюсь Исидорова къ нему пріобщенія и ученика его Григорія раздирателя и ихъ позволенія и соединенія къ Латинству, съ ними же и Спиридона, нарицаемаго Сатана, взыскавшаго въ Царьградѣ поставленія (1474 г.) въ области безбожныхъ Турковъ поганаго царя; такожде и всѣхъ тѣхъ отрицаюсь, еже по немъ когда случится пріити на Кіевъ *отъ Рима латинскаго, или отъ Царьграда турецкія державы.* Во всемъ же послѣдую и повинуюся преосвящ. господину моему Симону митрополиту всея Руси... и еже по немъ бывающимъ митрополитомъ, по повелѣнію государя Вел. Князя Василія Ивановича всея Руси“. См. Твор. св. отц., т. VI кн. 1. О сношен. рус. церк. съ святогор. обит. 158 стр., примѣч. Прозвище Спиридона „Сатана“ дано было ему въ монастырѣ за его веселый нравъ.

[4]) Сочин. Максима Грека, III, слово XXII.

[5]) Chronic. pag. 364. Архивъ, II, 7.

[6]) Starczewski, Hist. Ruthen. script. exteri, I, 6 (со словъ русск. посла Власія).

[7]) Арх. ист. юрид. свѣд. о Россіи. Учрежд. патріарш., стр. 4.

хіи преданнаго человѣка, который могъ бы постоянно заботиться и о матеріальныхъ нуждахъ греческой церкви, и побуждать русскихъ князей дѣйствовать противъ турокъ, когда дѣлались приготовленія на Западѣ. Патріархъ Ѳеолиптъ, представляя митр. Варлааму бѣдствія греческой церкви, проситъ его *„поспѣшить на помощь къ ней дѣломъ и словомъ“* [1]). Максимъ Грекъ былъ вѣрнымъ выразителемъ этихъ желаній. Прибывъ въ Россію, онъ сталъ заботиться объ интересахъ греческой іерархіи. Прежде всего онъ старался устранить предразсудокъ, что отъ константинопольскаго патріарха не слѣдуетъ принимать митрополита, такъ какъ онъ находится „въ области безбожныхъ турковъ поганаго царя“ [2]). Чтобы убѣдить въ томъ, онъ указывалъ на древнюю церковь, которая, находясь подъ властью гонителей, „какъ солнце сіяла посреди нечестія“; онъ приводилъ въ доказательство, что „*святительство выше* (можетъ) *царя*, потому что патріархъ вѣнчаетъ и утверждаетъ на царство, а не царство святителей“; „*священство больше земскаго царства*“, а безъ всякаго сомнѣнія „меньшее отъ большаго благословляется“. Слѣдовательно „хотя и изгнаны цари (греческіе), *но духовно царствующій не отвергнутъ отъ руки благодати божіей*, и какъ похвально отвращаться еретичествующихъ (папъ), такъ *укорно и не спасительно* отлучаться православно-архіерействующихъ“ [3]). Максимъ Грекъ многимъ говорилъ, что „митрополитъ на Москвѣ поставляется своими епископами безъ благословенія патріарха константинопольскаго, но, прибавлялъ онъ, только по гордости не принимаютъ патріаршаго благословенія, *„ставятся собою самочинно и безчинно“*. На соборѣ (во время суда надъ нимъ) Максимъ Грекъ *сознавался* что онъ допытывался, почему *не ставятся митрополиты русскіе по прежнему и по старому обычаю у патріарха царьградскаго?* И сказали ему, что патріархъ царьградскій далъ благословенную грамоту русскимъ митрополитамъ, что поставляться имъ вольно своими епископами на Руси, и онъ *много* той грамоты допытывался и до сихъ поръ не видалъ ея“ [4]). Въ этомъ энергическомъ протестѣ ясно видно, какъ Максимъ Грекъ былъ проникнутъ интересами константинопольскаго патріархата. Въ поставленіи русскаго митрополита епископами безъ участія патріарха—онъ видѣлъ нарушеніе древняго устава и обы-

---

[1]) Акты истор., I, № 121.

[2]) Такимъ утвержденіемъ пользовались и папы для своихъ цѣлей.

[3]) Сочин. Максима Грека, III, слово ххіі, стр. 154.

[4]) Судное дѣло, въ Чтен. Моск. общ. ист. 1847 г., № 7, стр. 13. Ср. литературу по этому вопросу у М. А. Дьяконова (Ист. Обозр., III, 72—91), подтверждающую доводы Максима Грека. Макарій принимаетъ условно (VI, 19—23); Голубинскій склоняется къ сомнѣніямъ (II, 511—514).

чая. Его старанія по этому дѣлу были не однимъ желаніемъ доказать ложность предразсудка о непоставленіи у патріарха; онъ еще „много“ доискивался разрѣшительной патріаршеской грамоты, доказывалъ, что поставленіе безъ патріарха „дѣло самочинное и безчинное“ и что *должно* ставиться у него, а когда ничего не добился, то готовъ былъ плакать „плачемъ Іереміинымъ“. Патріархъ мало зналъ положеніе дѣлъ въ Россіи: политика московскихъ князей требовала независимости и въ церковномъ управленіи. Такимъ образомъ Максимъ Грекъ долженъ былъ убѣдиться, какъ мало значатъ здѣсь его „древніе уставы и обычаи“. Учрежденіе въ Россіи патріаршества положило конецъ этимъ домогательствамъ, въ Константинополѣ же оно опять было принято неблагопріятно. Но полемика Максима Грека въ настоящемъ случаѣ имѣла и другую цѣль.

Со времени паденія Восточной имперіи, папы не переставали заботиться объ изгнаніи турокъ; по этому дѣлу они обращались и въ Россію [1]), но съ тѣмъ вмѣстѣ присоединялся и вопросъ религіозный—соединеніе церквей, который имѣлъ значеніе помимо стараній объ освобожденіи Греціи. Еще незадолго до вызова переводчика (1513 г.), былъ въ Москвѣ посолъ короля датскаго Іоанна, который въ числѣ другихъ порученій имѣлъ назначеніе—склонить русскую церковь къ соединенію съ римскою [2]). Старанія папы въ этомъ дѣлѣ дошли до того, что въ 1519 г. онъ высказалъ намѣреніе возвести русскаго митрополита въ патріаршеское достоинство, а вел. князю обѣщанъ дать царскій вѣнецъ [3]). Разумѣется происки папъ стали извѣстны патріархамъ, и если они желали освобожденія отъ турокъ, то не упускали изъ виду и стремленій папъ—подчинить себѣ Россію въ церковномъ отношеніи. Такимъ образомъ, вопросъ о подчиненіи Россіи папѣ въ глазахъ патріарха самъ собою соединялся съ возстановленіемъ его вліянія. Вотъ почему въ ряду сочиненій Максима Грека, обличенія, направленныя противъ западной церкви, занимаютъ весьма важное мѣсто. Послѣдній и въ этомъ отношеніи удовлетворялъ своему назначенію. Онъ прекрасно зналъ церковную литературу, состояніе западной церкви, политику папъ, и положеніе дѣлъ на Западѣ и въ Греціи, на возрожденіе которой онъ такъ надѣялся, что конечно, было оцѣнено и на Аѳонѣ, и въ Константинополѣ.

---

[1]) Карамзинъ, VI, 38, 198; VII, 61, 85.

[2]) Карамзинъ, VII, 49, прим. 152.

[3]) Карамзинъ, 61, пр. 189; также І. Григоровичъ, Переписка папъ съ рос. государями, 1—17.

Для подобнаго дѣла, какое представлялось впереди Максиму Греку не требовалось такого знанія русскаго языка, какъ для переводчика. Игуменъ Аноимій говорилъ о Максимѣ Грекѣ: „надѣемся же, что и русскому языку скоро навыкнетъ“[1]). Зная Максима Грека, онъ могъ быть увѣреннымъ въ томъ. Дѣйствительно въ то время, какъ Максимъ Грекъ писалъ уже сочиненія на славяно-русскомъ языкѣ, при исправленіи Тріоди онъ „толмачамъ своимъ говорилъ латинскою бесѣдою“[2]). Но, такъ какъ Максимъ Грекъ, по прибытіи въ Россію, прежде всего долженъ былъ заняться переводомъ, то, можно полагать, что съ этою цѣлью вмѣстѣ съ нимъ отправили еще двухъ монаховъ: одного *болгарина*, другого *русскаго* (съ нимъ былъ еще третій—грекъ)[3]), которые могли бы оказать ему помощь и въ порученіяхъ, возложенныхъ на него, и въ переводномъ дѣлѣ, если окажется, что въ Россіи не найдутся свои помощники.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Политическія и нравственныя черты византійскаго общества въ эпоху упадка.—Латинское и турецкое завоеванія.—Умственное состояніе.—Представители греческой школы.—Сближеніе съ Западомъ. Унія.—Переселенія грековъ на Западъ—М. Исидоръ и Виссаріонъ Никейскій.—Максимъ Грекъ.

I.

Въ одномъ изъ „сказаній“ о жизни М. Грека и его происхожденіи мы читаемъ; „Онъ родился въ г. Артѣ... Отца его звали Мануиломъ, а мать Ириною; они были христіане, греки и философы“, т. е. люди образованные. Въ сказаніи же, находящемся при переводѣ Псалтири и приписываемомъ діакону Исаіѣ (около 1591 г.), Максимъ называется сыномъ воеводскимъ и монахомъ[4]). О своемъ греческомъ происхожденіи Максимъ говоритъ въ „Исповѣданіи православной вѣры[5])“. Жизнь Максима Грека распадается на три періода: время

---

[1]) Акты истор., I, № 122.

[2]) См. его „Исповѣд. вѣры“, Прав. Соб. 1859, I; Ист. церк. Платона, II, 300.

[3]) Полн. собр. рус. лѣт. VI, 261, и Никонов., VI, 212.

[4]) Твор. св. отц., т. XVII кн. 2. Максимъ Грекъ Святогорецъ, стр. 145; Бѣлокуровъ, I—V.

[5]) Сочин. Максима Грека I, 36: „Грекъ бо азъ и въ гречестѣй земли родился и воспитанъ“.

пребыванія его на Западѣ съ образовательною цѣлью, жизнь на Аѳонѣ по принятіи монашества и дѣятельность его въ Россіи. Пребываніе Максима Грека на Западѣ представляетъ большой интересъ, такъ какъ ему пришлось быть тамъ въ знаменательную эпоху религіознаго и умственнаго движенія. Путешествія грековъ на Западъ въ то время были обычнымъ явленіемъ. Упадокъ умственной жизни въ Греціи и возрожденіе ея на Западѣ и прежде всего въ Италіи, въ которомъ греки принимали дѣятельное участіе; угнетенія, переживаемыя греками на родинѣ и свободная дѣятельность, открывшаяся имъ на Западѣ,— вотъ тѣ причины, которыя влекли ихъ въ эти страны. Мы остановимся на этихъ явленіяхъ и посмотримъ, какъ отнесся къ нимъ Максимъ Грекъ.

Рѣдко гдѣ можно найти такую совокупность причинъ, подготовившихъ нравственное и умственное паденіе народа, какъ въ Восточной имперіи. Представляя долгое время твердый оплотъ противъ непрерывныхъ вторженій болгаръ, славянъ, арабовъ, тюрковъ, она въ концѣ концовъ изнемогла и пала. Въ этомъ постоянномъ общеніи съ варварами видятъ главную причину жестокости наказаній, существовавшихъ въ Византіи[1]). Унаслѣдовавъ политическія идеи Рима[2]), Византія, подобно ему, не смогла установить прочной преемственности престола. Помимо придворныхъ интригъ, церковной борьбы и дипломатическихъ отношеній, жизнь этихъ эпигоновъ—позднѣйшихъ романцевъ и эллиновъ проходила почти исключительно въ „войнѣ“ и „революціи[3])“. Такимъ образомъ, при крайне деспотическомъ правленіи, приходится постоянно говорить о слабости и даже отсутствіи власти[4]). Постоянная смѣна императоровъ, придворныя интриги (описаніе кото-

---

[1]) Герцбергъ, 89, 172, 215, 266, 320, 355, 365; тѣлесн. наказанія, 203; оскопл. 203; ослѣпленіе и др. (см. ниже). О вліяніи варваровъ (Хр. Чт. 1880, II, с. 177—178).

[2]) Язычество продолжало въ Восточной имперіи держаться до IX в.; только съ VII в. вводится въ употребленіе греческая команда въ войскѣ; еще въ полов. XII в. въ Константинополѣ насчитывалось до 60000 латинянъ, преимущественно итальянскихъ купцовъ (Герцбергъ, Ист. Византіи, 64. 88, 94, 95, 305—306). Византійскіе греки предпочитали называть себя „ромеями“. Алексѣя I Комнена можно считать первымъ императоромъ Востока, который былъ вполнѣ грекъ (Финлей, 410).

[3]) Герцбергъ, 62—63, 116, 266. Начальной исторіи Византіи посвящены труды Ю. А. Кулаковскаго: Исторія Византіи, К. тт. I и II, 1910, 1912 и Ѳ. И. Успенскаго. Спб. 1913.

[4]) Герцбергъ, 197—198. О государственномъ строѣ Византіи см. также очеркъ Дж. Б. Бьюри въ сборникѣ, изд. подъ ред. В. Н. Бенешевича. (Очерки по исторіи Византіи).

рыхъ, по словамъ Шлоссера, заняло бы цѣлые томы [1]) и которыя были такъ же таинственны, коварны и запутаны, какъ интриги азіатскихъ сералей); борьба партій, стоившая жизни тысячамъ людей [2]), вторженія враговъ, опустошавшихъ пограничныя области и доходившихъ иногда до самаго Константинополя; вліяніе наемниковъ (варяговъ, хазаръ, славянъ), насилія и грабежи франковъ и, образовавшееся вскорѣ за ихъ господствомъ, распаденіе областей—вотъ тѣ обстоятельства, которыя способствовали истощенію политическаго организма и подготовляли паденіе государства. Всѣ эти обстоятельства пагубнымъ образомъ отражались на матеріальномъ положеніи страны. Государственная казна истрачивалась на расточительный дворъ, на подкупъ варваровъ и переходила въ руки временщиковъ. Анна Комненъ говоритъ: „Я слышала отъ самихъ воиновъ и отъ стариковъ, что ни одинъ изъ городовъ никогда не бывалъ въ такомъ жалкомъ состояніи". Царь Алексѣй замѣчалъ, что царство его находится уже какъ-бы въ предсмертной агоніи [3]). Мануилъ Комненъ, „изнуряя своихъ под-

---

[1]) Шлоссеръ, Всемірн. ист., VI, 106, 109. Поэтому историки имѣютъ право говорить о „византійскомъ обычаѣ умерщвлять царей" (Герцбергъ, 163). Способы эти самые разнообразные, отъ медленнаго отравленія ядомъ до грубого зарѣзанія и повѣшенія внизъ головою (ів. 204, 322, 405), съ присоединеніемъ постоянно практиковавшагося въ Византіи ослѣпленія (203, 206, 208, 209, 226, 227, 243, 316, 322, 330, 363, 367, 490, 619; 308—ослѣпленіе зеркаломъ) и съ участіемъ женскаго терема (198, 202, 214, 277). Въ теченіе 1058 лѣтъ (отъ Аркадія до Константина XI, 395—1453 г.г.) Визант. имперіей управляли 107 государей, изъ которыхъ только 34 скончались естественною смертью, 8 погибли на войнѣ или отъ несчастной случайности, остальные отреклись отъ престола или погибли насильственною смертью, вслѣдствіе 65 военныхъ и дворцовыхъ переворотовъ (Ш. Диль, Очерки изъ культурн. ист. Византіи, 21). Политическая борьба партій отражалась и на положеніи, патріарховъ; такъ, изъ 42 патр. съ конца IX в. до нач. XIII почти половина, а именно 19 были низведены съ престола безъ достаточныхъ причинъ, по распоряженію высшей государственной власти (Скабалановичъ, Христ. Чтен. 1886, I, 584).

[2]) Византійскія исторіи наполнены разсказами о нападеніяхъ на имперію. Что-же касается склонности константинопольскихъ грековъ къ дворцовымъ смутамъ, то Никита Хоніатъ замѣчаетъ: „Они каждую минуту готовы возвесть на престолъ новаго царя и при самомъ возведеніи обдумываютъ уже, какимъ бы образомъ его низвергнуть, справедливо слывя за это у всѣхъ народовъ матереубійственными ехиднами, людьми, потерявшими всякій смыслъ, вооружающимися противъ самихъ себя". См. Излож. событ. по взятіи Константинополя, гл. 16. Уже въ V в. въ Византіи считалось свыше полумилліона жителей (Герцбергъ, Ист. Виз., 14). Къ XIII в. оно поднялось свыше 1 мил. (Малышевскій, Мелетій Пигасъ, I, 4).

[3]) Сказаніе о дѣлахъ ц. Алексѣя Комнена, кн. III, гл. 9.

данныхъ необыкновенными податями, безумно разсыпалъ деньги на монастыри, духовенство, на варваровъ и латинянъ, на постельничихъ, евнуховъ и своихъ слугъ, дѣлая ихъ богачами и безпрекословно исполняя ихъ просьбы"[1]). Братья Ангелы тратили казну на пышную придворную обстановку и драгоцѣнные костюмы, а болѣе всего на женщинъ и родню. Родственники царя, люди до крайности корыстолюбивые, безпощадно обирали всякаго, кто обращался къ нимъ, какъ къ лицамъ, имѣющимъ большую силу; они присвояли себѣ такіе денежные сборы, которые своими размѣрами далеко превышали состояніе частныхъ лицъ". Исаакъ Ангелъ поддѣлывалъ серебряную монету и публично продавалъ на откупъ должности, торгуя ими, какъ рыночные торгаши овощами, а деньги употреблялъ на излишества своей безпутной жизни[2]). Андроникъ Младшій до 15-ти тысячъ тратилъ на охотничьихъ собакъ и птицъ. Сборъ денегъ въ государствѣ поручался откупщикамъ, изъ которыхъ одерживалъ верхъ тотъ, кто обѣщалъ дать больше. Они доставляли деньги въ казну милліонами, но въ то же время благосостояніе государства съ каждымъ днемъ все болѣе падало[3]). Постоянныя опасенія извнѣ и притѣсненія внутри заставляли многихъ бросать отечество: „цѣлые еллинскіе города, говоритъ Никита Хоніатъ, колоніями переселялись къ варварамъ, потому что частые мятежи развратили политическую нравственность народа, а постоянное грабительство правительственныхъ лицъ подавило въ большинствѣ всякую привязанность къ родинѣ. Завоеваніе Константинополя латинами нанесло непоправимый ущербъ въ политическомъ и матеріальномъ положеніи государства: конфискаціи имуществъ, ссылки, смертныя казни, изгнаніе и тысячи другихъ подобныхъ бѣдствій составляли обыкновенныя явленія жизни[4]). Хорошій урожай, вслѣдствіе постоянныхъ смутъ и нападеній, былъ рѣдкостью, достойною упоминанія въ исторіи[5]). За недостаткомъ средствъ существованія, многіе вынуждены были за три обола отдаваться въ рабство богачамъ, между тѣмъ какъ

---

[1]) По словамъ Никифора Бріеннія при Никифорѣ Ботаніатѣ „казна безразсудно истрачивалась и въ государственномъ казначействѣ произошло величайшее оскудѣніе въ деньгахъ". Историч. Записки Бріеннія, кн. IV, гл. 1.

[2]) Никита Хоніатъ: Царств. Ман. Комн., кн. VII, гл. 2, Царств. Алекс. Комн., кн. III, гл. 8; кн. II, гл. 2; Царств. Исаака Анг.. кн. III, гл. 7.

[3]) Никифоръ Григора: Римская исторія. кн. XI, гл. 2; кн. VIII, гл. 6.

[4]) Никита Хоніатъ: Царств. Ман. Комн., кн. VII, гл. 2. 15; Царств. Алекс. Комн., кн. II, гл. 5. Ср. о немъ Успенскій. Византійскій писатель Никита Акоминатъ изъ Хонъ, Спб. 1874.

[5]) Никифоръ Григора, Римская исторія, кн. IX, гл. 8.

послѣдніе предавались роскоши и пьянству. Издавна обыкновенно говорили: „въ Византіи, кто ни пріѣдетъ, будетъ пьянъ; тамъ по цѣлымъ ночамъ пьянствуютъ". На Западѣ было извѣстно, что „римская держава занимается только пьянствомъ, а Византія въ совершенствѣ представляетъ собою знаменитый нѣкогда городъ Сибарисъ" [1]).

Рядомъ съ необычайною роскошью городъ представлялъ полное запущеніе. Богатствамъ столицы и ея памятникамъ былъ нанесенъ большой ущербъ завоеваніемъ крестоносцами [2]). „Константинополь грязенъ, вонючъ и во многихъ мѣстахъ постоянно теменъ, такъ какъ дворцы богатыхъ покрываютъ улицы, оставляя бѣднымъ и иностранцамъ грязь и потемки", говоритъ Одонъ де-Дёйль (Діогильскій), капеллань Людовика VII (пол. XII в.), сопутствовавшій ему въ крестовомъ походѣ. „Во тьмѣ совершаются убійства, грабежи и другія преступленія. Въ городѣ *столько господъ, сколько богатыхъ, столько воровъ, сколько бѣдныхъ.* О законѣ нѣтъ и рѣчи, и ни у кого нѣтъ ни страха, ни совѣсти, такъ какъ порокъ не наказывается и даже не выходитъ на свѣтъ. Въ этомъ городѣ во всемъ крайности: онъ превосходитъ другіе города своими богатствами, но и порочностью своихъ жителей" [3]). „Римляне готовы предоставить желающимъ послѣднія одежды! восклицаетъ Никита Хоніатъ. Покидая отечественные города, они охотно отрясаютъ прахъ отъ ногъ своихъ, какъ низкіе трусы, робѣющіе на войнѣ хуже женщинъ... Глядя на этихъ людей, можно удивляться, какъ съ теченіемъ времени они сами собою не извели другъ друга: до такой степени они всегда уступчивы, слабы, безсильны въ отношеніи къ врагамъ, и наглы, дерзки, заносчивы съ своими соплеменниками [4])". Уже при Андроникѣ Старшемъ царская казна такъ опустѣла, что въ крайности, за неимѣніемъ другихъ средствъ, пришлось продавать украшенія древнихъ царей [5]). И когда въ половинѣ

---

[1]) Іоаннъ Киннамъ, кн. VI гл. 8; Ник. Хоніатъ, Царств. Исаака Анг., кн. I, гл. 10; Цар. Алекс. Комн., кн. III, гл. 10.

[2]) О богатствахъ и роскоши греческой столицы и міровомъ ея значеніи до завоев. крестоносцами (Герцбергъ, 208—299). Ежегодный доходъ виз. казны=25 мил. фунтовъ стерлинговъ, что=125 мил. (по курсу 1873 г.), между тѣмъ какъ Англіи всего=77 мил. (Хр. Чт. 1880, II, с. 183—184).

[3]) Guizot, Collect, т. XXIV, liv. IV.

[4]) Никита Хоніатъ: Излож. событій по взятіи Констант., гл. 15 и 17. Объ источникахъ средствъ страны и экономич. положеніи (Герцбергъ, 410—415).

[5]) Никифоръ Григора: Римская исторія, кн. VIII, гл. 10. Основатель послѣдней династіи (Михаилъ III Палеологъ, 1261—1282) былъ и послѣднимъ великимъ человѣкомъ, произведеннымъ Византіей (Герцбергъ, 411).

XIV в. прибылъ въ Константинополь османскій султанъ Урханъ, то могъ собственными глазами убѣдиться въ плачевномъ состояніи распадавшейся имперіи. Никифоръ Григора по этому поводу замѣчаетъ: „Бѣдность императорской фамиліи высказывалась даже въ одеждѣ и домашнихъ приборахъ. Вмѣсто драгоцѣнныхъ камней видиѣлись фальшивые камни и разноцвѣтное стекло, стѣны были покрыты не золотой и серебряной парчей, не дорогими коврами, а позолоченной кожей; вмѣсто золотой и серебряной посуды подавалась оловянная, мѣдная и глиняная, наконецъ въ церквахъ съ иконъ снимали украшенія, продавая все, что̀ имѣло въ нихъ какую нибудь цѣнность". Въ 1400 году французскій король Карлъ VI обѣщалъ выдавать греческому императору Мануилу около 30 тысячъ рублей ежегодно на его личныя издержки[1]). Наконецъ платежъ дани туркамъ съ 1370 г. истощалъ средства страны[2]).

II.

Политическія смуты, завоеванія (латинами и турками[3]) и борьба богословскихъ мнѣній не могли не отразиться на положеніи науки (см. ниже). Нѣкоторые представители свѣтской власти являлись любителями и покровителями наукъ. При Палеологахъ свозятся рукописи въ Константинополь. Андроникъ считался ученѣйшимъ государемъ, жена его наслѣдника удостоилась имени новой Ипатіи; его племянника Іоанна называли ходячей библіотекой. И рядомъ съ этимъ епископскія каѳедры занимаются полуневѣжественными людьми, суевѣріе господствуетъ даже при дворѣ; астрологи являются вліятельными лицами[4]); наука принимаетъ узко-богословскій характеръ, хотя

---

[1]) Шлоссеръ, IX, 22, 44.

[2]) Послѣ крестовыхъ походовъ проявилась на Западѣ жажда къ завоеванію Греческой имперіи (La France en Orient au XIV siècle.. Expéduion du maréchal Boncicant. Par. I. Delaville de Roulx. P. 1886; реценз. Ж. М. Н. Пр. 1888, № 2, с. 487—504). Разгромъ XI в. въ pendant латинамъ (Христ. Чтен. 1882 г., I, 145—147), учиненный Алексѣемъ Комненомъ во время бунта противъ Никифора Ботаніата. (Анна Комн., II, гл. 10).

[3]) О вліяніи феодализма и угнетеніи иноплеменнаго населенія (В. И. Григоровичъ, О Сербіи 8—11).

[4]) Къ астрологіи обращались во всѣхъ важнѣйшихъ случаяхъ (Герцбергъ, 145, 321, 564, 569). Еще въ VI в. византійцы писали о выборѣ счастливаго дня, трактаты о звѣздахъ и предсказаніяхъ. Сюда же относится Соломонова книга для вызыванія демоновъ, разсказъ о волшебной куклѣ (Никита Акоминатъ изъ Хонъ, Успенскаго, 107, 111); магич. книги (Ж. М. Н. Пр. 1893 г., № 7, с. 270); изъ боязни бѣдствій народъ разбивалъ статую Аѳины (ib.); гаданія примѣняются къ исторіи Византіи и самое существованіе города связывается съ судьбой его памятниковъ (Этногр. Сборн. 1890, IV, 27—28).

еще пишутся произведенія на старыя темы и удерживаются старыя формы [1]).

Еще Григорій Назіанзинъ говорилъ „Византія наполнена ремесленниками и рабами, глубокомысленными теологами, которые проповѣдуютъ въ своихъ мастерскихъ и на улицахъ. Если ты придешь къ мѣнялѣ размѣнять серебряную монету, то онъ не пропуститъ случая объяснить тебѣ, чѣмъ въ Троицѣ отличается Отецъ отъ Сына; если ты у булочника спросишь, что стоитъ фунтъ хлѣба, онъ тебѣ отвѣтитъ, что Сынъ стоитъ ниже Отца, а на вопросъ, спеченъ-ли хлѣбъ? отвѣтитъ, что Сынъ сотворенъ изъ ничего [2])“. Богословскіе споры были стихіею византійскихъ ученыхъ и монахи нерѣдко являлись главными агитаторами противъ своихъ враговъ, благодаря сильному вліянію на народъ [3]). Сами императоры принимали особенное участіе въ этихъ спорахъ. Достаточно указать на иконоборцевъ, на Михаила Палеолога, на Андроника Старшаго и др. „Для большей части римскихъ (византійскихъ) царей, говоритъ Никита Хоніатъ, рѣшительно невыносимо только повелѣвать, ходить въ золотѣ, пользоваться общественнымъ достояніемъ, какъ своимъ, раздавать его—какъ и кому угодно и обращаться съ людьми свободными, какъ съ рабами. Они считаютъ для себя крайнею обидою, если ихъ не признаютъ мудрецами, людьми, подобными богамъ по виду, богомудрыми подобно Соломону, боговдохновенными руководителями, вѣрнѣйшимъ правиломъ изъ правилъ,—однимъ словомъ—непогрѣшимыми судьями дѣлъ божескихъ и человѣческихъ... Они сами бываютъ въ одно и то же время и провозвѣстниками догматовъ, и ихъ судьями, и установителями, а часто и карателями тѣхъ, кто съ ними не соглашается“. Между императорами особенно прославился въ любви къ богословскимъ спорамъ—Мануилъ

---

[1]) Коршъ, Ист. всеобщ. лит. (А. И. Кирпичниковъ, II, 565—567).

[2]) Стасюлевичъ, Опытъ истор. обз. системъ филос. исторіи, 474.

[3]) По словамъ рус. путеш. к. XII в., Антонія „отъ греческаго моря до моря русскаго есть монастырей 14000“. Современникъ его Евстаѳій Ѳессалоникскій считалъ подвижниковъ въ предѣлахъ Византійской имперіи „безчисленными“, такъ что она представлялась ему однимъ сплошнымъ монастыремъ и казалась всецѣло „монашескимъ царствомъ“ (Eustathius, De emendanda vita monachica, cap. 84—85; Migne, t. CXXXV, col. 797—799). И по завоеваніи Константинополя латинами, западные рыцари были поражены количествомъ монастырей въ столицѣ. Хронистъ Альберикъ насчитывалъ въ ней ок. 500 церквей и монастырей, а Робертъ де-Клари полагалъ до 30000 монаховъ и монахинь (Соколовъ, Ист. монаш. въ Виз. имп. IX—XIII в., Каз. 1894 г., с. 207—308). Монахи увлекались настолько политич. борьбой, захватывавшей всѣ слои виз. общества, что нѣкоторые изъ нихъ сами стали мечтать о византійскомъ престолѣ (Анна Комн., I, гл. 12, 15).

Комненъ[1]). Онъ писалъ огласительныя слова, называемыя селенціями (σελέντία), и читалъ ихъ предъ всѣми; составлялъ догматическія формулы и заставлялъ признавать ихъ: виновные въ преступленіи повелѣнія—подвергались изгнанію и ссылкѣ. Иногда какое нибудь выраженіе, случайно употребленное проповѣдникомъ, перетолковывалось на тысячу ладовъ и становилось предметомъ нескончаемыхъ споровъ. Виновники споровъ окружаемы были народомъ въ собраніяхъ и на площадяхъ, а мнѣнія ихъ раздѣляли остальныхъ на противоположныя стороны и партіи; такимъ образомъ одинъ и тотъ же диспутъ иногда тянулся въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ[2]).

Характерной чертой *византизма* является то, что умственная жизнь столицы и главнѣйшихъ провинціальныхъ центровъ была поглощена церковными вопросами и интересами,—явленіе неизвѣстное Западу... Религія, богословіе, церковь были тою областью, гдѣ находили себѣ наилучшее удовлетвореніе не только потребности души, но и научное стремленіе, гдѣ, по уничтоженіи политическаго, судебнаго, даже академическаго ораторскаго искусства, процвѣтало проповѣдническое краснорѣчіе, гдѣ, находило себѣ самое свободное поприще высшее честолюбіе, не искавшее высокихъ мѣстъ въ гражданской и военной службѣ... Однимъ словомъ византійскій духъ наслаждался этими движеніями и ихъ содержаніемъ; такъ что очень часто догматическіе споры на большихъ и малыхъ соборахъ задѣвали современниковъ гораздо больше, чѣмъ суровая борьба, война съ варварами на Дунаѣ, въ Балканахъ, или съ могучими магометанскими отрядами[3])". Такимъ образомъ, благодаря богословскому и философскому направленію школы. возникаетъ рядъ ересей: богомилы, арсениты, иконоборы, италисты,

---

[1]) Со времени Комненовъ повѣствованію объ этихъ спорахъ отводится слишкомъ много мѣста, а время Палеологовъ можно назвать богословской эпохой византійской исторіографіи (Крумбахеръ). Нѣкоторые историки, какъ І. Киннамъ и Г. Акрополитъ, нерѣдко сами являлись усердными полемистами и посвящали свои труды догматическимъ вопросамъ. Однажды І. Киннамъ завелъ съ новопатарскимъ епископомъ Евѳиміемъ такой горячій споръ объ изреченіи І. Христа „Отецъ мой большій Меня есть", что импер. Андроникъ Комненъ пригрозилъ обоихъ ихъ сбросить въ рѣку Риндакъ (это было въ Лопадіи), если они не прекратятъ своего препирательства (Никита Хон., Цар. Андр. Комн., II, 5).

[2]) Никита Хон., Царст. Мануила Ком., VII, 5—6; Царст. Алексѣя Ком. кн. III, 3; Іоаннъ Киннамъ, Цар. Іоан. и Ман. Комн., II. гл. 10; IV, гл. 16; кн. VI, гл. 2. Никифоръ Григора: Рим. ист., кн. XI, гл. 10. А. И. Васильевъ, Путеш. виз. имп. Мануила Палеолога по Запад. Европѣ (Ж. М. Н. Пр. 1912, № 5); F. Chalandon, Les Comnène, P. 1912 (рец. П. В. Безобразова, 1913, № 6).

[3]) Герцбергъ, 64. По тѣмъ-же вопросамъ см. соч. Ѳ. И. Успенскаго, Ист. Византіи, Спб. 1913, стр. 39, 631, 706—708, 730, 734, 848—851, 857.

варлаамиты, исихаты, мессаліане и др.[1]). Въ XIV в. одинъ схоластическій споръ о ѳаворскомъ свѣтѣ вызвалъ три собора подъ предсѣдательствомъ императоровъ и проникъ въ стѣны Аѳона, а затѣмъ въ Болгарію и Россію.

III.

Религіозная борьба неблагопріятно отражалась на состояніи науки. Императоръ Юстиніанъ закрылъ особеннымъ эдиктомъ аѳинскія школы, въ которыхъ преподавалась языческая философія, удовлетворивъ этимъ только одну сторону, но зато подорвалъ значеніе самой школы. Въ свою очередь такъ поступала и другая сторона. Левъ Исаврянинъ, ревностный иконоборецъ, уничтожилъ школы, въ которыхъ вмѣстѣ съ христіанствомъ преподавались разныя науки[2]). Въ это время погибла извѣстная константинопольская библіотека, вмѣстѣ съ

---

[1]) Ѳ. И. Успенскій, Очерки по исторіи визант. образов., Спб. 1892; его же: Дѣлопроизводство по обвин. Іоанна Итала въ ереси, Изв. рус. Арх. инст. въ Конст-лѣ, II, Одес. 1897 г.,1—66; его же: Философ. и богослов. движ. въ XIV вѣкѣ (Ж. М. Н. Пр. 1892. №№ 1 и 2; ср. Визант. Времен., 1898 г., № 1—2, с. 280—282); Герцбергъ, 113, 265; о богословскихъ спорахъ, Герцбергъ, 43, 413, 434, 466, 475, 508, 524. 564; замѣч. на книгу Ѳ. И. Успенскаго П. В. Безобразова (объ Италѣ) Виз. Времен. 1896, I, 125—150; И. Е. Троицкій, Арсеній, патр. никейскій и арсениты, Спб. 1873; Рецензія на книгу Папамихали о Гр. Паламѣ, И. И. Соколова (Ж. М. Н. Пр., 1913 г., №№ 4, 5 и 6); Н. Ѳ. Радченко, Еретич. движенія въ Болгаріи XIV в.; Некрасовъ, Пахомій Логоѳетъ 3—5; Къ ист. визант. богословія въ XII в., Н. С. Гроссу (Тр. Кіев. Дух. акад., 1913, № 12); объ инквизиціи въ Византіи, въ рѣчи Чельцова (Хр. Чт. 1877, №№ 3 и 4, с. 508); Византія и византійцы, А. Пономарева (Хр. Чт., 1880, №№ 7 и 8); По поводу сочин. Д. Викелы Н. А. Скабалановича: Визант. наука и школы въ XI в. (1884, I); его же, Научная разработка виз. исторіи (ib. II); О нравахъ визант. общества въ средніе вѣка (ib. 1880, I). Ср. крайне суровые приговоры надъ Византіей нѣкот. греч. (Саѳа—„мумія“ и нападенія на лицемѣріе и хапженство, Визант. Врем. 1895, III, 443), западныхъ (Тэнъ—„болтуны“, Ист. Вѣстн., 1900, № 11, с. 722) и русскихъ ученыхъ (В. И. Григоровичъ, см. Пыпинъ, Ист. литер. I, 147—149; В. Г. Васильевскій, въ воспомин. Пантелѣева, Р. Вѣд. 1903, № 183 и отд.).

[2]) Degérando: Hist. des sciences, IV, 130. Подъ византизмомъ разумѣется оцерковленіе мысли, государственной и общественной жизни (А. Пономаревъ, Византія и византійцы (Хр. Чт. 1880, II, №№ 7 и 8, стр. 181). Ср. И. Соколовъ, О византизмѣ въ церковномъ отношеніи (Хр. Чт. 1903, № 12, с. 733—775). Авторъ говоритъ, что цезареопапизмъ и папство не примѣнимы здѣсь, а лишь тѣсный союзъ государства и церкви. Объ отношеніи церкви и государства И. Е. Троицкаго (см. в. и Виз. Врем. 1901, №№ 3—4, с. 735); Gibbon Gesch. des Verfal. und Unterganges des röm. Weltreiches, cap. XL. Вліяніе иконоборства (Герцбергъ, 63, 98, 106, 107, 112, 123, 184); Iustinien et la civilisation byz. au VI siècle, par. C. Dihel, P. 1901.

учеными, занимавшимися въ ней [1]). Съ аѳинскимъ университетомъ была разрушена послѣдняя цитадель античнаго духа [2]). Но это не значитъ, что высшее образованіе было совершенно уничтожено. До взятія Константинополя турками здѣсь существовала публичная школа (университетъ [3]), основанная имп. Ѳеодосіемъ Младшимъ въ 425 г., сгорѣвшая вмѣстѣ съ библіотекой при имп. Львѣ, возстановленная при имп. Ѳеофилѣ, приведенная въ цвѣтущее состояніе при имп. Михаилѣ III, дядей послѣдняго Вардою, и упоминаемая въ позднѣйшія царствованія [4]). Извѣстный патр. Фотій былъ въ ней профессоромъ, когда университетъ процвѣталъ. Но особенно важное значеніе для исторіи высшаго образованія въ Византіи имѣетъ новелла имп. Константина Мономаха, изданная ок. 1045 г., единственный актъ, рисующій жизнь учебнаго заведенія и взгляды правительства на значеніе правовѣдѣнія и т. п. [5]). Передъ взятіемъ Константинополя турками учителями въ ней были Маркъ Евгеникъ, потомъ м. едесскій, и Матѳей Камаріотъ, написавшій трактатъ по риторикѣ, впослѣдствіи патр. константинопольскій. Другія школы существовали при епископскихъ каѳедрахъ [6]). Тѣмъ не менѣе, Анна Комненъ свидѣтельствуетъ что образованіе въ ея время въ Византіи пришло въ пренебреженіе; люди только нѣжились и забавлялись, занимаясь перепелами и другими болѣе постыдными играми. При вступленіе на престолъ ея отца оказалось, что въ самой столицѣ „просвѣщеніе находилось уже въ жалкомъ положе-

---

[1]) Bernhardy: Grundr. der griech. Lit. 6-ой періодъ. О поджогѣ библіотеки сообщаетъ только позднѣйшая редакція хроники Г. Амартола (по изд. Муральта, 634) и писатель XII в. Кедринъ. Достовѣрность же этого извѣстія заподозрѣна давно (В. Г. Васильевскій, Греко-визант. изслѣд., II, с. LVII). Въ ней считалось до 30000 слишкомъ томовъ (Дюканжъ, Constant. Christ., II, 151). Кромѣ того, было много библіотекъ въ разныхъ городахъ, на островахъ и въ монастыряхъ, вмѣщавшихъ не однѣ церковныя книги, но и сочиненія древнихъ писателей.

[2]) Герцбергъ, 65. Лаоникъ Халкондилъ единственный аѳинянинъ, котораго знаетъ исторія визант. литературы. Онъ написалъ исторію 1298—1463 въ 10 книгахъ (Крумбахеръ).

[3]) О преподаваніи въ Конст. универ. древнихъ писателей, юриспруденціи, философіи, прикладныхъ наукъ, риторики, медицины и др. см. Герцбергъ, 65—66.

[4]) Дюканжъ, Constantinop. Christ., II, 151.

[5]) Новелла напеч. (въ отрывкахъ) В. Г. Васильевскимъ (Ж. М. Н. Пр. 1882 г., ч. CCXXII, с. 397); вполнѣ Ѳ. И. Успенскимъ (Изв. Арх. инст. въ Конст-лѣ. т. II. Од. 1897); излож. Скабалановича (Виз. наука и школа XI в., Христ. Чт. 1884 г. I, с. 367); Виз. Врем. 1898 г. I—II, 281—282.

[6]) Е. Голубинскій, Очеркъ ист. просвѣщ. у грековъ (Прав. Обозр., 1872 г., II, № 5, стр. 702); И. Соколовъ, О народныхъ школахъ въ Византіи съ пол. IX до полов. XV в. (Церков. Вѣд. 1897, №№ 7 и 8).

нія, потому что наука была изгнана“; а изъ занимавшихся весьма немногіе оказались „стоящими едва у дверей Аристотелевой философіи [1])“. Но Алексѣй Комненъ не совѣтовалъ слишкомъ увлекаться свѣтскими науками. Византійскіе ученые прежде всего были риторы и діалектики [2]) и даже преподаватели философіи удовлетворялись ходячими представленіями о переселеніи душъ, а представителями ея считались и такіе ученые, какъ Блеммидъ и Михаилъ Пселлъ [3]).

Выдающуюся страницу въ исторіи византійской философіи занимаютъ споры о философіи Платона и Аристотеля, такъ же глубоко раздѣлявшіе ихъ послѣдователей, какъ и богословскія распри, тѣмъ болѣе, что уваженіе къ тому и другому философу часто стояло въ связи съ этими послѣдними. Церковь хотя приняла подъ свое покровительство переработаннаго Аристотеля (Іоаннъ Дамаскинъ) и хотя сочиненія его пользовались преимущественнымъ распространеніемъ, но и изученіе Платона никогда не прекращалось, какъ видно по числу извѣстныхъ рукописей [4]), а ученые эклектики (какъ Пселлъ) удобно соединяли свои влеченія къ обоимъ философамъ [5]). Въ параллель

---

[1]) Анна Комненъ сама хвалится, что она до тонкости изучила эллинскую рѣчь, хотя не легко справляется съ этой задачей. Она вполнѣ является гуманисткой; ея образцы Θукидидъ и Полибій; она получила тщательное воспитаніе и ея мемуары, не чуждые значительныхъ недостатковъ, остаются однимъ изъ самыхъ выдающихся произведеній средневѣковой греческой исторіографіи (Крумбахеръ).

[2]) Герцбергъ, 303.

[3]) Анна Комненъ, Сказ. о дѣл. ц. Алексѣя Комн. кн. V, гл. 8, 9. Лѣт. Георгія Акрополита, гл. 32. По замѣчанію В. Г. Васильевскаго Византія жила риторикой, которая составляетъ неотъемлемую часть ея исторіи и которая, по словамъ Пселла, учитъ двояко понимать фактъ и съ противоположныхъ точекъ зрѣнія говоритъ о немъ убѣдительно. Благодаря этому онъ считалъ себя обязаннымъ составлять панегирики девяти императорамъ, расположеніемъ которыхъ онъ пользовался, онъ могъ писать похвалы блохѣ и т. п. (Ист. Обозр., I, 279–282; В. П. Безобразовъ. Визан. пис. и госуд. дѣятель Михаилъ Пселлъ, Чт. въ Общ. ист., 1889, кн. IV, 1—194). Мануилъ Филе въ посвят. посл. импер. Андронику II говоритъ: Θέλω γαρ εἶναι φιλοδέσποτος κύων ὁρων ἐπι αἰτὰς τῆς τραπέζης τὰς ψύχας. (Хочу быть вѣрной собакой господина, ждущей крохи отъ стола его). Вѣроятно о подобныхъ же стихотворцахъ упоминаетъ. Ник. Хоніатъ (Правленіе. Мануила Комн. I, 3. Ср. Визант. романтич. поэзія И. П. Созоновича (Варш. Унив. изв. 1891, № 6). Вліяніе запад. лит. въ этомъ отношеніи оказывается слабымъ. О семейныхъ нравахъ см. Скабалановича (Хр. Чт. 1886, I, 545—546). Женщины должны были носить покрывала и имѣть въ церквахъ мѣста на хорахъ.

[4]) Ж. М. Н. Пр. 1893, № 7, с. 265.

[5]) Г. Амартолъ восхваляетъ Платона и сурово отзывается объ Аристотелѣ, но много списковъ его соч. находили въ Іерусалим. библ. (рец. Θ. Бѣляева на книгу Керамевса, Ж. М. Н. Пр. 1892, № 5, с. 200); также означ. рец. П. В. Безо-

этому—въ обществѣ были распространены самыя грубыя суевѣрія. Люди изъ высшаго круга имѣли обыкновеніе гадать на тазахъ и лоханяхъ, по мутной водѣ и полету птицъ; самая астрологія считалась очень простою забавою. Если кому изъ сановниковъ случалось упасть съ коня, увидѣть дурной сонъ, услышать таинственный голосъ, при отправленіи своей обязанности выпустить изъ рукъ вещь, то все это принимали за предзнаменованіе какого нибудь общественнаго бѣдствія. На нѣкоторые историческіе памятники города смотрѣли какъ на талисманы, съ которыми связано его существованіе. При дворѣ толпились знахари и чревовѣщатели, къ которымъ обращались за разрѣшеніемъ занимавшихъ вопросовъ. Разныя загадочныя надписи, знаки и буквы, пущенные въ ходъ какимъ нибудь шарлатаномъ, имѣли глубокій смыслъ въ глазахъ политическаго дѣятеля. Для Мануила Комнена считалось роковымъ окончаніе его имени (ηλ означаетъ 38, а онъ царствовалъ 38 лѣтъ); Андроникъ Комненъ всегда опасался начальной іоты (Исаакъ), какъ буквы гибельной для него. До какой степени вѣрили въ подобную каббалистику, видно изъ того, что придворные Андроника Младшаго опасались, чтобы по его смерти не произошло возмущенія въ пользу деспота Константина, такъ какъ его имя начиналось съ К., въ пользу которой уже мистически былъ убѣжденъ народъ. Готовясь къ какому нибудь общественному предпріятію, прежде всего прибѣгали къ объясненію предшествовавшихъ предзнаменованій. Никифоръ Григора тѣхъ, кто умѣлъ искуснѣе объяснять ихъ, называетъ „людьми болѣе разсудительными“. Образованные люди писали въ пользу оракуловъ, предвѣщаній и сновидѣній [1]). Онъ говоритъ, что „нельзя сказать, чтобы отъ оракуловъ была пустая и ничтожная польза, если разсматривать ихъ не поверхностно, а съ должнымъ вниманіемъ... Если же нѣкоторые оракулы и оказываются ложными, то это происходитъ не отъ свойства ихъ, а отъ того, что люди, не дожидаясь времени, забѣгаютъ впередъ и толкуютъ тѣ или другія изреченія въ свою пользу“. Дѣйствительность предзнаменованій въ его время объясняли тѣмъ, что какія-то служебныя силы, однѣ добрыя, другія злыя, обтекаютъ воздухъ и землю, присматриваясь къ тому, что происходитъ здѣсь, и, получивъ свыше знаніе о будущихъ событіяхъ, передаютъ

бразова, Виз. Врем. 1896); О взглядахъ въ Византіи на Платона (Чт. въ Общ. ист. 1889, IV, 158—159). Споръ о Платонѣ и Аристотелѣ въ Византіи, А. С. Лебедева (Прав. Обозр. 1875 № 8—9; Богосл. Вѣстн. 1894, № 4, 6); Герцбергъ, 65—68, 250; Krumbacher, 2-ое изд. (по указателю).

[1]) Мистика—продуктъ византійскаго мышленія (Христ. Чт. 1880, II, №№ 7—8, с. 185).

его людямъ, то въ сновидѣніяхъ, то при помощи звѣздъ, то съ какого-нибудь дельфійскаго треножника, то при посредствѣ внутренностей жертвенныхъ животныхъ, а иногда посредствомъ голоса, сначала неопредѣленно раздающагося, а потомъ раздѣльно въ ушахъ каждаго [1]).

Духовенство въ большинствѣ неблагосклонно смотрѣло на изученіе языческихъ писателей и, по замѣчанію Ауриспа, вообще было мало занимающихся ими [2]). Писатель XII в. Евстаѳій оставилъ намъ описаніе тогдашней монастырской жизни и религіозности. Изъ него видно, что въ многочисленномъ монашескомъ классѣ были развиты суевѣріе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, лицемѣріе и обманы. Монастыри соперничали другъ передъ другомъ, вымышляя чудеса и создавая разныя вещи, которымъ приписывали мнимую святость, и привлекали суевѣрную толпу. Въ монастыряхъ толпились лѣнивцы, тунеядцы, безнравственные люди, убѣгавшіе отъ преслѣдованія закона, съ видомъ поста и святости. Въ монахи шли, чтобы хорошо и спокойно жить. Любовь къ невѣжеству и ненависть къ просвѣщенію были господствующими качествами греческихъ монастырей; монахи съ намѣреніемъ истребляли богатѣйшія библіотеки, сохранявшія отъ древнихъ временъ драгоцѣнныя произведенія *старой литературы*. Человѣкъ съ образованіемъ, вступивъ въ монастырь, навлекалъ на себя зависть, клеветы, гоненія; невѣжды досадовали, зачѣмъ онъ попалъ къ нимъ, оскорблялись тѣмъ, что онъ выше ихъ, и думали, что онъ загораживаетъ имъ дорогу [3]). Такое состояніе монастырской образованности подтверждается и слѣдующимъ извѣстіемъ. Когда сербскій деспотъ Стефанъ отыскалъ гдѣ-то Паралипоменонъ Зонары, то онъ приказалъ монаху Тимоѳею отнести его для списанія *на Аѳонъ* въ Хиландарскую лавру. Но когда переписчикъ (сербъ), желая провѣрить этотъ Паралипоменонъ съ Ксенофонтомъ, Геродотомъ, Апіемъ, Діономъ, Евсевіемъ Кесарійскимъ, Памфиломъ епископомъ, Ѳеодоритомъ Киррскимъ и Никитой Риторомъ, спрашивалъ о нихъ *у всѣхъ знающихъ книжное дѣло, то многимъ и самыя на-*

---

[1]) Исторія Никиты Хоніата, Царств. Ман. Комн., IV, гл. 6; VII, гл. 7; Царств. Алекс. Порфирородн., гл. 12; Царств. Андрон. Комн., I, 5, 9; Излож. соб. по взятіи Констан-ля латинами, гл. 15, 17; Рим. истор. Никиф. Григоры, кн. III, гл. 4; V, гл. 5, 7; VIII, гл. 5, 11, 14, 15; IX, гл. 10, 14.

[2]) Галламъ, Ист. европ. литер., I, 77.

[3]) Eustathius, De emendanda, cap. 104, 107, 128, 144. Монашество—8-ое таинство (Лебедевъ, 597). Никита Хоніатъ о монахахъ временъ Мануила Комнена говоритъ: „они только потому и монахи, что остригли волосы, перемѣнили платье и отпустили себѣ бороду“. Царств. Ман. Комн., кн. VII, 3. Вообще о монашествѣ Царств. Мануила Комнена, VII, 3, 4; Царств. Исаака Анг. I, 7; Вторичное царств. 3. Замѣч. П. Красносельцева (Хр. Чт. 1900, № 11. с. 629—644).

званія ихъ были вовсе неизвѣстны. Патріархи, избиравшіеся изъ монаховъ въ XIV и XV вв. (напр. Герасимъ, Исаія и др.) были люди почти неграмотные [1]) и вообще уже въ XIV в. образованіе греческой іерархіи стояло такъ низко, что въ 1333 г. константинопольскій патріархъ затруднялся выбрать лицъ, способныхъ вести споръ съ римскими епископами, прибывшими въ это время въ Константинополь.

Такое положеніе вещей позволило Гиббону произнести суровый отзывъ о состояніи знаній въ Византіи. „Греки почитали и собирали древнихъ писателей, говоритъ онъ, но ихъ собственные вялые умы были одинаково неспособны какъ мыслить, такъ и дѣйствовать. Въ теченіе десяти вѣковъ они не сдѣлали ни одного открытія, которое возвысило бы или принесло достоинство и счастье человѣку... Ни одно историческое, философское или поэтическое твореніе не было свободно отъ недостатка въ красотѣ стиля, чувства, оригинальной фантазіи, или только счастливаго подражанія... Нашъ вкусъ возмущается выборомъ широковѣщательныхъ и обветшалыхъ словъ, запутаннымъ построеніемъ періодомъ, дурнымъ расположеніемъ образовъ, дѣтскою игрою съ фальшивыми и неумѣстными украшеніями, наконецъ мучительнымъ трудомъ [2]). Ихъ проза доходитъ до нелѣпаго подражанія поэзіи; а ихъ поэзія спускается ниже уровня и пошлости прозы. Музы трагическая, эпическая и лирическая молчали или пѣли безславно. Константинопольскіе барды рѣдко подымались выше загадки, эпиграммы, панегирика или разсказа; они позабыли даже правила просодіи, и, хотя мелодія Гомера еще звучала въ ихъ ушахъ, онѣ мѣшали всѣ мѣры стопъ и слоговъ въ своихъ слабыхъ произведеніяхъ, называемыхъ политическими или гражданскими стихотвореніями. Духъ грековъ былъ заключенъ въ оковы низкаго и властолюбиваго суевѣрія, которое распространило свою деспотію и на свѣтскія науки. Презрѣнныя занятія науками были еще болѣе унижены злоупотребленіемъ высшихъ талантовъ. Представители греческой церкви довольствовались смиреннымъ удивленіемъ и подражаніемъ оракуламъ древности, а потому ни школы, ни каѳедра не произвели ни одного соперника въ славѣ Аѳанасія и Златоуста“ [3]).

---

[1]) Григора, Римская ист., кн. VIII, 2, 12. Конст. Акрополитъ, писатель XIII в., требовалъ уничтоженія книгъ, враждебныхъ церкви (Ж. М. Н. Пр. 1893, № 7, с. 265).

[2]) Оригинальный византійскій складъ рѣчи, оживляющій литературу съ VI—X в., уступилъ мѣсто Муміеобразному школьному языку... Дуализмъ греческаго языка и литературы съ этихъ поръ наступилъ безповоротно (Крумбхеръ).

[3]) Gibbon, нѣмец. изд. стр. 2059; рус. изданіе, VI, с. 245—247.

Конечно подобное обобщеніе можно считать преувеличеннымъ, какъ и свидѣтельство Петрарки, что послѣ смерти Леонтія Пилата (полов. XIV в.) въ Греціи не осталось ни одного человѣка, который могъ бы понимать Гомера [1]), но все-таки нельзя не принять ихъ, какъ доказательство пренебреженія преподаваніемъ свѣтскихъ писателей въ самыхъ школахъ. Завоеваніе Константинополя латинами было страшнымъ ударомъ для византійской культуры и письменности [2]). Въ пожарахъ Константинополя погибло нѣсколько сотъ тысячъ рукописей. Рыцари, издѣвавшіеся надъ „чернильными душами“ византійцевъ и переливавшіе въ деньги драгоцѣнныя бронзовыя статуи, не заботились, конечно, о спасеніи фоліантовъ. По словамъ Никиты Хоніата, на нихъ прекрасное не производило никакого дѣйствія; ихъ удовольствія—кровавыя схватки, грабежи, пожары, жестокости всякаго рода. Самые богатые храмы, величайшія произведенія скульптуры были разрушены, разбиты, сожжены. Всюду царствовало отчаяніе и варварство. Родной языкъ приходилъ въ забвеніе. Музы оставляли свое древнее мѣстопребываніе, или молчали, не желая прославлять дѣянія, въ которыхъ греки не принимаютъ участія [3]). Такимъ образомъ уже со времени завоеванія Константинополя латинами исчезаютъ многіе классическіе авторы [4]). Школа падала вмѣстѣ съ политическимъ упадкомъ страны. Въ XIV в. одолѣваетъ партія, враждебная наукѣ [5]). Но окончательный ударъ Византіи былъ нанесенъ завоеваніемъ Константинополя турками [6]). И Максимъ Грекъ подтверждаетъ это, выражаясь что при немъ науки въ Греціи „совершенно угасли и дошли до послѣдняго издыханія“ [7]). Въ

[1]) Галламъ, I, 77.

[2]) П. А. Смирновъ, Сост. правосл. церкви въ имп. греческой во время владычества латинянъ въ Конст-лѣ (Приб. къ Твор. св. отцовъ 1857, XVI).

[3]) Никита Хоніатъ, гл, XVII; Коршъ, Ист. всеоб. литер., II, 558—559. Византійцы переняли, однако, у латинянъ блестящіе турниры (Герцбергъ, 313; Никита Хоніатъ, Царств. Мануила Комн., III, 3), которые входятъ тогда въ моду.

[4]) Галламъ, Ист. европ. литер., I, 77.

[5]) Виз. Времен. 1896, I, 141.

[6]) А. П. Лебедевъ, Греческія школы, общеобразоват. и духовныя въ Констант. патріархатѣ турецкаго періода (Богосл. Вѣстн. 1899, №№ 1, 3, 5). Авторъ замѣчаетъ, что печальное состояніе просвѣщенія кроется не въ турецк. владычествѣ, а въ малой заботливости самихъ грековъ. См. также замѣч. (Визант. Врем. 1899, в. III—IV).

[7]) Сочин. Максима Грека, I, 363. Ср. L'instruction publique chez les Grecs depuis la prise de Constantinople par les Turcs jusqu'à nos jours. Par. G. Chassiotis, P. 1881; рец. П. А. Сырку (Ж. М. Н. Пр. 1882, № 4, с. 279—300).

это время для развитія ума уже не было простора: силы умственныя занимались только низшими потребностями—и все существованіе ихъ было подавлено. „Языкъ наполнялся словами болгарскими, турецкими, итальянскими. *Учиться думать—было не у кого, за недостаткомъ учителей.* Когда не знали законовъ міроздапія и не старались постигать ихъ, то дѣйствія ихъ конечно отуманивали душу мечтами; *эти греки имѣли совершенно фантастическій взглядъ на вселенную.* Одинъ остался у нихъ элементъ, въ которомъ могла еще проявляться духовная жизнь: они удержали голосъ природы—пѣснь... Можно вообразить, какого рода были эти пѣсни, когда поютъ влюбленные и, отвѣчая другъ другу, стараются превзойти одинъ другого. Скорби и радости обыкновенной жизни, смерть и разлука, одиночество, привѣты лунѣ, порученіе посольства птицѣ, довѣрчивый разсказъ облаку, звѣздѣ и морю, мнимое сообщеніе чувства безжизненному міру—все это составляло предметы пѣсенъ. Такъ этотъ древній народъ, нѣкогда наслаждавшійся жизнью, которая принесла честь человѣческому роду, была образцомъ своего вѣка, заключенный долгое время въ тѣсныя формы, принужденный вести жизнь безъ славы и значенія, *впалъ въ природное состояніе.* Древніе предки кажутся ему гигантами, а гробница каждаго изъ нихъ челюстью коня Александра Македонскаго“ [1]).

Сами греки рано стали сознавать свое нравственное безсиліе. Когда Михаилъ Палеологъ отнялъ Константинополь у латинъ, то одинъ изъ государственныхъ людей Греціи, узнавъ объ этомъ, сказалъ: „что я слышу? за что такая напасть? какими грѣхами навлекли мы на себя гибель? теперь, *когда Константинополь въ рукахъ грековъ, гибнетъ всякая надежда*“ [2]). Видя безнадежное состояніе отечества, многіе изъ грековъ стали эмигрировать на Западъ, а образованнѣйшіе изъ нихъ приняли участіе въ возрождавшемся стремленіи къ изученію древней науки.

IV.

При всемъ томъ Византія оказала весьма важную услугу сохраненіемъ памятниковъ древности и литературы, которыми даже дорожили многіе ученые и монастыри и извлеченія изъ которыхъ они любили помѣщать въ обширные сборники, нерѣдко рядомъ съ извлеченіями изъ священ. писанія и отцовъ церкви, какъ „Библіотека“ патр. Фотія и др. менѣе важные; заслуживають также вниманія историческія произве-

[1]) Ранке, Госуд. и народы южной Европы, I, 26.
[2]) Шлоссеръ, VII, 179.

денія, дающія связную исторію страны, законодательные памятники, съ обширными комментаріями и т. п.[1]). По словамъ Энея Сильвія, Филельфа и Платины, Константинополь до послѣдняго времени служилъ мѣстопребываніемъ древней науки и только тамъ можно было получить настоящія научныя свѣдѣнія и начала высшей философіи[2]).

Послѣ паденія Константинополя, Византійская имперія досталась въ руки Магомета II[3]), и какъ бы ни старались ослабить этотъ фактъ[4]), послѣдній хотя былъ человѣкъ безспорно умный и по своему даже очень ученый, но это внѣшнее образованіе не смягчило его жестокой натуры, склоннаго притомъ къ чрезмѣрному пьянству (Л. Халкондилъ[5]). Правда, по политическимъ соображеніямъ, онъ обезпечилъ права церкви своей привилегіей и позволилъ избрать новаго патріарха, которымъ сталъ такой выдающійся ученый, какъ Геннадій (Георгій Схоларій[6]), и къ которому онъ относился благодушно и покровительственно, но въ отношеніяхъ турокъ къ христіанамъ часто дѣйствовали мотивы не фанатизма, а корыстолюбія[7]).

---

[1]) „Ни одинъ народъ, за исключеніемъ быть можетъ китайцевъ, не обладаетъ такой богатой исторической литературой, какъ греки. Цѣпь историческаго преданія идетъ непрерывно отъ Геродота до Лаоника Халкондилы... Историки несомнѣнно стоятъ во главѣ византійской прозы. Византія ни въ одномъ литературномъ трудѣ, кромѣ церковной поэзіи, не дала такихъ богатыхъ и превосходныхъ плодовъ“ (Крумбахеръ).

[2]) Садовъ, 3, примѣч.

[3]) Магометанская мечеть была въ Констан-лѣ еще въ XII в. (Прибавл. къ Твор. свят. отцовъ, XVI, 549—550).

[4]) А. П. Лебедевъ, Ист. греко-восточ. церкви подъ властью турокъ, изд. 2-ое Спб. 1904 г., стр. 177—178, 262. По свидѣтельству Франтзы, визант. вельможа, одинъ изъ противниковъ уніи (Лука Нотара), говорилъ: „лучше чалма, чѣмъ папская тіара“ (262). Замѣчаніе на это Болотова (Хр. Чт. 1882, I, 148, прим. 2),

[5]) В. Б. (Болотовъ). Къ ист. внѣшн. сост. Конст. церкви подъ игомъ турокъ (Христ. Чтен., 1882, I, 143—144).

[6]) О немъ Х. Папаіоанну. Акты послѣд. Соф. собора 1450 (Виз. Врем. 1895, в. III, 394—415); ср. Тр. Кіев. дух. ак. 1911, № 1, с. 631—638.

[7]) Выходившіе изъ Константинопольскаго порта корабли были нагружены плѣнными, драгоцѣнными вещами и *книгами безъ числа.* Всю добычу оцѣниваютъ до 4 мил. дукатовъ (Халкондилъ)=11600000 руб. зол. (В. Б. 140). Во время взятія Константинополя количество населенія его опредѣляютъ уже въ 40000 (ср. в. 53, пр 2); другіе число обращенныхъ въ рабство—60000 (ib., 140); но еще до того насчитываютъ (Халконд.) плѣнныхъ христіанъ въ XIV—XV в.в., выведенныхъ турками, до 100000 (Хр. Чт. 1878, I, 458). Объ обширномъ контингентѣ русскихъ рабовъ, продававшихся на константин. рынкѣ генуэзц., евреями, татар., турками (Ламанскій, Могущ. турокъ, 22—23). „Турки по натурѣ грабители“ (Герцбергъ, 237, 240, 241, 267; Фиске, Откр. Америки I, 185—186). Дука, Франтза, Леонардъ Хіосск. и

Покровительство, оказанное патріарху и терпимость Магомета II, связанная съ изложеніемъ христіанской вѣры Геннадіемъ, создали для султана весьма распространенную и благопріятную легенду [1]) о его справедливости, доходившей до жестокости [2]). Несомнѣнно также, что турки, по недостатку просвѣщенія, должны были мириться съ допущеніемъ въ провинціальную и даже центральную администрацію (придворные, драгоманы, евнухи) грековъ и др. христіанъ [3]). По политическимъ соображеніямъ, турки противодѣйствовали католической пропагандѣ и тѣмъ содѣйствовали охраненію греческой церкви [4]); но худшія времена наступили при преемникахъ Магомета II (1481 г.), даже послѣ Баязета II, отличавшагося кроткимъ и миролюбивымъ характеромъ (1481—1512), при Селимѣ I (1512—1520), Солиманѣ I (1520—1566), Селимѣ II (1566—1574) и Мурадѣ III (1574—1595) [5]), особенно съ Солимана I, при которомъ началось усиленное обращеніе церквей въ мечети и постройка мечетей при Мурадѣ и его преемникѣ

м. Исидоръ говорятъ о различныхъ видахъ оскорбленія христіан. святынь. Между прочимъ по лагерю носили распятіе, накрытое янычарской шапкой. На 3-й день (1 іюня) въ храмѣ св. Софіи впервые совершена была мусульманская молитва и „великая церковь" стала мечетью (Хр. Чтен. 1888, I, 140—141). Впрочемъ и прежніе разгромы самихъ грековъ заслуживаютъ сопоставленія съ этимъ погромомъ варваровъ (ib. 146—147).

[1]) О бесѣдахъ Магомета съ патріархомъ о вѣрѣ (Малышевскій, 13, 69, 70, 78; см. М. Крузія „Turcograecia"). Бесѣда патр. Геннадія съ турец. султаномъ Магометомъ II была переведена въ 1563 г., какъ руководство, для сына Ивана Грознаго Ивана Ивановича (каковъ долженъ быть царь), на русскій языкъ (Ист. Вѣстн. 1908, № 4, с. 379) и несомнѣнно отразилась въ извѣстномъ сказаніи, приписываемомъ Ивану Пересвѣтову.

[2]) Возведеніе въ 1475 г. на патріаршій престолъ серба Рафаила волею султана объясняется вліяніемъ мачехи послѣдняго, славянки Маріи (Лебедевъ, 253, 262). Всѣ почти османскіе султаны начиная съ Урхана и кончая Мурадомъ II, были женаты на христіанскихъ принцессахъ, исключая одного Магомета II, которыя держались своей вѣры и пользовались свободой и вліяніемъ. Примѣру этому слѣдовали многіе османы (Халкондилъ, Кантакузенъ, Дука, Франтза, Хр. Чт. 1878, II, 470—473). Съ ихъ именами связаны привилегіи Аѳона и онѣ сами на старости поселялись близъ него (ib. 1864, отд. 2, с. II, 26—27).

[3]) Лебедевъ, 131—132.

[4]) Ibid., 171—173.

[5]) О состояніи Константинопольской церкви подъ игомъ турокъ (ib. 1861 г., ч. 2, отд. I, I—144, 233—296); Малышевскій, Мелетій Пигасъ, I, 435—443; А. В. Горскій, О церкви греческой съ 1453—до нач. XVIII ст. (Приб. къ Твор. св. отц., т. XXXII, 1883 г.). О Констант. патріархатѣ см. также у А. Лебедева (Богосл. Вѣстн. 1894—1895 г.г.) и В. Архангельскаго (Чт. въ Общ. люб. дух. просв., 1882, I и II, 1883, I и II, 1884, I, 1885, I).

Магометѣ III, когда возникла въ сералѣ даже мысль объ устройствѣ Сицилійской вечерни для христіанъ Оттоманской имперіи [1]); шло усиленное обращеніе въ магометанство (еще при Магометѣ II обращали насильно 10-лѣтнихъ мальчиковъ); появились даже факты мученичества [2]); небольшая поголовная подать, наложенная при Магометѣ II, была увеличена втрое и въ концѣ XVI в. составляла уже 30 драхмъ (съ 12 лѣтъ [3]), не считая цѣлаго ряда второстепенныхъ сборовъ, отъ исправнаго платежа которыхъ зависѣло право пользованія имуществомъ и право исповѣдывать свою религію [4]).

V.

Съ завоеваніемъ Византіи турками власть константинопольскаго патріарха возвысилась и усилилась. Онъ сталъ полнымъ господиномъ, надъ высшимъ и низшимъ духовенствомъ; онъ является, по смыслу бератовъ, верховнымъ главой и судьей націи въ политическомъ отношеніи; онъ становится для грековъ какъ бы преемникомъ византійскихъ императоровъ, истиннымъ властителемъ греческаго народа. Съ подчиненіемъ же остальныхъ патріархатовъ (1517 г.), константинопольскій патріархъ получилъ и надъ ними такую власть, какой не имѣлъ раньше. Такъ образовалось своего рода „церковное государство“, какъ бы государство въ государствѣ, а столичный патріархъ представлялъ какъ бы сколокъ съ римскаго папы [5]). При всемъ томъ

---

[1]) Хр. Чт 1878, II, 427—428; 1861, ч. 2, с. 35—36; 1882, I, 141.

[2]) Греческая церковь причислила впослѣдствіи къ лику святыхъ около 20 мучениковъ, пострадавшихъ въ теченіе XV и XVI стол. отъ магометанъ (Твор. св. отц. 1883, №№ 3—4; Прибавл., г. XXXII, с. 398—399); подробнѣе о нихъ (Хр. Чт. 1861, ч. II, отд. I—II, с. 35—47). Есть книга на новогреч. языкѣ: „Христіанскіе мученики на Востокѣ по завоеваніи Константинополя“, перев. на руск. яз. свящ. П. Соловьевымъ, Спб. 1862.

[3]) По Делакруа—3½ экю; по Рико—1 талеръ (Хр. Чт, 1861, стр. 28—29). Упраздненіе нѣкоторыхъ женскихъ мон-рей вслѣдствіе опасенія отъ турокъ (Хр. Чт. 1870, II, 969). М. Грекъ также упоминаетъ объ одномъ мученикѣ (III, 240—243).

[4]) Турки старались вытѣснить христіанъ изъ городовъ и низвести на степень деревенскихъ наемниковъ и обособить во всемъ отъ одежды до политическихъ правъ (Хр. Чт. 1882, II, 353—384, Болотовъ).

[5]) Ѳ. А. Кургановъ, Ист. оч. грекоболгарской распри (Правосл. Соб. 1873, I, 38); его же, Къ истор. конст. патріарховъ (Хр. Чт. 1900, №№ 11 и 12); Н. С. Бердниковъ, Церк. право (Прав. Соб. 1890, II, 153); А. П. Лебедевъ (106, 111, 121—122, 133, 761). О жестокости духовной власти и о вліяніяхъ пресловутыхъ геронтессъ—наложницъ (ib. 115). Подробно о нихъ значеніи говоритъ еп. Порфирій (Успенскій) въ своихъ дневникахъ.

положеніе христіанскаго населенія становилось бѣдственнымъ. Хотя въ Константинополѣ на первыхъ порахъ появилась патріаршая школа, но просвѣщеніе пало до того, что самый языкъ свящ. книгъ (старо-греческій) сталъ забываться (уже въ XVI в.); низшій клиръ впалъ въ невѣжество и только въ позднѣйшее время стали возникать болѣе значительныя школы. Патріархи далеко не всѣ стояли на высотѣ своего положенія, какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи [1]). Главная причина бѣдствій заключалась въ томъ, что греческій народъ жилъ подъ опасеніями, такъ какъ ни одна изъ значительныхъ привилегій ничѣмъ не была гарантирована отъ нарушеній [2]). Такъ, во время завоеванія Константинополя въ немъ считалось 86 большихъ храмовъ, къ концу же XVI в. только 46, а монастырей— лишь 4 [3]). Богатые греки должны были носить худое платье, изъ опасенія, чтобы турки не посягнули на ихъ имущество [4]). Вслѣдствіе неудовольствій свыше и внутреннихъ несогласій, конст. патріархи не могли похвалиться прочностью своего положенія: такъ, съ половины XV в. до конца XVI на конст. престолѣ перебывалъ 31 патріархъ, изъ которыхъ 9 были два раза и 2—три раза [5]), причемъ историку церкви приходится отмѣчать, что дѣятельность ихъ была ни разнообразна, ни блестяща [6]).

---

[1]) А. П. Лебедевъ, 221—244. Необходимо было сдѣлать переводъ Н. Завѣта на простонародный языкъ и книги стали издаваться на немъ (683—686); о патр. школѣ (Хр. Чт. 1861, ч. II, 239—242); замѣч. о языкѣ (Малышевскій, М. Пигасъ, I, 81—88). На занятіе классическими авторами стали смотрѣть какъ на опасныя (А. П. Лебедевъ, 607).

[2]) А. П. Лебедевъ, 131—133. Послѣ паденія Византіи на Западѣ забыли о существованіи Имперіи, о древнихъ ея городахъ, о ея религіи и пр. и понадобилось самоотверженіе ученыхъ (Крузій и Герлахъ), чтобы возстановить позабытыя свѣдѣнія (Лебедевъ, 37).

[3]) При увеличившемся снова христіанскомъ населеніи до 100000 (ibid. 131, 696, 697, 763—764 (въ друг. патр.), 814. Ко времени взятія К—ля турками, въ немъ насчитывалось лишь до 40000 жит. (Малышевскій, 4).

[4]) Ibid., 151. Ренегатами, впрочемъ, были б. ч. не греки, а албанцы, боснійцы, кроаты и др. (Лебедевъ, 185).

[5]) И. А. Малышевскій, Мелетій Пигасъ, I, 497; на антіох. до 12; на іерусалим. до 7; на александр. 4. Въ послѣдующіе вѣка подобное же явленіе (ib. 440; Лебедевъ, 253). Позже (XVII в.) Кириллъ Лукарисъ (съ 1621) въ теченіе 17 лѣтъ шесть разъ долженъ былъ оставлять патр. престолъ (Твор. св. отц. 1883. Прибавл. т. XXXII, 417, ст. А. В. Горскаго).

[6]) Лебедевъ, 276; въ XVII в. еще хуже (230—31, 233, 320); двоепатріаршество (281—282). Патр. Митрофанъ III (1565—1572) ѣздилъ въ Римъ и сомнительно держалъ себя у папы (289); на жизнь Діонисія II посягали сами греки (285); патр.

Донесенія венеціанскихъ посланниковъ и путешественниковъ (Герлахъ) по Турціи XVI в. вполнѣ подтверждаютъ „бѣдность и нищету населенія и запущенность земледѣлія", вслѣдствіе того, что добывать больше необходимаго было излишне, такъ какъ, если бы они (крестьяне) добыли что нибудь лишнее, то турки отняли бы у нихъ; поэтому они предпочитали оставлять свою плодородную и доходную землю впустѣ, и чѣмъ дальше отъ столицы, тѣмъ хуже, потому что кади, беги, спаги, янычары, находясь въ той или другой деревнѣ, поступали, съ ними по произволу и потому, что они имѣли, должны были скрывать [1]).

VI.

На фонѣ взаимныхъ отношеній Византіи, Россіи и Запада въ эпоху возрожденія, по тѣсно связаннымъ между собою политическимъ, церковнымъ и культурнымъ интересамъ, выдаются три личности—Исидора м. кіевскаго, Виссаріона архіепископа никейскаго и Максима Грека. Выборъ въ преемники Фотію м. Исидора не является такимъ опрометчивымъ актомъ со стороны константинопольскаго правительства, какъ это представляется иногда церковными историками. Уроженецъ Константинополя, Өессалоникъ или Мореи [2]), по однимъ грекъ, а по другимъ славянинъ [3]), затѣмъ игуменъ важнаго (царскаго) мон. (св. Димитрія) въ Константинополѣ, одинъ изъ трехъ делегатовъ на соборѣ въ Базелѣ, онъ представляется сторонникомъ той правительственной партіи, которая въ уніи искала обезпеченія политической независимости Имперіи. Но въ болѣе симпатичныхъ чертахъ рисуется его личность, какъ друга и ученаго корреспондента извѣстнаго гуманиста Гвари-

---

Іоасафъ I отъ безобразій клира впалъ въ болѣзнь и посягалъ на самоубійство (294); патр. Пахомій I былъ отравленъ монахомъ (297). Перечисляя бѣдствія патріаршества, историкъ его замѣчаетъ, что конст. іерархія несла должную кару отъ Бога за свои „злохудожества" (305).

[1]) Политика турецк. правительства по отнош. къ христіан. подданнымъ и ихъ религіи Н. Скабалановича (Хр. Чт. 1878, II, 461—462); его же: Религіозный характеръ борьбы османскихъ турокъ съ греко-славян. міромъ до взятія Константинополя въ 1453 г. (ib., 1878, II).

[2]) Вѣрнѣе послѣдней, судя по указанію на него митр. Фотія, родомъ морейца.

[3]) М. Исидоръ подписывался погречески, что даетъ право заключать, что если онъ и былъ славяниномъ (по однимъ далматскій сербъ, а по другимъ болгаринъ), то огречившійся и охотнѣе употреблявшій языкъ, усвоенный наукой, нежели родной (Чт. въ Общ. ист. 1846, I, ст. Бодянскаго, стр. 14—16; Уч. зап. Казан. унив., кн. II и III, Обз. Времен., Н. Иванова, 356). Ср. Голубинскій, II, 421—423 (сводъ данныхъ въ пользу греческаго происхожденія).

но, съ которымъ онъ сблизился во время пребыванія его въ Константинополѣ, когда послѣдній учился здѣсь у обоихъ Хризолорасовъ, которому онъ посылалъ произведенія греческихъ классиковъ и ученыя письма (изъ нихъ дошло два). Его безпрестанныя ссылки на писателей классической древности ясно показываютъ, какъ широки были его умственные интересы вообще. Другъ потомъ извѣстнаго кардинала Виссаріона и самъ кардиналъ, Исидоръ былъ чуждъ мечтаній послѣдняго о возникновеніи новой религіи на философскихъ началахъ, но самъ отличался піэтическимъ настроеніемъ. Съ точки зрѣнія этихъ грековъ—патріотовъ спасеніе Византіи отъ завоеванія турокъ было болѣе достойнымъ подвигомъ, чѣмъ отстаиваніе нѣсколькихъ болѣе тонкихъ, чѣмъ важныхъ, пунктовъ ортодоксальнаго характера. Совершенно также держали они себя на соборѣ въ Феррарѣ и Флоренціи [1]).

Независимо отъ того, Исидоръ велъ обширную корреспонденцію какъ въ Греціи, такъ и въ Италіи, обнаруживающую въ немъ интересъ къ современнымъ событіямъ, и между прочимъ съ московъ. митр. Фотіемъ, чтó указываетъ на его прежнюю близость съ нимъ и, быть можетъ, объясняетъ его назначеніе въ Москву. Исидоръ много путешествовалъ по греческимъ провинціямъ, причемъ обнаружилъ замѣчательную наблюдательность: онъ обращалъ вниманіе на остатки старинныхъ надписей, на вліяніе эллинизма на мѣстное населеніе (напр. въ Албаніи), и хлопоталъ о бѣдствующихъ жителяхъ, обремененныхъ налогами [2]). Онъ славился знаніемъ языковъ и ученостью, на что обратилъ вниманіе и русскій лѣтописецъ, вообще къ нему не благосклонный [3]). Исидоръ былъ убѣжденный защитникъ политическаго существованія Византіи. Онъ два раза побывалъ на Западѣ (1445, 1452 г.г.), ратуя въ пользу уніи. Свое участіе онъ засвидѣтельствовалъ, когда въ санѣ легата явился въ ноябрѣ 1452 г. въ Константинополь, гдѣ успѣлъ склонить императора, высшее духовенство и знать

---

[1]) О латинскихъ тенденціяхъ (Малышевскій М. Пигасъ, I, 26 и д., 47 и д., 72 и д.); Отношеніе народа къ уніи (Хр. Чт., 1882, I, 140). Въ народѣ говорили: „Лучше впасть въ руки турокъ, чѣмъ франковъ“. Народъ не хотѣлъ входить въ Софію, чтобы не оскверниться соприкосновеніемъ съ турками и обзывалъ „великую церковь“ вертепомъ еретиковъ.

[2]) Regel, Analecta Byzantino-Russica Petr. 1891, XXXIX—LI, съ прилож. шести писемъ іером. Исидора, 1415—1425, по Ватик. архиву; А. Садовъ, Виссаріонъ Никейскій. Его дѣят. на Фер. флор. соб. и знач. въ исторіи гуманизма, Спб. 1883.

[3]) Никон. лѣт., V, 123: „Исидоръ митроп. *гречинъ*, многимъ языкамъ сказатель и книжникъ“. О его учености (125); ср. Царств. кн., 198. Объ изображеніи его (Словарь Ровинскаго, II, 1002 и IV, 436).

къ принятію римскаго догмата о Духѣ Св. и къ празднованію соединенія церквей. Однако онъ встрѣтилъ противодѣйствіе въ лицѣ Геннадія Схоларія, сначала горячо ратовавшаго въ пользу уніи во Флоренціи, но потомъ выступившаго противникомъ ея и привлекшаго въ Константинополѣ монашество.

Противъ уніи еще ранѣе ратовали монахи Аѳонскихъ и Студійскаго монастырей [1]); народъ былъ на ихъ сторонѣ. Исидоръ принималъ участіе и въ доставленіи денегъ императору, и въ укрѣпленіи города, и, когда послѣдній былъ взятъ, попался въ плѣнъ; но, проданный въ рабство, успѣлъ бѣжать въ Кандію, а потомъ въ Римъ [2]). Онъ даетъ описаніе взятія турками Константинополя и своего бѣгства [3]). Противъ 258000 турокъ импер. Константинъ могъ выступить съ 7000 отрядомъ (изъ 100000 грековъ, населявшихъ раньше городъ, только $^1/_6$ часть принимала участіе въ дѣлѣ, не считая венеціанцевъ, французовъ, нѣмцевъ и др.—до 3000 [4]). Религіозная распря, конечно, и тутъ не осталась безъ вліянія. По словамъ Исидора, во время разгрома погибло до 120 тыс. томовъ книгъ и за одинъ дукатъ тогда можно было купить цѣлую связку манускриптовъ, въ томъ числѣ Гомера и Аристотеля (Дука [5]). Въ 1459 г. онъ былъ возведенъ (номин.) въ санъ патр. константинопольскаго, на мѣсто скончавшагося Григорія, ранѣе ушедшаго въ Римъ, послѣ отверженія уніи. Вмѣстѣ съ Виссаріономъ онъ присутствовалъ на конгрессѣ въ Римѣ по поводу организаціи похода противъ турокъ, хлопоталъ о сформированіи отряда, съ которымъ самъ думалъ отправиться на мѣсто дѣйствій; но 1 апр. 1461 г. его постигъ ударъ и спустя годъ (27 апр. 1462 г.) онъ скончался. Судя по тому, что папа Калликстъ III (1455—58), не отличавшійся склонностью къ гуманнымъ наукамъ, изъ библіотеки, собранной Николаемъ V, предоставилъ въ распоряженіе Исидора 62 т. рукописей, въ числѣ которыхъ были не только богословскія и каноническія книги, но также соч. Гомера, Платона, Геродота, Плутарха, Ѳукидида, Діодора, Полибія, Демосѳена, Исократа.

---

[1]) Замѣчаніе объ аѳонскихъ монахахъ (Малышевскій, I, 8).

[2]) Шлоссеръ, IX, 106—111; Pierling, La Russie et le S. Siège, I, 78; изъ Кандіи онъ обнародовалъ письмо объ этомъ.

[3]) Изд. Рейснеромъ: Epist. Turciae 1598, въ итал. пер. въ изд. F. Sansovino, Hist. univ. dell'orig., guerre et. imp. di Turchi, Ven. 1654; ср. Migne Patr. graeca, 159, 953.

[4]) Многіе раньше бѣжали или выселились (см. выше. стр. 65).

[5]) Письмо Лауро Квирина къ папѣ 1453 г. (Фойгтъ, II, 179). В. Васильевскій, Обозр. трудовъ по визант. исторіи, Спб. 1890 г., с. 4; Коршъ, II, 565, 566; К. Базили, Конст. библ. (Ж. М. Н. Пр. 1836, № 1, с 144).

Евклида, Архимеда, Галена, Гиппократа, большею частью возвращенныя потомъ въ Ватик. библ., можно судить, что умственные интересы до конца жизни привлекали вниманіе Исидора. Онъ постоянно нуждался въ средствахъ, часть которыхъ удѣлялъ на своихъ соотечественниковъ и выкупъ плѣнныхъ [1]).

VII.

Въ другомъ родѣ представляется личность Виссаріона, хотя онъ и Исидоръ шли рука объ руку въ своей дѣятельности и цѣляхъ. Родомъ трапезунтецъ (р. 1403), онъ учился въ Константинополѣ, признаваемомъ на Западѣ центромъ тогдашней науки, гдѣ сблизился съ Георгіемъ Схоларіемъ и итальянскимъ гуманистомъ Филельфомъ; потомъ уже монахомъ—въ Пелопоннесѣ, въ школѣ Гемиста Плеѳона—математикѣ и философіи. Подъ вліяніемъ Плеѳона онъ проникся симпатіей къ Платону и усвоилъ нѣкотораго рода свободомысліе въ религіозныхъ вопросахъ и терпимость къ латинянамъ, которые жили тамъ въ большомъ числѣ. Онъ славился здѣсь какъ проповѣдникъ. Въ виду предстоявшаго собора о соединеніи церквей, Виссаріонъ близко ознакомился съ литературой этого вопроса, сочиненія по которой находились въ его библіотекѣ. Его расположеніе къ философіи Платона, благопріятствовавшей латинскому ученію, облегчило и переходъ его на сторону

—

[1]) О немъ см. Пржездецкій, Wiadomosč Bibliogarficzna etc. Warsz. 1850, стр. 128, 154; Слово его (Бодянскій, Опис. рук. Позн. библ., Чт. Общ. ист., 1846, № 1); Стасюлевичъ (Осада и взятіе Византіи турками, Уч. зап. Ак. Н. по 2 отд., I, 121, 134, 137: Дука обвиняетъ Исидора въ искательствѣ патріаршества); въ Толстов. спискѣ Хроногр. о выкупѣ Исидора за 300 среб. (Обз. Хроногр., II, 65; ср. Халконд. Bon., 399); Обор. уніи Кревзы (Рус. Ист. библ., IV, 233—234—болгаринъ); Палинодія (тамъ же, по указат.); Ф. А. Терновскій (Изуч. Византіи, II, 229—232); В. Регель, Analecta Byzantino-Russica, Petrop. 1891, p. xxxix—ʟɪ; P. Pierling, La Russie et le St. Siège, I, 94—96 и по указ.; неправильно считавшіяся рук. пропавшими (Фойгтъ, II, 183); ср. Кіев. Стар. 1892, № 8, стр. 282; Ѳ. Делекторскій, Флорент. унія (Стран. 1893, III, 56—85, 236—259, 442—458). Новыя данныя о м. Исидорѣ у Пирлинга (Отч. Е. Ф. Шмурло, Уч. зап. Юрьев. унив. 1894, № 2, с. 20); замѣч. о смерти Исидора (Акты истор., I, № 286, сообщ. псковит.); проклятіе его вмѣстѣ съ патр. Игнатіемъ, въ актѣ 1634 г. (Рус. Ист. библ., II, 551); Дипломат. снош. Москвы съ Римомъ въ XV и XVI стол. (Рус. Стар. 1903, №№ 7, с. 99, и 8, с. 367—69); Былъ ли м. Исидоръ легатомъ для Москвы, П. П. Соколова (Чт. въ Общ. лѣт. Нестора, 1908, XX, 23—38); Фойгтъ, Возрожд. и вѣкъ гуманизма (II, стр., 112). Е. Голубинскій (Ист. рус. церкв. т. II; Чт. въ Общ. ист. и древн.); П. Д. Погодинъ, Обзоръ источниковъ по ист. осады и взятія турками Византіи (Ж. М. Н. Пр. 1889, № 8).

послѣдняго[1]), и хотя онъ хвалился убѣдить латинянъ своимъ краснорѣчіемъ въ пользу ученія восточной церкви, но, возведенный одновременно (1437) съ непримиримымъ противникомъ латинянъ, Маркомъ ефесскимъ, въ архіепископы (никейскіе), съ которымъ сначала дѣйствовалъ согласно, онъ впослѣдствіи разошелся съ нимъ (отчасти въ Феррарѣ и окончательно во Флоренціи), соединившись съ Исидоромъ и той придворной партіей (съ импер. Іоанномъ во главѣ), которая, въ интересахъ политическихъ, добивалась этого сближенія. Тѣмъ болѣе это столкновеніе явилось неизбѣжнымъ, что оба они — Маркъ и Виссаріонъ отличались противоположными характерами. Первый былъ человѣкъ крутаго и рѣзкаго нрава, второй обладалъ мягкостью и гибкостью, при самолюбіи и гордости натуры. Соперничество тутъ оказалось неизбѣжнымъ.

Сближенію Виссаріона съ латинами вѣроятно способствовалъ тотъ же Исидоръ, еще на соборѣ въ Базелѣ обнаружившій свою склонность къ соединенію. Близкія знакомства, которыя Виссаріонъ свелъ съ представителями латинства, и чтеніе разныхъ произведеній этого направленія все болѣе содѣйствовали его перелому. Увлеченіе его краснорѣчіемъ влекло его на этотъ путь, всегда опасный, когда другіе (даже Исидоръ) часто безмолствовали или говорили мало, при болѣе или менѣе неопредѣленномъ (патр. Іосифъ) или даже критическомъ отношеніи другихъ (Георгій Схоларій), и когда возобладала политическая точка зрѣнія на вопросъ о соединеніи (императоръ и близкіе къ нему). Подъ давленіемъ крайне печальныхъ условій, политическихъ и даже финансовыхъ (греки не располагали даже средствами для возвращенія), Виссаріанъ писалъ, что „осталось единственное прибѣжище—латиняне и соединеніе съ ними, только здѣсь есть надежда подняться на ноги и поразить враговъ, чего только и боялся нашъ врагъ... Лишенные этого, куда пойдемъ? Какой будетъ конецъ бѣдствій? Гдѣ спасеніе отъ несчастій“? Онъ взывалъ и къ патріотизму присутствующихъ: „Что до меня касается, я никогда не буду такого мнѣнія и никогда не выдамъ по доброй волѣ врагу тѣла́, ду́ши, вѣру, города, гробницы отцовъ, свободу и все дорогое—и пусть это мое слово послужитъ вѣчнымъ свидѣтельствомъ предъ всѣмъ народомъ и предъ всѣми христіанами. А указанныя бѣды, по моему мнѣнію, не-

[1]) Курбскій пишетъ, что на Флорентійскомъ соборѣ греки требовали „да не держатъ (латиняне) пургаторіи (чистилища), по Оригену, ее же взялъ отъ Платона внѣшняго философа, безконечно муцѣ конецъ полагающе, но да молитву приносятъ за усопшихъ у св. алтаря, такъ яко Діонисій Ареопагитъ написалъ въ своей священной книгѣ и др. святые“ (Сказанія, 296).

избѣжно послѣдуютъ за раздѣленіемъ христіанъ и за нашимъ, совершенно неосновательнымъ отдѣленіемъ отъ латинянъ..., ибо я не вижу никакой разумной причины, по которой бы я могъ избрать для себя таковыя и которая бы уравновѣшивала ихъ". И въ рѣшительный моментъ принятія окончательнаго шага императоръ совѣщается съ тѣми же Виссаріономъ, Исидоромъ, да великимъ протосинкелломъ Григоріемъ. И эти же три лица являются главными вершителями дѣла уніи, то на совѣщаніяхъ между собою, то у императора, то на богатомъ угощеніи съ нѣкоторыми епископами, данномъ Исидоромъ. Въ пылу увлеченія Виссаріонъ и Исидоръ предлагали даже грекамъ наложить анаѳему на тѣхъ, кто будетъ противиться опредѣленію собора. Нельзя не замѣтить, что, вѣрный своей школѣ, Виссаріонъ въ трудныхъ положеніяхъ прибѣгалъ къ той фразеологической риторикѣ, которая обыкновенно все покрываетъ. Опредѣленія собора не были подписаны пятью лицами, это были: Маркъ ефесскій, ставроп. митр. Исаія, иверійск. епископъ (раньше уѣхавшій), братъ царя деспотъ Димитрій и (какъ полагаютъ) братъ Марка номофилаксъ Іоаннъ Евгеникъ [1]). Въ послѣдующихъ торжественныхъ дѣйствіяхъ по поводу уніи Виссаріонъ является уже первенствующимъ лицомъ. Вскорѣ затѣмъ оба вождя этого дѣла—Вассаріонъ и Исидоръ были возведены въ санъ кардиналовъ.

Побывавъ на короткое время въ Константинополѣ, Виссаріонъ возвратился въ Римъ (въ нач. 1441 г.), чтобы потомъ вмѣстѣ съ Исидоромъ хлопотать о крестовомъ походѣ противъ турокъ [2]). Оба же кардинала вскорѣ составили единственный трофей, оставшійся отъ засѣданій собора, которыя закончились во Флоренціи [3]). Хотя на состояніе греческой націи и церкви Виссаріонъ смотрѣлъ пессимистически [4]), но онъ не оставлялъ мысли и случая дѣйствовать въ интересахъ организаціи

---

[1]) Въ пылу полемики Маркъ предсказывалъ позорную смерть виновникамъ уніи (Пирлингъ, La Russie et le St. Siège, I, 44).

[2]) Вопросу о борьбѣ двухъ героевъ Флорент. собора „Марка Евгеника и кард. Виссаріона передъ судомъ исторіи" посвящ. статья архіеп. патрасск. Никифора Калогераса (Странникъ, 1894, февр., апр. и д.), причемъ онъ считаетъ, что рѣшительнаго отвѣта въ пользу Марка исторія еще не дала; относительно же Виссаріона признаетъ ошибочность его, какъ опасавшагося съ турецкимъ игомъ исламизаціи грековъ, надѣявшагося на помощь Запада и судившаго по внѣшнему упадку своей церкви о ея внутренней несостоятельности, содѣйствуя тѣмъ самымъ отпаденіямъ и въ пользу исламизма, и въ сторону папизма (см. еще замѣтку Виз. Времен. I, 1894, с. 445). Замѣч. о книгѣ Эп. Ѳ. Киріакидиса, Аѳины 1897, въ которой 12—26 стр. о (Виссаріонѣ Виз. Вр. 1898, I, 336).

[3]) Фойгтъ, Возрожд., II, 112.

[4]) А. Садовъ, Виссаріонъ Никейскій, Спб. 1885, стр. 86—88, 94, 332, 271.

коалиціи противъ турокъ (между прочимъ на конгрессѣ въ Мантуѣ [1]). Не разъ онъ исполнялъ папскія порученія въ качествѣ легата (въ Болоньѣ, Германіи, Франціи, Венеціи [2]). Въ 1463 г. онъ былъ назначенъ патріархомъ константинопольскимъ (конечно номинальнымъ [3]), куда впрочемъ писалъ посланіе, и дважды (по смерти Николая V и Павла II), былъ кандидатомъ на папскій престолъ, но его греческое происхожденіе и даже вѣрность нѣкоторымъ обычаямъ (большая борода) мѣшали осуществленію этого избранія [4]).

При всемъ томъ Вассаріонъ не забывалъ своихъ любимыхъ занятій—древностію и филисофіей. Возлѣ него образовался кружекъ почитателей этихъ знаній—переселившихся грековъ и итальянцевъ (академія), который охотно посѣщался любителями; онъ содѣйствовалъ разысканію древнихъ рукописей на Востокѣ и во время своихъ поѣздокъ на Западъ; покровительствовалъ своими средствами пришлымъ грекамъ; наконецъ, онъ участвовалъ въ переводахъ съ греческаго на латинскій языкъ классиковъ (разныхъ частей соч. Аристотеля, Ѳеофраста, Ксенофонта, Демосоена, поправки къ переводу Платона); писалъ философскія (два полемическихъ противъ Г. Трапезунтскаго) и богословскія (по спорнымъ вопросамъ) сочиненія; надгробныя слова и стихотворенія на смерть греч. царств. лицъ; письма къ ученымъ по общественнымъ и политическимъ вопросамъ и между прочимъ о походѣ противъ турокъ. Всю свою библіотеку, какъ греческіе кодексы, такъ и латинскія книги (до 300 томовъ, цѣнностью на 15000 дукатовъ), составлявшую самое ботатое собраніе книгъ на Западѣ, завѣщалъ Венеціи, куда и отправилъ ихъ въ 1469 г. Пользуясь ею еще ранѣе, извѣстный издатель Альдъ Мануцій сдѣлалъ многія рѣдкости ея общедоступными [5]). Виссаріонъ скончался 18 ноября 1472 г.

---

[1]) Садовъ, 207, 254, 275—281.

[2]) Ibid. 252—256.

[3]) Ibid. 105—107, 256.

[4]) Ibid. 254, 256; Фойгтъ, II, 112—113. До раздѣленія церквей греки сидѣли на папскомъ престолѣ (грекъ изъ Іерусалима Ѳеодоръ въ 642 г. и др.. Грегоровіусъ, Ист. Рима, II, 137—138), но сколько ихъ ни ставилось папами въ епископы, „всѣ они рѣшительно и немедленно жертвовали своимъ происхожденіемъ основнымъ закономъ Рима“, говоритъ авторъ.

[5]) Ibid. 257—264. Фойгтъ, II, 115—117. Сочиненія эти относятся къ церков. и прозаической литературѣ. См. также, I. 456; 10[illegible], II 109—114, 162, 424. Бѣжавшіе въ Италію греки были обычными переписчиками греческихъ рукописей, которыя писались для Виссаріона на лучшемъ пергаментѣ и снабжались прекрасными миніатюрами и вензелями кардинала, совершенно въ такомъ же видѣ, какъ украшали свои книги владѣтельные ихъ любители (Фойгтъ, II, 116).

Вполнѣ вѣроятно, что вслѣдствіе его указанія и при его содѣйствіи состоялся бракъ Софіи Палеологъ съ Иваномъ III московскимъ [1]) и, быть можетъ, также подъ вліяніемъ не оставлявшей его идеи объ обширномъ союзѣ государей противъ турокъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что при томъ состояніи, въ какомъ находилась Восточная имперія, рано обнаружились попытки и стремленія найти помощь на Западѣ, но всегда это соединялось съ вопросомъ о соединеніи церквей. Въ 1326—1327 гг. происходили сношенія между Андроникомъ II Палеологомъ и франц.. кор. Карломъ IV Красивымъ при посредствѣ доминиканца Бенедикта изъ Комо о соединеніи церквей, окончившіяся неудачно [2]). Въ 1339 г. былъ посланъ въ Авиньонъ мон. Варлаамъ, калабріецъ, жившій раньше въ Византіи, извѣстный своимъ споромъ съ аѳонскими монахами о св. Духѣ. Онъ долженъ былъ вести переговоры отъ имени импер. Андроника съ папой Бенедиктомъ XII. По этому поводу приходилось вступить въ сношенія съ Франціей и Неаполемъ. Затѣмъ, въ томъ же XIV в. велись переговоры Еман. Хризолорасомъ, а въ 1400 г. побывалъ на Западѣ (въ Италіи, Франціи, Англіи и Германіи) импер. Мануилъ II. Еще позже подобную же миссію принялъ на себя Чиріако Анконскій, страстный путешественникъ и пріобрѣтатель греческихъ рукописей, побывавшій на Востокѣ [3]). Но греки должны были убѣдиться въ эгоизмѣ западныхъ державъ: рыцари думали о пріобрѣтеніи земель [4]), о раздѣлѣ Восточной имперіи, а папы о подчиненіи восточной церкви [5]). Однако положеніе оказывалось на столько безнадежнымъ, что въ средѣ образованныхъ людей мысль объ уніи съ Римомъ все болѣе находила сторонниковъ: въ 1396 г. прибылъ изъ Венеціи доминик. Максимъ Хрисовергъ (очевидно грекъ) на о. Критъ съ предложеніемъ соединенія и возбудилъ полемику по этому вопросу (Нилъ Дамила и Іосифъ Вріенній) и Іосифъ Вріенній надѣялся, что

[1]) Русская лѣтопись говоритъ опредѣленно (Полн. собр. рус. лѣт. VIII, 154, 169, 173). Pierling, La Russie et l'Orient, Mariage d'un Tzar au Vatican, P. 1891. Гр. Хрептовичъ-Бутеневъ, Флоренція и Римъ въ связи съ двумя событіями изъ рус. исторіи, М. 1909. „Смотрѣлъ виды Италіи и между прочимъ видъ palazzo во Флоренціи, „*сходнаго съ теремомъ въ Кремлѣ*", пишетъ М. И. Снегиревъ (Дневникъ, Рус. Арх., 1903, № 4, с. 537).

[2]) По документ., изд. Г. Омономъ (Ист. Вѣстн. 1893, № 3, с. 921).

[3]) Фойгтъ, I, 48—49. 210—211, 260; Шлоссеръ, IX, 44.

[4]) Шлоссеръ, IX, 43.

[5]) Въ 1571 г. состоялась, по счету, 13 лига, направленная противъ турокъ (Р. Ст. 1903, № 12). См. Исторію восточн. вопроса также въ соч. D-r Lud. v. Pastor, Gesch. der Päpste, 2 B. 1886 и 1889 (рец. К. Шварсалона, Ж. М. Н. Пр. 1890, № 9, с. 205—233).

удастся примирить обѣ стороны [1]), а греческіе патріоты думали, что только посредствомъ помощи Запада и уніи можно спасти Византію отъ паденія (Франтза, Дука) [2]). Георгій Схоларій, прежде чѣмъ стать суровымъ бойцомъ за православіе, писалъ въ защиту уніи съ Римомъ [3]). Въ минуты опасности обращались за помощью въ Римъ даже аѳонскіе и др. монастыри Востока [4]). Еще задолго до завоеванія многіе изъ грековъ устремились на Западъ, преимущественно въ Италію; по завоеваніи приливъ ихъ туда еще болѣе усилился—они выселялись массами, гдѣ большинство влачило свое существованіе въ качествѣ учителей, переписчиковъ и даже просто нищенствовали [5]), причемъ не обходилась безъ печальныхъ случаевъ, обычныхъ въ области скандальныхъ хроникъ [6]), тѣмъ болѣе отягащавшихъ ихъ участь, что ихъ внѣшній видъ (кудрявые волосы, длинныя бороды чуть не до пояса, крашеныя брови), сварливость, свойственная недовольнымъ людямъ и неспособность или нежеланіе выучиться латинскому и итальянскому языкамъ—дѣлали положеніе ихъ въ новомъ обществѣ непривлекательнымъ [7]). Другіе, напротивъ, спѣшили принять не только унію, но и католицизмъ [8]). Кто не могъ или не успѣлъ выселиться, тотъ, подъ гнетомъ бѣдствій, принималъ монашество [9]). Была и еще причина склонности къ Риму. По словамъ Сиропула, патріархъ даже мечталъ о возвышеніи своего авторитета, объ освобожденіи себя и церкви отъ „рабства“ царю, именно при помощи папы (IV, 19, 22 [10]).

Такъ дѣйствовали м. Исидоръ и архіеп. Виссаріонъ.

---

[1]) Еп. Арсеній, Нилъ Дамила, Новг. 1895; А. Раинъ, Тайна одного изъ поборниковъ соедин. церквей (Хр. Чт. 1894, II, 322—326); Виз. Врем. 1895, III, 464—466, 469—470.

[2]) Ж. М. Н. Пр. 1878, № 7, стр. 92—93, 95—96, 99.

[3]) Ж. М. Н. Пр. 1895, № 7, с. 180 (и выше); ср. Шлоссеръ, IX, 376 и д. Вѣра въ предсказанія о завоеваніи Конст—ля поддерживала эту мысль (Ф. А. Терновскій, II, 274).

[4]) Еп. Порфирій, Ист. Аѳона, Спб. 1892, стр. 182—183; ср. Виз. Врем. 1894, в. 2, с. 417. Хотя аѳонцы радовались низверженію Исидора и хвалили твердость вел. князя (Макарій, VI, с. 11). Аѳонская гора имѣла значеніе и относительно консерватизма церковныхъ мнѣній на Руси (Рѣчь Н. С. Некрасова, 14).

[5]) Фойгтъ, II, 112. 130.

[6]) Ibid., II, 131, 136—137.

[7]) Ibid. II, 103, 109.

[8]) Ibid. II. 100, 128.

[9]) Ж. М. Н. Пр., 1878, № 7, с. 91. (Франтза).

[10]) Садовъ, Виссаріонъ Никейскій, 19, прим., ср. Н. Суворовъ, Визант. папа М. 1902; рец. Васильева (Ж. М. Н. Пр. 1902, № 9); Ист. Обозр., I, 281 (замѣч. В. Г. Васильевскаго). Мнѣніе И. Е. Троицкаго объ отнош. церкви и госуд. въ

VIII

Въ иномъ свѣтѣ передъ ними является третій грекъ и вмѣстѣ съ тѣмъ соучастникъ эпохи возрожденія—Максимъ Грекъ. Онъ принадлежалъ къ поколѣнію, пережившему первыя впечатлѣнія послѣ погрома, нанесеннаго Византіи. Нѣтъ точныхъ данныхъ о времени его рожденія и юности. Нѣкоторые полагали, что онъ родился ок. 1480 г., основываясь на слѣдующихъ соображеніяхъ. Кн. А. М. Курбскій, видѣвшій Максима Грека за три года до его кончины (1556) въ Троицк. Серг. мон., выражается о немъ какъ „лѣтами превосходной старости умащеннымъ“ [1]). Въ Россію онъ прибылъ въ 1518 г., передъ чѣмъ около 10 лѣтъ провелъ на Аѳонѣ, а здѣсь поселился послѣ „многолѣтняго“ пребыванія въ Италіи, гдѣ часто слушалъ проповѣди Іеронима Савонаролы (†1498). Судя по впечатлѣнію, сохранившемуся въ воспоминаніяхъ М. Гр. о послѣднемъ, заключаютъ, что „любознательный грекъ уже достаточно былъ развитъ для того, чтобы оцѣнить нравственное достоинство доминиканскаго проповѣдника“, а именно, что въ это время ему было ок. 20 лѣтъ [2]). Біографіи (житія) М. Грека, написанныя о немъ въ Россіи, раздѣляются на краткую (извѣстія) и подробную редакціи, встрѣчающіяся во многихъ библіотекахъ. Первыя передаютъ самыя общія свѣдѣнія, упоминая однако о мѣстѣ его рожденія, о происхожденіи (безъ именъ родителей), о посѣщеніи Италіи, о пребываніи его на Аѳонѣ и т. д., и нѣкоторыя изъ нихъ появились вскорѣ послѣ смерти М. Грека [3]). Подробныя—распространяютъ изложеніе, внося субъективныя размышленія и прибавляя новыя черты (о пребыван. въ Парижѣ), о его трудахъ въ Россіи (по его сочин.), о его протестѣ по дѣлу о 2-мъ бракѣ вел. кн. Василія Іоан. (по сказан. Паисія), о его заточеніи (по судн. дѣлу) и его освобожденіи, распространяясь о его раннемъ обученіи и способностяхъ въ стилѣ житій, о полученіи имъ въ Царьградѣ духовныхъ чиновъ, до весьма подробнаго обозначенія времени пребыванія его въ Россіи, заточенія, кончины и лѣтъ жизни. Относительно послѣднихъ сказано, что, М. Грекъ жилъ 108 л., 2 мѣс. 13 и дней [4]). Слѣдовательно, по этому указанію, онъ ро-

---

Византіи (см. выше, с. 59, прим. 2). Изображеніе м, Исидора у Ровинскаго (Словарь, II, 1002, IV, 436); Виссаріона у Legrand'a. Похвала ему Платины (Галламъ, II, 215).

[1]) Сказанія кн. Курбскаго, стр. 39.

[2]) Приб. къ Твор. св. отц., XVII, кн. 2. 145. Максимъ Грекъ Святогорецъ.

[3]) Разборъ ихъ см. у А. И. Соболевскаго (Матеріалы и изслѣдованія въ области славян. филологіи, Спб. 1910, с. 208—213).

[4]) Сказ., (9) напеч. А. С. Бѣлокуровымъ (О библ. Моск. госуд., IV—LXXXII; IX, LXXXII—о лѣтахъ).

дился бы въ 1446 г., но этому противорѣчатъ слова М. Грека о томъ, что онъ посѣщалъ Альда Мануція (дѣятельность котораго относится къ 1490—1515 г.г.), когда „еще молодъ былъ“ (что не значитъ, однако, юный), а въ Россію онъ прибылъ бы 72 лѣтъ, что не совмѣщается съ его дѣятельностью здѣсь. Но выраженіе Курбскаго, съ другой стороны, указываетъ на его весьма престарѣлый возрастъ, о которомъ нельзя сказать („превосходной старости)“— 73 года. Судя по точности двухъ цифръ, сообщаемыхъ авторомъ позднѣйшаго житія, можно думать, что въ обозначеніи лѣтъ Максима Грека произошла въ рукописи описка. Послѣдній былъ старше, слушая Іеронима Савонаролу, на что можетъ указывать и сходство впечатлѣнія съ отзывомъ другого лица по тому же поводу (см. ниже). М. Платонъ полагалъ, что Максимъ Грекъ скончался свыше 80 лѣтъ [1]), и это въ извѣстной степени допустимо. Слѣдовательно онъ родился около 1470 г. Голубинскій склоняется къ тому же, полагая время рожденія М. Грека въ 1475 г. [2]).

Максимъ Грекъ былъ уроженцемъ г. Арты или Нарды (тур.), въ древности извѣстной подъ именемъ Амбракіи, лежащей на лѣвомъ берегу быстрой р. Арты (Арехто, Арахта), берущей начало въ Мецовскихъ горахъ (Лакмонъ), въ 12 кил. отъ города и впадающей въ Артскій заливъ Іоническаго моря. Городъ этотъ былъ основанъ ок. 640 г. (въ Эпирѣ) коринѳянами подъ предводительствомъ Горгія, сына тирана Кипсела, въ мѣстности первоначально занятой дріопами, но потомъ эллинизированной. Онъ расположенъ у сѣверной подошвы длиннаго крутого холма Перранта. По изгнаніи рода Кипсела, городъ былъ превращенъ въ демократическую республику, которая вскорѣ достигла могущества, не смотря на то, что въ 426 г. она потерпѣла пораженіе отъ аѳинянъ и акарнанійцевъ. Филиппъ македонскій подчинилъ ее своей власти. По уступкѣ же Александромъ, с. Кассандра, Пирру эпирскому, послѣдній сдѣлалъ Арту своею столицей и украсилъ великолѣпными постройками, которыя, по завоеваніи Арты римлянами, подъ предводительствомъ Марка Фульвія Нобиліора, въ 189 г. до Р. Х., всѣ были вывезены въ Римъ. Послѣ же битвы при Акціумѣ, съ основаніемъ Никополя, часть жителей была выведена сюда. Городъ охранялся крѣпостью и гаванью, защищенной молами и запиравшейся цѣпями. При императорахъ городъ снова расцвѣлъ и у византійцевъ считался важной крѣпостью (Арта или Царта). Въ 1083 г. онъ былъ завоеванъ норманнами, подъ нач. Боэмунда тарентскаго, отразившаго, послѣ кровавой битвы, имп. Алексѣя.

---

[1]) Бѣлокуровъ, с. сcып.

[2]) Ист. рус. ц. II, 667.

По завоеванiи Византiи латинами, незаконный двоюродный братъ ц. Алексѣя III, Михаилъ (Ангелъ Комненъ), основалъ здѣсь независимое княжество (деспотатъ)—Эпирское съ главнымъ городомъ Артой, вошедшее въ ленную зависимость отъ Венецiи (1210 г.), съ довольно значительнымъ дворомъ, успѣвшимъ заслужить привязанность эпирцевъ и албанцевъ и вступить въ борьбу съ имп. Михаиломъ VIII изъ-за унiи (1274); но вскорѣ затѣмъ (1276) деспотъ артскiй Никифоръ призналъ власть неаполитанскаго короля. Супруга его, эпирская властительница Анна Кантакузина примкнула къ общему союзу Ангеловъ противъ византiйскаго двора (1296), а дочь ея Тамара вступила въ бракъ съ сыномъ неаполит. короля Карла II анжуйскаго, Филиппомъ II, который получилъ отъ отца притязанiя на Романскую имперiю. Въ 1357 г., на мѣстѣ старой крѣпости, былъ выстроенъ фортъ. Однако, владѣтелямъ Арты пришлось вести постоянную борьбу съ визант. императорами, съ Душаномъ сербскимъ и, наконецъ, съ турками, которымъ, не смотря на сильную поддержку Венецiи, удалось захватить городъ въ 1449 г. [1]). Народное движенiе въ Албанiи выставило своимъ героемъ Скандерберга, но вскорѣ вся эта страна досталась въ руки турокъ (1467 г.), а затѣмъ и мусульманство нашло здѣсь благопрiятную почву [2]). Въ 1688 г. венецiанцы, подъ начальствомъ Морозини, отняли Арту у турокъ. Въ 1797 г. она была занята французами, а затѣмъ янинскимъ пашой Али. Взятый же Рангосомъ, городъ снова отнятъ былъ турками, которые въ 1822 г. жестоко бились здѣсь съ греками. Въ 1854 г. городъ объявилъ свою независимость, но снова потерпѣлъ пораженiе. По Берлинскому трактату Арта досталась грекамъ и состоитъ нынѣ главнымъ городомъ номархiи.

Такимъ образомъ г. Арта представляется весьма бойкимъ культурнымъ центромъ и не одинъ Максимъ Грекъ является въ немъ замѣчательнымъ дѣятелемъ своей эпохи. Въ XVI в. здѣсь славился проповѣдями Дамаскинъ Студитъ, родомъ солунецъ, митроп. навпактскiй и артскiй [3]). Отсюда же происходилъ, родомъ изъ знатной фамилiи Захарiя Герганъ, учившiйся въ Германiи, въ отечествѣ лютеранства—Виттенбергѣ (1622), также впослѣдствiи митр. навпактскiй и артскiй, возведенный въ этотъ санъ по волѣ и опредѣленiю патр. Кирилла Лука-

---

[1]) Герцбергъ, 365, 384—385, 405, 420—421, 440—441, 449, 458—459, 472, 481, 495, 540, 562.

[2]) А. П. Лебедевъ, 181—186.

[3]) Ibid. 205—206; Е. Голубинскiй, Оч. ист. просв. у грековъ (Прав. Обозр. 1872, II, 41).—Окрестности города богаты хлѣбомъ, виноградниками и апельсинными плантацiями.

риса [1]). Современникъ послѣдняго (р. 1498), Іоаннъ Зигомала, извѣстный какъ участникъ въ дѣлахъ констант. церкви, какъ преподаватель высшей школы и по своей перепискѣ съ нѣмецкими учеными, которую продолжалъ его сынъ Ѳеодосій, слушалъ высшіе курсы въ Падуѣ [2]). И Максимъ Грекъ, въ свою очередь, свидѣтельствуетъ, что прежде въ Греціи „весьма процвѣтали внѣшнія ученія и достигли своей высоты", но въ послѣднія времена „эллинскія науки угасли и дошли до послѣдняго издыханія [3])". Вотъ причина, почему и онъ долженъ былъ искать знаній внѣ предѣловъ своего отечества. Повидимому вначалѣ Максимъ Грекъ (въ мірѣ Макарій) получилъ домашнее образованіе (см. с. 45; не смотря на важность пункта, артская средняя школа была открыта лишь въ 1661 г. [4]); а такъ какъ отецъ его (Мануилъ) состоялъ „воеводой" въ той же Артѣ [5]), и оба родителя (мать носила имя Ирины) называются „философами" и были людьми съ значительными средствами, то вполнѣ естественно, что они постарались дать единственному сыну приличное образованіе [6]).

---

[1]) А. Лебедевъ, 674—675.

[2]) Notices biogr. sur Jean et Théodose Zygomalas, par Em. Legrand, P. 1889; замѣч. Г. С. Дестуниса (Ж. М. Н. Пр., 1891, № 1, с. 166—187).

[3]) Сочин., I, 363—364. „Бѣ же тогда велія скудость одержаше Греческую землю мужей философовъ за разореніе турскаго салтана" (Сказ. о Мак. Грекѣ, Бѣлокуровъ, XLIX).

[4]) Е. Голубинскій, Оч. ист. просв. у грековъ. (Правосл. Обозр. 1872, II, 705—706). Нѣкоторые указываютъ на училище въ Артѣ въ 1500 г., быть можетъ низшее (Современный греч. языкъ. Ѳ. Іоанниди, Ж. М. Н. Пр. въ 1873, № 11, с. 76), въ которомъ могъ (раньше) учиться М. Грекъ.

[5]) Въ „сказаніяхъ" указаніе на происхожденіе („сынъ воеводскій") взято, вѣроятно, изъ предисловія къ переводу Псалтири, исполненному М. Грекомъ для Нила Курлятева, знавшаго его лично (Опис. рук. Соловец. библ. I, 19). Голубинскій сомнѣвается въ титулѣ „сынъ воеводы", такъ какъ по завоеваніи отецъ Максима не могъ быть воеводой, и предлагаетъ замѣнить это названіе выраженіемъ: „отъ благородныхъ родителей" (666—667); но, судя по лѣтамъ М. Грека, отецъ его могъ нести означенную должность раньше.

[6]) А. С. Бѣлокуровъ, Библ. моск. государей, прил., IV—V, XIX, XXXIX XLII, XLIV. Въ 1905 г. студентамъ Кіев. дух. акад. была дана тема: „Максимъ Грекъ какъ представитель византійскаго просвѣщенія и выразитель византійскихъ культурно-историческихъ задачъ на Руси" (Отвѣтъ профессоровъ пр. Антонію, 35). Въ подробномъ жизнеописаніи говорится, что онъ сталъ учиться дома въ 5 лѣтъ. Быть можетъ показаніе ранняго ученія есть обыкновенный пріемъ житій; но

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Возрожденіе наукъ на Западѣ.—Путешествіе Максима Грека въ Италію.—Посѣщеніе университетовъ.—Встрѣчи и характеристики лицъ.—Вопросъ о вліяніи на него Іеронима Савонаролы.—Взглядъ Максима Грека на жизнь и науку Запада.—Его мнѣніе о словесныхъ наукахъ и философіи.—Аскетическое настроеніе Максима Грека.—Удаленіе его на Аѳонъ.

I.

Между тѣмъ, какъ Греція видимо изнемогала, на Западѣ пробуждается новая умственная дѣятельность. Уже со времени Абеляра во всѣхъ книгахъ стали усердно толковать о Платонѣ и Аристотелѣ, а въ началѣ XIII в., когда папа Иннокентій III воспротивился введенію въ школьное обученіе настоящей метафизики и физики Аристотеля, то потерпѣлъ совершенную неудачу. Императоръ Фридрихъ II оказалъ услугу тѣмъ, что замѣнилъ искаженнаго Аристотеля настоящимъ, и старался распространить на всемъ Западѣ естественныя науки аравитянъ [1]). Но во главѣ умственнаго движенія Западной Европы надолго становится Италія.

Петрарку называютъ первымъ дѣйствительнымъ возстановителемъ изящной литературы, и нѣкоторые полагали, что не окажи онъ вліянія въ этомъ дѣлѣ, то погибли бы многія рукописи, какъ и случилось съ нѣкоторыми изъ нихъ до него. Аббатъ Тритгеймъ замѣчаетъ, что онъ снова воскресилъ (ab inferis revocavit ad superos) образовательную науку древнихъ (humaniores literas), давно погибшую (post longa silentia mortuas [2])). Самъ Петрарка говоритъ, что „въ то время какъ его школьные товарищи читали Езопова басни или книгу какого нибудь Проспера, онъ посвящалъ свое время изученію Цицерона, плѣнявшаго

Эразмъ Роттердамскій также сталъ учиться въ школѣ 5 лѣтъ (см. предислов. къ его сатирѣ „Похвала глупости", А. И. Кирпичникова, М. 1884 г. с. п). То же сказаніе сообщаетъ, что М. Грекъ былъ за границей два раза: въ первый разъ въ Парижѣ (ок. года) и Флоренціи, а во второй разъ въ Италіи вообще. По возвращеніи онъ оставался въ домѣ родителей до ихъ смерти (15 мѣсяцевъ) и затѣмъ отправился во второе путешествіе (Бѣлокуровъ, xrv). При отъѣздѣ онъ отпустилъ на волю своихъ рабовъ и рабынь, щедро вознаградивъ ихъ за службу. Приводимъ, какъ сообщеніе.

[1]) Галламъ, 1, 64; Ранке, Папы, 50, 391.

[2]) Галламъ, I, 67. Шлоссеръ, IX, 414. Замѣчаніе о старомъ трудѣ Галлама, какъ обнаруживающемъ, при другихъ недостаткахъ, наибольшее знакомство автора съ источниками этого періода и его спеціальной литературой (М. Корелинъ, 102—104).

его ухо гораздо прежде, нежели онъ могъ понимать [1])". Съ этого времени писать правильно полатыни, понимать намеки лучшихъ писателей, изучать хотя бы первыя начала греческаго языка, было принадлежностью каждаго образованнаго человѣка [2]).

Въ то время въ Италіи уже существовалъ рядъ университетовъ: въ Падуѣ, Павіи, Луккѣ, Фермо, Феррарѣ, Брешіи, Бергамо, Туринѣ, Флоренціи и Римѣ, а пизанцы даже потребовали отъ духовенства десятую часть его доходовъ съ недвижимыхъ имуществъ въ пользу своего университета, основаннаго въ 1339 году [3]).

Петрарка изучалъ греческій языкъ у Варлаама Калабрійца, долго проживавшаго въ Греціи и прибывшаго оттуда въ Италію по порученію импер. Кантакузена. Боккаччіо учился у грека Леонтія Пилата и былъ первымъ ученымъ на Западѣ, прочитавшимъ Гомера въ подлинникѣ [4]).

Гуманизмъ становится настоящей модой, которая заражаетъ иностранцевъ и подчиняетъ себѣ представителей старой церкви и старой науки [5]). Эта двойственность обрисовывается въ біографіи Альберти, основателя литературнаго кружка во Флоренціи въ к. XIV в., который то строитъ монастыри, то разрушаетъ ихъ, то пишетъ любовные стихи, то бросается въ ноги монаху [6]).

Особенно же сильно подвинулось дѣло впередъ, когда въ 1395 г. прибылъ въ Италію Еммануилъ Хризолоръ, бывшій прежде посломъ греческаго императора къ западнымъ державамъ съ просьбою о помощи противъ турокъ. По прибытіи во Флорецію, онъ занялся преподаваніемъ греческаго языка и, переходя изъ одного университета въ другой, образовалъ многихъ эллинистовъ. Еще въ Константинополѣ учился у него извѣстный Гварино Веронскій. Іоаннъ Ауриспа Сицилійскій около 1423 г. привезъ изъ Греціи въ Италію 238 рукописей, между которыми были: Платонъ, Діодоръ, Арріанъ, Плотинъ, Діонъ Кассій, Страбонъ, Пиндаръ, Каллимахъ и Аппіанъ. Въ 1427 г. оттуда

---

[1]) Галламъ, I, 64; М. Корелинъ, Ранній итальян. гуманизмъ, 61, 96, 187—188, 191.

[2]) Галламъ, I, 67.

[3]) Шлоссеръ, VII, 325, 326; VIII, 231; Галламъ, I, 82.

[4]) Шлоссеръ, IX, 420; Фойгтъ, I, 62—63; Корелинъ, 1000.

[5]) Корелинъ, Ранній итальян. гуманизмъ, 583. Отношеніямъ гуманистовъ къ разнымъ вопросамъ эпохи посвященъ трудъ нашего соотечественника В. Н. Забугина, Giulio Pomponio Leto. Saggio critico, въ 3-хъ книгахъ, Roma, 1909—1912 (рец. К. И. Хилинскаго, Ж. М. Н. Пр., 1910, № 9) и въ рус. сокращеніи Юл. Помп. Лэтъ, Историч. изслѣд., Спб. 1914.

[6]) Корелинъ. 871; А. Н. Веселовскій, Вилла Альберти, М. 1870 и Сочин., т. III.

привезъ много рукописей Филельфъ. Изъ грековъ, содѣйствовавшихъ изученію древнихъ писателей, замѣчательны: Леонтій Пилатъ, Димитрій Ѳессалоникскій, Еммануилъ Хризолоръ, Іоаннъ Аргиропулъ, Ѳеодоръ Газа, Георгій Гемистъ Плеѳонъ, кардиналъ Виссаріонъ, Георгій Трапезунтскій, Каллиникъ Софіанъ, Георгій и Димитрій Критскіе, Димитрій Халкондила, Іоаннъ и Константинъ Ласкарисы[1]). Возбужденіе, производимое ими въ Италіи, было такъ сильно, что за ними слѣдовали изъ города въ городъ, ихъ приглашали наперерывъ покровители новаго движенія. Мелкіе владѣтели развивали любовь къ просвѣщенному наслажденію жизнію и давали средства и пособіе всякому таланту. Преслѣдуемый однимъ—находилъ покровительство у другого или у сосѣдней вольной общины. Всякій даровитый умъ избиралъ себѣ мѣсто тамъ, *гдѣ онъ свободнѣе и независимѣе могъ развивать свои дарованія* [2]).

Каждый болѣе или менѣе значительный городъ имѣлъ покровителя наукъ. Такими были: въ Миланѣ—делла-Торре и фамилія Висконти, въ Феррарѣ—Эсте, въ Піаченцѣ—Скотти, въ Лоди—Физирага, въ Комо—Руска, въ Павіи—Лангоски, въ Верчелли—Авокати, въ Новарѣ—Бруссати, въ Брешіи—Маджи, въ Пармѣ—Корреджески, въ Веронѣ—Скалигери, въ Мантуѣ—Бонакосси и графы Монферратскіе. Въ Церковной области соперничали съ ними: въ Равеннѣ—фамилія Полента, въ Форли—Орделаффи, въ Римини—Малатеста. Исторія Болонской республики почти вся сосредоточивается на исторіи ея университета[3]), куда собирались со всей Европы тысячи учащихся. При Франциск Сфорцѣ и его сынѣ, ихъ министръ Франческо Симонетта (Чіекко) привлекалъ въ Миланъ греческихъ эмигрантовъ, опредѣлялъ ихъ на государственныя должности и покровительствовалъ итальянцамъ, занимавшимся наукою, а извѣстный Филельфъ неотлучно находился при немъ. Тиранъ Людовикъ Моро ежедневно непремѣнно прочитывалъ хоть нѣсколько страницъ какого нибудь древняго писателя. Даже женщины изъ фамиліи Сфорцы хорошо знали римскую и греческую литературу[4]). Козьма Медичи, по совѣту Никколо Никколи, пригласилъ во Флоренцію ученыхъ и открылъ публичныя лекціи.

---

[1]) Галламъ, I, указ., Шлоссеръ, IX, 384, 420.

[2]) Leo, Geschichte der Ital. Staaten, V, 134.

[3]) Въ 1481—82 г. въ Болоньѣ называется ректоромъ русскій (южноруссъ?), См. Н. Любовичъ, Итальянскія библіотеки, 7. О Болонскомъ универ. Rashdale, I, chap. IV.

[4]) Шлоссеръ VIII, 229, 230; IX, 423; Фойгтъ (pass.) по указат. Первая гуманистка (Изотта), М. Корелинъ, (Р. Мысль, 1897, № 7); ученыя женщины (Ранке, I, 112).

Близъ города Козьма основалъ двѣ библіотеки: въ Санъ-Франческо дель-Боско и въ Санъ-Бартоломео близъ Фіезоле, и учредилъ рядъ библіотекъ при монастыряхъ св. Марка и др. Онъ платилъ по 250 и 400 дукатовъ за отдѣльныя рукописи, которыя пріобрѣталъ въ Сіенѣ, Луккѣ и Греціи, Лоренцо Медичи нарочно посылалъ І. Ласкариса къ султану Баязету II, чтобы онъ дозволилъ ему объѣхать Грецію и купить книгъ. Никколо Никколи самъ имѣлъ до 800 рукописей, которыя потомъ вошли въ составъ библіотеки св. Марка[1]). Король неаполитанскій Альфонсъ первый установилъ награды и пенсіи для ученыхъ и первый открылъ литературную академію[2]). Папа Николай V основалъ классическую библіотеку въ Ватиканѣ, для которой пріобрѣлъ 5000 рукописей, а впослѣдствіи отправилъ разныхъ лицъ въ Германію, Францію, Англію и Грецію для открытія затерявшихся книгъ. Николай V постоянно переписывался съ реформаторами своего времени и покровительствовалъ переводчикамъ, чтобы доставить публикѣ возможность ознакомиться съ греческими авторами. Такъ, Поджіо получилъ вознагражденіе за переводъ Діодора, Лоренцо Валла—500 золотыхъ скуди за Ѳукидида, Гварино—1500 за Страбона, Перотти—1000 дукатовъ за Полибія. Кромѣ того были переведены: Ксенофонтъ (Киропедія), Геродотъ, Аппіанъ, Птоломей, Платонъ, Ѳеофрастъ, Гомеръ (Иліада) и настоящій Аристотель. Сикстъ IV слѣдовалъ примѣру Николая V и открылъ Ватиканскую библіотеку для публики. Въ Мантуѣ Викторинъ ди-Фильтре, подъ покровительствомъ фамиліи Гонзаго, открылъ ученое общество. Кардиналъ Виссаріонъ, въ благодарность Венеціанской республикѣ за помощь, оказываемую греческимъ эмигрантамъ, подарилъ ей свою библіотеку, которая стоила ему 30 тыс. золот. скуди[3]). Тогда предпринимали нарочные поиски за рукописями по всей Европѣ; а какого труда стоила ихъ переписка, можно судить изъ письма Петрарки, который, открывъ въ Люттихѣ двѣ рѣчи Цицерона, едва досталъ нѣсколько чернилъ, да и тѣ были „совершенно шафраннаго цвѣта". Но и въ этомъ отношеніи въ Италіи много было сдѣлано типографщиками, между которыми особенно извѣстенъ Альдъ Мануцій, открывшій типографію въ 1494 г. въ Венеціи и потерявшій все свое состояніе на это предпріятіе, не смотря на помощь фамиліи Пикъ-ди-Мирандола. Въ періодъ времени отъ 1470—1500 г. въ одной Италіи напечатано по крайней мѣрѣ 5400 сочиненій; изъ этого числа

---

[1]) Шлоссеръ, IX, 425, 426; Фойгтъ, I, 275—284, 318—328, 372.
[2]) Галламъ, I, 81, Фойгтъ, I, 309—311, 401—410; II, 129—143, 155—164.
[3]) Шлоссеръ, IX, 426—428; Фойгтъ, II, 66, 183; 115—117.

въ первое десятилѣтіе (1470—1480) только до 1300, въ послѣдующія же десятилѣтія печатаніе возрастало въ значительной степени. Во всей Европѣ до 1500 г. насчитываютъ болѣе 10000 изданій книгъ и брошюръ, причемъ на Италію приходится половина всѣхъ изданій [1]).

II.

Но это образовательное движеніе не было только теоретическимъ, оно переходило въ жизнь и убѣжденія. Извѣстно, что убійство тирана Іоанна Маріи было слѣдствіемъ ненависти юношей, возбужденныхъ изученіемъ произведеній древнихъ грековъ и римлянъ и смѣлою рѣчью учителя объ умерщвленіи тирана, а на Констанцскомъ соборѣ возникъ даже споръ по поводу книги, защищавшей этотъ поступокъ. Эней Сильвій Пикколомини (папа Пій II), побуждая къ освобожденію Іерусалима отъ невѣрныхъ, прибавлялъ, что слѣдуетъ освободить и Грецію „колыбель наукъ и искусствъ [2])“.

Въ XV столѣтіи въ Италіи принялись за разработку наукъ эмпирическихъ, для чего послужили основаніемъ Плиній и Діоскоридъ. Матеоли, переводчикъ послѣдняго, своими трудами положилъ начало новой ботаникѣ. Города считали за честь заводить у себя большія ботаническія учрежденія, а богачи и правители устраивали при своихъ домахъ ботаническіе сады. Тогда же Мондини проложилъ путь къ изученію анатоміи, по которому потомъ слѣдовалъ Джакоппо Беренгаръ изъ Карпи. Еще въ XIV вѣкѣ былъ переводимъ и объясняемъ математикъ Евклидъ, къ которому въ XV в. было сдѣлано столько комментаріевъ и дополненій, что изученіе одного этого ученаго дало Европѣ геометрію въ совершенно новомъ видѣ [3]).

Но философскій интересъ составляетъ одну изъ наиболѣе характерныхъ чертъ гуманизма съ самаго начала движенія, начиная съ Петрарки..., а со 2-ой половины XV ст. гуманисты безусловно подчиняются авторитету—одни Платона, другіе—Аристотеля. Въ этомъ же видятъ и причину живучести аверроизма, въ которомъ (въ Италіи) было нѣчто общее съ гуманизмомъ, хотя онъ и заимствовалъ изъ схоластики форму и рабское поклоненіе передъ Аристотелемъ, какъ его понималъ и толковалъ Аверроэсъ... Въ сущности аверроизмъ и гуманизмъ являются параллельными и аналогичными теченіями. Тѣмъ не менѣе между ними шла упорная борьба [4]). Въ тоже время въ школахъ

---

[1]) Галламъ, I, 210, 211; Cantu, VI, 512, 513.

[2]) Ranke, Die röm. Päpste, I, 70.

[3]) Шлоссеръ, X, 418—420; Фойгтъ, II, 12, 21, 29, 183, 207, 371, 393, 406, 412.

[4]) Корелинъ, 81—82. Объ отношеніи къ Платону и Аристотелю (668, 725).

Италіи важное значеніе пріобрѣтаетъ споръ о Платонѣ и Аристотелѣ. Онъ былъ вызванъ переселившимися въ Италію греками. Гемистъ Плеонъ, морейскій уроженецъ, присутствовавшій въ 1439 г. на Флорентійскомъ соборѣ, былъ ревностнымъ приверженцемъ философіи Платона и внушилъ подобную же ревность Козьмѣ Медичи. Самъ Плеонъ не только превозносилъ философію Платона, смѣшиваемую имъ, какъ обыкновенно тогда дѣлали, съ философіею поддѣльныхъ сочиненій, приписываемыхъ Зороастру и Гермесу, но и жарко нападалъ на Аристотеля и его послѣдователей. Это возбудило споръ сначала въ Греціи, гдѣ авторитетъ Аристотеля былъ въ такомъ же уваженіи, какъ и на Западѣ, а потомъ въ Италіи, гдѣ его защитникомъ явился Ѳеодоръ Газа, который впрочемъ былъ умѣренъ въ своихъ возраженіяхъ; но Георгій Трапезунтскій выступилъ противъ философіи Платона съ сильными нападками. Такимъ образомъ произошло раздѣленіе на послѣдователей Аристотеля и Платона, „споръ о которыхъ проходилъ столько же въ ругательствѣ жизни и характеровъ двухъ философовъ, умершихъ почти за двѣ тысячи лѣтъ, сколько въ изслѣдованіи ихъ ученія“. Кардиналъ Виссаріонъ, въ возраженіе Георгію Трапезнутскому на его „Сравненіе Аристотеля и Платона“, написалъ сочиненіе подъ названіемъ: „Adversus calomniatorem Platonis“, напечатанное въ 1470 г. Еще въ концѣ XV вѣка во Флоренціи образовалось общество для философическихъ бесѣдъ, члены котораго, принадлежавшіе къ высшимъ сословіямъ, собирались въ опредѣленные дни въ домѣ августинскихъ монаховъ. Козьма Медичи, подъ вліяніемъ послѣдователя Платона—Плеѳона, обратилъ это общество въ платоническое, названное академіей. Оно потомъ было расширено Лоренцомъ Медичи и старалось замѣнить въ школахъ философію Аристотеля платонической. Главнымъ лицомъ этой академіи былъ Марсилій Фичинъ, видѣвшій въ Платонѣ проявленіе божества. На рожденіе Фичина даже Козьма Медичи смотрѣлъ, какъ на особую милость божескаго провидѣнія. Самъ Фичинъ переводилъ Платона съ цѣлью познакомить съ нимъ тѣхъ поклонниковъ этого философа, которые не были знакомы съ греческимъ языкомъ. Въ честь Платона были учреждены особыя празднества, изъ которыхъ болѣе другихъ считался торжественнымъ 13-го ноября, когда, по одному преданію, родился и умеръ Платонъ. На эти торжества приглашались не только члены общества, но всѣ сочувствовавшіе ему; они являлись даже изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей. Подъ вліяніемъ платонизма Фичинъ написалъ платоническое богословіе и ратовалъ противъ аристотеліянцевъ и аверроистовъ. Другой членъ той же академіи—Пикъ-ди-Мирандола, ученикъ Гварино, изучившій не только греческій и латинскій языки, но и еврейскій, халдейскій и арабскій,

былъ сначала увлеченъ мудростью каббалы, но потомъ, посѣтивъ всѣ университеты Италіи и Франціи и, принужденный бѣжать изъ Рима (такъ какъ его 900 вопросовъ были признаны еретическими) во Флоренцію, вступилъ тамъ въ сообщество съ членами платонической академіи и старался въ одномъ изъ своихъ сочиненій (De Ente et Uno) согласить боготворимаго имъ Платона съ Моисеемъ и Аристотелемъ. Члены союза, мечтавшіе о платонической республикѣ, управляемой лучшими и въ тоже время самыми богатыми и знатными людьми, „почти всѣ составляли исключеніе изъ всеобщей испорченности нравовъ и дерзко-геніальнаго презрѣнія всѣхъ принциповъ, чѣмъ отличались въ то время аристократія, многочисленныя династіи и высшее духовенство Италіи. Въ жизни они выказывали тоже стремленіе къ истинѣ, свободѣ и праву, какое поэтически и мечтательно высказывали въ своихъ сочиненіяхъ". Увлеченіе классиками доходило до того, что даже проповѣдники старались всѣ, употребляемыя церковью или заимствованныя изъ Библіи, христіанскія выраженія замѣнять настоящими римскими, но языческими[1]). Въ похвалахъ Александру VI на надписяхъ всегда можно было встрѣтить намеки на героическія имена[2]).

Вообще, установившимся понятіямъ любили придавать классическую окраску и форму, отчасти по увлеченію, а отчасти изъ простого подражанія. Такимъ образомъ, рай стали называть Олимпомъ; адъ Эребомъ; души праведныхъ—manes pios; великія торжества—lectisternia; епископовъ—старшими фламинами; тіару—infula romulea; священную консисторію—senatus Latii; мессу—sacra deorum; изображенія святыхъ—simulacra sancta deorum. Садолетъ, одинъ изъ благочестивѣйшихъ писателей этого вѣка, въ посланіи къ Іоанну Камераріо, написанномъ для утѣшенія его по случаю смерти матери, постоянно указываетъ на мужество и стойкость язычниковъ и совершенно не касается религіи. Санназаръ, желая воспѣть христіанскіе предметы, взываетъ къ музамъ. Кардиналъ Бембо выражается, что Левъ X достигъ папства „по постановленію безсмертныхъ боговъ"; онъ говоритъ о принесеніи даровъ Діанѣ, о коллегіи авгуровъ, т. е. кардиналовъ; о вѣрѣ выра-

---

[1]) Шлоссеръ, IX, 387, 430—432, 434. Галламъ, I, 124, 169. Cantu, VII, 199 Штраусъ, Ульр. фонъ-Гуттенъ, 124, 127; L. Dorez et. L. Thuasne, Pic-de-la Mirandole en France, 1485—88, P. 1898. Платонизмъ любви и красоты въ литературѣ эпохи возрожденія, Н. С. Арсеньева (Ж. М. Н. Пр. 1913, №№ 1 и 2); А. Н. Веселовскій, Противорѣчія итал. возрожд. (Ж. М. Н. Пр. 1887, № 12 и Сочин.); Споры объ Аристотелѣ и Платонѣ (В. Евр. 1878, II, 197, Виз. Врем. 1902, № 3—4, с. 258—259).

[2]) Scit venisse suum patria grata Jovem. Льву X: Olim habuit Cypris sua tempora, tempora Mavors olim habuit; sua nunc tempora Pallas habet.

жается—persuasio, о запрещеніи причастія—aqua et igni interdictionem; святой Францискъ, по его выраженію, „in numerum deorum receptus est“ [1]). Левъ X побуждалъ Франциска I выступить противъ турокъ „per deos atque homines“. Въ академіяхъ имена христіанскія замѣняли древними языческими; монахинь называли весталками; кардиналовъ—римскими сенаторами; провидѣніе—рокомъ. Въ школахъ развивали уваженіе къ миѳологическимъ событіямъ и языческимъ героямъ. Наконецъ, даже пороки, общіе обоимъ поламъ, старались оправдать примѣромъ ѳиванцевъ и аѳинянъ. Живопись на алтаряхъ представляла нагихъ искусительницъ или соблазнительныя картины, и любопытные приходили узнавать въ нихъ знаменитыхъ красавицъ города [2]).

Подобное увлеченіе древностью нерѣдко переходило въ презрѣніе къ установившимся понятіямъ нравственности, а при извѣстномъ общемъ настроеніи, къ отрицанію послѣдней. Въ это время, подъ вліяніемъ возникшаго умственнаго движенія, многіе и даже папа Іоаннъ XXII (1410—1415) смѣялись публично надъ всякими нравственными законами и тайно надъ религіей [3]). Впослѣдствіи же, при папѣ Львѣ X, кардиналъ Бембо въ коллегіи кардиналовъ насчитывалъ до четырнадцати язычниковъ по своимъ вѣрованіямъ. Въ своихъ стихахъ онъ высказывается, что видѣть любимую даму доставляетъ бо̀льшія удовольствія, чѣмъ тѣ, которыя испытываютъ на небесахъ праведники, и потому убѣждаетъ молодыхъ людей только любить [4]). Между духовенствомъ даже не считался тотъ образованнымъ, кто не держался мнѣній, противныхъ христіанству. Въ самомъ папскомъ дворцѣ о догматахъ вѣры и священномъ писаніи любили говорить шутя, а таинства почти не уважались. Теперь папѣ предлагаютъ крестовый походъ въ Палестину не для освобожденія Св. земли, а для пріобрѣтенія древнихъ затерян-

---

[1]) Cantu: Hist. des Italiens, VII, 422—424.

[2]) Cantu, VII, 207.

[3]) Шлоссеръ, VIII, 223; IX, 275, 291. Сравненіе съ эпохой Вольтера.

Карнавальныя пѣсни Л. Великолѣпнаго рисуютъ развращенность того вѣка лучше всякихъ другихъ описаній (Виллари, Дж. Савонарола, 31). „Ни въ комъ не было вѣры ни гражданской, ни религіозной, ни нравственной, ни философской“ (32). Въ поэмѣ Л. Пульчи за молитвой къ Богоматери слѣдуетъ обращеніе къ Венерѣ, а затѣмъ сатира на безсмертіе души (40). Фичинъ въ своей „Христіанской религіи“, чтобы доказать истинность ученія Христа, сваливаетъ въ одну кучу Сивиллъ, Виргилія, Платона, Порфирія и т. п.; въ такомъ же стилѣ написано его „Богословіе Платона“ (49—50); почитатели Платона предлагали обратиться къ папѣ съ просьбой о причисленіи его къ лику святыхъ (55).

[4]) Cantu: Hist. des Italien, VII, 424.

ныхъ рукописей. Въ Ватиканъ стали ходить не для молитвы апостоламъ, но для того, чтобы посмотрѣть на произведенія искусства—Аполлона Бельведерскаго и Лаокоона. Изъ времени пребыванія Лютера въ Италіи извѣстно, что священники, во время самаго совершенія таинствъ, нерѣдко произносили богохульныя слова [1]). Петръ Помпонацдо читалъ лекціи въ Падуанскомъ университетѣ, въ которомъ отвергалъ безсмертіе души, а въ 1516 г. онъ издалъ сочиненіе въ этомъ духѣ подъ заглавіемъ: „De immortalitate animi“, которое хотя и было сожжено въ Венеціи, но онъ снова успѣлъ перепечатать его, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, при посредствѣ папы Льва X [2]). Въ школахъ философовъ только и спорили о сущности человѣческой души. „Не нужно думать, говоритъ Ранке, что мнѣніе о смертности души раздѣляли немногіе, или что его держались тайно. Эразмъ удивлялся тѣмъ богохульствамъ, какія ему пришлось слышать; ему старались доказать, на основаніи доводовъ, взятыхъ изъ Плинія, что нѣтъ никакой разницы между душами людей и животныхъ [3]).

III.

Въ прежнее время, по словамъ Джіовани Виллани, граждане Флоренціи вели трезвый образъ жизни, ѣли простую пищу и не знали большихъ издержекъ, нравы были простые, веселые и грубые. Одѣвались они и жены ихъ въ грубыя шерстяныя одежды и многіе носили шаровары даже не покрывая ихъ сукномъ, а на головѣ колпакъ; всѣ имѣли на ногахъ обувь, но и женщины носили башмаки безъ украшеній. Женщины зажиточнаго класса ходили въ одной очень узкой юбкѣ грубаго багреца или изъ камлота, подпоясанной кожанымъ ремнемъ, по старинному, и въ плащѣ на кожаной подкладкѣ съ капюшономъ сверху, который онѣ носили на головѣ. Одежда у женщинъ изъ простонародья была изъ кембрина грубаго зеленаго цвѣта старинпаго покроя. Приданое за женой обыкновенно не превосходило 100 лиръ, а 200 или 300 лиръ въ тѣ времена считались великолѣпнымъ приданымъ. И большая часть дѣвушекъ выходила замужъ не моложе 20 лѣтъ, а то и старше. Таковы были обычаи и грубые нравы у флорентійцевъ, но честность и законы были въ силѣ. Между тѣмъ для своей коммуны даже при этой простотѣ жизни и при богатствѣ они сдѣлали больше и совершили болѣе доблестныхъ подвиговъ, нежели тѣ, какіе совершались въ наше время при большей легкости нравовъ и при

---

[1]) Ranke, Die römische Päpste, B. I, 70, 74.

[2]) Галламъ, I, 221, 268, 325.

[3]) Ranke, Die röm. Päpste, I, 73. О скептицизмѣ эпохи, 57—59.

большемъ богатствѣ [1]). Въ Италіи семья раньше, чѣмъ гдѣ либо, подъ вліяніемъ индивидуализма, подверглась упадку, и постепенно браки становятся такъ рѣдки, что флорентійская коммуна поощряетъ награжденіями тѣхъ, кто женился въ срокъ, и налагаетъ пени на нежелающихъ. Появились и другія черты упадка семейныхъ нравовъ: мужчина ищетъ удовлетворенія внѣ семьи. Развитіе содоміи во Флоренціи въ XIII—XIV вв., въ Венеціи въ XV—XVI в.в. достигаетъ ужасающихъ размѣровъ. Венеціанскій совѣтъ издаетъ противъ нея строгія постановленія; куртизанки въ 1515 г. жалуются патріарху Ант. Контарини, что у нихъ отбиваютъ заработокъ, тогда какъ флорентійскіе пріоры пытаются остановить развитіе порока, покровительствуя проституткѣ [2]).

Духовенство не менѣе прочихъ сословій, если не болѣе, попирало самыя обыкновенныя требованія приличія. Въ отсутствіи папы Александра VI, его дочь Лукреція, „поносимая за свои безстыдныя страсти и за двойное прелюбодѣяніе“ (какъ сношенія съ братьями и папой), поселилась въ комнатахъ первосвященника, распечатывала его письма и управляла администраціею вмѣстѣ съ совѣтомъ кардиналовъ. Однажды вечеромъ пятьдесятъ избранныхъ проститутокъ давали пиръ въ апостольскомъ дворцѣ, и послѣ ужина устроили такой пріемъ, подробности котораго не могутъ быть передаваемы въ печати [3]). По поводу этихъ сценъ Буркардъ (ок. 1489 г.) пишетъ: „Въ Римѣ не дѣлается ничего добраго и въ самомъ городѣ живетъ множество воровъ и святотатцевъ... Городъ наполненъ злодѣями, которые, если совершатъ убійство, то укрываются въ домахъ кардиналовъ“. Онъ поименно представляетъ лицъ, которыя, благодаря деньгамъ, оставались совершенно безопасно въ городѣ, получивъ прощеніе и отпущеніе отъ папы. А когда спрашивали камерарія, почему такъ поступаютъ съ виновными, то онъ въ оправданіе отвѣчалъ, что Богъ не ищетъ смерти грѣшника [4]).

Обличители итальянскаго общества, порицая его жизнь, исходили въ этомъ случаѣ изъ того положенія, что развратъ общества прежде всего есть результатъ антирелигіознаго направленія, а оно, въ свою очередь, произошло отъ увлеченія ученіемъ и жизнью классическаго міра. Постепенно религія утратила свое значеніе. Доминикъ Бенивіени говоритъ вообще: „Пороки и злодѣянія умножились въ Италіи, потому что эта страна потеряла вѣру Христову; тогда вѣрили, что все въ

---

[1]) Монье, 4.

[2]) Сочин. А. Н. Веселовскаго, IV, в. 1, с. 318,—319, 320.

[3]) Cantu, Hist. des Italiens, VII, 201, 203; о духовенствѣ (212—214).

[4]) Извѣстіе Буркарда (Cantu, VII, 202—203). Трактирщикъ Лаврентій Стати откупился съ братомъ за 800 дукатовъ.

мірѣ, и въ особенности судьба человѣческая, есть только дѣло случая. Нѣкоторые думали, что все управляется движеніемъ и вліяніемъ звѣздъ, отвергали будущую жизнь и смѣялись надъ религіей. Философы находили ее слишкомъ простою, годною только для старыхъ женщинъ и невѣждъ. Другіе видѣли въ ней обманъ и человѣческую выдумку. И такъ было во всей Италіи, а въ особенности во Флоренціи. Мужчины и женщины—всѣ обратились къ языческимъ правамъ, занимались поэтами, астрологами и всякаго рода суевѣріемъ [1]).

IV.

Еще въ XII в. въ Италіи могущественно выступаетъ въ жизни астрологія. Имп. Фридрихъ II ни на шагъ не отпускаетъ отъ себя своего астролога Теодора. При другихъ дворахъ появляются также астрологи, какъ необходимая принадлежность, а послѣдній Висконти и Эццелино да-Романо держали ихъ цѣлый штатъ, дорого оплачиваемый. У послѣдняго находились на службѣ знаменитый Гвидо Бонатто и длиннобородый сарацинъ Павелъ Багдадскій. Они назначали ему день и часъ для всѣхъ важнѣйшихъ предпріятій и многія, совершенныя гнусности отчасти объясняются изъ этихъ предсказаній. Впослѣдствіи никто не стыдился вопрошать звѣзды; не только государи, но и отдѣльныя городскія общины содержали постоянныхъ астрологовъ, а при университетахъ съ XIV—XVI стол. являются особые профессора этой ложной науки, поставленные на одну доску съ дѣйствительными астрономами. Папы большею частью открыто признаютъ астрологію и только Пій II составляетъ въ этомъ случаѣ счастливое исключеніе, не придавая значенія снамъ, чудесамъ и магіи; но даже Левъ X гордился процвѣтаніемъ въ его понтификатство астрологіи, а Павелъ III не созывалъ ни одной консисторіи, пока звѣздочеты не опредѣлятъ ему „ея часа. Нѣкоторые благочестивые люди старались облагородить астрологію и примирить ее съ религіей. Всѣмъ дѣтямъ знатныхъ фамилій обыкновенно составляютъ гороскопъ и возятся съ нимъ полъ жизни. Вельможи обращаются къ звѣздамъ при каждомъ начинаніи дѣла. Отъ ихъ указанія зависитъ отъѣздъ, пріемъ пословъ, закладка зданія, война и миръ. Примиреніе гвельфовъ и гибеллиновъ въ Форли лѣтописецъ объясняетъ также участіемъ астрологіи (1480). Кто былъ только немного позначительнѣе держалъ у себя астролога, которые иногда были и очень бѣдны. На платьяхъ, посудѣ, жезлахъ и т. п. любили изображать созвѣздія и др. астрологическіе знаки. На-

[1]) Böringer, Die Vorreformatoren, 2 Hälfte, S. 766.

противъ, Франческо Сфорца, Петрарка (Боккачіо вѣрилъ), Джіовани и Маттеи Виллани, Андж. Полиціано и вообще гуманисты (Салютати на религ. осн.), особенно Пикъ-делла-Мирандола составляютъ выдающееся явленіе, какъ противники астрологіи. Между тѣмъ какъ Марсилій Фичинъ защищалъ ее и составилъ дѣтямъ главы государства (Медичи) гороскопъ, а Левъ X готовъ былъ вѣрить, что Фичинъ предсказалъ ему папство [1]). Но Марсилій Фичинъ оставилъ астрологію, убѣдившись сочиненіемъ Мирандолы, который сдѣлался ея противникомъ, такъ какъ ему предсказали смерть на 30-мъ году жизни, въ чемъ случайно и не ошиблись астрологи [2]).

Подобное направленіе общества, по естественному ходу вещей, не могло не вызвать противодѣйствія, реакціи чувствъ, и оно вышло изъ той же церковной среды. Еще Боккачю разсказываетъ про одного маститаго богослова, отличавшагося ученостью и святостью жизни, который во Флоренціи съ каѳедры объяснялъ массѣ слушателей Евангеліе отъ Іоанна и при этомъ заводилъ рѣчь о поэтахъ. Онъ тутъ такъ сильно воодушевился, что лицо его пылало, глаза блистали и голосъ гремѣлъ. Онъ всячески увѣрялъ, что никогда не видалъ, да и не желалъ видѣть ни одного поэтическаго произведенія [3]). Затѣмъ появляется во Флоренціи доминиканецъ Джіов. Доменико, принадлежавшій къ группѣ старо-церковныхъ новаторовъ и въ то же время считавшійся весьма ученымъ богословомъ въ качествѣ народнаго проповѣдника (какъ викарій мон. S. Maria Novella),—онъ умѣлъ трогать сердца своимъ громовымъ голосомъ. Это внушило ему мысль смѣло выступить противъ поклонниковъ древности и Петрарки и ратовать противъ образованія юношества на чтеніи Виргилія и Овидія. Главнымъ же образомъ онъ возставалъ противъ Салютати, который усвоилъ стоическія убѣжденія и мнѣнія, находя возможнымъ примирить ихъ съ христіанствомъ, и между прочимъ противъ его дидактической поэмы De fato et fortuna, въ которой проповѣдывались подобныя же опасныя теоріи. Папа Григорій XII возвелъ (1408) честолюбиваго викарія въ кардиналы и архіепископы рагузскіе. Позже противъ Салю-

---

[1]) Я. Буркхардтъ, Культура Италіи въ эпоху возрожденія, 422—430, 434; К. Фойгтъ, Возрожд. классич. древности или первые вѣка гуманизма, I, 71—72, 165, 193; II, 108, 163, 433—435; Cantu, Hist. des Italiens, VII, 46; Корелинъ, 220, 788, 790, 815; Энц. слов. ученыхъ II, 233 и д.

[2]) Галламъ, Ист. европ. литер., I, 176; Вилларп, 1, 141, II, 63, 215.

[3]) Boccacius, De geneal. deorum, lib. XIV, cap. 3, 15.

Нужно замѣтить, что въ 1486 г. майнцскій епископъ запретилъ переводить греч. и римскихъ писателей (Оп. рус. исторіогр. II, 1115).

тати выступилъ еще Джіов. да-Санъ-Миніато, камальдулъ мон. S. Maria degli Angioli, который назвалъ чтеніе поэтовъ идолопоклонствомъ, пагубнымъ для души, а его противникъ, наоборотъ, находилъ что св. писаніе по языку и способу выраженій не что иное, какъ поэзія и что таинственный смыслъ древнихъ поэтовъ замѣчательно согласуется съ богословскими истинами и если нѣкоторыхъ поэтовъ упрекаютъ въ непристойности, то и въ св. писаніи найдется много неприличныхъ повѣствованій (о Лотѣ, Вирсавіи и др.), а Пѣснь пѣсней гораздо соблазнительнѣе всего, что можно встрѣтить у языческихъ поэтовъ [1]). Но все это были только мелкіе набѣги сравнительно съ тою ролью, какая выпала въ той же Флоренціи на долю Іеронима Савонаролы.

V.

Въ Италіи клиръ отъ низшаго до высшаго званія и особенно монашество давно сдѣлались предметомъ жестокихъ нападеній и насмѣшекъ. Притомъ, авторы, смѣющіеся надъ пороками духовенства, сами большею частью были монахи, аббаты, пользовавшіеся доходными мѣстами и т. п. Поджіо—духовный, Фр. Верни—каноникъ, Т. Фоленго—бенедиктинецъ, Мат. Банделло—доминиканецъ и даже непотъ генерала этого ордена. И тѣмъ не менѣе народъ и значительная часть итальянскаго общества остаются вѣрными и преданными церкви въ силу вѣры, отдѣляющей церковь отъ нравовъ, привычки, традиціи и магической силы искони усвоенныхъ символовъ. Рядомъ съ проповѣдью гуманизма идетъ и пользуется вліяніемъ широкая проповѣдь съ церковной каѳедры или на площади, взывающая къ покаянію—(францисканцевъ, доминиканцевъ и др.), соединенная часто съ политическими пророчествами и нападками на правящихъ лицъ и духовенство. Во Флоренціи—этихъ вторыхъ Аѳинахъ (Андж. Полиціано), въ Римѣ и др. мѣстахъ [2]), ораторъ, въ родѣ Бернардино да-Сіена могъ произвести дѣйствія, подобныя Іерониму Савонаролѣ, когда сжигались предметы разныхъ игръ, возвращалось награбленное имущество и даже преступники и солдаты (въ количествѣ до 50) вступали въ монастырь. Иногда проповѣдь аскета смѣнялась на той же каѳедрѣ рѣчью гуманиста. Такимъ образомъ почва для появленія такого проповѣдника покаянія и пророка, какимъ былъ Іер. Савонарола, была подготовлена.

---

[1]) Фойгтъ, Возрожденіе, I, 193—195; II, 418—421. Ср. сл. Тацита: „На все есть въ мірѣ время и старое не есть лучшее“ (Annal. III, 55).

[2]) Фойгтъ, I, 341.

Самымъ сильнымъ орудіемъ, съ помощью котораго онъ такъ успѣшно дѣйствовалъ во Флоренціи и даже управлялъ ею (1491—1498) была его рѣчь. Сохранившіяся, не всегда удовлетворительно переписанныя его проповѣди, не даютъ полнаго представленія о ея значеніи и вліяніи. Онъ привлекалъ слушателей не внѣшними средствами: голосъ, произношеніе, риторическая редакція и т. п. составляли скорѣе его слабую сторону; кто искалъ слова и искусства въ проповѣди, шелъ къ его сопернику Фра-Маріано да-Геннацано; „но въ рѣчи Савонаролы заключалась та высокая личная сила, которая послѣ него появилась только у Лютера“. Онъ самъ считалъ ее осѣненіемъ свыше и поэтому ставилъ званіе проповѣдника очень высоко; за проповѣдникомъ въ большой іерархіи духовъ непосредственно слѣдуетъ самый низкій изъ ангеловъ. Онъ признавался, что рѣшимость оставить міръ сложилась въ немъ подъ вліяніемъ проповѣди одного августинца. „Меня, писалъ Савонарола своему отцу, побуждаютъ удалиться отъ міра его нечестіе, несправедливости, насилія, прелюбодѣянія, разбои, гордость, идолопоклонство, богохульство; нѣтъ людей, творящихъ добро... Я не могъ переносить великой злобы, я вездѣ видѣлъ добродѣтель попранною, а порокъ торжествующимъ“. Принявъ монашество, онъ является проповѣдникомъ въ Феррарѣ, Мантуѣ, Болоньи, Реджіо, Бреши, Павіи, Генуѣ, Ломбардіи и во Флоренціи. Полный огня и жизни, Савонарола въ званіи пріора преобразовалъ монастырь св. Марка доминиканскаго ордена, и затѣмъ всѣ доминиканскіе монастыри въ Тосканѣ, преисполнившись его духомъ, предприняли добровольно реформу. Сыновья первыхъ фамилій поступали послушниками въ монастырь св. Марка.

Въ цѣляхъ проповѣдничества и миссіонерства, Савонарола основалъ при монастырѣ нѣсколько каѳедръ теологіи и метафизики и школу восточныхъ языковъ. Онъ взывалъ къ созванію собора въ интересахъ реформы церкви. Его предсказанія, отчасти сбывшіяся (между прочимъ въ связи съ походомъ Карла VIII въ Италію и изгнаніемъ Медичи), увеличивали число его приверженцевъ. Его друзьями были такія лица, какъ М. Фичинъ, оба Мирандола, Анж. Полиціано, Дж. Понтано, Джир. Бенивіени, ист. Нарди, М. А. Буонарроти, обезсмертившій Савонаролу въ своемъ Моисеѣ, и др. Его полудемократическая реформа (трактатъ его въ этомъ отношеніи не выше другихъ подобныхъ) едва пережила своего основателя, а его дѣйствительный идеалъ составляла теократія, во главѣ которой стоитъ самъ Іисусъ Христосъ. Единственное добро, по его мнѣнію, какое слѣдуетъ почерпнуть изъ ученій Платона и Аристотеля, это аргументы, которые можно употребить противъ еретиковъ; однако они и прочіе философы находятся въ аду. Любая старуха знаетъ о вѣрѣ болѣе, чѣмъ Платонъ. Было бы

цѣлесообразнымъ для вѣры, если бы многія, нѣкогда казавшіяся полезными, книги были уничтожены. Допуская для изученія нѣкоторыя классическія произведенія (Гомеръ, Виргилій, Цицеронъ), онъ въ отдѣльномъ сочиненіи доказываетъ вредъ науки вообще. Онъ пріобрѣтаетъ библіотеку Л. Медичи и даритъ своему монастырю, какъ необходимый источникъ для проповѣдниковъ. Онъ допускаетъ занятія наукой только для немногихъ людей, чтобы не погибла традиція человѣческихъ знаній, а еще болѣе, чтобы такимъ образомъ запастись нѣсколькими атлетами для борьбы съ еретическими софизмами; но съ особенной силой онъ вооружается противъ безбожныхъ астрологовъ, которымъ угрожаетъ даже тѣмъ же костромъ, на которомъ погибъ самъ. Строгій аскетъ, онъ отвергалъ всякую личную собственность монаховъ (онъ подарилъ библіотеку свою монастырю, оставивъ у себя только Библію); монастырскія и церковныя имущества (даже вещи) онъ назначалъ (послѣ продажи) въ пользу бѣдныхъ.

Но верхомъ его общественной дѣятельности была реформа нравовъ. „Нѣтъ человѣка, говоритъ Іеронимъ Савонарола, который дѣлалъ бы добро: добродѣтель поругана, порокъ возвышенъ; всякому честному человѣку остается только одно средство—бѣжать изъ этого вертепа разврата и преступленій и жить вдали отъ людей, какъ существо разумное, а не какъ животное между свиньями“... „Что мнѣ сказать о развратѣ нашего духовенства? восклицаетъ онъ. Всѣ дни они проводятъ въ пустой болтовнѣ съ женщинами. Каждый день дѣлаютъ визиты своимъ родственницамъ. Ихъ видно вездѣ. Зная, какую жизнь ведутъ они, не позволяйте вашимъ дѣтямъ оставаться съ ними наединѣ, берегите ихъ. Духовные отцы не разлучаются и въ церкви съ женщинами. Часто видали въ храмахъ женщинъ, одѣтыхъ въ костюмъ клериковъ, прислуживавшихъ прелатамъ вмѣстѣ съ послѣдними“ [1]). Видя все это, онъ взывалъ: „Покайся Римъ, покайся Миланъ, Венеція!.. Господь сказалъ: когда я пріиду въ Италію посѣтить ея грѣхи—я посѣщу Римъ съ мечемъ...; въ церкви св. Петра и другихъ царствуютъ развратныя женщины; алтари служатъ стойлами для лошадей и свиней; тамъ ѣдятъ, пьютъ и совершаютъ всякаго рода нечистыя дѣла“. Савонарола объявилъ, что церковь идетъ къ паденію, что необходимо созваніе собора, на которомъ онъ хотѣлъ показать, что церковь не имѣетъ главы, а тотъ, кто возсѣдаетъ на престолѣ (Александра VI), не только не истинный первосвященникъ и не

[1]) Perrens, Jérome Savonarole, 1856, 35—38, 72; Виллари, Дж. Савонарола, I, 58, 62—63, 67, 87, 98—99, 103—110, 288, 304, 315; II, 5—7, 70—72, 85, 211, 400.

достоинъ этого званія, но даже нехристіанинъ [1]). И вотъ Савонарола проповѣдуетъ съ своей каѳедры ненависть къ древнимъ и новѣйшимъ поэтамъ и изъявляетъ желаніе послать самого Платона „мучиться огнемъ въ жилище дьявола". Онъ говоритъ флорентійцамъ; „ваше существованіе все проходитъ въ снѣ, прогулкахъ и ночныхъ оргіяхъ; ваша жизнь—это жизнь грязныхъ животныхъ".

Вслѣдствіе вліянія Савонаролы, Флоренція „изъ города торжествъ и удовольствій стала монастыремъ". Но сила его убѣжденій превозмогла всѣ препятствія. На его проповѣди стекались юноши и старцы, женщины и дѣти всѣхъ состояній, „какъ на брачный пиръ". Глубокая тишина царствовала въ церкви; каждый стоялъ на своемъ мѣстѣ, держа въ рукахъ небольшую восковую свѣчу. Въ деревняхъ уже не слышно было—ни веселыхъ пѣсенъ, ни суетныхъ разговоровъ; раздавались только духовные гимны. Нерѣдко крестьяне, подобно хорамъ монаховъ, попеременно пѣли по обѣимъ сторонамъ дороги, идущей между полемъ и въ то же время каждый изъ нихъ работалъ съ восторженною радостью. Этотъ религіозный энтузіазмъ овладѣлъ всѣми Часто видѣли матерей, идущихъ по улицамъ и читающихъ подобно монахинямъ, свои молитвы вмѣстѣ съ дѣтьми. За столомъ, послѣ благословенія, наступала тишина: тогда читали житія св. отцовъ, или другія назидательныя книги, но въ особенности рѣчи и сочиненія Савонаролы. Женщины одѣвались съ большой умѣренностью. Богатые граждане давали жилище и пищу на 20, 30 и 40 человѣкъ нуждающихся. Во время голода, когда толпы крестьянъ сбѣжались во Флоренцію, за подаяніемъ, и многіе падали на улицахъ отъ истощенія,—богатые для подкрѣпленія силъ приносили имъ съѣстное и вино, а потомъ отводили въ госпиталь. Нѣкоторые же изъ нихъ отправили большую сумму денегъ въ Сицилію для закупки хлѣба, который они продавали потомъ по низкой цѣнѣ. Въ опредѣленные дни на рынкахъ не видно было мяса. Браки всегда сопровождались причастіемъ и проповѣдью, а иногда и обѣтомъ цѣломудрія. Тѣ, которые хотѣли отпраздновать этотъ день, собирались въ числѣ 20 и 30 человѣкъ въ избранномъ мѣстѣ, какъ молодые люди Декамерона, и, послѣ причастія, проводили день въ пѣніи псалмовъ и благочестивыхъ бесѣдахъ, или носили въ процессіи изображеніе Богородицы и Іисуса. „Эта молодежь, еще недавно наглая и распутная, собиралась у домашняго очага, чтобы перебирать четки". Въ праздничные дни она бандами отправлялась

---

[1]) Cantu, Hist. des Italiens, VII, 203. 212. Петръ Медичи говорилъ своимъ приближеннымъ: „не думаю, чтобы вся Италія была такъ заражена порокомъ, какъ наша Флоренція..."

рвать оливковыя вѣтви, а потомъ располагалась на лугахъ, распѣвая гимны, составленные Савонаролой. Послѣдній сильно вооружился противъ изображеній, представляющихъ святыхъ въ нагомъ видѣ или въ одеждѣ куртизанокъ,—и вотъ многіе художники почтили его, какъ наставника и святого. Во Флоренціи, гдѣ банки были такъ могущественны и гдѣ блаженствовали ростовщики, Савонарола поднялъ голосъ въ защиту бѣдныхъ: онъ подорвалъ дѣла ростовщиковъ (въ 1494 г. ихъ даже удалили изъ города), содѣйствовалъ учрежденію ссуднаго банка (1495 г.) и ввелъ общественную милостыню, которую собирали набожные юноши. Онъ настаивалъ на освобожденіи бѣдныхъ отъ налоговъ и заботился о предоставленіи занятій неимущимъ подещикамъ. Мало того—изъ юношей же была составлена нравственная полиція, которая обязана была отбирать въ домахъ всѣ вещи, служившія для удовольствій. Многіе были поражены такимъ громаднымъ вліяніемъ этого человѣка. Извѣстный Пикъ-ди-Марандола, выслушавъ однажды его рѣчь, не рѣшился болѣе слушать; Андж. Поліціанъ, сильно пристрастившійся къ греческому искусству, объявилъ Іеронима святымъ и проповѣдникомъ, замѣчательнымъ по образованію; платоническій поэтъ Бенивіени съ энергіею защищалъ его ученіе и составилъ стихи въ честь его набожности; Андрей делла-Роббіа и пять его сыновей занялись выдѣлкою изображенія Савонаролы на медаляхъ; великій архитекторъ Кронока не хотѣлъ ни о чемъ говорить, кромѣ того, что относилось къ нему; Лаврентій де-Креди посвятилъ ему свои цѣломудренныя наставленія; извѣстный миніатюрный живописецъ—монахъ Бенедиктъ, послѣ проповѣди Савонаролы, оставилъ разгульную жизнь, чтобы предаться покаянію, и, когда жизнь Іеронима находилась въ опасности отъ враговъ, онъ взялся за оружіе для его защиты; живописецъ Баччіо делла-Порто сжегъ всѣ свои произведенія; ваятель Баччіо де-Монтелупо оставилъ городъ. Въ своемъ фанатическомъ порывѣ исправить нравы, въ послѣдній день карнавала 1497 г. Савонарола предаетъ сожженію огромное количество пергаментныхъ рукописей (произведенія Пульчи, Петрарки, Боккаччіо и др.), картины, музыкальные инструменты, портреты красавицъ и др. вещи, употребляемыя въ играхъ [1]). Флорентійцы не согласились даже взять отъ одного венеціанскаго купца 20 тыс. экю за вещи, портреты красавицъ и т. п., назначенные для сожженія. Указываютъ на опредѣленное предсказаніе Савонаролой разграбленія Рима, напечатанное въ 1496 г. и исполнившееся въ 1527 г.

---

[2]) Виллари, проникнутый глубокимъ уваженіемъ къ Савонаролѣ, ограничиваетъ это увлеченіе послѣдняго.

(Фр. Блассъ въ предисловіи къ изд. Еванг. Луки, рим. редакціи); но съ не меньшимъ правомъ можно напомнить и предсказаніе Герценомъ франко-прусской войны съ ея послѣдствіями, также напечатанное заранѣе, въ 1868 г., когда, по общему мнѣнію, вторая имперія держалась незыблемо [1]). Савонарола былъ человѣкъ святой жизни и восторженный служитель церкви, безусловно согласный съ ея ученіемъ за исключеніемъ ученія ап. Павла объ оправданіи человѣка вѣрою. Доктрина эта, проповѣдуемая Виклефомъ, І. Гусомъ, Іер. Пражскимъ, Вальдомъ и др. была дамокловымъ мечомъ, висѣвшимъ надъ головою папы, какъ отрицавшая тѣ средства, которыя давали въ руки папству наибольшія матеріальныя выгоды и въ корнѣ подрывавшая ученіе объ индульгенціяхъ и чистилищѣ [2]).

Однако, бросивъ вызовъ папскому престолу въ лицѣ такого папы, какимъ былъ Александръ VI Борджіа, Савонарола долженъ былъ пасть; но и дисциплина, подобная введенной Савонаролой, не могла держаться долго. Несогласія и раздоры проникли во всѣ семейства. Мужъ и жена, отецъ и дѣти, всѣ спорятъ другъ съ другомъ. Только и слышались страшныя угрозы. Теща гнала свою невѣстку изъ дома; мужъ сталъ преслѣдовать жену; оставалось всѣмъ жить порознь. Противъ Савонаролы стали составляться заговоры. А поднявъ свой голосъ противъ Рима и папы, онъ тѣмъ самымъ ускорилъ свое паденіе (23 мая 1498 г. [3]).

Тѣмъ не менѣе еще долго сохранялась память о немъ. Въ Миланѣ явился тосканскій отшельникъ, послѣдователь Іер. Савонаролы (1516). Спустя 30 лѣтъ еще находились его приверженцы, которые придерживались, кромѣ ученія, его предсказаній. Слушавшій его Эразмъ Роттердамскій даетъ блестящую характеристику вліянія его

---

[1]) Н. Страховъ, Борьба съ Западомъ, I, с. 138—144; Ж. М. Н. Пр. 1898, № 9, с. 84.

[2]) Ж. М. Н. Пр. 1898, № 9 (письмо изъ Рима), с. 63.

Біографія Савонаролы, напис. Паскваломъ Виллари, переведена на англ. и нѣмецк. языки и разошлась тогда же въ Италіи въ 2-хъ изданіяхъ. Въ послѣднее время (1913 г.) она переведена и на русскій яз. Н. Бережковымъ (Паскванe Виллари, Джир. Савонарола и его время, Спб.; тт. I и II, 1913 г.). Въ виду приближавшагося юбилея кончины Савонаролы, католич. историки церкви, готовы были принести въ жертву Сикста IV и Александра VI, ради спасенія прочихъ папъ, менѣе порочныхъ и нечестивыхъ, и въ такомъ же смыслѣ была написана „Исторія папства въ XV и XVI в.в.“ профес. Инспрукскаго унив., католич. свящ. Людв. Пасторомъ.

[3]) Оба его послѣдователя, Маруффи и Бонвичини, а затѣмъ и Савонарола, предварительно повѣшенные, были сожжены на кострѣ.

рѣчей, въ связи съ его мимикой и движеніями, въ особенности, когда онъ касался Рима—этой страшной неисцѣлимой гидры: тогда онъ неожиданно обрывалъ проповѣдь, его голосъ нѣмѣлъ и это сильнѣе дѣйствовало на народъ, нежели самыя подробныя описанія и укоры. Султанъ Баязетъ, познакомившись съ его толкованіями на прор. Амоса, велѣлъ перевести ихъ на турецкій языкъ. Макіавелли, негодуя на положеніе дѣлъ въ Италіи, съ злобными сарказмами указывалъ на пепелъ замученнаго Савонаролы и на мечъ, который одинъ могъ бы спасти Италію [1]). Въ монастырѣ св. Марка монахи сохранили неприкосновенною келлію, въ которой жилъ Савонарола, со всею нищенскою обстановкою, и его портретъ работы Фра Бартоломео. Доминиканцы признали его святымъ. По секуляризаціи монастырь былъ закрытъ и келлія Савонаролы стала доступной публикѣ, но, когда въ Италіи, благодаря труду Виллари, задумали устроить юбилей, то Савонарола не встрѣтилъ сочувствія и по политическимъ проискамъ партій, ни либералы, ни клерикалы не рѣшились взяться за это дѣло; во Флоренціи чествованіе его ограничилось лишь рѣчью Виллари, придавшаго особенное значеніе чувству патріотическаго долга мученика [2]).

VI.

Мы знаемъ уже, что задолго до завоеванія Константинополя много грековъ жило въ Италіи. Ими были положены основанія школамъ, которыя распространяли здѣсь свѣтъ византійскаго образованія и въ числѣ учениковъ этихъ наставниковъ нашлось не мало такихъ, которые сами основали школы по ихъ образцу [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ шли усердныя разысканія древнихъ писателей въ монастыряхъ Востока и Запада [4]).

---

[1]) Буркардтъ, 385—390, 392—397; 8-е нѣм. изд. 1901; Perrens Jerome Savonarolé, P. 1856, pp. 35—38, 142, 314 (излож. этого труда было напечат. въ Отеч. Зап. 1870, №№ 6 и 7, стр. 253—285, 59—88); Савонарола и Флоренція, Историч. моногр. Н. Осокина (Уч. зап. Казан. унив. 1869, в.в. I и II и отд. 319 стр. (съ обозр. прежн. литер.). Объ отнош. Савонаролы къ памятникамъ искусства (Буслаевъ, Очерки, II, 340—342); нападки на поддѣльные волосы и зеркала (ib. 336—341); С. Боттичелли, З. Венгеровой (о худож. флорент. эпохи В. Евр. 1895 г. № 12). Въ статьѣ д-ра G. Portigliotti Un grand monomane Fra Girolamo Savonarola (Archivio di psichiatria 1902), напис. по документамъ, устанавливается психическая болѣзнь Савонаролы.

[2]) Письмо изъ Рима, А. Т. (Ж. М. Н. Пр. 1898, № 9, с. 65).

[3]) Фойгтъ, I, 218.

[4]) Не слѣдуетъ думать, что сохраненіе ихъ въ монастырскихъ библіотекахъ служитъ доказательствомъ ихъ изученія тамъ. Рукописи эти часто находимы были въ недоступныхъ мѣстахъ, въ заколоченныхъ сундукахъ, въ погребахъ, съ

„Оттуда, писалъ Эней Сильвій, намъ переданы многія рукописи древнихъ мудрецовъ, надѣемся, что и въ будущемъ многія перейдутъ къ намъ“. Папа Григорій XIII для Аѳанасьевской коллегіи въ Римѣ искалъ учителей въ Греціи. Постепенно сфера вліянія греческой науки расширялась. По словамъ же Ѳеодосія Зигомалы (1575) „музы оставили Грецію и переселились въ Германію“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, когда прошелъ тяжелый ударъ завоеванія, греки стали возвращаться и на свои пепелища. „Чистый классическій языкъ, писалъ тогда же Давидъ Хитрей Март. Крузію, нѣкоторые греки изучаютъ въ Италіи и, воротившись домой, сами учатъ ему. Другіе принимаютъ его отъ родителей, какъ бы черезъ нѣкоторую передачу руками, иные, напоенные грамматическими правилами Конст. Ласкариса, постояннымъ чтеніемъ научаются понимать весьма многое у отцовъ, каковы митрополиты и нѣкоторые монахи“ [1]). Вообще же преобладало частное обученіе, школы были низшія; среднія учебныя заведенія возникли уже гораздо позже [2]) и даже Ватопедская высшая школа Аѳонской горы, этого разсадника „высокихъ церковныхъ должностей“, по выраженію (пис. XVII в.) De la Croix [3]), возникаетъ въ пол. XVIII в. и подвергалась большимъ случайностямъ [4]). Всѣ наиболѣе выдающіеся по своей учености дѣятели греческой іерархіи, какъ М. Пигасъ, Кириллъ Лукарисъ, а также Паисій Лигаридъ, Н. Спаѳарій, Арсеній Грекъ, извѣстные по связи съ русскимъ просвѣщеніемъ XVII в., до Евгенія Булгариса и Никифора

оборванными переплетами, употребленными на другія надобности и доступъ къ нимъ часто соединялся съ большими затрудненіями и препятствіями. Такъ было въ Византіи и на Западѣ, но, благодаря этимъ разысканіямъ, возникли общественныя и частныя библіотеки и музеи въ Италіи и др. мѣстахъ и сдѣлались доступными для всѣхъ сокровища древней науки и средневѣковой письменности (Фойгтъ, I, 211, 219, 220—223, 227, 229, 238, 242; II, 92; о множ. книгъ въ Константинополѣ, I, 246, 247, 252, и на островахъ, 254—255, 259; о покупкѣ ихъ на Востокѣ до взятія Константинополя и послѣ того, I, 255, 375, 509; II, 100, 179—184). Папа Калликсть III распорядился снять съ книгъ, пріобрѣтенныхъ и украшенныхъ Николаемъ V, золотыя украшенія и перелить въ деньги для любимой его затѣи—войны съ турками (II, 183). Нѣкоторые монастыри (напр. св. Николая Казольскаго, близъ Отранто) сами служили центрами изученія эллинизма (Визант. Времен. 1895, IV, 670—671).

[1]) Болѣе опредѣленныя свѣдѣнія имѣются о патріаршей школѣ, въ которой преподавались: грамматика, риторика съ піитикой, діалектика, философія Аристотеля (со свѣдѣніями изъ него по физикѣ), пѣніе и богословіе. Изъ древнихъ писателей объяснялись: Гезіодъ, Гермогенъ и Аммоній.

[2]) Лебедевъ, 452—454, 676; Правосл. Обозр. 1872. II. 701—702, 724—725.

[3]) Христ. Чтен. 1870, II, 970.

[4]) Правосл. Обозр. 1872, II, 710—711.

Θеотоки (XVIII в.) включительно учились за границей въ западныхъ школахъ и университетахъ. Въ ряду этихъ лицъ ранѣе другихъ выдающееся мѣсто занимаетъ Максимъ Грекъ, какъ и они связанный съ Россіей.

Политическія и торговыя сношенія (торговля съ Левантомъ) давно сдѣлали Венецію посредницею между Востокомъ и Западомъ [1]. По причинѣ частныхъ сношеній Греціи съ Италіей, въ Венеціи возникла греческая община, куда обыкновенно и направлялись пріѣзжіе греки [2]. Если Флоренція представлялась въ эпоху возрожденія новыми Аѳинами, то на Венецію тогда уже смотрѣли, какъ на новую Спарту, въ которой законы и учрежденія неизмѣнны и честолюбивые помыслы лучшихъ граждань клонятся лишь къ величію республики. Торговые и матеріальные интересы составляютъ главный нервъ послѣдней [3]. Иллюзіи и мечты ее не увлекаютъ, идеалы долго не находятъ для себя почвы, наука—свободы. О латинской мудрости хлопотали только тѣ, кто готовился къ духовному званію. Большая часть торжествъ была учреждена въ честь политическихъ событій, часто соединенныхъ съ большими церковными праздниками. Однако, въ вѣкъ процвѣтанія классицизма, и здѣсь принялись за изученіе его корифеевъ, частію изъ покровительства, а частью изъ соревнованія, и греческіе ученые также не миновали Венеціи, въ особенности если ученый могъ пригодиться и для государственной службы. Въ XV в. семинаріи, среднія учебныя заведенія и публичное преподаваніе были поставлены уже широко. Георгій Трапезунтскій первый сталъ получать большое жалованье (150 дукатовъ въ годъ) за преподаваніе гуманистическихъ наукъ: до сихъ поръ его платили только профессорамъ Падуанскаго университета. Уже въ 1459 г. Георгій Трапезунтскій поднесъ дожу переводъ книги Платона „О законахъ“, а его трудъ „Риторика“ былъ посвященъ

[1]) Монье, 128; Гаспари, II, 369; Em. Légrand, Bibliographie hellénique I, CXLVI.

[2]) А. П. Лебедевъ, Ист. греко-восточ. церкви, 446.

[3]) Въ Венеціи въ 1422 г. считалось до 200000 жит. Въ Италіи ранѣе другихъ мѣстъ стали считать населеніе полностью—количествомъ душъ—anime; торговый оборотъ Венеціи составлялъ—6 мил. дукат., государств. доходы 1100000; венеціанскіе дома были оцѣнены въ 7 мил. дукатовъ. Въ XVI в. общій доходъ государства возросъ до 4 мил. дук. Золотой дукатъ=17 ливрамъ.

„Венеція до того покрыта золотомъ, что миланецъ Казола не думаетъ, чтобы во времена Соломона, ц. Іудейскаго, производили его въ такомъ изобиліи“ (Ф. Монье, Оп. литер. исторіи Италіи XV в., Спб. 1904, стр, 128). См. также Корелинъ, 977—978; Ch. Yriarte, La vie d'un patricien de Venise au XVI siècle (рец. И. В. Лучицкаго, Унив. Изв. 1874, №№ 3 и 9).

сеньоріи. Мы знаемъ, что кардиналъ Виссаріонъ пожертвовалъ Венеціи свою богатую библіотеку, надѣясь найти здѣсь естественный пунктъ соприкосновенія между духовными сокровищами Греціи и Италіи, хотя по той же небрежности она едва не была расхищена, и здѣсь же основалъ свою типографскую дѣятельность съ тою же цѣлью знаменитый Альдъ Мануцій [1]). Черезъ Венецію отправлялись на знаменитый своими послѣдствіями Ферраро-Флорентійскій соборъ представители греческой іерархіи и науки, гдѣ двадцатидневное пребываніе нѣкоторымъ даже изъ епископовъ, по выраженію историка того же собора (Synod.—Florent., p. 6), Дороѳея Митиленскаго, такъ понравилось, что они назвали ее обѣтованною землею, и, по окончаніи собора, греки опять направились обратно черезъ Венецію [2]). Конечно тотъ же путь былъ избранъ и Максимомъ Грекомъ.

VII.

Максимъ Грекъ самъ говоритъ, что въ Италіи онъ жилъ у *„мужей, украшенныхъ многою мудростію, будучи весьма юнъ“*, и прожилъ тамъ много времени—„лѣта довольна“ [3]). Гдѣ же именно учился Максимъ Грекъ? Одни указываютъ на посѣщеніе имъ Парижа, Флоренціи, Венеціи, итальянскихъ и испанскихъ университетовъ [4]) или просто извѣстныхъ европейскихъ училищъ [5]); другіе—на посѣщеніе Франціи и Италіи [6]). Есть основаніе думать, что онъ былъ только въ Италіи, и мы основываемъ это на слѣдующихъ соображеніяхъ:

1. Въ сочиненіи: „Повѣсть страшная и достопамятная, или о совершенномъ иноческомъ житіи“, Максимъ Грекъ дѣйствительно говоритъ о Парижѣ, его многолюдности, даровомъ ученіи въ тамошнихъ университетѣ, о покровительствѣ короля наукамъ, о преподаваніи свѣтскихъ наукъ и огромномъ стеченіи учащихся, но при этомъ прибавляетъ: „какъ я слышалъ отъ нѣкоторыхъ“ [7]); когда же онъ пере-

---

[1]) Бурхардтъ, 54—64; Фойгтъ, I, 379-393; II, 116—117. Съ 1405 г. Падуя входила въ составъ Венеціанской республики.

[2]) Остроумовъ. Ист. Флорент. собора, М. 1847, стр. 44, 182, 183.

Venise était en quelque sorte la Hollande de l'Italie; la liberté de penser y était exploitée comme une branche de commerce très productive: tous les livres protestants venaient de là. (Renan, Averroès et l'averoisme, P. 1866, p. 415).

[3]) Соч. М. Грека, III, 178. О разности возраста см. в., стр. 81.

[4]) Ж. М. Н. Пр. 1834, августъ, 243.

[5]) Евгеній, Словарь духов. писат., II, 389.

[6]) Христ. Чтен. 1862, мартъ.—Нѣкоторые указываютъ только на Парижъ, Флоренцію и Венецію, какъ главныя мѣста его образованія. Карамз. VII, 107. Платонъ, II, 36. Филаретъ въ Москвитян. 1842, № 11.

[7]) Сочиненія, III, 179. Въ Парижскомъ унив. собиралось до 30000 студентовъ.

ходитъ къ Флоренціи и хвалитъ ея красоту предъ другими городами Италіи, то замѣчаетъ: „которые я самъ видѣлъ“. Правда, преосвящ. Филаретъ [1]) слова предисловія этой повѣсти: „у нихъ же (т. е. мужей достовѣрныхъ), будучи очень юнъ, пожилъ лѣта довольна“ относитъ къ Парижу, такъ какъ далѣе рѣчь идетъ о немъ и потому полагаетъ, что Максимъ Грекъ жилъ въ Парижѣ „лѣта довольна“. Но мы здѣсь приводимъ предисловіе, чтобы показать, что эти слова не имѣютъ отношенія собственно къ Парижу:

„Хочу передать вамъ страшную повѣсть, но молю читающихъ ее не подумать, что я чрезмѣрно лгу; свидѣтелемъ за меня въ томъ есть самъ Богъ, вѣдающій все тайное, что я пишу истину. Повѣсть ту не только я видѣлъ написанную и прочелъ, но и слышалъ отъ многихъ достовѣрныхъ мужей, т. е. украшенныхъ добродѣтельною жизнью и великою мудростью, у которыхъ я, будучи еще очень юнымъ, жилъ довольное время. Но пусть также не приводитъ ихъ въ сомнѣніе и то, что чудо это совершилось среди мужей, послѣдующихъ латинскому ученію: Хотящему (т. е. Богу) всѣмъ человѣчеамъ спастися и въ разумъ истинный прійти (1 Тим., 2, 4), свойственно по своей божественной благодати вездѣ и всѣмъ людямъ простирать неизреченныя дарованія и благотворенія отъ своихъ щедротъ, такимъ образомъ являя себя всѣмъ вообще и обращая къ себѣ все свое твореніе, сіяя солнцемъ своимъ на злыя и благія и дождь посылая на праведныя и неправедныя (Матѳ. 5, 4). Но объ этомъ достаточно. Парижъ градъ славный и многолюдный“. И далѣе слѣдуетъ приведенное выше о Парижѣ, причемъ Максимъ Грекъ прибавляетъ: „какъ я *слышалъ* отъ нѣкоторыхъ“, а затѣмъ прилагаетъ и самую повѣсть, о которой скажемъ далѣе. Въ другомъ мѣстѣ, передавая „Сказаніе о священномъ образѣ Спаса Христа, его же называютъ уныніе“, Максимъ говоритъ: „*я таковую повѣсть принялъ отъ достовѣрныхъ мужей итальянскихъ, живя время довольно, юнъ еще сый,* мірскаго житія держася“ [2]). Сравнивая одно выраженіе съ другимъ, нельзя не замѣтить, что они совершенно одинаковы и показываютъ, что какъ „Повѣсть страшная и достопамятная“, такъ и „Сказаніе о священномъ образѣ“... заимствованы имъ изъ одного источника, т. е. отъ однихъ и тѣхъ же достовѣрныхъ людей „итальянскихъ“; что же касается названной выше „Повѣсти страшной и достопамятной“, то она состоитъ изъ разсказа объ основаніи и устрой-

[1]) Москвитянинъ, 1842 г., № 11, 45. Это принято и въ статьѣ: Макс. Грекъ, въ Христ. Чт. 1862, мартъ.

[2]) Сочин. М. Грека, III, 123.

ствѣ Картезіанскаго ордена, хотя Максимъ не упоминаетъ ни имени ордена, ни его основателя. Орденъ этотъ былъ основанъ въ концѣ XI вѣка епископомъ гербиполенскимъ Брунономъ. Въ его житіи сообщается, что онъ былъ пораженъ особенными явленіями при погребеніи своего наставника, парижскаго доктора Раймунда Діокра, любившаго употреблять въ своихъ выраженіяхъ богохульныя слова. Когда уже готовы были нести Діокра въ могилу—онъ внезапно всталъ и произнесъ; *„justo Dei judicio adcusatus sum“* (у Максима: „поставленъ есмь предъ судіею“) и снова умеръ; потомъ вторично поднялся и сказалъ: *„justo Dei judicio judicatus sum“* (у Максима: „испытанъ есть“) и опять умеръ. Наконецъ, поднявшись въ третій разъ, произнесъ: *„justo Dei judicio damnatus sum“* (у Максима: „осужденъ есмь“ [1]). Это такъ поразило Брунона и его товарищей, что они удалились въ пустыню шартрскую и установили самыя строгія правила для своего общества. Затѣмъ у Максима слѣдуетъ уставъ этого послѣдняго [2]). Однако, не смотря на столь извѣстное преданіе, записанное даже въ „житіяхъ“, Максимъ не могъ узнать имени лица, упоминаемаго въ описаніи происхожденія Картезіанскаго ордена („его я не зналъ и даже никогда не слышалъ“), хотя этотъ мужъ „мудрости внѣшней и въ священномъ богословіи учитель великій былъ и первый изъ тамошнихъ сказателей (проповѣдникъ)..., мужъ чудный и знаменитый“. А это опять показываетъ, что свѣдѣнія о немъ Максимъ Грекъ получилъ въ Италіи, иначе во Франціи, и въ особенности въ Парижѣ, онъ легко могъ бы узнать имя лица, о которомъ идетъ рѣчь [3]). Наконецъ замѣтимъ, что Максимъ Грекъ, входя въ подробности о своемъ пребываніи на Западѣ, упоминаетъ о тѣхъ лицахъ, съ которыми онъ имѣлъ сношенія, и о тѣхъ событіяхъ, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, но въ подобныхъ случаяхъ онъ всегда ссылается на факты, касающіеся лицъ и событій имѣвшихъ мѣсто въ Италіи, и нигдѣ не приводитъ ихъ относительно Франціи, а въ одномъ мѣстѣ [4]), сказавъ объ увлеченіи „латинянъ“ философіей, онъ прибавляетъ: „достовѣрный свидѣтель всего этого я не только какъ слушатель и очевидецъ былъ *въ Италіи и въ Ломбардіи*, но и самъ нѣкогда былъ близокъ тому“. Въ другомъ мѣстѣ, говоря о привязанности на Западѣ къ астрологіи и вообще объ антирелигіозномъ напра-

---

[1]) Acta Ss. Octob. III, p. 538, 703. Твор. св. отц. годъ 9, кн. 3. Отнош. инок. Кирил. Бѣлозер. и Іос. Волок. монастырей, 514.

[2]) Сочин. М. Грека, III, 180 и далѣе.

[3]) О томъ же орденѣ разсказываетъ это событіе Карамзинъ при посѣщеніи Ліона въ 1790 г. и дѣлаетъ свои замѣчанія по поводу его устава (Соч. II, 411—413).

[4]) Ibid. I, 463.

вленіи общества, онъ замѣчаетъ: „о сколько найдешь въ итальянскихъ училищахъ и въ Галліи этимъ недугомъ страдающихъ“. Изъ этихъ словъ видно, что онъ не имѣлъ свѣдѣній о гальскихъ училищахъ, а говоритъ здѣсь вообще о Франціи, какъ *слышалъ*. Въ такомъ же смыслѣ употреблено слово *Галліехъ* въ другомъ мѣстѣ: „Паризія градъ есть нарочитъ и многочеловѣченъ въ Галліехъ, которые нынѣ называются Франза, держава великая“ [1]). Правда, Курбскій упоминаетъ, что Максимъ Грекъ былъ „ученикъ славнаго Іоанна Ласкаря, учась у него въ Парижѣ философіи“ [2]), но это онъ могъ вывести изъ того, что Максимъ Грекъ былъ ученикомъ Ласкариса (въ Венеціи), а Ласкарисъ преподавалъ и въ Парижѣ, которому принадлежитъ лучшая пора его дѣятельности [3]).

VIII.

Упоминаемый здѣсь Іоаннъ Ласкарисъ, по происхожденію изъ Малой Азіи, родился въ Константинополѣ (1445 г.) и въ юности (послѣ паденія Константинополя) былъ доставленъ въ Венецію, откуда отправленъ кард. Виссаріономъ на его счетъ для изученія латинскаго языка и другихъ наукъ въ Падую, гдѣ учился у Дм. Халкондила и находился тамъ до кончины кард. Виссаріона (18 ноября 1472 г.), послѣ чего друзья направили Ласкариса во Флоренцію, куда онъ прибылъ въ свитѣ венеціанскаго посольства и гдѣ также преподавалъ Дм. Халкондилъ, по отъѣздѣ І. Аргиропуло въ Римъ (1471). Подъ покровительствомъ Д. Халкондила, Ласкарисъ открылъ здѣсь курсъ греческаго языка и объяснялъ Софокла, Ѳукидида, Демосѳена и антологію, причемъ имѣлъ чрезвычайный успѣхъ и множество слушателей разныхъ званій и возрастовъ. Затѣмъ онъ совершилъ, по порученію Лавр. Ме-

[1]) Соч., III, 179.

[2]) Сказанія Курбскаго, II, 247; 2-е изд., 296.

[3]) Тѣмъ не менѣе отмѣтимъ, что въ позднѣйшемъ подробномъ „житіи“ Максима Грека сообщается о двухъ путешествіяхъ послѣдняго и что онъ въ первый разъ „былъ отданъ нѣкоему философу именемъ Фарису (Ласкарису, очевидная порча имени, свойственная русскимъ книжникамъ), во Фряской земли, во градѣ Паризіи. Изучи же сей *отрокъ* Макарій всю фарисію (отъ Фариса?) 11 мѣсяцевъ; и сей философъ Фарисъ почудися вельми и послаша его *отрока* Макарія во градъ Флоренцый къ мудрейшему своему брату философу именемъ Гавърасу (Гварино Младшій“)? Далѣе говорится „объ изученіи имъ здѣсь грамматическихъ наукъ въ теченіи 9 мѣсяцевъ, послѣ чего онъ возвратился въ домъ родителей“ (Бѣлокуровъ, с. xliv). Только столь юнымъ возрастомъ можно было бы объяснить тѣ неточности о Парижѣ, на которыя мы указали выше. Иначе посѣщеніе Парижа можетъ быть отнесено лишь къ концу заграничнаго пребыванія М. Грека, когда появляется тамъ Ласкарисъ, но это требуетъ болѣе вѣскаго подтвержденія.

дичи два путешествія на Востокъ (причемъ посѣтилъ Аѳонъ и Константинополь) для покупки греческихъ рукописей, продолжавшіяся до половины 1492 г. По возвращеніи во Флоренцію, онъ скупалъ рукописи въ Италіи и продолжалъ пользоваться покровительствомъ (по смерти Л. Медичи) Петра Медичи; вступилъ въ близкія отношенія съ Андж. Полиціано (1493), по поводу его переводовъ на греческій языкъ; занимался подготовленіемъ къ изданію греческихъ текстовъ и составленіемъ инвентаря библіотеки Медичи, но удаленіе Петра Медичи и планъ изгнанія турокъ изъ Европы, соединявшійся съ походомъ въ Италію Карла VIII, побудили Ласкариса перейти на службу къ франц. королю, которому передавалъ свои права Андрей Палеологъ, жившій въ Римѣ на содержаніи папскаго двора (6 сент. 1494). Съ этого только времени Ласкарисъ является на службѣ Франціи, гдѣ пользовался покровительствомъ Карла VIII и его преемника Людовика XII (1498), благодаря чему онъ содѣйствовалъ насажденію классическихъ вкусовъ во Франціи, а затѣмъ сопутствовалъ послѣднему въ его походѣ на Миланъ (1500 [1]). Кромѣ того, Ласкарисъ занимался приведеніемъ въ порядокъ королевской библіотеки въ Блуа и преподаваніемъ греческой литературы и по этому поводу сблизился съ франц. ученымъ Буддеемъ, когда новая дипломатическая миссія въ Венецію прервала снова его труды (1503).

Венеція, какъ мы знаемъ, была на пути для грековъ, отправлявшихся съ цѣлью изученія наукъ и бѣжавшихъ отъ турокъ въ Италію. Въ Венеціи существовала издавна греческая школа, которая была закрыта въ началѣ XVI вѣка. Въ ней было много извѣстныхъ профессоровъ, которые имѣли множество учениковъ. По всей вѣроятности въ этой школѣ учился первоначально и Максимъ Грекъ [2]). Быть можетъ, по окончаніи ея, онъ возвратился временно на родину, о чемъ упоминается въ одномъ изъ позднѣйшихъ житій, по поводу смерти его родителей и устройства имущественныхъ дѣлъ, послѣ чего снова направился въ Италію для окончательнаго образованія [3]). Пробывъ нѣкоторое время въ Венеціи, онъ переѣхалъ въ Падую, находившуюся въ зависимости отъ Венеціи и славившуюся своими школами и универси-

---

[1]) Em. Legrand. Bibliogr. hellènique, I, cxxxi—cxliv; Bernhardy, Grundr. der griech. Liter., 633; Börner, De doctis hominibus graecis, pp. 202—203.

[2]) О значеніи Венеціи въ литературномъ движеніи XVI и XVII в.в. (Виз. Врем. 1895, III, 452—454; Renan, Averroès et l'Averroisme, 415). См. также стр. 65, примѣч. 7.

[3]) Бѣлокуровъ. О библіотекѣ моск. госуд., стр. xliv—xlv.

тетомъ, и хотя по присоединенiи къ Венецiи (послѣ паденiя фамилiи Каррары, 1405) замѣчается нѣкоторый упадокъ, но затѣмъ онъ сталъ оспаривать первенство передъ Болоньей [1]). Здѣсь кромѣ хлѣбныхъ наукъ (юридическихъ и медицинскихъ), преподавались всѣ части математики, изящныя искусства, новые языки, военныя упражненiя; впервые были устроены ботаническiй садъ, съ которымъ старалась соперничать Пиза, и анатомическiй театръ. Въ Падуѣ процвѣтали право, медицина, философiя, древняя литература, насажденная еще Петраркой. Итальянцы считали прекраснѣе Падуи только Венецiю и Римъ, а Флоренцiю только веселѣе [2]). Ученые здѣсь оплачивались лучше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ [3]). Падуя, какъ Флоренцiя и Римъ, имѣла всегда греческихъ учителей, тогда какъ многiе другiе города только по временамъ пользовались ими [4]). Въ Падуѣ Петрарка могъ купить даже греческаго Гомера [5]). Здѣсъ преподавали: ученикъ Петрарки Джiованнини да-Равенна (риторика), знаменитый гелленистъ Ѳеодоръ Газа, авторъ распространенной тогда грамматики греч. языка, Гварино Старшiй, ученикъ Хризолора (греческiй яз. и латинское краснорѣчiе), Гаспарино да-Барзицца читавшiй риторику и нравственную философiю, и его ученики; знаменитый Франч. Филельфъ, не менѣе знаменитый юристъ Джiов. да-Имола, получавшiй 800 дук. за преподаванiе каноническаго права [6]), другой юристъ Франч. де-Руабарелла, потомъ еп. флорентiйскiй и дѣятель Констанцскаго собора, Витторино Рамбальдони, толковавшiй Евклида, Верджерiо, Ермолао Барбаро, Оньибене да-Скала, Строцци, Секко Полентоне, Iоаннъ Аргиропуло, аѳинянинъ Дм. Халкондилъ, учившiй греческому языку и литературѣ. Въ Падуѣ учился латинскому яз. Виссарiонъ; изъ Падуи вышло сочиненiе по педагогикѣ, считающееся самымъ раннимъ изъ написанныхъ гуманистами, Паоло Верджерiо. Самыми важными предметами, питающими умъ, онъ считаетъ риторику, пiитику, нравственную философiю и исторiю. Хотя онъ не зналъ еще Плутарха,

---

[1]) C. Meiners, Gesch. der Entsteh. und Entwick. der hohen Schulen, Götting. 1802, I, S. 233—236, II, 63—64, 365; III, 219—221.

[2]) Я. Бурхардтъ, Культура Италiи, 276; ср. 123—124 (Панегирикъ Падуѣ, Микеле Савонаролы); Корелинъ, 937.

[3]) Ibidem, 164—170.

[4]) Ibid., 161—162.

[5]) Фойгтъ, I, 50.

[6]) Знаменитый врачъ съ практикой получалъ доходъ 2000 дук. (Бурхардтъ, 169); юристы 1000 дукатовъ.

однако требовалъ введенія древне-греческой гимнастики [1]). Его соч. читались въ школахъ и до самого XVII в. расходилось во множествѣ печатныхъ изданій. Здѣсь учился Секко Полентоне, родив. въ Падуѣ, авторъ книги De scriptoribus latinis, повѣствовавшей въ 18 книгахъ о жизни всѣхъ писателей, писавшихъ на латинскомъ яз., начиная съ Ливія до Петрарки, почитателя Ливія [2]). Во время пребыванія М. Грека здѣсь каѳедру философіи занималъ его соотечественникъ—эпиротъ Николай (Лаоникъ) Томей (Τομαῖος), одинаково уважавшій Платона и Аристотеля и первый ставшій преподавать послѣдняго на Западѣ въ его настоящемъ видѣ [3]).

Понятно, почему Падуя пользовалась особеннымъ вниманіемъ со стороны иностранцевъ, въ особенности нѣмцевъ, которые здѣсь знакомились съ итальянской риторикой и особенно уважали ея второстепенныхъ представителей [4]). Многіе изъ названныхъ знаменитостей спѣшили однако переселиться въ Венецію, въ надеждѣ болѣе блестящихъ успѣховъ, хотя послѣдняя, поглощенная политикой и торговлей, какъ и Генуя, представляла неблагопріятную почву для литературы. Вообще, учащіеся, какъ и наставники, обыкновенно переѣзжали изъ города въ городъ, а иногда преподавали одновременно въ нѣсколькихъ мѣстахъ [5]). Изъ времени пребыванія Максима Грека въ Падуѣ сохранилось его воспоминаніе о „неаполитанскомъ философѣ“ Сессѣ, который на столько порицалъ церковное ученіе и обычаи, что говорилъ своимъ друзьямъ, когда они ходили въ церкви, „чтобы и мы слѣдовали общей прелести“ [6]). Здѣсь идетъ рѣчь объ Агустинѣ Ни-

---

[1]) Витторинъ Рамбальдони занимался съ товарищами подобными упражненіями.

[2]) Съ именемъ его связано открытіе мнимыхъ остатковъ Тита Ливія въ Падуѣ, возбудившее сильное движеніе въ городѣ и чествованіе послѣдняго почти какъ святаго (Фойгтъ, I. 400—401).

[3]) Саѳа, Νεοελ. Φιλολ., 92.

[4]) Фойгтъ, I, 205 319. 322, 334, 339, 395—405, 454, 485, 487—488, 490; II, 46. 117, 128—130, 161—162, 186, 322—323, 338, 409 425—426, 442; Монье, Ист. италь. литер. XV в., 133; Meiners, 43. М Корелинъ, 937—938. Въ Падуѣ было особенно много грековъ Малышевскій, М Пигасъ, I. 56).

[5]) Шлоссеръ IX 384. 433; А. Гаспари, Ист. итальян. литер., I, 342; II, 369. По словамъ А. Н Веселовскаго, въ архивѣ Флоренціи нельзя отыскать именъ преподавателей, такъ какъ тогда они могли свободно начинать и оставлять свои курсы (Соч III. 345).

Въ университетахъ часто слушали курсы, начиная съ юношей отъ 12 лѣтъ до пожилыхъ людей 45 лѣтъ. Эккъ и Меланхтонъ поступили въ университетъ 12—17 л., Р. д. Агрикола—45.

[6]) Сочин. Максима Грека, I, 465.

фѣ, наз. Сессой, по мѣсту рожденія близъ Неаполя. Онъ учился въ Неаполѣ и Падуѣ, гдѣ и преподавалъ потомъ (съ 1492–1498). Онъ былъ настоящимъ аверроистомъ, и во время своего пребыванія въ Падуѣ вступилъ въ горячую полемику съ Помпонатомъ, противникомъ аверроизма. Сочиненіе же его „De intellectu et daemonibus" вызвало большое возбужденіе въ Падуѣ, грозившее ему опасностью инквизиціи, отъ которой спасло его заступничество падуан. еп. Пьетро Бараццн. Потомъ Сесса перебывалъ въ Неаполѣ, Пизѣ, Болоньѣ и Римѣ, гдѣ пользовался благоволеніемъ папы Льва X, который далъ ему титулъ графа Палатинскаго. Онъ умеръ въ 1538 г. [1]). Ему принадлежитъ рядъ сочиненій по разнымъ наукамъ.

IX.

Слѣдующій по пути Максима Грека городъ, гдѣ онъ повидимому останавливался, былъ—Феррара. Возникшій въ 1391 г. феррарскій университетъ достигъ своего процвѣтанія подъ покровительствомъ фамиліи герцоговъ д'Эсте въ срединѣ XV стол., благодаря благопріятнымъ условіямъ и пріѣзду сюда многихъ гуманистовъ. Такъ, здѣсь послѣдовательно встрѣчаемъ имена Джіов. да Имола (гражд. право), споривщаго съ греками во время собора, Уго Бенци (врачъ), Гварино Старшаго (читавшаго риторику и поэзію и привлекавшаго массу слушателей съ разныхъ сторонъ, мужчинъ и женщинъ), Аурисны, обладавшаго прекрасной библіотекой, Бат. Гварино, Люд. Карбоне, преемника и преданнаго ученика Гварино Старш., перваго издателя писемъ Пли-

---

[1]) Тирабоски, VII, pars II, 624—630; Ern. Renan, Averroès et l'averroisme, P. 1866, pp. 155. 353, 357 358, 366, 413, 415.

Въ Fasti Gymnasii Patavini Iacobi Facciolati Studio atque opera collecti. Patavii, MDCCLVII. на стр. 111, подъ MCDXCVII-мъ годомъ читаемъ": *Augustinus Niphus* Calaber & Suessanus, ut ipse se interdum uxoris gratia vocat, hoc tempore Philosophiae Ordinariae apud nos Professor fuit. Postea sponte abiit, ut per alias quoque Universitates nominis sui famam circumferret. Habitus est enim inter Philosophos ejus aevi doctissimos, quamvis non satis cultus. Plurima scripsit, quae singillatim recenset Niceronus in T. 18, p. 52. & seqq. Dictus est honoris gratia modo *Eutychius*, modo *Philotheus*, modo *saeculi sui Aristoteles*. Obiit anno MDXLV. ejusque opera omnia collecta sunt, atque edita Venetiis quadriennio post voluminibus sex. Aetate illa in deliciis habebantur, nunc jacent pulvere obsita. Liber ejus *de Intellectu* turbas excitavit, quod Averroi nimis adhaeret, unamque omnium hominum animam rationalem admittere videretur. Castigatum edidit anno 1492.

Вышеприведенная выписка любезно сообщена намъ Е. Ф. Шмурло, за что приносимъ ему нашу искреннюю признательность.

нія Младш., Базини, Өеодора Газы. Въ Феррарѣ оказалось, какъ говорили, столько латинцевъ, „сколько лягушекъ въ ея болотѣ“. Университетъ ея былъ наполненъ профессорами греческаго и латинскаго языковъ, пользовавшимися репутаціей, способной привлекать въ Феррару молодыхъ людей. Въ его библіотекѣ находился Діонъ Кассій, котораго не было у Лоренцо Великолѣпнаго и въ которомъ ему отказали. Діонъ же ежедневно читался при дворѣ. Для Феррары переводятся разными лицами—Діодоръ, Арріанъ, Прокопій, Амміанъ Марцеллинъ и др. Феррарцы гордились своимъ діалектомъ. Съ именемъ Феррары связана жизнь и дѣятельность поэта Маттео Боярдо, перелагавшаго также латинскія и греческія произведенія на итальянскій языкъ, а позже здѣсь изучалъ юриспруденцію Аріосто [1]). Максимъ Грекъ вѣроятно засталъ еще здѣсь Бат. Гварино Младшаго [2]).

О тогдашнемъ настроеніи въ феррарскомъ ученомъ обществѣ мы встрѣчаемъ извѣстіе у того же Максима Грека: „О! восклицаетъ онъ, сколькихъ я зналъ въ Италіи, нечестіемъ языческимъ недугующихъ и надъ существующими у насъ честнѣйшими тайнами наругавшихся, изъ нихъ же одинъ—Кобезмикъ феррарскій, превосходившій иныхъ всякимъ внѣшнимъ ученіемъ, который и умирая говорилъ ученикамъ и друзьямъ своимъ: радуйтеся со мной, о возлюбленные мои, завтра почію я въ елисейскихъ поляхъ съ Сократомъ, Платономъ и всѣми героями (проч). До того прельстило его языческое ученіе“ [3]).

По указанію, сообщенному намъ В. И. Забугинымъ, есть основаніе полагать, что подъ Кобезмикомъ скрывается неточно переданная фамилія Никколо Леліо Козмико. Поэтъ Падуи, слава котораго имѣла мѣсто болѣе при жизни, чѣмъ по смерти, онъ долго жилъ въ Феррарѣ, гдѣ имѣлъ почитателей. Стихотворенія онъ писалъ на латинскомъ и итальянскомъ языкахъ (послѣднія имѣли два изданія), и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ (любовныхъ посланіяхъ) обнаруживаетъ значительную долю распущенности, что не помѣшало, однако, сн. Люд. Гонзаго отзываться о немъ съ похвалою, какъ о человѣкѣ добродѣтельномъ и уважаемомъ въ Италіи. Въ своихъ

---

[1]) Meiners, I, 233—240, 254; IV, 50; Монье, 132—133, 502, 509, 518—520, 530; ср. Бурхардтъ, 182—183; Фойгтъ, I. 500—518; II, 230 (о посѣщеніи Гварино англичанами, нѣмцами, венграми, 281—283, 285 и др. 506). Въ 1460 г. папу Пія II въ Феррарѣ встрѣтили, разставивъ статуи языческихъ боговъ (Виллари, I, 9).

[2]) Не о немъ ли сказано въ подробномъ житіи Максима съ обычнымъ извращеніемъ фамиліи (Гавраса).

[3]) Сочиненія, I, 463.

канцонахъ и сонетахъ онъ является петраркистомъ, но не отличается чистотою стиля и не чуждъ излишествъ, свойственныхъ придворной лирикѣ. У него видны также слѣды изученія Данте. Онъ умеръ въ 1500 г., 80-лѣтнимъ старцемъ, послѣ бродячей жизни, полной приключеній [1]).

Насколько отзывъ Максима имѣетъ значеніе, какъ современнаго свидѣтеля, видно изъ того, что въ то же самое время, когда, подъ вліяніемъ проповѣди Савонаролы, пророчества и покаяніе въ обширныхъ размѣрахъ проникли и охватили народъ даже за предѣлами Аппениновъ, для Феррары также наступилъ добровольный постъ (именно въ началѣ 1496 г.); тогда одинъ лазаристъ объявилъ съ каѳедры скорое наступленіе самыхъ ужасныхъ бѣдствій—войны, голода, видѣнныхъ когда либо міромъ. Послѣ этого даже дворъ постарался взять это дѣло въ свои руки. Въ день пасхи, 3 апрѣля, появился указъ противъ поношенія Бога и св. Дѣвы, противъ запрещенныхъ игръ, оргій, мужеложства, наложничества, найма домовъ для непотребныхъ женщинъ, открытія лавокъ въ праздничные дни. Евреевъ и мавровъ, переселившихся сюда изъ Испаніи, заставили носить особые знаки. Непокорнымъ грозили жестокими наказаніями. Устраивались религіозныя процессіи, въ которыхъ принимали участіе дѣти въ бѣлыхъ одеждахъ, съ хоругвами съ изображеніемъ Іисуса Христа. Герцогъ Эрколе д'Эсте (въ теченіе нѣсколькихъ дней) и другіе до евреевъ включительно должны были присутствовать на проповѣди. Герцогъ участвовалъ въ процессіи и встрѣтилъ „живую святую" Коломбу, привезенную въ Феррару и проводилъ ее въ приготовленный ей монастырь. Подобнымъ взрывомъ религіознаго настроенія онъ воспользовался и для своихъ политическихъ цѣлей [2]).

X.

Третьей и наиболѣе важной стоянкой Максима Грека была Флоренція, слывшая тогда вторыми Аѳинами. Уже въ полов. XIV в. во флорентійскихъ школахъ для чтенія учились 8—10000 дѣтей обоихъ половъ, въ шести ариѳметическихъ школахъ 1000—1200 мальчиковъ,

[1]) Tiraboschi, VI, p 3, pag. 1386—1387; Rossi, Quattrocento, Milano, 396; В. Н. Забугинъ, Ю. П. Лэтъ, 16. Въ 1450 г. одинъ монахъ Дж. де-Прато проповѣдывалъ въ Феррарѣ противъ чтенія Гварино Старшимъ съ учениками Теренція и др. языческихъ писателей въ постъ, на что Гварино отвѣчалъ особымъ посланіемъ (Фойгтъ, I, 507).

[2]) Бурхардтъ, 405—407; 8-е нѣм. изд. II, 312—313.

а въ 4-хъ училищахъ логики и грамматики—около 600. Учителя во Флоренціи составляли одинъ изъ цеховъ [1]). Такой тароватой и просвѣщенной знати, какъ во Флоренціи, ни въ одномъ государствѣ Италіи не было. Съ Петрарки Флоренція становится обителью музъ и пріютомъ гуманизма. Въ ней живетъ духъ Данта, Петрарки, Боккаччіо и Салютати. Здѣсь нашли пріютъ. Хризолоръ, учениками котораго были Р. де-Росси, Андж. да-Скарпаріа, Ант. Корбинелли, Палла де-Строцци, поклонникъ древней философіи, пригласившій потомъ къ себѣ въ домъ І. Аргиропуло, затѣмъ Гварино Старш., положившій здѣсь основаніе обширной частной библіотеки латинскихъ и греческихъ рукописей, и рядъ другихъ покровителей и цѣнителей древней науки. Они дѣйствовали внѣ университета, который переживалъ постоянныя колебанія и долго не принималъ участія въ общественномъ развитіи литературы и вкусовъ [2]). Флоренція была тогда единственнымъ городомъ, производившимъ достаточное число поэтовъ и ораторовъ и безъ университетскихъ лекцій. Только съ начала XV в. въ университетъ, благодаря участію въ этомъ дѣлѣ Салютати, проникаетъ, гуманистическій элементъ; въ стѣнахъ его появляются Гварино, Ауриспа, Филельфъ, читавшій краснорѣчіе и греческій языкъ и привлекавшій много слушателей изъ разныхъ странъ, между прочимъ онъ объяснялъ въ соборѣ Божественную комедію Данте; далѣе слѣдуютъ: Марсуппини, Георгій Трапезунтскій, преподававшій, при большомъ стеченіи слушателей, греческую грамматику, латинскую риторику, логику, діалектику, Іоаннъ Аргиропуло, извѣстный блестящимъ преподаваніемъ философіи перипатетиковъ и переводомъ многихъ сочиненій Аристотеля на латинскій языкъ, а также своими бесѣдами по философіи во дворцѣ Медичи. Онъ считался самымъ талантливымъ изъ грековъ, переселившихся въ Италію, а въ числѣ многихъ извѣстныхъ учениковъ его встрѣчаемъ имена Андж. Полиціано и Іоанна Рейхлина. Духъ гуманизма коснулся тогда и юридическихъ наукъ. Около полов. XV ст. въ университетѣ было уже свыше 40 каѳедръ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Флоренція становится главнымъ центромъ общественныхъ и частныхъ библіотекъ и рынкомъ книжныхъ сокровищъ [3]). Къ концу XV ст. мы находимъ здѣсь Іоанна Халкондила, преподавав-

---

[1]) Hülmann, IV, гл. 4; Бурхардтъ, 67; 8-е (нѣм. изд.) I, 81—82; Фойгтъ, I, 152—153. Въ XV в. во Флоренціи считалось до 100000 жителей (Монье, 7).

[2]) „Изящный языкъ и утонченныя манеры флорентинцевъ“ подкупали даже Іер. Савонаролу (Виллари, I, 30).

[3]) Фойгтъ, I, 151 и далѣе, 268, 314—342, 364—377; II, 410; Монье, 115.

шаго во Флоренціи съ 1478—1492 г.; I. Ласкариса (см. выше, с.109) и Андж. Полиціана (р. 1454,+1494), ученика Θеодора Газы; Аргиропуло, Калисто, Фичина и Ландино. Съ 26 лѣтъ Полиціано преподавалъ греческую грамматику и философію [1]). Его извѣстность была такъ велика, что онъ имѣлъ учениковъ, разсѣянныхъ во всѣхъ странахъ. Это былъ восторженный почитатель классической древности, извѣстный переводами съ греческаго и на греческій языкъ; писавшій поэмы, эпиграммы, стансы, латинскія буколики и народныя стихотворенія на итальянскомъ языкѣ. Онъ былъ наставникомъ Лавр. Медичи и близкимъ лицомъ въ его литературномъ кружкѣ [2]), боровшійся съ народными суевѣріями и астрологіей [3]). Полиціано извѣстенъ также своей эпистолярной полемикой. За работы по критикѣ текстовъ его прозвали Геркулесомъ. Онъ пытался составить даже полную систему всѣхъ наукъ. Его собственныя произведенія отличались живостью изложенія и изящнымъ вкусомъ. При всемъ томъ,—таковы противорѣчія эпохи, Лавр. Медичи думалъ доставить ему кардинальскую шапку. Если ко всему этому прибавить еще имя Іер. Савонаролы, выступившаго въ роли реформатора, то легко представить, кого засталъ здѣсь Максимъ Грекъ, которому, какъ и I. Рейхлину (р. 1455) и Эразму Роттердамскому (р. 1466), быть можетъ, удалось слушать лекціи во Флоренціи у Дим. Халкондила и Полиціана, а потомъ въ Миланѣ—у того же Халкондила; а имъ, какъ извѣстно, обязана Германія улучшеніемъ школъ, преподаванія и манерой ученыхъ писать и имъ же суждено было стать на родинѣ провозвѣстниками идей Меланхтона и Лютера [4]). Замѣтимъ здѣсь, что въ Феррарѣ въ XV в. учился и собралъ замѣчательныя рукописи (перешедшія послѣ въ Гейдельбергскій университетъ, славившійся своей библіотекой до завоеванія города Тилли)

---

[1]) Legrand, I, ci (Angeli Politiani doctissimi viri") cxxxvii, cxxxix; о Халкондилѣ (ibid. lxxxviii—xcii). Полиціану посвящена біографія Fr. Ot. Mencken, Hist. vitae et in literas meritorum Angeli Politiani. Lipsiae 1736; В. Н. Забугинъ. Юній Помп. Лэтъ, 29, 104, 109, 127, 166, 167, 175, 180, 182, 187, 194.

[2]) Фойгтъ, I, 341.

[3]) Бурхардтъ, 287, 313, 434. Изъ его переводовъ съ греческаго извѣстны Илліада (часть), Эпиктетъ, біогр. Плутарха и Геродіанъ, а изъ сочиненій особенно замѣчательно: „Miscellaneorum centuria" (Schöl, Gesch. d. griech. Literatur, III, 538. Подробныя указанія и оцѣнка произведеній у Гаспари, Ист. итальян. литер. II, 198—226).

[4]) Шлоссеръ, IX, 384. Современники о Халкондилѣ выражались какъ о „Graecorum (eruditorum) suae aetatis et Atticae eloquentiae facile princeps" (Sathas, 64) Біограф. его у Legrand'a, I, xciv—cii).

Руд. Агрикола, котораго, вмѣстѣ съ Эраз. Роттердамскимъ и Филиппомъ Меланхтономъ, считаютъ наиболѣе оказавшимъ заслугъ въ дѣлѣ преобразованія школъ и изученія гуманитарныхъ наукъ, распространенныхъ протестантами послѣ Лютера [1]).

Максимъ Грекъ прибылъ во Флоренцію, вѣроятно, незадолго до выступленія Савонаролы въ роли обличителя и при жизни еще Андж. Полиціана, такъ какъ онъ зналъ этого послѣдняго въ 1494, а относительно перваго выступаетъ какъ слушатель его пятилѣтней проповѣднической дѣятельности (+1498). Хотя Полиціано былъ въ дружбѣ съ мистическимъ Пико-ди-Мирандола и неоплатоникомъ Фичино, однако, соблюдалъ всѣ обычаи церкви, писалъ гимны и проповѣди и самъ произносилъ ихъ; но онъ нападалъ на суровыхъ проповѣдниковъ изъ монаховъ, которые пугаютъ народъ угрозами и хотятъ уничтожить всѣ радости жизни; онъ могъ въ компаніи съ Лоренцо во главѣ участвовать въ веселой экскурсіи и попойкѣ не смотря на постъ, за что, конечно, и не любили его сторонники Савонаролы, называя атеистомъ [2]) и повидимому имѣли основаніе [3]). Говорятъ, когда его спросили, читалъ-ли онъ свящ. писаніе, онъ отвѣтилъ, что это случилось съ нимъ одинъ разъ, но онъ никогда не употребилъ своего времени хуже.

Съ этой именно стороны и смотритъ на него Максимъ Грекъ. „Кто не знаетъ, говоритъ онъ, Ангела Полиціана во Флоренціи во всякомъ нечестіи возсіявшаго и нечисто и зло душу свою испустившаго [4]). Не говорю уже въ разныхъ мѣстахъ о другихъ, которые и капища воздвигли бы идоламъ, если-бы не удерживалъ ихъ страхъ папы“, прибавляетъ онъ. Какъ видно, Максимъ Грекъ хорошо зналъ обстоятельства смерти Полиціана. Не смотря на свое безобразіе, послѣдній былъ крайне влюбчивъ и, какъ говорятъ, умеръ въ припадкѣ бѣшеной любви къ одному юношѣ [5]).

---

[1]) Шлоссеръ (IX, 410—411). Объ Агриколѣ—Випперъ (Общество и госуд. въ XVI в., Міръ Божій 1897, № 7, с. 158). Онъ былъ противникомъ суровой школы (163). Объ ученыхъ женщинахъ въ Германіи съ возрожденія и объ упадкѣ влеченій въ XVIII ст. (Ист. Вѣстн. 1895, № 12, с. 984—986); Л. Гейгеръ, Нѣмец. гуманизмъ, Спб. 1899. О гуманизмѣ въ Венгріи и Польшѣ (Фойгтъ, II, 280 и д., 291 и д.). Почему на Западѣ расцвѣлъ гуманизмъ, а въ Россіи аскетизмъ и религіозный фанатизмъ, замѣч. А. И. Кирпичникова (Ист. Вѣстн. 1898, № 12, с. 1021.

[2]) Гаспари, II, 206, 225, xxxix.

[3]) Corniani (Poliziano), (Коршъ III, 264.

[4]) Сочиненія, I, 463—464.

[5]) Venne incolpato inoltre di mascolini amori (Corniani). Содомія была сильно распространена въ Италіи между прочимъ подъ вліяніемъ превратнаго чтенія древнихъ писателей (Бурхардтъ, 406; 8-е нѣмец. изд., прилож. II, 348—350; Фойгтъ,

Съ своей стороны, Максимъ Грекъ даетъ наглядное описаніе настроенія умовъ и нравственныхъ чертъ современнаго итальянскаго общества. „Иди мысленно, говоритъ онъ, въ итальянскія училища и увидишь, какъ тамъ Аристотель, Платонъ и другіе философы потопляютъ многихъ, подобно текущимъ потокамъ. Тамъ никакой догматъ не считается вѣрнымъ: ни человѣческій, ни божественный, если не подтверждается силлогизмами Аристотеля. И если онъ не согласенъ съ ученіемъ послѣдняго, или кажется худшимъ, то его отвергаютъ, а если противорѣчитъ ему, то его измѣняютъ ради ученія Аристотеля и замѣняютъ имъ прежній догматъ. Но что мнѣ еще говорить о томъ, до какой степени беззаконствуютъ латиняне, прельщаемые, какъ говоритъ апостолъ, тщетною философіею, на счетъ безсмертія души, будущаго наслажденія праведныхъ, состоянія вѣрныхъ, отходящихъ изъ этой жизни. Они всѣ страдаютъ этимъ беззаконіемъ, потому что болѣе слѣдуютъ внѣшнему діалектическому знанію, чѣмъ внутренней, церковной и богодарованной философіи" [1]). Они, читаемъ въ другомъ мѣстѣ, вполнѣ предались внѣшнему ученію, отлучились отъ истины и всю жизнь свою слѣдуютъ только Платону, Аристотелю и остальнымъ греческимъ мудрецамъ. Они только имъ преданы, ими питаются и ими дышатъ. Нѣтъ словъ представить, какое вслѣдствіе этого обыкновенно происходитъ развращеніе догматовъ и какое злочестіе раждается въ мысляхъ учащихся" [2]).

XI.

Во Флоренціи Максимъ Грекъ усердно посѣщалъ проповѣди Іеронима Савонаролы, о чемъ подробно разсказываетъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій. „Въ Италіи, говоритъ онъ, есть городъ Флоренція, прекраснѣйшій и лучшій изъ всѣхъ другихъ находящихся тамъ городовъ, которые я самъ видѣлъ. Въ этомъ городѣ есть монастырь, который составляетъ общину такъ наз. полатыни предикаторовъ, т. е. проповѣдниковъ слова Божія. Храмъ этой священной обители освященъ въ честь св. апостола и евангелиста Марка, котораго живущіе здѣсь

I, 415—416, Монье, 554; Cantu, Hist des Italiens, VII, 207; Корелинъ, 1020—1030 1038. Неаполь, Сіена, Флоренція были главными центрами распущенности и противоестественныхъ пороковъ. М. Грекъ разсказываетъ, какъ одинъ венец. дожъ (дуксъ пресловутыя Венеціи) подвергъ многихъ виновныхъ въ томъ сожженію („по божественной ревности"), присоединивъ и собственнаго сына, обвиненнаго изнасилованнымъ отрокомъ, и не только не пощадилъ, но, какъ передаетъ сказаніе, повѣсилъ его на золотой цѣпи (Соч. II, 256).

[1]) Сочин. Максима Грека I, 247.

[2]) Сочин. I, 462.

монахи считаютъ своимъ покровителемъ и предстателемъ. Въ этомъ монастырѣ игуменомъ былъ нѣкоторый священноинокъ, по имени Іеронимъ, по происхожденію и ученію латинянинъ, исполненный всякой мудрости и разума богодухновенныхъ писаній и внѣшняго знанія, т. е, философіи, великій подвижникъ, обильно украшенный божественною ревностію. Этотъ богатый разумомъ богодуховенныхъ писаній и еще болѣе божественною ревностію мужъ, узнавъ, что городъ Флоренція сильно подверженъ двумъ богомерзкимъ грѣхамъ: *содомскому беззаконію* и *безбожному лихоимству* съ безчеловѣчнымъ взиманіемъ непомѣрныхъ ростовъ, разжегся божественною ревностью и предпринялъ добрый и богоугодный совѣтъ—посредствомъ учительнаго слова оказать городу помощь и окончательно истребить въ немъ эти нечестія. Принявъ такое рѣшеніе, онъ началъ въ церкви наставлять всякими премудрыми поученіями и разъясненіями книгъ въ храмѣ св. Марка, куда стекалось къ нему часто множество слушателей изъ благородныхъ и правыхъ жителей города, и возлюбленъ былъ отъ всего города, послѣ чего упросили учить ихъ слову Божію и закону въ самой соборной церкви. Тогда онъ принялъ на себя этотъ подвигъ и сталъ каждое воскресеніе и въ особые праздники и каждый день четыредесятницы приходить въ соборный храмъ и предлагать имъ поученія, стоя на высокомъ приготовленномъ мѣстѣ по два часа, а иногда и болѣе того. Слово его настолько возъимѣло силу, что бóльшая часть города возлюбила его сильное и спасительное ученіе и каждый изъ нихъ отъ долговременнаго своего злого обычая и лукавства отсталъ и, вмѣсто всякаго блуда, постыднаго дѣла и плотской нечистоты, сталъ послѣдователемъ цѣломудрія и чистоты, а вмѣсто неправеднаго лихоимства и рѣзоимманія (процентовъ) милостивымъ и человѣколюбивымъ, нѣкоторые сдѣлались подражателями Закхея, старѣйшины мытарей, упоминаемаго въ Евангеліи и неправедно собранныя ими имѣнія расточили благоразумно, раздавъ оныя руками своего учителя находящимся въ нуждѣ. Но, дабы не наскучить читателямъ разсказами о всѣхъ его исправленіяхъ по порядку, скажу кратко, что большая часть жителей того города измѣнила свой образъ жизни и изъ послѣдователей всякой злобы сдѣлалась послѣдователями добродѣтели. Въ примѣръ такого вліянія проповѣди І. Савонаролы М. Грекъ представляетъ слѣдующій случай: сынъ одной бѣдной вдовы нашелъ на улицѣ кошелекъ съ 400 золотыхъ монетъ и принесъ его къ матери, которая не воспользовалась такою находкою, но отнесла ее къ Савонаролѣ. Онъ же, послѣ одной изъ проповѣдей, объявилъ, чтобы тотъ, кто потерялъ кошелекъ, сказалъ бы, сколько въ немъ заключалось денегъ, какого онъ вида и когда потеряны деньги; такимъ образомъ когда нашелся хозяинъ кошелька,

то онъ вознаградилъ вдову 100 монетами. М. Грекъ дѣлаетъ любопытную оцѣнку этого поступка: „насколько болѣе заслуживаетъ похвалы, говоритъ онъ, эта вдова передъ той, которая восхваляется въ Евангеліи за двѣ лепты, принесешыя ею въ даръ Богу! Эта (послѣдняя) показала свое боголюбивое участіе въ принадлежавшемъ ей и въ маломъ, а та обнаружила свое правдолюбіе и человѣколюбіе въ чужомъ и значительномъ имуществѣ. Далѣе М. Грекъ прибавляетъ, что онъ могъ бы повѣдать и другія подобныя достопамятныя случаи исправленія богоугоднаго ученія того мужа, но чтобы опять не наскучить продолжительностію своего описанія, оставляетъ ихъ и обращается къ концу пятилѣтняго ученія его“ [1]). Между прочимъ Максимъ Грекъ замѣчаетъ: „Я думаю, что онъ (Іеронимъ) уже положилъ тогда въ душѣ своей, если будетъ нужно, то и умереть за благочестіе и за славу Божію. Ибо въ комъ возгорится огонь ревности по Богѣ, тотъ готовъ не только отречься отъ своего имущества, но и пожертвовать самою жизнію“‘—замѣчаніе, объясняющее многое и въ роли М. Грека, какъ обличителя. Въ заключеніе онъ разсказываетъ о враждѣ (примѣры оскорбленій), поднятой противъ Савонаролы во Флоренціи, объ обличеніяхъ противъ папы Александра VI, кардиналовъ и духовенства, о присылкѣ изъ Рима генерала доминиканскаго ордена Іоакима (это былъ Джіоакино Турріано [2]) и осужденіи Савонаролы и его двухъ искреннихъ послѣдователей. Указавъ на ложныя свидѣтельства и несправедливыя обвиненія, М. Грекъ говоритъ: „на основаніи этихъ обвиненій неправедные судьи осудили его и еще двухъ священныхъ мужей—(см. выше стр. 101, пр. 3), его соучастниковъ, двоякою казнію: повѣсить на древѣ, а потомъ разжечь подъ ними огонь и сжечь ихъ. Таковъ былъ конецъ житія преподобныхъ тѣхъ трехъ иноковъ и такое получили они воздаяніе за подвигъ и благочестіе отъ недостойнѣйшаго ихъ папы Александра, родомъ изъ Испаніи, который всякими неправдами и злобою превзошелъ всѣхъ законо преступниковъ. Я же настолько далекъ отъ согласія съ неправедными тѣми судьями, что съ радостію причислилъ бы замученныхъ ими страдальцевъ къ древнимъ защитникамъ благочестія, если бы они не были вѣрою латиняне, ибо ту же горячую ревность во славу Христа видѣлъ я въ тѣхъ преподобныхъ инокахъ, и не отъ другого кого слы-

[1]) Это показываетъ что М. Грекъ былъ свидѣтелемъ наиболѣе выдающагося періода дѣятельности І. Савонаралы. Проповѣданіе его въ соборѣ началось въ 1491 (Виллари, I, 97), а казнь состоялась 23 мая 1498 г., слѣдов. Максимъ Грекъ говоритъ о его дѣятельности въ 1494--1498 гг.

[2]) Виллари, II, 172 (его сопровождалъ еписк., впослѣдствіи кард. Франч. Ромолино).

шалъ, *но самъ видѣлъ ихъ и часто бывалъ на ихъ* поученіяхъ, причемъ я видѣлъ въ нихъ не только подобную древнимъ ревность за благочестіе, но и ту же премудрость, тотъ же разумъ и то же искусство въ богодухновенныхъ и *внѣшнихъ писаніяхъ*, въ особенности же отличался этимъ Іеронимъ, который по два часа, а иногда и болѣе, стоя на учительской каѳедрѣ, обильно изливалъ струи ученія, не изъ книгъ почерпая свидѣтельства этихъ словъ, но изъ сокровищницы своей великой памяти, въ которой хранится всякій богомудрый разумъ пониманія святыхъ писаній. Пишу это не для того чтобы, показать, что латинская вѣра чиста, совершенна и во всемъ правильна, да не будетъ во мнѣ такого безумія! но чтобы показать православнымъ, что и неправильно мудрствующіе латиняне имѣютъ попеченіе и тщаніе о спасительныхъ евангельскихъ заповѣдяхъ и ревности по вѣрѣ во Христа, хотя и не въ совершенномъ разумѣ, какъ говоритъ ап. Павелъ о непокорныхъ іудеяхъ (Римл. 10, 2). Такъ и латиняне, хотя и во многомъ соблазнились и изобрѣли чуждыя нѣкоторыя и странныя ученія, присущею имъ большою ученостію въ еллинскихъ наукахъ, но не окончательно отпали отъ вѣры, надежды и любви ко Христу... Ибо, какъ они не могутъ сдѣлаться совершенными прилежнымъ исполненіемъ заповѣдей Спасителя, пока не отстанутъ отъ своихъ ерессей, такъ не можетъ сдѣлать совершенными одна православная вѣра, если не пріобрѣтемъ прилежнаго исполненія евангельскихъ заповѣдей", и далѣе онъ развиваетъ эту мысль, ее подтверждая текстами священнаго писанія [1]). То глубокое впечатлѣніе, какое произвело на Максима Грека ученіе Іер. Савонаролы и самый трагическій конецъ его жизни далъ право русскому изслѣдователю дѣятельности этого послѣдняго заключить, что М. Грекъ находился между свидѣтелями страшной казни „трехъ Іисусовъ" [2]).

Любопытны отзывы двухъ другихъ свидѣтелей о вліяніи Іеронима Савонаролы. Андж. Полиціанъ пишетъ: „Я пришелъ его послушать съ пустымъ любопытствомъ и, правду сказать, почти съ презрѣніемъ. Но, увидѣвъ ростъ этого человѣка, его осанку и что-то необыкновенное въ глазахъ и на лицѣ его, я ожидалъ отъ него чего-то достойнаго похвалы. Онъ начинаетъ говорить; я весь обратился въ слухъ: звучный голосъ, изящный языкъ, высокія мысли! Я узнаю искусство въ оборо-

[1]) Сочин. III, 194—205; переводъ въ изд. Троиц. лавры, III. 127—135.

Въ свое время объ отзывахъ Максима Гр. о Савонаролѣ Шевыревъ сообщилъ его біографу Виллари (Р. Арх. 1872 г., стр. 1209), о чемъ послѣдній упоминаетъ въ предисл. къ своему труду (стр. XIII), хотя и съ хронологической ошибкой, не чуждой впрочемъ и русскому изслѣдователю (Осокинъ, 317).

[2]) Н. Осокинъ, Савонарола и Флоренція, Каз. 1865, с. 317.

тахъ, чувствую періоды, восхищенъ благозвучіемъ! Онъ начинаетъ съ раздѣленія; я обращаю на то вниманіе; нѣтъ ничего запутаннаго, пустого, принужденнаго! Онъ приводитъ цѣлый рядъ возраженій: я окованъ; разрѣшаетъ ихъ—освобождаюсь. Онъ вмѣшиваетъ въ свою рѣчь различные разсказы; они занимаютъ меня. Онъ читаетъ стихи—я восхищенъ ими. Онъ говоритъ шутки—я не въ силахъ удержаться отъ смѣха. Онъ нападаетъ, поражаетъ сильными истинами—я побѣжденъ; выражаетъ самыя нѣжнѣйшія чувства—слезы текутъ по моимъ ланитамъ. Онъ съ гнѣвомъ восклицаетъ—я устрашенъ и жалѣю, что пришелъ туда. Наконецъ, смотря о чемъ идетъ рѣчь, онъ даетъ совершенно другой образъ своимъ понятіямъ, измѣняетъ голосъ и тѣлодвиженіемъ увеличиваетъ занимательность. Мнѣ всегда казалось, что онъ на каѳедрѣ становился выше и не только выше самого себя, но даже выше всякаго человѣческаго роста [1]). Разбирая такимъ образомъ всѣ его качества совокупно и отдѣльно, я не могъ понять этого чуднаго человѣка. Между тѣмъ я думалъ, что онъ не можетъ имѣть такого вліянія въ другой разъ на меня и что эта его сила уменьшится съ каждымъ днемъ. Но не тутъ-то было. На другой день онъ представлялся мнѣ совершенно другимъ и гораздо лучше самого себя" [2]). „Савонарола самъ не помнилъ себя на каѳедрѣ", говоритъ о немъ Эразмъ Роттердамскій, слушавшій его одновременно съ Максимомъ Грекомъ. „Онъ окончательно забывался, когда доходилъ до мѣста, которое имѣло прямое отношеніе къ народу. Онъ—то начиналъ среди проповѣди молиться, падалъ на колѣни, воздѣвая руки, то вдругъ переходилъ къ слезамъ и, казалось, весь готовъ былъ излиться въ эту молитву... Часто случалось даже, что онъ не оканчивалъ проповѣди и обрывалъ ее на самомъ интересномъ мѣстѣ,—это было тогда, когда ему приходила на память вся нравственная порча, заражавшая тогдашнюю Италію и главнымъ образомъ римскій дворъ. Онъ казалось вдругъ нѣмѣлъ при воспоминаніи объ этой страшной, неисцѣлимой гидрѣ" [3]).

Максимъ Грекъ былъ близкимъ свидѣтелемъ реформы Іер. Савонаролы и въ числѣ другихъ увлекался его проповѣдями и ихъ результатами, а мученическая кончина его укрѣпила въ немъ эти симпатіи. Вѣрный послѣдователь византійской церкви и ея іерархіи и неумоли-

---

[1]) Голова его казалась иногда окруженной какимъ-то сіяніемъ (Виллари, I, 69).

[2]) Вильменъ, Ист. литер. средн. вѣковъ, I, 1836, с. 217—218. Подъ живымъ впечатлѣніемъ восторженно говоритъ о немъ и Коминъ, какъ о человѣкѣ святой жизни и хотя многіе порицали его, но самъ Коминъ называетъ его „добрымъ человѣкомъ", (219).

[3]) Perrens, p. 314; Осокинъ, 250.

мый врагъ папства, что еще болѣе могло быть подкрѣплено современною дѣйствительностью, М. Грекъ признаетъ дѣло Іер. Савонаролы богоугоднымъ и готовъ былъ поставить его наравнѣ съ древними защитниками благочестія, если-бы онъ не былъ „латинянинъ",—можетъ быть необходимая оговорка для русскихъ современниковъ. Прежній сообщникъ итальянскаго скептицизма, онъ сталъ почитателемъ религіознаго реформатора. „О, если-бы заботящійся о всѣхъ Богъ не помиловалъ меня и не посѣтилъ меня *вскорѣ* своею благодатію и свѣтомъ своимъ не озарилъ мою мысль, давно уже я погибъ-бы съ представителями нечестія"—такъ говоритъ Максимъ Грекъ о поворотѣ, совершившемся въ его жизни. Изъ этого видно, что онъ рано отсталъ отъ общаго увлеченія языческими ученіями и что самой совершившейся въ немъ перемѣнѣ онъ придаетъ религіозный характеръ („благодатію"), и нужно признать, что „Слова" М. Грека во многомъ напоминаютъ обличительныя рѣчи Савонаролы, причемъ самые отзывы его объ Италіи, проникнуты тѣмъ же характеромъ, что, конечно, свидѣтельствуютъ о томъ вліяніи, какое могъ оказать на него Савонарола своими проповѣдями, но, поставленный среди двухъ борящихся направленій и самъ увлеченный духомъ времени, Максимъ Грекъ остался вѣренъ религіознымъ и политическимъ завѣтамъ своей страны. Такимъ образомъ, невольно въ его увлеченіи своею задачей, подъ вліяніемъ даже однихъ печально сложившихся обстоятельствъ, должны были сказаться общія имъ черты; но могла отразиться на немъ и значительная доля вліянія живого слова итальянскаго проповѣдника.

XII.

Не видно, чтобы Римъ привлекъ вниманіе Максима Грека. О столицѣ папства онъ не упоминаетъ. Оно и понятно. Римъ не имѣлъ школъ, подобныхъ Флоренціи и Феррарѣ [1]). Тамъ все еще продолжалось пренебреженіе къ памятникамъ старины и разрушеніе ихъ, хотя они уже вызывали вниманіе поклонниковъ классической древности [2]). Положеніе высшей школы долго еще подвергалось колебаніямъ въ

---

[1]) Фойгтъ, I, 506; Корелинъ, 597.

[2]) Фойгтъ, I, 54, 247—249, 256; Бурхардтъ, 145—153.

Петрарка воскликнулъ: „Нигдѣ Рима не знаютъ меньше, чѣмъ въ самомъ Римѣ" (письмо къ кард. Джіов. Колонна). Голубинскій думаетъ (Чт. въ Общ. ист., 1901 г. I, 670), что Римъ не могъ привлекать вниманія М. Грека потому, что тамъ сидѣлъ на престолѣ папа Александръ VI Борджіа, безнравственнѣйшій изъ папъ. Но и борьба съ нимъ Іер. Савонаролы и ея послѣдствія могли отбить охоту у М. Грека ѣхать въ Римъ.

зависимости отъ измѣнчивыхъ вкусовъ римской куріи [1]). М. Грекъ устремился въ Миланъ. Съ начала XV в. (1418) здѣсь возникаетъ высшая школа, учрежденная Филип. Маріей Висконти, и вскорѣ затѣмъ появляются гуманисты, не исключая Филельфа, и это отношеніе продолжалось въ правленіе герцога Сфорцы. Такъ, здѣсь преподавали де-Варзицца, Конст. Ласкарисъ, Дечембріо и др. [2]). Захватившій впослѣдствіи власть Люд. Моро (1446), не смотря на свой деспотизмъ, охотно проводилъ время среди ученыхъ и художниковъ и основалъ академію, въ которой являются Браманте и Леонардо да-Винчи [3]). Съ 1492—1511 г. здѣсь училъ Халкондилъ, а также были имъ приглашены Георгій Мерулъ и Александръ Минуціанъ для объясненія древнихъ классиковъ [4]). Почти не было гуманиста, который вѣрилъ бы въ астрологію [5]), но Люд. Моро, основываясь на ней, считалъ свою власть и жизнь неприкосновенными. Однако онъ ошибся. Вызвавъ своими дѣйствіями неудовольствіе Людовика XII, онъ былъ взятъ имъ въ плѣнъ (1500), отвезенъ во Францію и посаженъ въ замокъ Лоосъ, гдѣ и умеръ (1510 г. [6]).

Максимъ Грекъ оставилъ Флоренцію, вѣроятно, вскорѣ по смерти Савонаролы (1498). такъ какъ онъ обстоятельно разсказываетъ о своемъ пребываніи въ Миланѣ при Люд. Моро (—1500). „Вотъ что, говоритъ онъ, я видѣлъ собственными глазами, а не отъ иного кого слышалъ, и сообщаю по истинѣ, какъ передъ Богомъ. Градъ есть пресвѣтлый и многонародный въ Италіи, Медіоланъ нарицаемый, безчисленными благами изобилующій, необходимыми въ жизни, но наиболѣе мужами мудрыми и благородными, благосклонный къ странникамъ, стоящій во главѣ страны, называемой Лонгобардія. Игемономъ его былъ полатыни называемый дуксъ, именемъ Людовикъ, нареченіемъ Моросъ, господство котораго разрушилъ преименитый король западныхъ галатовъ (галловъ, французовъ) Люизъ именемъ (Людовикъ XII). Дуксъ сей къ прочимъ своимъ премногимъ злобамъ и мучительскимъ дѣламъ и умышленіямъ привлекъ нѣкоего ученаго (магистра) астролога Амвросія

---

[1]) Корелинъ, 597. Здѣсь училъ (1460—1465) дочь Франч. Сфорцы Ипполиту Конст. Ласкарисъ, извѣстный авторъ греческой грамматики (Шлоссеръ, IX, 429. Legrand, I, LXXII—LXXIII). Грамматика К. Ласкариса появилась въ 1476, затѣмъ послѣдовали: Erotemata Хризолора (1485), грам. Газы (1496), словарь Крастона (1497), грам. Больцани (1498), грам. Альда (1515). Монье, 351. Біогр. К. Ласкариса (Legrand, LXXI—LXXVII).

[2]) Фойгтъ, I, 460—462; II, 476—478.

[3]) Бурхардтъ, 34—37, 182.

[4]) Шлоссеръ IX, 423; Тирабоски, VII, 296.

[5]) Фойгтъ, I, 71—72, 165, 193; II, 433—435.

[6]) Шлоссеръ, XI, 154.

Розада нарицаемаго [1]), имѣвшаго первенство между тогдашними астрологами, который возъимѣлъ надъ нимъ власть и убѣдилъ его своими дѣйствіями до того, что Людовикъ возмнилъ себя вскорѣ стать господиномъ всей Италіи. Онъ причинилъ много зла венеціанцамъ, поднявъ на нихъ Турецкаго султана Пазовита (Баязетъ II), который города Меооню (Модонъ) и Коронію (Коронъ), подъ венеціанами сущіе, придя съ великимъ воинствомъ, отъ Константина града, подъ себя покорилъ. И иныя безчисленныя зла дуксъ Людовикъ совершилъ въ Италіи, совершенно побѣждаемый чародѣяніями Амвросія, которому до того довѣрился, что и живописцамъ повелѣлъ красками (вапами) написать себя на доскахъ и стѣнахъ въ видѣ спящаго на лѣвой рукѣ, правою же обнимающаго весь міръ, какъ-бы единаго властителя себя являя; но и когда хотѣлъ сѣсть на коня, если, представъ предъ нимъ, Амвросій скажетъ, что время неблагопріятно тому, то, ниспустивъ ногу изъ стремени, возвращался отъ астролога. Говорятъ, что и персть (тѣло, вѣроятно изображеніе) сотворилъ ему, въ которую затворилъ нѣкоего злаго духа своими чародѣйственными хитростями, отъ котораго дуксъ узнавалъ будущее. Прельстившись такимъ образомъ, окаянный оный дуксъ, превозносясь разумомъ, посѣялъ раздоръ въ Италіи, сталъ виновникомъ пролитія крови и въ концѣ всего навалилъ на себя камень, по писанію: во мрежу свою паде грѣшникъ. Вскорѣ затѣмъ галатскій, т. е. французскій король послалъ на него свое войско и такъ все, что подъ властью дукса находилось, покорилъ себѣ, и онъ, надѣявшійся на свое единодержавіе и весь міръ въ живописномъ шарѣ обнимавшій, одержимый страхомъ и боязнью, бѣжалъ въ Германію, съ великимъ срамомъ, къ кесарю Максимиліану. По возвращеніи же оттуда, принявъ начальство надъ войскомъ, покорилъ снова себѣ нѣкоторые города и обнаружилъ нѣкую доблесть; однако въ Новарѣ, куда онъ направился, взятъ былъ ночью живымъ со всѣмъ своимъ воинствомъ королемъ французскимъ, и вотъ тотъ, который думалъ обладать всей вселенной, былъ схваченъ и отведенъ въ Галлію, гдѣ и заключенъ былъ въ сильную крѣпость (стрѣльницу нѣкую тверду), животъ свой постыдно скончалъ. Такова была ему кончина, вѣровавшему звѣздоблазнителямъ, таковыя блага получилъ отъ звѣздоблюденія, доблестныхъ людей по-

---

[1]) Амвросій Варезе де-Розада (Varese da Rosate), извѣстный миланскій врачъ (род. 1437), считался ученѣйшимъ философомъ, медикомъ и астрологомъ во всей Италіи; онъ завѣдывалъ всѣми школами въ Ломбардіи. Сочиненія его были изданы въ Венеціи подъ заглавіемъ: „Monumenta Philosophiae et Astronomiae" (Storia della litteratura italiana di Girol. Tiraboschi, t. VI, parte II, 699—701).

губилъ, власти лишился и жизни скончалъ!" [1]). Въ Италіи, по словамъ М. Грека ежегодно расходилось множество альманаховъ, которые продавались на рынкахъ, но, прибавляетъ онъ, нѣтъ ни одного изъ нихъ, согласнаго въ чемъ либо съ другимъ, чего не случилось бы, заключаетъ онъ, еслибы „истинно было звѣздособлюденіе" [2]).

Необходимо замѣтить, что современники Максима Грека въ Италіи—Пикъ ди-Мирандола (Adversus astrologos), Дж. Понтано (о судьбѣ и діалогъ Эгидіусъ), Полиціано, Салютати (въ дидактической поэмѣ De fato et fortuna) и др. ратовали противъ астрологіи, находя ея предсказанія ложными, безправственными и безбожными, уничтожающими вѣру въ свободную волю, отстраняющими отъ себя причину зла и вмѣсто вѣры въ провидѣніе ставящими всеобщій и неопредѣленный фатализмъ [3]). Подобно итальянскимъ обличителямъ [4]), М. Грекъ замѣчаетъ: „опытомъ дознанъ я, что никто изъ внимающихъ астрологическому ученію не могъ сохранить чистой вѣры въ Бога, а нѣкоторые и совсѣмъ погибли, впавши въ безбожіе". М. Грекъ прибавляетъ, что онъ „многолѣтнимъ опытомъ самъ дазналъ пустоту звѣздословія" [5]). Мы видѣли, какія лица изъ ученыхъ были въ это время въ Миланѣ и нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ зналъ, вѣроятно, еще во Флоренціи (см. выше с. 115—117). Во время похода Людовика XII въ сѣверную Италію, въ свитѣ его (въ апрѣлѣ 1500) находился и І. Ласкарисъ, въ качествѣ придворнаго оратора [6]).

Для оцѣнки пребыванія М. Грека въ Италіи весьма важны его случайныя заявленія о томъ, что его главною заботой было получить образованіе у лучшихъ наставниковъ: „у нарочитыхъ учителей" и что онъ жилъ даже „у мужей премудростію многою украшенныхъ" [7]). О своей начитанности Максимъ Грекъ замѣчаетъ, что онъ„ самъ многія и различныя писанія христіанскія и изложенныя внѣшними мудрецами прочиталъ и довольную душевную пользу оттуда пріобрѣлъ" [8]).

---

[1]) Сочин. I, 426—429.

[2]) Сочин. I. 429. „Очима своими пріялъ, а не отъ кого иного слышалъ" (ibid. 426).

[3]) Бурхардтъ, 430—433; Фойгтъ, II, 439—435.

[4]) И въ другомъ мѣстѣ М. Грекъ опять говоритъ, что совѣты Розады не пользу принесли, а погубили Людовика дукса медіоланскаго (Сочин. I, 357).

[5]) Сочин. I, 375.

[6]) Legrand, I, CXLII. Ласкарисъ произнесъ здѣсь двѣ рѣчи, по поводу похода и дѣйствій миланцевъ.

[7]) Сочин. II, 312, 315; III, 178.

[8]) Ibid. I, 374, 377.

И въ его сочиненіяхъ мы встрѣчаемъ ссылки на слова Гомера, Гезіода, Пиѳагора, Сократа, Платона, Аристотеля, Эпикура, Діагора, Ѳукидида, Плутарха, Менандра, на законы Юстиніана, исторію Александра Македонскаго, римскія исторіи и др.[1]). Но такъ какъ свои сочиненія Максимъ Грекъ писалъ уже въ Россіи, то, вѣроятно, онъ пользовался бывшими съ нимъ энциклопедическими пособіями, какъ словарь Свиды (писатель X в.), на котораго онъ иногда ссылается[2]). Мало этого. Сообщая о всеобщемъ увлеченіи въ Италіи философіей, Максимъ Грекъ прибавляетъ, что онъ достовѣрнымъ свидѣтелемъ всего этого былъ самъ, и не только слышателемъ и самовидцемъ въ Италіи и Ломбардіи, но и сообщникомъ (сообщительнѣ" [3]). Признаніе весьма важное для опредѣленія міросозерцанія М. Грека въ раннiй періодъ его жизни.

Собственный его взглядъ на философію—религіозно-нравственный. „Философія, говоритъ онъ, священна, потому что она говоритъ о Богѣ, Его правдѣ и Промыслѣ, на все простирающемся и непостижимомъ. И хотя не во всемъ она успѣваетъ, потому что не имѣетъ вдохновенія, какимъ обладали св. пророки, но показываетъ достоинство цѣломудрія, кротости и мудрости, устанавливаетъ гражданственность („гражданство составляетъ") и вообще украшаетъ нравы добрыми правилами" [4]). Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ, что хорошо знать словесныя науки („словесъ внѣшнихъ вѣдѣніе"), для того, чтобы правильно говорить, развивать и совершенствовать умъ („къ навыку хорошаго изложенія и рѣчи, къ изощренію разума и ясности мысли, а не для того, чтобы отрицать божественные догматы и разсуждать о нихъ, потому что они „выше помышленія и выше зрѣнія всякаго" и только познаются вѣрою" [5]). Вслѣдствіе этого отъ философовъ Максимъ Грекъ совѣтовалъ заимствовать только то, что способствовало бы „утвержденію благочестія и христіанской вѣры", а философію „вездѣ понуждать, какъ рабыню истины". Взглядъ на занятія древними писателями М. Грекъ выражаетъ такъ: „Ученіе древнихъ мужей слѣдуетъ пріобрѣтать, если оно содѣйствуетъ славѣ Божіей, возбуждаетъ насъ бо́льшею божествен-

---

[1]) Ibid. I, 299. 354, 417; 9, 14, 84, 256; III, 47. 48, 135.

[2]) Сочин. III, стр, 283 и др. Ср. замѣчанія А. А. Покровскаго, Одинъ изъ греч. источниковъ соч. М. Грека (Труды Слав. ком. Моск. Арх. Общ. III, 027—28); А. И. Соболевскій 261, 264, 275—278.

[3]) Сочин. I, 426, 463. Впрочемъ необходимо замѣтить, что Свида, по своей часто краткости, много М. Греку дать не могъ. О Гомерѣ Свида распространяется и даже приводитъ изъ него стихи.

[4]) Сочин. I, 356.

[5]) Сочин. I, 248.

ною любовью и не противорѣчитъ священному писанію". По его мнѣнію самый разумъ зависитъ отъ вѣры („отродъ бо вѣры разумъ есть"). На событія міра онъ смотритъ съ религіозной стороны: по его понятію судьбы царей, побѣды, войны, паденіе царствъ и т. п. бываютъ или выраженіемъ благодѣянія Божія, или наказаніемъ за грѣхи людей. Онъ не допускаетъ разсужденій о природѣ, если только он и противорѣчатъ „богодухновенному писанію", а потому совѣтуетъ, „крѣпко держаться книги Дамаскина" и тогда, прибавляетъ онъ, „ты будешь великій богословъ и естествословъ". Подчиняя философію религіи и считая ее только „рабою" послѣдней [1]), М. Грекъ и свои возраженія противъ нея основываетъ на словахъ свящ. писанія, и вмѣстѣ съ апостоломъ Павломъ называетъ ее иногда „тщетною прелестію, увлекающею простые умы („крадущею простыхъ разумы" [2]). Поэтому, признавая „внѣшнія науки" („окружняя ученія") добрыми и нужными для человѣческой жизни, онъ прибавляетъ, „но много вреднаго и пагубнаго въ нихъ скрывается, такъ что если по одному только захотимъ сосчитать, то цѣлую книгу принуждены будемъ сочинить, такъ много въ нихъ ложнаго и нечистаго" [3]). Наконецъ въ порывѣ религіознаго увлеченія онъ, подобно Іер. Савонаролѣ, доходитъ до того, что „внѣшнее знаніе" по отношенію къ богословію признаетъ „лжеименнымъ разумомъ" [4]) и, предлагая читать „божественныя писанія", совѣтуетъ „гнушаться писаній внѣшнихъ" [5]).

XIII.

Такимъ образомъ Максимъ Грекъ въ мнѣніяхъ своихъ объ отношеніи науки и вѣры былъ согласенъ съ ученіемъ средневѣковыхъ учителей церкви и схоластики [6]). Однако, нельзя думать, чтобы уже въ то время у Максима Грека вполнѣ сложился такой односторонній, исключительно религіозный взглядъ на науку, на внѣшнее знаніе. До такой исключительности онъ, вѣроятно, развился позже, подъ вліяніемъ его аскетической жизни на Аѳонѣ, когда Іоаннъ Дамаскинъ сдѣлался для Максима основою всякаго знанія [7]). Дѣйствительно, сравнивая представленный выше взглядъ М. Грека на науку вообще и философію въ частности съ взглядомъ на нихъ Іоанна Дамаскина, легко замѣтить

---

[1]) Ibid. I. 356, 462. Ancilla—схоластиковъ и Іер. Савонаролы.
[2]) Соч. I, 247; II 54, 75, 352 (о побѣдѣ надъ татарами); III, 221, 232, 233.
[3]) Сочин. I. 351.
[4]) Ibid. I, 444.
[5]) Ibid. III, 208.
[6]) Гаспари, I, 27—31.
[7]) Сочин. М. Грека, III, 232.

тождественность ихъ мнѣній; въ этомъ случаѣ Максимъ почти буквально слѣдуетъ Дамаскину, по мѣстамъ только полнѣе развивая его мысли. Вотъ слова послѣдняго объ этомъ предметѣ: „Такъ какъ божественный апостолъ сказалъ: все испытывая, пріобрѣтайте лучшее, то испытаемъ слова внѣшнихъ мудрецовъ, не найдемъ ли что потребное и у нихъ для пользы души нашей. Если подобаетъ царицѣ (богословію) рабынями нѣкими быть обслуживаемой, то примемъ отъ рабовъ (внѣшней мудрости) истинныя словеса и, сурово испытавъ ихъ, нечестіе отложимъ, чтобы не предлагать простымъ сердцамъ прельщеніе хитростями словесъ. Если же не требуетъ пестрыхъ умышленій истина, то тѣмъ хуже противящимся ей и потребно возраженіе лжеименному разуму. Воспользуемся же вначалѣ ими, какъ азбукой. Не будемъ тщеславиться, но смиренномудренно преклонимся, чтобы, желаемое воспринять“. (Діалектика [1]).

Итакъ, Іоаннъ Дамаскинъ совѣтуетъ изучать „ученіе внѣшнихъ мудрецовъ“, потому что и въ немъ можно найти „душеполезное“; и у него мудрость есть „рабыня“ богословія, хитрость словесъ которой можетъ прельстить „простѣйшихъ“; разсужденія „внѣшней мудрости“ называются „пестрыми умышленіями“, непригодными для чистой истины, а пытливый разумъ, какъ и у Максима, признается „лжеименнымъ“. Наконецъ—только смиреніемъ можно познать истину.

Изъ философовъ Максимъ Грекъ отдаетъ преимущество Платону, о которомъ онъ обыкновенно выражается: „изъ внѣшнихъ философовъ верховный [2]), первый изъ философовъ отъ свѣта словеснаго, сначала въ человѣчествѣ насажденнаго, просвѣщенный разумомъ“ [3]); такъ какъ идеальная философія Платона ближе другихъ ученій подходитъ къ христіанскимъ понятіямъ. Подобная же точка зрѣнія проводится византійскими писателями, которыхъ подкупало ученіе Платона о троичности и нравственныхъ понятіяхъ (I. Малала, Г. Амартолъ и др.), но въ другихъ случаяхъ и Платонъ заслуживалъ названія „лживаго“ [4]). Зато М. Грекъ сильно вооружается противъ Аристотеля, который много вредилъ христіанской догматикѣ.

---

[1]) Прав. Соб. 1860 г., февраль. Объ источникахъ свѣдѣній по разнымъ наукамъ въ древней Россіи, стр. 196.

[2]) Сочин. Макс. Грека, I, 249, 354, 417.

[3]) Ibid. III, 206. Савонарола дѣлалъ большія извлеченія изъ Платона и Аристотеля (сводъ), соединяя ихъ съ богословіемъ Ѳомы Аквината (Виллари, I, 80).

[4]) Опытъ изслѣд. о культ. знач. Византіи, 512, 522, 524; Шестаковъ, 26.

XIV.

Еще Тертулліанъ говорилъ: „какъ жаль, что Аристотель изобрѣлъ діалектику, искусство спорить, искусство равно способное и поучать, и ниспровергать: это настоящій Протей въ своихъ системахъ, весьма странный въ своихъ догадкахъ и въ выборѣ своихъ предметовъ противорѣчащій самому себѣ, постоянно разрушающій то, что творитъ“ [1]). А извѣстно, какое громадное значеніе имѣлъ Аристотель въ средневѣковыхъ догматическихъ спорахъ. Іоаннъ Дамаскинъ первый приложилъ изученіе этого философа къ теологіи. Его логика очень рано была признана лучшимъ оружіемъ въ теологическихъ опроверженіяхъ. Ѳома Аквинскій въ своемъ сочиненіи „*Summa Theologiae*“, приводя многія мѣста изъ Платона и другихъ языческихъ и христіанскихъ писателей,— Аристотеля называетъ преимущественно „философомъ“. Однако богословы скоро замѣтили, что слишкомъ большое расположеніе къ Стагириту можетъ принести не малый вредъ ученію церкви, такъ какъ многіе еретики того времени оказывались его приверженцами (наприм. послѣдователи Альмерика и Беренгарія). Поэтому въ 1209 г. Парижскій церковный соборъ осудилъ сочиненія Аристотеля, которыя даже были сожжены. Въ 1215 г. послѣдовало запрещеніе ихъ чрезъ кардиналъ-легата, а въ 1231 г. окончательно ихъ запретилъ папа Григорій IX. Но уже въ X и XI вв. школьное уваженіе къ Аристотелю (конечно схоластическому) до того возрасло, что профессора, при вступленіи въ должность, давали клятву въ томъ, что они въ своихъ чтеніяхъ никогда не будутъ отступать отъ Евангелія и сочиненій Аристотеля и еще въ концѣ XVI в. опасно было высказаться противъ его мнѣній, или отвергать какое либо изъ его положеній. Въ теченіе многихъ столѣтій въ нѣкоторыхъ университетахъ нельзя было получить никакой ученой степени безъ предварительнаго испытанія въ знаніи сочиненій Аристотеля [2]). И даже въ XVIII вѣкѣ въ Испаніи, этой странѣ господства теологіи,— въ то время, когда запрещали „Ньютона и новѣйшихъ философовъ“,— признавали, что ничто не можетъ замѣнить *Аристотеля, отцовъ и ученыхъ церкви* [3]). При Максимѣ Грекѣ споры на Западѣ между послѣдователями Платона и Аристотеля часто заключались въ стремленіи какъ той, такъ и другой стороны доказать, что ученіе каждой изъ нихъ было болѣе согласно съ христіанской религіей, нежели ученіе

---

[1]) Praescriptiones haereticorum, cap. VII.

[2]) Whewell, Gesh. der inductiv. Wissenschaften, I, 251, 295, 298, 299, 307, 309.

[3]) Бокль, Ист. цивилиз., II, 84, по изд. Тиблена.

противной стороны. Галламъ замѣчаетъ, что „давность владычества и та неподвижность, которая удерживаетъ старые предразсудки, особенно соединясь съ гражданскимъ и духовнымъ могуществами, сдѣлали то, что и въ самый вѣкъ преобразованій побѣда здраваго смысла и истинной философіи одерживалась медленно“ [1]). При такомъ значеніи Аристотеля въ богословскихъ вопросахъ, понятно, какъ долженъ былъ отнестись къ нему Максимъ Грекъ, когда и западные блюстители теологической чистоты религіи запрещали его сочиненія съ тою цѣлью, „чтобы они не могли послужить *поводомъ къ еще неизвѣстнымъ ересямъ*“ [2]). М. Грекъ виною извращенія догматовъ на Западѣ прямо называетъ „Аристотелевскіе силлогизмы“, „Аристотелевское художество“, вообще „Стагирита“, ученіемъ котораго „ризу церкви, истканную изъ небеснаго богословія, легко раздирали“ [3]). Эразмъ Роттердамскій, увлекавшійся явленіями языческаго возрожденія, но и критически относившійся къ нимъ, склонялся къ возстановленію истиннаго христіанства, которое затемнили схоластики [4]).

XV.

Въ такомъ же смыслѣ М. Грекъ оцѣниваетъ и значеніе училищъ, какъ необходимыхъ для государственныхъ и общественныхъ нуждъ. Примѣромъ этого можетъ служить его разсказъ о положеніи наукъ во Франціи. Какъ извѣстно, Парижскій университетъ занималъ первое мѣсто между всѣми университетами того времени. Другіе университеты называли его alma mater, считали себя его колоніями, были устроены по его образцу. Парижскій университетъ имѣлъ всегда самыхъ лучшихъ профессоровъ богословія и схоластической философіи; богословскій его факультетъ пользовался высшимъ авторитетомъ въ западномъ христіанствѣ. Огромное количество студентовъ стекалось къ нему со всѣхъ сторонъ Европы. Число ихъ доходило обыкновенно до 20000—30000. Университетъ Парижскій отличался всегда независимымъ духомъ и умѣлъ защищать свои права противъ папы и государей и принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ государственныхъ и церковныхъ [5]).

---

[1]) Галламъ, I, с. 321, 322.

[2]) Whewell, I, 308.

[3]) Сочин. М. Грека, I, 249.—„Quant à la philosophie, les subtilités d'Aristot juiasaient d'un plus grand crédit que la sainte Ecriture, et la sublimité platonique dégénérait en folies theosophistes“. Cantu, Hist. des Italiens, VII, 207.

[4]) И. В. Пузино, Знач. діалога Эразма Рот. Ciceronianus. (Ж. М. Н. Пр. 1913, № 11).

[5]) Г. Вызинскій, Папство и свящ. рим. имп. въ XIV—XV ст. М. 1857, с. 167—168; Ѳ. Я. Фортинскій, Борьба Париж. унив. съ нищен. монахами въ полов.

Паризія, говоритъ Максимъ Грекъ, есть градъ знаменитый (нарочитъ) и многолюдный въ Галліи, которая нынѣ называется Францiя (Франза)—держава великая, славная и богатая безчисленными благами, первое и лучшее изъ которыхъ (изрядное) философскія и богословскія науки, безплатно (туне) преподаваемыя любителямъ тѣхъ ученій, такъ какъ наставникамъ ихъ обильное содержаніе (оброки) дается отъ царскихъ сокровищъ, благодаря многому любочестію тамъ царствующихъ, заботящихся о желающихъ словеснаго художества, которое найдешь тамъ, не только благочестивое богословіе и священную философію, но и всякія свѣтскія (внѣшнія) ученія, наставленія которыхъ получаютъ всѣ желающіе достигнуть совершеннаго знанія, которыхъ многочисленное множество находится тамъ, *какъ я слышалъ* отъ нѣкоторыхъ, ибо отъ всѣхъ западныхъ и сѣверныхъ странъ собираются въ великомъ градѣ Паризіи жаждущіе словесныхъ художествъ, не только сыновья простѣйшихъ, но и самыхъ достигающихъ высоты боярскаго и княжескаго сана: однихъ сыновья, другихъ братья, иныхъ внуки и родственники, которые по довольномъ и прилежномъ упражненіи въ ученіяхъ, возвращаются въ свою страну, исполнившись всякой премудрости и разума, составляя украшеніе и похвалу своему отечеству, такъ какъ они бываютъ добрыми совѣтниками и искусными защитниками во всемъ, что ему необходимо“[1]).

И во Франціи (Галліи) М. Грекъ отмѣчаетъ тоже увлеченіе внѣшней философіей и астрологіей[2]), хотя въ Италіи еще долгое время считали французовъ варварами въ дѣлѣ новой науки[3]). Въ то же время, какъ мы знаемъ, М. Грекъ интересовался жизнію католическихъ монастырей, а именно картезіанцевъ (см. ниже), однако въ Италіи онъ могъ бы видѣть, что тѣ же картезіанцы вели крайне распущенный образъ жизни[4]), не уступавшій жизни другихъ орденовъ[5]).

На обратномъ пути М. Грекъ опять посѣтилъ Венецію. Около 1490 года здѣсь дѣйствовалъ знаменитый итальянскій типографъ Альдъ Мануцій. Въ то время, какъ разысканія и собираніе древнихъ писателей достигли уже значительныхъ размѣровъ, а между тѣмъ были

XIII в. (Ж. М. Н. Пр., № 9). Греки во Франціи появляются въ XV в. и имѣли здѣсь учениковъ (Васильевскій, Обз. труд. по визант. истор., 6)

[1]) Сочин., III, 179—180.

[2]) Ibid., I, 374—375. О парижскихъ школахъ и университетѣ см. The univers. of Europe en the Midle ages, by Hast. Rachdall, vol. I, Oxf. 1894.

[3]) Фойгтъ, II, 207, 302, 306, 308, 314, 315, 321.

[4]) Бурхардтъ, 381.

[5]) Ibid., 379; Фойгтъ, II, 190.

напечатаны всего четыре греческихъ писателя, Альдъ Мануцій (род. 1450 въ Сермонетѣ бл. Веллетри), учившійся въ Римѣ и Феррарѣ, пріобрѣвшій основательное знаніе греческаго языка, бывшій наставникомъ принца Карпи Альберто Піо и пользовавшійся покровительствомъ княжеской фамиліи Пикъ-ди-Мирандола, задался грандіозною мыслью сдѣлать впервые доступными большую часть греческихъ писателей и, кромѣ того, въ болѣе доступной формѣ латинскихъ. Онъ ввелъ для изданій удобный форматъ in octavo, изобрѣлъ и употреблялъ изящные шрифты, съ разборнымъ удареніемъ, и курсивъ, въ подражаніе рукописи (Петрарки). Его изданія сопровождались виньеткой, изображающей якорь и дельфина, его обвивающаго, съ надписью „Festina lente"; между тѣмъ какъ Германія все еще продолжала печатать мелкимъ и безобразнымъ шрифтомъ грамматики и книжки по орѳографіи для начинающихъ. Такимъ образомъ въ 1494 г. вышли первыя греческія книги, а въ 1495 г.—Organon Аристотеля. Въ Венеціи Альдъ основалъ академію (Neaacademia) изъ любителей греческаго языка вмѣстѣ съ грекомъ Іоанномъ Григоропуломъ и Сципіономъ Фортигверра изъ Пистойи, который эллинизируя свое имя, назывался Картеромакомъ. Статуты, составленные послѣднимъ, устанавливали, что члены должны были говорить только погречески; кто же нарушалъ законъ, долженъ былъ платить небольшую пеню, и на собранную сумму Альдъ устраивалъ пирушки. Члены общества и другіе выдающіеся эллинисты и латинисты посвящали свою дѣятельность составленію и исправленію текстовъ. Это были, кромѣ названныхъ: Гварино изъ Фаверы, Бембо, Наваджеро, греки Маркъ Мусуръ,[1]) Дм. Дука и др. Папа Левъ X подтвердилъ привилегію, данную прежними папами Альду и оказывалъ покровительство его предпріятію. Поэтому первое изданіе Платона въ оригиналѣ, появившееся въ свѣтъ въ типографіи Альда въ 1513 г., было посвящено папѣ съ присоединеніемъ греческой элегіи, которую написалъ Мусуръ. Левъ пригласилъ также Мусура и І. Ласкариса (1516—20) въ Римъ, гдѣ былъ основанъ имъ воспитательный институтъ для греческихъ юношей. Захарія Каллієрги, родомъ изъ Крита, также имѣлъ типографію въ Венеціи, а затѣмъ переселился въ Римъ. Эразмъ Роттердамскій восторженно привѣтствовалъ изданія Альда; Полиціано въ порывѣ гордости воскликнулъ: „Турокъ, чѣмъ ты кичишься! ты губишь книги въ Греціи,—онѣ вновь возрождаются. Ну, руби головы гидры"[2]).

[1]) Біогр. его у Legrand'a (I, CVIII—CXXIV).

[2]) Гаспари, II, 359—360; Монье, 350—351; Legrand, CL—CLVI. Исторія изданій и описаніе ихъ см. въ Annales de l'imprimerie des Alde, ou hist. des trois Manuce, par. A. Renourd, 2 v. P. 1803; 3-е изд. 1834 (извлеченіе въ Вѣстн. Евр. 1804, ч. XIV. № 7, по статьѣ изъ Merc. de France). Ambr. Firm. Didot. Alde Manuce et le hellénisme à Venise, Paris 1875; Bömer, De doctis hominibus, graecis, pag. 202—203.

Потерявъ въ 1506 г. на своемъ предпріятіи все состояніе, Альдъ оставилъ Венецію, а потомъ еще (съ 1512) продолжалъ это дѣло вмѣстѣ съ тестемъ, но вскорѣ умеръ. Съ 1495—1514 гг. были имъ изданы: Гезіодъ, Ямвлихъ и неоплатоники, Аристофанъ, греческіе авторы писемъ, Өукидидъ, Софоклъ, Геродотъ, Ксенофонтъ (Греч. ист.), Еврипидъ, Демосөенъ, Лукіанъ, Плутархъ (Opuscula), Платонъ, Пиндаръ, Өеофрастъ, Геродіанъ, Виргилій и др. Дѣло Альда Мануція продолжали сынъ его Павелъ и внукъ Альдъ Мануцій Младшій.

XVI.

Пріѣздъ I. Ласкариса въ Венецію и продолжительное его пребываніе здѣсь (1503—до февр. 1509) оживило ученое общество, собиравшееся около Альда. Объ оффиціальныхъ пріемахъ его здѣсь сохранились свѣдѣнія въ дневникѣ Марино Сануто. Къ нему обращались за совѣтомъ издатели; соотечественники нашли въ немъ любезнаго хозяина и покровителя. Дверь его была всегда для нихъ открыта; онъ приглашалъ ихъ къ столу и снабжалъ деньгами. Съ 1503—1516 г. въ Венеціи жилъ Маркъ Мусуръ въ качествѣ цензора греческихъ изданій, съ нѣкоторыми перерывами[1]). Въ 1506 г. онъ получилъ должность профессора греч. литературы и имѣлъ многочисленныхъ слушателей[2]) занимаясь также изданіемъ древнихъ и церковныхъ писателей. Принимая во вниманіе приведенныя выше хронологическія данныя и время возвращенія Максима Грека, весьма важно, что пребываніе его въ Венеціи на обратномъ пути относится къ этому моменту его заграничнаго путешествія. Такъ, онъ, по поводу своего пребыванія въ Венеціи, пишетъ: „Въ Венеціи былъ нѣкій философъ, весьма искусный („добрѣ хытръ“); имя ему Алдусъ, а прозвище Мануціусъ, родомъ итальянецъ (фрязинъ), отечествомъ римлянинъ, древняго римскаго рода, большой знатокъ (добрѣ гораздъ) греческой и римской литературы (грамоты). Я его зналъ и видѣлъ въ Венеціи и къ нему часто хаживалъ по книжнымъ дѣламъ; а я тогда еще былъ молодъ, въ мірскомъ платьѣ. Тотъ Алдусъ Мануціусъ, по своей мудрости, замыслилъ премудрое дѣло, напоминая притчею сею (эмблемою на книгахъ) всякому человѣку, властителю и невѣждѣ, какъ имъ можно получить животъ вѣчный, если истинно желаютъ его“. Далѣе слѣдуетъ собственное толкованіе М. Грека указанной эмблемы: „Якорь показываетъ утвержденіе и крѣ-

---

[1]) Legrand, CXLIA—CL. Съ 1486—1494—былъ во Флоренціи (CVIII); онъ принялъ католицизмъ (CXX).

[2]) Ibid., CVIII—CXVIII.

пость вѣры, рыба же душу человѣка. Притча эта учитъ насъ: какъ якорь желѣзный крѣпитъ и утверждаетъ корабль въ морѣ и избавляетъ его отъ всякой бѣды морскихъ волненій и бурь, такъ и нелицемѣрный страхъ божій, водруженный твердо въ человѣческихъ душахъ во всякой правдѣ, согласно заповѣдямъ божіимъ, избавляетъ ихъ отъ всякой напасти и козней видимыхъ и невидимыхъ враговъ. И какъ корабль безъ якоря не можетъ избѣжать морскихъ бурь, но, будучи разбитъ, погружается въ бездну и пропадаетъ, такимъ же образомъ и душа человѣческая, отринувши страхъ божій, который есть дѣланіе всякой правды, легко подвергается обладанію отъ невидимыхъ враговъ и погибаетъ. Сколько постигла моя худая мысль, столько и сказалъ я. Могущій же болѣе того, да просвѣтитъ насъ. А я тебѣ, государю моему, много челомъ бью" [1]). Толкованіе М. Грека лишь его личное, притомъ нравственнаго характера. Полагаютъ, что на объясненіе онъ былъ вызванъ вопросомъ, обращеннымъ къ нему кн. Василіемъ Михайловичемъ Верейскимъ, женатымъ на племянницѣ Софіи Палеологъ—дочери ея брата Андрея—Маріи [2]), но это лишено основанія, такъ какъ послѣдній бѣжалъ въ Литву съ женой въ 1483 г. и въ Россію не возвращался. Рѣчь могла бы здѣсь идти о Вас. Мих. Тучковѣ-Морозовѣ, интересовавшемся переводами М. Грека [3]) и принадлежавшемъ къ кружку его посѣтителей [4]), но обращеніе къ нему какъ князю, мѣшаетъ принять это указаніе, если оно не обмолвка, или не простая любезность. Въ настоящемъ случаѣ важно то, что М. Грекъ самъ о себѣ свидѣтельствуетъ, что онъ часто бывалъ по книжнымъ дѣламъ у Альда-Мануція и что онъ привезъ даже его изданія съ собой въ Россію [5]). При этомъ, конечно, посѣщая домъ послѣдняго, М. Грекъ, вѣроятно, бывалъ посѣтителемъ академіи и пользовался наставленіями ученыхъ грековъ, собиравшихся тамъ, а равно и І. Ласкариса, у котораго онъ учился философіи, по словамъ Курбскаго (см. выше, 109). Напомнимъ (см. выше 77), что здѣсь находилась знаменитая

---

[1]) Опис. Рум. муз. № ccʟxiv, стр. 369. Вполнѣ изд. Г. Геннади (Библ. Зап. 1858, с. 184—185); Строевъ, Библ. Словарь, 205—206.

[2]) Голубинскій, Ист. рус. церк., II, 670; Бѣлокуровъ, О библ. москов. госуд. с. ccxc. Соображенія, какія греческія изданія могли быть у Максима Грека (ib 303—304).

[3]) Бѣлокуровъ, О библіотекѣ, ccxxi; срав. ccʟxxix ccʟxxxviii, ccxc. Любознательному собесѣднику М. Грека адресованы сказанія, заимствованныя изъ Свиды и Вальсамона". См. ниже.

[4]) Акты, изд. Арх. экспед. I, 141.

[5]) „Велѣлъ еси мнѣ князь государь мой Василій Михайловичъ сказать тебѣ, что есть толкъ знаменію, его же видѣлъ еси въ книзѣ печатнѣй? Слыши же внятно".

библіотека кард. Виссаріона, кодексами которой пользовался Альдъ Мануцій для своихъ изданій и съ рукописями которой, вѣроятно, знакомился М. Грекъ, если его интересовали книжныя дѣла. На территоріи, въ районѣ которой ему приходилось странствовать, еще живы были воспоминанія о Ферраро-Флорентійскомъ соборѣ; какъ извѣстно, греки подписали соглашеніе; Исидоръ и Виссаріонъ приняли унію; многіе изъ грековъ, начиная съ ученыхъ (Мусуръ [1]), Аргиропуло [2]) и др.) и кончая обыкновенными переселенцами (см. выше, 79) переходили въ католицизмъ, причемъ продолжала имѣть мѣсто горячая полемика, но М. Грекъ, подобно Ласкарисамъ, не смотря на увлеченіе въ молодости „философіей" и „астрологіей", сохранилъ вѣру и хотя онъ нигдѣ не затрогиваетъ этого больного мѣста, т. е. не касается поступка грековъ, бывшихъ на Флорентійскомъ соборѣ, но твердо и рѣшительно полемизировалъ потомъ съ представителями папства на этой почвѣ и передалъ свой взглядъ на соборъ въ бесѣдѣ съ Курбскимъ, который съ его словъ составилъ краткую исторію собора [3]), причемъ сослался на свою бесѣду съ Максимомъ Грекомъ, вполнѣ раздѣлявшимъ точку зрѣнія Марка Ефесскаго, строгаго защитника византійскаго ученія вѣры. Въ одномъ же изъ своихъ оправдательныхъ посланій Максимъ заявляетъ, что онъ „сподобился за то самое благовѣріе много разъ во многихъ мѣстахъ подвизаться и не былъ посрамленъ и наиболѣе ополчался противъ латынъ, *сильныхъ сущихъ въ священныхъ писаніяхъ и въ наукахъ*" [4]). Быть можетъ и въ Италіи онъ не оставался только зрителемъ борьбы мнѣній на почвѣ флорентійской уніи, имѣвшей многихъ сторонниковъ среди жившихъ тамъ грековъ, но вступалъ въ открытые споры съ латинами. М. Грекъ сообщилъ Курбскому и о множествѣ книгъ, перевезенныхъ послѣ паденія Константинополя въ Италію, и о напечатаніи ихъ въ Венеціи, откуда онѣ распространялись по всей Европѣ [5]), которая потерпѣла передѣлку въ смыслѣ сожженія подлинниковъ послѣ перевода ихъ на латинскій яз. (по физикѣ, метафизикѣ, логикѣ и

---

[1]) Legrand, cxix.

[2]) Фойгтъ, 341.

[3]) О ея составѣ см. Опытъ рус. исторіогр. II, 1822—1823. Сказанія Курбскаго, 296.

[4]) Сочиненія, II, 370—371.

[5]) Предисл. кн. Курбскаго къ Нов. Маргариту (Кн. Курбскій въ Литвѣ и на Волыни, II, 308—310); Опис. рук. Хлудова, 1, 13; Бѣлокуровъ, 243—244; ср. Сказанія, 273—274 и Сказаніе о Максимѣ философѣ (Бѣлокуровъ, xxix — xxxiv); Карамзинъ, VII, пр. 3. Ср. Къ вопросу о констант. библіотекѣ, виз. импер. и москов. библ. царей, В. К—й, по сообщ. М. Грека и Курбскаго (Ист. Вѣстн., 1900, № 12, 1197—99).

діалектикѣ), а затѣмъ перенесеніе этой мысли на сочиненія восточныхъ учителей [1]), умышленно сожженныхъ и извращенныхъ латинами,— мнѣніе, нашедшее мѣсто и въ полемикѣ Арсенія Суханова съ греками (Преніе [2]). Конечно, М. Грекъ не могъ не выражать сожалѣнія о потерѣ многихъ произведеній греческой литературы и можетъ быть умышленномъ сожженіи нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ жгли сами греки книги арабскія [3]) и славянскія на Аѳонѣ; но о всеобщемъ сожженіи ихъ не можетъ быть рѣчи. М. Грекъ былъ свидѣтелемъ изданія греческихъ отцовъ церкви въ Венеціи. Вѣроятно означенное извѣстіе есть плодъ измышленія русскаго книжника, слышавшаго разсказъ о погибели книгъ послѣ завоеванія Константинополя и перевезенія множества ихъ въ Италію. Иначе придется допустить, что сказано это ради краснаго слова о погибели греческаго благочестія въ Русскомъ царствѣ, какъ утверждается Арс. Сухановымъ [4]).

XVII.

Не менѣе близко принималъ къ сердцу М. Грекъ и вопросъ, которымъ интересовались всѣ греки, какъ оставшіеся вѣрными своей вѣрѣ, такъ отступившіе отъ нея—это о скорѣйшемъ изгнаніи турокъ изъ Европы. Мы уже знаемъ, какъ развивался этотъ вопросъ до паденія Константинополя и вскорѣ затѣмъ (см. выше, 76—79), и хотя случались каррикатурныя отступленія отъ этихъ намѣреній, руководимыя мелкой итальянской и торгашеской политикой, но бывали и болѣе открытыя выступленія съ проповѣдями монаховъ о крестовыхъ походахъ [5]). Незадолго до прибытія М. Грека въ Италію, отсюда былъ высланъ ученый докторъ богословія, Мартино де-Фреджено, проповѣдывавшій отпущеніе грѣховъ, за участіе въ походѣ противъ турокъ, въ Сѣвер. Германіи, Даніи и Скандинавіи, и, пользуясь этимъ, присваивалъ рѣдкія книги въ тамошнихъ библіотекахъ. Въ 1471 г. опять посланъ былъ въ Германію, на имперскій сеймъ въ Регенсбургъ Джіантоніо Кампано,

---

[1]) Троиц. лавры рук. № 201; ср. Повѣсть о бѣломъ клобукѣ (Памятн. стар. рус. литер., I, 288). Иначе (Ист. Вѣст. 1900. № 12, с. 1197—99).

[2]) Ср. Е. Е. Голубинскій, Къ нашей полемикѣ съ старообрядц. Чт. въ Общ ист. 1896, II, 16—19.

[3]) А. П. Лебедевъ, Ист. греко-восточн. церк., 825.

[4]) В. И. Григоровичъ, Очеркъ путешествія по Европ. Турціи 81—84; Бѣлокуровъ, Чтен. въ Общ. ист., II, 54—55, 154—157, свидѣт. Арсенія Суханова; его же О библіотекѣ москов. государей, 242; по др. сказ. о Максимѣ Гр. ib. xxix—xxxiv— о сож. книгъ.

[5]) Бурхардтъ, 80—82, 386.

бывшій придворный поэтъ папы Пія II, чтобы онъ силою своего красноречія воодушевилъ нѣмцевъ къ войнѣ съ турками [1]) и также безуспѣшно. Гуманисты были усердными проповѣдниками этого предпріятія. Съ походомъ Карла VIII въ Италію снова ожили надежды грековъ. Мысль эта не оставляла Италію. Она переходитъ въ XVI столѣтіе и, можно сказать, наполняетъ его [2]).

Максимъ Грекъ, судя по его отзывамъ о положеніи грековъ, о греческой церкви, объ угнетеніи Греціи и упадкѣ ея культуры, былъ ревностнымъ сторонникомъ этой идеи и, быть можетъ, этимъ преобладающимъ ея значеніемъ объясняется его терпимость или сдержанность относительно тѣхъ грековъ, которые, по политическимъ видамъ или въ силу необходимости, признали унію или перешли въ лоно западной церкви. Однако, онъ долженъ былъ признать, что планъ изгнанія турокъ трудно осуществимъ на дѣлѣ. Указывая на бѣдствія, причиняемыя Востоку со времени импер. Праклія „агарянами", покорившими своей власти многія и лучшія страны вселенной, прежде всего вслѣдствіе взаимной вражды „православныхъ царей", онъ прибавляетъ, что въ такомъ же положеніи находятся остатки Западной Римской державы, раздѣленной на многія королевства и государства, безпрестанно враждебно живущія между собою, какъ и короли другъ на друга воюющіе, подобно „прежнимъ нашимъ европіянамъ, царямъ, государямъ и князьямъ *грековъ, болгаръ и сербовъ*, которыхъ всѣхъ истребилъ, напущенный свыше на насъ, злобезбожный измаильтянинъ. Такъ исполнился апостольскій гласъ: „Если вы другъ друга грызете и съѣдаете, берегитесь, чтобы вы не были истреблены другъ другомъ" (къ Галат. v, 15), ибо по словамъ Евангелія (Матѳ. xii, 25), всякое царство, раздѣлившееся само въ себѣ, опустѣетъ, и всякій городъ или домъ, раздѣлившійся самъ въ себѣ, не устоитъ". Поэтому, взывая къ миру и единомыслію, онъ совѣтовалъ отвергнуть напрасныя мечтанія (см. выше, стр. 44—45), но возстать отъ многолѣтняго сна, въ виду опасности и небреженія, поступая съ осторожностью, не теряя времени, такъ какъ дни лукавы суть (къ Еф. v, 15 [3]).

XVIII.

Мы знаемъ уже, что Максимъ Грекъ не долго былъ увлеченъ господствовавшимъ въ итальянскомъ обществѣ духомъ невѣрія [4]) и

[1]) Фойгтъ, II, 276.

[2]) Ранке, Римскіе папы, I, 297; II, 21, 68, 105, 178, 254, 312, 026, 035, 045. О договорѣ А. Палеолога Пирлингъ, Россія и Востокъ (прилож.); ср. Legrand, I, cxx.

[3]) Сочин., М. Грека, I, 141—144.

[4]) Въ обращеніи къ м. Даніилу впослѣдствіи онъ писалъ: „отъ юнаго моего возраста возлюбилъ благочестія таинства и люблю отъ всея души моея"

астрологіей, и эту счастливую перемѣну онъ объясняетъ дѣйствіемъ Промысла [1]). Дѣятельность Савонаролы оказала на него свое вліяніе не только неотразимостью краснорѣчія проповѣдника, но и практическими результатами, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ. М. Грека поразила нравственная реформа флорентійскаго общества посредствомъ религіи и онъ не могъ не подчиниться этому вліянію [2]).

Въ 1895 г. въ Моск. дух. акад. была одобрена диссертація на степень кандидата вольнослуш. д. с. с. („60-лѣтняго труженика") А. И. Колесова, который старался сильно поколебать распространенное мнѣніе о подражаніи преп. М. Грека Савонаролѣ, показавъ полную противоположность ихъ стремленій: у перваго моральныхъ и всенародныхъ, а у послѣдняго скорѣе политическихъ и узко-патріотическихъ (Богосл. Вѣстн. 1896, № 2, проток. Совѣта, стр. 137—139). Какъ будто „вліяніе" непремѣнно обозначаетъ „подражаніе"? Авторъ мало касается трудовъ (?) Максима Грека; такъ какъ его занимала самая жизнь угодника и его нравственный характеръ (въ чемъ выраженный болѣе всего, какъ ни въ сочиненіяхъ?). Поэтому онъ останавливается на свѣдѣніяхъ о прославленіи преп. чудесами послѣ его кончины, а также на собранныхъ въ трудѣ трехъ варіаціяхъ тропарей и кондаковъ въ честь угодника съ указаніемъ времени ихъ составленія и мѣста нахожденія по рукописямъ. Множество же поднятыхъ въ его темѣ научныхъ вопросовъ развлекли его вниманіе до такой степени, что онъ нерѣдко останавливается на мелочахъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, отчего принципъ единства въ характеристикѣ терпитъ ущербъ. Большая часть его сочиненія имѣетъ, однако, историческій, а не богословскій характеръ, поэтому можно пожалѣть, что оно осталось ненапечатаннымъ хотя „въ нѣсколько сокращенномъ видѣ", какъ признавалось рецензентомъ.

Сочиненія М. Грека убѣждаютъ, что аскетическая стихія вскорѣ взяла перевѣсъ надъ прочими его стремленіями и сдѣлалась господствующей въ его жизни и произведеніяхъ. Давно похоронивъ родителей, безъ надежды на лучшее будущее для своего отечества, безъ

(II, 372). Онъ говоритъ, что писалъ „ко еллинамъ" (противъ еллинъ), бывшимъ дотолѣ моимъ учителямъ, а не и нынѣ (371), слѣдовательно „слово" это имѣетъ теоретическое значеніе.

[1]) Сочин. I, 463: „И если бы о *спасеніи* всѣхъ пекійся Богъ не помиловалъ меня *вскорѣ*, и не *посѣтилъ благодатію своею, и свѣтомъ своимъ не озарилъ мысль мою, то давно* и я погибъ бы *съ сущими тамъ предстателями нечестія*".

[2]) Ibid. III. 122—123, 181—183.

особенныхъ симпатій къ мѣсту своего образованія, чтобы вполнѣ ассимилироваться съ итальянскимъ обществомъ, но и не безъ нѣкотораго мистицизма въ виду надвигавшихся опасностей [1]), чуждый во всякомъ случаѣ мысли служить новому правительству, на что могъ бы разсчитывать „сынъ воеводскій", судя по презрѣнію, какое онъ питалъ къ господству турокъ и ихъ слугамъ—грекамъ [2]), М. Грекъ рѣшилъ возвратиться на родину и мѣстомъ своего новаго подвига избралъ Аѳонъ [3]), а именно Ватопедскій монастырь, считавшійся самой богатой и блистательной обителью Св. горы [4]).

XVIII.

Не видно, чтобы Максимъ Грекъ побывалъ на обратномъ пути даже въ Константинополѣ [5]). Можно поэтому удивляться, что константинопольская іерархія, постоянно имѣвшая сношенія съ Аѳономъ, не воспользовалась для своихъ цѣлей, скудныхъ вообще образовательными средствами, такой силой, какую представлялъ для нея М. Грекъ [6]). Но въ то время Аѳонъ имѣлъ еще другой интересъ, кото-

[1]) Сочин., I, 139—141, 144—146.

[2]) Сочин., I, 133, 138.

[3]) Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что пробылъ на Аѳонѣ около 10 лѣтъ („лѣта десять потрудился телеснѣ и душевнѣ", Сочин. II, 377). Въ Россію онъ прибылъ въ мартѣ 1518 г., слѣдовательно онъ могъ поселиться на Аѳонѣ въ 1508 г., вѣроятно вскорѣ по отъѣздѣ изъ Венеціи Альда Мануція (1506) и Ласкариса (1508). Въ такомъ случаѣ его выраженіе о Людовикѣ Моро: „въ Галлію былъ отведенъ, гдѣ и въ стрѣльницу нѣкую тверду затворенъ, животъ срамно скончалъ" и т. д. (Сочин., I, 429), что было въ 1500 г.,—должно относиться къ его заточенію, а не къ смерти (1510); въ противномъ случаѣ выраженіе о времени пребыванія на Аѳонѣ („лѣта 10") должно быть сокращено, такъ какъ едва ли слухъ о смерти Л. Моро могъ бы вскорѣ дойти до Аѳона.

[4]) Герцбергъ, 188. Въ немъ было до 300 человѣкъ братіи (Григоровичъ, Оч. путеш. по Европ. Турціи, стр. 51—52); Сказ. объ Аѳон. горѣ иг. Пантел. мон. Іоакима, 1560 (Чт. въ Общ. ист. 1846, № 4, с. 20). Полагаютъ, что на этотъ мон. могъ указать Максиму прежній его наставникъ І. Ласкарисъ, который былъ тамъ для пріобрѣтенія рукописей (Приб. къ Твор. св. отц., 23—24).

[5]) Сообщеніе подробнаго житія (Бѣлокуровъ, стр. XLIII—VIII) о поставленіи М. Грека въ діаконы, іереи и архимандриты, при участіи патріарха, плодъ фантазіи раскольничьяго писателя, привыкшаго окружать личности своихъ наставниковъ подобными почестями. М. Грекъ въ грамотахъ и сочиненіяхъ постоянно называется „инокомъ".

[6]) Въ его „житіяхъ" упоминается еще спутникъ его по Италіи—монахъ Даніилъ, но и онъ остался внѣ круга заботъ патріархіи. Между тѣмъ, по словамъ Крузія (Turcogr., p. 205), изучавшіе въ итальян. академіяхъ древній языкъ, начала философіи и богословіе отцевъ, возвратившись домой, учили тому же другихъ, не исключая, впрочемъ, и свѣтскихъ наукъ (pp. 27, 92, 430, 433; Хр. Чт. 1861, ч. II, отд. I и II, 242).

рымъ онъ могъ дорожить. Аѳонскіе иноки считались лучшими изъ монаховъ, между прочимъ по отзыву франц. путешественника Белона (1551 г.). Отсюда былъ взятъ, по народному избранію, преемникъ Геннадія—Исидоръ [1]). Аѳонъ считался высшей духовной школой. Въ его монастыряхъ подвизались многіе, учившіеся въ западныхъ академіяхъ, занимавшіе высшія іерархическія мѣста и церковные писатели (см. Рико. Lacroix [2]). Религіозно-философскія пренія и споры, волновавшіе византійское общество, волновали и Аѳонъ, а иногда отсюда исходили [3]). Аѳонъ издавна славился своими книжными сокровищами. На увеличеніе аѳонскихъ библіотекъ имѣло большое вліяніе паденіе Константинополя. Послѣ этого сюда стали передавать книги и рукописи, которыя еще уцѣлѣли отъ грабежа турокъ, и къ числу монастырей, наиболѣе богатыхъ рукописями, принадлежалъ Ватопедскій, которому достались собранія книгъ двухъ императоровъ, бывшихъ въ немъ монахами—Андроника Палеолога и Кантакузена [4]). Съ Аѳона, по порученію Л. Медичи, Іоаннъ Ласкарисъ вывезъ до 200 рукописей, преимущественно древнихъ [5]). Съ наступленіемъ турецкаго ига славянское литературное движеніе также поднялось... Хиландарь, Зографъ, Руссикъ, мон. св. Павла собираютъ остатки славянской письменности и въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ поддерживаютъ старыя литературныя преданія [6]). Библ. франц. канцл. П. Сегье, вошедшая потомъ въ составъ національн. библ. (подъ именемъ Коалена), въ значительной степени составилась изъ рукописей греческихъ и особенно аѳонскихъ монастырей и тамъ же пріобрѣтались рукописи для Кольбера [7]). Отсюда же вывезъ много рукописей во второй полов. XVII в. Арсеній Сухановъ, по порученію

---

[1]) И. Н. Малышевскій, Мелетій Пигасъ, I, с. 8.

[2]) Хр. Чт. 1861, II, 244—245; 1870, II, 970—971; Малышевскій, 80—81; Порфирій, О религ. нравст. сост. аѳон. обителей во время турец. владыч. (Чтен. въ Общ. люб. дух. просв. 1883, II).

[3]) К. Радченко, Религіоз. и литер. движ. въ Болг. передъ тур. завоев., К. 1898, 193—206. Болѣе дисциплинированную среду на Аѳонѣ объясняютъ значительнымъ числомъ братіи, принадлежащей къ молодымъ націямъ (Малышевскій, М. Пигасъ, 8—9).

[4]) Рус. Слово, 1863, № 8, с. 78. Н. Благовѣщенскій, Аѳонъ.

[5]) Bernhardy, Gesch. der griech. Liter., I, 633; E. Legrand, Bibl. hellénique, I, cxxxii—cxxxix.

[6]) Аѳонскіе акты и фотографич. снимки съ нихъ и пр. Т. Д. Флоринскаго. Спб. 1880, с. 2—3; Изв. Ак. Н. 1898, I, 131—134; Ист. опис. серб. цар. лавры Хиландаря, Леонида (Чт. въ Общ. ист. 1867, IV, 1—13).

[7]) В. Г. Васильевскій, Обз. трудовъ по визант. ист., 57—60; также: И. Соколовъ, Состояніе монаш. въ визант. церкви, 517—520.

патр. Никона, которыя (историч. и канонич. содержанія) были пріобрѣтены въ мм. Хиландарскомъ и св. Павла и до сихъ поръ сохраняются въ Синод. библ. въ Москвѣ и библ. Воскресенскаго Новоіерус. мон. [1]). Въ 1837 г. гр. В. П. Орловъ-Давыдовъ, во время путешествія по Востоку, пріобрѣлъ не мало замѣчательныхъ рукописей, б. ч. греческихъ на Аѳонѣ [2]) и А. С. Норовъ (1835—36)—славянскихъ [3]). Въ 1840 г. Миноидъ Минасъ открылъ тамъ собраніе басенъ Библіаса въ стихахъ, отрывокъ изъ 2-ой книги Полибія, отрывки изъ Девксиппа и Евсевія, изъ исторіи Приска, разсужденіе Галіена, недостававшее къ полному собранію его сочиненій, новый сборникъ Езоповыхъ басенъ съ его біографіей, разсужденіе о гимнастикѣ Филострата, комментаріи на разныхъ греческихъ поэтовъ, сборники правъ гражданскаго и каноническаго, грамматики и лексиконы [4]). В. И. Григоровичъ (1844) нашелъ на Аѳонѣ нѣсколько цѣнныхъ визант. памятниковъ (м. пр. хорошій списокъ Георгія Амартола) въ славянскомъ переводѣ и славянскихъ рукописей [5]). Здѣсь же находится большинство списковъ народныхъ хроникъ [6]). Далѣе слѣдуютъ находки архим. Порфирія, Антонина, Леонида, П. И. Севастьянова и др. [7]). По аѳонскимъ рукописямъ были напечатаны 45 неизданныхъ писемъ патр. Фотія, А. Пападопуло-Керамевсомъ (Спб. 1896 [8]), сказаніе иноковъ Комнена и Прокла о деспотахъ эпирскихъ (къ сожалѣнію Сборникъ, въ которомъ оно было помѣщено, сгорѣлъ въ 1820 г. во время пожара отъ нападенія Али-паши, при осадѣ Янины, гдѣ временно этотъ сборникъ находился); нѣсколько малыхъ лѣтописей, относящихся преимущественно ко времени взятія Константинополя [9]). По словамъ еп. Порфирія (1845—1846), кромѣ библіотекъ въ нѣкоторыхъ монастыряхъ Востока и *преимущественно аѳонскихъ, есть тайники*, наполненные богатѣйшими сокровищами для

---

[1]) Архим. Леонидъ, Славяно-рус. книгохранилища на Аѳонѣ (Чт. Общ. ист. 1875, I, 14, 29, 35); Славяно-серб. книгохран. въ мон. Хиландаря и св. Павла (ibid).

[2]) Библ. для Чтенія, 1837 г., № 2, с. 60—61.

[3]) Ж. М. Н. Пр. 1836, № 9, 529—551, опис. А. Х. Востоковымъ.

[4]) Ж. М. Н. Пр. 1843 г., ч. XL, Библ. монастырей Аѳонской горы, отд. VII, стр. 17; ср. 1845, ч. XLVI, отд. VII, 8—10.

[5]) В. И. Григоровичъ, Путешествіе, 17—18, 23.

[6]) Визант. Времен. 1898, I—II, 150.

[7]) Оп. рус. исторіогр., I, 1535, 1538.

[8]) Рецензія Э. Курца Виз. Вр., 187—198); Krumbacher Gesch. der byzant. Literat. 2 Aufl.

[9]) Ж. М. Н. Пр.1881 ; № 2, с. 163, примѣч. 169.

науки [1]). Рукописныя сокровища аѳонскихъ монастырей привлекаютъ вниманіе ученыхъ до позднѣйшаго времени. Труды Р. Курзона (1849), М. Гедеона (1885), С. Ламброса (1882, 1895), А. И. Пападопуло-Керамевса по каталогизаціи и изданію рукописей подтверждаютъ все значеніе рукописныхъ сокровищъ Аѳона, не смотря на рядъ постоянныхъ и систематическихъ извлеченій и расхищеній письменныхъ памятниковъ въ позднѣйшія столѣтія [2]).

Кромѣ схолій на древнихъ писателей, въ спискахъ относительно позднихъ и очень немногихъ рукописей съ классиками, большая часть его рукописей относится къ церковной и литургической литературѣ или имѣетъ значеніе для греческой литературы въ періодъ турецкаго владычества [3]). Многія изъ рукописей Аѳона отличаются замѣчательнымъ каллиграфическимъ искусствомъ и художественными миніатюрами. Не упоминаемъ о собственно славянскихъ рукописяхъ и архивахъ аѳонскихъ монастырей, совершенно (эти послѣдніе) не изслѣдованныхъ [4]). Еще въ 60-хъ годахъ одинъ путешественникъ замѣчалъ, что если бы собрать всѣ хранящіяся на Аѳонѣ книги въ одно помѣщеніе, то составилась бы библіотека, съ которой, по богатству рукописей, не

---

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1847, LV, 24—35. См. Порфирій, Аѳонскіе книжники—о греч. перевод., писат. и издателяхъ послѣ завоеванія Конст—ля (Чт. въ Общ. любит. древн. письм. 1883, I—двѣ статьи), и Ист. Аѳона. О книгѣ Мейера, Ист. Аѳона, рец. И. И. Соколова (Ж. М. Н. Пр. 1896, № 2); Монаш. республ. (Аѳонъ) Ист. Вѣст. 1903, №№ 6 и 7. Ph. Meyer, Die Haupturkunden für die Gesch. der Athosklostér, Leipz. 1894 (по рук. Аѳона). Терновскій, Акты Аѳон. Пантел. мон., К. 1873; Actes de l'Athos, V, Actes de Chilandar, publ. par. R. P. Louis Petit et B. Korablev, 1911 (прилож. къ XVII т. Визант. Врем., 368 стр.).

[2]) Ср. Путеш. Курзона по мон. Востока (Ж. М. Н. Пр. 1880, LXV, 48—52); рецен. катал. Ламброса, Дестуниса (ib. 1881, № 2, с. 166—171); Шестаковъ (Уч. зап. Казан. унив. 1897, № 12); Критич. отзывъ о книгѣ Саввы Хиландарца, Хиланд. рукоп. историч. книги, П. Сырку, собств. о славян. рукоп. (Изв. Ак. Наукъ, 1898, № 1, с. 131—141); А. Дмитріевскій, Путеш. по Востоку (Тр. Кіев. дух. ак. 1890, и отд., 149—168). Въ XIII и XIV вв. на ос. Патмосѣ монаст. библ. обладала значительнымъ количествомъ книгъ свѣт. писателей, но съ конца XIV в. число послѣднихъ сильно уменьшилось (Ж. М. Н. Пр. 1893, № 7, с. 268—269).

[3]) Ж. М. Н. Пр. 1881, № 2, 165. Въ 20 монастыряхъ, кромѣ Лавры и Ватопеда, насчитывается 5766 рукоп. (164). Въ I-мъ томѣ опис. рук. (1895) Ламброса описано свыше 4000 рук. (см. рец. Д. Шестакова, Уч. зап. Казан. унив. 1897, № 12, с. 1—18).

Аѳонъ потерпѣлъ два жестокихъ разоренія турками, но рукописи часто выручались за мелкую монету. Иногда и сами монахи жестоко обращались съ рукописями. Въ 1691 г. пожаръ истребилъ библіотеку Симоно-Петровскаго монастыря, съ довольно значительнымъ собраніемъ рукописей (245 рукописей).

[4]) Опытъ рус. исторіогр., I, 1529—1537.

сравнилась бы ни одна изъ европейскихъ библіотекъ, и что здѣсь заключается вся ученность христіанской Византіи и много книгъ, знакомящихъ съ бытомъ древнихъ [1]).

XIX.

Понятно, что если на Западѣ М. Грекъ предавался чтенію многихъ и различныхъ писаній, сложенныхъ внѣшними мудрецами, то на Аѳонѣ онъ могъ вполнѣ отдаться чтенію многочисленныхъ „христіанкихъ писателей" [2]), какъ самъ свидѣтельствуетъ о себѣ. Во время своего продолжительнаго пребыванія на Аѳонѣ, онъ могъ пріобрѣсть тѣ обширныя свѣдѣнія по церковной литературѣ, которыя доставляли ему впослѣдствіи богатый матеріалъ для его полемико-богословскихъ и обличительныхъ сочиненій, для которыхъ часто онъ не могъ (въ заточеніи) имѣть подъ руками необходимыхъ книгъ. Въ грамотахъ съ Аѳона [3]) на М. Грека также указывается какъ на искуснаго божественному писанію и на сказаніе (въ другой грамотѣ „къ толкованію и преведенію"—переводу) всякихъ книгъ и церковныхъ, и глаголемыхъ еллинскихъ, такъ какъ съ самой (младыя) юности въ нихъ возросъ и научился (наказася) въ нихъ со всѣмъ стараніемъ („добродѣтельнѣ"), не такъ, какъ кто нибудь другой только многочтеніемъ („многими почитаніями").

Безъ сомнѣнія уже здѣсь у него сложился вполнѣ тотъ религіозный взглядъ на міръ, на науку и въ частности философію, который онъ послѣдовательно и неуклонно проводитъ въ сочиненіяхъ, писанныхъ вскорѣ послѣ прибытія въ Россію и въ позднѣйшихъ своихъ трудахъ. И нельзя не отмѣтить, что главнымъ руководителемъ его въ этомъ отношеніи являются Богословіе и Діалектика Іоанна Дамаскина. Въ византійскихъ школахъ, какъ въ прежнее время, такъ и по завоеваніи Конст-ля основнымъ руководствомъ оставалась богословская система І. Дамаскина, доказательствомъ чего служатъ многочисленные списки его богословія на греч. языкѣ, писанные большею частью въ Конст-лѣ, послѣ взятія его турками, и хранящіеся въ различныхъ европейскихъ библіотекахъ [4]). Максимъ Грекъ называетъ І. Дамаскина

[1]) Рус. Слово, 1863, № 8, с. 75.

[2]) Сочин., I, 377. Ватопедскому мон. принадлежала лучшая изъ библіотекъ, въ которой сохранилось значительное собраніе соч. отцовъ церкви въ спискахъ IX—XII вв., и въ Синод. библ. находились рукоп. Аристотеля и его толкователей (патр. Геннадія), Плутарха, грам. Мосхопула и др., пріобрѣтенн. въ Ватопед. мон. и восходившія даже къ началу XVI в. (по опис. Маттеи).

[3]) Времен. Моск. Общ. ист., № 5, смѣсь, с. 33; Акты истор., I, № 122.

[4]) Христ. Чтен. 1861, ч. II, отд. I и II, с. 242.

„верхомъ философіи", мудрѣйшимъ и великимъ богословомъ и „отцомъ богословія" и считаетъ, что лучше его книги (Богословія) нѣтъ, если бы была она хорошо переведена; она подобна небесной красотѣ и пищѣ райской, слаще меда и сота [1]). Выше (стр. 128—129) мы указали на полное согласіе его взглядовъ съ основными положеніями „Діалектики" Іоанна Дамаскина вообще и относительно философіи въ частности, которое должно было еще болѣе укрѣпиться въ немъ подъ вліяніемъ изученія богословской, полемической и аскетической литературы, процвѣтавшей на Аѳонѣ. Необходимо впрочемъ прибавить, что І. Дамаскинъ пользовался большимъ уваженіемъ и на Западѣ, причемъ самъ Ѳома Аквинатъ познакомилъ съ его Діалектикой въ латин. переводѣ, называя І. Д. отцомъ схоластики.

Нельзя не замѣтить также близкаго сродства между религіозно-нравственными идеями Максима Грека и представителей ранняго гуманизма, хотя бы Петрарки и особенно Салютати (род. 1331 г.) по такимъ вопросамъ какъ отношеніе Творца къ міру, дѣйствія Промысла (особенно въ признаніи опасности астрологіи для спасенія души), признаніе свободной воли, значеніе аскетизма и его носителя—монашества, отношеніе къ мнѣніямъ древнихъ философовъ съ религіозной точки зрѣнія, грѣховность міра, необходимость спасенія въ предѣлахъ церкви, конечно католической, и т. п., въ трактатахъ Салютати: „De Fato et Fortuna" и „De Seculo et Religione" [2]); но это вытекало изъ общаго, присущаго имъ средневѣковаго міросозерцанія, которое у первыхъ въ дальнѣйшемъ развитіи подчинилось вліянію эпохи, а у Максима Грека, свидѣтеля болѣе поздняго гуманизма и, быть можетъ, въ значительной степени подъ вліяніемъ преобладающихъ отрицательныхъ явленій, возвратилось къ своему источнику—отцамъ Восточной церкви.

XX.

Максимъ Грекъ не оставался на Аѳонѣ безвыходно. По порученію Ватопедскаго монастыря, („по повелѣнію преподобныхъ отецъ"), онъ ходилъ за милостынею, причемъ прибавляетъ, что, куда ни посланъ былъ, православную вѣру даже предъ самыми вельможами свѣтло проповѣдалъ и не былъ заключенъ въ оковы и въ темницы, ни моримъ голо-

[1]) Сочин., III, 66, 210, 227, 233.

[2]) М. Корелинъ, Ранній итальянскій гуманизмъ, 617, 785—815. Крайней испорченности Салютати, подобно Руссо, противопоставляетъ идеалъ естественнаго состоянія, которое онъ рисуетъ такими же красками и съ такимъ же одушевленіемъ (797).

домъ, холодомъ и дымомъ, какъ случилось со мною здѣсь праведными судьбами божіими, по множеству, вѣроятно грѣховъ моихъ, но никакъ не за какую либо ересь, и былъ отпущенъ во Св. гору писалъ, онъ впослѣдствіи[1]). Повидимому эта миссія его, въ тяжелыхъ тогдашнихъ условіяхъ грековъ, была довольно сложной, но онъ заявлялъ себя, какъ всегда прямотой дѣйствій, мужествомъ слова и, судя по логическому построенію мысли, внушительностью рѣчи. Подъ вліяніемъ западныхъ теченій и частыхъ сношеній съ Италіей и дѣятельности католическихъ миссій на Востокѣ,—а съ другой стороны отступничества подъ напоромъ магометанства, о чемъ свидѣтельствуетъ самъ М. Грекъ, ему приходилось „и передъ самыми такъ наз. вельможами православную вѣру свѣтло и безъ опасенія проповѣдать, будучи просвѣщеннымъ и укрѣпленнымъ благодатію божественнаго Параклита“ [2]). Соприкосновеніе съ славянскимъ элементомъ въ такихъ случаяхъ было неизбѣжно. Поэтому, хотя въ посланіи игумена и замѣчается, что онъ русскаго языка не знаетъ, кромѣ греческаго и латинскаго, однако въ сказаніи о прибытіи М. Грека въ Москву сообщается, что онъ, при переводѣ Псалтири „несовершенно“ славянскій языкъ „грамматическою хитростью зналъ“ [3]). И М. Грекъ о себѣ говоритъ, что онъ (при переводѣ Тріоди) тогда несовершенно научился русской бесѣдѣ („вашей“) и не зналъ „различія реченій“ [4]). Ученикъ же М. Грека Зиновій выражается, что М. Грекъ, приступая къ переводу Псалтири, „русскій языкъ мало разумѣлъ“ [5]). Это наводитъ насъ на другую мысль. По замѣчанію В. И. Григоро-

---

[1]) Сочин., II, 365. Мѣсто это вызываетъ объясненія. Полагаютъ, что онъ ходилъ за милостыней на острова греческихъ морей, находившихся подъ властью венеціанцевъ, и тутъ имѣлъ возможность поддержать ихъ въ отеческой вѣрѣ, противодѣйствуя латинской пропагандѣ и вступая съ латинами—миссіонерами въ пренія, по незнанію языковъ, кромѣ греческаго и латинскаго (Голубинскій, 675); но, быть можетъ также и въ Македонію (см. текстъ). Въ печатномъ текстѣ (Солов. б.) и др. (Лавр.) усматриваютъ пропускъ послѣ словъ „вельможами глаголемыхъ“, а въ Синод. сп. послѣ нихъ стоитъ слово „ляхъ“, почему допускаютъ возможность его сношеній съ поляками (Приб. къ Твор. св. отц.), но неправильное сочетаніе словъ легко объясняется конструкціей рѣчи Максима Грека, а прибавка „ляхъ“ могла явиться, какъ объясненіе въ смыслѣ „латинянъ“.

[2]) Сочин., II, 364—365. Къ Параклиту онъ обращается и въ другихъ случаяхъ, и во время заточенія въ Волоколамскомъ мон., какъ и Іер. Савонарола.

[3]) Москвитянинъ, 1842, № 11, с. 46; Бѣлокуровъ, xxxv.

[4]) Сочин., I, 33, 34.

[5]) Истины показаніе (Прав. Соб. 1863, II отд., с. 53).

вича, въ XIV и XV ст. славянскій элементъ на Аѳонѣ, при существованіи русскаго (Пантелеймонова) и сербскихъ и болгарскихъ монастырей, пріобрѣлъ даже перевѣсъ [1]). Если М. Греку приходилось жить, а затѣмъ и выполнять возлагаемыя на него порученія среди значительнаго славянскаго (болгарскаго) населенія, то онъ долженъ былъ ознакомиться съ его разговорнымъ языкомъ. Кромѣ того, вмѣстѣ съ нимъ отправлялись въ Россію старцы (т. е. монахи) Лаврентій болгаринъ и бывшій игуменъ (проигуменъ) рус. св. Пантелеймонова мон. Савва [2]), съ которыми онъ долженъ былъ дѣлить свой продолжительный путь и которые могли оказывать ему необходимую помощь въ сношеніяхъ. Отсюда для насъ пріобрѣтаетъ особенное значеніе то, что М. Грекъ несомнѣнно зналъ славянскій языкъ и раньше, но зналъ собственно церковно-славянскій языкъ болгарскаго извода, чѣмъ и объясняется то, что въ его переводахъ встрѣчаются обычныя среднеболгарскія формы и что въ дошедшемъ до насъ несомнѣнномъ автографѣ М. Грека наблюдается и обычная среднеболгарская скоропись, а такъ какъ онъ просматривалъ и поправлялъ переводы своихъ помощниковъ, то и въ этихъ переводахъ встрѣчаются типичныя для М. Грека среднеболгарскія формы [3]). Повидимому М. Грекъ былъ хорошо знакомъ съ южно-славянскими богослужебными текстами [4]). Какъ полагаютъ, ему приходилось, до пріѣзда въ Москву, читать и писать пославянски, подъ руководствомъ болгаръ, и что, живя на Аѳонѣ, онъ порядочно владѣлъ славянскимъ языкомъ, употреблявшимся у болгаръ. И въ грамотѣ игумена, обращенной къ вел. князю, собственно говорится о незнакомствѣ М. Грека съ русскимъ языкомъ [5]). Поэтому неудивительно, что спустя нѣсколько лѣтъ, ученикъ его монахъ Сильванъ называетъ уже

---

[1]) Очеркъ путешествія, 79—80.

[2]) П. С. Р. лѣт., VI, 261; Никон. лѣт., VI, 212.

[3]) Сообщ. А. И. Соболевскаго (Отч. И. Общ. люб. древн. письм. 1901—1902, с. 11—12); ср. замѣчанія Литер. Вѣстн. 1902, № 6, с. 162 и автографъ греч. Псалтири, пис. М. Грекомъ въ 1540 г., во время заточенія въ Твери для іерод. Веніамина, принадлежавшій потомъ попу Сильвестру, а теперь хранящ. въ библ. Спб. духов. акад. (Соф., № 78), въ которомъ оглавл. псалмовъ, небольшое число замѣтокъ на поляхъ и нѣсколько пѣсней въ концѣ—писаны пославянски. Эти славян. приписки весьма важны для ознакомленія съ знаніемъ славян. яз. М. Грекомъ (подробности см. А. И. Соболевскій, Переводн. литер. моск. Руси, стр. 261—263).

[4]) Указанія И. В. Ягича (Изслѣд. по рус. яз., I, Спб. 1895 г., с. 587—588).

[5]) А. И. Соболевскій, Переводн. литер., 263. Замѣчаніе того же автора о переводахъ на *русскій языкъ*, какъ значится въ переводахъ XIV—XV в., и по выраженію самого М. Грека о своихъ переводахъ (36—37).

М. Грека „велми мудрымъ во всѣхъ трехъ языцѣхъ, въ еллинскомъ, римскомъ и сладчайшемъ мнѣ русскомъ“ [1]), но, конечно, какъ увидимъ, не вполнѣ.

Отправляясь въ путь, М. Грекъ взялъ съ собой и нѣкоторыя книги. О греческихъ онъ неоднократно упоминаетъ самъ [2]). Быть можетъ книга Ѳеодорита Киррскаго, изъ-за перевода которой произошло у него неудовольствіе съ м. Даніиломъ, принадлежала ему же [3]), и если онъ просилъ у близкаго къ м. Макарію лица (ок. 1551 г.) доставить ему на подержаніе греч. книгу Григорія Богослова съ толкованіемъ [4]), то вѣроятно потому, что, при участіи вліятельнаго лица, онъ сможетъ хотя бы временно воспользоваться отобранной у него собственной книгой. Въ нѣкоторыхъ спискахъ Хронографа ред. XVII в. приводится разсказъ „О гигантахъ и огненной крадѣ“ съ небольшими измѣненіями, какой помѣщенъ въ Еллин. лѣт., причемъ сдѣлана замѣтка: „выписано изъ лѣтописныя книги Максима Грека“, почему полагаютъ, что здѣсь рѣчь идетъ объ Еллинскомъ лѣтописцѣ, принадлежавшемъ М. Греку [5]). Поэтому весьма вѣроятно, что съ нимъ были и др. болѣе важныя произведенія отцовъ и писателей церкви и справочнаго характера, безъ которыхъ онъ не могъ бы обходиться въ Россіи, когда еще затруднялся обращаться къ переводной литературѣ, о которой притомъ онъ былъ не высокаго мнѣнія [6]). О спискѣ повѣсти „Стефанитъ и Ихнилатъ“, бывшемъ въ библіотекѣ П. Г. Демидова († 1821), замѣчено, что книга эта принесена изъ Греціи Максимомъ Грекомъ, святыя горы инокомъ, быть можетъ изъ почтенія его къ имени І. Дамаскина, которому приписывали это произведеніе. Во всякомъ случаѣ это показываетъ, что съ нимъ были и славянскія книги.

Максимъ Грекъ часто ссылается на Григорія Богослова (Сочин., I, 281, 297, 313, 315, 332, 348, 353, 410; II, 163, 290; III, 256); І. Златоуста (I, 218, 270, 295, 320, 348, 353, 412, 454, 466; II, 387; III, 59); Діонисія Ареопагита (I, 250, 251, 253, 281, 297, 300; II, 220, 222); І. Дамаскина (I, 179, 325, 362, 387, 419, 420, 481; II, 62; III, 66, 227); Августина Блаж. (I, 346, 419, 420.

---

[1]) Изслѣд. по рус. яз., I, 628.

[2]) Сочин., II, 419.

[3]) Ibid., 372; III, 255.

[4]) Ibid., II, 386.

[5]) Поповъ, Обз. хроногр., I, 9 примѣч.

[6]) Такъ, о богословіи І. Дамаскина онъ замѣчаетъ. „Что же лучше книги Дамаскиновы, если бы прямо переведена была и исправлена“ (III, 227).

434); Василія Великаго (I, 344, 348, 353, 407); Кирилла Алекс. (I, 255, 269); патр. Фотія (I, 289; II, 351); Исидора Пелусіота (I, 270; III, 59, 95); Аѳанасія Вел. (Бесѣды ко кн. Антіоху, III, 227, 234); Іустина Философа (I, 528); Синтагму Матѳея Властаря (I, 360, 361; III, 118), переводъ которой, заказанный Иваномъ Грознымъ въ Молдавіи, прибылъ въ Москву лишь въ 1560 г. (Труды III-го Арх. съѣзда, II, 259, 309; Бѣлокуровъ, О библ. моск. госуд., 319); на Минеи Симеона Метафраста (судя по переводамъ); Номоканонъ съ толков. Вальсамона (I. 520, 521; II, 201, 256, III, 118); на Іеронима Блаж. (III, 214).—Можно полагать, что по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ упоминаемыхъ имъ произведеній византійской литературы были въ его распоряженіи (А. И. Соболевскій, Переводн. литер., 264; замѣчанія, какія книги могъ привезти съ собой, м. прочимъ изданія Альда Мануція см. Бѣлокуровъ, 302—304); на Церковную исторію Никифора Каллиста, Библіотеку патріар. Фотія (Сочин. II, 307,), Лексиконъ Свиды (III, 283—284), который, какъ полагаютъ, могъ быть въ изданіи миланскомъ (1499) или Альда (1514), но, по времени пребыванія М. Грека въ Италіи, скорѣе въ первомъ. Изъ Свиды заимствованы статьи о Мельхиседекѣ, Авраамѣ, Оригенѣ, Кремѣ, ц. болгарскомъ, объ Орѳеѣ и Сивиллахъ (I, 114—115, 176, 196; III, 131, 281); объ архистратигѣ и Велисаріѣ; объ Аннѣ, Каіафѣ, Пилатѣ (III, 238), о рахманахъ, объ Іовѣ, о Серухѣ, о Пафнутіѣ (259), объ Антіохѣ (49), о вонлѣ Содома и Гоморры и о исинахъ (III, 53), о монетахъ и вѣсахъ (III, 283), о драгоцѣнныхъ камняхъ (284); характеристика нѣк. писателей, кас. толкованія Псалтири (I, 196 и д.); разсказы о Левіаѳанѣ по Исидору Испалійскому (III, 278) и др. естественно-историческія описанія, читанныя въ разныхъ сборникахъ сказаніяхъ (Соч., III); есть историческія повѣствованія, кас. древней исторіи, заимствованныя изъ греческихъ и римскихъ писателей (I, 68—70, 448, III, 12, 49, 278 и др.). См. также А. И. Соболевскаго (Перевод. литер., 275—278); и замѣч. А. А. Покровскаго (Труды. Археол. ком., III, 27—28); С. А. Бѣлокуровъ (Библ. М. госуд., ccLxxxix и cccii); о Стефанитѣ и Ихнилатѣ библ. Демидова (Чт. Общ. ист. 1846, № 2, стр. 28; ср. Пыпинъ, Очеркъ литер. ист. повѣстей и сказокъ, Уч. зап. Ак. Н. по II отд., IV, 138); по разн. списк. изд. съ предисл. Тихонравова, Общ. люб. древ. письм., Стефанитъ и Ихнилатъ, Спб. 1880—81, 25†81; о немъ С. Смирнова (Филол. Зап. 1879, в. III) и А. В. Рыстенка (Лѣтоп. Истор. фил. Общ. при Новорос. ун., по визант. отдѣл. VII, 237—280).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Сношенія Москвы съ Турціей и Крымомъ.—Прибытіе Максима Грека въ Россію.—Его назначеніе.—Защита правъ патріарха.—Обзоръ великокняжеской библіотеки.—Переводная дѣятельность М. Грека.—Критическое отношеніе его къ прежнимъ переводамъ.—Требованія М. Грека отъ переводчиковъ и исправителей книгъ.—Значеніе М. Грека въ исторіи русской письменности.—Недовольство, вызванное его исправленіями.

I.

Торговые интересы значительно облегчили сношенія Россіи съ Востокомъ. Такимъ образомъ Крымъ и Константинополь снова дѣлаются обычными мѣстами посѣщенія русскими съ церковными и торговыми цѣлями. Иванъ III дружилъ съ Менгли-Гиреемъ и находился съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ. Черезъ Крымъ проѣзжали въ Москву итальянцы и тѣмъ же путемъ возвращались на родину [1]). Въ свою очередь, и послы московскіе стали ѣздить въ Италію черезъ Крымъ для найма мастеровъ [2]), такъ какъ черезъ Польшу ихъ не охотно пропускали на Западъ. Иванъ III имѣлъ въ Крыму постоянныхъ посредниковъ и повѣренныхъ, которымъ поручалъ вести свои дѣла, даже семейнаго характера [3]), какъ сватовство сына къ дочери мангупскаго князя [4]). Кафа (Ѳеодосія) служила обыкновеннымъ мѣстопребываніемъ московскихъ гостей, которые часто терпѣли здѣсь насилія и грабежи, но торговые интересы влекли сюда болѣе предпріимчивыхъ людей [5]).

---

[1]) Сборн. И. Р. И. Общ., т. XLII, 47, 158—165, 216, 309, 451—452, 558.

[2]) Посольство Мануила Ралева (ib. 80) и вторично съ Карачаровымъ (375—376, 424, 431—441, 446 и др.).

[3]) Ibid., 6—7, 40—50 (Исупъ, шуринъ Хози-Кокоса, консула Кафы; К. пишетъ грамоту вел. князю „жидовскимъ письмомъ“ и покупаетъ драгоцѣнные камни); сватовство (12—13); 28, 40—54 (гость Асанъ-Хозя), 434, 442 (Якши, сынъ Хозинъ, толмачъ), 231, 236, 284, 296, 299, 357, 418—419—армяне. Гость евр. Зах. Скарія (41, 45, 71).

[4]) Мангупъ было независимое греческое владѣніе, завоеванное турками въ 1475 г., вмѣстѣ съ Крымомъ. Крѣпость эта возвышалась надъ Айтодорской долиной (П. Кеппенъ, Крымъ 96, 261—270, 281—290).

[5]) Сборн., 8, 12, 47—54, 226, 229, 304, 406, 408—410; 76—77, 114, 236, 296, 297, 322, 335, 393—394; 235—236, 297; 411. Изъ одного итальян. акта видно, что въ 1470 г., по пути изъ Москвы, были ограблены кафинскіе купцы казаками, татарскими или рязанскими (Кіев. Стар. 1904, № 3, с. 135—136). Въ 1500 г. не могъ проѣхать посолъ Баязета Камалбехъ, такъ какъ поле было нечисто (Сборникъ, XLI, 322, 329—334); а возвращавшійся русскій посолъ А. С. Кутузовъ былъ убитъ азовцами (ib., 417—419).

Съ 1484—1491 г. Иванъ III постоянно сносился съ там. кн. Захаріей (Схарія Гуилъ Гуресъ) и отправлялъ къ нему пословъ съ разными порученіями [1]). При Василіѣ Ивановичѣ сношенія съ Крымомъ продолжались: ханъ Менгли-Гирей называетъ его, какъ и отца, своимъ „другомъ и братомъ“ [2]). Первое время сношенія эти поддерживались и при Магметъ—Гиреѣ. Продолжались дружественныя сношенія и съ Турціей, въ которыхъ торговые интересы выступаютъ на первый планъ, хотя они сопряжены были съ большими случайностями въ степи, въ Крыму и въ самой Турціи, часто вопреки установленнымъ условіямъ о защитѣ и покровительствѣ торговымъ людямъ. О посольствѣ къ султану Селиму I, въ связи съ дѣломъ Максима Грека, мы упоминали выше. Выполнивъ порученіе, Коробовъ возвратился въ Москву въ февралѣ 1516 г. [3]).

Посольство не долго оставалось на Аѳонѣ, такъ какъ, по донесеніямъ изъ Крыма, уже въ іюнѣ ихъ ожидали обратно. По выполненіи своей миссіи, послы отбыли тѣмъ же путемъ на Конст-ль. Въ августѣ они были уже въ Кафѣ [4]). Изъ времени ихъ путешествія извѣстно еще о пребываніи въ Перекопѣ, гдѣ останавливались посланные по своимъ дѣламъ [5]). Максимъ Грекъ, по поводу своего пребыванія здѣсь, воспользовался впослѣдствіи однимъ татарскимъ обычаемъ, видѣннымъ имъ, для своего обличенія [6]), о чемъ скажемъ ниже. По тогдашнему опасному пути обыкновенно послы и купцы ѣздили вмѣстѣ. Такимъ образомъ, кромѣ пословъ и названныхъ выше лицъ („ѣдетъ къ тебѣ государь Максимъ Грекъ старецъ самъ-третей“ и т. д. и „митрополитъ самъ-другъ отъ патріарха“), съ послами отъ крымскихъ царицъ и царевенъ съ провожатымъ отправились въ путь 17 чел. и торговый человѣкъ кафинецъ [7]). Впослѣдствіи Максимъ Грекъ писалъ, что онъ

[1]) Ibid., 71, 77, 114, 309. Въ 1739 г. копія переписки Ивана III съ там. кн. Схаріей была представлена въ Кабинетъ (73). Еврей, предлагавшій свои услуги—Мусафей (352). У Ивана III врачемъ былъ Леонъ жидовинъ, изъ Венеціи (Врем. М. О. ист., XVI. 21). Ф. Брунъ (Тр. Арх. с. 385; М. Бережковъ, Изв. Тавр. к., № 21).

[2]) Ibid., 532, 555—557.

[3]) П. С. Р. лѣт. VI, 257; Сборн. И. Р. И. общ., с. 229 и д. Варавинъ, по дѣламъ вел. князя, оставаяся еще въ Константинополѣ (Никон. лѣт. VI., 205).

[4]) Сборн. И. Р. И. общ., №№ 25, 27, с. 441. Обычный путь изъ Москвы лежалъ на Рязань, Азовъ и Кафу.

[5]) Ibid., № 27, с. 474.

[6]) Сочин., III, 174. Въ то время здѣсь жилъ ханъ М. Гирей.

[7]) Сборникъ, № 29, с. 495—496. О посланныхъ отъ патріарха (см. в., стр. 43), по этому выражено „самъ-другъ“). Отъ Ватопедскаго мон. посылались: Максимъ Грекъ, священно-инокъ Неофитъ—грекъ и Лаврентій болгаринъ (почему сказано самъ-третей) и кромѣ того отъ русск. Пантелейм. м. отправился проигуменъ Савва (быв. игум.).

въ пути много трудовъ и бѣдъ претерпѣлъ пока достигъ Москвы [1]). Въ началѣ 1518 г. караванъ выѣхалъ изъ Крыма.

II.

Пребываніе посольства въ Константинополѣ должно было сблизить Максима Грека съ патріархомъ, который, воспользовавшись этимъ случаемъ и съ своей стороны послалъ еще двухъ лицъ, прося о помощи „матери своей великой церкви" (мѣс. іюля, индикта 4, см. выше стр. 43). Игуменъ Пантелеймонова мон. Паисій, въ свою очередь, сообщалъ, что Аѳонъ терпитъ страхъ отъ морскихъ злодѣевъ и требуетъ возстановленія разрушенныхъ зданій и стѣнъ; онъ просилъ, чтобы государь исходатайствовалъ у турецкаго султана освобожденіе монастыря [2]) отъ десятины и приносилъ благодарность за прежнюю милость, которая состояла изъ 5 сороковъ соболей и 5 тысячъ бѣлокъ.

Патр. Ѳеолиптъ IV (изъ митр. Янины, 1514—1520) не отличался нравственными качествами [3]). Онъ первый изъ патріарховъ испросилъ себѣ бератъ на утвержденіе въ должности, чѣмъ поставилъ патріархатъ въ особенную зависимость отъ султана, но тѣмъ самымъ хотѣлъ оградить себя отъ случайностей избранія. Обличенный въ совершеніи „плотскаго грѣха", онъ подпалъ подъ конецъ суду собора, но скончался прежде окончанія процесса [4]). Заботы о матеріальной обезпеченности патріархіи всегда составляли существенную сторону въ сношеніяхъ ея съ подчиненными церквами, а представители церкви, присылавшіеся изъ Константинополя, весьма ревностно собирали взносы, которые направляли въ Константинополь. Такъ, наѣздъ м. Ѳеогноста на Новгородъ обошелся дорого послѣднему и вызвалъ неудовольствіе лѣтописца [5]). Не смотря на отдаленность, въ Новгородъ являлись греч. духовныя власти за милостынею (см. годы 1376, 1394, 1397). Въ 1395 г. новгородцы грозили даже принять латинство, если патріархъ будетъ

---

[1]) Сочин., II, 376.

[2]) Три грамоты митр. Варлааму (патр., игум. Ватопед. мон. Анѳима, и Паисія, игум. Пантелейм. мон.) и двѣ вел. князю (игум. Паисія и братіи Ватопед. мон.). См. Акты историч., I, №№ 121, 122, 123 и Времен. Моск. Общ. ист., № 5, смѣсь; А. Н. Муравьевъ (Снош. Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церков., I, 24—33, всѣ пять грамотъ).

[3]) Въ „Каталогѣ патріарховъ" о немъ замалчивается (Хр. Чт. 1862 № 6, с. 623).

[4]) А. Лебедевъ, 253, 264—265. Въ лѣтописи относительно пословъ патріарха, прямо сказано, что они прибыли бить челомъ о вспоможеніи „милостыни ради" (П. С. Р. Л., VI, 261; VIII, 263; Никон. лѣт. VI 212). Впослѣдствіи, м. Даніилъ, укоряя М. Грека въ неблагодарности, выражался: „пошли есть отъ св. горы изъ Турской державы милостыни для" (Чт. въ Общ. ист. 1847, № 7, с. 4).

[5]) Новгор., Соф., Воскрес. лл. (1341).

продолжать поддерживать требованія митрополита (Кипріана [1]). Патр. Матоей писалъ тому же Кипріану, что „подаваемое на защиту св. града важнѣе, чѣмъ литургіи, милостыня бѣднымъ, искупленіе плѣнныхъ, построеніе храма или нѣсколькихъ монастырей“ [2]),—языкъ, какимъ умѣли говорить только папы. Въ особенности этотъ сборъ являлся необходимымъ съ конца XIV в., когда Византія стала платить дань туркамъ, и въ этомъ случаѣ особеннымъ усердіемъ отличались лица, присланныя изъ Константинополя (Кипріанъ, Фотій [3]). Въ 1398 г. много серебра было отослано въ Конст-ль отъ вел. князя Василія Дмитріевича, Михаила тверскаго, Олега рязанскаго, Витовта литовскаго, отъ монастырей, духовенства, купцовъ и народа, за что оттуда прислали иконы и мощи [4]). Такимъ образомъ русская митрополія обратилась въ своего рода казну для константинопольскаго двора. Западно-русскіе епископы, при возведеніи Григорія Цамвлака въ митрополиты (1416), открыто заявляли, что въ Конст-лѣ ставятъ митрополитомъ того, кого велитъ императоръ [5]). Постоянная смѣна митрополитовъ въ Россіи за этотъ періодъ (отъ митр. Петра—до Іоны), низведеніе однихъ, избраніе другихъ и совмѣстное назначеніе нѣсколькихъ—свидѣтельствують, что въ Константинополѣ боролись разные интересы и партіи. Изъ существующихъ данныхъ оказывается, что многіе изъ нихъ принуждены были, для достиженія цѣли, прибѣгать къ подкупамъ, а за неимѣніемъ средствъ занимать въ Константинополѣ большія суммы въ счетъ будущихъ благъ (Романъ, Пименъ, Кипріанъ, Діонисій, архіеп. Өеодоръ [6]). Вотъ почему съ ихъ стороны впослѣдствіи возникали настойчивыя требованія пошлинъ и дани. Въ особен-

---

[1]) Полн. Собр. рус. лѣт., IV, 92.

[2]) Acta patr., II, 359—361; Рус, Ист. библ., VI, 311—316.

[3]) Митяй, отправляясь въ Конст-ль, забралъ съ собою всю митроп. казну (Никон. лѣт., IV, 74); архим. Нифонтъ, собравъ милостыню въ Россіи, добылъ себѣ на эти деньги санъ іерус. патріарха (Карамзинъ, V, прим. 127). По словамъ м. Фотія, онъ (послѣ Кипріана) засталъ церковную казну пустою, и все-таки, какъ грекъ, настаивалъ, чтобы вел. князь послѣ его смерти отправилъ все, что онъ успѣлъ собрать для той же цѣли, въ Конст-ль и на Аөонъ (П. С. Р. Л., VI, 47). О постоянныхъ сборахъ въ Россіи (Карамзинъ, V, прим. 123 и 127). Какія значительныя приношенія отправлялись иногда и мѣстными епископами, см. грамоту твер. еп. Нила о пожертвованіяхъ, назначенныхъ для патр. Пахомія (Древн. Рос. Вивл., т. VI). Нилъ также грекъ († 1521) и родственникъ Георгія Еман. Траханіота (П. С. Р. Л., IV, 244).

[4]) П. С. Р. Л., IV, 228; VI, 147; VIII, 71; Никон. л., IV, 272.

[5]) Акты Запад. Россіи, I, № 24.

[6]) Ibid., и Макарій, IV, кн. I, 41; V, кн. II, 297, 299.

ности памятно всѣмъ было дѣло Митяя и Пимена. Пр. Макарій справедливо сомнѣвается, чтобы въ Конст-лѣ не знали обмана [1]), и однако Пимену удалось получить митрополію. Онъ съ своими сторонниками—боярами, бывшими въ свитѣ Митяя, занялъ на имя вел. князя, у восточныхъ и итальянскихъ купцовъ до 20000 р. серебромъ, чтобы раздать кому слѣдуетъ; всѣ деньги и богатые дары были розданы, и однако „едва могли они удовлетворить всѣхъ“ [2]). Наканунѣ Флорентійскаго собора патр. Іосифъ разсуждалъ со своими приближенными о томъ, какъ хорошо было-бы созвать соборъ не въ Италіи, а въ Константинополѣ. Главное затрудненіе заключалось въ финансовыхъ средствахъ, необходимыхъ для содержанія западныхъ богослововъ, на что потребовалось-бы до 100000 аспровъ. Интересна раскладка этой суммы на членовъ восточной церкви, которую предлагалъ собрать патріархъ. Архіепископы грузинскій и сербскій, по его мнѣнію, могли-бы внести по 2000 аспровъ; восточные патріархи по 2000 или по крайней мѣрѣ по 1000 флориновъ; изъ богачей константинопольскаго патріархата—одни 100, другіе 600, иные 300 и 100 аспровъ; но одинъ русскій митрополитъ могъ-бы привезти всю сумму (т. е. 100000 аспровъ [3]). „Отсюда можно заключать, какъ справедливо замѣчаетъ пр. Макарій, что русская митрополія считалась богатѣйшею изъ всѣхъ митрополій и епархій вселенскаго патріархата, и что отъ русскихъ митрополитовъ въ Конст-лѣ привыкли ожидать огромныхъ приношеній и пожертвованій. *„Не здѣсь-ли скрывается самая тайная, но и самая главная причина, почему патріархи такъ долго и такъ упорно держались обычая назначать въ Россію митрополитовъ-грековъ, изъ числа своихъ приближенныхъ“* [4]). Планъ Іосифа не состоялся; соборъ былъ созванъ въ Италіи. Назначеніе же, въ этотъ періодъ, двухъ такихъ представителей церкви, какъ Фотій (см. в., стр, 47) и Исидоръ, на котораго возлагались надежды въ успѣхѣ уніи, лучше всего показываетъ, что въ Константинополѣ рѣшились прибѣгнуть къ крайнимъ средствамъ, которыя привели, однако, къ полному отдѣленію русской митрополіи. И патр. Ѳеолиптъ воспользовался предстоящимъ случаемъ, чтобы поправить финансовыя обстоятельства своего патріархата. Но въ Византіи церковное подчиненіе обыкновенно связывалось съ политическимъ, какъ относительно славянъ, такъ и Россіи [5]).

---

[1]) Макарій, IV, кн. I, 69.

[2]) П. С. Р. Л. VIII, 31, 32. Никонов. лѣт. IV, 75, 76.

[3]) Остроумовъ, Ист. Флорент. собора, Москва, 1847, 23—24.

[4]) Макарій, V, кн. II, 286. Замѣчанія еп. Порфирія о позднѣйшихъ стремленіяхъ восточ. патріарховъ (Дневн. I, 597—98, 636, 677—79).

[5]) В. И. Ламанскій (Славян. Сборн., I, 426—436).

III.

Еще на патріаршемъ Синодѣ 1171 г. (при импер. Мануилѣ Комненѣ), на которомъ присутствовалъ и русскій митр. Михаилъ III, установлена была присяга для архіереевъ передъ императоромъ и его наслѣдникомъ, впослѣдствіи вышедшая изъ употребленія [1]). На ектиніяхъ обыкновенно имена императора и патріарха предшествовали именамъ князей, и самъ патріархъ (Антоній IV), въ посланіи къ вел. кн. Василію Дм., указывалъ (1393 г.) на императоровъ, какъ обладающихъ всею полнотою власти относительно князей („святой царь занимаетъ высокое мѣсто въ церкви; онъ не то, что другіе помѣстные князья и государи“ и т. д. [2]). Патріархъ съ укоризною обращается къ вел. князю по поводу запрещенія поминать „божественное имя царя въ диптихахъ“ (и говоритъ: „мы-де имѣетъ церковь, а царя не имѣемъ и знать не хотимъ,—это нехорошо“). Въ понятіяхъ византійскаго оффиціоза русскій великій князь трактовался всего только въ качествѣ *стольника* византійскаго императора [3]). Въ половинѣ XIV в. султанъ египетскій именуетъ конст. императора: rex Graecorum, Bulgarorum, Asoniorum, Blachorum, Rhussorum et Alanorum [4]). Воспользовавшись замѣшательствами въ Византіи и церковной уніей съ Римомъ, московскій князь рѣшился осуществить давно желанное отдѣленіе русской митрополіи отъ патріарха; но и тутъ съ извиненіями за самовольное дѣйствіе, учиненное безъ сношенія („не обославъ“) и съ увѣреніями о повиновеніи [5]), добиваясь получить каноническое утвержденіе совершившагося факта, тѣмъ болѣе, что среди выдающихся церковныхъ дѣятелей были противники этого новшества (Пафнутій Боровскій [6]). Вел. князь (Василій Вас.) встрѣтилъ поддержку своему дѣлу на Аѳонѣ, откуда прислали посланіе съ одобреніемъ по-

---

[1]) Визант. Времен. 1895, III, 390; 1898, III, 583—584. Ср. замѣчаніе Ѳ. И. Успенскаго объ отношеніи Византіи къ иноплеменному населенію и причинахъ распространенія магометанства и католицизма на Балканскомъ полуостровѣ (Ист. Византіи, VII) до позднѣйшаго времени.

[2]) Рус. Историч. библ., VI, 265—275; Acta patr., II, 182—192.

[3]) Ibid., 273—274, примѣч.; ср. Hermes, XIV, 1879, S. 445, гдѣ помѣщенъ отрывокъ изъ соч. извѣстнаго полиграфа Максима Плануды (XIV в.). Замѣч. В. И. Ламанскаго о вассалитетѣ Руси (Слав. Сборн. I, 467; ср. 201); ср. еще Визант. Времен. 1894, I, 38—41—53.

[5]) Stritter, Mem. popul., II, 1027.

[4]) Рус. Историч. библ., VI, 583—584.

[6]) Пафнутій Боровскій былъ заключенъ въ оковы и просидѣлъ довольно времени въ темницѣ, пока не смирился. Макарій, VI, 17, 19.

ступка съ м. Исидоромъ и извѣщеніемъ, что они отверглись отъ патріарха и исключили императора изъ обычнаго поминовенія [1]). Въ Москвѣ обрадовались такой поддержкѣ [2]). Но и послѣ того въ Константинополѣ не хотѣли признавать совершившагося факта, какъ видно изъ открытаго заявленія патр. Діонисія въ 1469 г., послѣдствіемъ чего было подозрительное отношеніе въ Москвѣ къ чистотѣ православія у грековъ [3]). „Исповѣданіе", установленное впослѣдствіи для епископовъ, показываетъ, къ какому крайнему средству считали необходимымъ прибѣгнуть въ огражденіе независимости русской церкви по завоеваніи Константинополя (дѣло м. Спиридона, см. в., стр. 48 [4]). Въ Москвѣ любили уже указывать на примѣръ Византіи, которая стояла твердо, пока сохраняла благочестіе, а какъ только она заключила унію съ латинами, такъ и впала въ руки поганыхъ турокъ [5]). Но подобный же взглядъ проводился и латинскою іерархіею въ интересахъ склоненія послѣдователей вост. церкви въ пользу Рима [6]). Сторонники единства съ Византіей, напротивъ, надѣялись на возстановленіе христіанства на Востокѣ и паденіе турецкаго владычества [7]). Максимъ Грекъ въ этомъ дѣлѣ является, горячимъ защитникомъ правъ константинопольскаго патріарха и его власти надъ русской церковью (см. стр. 49—50). Какъ разрѣшился этотъ вопросъ при немъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ.

IV.

Максимъ Грекъ со своими спутниками прибылъ въ Москву 4 марта 1518 г. [8]). Вел. князь принялъ посланныхъ лицъ съ вели-

---

[1]) Макарій, VI, 11, прим. 6.

[2]) Переписка вел. кн. Вас. Вас. съ Аѳонской горой (Лѣт. зан. Арх. ком. III, 29—37).

[3]) Макарій, IX, 37 и дал.; Голубинскій, II, 511 и 533—36. Діонисій I надѣялся, очевидно, на поддержку султана (см. в., стр. 48, и Лебедевъ, 253, 279).

[4]) Тотъ же мотивъ въ настольной грам. патр. Филарета (Дополн. къ Акт. ист., II, № 76, с. 191).

[5]) Акты ист., I, № 280 (Посланіе м. Филиппа I въ Новгородъ, 1471 г.).

[6]) Въ обращеніи къ русскимъ посламъ тайной конференціи при папѣ Сикстѣ IV была выражена надежда на сохраненіе Иваномъ III Флорентійской уніи и отрѣшеніе отъ конст. патріарха, какъ подчиненнаго власти турокъ.

[7]) Повѣсть о взятіи Царьграда и Зиновій Отенскій (см. Ж. М. Н. Пр. 1893, № 5, с. 97)

[8]) Въ четвергъ,—на страстной недѣлѣ (П. С. Р. лѣт. VI, 261; VIII, 263; Никон. л., VI, 212). Вслѣдствіе неправильнаго толкованія, нѣк. писатели высказывали мнѣніе о болѣе раннемъ пріѣздѣ М. Грека (Платонъ, II, 389; Евгеній, Словарь, II, 389; Клоссіусъ, Ж. М. Н. Пр. 1834, № 6, с. 398; А. Терещенко, ib., № 8, с. 243). Члены миссіи и Максимъ Грекъ тогда же присутствовали на погребеніи кн. Симеона Ивановича (П. С. лѣт. ib.).

кою честью, повелѣвъ имъ пребывать въ мон. архистр. Михаила (Чудовомъ), удовольствуя и питая ихъ всякими потребами отъ своей царской трапезы. Подобную же честь и любовь оказывалъ имъ и митр. Варлаамъ, который часто призывалъ ихъ къ себѣ и бесѣдовалъ съ ними о духовныхъ дѣлахъ [1]).

Мы уже знаемъ, что прямое назначеніе Максима Грека, какъ переводчика, состояло въ переводѣ Толковой Псалтири (см. в., стр. 35—36). Онъ говоритъ, что, придя въ Москву, онъ получилъ эту книгу, врученную ему вел. княземъ, которую сподобился въ конецъ перевести съ греческой рѣчи на русскую [2]). И уже много лѣтъ спустя, отпрашиваясь на Аѳонъ, онъ писалъ Ивану Грозному: „Ни на что больше я не нуженъ пресловутому граду Москвѣ, ибо то, что онъ желалъ получить отъ меня грѣшнаго, получилъ уже, сокровище разума спасительнаго и неистощимаго,—я говорю о собраніи толкованій 150 богодухновенныхъ псалмовъ“ [3]). Такимъ образомъ онъ не считалъ нужнымъ даже упомянуть о другихъ своихъ трудахъ и этотъ, въ отличіе отъ прочихъ, онъ называетъ „дѣломъ нарочитымъ“ [4]). Вотъ почему и самъ вел. кн. просилъ о присылкѣ переводчика на непродолжительный срокъ, „на время“ [5]).

V.

По словамъ нѣкоторыхъ сказаній о Максимѣ Грекѣ, „вскорѣ по прибытіи“ его въ Россію, вел. кн. Василій Ив. въ 7014 г. (!) открылъ царскія сокровища своихъ прародителей и нашелъ въ нихъ безчисленное множество греческихъ книгъ [6]), которыхъ никто не могъ разобрать, а потому вел. князь послалъ въ Константинополь съ просьбой—прислать такого человѣка, который могъ бы описать эти книги [7]). Изъ этого нѣкоторые заключали, что вел. князь

---

[1]) Ibidem. „Vir sanctae vitae“, по выраженію Герберштейна, бывшаго въ Москвѣ въ моментъ событій (Starczewski, p. 20); ср. П. С. Р. лѣт., VI, 254, 261, 262, 280.

[2]) Посл. къ вел. кн. Василію Ивановичу (II, 299).

[3]) Сочин., II, 377.

[4]) Ibidem., I, 37.

[5]) Временникъ, № 5, с. 32.

[6]) Москвитянинъ 1842, № 11, с. 47, ст. Филарета „Максимъ Грекъ“; Бѣлокуровъ VIII, XXXI. По рукописямъ извѣстно 9 сказ. о Максимѣ Грекѣ, въ двухъ редакціяхъ—краткой, менѣе распростр., и подробной, болѣе распр. (ib. I—LXXXII), изд. по 21 списку. Годъ 7014=1506. Замѣчаніе А. И. Соболевскаго (Вѣстн. археол., XIII, 270—271).

[7]) Евгеній, Словарь духов. писат., II, 389. Нѣкоторые полагаютъ (Голубинскій), что здѣсь была иниціатива грековъ, находившихся въ Россіи.

вызывалъ переводчика для описи или для разбора тѣхъ книгъ, которыя хранились въ его библіотекѣ, и для перевода тѣхъ изъ нихъ, которыя оказались бы нужными[1]). Другіе же полагали, что вел. князь просилъ переводчика вообще для перевода греческихъ книгъ на славянскій языкъ и для исправленія церковнослужебныхъ книгъ[2]).

Нельзя думать, что одна случайная причина—открытіе вел. княземъ „безчисленнаго множества греческихъ книгъ"—побудила его вызвать для описи или перевода ихъ „книжново переводчика", и мы показали выше, что главною причиною вызова была порча книгъ жидовствующими[3]) и что первоначальная цѣль вызова переводчика состояла именно въ переводѣ толковой Псалтири, какъ и самъ М. Грекъ ясно говоритъ объ этомъ (см. в., стр. 38). Порча Псалтири жидовствующими должна была обратить особенное вниманіе на нее въ то время когда „всѣ о вѣрѣ пытали", а между тѣмъ Псалтирь составляла основу знанія и житейской мудрости древне-русскихъ грамотниковъ[4]).

Мелетій Смотрицкій, въ предисловіи къ славянской грамматикѣ, пишетъ: „*издревле* россійскимъ дѣтоводцемъ обычай бѣ и есть учити дѣти малыя въ началѣ азбуцѣ, потомъ же часослову и псалтири". (Прав. Соб. 1857 г., кн. 4, стр. 817).—Новгородскій архіеп. Геннадій, побуждая митр. Симона завести училища, писалъ: „а мой совѣтъ о томъ, что учити въ училищѣ, первое азбука граница истолкована совсѣмъ, да и подтительныя слова, *да псалтыря съ слѣдованіемъ накрѣпко; и коли то изучатъ, можетъ послѣ того проучивая и конархати и чести всякыя книгы*": (Акты историч. I, № 104).—Въ житіи Ѳеодосія говорится о Спиридонѣ, что онъ „не вѣдый нача учитися книгамъ, аще и лѣты не младъ сый, *и изучи псалтырь*". (Прав. Спб. 1857 г., кн. 4, стр. 819).—И тогда какъ, по словамъ Геннадія, мужикъ, приведенный для поставленія въ священники, по апостолу не

[1]) Ibid., 389, 390. Карамзинъ, VII, 107. Твор. свят. отц., т. 17, кн. 2, 173. Христ. Чтен. 1862, мартъ, 333. Филар. Москвит. 1842, № 11, стр. 46.

[2]) Платонъ, Ист. церкви, II, 36. Макарій, Ист. раскола, стр. 20. Иннокентій, Начерт. церк. ист., II, 424.

[3]) Мнѣніе это было принято пр. Макаріемъ (VI, 262).

[4]) Переводъ крещ. еврея Ѳеодора, заказанный м. Филиппомъ I, собственно евр. молитвенникъ Махазоръ, въ которомъ опущены всѣ пророческія изреченія о Христѣ и содержатся одни хваленія Богу и молитвы (подр. въ изд. Псалтири въ перев. Ѳеодора съ предисл. М. Н. Сперанскаго, Чт. въ Общ. ист. 1907, II, 1—72, съ литер. вопроса); ср. также Словарь Строева (300—301), А. И. Соболевскій (Перевод. литер., 33, 100, 434), отвергаетъ принадлежность Ѳеодора къ жидовствующимъ.

умѣлъ и „ступить“, по псалтири „едва брелъ“ (Акты историч., I, № 104).—Изъ школы то же уваженіе къ Псалтири переходило въ жизнь. Ее знали наизусть и брали въ путь: такъ, князь Борисъ, когда узналъ о погонѣ за нимъ убійцъ отъ Святополка, *то нача пѣти псалтырю*“. (Полн. Собр. рус. лѣт. I, 58). Владиміръ Мономахъ говоритъ, что когда встрѣтили его послы на Волгѣ, убѣждая идти на Ростиславичей, то, онъ *„веземъ псалтырю въ печали“*. (Полн. Собр. рус. лѣт. I, 100). Были даже особенныя дорожныя псалтири (Прав. Соб. 1857 г., 4, 826).—Въ монастыряхъ знаніе ея наизусть было весьма обыкновеннымъ, а Ѳеодосій Печерскій даже постановилъ своей братіи, что наиболѣе слѣдуетъ „имѣти въ устѣхъ псалтырь Давидовъ“. (Полн. Собр. рус. лѣт. I, 79).—Каждый книжный человѣкъ заботился о списаніи Псалтири (переводы Псалтири для архіеп. Геннадія, для м. Филиппа I; Псалт. Нила Сорскаго письма Игнатія, Архангельскій, Нилъ Сорскій, 44; Псалт. греч., писанная Максимомъ Грекомъ для Нила Курлятева; Псалт. брата Башкина Ѳеодора, (Калугинъ, 59); Слово о томъ, что самое полезное чтеніе—почитаніе Псалтири (Рук. Титова, I, 113). Уваженіе къ этой книгѣ доходило до того, что къ ней обращались на разные случаи жизни; это видно изъ словъ того же Владиміра Мономаха: „и отрядивъ я (пословъ) вземъ псалтырю въ печали и то ми ся выня: вскую печальна еси душе... не ревнуй лукавнующимъ“ (Полн. Собр. лѣт. I, 100; А. И. Соболевскій полагаетъ, что онъ не гадалъ, Ж. М. Н. Пр. 1900, № 11, с. 236). Слова эти наводятъ его на размышленіе. Псалтири и книги пророческія съ обозначеніемъ гадальнаго значенія псалмовъ (И. И. Срезневскій, Памятн. яз., 38, 141, 291); ср. Гадальн. приписки къ пророч. книгамъ свящ. пис. (Малоизв. памятн., I, 34—37); подр. см. М. Н. Сперанскій, Изъ отречен. книгъ. Гаданія по Псалт. (Спб. 1899 и Чт. въ Общ. ист. 1910, II); замѣч. В. М. Истрина относ. гадальн. записей (Визант. Времен. 1900, I, 341); его же: Къ вопр. о гадальн. Псалт. (Лѣт. зан. Ист. фил. общ. Новорос. ун., IX и отд. 1901); А. И. Яцимірскаго (Изв. Ак. Н. 1899, II, 441—46); Соболевскій въ рецензіи на книгу Сперанскаго (Ж. М. Н. Пр. 1901, № 11); Гаданія по Псалт. помѣщаются иногда рядомъ съ Громникомъ, Лунникомъ и Колядникомъ (Чт. въ Общ. ист. 1910, II, 18—22).—Въ одной рукописной Псалтири XVI г. встрѣчается такая приписка прежняго владѣтеля ея, казанскаго узника Василія Петрова: „я гадалъ по сей псалтыри и мнѣ вышло жить только пять лѣтъ, а я думалъ жить еще пятьдесятъ лѣтъ“. (Прав. Соб. 1857 г., 4,

стр. 840).—Былъ особенный уставъ „како подобаетъ пѣти псалтирь“ (Прав. Соб. 1857 г., 4, стр. 847).—Многіе стихи изъ псалмовъ обратились въ пословицы и поговорки, а самые псалмы послужили потомъ образцомъ для такъ называемыхъ „псальмовъ или духовныхъ стиховъ“ (Рус. народ. послов. и притчи, стр. 70. 158, 173; 6, 31, 33, 81, 115, 116, 265, 325, 334, 335, 394).—О такомъ обширномъ употребленіи Псалтири лучше всего свидѣтельствуетъ то, что и рукописныхъ, и печатныхъ изданій ея дошло до насъ гораздо больше всѣхъ другихъ духовныхъ книгъ (Прав. Соб. 1857 г., кн. 4, стр. 855).—Даже иностранцы замѣтили, что русскіе „очень уважаютъ псалмы Давида“ (Записки Маржерета, стр. 260).

Подобный же примѣръ вызова свѣдущихъ людей для исправленія только одного сочиненія—мы имѣемъ въ сербскомъ князѣ Георгіѣ Бранковичѣ. Шафарикъ нашелъ приписку при Лѣствицѣ Крушедольскаго монастыря, изъ которой видно, что князь Бранковичъ призвалъ столѣтнихъ старцевъ изъ Хиландаря и собралъ древнія греческія рукописи изъ Константинополя, а славянскія изъ Хиландаря же въ Смедерево, для приведенія Лѣствицы въ надлежащій порядокъ [1]). Но прежде, чѣмъ мы обратимся къ настоящему вопросу, необходимо коснуться одного обстоятельства, имѣющаго связь съ прибытіемъ М. Грека въ Москву.

VI.

Въ тѣхъ же сказаніяхъ о Максимѣ Грекѣ сообщается, что вел. князь, вскорѣ по прибытіи его въ Москву призвалъ его, ввелъ въ свою „книгохранительницу“ и показалъ ему безчисленное множество греческихъ книгъ, а онъ, сообщивъ вел. князю о бѣдствіяхъ, причиненныхъ турками грекамъ и о вывозѣ множества книгъ въ Италію, воскликнулъ: „Православный государь и самодержецъ, никогда я не видѣлъ такого количества греческаго любомудрія, какое показало ваше царское рачительство о божественномъ сокровищѣ“ [2]). Необходимо замѣтить, что извѣстія о царской библіотекѣ идутъ изъ двухъ источниковъ—русскаго, приведеннаго выше, и иностраннаго, также отъ очевидца, дерпт. пастора Іог. Веттермана, состоявшаго при нѣмецкой общинѣ плѣнныхъ ливонцевъ, поселенныхъ въ русскихъ городахъ, и пользовав-

---

[1]) Вѣнск. журн. Jahrbücher der Liter. 1831, № 53; Опис. рукоп. Синод. библ., II, 217.

[2]) Бѣлокуровъ, XXXI—XXXIII.

шагося, въ качествѣ ученаго человѣка, уваженіемъ вел. князя. Вотъ его разсказъ, записанный въ лѣтописи Ніенштедта: „Его (Веттермана), какъ ученаго человѣка, очень уважалъ вел. князь, который даже велѣлъ въ Москвѣ показать ему свою либерею (библіотеку), которая состояла изъ книгъ на еврейскомъ, греческомъ и латинскомъ языкахъ, и которую великій князь въ древнія времена получилъ отъ константинопольскаго патріарха, когда московитъ принялъ христіанскую вѣру по греческому исповѣданію. Эти книги, какъ драгоцѣнное сокровище, хранились замурованными въ двухъ сводчатыхъ подвалахъ. Такъ какъ великій князь слышалъ объ этомъ отличномъ и ученомъ человѣкѣ, Іоаннѣ Веттерманѣ, много хорошаго про его добродѣтели и знанія, поэтому велѣлъ отворить свою великолѣпную либерею, которую не открывали болѣе ста лѣтъ слишкомъ и пригласилъ чрезъ своего высшаго канцлера и дьяка Андрея Солкана (Щелкаловъ) Никиту Высровату (Висковатовъ) и Фунику (казначей Фуниковъ), вышеозначеннаго Іоанна Веттермана и съ нимъ еще нѣсколькихъ лицъ, которые знали московитскій языкъ, какъ-то: Ѳому Шреффера, Іоахима Шредера и Даніэля Бракселя и въ ихъ присутствіи велѣлъ вынести нѣсколько изъ этихъ книгъ. Эти книги были переданы въ руки магистра Іоанна Веттермана для осмотра. Онъ нашелъ тамъ много хорошихъ сочиненій, на которыя ссылаются наши писатели, но которыхъ у насъ нѣтъ, такъ какъ они сожжены и разрознены при войнахъ, какъ то было съ птоломеевой и другими либереями. Веттерманъ заявилъ, что, хотя онъ бѣденъ, но отдалъ-бы все свое имущество, даже всѣхъ своихъ дѣтей, чтобы только эти книги были въ протестантскихъ университетахъ, такъ какъ, по его мнѣнію, эти книги принесли бы много пользы христіанству.

„Канцлеръ и дьякъ великаго князя предложили Веттерману перевести какую-нибудь изъ этихъ книгъ на русскій языкъ, и если онъ согласится, то они предоставятъ въ его распоряженіе тѣхъ трехъ вышеупомянутыхъ лицъ и еще другихъ людей великаго князя и нѣсколько хорошихъ писцовъ, кромѣ того постараются, что Веттерманъ съ товарищами будутъ получать отъ великаго князя кормы и хорошіе напитки въ большомъ изобиліи, а также получатъ хорошее помѣщеніе, и жалованье и почеть, а если они только останутся у вел. князя, то будутъ въ состояніи хлопотать и за своихъ. Тогда Веттерманъ съ товарищами на другой день стали совѣщаться и раздумывать, что-де какъ только они кончатъ одну книгу, то имъ сейчасъ же дадутъ переводить другую и, такимъ образомъ имъ придется заниматься подобною работою до самой своей смерти; да кромѣ того благочестивый Веттерманъ принялъ и то во вниманіе, что, согласившись на предложеніе, ему при-

дется совершенно отказаться отъ своей паствы. Поэтому они приняли такое рѣшеніе и въ отвѣтъ передали вел. князю: когда первосвященникъ Ананія прислалъ Птоломею изъ Іерусалима въ Египетъ 72 толковника, то къ нимъ присоединили наученѣйшихъ людей, которые знали писаніе и были весьма мудры; для успѣшнаго окончанія дѣла по переводу книгъ слѣдуетъ, чтобы при совершеніи перевода присутствовали не простые міряне, но научнѣйшіе, знающіе писаніе и начитанные люди. При такомъ отвѣтѣ Солканъ, Фуника и Высровата покачали головами и подумали, что если передать означенный отвѣтъ вел. князю, то онъ можетъ имъ прямо навязать эту работу (т. е. велитъ присутствовать при переводѣ) и тогда для нихъ ничего хорошаго изъ этого не выйдетъ: имъ придется тогда, что и навѣрно случится, умереть при такой работѣ точно въ цѣпяхъ. Поэтому они донесли вел. князю, будто нѣмцы сами сказали, что попъ ихъ слишкомъ несвѣдущъ, не настолько знаетъ языки, чтобы выполнить такое предпріятіе. Такъ они всѣ и избавились отъ подобной службы. Веттерманъ съ товарищами просили одолжить имъ одну книгу на 6 недѣль; но Солканъ отвѣтилъ, что если узнаетъ про это вел. князь, то имъ плохо придется, потому что вел. князь подумаетъ, будто они уклоняются отъ работы. Обо всемъ этомъ, говоритъ авторъ сообщенія, впослѣдствіи мнѣ разсказывали сами Томасъ Шрефферъ и Іоаннъ Веттерманъ. Книги были страшно запылены, и ихъ снова запрятали подъ тройные замки въ подвалы [1]).

Біографическія свѣдѣнія объ авторѣ [2]), наивность разсказа относительно перевода, самая порча именъ дѣйствующихъ лицъ, несомнѣнно стоявшихъ тогда у власти, извѣстная наклонность Ивана Грознаго показать свое расположеніе къ иностранцамъ и хвалиться своими рѣдкостями и богатствами [3]), наконецъ независимость сообщенія отъ русскаго сказанія (и быть можетъ первенство передъ нимъ) склоняютъ насъ къ признанію извѣстія Веттермана заслуживающимъ довѣрія. По всей видимости свиданіе Веттермана съ царемъ происходило въ 1569 - 70 г. [4]). Весьма важно то обстоятельство, что всѣ лица раз-

[1]) Monumenta Livoniae antiqua, 1839, II, 67; Прибалт. Сборн. IV, 37—38.

[2]) Прибалт. Сборн., т. III, предисл. къ хрон.; Бѣлокуровъ, 246—247, 261. Здѣсь важно не то, что Веттерманъ не соотвѣтствовалъ желаніямъ избирателей, а правдивость лица (265, примѣч.).

[3]) Флетчеръ, гл. 9-я.

[4]) Бѣлокуровъ, 257—259. Передача фамилій (Андр. Солканъ—Андрей Щелкаловъ, Никита Высроватый и Функъ—Висковатый и Никита Фуниковъ) для нѣмца, писавшаго по сообщенію другого, достаточно вѣрная. Извѣстно какъ извращали иностранцы—русскія и русскіе—иностранныя фамиліи, но подобная форма говоритъ за вѣроятность словъ разсказчика. Дьякъ Висковатый Ив. Мих.

сказа Hienшtедта историческія и присутствіе ихъ (3 русскихъ и 4 нѣмца) одновременно въ Москвѣ несомнѣнно (по разысканіямъ А. Фейрейзена), что признается весьма вѣскимъ доказательствомъ въ пользу истинности сообщенія (Гаусманъ)[1]).

VII.

По даннымъ описанія Веттермана, рѣчь могла идти только о царской казнѣ, гдѣ обыкновенно хранились документы (архивъ) и книги[2]). Какъ видно, собраніе ихъ было настолько велико, что разысканія необходимой рукописи (книги) соединялось съ большими трудностями[3]). И мы имѣемъ примѣры, что завѣдомо существовавшія книги въ XVI в. исчезли безслѣдно даже при самомъ тщательномъ храненіи ихъ[4]). Самый оригиналъ „Псалтири", съ котораго совершенъ переводъ Максима Грека, хранившейся въ недоступныхъ „ковчезѣхъ", исчезъ безслѣдно, хотя существованіе его неспоримо[5]), какъ и житіе Антонія печерскаго, находившееся также царскомъ собраніи[6]). По словамъ Курбскаго, несмотря на то, что были нѣкоторые безумные, которые толковали, что не нужно книгамъ много учиться, такъ какъ отъ нихъ „безумѣютъ" или „въ ересь впадаютъ"[7]), русскіе того времени цѣнили книги настолько, что „писаніе священное и отеческое кожами красными и златомъ съ драгоцѣнными камнями украсивъ, и въ казнахъ за твердыми заклепы положивъ, тщеславятся ими и цѣны толикія и толикія

---

1) Бѣлокуровъ, 266, прим.; ср. 273. Рефератъ К. Гаусмана въ Трудахъ X-го Арх. съѣзда, т. II, Clossius, Iter rossicum, 9—15.

2) Опис. царск. архива (Акты арх. экспед., I, № 289); опис. казны ц. Ивана Грозн. (Времен. Общ. ист., кн. № 7, с. 6—7); Чтен. въ Общ. ист. 1847, № 7, с. 7 (Преніе м. Даніила съ инокомъ Максимомъ святогорцемъ). Такъ всѣ и понимали (Изв. Ак. Наукъ 1896, I, № 3, Изъ исторіи снош. рус. съ румынами, П. А. Сырку, 540); о книгахъ въ патріаршей казнѣ. Карамзинъ, (IX, пр. 849).

3) Въ 1565 г., по просьбѣ ног. хана, разыскивали арабскую книгу Аджанбуль махлукатъ (Чудеса природы), о чемъ въ дѣлѣ читаемъ: „государь той книги въ *казнахъ своихъ* искати велѣлъ, но доискатися еѣ не могли" (Лихачевъ, Библ. и арх. моск. госуд., Спб. 1894, с. 59). На связи цар. библ. съ казной особенно настаиваетъ авторъ (26, 39, 42 и дал.). Означ. книга—Зах. Козвини.

4) Бѣлокуровъ, с. 332.

5) Сочин. М. Грека, II, 316. „По многа лѣта въ *книгохранительницѣ* заключенныхъ бывшихъ, человѣкомъ же никую пользу подавшихъ" (292). Это показываетъ, что рукопись именно была изъ великокняж. библіотеки, вопреки утвержденію С. А. Бѣлокурова (241).

6) Бѣлокуровъ, 319, 322; ср. Опытъ рус. исторіогр., I т. II.

7) Ж. М. Н. Пр. 1888, № 8, с. 265.

(высокія) сказывають приходящимъ" [1]). Остались, однако, значительные слѣды этихъ стараній сохранить рѣдкіе экземпляры книжныхъ сокровищъ; но многочисленные пожары, жертвой которыхъ часто становилась Москва, пагубно отражались въ особенности на архивахъ и книжныхъ собраніяхъ [2]). Въ лѣтописи подъ 1568 г. читаемъ, что книги Менгли-Гиреевы взяты были къ государю *и сгибли,* какъ постельныхъ хоромъ верхъ горѣлъ [3]). Также пагубны были пожары 1571 г., смутнаго времени, 1626 г. (печальный для моск. архивовъ). Въ 1638 г. выгорѣла Москва мало не вся [4]). Что же касается найденнаго проф. Дерптскаго университета Дабеловымъ „перновскаго документа, о рукописяхъ греческихъ и латинскихъ, о которомъ сообщилъ проф. Клоссіусъ, то, по обстоятельствамъ его открытія и исчезновенія, онъ дѣйствительно возбуждаетъ большія сомнѣнія и требуетъ болѣе основательнаго подтвержденія, которое не представляется пока возможнымъ.

Сомнѣнія эти имѣютъ основаніе не по количеству рукописей (до 800), частью полученныхъ въ даръ, а частью купленныхъ на Востокѣ, и не потому, что въ числѣ ихъ называются греческіе и латинскіе авторы, но по своему выбору рѣдкихъ или недостающихъ произведеній (см. Ф. Клоссіусъ, Библіот. вел. кн. Василія Іоан. и ц. Іоанна Вас. Грознаго, Dorpater Jahrbücher für. Lit. und. Kunst, 1834, III, стр. 297—300; Ж. М. Н. Пр. 1834 № 6, с. 410—414; Бѣлокуровъ, О библ. моск. госуд. 266 -270 и личности проф. Дабелова, отзывы, 270—275; Hausmann, Clossius. Iter rossicum, Труды X-го Арх. съѣзда, II, 9—15; Н. Барсуковъ. П. М. Строевъ; Лихачевъ, Библіот., 35—41). Выраженіе же „сказанія", что рукописи были найдены въ Москвѣ и *Новгородѣ* (Бѣлокуровъ, 213) не указываетъ-ли, что, при переводахъ Максима Грека, брали и рукописи изъ Новгорода, гдѣ прежде занимался одинъ изъ его сотрудниковъ Герасимовъ. Какъ извѣстно Софійская библ. Новгорода славилась своими рукописями, остатки которой до сихъ поръ сохранили свою несомнѣнную цѣнность (Опис. сборн., Лѣт.

---

[1]) Прав. Соб. 1863, II, 558—559. Докум. удѣльныхъ князей хранились въ казнахъ (Акты Арх. эксп., I № 289; ср. Лихачевъ, 50, 66; Забѣлинъ, Арх. Изв. 1899, № 8—9, с. 245—249). Наказъ о храненіи книгъ въ Троиц. лаврѣ и книгохранителяхъ въ монастыряхъ. (Лѣтоп. Арх. ком. IV, 121; Чт. Общ. ист. 1896, IV, 17—18).

[2]) Опытъ рус. исторіогр. II, 1124. Въ 1452—53 г. м. Іона писалъ патріарху, что „грамоты прежнихъ патріарховъ погибли всѣ отъ пожаровъ во время бывшихъ земскихъ нестроеній" (Акты историч., I, № 263).

[3]) Акты Арх. экспед., I, 338.

[4]) Ист. Вѣстн. 1898, № 6, с. 897.

зап. Арх. ком. III; сообщенія Купріянова, въ Москвитянинѣ и Изв. Ак. Н.; Д. Абрамовичъ Новгор. Соф. библ. 3 вып. Въ исторіи рус. слов. С. П. Шевырева (М. 1859, I, xlv, cv; II, 417), читаемъ, въ аподектической формѣ: „Грозный показалъ Веттерману свою библіотеку, который составилъ ей каталогъ, найденный Дабеловымъ. Эти сокровища вошли, *конечно*, въ теперешнюю Синодальную библіотеку (xxxii - xxxiii). См. также его статью: „Замѣтка о библіотекахъ въ Москвѣ" (Спб. Вѣд. 1860, № 78, с. 390).

Сообщеніе Клоссіуса, надолго позабытое, но проникшее въ нѣмецкую литературу другимъ путемъ (Diction. Numism. Бутковскаго), возбудило въ недавнее время новый интересъ и вызвало по иниціативѣ страсб. проф. Э. Тремера [1]), разыскаціе книжныхъ сокровищъ московскихъ царей въ подземныхъ помѣщеніяхъ московскаго Кремля, подъ наблюденіемъ пок. И. Е. Забѣлина, и обширную литературу по данному вопросу, отъ небольшихъ замѣтокъ до цѣлыхъ монографій [2]); но розыски остатковъ библіотеки въ позднѣйшихъ книгохранилищахъ (Моск. арх. Мин. ин. дѣлъ, Синод. и Типогр. библ. и др.) не привели, однако, къ желаннымъ результатамъ. Да это и не могло быть иначе, такъ какъ царская библіотека, вслѣдствіе стихійныхъ и политическихъ условій [3]), не могла уцѣлѣть: И. Е. Забѣлинъ [4]) полагалъ, что она сгорѣла въ московскомъ пожарѣ 1571 г. Другіе относили это обстоятель-

---

[1]) Д. Эд. Тремеръ, Библ-ка I. Грознаго (оттискъ, №№ 315 и 334 изъ Моск. Вѣд. 1891 г.), М. 1891; Auf der Suche nach der Bibliothek Iwans des Schreklichen (Beilage z. Allgem. Zeit. 1892, №№ 1—3; 2, 4 и 5 янв.).

[2]) Сомнѣнія высказывались и раньше (Маттеи, Index codicum manuscr. Graec. Biblioth. Mosquens. etc. 1780 г.); Бакмейстеръ (Оп. библіот. 101), А. Куникъ (въ статьѣ Тремера); особенно С. Бѣлокуровъ (О библ. моск. государей). Достовѣрность библіотеки принимали: Карамзинъ (IX, пр. 165); Снегиревъ (Памяти. моск. древн.); Шевыревъ (см. выше); Макарій (VI, 162); Н. П. Лихачевъ съ огранич. (Библ. моск. госуд., Спб. 1894); А. И. Соболевскій (Вѣстн. Арх. инст. 1900, в. III; Переводн. литер.; Арх. Изв. 1897, №№ 5—6; Нов. Врем. 1894; Арх. Изв. 1894, №№ 6—7; Ж. М. Н. Пр. 1894, № 12, с. 430—434, реценз. на соч. Лихачева: Библ. и архивъ моск. государей); замѣч. В. Г. Васильевскаго (въ прен. по поводу соч. Лихачева, въ засѣд. Арх. общ.). Ср. еще о прен. въ Моск. Общ. ист. (Чт. 1896, IV, смѣсь, 37); на Арх. съѣздѣ въ Ригѣ (Труды X Арх. с., III, 74—75); зам. К. Щ. (Арх. Изв. 1894, № 12, 394—403). Сказаніе о М. Грекѣ философѣ въ извлечен. А. Н. Попова (Опис. рук. Хлудова, I, 159—161; А. О. Бычкова, Опис. Сборн., I, 91—92; у Лихачева, 16—17; Бѣлокуровъ, приложенія).

[3]) Признаніе того же Тремера (см. Бѣлокуровъ, 28, 114—116, 152—153, 186, 189—192).

[4]) Подземныя хранилища Моск. Кремля (Арх. Изв. 1894, № 2).

ство къ смутному времени. Слухи о ней ходили и раньше и возбуждали любопытство [1]). Намъ кажется, что какъ уклончивость нѣмцевъ и дьяковъ при Иванѣ Грозномъ ничего не доказываетъ, такъ не доказываетъ и отказъ бояръ сказать правду въ 1601 г., изъ опасенія, чтобы на нихъ не пала обязанность руководить непріятнымъ для нихъ дѣломъ, какъ и теперь часто отписываются секретари и архивисты отъ излишнихъ и докучливыхъ запросовъ ученыхъ и любителей генеалогіи. Авторъ обширнаго изслѣдованія „О библіотекѣ московскихъ государей" справедливо замѣчаетъ: „Что же касается библіотекъ царя Ивана IV и Бориса Годунова, то нужно предполагать, что онѣ погибли въ смутное время когда поляки хозяйничали въ Московскомъ Кремлѣ, раскрали царскую казну и царскій архивъ" [2]). И если мы припомнимъ, въ какомъ положеніи были царскій дворецъ и всѣ дворцовыя постройки ко времени избранія Михаила Ѳедоровича Романова, то нисколько не удивимся исчезновенію рукописей царскихъ библіотекъ. Если царскія палаты и хоромы были безъ кровли, половъ и лавокъ, безъ окошекъ и дверей, то какъ могли уцѣлѣть въ палатахъ рукописи?

VIII.

Изъ той же библіотеки была и толковая Псалтирь, которую поручено было переводить Максиму Греку, что видно изъ его словъ, обращенныхъ къ вел. князю [3]). Но такъ какъ М. Грекъ въ то время еще „мало разумѣлъ" церковно-славянскій языкъ, то ему дали въ помощники при переводѣ Дмитрія Герасимова и Власія (см. выше), а для переписки монаха Сергіевской лавры Сильвана и Михаила Медоварцева. О ходѣ своей работы упоминаетъ Дмитрій Герасимовъ въ письмѣ къ дьяку Мисюрю Мунехину, писанномъ во время перевода. Тамъ онъ говоритъ: „нынѣ, господинъ, Максимъ Грекъ переводитъ Псалтирь съ греческаго толковую вел. князю, а мы со Власомъ у него сидимъ перемѣняясь: онъ сказываетъ полатыни, а мы сказываемъ порусски писарямъ; а въ ней 24 толковника" [4]). Максимъ Грекъ, сообщаетъ, что онъ успѣлъ выполнить свой трудъ въ теченіе одного года

---

[1]) Письма Аркудія и Сапѣги 1601 г. (сообщ. П. Пирлингомъ; Бѣлокуровъ, DXX—DXXIV). Дополн. А. И. Соболевскаго (Вѣст. Арх. Инст. XIII, 274—80).

[2]) Н. П. Лихачевъ указываетъ на губительные пожары 1547 и 1571 гг. (26).

[3]) „Господь и нынѣ, говорилъ онъ ему, воистину воздвигъ твою державу къ преложенію толкованій псалмовъ, по многа лѣтъ въ книгохранительницѣ заключенныхъ и молемъ единымъ въ ядь предлежавшихъ, человѣкомъ же никую пользу подавшихъ". (Сочин. М. Грека, II, 299, ср. Бѣлокуровъ, 260).

[4]) Твор. св. отц., т. 17, кн. 2, стр. 190.

и пяти мѣсяцевъ [1]), Еще прежде были въ употребленіи въ Россіи тол. кованія на Псалтирь: одно, приписываемое Аѳанасію Александрійскому, другое Ѳеодориту, но Толковая Псалтирь, которую переводилъ Максимъ Грекъ, заключала въ себѣ сводное толкованіе разныхъ отцовъ церкви, между которыми не было позже Максима Исповѣдника (VII в. [2]).

Желаніе М. Грека о предоставленіи Псалтири во всеобщее пользованіе исполнилось. Списки ея (подлинникъ не сохранился дошли до насъ отъ полов. XVI и нач. XVII и далѣе. Чтобы судить объ объемѣ настоящаго труда укажемъ на спис. Волокол. монаст. 1550—1551 г.г., на 698 л., въ листъ; собр. П. И. Щукина, XVI в., на 798 л., Евѳам. Сузд. мон. к. XVI в., на 989 л., въ листъ; сп. Флорищ. м. XVII в., въ листъ, на 1925 л. Бѣлокуровъ, сс. 240—241; ccLV, ccLVII, ccLXXXVII—VIII и др.— Строевъ, Библ. Словарь, 199—200; первый писецъ писалъ рукопись 10 мѣсяцевъ. Толковая Псалт. въ перечнѣ рукописей (разныхъ библ. у Бѣлокурова №№ 1, 8, 9, 18, 28, 61, 63—67 (XVI—VIII в.), 72 (XVI в.), 79, 107—108 (XVI—XVIII), 143—146, 183—186, 198, 208 (XVI в.). М. Грекъ переводилъ съ рукописи отчасти поврежденной, а не съ печатной книги (Бѣлокуровъ, 200, 241, 300). Толкованіе Ѳеодорита Киррскаго (Труды слав. ком., III). Псалтирь въ древне-болгор. переводѣ, В. А. Погорѣлова (Варш. унив. Изв. 1890, №№ 8, 9 и д.); о незнаніи М. Грекомъ славян. переводовъ (П. Петровскій, Кн. Курбскій, 47).

По окончаніи своего труда, Максимъ Грекъ написалъ посланіе къ вел. князю, которое должно было служить введеніемъ къ самой Псалтири. Здѣсь онъ говоритъ:

„Считаю необходимымъ предпослать этой книгѣ нѣсколько словъ, чтобы показать ея достоинство и значеніе, и сказать о церковныхъ учителяхъ, составившихъ ее, кто они были, сколько ихъ и какой порядокъ ихъ толкованія, чтобы твоя богохранимая

---

[1]) Сочин. II, 300.—Изъ одной записи видно, что переводъ былъ законченъ въ дек. 7031 г. (т. е. 1523), что невѣрно.

[2]) Твор. св. отц. стр. 175. Опис. рук. Синод. библ., II, ч. I, № 76; Строевъ, 374; Бѣлокуровъ, ccLVI, Толк. Псалт. Ѳеодорита Киррск. со сказ. о М. Грекѣ на 12+651 листъ. Списки перевода М. Грека также отличаются нѣкоторыми особенностями Оригиналъ же перевода его (греч.) сходенъ съ своднымъ греч. толкованіемъ (catena), изд. Кордеріемъ 1643, тт. I—III (Приб. къ Твор. св. отц. XVII, кн. 2, I. ib., примѣчаніе).

держава и потомъ все множество православныхъ могли знать, съ кѣмъ бесѣдуютъ, какъ и о чемъ. Если для познанія предметовъ, подлежащихъ чувствамъ, зрѣнію или дѣйствіямъ необходимо прибѣгать къ людямъ опытнымъ и съ удовольствіемъ слушаемъ мы ихъ разсказы; тѣмъ болѣе необходимо намъ поступать такъ относительно предметовъ божественныхъ, постигаемыхъ разумомъ и это настолько необходимѣе, насколько божественные предметы выше человѣческихъ и разумные выше чувственныхъ. Предпринявъ это, я старался подражать примѣру совершившихъ далечайшее и необычайное плаваніе или путешествіе, которые, по обыкновенію, разсказываютъ спрашивающимъ о всемъ, что они слышали замѣчательнаго... И если окажусь многорѣчивымъ, пусть никто не удивляется, ибо кто разсказываетъ о чемъ нибудь одномъ, тотъ можетъ и въ немногихъ словахъ сказать многое, но кто повѣствуетъ о многихъ и разнообразныхъ предметахъ, тому это неудобно, и если бы онъ такъ поступилъ, то его разсказъ неудовлетворилъ бы слушателей, такъ какъ онъ причинилъ бы имъ ущербъ, какъ если бы кто вздумалъ въ одномъ словѣ изъяснить безчисленное царское сокровище. Священная книга сія составлена древними мужами, украшенными всякою премудростію и глубокимъ разумѣніемъ. Она такъ наполнена богодухновенною премудростію и высочайшимъ пониманіемъ, что не только превышаетъ мои способности, но если бы даже поручена была кому нибудь другому, который много выше меня, то и онъ не безъ особеннаго усилія и большаго труда могъ бы исполнить сіе. Говорю это не относительно количества содержащихся въ ней толкованій,—вовсе нѣтъ! ибо не одно количество дѣлаетъ удобнымъ или неудобнымъ предпріятіе, но иногда качества совершаютъ дѣла. Адамантъ (алмазъ) принадлежитъ къ самымъ малымъ камнямъ и по сравненію съ большими, какъ комаръ въ сравненіи съ слономъ, но онъ оказывается сильнѣе всякой наковальни и молота и, будучи ударяемъ другимъ камнемъ, разбиваетъ этотъ послѣдній и разсыпаетъ его въ прахъ. И таково разнообразіе, и премудрость разума толкователей (сей книги), что не только для меня малоученаго, но и для славящихся своею ученостью, не легко разъяснить глубину ихъ мысли и пониманія; ибо священные эти мужи, всецѣло погрузившіеся въ глубину пророчества, принадлежали къ ученѣйшимъ и высочайшимъ по мудрости и разуму... Эта книга можетъ также для читателей дать сильное оружіе противъ предстателей ересей, благодаря которой они въ состояніи будутъ исторгать съ корнемъ сатани-

скіе ихъ плевелы и ввергать въ вѣчный огонь. И зачѣмъ такъ много отягощать словами твой царскій слухъ! Она поучительна и для богословствующихъ, просвѣтительна и для естесствословствующихъ, для спорящихъ—оружіе, для молчальниковъ—охрана, для упражняющихся въ умозрѣніи—помощь, скорбящимъ—утѣшеніе, душевно недугующимъ—исцѣленіе, короче скажу, въ ней для желающихъ—истинное благо, она—вертоградъ, обилующій всякими плодами, сосудъ наполненный духовнымъ медомъ и всякою сладостію, услаждающій вкушающаго изъ него. Она была составлена не сразу въ такомъ видѣ, но приведена впослѣдствіи въ такой порядокъ однимъ благочестивымъ и трудолюбивымъ мужемъ, который собралъ вмѣстѣ толкованія богомудрыхъ мужей, потрудившихся надъ составленіемъ ихъ, которыя онъ присоединилъ къ пророчеству. Но довольно объ этомъ" (Сочин. II, 301—304).

Но такъ какъ въ сводномъ толкованіи Псалтири, способъ толкованія былъ различенъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ толкователи даже отличались въ объясненіи однихъ и тѣхъ же псалмовъ, и въ числѣ толкователей были лица, признанныя еретиками, то Максимъ Грекъ счелъ необходимымъ въ своемъ введеніи представить историческія свѣдѣнія о толкователяхъ, указавъ на ихъ направленіе и замѣтивъ о православіи нѣкоторыхъ изъ нихъ и объ уклоненіи отъ него другихъ. Такое объясненіе считалась необходимымъ въ XVI вѣкѣ и особенно въ Россіи, хотя въ эпоху греческаго просвѣщенія Кириллъ Александрійскій выражался, что не всего, что говорятъ еретики слѣдуетъ убѣгать и отвращаться, многое они исповѣдуютъ такъ же, какъ и мы. (Epist, ad Eulogium).

Толкователей переведенной Псалтири М. Грекъ раздѣляетъ на три направленія: одни, онъ говоритъ, смыслъ рѣчи изложили „иносказательно" (аллегорически), другіе „изводительнѣ и премірнѣ" (анагогически и духовно), третьи же буквально („по письмени простѣ изложиша"); такъ что возможно одновременно воспользоваться всѣми, толкованіями на пользу ума [1]). Къ духовнымъ толкователямъ („по возвоженію сирѣчь по высокому и богодуховенному зрѣнію") М. Грекъ относитъ: Оригена Дидима, Аполлинарія, Астерія (Асторіе) и Евсевія. Къ толкователямъ иносказательнымъ или аллегорическимъ, онъ причисляетъ: Василія Великаго, Іоанна Златоуста, Аѳанасія и Кирилла Александрійскихъ и Исихія. Наконецъ къ разряду толкователей, слѣдовавшихъ буквальному, историческому объясненію, онъ относитъ: Ѳеодорита, двухъ Ѳеодоровъ и Діодора.

---

[1]) Сочин. II, 302.

Вотъ примѣры его характеристикъ. Особенно М. Грекъ считалъ нужнымъ оговориться относительно Оригена. Оригенъ, замѣчаетъ онъ, Адамантомъ называющійся по своимъ непрестаннымъ трудамъ въ писаніяхъ, многоначитанности и толкованіямъ, сколько вначалѣ, былъ славенъ своею мудростью и правотою догматовъ, столько впослѣдствіи возбудилъ къ себѣ ненависть и отвращеніе отверженіемъ правыхъ догматовъ. Но не будемъ смущаться, не будемъ почитать его толкованій душегубными. Они писаны имъ до уклоненія его къ худшему [1]), тогда онъ еще былъ изобильно насыщаемъ высшимъ вдохновеніемъ Духа Утѣшителя и ополчался противъ еретиковъ, доблестно поражая ихъ полчища своимъ обоюдуострымъ мечемъ и расторгалъ ихъ лжеученія, какъ ткань паука. Мудрости и силѣ его слова такъ удивлялся великій въ богословіи Григорій, что называлъ его пробнымъ камнемъ („осла“)—оселокъ) всѣхъ своихъ современниковъ [2]), отличавшихся мудростью, и потомъ, вмѣстѣ съ Василіемъ, прочитавъ всѣ его книги, сдѣлалъ изъ нихъ выборъ наиболѣе возвышенныхъ мѣстъ догматическихъ и составилъ изъ того книгу, названную филокаліей (Добротолюбіе), которая сохраняется и донынѣ. Впрочемъ, въ переводѣ М. Грека имя Оригена встрѣчается рѣдко: толкованія, принадлежащія ему, часто приводятся подъ именемъ другихъ писателей (Евсевія, Дидима, Ѳеодора [3]), или оставляются безъ означенія имени, что могло зависѣть отъ рукописи или отъ переписчиковъ. О Дидимѣ М. Грекъ замѣчаетъ, что онъ незнаетъ ни времени его жизни, ни званія, но находитъ его православнымъ, не многословнымъ и глубокомысленнымъ, и вовсе не упоминаетъ объ отношеніяхъ его къ Оригену. Евсевія, епископа кесарійскаго, онъ считаетъ не ниже (такъ по Синод. сп. соч. М. Грека, Опис., II, 1, с. 85; въ Лавр. сп. частица *не* опущена; въ Соловец. печатн. стоитъ: „*Евсевій же меншій* того сый“; *же* легко могло превратиться въ *не*) Дидима, какъ по толкованію такъ и въ другихъ отношеніяхъ. Упомянувъ же о различныхъ мнѣніяхъ относительно его, М. Грекъ прибавляетъ, что въ своихъ толкованіяхъ Евсевій вездѣ стоитъ за истину, въ особенности различая,

---

[1]) По свидѣтельству Евсевія (Hist. Eccles. VI, 94) толкованія на псалмы Оригенъ началъ еще въ Александріи, т. е. до обвиненія его въ ереси.

[2]) „Ὀρίγενης, ἡ παντάν ἡμῶν ἀκόνη“ (Suidae Lexic., ed. Bernhardy, II, pars I, p. 1274).

[3]) Въ греческихъ рукописяхъ толкованія Оригена также часто смѣшиваются съ комментаріями Дидима.

что относится къ божеству Іисуса, что къ человѣчеству и что къ обоимъ. Относительно Аполлинарія М. Грекъ довольствуется отзывамъ Филосторгія, который, принадлежа къ аріанамъ, свидѣтельствуетъ, что Василій, Григорій Назіанзинъ и Аполлинарій превзошли всѣхъ въ защитѣ ученія объ Единосущномъ. Вопросъ объ Астеріѣ онъ рѣшаетъ согласно съ мнѣніемъ патр. Фотія, отличая его отъ другого, носившаго тоже имя, аріанина. Обращаясь къ писателямъ иносказательныхъ толкованій и характеризуя ихъ правильнымъ пониманіемъ псалмовъ, относящихся къ І. Христу и христіанской церкви, М. Грекъ замѣчаетъ что они наиболѣе могутъ служить къ назиданію читателей, такъ какъ распространяютъ свое ученіе и на нравы. Василія Вел. и І. Златоуста онъ считаетъ настолько общепризнанными, что не находитъ нужнымъ распространяться о нихъ. Въ Аѳанасіѣ онъ отмѣчаетъ краткость изложенія, которая служитъ въ похвалу ему, уподобляя ее „краснотекущему Нилу“ и если менѣе приводится его толкованій, то Максимъ полагаетъ, что, вѣроятно, это произошло отъ того, что у составителя собранія ихъ не было необходимыхъ книгъ. Упомянувъ объ Исихіѣ, онъ ограничивается похвалою ему. Обращаясь къ Ѳеодору, Максимъ замѣчаетъ, что послѣдній былъ во враждѣ съ Кирилломъ по поводу отлученія Несторія и что онъ писалъ противъ Кирилла, какъ человѣкъ, побѣжденный яростію, но что потомъ онъ примирился. О его толкованіяхъ Максимъ замѣчаетъ, что онъ иногда уклоняется отъ буквальнаго способа къ иносказательному, преслѣдуя нравоучительную цѣль; рѣчь его еллинская самая ясная и исполнена мудрости. О Ѳеодорѣ, епископѣ антіохійскомъ, Максимъ выражается, что онъ не упускаетъ и пророческаго значенія псалмовъ; другой же Ѳеодоръ слѣдуетъ, исключительно буквальному изъясненію, но все относитъ къ іудеямъ и слова пророческія по грамматикѣ испытываетъ, причемъ Максимъ не можетъ сказать откуда онъ былъ, но это—Ѳеодоръ, епископъ мопсуетскій. Діодоръ тоже слѣдуетъ ему, хотя иногда прибѣгаетъ къ иносказательному толкованію, языкъ же его чище Ѳодоритова. На счетъ помѣщенныхъ въ книгѣ толкованій другого Кирилла, Максимъ догадывается, что они принадлежатъ Кириллу Іерусалимскому, основывая свое заключеніе на одинаковости слога съ изложеніемъ толкованій на Апокалипсисъ того же Кирилла. Обращаясь еще къ І. Златоусту, онъ замѣчаетъ, что, сказаннымъ имъ исторически отъ пророка къ іудеямъ или объ іудеяхъ, онъ поучаетъ слушателей примѣрами, какъ о благихъ, такъ и о злыхъ дѣлахъ, всегда побуждая ихъ къ

добродѣтели. О другихъ, болѣе мелкихъ писателяхъ, онъ только упоминаетъ; объясненія тѣхъ толкователей, которые ему были извѣстны, но имена которыхъ не были обозначены въ греческомъ текстѣ, какъ Іоанна Златоуста, онъ надписывалъ ими, основываясь на собственныхъ свѣдѣніяхъ, способахъ изложенія и пріемахъ поученій. (Сочин. II, 304—311).

Въ свое время А. В. Горскій такъ отозвался о замѣчаніяхъ Максима Грека относительно предложенныхъ толкованій: „хотя распредѣленіе толкователей на классы не всегда строго оправдывается характеромъ ихъ толкованій и самое различіе двухъ первыхъ направленій въ толкованіи не совсѣмъ ясно; но нельзя не признать, что Максимъ Грекъ, при всей скудости историческихъ пособій, вѣрно опредѣлилъ характеръ многихъ и понялъ ихъ сродство; а въ своихъ замѣчаніяхъ далъ читателямъ нѣкоторое руководство, какъ смотрѣть на различныя толкованія въ книгѣ, имъ предлагаемой, и какъ ими пользоваться [1]). Съ своей стороны М. Грекъ держится эклектическаго направленія, пользуясь всѣми тремя способами объясненій.

IX.

При переводѣ Толковой Псалтири, Максимъ Грекъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ отступалъ отъ бывшаго тогда въ употребленіи славянскаго текста псалмовъ. Кромѣ того въ его переводѣ встрѣчаются слова и обороты народной рѣчи, которые, конечно, должны быть приписаны его помощникамъ [2]). Другія исправленія относились къ грамматическимъ формамъ [3]). Максимъ Грекъ усердно занимался своимъ переводомъ, такъ что, по выраженію его, не имѣлъ времени дышать, будучи поглощенъ трудомъ „переведенія псалтири [4]). И въ посланіи къ вел. князю [5]) онъ сознаетъ всю трудность предпріятія происходившую или отъ самого переложенія съ греческаго языка, или отъ того, что книга, съ которой онъ переводилъ, не совсѣмъ была исправна (время повре-

---

[1]) Твор. св. отц., XVII, кн. 2, с. 182; ср. Макарій, VII, 267—271.

[2]) Такъ въ 39 псалмѣ ст. 3: „и возвелъ мя отъ ямы злострастія (ἐκ λάκκυ) и тименія грязи; 67, 26: предвариша князи близъ съ поющими посредѣ молодицъ бубеницъ 6, 8; 18, 19: вм. око—глазъ; 17, 10: вм. утробы—почки (νεφρὸς); вм. велій 46 3; 47, 2—великъ; вм. ми 37, 2; 39, 1—мнѣ; вм. ны 43, 6 и др. насъ и т. п.; вм. чаяхъ 54, 9—ждахъ; вм. выну 37, 18; 39, 12 и др.,—всегда; вм. вскую 41, 10, 12 и др.—чесо ради; вм. зане—яко.

[3]) Напр. 49, 17: аще видѣлъ еси татя теклъ еси съ нимъ, вм. видяше, течаше и т. п. Опис. рукоп. Синод. библ. т. II, ч. I, № 76, стр. 82—100.

[4]) Сочин. М. Грека: Посланіе къ Карпову. I. см. xvi.

[5]) Сочин. М. Грека, II, 312—318.

дило или невѣдѣніе писарей растлило). Онъ прибавляетъ, что „гдѣ возможно было намъ, пользуясь книгами, или по собственному разуму исправить“, то онъ исправлялъ и, въ противномъ случаѣ, оставлялъ такъ, какъ въ книгѣ.

> Въ предисловіи къ 12 псалму Аѳанасій говоритъ: этотъ псаломъ пророкъ поетъ, находясь въ раскаяніи о встрѣтившемся, а слѣдовало бы написать о грѣхѣ, ибо что можетъ быть общаго между покаяніемъ и встрѣчающимся? Вѣдь не въ томъ, что встрѣчается съ кѣмъ либо должно каяться, а въ томъ, кто согрѣшаетъ предъ Богомъ и людьми. Въ другомъ случаѣ (36 пс., ст. 14) нѣкто, объясняя указанное мѣсто, говоритъ, что Давидъ былъ убитъ своимъ мечемъ, но это не только ложно, но и не согласно, съ истиною ибо мы знаемъ что Саулъ самъ напалъ на свой мечъ, который обнажилъ противъ Давида, и умеръ. *Много* подобныхъ неправильностей встрѣчается въ разныхъ мѣстахъ *по всей книгѣ*, которыя перечислять теперь нѣтъ надобности, а только слѣдуетъ сказать, что многія подобныя мѣста получили приличное исправленіе.

Но такъ какъ въ числѣ участвовавшихъ въ переводѣ нашлись лица, которыя стали упрекать Максима за его исправленія, то онъ представилъ примѣры своихъ поправокъ и показалъ, что онъ въ настоящемъ случаѣ руководствовался „не дерзостію, или гордостію, *но ревностію всего лучшаго* и любовію къ истинѣ“. Сознавая съ одной стороны, что „настоящая книга заслуживала болѣе достойнаго и искуснѣйшаго въ художественномъ смыслѣ переводчика“, а съ другой, что хотя онъ и „грекъ по языку“ и у „учителей нарочитыхъ учился“, но „еще долу у подножія Ѳаворской горы обращается“, Максимъ просилъ читающихъ его трудъ снизойти къ его недостаткамъ, происшедшимъ по забвенію или по причинѣ неопытности, такъ какъ это всѣмъ свойственно, и потому пусть сами сдѣлаютъ необходимыя исправленія, если будутъ изъ числа сильныхъ въ знаніи глубокомысленнаго греческаго языка, достаточно вооруженные грамматическою наукою и силою риторики и пріобрѣли ихъ не сами собою, а отъ опытныхъ учителей; если знаютъ различіе многообразныхъ и трудно понимаемыхъ выраженій и словъ; такъ какъ часто одно и тоже выраженіе имѣетъ различное значеніе и можетъ быть отнесено къ тому или другому, смотря по смыслу и, если не удержимъ настоящаго смысла, можемъ отступить отъ истиннаго разума писанія и совершенно его испортить; но и то, и другое великій грѣхъ!

На свой трудъ Максимъ Грекъ смотрѣлъ какъ на религіозный подвигъ: „Его же (Бога) благодатію укрѣпленный, говоритъ онъ, я сподобился многотрудное дѣло сіе до конца довести *сверхъ всякаго чаянія, ибо скажу истину—Божіе дарованіе есть, а не мое, его всепремудрой благодати и силы, а не моей худости и немощи*". Въ заключеніе онъ взываетъ о необходимости снизойти къ бѣдствіямъ грековъ, въ надеждѣ найти въ русской державѣ покровительство и защиту отъ тяжкаго ига (см. выше, стр. 44).

Переводъ Толковой Псалтири М. Грекъ поднесъ вел. князю, предлагая сдѣлать его общимъ достояніемъ. Считая же, такимъ образомъ, порученіе вел. князя выполненнымъ, Максимъ Грекъ напомнилъ ему объ окончаніи своей миссіи. Въ томъ же посланіи онъ проситъ вел. князя наградить его сотрудниковъ: Власа и Митю—толмачей, Михаила Медоварцева и Сильвана—писарей, а ему и его спутникамъ—разрѣшить возвратиться на Аѳонъ.

Вел. князь передалъ переводъ Псалтири на разсмотрѣніе митрополита, который и одобрилъ его. „Спустя не много дней, говоритъ „Сказаніе о Максимѣ", митрополитъ приходитъ въ царскія палаты со всѣмъ соборомъ, въ сопровожденіи клирика, который несъ новопереведенную Псалтирь; и всѣ одобряютъ ее, называя *источникомъ благочестія*. Тогда вел. князь съ радостію принялъ эту книгу *и почтилъ трудившагося не только похвалами, но и большою наградою* [1]).

Вел. князь тогда же отпустилъ спутниковъ М. Грека, причемъ, „пожаловалъ ихъ деньгами, иконами и одеждами и прочими потребными вещами", а патріарху и на Аѳонъ—„послалъ милостыню довольную" [2]); но самого Максима оставилъ, имѣя въ виду воспользоваться еще новыми его трудами. Полагаютъ, что въ то же время М. Грекъ, по порученію вел. князя, сдѣлалъ опись книгамъ княжеской библіотеки. Но слѣдовъ этого труда не видно [3]). Еще во время перевода Псалтири митр. Варлаамъ просилъ Максима дополнить переводомъ съ греческаго толкованіе на книгу Дѣяній, такъ какъ имѣвшееся до тѣхъ поръ было доведено только до 13-ой главы (зачала). Послѣднее представляло сводъ толкованій разныхъ отцовъ церкви, но преимущественно І. Златоуста [4]),

---

[1]) Твор. св. отц. годъ 17, кн. 2, с. 188; Бѣлокуровъ, xxxiv—xxxvi.

[2]) Никон. лѣт. VI, 224. Они отпущены 11 сент. 1519 г.; Голубинскій замѣчаетъ о неизвѣстности отъѣзда аѳон. иноковъ, 681. Очевидно всѣ они отбыли одновременно. (Никон. VI, 224; П. С. Р. лѣт. VIII, 269; Сборн. Р. И. Общ., XLII, 623, 629).

[3]) Карамзинъ, VII, 108; Евгеній, Словарь, 98; Жмакинъ (М. Даніилъ, 160).

[4]) Филаретъ, 67; ср. Карамзинъ, VII, пр. 373; Горскій, 46.

а дополнительный переводъ (до 51 зачала) Максима былъ сдѣланъ съ толкованіями одного лица. Максимъ окончилъ его вмѣстѣ съ Власіемъ „толмачемъ латынскимъ и нѣмецкимъ“ прежде перевода толкованія на Псалтирь. Переводомъ толкованія на Дѣянія Максимъ занимался на иждиваніе митрополита и закончилъ его 27 марта 1521 г.[1]).

Патріархъ Іоакимъ въ книгѣ „Остенъ“ говоритъ, что Максимъ Грекъ въ 1521 г. (л. 7029, а по другимъ спискамъ 7050, т. е. 1542, но первое вѣроятнѣе, по обстоятельствамъ жизни Максима Грека), перевелъ вполнѣ („цѣло и всесовершенно“) съ греческаго на славянскій языкъ правила апостоловъ, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ (Властарева синтагма законовъ[2]). Въ 1523 г. Максимъ выполнилъ вмѣстѣ съ Сильваномъ переводъ бесѣдъ Іоанна Златоуста на Евангеліе Матѳея и Іоанна „благословеніемъ, радѣніемъ и тщаніемъ новаго митрополита—Даніила[3]).

Кромѣ того Максимъ занимался болѣе мелкими переводами; такъ изъ нихъ намъ извѣстны: „житіе Богородицы“—(1521[4]), „Слово о

---

[1]) Твор. св. отц., т. XVII, кн. 2, 188. См. послѣсловіе къ переводу въ рукоп. Сергіев. лавры № 3. Маргар. Макс. Гр. въ статьѣ Филарета, Москвит. 1842 г., № 11, 50. Опис. Серг. лавры, М. 1857, с. 158—159; рукоп. библ. Хлудова 1520 г. (№ 49) на 727 л. Ср. Бѣлокуровъ, №№ 29, 121, 156. Безъ сомнѣнія №№ 121, 122, 187, 189 (Опис. рукоп. Толстого, № 297)—все тѣже „Дѣянія“. Опис. Соф. библ. (Памятн. древн. письм., IV, 25—26); Зап. Ак. Н., XXI, кн. 2, с. 323.

[2]) Евгеній, Слов. дух. пис., II, 401. Это подтверждается дѣломъ Максима Грека, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ. Но показаніе Іоакима требуетъ ограниченія. Для составленной по благословенію м. Варлаама, Кормчей Вассіаномъ Патрикѣевымъ по разнымъ спискамъ, бывшимъ въ Россіи, Максимъ Грекъ перевелъ статьи изъ Номоканона Фотія въ толкованіяхъ Іоанна Зонары, Матѳея Властаря, Ѳеодора Вальсамона, Арменопула и Димитрія Хоматіаноса. Подробн. см. А. С. Павлова (О Кормчей инока Вассіана Патрикѣева, Уч. зап. Каз. ун. 1864, № 1); Бычковъ, Опис. сборниковъ, 355; Макарій, VIII, гл. VII; Жмакинъ, 151—157, 527; Лихачевъ, Библ. моск. царей, 24—25; Соболевскій, Переводн. литер. 32, 264, 279; Бѣлокуровъ, 327—331; Жмакинъ, М. Даніилъ, 743—750.

[3]) Царскаго, №№ 191, 192.—Бесѣды І. Злат. на Еванг. Матѳея, см. перечень у Бѣлокурова: №№ 22, 69 (XVI в.), 89, на 599 лл. (XVI в.), 90 (XVI в., 44 бес.), 94 (рукоп. XVIII ст. на 885 лл.), 95, (XVI в., съ припискою о поруч. м. Даніила), 96, 123 124 (XVI в.), 135—139, 154 155; (XVI в.), Бесѣды І. Злат. на Еванг. Іоанна: №№ 24 (XVI в.), 27, 47, 91—92 (1—88 бес. на Матѳея и Іоанна), 125 на Еванг. Іоанна (списокъ 1545 г., по распоряженію Вас. Мих. Тучкова-Морозова); 135—139 (бес. на обоихъ, XVI—XVII вв.), 152—153 (бес. на Іоанна). Въ одной изъ рукописей (библ. Чудова мон.) приписывается, впрочемъ нерѣшительно, переводъ Максиму Греку Толков. на 16 пророковъ (Памятн. древн. письм. 1879; в. IV, с.; Бѣлокуровъ, № 85; въ другихъ рукописяхъ этого указанія нѣтъ, см. №№ 86—88).

[4]) Преніе м. Даніила съ Максимомъ, Чтен. Моск. Общ. ист. 1847 г., № 7.

чудѣ Михаила архангела“,—объ апост. Ѳомѣ и ж. Діонисія Ареопагита—всѣ три Симеона Метафраста; похвальное слово Василія св. муч Варлааму [1]) и др.; выписки изъ разныхъ пророковъ съ толкованіями, переводы 3-й и 4-ой главъ изъ 2-ой книги Ездры, 3-го и 8-го видѣнія Даніила, о Сусаннѣ, повѣсти о Есѳири, отличающіяся большимъ количествомъ русскихъ словъ [2]). Самъ Максимъ Грекъ писалъ толкованія на разные тексты свящ. писанія и церковные обряды, о которыхъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ [3]).

Въ то же время М. Грекъ занимался исправленіемъ книгъ, которое ему было поручено вел. княземъ: „*по повелѣнію в. князя*, говоритъ онъ, не только толкованіе Псалтыри—*дѣло нарочитое* (намекъ на первоначальное назначеніе переводчика) переводилъ, но *и иныя боговдухновенныя книги различно растлѣнныя отъ переписчиковъ исправилъ*“ [4]). Прежде всего онъ занялся исправленіемъ Тріоди, также съ помощію переводчиковъ: „когда случилось мнѣ грѣшному, замѣчаетъ онъ, исправлять Тріодь, то я передавалъ полатыни (латинскою бесѣдою) толмачамъ вашимъ, Митѣ и Власу: такъ какъ я еще несовѣршенно изучилъ вашъ языкъ“ [5]). Потомъ онъ просматривалъ толковое Евангеліе, Часословъ, Минею праздничную и Апостолъ [6]), и вообще нашелъ важныя ошибки противъ догматовъ и точности перевода.

---

[1]) Чтен. Моск. Общ. ист. 1847 г., № 4. Оглавл. Чет. мин. Макарія 6 сент. и 3 окт. Опис. рукоп. Хлудова, I, 190; Опис. Сборн. Новгород. Соф. библ. (Лѣт. зан. Арх. ком., III, 92; Отч. Им. Публ. библ. 1868 г., с. 66; Макарій, VII, 269; Бѣлокуровъ xx, 85—88. О переводахъ изъ Метафриста. и др. статей (Соболевскій, Перевод. литер., 264—279). О жизни и трудахъ Симеона Метафраста, В. Г. Васильевскаго (Ж. М. Н. Пр. 1880, № 12, с. 379-437). Ему же приписываютъ перев. пов. о нерукотв. образѣ изъ Константина Порфирогенета (Лѣт. зан. Арх. ком., III, 91—92); Соболевскій (219, 433), и выборъ путеводителя по св. мѣстамъ, переведеннаго Сильваномъ (Чт. въ Общ. ист. 1911, IV. 37—38), которому приписывается и редакція (вначалѣ) сочин. М. Грека (Ягичъ, Разсужденія, 629).

[2]) Опис. рукоп. Румянц. муз. № 196. Ж. М. Н. Пр. 1834 г., августъ, и Филарета въ Москвит., стр. 69. О переводѣ пророч. ср. Бѣлокуровъ, CCLIX и CCLXI.

[3]) Въ книгѣ Евстаѳія Опытъ рус. литер. (на греч. яз.) Аѳины 1904 г., гл. v-я посвящена вопросу о книжн. исправл. М. Грека (реценз. въ Ж. М. Н. Пр. 1905, № 3, 202—218).

[4]) Исповѣд. вѣры, т. I, 1—22.

[5]) Тамъ-же и Ист. церкви, Платона II.

[6]) Ист. церкви Филарета, III, 112. Макарій, VII, 271. Хронологія его переводовъ (Бѣлокуровъ, 240—241); ср. 301—305, 317—318, 327—328, CCXLVII. М. Даніилъ просилъ М. Грека перевести церк., исторію Ѳеодорита Киррскаго, но онъ отказался (о чемъ см. ниже). О послѣднемъ Глубоковскій, Блажен. Ѳеодоритъ еп. Киррскій, Спб. 1892; рец. В. Болотова (Хр. Чт. 1892, т. II).

Приведемъ нѣсколько примѣровъ, на которые указываетъ Максимъ Грекъ. „Я, говоритъ онъ, всѣми моими писаніями и въ моихъ переводахъ и исправленіяхъ божественныхъ книгъ учу всякаго человѣка право мудрствовать о воплотившемся Богѣ Словѣ, т. е. не называть Его только человѣкомъ, какъ это дѣлается *въ вашихъ часословцахъ*, но признавать совершеннымъ Богомъ и совершеннымъ человѣкомъ въ одномъ лицѣ, единымъ Богочеловѣкомъ, воскресшимъ въ третій день, а не безконечною смертію умершимъ, какъ проповѣдуютъ вездѣ имѣющіяся у васъ толковыя Евангелія. Я учу вѣрить и проповѣдывать что Онъ—не созданный по Божеству, а не созданный и не сотворенный, какъ хулилъ злочестивый Арій и *какъ вездѣ проповѣдуютъ о немъ ваши Тріоди*, объ исправленіи коихъ вы пренебрегаете. Я признаю и исповѣдую Его одного отъ Отца безъ матери и прежде всѣхъ вѣкъ рожденнымъ, какъ учитъ божественный Апостолъ и всѣ богодухновенные богословы, а не „и Отца". Отецъ безматернимъ нигдѣ въ свящ. писаніи не называется; ибо Онъ не рождается и не произошелъ отъ какого-либо другаго старѣйшаго Его существа... *Имѣющіеся же у васъ Часословы проповѣдываютъ Его тайно* безматернимъ Сыну, а вы на такую хулу не обращаете вниманія и не исправляете ее (Сочин., I, 29—31). Взявъ въ руки книгу Тріодь, я нашелъ въ 9 пѣснѣ канона вел. четверга: „Сущаго естествомъ несозданна Сына и Слова пребезначальнаго Отца, не сущаго естествомъ не создана воспѣваемъ. Не стерпѣвъ такой хулы, я исправилъ это хульное мѣсто... Ибо у насъ Слово славится не созданнымъ по естеству, какъ въ этомъ мѣстѣ, такъ и вездѣ... Также въ томъ же канонѣ и въ той же пѣснѣ, древній переводчикъ вмѣсто Христа единаго тѣмъ познайте, перевелъ Христа единаго два Мене познайте, не понявъ значенія написаннаго изреченія... Іоаннъ Дамаскинъ, достигшій высшаго познанія философіи и богословія, знаетъ хорошо, что Божество несоздано, непреложно и неизмѣняемо и потому Оно одно неописуемо, а всѣ твари описуемы и измѣняемы... Нѣкоторые же изъ нынѣшнихъ суетныхъ мудрецовъ... весьма дерзостно и невѣжественно пишутъ въ Тріодяхъ вмѣсто „описуемою плотію своею"—„неописуемою"... Будучи же спрошены, почему вы, о пречудные мужи, такъ пишете и поете въ церкви? они отвѣчаютъ, что по воскресеніи изъ мертвыхъ плоть Господня стала обоженною и неописуемой, такъ какъ Богъ Слово тогда вмѣстился въ нее („влѣзшу въ ню") и обожествилъ ее (Сочин., т. III, слово ix; Платонъ, Ист. церкви, т. II, прилож. 2).

Если въ указанныхъ отступленіяхъ повинны были преимущественно переводчики, а отчасти и переписчики, то подобное изложеніе, въ свою очередь, могло оказывать вліяніе на развитіе еретическихъ мнѣній.

Причиною этихъ ошибокъ М. Грекъ считаетъ древнихъ переводчиковъ и переписчиковъ. „Непохвальныя описи, говоритъ онъ, произошли: одни отъ недоумѣнія древнихъ приснопамятныхъ переводчиковъ, другіе отъ переписчиковъ книги, достаточно не наученныхъ и неискусныхъ въ разумѣ и хитрости грамматической". При этомъ онъ указываетъ, какими, по его мнѣнію, свѣдѣніями должны обладать тѣ лица, которыя берутся за книжное дѣло. Прежде всего онъ говоритъ о трудности греческаго языка и несовершенномъ знаніи его славянскими переводчиками: „Еллинскій языкъ, то есть греческій, весьма мудрый, и не всякій поэтому удобно можетъ достигнуть его до конца, если немного лѣтъ находиться будетъ у нарочитыхъ учителей, притомъ если не будетъ грекъ родомъ, острый умомъ и любознательный, а не такой, который учится поверхностно (отчасти) и въ совершенное знаніе его не дошелъ, какъ я нахожу во многихъ выраженіяхъ (пословицахъ) у достопамятныхъ переводчиковъ святыхъ писаній съ греческаго языка на русскій. При этомъ онъ представляетъ примѣры подобныхъ недостатковъ. Переводчики, повторяетъ Максимъ, должны быть „довольно и въ совершенствѣ научены грамматикѣ, піитикѣ, риторикѣ и самой философіи", потому что безъ этого „никто не можетъ ни ясно (прямо) и совершенно разумѣть написанное, ни перевести его на иной языкъ"; переписчики же должны быть „научены въ разумѣ и въ искусствѣ грамматики". И онъ снова заявляетъ, что за исправленіе книгъ могутъ браться только тѣ, которые будутъ сильны въ разсужденіи греческаго слова, глубоко разумнаго, если грамматическими художествами и риторскою силою будутъ довольно вооружены, не сами собою пріобрѣтя познаніе, но усвоивъ отъ искуснѣйшихъ учителей, если хорошо знаютъ смыслъ словъ, правописаніе и научены въ различіи разнообразныхъ понятій и выраженій; ибо многія слова имѣютъ одно выраженіе и иное значеніе, и если не вникнемъ прилежно въ ихъ смыслъ и не соблюдемъ истиннаго значенія, то въ обоихъ случаяхъ погрѣшимъ противъ истины [1]). Въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ:

У насъ есть выраженіе; *ипсилосъ* (ὑψηλός), что значитъ *высокій* и другое, мало чѣмъ отличающееся по начертанію отъ

---

[1]) Сочин., II, 314, ср. III, 62—63, 80. См. в., 173.

него, которое пишется: *псилосъ* (ψιλός), т. е. *нагъ* или *голъ* и употребляется вездѣ богословами противъ еретиковъ, хулившихъ Христа и утверждавшихъ, что Христосъ былъ только человѣкъ, а не Богъ... Помянутые же почтенные переводчики не поняли разницы выраженій и вмѣсто того, чтобы сказать: *нагъ*, или *голъ*, или *только одинъ*—вездѣ перевели въ томъ смыслѣ, что Христосъ „высокій человѣкъ"...; но это неправильно и не соотвѣтствуетъ мысли богослововъ, ибо не относительно высоты или толстоты спорили еретики съ православными, но о Его божествѣ и человѣчествѣ... Другое выраженіе: *екклисія* (Ἐκκλησία) значитъ *церковь* и подобное ему: *екилисѣ* (ἐκκλεῖσαι) значитъ *заключить* кого нибудь *внѣ церкви*, правильнѣе же сказать: *отлучить отъ церкви*. Древніе же переводчики, не понявъ различія похожихъ выраженій, перевели вамъ на удачу вмѣсто: „отлучити васъ хотятъ"—„церкви васъ хотятъ"... Но это неправильно, ибо не къ церкви ихъ хотѣли (привлечь) тѣ, которые велѣли имъ обрѣзываться по закону Моисееву и хранить прочія установленія, но стремились этимъ отлучить ихъ отъ Христа (Галат. 4, 17)... И въ 8-й пѣснѣ на Рождество Христово, во второмъ стихѣ находится слѣдующая неудобная описка. У насъ есть два выраженія, одинаковыя по произношенію, но имѣющія различное значеніе. Выраженія эти: *у гаръ идонъ* (οὐ γὰρ εἶδον и οὐ γὰρ ᾖδον). Въ первомъ, если написано чрезъ ижицу малую, то значитъ *„не видѣли"*, а во второмъ, если написано черезъ ижицу большую, то значитъ: *„не пѣли"*. Древній же переводчикъ, не обративъ должнаго вниманія ни на различіе способа написанія, ни на смыслъ стиха, перевелъ просто: *не видѣша въ любодѣяніихъ*, вмѣсто того, чтобы сказать: *не пѣваху*... Какъ же не видѣли тѣ три отрока и прочіе священники и левиты? Вѣдь не слѣпые они были, когда, по причинѣ особенной своей красоты отроки взяты были въ царскія палаты? Но и выраженіе: „въ любодѣяніихъ" переведено не согласно съ подлинникомъ, ибо у насъ такъ не понимается, а слѣдуетъ, какъ у прор. Давида: *на землѣ чуждей* (псал. 136) или *въ чуждихъ* примѣнительно къ ирмосу и ради согласнаго пѣнія. Также согрѣшили старые переводчики и въ томъ, что написано апост. Лукою въ Дѣяніяхъ, въ которыхъ онъ показываетъ ап. Павла стоящимъ на *Аріевѣ пагѣ*, а не *ледѣ* и т. д. Все это, замѣчаетъ М. Грекъ, показываетъ, что древніе переводчики не совершенно знали еллинскій языкъ или другіе, бывшіе послѣ нихъ, малоученые пожелали исправить и еще болѣе испортили. Далѣе Богословіе Іоанна Дамаскина, менѣе употреблявшееся, до того было

испорчено отъ переписчиковъ, что М. Грекъ не рѣшился сдѣлать извлеченіе изъ 33 главы для своего „слова“, такъ какъ рѣчи І. Дамаскина были неправильно и нехудожественно изложены и долженъ былъ отложить свое желаніе до полученія греческой книги (Исторія церкви Платона, т. II, прилож. 3; Сочин., т. III, 79—86). О плохомъ переводѣ Богословія І. Дамаскина свидѣтельствуетъ и Курбскій въ посл. къ Чаплію (Сказ., 277), быть можетъ со словъ М. Грека.

X.

Основаніемъ требуемыхъ познаній М. Грекъ признаетъ грамматику, которую онъ называетъ „началомъ входа къ философіи“, но надъ изученіемъ ея „надобно сидѣть у учителя добраго цѣлый годъ, освободившись отъ всѣхъ житейскихъ заботъ и печалей, быть всегда трезвымъ и воздерживаться отъ всякаго покоя, излишняго сна и винопитія. *И ученіе то у насъ*, замѣчаетъ Максимъ, *у грековъ, весьма хитро, но не у васъ*; такъ какъ у насъ изначала были великіе и мудрые философы, которые выработали весьма изящную рѣчь, украшенную пословицами, неудобно разумѣваемыми и намъ грекамъ, почему мы греки требуемъ долго сидѣть у учителя добраго со многимъ трудомъ *и біеніемъ*, доколѣ не войдетъ познаніе въ умъ нашъ“ [1]).

Съ именемъ Максима Грека связаны два сочиненія, имѣющія прямое отношеніе къ его трудамъ по книжному дѣлу: „о грамматикѣ“ и „о пользѣ грамматики“. Убѣдившись же на опытѣ, что значило для русскихъ писцовъ встрѣчать въ рукописяхъ иностранныя слова—М. Грекъ предложилъ толкованіе греческихъ названій и толкованіе именъ по алфавиту, а также объяснялъ въ своихъ сочиненіяхъ значеніе словъ славянскихъ и иностранныхъ.

Статья „О пользѣ грамматики“, помѣщена въ прибавленіи къ грамматикѣ Смотрицкаго 1618 г. и отдѣльно издана Сыромятниковымъ 1782 г. (Филаретъ, Москвитян. 1842, № 11). Въ первой статьѣ указано 8 частей рѣчи съ обозначеніемъ слѣдующихъ названій: 1) Имя, 2) Рѣчь, 3) Причастіе, 4) Членъ, 5) Вмѣстоименъ, 6) Предлогъ, 7) Припрѣчіе (сл. нарѣчіе), 8) Союзъ. Авторъ не говорилъ ни о падежахъ, ни о междометіи. Во второй ст. дается разборъ: *Царю*—часть первая (т. е. имя), имя собное (собственное), по свойству, а не по причастію, отъ неуравняемыхъ,

---

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1834 г. августъ, № 8, с. 247—248, „О грамматикѣ.

рода мужескаго, вида первообразнаго, числа единственнаго, начертанія простаго, падежа звательнаго, склоненія четвертаго. *Небесный* — часть первая, имя отъименное, неуравняемыхъ, третьяго прилагательныхъ раздѣленія, рода мужескаго, вида производнаго, числа единственнаго, начертанія простаго, падежа звательнаго, склоненія пятаго.—Подобнымъ образомъ разобраны молитвы „Царю небесный“ и „Отче нашъ“. При наличности другой статьи, въ рукописи, сходной съ первой, полагаютъ, что М. Греку принадлежатъ здѣсь только указанныя поправки (Ягичъ, 597).

Заслуживаетъ также вниманія его толкованія на нѣкоторыя мѣста изъ Григорія Богослова (Сочин., III, слово vi). Здѣсь онъ объясняетъ выраженіе: „ни фракійстіи уставы сіи“, слово „африскія“ (ἀθρησκεία—идольская служба, а не вѣрованіе); а по поводу выраженія: „ни апидовы ясли юнца наслаждающася обильно мемфитовъ буйствомъ“ онъ разсказываетъ о поклоненіи Апису. Въ другой статьѣ Максимъ объясняетъ названіе льва (λέω) и „скимена“, Еѳіопіи и словъ: „исполинъ“, „гигантъ“, такъ какъ „нѣцыи грубіи“ слову исполинъ придавали значеніе звѣря (27—33). Въ „Сказаніи о вѣщѣ Спасовѣ и Богородичнѣ имяни“ (слово xv), Максимъ толкуетъ греческія надписанія: **ѻѡн**—сый и м̃р ѳ̃у—что значитъ, говоритъ онъ, μητὴρ θέ8...—т. е. Мати Божія“, а не Мароа, ни Мирѳу, „яко же нѣцыи мнятъ всуе отъ невѣдѣнія греческія рѣчи“. (Ж. М. Н. Пр. 254. Опис. Рум. муз., 41. Москвитян., № 11). По нѣкоторымъ признакамъ (обращеніе къ греческому языку и т. п.), указываютъ еще примѣры грамматическаго содержанія (Ягичъ, 598—615; ср. 970—981).

Книга, глаголемая *Лексисъ*, сирѣчь недовѣдомыя рѣчи, переводъ М. Грека отъ иновѣрныхъ на рус. языкъ право, полууст. нач. XVII в., 226 л. (на всѣ буквы) рукоп. Имп. публ. библ. № 1145 (Бѣлокуровъ, ccci—cccii). Прежніе опыты (Соболевскій, 288). Алфавитъ собственныхъ именъ греческихъ и латинскихъ не былъ напечатанъ въ собр. сочиненій вслѣдствіе отсутствія исправнаго списка (Сочин., III, 290; Бѣлокуровъ, № 216; Опис. Рум. муз. № 265. Ср. Труды Славян. ком. Моск. Арх. общ. IV, 029—031). Въ рукописи Троиц. лавры (Опис. архим. Леонида, М. 1879, I, № 201) помѣщена рядомъ съ другими статьями—о буквахъ греч. алфавита (о ней, Ягичъ, 598—600). Ср. А. Карповъ, Азбуковники или алфавиты иностр. рѣчей, по спп. Соловец. б., Каз. 1878.

Вмѣстѣ съ тѣмъ М. Грекъ обращаетъ вниманіе на неточность въ знакахъ препинанія и на буквальныя отступленія въ смыслѣ, происходившія отчасти отъ смѣшенія понятій, отчасти же отъ неправильнаго употребленія грамматическихъ формъ.

Такъ онъ замѣчаетъ, что въ Символѣ вѣры слѣдуетъ читать „воплощшася отъ Духа Свята и Маріи Дѣвы, а не изъ Маріи, потому что Марія имя ея, а не *Змарія*, не лѣпо, *ибо „и“ союзъ есть совокупителенъ, а не предлогъ;* совокупительнымъ же называется, такъ какъ рѣчь связуетъ съ рѣчію, какъ говорятъ Петръ, Іаковъ и Іоаннъ... Далѣе, Максимъ замѣчаетъ, что въ Символѣ вѣры слѣдуетъ говорить *чаю*, а не *чаемъ*, потому что тамъ же употребляется *вѣрую*, а не *вѣруемъ*, что одно при другомъ (т. е. чаемъ и вѣрую) выходитъ безсмысленно, а также: *жизнь будущаго вѣка*, а не *жизнь будущая въ вѣки* „по младенческому мудрованію“, *потому что Христосъ есть животъ, а не вѣкъ или вѣки.* Взявъ одно мѣсто изъ 2-го псалма: „Азъ же поставленъ есмь царь отъ него надъ Сіономъ горою святою его“. Максимъ замѣчаетъ, что мѣсто это слѣдуетъ относить къ Іисусу, такъ какъ выше сказано объ уничиженіи и посмѣяніи его чести, и царь, поставляемый отъ Отца, есть царь всѣхъ, тогда какъ цари Сіона называются только іудейскими царями“ [1]).

На вопросъ неизвѣстнаго друга М. Грекъ объяснялъ значеніе *краеграній* или *краестрочій* къ канонамъ („акростихиды“): они служатъ для того, чтобы точнѣе опредѣлить составителя этихъ послѣднихъ. Онъ ихъ раздѣляетъ на *алфавитныя*, когда начальныя буквы каждаго стиха— отъ перваго до послѣдняго—идутъ въ алфавитномъ порядкѣ, собственно акростихи—когда начальныя буквы стиховъ образуютъ какую нибудь мысль, и, наконецъ, именныя краестрочія—когда начальныя буквы составляютъ имя, наприм. Іосифъ [2]). Какъ изъ собственныхъ словъ М. Грека, такъ и изъ примѣровъ, приведенныхъ имъ, видно, что къ искусству стихотворенія онъ питалъ большое уваженіе [3]).

XI.

Такимъ образомъ Максимъ Грекъ впервые у насъ такъ разносторонне и *критически* отнесся къ своей задачѣ—книжному дѣлу. По

---

[1]) Сочин., III, 56—59.

[2]) Сочин. М. Грека, III, слово XXXV, 245; ср. И. В. Ягичъ, 591—594.

[3]) И. В. Ягичъ, 592. Вопросу о стихосложеніи М. Грекъ придавалъ большое значеніе и считалъ его признакомъ истинной учености, но примѣры, показанные имъ, не нашли тогда подражателей (Изв. Ак. Наукъ, 1899, IV, въ статьѣ В. Н. Перетца, 1220—1221).

поводу своихъ исправленій онъ говоритъ: „тѣ мѣста, которыя неправильно предложены были переписчиками, или отъ долгаго времени растлѣны, но которыя возможно было намъ или отъ книгъ просвѣтленнымъ, или самимъ уразумѣть, прилежаніе великое сотворивъ, съ Богомъ помощникомъ, мы исправили, а въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они отъ книгъ, ни отъ себя умыслить не могли поправить, оставили, какъ были исперва положены“ [1]). Его исправленія заключались не въ сличеніи разнообразныхъ списковъ рукописей, что вводило даже въ заблужденіе древнихъ переписчиковъ, но и въ сличеніи исправляемой рукописи съ греческимъ текстомъ, причемъ онъ прилагалъ собственныя познанія, такъ какъ онъ не довѣрялъ безусловно послѣднему, что видно изъ его отзыва о переводѣ Псалтири [2]). М. Грекъ первый указалъ на то, что неисправность книгъ произошла не только отъ писцовъ „ненаученныхъ грамматической хитрости“, но также и отъ древнихъ переводчиковъ, а этимъ самымъ призналъ недостаточность исправленія книгъ посредствомъ одной только провѣрки различныхъ списковъ.

Не считая, однако, своего труда совершенствомъ, М. Грекъ желалъ, чтобы и его трудъ исправляли; но для предупрежденія людей, не способныхъ къ такому дѣлу, онъ представилъ его трудности и образецъ исправителя, чтобы, какъ онъ говоритъ, „сдѣлать внимательнѣйшими тѣхъ, кто захочетъ послѣ насъ (нашихъ трудовъ) заняться исправленіемъ“ [3]). М. Грекъ зналъ, съ какою трудностію соединялся въ Россіи выборъ хорошаго переводчика и какъ часто за это дѣло брались только изъ корыстныхъ побужденій; поэтому онъ, для испытанія выдающихъ себя за переводчиковъ съ греческаго языка, написалъ 16 греческихъ стиховъ героическаго и элегическаго размѣровъ съ своимъ переводомъ и наставленіемъ объ испытаніи переводчиковъ. Содержаніе стиховъ заключаетъ въ себѣ наставленіе: „какъ слѣдуетъ входить въ святые божіи храмы“ [4]). По этому поводу о переводчикахъ онъ пишетъ слѣдующее: „такъ какъ многіе обходятъ города и земли, одни для торговли, другіе ради художествъ и ремеслъ, а иные и для книжнаго искусства, греческаго или латинскаго, что тоже римскаго, и одни изъ нихъ совершенны, другіе же не вполнѣ, а иные и совершенно не вкусившіе художественнаго книжнаго вѣдѣнія, т. е. грам-

[1]) Сочиненія, II, 313.
[2]) Сочин. II, 314.
[3]) Сочин. II, 315.
[4]) Ibid. III, 288—289.

матическаго и риторическаго знанія и прочихъ чудныхъ наставленій эллинскихъ, *хотя хвалятся знаніемъ всего, желая* корыстоваться и кормиться, то я справедливо разсудилъ оставить вамъ, господамъ моимъ, нѣсколько строкъ, списанныхъ мною эллинскимъ мудрымъ способомъ на испытаніе всякаго, хвалящагося ими. *Если же кто послѣ моей смертіи придетъ къ вамъ* и который возможетъ перевести вамъ тѣ строки, по моему переводу, повѣрьте ему, добрый и искусный онъ есть, если же не съумѣетъ совершенно перевести, по моему переводу, не имите вѣры ему, *хотя тьмами будетъ хвалиться,* и первѣе спросите его, какою мѣрою сложены суть строки сіи, и если скажетъ: героическою или элегическою мѣрою, то истиненъ есть; если скажете ему: сколькими ногами (стопами) оба размѣра совершаются? и онъ отвѣтитъ, говоря, что геройская шестью, а элегическая пятью, не сомнѣвайтесь въ немъ, ибо добрый будетъ, пріимите его съ любовію и честію и, сколько времени у васъ поживетъ, жалуйте его обильно, а когда захочетъ возвратиться восвояси, отпустите его съ миромъ, а силою не держите у себя таковыхъ; непохвально, ни справедливо, но и не полезно землѣ вашей, какъ Омиръ, этотъ извѣстный мудрецъ, говоритъ, хваля и законополагая страннолюбіе: хорошо, говоритъ, любить гостя у насъ живущаго, а хотящаго отойти—отпустите“ [1]). По заключительнымъ словами видно, что статья эта написана уже гораздо позже, когда возвращеніе на Аѳонъ стало для Максима Грека неисполнимымъ. Въ этихъ словахъ слышится и горечь безнадежности, и тяжелый упрекъ московской политикѣ, боявшейся выпустить изъ своихъ рукъ Максима Грека.

XII.

Но М. Грекъ имѣетъ и другую важную заслугу въ исторіи славяно-русской грамматики. Болѣе ранняя попытка привить грамматическое ученіе, въ интересахъ улучшенія книжнаго исправленія, съ подобной же характеристикой его, какая сдѣлана М. Грекомъ относительно русской книжности, принадлежитъ въ Сербіи Константину (Философу) Костенчскому (первой полов. XV в. [2]). Родомъ болгаринъ, воспитавшійся подъ впечатлѣніемъ книжной реформы патр. Евѳимія и греческихъ образцовъ (эротимата), а также изученія славянскихъ на-

---

[1]) Сочин. III, 286. „О пришельцахъ философѣхъ“.

[2]) Константинъ ссылается на обычай, соблюдаемый у грековъ и въ Терновѣ: „того бо ради и возбраненіе есть невѣждамъ еже не писати божественныя писанія въ Грецѣхъ же и въ Терновѣ и даже во Св. горѣ“.

мятниковъ [1]), онъ, вынужденъ былъ по печальнымъ обстоятельствамъ своей родины, угнетенія отъ турокъ, удалиться въ Сербію, гдѣ задумалъ приложить свои познанія къ составленію грамматическаго труда „для желающихъ учить или писать“, съ цѣлью побудить молодое поколѣніе выучиться разумно употреблять письмо, тогда и старики уже, ради стыда, станутъ учиться (есть полный и сокращен. тексты его сочиненія); но рядомъ съ тѣмъ онъ является обличителемъ современныхъ недостатковъ сербскаго общества и его вражды къ научнымъ занятіямъ, по поводу которой ему приходилось также указывать на примѣръ неправославнаго Запада, гдѣ много заботятся о словѣ божіемъ, между тѣмъ, какъ здѣсь ревнители чистоты вѣры и исправности книгъ возстаютъ, о которыхъ онъ позволяетъ говорить только библейскими намеками, изъ опасенія непріятныхъ послѣдствій,—черты дѣятельности, во многомъ напоминавшія судьбу М. Грека въ Россіи, съ тою лишь разницею, что послѣдняго насильно удерживали, между тѣмъ какъ противники Константина желали, чтобы онъ самъ скорѣе покинулъ предѣлы Сербіи [2]).

Максимъ Грекъ задался подобной же цѣлью, но выполнилъ это не въ такой широкой мѣрѣ. Въ то время какъ у Константина грамматическое „искусство“ стояло на первомъ планѣ, у М. Грека оно имѣло лишь второстепенное, подчиненное значеніе. Но есть разница между ними и въ пользу послѣдняго. Константинъ прошелъ довольно плохую школу грамматическаго искусства, преслѣдовавшую буквальную мелочность и не знавшую болѣе возвышенныхъ задачъ. М. Грекъ обнаруживаетъ способность филологическаго толкованія текстовъ и умѣнье пользоваться различными способами критики и въ числѣ ихъ данными грамматики и синтаксиса, руководствуясь теоретическими свѣдѣніями по греческой грамматикѣ и приводя доказательства и примѣры какъ въ обличеніе чужихъ ошибокъ, такъ и своихъ поправокъ. Теорія грамматическаго искусства, усвоенная имъ на родинѣ,

[1]) Не дебелѣйшій болгарскій, не „высокій“ сербскій легъ въ основаніе церковной славянщины, по его словамъ, но „тончайшій и краснѣйшій языкъ рушкій (русскій),—замѣчаніе, указывающее на подмѣченную имъ, по количеству одинаковыхъ словъ, близость рус. языка къ церковно-славянскому, высказанное въ своеобразномъ выраженіи. „Этотъ фактъ былъ чутьемъ подмѣченъ Константиномъ“ (Ягичъ).

[2]) См. Книга Константина философа и грамматика о письменахъ (въ полной редак. по рукоп. Карловиц. XVI ст. и краткой—по сп. Троицко-Серг. лавры, XVII стол. и сп. Церк. арх. муз. Кіев. дух. акад., съ предисловіемъ и замѣч. И. В. Ягича (Изслѣд. по рус. языку, изданіе Отд. рус. яз. и словесности И. Ак. Наукъ, I, 1895, стр. 366—581).

была еще расширена въ критико-филологическомъ направленіи въ Италіи, которая завершилась такой школой, какъ кружокъ Ласкариса и Альда Мануція [1]). Однако, написать грамматику для русскихъ, онъ не рѣшился, какъ потому, что онъ нѣкоторое время и не владѣлъ русскимъ языкомъ, такъ и по обстоятельствамъ своей жизни. Но вліяніе означенной филологической школы видно въ его полемическихъ пріемахъ, формѣ изложенія, въ разнообразіи пріемовъ, свидѣтельствующихъ о его начитанности, въ простотѣ и вразумительности стиля [2]). И хотя онъ не написалъ грамматики, но его авторитетъ становится обязательнымъ для русскихъ книжныхъ людей наравнѣ съ непререкаемымъ авторитетомъ І. Дамаскина (предисловіе къ Богословію и статья „о восьми частяхъ слова", ему приписываемая). Заслуга М. Грека заключалась въ томъ собственно, что онъ перенесъ общую, по византійскимъ источникамъ, широко распространенную грамматическую теорію на русскую почву. По ея образцамъ воспитывался самъ М. Грекъ. Таковы грамматики Діонисія Ѳракійскаго, Ѳеодора Газы, Ман. Мосхопула, К. Ласкариса и краткія извлеченія изъ Діонисія (Эротиматы [3]). Названіе всѣхъ почти частей слова у М. Грека то же самое, какъ и въ переводахъ южнославянскихъ..; всѣ статьи, толкующія не о членахъ, а о различіяхъ, происхожденіемъ своимъ восходятъ къ болѣе раннему времени, вытекая прямо изъ южно-славянскихъ преданій, тогда какъ названіе „членъ" получило санкцію во время М. Грека [4]). Наконецъ, упомянемъ о его алфавитѣ собственныхъ именъ латинскихъ и греческихъ, который не былъ напечатанъ въ собраніи сочиненій, (см. в. с. 181), вслѣдствіе отсутствія исправленнаго списка.

Еще въ XVII в. авторитетъ М. Грека былъ на столько великъ, что съ его именемъ связываются двѣ статьи, внесенныя московскимъ издателемъ грамматики Мелетія Смотрицкаго, одна изъ нихъ, служа-

[1]) Въ то время, какъ не всѣ греки склонны были изучать латинскій языкъ (см. выше, стр. 79 и 121), онъ несомнѣнно зналъ его основательно (Сочин. III, 62, 122, 194, 227, 283) и конечно владѣлъ итальянскимъ (Сочин. II, 50). Въ предисл. къ переводу толкованій на Евангеліе Іоанна замѣчено: „Максимъ былъ въ обоихъ языкахъ весьма искусенъ". (И. В. Ягичъ, 632), т. е. греческомъ и латинскомъ. Замѣчаніе, что первоначальныя соч. М. Грека, по конструкціи рѣчи и словообразованію, писаны на латин. яз. и переведены на славян. языкъ другими (А. И. Соболевскій, Перевод. литер. 261—262).

[2]) Замѣчанія на примѣры неточностей въ старыхъ переводахъ. И. В. Ягича (585—511).

[3]) И. В. Ягичъ, 584, 609—613.

[4]) И. В. Ягичъ, 596.

щая напутственнымъ словомъ юношамъ, приступающимъ къ изученію грамматики, несомнѣнно переведенная съ греческаго, и другая статья, помѣщенная тамъ же, изложенная въ видѣ „Бесѣды" (діалога) отъ имени Максима Грека съ собесѣдникомъ, о важности и значеніи грамматики, риторики и философіи и необходимости ихъ изученія [1]). Самъ М. Грекъ настолько подготовилъ въ изученіи (теоретически и практически) греческаго языка одного изъ своихъ помощниковъ (инока Сильвана), что послѣдній могъ предпринять, при содѣйствіи своего наставника, переводъ толкованія Іоанна Златоуста на Евангеліе Матѳея, и онъ же отзывается о М. Грекѣ, какъ о мужѣ весьма мудромъ во всѣхъ трехъ языкахъ, въ еллинскомъ, римскомъ и русскомъ, и не только въ знаніи ихъ, но и въ способности творить мѣрою (стихами) „ироїскы" и „амвійскы", во всемъ благоискуснаго и много отъ человѣкъ нынѣшняго времени отстоящаго мудростію, разумомъ и остроуміемъ [2]).

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Общій характеръ сочиненій Максима Грека и ихъ изданія.—Общественное ихъ значеніе.—Явленія, вызвавшія его на литературное поприще.—Остатки ереси жидовствующихъ и полемика съ ея послѣдователями.—Вопросъ о соединеніи церквей.—Полемика противъ латинянъ.—Ея вліяніе на отношенія къ римской церкви.—Кто былъ защитникомъ соединенія при М. Грекѣ.—Полемика М. Грека противъ магометанства; политическій ея характеръ.—Его сочиненія противъ армянъ и въ защиту христіанства противъ язычества.—Историческое значеніе религіозной полемики въ древней Руси.

I.

Несмотря на похвалы, высказанныя въ отзывахъ современниковъ и позднѣйшихъ изслѣдователей, взгляды на переводы и сочиненія М. Грека въ нашей литературѣ весьма различны. Пр. Филаретъ преклоняется передъ трудами М. Грека. „Въ многочисленныхъ писаніяхъ преп. Максима, говоритъ онъ, нельзя не удивляться разнообразію свѣдѣній его и талантовъ: онъ филологъ и историкъ, поэтъ и ораторъ, философъ и богословъ; но даръ, который болѣе другихъ имѣлъ въ немъ силу, былъ

[1]) Обѣ статьи приведены тамъ же, стр. 610—626. См. выше.

[2]) Тамъ же, 627—633. О стихотворныхъ упражненіяхъ М. Грека есть указанія и въ его сочин. (II, 447—450; III, 288—289); Сборн. библ. Хлудова, № 73; замѣч. А. И. Соболевскаго, Перев. литер., 264—266.

даръ критики; вездѣ и во всемъ онъ критикъ: излагаетъ ли догматъ, пишетъ ли правоученіе, изъясняетъ ли писаніе, предлагаетъ ли повѣствованіе (не говоримъ о разборѣ книгъ церковныхъ),—онъ все разсматриваетъ критически; весьма немного предметовъ, за которые бы онъ брался съ одною цѣлью—положительнаго учителя... Занимаясь учеными трудами, онъ писалъ „жегомъ божественною ревностью“ [1]). Другой церковный историкъ, м. Макарій, признавая несомнѣнность достоинствъ Максима Грека, какъ ученаго, отрицательно относится къ его переводной и въ значительной степени къ его дѣятельности, какъ писателя, „Максимъ Грекъ, говоритъ авторъ, внесъ въ нашу духовную литературу новый элементъ, элементъ научнаго и многосторонняго образованія. Доселѣ всѣ наши писатели, самые даровитые и просвѣщенные, были не болѣе какъ люди грамотные и начитанные, но вовсе не знакомые съ наукою, и если обладали иногда даже обширными свѣдѣніями, то почти исключительно богословскими... М. Грекъ первый явился у насъ съ образованіемъ научнымъ и съ богатымъ запасомъ свѣдѣній не только въ богословскихъ, но и въ свѣтскихъ наукахъ, какія тогда существовали... Можно сказать, что въ лицѣ Максима въ первый разъ проникло къ намъ европейское просвѣщеніе, тогда уже зачинавшееся, и бросило, хотя еще слабые, лучи свои на густой мракъ невѣжества и суевѣрій, облегавшій Россію. Очень естественно, если Максима у насъ скоро поняли, какъ человѣка умнаго и ученаго; если къ нему собирались люди книжные, чтобы побесѣдовать съ нимъ „о книжномъ“, къ нему обращались за совѣтами и разрѣшеніемъ недоумѣній; если сами іерархи, самъ царь требовали иногда мнѣнія Максима по тѣмъ или другимъ церковнымъ вопросамъ. Неудивительно, если нѣкоторые даже преувеличивали значеніе Максима и считали его человѣкомъ выше своего вѣка по уму и образованію, водясь иногда духомъ партіи, только одного Максима и признавали человѣкомъ умнымъ и просвѣщеннымъ и безъ мѣры превозносили его переводы и исправленія книгъ и его сочиненія. Не говоримъ уже, какъ цѣнилъ и самъ Максимъ свои сочиненія. Но то, что было естественно въ свое время, неестественно теперь. Нынѣ мы можемъ относиться къ М. Греку съ полнымъ безпристрастіемъ и справедливостью и судить о немъ, какъ о человѣкѣ и какъ о писателѣ, безъ всякихъ увлеченій, не умаляя, но и не преувеличивая его заслугъ и достоинствъ“. Упомянувъ о переводахъ, пр. Макарій замѣчаетъ: „Но что это были за переводы? Максимъ, когда принимался за нихъ, еще

[1]) Максимъ Грекъ (Москвит. 1842, № 11, и отд.).

незналъ русскаго или славянскаго языка, а зналъ только языки греческій и латинскій... Максиму здѣсь принадлежала одна половина труда—первая, а вторая половина всецѣло принадлежала его помощникамъ; Максиму принадлежалъ собственно латинскій переводъ, намъ неизвѣстный, а славянскій переводъ, сдѣланный съ этого латинскаго и потомъ употреблявшійся въ Россіи въ продолженіе вѣковъ, вовсе не есть переводъ самого Максима, но исключительно переводъ его сотрудниковъ, хотя онъ безъ Максима и не могъ бы появиться. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно сказать о большей части переводовъ, приписываемыхъ Максиму... Самъ Максимъ могъ ручаться только за себя, что онъ вѣрно передаетъ полатыни смыслъ греческаго текста, но не могъ ручаться за своихъ сотрудниковъ, что и они также вѣрно передаютъ порусски его латинскій переводъ. Равно и сотрудники Максима могли ручаться только за соотвѣтствіе своего перевода его латинскимъ рѣчамъ, но не могли знать, насколько эти рѣчи отвѣчаютъ подлиннику... Еще удивительнѣе, что Максимъ, почти незная русскаго языка, осмѣлился приступить къ исправленію нашихъ церковныхъ книгъ. Если въ переводахъ иногда и не требуется большой точности и строгой соотвѣтственности тексту подлинника, лишь бы онъ передавалъ правильно смыслъ послѣдняго, то, при исправленіи перевода въ такихъ книгахъ, каковы богослужебныя, гдѣ каждая фраза дорога для вѣрующихъ, необходимо было соблюденіе самой полной, даже буквальной точности. Максимъ, безъ сомнѣнія, не могъ еще тогда самъ видѣть и понимать разныя погрѣшности въ богослужебныхъ книгахъ; объ этихъ погрѣшностяхъ ему передавали полатыни его русскіе сотрудники... Но кто могъ провѣрить и засвидѣтельствовать правильность и точность такихъ исправленій? Предпріятіе было очевидно не довольно обдумано и, что весьма естественно, не имѣло успѣха". Авторъ „Исторіи русской церкви" признаетъ, однако, что „М. Грекъ съ достаточной основательностью установилъ неисправность книгъ, происходившую не отъ одпихъ переписчиковъ, но и отъ древнихъ переводчиковъ, и необходимость ихъ исправленія не чрезъ сличеніе только ихъ съ древними славянскими списками, а и чрезъ снесеніе ихъ съ греческимъ текстомъ и, насколько могъ, содѣйствовалъ ихъ будущему исправленію".

Обращаясь затѣмъ къ собственнымъ его сочиненіямъ, пр. Макарій признаетъ, что развѣ только немногія изъ нихъ писаны вначалѣ полатыни, пока онъ не освоился съ русскимъ языкомъ, а всѣ прочія писалъ порусски, и имѣлъ возможность проявить себя во всей полнотѣ своихъ умственныхъ силъ и образованія. Сочиненія эти весьма многочисленны и разнообразны, но вообще не велики по объему, такъ что едва составили въ печати три небольшія книжки. Это не какіе

либо ученые трактаты и изслѣдованія, а рядъ статей, болѣе или менѣе легкихъ, иногда довольно пространныхъ, но чаще краткихъ, даже весьма краткихъ. Изложены они въ формѣ размышленій и разсужденій, то въ формѣ церковныхъ словъ и бесѣдъ, то въ видѣ посланій, разговоровъ, историческихъ разсказовъ, молитвъ и священныхъ пѣснопѣній, отрывковъ, афоризмовъ, замѣтокъ, иногда въ нѣсколько строкъ... Авторъ признаетъ, что сочиненія Максима представляютъ собою какъ бы зеркало, въ которомъ до нѣкоторой степени отразились и современная ему Россія, съ нравственной стороны, и его собственная судьба. Максимъ, по своей природѣ и убѣжденіямъ сердца, до того былъ воспріимчивъ, что не могъ не отзываться на происходившія вокругъ него крупныя явленія. А обстоятельства его жизни были таковы, что невольно заставляли его вооружаться перомъ въ защиту себя и своего „дѣла". Болѣе строго относится авторъ къ самому ихъ изложенію. „Есть между ними, замѣчаетъ онъ, очень удовлетворительныя, по единству содержанія, по основательности мыслей, по стройности и послѣдовательности изложенія, по силѣ убѣжденія или назидательности; но такихъ сочиненій немного... Наибольшая часть сочиненій Максима, болѣе или менѣе неудовлетворительна и слаба: одни слишкомъ растянуты и многословны, другія безсвязны и малопослѣдовательны; третьи разсматриваютъ предметъ односторонне или поверхностно; многія, по краткости своей, едва касаются своего предмета и почти безсодержательны... Слогъ въ сочиненіяхъ М. Грека нельзя назвать ни чистымъ, ни правильнымъ. Сначала, по пріѣздѣ къ намъ, Максимъ почти не зналъ русскаго языка, потомъ хотя изучилъ его и писалъ на немъ, но не владѣлъ имъ въ совершенствѣ. Въ статьяхъ М. Грека встрѣчаются нерѣдко слова греческія [1]), латинскія [2]), прибавимъ, даже итальянскія [3]), гораздо чаще русскія и славянскія, но имъ самимъ

---

[1]) Приводимъ болѣе подробн. списокъ, нежели у пр. Макарія. Сочин., I, 56 (статіе), 136 (псевдопрофитъ), 24, 147 (аделеоееся), 150 (стадія), 160 (дискосъ), 161 (лихана, греч. λιχανός—указательный палецъ), 195 (Параклитъ), 352 (епистолія), 410 (три раза имирменія) 392 (генефліялоги), 392 (псевдодидаскалъ), 424 (киріакипъ—Господень), 507 (родонъ—роза), 461 (идрохой—водолей); 424—425 (назв. греч. дней); II, 13 (елевворъ—чемерица), 16 (тартаръ), 72 (икторъ, гаграны), 101 (анифъ,—анисъ, киминъ—тминъ, пиганъ—рута), 183 (мсхосъ), 386 (аспазоме олопсихосъ); III. 22 (ὑγίαινε—здравствуй) 32 (леонъ), 80—81 (ипсилосъ, псилосъ), 83 (угаръ идонъ).

[2]) Сочин., I, 188; III, 62, 122, 194, 273.

[3]) Сочин., II, 50. Знаніе итальян. языка несомнѣнно уже вслѣдствіе продолжительнаго пребыванія его въ Италіи, хотя „гуманисты" пользовались преимущественно латинскимъ языкомъ.

придуманныя неудачно, или искаженныя, или ложно понятыя и невразумительныя [1]). Встрѣчаются также весьма часто не только выраженія, но и цѣлые обороты рѣчи—чисто греческіе и множество всякаго рода погрѣшностей противъ правилъ русскаго языка, отъ чего иногда рѣчь писателя до того темна, что ее почти невозможно постигнуть [2]). Признавая, что М. Грекъ близко ознакомился съ произведеніями „христіанскихъ и внѣшнихъ мудрецовъ", пр. Макарій утверждаетъ, однако, что онъ, по своему просвѣщенію, не былъ выше своего вѣка и не возвышался даже надъ нѣкоторыми понятіями, воззрѣніями и погрѣшностями, какія господствовали тогда въ Россіи (по вопросу о еретикахъ, о кончинѣ міра, о тафьяхъ и т. п. [3]).

Въ этомъ обширномъ изложеніи, нельзя не видѣть, что недостатки, отмѣченные въ сочиненіяхъ М. Грека, перевѣшиваютъ ихъ достоинства. Послѣднія всѣ могутъ быть соединены въ одномъ общемъ положеніи: „они (т. е. сочиненія) представляютъ собою какъ бы зеркало, въ которомъ до нѣкоторой степени (понятіе это слѣдовало бы расширить) отразились и современная ему Россія, и его собственная судьба", что и исчерпываетъ, главнымъ образомъ, ихъ историческій интересъ. Относительно же другихъ сторонъ его произведеній (не касаемся переводовъ, вѣдь съ латинскаго переводы дѣлали и сотрудники Геннадія новгородскаго [4]), то, какъ бы ни старался М. Грекъ усвоить русскій языкъ, онъ все-таки не усвоилъ его вполнѣ, не говоря о научной терминологіи, которая далеко не была установившейся. Притомъ ему большею частію (послѣ ссылки, а до того переводы почти поглощали все время) пришлось писать вдали отъ свѣта и книгъ, присылки которыхъ приходилось иногда ожидать (даже І. Дамаскина, Григорія Богослова [5]), или писать по памяти, наугадъ, или, пользуясь небольшимъ количествомъ пособій (даже книги греческія были

[1]) Ibid., I, 27, 33, 38, 66, 73, 75, 79, 80, 114, 116, 119, 126, 128, 132, 134, 136, 138, 139, 144, 146, 159, 160, 163, 164, 167, 169, 173, 183, 184, 188, 189, 200, 231, 236, 271, 292, 304, 310, 321, 324, 352, 354, 356, 361, 374, 394, 424, 432, 436, 437, 462; II, 19, 30, 42, 103. Отмѣтимъ какъ особенность, употребленіе слова: лѣчить—лѣчба и лѣкованіе болѣзней (I, 189; II, 248).

[2]) Макарій, VИ, 303—304.

[3]) Макарій, Ист. рус. церкви, VII, 265—274, 300—307.

[4]) Преосв. Макарій о переводѣ толкованій І. Златоуста замѣчаетъ: „Впрочемъ и самый переводъ вѣренъ подлиннику, по языку чистъ и вразумителенъ, по кр. мѣрѣ гораздо болѣе, чѣмъ переводы времени Славинецкого". Выборъ толкованій онъ наз. „показывающимъ вкусъ въ переводчикѣ" (67—68). Ср. замѣч. А. И. Соболевскаго (Перевод. литер., 44. 288),

[5]) Сочиненія, II, 386, 419.

отобраны), при запрещеніи писать, такъ сказать урывками, не всегда имѣя возможность сдѣлать справку у окружающихъ лицъ (помощники его были также разосланы). Все это волей-неволей должно было неблагопріятно отразиться и на изложеніи, и на содержаніи его публицистическихъ трудовъ.

Позднѣйшій историкъ церкви, Е. Е. Голубинскій, обыкновенно суровый въ своихъ приговорахъ относительно древне-русскаго просвѣщенія, наоборотъ, личность М. Грека возвеличиваетъ до возможной высоты и главнымъ образомъ за его публицистическую дѣятельность. „Если бы, говоритъ онъ, совершивъ переводъ, Максимъ тотчасъ же возвратился назадъ, какъ предполагалось, то онъ не имѣлъ бы ровно никакого значенія въ исторіи нашей церкви. Въ предисловіи или въ послѣсловіи къ переведенной имъ книгѣ читалось бы, что книга переведена въ такомъ-то году, такимъ-то аѳонскимъ монахомъ, и этимъ бы кончилось все дѣло. Но послѣ перевода книги Максимъ оставленъ былъ въ Москвѣ и потомъ остался у насъ навсегда,—и онъ сталъ нашимъ церковно-историческимъ дѣятелемъ. Человѣкъ блестяще-талантливый и высокообразованный въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова, онъ имѣлъ спеціальную врожденную наклонность къ дѣятельности пророка или публициста—обличителя, и его знаменитость, какъ нашего дѣятеля, состоитъ въ томъ, что онъ среди многообразной учительности, выступилъ небоязненнымъ и горячимъ обличителемъ и бичевателемъ религіозно-нравственныхъ пороковъ современнаго ему русскаго общества, что онъ явился у насъ проповѣдникомъ истиннаго христіанства противъ фарисейства внѣшней набожности, которое онъ у насъ нашелъ. Для науки русской церковной исторіи Максимъ весьма важенъ тѣмъ, что въ своихъ обличительныхъ писаніяхъ онъ далъ ей такое яркое изображеніе нравственной физіогноміи современнаго ему русскаго общества, какого мы напрасно искали бы у писателей природно-русскихъ. Никто самъ въ себѣ не замѣчаетъ своихъ особенностей, по какой причинѣ и эти послѣдніе писатели не въ состояніи были видѣть особенностей нравственнаго облика современнаго имъ русскаго общества. Для этого нуженъ былъ сторонній способный наблюдатель—и таковъ именно былъ преп. Максимъ, наблюдатель въ высшей степени способный“ [1]). Авторъ увѣренъ даже, что если-бы Максимъ остался въ Италіи и занялъ тамъ одну изъ каѳедръ, то въ числѣ прославившихся тогда въ Италіи греческихъ ученыхъ и профессоровъ онъ занялъ бы одно изъ самыхъ выдающихся мѣстъ [2]).

---

[1]) Ист. рус. церкви, II, ч. I, стр. 665—666 (также Чтен. въ Общ. ист. 1900 г., кн. I-ая).

[2]) Ibid., 673—674.

II.

Обращаясь къ упрекамъ собственно филологическаго характера, мы не можемъ не обратить вниманія на замѣчанія въ противоположномъ отношеніи. „Достаточно сравнить, говоритъ И. В. Ягичъ, языкъ его,—конечно только тѣхъ статей, которыя написаны въ болѣе поздніе годы, когда несомнѣнно уже онъ самъ писалъ порусски, свободно владѣя этимъ языкомъ,—съ многословнымъ, пышнымъ и ужасно спутаннымъ языкомъ Константина. Разница громадная, не смотря на то, что ихъ раздѣляетъ разстояніе даже не полнаго столѣтія. Толкованія М. Грека, гдѣ указывается на греческій источникъ и дается анализъ слова съ точнымъ опредѣленіемъ значенія (см. выше, стр. 20—22 и 179—183), были въ то время для громаднаго большинства читателей (или слушателей) неслыханною новостью, доказательствомъ замѣчательной учености. Прислушавшіеся къ этимъ толкованіямъ не умѣли возражать по дѣлу, но недовѣрчивость оставалась, она выражалась въ опасеніяхъ нефилологическаго свойства. Максимъ долженъ былъ побороть и эти опасенія“ [1]).

Но не всѣ понимали заботы Максима Грека. Уже въ самомъ началѣ его дѣятельности образовалось два противоположныхъ взгляда на его исправленія книгъ. Мы видѣли, что и великій князь, и митрополитъ Варлаамъ покровительствовали труду Максима. Близкій къ вел. князю, князь Вассіанъ Косой, вполнѣ сочувствовавшій его мнѣніямъ, такъ выражался о его исправленіяхъ: „А здѣшнія книги всѣ лживыя, а правила здѣшнія кривила, а не правила; а до Максима мы по тѣмъ книгамъ Бога хулили, а не славили, ни молили, а нынѣ мы Бога познали Максимомъ и его ученіемъ“ [2]). Но уже во время перевода Толковой Псалтири были лица, которыя исправленія Максима называли „дерзкими“ [3]). Самъ Михаилъ Медоварцевъ замѣчаетъ, что когда ему пришлось „заглаживать отпустъ“, то его „дрожь великая объяла и ужасъ нападъ“ [4]). Такъ уже глубоко утвердилось сознаніе о неизмѣняе-

[1]) Изслѣдованія. I, 583, 588.—А. И. Соболевскій замѣчаетъ, что „указанія И. В. Ягича (587—588) даютъ основаніе думать, что М. Грекъ былъ хорошо знакомъ съ южно-славянскими богослужебными текстами“. И тутъ же прибавляетъ: „Къ сожалѣнію, языкъ Толков. Псалтири и др. крупныхъ переводныхъ трудовъ М. Грека остается совершенно неизслѣдованнымъ“ (Переводн. литер. 263). Ср. сѣтованія И. В. Ягича (стр. 583). Конечно это дѣло ближе всего касается филологовъ.

[2]) Прѣніе митр. Даніила съ Максимомъ. Чт. Моск. общ.. ист. 1847 г. № 7, с. 10.

[3]) Сочин., II. 313.

[4]) Прѣніе м. Даніила съ Максимомъ. Чт. Моск. Общ. ист., с. 10.

мости книжной буквы. Оно исходило изъ религіознаго, догматическаго взгляда на книгу: загладить въ ней отпустъ значило исключить догматъ [1]). Противники Максима въ его трудѣ видѣли—укоръ русскимъ святымъ, которые, по ихъ словамъ, спаслись по неисправленнымъ книгамъ. Они говорили Максиму: „о человѣче! досаду тѣмъ дѣломъ прилагаешь возсіявшимъ въ нашей землѣ преподобнѣйшимъ чудотворцамъ: этими книгами они угождали Богу и жившіе послѣ нихъ также угодили Богу и прославились отъ него святостію и чудесами". Противъ такихъ Максимъ дѣйствовалъ ихъ же оружіемъ. Основываясь на извѣстныхъ словахъ ап. Павла (о различныхъ дарованіяхъ Св. Духа), онъ имъ отвѣчалъ: „Изъ этого ясно, что не всякому даются всѣ духовныя дарованія, а что святые чудотворцы русскіе по дарованію, данному имъ свыше, возсіяли въ благовѣрной русской землѣ, я то признаю и покланяюсь имъ, но ни языковъ, ни толкованія они не приняли свыше. Поэтому не слѣдуетъ дивиться, если утаилось отъ нихъ исправленіе тѣхъ ошибокъ, которыя я исправилъ. Имъ за смиреномудріе и кротость житія святолѣпнаго дано дарованіе исцѣленій и чудесъ, иному же, какъ мнѣ грѣшному болѣе всѣхъ земнородныхъ, дано разумѣніе языковъ и удивляться тому не слѣдуетъ. Ибо и скотина безсловесная, будучи вразумлена Богомъ, можетъ умудрять и старца многоразумнаго, много же отличается отъ скота неразумнаго человѣкъ, созданный по образу и подобію Божію" [2]).

Максимъ Грекъ въ XVI в., Паисій Лигаридъ и Лихуды въ XVII в. были знатоками твореній отцовъ церкви и понимали ихъ въ совершенствѣ. Другіе же, и между ними даже Арсеній Грекъ, получившій повидимому хорошее образованіе въ Римѣ и Падуѣ, были въ силахъ справиться только съ позднѣйшими греческими произведеніями, тѣми, которыя были написаны на *κοινή γλῶσσα* [3]). Судя по переводамъ и ссылкамъ въ сочиненіяхъ, Максимъ Грекъ былъ особеннымъ почитателемъ твореній І. Златоуста [4]), Григорія Богосл. [5]), І. Дамаскина [6]), Діонисія

---

[1]) Ibid. См. в. стр. 11—12.

[2]) Слово отвѣщат. о исправл. книгъ. Ист. церк. Платона, II, и Сочин., II. Ср. И. В. Ягичъ, 588—589.

[3]) А. И. Соболевскій, Перев. литер. 285. Арсеній Грекъ учился классическимъ наукамъ, но убоялся ереси и изрекалъ проклятія на рим. вѣру (Ж. М. Н. Пр. 1881, № 9, с. 78—80); Спаѳарій также учился въ Италіи и остался вѣренъ православію (Сборн. Нѣж. инст., I, 2).

[4]) Сочин. I, 248, 270, 295, 348, 353, 412, 434, 466; II, 62, 387; III, 59, 95, 262 и др.

[5]) Ibid. I, 281, 297, 314, 315, 348, 410; II, 290; III, 263.

[6]) Ibid., I, 179, 325, 387, 419, 420, 431; II, 62; III, 66, 74—76, 94, 96, 262, 227.

Ареопагита [1]), затѣмъ онъ ссылается на Василія Великаго [2]), Кирилла Александрійскаго [3]), Исидора Пелусіота [4]), Іустина Философа и Өеодорита Киррскаго [5]), на патр. Фотія [6]); на византійскіе законы (градскіе) [7]) и толкователей церковныхъ каноновъ (Вальсамона и Властаря [8]); на западныхъ писателей: Августина [9]), Іеронима, Тертулліана [10]) и др. менѣе важныхъ, но всего чаще и съ особенною любовью онъ приводитъ слова ап. Павла, къ ученію котораго онъ, очевидно, питалъ преимущественное расположеніе [11]) и котораго называетъ „всемірнымъ свѣтильникомъ“ [12]).

Сочиненія Максима Грека дошли до насъ во многихъ и разнообразныхъ спискахъ, хранящихся во многихъ библіотекахъ и частныхъ коллекціяхъ [13]). Между тѣмъ, какъ въ XVII в. русскій библіографъ насчитывалъ ихъ до 72 [14]), въ началѣ XIX ст. ограничивались иногда указаніемъ лишь на 40 [15]); но Сахаровъ называетъ уже до 140 статей [16]). Въ отдѣльныхъ спискахъ они встрѣчаются въ количествѣ 10, 40, 47, 51, 77 и болѣе, до 112, 115, 151 (чаще другихъ) и 164, хотя не всѣ ему принадлежатъ, но и не всѣ помѣщены въ нихъ [17]), нѣкоторыя изъ этихъ собраній сопровождаются его изображеніемъ.

---

[1]) Сочин., I, 250, 251, 253, 281, 297. 300, II, 229.

[2]) Ibid., I, 348, 353, 407, 466; III, 95.

[3]) Ibid., I, 255, 269.

[4]) Ibid., I, 270; III, 59.

[5]) Ibid., I, 528; III, 216. 255.

[6]) Ibid, I, 265, 289—291. II, 307, 351.

[7]) Ibid., II, 201.

[8]) Ibid. I, 361, 362; III, 118.

[9]) Ibid., I, 344, 325—53, 419, 420, 434; III, 216.

[10]) Ibid., III, 214, 216. Ср. также с. 148—149.

[11]) Ibid., I, 289—290, 336, 349, 466; II, 16. 61, 76, 106, 107, 112, 115, 134, 161, 194, 202, 213, 229 235—240, 247, 341, 372; III, 13—15, 23—25, 37, 50, 100, 141, 150, 159, 182, 200, 208, 219—229, 239, 245, 246, 249—255, 262.

[12]) Ibid., III, 131. Есть ссылки также на Іоанна Богослова, въ ученіи о. Троицѣ (I, 316-317, 318) и др.

[13]) Насчитывается до 250 рукописей, въ которыхъ помѣщены его переводы и сочиненія (Бѣлокуровъ, 205).

[14]) Чтен. въ Общ. ист. и древн. рос. 1846, III, 138.

[15]) Бѣлокуровъ, ссып,

[16]) Барсуковъ, Погодинъ, VIII, 173.

[17]) Филаретъ, Максимъ Грекъ (Москвит. 1842, № 11) и отд., 83, прим. Бѣлокуровъ, ccxxxvii—cccxiv.

Самое полное собраніе ихъ имѣется въ Хлудовской библ., въ Москвѣ, въ единовѣрческомъ Преображенскомъ мон., въ Сборникѣ, составл. въ 50-хъ годахъ XIX ст., причемъ 199 гл. помѣчена статья указ. выше (въ моск. грамматикѣ, XVII в.). Изслѣд. по рус. языку, изд. Им. Ак. Н., I, 613—614.

Сочиненія М. Грека въ отдѣльности печатались давно. Слово похв. апп. Петру и Павлу съ облич. на латиновъ въ Почаевѣ 1618, въ кн. О вѣрѣ, К. 1618 и Мог. 1625 и въ Кирилловой книгѣ М. 1643; слово противъ нѣмч. Николая о Св. Духѣ, въ книгѣ О вѣрѣ и Кирил. книгѣ; Канонъ Параклиту въ Вертогр. душ. Вил. 1620 и Канон., К. 1739; Сказ. о соблюд. прав. вѣры, въ Скрижали, М. 1656; Исповѣд. прав. вѣры; Слово о исправл. книгъ къ митр. Макарію и Слово о томъ же къ боярамъ, въ Ист. церкви м. Платона, ч. II; посл. къ м. Даніилу, 1539, въ Журн. М. Нар. Пр. 1834; при статьѣ о немъ А. Терещенка; отвѣтъ собору 1537 г. и посл. къ митр. 1541 г. въ Москвит. 1842, № 11, при статьѣ о немъ архіеп. Филарета. Собр. сочиненій М. Грека издано было въ 1859—62 гг. при Правосл. Собес. и отдѣльно въ 3 чч. съ изображ., по 4 спискамъ Казан. дух. акад. (съ нѣк. статьями по спп. Троиц. лавры, II 415, III, 226, 274—12 статей), к. XVI — XVII в., 552+460+296; 2-е изд., т. I и III, 1895, 1897; 435+233 (всего 130 статей). Въ послѣднее время напеч. два посл. его къ бояр. Ѳ. И. Карпову Н. Никольскимъ, въ Христ. Чт. 1909 (т. II, 14—17) и четыре статьи, объ архіерействѣ Іисуса, о постѣ въ понедѣльникъ, о бритьѣ бороды и объ яйцѣ, С. А. Щегловой (въ Рус. Филол. Вѣстн. 1911 г. и отд.). Въ 1910 и 1911 гг. былъ сдѣланъ переводъ соч. Максима Грека на русскій языкъ (3 чч.), послушн. Моисеемъ и изданъ Троиц. Серг. лаврой (Серг. Посадъ), по казан. изданію, съ изображ., снятымъ съ гробницы М. Грека. Нѣкоторые переводы печатались въ XVII—XVIII стол.

Одновременно съ нашимъ изслѣдованіемъ были составлены монографіи о Максимѣ Грекѣ *Н. П. Барсуковымъ*, наход. въ Имп. Публ. библ. (Разсужд. о М. Грекѣ, folio, 200 лл., см. Отчетъ 1906, с. 88) и *Д. А. Корсаковымъ*, оставшіяся въ рукописяхъ. Послѣ 1865 г., не касаясь общихъ трудовъ (Ист. церкви м. *Макарія*, тт. VI и VII и *Е. Е. Голубинскаго*, Чт. въ Общ. ист. и древн. рос. 1901, кн. I и отд.; Ист. рус. сл. *И. Я. Порфирьева*, т. I, 508—565, и Ист. рус. лит. *А. Н. Пыпина*, т. I), появились изслѣд. и статьи, посвящ. біографіи и сочиненіямъ М. Грека: *Ив. Преображенскаго*, „Нравств. сост. русскаго общества въ XVI вѣкѣ по соч. М. Грека и современнымъ ему памятникамъ; М. 1881, 249 стр. (сочин. его отдѣльно не разсматриваются); *Ѳ. Нелидова*: „Максимъ Грекъ“ (статья въ сборн. „Десять чтеній по литературѣ, М. 1895, 3-е изд. 1909, 25—64, съ изображ., принадл. Император. ист. музею); св. *А. Синайскаго*: „Краткое опис. жизни преп. Максима Гр., СПБ. 1898 и Крат. очеркъ цер-

ковно-общ. дѣятельности преп. М. Грека—по части обличенія и исправленія заблужденій, недостатковъ и пороковъ рус. общества, Спб. 1898—брошюры популярнаго содержанія; *Н. К. Гудзія*, Максимъ Гр. и его отношенія къ эпохѣ итальян. возрожденія, К. 1911 (Унив. Изв. 1911 № 9, 1—19 стр.)—авторъ дѣлаетъ сопоставленія съ сходными явленіями въ Византіи и на Западѣ въ указ. эпоху; *О. Н. Вейдкнехтъ*, Отношеніе М. Грека къ апокрифическимъ сказаніямъ (Лѣтопись Вечерн. В. Жен. курсовъ, учрежд. А. В. Жекулиной, 1—20). Въ 1895 г. въ Моск. духовн. акад. была одобрена диссертація на степень канд. *А. И. Колесова*, „Преп. М. Грекъ, его жизнь и труды", о которой нами сдѣлано замѣчаніе выше (стр. 139) и одновременно въ Спб. дух. акад. написано соч. *Д. Тарунтаева* на тему: „О догматическомъ соч. Максима Грека" (показано Хр. Чт. 1896, №№ 2—3,, въ брош. А. Синайскаго, Кратк. оч., стр. 6, примѣч.). Въ 1905 г. въ Кіев. дух. акад. также была дана тема о „Максимѣ Грекѣ" (см. в. с. 83, пр. 6).

III.

Вызванный въ Россію для перевода толковой Псалтири, имѣвшей большое значеніе въ борьбѣ съ жидовствующими, Максимъ Грекъ засталъ еще здѣсь значительные остатки этой ереси, и потому, принадлежа, по образу мыслей, къ строго-догматическому ученію, онъ не могъ не отозваться на борьбу съ ней, быть можетъ побуждаемый къ тому и московскими властями, заинтересованными въ окончательномъ подавленіи этого движенія. О близкомъ участіи М. Грека въ этомъ дѣлѣ можно судить и по количеству сочиненій, написанныхъ имъ, и по той суровой мѣрѣ, какую онъ предлагалъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ это показываетъ, что статьи эти писаны были въ самомъ началѣ его пребыванія въ Москвѣ, когда онъ не находился еще въ особенной близости къ кн. Вассіану Патрикѣеву [1]), стоявшему по вопросу о еретикахъ на точкѣ зрѣнія Нила Сорскаго. Какъ извѣстно, ересь жидовствующихъ получила свое названіе отъ іудейства, какъ элемента, вошедшаго въ нее, но въ сущности она представляла направленіе раціоналистическое. Самъ Іосифъ Волоцкій свидѣтельствуетъ, что „еретики только простѣйшихъ на жидовство учили" [2]). Въ свою очередь, Геннадій, въ по-

[1]) Макарій, VI, 165.

[2]) Просвѣтитель, Каз. 1855, предисл., с. 59 (отд. оттискъ изъ Православнаго Собес.). Нѣкоторыя видятъ болѣе раннюю ред. въ Сказаніи Іосифа, помѣщен. въ Вел. Минiяхъ Макарія, отличающуюся между прочимъ отсутствіемъ нападокъ

сланіи къ архіеп. Іоасафу, говоритъ, что жидовствующіе лишь прикрываются именемъ жидовъ, но они—еретики. „Я, пишетъ онъ, нашелъ здѣсь новгородскихъ еретиковъ—жидовствующихъ, но они подлежатъ проклятію, произнесенному на еретиковъ—маркіонитовъ [1]) и мессаліанъ [2]). Спроси и каждый говоритъ: я православный христіанинъ и въ лихомъ дѣлѣ заперся. Нѣтъ, въ нихъ не одно іудейство, а оно смѣшано съ ересью мессаліанъ, о которыхъ найдешь у себя въ правилахъ. Это мнѣ открылъ подробно священ. Наумъ........ Что ни есть заблужденій мессаліанскихъ, они все принимаютъ, только обольщаютъ людей жидовскимъ десятословіемъ, выставляя себя набожными“ [3]) Иванъ III, знавшій о еретическихъ мнѣніяхъ, нашедшихъ мѣсто при дворѣ, подтверждаетъ, что не всѣ они были согласны между собою [4]).

Въ другомъ мѣстѣ мы изложили ходъ этого движенія и его главныя черты [5]), которыя находятъ подтвержденіе въ недавно изданныхъ памятникахъ. Византія, водворившая христіанство у южныхъ и русскихъ славянъ, содѣйствовала и распространенію ученія павликіанъ и богомиловъ, составлявшихъ отрасль гностиковъ, манихеевъ, мессаліанъ, по берегамъ Чернаго м. и въ Болгаріи [6]), посредствомъ обличеній, апокрифовъ и сборниковъ, въ которые вносились нерѣдко статьи, имѣвшіе еретическое содержаніе [7]). Первыхъ русскихъ еретиковъ (XI—XII в.) признаютъ также богомилами. Какъ извѣстно, богомильство оказало широкое вліяніе и въ Западной Европѣ, отъ предѣ-

---

на еретичество м. Зосимы (см. Н. П. Поповъ, Іосифово сказ. объ ереси жидовств. по спискамъ Великихъ Миней, Изв. Акад. Н. 1913, I, стр. 173—197).

[1]) Маркіонъ, вслѣдъ за своимъ учителемъ Кердономъ, видѣлъ въ Ветхомъ Завѣтѣ злое начало, и, подобно Сатурнину, проповѣдывалъ необходимость умерщвленія плоти посредствомъ поста и воздержанія отъ чувственныхъ удовольствій.

[2]) Мессаліане, какъ и евхиты, отвергали церковную обрядность, даже крещеніе, и полагали, что въ каждомъ человѣкѣ есть злой духъ, котораго слѣдуетъ изгонять постомъ и молитвою.

[3]) Чтен. въ Общ. ист. 1847 г., № 8.

[4]) Посл. иг. Іосифа къ архим. Митрофану (ib. № 1).

[5]) Изслѣд. о культурн. знач. Византіи въ рус. ист., К. 1869, гл. VIII.

[6]) Zonaras, I, 209; Никонов. лѣтоп., II, 45. Въ Болгаріи богомиловъ причисляли къ мессаліанамъ (Радченко, Религіозн. движ. въ Болгаріи, 206, 208).

[7]) О чтеніи книгъ въ древн. Россіи (Правосл. Собес. 1858, № 6); Послан. кн. Курбскаго (ib. 1863). Въ библ. Кирилло-Бѣлозер. мон. было много апокрифическихъ сборниковъ (Прав. Обозр. 1862 г., № 6, стр. 187, примѣч.).

ловъ Чехіи (въ гуситскомъ движеніи [1]) до южной Франціи, въ сектѣ катаръ и альбигойцевъ [2]), въ Россіи—въ сектѣ стригольниковъ и среди такъ наз. жидовствующихъ [3]). Субботники и жидовствующіе также имѣли вліяніе въ Болгаріи [4]) и на Западѣ [5]) и являлись посредниками въ распространеніи враждебнаго христіанству аверроизма, причемъ широко пользовались астрологіей, которая поддерживалась и русскими жидовствующими. Мы указывали на связь умственнаго движенія среди евреевъ-караимовъ, жившихъ въ Крыму съ ученіемъ раввина Мардохая Куматяно, который имѣлъ большой успѣхъ въ Константинополѣ и Адріанополѣ и ученыя занятія котораго сосредоточивались на математикѣ, комментаріяхъ на Пятикнижіе, философіи и естественныхъ наукахъ. Астрономія у него соединяется съ астрологіей; онъ составилъ и астрономическія таблицы, въ которыхъ оспаривалъ мнѣнія новогреческихъ писателей. Караимская синагога въ Крыму имѣла постоянныя связи съ Константинополемъ [6]). Въ XV стол. Крымъ находился въ оживленныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ одной стороны съ Константинополемъ, а съ другой съ Кіевомъ (мѣха, соль и др. [7]). Здѣсь проживали многочисленные продавцы татарскіе, турецкіе, греческіе, московскіе, молдавскіе, польскіе, армянскіе, а также имѣли свой дворъ генуэзцы (изъ Крыма). Еще въ нач. XV в. Качибей (Хаджи-бей),

---

[1]) Н. В. Ястребовъ, Этюды о Петрѣ Хельчицкомъ и его времени (изъ ист. гуситск. мысли). В. I, Спб. 1908 г.; рец. Ф. Зигеля (Ж. М. Н. Пр. 1909, № 4, с. 365—401). К. Ѳ. Радченко, Религіозн. движ. въ Болгаріи, 211—225.

[2]) Гауссратъ, Средневѣк. реформаторы, т. II, 1900; Осокинъ, Ист. альбигойцевъ, ч. I, Каз. 1869; Къ исторіи ересей на Западѣ, Каутскаго (Б. Міръ, 1899, № 6 и 7); Религіозность и ереси въ XIII—XI вв. (В. Евр. 1913, № 11 и 12).

[3]) Ѳ. И. Успенскій, Оч. по ист. виз. обр.; Ѳ. Радченко, Религіоз. и литерат. движ. въ Болгаріи въ эпоху передъ турец. завоеваніемъ, К. 1898; Пыпинъ (В. Евр. 1894, № 5); В. Ѳ. Боцяновскій, Рус. вольнодумцы XIV—XIV вв. (Новое Слово, 1896, № 9); Ист. Обозр. III, 244, 270. Нѣкоторые отвергаютъ вліяніе богомиловъ и считаютъ движеніе мѣстнымъ, подъ вліяніемъ тревоги на католич. Западѣ и моровой язвы (Е. Воронцовъ, Сектан. движеніе на рус. сѣверѣ XIV в. (Вѣра и Разумъ, 1900, №№ 18 и 19)

[4]) Радченко, 229—232. Въ 1360 г. на Тырновскомъ соборѣ были осуждены болгарскіе жидовствующіе. Нѣсколько раньше евреи нашли поддержку среди солунскихъ грековъ (ib. 228 и д.); Сырку, Къ ист. исправлен. книгъ въ Болгаріи, I, 267; Соболевскій, Переводн. литер., 396. О ересяхъ на Аѳонѣ въ XIV и XV в. (Некрасовъ, Пахомій Логоѳетъ, 3—5).

[5]) Döllinger, Beiträge, II, 327, 375.

[6]) Гурляндъ, Нов. матер. для ист. евр. литер. XV в., Спб. 1866. Наше предположеніе было повторено потомъ И. Пановымъ (Ересь жидовств. Ж. М. Н. Пр. 1877, I, 11 и т. д., безъ указанія, какъ это отмѣтилъ Радченко, 230).

[7]) Сводъ извѣстій и данныхъ въ Опытѣ рус. исторіогр., II, 281—283.

нынѣ Одесса, была извѣстна какъ гавань, принадлежащая къ литовско-русскимъ владѣніямъ: отсюда Ягайло (1415) отправлялъ подольскую пшеницу въ Константинополь [1]). Въ литовскихъ земляхъ евреи давали настолько чувствовать себя, что въ 1495 г. король Александръ распорядился всю жидову „вонъ выбити“ [2]), а нѣсколько позже (1507) въ Краковѣ, неизвѣстный еврей держалъ диспутъ противъ христіанства и опровергалъ его на основаніи св. писанія, за что былъ сожженъ [3]) и есть извѣстіе, что нѣкоторые христіане приступили къ жидовскому закону и обрѣзаніе приняли и, вѣроятно, бѣжали въ Литву, гдѣ разыскивали ихъ литовскія власти [4]). Хотя Схарій, упоминаемый въ исторіи ереси не одно лицо съ извѣстнымъ (см. выше стр. 150) кафинскимъ богачемъ [5]), но, вѣроятно, прежде жилъ также въ Крыму, гдѣ подчинился умственному движенію, обнаружившемуся тогда среди крымскихъ евреевъ [6]), велъ торговлю съ Кіевомъ и вмѣстѣ съ кн. Михаиломъ Александровичемъ прибылъ въ Новгородъ (1471 г.), который, конечно, посѣщался евреями по торговымъ дѣламъ, а вскорѣ за нимъ прибыли туда еще два еврея. Успѣхъ ихъ пропаганды настолько здѣсь былъ обезпеченъ, что въ числѣ первыхъ адептовъ ереси оказалось 12 лицъ духовнаго клира и 10 міряиъ, занимавшихъ извѣстное положеніе и много другихъ лицъ и въ томъ числѣ Григорій Тучинъ, отецъ котораго

---

[1]) Wapowski, Dz. Kor. pol., I. 376.

[2]) Бершадскій, Литовскіе евреи, Спб. 1883, 244, 257,

[3]) Густин. лѣт. (П. С. Р. Л., II, 365).

[4]) Бершадскій, Докум. и регесты къ ист. литов. евреевъ, I, 1882, № 175.

[5]) Татищевъ подъ 1491 г. (?) упоминаетъ о казни его вмѣстѣ съ защитниками свободы Новгорода (IV, 109).

О сношен. съ евреями см. выше, стр. 150—51; также указатели къ лѣтопис., Собр. госуд. грам., къ акт., Оп. рус. исторіогр. т. II.

[6]) На этой почвѣ состоялось тогда сближеніе между караимами и талмудистами (Гурляндъ). Сомнѣнія, высказанныя въ іудействѣ Захарія Скарія будто бы по ошибкѣ принятаго за еврея (вм. иверіянина) и утвержденіе, что это былъ таман. князь Захарій Гуйгурсисъ (Брунъ, Труды I-го Арх. съѣзда, I, 285—287; Черноморье, I, 216; Зап. Одес. Общ. ист. VIII, 201), принятыя Д. И. Иловайскимъ, (Исторія, II, 577—578), теперь вполнѣ выясняются посланіемъ инока Саввы, 1488, въ которомъ онъ обращается по поводу бесѣды рус. посл. Д. В. Шеина съ жидовиномъ Зах. Скарою (см. С. А. Бѣлокуровъ, О ереси жидовств., М. 1902 г.; Чт. въ Общ. ист., 1902, III). Въ Москвѣ прекрасно отличали „жидовиновъ“ отъ иверіяняиъ, а при Иванѣ III, состоялъ врачъ—жидовинъ Леонъ. Ср. еще Löwe, Die Reste der Germanen, 1896, Ss. 90, 221 (о жидѣ Скаріѣ въ Крыму). Обширное посланіе инока Саввы, убоявшагося вліянія бесѣды „жидовина“, основано на книгахъ Ветхаго Завѣта, Толк. Палеѣ и Словѣ м. Иларіона о законѣ и благодати.

„великую власть имѣлъ въ Новгородѣ“ [1]). Дѣйствуя тайно, они еще нѣсколько лѣтъ успѣвали скрываться отъ наблюденія архіеп. Геннадія (хиротон. 1484, а первыя извѣстія о ереси онъ получилъ въ 1487 г. [2]). Съ переходомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ (духовн. лицъ), съумѣвшихъ понравиться Ивану III, въ Москву, ересь распространяется здѣсь, гдѣ они опять пользовались вліяніемъ при дворѣ и успѣхомъ среди духовенства и служилыхъ лицъ, и доходятъ, наконецъ, до открытаго поруганія христіанскаго ученія. Въ 1488 г. трое поповъ подверглись „градской казни“ въ Новгородѣ (наказанію кнутомъ), а въ 1490 г. [3]) всѣ виновные поплатились лишеніемъ сановъ и отлученіемъ и только въ 1503 г., подъ вліяніемъ усиленныхъ настояній Геннадія и Іосифа Волоцкаго, нераскаявшіеся еретики были преданы жестокой казни—сожженію частью въ Москвѣ, частью въ Новгородѣ, другіе же разосланы по монастырямъ [4]).

IV.

Въ связи съ ересью жидовствующихъ находится появленіе ряда памятниковъ, имѣющихъ іудейскій характеръ или служившихъ ихъ цѣлямъ. По словамъ Геннадія [5]) въ ихъ распоряженіи были такія книги, какихъ не имѣли противники (Библія, Сильвестръ папа рим-

---

[1]) Просвѣтитель, Д. Очевидно рѣчь идетъ о посадникѣ Гр. Мих. Тучинѣ (въ 1476 г.), жалобы о насиліяхъ котораго дошли до вел. князя; онъ подвергся взысканію и въ 1478 году перешелъ на службу въ Москву (П. С. Р. Л., VI, 200—208).

[2]) Рус. Историч. библ., VI, 776. Склонность Зосимы къ ереси преувеличена (см. его обличеніе, Опис. рук. Чудова мон., Пам. древней письм. 1879, IV, 177). Моск. соб. 1490 г. противъ жидовъ по новооткрытымъ документамъ (Чт. въ Общ. ист. 1902, III, 111—126, съ посл. жидов. Ѳеодора и перев. прор. Даніила); о Ѳедорѣ Курицынѣ (Р. Арх. 1895, № 1); Соболевскій, Москов. образов., 21; Ср. Опис. рук. Общ. люб. древ. пис., 320—332; Строевъ, Словарь, 314.

[3]) П. С. Р. Лѣт., VI, 238; Чтен. въ Общ. ист. 1902, III, 123—125.

[4]) П. С. Р. Л., VI, 49, 244; VIII, 244. Въ Степен. книгѣ сказано, что въ 1488 г. нѣкоторыхъ сожгли, но это было послѣ соб. 1503 г. Въ лѣтоп. (Архив.) говорится: „били въ торгу поповъ, что поругались иконамъ пьяни.. и бивъ отослали опять ко владыцѣ“(Геннадію въ Новгородѣ). „Вел. князь, писалъ м. Геронтій, приказалъ дѣла обыскивать намѣстникомъ.... и которые дойдутъ духовныя казни, и ты ихъ духовнѣ казни, а которыя дойдутъ градскія казни, ино тѣхъ намѣстники казнятъ“ (Древ. Рос. Вивл., XIV, 235). Цар. правила, град. зак.—зак. греч. царей въ прилож. къ Кормчей, служили дополн. къ Судебнику (см. изд. Башилова, 43). Ср. Карамзинъ, VI, пр. 324.

[5]) Чт. Общ. ист. 1848, №№ 1 и 8, Посл. къ дух. вел. кн. архим. Митрофану и архіеп. Іоасафу. Послѣднее (Геннадія) по тому же списку, исправнѣе изд. (Чтенія 1880, III, 140—154).

скій [1]), Аѳанасій Александрійскій [2]), соч. Козмы пресвитера противъ богомиловъ, Діонисій Ареопагитъ, важный для объясненія христіанской догматики, Логика [3]), Шестокрылъ. Переводъ Логики и космографическихъ статей съ обиліемъ западно-русскихъ словъ и полонизмами свидѣтельствуютъ о мѣстѣ ихъ происхожденія, притомъ съ передачей еврейскихъ словъ и терминологіи [4]).

Шестокрылъ заключаетъ въ себѣ астрономическія таблицы, составлен. еврейскимъ астрономомъ Имман. бенъ Іаковомъ, писат. XIV в. (Гурляндъ, Куматяно и Описан. математич. рукоп. въ Тр. Вост. отд. И. Р. Арх. общ. 1866, стр. 19—21). Текстъ ея раздѣляется на шесть крылъ (отсюда названіе). Въ одномъ сборникѣ за ней слѣдуетъ космографическая статья со ссылками на Птоломея, Евклида (Клидисъ) и математика, премудраго Ѳеодосія (это, конечно, Ѳеодосій Виѳинскій, писавшій соч. „О сферѣ", за 50 л. до Р. Х.), употреблявшееся какъ руководство и въ новѣйшія времена (см. Уэвелль, Ист. индукт. наукъ, I, 262). На основаніи этихъ данныхъ составлялись Лунники (въ одной Псалт. Троицк. лавры,—XVI в.—„Лунникъ изъ Шестокрыла"). Соболевскій, Переводн. литерат., 413, прим. 3. Рядомъ съ Шестокрыломъ и космогр. стат. слѣдуетъ ст., извѣстная подъ именемъ „Тайная тайныхъ" Аристотеля или Аристотелевы Врата (по Стоглаву). Любопытно, что въ ней есть „таблица" для гаданія и объ исходѣ боя или поединка, съ наставленіемъ, какъ ею пользоваться (ibid., стр. 420). Означенныя сочиненія въ Холм. Сборн. сопровождаются и полемическими статьями противъ еврейства (399).

Въ тѣхъ же западно-русскихъ сборникахъ находятся и другія статьи астрологическаго и астрономическаго содержанія, указывающія на большую распространенность произведеній литературы жидовствующихъ [5]), вполнѣ подтверждающую слова того же Геннадія и Іосифа Волоцкаго, что жидовствующіе „прилежали звѣздозаконію, чародѣянію

[1]) Ж. Сильвестра папы римск. съ полемич. пріемами противъ еврейства.

[2]) Слова его на аріанъ. Ср. Вирши на аріанъ к. XVI—XVII вв. С. Щегловой (изд. Общ. люб. древ. письмен. 1913).

[3]) Произведеніе Моисея Маймонида, иначе Египетскаго, писателя XII вѣка.

[4]) Въ апокрифич. книгѣ „Енохъ" (изд. въ Чтен. Общ. ист. 1899, IV,) отмѣчаютъ тѣ же особенности (Арх. Извѣст. 1893, №№ 9—10, с. 372; Голубинскій, II, 605).

[5]) Соболевскій, Перев. литер., 423—433; Изъ исторіи, отреченныхъ книгъ. Аристотелевы Врата или Тайная тайныхъ, текстъ и матер., собр. и объясн. М. Сперанскій (Пам. древн. письм. и искус. 1908, № CXXXI); рец. А. И. Соболевскаго (Ж. М. Н. Пр. 1909, № 1, с. 215—217).

и чернокнижію". Если прибавить къ этому переводъ подъ названіемъ „Псалтири" (древне-еврейскій богослужебный сборникъ Махазоръ [1]), Псалтири съ еретическими толкованіями, бывшими въ употребленіи у жидовствующихъ (Геннадій), а нѣкоторые присоединяютъ сюда и книгу прор. Даніила, допуская тенденцію въ выборѣ и перемѣнахъ текста, то можно видѣть, какой матеріалъ находился въ рукахъ жидовствующихъ для ихъ полемическихъ цѣлей и борьбы съ церковными вѣрованіями [2]).

Полемика съ іудейскими воззрѣніями въ отношеніи къ христіанству ведется издревле (Лѣтопись, м. Иларіонъ, Патерикъ печер., Палея и т. д.). Съ Андрея Боголюбскаго евреи проникаютъ въ сѣвер. Россію, а во время господства татаръ иногда являются въ числѣ сборщиковъ дани, посылаемыхъ изъ Крыма [3]). Проживая въ Москвѣ, они иногда принимаютъ христіанство, какъ Ѳеодоръ жидовинъ, отождествляемый съ переводчикомъ Псалтири и участникомъ въ переводѣ книгъ при Геннадіѣ. Живя долго въ Россіи, онъ принялъ христіанство при вел. кн. Василіѣ Темномъ и м. Іонѣ и выступилъ даже съ обличеніемъ (между 1448—1461) противъ евреевъ, которые обратились къ нему съ вопросами о христіанской вѣрѣ,—что указываетъ уже на споры, про-

---

[1]) „Подложной псалтири" (М. И. Соколовъ, стр. 99 въ сборн. О жидовствующихъ)—собраніе молитвъ съ устраненіемъ всего, кас. лица І. Христа.

[2]) См. Перев. литер., А. И. Соболевскаго, 1903, с. 396—436; Псалтирь жидовств. въ перев.; О ереси жидовствующихъ, новые матер., собран. С. А. Бѣлокуровымъ, С. О. Долговымъ, И. Е. Евсѣевымъ и М. И. Сотниковымъ (Чтен. въ Общ. ист. и древн. 1902, III, и отд., 1—164—о соб. на жидов. 1490; посл. Ѳеодора жидов. и инока Саввы, книга Даніила); рец. А. Соболевскаго (Ж. М. Н. Пр. 1902, № 10; ср. Чт. Общ. истор. 1900, III, 034); Ж. М. Н. Пр. 1907, № 11 (А. И. Соболевскій, Псалт. жидов. въ перев. Ѳеодора); Тр. Слав. ком., III (зам. Яцимирскаго); о прежнихъ мнѣніяхъ о ереси жидовств. (А. И. Никитскій, Оч. внутр. истор. церкви въ В. Новгородѣ, 207—212); Г. М. Барацъ, Слѣды іуд. воззрѣній въ древне-русск. письмен. (Лѣт. Ист. филологич. общ. при Новорос. унив., IV, 1—52); В. Н. Перетцъ, Новые труды жидовствующихъ XV в. и ихъ литер. (Универ. Изв., 1908 г. и отд.) Логика жидовств. и Тайная тайныхъ, А. И. Соболевскаго. (Отч. Общ. любител. древн. письмен. 1899, № cxxxiii); Шестокрылъ, Д. Прозоровскаго (Древн. Моск. Арх. Общ., 1887, т. XI, в. 3); Соч. Н. С. Тихонравова, I, 242—244, примѣч. с. 73; Памятники, изд. Общ. любит. древн. письм., cxxix, cxxxi. Изъ ист. отречен. книгъ Гаданія по псалтири и Трепетникъ Н. Сперанскаго, зам. В. Н. Перетца (Ж. М. Н. Пр. 1900, № 4; о Шестокрылѣ, стр. 67—74); Старецъ Филоѳей, В. Малинина (Ж. М. Н. Пр. 1901, № 12, рец. А. И. Соболевскаго; о Шестокрылѣ, 488). Ср. также П. К. Коковцевъ, Къ вопросу о Логикѣ Авіаса (Ж. М. Н. Пр. 1912, № 5).

[3]) Карамзинъ, IV, 120; Никон. лѣт., годъ 1321.

исходившіе въ предѣлахъ Москвы [1]). При дворѣ Ивана III евреи находили пріютъ и пользовались свободнымъ пребываніемъ въ Москвѣ [2]), такъ что инокъ Савва (1488), подъ вліяніемъ движенія возбужденнаго жидовствующими, предостерегалъ правовѣрныхъ отъ сближенія съ ними [3]). Но болѣе настойчиво и рѣшительно противъ ереси выступилъ Іосифъ Волоцкій въ своемъ Просвѣтителѣ, первыя три „слова" котораго направлены противъ „жидовствующихъ", а въ остальныхъ главахъ онъ касается другихъ сторонъ ереси.

Подъ вліяніемъ тѣхъ же явленій, вѣроятно, появляются статьи противъ жидовствующихъ въ современныхъ хронографахъ [4]) и сборникахъ, гдѣ они идутъ рядомъ съ обличеніями на латынянъ [5]). Напрасно думаютъ [6]), что въ началѣ XVI в. теряется слухъ о ереси жидовствующихъ. При м. Варлаамѣ многіе держались ея втайнѣ, особенно между вельможами, которые, по выраженію одного современника, обратились тогда „изъ страха къ православію, только лицомъ, а не сердцемъ" [7]). Мнѣнія эти нашли доступъ и въ Бѣлозерской пустыни [8]). По смерти Іосифа Волоцкаго еретики снова было подняли голову и ок. 1520 г. состоялся даже новый соборъ на еретика Исаака жидовина [9]) и хотя въ 1527 г. архіеп. Макарій величалъ вел. кн. Василія Ив., какъ окончательно низложившаго ересь [10]), но м. Даніилу (съ февр. 1522 г.) приходилось предостерегать православныхъ отъ еретиковъ, хулившихъ Христа Бога и его преч. Матерь [11]).

---

[1]) Посланіе Ѳ. Жидовина съ пред. М. И. Соколова (О жидовств., 97—109). Въ 1482 г. въ Луцкѣ появились противъ іудеевъ „Словеса св. пророкъ" (см. зам. И. Е. Евсѣева, Тр. Слав. ком. Москов. Арх. общ., III, 47—48). Въ XVI в. была извѣстна въ Россіи книга Іакова Жидовина „Вѣра и противленіе крестившихся іудей въ Африкіи и Картагени и о вопрошеніи, и о отвѣтехъ и укрѣпленіи" (есть и погречески). См. рукописи Царскаго, Синод. библ. и др. (В. Жмакинъ, М. Даніилъ, 327).

[2]) Карамзинъ, VI, 225.

[3]) Посланіе его съ предисл. С. А. Бѣлокурова (О жидовств., 1—93).

[4]) Опис. Рум. муз., 725—726.

[5]) Лѣт. занят. Арх. ком., III, Опис. сборн. Соф. библ., 27—49—50.

[6]) В. Н. Перетцъ, Обзоръ, 25.

[7]) Зиновій, Истины показаніе, 265.

[8]) Прибавл. къ Твор. св. отц., X, 506—507.

[9]) Сочин. М. Грека, I, 51—55.

[10]) Дополн. къ акт. историч. I, № 25.

[11]) Бѣляевъ, М. Даніилъ (Изв. Ак. Н., V, 197—207; Чт. о яз. и слов. 1856—1857); Горскій и Невоструевъ, Опис. рук. Синод. библ., II, 3, стр. 147—164. Памят. старин. рус. литерат., IV, 194, 200; В. Жмакинъ, М. Даніилъ, VI, 44, 52—54, 107, 342—354, 393, 426, 431—432, 438, 468, 696.

Поэтому при Василіѣ Ивановичѣ пріѣздъ евреямъ въ московскіе предѣлы былъ запрещенъ, какъ свидѣтельствуетъ о томъ Павелъ Іовій со словъ Д. Герасимова [1]), бывшаго въ Римѣ, и снова при Иванѣ Грозномъ, за то, что они злословили Христа и привозили отравныя зелья [2]).

V.

Въ такомъ видѣ представляется положеніе дѣлъ въ Москвѣ, когда противъ ученія той же ереси выступилъ Максимъ Грекъ. По поводу ея онъ написалъ 5 словъ или статей, нѣкоторыя изъ коихъ иногда надписываются „на люторы", но это уже позднѣйшій домыслъ. Какъ мы видѣли, М. Грекъ прервалъ сношенія съ Западомъ раньше, чѣмъ ученіе Лютера успѣло утвердиться тамъ. Притомъ нѣмцы, бывшіе тогда въ Россіи (фонъ-Турнъ—Делаторъ, въ бесѣдѣ съ Геннадіемъ и Николай Нѣмчинъ въ Москвѣ) были послѣдователями римской церкви, а соч. ин., изданное подъ именемъ Парѳенія Уродиваго, противъ лютеранскаго попа Ѳеодосія Косого [3]), конечно, появилось гораздо позже. Необходимо прибавить, что и въ XVII в. нѣкоторыя главы соч. Зиновія Отенскаго передѣлывались, въ видахъ полемики, *„на люторы"* [4]), а обличительныя статьи собственно о Лютерѣ появляются уже въ хронографѣ 2-й редакціи [5]).

Въ „Словѣ о рождествѣ.... Іисуса Христа" Максимъ Грекъ возстаетъ противъ жидовствующихъ за то, что они отвергали божественность І. Христа и необходимость Его страданія за человѣчество, а между тѣмъ ожидали другого Мессію, окруженнаго царскою славою [6]).

Въ доказательство божества Іисуса Христа М. Грекъ указываетъ на обстоятельства его жизни, пророчества и силу апостольской пропо-

---

[1]) Карамзинъ, VI, 132; Павелъ Іовій (Библ. иностран. писателей, стр. 42). Онъ пишетъ: „Больше же всего ненавидятъ они іудеевъ, такъ что содрагаются при одномъ ихъ имени и не впускаютъ ихъ въ свои предѣлы, какъ людей презрѣнныхъ и вредныхъ".

[2]) Карамзинъ, VIII, 73, прим. 213 (дѣла польскія); Тедальди, Е. Ф. Шмурло (Ж. М. Н. Пр. 1895, № 5 и отд. съ дополн.).

[3]) Памятн. древн. письм., № LXVI, 38. Сочин. это признается тождественнымъ съ писаніемъ І. Грознаго на Рокиту (Вилинскій, Старецъ Артемій, 353).

[4]) Матеріалы для исторіи противо-лютеран. полемики въ сѣверо-восточной Россіи XVI—XVII, ст. А. Никольскаго (Труды Кіев. Дух. акад. 1867, №№ 1—2). Соч. М. Грека на люторы въ др. спискахъ обозначаются на еретики (I, 485).

[5]) Поповъ, Обзоръ хроногр., II, 130—131.

[6]) Ср. 4-е слово Просвѣтителя. Жидовствующіе порицали также соч. Ефрема Сирина (Зап. Ак. Н., т. LXXI, 124).

вѣди. Такъ, онъ здѣсь приводитъ евангельскія событія, относящіяся къ рожденію Іисуса (поклоненіе волхвовъ, приведенныхъ звѣздою, славословіе ангеловъ и возвѣщеніе ихъ пастырямъ), пророчества Даніила о седминахъ (9.24) и Исаіи (9.6); указываетъ на разрушеніе Іерусалима, какъ на исполненіе словъ Іисуса, и на распространеніе христіанства апостолами „мужами безкнижными, ничтоже ино вѣдущими, точію ловъ рыбной, не единъ языкъ, ни два“, которые притомъ не употребляли никакихъ насильственныхъ мѣръ, а между тѣмъ до того подѣйствовали своею проповѣдью, что вскорѣ мученики своими подвигами доказали достоинство новаго ученія. Противъ того мнѣнія, что Божеству не слѣдовало воплощаться для спасенія человѣчества, М. Грекъ только замѣчаетъ, что въ этомъ высказалась особенная любовь Божества „къ своему образу и подобію“; а что касается ожиданія новаго Мессіи, какъ царя, то онъ совѣтуетъ своимъ противникамъ (слѣдовательно, это слово было вызвано толками, современными Максиму) подтвердить его пророчествами, въ противномъ же случаѣ убѣждаетъ согласиться съ нимъ въ неосновательности подобнаго мнѣнія [1]).

Рядомъ съ назван. „словомъ“ Максима, слѣдуетъ поставить два другихъ, направленныхъ также противъ жидовствующихъ, а именно „слова“ о почитаніи иконъ и Богородицы. Первое въ одномъ спискѣ озаглавлено „на Люторы“, но, очевидно, не точно, такъ какъ въ другомъ спискѣ сказано: „слово о поклоненіи св. иконъ *противъ еретиковъ*“, и самое содержаніе возраженій Максима показываетъ справедливость нашего предположенія. Извѣстно, что жидовствующіе противъ почитанія иконъ возражали на основаніи второй заповѣди Моисея, а обличеніе Максима все основано на Ветхомъ Завѣтѣ (онъ указываетъ на то, что въ скиніи были изображенія и священныя вещи), и только въ подтвержденіе своихъ словъ онъ приводитъ въ примѣръ ап. Луку, написавшаго изображеніе Богородицы. При этомъ Максимъ снова замѣчаетъ, что онъ былъ побужденъ написать это слово тѣмъ, что еретики неправильно толковали объ иконахъ („еретицы глаголютъ“ [2]).

Слово „на хульники Божія матери“ также относится къ обличеніямъ на жидовствующихъ, хотя и не указано его назначеніе. Оно какъ будто служитъ продолженіемъ предъидущаго, повторяя высказанныя доказательства законности употребленія иконъ и священныхъ предметовъ

---

[1]) Сочин. I, 39. Полемика Саввы и Ѳеодора жидовина также сосредоточивается на вопросѣ о Мессіи. Послѣдній касается и прообраза трехъ странниковъ, явившихся къ Аврааму (ср. Гурляндъ, 42), о которыхъ говоритъ и Іосифъ Волоцкій (слово 5-е).

[2]) Сочин. I, 485—494.

и затѣмъ переходитъ къ опроверженію мнѣнія *нѣкоторыхъ, учившихъ,* что Богородица до тѣхъ поръ была *свята,* пока носила въ себѣ Іисуса. М. Грекъ такое мнѣніе прямо называетъ „умышленіемъ іудейскимъ“. Свои возраженія въ этомъ словѣ онъ основываетъ на тѣхъ *выраженіяхъ Ветхаго Завѣта,* которыя обыкновенно относятся къ лицу Маріи, и замѣчаетъ, что царица всегда пользуется уваженіемъ своего сана, и при жизни, и по смерти царя [1]). Въ этомъ словѣ, какъ и въ другомъ (Повѣсть о воздвиж. пресв. Богородицы хлѣба-панагіи [2]), М. Грекъ пользуется апокрифическими сказаніями о жизни Богородицы для подтвержденія высоты ея подвига.

Между тѣмъ, Николай Нѣмчинъ, врачъ вел. князя (о немъ скажемъ ниже) перевелъ съ латинскаго на русскій языкъ сочиненіе Самуила „Евреина“. Послѣдній жилъ въ XI в. (по сербск. списк. онъ крестился въ 993 г.), повидимому въ Испаніи, гдѣ книга его была переведена съ арабскаго на латинскій яз. монах. Альфонсомъ [3]), Сочиненіе это написано противъ евреевъ на основаніи пророческихъ книгъ и состоитъ изъ 25 главъ. Такой характеръ сочиненія побудилъ Геннадія просить Герасимова (переведшаго на рус. яз. соч. Делиры противъ іудеевъ) о переводѣ его на русскій яз. Другой переводъ былъ сдѣланъ Ник. Нѣмчиномъ, очевидно въ интересахъ защиты христіанства; но жидовствующіе воспользовались имъ для своихъ цѣлей [4]). Самуилъ утверждаетъ, что народъ іудейскій есть народъ божій, не смотря на видимый гнѣвъ Его. Жидовствующіе же могли пользоваться имъ въ своихъ доказательствахъ достоинства іудейства. Такое значеніе названнаго сочиненія побудило Максима выступить съ его опроверженіемъ. Обличеніе Максима состоитъ изъ 8-ми главъ: въ первыхъ шести онъ доказываетъ виновность іудеевъ, какъ отступниковъ закона и христоубійцъ, а далѣе останавливается на особенныхъ мнѣніяхъ Самуила, напр. о вознесеніи (отличномъ по описанію) Еноха, Иліи и Іисуса, и утвержденіи

---

[1]) Сочин. I, 495—508.

Виновникомъ хулы на Богородицу М. Грекъ признаетъ Константина Копронима (503), но любопытно, что Ѳеодосій Косой воспользовался его изложеніемъ мнѣнія К. Копронима, уподоблявшаго Бог. мошнѣ, которая пока полна чистаго золота, то стоитъ дорого, когда же золото изъ нея высыпано, то она ничего или весьма мало стоитъ (500; ср. Зиновій Отенскій, Многословн. посланіе, 255. Калугинъ, 33—„и мати Христова повнегда ходи, яко и вси жены бысть“).

[2]) Сочин. III, 104—109; ср. Изв. Ак. Н. 1909, II, 312—322.

[3]) Петръ Альфонсъ также былъ обратившійся въ христіанство еврей.

[4]) Сочиненіе Самуила было распространено въ Россіи во многихъ спискахъ XVII и XVIII в., нѣсколько разъ издавалось и вышло въ новомъ переводѣ іером. Варлаама, въ 2 изд. (2-е, Спб. 1782; подробн. см. у А. И. Соболевскаго, Перев. литер., 89, 191—193). Переводъ XVII в. Симеона Полоцкаго (Строевъ, Словарь, 256).

его, что израильтяне, при переходѣ черезъ Черное море, шли не по суху, но „вода покапе тѣлеса ихъ“ и т. д. [1]).

Къ числу лицъ, дѣйствовавшихъ во время Максима въ пользу ереси, принадлежалъ еще нѣкто Исаакъ, противъ котораго онъ написалъ „совѣтъ къ собору православному“ и который, какъ видно изъ этого сочиненія, успѣлъ уже склонить нѣкоторыхъ „въ свою прелесть“. Въ обращеніи къ собору, Максимъ прежде всего представляетъ рядъ выдающихся примѣровъ „божественной ревности“; такъ, здѣсь имѣютъ мѣсто Моисей, который за идолослуженіе велѣлъ левитамъ „убивать оружіемъ всѣхъ по порядку, будутъ ли то сродники, старцы, или юноши, такъ какъ, позабывъ о многихъ и великихъ божіихъ благотвореніяхъ и чудесахъ, они уклонились къ идолослуженію“, и Финеесъ погубившій 23 тысячи „единаго ради грѣха блуднаго“ („коль чудна эта ревность онаго чуднаго мужа!“ восклицаетъ Максимъ), и наконецъ чудный Левъ, архіеп. катанскій, который разжегшись божественною ревностію, вышелъ изъ алтаря и омофоромъ своимъ смѣло обвилъ шею волхва Иліодора, дотащилъ его до самой торговой площади и здѣсь влѣзъ съ нимъ въ огонь и пробылъ въ немъ, пока этотъ скверный ученикъ бѣсовъ не сгорѣлъ весь, а самъ онъ вышелъ изъ огня невредимымъ, такъ что ни одинъ волосъ его не былъ опаленъ огнемъ [2]). Затѣмъ М. Грекъ, обращаясь къ собору, пишетъ: „Такъ же и вы, какъ сотаинники и строители тѣхъ же таинствъ, подражая ему, примите на себя туже ревность и такой подвигъ ради благочестія и великодушно, не колеблясь, но апостольски противьтесь единомудренно и единодушно, съ приличнымъ святителямъ божіимъ православнымъ дерзновеніемъ, *и смутившаго паству Спасову (т. е. Исаака) предайте внѣшней власти въ казнь*, чтобы и другіе не стали впредь смущать Христово стадо, и не были приняты въ землю нашу православную. Какое можетъ быть сообщеніе вѣрному съ безвѣрнымъ?.. Соблюдите землю нашу чистую и невредимую отъ таковыхъ бѣшеныхъ псовъ. Будьте сообщниками древнимъ ревнителямъ“, чтобы и вамъ сподо-

---

[1]) Сочин., I, 60. Вообще М. Грекъ любилъ событія Новаго Завѣта подтверждать свидѣтельствами В. Завѣта (Сочин., I, 26, 29, 40, 43, 50, 94, 125, 504; III, 65, 69, 70), къ чему часто прибѣгали Іосифъ Волоцкій и Зиновій Отенскій, и въ чемъ видятъ уже нерѣдко злоупотребленіе (Калугинъ, 184—182); но это могло вызываться и отношеніемъ ихъ къ ереси жидовствующихъ.

[2]) М. Греку было извѣстно соч. Іосифа. Волоцкаго (Калугинъ, Зиновій Отенскій, 201). Ср. Сказаніе Іосифа о жидовствующихъ въ статьѣ Н. Н. Попова (Изв. Ак. Н., 1913, № 1).

биться такихъ же, какъ они, вѣнцовъ и восхваленій въ грядущемъ вѣкѣ во славу Іисуса Христа [1]).

Въ настоящемъ случаѣ М. Грекъ сходился въ воззрѣніяхъ на ересь съ Іосифомъ Волоцкимъ и Геннадіемъ Новгородскимъ. Іосифъ говоритъ, что все равно—убить еретика руками или молитвою, что покаянія ихъ не искренни, а если кто изъ нихъ желаетъ покаяться, то можетъ сдѣлать это и въ темницѣ. „А другіе, господине, замѣчаетъ онъ, говорятъ, что грѣхъ еретика осуждать. Но, господине, не только ихъ осуждать велѣно, *но и казнить, и въ заточеніе посылать*" [2]). Геннадій же прямо ставитъ въ примѣръ „ревности по вѣрѣ"—испанскую инквизицію: „вотъ фряги, говоритъ онъ въ посланіи къ митр. Зосимѣ, по своей вѣрѣ какую крѣпость держатъ: сказывалъ мнѣ посолъ цесаревъ про испанскаго короля, какъ онъ *свою землю очистилъ*, и я съ тѣхъ рѣчей и списокъ тебѣ послалъ. И ты бы, господине, *о томъ* вел. князю пристойно говорилъ, *не только спасенія ради его, но ради чести* государя вел. князя, такъ какъ некому другому о томъ государю сказать" [3]). Такъ высказались почти одновременно по одному и тому же вопросу три передовыя личности своего вѣка. Признавая мнѣнія св. отцовъ и соборовъ какъ непреложныя истины, въ которыхъ нельзя измѣнить ни одного „слова", они послѣдовали за ними и въ настоящемъ дѣлѣ, а какъ извѣстно, отцы церкви на соборахъ опредѣляли и гражданскія наказанія еретикамъ. Такъ, на второмъ вселенскомъ соборѣ они постановили епископовъ—послѣдователей Македонія—„наказать по градскимъ законамъ", которыхъ и „били жестоко говяжьими жилами"; на четвертомъ вселенскомъ—отцы церкви вмѣстѣ съ царемъ повелѣли еретиковъ „наказать многимъ біеніемъ говяжьихъ жилъ и деревіемъ суковатымъ и темницами". При Юстиніанѣ константинопольскій соборъ на Оригена опредѣлилъ вмѣстѣ съ царемъ „казнить еретиковъ разнымъ томленіемъ и различными муками, почему

[1]) Сочин. I, 51. Рецензію богосл. соч. М. Грека см. въ Опис. рукоп. Синод. библ. (II отд., ч. 2, № 1017). Ср. в. стр. 196—197.

[2]) Просвѣтитель, 591, и Посланіе къ Нифонту, въ Чтен. Моск. Общ. ист., г. III, № 1, с. 7. Веденіе въ позорномъ шествіи на ослѣ, какъ устроилъ Геннадій въ Новгородѣ, было извѣстно и въ др. странахъ (см. Оп. изсл. о культ. знач. Византіи, гл. VIII; Оп. рус. исторіогр. II, 667—68; де-Брокъ, Фр. революція, 446).

[3]) Акты Арх. экспед. I, № 380. Рус. Историч. библ. VI, 175. Рѣчь идетъ о возстановленіи инквизиціи кор. Фердинандомъ Католикомъ. Посолъ этотъ вѣроятно Делатуръ (фонъ-Турнъ), а не Николай Поппель (1486, 1488), какъ думаетъ Голубинскій (II, 571, прим.); Делатуръ пріѣхалъ отъ Максимиліана, въ іюлѣ 1490 г. (Памятн. дипломат. сношен., I, 25—26); посланіе Геннадія писано въ окт. 1490 г., а Зосима возведенъ въ санъ митрополита въ сентябрѣ 1490 г.

однимъ отрѣзали языки, другимъ отсѣкали руки, инымъ уши и носы, и позорили ихъ по торгу, и потомъ они были посланы въ заточеніе до кончины ихъ“ [1]). Примѣръ Финееса служилъ образцомъ для византійскихъ агіографовъ —высшаго религіознаго чувства [2]). Излюбленный М. Грекомъ составитель житій, Симеонъ Метафрастъ, возвеличиваетъ преп. Павла за преслѣдованіе манихеевъ, какъ подражателя въ ревности Финеесу и Иліи, письма котораго о преслѣдованіи еретиковъ казались царю слаще меда [3]). Но такъ же обстояло это дѣло и на Западѣ [4]), не напрасно на который ссылался Геннадій. И М. Грекъ съ своимъ совѣтомъ на Исаака жидовина обращается къ православному собору, а чтобы побудить его принять мѣры противъ Исаака, онъ представляетъ рядъ примѣровъ религіозной ревности и совѣтуетъ собору послѣдовать „древнимъ ревнителямъ“ [5]).

Блаженный Августинъ колеблется, когда приходится говорить, какъ слѣдуетъ поступить съ еретикомъ относительно способа его преслѣдованія [6]). Но Іосифъ Волоцкій зналъ, что дѣлать. Фанатизмъ всякаго ученія требуетъ жертвъ [7]). Трудно сочувствовать Лойолѣ и пре-

---

[1]) Калачовъ, О знач. Кормчей (Чт. въ Общ. ист., годъ III, № 4 ,с. 76).

[2]) Сводъ мнѣній отцовъ церкви см. у Жмакина, Митр. Даніилъ, 413—417.

[3]) Ж. М. Н. Пр. 1880, № 12, с. 427—429.

[4]) Gregorovius Gesch. d. St. Rom (VI, 435); сожженіе виклефитовъ при Генрихѣ V (Веберъ, VIII, 69); во Франціи въ XVI в. (Гейсеръ, Ист. реформ., 53; В. Евр., 1878, II, 194; бритье головы и кнутъ, Тэнъ, I, 90); въ Польшѣ (В. Евр. 1885, № 9, с. 35) и др.; Н. Стороженко, Вольнодум. эпохи возрожденія; Проповѣдникъ терпимости XVI в. И. В. Лучицкаго (Рус. Бог., 1900, 1894, №№ 7 и 8); Ист. Вѣстн. 1900, № 11, 729 (о канцл. Лопиталѣ); № 12, 1114—115 (о сож. мертв. труповъ еретиковъ); о сож. въ 1530 г. за ученіе. Лютера нѣск. крестьянъ въ устьяхъ Роны, по рѣшенію парлам. въ Эксѣ (Буасье, Язычество, 564); о Монтэнѣ (Ист. Вѣст. 1900, № 9, с. 1114).

[5]) Сочин., I, слово VI, 77. Поэтому мы не можемъ принять объясненія св. А. Синайскаго (Краткій очеркъ дѣятельн. М. Грека, Спб. 1898, с. 30—31).

[6]) Вѣстн. Евр. 1901. № 4, с. 448 и д.

[7]) Руссо (Эмиль, IV), оспаривая Бэкона и Бэйля, которые считали, что суевѣріе и фанатизмъ хуже атеизма, говоритъ, что фанатизмъ, какъ онъ ни былъ жестокъ и кровавъ, все-таки представляетъ собою великую и сильную страсть, возвышающую сердце человѣка, научающую его презирать смерть, придающую ему удивительную силу сопротивленія: если бы эту страсть направить въ другое русло, она породила бы величайшія добродѣтели, между тѣмъ какъ атеизмъ и вообще резонирующее и философствующее направленіе заставляетъ людей боязливо цѣпляться за жизнь, усыпляетъ и принижаетъ ихъ души... Это покой смерти,

клоняться передъ его способами воздѣйствія. Но Ренанъ говоритъ: „Лойола, безъ сомнѣнія, личность суровая и страшная; но какое могущество, какое увлеченіе! Какое смѣлое и полное олицетвореніе своей эпохи и своей страны! Сравните съ этимъ исполиномъ честнаго и превосходнаго Винцента де-Поля: вмѣсто возвышеннаго энтузіазма, который силою своей страсти поднимается до степени генія, мы видимъ золотую душу, не знающую другой поэзіи, кромѣ добрыхъ дѣлъ, и другой теологіи, кромѣ милосердія. Это, конечно, лучшая изъ теологій; но, по величію и авторитету,—какая разница" [1])! Всѣ религіи болѣе или менѣе нетерпимы. „Если бы св. Петръ и Павелъ, восклицалъ въ 1303 г. францисканецъ Бернаръ Делисье, попали на судъ, и они не смогли бы оправдаться" [2]). Современники съ осужданіемъ относились къ способамъ дѣйствія Іосифа Волоцкаго, предпочитавшаго вліять на власть, не разбирая средствъ тамъ, гдѣ шло дѣло о преслѣдованіи противниковъ [3]). Снисхожденіе и благодушіе къ противникамъ вышло изъ среды созерцательной—пустынниковъ. Мистики и нищенствующіе монахи смягчили благочестіе X в., говоритъ Лампрехтъ [4]). Въ моментъ преслѣдованія еретиковъ, защитникомъ терпимости явился Нилъ Сорскій со своими послѣдователями [5]). Въ извѣстномъ стихотвореніи Майкова (ч. II) въ то время, какъ соборъ постановилъ суровый приговоръ надъ еретикомъ, сожалѣніе къ нему несется лишь отъ одного пустынника.

онъ пагубнѣе самой войны" и т. д. Положеніе это Гефдингъ называетъ „великой задачей, безъ рѣшенія которой никакая отрицательная критика не достигаетъ цѣли... Эту задачу Руссо оставилъ величайшему изъ своихъ послѣдователей—Эм. Канту" (Ж. Жакъ Руссо и его философія, 74—75).

[1]) В. Евр. 1892, № 12, с. 774 (Ренанъ).

[2]) Ш. Ланглуа, Инквизиція по новымъ изслѣдов., М. 1903, с. 71, 74.

[3]) Опис. Сборн. Им. Пуб. библ., I, 93—94. Между тѣмъ патр. Никонъ обозвалъ его „ябедникомъ" (Изв. Ак. Н. 1900, I, 166). Любопытная черта! Цѣлый рядъ іерарховъ вышелъ изъ вліятельной среды „іосифлянъ" (названіе въ устахъ противниковъ ставшее браннымъ).—Макарій насчитываетъ въ теченіе 50 лѣтъ свыше 20 (Ист. рус. церк., VI, 11—12); но изъ 17 занимавшихъ каѳедры 1506—1589, большая часть не дожила благополучно до конца на своихъ мѣстахъ. (Жмакинъ, 450—457). Подробн. объ іосифлянахъ (Опытъ изсл. о культ. значеніи Византіи, гл. VI); о вліяніи братіи Волок. мон. на составл. Просвѣтителя (Жмакинъ, Поѣздка въ Волок. м., Древ. и Нов. Рос. 1880, I, 21—36. 1880, I, 21—36). Замѣтимъ, что м. Даніилъ все-таки мягче относится къ раскаявш. еретикамъ (Жмакинъ, 421—423).

[4]) Ист. Герман. народа, II. 496—497. Ср. Средневѣк. реформаторы, Гаусрата, II, 235—274.

[5]) Архангельскій, Нилъ Сорскій. О писаніяхъ Нила Сорскаго, Гр. Левицкаго Журн. Сов. Спб. дух. акад. 1884—1890. Спб. 1895, стр. 287—345; Венгеровъ, VI, 32—44; Споръ іосифлянъ съ бѣлозерскими старцами, Розанова (Стран. 1877, № 5, с., 156—172; Изв. Ак. Н. 1897, I, 78—80).

VI.

Второе важное мѣсто въ полемикѣ Максима Грека занимаютъ его сочиненія противъ латинянъ, вызванныя также современными явленіями, но борьба эта имѣетъ свою продолжительную исторію. Греки вмѣстѣ съ религіей завѣщали русскимъ и свое отрицательное отношеніе къ западной церкви. Еще въ символѣ вѣры, преподанномъ кн. Владиміру послѣ крещенія, къ числу христіанскихъ догматовъ было прибавлено слѣдующее наставленіе: „не пріимай же ученія отъ латынъ, ихъ же ученіе развращено“ [1]) и, по перечисленіи разныхъ особенностей западной церкви, снова повторяется: „ихъ же блюдися ученія..... Богъ да сохранитъ тя отъ сего“. Предостереженіе это было сдѣлано вслѣдствіе опасеній изъ-за домогательствъ и притязаній папъ подчинить Россію своей власти.

Уже вскорѣ послѣ крещенія Владиміра папы стали посылать къ нему одного посла за другимъ (во время его пребыванія въ Херсонесѣ—съ мощами, въ другой разъ въ 991 году, потомъ въ 1000 г.) и хотя въ этихъ случаяхъ не говорится о присоединеніи русскихъ къ папѣ, но можно думать, что и это имѣлось въ виду. Вотъ почему въ 991 г., когда прибыли послы къ Владиміру и онъ съ своей стороны отправилъ посла въ Римъ, то патріархъ константинопольскій писалъ къ князю и митрополиту, убѣждая ихъ не сноситься съ папою, не присоединяться къ зловѣрію латинянъ, вѣра которыхъ не добра, такъ какъ, они зло исповѣдуютъ о Духѣ Св., постятъ субботы, хлѣбъ прѣсный а не квасный освящаютъ, папу безъ грѣха быть вѣрятъ“.... [2]). Есть извѣстіе, что императоръ Оттонъ III присылалъ въ Русь миссіонера Бруно, который *склонилъ къ латинскому ученію нѣкоторыхъ русскихъ; но прибывшій греческій епископъ* уничтожилъ его успѣхи [3]). Затѣмъ идетъ рядъ стараній папъ о подчиненіи Россіи въ церковномъ отношеніи. Такъ, извѣстны посольства папъ: Григорія VII (1075), вы-

---

[1]) Ересь жидовствующихъ оставила слѣды въ послѣдующіе вѣка (Опис. щел. о культ. знач. Византіи, с. 455). Появленіе ереси жидовствующихъ въ 1827 г. въ Московской губ. (Чт. Общ. ист. 1874, II, 67—75).

Между тѣмъ этотъ символъ есть только переводъ „Исповѣданія вѣры“ Михаила Санкелла († около 838 г.), въ которомъ не было и не могло быть такого добавленія (П. С. Р. лѣт., I, 49, 50; Сухомлиновъ, О древне-русск. лѣт., Уч. зап. Ак. Н. по II отд., Ш 65—68).

[2]) Никон. лѣт. I, 92, 104, 111; Тат. II, 78 и пр. 195.

[3]) Ист. христ. въ Россіи, Макарія, с. 342, 343; Monum. Polon. hist, I, 224—25; Рус. Бесѣда 1856, I.

званнаго къ тому Изяславомъ I [1]), Урбана II (1091) [2]), Климента III къ митрополиту Іоанну II [3]); около 1155 г. былъ назначенъ въ качествѣ римскаго миссіонера аббатъ клервосскій Бернардъ [4]); подъ 1169 г.. Никоновской лѣтописи записано: „того же лѣта пришли послы отъ римскаго папы“ [5]). Въ 1204 г., послѣ завоеванія латинями Константинополя, папа Иннокентій III отправилъ пословъ къ галицкому князю Роману, съ цѣлью обратить его къ римскому исповѣданію [6]); онъ же въ 1207 г. снова снарядилъ посольство въ Россію съ посланіемъ, въ которомъ убѣждалъ русскихъ присоединиться къ западной церкви [7]), Въ 1214 г. папа, вслѣдствіе заявленнаго королемъ венгерскимъ Андреемъ желанія галичанъ подчиниться римской церкви, съ условіемъ возведенія на престолъ Коломана, уже видѣлъ успѣхи своихъ притязаній. Лѣтопись по этому поводу говоритъ: „Въ лѣто 6722 король угорскій посадилъ сына своего въ Галичѣ, епископа и поповъ изгналъ изъ церкви, а свои попы латинскіе привелъ на службу“ [8]). Въ 1227 г. папа Гонорій III, въ своемъ посланіи къ русскимъ князьямъ. выражалъ радость о заявленномъ будто-бы русскими послами моденскому епископу—желаніи принять ученіе западной церкви и *угрожалъ даже различными бѣдствіями „если они не возвратятся на путь истинный“* [9]). Въ 1231 г. папа Григорій IX, услышавъ отъ епископа прусскаго о намѣреніи вел. князя Георгія Всеволодовича—подчиниться папѣ, писалъ къ нему посланіе, въ которомъ молилъ и увѣщевалъ его, чтобы онъ „смиренно принялъ и сохранилъ обряды и нравы христіанъ латинскихъ, *покоривъ изъ любви ко Христу, себя и все царство сладостной власти римской церкви*“ [10]). Въ 1246 г. посольство, въ которомъ участвовалъ Плано-Карпини, проѣзжая черезъ Россію къ татарамъ, имѣло вмѣстѣ съ тѣмъ и письма отъ папы Иннокентія IV къ русскимъ епископамъ съ увѣщеваніями присоединиться къ латинской церкви [11]). Извѣстны также отношенія галицкаго князя Даніила

---

[1]) Карамзинъ, II, 47, по изд. Эйнерлинга.

[2]) Ibid., II, 62,

[3]) Карамзинъ, II, 186; Макарій, Ист. церк., II, 257.

[4]) Ист. церк. Макарія, III, 235· Карамзинъ, III, 67.

[5]) Никон. лѣтоп., II, 203.

[6]) Татищевъ, III, 344, 345. Карамз., III, 85, прим. 149. Ut filiam reducat ad matrem et membrum ad caput.

[7]) Ист. церк. Макарія, III, 239. Hist. Rus. Monum. I, № 3.

[8]) Воскресен. лѣт. П. С. Р. лѣт. II, 156; Никонов., II, 315; Татищ. III, 377.

[9]) Ист. рус. церк. Макарія, III, 241. Hist. Rus. Monum., I, № 21.

[10]) Ист. русск. церк., Макарія, III, 242; 243. Hist. Rus. Monum., I, № 33. Въ томъ же собраніи о др. погранич. областяхъ и объ отношеніяхъ къ Руси.

[11]) Карамзинъ, IV, 27.

къ Иннокентію, вызванныя желаніемъ послѣдняго дѣйствовать противъ татаръ [1]). Въ 1248 г. папа Иннокентій IV призывалъ къ единенію Александра Невскаго, въ связи съ дѣйствіями противъ татаръ, забота о чемъ становится со стороны римскаго престола постоянною [2]). Сосѣдніе католическіе государи должны были заботиться о томъ же въ интересахъ папскаго престола [3]). Въ XV в. папа нашелъ защитника своихъ притязаній на русскую церковь въ митрополитѣ Исидорѣ, который, передъ своимъ прибытіемъ въ Россію уже былъ въ Италіи [4]), а потомъ на Флорентійскомъ соборѣ долженъ былъ способствовать соединенію церквей въ политическихъ видахъ Византіи. Выдача царевны Софіи за Іоанна III послужила снова предлогомъ для папъ къ продолженію прежнихъ стремленій [5]). Въ 1513 г. посолъ короля датскаго Іоанна, бывшій въ Москвѣ по шведскимъ дѣламъ, долженъ былъ заботиться и о соединеніи церквей [6]). Въ 1519 г. (вторично, слѣдовательно уже при М. Грекѣ) папа Левъ X представлялъ вел. князю (черезъ магистра Нѣмец. орд.) особенныя выгоды, которыя должны были произойти отъ соединенія церквей. Наконецъ, упомянемъ еще о путешествіи генуэзца капитана Павла въ Москву, совершенномъ вторично имъ въ 1525 г. съ грамотою Климента VII къ вел. кн. Василію. По словамъ Павла Іовія, папа убѣждалъ послѣдняго признать надъ собою владычество западной церкви...... и обѣщалъ святѣйшею властію своею даровать ему *титулъ короля*, вмѣстѣ съ королевскими регаліями, ежели онъ, отвергнувъ догматы греческой вѣры, прибѣгнетъ къ покровительству римской церкви“ [7]).

Но стремленіе папъ къ подчиненію русской церкви вызвало противодѣйствіе ея представителей. Мы видѣли, какъ въ самомъ началѣ греческая іерархія старалась не допускать даже сношеній съ римскимъ дворомъ. Конечно, митрополиты-греки, приходившіе въ Россію изъ Константинополя, были главными охранителями такого начала, а ихъ взгляды на этотъ предметъ перешли и къ русскому духовенству, кото-

---

[1]) Карамзинъ, IV, 33; Hist Rus. Monum., № 62—69, 77, 95,

[2]) Ibid., №№ 78, 79.

[3]) Ibid., №№ 105, 113, 116, 119, 120, 122, 123. Напомнимъ крестовый походъ кор. Магнуса шведскаго противъ Новгорода въ 1348 г, (Новгор. лѣт.).

[4]) Карамзинъ, V, 161. Въ одной лѣтописи говорится (П. С. Р. лѣт., II, 355), что онъ былъ присужденъ въ Россіи къ сожженію.

[5]) Карамзинъ, VI, 38.

[6]) Ibid., VII, 49.

[7]) Библ. иностр. писател.: Павла Іовія, Книга о посольствѣ, с. 17. Переписка папъ Льва X и Климента VII съ вел. кн, Василіемъ Іоан. 1519, 1524—1525, 1526, издан. І. Григоровичемъ, Спб. 1834.

рос, въ свою очередь, не оставалось въ бездѣйствіи. Іовій, Олеарій и Мейербергъ причиною ненависти русскихъ къ Риму считаютъ именно грековъ [1]).

VII.

Полемика въ Россіи противъ западной церкви, открывается сочиненіемъ кіевскаго митрополита Леонтія, родомъ грека (992—1008), „объ опрѣснокахъ“ [2]). Потомъ слѣдовали: „Слово Θеодосія о вѣрѣ крестьянской и латынской“ [3]), митрополита Георгія „Стязаніе съ латынию“ [4]) († 1079), посланіе митрополита Іоанна II († 1089) къ Клименту [5]), три посланія митрополита Никифора [6]). Кромѣ того въ обращеніи у русскихъ читателей были болѣе или менѣе обширныя переводныя статьи, помѣщенныя въ Кормчихъ, Требникахъ, Сборникахъ, хронографахъ и лѣтописяхъ (историч. повѣсти и др.), въ Пандектахъ и Тактиконѣ Никона Черногорца (Черная гора близь Антіохіи), въ апокрифахъ (Преніе Панагіота съ Азимитомъ) и т. п. [7]), извѣстныхъ уже въ славянской литературѣ до XIV в. Къ этому времени относятся памятники полемической литературы, какъ сочиненія Григорія Паламы, Нила Кавасилы и отвѣты Іоанна Кипрскаго въ Синтагмѣ Матвѣя Властаря [8]). По поводу Флорентійскаго собора появился рядъ описаній,

---

[1]) Тамъ же, стр. 41 и 42; Олеарій, О состоян. Россіи въ XVII в., кн. III, гл. 31. Mayerberg: Relation d'un voyge en Moscovie, Paris, 1858, II, 11.

[2]) Временникъ Моск. Общ. ист., V, отд. 2, 1—18. Греч. полемич. сочин. по списку XIV в. (Павловъ, 301—318)..

[3]) Въ Учен. запис. Акад. Н. напеч. пр. Макаріемъ, кн. II, в. 2, 215, 223.

[4]) Ист. церк. Макарія, II, 140, пр. 273; Поповъ, 81—91, Павловъ, 234—244, 377—384; Ист. церк. Макарія, II, прим. 52.

[5]) Учен. зап. Акад. Н., II, отд. I, отд. III, 1—20 и Пам. рос. слов. XII в. 205; Поповъ (91—99); Павловъ (355—372)—греч. и слав. тексты (Поповъ, 63—81), съ замѣч. о редакціяхъ.

[6]) Памятн рос. слов. XII в. 153; Ист. церк. Макарія, II, пр. 277, 281; Поповъ, 101—118; Павловъ (248—251) и др. Статьи іером. Августина (Тр. Кіев. ак.), подъ заглавіемъ: Полемич. сочин. противъ латинянъ въ XI—XII вв. въ связи съ общимъ историч. изыскан. относительно разности между восточной и западной церквами (1867, №№ 6 и 9) и Споръ грековъ съ латинянами объ опрѣснокахъ и о кисн. хлѣбѣ въ таинствѣ евхар. (1870, № 12).

[7]) Поповъ (118—296); Павловъ (251—271). Въ сборникахъ Кирилло-Бѣлозер. мон. много статей противъ латинъ (Лѣтописн. занят. Арх. Ком., III, 50—51).

[8]) Поповъ (296—376); Павловъ (272). Опис. рукоп. Рум. муз., стр. 293, 307, 311; Опис. рук. Синод. библ., II, 471—485.

оффиціальныхъ актовъ и статей, направленныхъ противъ латинянъ [1]). Уже въ XV в. появляются сочиненія въ Россіи, приписываемыя м. Цамвлаку (кіевскому—противъ опрѣсноковъ) и Фотію (московскому [2]) Митрополитъ Іона (1448—1461) посылалъ въ разныя мѣста грамоты, предупреждая отъ всякихъ попытокъ присоединенія къ западной церкви [3]).

Событія, предшествовавшія паденію Константинополя, оживили сношеніе Византіи съ Римомъ и посѣяли у папъ надежду на возможность подчиненія восточной церкви. Флорентійская унія поддерживала эту увѣренность. Обращеніе въ католичество нѣкоторыхъ членовъ императорской семьи [4]) и грековъ, жившихъ въ Италіи, содѣйствовали подобной иллюзіи, тѣмъ болѣе, что явленія въ Западной Руси давали основанія къ тому. Если въ первые вѣка раздѣленія въ брачныхъ дѣлахъ государей допускался еще компромиссъ [5]), то впослѣдствіи требованія въ религіозныхъ дѣлахъ сдѣлались болѣе настойчивыми и опредѣленными. Бракъ Софіи Палеологъ съ Иваномъ III снова оживилъ эти надежды, судя по тѣмъ лицамъ, какія принимали участіе въ этомъ дѣлѣ (кард. Виссаріонъ и кард. Антоній Бонумбре [6]), отправленный въ Москву) не только сторонниковъ уніи, но и грековъ [7]); не прекраща-

---

[1]) Поповъ (296—340); Павловъ (ibid). Политика, однако не сообразовалась съ этимъ требованіемъ: на 29 брачныхъ союзовъ русск. князей съ иноземными приходится 8 на браки съ иноземками, а 21 на браки рус. княженъ съ иностранцами (А. Синайскій, Отношен. древн. русск. ц. и общества къ латинск. Западу, X—XV в., Спб. 1899, с. 128—180).

[2]) Слово Григорія Цамвлака перечисляетъ 35 обвиненій, главнымъ образ. по статьѣ „О фрязѣхъ" (Поповъ, 316—325); Павловъ (373). М. Фотій въ посланіи во Псковъ писалъ противъ употребленія латинскаго мѵра (Акты истор., I, № 35; Рус. Истор. библ., VI, № 58); Григорій Цамвлакъ, Н. Д. (Рус. Бесѣда, 1895, № 1, стр. 148—151). по румын. источн., касающ. отношеній флорент. уніи къ Византіи О другихъ соч. см. ниже.

[3]) Акты историч. I, №№ 45, 47, 51, 52, 62, 63, 65. 66, 273, 275; Дополн. къ ист. акт. I, № 13.

[4]) Пирлингъ, Россія и Востокъ, 55—56; по франц. изд. 47.

[5]) Въ XI в. дочь Ярослава I Анна, вышедшая за франц. короля Генриха I, исполняла католич. обряды или приняла католичество (Ист. Вѣстн. 1894, № 1, с. 206). Въ XII в. не требовалось отъ католич. принцессъ, вышедшихъ замужъ за визант. членовъ царств. дома, перемѣны религіи (Визант. Времен. 1898, I, 86—87).

[6]) Пирлингъ, 11—16, 69, 84, 91—93, 101—102.

[7]) Очевидецъ брака Зои, Ѳеодоръ Газа поспѣшилъ послать описаніе торжества своему другу Франч. Филельфо (Пирлингъ, Россія и Востокъ, xi).

лись внушенія съ одной стороны и обѣщанія съ другой относительно союза противъ турокъ [1]), но далѣе послѣднихъ не шли. Москва дружелюбно сносилась съ турками (см. выше, стр. 150—51) и сама помышляла уже о роли третьяго Рима [2]). Современникъ М. Грека, м. Даніилъ признавалъ одинаковую опасность отъ латинянъ и бусурманъ [3]), а старецъ Филоѳей выступалъ на защиту православія грековъ, не смотря на подчиненность ихъ туркамъ [4]).

Прежде всего необходимо замѣтить, что полемика русскихъ обличителей всецѣло зависѣла отъ византійской. Послѣдняя же представляетъ постепенное расширеніе спорныхъ вопросовъ. Въ то время, какъ при первоначальномъ раздѣленіи у патр. Фотія († 886) насчитывается 5 обвиненій (по западнымъ показаніямъ до 9), при окончательномъ раздѣленіи въ патріаршество Михаила Керуларія, въ посланіи послѣдняго къ антіохійскому патр. Петру, имѣвшемъ главное руководящее значеніе для русскихъ полемистовъ, называется ихъ 19, а вторая редакція, дополненная изъ другихъ источниковъ (к. XI в.) и широко распространенная въ славянской письменности (О фрязѣхъ и о прочихъ латинахъ) доводитъ уже 30 отступленій [5]). Завоеваніе Константинополя латинами усилило взаимную вражду грековъ и латинянъ [6]), а

---

[1]) Пирлингъ, Рос. и Вост., xi, 134. 144. I. Григоровичъ (Переписка папъ съ рос. госуд. въ XVI в., Спб. 1834, снош. 1513—1526 гг.), стр. 1—26, 95—105).

[2]) Слово, избр. отъ св. писаній. еже на латыню, около 1461, приписс. неправильно старцу Аркадію (Филаретъ, Обз. дух. литерат., стр. 130) а А. Н. Поповымъ одному епископу (Ист. литер. обз. полемич. соч., 359—360). А. С. Павловъ приписываетъ его Пахомію Логоѳету (рец. на предъидущ., Отчетъ о XX присужд. Уваров. наградъ, 292—294); Ѳ. И. Делекторскій—Симеону Суздальскому (Ж. М. Н. Пр. 1895, № 7, с. 145—59).

[3]) Жмакинъ, 254.

[4]) А. Шахматовъ, Хроногр. Филоѳея, 110. Папа Сикстъ IV именно указывалъ на то, что патріархъ назначается турками. (P. Pierling, La Russie et le S. Siège I, 145—146). См. еще ниже, с. 226.

[5]) А. Н. Поповъ, Истор. литер. обз. древне-рус. полемич. соч. противъ латин. XI—XV в., М. 1875, стр. 12, 52—69. Современникъ Михаила Керуларія—Левъ архіеп. Охридскій (Болгарскій), писавшій по порученію Михаила Керуларія называетъ еще 4; Никита Стифатъ—6; но они, какъ и Никита Никеецъ, уже выдвигаютъ на первый планъ ученіе объ опрѣснокахъ (Павловъ, рец. на Попова, 224—225).—

[6]) Одо Діогильскій, въ изд. Гизо, XXIV, кн. 3 и 4; Никита Хоніатъ, VI, 3 и прилож. (о памятникахъ Византіи).

Издан. Котелеріемъ перечень обвиненій противъ латинянъ въ 60 пунктахъ присоединяетъ еще 22 жалобы на разныя неистовства и кощунства, совершенныя крестоносцами при взятіи Конст-ля въ 1204 г. (Павловъ, 230).—

возвращеніе его подъ власть грековъ (1261) въ лицѣ Михаила Палеолога заставило подумать о новой опасности, результатомъ чего явилась мысль о церковной уніи, которая нашла поддержку со стороны императора и патр. Іоанна Векка. Греческіе представители уніи присутствовали на Ліонскомъ соборѣ (1274). Императоръ жестокими мѣрами (ссылки и казни до ослѣпленія включительно) каралъ противниковъ уніи [1]), а патріархъ заявилъ себя цѣлымъ рядомъ сочиненій въ защиту послѣдней [2]). Дѣйствія эти вызвали враждебныя чувства среди монашества и народа и выразились между прочимъ въ „Преніи Панагіота съ Азимитомъ", въ которомъ видятъ полемическую сатиру на импер. Михаила Палеолога († 1282); послѣдняя съ XIV в. стала распространяться въ юго-славянскихъ, а затѣмъ и въ русскихъ спискахъ, раздѣляемыхъ на три редакціи, и съ одной стороны отличается историческими чертами, а съ другой—воззрѣніями, основанными на массѣ апокрифическихъ произведеній [3]).

Названіе латинянъ азимитами—ἄζυμος—прѣсный (безквасными) восходитъ къ патр. Михаилу Керуларію (1053), котораго нѣкоторые считаютъ первымъ виновникомъ открытой борьбы съ латинами изъ-за опрѣсноковъ (причемъ отвергается существованіе болѣе ранняго соч. о томъ же—патр. Фотія). До VI в. въ обѣихъ церквахъ употреблялся только квасный хлѣбъ при евхаристіи. Нѣкоторые относятъ употребленіе на Западѣ опрѣсноковъ ко времени папы Григорія В., другіе къ Карлу В. Вопросъ этотъ вскорѣ становится преобладающимъ послѣ вопроса объ исхожд. Св. Духа. Съ полов. XI до XVIII ст. насчитываютъ до 70 соч., написанныхъ о томъ на Востокѣ, причемъ болѣе раннія произведенія отличаются большей краткостью, послѣдующія—большей витіеватостью, многословіемъ и обиліемъ софистическихъ и діалектическихъ тонкостей. Между прочимъ греки обвиняли крестоносцевъ въ похищеніи изъ дворца золотого сосуда, въ которомъ хранился хлѣбъ, предложенный І. Христомъ своимъ ученикамъ на вечери. (Полемика между греками и латинами объ опрѣснокахъ въ XI—XII вв., изслѣдов. М. Чельцова, Спб. 1879). Облатки вмѣсто небольшихъ круглыхъ просфоръ вошли въ употребленіе на Западѣ съ XI в. (Вейсъ, Внѣшн. бытъ, II, ч. 2, 337).

[1]) Подробн. см. у Георгія Пахимера (Ист., ц. Михаила Палеолога, V, 23—24 VI, 23—25, 30.

[2]) Фабриціи, Bibl. graeca, X, 340—343; Поповъ, 251.

[3]) Напеч. у Попова, 238—250, 251—286 (по тремъ редакц.). Ср. М. Сперанскій, Къ ист. Пренія Панаг. съ Азимитомъ (Виз. Врем. 1895, IV, 521—530); Anecd graeco-byzant. Аѳ. Васильева, М. 1893 (№ 12); Преніе Панаг. съ Азим. по рук. XV—XVI в. (П. П. Вяземскій, Сочин., 361—363).

Обращаясь къ болѣе древнимъ русскимъ полемическимъ статьямъ, направленнымъ противъ латинянъ, слѣдуетъ замѣтить, что русская лѣтопись основываетъ свои данныя и мнѣнія о латинахъ на Толковой палеѣ [1]). Необходимо также имѣть въ виду, что главными полемистами въ Россіи являются греки, а единственными источниками ихъ оказываются только два визант. памятника: посланіе патр. Михаила Керуларія и статья „О фрязѣхъ и прочихъ латинахъ"—оба въ греч. подлинникѣ. Посланіе же Керуларія служило непремѣннымъ образцомъ для всѣхъ русскихъ полемистовъ отъ Ѳеодосія Печерскаго до Григорія Цамвлака, съ исключеніемъ, быть можетъ, м. Іоанна II, такъ какъ способъ обличенія, принятый Керуларіемъ вполнѣ соотвѣтствовалъ степени духовнаго развитія тогдашней Руси, для которой діалектическія тонкости споровъ объ исхожд. Св. Духа и даже объ опрѣснокахъ, были бы не совсѣмъ понятны, если-бы о нихъ стали распространяться такъ, какъ рус. митр. Леонтій—грекъ. Судьба же Керуларіева посланія и происходящихъ отъ него греческихъ и славянскихъ перечней латинскихъ заблужденій обнаруживаетъ, что число обвинительныхъ пунктовъ постоянно *возрастало* [2]), и съ теченіемъ времени греческіе полемисты потеряли самый счетъ ересей латинскихъ и выражались уже гиперболически „тмочисленныя и безчисленныя" (μνρία και αναριθμητα [3]) и только въ рѣдкихъ случаяхъ позднѣйшая византійская полемика принимала тотъ сосредоточенный и энергическій характеръ, какимъ отличаются ея первообразы—сочиненія патр. Фотія [4]) Послѣ состояв-

---

[1]) Павловъ, 195—200. Соч. Фотія лѣтописцу не были извѣстны (201—202) и вопроса о Св. Духѣ онъ не касается. А. С. Павловъ, напротивъ, первымъ виновникомъ этого спора называетъ не Мих. Керуларія, а современника и злѣйшаго врага патр. Фотія—Никиту Пафлагонца (рец. на Попова, 222).

[2]) Павловъ, 229, 236. Замѣтимъ, что въ Византіи въ это время появлялись и соч. противъ церк. раскола грековъ, но у насъ ихъ не переводили (ib., 251—252); не было славян. перевода даже снисходительнаго трактата Ѳеофилакта архіеп. болгарскаго. О Михаилѣ Керуларіѣ см. Н. Суворовъ, Византійскій папа, М. 1902 и замѣч. А. В. Васильева (Ж. М. Н. Пр. 1902, № 9), между прочимъ о томъ, что въ дѣлѣ раздѣленія церквей шелъ вопросъ не о догматахъ, а о власти.

[3]) Григорій Палама въ своемъ краткомъ трактатѣ „противъ латинянъ" называетъ ихъ явными еретиками, антихристами, азимитами, духоборцами, вмѣстилищемъ всѣхъ извѣстныхъ ересей и др. заблужденій, которыхъ нѣтъ возможности исчислить.

[4]) Павловъ, 231. Греч. и рус. тексты посл. Фотія (Поповъ, 9—12). Впослѣдствіи дошло до перекрещиванія католиковъ и протестантовъ (Порфирій, Книга бытія моего, 1854, 21 іюля; въ Россіи установлен. при патр. Филаретѣ, отмѣн. соборомъ 1666 г.), какъ дѣлали и католики относительно православныхъ. Брошюра перемышльскаго каноника Стан. Оржеховскаго, изд. въ 1543 г. „Крещеніе русскихъ" вызвала неудовольствіе (Вѣстн. Евр. 1885, № 9, стр. 39). Перекрещиваніе Марины Мнишекъ было дипломатически обойдено (Арсеній, архіеп. сузд. въ его запискахъ и патр. Филаретъ въ Потребникѣ иноческомъ, М. 1639, л. 214).

шагося раздѣленія церквей греческая іерархія опасалась всякаго вмѣшательства со стороны папъ въ церковныя дѣла. Такъ, когда импер. Мануилъ Комненъ предложилъ духовенству измѣнить прежнюю форму проклятія Магомета и встрѣтилъ сопротивленіе со стороны двухъ синодовъ, собиравшихся по этому поводу, то онъ пригрозилъ, что рѣшеніе его будетъ представлено на собраніе подъ предсѣдательствомъ папы, и духовенство уступило требованію императора [1]). Точно такъ же въ синодальномъ дѣяніи 1389 г. сообщается, что когда Пименъ добивался митрополіи (по смерти Митяя), желая скорѣе достигнуть цѣли, то угрожали патріарху обращеніемъ къ латинянамъ и имѣли успѣхъ [2]). Религіозная полемика переходила и въ открытые споры съ противниками православныхъ догматовъ. Такъ, около 1491 г. дьякъ Филиппъ Петровъ извѣщалъ новгородскаго архіеп. Геннадія о приходѣ во Псковъ латинскихъ монаховъ и о спорѣ съ ними о вѣрѣ русскихъ священниковъ [3]). Эти споры иногда оканчивались печальными послѣдствіями. Напримѣръ, священникъ Исидоръ Новый, живя въ Дерптѣ, возбудилъ противъ себя нѣмцевъ обличеніями ихъ вѣры, за что былъ схваченъ со своими прихожанами во время крестнаго хода (1472 г.) и утопленъ въ рѣкѣ вмѣстѣ съ 72 русскими [4]).

Главное въ указанной полемикѣ, конечно, составляютъ догматическія разности западной церкви съ восточною; но при этомъ обыкновенно прибавляются такія черты, которыя представляютъ только невыгодную сторону (въ религіозномъ и нравственномъ отношеніяхъ) противниковъ, съ видимою цѣлью—отрицательно дѣйствовать на убѣжденія читателей. Напримѣръ, Ѳеодосій Печерскій говоритъ, что латины „ѣдятъ со псами и съ кошками, и пьютъ свой сецъ; ѣдятъ львовъ, дикихъ коней, ословъ, удавленину, мертвечину, медвѣдину и бобровину, хвостъ бобровъ, а въ 5 недѣлю поста во вторникъ чернецы ихъ ѣдятъ лой..... Попы ихъ не женятся законною женитьбою, но съ рабами дѣти добываютъ, а епископы ихъ наложницъ держатъ и на войну ходятъ.... Иконъ не цѣлуютъ, ни мощей святыхъ; а крестъ цѣлуютъ, написавши на землѣ, и, вставши попираютъ его ногами“. И потому онъ совѣтуетъ: „къ вѣрѣ латынской не присоединяться, обычая ихъ не

---

[1]) Архивъ истор. юридич. свѣд., III, 11.

[2]) Синод. дѣяніе 1389 г. (Арх. ист. юрид. свѣд. III, 11) Ср. также А. Синайскій. Отнош. древн. рус. церкви и общества къ латин. западу X—XV вв., Спб. 1899; замѣч. о греч. полемикѣ (Визант. Времен. 1898, III, 587.).

[3]) Акты историч., I, 286.

[4]) Ист. Россіи, Соловьева, VII, 236; Макарій, VIII, 378—382; Филаретъ, Житія, янв. 18—20; Будиловичъ (Сборн. Учено-литер. общ. Юрьев. унив., IV).

держать, всякаго ученія ихъ избѣгать, обычаевъ ихъ гнушаться, блюсти своихъ дочерей, не выдавать за нихъ замужъ и отъ нихъ не принимать, *ни брататься съ ними*, ни поклоняться, ни цѣловать ихъ и т. д...; многія злыя дѣла суть у нихъ; развращенной погибели полна вѣра ихъ. Того и жиды не совершаютъ". Митр. Георгій, выставляя въ своемъ „Сказаньи" 27 (сказано 70) винъ противъ латинянъ, замѣчаетъ между прочимъ, что монахи ихъ употребляютъ свиное и другое мясо, и вообще всѣ ѣдятъ удавленину и мертвечину, желвь нечистую (черепаха), называя ее кокошью, ѣдятъ медвѣдей и ословъ, а попы въ говѣнье—бобровъ, ѣдятъ съ собаками, не поклоняются мощамъ и иконамъ, изображаютъ *святыхъ на полахъ* и попираютъ ногами". Митрополитъ Фотій, говоря, что употребляющій удавленину подлежитъ проклятію, прибавляетъ: „а латиняне ее ѣдятъ" [1]). Изъ этого видно, что сопоставленіе догматическихъ отступленій съ невыгодными чертами самой жизни должно было указывать, что тамъ, гдѣ „догматы развращены", развращена и жизнь; а потому, чтобы избѣгнуть одного, необходимо остерегаться и другого.

VIII.

Вмѣстѣ съ тѣмъ духовенство заботилось удалить русскихъ отъ всякаго общенія съ папистами. Такъ, Θеодосій Печерскій, въ своемъ посланіи къ Изяславу, писалъ: *„съ послѣдователями варяжской вѣры не должно имѣть общенія ни по дѣламъ брачнымъ, ни въ причастіи..., ни въ пищѣ...,*—впрочемъ, когда они попросятъ пищи, накормить ихъ, только въ ихъ собственныхъ сосудахъ, а не въ своихъ, въ случаѣ же крайности—и въ своихъ, которые *потомъ вымыть и освятить молитвою*" [2]) Митр. Никифоръ выражается: „Намъ же православнымъ христіанамъ недостойно съ ними (т. е. латинами) *ни ѣсть, ни пить, ни цѣловать ихъ*; но если случится православнымъ съ ними ѣсть по нуждѣ, то кромѣ (особо) поставить имъ трапезу и сосуды ихъ... *Латиняне*, слѣдуя божественному писанію и по апостольскому преданію, суть тати и *разбойники*". Противъ общенія съ латинами говорилъ и митр. Іоаннъ II въ своемъ церковномъ правилѣ [3]). Но онъ держался лишь догматическихъ пунктовъ патр. Фотія, не при-

---

[1]) Акты историч., I, № 22.

[2]) Впослѣдствіи раскольники усвоили этотъ пріемъ и относительно православныхъ.

[3]) Ист. церк. Макарія, II, 213, 214. Его наставленія перешли въ покаян. номоканонъ и въ практич. жизнь (Павловъ, 232). Подобные совѣты и въ одномъ древн. словѣ. См. Прав. Соб. 1861, мартъ, 340.

давая особеннаго значенія мѣстнымъ обычаямъ [1]). Митр. Фотій, на вопросъ псковичей: пользоваться-ли имъ хлѣбомъ, виномъ и овощами, *приходящими изъ нѣмецкой земли*, отвѣчалъ, что можно, только послѣ очищенія iерейскою молитвою [2]). Насколько были предубѣждены противъ латинянъ даже образованнѣйшіе изъ обличителей, можно видѣть на Максимѣ Грекѣ, который, когда представляетъ русскимъ въ образецъ нравы французскихъ или итальянскихъ монастырей, то обыкновенно прибавляетъ: „хотя и латина суть по вѣрѣ“ [3]), быть можетъ оговорка необходимая для его современниковъ. Многое изъ того, что было высказано въ полемическихъ памятникахъ древнѣйшаго періода и повторялось въ рукописныхъ сочиненіяхъ, перешло и въ старопечатныя книги (Кормчая) и сдѣлалось общимъ убѣжденіемъ. Византійскія сочиненія повліяли тутъ на то смѣшеніе, какое утвердилось въ понятіяхъ русскихъ,—догматовъ съ обрядами и мѣстными обычаями [4]).

Богослуженіе латинское обыкновенно называлось „сквернымъ мольбищемъ“, „богомерзкимъ служеніемъ“, храмъ—божницей, ропатью [5]), вѣра—„злою, лукавою [6]), прелестною и незаконною, еретическою и проклятою“ [7]). Даніилъ Паломникъ, говоря о богослужебномъ пѣніи латинянъ, выражается, что они „верещатъ посвойски“ [8]). Ихъ называли „еретиками, души которыхъ плѣнены отъ діавола“ [9]), и считали погибшими [10]). Въ одномъ иностранномъ сочиненіи говорится: Catholicos omnes Arianistos (Rutheni) vocant... Ecclesias Catholicorum spernunt, confutant, inhonorunt etc. [11]). Матоею Прозорливому—бѣсъ представлялся въ видѣ ляха [12]). Въ описаніи страшнаго суда Римское царство

---

[1]) Въ полемикѣ занимаетъ видное мѣсто вопросъ объ удавленинѣ, объ употребленіи ея въ пищу, но патр. Петръ возражалъ по этому поводу Михаилу Керуларію, называя это мѣстнымъ злоупотребленіемъ, а Ѳеофилактъ Болгарскій и совсѣмъ отвергалъ (Поповъ, 97—98; Павловъ, 244—254.

[2]) Акты историч., I, № 9.

[3]) Сочин. III, Повѣсть страшная.

[4]) Поповъ, iv—v; Павловъ, 189, 231—234.

[5]) 2-ая Соф. лѣт. 155, 191. 197; 1-ая Новгор; 8; П. С. Р. лѣт., III.

[6]) Прав. Соб. 1861, мартъ, 340; П. С. Р. лѣт., III, 283—305; V, 52 и 73.

[7]) Чтен. Моск. Общ. ист. 1859, кн. 3, Разсужд. Вассіана, с. 8. А. А. Э. I. Дѣло Башкина, с. 2; Собр. госуд. грам., III, 24.

[8]) Сахаровъ, Путеш. рус. людей, т. II, 34.

[9]) Посл. Филоѳея къ Мунехину, Прав. Соб. 1861, май, 90, 91

[10]) Контарини, въ Библ. иностр. писат. о Россіи, I, 111.

[11]) Elucidar. error. ritus Ruthenici, p. I. Sacrani, a. 1500. Ж. М. Н. Пр. 1842, сент., с. 131, въ ст. Письмо Кобенцеля о Московіи.

[12]) Изъ Патерика Печерск. въ П. С. Р. лѣт. I, 259.

названо антихристовымъ [1]). Архіеп. Геннадій—Западъ прямо называетъ адомъ [2]). Новгородскіе паломники на Востокѣ видѣли земной рай, а другіе новгородцы, *ѣздившіе на Западъ,* разсказывали, что доходили *до ада,* видѣли истекающую изъ преисподней молнійную рѣку Моргъ, и на дышущемъ морѣ—червь неусыпающій, слышали скрежетъ зубный грѣшниковъ [3]). Михалонъ говоритъ, что москвитяне, разсердившись на кого-либо изъ своихъ, проклинаютъ его, *желая ему быть римской или польской вѣры:* такъ они ее ненавидятъ, замѣчаетъ онъ [4]). Всякое благосклонное отношеніе къ латинамъ, въ глазахъ строго-православныхъ, уже казалось преступленіемъ. Напр. дьякъ Висковатый въ дѣлѣ объ иконахъ обвинялся въ довѣріи къ латинамъ [5]). Артемія обвиняли въ томъ, что онъ „латынъ хвалитъ" [6]). Въ одномъ молитвенномъ обращеніи говорится: „согрѣшилъ я хожденіемъ въ латинскія божницы, и тѣхъ пѣніе слушалъ, *и, встрѣчаясь, стоялъ и бесѣдовалъ* съ латинами, съ арменами и съ жидами, въ забвеніи *миръ* и *благословеніе* имъ посылалъ *и руку давалъ правую и, по отхожденіи, прощеніе имъ выражалъ въ забытьи, и отъ нихъ слышалъ также. Прости меня, отче*" [7])! А когда митр. Филиппъ узналъ, что легатъ, отправленный съ царевною Софіею въ Москву, долженъ былъ имѣть торжественный входъ и „предъ нимъ крыжъ несутъ", то сказалъ вел. князю: „не можно тому быть, чтобы во градъ сей ему войти, но и *не приблизиться;* и если такъ учинишь, желая почтить его, *то, когда онъ во врата граду, а я отецъ твой другими враты изъ града,* ибо недостойно намъ того ни слышать, ни видѣть" [8]). И вел. князь запретилъ легату въѣзжать съ крыжемъ". И когда всѣмъ иностранцамъ позволяли всенародно исповѣдывать свою религію, то исключали изъ этой привилегіи только латинъ [9]). Отчужденіе, притомъ съ религіознымъ основаніемъ, русскіе выражали и относительно другихъ иноземцевъ. Они также каялись за разговоры съ ними, но это враждебное чувсто не достигало

---

[1]) Ѳ. Буслаевъ: Очерки рус. слов. и искус., I, 135.

[2]) Прав. Обозр. 1862, № 6. Ересь жидовств., с. 205.

[3]) Сѣверно-рус. народоправс. II. 390; Посл. архіеп. Василія о раѣ., П. С. Р. лѣт. VI, с. 88.

[4]) Михалона Литвина, О нравахъ, татаръ, литовц. и москвит. въ Арх. ист. юрид. свѣд., кн. III, ч. 2, с. 83.

[5]) Чтен. Моск. Общ. ист. 1859, кн. 2; Розыскъ, 20.

[6]) Акты экспед. I, № 238, с. 251.

[7]) Прав. Соб. 1859, авг. Взглядъ древне-рус. лѣт. на событія міра, с, 425.

[8]) П. С. Р. лѣт., VI, 192; Никон. лѣт., VI, 50.

[9]) Маржеретъ, 261; Олеарій, кн. III, гл. 31.

тѣхъ размѣровъ, въ какихъ оно представляется въ отношеніи къ папистамъ [1]). И въ послѣдніе дни свободы Новгорода, главною причиною образованія тамъ сильной московской партіи было религіозное сомнѣніе, возбуждавшее вопросъ: можно ли задаваться за латинскаго короля? чѣмъ искусно пользовались въ Москвѣ въ интересахъ политическихъ [2]). Смутное время только усилило это возбужденіе противъ иноземцевъ, которое сказалось во всѣхъ письменныхъ памятникахъ того времени. Послѣ смутнаго времени правительство отдавало предпочтеніе въ пріемѣ на службу протестантамъ. Съ другой стороны, если иностранецъ принималъ русскую вѣру, то всегда пользовался особеннымъ покровительствомъ [3]). По свидѣтельству Олеарія, даже въ услуженіе русскіе съ большимъ трудомъ отдавали иностранцамъ коголибоизъ своей челяди [4]). Постепенно это распространилось на все иноземное, какъ опасное и грѣховное. Такимъ образомъ, національное отчужденіе русскихъ отъ иноземцевъ развивалось подъ значительнымъ вліяніемъ религіозной вражды [5]).

IX.

Еще при Иванѣ III папа Александръ VI (Борджіа) хлопоталъ черезъ венгерскаго чиновника Сигизм. Сантая—о примиреніи Россіи съ Польшей и Литвой и убѣждалъ вел. князя, для общей пользы христіанства, соединиться съ другими монархами Европы, чтобы изгнать турокъ изъ Греціи [6]) и, какъ видно, русскіе послы ѣздили

---

[1]) Буссовъ, 51; Олеарій: „Паписты до сихъ поръ считаются у русскихъ нечистыми“, кн, III, гл. 31.

[2]) Акты историч. I, 280—281.

[3]) Rzeczy Polskich. Карамзинъ, XI, 171, прим. 557.

[4]) Олеарій, кн. III, гл. 24.

[5]) Crull, 143. Карлейль, 205. Отвращеніе къ иноземнымъ обычаямъ выражалось напр. въ запрещеніи зеркалъ, инструментальной музыки, „какъ употребляемой папистами“ (Коллинсъ, 2), брадобритія („Древнерусская борода“, Ѳ. Буслаева; въ Очерк. рус. слов. и искус., на которое смотрѣли какъ на латинскую ересь; Іоаннъ Грозный упрекалъ Поссевина за подсѣканіе и подбриваніе бороды), во враждѣ къ латинскому языку (Маржеретъ, 260).

Въ одной космографіи XVII в. замѣчено было: „по чужимъ государствамъ никуда не ѣздятъ, развѣ въ посольства, боящеся, да нѣчто отъ нихъ навыкнутъ и въ ересь впадутъ“ (Арх. ист. юрид. свѣд. III, 4). Олеарій пишетъ: „Когда въ числѣ вызванныхъ изъ-за границы офицеровъ нашлось нѣсколько паппстовъ, то всѣмъ имъ, тотчасъ же по прибытіи въ Москву, выдали деньги въ вознагражденіе издержекъ по проѣзду, и за тѣмъ выслали ихъ изъ Россіи. А въ контрактѣ относительно торговли нашей съ персами, русскіе строго наказывали, чтобы между голштинцами не было людей, исповѣдывающихъ латинскую вѣру“. Кн. III, гл. 31.

[6]) Карамзинъ, VI, 108.

тогда въ Римъ [1]). Въ царствованіе Василія Ивановича сношенія эти сдѣлались болѣе частыми. Папа Левъ X опасался завоевательныхъ плановъ султ. Селима I, который, послѣ успѣховъ оружія на Востокѣ (Персія, Египетъ, Сирія) распространилъ свои дѣйствія до Кавказа и Венеціи и грозилъ всей Европѣ, провозглашая себя владыкою вселенной и преемникомъ Константина В. Вслѣдствіе этого въ 1518 г. папа отправилъ къ западнымъ государямъ монаха орд. св. Доминика Николая Шонберга, и предлагалъ также, чтобы московскій государь, вступивъ въ союзъ съ римскою церковью на основаніяхъ флорентійской уніи, вооружился противъ грозныхъ силъ безчеловѣчныхъ оттомановъ. Посредникомъ въ этомъ дѣлѣ явился Дидрихъ Шонбергъ (въ мартѣ 1519 г., во время третьяго своего посѣщенія Москвы).

Николай Шонбергъ, старшій братъ Дидриха Шонберга, предполагавшійся посолъ въ Москву (подробн. о немъ см. Памят. диплом. снош. Моск. гос. съ Нѣмец. орд. въ Пруссіи 1516—1520. Сборн. И. Р. И. общ. т. LIII, по указ. стр. 10). О миссіи Дидриха Ш—га въ донес. (ib. стр. 5—24, 40—56, 82—103 и passim). Онъ упоминается, какъ вліятельный совѣтникъ и помощникъ маг. прусскаго въ борьбѣ съ польск. королемъ. Повидимому, пріему въ Москвѣ Н. Шонберга помѣшали свѣдѣнія, сообщенныя изъ Вѣны, въ которыхъ онъ назывался „лукавымъ монахомъ", интриговавшимъ противъ императора, причемъ добавлялось, что „Его Цес. Велич. отъ извѣстныхъ и вѣры достойныхъ увѣдалъ, не отъ сѣдалища Апостольскаго, какъ онъ лживо умыслилъ, посланъ, но отъ нѣкоторыхъ кардиналовъ въ Римѣ то ухищрено, кои Его Цес. Вел. и его дому Аустрьского имени случаю и прибавленію благочестному всегда завидятъ, причемъ Императоръ просилъ отписать, каково желанье того мниха было и какову прелесть противъ Е. Ц. В. умышлялъ и къ которому концу его ухищреніе и сопротивные совѣты идутъ" и т. д. Въ отвѣтномъ же словѣ императору, послан. Франч. да-Коллѣ и Антонію Комитѣ было сказано, что „и по сіе время таковъ мнихъ у насъ не бывалъ, и которое его къ намъ лестное дѣло будетъ, о томъ брату своему вѣдому учинимъ" и т. д. (Памятн. диплом. снош., изд. II отд. Е. И. В. канцел., I, 417—424). Карамзинъ (VII, прим. 189) ошибочно полагалъ, что онъ былъ два раза въ Москвѣ и тѣмъ ввелъ въ недоразумѣніе другихъ (Голубинскій, Ист. рус.

[1]) Григоровичъ. Переписка папъ съ рос. государями въ XVI вѣкѣ, Спб. 1834 г., стр. 102; ср. стр. 10.

церкви, II, 684, прим.), какъ равно и неправильно понятый текстъ Соловьева (по изд. 1864 г.—стр. 377; у г. Малинина по изд. 1855 г., стр. 346, 359—360), гдѣ рѣчь идетъ о Дидрихѣ Шонбергѣ, который былъ передатчикомъ желанія папы Льва X (ib. 398).

Изъ посольской же записи, сохранившейся въ дѣлахъ прусскихъ, видно, что Шонбергъ передавалъ отъ имени папы слѣдующее: „Папа хочетъ вел. князя и всѣхъ людей Русскія земли принять въ единство и согласіе Римскія церкви, не умаляя и не перемѣняя ихъ добрыхъ обычаевъ и законовъ, но хочетъ подкрѣпить и грамотою Апостольскою утвердить и благословить все выше сказанное, такъ какъ церковь греческая не имѣетъ главы: патріархъ константинопольскій и все царство въ турскихъ рукахъ; и онъ вѣдаетъ, что духовнѣйшій митрополитъ есть на Москвѣ: *хочетъ его и кто по немъ будетъ возвысить и учинить патріархомъ*, какъ былъ прежде константинопольскій, *и наияснѣйшаго и непобѣдимѣйшаго царя всея Русіи хочетъ короновать въ христіанскаго царя*, и того папа отъ сердца желаетъ... а отъ того папа не проситъ никакого прибытка, но только хочетъ хвалы Божіей *и соединенія христовѣрныхъ*... А если захочетъ князь великій за свою отчину Константинопольскую стоять, и онъ имѣетъ нынѣ пригоденъ путь да и помощь, что ни за сто лѣтъ до этого наслѣдники константинопольскіе не имѣли“ [1]... Въ то же время папа хотѣлъ отклонить вел. князя отъ союза съ магистромъ Ордена, искавшимъ помощи у вел. князя противъ Польши. Поэтому тотъ же Шонбергъ сообщалъ: „А вѣдомо, что Литву не надо оружіемъ воевать: *время ее воюетъ*, такъ какъ король не имѣетъ наслѣдника, а то извѣстно, что Москва не захочетъ никакого государя ляха надъ собой имѣть, а ляхи литвина и отъ того разорятся оба государства“.. Тѣмъ не менѣе посольство это успѣха не имѣло, такъ какъ вел. князь отвѣчалъ черезъ посла (Замыцкаго) магистру, что онъ готовъ быть съ папою въ дружбѣ и согласіи, но законъ греческій, какъ держалъ, такъ и впредь того держать крѣпко хочетъ [2]). Еще послѣ втораго посольства вел. князь

---

[1]) Карамзинъ, VII, пр. 189. По отзыву же вел. магистра Нѣмец. орд. Альбрехта (маркграфъ брандербургскій) „тотъ посолъ Г. Николай Шхемборхъ мнихъ, а въ папинѣ дворѣ въ Римѣ, у его Святыни ближній служебникъ имѣетца“ (ibid. прим. 192). Предлагая общій союзъ противъ Польши, магистръ Ордена обѣщалъ всѣ завоеванія раздѣлить съ вел. княземъ (Сборн. И. Р. И. общ., LIII, 1—24, 79).

[2]) Повидимому Ник. Шонбергъ преувеличилъ значеніе своей миссіи, такъ какъ вскорѣ затѣмъ (1520) былъ возведенъ въ санъ архіеп. капуанскаго, а впослѣдствіи (при Павлѣ III) получилъ и достоинство кардинала († 1537). Dict. hist. Moreri, VI, 409).

черезъ магистра отправилъ письмо (*первое*) къ „фряицовскому королю" (надписанное „Каролу"—Карлу VIII), съ просьбой содержать магистра въ милости и защитѣ отъ польскаго короля; а вслѣдъ за третьимъ посольствомъ онъ послалъ черезъ того же вел. магистра второе письмо къ франц. королю и другія письма къ курф. нѣмецкимъ и архіеп. майнцскому о защитѣ Ордена [1]). Однако, папа Левъ X въ 1519 г. (сент. 26) повторилъ свои настоянія черезъ легата Захарію, епископа гардіенскаго [2]). Въ 1521 г. былъ въ Москвѣ отъ папы Льва генуэзецъ Павелъ Чентуріоне съ порученіемъ о торговыхъ дѣлахъ [3]) и вторично въ 1524 (папы Климента VII) съ предложеніемъ о вѣрѣ и королевскомъ титулѣ [4]). Съ этимъ послѣднимъ и отвѣтною грамотою въ апр. 1525 г. отправился Дмитрій Герасимовъ (см. выше, стр. 32) съ обычными любезностями и обѣщаніями, „стоять противъ невѣрныхъ" [5]); а съ ними прибылъ посолъ папы Климента, Іоаннъ Францискъ, епископъ скаренскій, которому съ импер. посломъ Герберштейномъ удалось уладить перемиріе съ Польшей [6]). Съ нимъ же отправлены въ Римъ (въ дек. 1526 г.) московскіе послы (Трусовъ и Лодыгинъ), возратившіеся только въ 1528 г. [7]). Такимъ образомъ на первыхъ порахъ своего пребыванія въ Москвѣ Максимъ Грекъ засталъ весьма оживленныя сношенія москов. правительства съ Римомъ. Если онъ могъ съ сочувствіемъ относиться къ изгнанію турокъ и возстановленію Греціи, то, какъ истинный послѣдователь Марка Ефесскаго, онъ не шелъ по слѣдамъ тѣхъ, которые примирялись достиженіемъ этой цѣли принятіемъ флорентійской уніи. Полемика М. Грека противъ латинянъ вполнѣ подтверждаетъ высказанную нами мысль. Близкій въ то время ко двору вел.

---

[1]) Карамзинъ VII, прим. 193. Соловьевъ, V, 363, 376—377, 398, прим. 350. Орденъ просилъ Василія разрѣшить „его слугѣ" Вулкану Погу (ливонцу) учиться рус. яз. въ Новгородѣ или во Псковѣ у пресвитера (Карамзинъ, прим. 194), въ теченіе одного или двухъ лѣтъ. Грам. къ кор. франц. и нѣмец. князьямъ (Сборн. Р. И. общ., LIII, 101—103, 110).

[2]) Грамота напеч. І. Григоровичемъ (Переписка, 1—6); въ ист. кн. Щербатова и Карамзина объ этомъ посольствѣ нѣтъ свѣдѣній. Ср. Бантышъ-Каменскій, II, 268.

[3]) Никон. лѣт., VI, 227 и Ист. Павла Іовія; Пирлингъ, Рус. Стар. 1903, № 11; с. 367—375).

[4]) І. Григоровичъ, 9—15; о немъ Аделунгъ (I, 117—118); Библ. иностр. писат. 17); ср. Карамзинъ (VII, пр. 141).

[5]) І. Григоровичъ, 19—21, 103.

[6]) Карамзинъ, VII, 86—88.

[7]) Никон. лѣт., VI, 232; Лѣт, Львова, III, 386; Карамзинъ, VII, пр. 293; Грамота у Григоровича (25—26; ср. 104—105). О посольствѣ Трусова есть также извѣстіе въ рукописяхъ Древлехран. Погодина (Им. Пуб. библ., № 1558, л. 121—122). Ж. М. Н. Пр. 1880 г. № 10, с. 320.

князя, онъ, быть можетъ, содѣйствовалъ передъ послѣднимъ выясненію опасности предложеній, сдѣланныхъ папою, и помѣшалъ появленію въ Москвѣ Николая Шонберга.

X.

Какъ видно, сторонникомъ соединенія церквей является собственно Николай, наз. обыкновенно „Нѣмчиномъ“, но подобное прозваніе относится не къ нему одному, а прилагалось ко всякому выходцу изъ Ливоніи и Германіи. Нѣкоторые смѣшиваютъ его съ Николаемъ Нѣмчиномъ, прибывшимъ въ Россію съ цесарскимъ посольствомъ Делатора или фонъ-Турна, въ 1491 г. [1]) и полагаютъ, что о немъ-то хлопотали цесарь и маркграфъ бранденбургскій, чтобы вел. князь отпустилъ его на родину „по старости“ [2]). Дѣйствительно объ этомъ Николаѣ Нѣмчинѣ говорится, что онъ прибылъ въ Россію въ 1491 г., но если онъ уже въ 1519 г. (Франц. да-Колло) находился въ преклонной старости, то къ нему никакъ не можетъ относиться показаніе о смерти въ 1548 г., какъ говорится о Николаѣ Люевѣ [3]), и даже извѣстіе о присутствіи въ 1533 г. при кончинѣ вел. кн. Василія Ивановича, когда онъ повидимому былъ еще достаточной крѣпости, сопутствуя вел. князю [4]). Притомъ, въ томъ же извѣстіи внуковъ его брата говорится о прибытіи Николая въ 1508 г., что подтверждается и бесѣдой вел. князя съ Николаемъ, изъ которой слѣдуетъ что послѣдній прибылъ въ началѣ царств. Василія Ивановича, какъ равно и сказаніемъ о Николаѣ (Булевѣ), помѣщенномъ при соч. Максима Грека [5]). Вѣроятно Н. Нѣмчинъ (Люевъ) прибылъ съ Андреемъ Траханіотовымъ, который ѣздилъ въ Римъ въ 1506 г. съ извѣстіемъ о кончинѣ вел. кн. Ивана Васильевича, съ которымъ пріѣхали и набранные имъ мастера—„изъ

---

[1]) Л. Н. Майковъ. Послѣдніе труды, Николай Нѣмчинъ, рус. писатель XV—XVI в. (Изв. Ак. Н. 1900, кн. II, 379—392), а затѣмъ Голубинскій (Ист. рус. церк., II, 683—684). Ср. Бантышъ-Каменскій, Обзоръ внѣшн. снош. Россіи, II, 268 (1494 годъ). Въ 1491 г. во Псковъ изъ Юрьева прибыли „сѣрые чернецы“ (ordocr. monachi cist., ib.).

[2]) Памятн. дипл. снош., I, 416. Ходатайство было отклонено (424) подъ предлогомъ дальнѣйшихъ переговоровъ. Поэтому Л. Н. Майковъ неправильно указалъ, что мы не приняли во вниманіе этого свидѣтельства въ соч. „Максимъ Грекъ“ (Извѣстія, 381). Свидѣтельство это сюда не относится.

[3]) Beiträge zur Kunde Est-Liv-und Kurlands, B, I, H. I, Reval, 1868, 85—86. Притомъ посламъ нѣмецкимъ не приходилось хлопотать о врачѣ, прибывшемъ изъ Рима.

[4]) П. С. Р. лѣт. VI, 267, 271 (Булевъ); Царств. книга (г, 1534), с. 16 (Люевъ).

[5]) Сочин., I, 213, примѣч.

Рима“ же [1]). Если принять во вниманіе, что мнѣнія жидовствующихъ продолжали еще имѣть мѣсто и въ Новгородѣ, и въ Москвѣ [2]), и что Геннадій оставилъ каѳедру въ 1504 г. и въ 1505—1506 г. жилъ въ Чудовомъ мон., а вопросъ о пасхаліи еще продолжалъ привлекать вниманіе (новгор. свящ. Агаѳонъ составилъ Міротворный кругъ въ 1540 году [3]), то возможно, что Траханіотовъ [4]), будучи въ Римѣ, пригласилъ знатока языковъ, врача и астролога, Николая Люева (при Геннадіѣ также дѣлались справки въ Римѣ, см. выше, стр. 32). Такимъ образомъ можетъ быть принято извѣстіе о прибытіи Люева (Булева) въ Россію ок. 1508 г. („для исправленія календаря“). Вполнѣ вѣроятна догадка, что Булевъ (Буловъ), какъ многіе нѣмцы (см. выше, с. 111—112) учился медицинѣ въ славившемся своимъ медицинскимъ факультетомъ Падуанскомъ университетѣ [5]), но, какъ часто тогда случалось, онъ интересовался и другими науками: тоже нѣмецкое извѣстіе называетъ его толмачемъ въ греческомъ, латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ [6]), а бывшій въ Россіи австр. посланникъ Фр. да-Коло сообщаетъ о широкомъ образованіи Николая въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Maestro Nicolo Lubacense, professor di medicina et di astrologia et di tutte le scienze fondatissimo“ [7]), при посредствѣ котораго отъ одного русскаго да-Колло получилъ свѣдѣнія объ Уральскихъ горахъ и Югрѣ [8]).

---

[1]) Обзоръ сношеній, Ш, 233, 268; ср. Карамзинъ, VII, с. 10, прим. 18; снош. съ польск. королемъ о пропускѣ пословъ (Сборн., Р. И. общ., т. XXXV, 480). Такъ какъ первые знатоки наукъ (врачи, архитекторы и пр.) были при Иванѣ Ш изъ Италіи, то и итальянское названіе „maestro“ вошло въ употребленіе въ русской формѣ „мастера“, соотвѣтствующей англ. master (магистръ).

[2]) Макарій, Ист. рус. церк. VI, 152—56, 168.

[3]) Рукоп. гр. Толстого, отд. I, № 63; Ш, №№ 17. 195, 254; III, № 74; Царскаго, № 289.

[4]) Семья Траханіота прибыла изъ Рима съ Софіей и заняла видное мѣсто при дворѣ, въ качествѣ бояръ и любимцевъ князя (Карамзинъ, VI, 41—45, прим. 628). Юрій Траханіота бывшій magister domus отца Софіи Палеологъ: о его роли при дворѣ (Пирлингъ). Майковъ приписываетъ Траханіоту и статью „о лѣтѣхъ седми вѣковъ“.

[5]) Майковъ, 382. Въ его календарныхъ занятіяхъ, вѣроятно, оказывалъ содѣйствіе тотъ же Герасимовъ, жившій еще въ Новгородѣ (Филаретъ, Обзоръ, 124). Мы не согласны допустить, что „Люевъ“ есть выраженіе, обозначающее любчанина, какъ думаетъ авторъ нѣмец. замѣтки (84). Это просто извращеніе фамиліи „Булевъ“, свойственное тогдашнимъ русскимъ.

[6]) Beiträge, S. 85,

[7]) Карамзинъ, VII, 102, прим. 358; Аделунгъ, Обз. путеш. по Россіи, 116.

[8]) Карамзинъ. VII, пр. 358 и др.; зап. Л. Н. Майкова (Лѣт. зан. Арх. ком., XII, 125—135).

Булевъ служилъ при папскомъ дворѣ въ качествѣ медика, получая большое содержаніе (по 500 талеровъ въ годъ) [1]). Врачи въ то время часто были и астрологами (припомнимъ Розаду), спеціальность которыхъ пользовалась такимъ уваженіемъ въ Италіи. На слѣдъ пребыванія Булева въ этой послѣдней указываетъ переводъ, сдѣланный имъ, врачебной книги, по желанію митр. Даніила въ 1534 г., причемъ въ спискѣ XVII в. замѣчено: „сіе писано съ виницѣйскаго перевода“ [2]). Вѣроятно оригиналъ перевода былъ привезенъ имъ въ Россію. Пріѣздъ его сюда былъ обусловленъ значительнымъ содержаніемъ (будто-бы до 10 тыс. талеровъ, не считая путевыхъ издержекъ), съ обѣщаніемъ отпустить его обратно. Папа Юлій II могъ льстить себя надеждой, что Николай Булевъ окажетъ ему содѣйствіе въ завѣтной цѣли папства. Однако, по окончаніи своей миссіи въ Новгородѣ, Булевъ попытался было возвратиться, но долженъ былъ отправиться въ Москву, гдѣ остался въ качествѣ врача при дворѣ вел. кн. Василія III [3]), который щедро одарилъ его, оказывалъ ему покровительство и скончался въ его присутствіи [4]). Прибавимъ, что въ то же время жилъ

При Иванѣ III и Василіѣ Ивановичѣ выходцы изъ Италіи являются преобладающимъ элементомъ (Сбор. И. Р. общ., сношенія съ Крымомъ, указатель) въ разнообразныхъ профессіяхъ до органныхъ мастеровъ включительно. О Маркѣ Россѣ, упомин. Контарини (Маркъ Россъ, онъ же Маркъ Толмачъ, Е. Л. Маркова, Ист. Вѣстн., 1902, № 7). См. выше, стр. 151—151.

[1]) Beiträge, 86. На его пребываніе при папскомъ дворѣ указываетъ и Максимъ Грекъ когда говоритъ, что его полемистъ „о Св. Духѣ“ не въ другомъ градѣ, токмо въ самомъ Римѣ велеславномъ бывъ, иже тамо беззаконно совершаемая узритъ, отъ возвышающихъ на высоту бровь, и апостольская мѣста удерживати хвалящихся и т. д. (I, 239).

[2]) „А перевелъ полонянинъ литовской, родомъ немчинъ, любчянинъ“. Опис. рук. гр. Уварова, IV, 526—527, на 746 лл. съ рисунк. Ср. „Прохладный Вертоградъ“; Рум. муз. Опис. рук., № ccLxII).

[3]) Эпизодъ этотъ передается сбивчиво въ семейной біографіи Булева, что и естественно, такъ какъ онъ былъ записанъ по памяти въ 1585 г., но названіе „литовскій полонянинъ“ указываетъ на это обстоятельство въ жизни Булева.

[4]) О богатствѣ Булева (деньгами и золотыми вещами) говоритъ таже біографія, но прибавляетъ, что всѣ старанія наслѣдниковъ получить ихъ при Иванѣ Грозномъ не увѣнчались успѣхомъ. Булевъ оставался холостымъ, но братъ его, очевидно, по торговымъ дѣламъ, переселился въ Ревель, здѣсь женился и имѣлъ потомство. Впрочемъ притязанія ихъ на большое имущество дѣда, вѣроятно, значительно преувеличены, хотя Люевъ заявилъ вел. князю: „благодѣяній твоихъ не могу исчислить“ (П. С. Р. лѣт. VI. 271). Между тѣмъ М. Грекъ упоминаетъ „о внезапномъ разореніи его житія“ (Сочин., I, 455), съ ироніей по поводу вѣры его въ астрологію (см. ниже).

въ Москвѣ еще третій Николай Нѣмчинъ, выливщій, по повелѣнію вел. кн. Василія (1533), большой колоколъ „благовѣстникъ", въ 1000 пудовъ [1]).

XI.

Когда прибылъ М. Грекъ въ Москву, то онъ засталъ, что здѣсь уже дѣятельно велась полемика въ пользу соединенія церквей, именно Николаемъ Булевымъ, который, какъ показываетъ посланіе неизвѣстнаго къ ростовск. архіеп. Вассіану, брату Іосифа Волоцкаго (1506—1515), пользовавшемуся, конечно, большимъ вліяніемъ въ Москвѣ [2]), притомъ занимавшему второе послѣ митрополита мѣсто въ церковной іерархіи, обращался Николай въ защиту церковнаго единства. Время этого обращенія было вполнѣ благопріятно для послѣдняго, такъ какъ во главѣ русской церкви стоялъ митр. Симонъ, слывшій у современникомъ человѣкомъ и кроткимъ, и тихимъ. Самое посланіе Николая было написано въ примирительномъ духѣ, имѣя цѣлью показать скорѣе согласіе римской церкви съ русской въ основныхъ вопросахъ, нежели дѣлать нападки, что́ и вообще было бы немыслимо въ Москвѣ; но и такой тонъ защиты церковнаго единства вызвалъ неизвѣстнаго на весьма рѣзкій отвѣтъ, съ упреками о согласіи латинянъ съ іудеями (суббота, опрѣсноки и т. д.), причемъ авторъ всецѣло усвоилъ точку зрѣнія на этотъ предметъ Ѳеодосія Печерскаго. Впрочемъ его литературныя познанія не были особенно глубоки [3]). Тѣмъ не менѣе онъ величаетъ

[1]) П. С. Р. лѣт. VIII, 284.

[2]) Ж. М. Н. Пр. 1880, № 10, статья прот. В. П. Жмакина: „Памятн. русск. противокатол. полемики XVI в." (стр. 373). Максимъ Грекъ говоритъ, что „придя сюда, обрѣлъ нѣкоего хульника *латиномудреннаго, нѣмчина* родомъ, пишущаго развращенно на православную вѣру нашу" и пр. (Москвит. 1842, № 11, отд. с. 85); также Д. П. Лебедевъ, Неизвѣстн. московск. проповѣдн. XVI вѣка (Труды VIII Арх. съѣзда, II).

Чентуріоне свидѣтельствуетъ, что пропаганда эта имѣла успѣхъ (см. у Пирлинга, Р. Стар. 1903, № 11, с. 370). Въ XVI в. увлекались этой идеей такъ же, какъ въ XVII в. протестантизмомъ (И. Соколовъ, Отношен. протестантизма къ Россіи, 133).

[3]) Неправильное надписаніе заглавія этого сочиненія заставляло приписывать его (рукоп. Волокол. мон.) самому Николаю (см. Филаретъ, Обзоръ, 137, будто бы „противъ соч. Николая Шомберга, хитраго папскаго посла"). Сочин. Николая Нѣмчина не дошло до насъ, но изъ возраженій видно, что онъ провинился тѣмъ, что „нашу православную, великую, соборную церковь съ латынскою воедино приводитъ, и св. нашу вѣру христіанскую съ латынскою едино нарицаетъ, и крещеніе латынское съ православнымъ едино счиняетъ и *многимъ православнымъ* соблазнъ приноситъ извитіемъ мерзкихъ и безстудныхъ словесъ" и т. д.; между тѣмъ, по словамъ полемиста, „у латынскіе церкви главу держитъ самъ сатана, а шею демони, а двери алтарю—образъ діаволовъ" и т. д.

своего противника „великимъ риторомъ и дохторомъ", какъ называетъ его и Максимъ Грекъ [1]). Очевидно ученость Булева не подлежала сомнѣнію. Дѣятельность Николая, являвшагося вмѣстѣ съ тѣмъ посредникомъ и наставникомъ астрологическихъ мнѣній, не ограничивалась одной Москвой, судя по сношеніямъ его съ ростовскимъ архіепископомъ и полемикѣ, возникшей противъ него во Псковѣ, въ лицѣ игумена Елеазарова мон. Филоѳея, вызваннаго на то обращеніемъ къ нему псковскаго дьяка Мисюря Мунехина. Не разъ бывавшій по дѣламъ въ Москвѣ, послѣдній познакомился здѣсь съ придворнымъ врачемъ и затѣмъ получалъ отъ него посланія такого же характера съ излюбленными имъ указаніями на возможность соединенія церквей, а обращеніе Мунехина къ старцу Филоѳею вызвало послѣдняго (1522—1523) на открытую борьбу съ этими мнѣніями [2]). Въ Москвѣ Николай Нѣмчинъ нашелъ также сторонниковъ и послѣдователей этихъ послѣднихъ. Такимъ былъ извѣстный въ служебномъ мірѣ Ѳед. Ив. Карповъ, вступившій въ переписку съ Н. Нѣмчиномъ и М. Грекомъ [3]), а послѣдній называетъ увлеченными еще князя и одного игумена [4]) и упоминаетъ вообще о „единомышленникахъ Николая" [5]). Въ сказаніи о немъ мы читаемъ: „Сей Николай Булевъ (согласно съ нѣмец. показаніемъ) былъ въ богоспасаемомъ градѣ Москвѣ во дни вел. кн. Василія Ивановича всея Россіи и отъ государя превелію честь получилъ врачевскія ради хитрости. И коварственнымъ замысломъ своимъ сочинилъ самъ слово и всякаго лукавства наполнилъ, о соединеніи вѣры греческой и римской. Вѣру *нашу христіанскую хвалитъ* ухищреніемъ словесъ своихъ, ересей же латинскихъ, въ которыхъ разлучаемся отъ нихъ, утаилъ лукавый и ничего о нихъ не написалъ" [6]). Авторъ сказанія довольно вѣрно охарактеризовалъ способъ защиты, изложенный Николаемъ Люевымъ. Насколько дѣятельно онъ велъ свою пропаганду, видно изъ того, что М. Грекъ получилъ отъ него три посланія, на которыя и

---

[1]) Сочин., I, слово XXV.

[2]) В. Н. Малининъ, Старецъ Елеазар. мон. Филоѳей и его посланія (256—280 и приложен. 26—48). Тутъ же и краткое „посланіе къ вельможѣ въ мірѣ живщему" объ астрологіи (36), можетъ быть и нѣсколько ранѣе (А. А. Шахматовъ, О происхожд. хронографа, 109—111).

[3]) Сочин. М. Грека, I, 435, 446. Нѣкоторые полагаютъ, что это былъ Артемій. (Библіографъ 1893, № 1, с. 85), потомъ игуменъ.

[4]) Первое и второе посланія М. Грека къ Карпову, по указанію Царскаго, помѣчены 1523 и 1524. (Опис. рукоп. № 242, лл. 290 и 322). О Мисюрѣ Мунехинѣ см. указат. къ Сборн. И. Р. И. общ. т. XLI, 40—41; Оп. рус. исторіогр. II, по указат.).

[5]) Сочин. I, 236, 241.

[6]) Сочин., I, слово XI, примѣч., стр. 213.

отвѣчалъ, разбирая нѣкоторыя мнѣнія, изложенныя въ нихъ [1]). Не смотря на свой полемическій тонъ, Максимъ Грекъ называетъ его „честнымъ господиномъ“, „многоучительнымъ“, „мудрымъ“ и „въ словесномъ художествѣ искуснымъ“, замѣчая также, что мудрости его удивлялись [2]). Живя долго въ Россіи, онъ, конечно, владѣлъ русскимъ языкомъ настолько, что могъ писать порусски.

Въ первомъ изданіи настоящаго труда мы указали, что врачъ Николай Люевъ, по одной лѣтописи [3]), какъ принято въ чтеніи Карамзина [4]), и Булевъ въ другой [5]), какъ показано и въ означенномъ сказаніи, есть одно и то же лицо [6]), притомъ не Ник. Шонбергъ, а то лицо, съ которымъ М. Грекъ велъ настойчивую и продолжительную полемику [7]); но Карамзинъ не сдѣлалъ этого сближенія и, прибавимъ теперь, неправильно понялъ текстъ дипломатической записи о Ник. Шонбергѣ (Соловьевъ далъ болѣе правильное объясненіе) и такимъ образомъ нѣкоторые изъ позднѣйшихъ изслѣдователей продолжали держаться прежняго мнѣнія [8]), теперь уже отвергнутаго [9]).

Костомаровъ сдѣлалъ по этому поводу (1873) единственное объяснительное примѣчаніе — слѣдующее: „Существуетъ мнѣніе, что Николай Нѣмчинъ есть папскій легатъ Николай Шомбергъ, но г. И—въ въ своемъ изслѣдованіи о М. Грекѣ приводитъ довольно убѣдительные доводы, что подъ этимъ именемъ слѣдуетъ разумѣть Люева, иначе Булева, иностраннаго врача и любимца вел. кн. Василія. Это мнѣніе подтверждается и старинною припискою на рукоп. сочин. М. Грека, въ которой объясняется, что Ник. Нѣмчинъ есть не кто иной, какъ Ник. Булевъ, который отъ государя „превелію честь получилъ врачебныя ради хитрости“ (Рус. ист., I, 392, прим.). Л. Н. Майковъ также замѣтилъ: „Объ этомъ

---

[1]) Сочин., I, 324, 339—340, 345.

[2]) Ibid., I, 236, 271, 341. Въ другихъ мѣстахъ онъ называетъ его „софистомъ“, а его разсужденія „софистикой“ (214—216).

[3]) Царств. кн., 16.

[4]) Ист. госуд. рос., VII, 100—102, 112.

[5]) П. С. Р. лѣт. VI, 271.

[6]) Максимъ Грекъ, Кіевъ, 1866, стр. 168—171.

[7]) Карамзинъ пользовался сочин. М. Грека въ Троиц. спискѣ, въ количествѣ 134 сочин. (VII, прим. 341).

[8]) Рудневъ. Разсужд. о ересяхъ, 285—288; Филаретъ, М. Грекъ (Москвит. 1842. № 11, стр. 51; Ист. церк., изд. 6, с. 366); Сочин. М. Грека, I, 235, прим. 1.

[9]) Макарій (VII, 278; ср. 367, прим.).

Булевѣ или, какъ онъ названъ въ нѣкоторыхъ спискахъ, Люевѣ, упоминаетъ и Карамзинъ;—однако проницательному историку не вспало на умъ сблизить эти свѣдѣнія съ показаніями о Николаѣ Нѣмчинѣ, встрѣчающемся въ соч. М. Грека. Сдѣлано это было лишь много позже въ изслѣдованіи о Максимѣ Грекѣ В. С. И—ва (К. 1865). Такимъ образомъ этому ученому должна быть усвоена заслуга болѣе точнаго опредѣленія того лица, съ которымъ велъ свою дѣятельную полемику вызванный въ Россію аѳонскій богословъ (Изв. Ак. Н. 1900, II, 380—381). Другіе же, касаясь подробно этого вопроса и пользуясь тѣми же самыми данными, не считали нужнымъ сослаться на указанную монографію (В. Н. Малининъ, Старецъ Елеазар. мон. Филоѳей).

Въ ряду лицъ, склонявшихся въ пользу мнѣній Ник. Нѣмчина, главное мѣсто занимаетъ названный выше Ѳед. Ив. Карповъ (—Далматовъ [1]). Послѣдній принадлежалъ къ молодому поколѣнію, такъ какъ имя его появляется въ княженіе Василія III. Когда Менгли-Гирей, желая утвердить союзъ съ Василіемъ, прислалъ въ 1508 г. трехъ вельможъ въ Москву съ шертною грамотою, то въ числѣ посланныхъ на встрѣчу имъ отъ вел. князя былъ Ѳ. И. Карповъ „чтобы у гостей рухлядь попечатать, которые идутъ съ послы“ [2]), и въ пріемѣ пословъ отъ ногайскихъ мурзъ [3]); съ 1515—1519 г. въ сношеніяхъ съ крымскими послами и турецкимъ посломъ Камаломъ [4]). По поводу этихъ сношеній крымскій царевичъ Ахметъ-Гирей посылалъ „много поклоновъ“ и писалъ, чтобы онъ по его дѣламъ лично доложилъ вел. князю, пожаловалъ его „другомъ“ и обѣщалъ прислать ему свои поминки [5]). Въ 1517 г. Карповъ пожалованъ былъ въ окольничіе [6]). Въ 1517, 1526 и 1529—встрѣчалъ и угощалъ литовскихъ пословъ и вмѣстѣ съ другими боярами велъ съ ними переговоры [7]). Въ 1518 г. присутствовалъ при пріемѣ, въ отсутствіи вел. князя, съ Юріемъ Малымъ и др., прусскаго гонца съ извѣщеніемъ о пріѣздѣ къ магистру Николая Шонберга [8]);

[1]) Прибавка Голубинскаго, но она болѣе поздняго происхожденія.

[2]) Карамзимъ, VII, пр. 42; Сборн. И. Р. И. общ., XCV, 19.

[3]) Сборн. И. Р. И. общ., 14—15.

[4]) Ibid., 19, 44—44, 199, 312, 386, 513, 530, 661—665; 17, 96—101, 105, 160, 301, 396.

[5]) Ibid., 363. Особая приписка.

[6]) Древн. Рос. Вивліоѳ. XX, 19.

[7]) Сборн. И. Р. И. общ., XXXV, 504, 511, 714—720, 725—727, 793.

[8]) Ibid., LIII, 78.

въ 1517—1518. г. принималъ участіе въ пріемѣ и переговорахъ съ нѣмец. послами Герберштейномъ и фонъ-Турномъ (Делаторомъ) и въ 1519 г. первенствовалъ въ переговорахъ съ нѣмецк. послами Фр. да-Колло и Конти (Деконти [1]). Въ 1533 г. ему поручено было вести переговоры съ послами казанскаго царя Сафа-Гирея [2]). По смерти брата своего Никиты Ив., онъ исполнялъ обязанности оружейничаго; въ янв. 1536 г. встрѣчалъ литовское посольство и тогда же ему приказано было вѣдать „доспѣхъ и мастеровъ" послѣ брата его Никиты [3]), но 30 янв. онъ уже не могъ ихъ встрѣчать за „немощью" [4]). Этотъ послужной списокъ Карпова свидѣтельствуетъ о его дипломатическихъ способностяхъ и что эти качества его признавались. Само собою понятно, что лицо, поставленное такъ близко къ посольскимъ дѣламъ, должно было проникнуться сочувствіемъ къ западному вліянію, какъ это всегда отражалось на лицахъ, близкихъ къ этимъ дѣламъ и впослѣдствіи самый слогъ посольскаго приказа ставился въ образецъ литературнаго языка Петромъ В. [5]). Курбскій называетъ его „разумнымъ мужемъ" [6]), а М. Грекъ—„разумнымъ" и многимъ разумомъ и православіемъ украшеннымъ, чуднѣйшимъ, любезнѣйшимъ, честнѣйшимъ и премудрѣйшимъ Ѳеодоромъ [7]). Онъ хвалитъ Карпова за стремленіе его пріобщиться наказанію словесныхъ ученій и философскаго вѣдѣнія, украшающаго божьяго человѣка [8]). Если Карпову могла нравиться идея соединенія церквей, то въ астрологіи его привлекалъ неизмѣнный порядокъ природы, который ставился въ зависимость отъ естественнаго вліянія планетъ, и ея красота, которой Максимъ не совѣтовалъ ему слишкомъ увлекаться, чтобы не поколебать вѣры.

[1]) Памятн. диплом. снош. I, 259—473 (passim).

[2]) Карамзинъ, VII, прим. 306.

[3]) Сборн. И. Р. И. Общ. LIX, 65. Никита Ив. Карповъ оруж. состоялъ съ 1523—1532 г. (Древн. Рос. Вивл., XX, 21, 27). Въ спискахъ 1549—1550 г. назв. окольничіе Далматъ и Иванъ Ѳед. († 1554) Карповы (ib. 36, 37).

[4]) Ibid., 85. Быть можетъ семья Карповыхъ принадлежала къ фамиліи князей ярославскихъ. Они состояли въ родствѣ съ фамиліями кн. Черкасскихъ Шестуновыхъ, Репниныхъ, Сицкихъ (Соловьевъ, VIII, 69—70) и при Борисѣ Годуновѣ потерпѣли вмѣстѣ съ Романовыми. Ср. Родословная книга, кн. II Долгорукова (II, 305).

[5]) Пекарскій, Наука и литер. при Петрѣ В.

[6]) Сказанія, II, 256.

[7]) Сочин., I, 236. 240, 270, 283, 287, 293, 294, 308, 320, 347, 371.

[8]) Сочин., I, 371, 375.

XII.

Въ свою очередь замѣчанія М. Грека о необходимости раздѣленія вопросовъ вѣры и знанія, вызвали упреки со стороны Карпова, которые оказались настолько чувствительными, что М. Грекъ вынужденъ былъ даже оправдываться въ защиту своего мнѣнія о пользѣ наукъ [1]). Изъ сочиненій М. Грека видно, что тогда происходила оживленная переписка (епистоліи) между Николаемъ Люевымъ, Карповымъ и Максимомъ Грекомъ [2]). Изъ нихъ до насъ дошло четыре посланій М. Грека, обращенныхъ прямо къ Ник. Нѣмчину [3]) и 5 посланій къ Ѳедору Карпову [4]) и, къ сожалѣнію, лишь два (неч.) посланія послѣдняго къ М.Греку [5]) и одно къ м. Даніилу; но переписка его съ М. Грекомъ была болѣе значительна [6]). Изъ напечатанныхъ недавно посланій М. Грека и Карпова по поводу богословскихъ мнѣній Н. Нѣмчина (о первомъ лицѣ Троицы), причемъ Карповъ сначала обратился къ нему черезъ близкаго къ Максиму Власія, видно, что ходили разные толки, которые и вызвали на обмѣнъ мыслей (грамотами) между М. Грекомъ и Карповымъ, послѣ которыхъ Максимъ призналъ недоразумѣнія исчерпанными [7]). Въ другой разъ Карповъ обратился къ Максиму за разъясненіемъ нѣкоторыхъ мѣстъ въ книгѣ Ездры (III, 6, 47—54), о видѣ земли и объ Енохѣ и Левіаѳанѣ. М. Грекъ даетъ свое толкованіе, основываясь на соч. Исидора

---

[1]) Сочин., I, 375—376.

[2]) Сочин., I, 236, 239, 271, 324, 339. Не видно, впрочемъ, чтобы Максимъ Грекъ былъ лично знакомъ съ Ник. Нѣмчиномъ (I, 271).

[3]) Сочин., I, слова XI, XIV, XV, XXV. О трехъ посл. Н. Нѣмчина упоминаетъ М. Грекъ (I, 340).

[4]) Сочин., I, слова XII, XIII; XVI; III, XLIII; стр. 274—277, (отвѣтъ на его вопросъ о Енохѣ и Левіаѳанѣ); Христ. Чен. 1909, № 8—9, стр. 1122—1123, 1124—1125.

[5]) Сочин. М. Грека, III, неизд. (274—277, примѣч.). Хр. Чт., ib., 1123—24.

Первое изъ нихъ нѣкоторые называютъ умнымъ и замѣчательно литературнымъ памятникомъ (Голубинскій, II, 685) и Опис. рукоп. Троиц. лавры. М. 1878, I, 206.

[6]) О нѣсколькихъ посланіяхъ упоминается въ Отчетѣ Общ. любит. древн. письмен. 1905—1907 г., докладъ Н. К. Никольскаго (стр. 14—15)). Опис. рук. Общ. люб., I, 332 (тоже, что въ печат.); также И. Е. Евсѣевъ. Опис. рукоп., хранящ. въ Орлов. древнехранилищахъ, 1905, I—II вып. (№ 77: посланія Ѳ. Карпова). Ср. Изв. Ак. Н. 1906, III (502—503).

[7]) Христ. Чтен. (тамъ же). Въ заключеніе Максимъ Грекъ пишетъ: „а философомъ Бога ради не зови мене. Азъ инокъ есмь паче всѣхъ невѣжа „(с. 1124). Изъ обращенія Карпова къ Максиму Греку ясно, что нѣкоторыя его мнѣнія въ перепискѣ съ Николаемъ Нѣмчиномъ возбуждали толки и сомнѣнія (напр. одного священника). О М. Грекѣ Карповъ выразился: „Я знаю Максима, онъ не пишетъ безъ свидѣтельства св. писанія, чѣмъ утолилъ „надменіе іерея“. (Хр. Чт. 1121“).

Испалійскаго (Originum sive Etymologiarum libri XX [1]). Между тѣмъ, Карповъ подвергся опалѣ, быть можетъ, въ связи съ придворными отношеніями, и митр. Даніилъ написалъ ему посланіе о смиренномъ несеніи испытанія, на что отвѣчалъ ему Карповъ, коснувшись нѣкоторыхъ современныхъ явленій русскаго общества. Въ своемъ мѣстѣ мы обратимся къ нимъ, а здѣсь замѣтимъ, что и въ этомъ посланіи Карповъ обнаруживаетъ интересъ къ знаніямъ и выдающіяся по тому времени познанія. Взамѣнъ похвалъ Даніила Карпову, который расточалъ ихъ ему, послѣдній платилъ такою же монетою м. Даніилу, называя его „учителемъ свѣта", „свѣтлою звѣдою", „цвѣтомъ добродѣтели", который „гнушается смрада *клеветы*" и т. д.; благодаритъ его за вниманіе, но не рѣшается писать много, такъ какъ онъ „одержимъ великими скорбями" и обѣщаетъ написать подробнѣе впослѣдствіи. Онъ не можетъ согласиться съ совѣтомъ м. Даніила, что необходимо все претерпѣвать и побѣждать терпѣніемъ. Въ монастыряхъ братіи не слѣдуетъ никогда оскудѣвать въ этомъ; но въ мірѣ человѣкъ подчиненъ другимъ и самъ имѣетъ въ подчиненіи слугъ; иной увлекается оружіемъ, другой конями, третій красивой одеждой, серебромъ или пенязями и домашнія потребности отягощаютъ человѣка. Дѣло народное въ городахъ и царствахъ погибаетъ отъ долгаго благодушія въ терпѣніи; долготерпѣніе въ людяхъ безъ правды и закона разрушаетъ народное дѣло; обращаетъ въ ничто, вводитъ злые нравы въ государствѣ и дѣлаетъ людей непослушными государю изъ-за нищеты. Поэтому всякій градъ и всякое царство, *по Аристотелю*, управляться должны въ правдѣ извѣстными законами, а не терпѣніемъ, такъ какъ мы, люди, живущіе въ семъ великомъ морѣ, въ которомъ господствуютъ бури, должны жить подъ управленіемъ царя, защищающаго невинныхъ и казнящаго виновныхъ, и если начальникъ самъ не прилежитъ въ попеченіи о подвластныхъ, то допуститъ тѣмъ грѣхи и насилія, за которые дастъ отвѣтъ. Въ своихъ разсужденіяхъ на эту тему онъ ссылается на 10-ю книгу Нравовъ (Ноика) Аристотеля [2]). Возможно, что при близости и сношеніяхъ Карпова съ Николаемъ Нѣмчиномъ, послѣдній, какъ знатокъ греческаго и латинскаго языковъ, познакомилъ его съ мнѣніями Аристотеля [3]). Во всякомъ случаѣ, въ своихъ посланіяхъ Карповъ является намъ въ новомъ освѣщеніи.

[1]) Cave, Script. Eccles. hist. Сочин. III, слово хьш, 274—280; 2-ое изд. 225.

[2]) Лѣт. зан. Арх. ком., XXI, 106—113. Въ глазахъ самобытнаго начетчика Іоанна Вишенскаго, хотя жившаго и въ южной Руси, Аристотель и Платонъ наравнѣ съ другими являлись „машкарниками и комедійниками" (Акты Южн. Россіи, II, 224).

[3]) Другое мѣсто того же посланія указываетъ на знакомство Карпова съ Овидіемъ (см. ниже).

Сочиненія Максима Грека противъ латинянъ находятся въ связи съ указаннымъ выше общимъ анти-латинствующимъ направленіемъ; они были новымъ настойчивымъ наступленіемъ противъ притязаній папъ, посредствомъ представленія отличій западной церкви, какъ еретическихъ и пагубныхъ для спасенія душъ.

XIII.

Во время полемики противъ сторонниковъ западной церкви, Максимъ Грекъ написалъ слѣдующія сочиненія: „Слово на латиновъ яко нелѣть есть ни единому приложити что, или убавити въ божественномъ исповѣданіи непорочныя христіанскія вѣры“ [1]), и другое подъ тѣмъ же заглавіемъ [2]). Эти оба „слова“ были Посланы Ѳед. Ив. Карпову, который передъ тѣмъ просилъ Максима „черезъ епистоліи“, чтобы онъ написалъ ему свое мнѣніе относительно мыслей Николая Нѣмчина [3]). Далѣе, Максимъ писалъ: „Слово о исхожденіи Св. Духа“ [4]); „Слово противу льстиваго списанія Николая Нѣмчина, его же списалъ о совокупленіи православнымъ христіаномъ и латыномъ“ [5]); „Посланіе“ съ убѣжденіемъ принять православное ученіе (къ Николаю [6]); „Слово похвальное къ свв. апост. Петру и Павлу, въ томъ же обличенія и на латынскія три большія ереси“ [7]). Съ какимъ настроеніемъ принимался М. Грекъ за обличенія „на латынянъ“, лучше всего показываютъ его собственныя слова, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуютъ, что полемика эта возгорѣлась въ самомъ началѣ пребыванія М. Грека въ Россіи. Въ отвѣтъ Карпову онъ писалъ: „я и дышать не имѣю времени, объятый трудомъ перевода Псалтири, ради которой отказалъ бы въ твоей просьбѣ, если-бы не ревность по истинѣ, дѣйствующая внутри меня и не позволяющая почивать, дабы ложь не была принята за истину и тьма не хвалилась бы противу свѣта и чтобы ты и прочіе познали словомъ и дѣломъ, что Максимъ не только не хромаетъ въ ѳеологіи богоносныхъ отцовъ, но еще болѣе ненавидитъ нечестіе и отвращается всѣхъ еретическихъ мудростей и латинскихъ послѣднихъ новшествъ и суесловій“ [8]).

При обозрѣніи сочиненій Максима противъ западной церкви, прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что они строго догматическія; но не

---

1) Сочин. I, слово хп.
2) Ibid. I, слово хш.
3) Сочин., I, слово хш, стр. 266, 278, 292.
4) Ibid., слово xiv.
5) Ibid., слово xi.
6) Ibid., слово xv.
7) Ibid., слово x.
8) Сочин., I, 235, 237.

потому, однако, онъ ограничился главными вопросами, что считалъ обличеніе второстепенныхъ ненужными, а потому, что они были уже обличены прежде его и стали всѣмъ извѣстны [1]). Это показываетъ, что М. Грекъ былъ близко знакомъ съ предыдущею полемикою. Его возраженія сосредоточиваются на слѣдующихъ особенностяхъ западной церкви: 1) на ученіи о чистилищѣ, 2) на употребленіи опрѣсноковъ и 3) на ученіи объ исхожденіи Св. Духа [2]), которое онъ считаетъ источникомъ зла въ западной церкви [3]). Эти три разности Максимъ называетъ „тремя большими латинскими ересями" [4]) и препятствіемъ къ соединенію церквей: такъ, онъ заключаетъ одно изъ своихъ сочиненій слѣдующими словами: „Если же поистинѣ, а не по лицемѣрію желаете съ нами соединенія, то изриньте изъ среды насъ и васъ разлучающіе средостѣнія оплоты, говорю объ излишнемъ хульномъ приложеніи (filioque); отбросьте приносимыя опрѣсноки въ таинственную жертву, по еретику Аполлинарію; отступите отъ губительной оригенской ереси, будтобы очистительный огонь, дѣйствующій въ теченіе многихъ лѣтъ, очищаетъ души отъ ихъ грѣховъ, и такимъ образомъ оттуда препровождаетъ ихъ въ жизнь вѣчную" [5]).

Главная мысль, которую М. Грекъ проводитъ въ своихъ обличеніяхъ на латинянъ, состоитъ въ *доказательствѣ неизмѣняемости догматовъ, основанныхъ на священномъ писаніи, вселенскихъ соборахъ и отцахъ церкви.* На основаніи такого *(православнаго)* взгляда на догматъ, *всякое уклоненіе* отъ разъ установленной „догмы" *есть уклоненіе на путь погибели* и вѣчной муки: „если отбросить нѣчто малѣйшее отъ ученій вѣры или перемѣнить, говоритъ онъ, то это равняется

---

[1]) „Хотѣлъ я изобличить и прочія ваши преступныя нововведенія, какія вы отъ себя придумали въ св. таинствахъ и въ священническомъ чинѣ и прочихъ церковныхъ уставахъ и вообще то, о чемъ вы мудрствуете и что говорите внѣ апостольскихъ правилъ и установленій семи вселенскихъ соборовъ, но охотно оставляю это, какъ извѣстное всѣмъ православнымъ христіанамъ, и изобличенное уже въ сочиненіяхъ древнихъ писателей". (I, 230).

[2]) Въ „Словѣ отвѣтномъ" Николаю, Максимъ, на его вопросъ: „когда и какъ отлучились латыни отъ Грекъ и Святыя церкви"? указываетъ еще на слѣдующія отступленія: на постъ въ субботу, на продажу попами святынь и поставленіе духовныхъ лицъ по мздѣ, на безбрачіе духовенства. По этимъ вопросамъ онъ возражаетъ церковными правилами и примѣромъ древнихъ папъ. Но эти замѣчанія были вызваны у него вопросами другихъ лицъ и не входятъ въ общій планъ его обличеній на латинянъ. Сочин., I, слово XXV.

[3]) Сочин., I, 239.

[4]) Ibid., I, 180.

[5]) Сочин., I, 229.

отрицанію отъ жизни вѣчныя и отпаденію“ [1]). Чтобы проникнуть въ смыслъ догматическаго ученія („въ таинственный мракъ“, по выраженію Максима), для этого необходимо „страхомъ многимъ, большимъ воздержаніемъ, отнявши плотное сіе обложеніе, всему быть внѣ пятичисленныхъ дверей (чувствъ) [2]). Но такъ какъ не всякій можетъ достигнуть подобнаго состоянія, то Максимъ совѣтуетъ „не испытывать дерзко, ни подвергаться увлеченію, чтобы невоздержно изыскивать провосходящее нашъ умъ...; выше божественныхъ мужей не испытвать, но соглашать ихъ со священнымъ писаніемъ, *не гордиться, уповая на свою мудрость...*, каковые тѣмъ болѣе подпадутъ *проклятію*“ [3]), и тѣмъ болѣе, что ап. Павелъ говоритъ: „блюдитеся, да никто изъ васъ не будетъ прельщенъ философіею и тщетною лестію, по преданію человѣческому, по стихіямъ міра, а не по Христѣ“ (Колос. 2. 8) и „если ангелъ благовѣствуетъ вамъ болѣе того, что мы благовѣстили вамъ, анаѳема да будетъ“ (Гал. 1. 8) [4]). Таковы положенія, на основаніи которыхъ М. Грекъ подвергаетъ оцѣнкѣ мнѣнія своихъ противниковъ. На свои же сочиненія Максимъ смотритъ только—какъ на собраніе доказательствъ, уже представленныхъ отцами церкви [5]).

XIV.

Противъ догмата о чистилищѣ, Максимъ возражаетъ на основаніи словъ Евангелія, гдѣ уклонившіеся отъ праваго пути представляются окончательно осужденными или лишенными благъ (нищій, присутствовавшій на бракѣ въ дурной одеждѣ, пять немудрыхъ дѣвъ, богачъ въ притчѣ о Лазарѣ) [6]), и Давида, подтверждающаго ту же мысль (Псал. 87, 11—13) [7]); на основаніи положенія, что Христу не слѣдовало приходить, если можно избавиться посредствомъ чистилища [8]); на нравственной невозможности того, чтобы грабитель, ростовщикъ и т. п. могли загладить свои поступки чистилищемъ [9]); такъ какъ добрыя дѣла совершаются въ здѣшней жизни, въ соединеніи тѣла съ душою, то и блага будущей жизни ожидаютъ только добродѣ-

---

[1]) Сочин., I, 242, 257, 305; II. 344.

[2]) Ibid., I, 200.

[3]) Тамъ же, 200, 201, 253, 260. И здѣсь Максимъ развиваетъ идеи Діонисія Ареопагита и Іоанна Дамаскина, высказанныя въ другомъ мѣстѣ. (I, 219).

[4]) Сочин., I, 222, 246.

[5]) Сочин., I, 340.

[6]) Ibid., I, 183, 189.

[7]) Ibid., I, 185.

[8]) Ibid, I, 187.

[9]) Сочин., I, 187, 188.

тельныхъ, а не очищающихся чистилищемъ; причемъ Максимъ восклицаетъ: „которые же ошуюю Спаса станутъ, если чистительнымъ огнемъ очистятся всѣ сотворшіе злыя дѣла и сподобятся безсмертной жизни! [1]).

Католическіе писатели, принадлежащіе къ крайней латинской партіи, употребленіе опрѣсноковъ относятъ ко времени самого Іисуса Христа, но другіе допускаютъ мысль, что повсюду до X в. при евхаристіи употреблялся квасной хлѣбъ (Бона, Сирмондъ). Восточные писатели обычай латинянъ совершать евхаристію на опрѣснокахъ относятъ то ко времени Григорія В., то къ вѣку Карла В. Открытая же полемика по этому вопросу, начатая греками при констант. патр. Михаилѣ Керуларіѣ, около половины XI в., имѣетъ свою литературу, которая, по содержанію, можетъ быть раздѣлена—у грековъ на три направленія: крайнее, среднее и примирительное, а у латинянъ на два: крайнее и умѣренное; но вскорѣ затѣмъ вопросъ объ опрѣснокахъ занялъ выдающееся мѣсто среди обвиненій противъ латинянъ [2]). Какъ извѣстно іудеи во время пасхи употребляли исключительно опрѣсноки.

Въ результатѣ этой продолжительной полемики, однако, оказалось, что послѣ многочисленныхъ полемическихъ сочиненій обѣ стороны ни въ чемъ не согласились и вопросъ остался такимъ же спорнымъ, какимъ былъ съ самаго начала.

Противъ употребленія опрѣсноковъ, возраженія Максима состоятъ въ слѣдующемъ положеніи: такъ какъ Христосъ, говоритъ онъ, совершенно принялъ человѣческое естество—душу и тѣло, прообразомъ которыхъ представляются соль и квасъ, то не употреблять ихъ въ просфорахъ значитъ лишать себя божественной части (основ. на Василіѣ Вел.); опрѣсноки были принадлежностію іудейства; наконецъ ученіе объ опрѣснокахъ принадлежитъ еретику Аполлинарію, а потому ложно [3]). Особенно же подробно развита у М. Грека часть полемики, заключающаяся въ ученіи объ исхожденіи Св. Духа. Въ настоящемъ вопросѣ М. Грекъ вполнѣ стоитъ на точкѣ зрѣнія патр. Фотія, который въ своемъ окружномъ посланіи (867 г.) римское ученіе объ исхожденіи Св. Духа называетъ „верхомъ зла“ (κακῶν κορωνίς), причемъ въ томъ же актѣ онъ выражается, что „и малая отмѣна въ церковныхъ преданіяхъ можетъ повести къ полному нарушенію догмата“ [4]).

[1]) Сочин. Максима Грека, I, 190, 193, 229, 230.

[2]) М. Чельцовъ, см. выше. с. 218.

[3]) Сочин., I, 208. 209.

[4]) Фотій выставляетъ противъ латинянъ слѣд. пять пунктовъ: субботній постъ, несоблюденіе поста въ первую недѣлю четыредесятницы, запрещеніе брака священ-

Защитники исхожденія Св. Духа „и отъ Сына", говоритъ Максимъ, нарушаютъ свойства лицъ Троицы, вводятъ два начала (источника) для Св. Духа. Они основываются на томъ, что Іисусъ сказалъ ученикамъ: „пріимите Духа Св." (Іоанна 20, 22), но это было *только „дуновеніе"*, въ противномъ случаѣ слѣдуетъ допустить, что и дыханіе, данное Адаму, было исшедшимъ отъ Отца и Сына [1]). Въ подтвержденіе своего мнѣнія, М. Грекъ еще указываетъ на разницу между дарованіемъ Св. Духа и исхожденіемъ, для опредѣленія чего, замѣчаетъ онъ, Іисусъ употребилъ выраженія будущаго времени („послетъ", „подастъ") и настоящаго („исходитъ" [2]). Далѣе, Максимъ говоритъ, что защитники исхожденія Св. Духа и отъ Сына учатъ противно отцамъ церкви, апостоламъ и особенно третьему вселенскому собору, на которомъ Кириллъ Александрійскій сказалъ: „если же кто послѣ насъ дерзнетъ таково что (нарушеніе), да будетъ анаѳема" [3]). Свои возраженія Максимъ основываетъ на Діонисіѣ Ареопагитѣ и Кириллѣ Александрійскомъ [4]), на словахъ папъ Іоанна и Адріана, писавшихъ посланія къ патріарху Фотію [5]), на соборныхъ посланіяхъ папы Льва и символѣ вѣры, написанномъ погречески на двухъ щитахъ, которые открылъ папа Левъ [6]), на словахъ 88-й бесѣды Іоанна Златоуста на Евангеліе Іоанна [7]), на его 15-мъ словѣ правоученій (гдѣ говорится о разности между естествомъ и дарованіями Св. Духа [8]), на словахъ Григорія Богослова [9]), Василія Великаго [10]), Фотія [11]) и Іоанна Дамаскина [12]).

Николай Нѣмчинъ утверждалъ, что онъ, принимая исхожденіе Св. Духа отъ Отца и Сына, не вводитъ раздѣленія лицъ, но допускаетъ, при единствѣ двухъ ѵпостасей, и исхожденіе Св. Духа отъ нихъ, какъ отъ одного начала. М. Грекъ на это замѣчаетъ, что слѣдуетъ узнать, по существу-ли Николай соединяетъ ѵпостаси, и такимъ образомъ

---

nослужителямъ, непризнаніе мѵропомазанія, совершаемаго іереями, ученіе объ исхожденіи Св. Духа (Павловъ, 301—302. 347).

[1]) Сочи., I, 273, 292, 304.

[2]) Сочин., I, 278.

[3]) Ibid., 217, 218.

[4]) Ibid., 250, 256 257, 277.

[5]) Ibid., I, 262, 264, 265.

[6]) Ср. Грегоровіусъ, Gesch. d. Stadt Rom. III, 51; Павловъ, 217.

[7]) Сочин., I, 274.

[8]) Ibid., 278

[9]) Ibid., 287.

[10]) Ibid., 208.

[11]) Ibid., 201.

[12]) Ibid., 325.

дѣлаетъ ихъ однимъ началомъ происхожденія Св. Духа, или по ѵпостаси. „И если скажетъ, что по существу, то въ такомъ случаѣ и самъ Духъ, какъ единосущный имъ и нераздѣльный, самъ себя испускаетъ вмѣстѣ съ ними и окажется Онъ сообщникомъ Св. Отца въ рожденіи Сына и будетъ Отцомъ Единороднаго, испуская и себя, ибо Онъ во всемъ равенъ Отцу и Сыну, кромѣ свойства, какъ я уже много разъ говорилъ... Но такая хула пусть обратится на главы невѣдущихъ... Если же Николай допускаетъ соединеніе ѵпостасей въ одно начало, то смотри опять, честнѣйшій Ѳеодоръ (писано къ Карпову), какое это великое нечестіе! И не прозябетъ-ли отъ этого опять ересь проклятаго Савелія, который въ тріѵпостасномъ господствѣ признавалъ одну трехименную ѵпостась? Да какъ же возможно соединяться тому, что понимается существующимъ несмѣсно, т. е. ѵпостасямъ? И если скажутъ, что ѵпостаси Отца и Сына превѣчно соединены, то они эту единую ѵпостась по необходимости покажутъ сложною и такимъ образомъ получится уже не Троица, а неравная двоица,.. различествующая большинствомъ и меньшинствомъ. Что можетъ быть нечестивѣе этого? Если же скажетъ Николай, что соединеніе это бываетъ временное, то смотри опять мысленнымъ взоромъ тайное проповѣдуемое нечестіе. Если же по нуждѣ сойдется сыновняя ѵпостась съ Отчею для испущенія Духа, то не вмѣнится ли это Отцу въ безсиліе, какъ будто Онъ не въ состояніи испускать Духа безъ содѣйствія Сына? Такимъ образомъ Отецъ уподобился кремню, который, если не ударить по нему желѣзомъ, то не можетъ испустить огня. При этомъ окажется, что исхожденіе Духа есть временное, а не превѣчное. Все это неумѣстно и далеко отстоитъ отъ благочестія. Кромѣ того, если двѣ ѵпостаси сходятся для произведенія одной, то этимъ доказывается, что ѵпостась Духа пребываетъ гдѣ-то внѣ ихъ и особо отъ производящихъ, и является вопросъ, который ставитъ Николай: куда направляется, происшедши отъ нихъ, Духъ? Правда, онъ уже сказалъ, что направляется къ Сыну, хотя произошелъ вмѣстѣ отъ Отца и Сына, какъ отъ одного начала, соединеннаго по ѵпостаси, какъ желаетъ Николай. Если же допустить, что Духъ пребываетъ гдѣ-то внѣ ихъ особо, то какъ можно вѣрить въ присносущное единеніе Его съ ними? Вѣдь по существу ѵпостаси соединены и равны между собою“ [1]).

Николай Нѣмчинъ свое мнѣніе объ исхожденіи Св. Духа образно представлялъ въ видѣ треугольника, заключеннаго въ кругъ, „во изъ-

[1]) Сочин. I, 307—309; рус. изд., 181—183. Тоже нѣсколько иначе развиваетъ М. Грекъ въ статьѣ о Св. Духѣ (I, слово XIII).

явленіе, говоритъ Максимъ, равночинныхъ ѵпостасей, такъ какъ онъ образованъ тремя равносторонними углами. На высотѣ онъ полагаетъ Отца, внизу у обоихъ угловъ Сына и Духа.., окруженіемъ же ихъ хочетъ показать безначальное и безконечное естество божества, такъ какъ кругъ, онъ говоритъ, не имѣетъ начала, ниже конца. Кругу онъ уподобляетъ, Духа Св., говоря: какъ кругъ, начинаясь отъ точки, вращаясь, совершаетъ кругъ, такъ и Духъ, отъ Отца происшедши, къ Сыну достигаетъ, и если тутъ останется и не возвратится къ Отчей ѵпостаси, не совершенная Троица будетъ". Но, замѣчаетъ на это Максимъ, „треугольный сей и прямоугольный образъ, *по пиѳагорейскимъ философамъ* (Филолай), ту же силу имѣетъ, какъ и тройственное число: они изображаютъ Троицу въ числахъ, въ образѣ прямоугольнаго треугольника, какъ составъ всего бытія, всего сущаго, почему на вершинѣ треугольника полагаютъ начало всего. Начало сего есть одно почему единица получила верхній уголъ треугольника. Ради чего же ты (т. е. Николай) естеству треугольника твоего досаждаешь и нижніе его углы переворачиваешь вверхъ, а верхніе внизъ?.. Какая нужда тебѣ исповѣдать, что Духъ, происшедшій отъ Отца, къ Сыну приходитъ; отъ Сына происшедшій, къ Отцу возвращается? Развѣ ты не видишь, что Отецъ остается безъ Духа?.. Къ тому же извѣстно, что въ числахъ одно производитъ двухъ, два же четырехъ, а не одного. Какъ же ты можешь говорить, что два производятъ одного? И какое будетъ равенство для всѣхъ трехъ богоначальныхъ ѵпостасей... И ты напрасно умствуешь, что (Духъ), отъ Отца исходитъ и къ Сыну приходитъ и оттуда опять къ Отцу и такъ, круговидно двигаясь, совершаетъ Святую Троицу, которую ты кругу уподоблять не устрашился... Такимъ образомъ по твоему *первое мѣстное разстояніе между божественными ѵпостасями* даетъ поводъ разумѣть и разстояніе между ними, стыдись этого безумія! *Второе же не меньшее зло происходитъ отъ допущенія, что Духъ, отлучаясь отъ Отца, великое творитъ движеніе къ Сыну и окажется, что Отецъ безъ Духа бываетъ. И третье, что Сынъ не соединяется съ Отцемъ по существу, если есть потребность приходить къ нему. Какая прелесть безмѣстныхъ умышленій*" [1])! Но Максимъ самъ сознаетъ, что невозможно на все дать „благолѣпный отвѣтъ" [2]).

Таковы діалектическіе пріемы М. Грека. Николай Нѣмчинъ, въ пользу своего мнѣнія о соединеніи церквей, говорилъ, что Іисусъ

---

[1]) Сочин. М. Грека, I, 298—302; рус. изд. II, 178—183.
[2]) Ibid., 309.

для того, чтобы указать на необходимость соединенія всѣхъ вѣрныхъ, употребилъ „на вечери" хлѣбъ, „отъ многихъ зеренъ состоящій", и вино, взятое „отъ многихъ зеренъ гроздій". Максимъ возражаетъ ему: „знай— что по насъ приносимый нами хлѣбъ, знаменующій соединеніе грековъ, русаковъ, иверянъ, болгаровъ, сербовъ, волоховъ и иныхъ многихъ языковъ,—составляется отъ пшеничныхъ единыхъ зеренъ, т. е. отъ правыхъ апостольскихъ ученій и отеческихъ правилъ и преданій..; а вашъ хлѣбъ, не отъ единыя пшеницы зеренъ, но отъ различныхъ сѣменъ составляется, говорю отъ ячменя, проса, ржи и овса. Разумѣвающій, да разумѣетъ слово скрытое" [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ Максимъ не упускаетъ случая, чтобы замѣтить о властолюбіи папъ, „возвышающихся на высоту своею гордостію и хвалящихся тѣмъ, что они владѣютъ мѣстами апостоловъ [2]), „но не отъ градовъ и престоловъ зависитъ апостольское величество и власть, а отъ догматовъ правой вѣры и благочестивой жизни, управляемыхъ апостольскими и отеческими ученіями", между тѣмъ какъ папы нарушаютъ постановленія самихъ отцовъ церкви. Онъ указываетъ на рядъ древнихъ папъ, которые требовали сохраненія постановленій вселенскихъ соборовъ [3]) и не оставляетъ безъ исправленія мнѣнія Николая, будто-бы каждый изъ апостоловъ составилъ часть устава и исповѣданія вѣры [4]). „Вы латиняне, говоритъ Максимъ, уничтожающіе и растлѣвающіе не только изложенное (отцами церкви) исповѣданіе православной вѣры, но и многія священныя ихъ церковныя преданія, достойны называться не только раскольниками, но еретиками, какъ преступники апостольскихъ и отеческихъ правилъ и преданій" [5]). И какъ нарушители церковныхъ уставовъ подлежатъ проклятію, то „какъ же отъ анаѳемы столькихъ и столь великихъ блаженныхъ отцовъ могутъ считать себя свободными тѣ, кто такъ славится своимъ умомъ и его величіемъ" [6]). На этомъ основаніи М. Грекъ подводитъ латинянъ подъ проклятіе и осужденіе отцовъ и соборовъ, какъ еритиковъ, безбожниковъ, преступниковъ и нарушителей апостольскихъ и отеческихъ постановленій [7]). Однако, такъ какъ противники М. Грека, съ которыми онъ велъ полемику, ратовали за соединеніе церквей, то и самъ онъ выражаетъ со-

[1]) Сочин., I, 331—332; ср. стр. 222.
[2]) Сочин., I, 239, 252. Главнымъ грѣхомъ онъ считаетъ гордость (I, 546—547).
[3]) Ibid., 259.
[4]) Сочин., I, 224.
[5]) Ibid., 220.
[6]) Ibid., 197, 259.
[7]) Ibid., I, 221, 226. 227, 228.

чувствіе такому стремленію и даже убѣждаетъ соединиться[1]), но подъ весьма охранительнымъ условіемъ—принятія западною церковью ученія восточной церкви. Поэтому, вслѣдъ за своими предшественниками, онъ ставитъ цѣлью устранить всякую возможность подчиненія русской церкви—папѣ, посредствомъ представленія ученія западной церкви, какъ еретическаго и пагубнаго...., причемъ, однако, не смотря на обширность полемическихъ сочиненій противъ латинянъ, М. Грекъ, какъ истый патріотъ, нигдѣ даже не намекаетъ на неудачныя попытки грековъ вступить въ унію съ Римомъ, на дѣйствія ихъ на Флорентійскомъ соборѣ, на подвигъ Марка Ефесскаго и на печальную участь, постигшую дѣло митр. Исидора, хотя ему, проживавшему столько времени въ Италіи, среди жгучихъ отношеній на этой почвѣ, естественно было-бы коснуться этого больного вопроса, какъ послѣдовательному противнику римской уніи.

XV.

Съ первыхъ страницъ русской лѣтописи какъ на югѣ, такъ и на востокѣ Россіи, славянскому элементу пришлось вступить въ сношенія и борьбу съ магометанскимъ міромъ. Въ своемъ посланіи къ вел. кн. Изяславу, предостерегая отъ вліянія иновѣрія, Θеодосій дозволяетъ оказывать милость, будетъ ли то *жидовинъ* или *сорочинъ* (сарацинъ), *болгаринъ* (магометанинъ), или *еретикъ*, *латинянинъ* или кто иной отъ *поганыхъ*. Этимъ обозначается кругъ иновѣрнаго міра, съ которымъ приходилось сталкиваться русскимъ. Замѣчанія въ лѣтописи о религіи магометанъ могли быть заимствованы изъ жизнеописаній Магомета, извѣстныхъ въ византійской литературѣ и славянскихъ переводахъ[2]). Толковая Палея полемизируетъ не только съ еврействомъ, но и съ мусульманствомъ. Пока монголы были язычниками, допускалась въ извѣстныхъ предѣлахъ терпимость[3]). Съ принятіемъ магометанства, столкновенія на религіозной почвѣ дѣлались болѣе частыми (при взаимномъ однако обращеніи тѣхъ и другихъ въ свою вѣру[4]), появились и свои мученики. Къ XV в. относится переводъ „Бесѣдованія съ евреями и турками“ Григорія Паламы[5]). Въ 1-ой ред. хронографа дѣятельность Маго-

---

[1]) Сочин., I, 218, 233.

[2]) Сухомлиновъ, О древней лѣтописи, 54—57.

[3]) Относительно христіанъ, магометанъ, буддистовъ и язычниковъ (Плано-Карпини, Марко Поло, Стеф. Орпеліанъ въ Mémoires sur l'Armenie Сенъ Мартена II, 135; Григорьевъ, О достовѣрности ярлыковъ ханскихъ, Сборн. Азія).

[4]) Макарій, IV, 120—126.

[5]) Соболевскій, 20; Д. И. Абрамовичъ, Соф. библіотека, III, 239.

мета излагается по хронографамъ Г. Амартола и Манассіи. Паденіе Константинополя усилило враждебныя чувства, которыя поддерживались частымъ появленіемъ грековъ, бѣжавшихъ въ Россію или искавшихъ здѣсь матеріальной помощи. Борьба съ Казанью и Крымомъ, въ свою очередь, дала пищу чувству религіозной вражды, отразившемуся въ извѣстной „Казанской исторіи". Уже въ Минеяхъ Макарія новгород. и москов. ред. встрѣчается „Сказаніе о срацынской вѣрѣ", о которомъ замѣчено: „Начало сей книзѣ изложено бысть отъ латынянина Риклада, сущу ему бывшу въ чину учителя по закону срачиньскому и паки возвратившюся ему къ своей вѣрѣ латыньстѣй" (въ Соф. сп. мѣс. Іюль № 182, л. 810—829, отд. въ 17 главахъ, Троицкой лав. № 730, XVI в.). Оригиналъ его - греческій переводъ сочиненія Рихарда (XIII в.), сдѣланный Димитріемъ Кидонскимъ (спис. ориг. Синод. библ., № 360 [1]). Далѣе, появляются переводныя статьи, касающіяся Магомета, турокъ и и ихъ завоеваній (XV—XVI [2]).

Противъ магометанъ, Максимъ Грекъ писалъ слѣдующія сочиненія: „Слово обличительно на агарянскую прелесть и умыслившаго ся сквернаго пса Моамефа" [3]), „Слово 2-е о томъ-же къ благовѣрнымъ на богоборца же Моамефа" [4]) и „Отвѣты христіаномъ противу агарянъ, хулящихъ нашу православную вѣру христіанскую [5]). Ближайшее побужденіе, руководившее имъ въ обличеніи магометанъ, онъ объясняетъ такимъ образомъ: „Іудейское зловѣріе и еллинское нечестіе (о чемъ мы скажемъ ниже) и латинскія ереси, насколько благодать Св. Духа содѣйствовала, по мѣрѣ живущей во мнѣ благочестивой вѣры, я обличилъ уже; а богомерзкихъ агарянъ многоразличное нечестіе и бѣсовскую прелесть если оставимъ безъ обличенія, кто насъ восхвалитъ, еще болѣе кто не заподозритъ насъ въ этой небрежности, лѣности и ревности. Слѣдовательно М. Грекъ какъ бы составилъ планъ—обличить различныя религіозныя мнѣнія, чтобы тѣмъ самымъ показать превосходство „благовѣрія" надъ нечестіемъ. „Поэтому, продолжаетъ онъ, призвавши благодать божественнаго Параклита, приимемся съ божіей помощью въ защиту единаго спасительнаго благовѣрія" [6]).

---

[1]) Строевъ, Библ. словарь. 399; подроб. А. И. Соболевскій, 325. Рус. переводъ неполный, а именно въ немъ только предисловіе и главы историческаго содержанія (1—2, 13—17). съ прибавл. рус. переводчика.

[2]) Соболевскій, 235, 238.

[3]) Сочин. М. Грека, I, слово VI, 77.

[4]) Сочин., сл. VII, 131. Ошибочно припис. м. Даніилу (Жмакинъ, 270).

[5]) Сочин., I, сл., VIII., 151.

[6]) Сочин., I, 77, 78.

Другой поводъ для полемики Максима противъ магометанъ былъ тотъ, что русскимъ часто „случалось спорить съ христіаноборцами измаильтянами о благочестивой вѣрѣ, и они, не только не хотѣли исповѣдать Христа Бога за истиннаго Сына Божія, но еще и ругаются надъ нами. Поэтому М. Грекъ хотѣлъ дать образецъ для споровъ съ ними и съ этою цѣлью написалъ „Отвѣты христіаномъ противъ пагарянъ, хулящихъ православную христіанскую вѣру". Но была и еще причина, побуждавшая Максима писать противъ магометанъ.

Мы упоминали выше о томъ, что М. Грекъ высказывалъ надежду на освобожденіе Греціи отъ турецкаго ига и приводили его слова, въ которыхъ онъ даже выражалъ желаніе видѣть кого нибудь изъ родственниковъ вел. князя на греческомъ престолѣ. Тамъ же мы замѣтили, что выраженія въ пользу греческихъ интересовъ, какія мы встрѣчаемъ въ сочиненіяхъ Максима, не были только одними словами, но указываютъ на опредѣленныя старанія его по этому дѣлу, которыя конечно не ограничивались одними сочиненіями. Напротивъ, послѣднія въ этомъ случаѣ служили Максиму Греку средствомъ для представленія бѣдствій, какія терпѣли греки отъ турокъ. Съ другой стороны, выставляя магометанскую религію въ невыгодномъ свѣтѣ въ отношеніи къ христіанству, онъ хотѣлъ дѣйствовать тѣмъ самымъ на религіозное чувство „благовѣрныхъ" и такимъ образомъ содѣйствовать той же цѣли. Вотъ въ какихъ чертахъ представляетъ Максимъ запустѣніе Греціи вслѣдствіе турецкаго ига: „Гдѣ нынѣ, восклицаетъ онъ, проживншихъ въ благовѣріи и благолѣпной честности, красота и слава вѣрныхъ—въ Іерусалимѣ, въ Александріи, въ Египтѣ, въ Сиріи и Антіохіи? Гдѣ та теплота и божественная ревность возсіявшихъ въ постѣ—въ скитѣ, въ Вышней Ѳиваидѣ и въ различныхъ странахъ и горахъ богоносныхъ отцовъ нашихъ? Гдѣ та въ благовѣріи возросшая высота и пресловутая похвала всѣхъ западныхъ народовъ, говорю, святая и апостольская церковь древняго Рима? Не все ли это нынѣ, какъ то мы видимъ, или находится во власти безбожныхъ агарянъ, или опустошено ими, иное же стало негоднымъ и вполнѣ непотребнымъ по причинѣ разныхъ богомерзкихъ ересей, начальникомъ каковыхъ есть тотъ самый древній Римъ, который прежде былъ свѣтлѣйшимъ и знаменитѣйшимъ во благовѣріи и во всякомъ честномъ житіи, а за нимъ и вся Италія? Пойди мысленнымъ взоромъ, душа, въ Индію, въ Еѳіопію, во всѣ концы вселенной, вездѣ найдешь всякое безобразіе и мерзость всякихъ ересей. Въ иныхъ мѣстахъ найдешь агарянское нечестіе, прельщающее тамошніе народы и привлекающее ихъ къ себѣ,—тѣ различные восточные вѣрные народы, въ которыхъ изначала засвѣтился, при божественныхъ апостолахъ, свѣтъ благовѣрія, который достигъ и

до насъ европейцевъ. Не все ли это, безъ малаго, агарянская тьма, которая то привлекла къ себѣ, то сдѣлала негоднымъ, стѣснила и растлила душевно и постоянно растлѣваетъ различнымъ способомъ... Гдѣ высота и безмѣрная слава бывшихъ во власти славныхъ премудростью, всякою добродѣтелью, благими законами и православною вѣрою христіанскихъ царей, царствовавшихъ въ славномъ и благочестивомъ градѣ Великаго Константина? Гдѣ тотъ всемірный свѣтъ благовѣрія, который, подобно солнцу просвѣщалъ всю вселенную чрезъ архіерействующихъ въ немъ святителей? Не все ли это, уже много лѣтъ порабащено и подчинено измаяльтянамъ? И нѣтъ намъ ни откуда никакого избавленія, а, напротивъ, касательно насъ все приходитъ къ худшему, а ихъ положеніе дѣлается все сильнѣе. Поймемъ же, въ какое злосчастное положеніе пришли дѣла у насъ, бѣдныхъ грековъ: какъ лишились мы всѣхъ вообще благъ и умалились больше всѣхъ народовъ и стали предметомъ поношеній у сосѣдей нашихъ и поруганія окрестъ насъ живущихъ, по словамъ свящ. писанія... Гдѣ нынѣ превышающія умъ и слово чудеса преч. Б. Матери, которыя совершались въ этомъ градѣ, избавлявшія его, сверхъ всякой надежды, отъ нападеній варварскихъ? Почему все это нынѣ погасло? Почему нынѣ не возстаетъ градохранительница и владычица его на заступленіе и избавленіе? Очевидно, что по причинѣ неискупленныхъ беззаконій, на которыя прежде всего дерзнули въ семъ градѣ праотцы наши. Но оставимъ, прибавляетъ онъ, оплакивать злоключенія наши и поймемъ изъ другихъ божественныхъ изреченій, что недалеко уже отстоитъ ожидаемая кончина вѣка [1]).

Очевидно, что М. Грекъ писалъ противъ магометанъ подъ впечатлѣніемъ бѣдствій, какія испытывали греки. Такъ, султана онъ называетъ предтечею антихриста за то, что онъ „возставая на Христово Евангеліе и христіанскій языкъ, всякимъ образомъ преслѣдуетъ и воюетъ, чтобы истребить его до конца“; недостаетъ еще апокалипсическихъ начертаній на лбахъ и рукахъ, но и *тѣ совершены будутъ наслѣдниками* и совершителями его богоборнаго нечестія“; а въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что Магометъ „горчайше и коварнѣйше гонитъ вѣрныхъ и прельщаетъ, какъ никто изъ прежнихъ гонителей, то насиліемъ и мучительствомъ, то дарованіемъ многихъ и обѣщаніемъ пресвѣтлыхъ сановъ“. Въ бѣдствіяхъ Греціи Максимъ видѣлъ предвѣщанія кончины міра, особенно принимая во вниманіе извѣстное ученіе о восьмомъ вѣкѣ [2]).

---

[1]) Сочин. I, 133—136.
[2]) Сочин., I, 120, 121, 130, 132.

Въ своей полемикѣ противъ ученія Магомета, М. Грекъ прежде всего предлагаетъ три положенія, на основаніи которыхъ можно судить объ истинности какой бы то ни было религіи, а именно“: 1) если самъ творецъ и Владыка всѣхъ Богъ узаконилъ какое бы ни было благовѣріе; 2) если праведенъ и премудрости всякія и разума исполненъ тотъ, черезъ кого Творецъ и Владыка Богъ провелъ сіе въ жизнь, и 3) если узаконяемое ученіе согласно во всемъ съ догматами и завѣщаніемъ бывшихъ отъ вѣка богодохновенныхъ пророковъ и апостоловъ и вселенскихъ отецъ и учителей“ [1]). Этимъ основаніямъ, говоритъ Максимъ, удовлетворяютъ и ветхозавѣтные пророки, и ученіе Іисуса, что́ онъ и подтверждаетъ примѣрами, которые выражаютъ благоволеніе къ нимъ Творца. Нравственное же превосходство ученія Іисуса передъ ветхозавѣтнымъ онъ доказываетъ сравненіемъ: законъ Моисея признаетъ грѣховнымъ только самый проступокъ (а потому говоритъ: не убей, не укради...), а Евангеліе считаетъ виною даже начальное проявленіе его въ мысли (а потому говоритъ: „если воззритъ на жену, гнѣваяйся на брата“...). О самомъ Магометѣ и его ученіи Максимъ Грекъ судилъ по одной повѣсти, которую онъ слышалъ „отъ достовѣрныхъ мужей, хорошо эту повѣсть знавшихъ“. Но видно также, что онъ былъ знакомъ съ содержаніемъ Корана, неизвѣстно впрочемъ изъ какого источника. Въ одномъ мѣстѣ мы читаемъ: такъ какъ бѣсоугодная ихъ книга называемая у нихъ Коранъ, *во многихъ мѣстахъ* хвалитъ Евангеліе и святымъ называетъ его и считаетъ ниспосланнымъ съ небесъ“, а въ другомъ онъ употребляетъ даже *выраженіе изъ Корана*: инзиль ханъ — Евангеліе истинно [2]). М. Грекъ замѣчаетъ, что ученіе Магомета составилось подъ вліяніемъ наставленій изгнаннаго изъ іудейскаго общества еврея Иліи (отъ котораго Магометъ принялъ почитаніе единоѵпостаснаго Бога, обрѣзаніе, запрещеніе свинаго мяса, многоженство и т. п.) и изгнаннаго изъ Константинополя аріанскаго монаха, который передалъ Магомету нѣкоторыя христіанскія понятія [3]). Въ заключеніе Максимъ удивляется тому, что Магометъ назвалъ себя выше всѣхъ пророковъ, и доказываетъ истинность миссіи Іисуса пророчествами и языческими предсказаніями (Орѳей, Сивиллы, историческія книги [4]). При этомъ почти на каждой страницѣ Магомету расточаются

---

[1]) Сочин., I, 78.

[2]) Сочин., I, 83, 151, 155.

[3]) Указаніе это имѣетъ сходство съ разсказомъ о вліяніи на ученіе Магомета несторіанскаго монаха и еврея Вараки, двоюродного брата его жены, перешедшаго въ христіанство, перваго переводчика Ветх. и Нов. завѣтовъ на арабскій яз. (см. Вашингтона Ирвинга: Жизнь Магомета, сс. 27, 28, 35).

[4]) Сочин., I, 92, 97—105, 107, 110, 114.—Христіанскіе писатели собирали разныя изреченія философовъ и поэтовъ, которыя они относили къ Іисусу Христу

названія въ родѣ: предтеча антихриста, орудіе діавола, тать, звѣрь, дикій вепрь, свинья и т. п., на которыя, какъ извѣстно вообще не скупились полемисты того времени, какъ Лютеръ, Генрихъ VIII и др., не исключая и гуманистовъ.

Въ „отвѣтахъ христіанамъ противъ агарянъ„ [1]). М. Грекъ доказываетъ божество Іисуса (на извѣстныхъ мѣстахъ священ. писанія) и опровергаетъ необходимость обрѣзанія, омовенія (которое, замѣчаетъ магометанамъ Максимъ, „не очищаетъ души ваши отъ плотскихъ вашихъ нечистотъ, какъ и псовъ не очищаетъ отъ сквернаго и гнуснаго смрада ихъ, лижущихъ языкомъ своимъ проходы и срамныя уды,—пребываютъ же гнусными, и злосмрадными, и нечистыми всегда“) и, наконецъ, разсматриваетъ утвержденіе магометанъ, что христіане исповѣдуютъ трехъ боговъ. Неосновательность послѣдняго Максимъ объясняетъ обыкновенными богословскими доводами и діалектическими пріемами, какъ уподобленіе Троицы—трехчастному составу души (умъ, слово и духъ), тремъ составамъ солнца (кругъ, свѣтъ и лучи), тремъ частямъ дома (подклѣть, надклѣть и горница), дерева (корень, стебель, вѣтви), дня (до обѣда, до полудня, до вечера). Максимъ говоритъ, что каждая отдѣльная часть этихъ троичностей можетъ называться именемъ цѣлаго (душа, домъ, день...), хотя отсюда еще не слѣдуетъ, что каждая изъ трехъ частей составляетъ совершенно отдѣльное цѣлое. „Такъ слѣдуетъ понимать и Божество: Богъ Отецъ, Богъ Сынъ и Богъ Св. Духъ; однако не три бога, но одинъ Богъ“... Наконецъ Максимъ касается еще укоризны магометанъ, которые говорили, что если-бы Христосъ былъ Богъ, то іудеи не умертвили бы его. Опроверженіе Максима состоитъ въ положеніи, что Іисусъ Христосъ пострадалъ по своей волѣ, въ доказательство чего онъ приводитъ различныя мѣста священнаго писанія. Въ заключеніе, по принятому обычаю, Максимъ убѣждаетъ магометанъ отказаться отъ своихъ вѣрованій и обратиться на путь истинный. [2]).

Если полемическія статьи М. Грека противъ латинянъ, жидовствующихъ и агарянъ находились въ связи съ современными явле-

---

и которыя, какъ они полагали, были заимствованы ими отъ іудеевъ. См. Іустина апологію, I гл., 57. Тертул. аполог. X ч., 10. Ѳеодорита о началѣ Ефр. Сирина. орр. 316. Августина, De civ. Dei, X, 27. Ср. К. Скворцовъ, О книгахъ Сивиллъ (Тр. Кіев. Д. ак. 1862, № 7, с. 348—384).

[1]) Сочин., I, слово VIII.

[2]) Какъ грекъ, Максимъ также духовно объяснялъ извѣстное изображеніе мѣсяца подъ крестомъ на храмахъ (Сочин., III, 81), но встрѣчается указаніе, что мѣсяцъ подъ крестомъ служилъ символомъ Діаны Византійской, какой былъ на зданіяхъ въ Константинополѣ, и оттуда принятъ въ Россіи (Труды Москов. Общ. ист. V, 263 и Рус. Арх. 1902, № 11, с. 314).

ніями, то полемика противъ армянъ основывалась прежде всего на догматическомъ антагонизмѣ, исторически сложившемся между греками и армянами. Армяне причисляются православною церковью къ еретикамъ монофизитамъ. Но между толкователями съ одной и другой стороны существуетъ большое раздѣленіе, противъ котораго возражаютъ сами монофизиты, утверждая, что они не думаютъ такъ, какъ приписываютъ имъ это греки.[1]). Въ Византіи, гдѣ религіозно-діалектическія тонкости имѣли большое значеніе, монофизиты вызывали особенное ожесточеніе. Но изъ всѣхъ монофизитовъ особенно ненавистны были для византійцевъ армяне, такъ какъ здѣсь религіозное разномысліе обострялось религіозно-политическою враждою двухъ націй и такимъ образомъ армянское вѣроученіе, изъ всѣхъ иновѣрныхъ исповѣданій, самое близкое къ греческой церкви, стало для православныхъ грековъ ересью „самою гнуснѣйшею" изъ всѣхъ ересей. Взглядъ этотъ на армянское ученіе вполнѣ перешелъ въ Россію.[2]). Митр. Кипріанъ запрещалъ всякое сношеніе и общеніе съ ними, ссылаясь на церковныя правила.[3]). Епископы обязывались не допускать браковъ съ ними, кумовства и братства, наравнѣ съ латинами и подъ страхомъ лишенія сана.[4]). По правиламъ же митр. Максима назначался даже особый постъ на обличеніе ереси армянъ[5]). Въ Кормчей встрѣчаются подробныя статьи объ армянской ереси съ грубыми разсказами о нихъ до патріарха-женщины включительно[6]); они предавались анаѳематствованію наравнѣ съ прочими еретиками[7]). Въ лѣтописи вносились обширныя обличительныя статьи противъ манихеевъ и армянъ[8]). Вражда

[1]) Объ армянскомъ вѣроученіи см. М. Троицкій, Излож. вѣроуч. армян. церкви, Спб. 1873; Ал. Аннинскій, Ист. армян. церкви до XIX в. Кишиневъ, 1900, I + 306 + V (реценз. Ж. М. Н. Пр. 1903, № 1, сс. 195—204), удост. почет. отзыва отъ св. Синода. Въ полемическихъ нападкахъ армяне нерѣдко называются то евтихіанами, то несторіанами, то даже аріанами (Р. Мысль, 1896, № 11, с. 114). Соч. Малахіи Орманіана: „Армянская церковь, ея исторія, ученіе, внутр. строй, литургія, литература и проч." перев. съ франц. М. 1913, —неважно и тенденціозно.

[2]) См. Печер. Патерикъ, cxxxiv.

[3]) Акты историч., I, № 253; Рус. Истор. библ., VI, 250.

[4]) Ibid. 454—455; Карамзинъ, V, прим. 311.

[5]) Рус. Ист. библ. 142.

[6]) Опис. рукоп. Рум. муз, с. 303 (рус. происхожденія). Греческія сказки объ армян. вѣрѣ, перешедшія въ рус. письменность, сообщ. архим. Леонидомъ (Чт. въ Общ. ист. 1879, I, 1—4).

[7]) Павелъ Алеппскій, Путеш., III, стр. 133, съ прим. о позднѣйшемъ исключеніи.

[8]) Никон. лѣт., II, 47—50. Рѣчь идетъ о ж. Иларіона Меглин., патр. Евѳимія, которое касается собственно павликіанъ и богомиловъ (Поповъ, Обз. хрон., II, 34—36; Жмакинъ, М. Даніилъ, 332).

усугублялась еще ихъ собственной пропагандой, какъ это было и въ Болгаріи [1]), и въ Россіи [2]). Между тѣмъ съ древнѣйшихъ временъ армяне являются въ Россіи въ качествѣ врачей и купцовъ [3]) и ихъ же услугами то въ качествѣ послѣднихъ, то агентовъ въ Крыму (особенно много изъ Кафы и Литвы) и переводчиковъ широко пользовалось москов. правительство [4]). Современно М. Греку противъ ученія армянъ писалъ м. Даніилъ, пользовавшійся для своего обличенія весьма обширнымъ словомъ на армянъ, приписываемымъ Іоанну м. никейскому или, по другимъ, армянскому католикосу Исааку, который обвиняетъ ихъ въ евтихіанствѣ и признаетъ заблужденія ихъ на столько важными, что держащіеся того признаются достойными побіенія камнями [5]). Мнѣніе о еретичествѣ армянъ такъ прочно держалось, что вел. кн. Василій Темный, отправляя посланіе къ патр. Митрофану объ отступленіи м. Исидора, напоминалъ, какъ св. Владиміръ тщательно отнесся къ выбору истинной вѣры и, послѣ такого испытанія, отвергъ вѣру латинскую, армянскую, іудейскую и магометанскую, а избралъ вѣру богопріятную—греческую [6]). Такимъ образомъ, до Петра В. армянамъ не дозволялось ни отправлять богослуженія по ихъ обряду, ни пользоваться исполненіемъ требъ у православнаго духовенства безъ новаго крещенія по чину православія [7]). Однако и до сихъ поръ взгляды русской іерархіи на этотъ предметъ раздѣляются на крайне противоположныя мнѣнія. Признавая, что, старинныя хуленія на армянскій народъ достались намъ отъ грековъ [8]), еп. Порфирій первый заговорилъ печатно, что копты и армяне не еретики [9]); между тѣмъ, какъ архіеп. Савва называетъ армянъ „дѣйствительными отщепенцами отъ православной церкви и не дозволялъ даже совершать церковную молитву при литургіи о больномъ армянинѣ, хотя и не былъ увѣренъ, правъ

---

[1]) Радченко, 232—242, 306—307.

[2]) Въ XIV в. (ж. еп. Іакова ростов.) въ Ростовѣ появился еретикъ армяновѣръ Маркіанъ, вызвавшій публичное преніе и осужденіе.

[3]) Карамзинъ, III, 124, 130; V, 6, 34; VII, 82; Соловьевъ, VII, 137.

[4]) Сборн. Рус. Ист. общ., т. XLI, 282—286, 295, 303, 391—397, 401.

[5]) В. Жмакинъ, М. Даніилъ, 325, 332, 338, 416.

[6]) Рус. Историч. библ., VI, 526—527.

[7]) Ам. Лебедевъ, Вѣроисповѣд. полож. армянъ въ Россіи до времени Екатерины II (Чтен. въ Общ. ист., 1909, кн. IV, 1—26 и отд., съ прилож.).

[8]) Книга бытія моего, II, 87—88, 92. VII, 324.

[9]) Вѣроуч., богослов. и пр. Коптовъ, Спб. 1859. Книга была одобрена св. Синодомъ (Книга бытія, VII, 324). Точно такъ же извѣстный своею ученостью греч. богословъ Григорій, еп. хіосскій, въ соч. „О единеніи армянъ съ восточн. правосл. церковью“ („Περὶ ἑνώσεως τῶν Ἀρμενίων μετὰ τῆς ἀνατολικῆς ὀρθοδόξου ἐκκλησίας“, Константинополь 1871, рѣшительно сближаетъ армянское вѣроученіе съ православнымъ.

ли онъ канонически или погрѣшилъ противъ церковныхъ правилъ [1]), а общепризнанный канонистъ еп. Алексій (Лавровъ) уклонился, кажется, отъ отвѣта, по вопросу, предложенному ему послѣднимъ.

У М. Грека въ данномъ случаѣ вполнѣ выразилась греческая точка зрѣнія на этотъ вопросъ.

XVI.

Обличеніе М. Грека „на армянское зловѣріе“ было вызвано его другомъ, который, по его словамъ имѣлъ сношенія съ армянами и вступалъ съ ними въ религіозныя разсужденія, такъ какъ въ своемъ обличеніи М. Грекъ, говоритъ: „совѣтую тебѣ, какъ другу вѣрному и брату возлюбленному, отступиться отъ скверной дружбы ихъ и льстивой бесѣды, если желаешь соблюсти до конца правую вѣру, отцами преданную“. Обращаясь къ своей темѣ, М. Грекъ замѣчаетъ, что „въ армянскомъ зловѣріи“, составленномъ изъ многихъ ересей, три самыхъ нечестивыхъ: изъ нихъ же первая и злѣйшая та, что они мудрствуютъ, что безстрастное божество смерть вкусило почеловѣчески во время спасительнаго страданія Бога-Слова; вторая та, что они говорятъ будто вочеловѣчившееся Богъ-Слово, по вознесеніи на небо, совлеклось отъ принятія имъ божественныя плоти отъ пречистыхъ кровей Богоматери; третья же та, что раздѣляютъ злоумышленно нераздѣльныя во Христѣ два естества—человѣческое и божеское, и мнятъ какъ единое естество“ „Но много предлагать, говоритъ Максимъ, о безсмертіи Создателя всѣхъ не только излишне, но и весьма смѣшно, такъ какъ полны свидѣтельствами о томъ богодохновенные писатели, *но и самыя писанія* внѣшнихъ философовъ и риторовъ великолѣпно воспѣваютъ величество божественнаго безсмертія“ [2]).

По формѣ обличенія, слово это отличается отъ другихъ большею систематичностью, чуждо тѣхъ посторонпихъ уклоненій, какія мы замѣчаемъ въ нихъ, притомъ основано не на богословскихъ доводахъ, а на преданіяхъ, искусно подобранныхъ Максимомъ для подтвержденія извѣстной мысли. Кромѣ того, выставивъ три главныхъ еретическихъ

---

[1]) Автобіогр. записки Саввы, архіеп. твер.; VI, 141—142, 152—153, 317: Правда, многіе иностр. писатели также признаютъ армянъ евтихіанами—монофизитами (какъ К. Крюгеръ, H. F. B. Lynch, Armenia, L. 1901, I, 313, Encycl. Brit., II, 548). Въ совершаемомъ въ послѣднее время анаѳемитствованіи объ армянахъ не упоминается. Мнѣнія же отдѣльныхъ католикосовъ и помѣстныхъ соборовъ не считаются общеобязательными. Въ богослужебныхъ пѣснопѣніяхъ V—VIII вѣковъ монофизитства не видно. Муркосъ, Путешеств. патр. Макарія, Павла Алеппск. III, 133, примѣч.).

[2]) Сочин., I, слово IX.

мнѣнія армянъ, Максимъ ограничивается опроверженіемъ только одного перваго, замѣчая, что и „ради этой единой ереси достойно намъ ихъ совершенно гнушаться и отвращаться". Вотъ содержаніе опроверженія Максима:

Еретикъ Северъ, говоритъ онъ, узнавъ, что измаильтянинъ князь Аламундаръ принялъ крещеніе, пригласилъ его къ себѣ, желая обратить въ свою ересь [1]). Посланные за нимъ епископы долго толковали съ нимъ объ ученіи Севера, наконецъ Аламундаръ отпустилъ ихъ съ тѣмъ, чтобы они пришли на другой день, а самъ научилъ своего слугу, чтобы онъ, когда придутъ посланные Севера и начнутъ спорить, шепнулъ ему на ухо, что умеръ архангелъ Михаилъ. Слуга такъ и сдѣлалъ. Тогда Аламундаръ представился печальнымъ, и когда его противники спросили о причинѣ скорби, онъ имъ отвѣтилъ: „я лишился защитника, архангела Михаила; онъ умеръ". Епископы стали убѣждать Аламундара не печалиться „ангельское бо естество смерти не подлежитъ". Тогда онъ возразилъ имъ: „если такъ, то какъ же вы можете утверждать, что *Іисусъ Христосъ умеръ своимъ безсмертнымъ божествомъ*". Затѣмъ М. Грекъ приводитъ извѣстное преданіе, какъ при патріархѣ Проклѣ, во время землетрясенія, былъ восхищенъ на небо отрокъ, который снова возвратился на землю. И когда патріархъ спросилъ его, что онъ тамъ видѣлъ и слышалъ, то онъ отвѣчалъ, что слышалъ, какъ ангелы поютъ трисвятую пѣснь *безъ приложенія*, а Северъ, замѣчаетъ Максимъ, установилъ пѣть послѣ, „святый безсмертный"—„*пострадавый* помилуй насъ", чѣмъ „явственнѣйше обличаемы бываютъ скверные армяне, хулящіе съ Северомъ самую святую Троицу, страдательной ее исповѣдуя". Ложность ученія М. Грекъ подтверждаетъ и другимъ подобнымъ же примѣромъ. Когда на 4-мъ вселенскомъ соборѣ, говоритъ онъ, долго спорили и не могли убѣдить еретиковъ, то сдѣлали два свитка: на одномъ написали мнѣніе еретиковъ, а на другомъ мнѣніе собора, положили ихъ на мощахъ мученицы Евѳиміи и запечатали раку. Спустя нѣсколько дней, отцы собора пришли къ мощамъ, открыли раку, и оказалось, что свитокъ съ мнѣніемъ собора былъ въ рукахъ мученицы, а свитокъ еритиковъ лежалъ далеко отъ ея ногъ: „какъ, богомерзкій и всякой хулы исполненный", замѣчаетъ М. Грекъ. Наконецъ, руководствуясь тѣмъ, что „отъ враговъ свидѣтельства достовѣрнѣйшія суть, а какія могутъ быть сильнѣй, какъ не тѣ, которыя наиболѣе враждебны православной вѣрѣ, М. Грекъ, въ опроверженіе армянской ереси, приво-

[1]) Объ Аламундарѣ (Зонара, ср. Чтен. въ Общ. ист. 1847—8, № I, с. 12). У Прокопія (XVII, 2, с. 22—25) упоминается жестокій военачальникъ Аламундаръ на службѣ у персовъ.

дитъ слѣдующее доказательство. Когда, говоритъ онъ, стало распространяться христіанство, то одинъ изъ жрецовъ Аполлона хотѣлъ узнать отъ своего бога о достоинствѣ этого ученія. „Дьяволъ, же вознегодовавъ о вопросѣ своего служителя", отвѣчалъ черезъ Пиоію: „чтобы ты меня не спрашивалъ отнюдь о семъ"...., но, „божественною силою нудимъ нехотя", сказалъ: „и пострадавый Богъ есть, *а божество его не пострадало*,...... „Что противъ этого скажетъ, замѣчаетъ Максимъ, безславный Северъ и его послѣдователи, треклятые армяне, признающіе Христово божество страдающимъ"?

На основаніи такихъ доводовъ, М. Грекъ дѣлаетъ выводъ, что армяне—еретики, которыхъ слѣдуетъ отлучаться, называетъ ихъ „проклятыми", „треклятыми" и даетъ совѣтъ „утверждаться въ искусствѣ священнаго писанія и вооружаться доблестно во всеоруженіи богословія, т. е. богословскихъ главъ премудраго Іоанна Дамаскина", чтобы посредствомъ ихъ „заграждать безвѣрныя уста противящихся и уничтожать всякое превозношеніе, посягающее на разумъ Христовъ". Такимъ образомъ въ своихъ обличеніяхъ противъ армянъ, М. Грекъ, вполнѣ остался на византійской точкѣ зрѣнія на ученіе армянской церкви.

XVII.

Мы уже знаемъ, что Максимъ Грекъ, во время своего пребыванія въ Италіи, убѣдился въ поколебаніи христіанскихъ догматовъ, вслѣдствіе увлеченія ученіями и произведеніями древняго міра. Многіе русскіе уже ѣздили на Западъ до предѣловъ Италіи, въ качествѣ пословъ и ихъ спутниковъ. Они видѣли новый, окружавшій ихъ міръ. Другіе вступали въ сношенія съ иноземцами, пріѣзжавшими въ Россію, къ качествѣ посланниковъ, художниковъ и купцовъ (см. выше, стр. 150—151). Тотъ же докторъ Булевъ, какъ ученикъ итальянскихъ университетовъ и провозвѣстникъ астрологіи, не могъ не касаться въ бесѣдахъ общественныхъ явленій, хорошо извѣстныхъ М. Греку, и могъ увлекать своими бесѣдами не одного Карпова. Павелъ Іовій сообщаетъ намъ любопытныя наблюденія надъ однимъ изъ близкихъ людей къ М. Греку—во время пребыванія его, въ качествѣ посла, въ Римѣ (въ 1525 г.). „Полагали, говоритъ онъ, что Димитрій, какъ человѣкъ опытный въ дѣлахъ государственныхъ и особенно свѣдущій въ Св. писаніи, имѣетъ какія-либо важныя и тайныя порученія, которыя объявитъ папѣ на аудіенціи словесно. Онъ въ недавнемъ времени выздоровѣлъ отъ лихорадки, которою долго былъ одержимъ отъ перемѣны климата и совершенно возстановилъ силы свои и прежній цвѣтъ лица, такъ что, не смотря на шестидесятилѣтнюю старость, съ охотою ходилъ слушать торжественное служеніе папы, совершавшееся со всею

пышностью, при гармоническихъ звукахъ музыки, въ день св. Космы и Даміана; былъ въ сенатѣ въ то самое время, когда папа и всѣ придворные чины принимали кард. Кампеджіо, только что возвратившагося изъ посольства въ Венецію; осматривалъ св. храмы и съ изумленіемъ любовался остатками древняго величія Рима и жалкими остовами прежнихъ зданій. Францискъ Керегатъ, епископъ абруцскій (Aprutinum), долженъ былъ, по повелѣнію папы Климента VII, вездѣ сопутствовать московскому послу и показывать ему церковныя древности и рѣдкости Рима [1]). Намъ извѣстно, что въ Византіи, въ теченіе продолжительнаго времени, шла упорная борьба между послѣдователями идей Платона и Аристотеля, сопрождавшаяся въ церковной сферѣ обвиненіями въ ереси и даже анаѳематствованіями. Не безъизвѣстно было М. Греку и увлеченіе древностью въ Византіи, незадолго до ея паденія, когда Плеѳонъ мечталъ даже о замѣнѣ христіанской религіи—языческой [2]), и въ Италіи, свидѣтелемъ чего онъ самъ былъ. Въ Болгаріи въ житіи Филоѳея, сост. Евѳиміемъ, въ ж. Стефана Лазаревича, составл. Константиномъ Костенчскимъ, и др. отмѣчаютъ указанія на увлеченіе языческими мнѣніями и полемику противъ нихъ. Появляются переводныя статьи (какъ Слово, припис. Аѳанасію, XV в.) и соч. Северіана Гевальскаго (Шестодневъ), направленныя противъ язычниковъ [3]). Послѣднее въ нѣсколькихъ спискахъ извѣстно было и въ Россіи [4]). Если вспомнить, что въ разныхъ сборникахъ, хронографахъ и т. п. произведеніяхъ московскаго періода нерѣдко встрѣчаются изреченія древнихъ писателей, миѳологическія сказанія, а въ московскихъ соборахъ писались изображенія греческихъ мудрецовъ съ хартіями въ рукахъ, то не трудно заключить, что были хотя немногіе и такіе, которые готовы были идти далѣе и допустить болѣе широкое увлеченіе языческими мудрованіями. И въ Москвѣ явилась своего рода мода на нихъ, достойная похвалы даже въ устахъ не только свѣтскаго, но и духовнаго писателя. Такъ, авторъ ж. Михаила Клопскаго, с. бояр. Вас. Мих. Тучковъ, приступая къ его біографіи (въ бытность въ Новгородѣ) говоритъ: „Слышалъ я нѣкогда, какъ читали книгу о плѣненіи Трои, въ которой сплетены многія похвалы еллинамъ отъ Омира и Овидія. Только одной воинственной храбрости обязаны они такою по-

---

[1]) Библ. иностран. писат., 19, 21—22, 60. Посолъ Димитрій „веселый и остроумный" (40).

[2]) Герцбергъ, Ист. Греціи, 566. Ѳ. Успенскій, Очерки изъ ист. визант. образов. Спб. 1882; Синодикъ въ недѣлю православія, Од. 1893; Визан. Врем. 1896, 1, 125—150, рец. П. В. Безобразова).

[3]) Радченко, Религіозн. движ. въ Болгаріи, 197—200.

[4]) Соболевскій, Переводн. литер., 21.

хвалою, что память о нихъ не изгладилась въ теченіе многихъ лѣтъ. Но хотя Геркулесъ и храбръ, однако въ глубину нечестія былъ погруженъ и тварь почиталъ болѣе Творца. Ахиллесъ и сыновья троянскаго царя также были сильны и, восхваляемые еллинами, удостоились великой славы. Тѣмъ болѣе мы должны почитать и восхвалять святыхъ и великихъ чудотворцевъ, которые такую побѣду надъ врагами одержали и такую пріобрѣли благодать отъ Бога, что не только люди, но и сами ангелы ихъ почитаютъ и славятъ. И мы ли не будемъ повѣствовать объ ихъ чудесахъ"? [1]). Въ свою очередь его современникъ, въ тоже время игуменъ Хутынскаго монастыря, Ѳеодосій, потомъ новгородскій архіепископъ, выражается, что посланіе къ нему м. Макарія „Омировымъ именемъ подкрѣплено и аѳинейскимъ мудрствованіемъ украшено" [2]). Иванъ Грозный, упрекая Курбскаго въ невѣрности обвиненій, пишетъ: „не какъ ты, подобно Антенору съ Энеемъ, предателемъ троянскимъ, много соткавъ, лжешь" [3]). И тотъ же Карповъ, въ посланіи къ иноку Филоѳею, заявляетъ, что онъ одобряетъ все, написанное „Гомеровымъ словомъ", проникнутое „риторскимъ разумомъ и сложенное не варварски или невѣжески, а правильно, „грамотически" [4]). Но, увлеченный наплывомъ новыхъ мнѣній и понятій, тревожный умъ Карпова не могъ успокоиться. „Я, нынѣ изнемогаю умомъ, впавъ въ глубину сомнѣнія, пишетъ онъ Максиму Греку; прошу тебя и ласкаю себя надеждою, что ты подашь мнѣ нѣчто исцѣляющее и успокоишь мысль мою. Хотя стыжусь безпокоить тебя, но и молчать стѣсняюсь, ибо не можетъ молчать мой пытливый разумъ (помыслъ): хочетъ знать, чѣмъ не владѣетъ, старается найти, что не утратилъ, думаетъ читать, что не изучалъ, хочетъ побѣдить, что непреодолимо". Въ заключеніе онъ проситъ Максима любить его попрежнему, какъ друга, и отписать на его вопросы, а также благодаритъ за его письма, которыя облегчаютъ его печаль (кручину). Конечно, все это имѣло еще мѣсто въ предѣлахъ дозволеннаго. Карповъ стоялъ на перепутьи: онъ увлекался новыми мнѣніями, подъ вліяніемъ чтенія и толковъ, возбужденныхъ въ тогдашней книжной средѣ; но углублялся и въ чтеніе непонятныхъ мѣстъ библейскихъ книгъ, объясненія которыхъ искалъ у того же Максима Грека [5]).

---

[1]) Буслаевъ, очерки, II. 241. Біогр. свѣд. (Ключевскій, Житія, 232—35).

[2]) Лебедевъ, М. Макарій, с. 19.

[3]) Сказанія, 169, 350; ср. Обзоръ хроногр., II, 18.

[4]) Извѣстія И. Ак. Наукъ 1914, № 15, стр. 1105.

[5]) Сочин. М. Грека, III, 274—277, съ прилож. посл. Карпова.

Противъ попытокъ въ дальнѣйшемъ направленіи мысли считалъ необходимымъ выступить М. Грекъ въ особомъ „Словѣ обличительномъ на еллинскую прелесть“, припоминая, быть можетъ, свои юныя увлеченія языческою древностью. Въ этомъ словѣ онъ хотѣлъ представить превосходство христіанскаго ученія передъ языческою религіею и ученіемъ философовъ; но въ „словѣ“ есть также намеки на увлеченіе современниковъ Максима древностью, что̀ вѣроятно относится къ итальянцамъ, и указаніе на лицо, порицавшее въ Россіи христіанскую религію.

Въ защиту превосходства христіанства передъ язычествомъ М. Грекъ приводитъ слѣдующія доказательства: 1). Распространеніе его посредствомъ кроткихъ мѣръ и безъ обѣщанія какихъ либо выгодъ въ жизни. Кромѣ того, христіанство, впередъ обѣщая своимъ послѣдователямъ одни бѣдствія, имѣло множество мучениковъ, отшельниковъ и т. п. „Кто же, замѣчаетъ Максимъ, богъ вашъ, или сильный царь, или риторъ и мудрый законодатель подобное когда либо возмогъ совершить хотя бы среди своихъ единоплеменниковъ, увѣщевая ихъ не заботиться о красотахъ міра сего и на самую смерть рѣшаться и жить въ скорбяхъ ради благовѣрія?“ 2). Распространеніе христіанства неучеными апостолами и стойкость его среди самыхъ гоненій, и 3). Нравственный характеръ христіанства, въ противоположность языческой религіи, гдѣ даже боги являются нарушителями нравственнаго закона. Въ христіанской религіи не находится, говоритъ онъ, „ни Зевсъ, бѣсящійся похотію блудною и превращающійся въ лебедя или высокопарнаго орла и въ многоцѣнное злато, чтобы, утаясь, растлить чужихъ женъ или восхитить любимаго юношу виночерпца; ни раждающій отъ главы своей Палладу, отроковицу доброочитую, будучи обоюдуострою сѣкирою ударенъ по главѣ; ни съ молніями сходящій и сожигающій Семелію (Семелу), въ стегнѣ своемъ скрывъ ея младенца; ни Фивъ (Фебъ) волосатый, съ отрокомъ играя, любовника своего убившій невольно дискомъ; ни богинь ссорящихся изъ-за золотого яблока; ни Афродиты, блудящій съ Аресомъ, ни боговъ, устраивающихъ между собою бои и копья другъ на друга мечущихъ, ни иного подобнаго во всѣхъ святыхъ христіанскихъ ученіяхъ“.

М. Грекъ подсмѣивается надъ „краснглаголаніемъ аѳинейскимъ“ и съ особеннымъ пренебреженіемъ отзывается объ Эпикурѣ, Хризиппѣ и т. п. „Лучше бы, говоритъ онъ, имъ было, чтобы безъ своего ученія кончили жизнь, нежели многому научившись, наставниками стать всякой злобы своимъ ученикамъ, ибо они своими писаніями вмѣстѣ съ собою увлекаютъ безчисленныхъ послѣдователей въ пропасть“. Наконецъ онъ

дастъ такой совѣтъ: „Добро, очень добро, о мужи, чтобы умудриться *всякимъ разумомъ и вѣдѣніемъ* и священною премудростію; но подобаетъ къ тому преизобиловать правою вѣрою и украшаться честными нравами, не къ угожденію человѣкамъ, не ради похвалы и тщетной славы, или желанія прибытка..., высшее совершенство для рачителя священной премудрости, чтобы *присоединиться къ самому крайнѣйшему изъ желаній, а не къ разумѣнію басней пустыхъ, гнилыхъ и академическихъ, свойственныхъ хитрословному высокоумію, что достигается прилежнымъ храненіемъ богодохновенныхъ заповѣдей*". Таковъ общій выводъ всѣхъ полемическихъ статей М. Грека.

Въ заключеніе замѣтимъ, что М. Грекъ, какъ мы сказали, задался болѣе широкой цѣлью—дать систематическій отпоръ анти-религіознымъ и анти- православнымъ ученіямъ, проникавшимъ въ общество посредствомъ письменныхъ источниковъ и болѣе близкаго общенія съ иноземцами и иновѣрцами. По крайней мѣрѣ впослѣдствіи въ посланіи къ м. Макарію онъ ставилъ себѣ въ заслугу то, что онъ много написалъ „словесъ" на большія ереси—на іудеевъ, агарянъ и самихъ еллиновъ и на звѣздочетцевъ, подразумѣвая подъ этими послѣдними вообще латинянъ, а „слова" эти въ совокупности составляютъ какъ бы сводъ догматическаго богословія, изложеннаго въ полемическихъ статьяхъ, вполнѣ удобныхъ для пониманія его современниковъ [1]).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Сочиненія Максима Грека, вызванныя распространеніемъ звѣздочетства.—Астрологія на Западѣ.—Характеръ астрологическихъ статей, извѣстныхъ въ Россіи.—Обличенія, направленныя противъ нихъ.—Полемика Максима Грека.—Идея о близкой кончинѣ міра.—Происхожденіе ея и распространеніе въ Россіи.—Отношеніе къ ней Максима Грека.

I.

Въ непосредственной связи съ полемико-богословскими сочиненіями Максима Грека находятся его сочиненія, направленныя противъ звѣздочетства и тѣхъ общественныхъ явленій, которыя были вызваны распространеніемъ астрологическихъ сочиненій въ Россіи. Какъ близкій свидѣтель увлеченія астрологіей на Западѣ, М. Грекъ съ особенной настойчивостью выступилъ противъ ея адептовъ, имѣвшихъ боль-

[1]) Сюда относятся 16 его „словъ", занимающихъ 355 страницъ.

шой успѣхъ не только среди русскихъ книжныхъ, людей, но и у лицъ, близкихъ къ нему, такъ какъ этими мнѣніями затрогивались существенные вопросы догматическаго ученія: о промыслѣ, предопредѣленіи, свободной волѣ и т. п., имѣвшіе ближайшее отношеніе къ нравственной дѣятельности человѣка, покоящейся на однихъ религіозныхъ представленіяхъ.

„Астрологія, говоритъ Шлейденъ, современна первобытному, сознавшему себя человѣчеству; никакая борьба противъ нея, даже до нашего времени, не могла ее вытѣснить. Церковь, въ апогеѣ своего могущества, была безсильна противъ астрологовъ. Римскіе и нѣмецкіе императоры тщетно силились преслѣдовать ихъ. Все шире и шире распространялась и проникала астрологія въ сокровенную жизнь человѣка въ средніе вѣка. Пустивъ безчисленные корни въ богословіе, опредѣляя государственныхъ людей помощію гороскопа и эллекцій, основывая календари, управляя медициной, она сдѣлала такіе успѣхи, что наконецъ приговоры ея привели въ ужасъ всю Европу; сильные и слабые міра сего трепетали отъ предвозвѣщавшаго ею приближенія кончины міра“ [1]). Астрологія находилась въ большомъ уваженіи у іудеевъ, индійцевъ, китайцевъ, аравитянъ и вообще у восточныхъ народовъ. Происхожденіе ея обыкновенно приписываютъ вавилонянамъ или халдеямъ. Въ числѣ найденныхъ въ Ассиріи плитокъ есть много календарей. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ находимъ обозначеніе счастливыхъ и несчастныхъ дней, другіе указываютъ на вліяніе звѣздъ на каждый день года, съ наставленіемъ какъ отклонить отъ себя несчастіе. Астрологія тѣсно была связана съ астрономіей и была чрезвычайно развита въ Халдеѣ. При Саргонѣ Старшемъ появился цѣлый трактатъ по астрологіи, въ которомъ изложены были указанія о вліяніи на нашу жизнь солнца, луны, звѣздъ, планетъ и предсказанія для отдѣльныхъ мѣсяцевъ, затменій и т. п. [2]). Имя „халдея“ въ Римѣ было однозначущимъ съ именемъ „математика“ или „астролога“. Въ Греціи астрологи безпрепятственно предсказывали судьбу людей по положенію звѣздъ вовремя рожденія [3]). Въ Римѣ они подвергались нѣсколько разъ изгнанію, какъ во время республики, такъ и во время имперіи [4]). Однако и между учеными римлянами были люди, вѣрившіе въ астрологію. Такъ,

[1]) Шлейденъ, Этюды, 193.

[2]) Menant, La bibliothèque du palais de Ninive, P. 1880.

[3]) Whewell, Gesch. der induct. Wissensch., I, 269; также у Никифора Григоры, кн. V, гл. 15, и особенно у Анны Комненъ, кн. VI, гл. 7.

[4]) Tacitus, Annal. II, 39; XII, 52; Histor., I, 22; II, 62.

Сенека принималъ вліяніе планетъ за несомнѣнное, а Тацитъ въ своихъ лѣтописяхъ сдѣлалъ даже большое отступленіе въ защиту науки гадателей.

„Когда я слышу подобныя вещи, говоритъ онъ, во мнѣ раждается недоумѣніе: подвержена-ли участь смертныхъ необходимымъ и неизмѣннымъ законамъ судьбы, или просто случаю? Даже между древнѣйшими мудрецами и послѣдователями ихъ найдешь большое разногласіе на этотъ счетъ. Одни полагаютъ, что боги не думаютъ ни о рожденіи, ни о смерти, ни вообще объ участи людей, потому что часто можно видѣть, какъ несчастны достойные люди, и какъ счастливы злодѣи. Другіе, напротивъ того, думаютъ, что все подчинено неизмѣннымъ законамъ предопредѣленія, зависящаго не отъ положенія звѣздъ, а отъ общаго хода, отъ общей связи законовъ природы. Они, правда, допускаютъ въ человѣкѣ свободу дѣйствія, но ограничиваютъ ее тѣмъ, что первый поступокъ необходимо влечетъ за собою опредѣленныя послѣдствія: они понимаютъ добро и зло не такъ, какъ понимаетъ ихъ большинство; приводятъ, что человѣкъ, подвергающійся безпрестанно неудачамъ, бываетъ иногда счастливъ, а богачъ, купающійся въ золотѣ, нерѣдко несчастливъ, если только первый съ твердостію переноситъ горе, а второй не умѣетъ пользоваться фортуной. Впрочемъ, большую часть людей не разубѣдишь въ томъ, что будущность каждаго предопредѣлена при самомъ рожденіи. *Часто предсказанія не сбываются, но въ этомъ виновато невѣжество гадателей, а не наука, вѣрности которой можно найти ясныя доказательства теперь и въ древности. Сынъ Тразилла предсказалъ Нерону вступленіе на престолъ*“... (Annal, VI, 22).

По свидѣтельству Тертулліана, современники любили совѣтоваться съ астрологами о продолжительности жизни императоровъ, а рабы съ гороскоповъ о жизни своихъ господъ [2]); Амміанъ Марцеллинъ говоритъ о знати, что большая часть изъ ея членовъ не рѣшится взять ванну, обѣдать, или идти на прогулку, не сообразившись прежде съ предписаніями астрологіи (календаря) о положеніи Меркурія или видомъ луны [2]). Въ средніе вѣка Востокъ славился большими астрологическими

[1]) Tertul., Apolog. xxxv.

[2]) Rerum gestarum 1. XXVIII, cap. iv, 24; Гиббонъ, гл. xxxi.

Въ нашихъ трепетникахъ видятъ отрасль древней астрологіи (Ѳ. Зѣлинскій, Вѣст. Евр. 1901, №№ 10 и 11); Къ литер. трепетниковъ, С. П. Шестакова, Каз. 1909, изъ Труд. Общ. ист. и этногр., 1910; Зам. о лунникахъ и трепетникахъ, Н. Кононова (Труды Славян. ком. И. М. Арх. общ., IV, 1907).

школами, между которыми болѣе другихъ была извѣстна школа въ Балкѣ—въ сѣверной Персіи; въ ней воспитывалась большая часть восточныхъ астрологовъ [1]). Муза гадалъ по звѣздамъ о завоеваніи Испаніи [2]). Константинъ Багрянородный рекомендовалъ брать въ дорогу Сонникъ Артемидора и трактатъ о примѣтахъ. Вообще въ Византіи астрологія была модой [3]). Въ западной Европѣ особенно содѣйствовали распространенію астрологіи—аравитяне. Монахъ Діонисій, преподаватель богословія и философіи въ Парижѣ и извѣстный какъ предсказатель, пользовался особымъ уваженіемъ у Роберта, короля неаполитанскаго, отъ котораго и получилъ епископство. Даже Петрарка оплакалъ его смерть въ стихахъ, въ которыхъ особено хвалитъ его способность узнавать по звѣздамъ [4]). Астрологіею увлекались такіе люди, какъ Марсилій Фичинъ, но Пикъ-ди-Мирандола жестоко нападалъ на нее (см. в. сс. 95, 123—132). М. Грекъ говоритъ: „О, сколько найдешь въ итальянскихъ училищахъ и въ Италіи страдающихъ этимъ недугомъ, который заставляетъ скрывать одинъ страхъ папскихъ наказаній“ [5]). Однако были папы (Павелъ III и др., см. в., с. 94—96), которые ничего не предпринимали безъ предварительнаго наблюденія созвѣздій [6]). До XVII-го столѣтія рѣдко какой изъ европейскихъ дворовъ обходился безъ астролога [7]). Альфонсъ Кастильскій, Людовикъ XI и Рудольфъ II жертвовали

---

[1]) Этюды, стр. 227.

[2]) См. сказаніе Тарикъ-ибнъ-Нагиба у Dozy въ Recherehes sur l'hist. et littérat. de l'Espagne, I, 32.

[3]) Коршъ, Ист. всеобщ. литер., II, 565.

[4]) ...Quis tecum consulet astra,
Fatorum secreta movens, aut ante notabit
Succesus belli dubios, mundique tumultus,
Fortunasque ducum varias?

Histoire des Italiens, par César Cantu, VII, 46, 47. По наблюденіямъ звѣздъ были заложены: въ 1470 г. замокъ Пезаро, въ 1492 укрѣпленіе Феррары, въ 1499 крѣпость Мирандола. Флорентійцы въ 1494 г. пожаловали жезлъ предводителя Павлу Вителло въ часъ, назначенный по звѣздамъ. Петръ д'Альбано, на основаніи стеченія планетъ, объяснялъ измѣненія правленій, законовъ, религій, появленіе Новуходоносора, Моисея, Александра В., Магомета. Петръ Ландино, комментируя Данте, писалъ, что въ 1483 г., 25 ноября, при стеченіи Сатурна съ Юпитеромъ въ знакѣ Скорпіона, произойдетъ и перемѣна религіи, (Cantu, VII, 46, 48).

[5]) Сочин. М. Грека, I, 374. Нѣк. гуманисты, какъ Поджіо и др., вѣрили въ каббалистику и чудеса (Бурхардтъ, 430, 434), какъ и Рейхлинъ (Вѣст. Евр. 1882, VI, 269).

[6]) Ранке, I, 195. Нѣкоторые изъ папъ считались просто волшебниками (Вѣст. Евр. 1882, VI, 267).

[7]) Schlosser, Weltgesech., X, 427; рус. изд., 397.

большія суммы на астрологію. Маргарита Наварская вывезла изъ Италіи двухъ братьевъ—астрологовъ Руджіери и обращалась (въ 1556) къ знаменитому въ Парижѣ астрологу Нострадамусу, прося его составить гороскопы для молодыхъ принцевъ. Въ Ле-Галь она построила башню для своихъ астрологовъ и туда ходилъ король (Генрихъ II), чтобы узнать какою смертью онъ умретъ [1]). Извѣстно, какое широкое значеніе астрологія играла въ дѣйствіяхъ и судьбѣ Валленштейна [2]), нашедшая воспроизведеніе у Шиллера. Даже среди просвѣщенныхъ людей чтеніе древнихъ философовъ легко уживалось совмѣстно съ гаданіями по планетамъ и звѣздамъ о будущихъ событіяхъ и судьбѣ князей и народовъ [3]), и такой сильный умъ, какъ Макіавелли, думалъ связать политическіе и религіозные перевороты съ періодами въ расположеніи звѣзднаго неба [4]). Съ XVI в. астрологія перешла въ календари и народную политику [5]), и Максимъ свидѣтельствуетъ, что альманахи въ Италіи переписывались и расходились въ большомъ количествѣ. Вспомнимъ всеобщее средневѣковое убѣжденіе, высказанное и нашимъ лѣтописцемъ, что небесныя явленія бываютъ или „на добро или на зло“ [6]), и понятно будетъ, что астрологическія предсказанія, какъ открывавшія неизвѣстное будущее, должны были имѣть сильное вліяніе на массу. Обратимся къ Россіи.

Въ извѣстіяхъ лѣтописцевъ о появленіи кометъ и измѣненіи солнца и луны съ замѣчаніями о предзнаменованіяхъ видно отраженіе той же вѣры въ силу вліянія небесныхъ свѣтилъ на умы. Митр. Кипріанъ въ статьѣ объ отреченныхъ книгахъ упоминалъ „астрономію сирѣчь звѣ-

---

[1]) Рус. Стар. 1906, № 5, с. 420; Вѣст. Евр. 1878, II, 180, 183.—Но Рабле осмѣивалъ астрологію и разныя гаданія, между прочимъ по Виргилію (185, 196). Предсказаніямъ Нострадамуса († 1566) вѣрили также Екатерина Медичи и Карлъ IX, который сдѣлалъ его придворнымъ докторомъ. Темныя, б. ч. пессимистическія предсказанія его излагались въ варварскихъ стихахъ. Онъ издавалъ ихъ въ свѣтъ, а въ новѣйшее время ихъ напеч. Уардъ (Oracles of Nostradamus), съ новыми комментаріями (Ист. Вѣстн. 1892, № 4, 295).

[2]) Любопытна переписка по этому поводу между Шиллеромъ и Гете (В. Евр. 1894, № 4, с. 642—644).

[3]) Д. Штраусъ, Ульрихъ фонъ-Гуттенъ. 209.

[4]) Стасюлевичъ, Обз. сист. филос. ист., 46, 47.

[5]) Этюды, 235.

[6]) См. лѣтописи подъ 1064, 1102, 1113, 1161 г. Такъ, на Западѣ появленію кометъ приписывали или признакъ божьяго гнѣва, призывающаго къ покаянію, или предвѣстіе голода, чумы и т. п. См. Vita S. Hludovici imperatoris y Pertz'a, Monum., II, 607; Ліутпранда, Antapodosis, кн. V, въ Monum. Germ. III; Титмаръ, Хроника, IV, у Pertz'a, III. Русскія лѣтописи стоятъ на той же точкѣ зрѣнія.

здочетство“ [1]), Въ XV и XVI вв. астрологическія статьи были, однако, сильно распространены, чему особенно способствовали какъ еретики, такъ и иностранцы, проживавшіе въ Россіи. О Схаріи замѣчено, что онъ „былъ изученъ всякому злодѣйскому изобрѣтенію, чародѣйству же, чернокнижію и звѣздозаконію и съ астрологами жилъ въ градѣ, нарицаемомъ Кіевъ“. Потомъ онъ явился въ Новгородъ и пріобрѣлъ тамъ послѣдователей жидовству, въ числѣ которыхъ были—попъ Алексѣй и попъ Денисъ, взятые Иваномъ III въ Москву, гдѣ „многихъ прельстили“, а въ томъ числѣ и придворныхъ вел. князя: Курицына, Истому, Сверчка и купца Клепова. „Θедоръ же Курицынъ, Истома, Сверчокъ и Семенъ Клеповъ многихъ научили—жидовствовать, и такое дерзновеніе тогда имѣли къ Державному протопопъ Алексѣй и Θедоръ Курицынъ, какъ никто иной, ибо звѣздозаконію прилежали, и многихъ баснословіемъ и астрологіей чародѣйству и чернокнижію научили, поэтому многіе къ нимъ уклонились и погрязли въ глубинѣ отступленія“ [2]), говоритъ современникъ. Эти знатоки астрологіи учили, по звѣздамъ смотрѣть и распологать, какъ рожденіе, такъ и всю жизнь человѣка, божественное же писаніе презирать какъ несущественное и ненужное для людей [3]). Замѣчательно, что занятіе Схаріи астрологіею соединяется съ его пребываніемъ въ Кіевѣ, куда скорѣе всего могли проникать астрологическія сочиненія изъ Польши и Германіи Въ Польшѣ рукописные календари съ астрологическими предсказаніями появляются уже въ XIII в., а печатные, какъ и въ Германіи, въ концѣ XV столѣтія. Въ одной рукописи, писанной полууставомъ XV в., находится наставленіе „о дняхъ, въ которые слѣдуетъ отъ всего охранять себя“ и, по правописанію, несомнѣнно, что сборникъ, въ которомъ эта статья помѣщена, написанъ въ южной Руси [4]). Въ 1559 г. въ Москву прибыло датское посольство во главѣ съ Клаусомъ Угрое, который въ числѣ подарковъ, поднесенныхъ царю, доставилъ прекрасной работы часы. Сначала они были приняты благосклонно, но потомъ, на третій день, присланы съ множествомъ учтивостей и извиненій обратно, такъ какъ, объяснялось, христіанскому царю нечего дѣлать съ планетами и знаками [5]). Нѣсколько позже жилъ въ Москвѣ англичанинъ Францъ Мурреръ, который также былъ преданъ астрологіи [6]).

[1]) Опис. рукоп. Рум. муз., стр. 716.

[2]) Вивліоѳика, т. XIV, 129, 130, 132, и 3-е посланіе Игнатія Тобольскаго, Прав. Соб. 1855 г. кн. I, 72 и отд.

[3]) Вивліоѳика, т. XIV, 137; Просвѣтитель, 43.

[4]) Wiszniewsiki, Hist. liter. pols., IV, 172 и слѣд.—Литература и наука при Петрѣ В., Пекарскаго, I, 278—28.

[5]) Аделунгъ, I, 144.

[6]) Гамель, 123.

Домострой свидѣтельствуетъ о распространеніи альманаховъ. Ими интересовались и духовныя лица, какъ видно изъ того, что одинъ игуменъ, киръ Алексѣй, заказалъ списать таковой нѣкоего Ивана, писавшаго книгу альманахъ (календарь) „отъ еллинскихъ и латинскихъ ученыхъ (докторъ), вѣдущихъ добрѣ звѣздная теченія и лѣкарскія науки, ихъ же азъ готовая ученія обрѣтохъ, собравъ воедино и вамъ, исправя, предложихъ“. И далѣе: „календарь сирѣчь святцы по еллинскому и латинскому обычаю, якоже римстіи и еллинстіи астрологи знаменуютъ“ (Соболевскій, Перев. лит. 132—134). Въ библіотекѣ Бориса Годунова называются: „Тетрадь въ полдесть, травникъ нѣмецкой печатной, 5 тетрадей въ полдесть, выписано изъ звѣздочетья, 2 книги въ десть, польскіе, печать литовская“ (Бѣлокуровъ, О библіотекѣ, 322). Объ отношеніи астрологическихъ вѣрованій и позднѣйшихъ календаряхъ, гдѣ удерживались предсказанія на разныя политическія темы (Пекарскій, Наука и лит., I, 277—313); Древне-рус. отречен. вѣрованія (Аристотелевы врата) и календарь Брюса, Извѣкова (Ж. М. Н. Пр. 1874 г. №№ 3 и 4); о разн. альманахахъ, громникахъ и пр. А. Архангельскій (Уч. зап. Казан. унив. 1900, № 9). М. Н. Сперанскій. Изъ ист. отреч. книгъ. Арист. врата и тайная тайныхъ, Спб. 1908.

По свидѣтельству Контарини, во время зимы въ Москву съѣзжалось множество купцовъ изъ Германіи и Польши для покупки мѣховъ [1]); эти купцы могли привозить съ собою и календари, что подтверждается болѣе позднимъ извѣстіемъ [2]). Такъ, Маскевичъ въ своемъ „Дневникѣ“ говоритъ: „Въ правленіе извѣстнаго тирана (Іоанна IV) одинъ изъ нашихъ купцовъ, пользовавшихся правомъ пріѣзжать въ Россію съ товарами, привезъ съ собою кучу календарей; царь, узнавъ о томъ, велѣлъ часть этихъ книгъ принесть къ себѣ. Русскимъ они казались очень мудреными; самъ царь не понималъ въ нихъ ни слова, поэтому, опасаясь, чтобы народъ не научился такой премудрости, приказалъ всѣ календари забрать во дворецъ, купцу заплатить сколько потребовалъ, а книги сжечь“ [3]). И у М. Грека есть прямое указаніе на то, что иностранцы, проживавшіе въ Россіи, распространяли между русскими астрологическія свѣдѣнія. Въ „словѣ обличительномъ на альманаха“, обращаясь къ распространителямъ ихъ, онъ говоритъ

[1]) Библ. иностр. писат. о Россіи, т. I, 111.

[2]) О нѣмец. календаряхъ. (В. Румянцевъ, Ист. книгопеч., 12).

[3]) Сказанія соврем. о Димитріѣ Самозванцѣ, II, 55, 56.

Для новорожденнаго Петра В. былъ составленъ гороскопъ (Москвит. 1842, I).

такъ: „иногда латинскими злоученіями не боитесь развращать апостольское и отчепреданное мудрованіе, иногда же валаамовыми злоухищреніями и бѣсовскими гаданіями по звѣздамъ увѣщевать простыхъ людей, стараясь низвести въ ту же пропасть множество вѣрныхъ“ [1]). Въ приведенномъ мѣстѣ прямо указывается, что въ распространеніи звѣздочетства при М. Грекѣ участвовали тѣ же лица, которыя дѣйствовали въ пользу латинства, и въ своихъ обличеніяхъ на звѣздочетство онъ болѣе всего нападаетъ на „латиномудрствующихъ германъ“, нѣмцевъ, старающихся таковую прелесть вкоренить въ мысляхъ православныхъ [2]).

II.

Нѣкоторые думали, что М. Грекъ свои сочиненія на звѣздочетство писалъ противъ Коперника [3]); обыкновенно же полагали, что они направлены противъ Николая Шонберга, будто бы бывшаго въ Россіи. Но еще Востоковъ, допуская, что Шонбергъ писалъ „о соединеніи русомъ и латыномъ“, замѣчалъ „тотъ-ли самый это Николай Нѣмчинъ, который и астрологіей занимался,—сіе требуетъ изслѣдованія“ [4]). Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что распространителемъ астрологическихъ свѣдѣній въ Россіи при М. Грекѣ былъ не Николай Шонбергъ, но тотъ же Николай Люевъ, о которомъ мы уже говорили и о которомъ Фр. да-Колло отозвался, какъ объ ученомъ астрологѣ (см. выше, стр. 229 [5]), между тѣмъ какъ Николай Шонбергъ вовсе въ Россіи не былъ. Да и самъ М. Грекъ писалъ сочиненіе противъ звѣздочетства на имя того же Ник. Нѣмчина, къ которому относятся нѣкоторыя изъ его обличеній противъ западной церкви [6]).

Изъ сочиненій Максима мы узнаемъ, что Николай Нѣмчинъ успѣлъ склонить къ астрологіи извѣстнаго Карпова, вступившаго по этому поводу въ переписку съ Максимомъ [7]), и одного инока, бывшаго игуменомъ, съ которымъ М. Грекъ находился въ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ [8]). Изъ посланія Филоѳея къ Мунехину слѣдуетъ, что Ник.

[1]) Сочин. М. Грека, I. 257, 258.

[2]) Ibid. I, 378, 379, 442, 449.

[3]) Опис. рукоп. Толстого, предисл. L—LI.

[4]) Опис. рукоп. Рум. муз., с. 371. О близости Коперника къ кардин. Николаю Шонбергу (Уэвелль, I, 474, 584). Коперникъ былъ въ Италіи одновременно (съ 1495 г.) съ М. Грекомъ. О Николаѣ Шонбергѣ, Пекарскій, Литер. при Петрѣ В. I, 277 и далѣе; А. Архангельскій (Уч. зап. Каз. унив. 1900 г., № 9, с. 41).

[5]) Карамзинъ, VII, прим. 358.

[6]) Сочин. I, слово XXI.

[7]) Ibid., I, 347.

[8]) Ibid., I, 446—447.

Нѣмчинъ писалъ къ послѣднему посланіе астрологическаго содержанія [1]). Дѣйствительно, звѣздочетство тогда имѣло большой успѣхъ между русскими. М. Грекъ писалъ, что и „мудростію великіе нѣкоторые, какъ оказывается, причастны этому ученію". Карповъ полагалъ „звѣздозрѣнія прелести нужной быть христіанамъ и весьма потребной" [2]); неизвѣстный инокъ „въ разумѣ богодухновенныхъ писаній искуснѣйшій болѣе другихъ своихъ сверстниковъ, самъ мудрствовалъ *и иныхъ увѣщевалъ* признавать колесомъ счастія (назыв. полатыни фортуна) Христа Бога правящимъ и устраивающимъ дѣла человѣческія, какъ-то однихъ возводя на высоту власти, а другихъ низводя въ послѣднее безчестіе и безславіе". Нѣкоторые говорили, что астрологіей слѣдуетъ заниматься уже потому, чтобы не смѣялись иностранцы („срамоты для иноземцевъ"), что̀ показываетъ большое значеніе въ этомъ отношеніи этихъ послѣднихъ [3]). Такое увлеченіе русскихъ звѣздочетствомъ вполнѣ понятно, когда Иванъ Грозный справлялся у астрологовъ, по случаю появленія кометы, о своей болѣзни [4]), а Борисъ Годуновъ, при появленіи кометы въ 1604 году, обращался за совѣтомъ къ одному старцу [5]).

III.

Но уже у римлянъ мы встрѣчаемъ выраженія, направленныя противъ астрологовъ. Цицеронъ указывалъ на огромную разницу въ характерѣ и судьбѣ тѣхъ лицъ, которыя родились въ одно время, и представлялъ въ примѣръ неудавшіяся предсказанія относительно Помпея. Красса и Ю. Цезаря, которымъ астрологи обѣщали славную старость и спокойную смерть; наконецъ онъ приводитъ въ опроверженіе большое разстояніе планетъ сравнительно съ разстояніемъ луны отъ земли; здѣсь онъ говоритъ: „какое вліяніе могутъ на насъ оказывать тѣ предметы, которые почти въ безконечномъ разстояніи отстоятъ отъ насъ?" [6]). Противъ астрологіи высказался и Плиній Старшій. „Гомеръ, говоритъ онъ, передаетъ намъ, что Гекторъ и Полидамъ родились въ одну и ту же ночь — люди столь различнаго характера. И развѣ не раждаются въ одинъ и тотъ же часъ, въ каждой странѣ міра, вмѣстѣ господа и рабы, цари и нищіе"? [7]). Отцы церкви сильно вооружались противъ звѣздочет-

---

[1]) В. Малининъ, Старецъ Филоѳей, 252—300.

[2]) Сочин. М. Грека I, 348. 433.

[3]) Сочин., I, 364, 447.

[4]) Горсей, лѣт., изд. Львовымъ, Латух. Степ. книга (Карамзинъ, IX, 256—257, прим. 751—758).

[5]) Буссовъ, Лѣтопись московская, с. 38.

[6]) Cicero, De Divin. II, 42.

[7]) Plinius, Hist. Natur., VII, 49.

ства. На Западѣ, не смотря на всеобщую распространенность астрологіи,—папы угрожали наказаніями ея приверженцамъ, но и сами увлекались общимъ теченіемъ. Итальянскій монахъ Іоаннъ де-Чіо опровергалъ предсказанія астрологовъ, а другой монахъ Журденъ де-Ривальта въ началѣ XIV в. проповѣдывалъ на площади св. Маріи Новой противъ тѣхъ, которые вѣровали во вліяніе звѣздъ [1]). Въ „Зерцалѣ", переведенномъ у насъ въ XVII в. и особенно распространенномъ на Западѣ въ средніе вѣка, въ числѣ другихъ обличеній встрѣчаются и на звѣздочетство [2]). Наши индексы ложныхъ книгъ и другіе литературные памятники указываютъ и на такія статьи, которыя имѣютъ отношеніе къ звѣздочетству [3]). Въ духовныхъ наставленіяхъ встрѣчаемъ возраженія противъ „зрѣнія солнцу, лунѣ и звѣздамъ", противъ „соблюденія добрыхъ и злыхъ дней", „високоснаго года" (относительно растеній [4]); въ нихъ запрещается „учиться астрологіи и вѣровать въ весь мартолой проклятый", а соблюденіе дней предается проклятію [5]).

Обличенія М. Грека на звѣздочетство были вызваны совершавшимися на его глазахъ фактами. Съ одной стороны онъ видѣлъ увлеченіе астрологіей и другими гаданіями, а съ другой—старанія нѣкоторыхъ лицъ распростанить ихъ въ народѣ. И то, и другое поддерживалось распространеніемъ западныхъ источниковъ „прелести латиномудрствующихъ германъ", и то, и другое требовало обличенія, какъ „развращеніе отчепреданнаго мудрованія" и „соблазнъ бѣсовскими звѣздъ угаданіями" [6]), тѣмъ болѣе, что мнѣнія эти нашли благопріятный пріемъ

---

[1]) César Cantu, Hist. des Italiens, VII, 48.

[2]) Пыпинъ, Очер. литер. ист. повѣсти и сказ. рус., Учен. зап. Ак. Н., кн. IV, 199—201. О тетрадяхъ лживыхъ моленій и заговоровъ. Будде (Уч. зап. Казан. унив. 1898, № 9).

[3]) Опис. рукоп. Рум. муз., 716; Рус. расколъ, Щапова, 419, Домострой, Временникъ, I, 38 и Стоглавъ.

[4]) Сочин., I, 339, 340, 342.

[5]) Арх. истор. юрид. свѣд., II, ч. 1, с. xxvi. О различіи Лунника астрологическаго и календарнаго, обличенія противъ него анонима (XV в.), Филоѳея и М. Грека. См. В. Н. Перетцъ, Къ исторіи апокрифа и легенды. Къ ист. Громника и Лунника (Изв Ак. Н. 1901, III и IV, изслѣдов. и тексты.); также о вліяніи обличеній на индексъ запрещен. книгъ (Лѣт. зан. Арх. ком., кн. I, 43—44). Подробно объ увлеченіи лунникомъ въ анонимн. поученіи (Лѣт., Тихонравова, V, 99—100). О календаряхъ и планетникахъ (Соболевскій, Перев. литер. 132—133). Библіотека Моск. Синод. типогр. I, в. V. Календари и святцы, А. Покровскаго, М. 1911.

[6]) Сочин., I, 458.

въ средѣ русскихъ книжныхъ людей. Такъ, одновременно съ тѣмъ, какъ вступилъ въ полемику М. Грекъ (1522—23) по поводу распространенія мнѣній о звѣздочетствѣ и соединеніи церквей, написалъ длинное посланіе на ту же тему старецъ Елеазарова мон. во Псковѣ Филоѳей, вызванный на то вопросами псковскаго дьяка Мисюря Мунехина, неоднократно, конечно, бывавшаго въ Москвѣ и близко познакомившагося съ происходившими тамъ явленіями, уже намъ извѣстными. Если точка зрѣнія Филоѳея на значеніе звѣздочетства одинакова съ основнымъ взглядомъ М. Грека (Промыслъ), то въ источникахъ его произведенія (русская переводная литература) и М. Грека есть существенная разница, какъ въ разработкѣ самаго вопроса, такъ и въ способѣ полемики. Филоѳей самъ признается, что онъ „сельскій человѣкъ, учился буквамъ"; но онъ добросовѣстно собралъ все, что давала ему современная литература [1]). М. Грекъ, человѣлъ школы, не ограничивается одними полемическими пріемами, а ставитъ свою задачу гораздо шире, употребляя въ дѣло и свои знанія, и діалектическія тонкости доказательства. Есть между ними и точки соприкосновенія. Виновникъ соблазна Мунехина тотъ же Николай Нѣмчинъ, тѣ же тетрадки о звѣдочетствѣ, то же соприкосновеніе съ вопросами о соединеніи церквей и предсказаніемъ о предполагаемомъ всеобщемъ потопѣ, на которомъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается Филоѳей, въ связи съ вопросомъ о лѣтосчисленіи, которымъ интересовался Мунехинъ, вызванный очевидно на сомнѣнія предсказаніями Николая Нѣмчина. Съ этими вопросами мы встрѣтимся далѣе.

По разсматриваемому нами вопросу М. Грекъ написалъ слѣдующія сочиненія: „Посланіе Ѳеодору Карпу (Карпову) Ивановичю" [2]); „Слово о томъ, что промысломъ Божіимъ, а не звѣздами и колесомъ счастія, вся человѣческая устрояются" [3]); „Слово противутщащихся звѣздозрѣніемъ предрицати о будущихъ и о самовластіи человѣкомъ" [4]); „Посланіе къ нѣкоему князю, слово поучительно о прелести звѣздочетстѣй и утѣшительно живущимъ въ скорбѣхъ" [5]); „Посланіе нѣкоему иноку, бывшему въ игуменѣхъ, о нѣмецкой прелести, глаголемѣй фор-

---

[1]) Подробно см. въ соч. В. Малинина, Старецъ Филоѳей и его посланія (стр. 265—321). О Мис. Мунехинѣ также Гамель, 172, 175.

[2]) Сочин., I, 347, слово XVI.

[3]) Ibid., 377, сл. XVII.

[4]) Ibid. 399, сл. XVIII.

[5]) Слово XIX, 435—446, 455. По указ. опис. рукоп. Царскаго, сл. № XVII написано въ 1523 г. и сл. № XVI—въ 1524. Звѣздочетства касается М. Грекъ и въ посл. къ кн. Петру Ив. Шуйскому (II, слово XXXVII).

тунѣ и о колесѣ ея“ [1]); „Слово на Николая Нѣмчина, прелестника и звѣздочетца“ [2]); „Слово обличительно отчасти латынскаго злословія, въ немъ же и на альманаха, иже возвелерѣчевавша потопа всемірнаго быти, иже нѣкогда поминаемыхъ губительнѣйша“ [3]). Кромѣ того, М. Грекъ касается того же предмета въ сочиненіи: „Словеса супротивна ко Іоанну Людовику, толковнику священныя книги св. Августина, епископа иппонскаго“ [4]), въ „Бѣсѣдѣ души и уму по вопросу и отвѣту, о еже откуду страсти ражаются въ насъ, въ немъ же и о божественномъ промыслѣ, и на звѣздочетцевъ“ [5]), и въ „Словѣ на общую прелесть мечтаемыхъ во снѣ соніихъ“ (видѣніяхъ [6]).

Нѣкоторыя изъ этихъ словъ вызваны были личными отношеніями Максима Грека. Такъ, посланіе къ Карпову написано по поводу письменнаго обращенія послѣдняго, въ которомъ онъ заявилъ себя приверженцемъ астрологіи [7]); „посланіе къ нѣкоему иноку“ было написано вслѣдствіе дружескихъ отношеній къ нему Максима [8]). Кромѣ того мы должны сдѣлать еще замѣтку относительно „посланія къ нѣкоему князю“.

Посланіе это, судя по его характеру, писано къ тому же князю Димитрію, къ которому относится „Посланіе утѣшительно о терпѣніи въ скорбѣхъ“ [9]). И то и другое имѣло своимъ назначеніемъ — утѣшить страдающаго князя, доходившаго отъ постоянныхъ бѣдствій до сомнѣ-

---

[1]) Сочин., I, слово xx, 446—455. Быть можетъ Артемій (Библіографъ 1893, № 1, 85), по характеристикѣ игумена (447), но игуменомъ онъ сталъ уже въ концѣ жизни М. Грека.

[2]) Сочин., I, слово xxi, 455.

[3]) Ibid., слово xxii.

[4]) Сочин., III, сл. xxvii.

[5]) Ibid., сл. ii, II, 52—88; Опис. рук. Рум. муз. 716.

[6]) Ibid., слово vii. О гаданіяхъ, Сочин. М. Грека II, 155. О сонникахъ сербскихъ, польскихъ и русскихъ (Ист. Вѣстн. 1898 г. № 6, с. 1068—69).

[7]) Ibid., I, 347, 348.

[8]) Въ началѣ этого посланія говорится: „Сей бо воистинну вѣренъ и искреннѣйшій другъ, кто радуется отъ всей души о дѣлахъ и благоденствіи друга своего, какъ о своихъ собственныхъ; скорбитъ, когда увидитъ его заблуждающагося въ благочестіи апостольскихъ догматовъ и отеческихъ преданій, или видитъ впавшимъ въ нѣкоторыя житейскія бѣды, который, соболѣзнуя за друга своего, старается всякимъ образомъ пособить ему и въ первое познаніе привести его; вотъ почему и я, связанный любовію къ твоему преподобству, возлюбленный братъ мой, окажусь неправымъ въ законѣ святой любви, если умолчу, видя тебя идущаго въ слѣдъ еллинскаго, халдейскаго и латинскаго угоднаго бѣсамъ учительства“ (Сочин., I. стр. 447.).

[9]) Сочин. II, Сл. xxxv.

нія въ промыслѣ божіемъ. Изъ послѣдняго посланія видно (оно написано уже во время заключенія Максима), что князь Димитрій имѣлъ участь, подобную его, такъ какъ М. Грекъ пишетъ: „Благороднѣйшій господине мой князе Димитріе! прости меня Господа ради за то, что я, по многой ко всѣмъ духовной любви, дерзнулъ написать къ твоему благородію, малое мое сіе утѣшеніе, *ибо самъ, пострадавъ довольно лѣтъ, научился и иныхъ учить подобное же терпѣніе имѣть къ напускаемымъ на насъ нечаяннымъ скорбямъ неисповѣдимыми судьбами Божіими, грѣхъ ради нашихъ*“ [1]). Въ другомъ посланіи М. Грекъ, утѣшая князя, постоянно говоритъ, относясь къ нему, „о лютыхъ бѣдствіяхъ, скорбѣхъ нечаемыхъ“, „скорбѣхъ зельныхъ“, постигшихъ послѣдняго „отъ безчисленныхъ обстояній и нестроеній“, по винѣ тѣхъ, которые „тщатся на высоту суетныя славы взойти, желая всѣхъ подъ ноги свои попрать“. Такія бѣдствія заставили князя роптать на свою судьбу, вслѣдствіе чего М. Грекъ отвѣчалъ ему, что „мы сами себѣ виновны бываемъ въ достигающихъ насъ скорбяхъ и лютыхъ обстояніяхъ, нарушая спасительныя заповѣди нашего Творца“, и въ примѣръ ему ставитъ Давида, терпѣвшаго гоненія отъ Саула [2]). Въ обоихъ посланіяхъ М. Грекъ старался представить князю, посредствомъ примѣровъ и доводовъ, безполезность „безмѣрной скорби“, когда существуетъ промыслъ божій, въ которомъ Максимъ совѣтуетъ ему искать утѣшенія. Изъ посланія къ Димитрію, которое относится къ числу обличеній, направленныхъ противъ звѣздочетства, слѣдуетъ, что оно было написано во время самаго разгара борьбы М. Грека противъ астрологіи; послѣднее обстоятельство вѣроятно и побудило его указать князю на то, что звѣздочетство ведетъ къ отпаденію отъ промысла божія, точно такъ же, какъ и самъ князь дошелъ до этого, начавъ роптать на судьбу, а потому въ астрологіи нельзя искать утѣшенія.

Кто же былъ этотъ князь Димитрій, сходный по страданіямъ съ Максимомъ, которыя притомъ постигли его отъ нестроеній и продолжались такъ долго? Можно думать, что это былъ кн. Димитрій Андреевичъ, внукъ Василія Темнаго, сынъ Андрея Углицкаго. Когда Иванъ III въ 1491 г., *подъ видомъ измѣны послѣдняго* (у Максима намекъ: „желая всѣхъ подъ ноги свои попрать“, а также „нестроенія“) заключилъ его въ темницу, то два сына его подверглись заключенію въ Переяславлѣ. Одинъ изъ нихъ—Иванъ умеръ въ монашествѣ, а другой, Димитрій, содержался 49 лѣтъ въ темницѣ (къ нему „бѣдствія достигли“

[1]) Сочин., II, 393.
[2]) Сочин., I, сл. XIX.

безъ всякой вины; ему Максимъ совѣтуетъ терпѣть ихъ „Господа ради" надѣясь на его „возданіе каждому *въ будущемъ*", что, конечно, не шло бы къ обыкновеннымъ, временнымъ страданіямъ) и хотя Иванъ Грозный освободилъ его отъ оковъ (въ 1540 г.), но онъ все-таки находился въ заключеніи въ Вологдѣ, гдѣ и умеръ [1]). Къ нему и могутъ быть отнесены всѣ выраженія М. Грека. Какъ же послѣдній могъ писать посланіе къ Димитрію, не зная его самого? Это объясняется вышеприведенными словами, о его сочувствіи страданіямъ князя, вызванномъ христіанскою любовью.

Обличенія М. Грека противъ астрологическихъ предсказаній сосредоточиваются: 1) на возраженіяхъ, направленныхъ противъ звѣздочетства вообще, и 2) на опроверженіи распространеннаго альманахомъ и Николаемъ Нѣмчиномъ мнѣнія о скоромъ потопѣ и кончинѣ міра, и рядомъ съ ними идутъ обличенія Максима, писанныя противъ гаданій и примѣтъ вообще.

IV.

Вся астрологія научно развивалась подъ вліяніемъ Аристотелевскаго воззрѣнія на міръ и Птоломеевой системы [2]). Нѣкоторыя астрологическія книги носили даже имя Аристотеля, какъ „Аристотелевы Врата" или просто „Аристотель". Такое значеніе его въ глазахъ астрологовъ, при всеобщемъ уваженіи къ нему въ средніе вѣка, объясняетъ намъ еще болѣе, почему нѣкоторые обличители, считая астрологію одною изъ причинъ безбожія, относились съ видимымъ пренебреженіемъ къ греческому философу [3]).

Древніе греки учили о вліяніи или стеченіи (ἀπόρροια) звѣздъ, которымъ халдеи придали особенныя силы и на которыхъ они смотрѣли, какъ на божество. Вслѣдствіе этого, солнце, луна и планеты были отождествлены съ извѣстными богами и богинями, такъ что характеры и особенности послѣднихъ были приписываемы и планетамъ, носившимъ ихъ имена. Фантазія расширила сказанное [4]). Такъ образовалась наука, которая носила въ себѣ всѣ признаки мистицизма. Уже Аристотель систематически изложилъ ученіе о вліяніи стихій и астральныхъ духовъ на жизнь земныхъ твореній и своимъ авторитетомъ на-

---

[1]) Карамзинъ, VI, 129; VIII, 37; П. С. Р. лѣт. тт. VI—VIII.

[2]) Этюды Шлейдена, 217, глава объ астрологіи.

[3]) См. выше, стр. 130—131.

[4]) Поэтическое изложеніе древней астрологіи въ статьѣ Ѳ. Ф. Зѣлинскаго „Умирающая наука" (Вѣстн. Евр. 1901, №№ 10 и 11—о волшебствѣ и астрологіи).

долго утвердилъ достовѣрность этой науки [1]). Онъ говоритъ: „Подъ луною расположены одна надъ другою четыре стихіи; ближе всѣхъ къ лунѣ огненный кругъ, потомъ воздухъ, наконецъ въ срединѣ земля, окруженная водою. Этимъ стихіямъ соотвѣтствуютъ четыре физическія силы: двѣ дѣятельныя—теплота и холодъ, свойственныя огню и воздуху, и двѣ страдательныя—влажность и сухость, свойственныя водѣ и землѣ. Все то, что находится подъ луною въ мірѣ измѣняемаго, составлено изъ этихъ стихій и силъ. Это смѣшеніе обусловливается, поддерживается и снова уничтожается движеніями сферъ въ мірѣ неизмѣняемаго и владычествующими въ эѳирѣ астральными духами. Такимъ способомъ образуется какъ тѣло, такъ и жизнь животныхъ и растеній, такъ образуются свойственныя не безсмертному духу, но душѣ, въ тѣлѣ живущей, темпераменты человѣка, различные, смотря по преобладанію той или другой стихіи, той или другой силы. Если же сказанныя стихіи и ихъ силы составляютъ главную основу дѣятельности и свойствъ тѣла и души, и если мы видимъ, что теплота и холодъ, влажность и сухость, зависятъ отъ небесныхъ свѣтилъ и измѣняются отъ различнаго ихъ положенія, то и судьба всего живущаго должна естественно и существенно обусловливаться и опредѣляться этими небесными тѣлами и ихъ движеніемъ“. Птоломей развилъ это ученіе еще опредѣленнѣе: „Такъ какъ въ первоначальныхъ элементахъ, говоритъ онъ, два—теплота и влажность—обусловливаютъ плодородіе и жизнь, потому что изъ нихъ все развивается, черезъ нихъ соединяется между собою и укрѣпляется; напротивъ два другіе—холодъ и сухость—приносятъ вредъ, смерть и оцѣпенѣніе, отъ нихъ все сохнетъ и пропадаетъ; то, на основаніи всего этого, и между небесными свѣтилами два дѣйствуютъ благотворно: Юпитеръ, согрѣвая и увлажая, а Венера, болѣе увлажая, нежели согрѣвая, затѣмъ еще слѣдуетъ луна; два же другія свѣтила—холодный Сатурнъ и сухой Марсъ дѣйствуютъ разрушительно, непріязненно, зловредно“. Далѣе, согласно съ Галеномъ, онъ говоритъ: „между существами вообще имѣется два пола, изъ коихъ въ женскомъ замѣчается болѣе сродства къ элементу влажному, а въ мужскомъ—къ теплому; поэтому планета влажная оказываетъ вліяніе на женскую натуру, а теплота на мужскую“ [2]). Вѣра въ истинность астрологіи, которая образовалась путемъ научнымъ и была принята даже людьми очень разумными, вѣра въ нее обнаружила еще гораздо

---

[1]) Whewell, Gesch. der induct. Wissenshaften, I, 269.

[2]) Этюды Шлейдена, 202, 203, 204. См. еще статью объ Аристотелѣ у Уэвелля, т. I.

большее вліяніе на спекулятивные, но нетвердые умы позднѣйшихъ философовъ, вышедшихъ изъ школъ Александріи, Аѳинъ и Рима. Отъ этого времени досталось намъ сочиненіе Прокла объ астрономіи („Tetrabiblos“, хотя Уэвелль сомнѣвается приписывать его Проклу, стр. 272), которое лучше всего показываетъ мистическое направленіе занимавшихся тогда этою наукою. „Солнце, говорится въ немъ, завѣдываетъ всѣми земными дѣлами: рожденіемъ животныхъ, произрастаніемъ плодовъ, теченіемъ воды, измѣненіемъ состоянія больныхъ и здоровыхъ въ различныя времена года и т. п. Солнце производитъ теплоту, плоды, сухость и даже холодъ, смотря по различнымъ его разстояніямъ отъ зенита. Луна, находящаяся ближе всѣхъ планетъ къ землѣ, имѣетъ наибольшее вліяніе на нее; съ луною симпатизируютъ всѣ одушевленные и неодушевленные предметы; воды рѣкъ падаютъ и подымаются, смотря по измѣненію ея свѣта; отливъ и приливъ моря обусловливаются ея восхожденіемъ и захожденіемъ; съ нею сообразуются рожденіе и смерть растеній и животныхъ“. Послѣ этого введенія, Проклъ переходитъ къ ученію астрологіи. „Солнце, говоритъ онъ, есть причина жары и сухости; сила его по природѣ ограничена, но гораздо значительнѣе, чѣмъ остальныхъ небесныхъ свѣтилъ, по причинѣ его величины и измѣненія временъ года, которыя отъ него зависятъ. Природа луны по преимуществу сырая; такъ какъ она находится наиближе къ землѣ и притягиваетъ пары, которые подымаются отъ сырыхъ тѣлъ, отчего тѣла подъ ея вліяніемъ становятся мягкими и склонными къ гніенію. Но отъ свѣта, который заимствуетъ луна отъ солнца, она удѣляетъ землѣ также достаточную долю теплоты. Сатурнъ холоденъ и сухъ, потому что онъ наиболѣе удаленъ и отъ согрѣвающей силы солнца, и отъ сырыхъ паровъ земли... Марсъ сухъ и золъ по причинѣ своей огненной природы, что дѣйствительно видно и изъ его цвѣта. Юпитеръ и Венера обладаютъ благотворною смѣсью теплоты и сырости, а Меркурій, по своему характеру, очень измѣнчивъ“ [1]). Далѣе, фантазія средневѣковыхъ мистиковъ обращала вниманіе на то, что однѣ планеты считались мужскаго, другія женскаго рода, основываясь на миѳологическихъ или даже этимологическихъ соображеніяхъ, и на то, что однѣ планеты считались дневными, а другія ночными, или тѣми и другими вмѣстѣ.

Такое же сильное вліяніе приписывалось неподвижнымъ звѣздамъ и звѣздамъ зодіака. Каждый изъ двѣнадцати знаковъ зодіака управлялъ отдѣльною частью человѣческаго тѣла. Но особенно важнымъ въ гла-

[1]) Proclus, Tetrabiblos, I, 2, 4; Whevell, I, 272 и д.

захъ астролога считался тотъ знакъ зодіака, который приходился во время рожденія человѣка. Онъ служилъ указателемъ послѣдующей его судьбы. Вся окружность неба раздѣлялась „на двѣнадцать домовъ" (по знакамъ), по которымъ предсказывали о жизни и смерти, о бракѣ и дѣтяхъ, о богатствѣ и почестяхъ, о друзьяхъ и врагахъ.

Благодаря характеру арабовъ, астрологія у нихъ пользовалась большимъ уваженіемъ. Альбумасаръ изъ Балка (въ Хорасанѣ) считался у нихъ величайшимъ астрономомъ и извѣстнѣйшимъ астрологомъ. Онъ жилъ въ IX в. и написалъ сочинеціе: „De magnis conjunctionibus, annorum revolutionibus ac eorum perfectionibus", которое въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій высоко цѣнилось въ Европѣ. Въ XIII в. въ Испаніи жилъ Абуазенъ Гали, который написалъ сочиненіе „De judiciis astrorum" и считался классическимъ писателемъ въ астрологіи [1]). А такъ какъ опредѣленіе судьбы человѣка занимало важное мѣсто въ астрологическихъ предсказаніяхъ, то астрологи стали присматриваться къ дѣйствительному ходу событій жизни. Впрочемъ, позднѣйшіе астрологи были лишь комментаторами. Слѣдуетъ еще замѣтить, что, при всемъ разнообразіи астрологическихъ данныхъ, — стихійныя свойства планетъ (сухость и влажность, теплота и холодъ) получили перевѣсъ въ опредѣленіи отношенія послѣднихъ къ физическому и нравственному міру. Подобныя же опредѣленія встрѣчаются и въ „астрологіяхъ", распространенныхъ въ Россіи.

„Вверху седьмаго небеси, говорится въ одной статьѣ, есть планитьское коло, идѣже суть двападесять пелестныя звѣзды, имъ же имена суть сіи: овенъ, юнецъ, близнецъ, ракъ, левъ, дѣва, яремъ, стрѣлецъ, козій рогъ, водолей, рыба, скорпія. Сія же дванадесять нарѣчются звѣзды нельстивыя и домове нельстивыя нарѣчются, занеже прельщаютъ насъ и тыя, якоже планите; но наче знаменія отъ нихъ же безъ льщенія отъ нихъ бываютъ въ мірѣ". Затѣмъ, указавъ способъ узнавать—какой изъ этихъ знаковъ имѣетъ значеніе въ извѣстное время, „астрологія" продолжаетъ: „овенъ, близнецъ, дѣва, рыба, и удобни же наче и добріи; ракъ, левъ, козій рогъ зліи, юнецъ, яремъ, стрѣлецъ, водолей среди злыхъ и добрыхъ, скорпія злѣйши отъ среднихъ. Не толико же елико съ иными судьбами". Ихъ астрологическое значеніе подробнѣе опредѣляется такимъ образомъ: „*Мартъ.* Отъ третьягонадесять Мартія мѣсяца всходитъ солнце на столпѣ *овеннѣмъ*, еже есть животно... *мокро и тепло*, растително мо-

[1]) Whewell, I, 274.

кротѣ и крови... должны убо щупати кровь и удалятися отъ снедей иже имать дримитъ, сирѣчь астица; ясти же сладкая и умыватися часто"... „*Іюль.* Отъ 28 Іюнія всходитъ солнце на столпѣ *раку*... еже есть вѣрно животно и *сухо*, должны убо есьмы удалятися мокротныхъ снедей, ясти елика оцтя кисла, и не коснети въ бани, умывати же и позѣ студеною водою". „*Октябрь.* Отъ 14 Октоврія восходитъ солнце на Скорпію, еже есть животно *студено и тяжко*... и начинаютъ телеса наша суха сущи омокротиватися и тыло венши, и дебелѣйша костемъ, должна убо есми тогда ясти прасовое листіе варено и пряжено, и рыбы печены, и пити вино сладко", и т. д. (Памятн. отреч. литер., Тихонравова, II, 412, 414, 398, 399, 400). На случай болѣзни человѣка давалось особенное наставленіе, напр.: „Смотри болящаго и съчти въ который день, назнаменай его недугъ, и обрящеши день паденія его; тогда разсмотри въ коемъ зодіи есть бяше луна, едва надеся въ недугъ, и аще обрящеши блюди и разсмотри добро ли есть зодіе оно, въ немъ же бѣша луна, въ день егда надеся боляй, познавай яко много поболитъ, но не умреть и аще въ зло будеть—не исцѣлѣеть. И тако считай болящихъ и не имаши солганъ быти притчею". (Пам. отречен. литер. Тихонравова, II, 414).

Кромѣ того, весьма важное значеніе въ обыденной жизни имѣли указанія достоинства дней и часовъ, основанныя отчасти на подобныхъ же, а отчасти на другихъ опредѣленіяхъ. Въ статьѣ „о дняхъ добрыхъ и „злыхъ" устанавливаются дни, которые слѣдуетъ каждому человѣку соблюдать въ томъ или другомъ отношеніи: при посадкѣ деревьевъ, предпріятіи путешествія, при куплѣ и продажѣ, лѣченіи, заключеніи брака и т. д., такъ какъ дни эти опредѣлены Богомъ. При этомъ слѣдовало обращать вниманіе „въ коемъ зодіи есть луна, аще добро есть зодіи, или зло, или посреднѣ". Но были и другія основанія для опредѣленія качества дней, напримѣръ: „Въ первый день луны Адамъ сотворенъ былъ. Тотъ день на все строенъ, купить и продать, и по водѣ плавать, сѣять и садить, и волоса урѣзать—тонкіе и гладкіе будутъ, волы учить запрягать, завѣтъ творить, святой домъ строить, погибшее скоро найдется, недужный исцѣлѣетъ до 3 дней; если родится мужескій полъ, веселъ будетъ и разуменъ во всемъ, мудрый книжникъ будетъ..., такъ и женскій полъ родится честный и вѣрный своему мужу... и невѣстей сонъ сбудется"... Въ 3-й день „Каинъ родился"—и потому обѣщается почти все худое. Далѣе слѣдуютъ указанія на сотвореніе Евы, гибель Содома и Гоморры, столпотвореніе и т. п., какъ хорошіе или опасные дни.

Достоинство часовъ обыкновенно означалось выраженіями: *добрый, злой, средній,* причемъ слѣдуетъ замѣтить, что въ опредѣленіи качества ихъ иногда соблюдается извѣстный, точный порядокъ. Такъ, начиная отъ перваго часа воскресенья и идя чрезъ всѣ дни до 24-го часа субботы, порядокъ качествъ идетъ такъ: добрый, добрый, злой, средній, добрый, злой, средній и т. д. все по 7 [1]). Изъ астрологическихъ статей особеннымъ вниманіемъ пользовались тѣ, въ которыхъ дѣло шло о какихъ-либо общественныхъ и политическихъ событіяхъ, о судьбѣ человѣка, наприм., въ родѣ „звѣздочетца 12 звѣздъ, ему же имя Шестодневецъ, въ нихъ же безумные люди вѣрующе волхвуютъ, *ища дней рожденій своихъ, сановъ полученія, бѣдныхъ напастей, различныхъ смертей, казней* (удачъ) *въ службахъ и въ ремеслахъ*“ [2]).

Почти подъ каждымъ знакомъ зодіака опредѣляется состояніе времени года („зима тепла“, „весна дождлива“, „осень ведрена“ и т. п.); потомъ указывается состояніе плодородія, болѣзни, смертность, падежъ скота, состояніе страны и торговли. Примѣры: 1-е лѣто—овенъ: аще узриши 7 звѣздъ, стоящихъ во единомъ мѣстѣ, то лѣто будетъ торговно, аще ли увидишь ихъ розно стоящихъ и верхъ у нихъ аки глава стоитъ, то надъ тѣмъ мѣстомъ или градомъ будетъ смутъ великъ, или гладъ, или моръ, или великое тому мѣсту запустѣніе“. Лѣто 4-е—ракъ (іюнь): „аще увидиши 40 звѣздъ вмѣстѣ стоящихъ, а стоячи явится собою красны, тогда туто бываетъ моръ и запустѣніе тому граду“. Лѣто 11-е—водолей (январь): „аще ли 10 звѣздъ узриши, во единомъ мѣстѣ стоятъ тихо, то будетъ все добро, аще ли ихъ узриши розно стоящихъ, то будетъ рать велика“ и т. п. А вотъ опредѣленіе характера и судьбы человѣка, по рожденію подъ извѣстнымъ знакомъ: Лѣто 1-е: аще узриши 7 звѣздъ розно стоящихъ и верхъ у нихъ аки глава стоитъ—кто родится въ тое звѣзду, будетъ счастливъ и торговецъ, станетъ ходити по многимъ странамъ, на водѣ будетъ страшливъ, а смерть ему будетъ отъ огненнаго оружія“. Лѣто 7-е (яремъ): „аще узриши 7 звѣздъ полныхъ свѣтомъ стояща—кто родится въ тое звѣзду, будетъ торговецъ, чернъ, ростомъ средній, а обычаемъ супругъ, скупъ и хитръ и остроуменъ на всякое дѣло будетъ“. Лѣто 8-е—скорпія (октябрь): „аще увидиши звѣзды стояща внѣ, а мрачна, а кто родится—будетъ быстръ и кроволюбецъ и пьяница и мятежникъ“. Лѣто 9-е — стрѣлецъ

---

[1]) Памятн. отреч. литер., Тихонравова, II, 382—384, 385, 386, 388—395.

[2]) Памятн. отреч. литер. т. I, xi; II, 422—424.

(ноябрь): „аще 4 звѣзды во единомъ мѣстѣ стоятъ—кто родится въ тое звѣзду, будетъ младенецъ немощенъ, а выроститъ, будетъ предъ царемъ въ чести великой, а кровопроливецъ людямъ". Иногда встрѣчаются замѣчанія о царяхъ и князьяхъ: Лѣто 2-е—тѣлецъ: „Цари и князи лихи бываютъ, а имъ въ то время зло бываетъ, а людемъ добро". Лѣто 4-е—ракъ: „Цари и князи будутъ живи и потомъ будетъ добро" и т. п.

По выраженію Розенкранца (Naturreligion), „чувство свободы есть первоначальный источникъ, принципъ всякаго волшебства", посредствомъ котораго человѣкъ стремится подчинить себѣ самую природу, поэтому являлось сознаніе, что астрологія, уча „по звѣздамъ смотрѣти и строити роженіе и житіе человѣческое", освобождала его отъ множества темныхъ духовъ, опутывавшихъ его на каждомъ шагу жизни, противъ которыхъ нужны были молитвы и заклинанія; астрологія указывала ему на извѣстный порядокъ природы, не подчиняющійся ихъ вліянію. И Карданъ, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и умныхъ астрологовъ (XVI в.), въ своемъ сочиненіи „De rerum varietate", говоритъ: „что кажется намъ случайнымъ, должно имѣть свою причину: *демоны не могутъ этого сдѣлать;* если бы они имѣли власть, то уничтожили бы существующій міръ; слѣдовательно *причины надобно искать въ звѣздахъ; нигдѣ не замѣчается такого удивительнаго порядка, какъ въ ихъ сферѣ*" [1]). Но, указывая на неизмѣнный порядокъ жизни, который можно опредѣлить съ самаго рожденія человѣка, астрологія тѣмъ самымъ нарушала догматъ о Промыслѣ, что значило „писаніе божественное презирать, какъ несущественное и непотребное людямъ" [2]). Замѣчательна также связь ереси жидовствующихъ, какъ раціоналистической секты, съ астрологіею, посредствомъ которой многихъ привлекали къ ней [2]). Въ свою очередь М. Грекъ, какъ мы видѣли, астрологію считалъ одною изъ причинъ безбожія. Вотъ почему Филоѳей, въ посланіи къ Мунехину, опровергая астрологическія мнѣнія, говоритъ: „А о звѣздномъ теченіи и о солнцѣ и лунѣ, да вѣсть твоя честность, что не самыя тѣ звѣзды двигаемы суть; онѣ не чувственныя, и не живыя, и не смотрятъ ни на что, ибо огонь невещественный ничего незнаетъ, но переносится невидимо ангельскими силами. Самовидецъ сему богоизбранный сосудъ апостолъ Павелъ, который третьей части тверди не дошелъ, бывъ посреди самыхъ звѣздъ, и тамъ видѣлъ самыя тѣ ангель-

---

[1]) Этюды Шлейдена, стр. 235. О немъ Уэвелль, т. II (примѣч.).
[2]) Вивліоѳика, XIV, 137; Прав. Соб. 1859, III, 59.

скія силы, которыя непрестанное служеніе имѣютъ человѣка ради: одни солнце носятъ, другіе луну, а иные звѣзды, одни воздухомъ управляютъ, другіе вѣтрами, облаками, громами, и лице земли напояютъ на произростаніе плодовъ, на весну и жатву; есть ангелы на осень и зиму..., *но перемѣны въ царствахъ и въ странахъ происходятъ не отъ звѣздъ, но отъ вседающаго Бога.* Подобаетъ же не уповать на золото и на богатство тлѣнное, но надѣяться на вседающаго Бога... звѣзды не могутъ ни въ чемъ—ни продать, ни отнять" [1]). Вотъ почему и М. Грекъ совѣтуетъ Карпову не слишкомъ удивляться красотѣ и порядку природы, чтобы не поколебать вѣры... Глубокое и продолжительное вліяніе астрологіи на европейскіе умы, быть можетъ, выказывается въ томъ обстоятельствѣ, что наиболѣе могущественные и ясные умы, дѣствовавшіе въ эпоху возрожденія науки, долго не могли стряхнуть съ себя предразсудка, что въ этомъ искусствѣ была нѣкоторая доля истины. Примѣромъ этого могутъ служить: Рожеръ Бэконъ, Карданъ, Кеплеръ, Тихо-де-Браге, Франсисъ Бэконъ..., и Кампанелла, одинъ изъ первыхъ противниковъ Аристотеля, написалъ „Астрологію, очищенную отъ всѣхъ суевѣрій евреевъ и арабовъ и изложенную физіологически" [2]). Напомнимъ здѣсь мнѣніе Гете, полагавшаго, что астрологическій предразсудокъ есть плодъ смутно сознаваемой идеи о единствѣ вселенной, о зависимости нашей отъ отдаленнѣйшихъ силъ и фактовъ въ природѣ. „Я бы не хотѣлъ, говоритъ онъ, называть это заблужденіе предразсудкомъ, оно такъ близко къ нашей природѣ, что не хуже любого вѣрованія" [3]).

На увлеченіе астрологіею М. Грекъ смотритъ, какъ на занятіе, противное священному писанію и развращающее вѣру въ промыслъ Божій. „Звѣздозрительное художество, говоритъ Максимъ, противно мудрствующимъ всѣмъ вмѣстѣ богодухновеннымъ писаніямъ" [4]), оно „божественныя законы развращаетъ и звѣздную силу и вліяніе возстановляетъ противу божественнаго законоположенія" [5]).

---

[1]) Прав. Собес. 1863, № 3, сс. 88, 89, 96. Ученіе объ управленіи небесныхъ свѣтилъ ангелами извѣстно было еще древнерусскому лѣтописцу на основаніи слова Епифанія Кипрскаго (рукоп. XI в.). См. Щаповъ, Ист. очеркъ міросозерцанія.

[2]) Уэвелль, I, 375—376.

[3]) Вѣстн. Евр., 1894. № 4, с. 643 (переписка Гете съ Шиллеромъ). Въ залахъ Ватикана, гдѣ находятся Рафаэлевы станцы, на одномъ изъ потолковъ нарисованы Философія въ видѣ женщины.... и два генія съ таблицами, на коихъ написано: „Познаніе причинъ—звѣздочетство". (Порфирій, Книга бытія моего, VI, 190).

[4]) Сочин. М. Грека, I, 353.

[5]) Ibid., 437.

V.

Съ содержаніемъ астрологическихъ предсказаній М. Грекъ былъ знакомъ еще въ Италіи, гдѣ онъ и самъ былъ увлеченъ астрологіей, но ему были извѣстны также и тѣ астрологическія статьи, которыми пользовались въ Россіи. Напримѣръ въ „Словѣ на альманака, возвелерѣчевавша потопа всемірнаго быти“, онъ замѣчаетъ любителямъ альманаха, что они противорѣчатъ послѣднему, потому что въ немъ говорится о предстоящемъ „водномъ потопѣ“, а они утверждаютъ, что будетъ просто „измѣненіе и премѣненіе всѣхъ сущихъ на земли“ [1]). Укажемъ на тѣ черты звѣздочетства, какія мы находимъ въ сочиненіяхъ М. Грека:

1) Звѣздочетцы совѣтовали и повелѣвали на каждомъ шагу жизни обращаться къ альманаху, за указаніемъ планетъ на извѣстные случаи („иже слѣдъ ногъ двизати смѣти аще не прежде, въ нечестіи, въ книзѣ альманаковѣ пришикше, увѣдятъ планитовъ сгитіе“ [2]).

2) По ихъ мнѣнію, планеты и звѣзды побуждаютъ человѣка на извѣстный поступокъ („аки порѣваютъ насъ къ содѣланію“ [3]).

3) Каждая планета обладаетъ особеннымъ свойствомъ: такъ говорили, что „отъ Афродиты влекутся въ блудъ, отъ Арея на убійство и разбой, отъ Ермиса (Гермеса) въ татьбу; въ гнѣвъ же и вражду непреложную отъ тяжкогнѣвливаго Кроноса“ и т. д. [4]) и вообще однѣ изъ нихъ считались „благотворными“, другія „злотворными“, отъ чего зависятъ не только дни и часы (добрые и злые), но и свойства человѣка („и человѣковъ злыхъ и благихъ бывати“ [5]). Все ставили въ зависимость „отъ снитія звѣздъ и планетъ“, „звѣзднаго обношенія и схожденія зодій планетныхъ“, какъ-то „градамъ пагубы и воеванія, плодамъ истлѣніе, трусы земные и симъ подобныя бѣдствія“. Планетамъ и звѣздамъ приписывали вліяніе на рожденіе и дѣла человѣка, т. е. что „зодіями планетными дѣла произволенія нашего совершаются, и житія наши къ добродѣтелямъ или ко злобамъ и къ благоденствію или злоденствію тѣми же управляются“, и вліяніе ихъ простирали даже на положеніе человѣка въ обществѣ, на его мысли, волю и душевныя состоянія. При такомъ значеніи астрологическихъ опредѣленій въ жизни человѣка, они получили важное примѣненіе, а вслѣдствіе того и гаданіе судьбы по вре-

---

[1]) Сочин., I, 460.

[2]) Ibid., 420.

[3]) Сочин., II, 74.

[4]) Ibid., I, 402; II, 81—82.

[5]) Ibid., I, 460.

мени рожденія и планетамъ широкое распространеніе.—Оно особенно привлекало тѣхъ, которые интересовались общественнымъ положеніемъ, такъ какъ, вѣрили, что „схожденіе звѣздное являлось причиною для однихъ—богатствъ или славы и высшаго сана, для другихъ—убожества, безславія и послѣдняго безчестія". Однимъ словомъ утверждали, что все совершается вліяніемъ звѣздъ и „ничто помимо ихъ указанія" [1]).

4) Послѣдователи звѣздочетства дни и часы свои распредѣляли по астрологическимъ указаніямъ, на основаніи которыхъ признавались нѣкоторые дни и часы—благими, другіе злыми (такими которыхъ слѣдуетъ избѣгать [2]), смотря по тому, какой день принадлежитъ той или другой планетѣ. Наприм. 7-й день посвящался Кроносу и признавался дурнымъ „такъ какъ его считали злымъ"; 3-й день также считали опаснымъ, такъ какъ онъ принадлежалъ Аресу. Въ эти дни, говорили, „не подобаетъ никакихъ дѣлъ ни начинать, ни путешествовать и, чтобы дождаться хорошаго случая, слѣдуетъ выждать доброй планеты и ничего начинать въ дни, которыми обладаетъ злая планета" [3]). Наконецъ,

5) Въ томъ же альманахѣ, противъ котораго писалъ Максимъ Грекъ, находилось предсказаніе о новомъ потопѣ („грознѣйшемъ всѣхъ бывшихъ отъ вѣка") [4]), но объ этомъ мы скажемъ подробнѣе въ связи съ развитіемъ идеи о близкой кончинѣ міра.

Сопоставляя указанія М. Грека на содержаніе астрологическихъ предсказаній, съ приведенными выше, на основаніи „астрологическихъ статей", легко усмотрѣть все сходство между ними. Такимъ образомъ сочиненія М. Грека даютъ обстоятельныя понятія объ астрологическихъ мнѣніяхъ, распространенныхъ въ то время. Далѣе, М. Грекъ говоритъ, что астрологи счастіе или фортуну представляли „образно" въ видѣ слѣпой женщины на кругломъ камнѣ, а выше ея изображали Іисуса Христа, отъ руки котораго шла тонкая цѣпь къ женщинѣ и колесу, такимъ образомъ, что женщина какъ-бы вращала колесо, по которому одни входили, а другіе спускались, чѣмъ выражался круговоротъ жизни человѣка. Соединеніемъ Іисуса Христа съ колесомъ счастія [5]) хотѣли

---

[1]) Сочин., I, 403, 414, 420, 422, 433, 435, 437, 447, 448, 458, 460, 473; 361, 365, 378, 380, 388, 395; II, 74, 76.

[2]) Ibid., I, 361.

[3]) Ibid., 421, 426.

[4]) Сочин. М. Грека, I, 460.

[5]) Подъ колесомъ счастія разумѣется „Кругъ счастія", нѣмецкаго происхожденія (Сочин. М. Грека, I. 385—386), извѣстный въ русскихъ, польскихъ и друг. изданіяхъ (М. Сперанскій, Отречен. книги, I, 54).

выразить, что онъ самъ управляетъ фортуною; но замѣчаетъ М. Грекъ, „такимъ образомъ благочестивые только прельщаемы бывали богомерзкою прелестію звѣздочетскою, видя фортуну управляему отъ пречистыя руки Спаса". Такое представленіе фортуны М. Грекъ объясняетъ заимствованіемъ съ греческаго изображенія Ѳемиды.

„Ее слѣпою называетъ еллинскій мудрецъ, по имени Кевисъ, и представляетъ сидящей на оболомъ (кругломъ) камнѣ, за ея дѣйствія, какъ безчинно, неразумно и неравно раздающую людямъ богатство и саны; на кругломъ же камнѣ сидящей толкуетъ за ея дарованія, которыя не бываютъ тверды, но легко утрачиваются и переходятъ къ другимъ" (лицамъ).

Кевисъ—ученикъ Сократа или другой, жившій позже. Одному изъ нихъ приписывается діалогъ „Картина", пользовавшійся популярностью, прекрасно написанный. Діалогъ этотъ изображаетъ аллегорически два пути человѣческой жизни—добродѣтельный и порочный, и когда молодые люди разсматриваютъ картину, то къ нимъ подходитъ старикъ и объясняетъ что только мудрость и добродѣтель дѣлаютъ человѣка счастливымъ.

Въ своихъ сочиненіяхъ М. Грекъ указываетъ на исторію астрологіи, которую онъ выводитъ отъ Зороастра и „древнихъ волхвовъ, бывшихъ у персянъ", у которыхъ заимствовали ее ассиріяне (халдеи) и египтяне, а у послѣднихъ уже греки [1]). Первые, по замѣчанію Максима, звѣздамъ приписывали только побудительную силу относительно человѣка, тогда какъ греки стали учить о вліяніи стеченія планетъ и звѣздъ на его судьбу, причемъ рожденіе подъ тою или другою планетою или звѣздою заняло главное мѣсто въ этомъ ученіи. На Западъ звѣздочетство занесли аравитяне, отъ которыхъ его заимствовали „латыны зловѣрные и нѣмцы прегордые" [2]).

Обличенія М. Грека, направленныя противъ звѣздочетства, основываются на священномъ писаніи, отцахъ церкви, философахъ, историческихъ примѣрахъ и случаяхъ изъ обыденной жизни. Мѣста, заим-

---

[1]) Византійскій писатель XIV в. Никифоръ Григора также называетъ астрологію халдейской и египетской мудростью, въ лицѣ неоплатоническаго философа Синезія.

[2]) Сочин. I, 370, 385—386, 437, 447, 448; I, 418—419, 449; II, 84. Прибавимъ, что въ восточныхъ эпопеяхъ (въ Магабаратѣ и Шахнамѐ) часто встрѣчаются указанія на вліяніе звѣздъ на судьбу человѣка. „При рожденіи Магомета братъ его матери—астрологъ—наблюдалъ положеніе знаковъ и предсказалъ, что онъ достигнетъ огромнаго могущества и утвердитъ между людьми новую вѣру" (Вашингтонъ Ирвингъ, Жизнь Магомета, 16).

ствованныя Максимомъ изъ священнаго писанія состоятъ изъ выраженій, въ которыхъ указывается на непосредственное участіе воли божіей въ судьбѣ человѣка [1]). Правое и нелестное мудрованіе и ученіе есть то, говоритъ М. Грекъ, которое показываетъ самъ праведный Судія и промышленникъ всѣхъ вмѣстѣ тварей своихъ, кого возвышаетъ, а кого смиряетъ судьбами неизглаголанными, который самъ знаетъ, а не басословимое счастіе и кругъ зодійскій или схожденіе звѣздъ и планетъ" [2]). Слова священнаго писанія Максимъ подтверждаетъ примѣрами: съ одной стороны онъ указываетъ на Давида, Гедеона, Езекію, всегда прибѣгавшихъ къ Богу, а не къ звѣздочетцамъ, на Саула, Давида и Іеровоама, помазанныхъ на царство по повелѣнію же Бога, на Манассію заслужившаго благоволеніе отъ Бога за покаяніе, на Давида, избавленнаго отъ поисковъ Саула, на Іосифа и Моисея, прославленныхъ въ Египтѣ; съ другой стороны онъ приводитъ въ примѣръ Саула, который погибъ со всѣмъ своимъ домомъ за сношеніе съ волшебницею, на Соломона, царство котораго за его идолослуженіе было отдано Іеровоаму, а за беззаконіе послѣдняго Ваасъ овладѣлъ престоломъ самарійскимъ, убивъ его сына Навата и погубивъ весь родъ его, „по божію прогнѣванію". А потому и возвышеніе человѣка и его паденіе бываютъ „строеніемъ и волею божіей", а не слѣпымъ счастіемъ и вертѣніемъ колеса. Чуждо сіе, прибавляетъ Максимъ, чуждо и отнюдь невѣдомо святымъ писаніямъ ученіе *о латынской фортунѣ*" [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Максимъ заимствуетъ доказательства изъ апокрифовъ и преданій. Такъ, онъ передаетъ споръ Фавста съ апостоломъ Петромъ, заимствованный изъ апокрифическаго сказанія о путешествіяхъ Петра, извѣстнаго подъ именемъ Clementina [4]). Затѣмъ опроверженія М. Грека на звѣздочетство основываются на возраженіяхъ св. отцовъ и церковныхъ писателей, его опровергающихъ: Григорія Акрагантійскаго, Василія Вел., Григорія Вел., Іоанна Златоуста и Августина [5]), который съ особеннымъ рвеніемъ ратовалъ противъ звѣздочетства [6]), и наконецъ,

[1]) Напримѣръ, выраженія Давида: „Богъ судія есть, сего смиряетъ, а сего возноситъ" (псал. 74, 58). „Кто же якого Богъ нашъ.... воздвизаяй отъ земли убога и отъ гноища вознося нища да посадитъ его съ князи людій своихъ" (псал. 112, 5—9). „Одождитъ на грѣшники сѣти, огнь и жупелъ и духъ буренъ часть чаши ихъ". Слова одного апостола: „видите, видите, яко азъ есмь Богъ..... азъ убію и жити сотворю, поражаю и азъ исцѣляю, и нѣсть иже изметъ изъ рукъ моихъ" и т. п.

[2]) Сочин., I, 379, 385, 407, 416, 436, 437, 443.

[3]) Сочин. I, 367, 368, 380, 381, 382, 452, 453.

[4]) Сочин., I, 369, 383, 384. См. „Клементины" (Прав. Обозр. 1860, №№ 2, 3, 7).

[5]) Сочин., I, 348, 349, 352, 412.

[6]) Уэвелль, I, 269; Соч. М. Грека, I, 352—353.

на космографа VI в. Косму Индикоплова. Рядомъ съ названными опроверженіями М. Грекъ возражалъ, основываясь на мнѣніяхъ философовъ, поэтовъ и историческихъ примѣрахъ. „Лженменную мудрость (звѣздочетство), говоритъ онъ, не только поборники Христовой церкви справедливо осуждаютъ, но и Платонъ самъ верховный изъ философовъ изгоняетъ ее изъ гражданской жизни.... и нигдѣ не найдешь въ богодухновенныхъ писаніяхъ подобнаго душегубительнаго мудрованія (ученіе о счастіи, фортунѣ), *ниже похваляетъ кто отъ всѣхъ внѣшнихъ философовъ*. А такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ называютъ ее слѣпой и признаютъ безпромысленное строеніе міра, т. е. не по божію промыслу и ученію бываемое, то названные писатели осуждаютъ философа Епикура за то, что онъ зло мудрствовалъ и училъ, и не хвалятъ его, называя безбожникомъ и говоря: Епикурово злѣйшее ученіе есть то, что вся тварь счастіемъ нѣкіимъ, а не хотѣніемъ и судомъ божіимъ правится“ [1]). Называя послѣдователей звѣздочетства „служителями пиоонскаго духа, представителями всякаго злодѣянія, послѣдователями халдеевъ, вавилонянъ, египтянъ, аравитянъ и финикіянъ, изначала въ нечестіи просіявшихъ, Епикура и Діагора безбожнаго“ [2]), Максимъ прибавляетъ: „ни Сократъ, ни Платонъ, ни Аристотель, считающіеся честнѣйшими и истинолюбивѣйшими изъ еллинскихъ философовъ, никогда не предавались звѣздозрительной прелести, какъ явственно изъ ихъ писаній“. Относительно колеса счастія Максимъ замѣчаетъ: „Довольно обличаетъ нѣкоторый мудрецъ, ему же имя Исіодъ, но еще болѣе извѣстныя отроковицы, которыя считаются всякой премудрости подательницами. Спрошенныя Исіодомъ, почему нѣкоторые изъ людей славны и пресловуты суть, другіе же безчестны и неимениты, отвѣчали ему: не колесомъ счастія, ниже схожденіемъ планетъ, но волею великаго Зевса, т. е. неизглаголанными божіими судьбами бываетъ имъ то или другое назначеніе“ [3]).

Приверженцы астрологіи говорили, что никто изъ извѣстныхъ въ древности царей и полководцевъ не совершалъ своихъ предпріятій безъ совѣтовъ предсказателей, а потому считали послѣднихъ необходимыми въ государственныхъ дѣлахъ. Противъ этого М. Грекъ возражаетъ примѣрами: Сципіона Африканскаго, съумѣвшаго, при всѣхъ удачахъ Аннибала, перейти въ Африку и уничтожить Карѳагенъ (причемъ

---

[1]) Сочин., I, 354, 451.

[2]) Діагоръ изъ Милоса, ученикъ Демокрита, прозванный „атеистомъ“, отрицалъ бытіе народныхъ боговъ и былъ изгнанъ ок. 415 г. изъ Аѳинъ за оскорбленіе элевзинскихъ таинствъ.

[3]) Сочин., I, 417; II, 84.

Максимъ замѣчаетъ: „не вся ли сія доблестнымъ мудрованіемъ души совершилъ, уразумѣвъ благополучное время, т. е. пребываніе Аннибала въ Италіи“), на Юлія Цезаря, Александра Македонскаго, Ѳемистокла (о которомъ „гдѣ у Ѳукидида написано, что звѣздозрительными гаданіями дѣйствовалъ на персянъ“), на Константина Вел. (на котораго указывали противники Максима), Димитрія Донскаго, который побѣдилъ Мамая не звѣздными гаданіями, но ревностію божественною изостривъ себя и щитомъ вѣры оградився“, и вообще указываетъ на русскихъ князей, дѣйствовавшихъ противъ татаръ [1]). Борьба съ магометанскимъ міромъ, очевидно, близко принималась Максимомъ, такъ какъ единственные примѣры взяты имъ изъ русской исторіи. Съ другой стороны, Максимъ представляетъ примѣры неисполнившихся предсказаній астрологовъ, каковы предвѣщанія Амвросія Розады о Людовикѣ Моро и Валента относительно Константинополя (Валента спрашивалъ Константинъ Вел. о продолжительности существованія своей столицы [2]), и указываетъ на изгнаніе астрологовъ изъ Италіи римскими императорами и на положительныя запрещенія противъ нихъ византійскихъ градскихъ законовъ [3]).

Третій способъ возраженій М. Грека противъ звѣздочетства состоитъ въ нравственно-богословскихъ доводахъ. Здѣсь Максимъ послѣдовательно проводитъ слѣдующую мысль: если человѣкъ находится подъ исключительнымъ вліяніемъ звѣздъ, то значитъ онъ не свободенъ, и въ такомъ случаѣ не долженъ отвѣчать за свои поступки, а потому не нуженъ судъ и наказанія за уклоненія отъ закона и правды. Сверхъ того, если звѣзды могутъ побуждать человѣка къ дурнымъ поступкамъ, то значитъ онѣ злы по своему существу, а въ такомъ случаѣ зло слѣдуетъ приписать Творцу, создавшему ихъ злыми, что противно истинному богословскому ученію. Притомъ Творецъ не можетъ уже требовать отвѣтственности отъ человѣка за его дѣла, если только послѣдній подлежитъ вліянію звѣздъ и не дѣйствуетъ по собственной волѣ [4]).

Въ „Бесѣдѣ души и ума“ М. Грекъ указываетъ на тѣ нравственно-религіозныя послѣдствія, какія происходятъ, по его мнѣнію, отъ вѣры въ звѣздочетство, а именно: совершенное пренебреженіе законовъ и неисполненіе ихъ постановленій, причемъ виновникъ отговаривается „насиліемъ своей звѣзды“, вслѣдствіе чего развивается безразличіе въ нравственныхъ достоинствахъ человѣка; является отчаяніе,

[1]) Сочин., I, 355, 356, 358, 359, 364: „гдѣ пишется въ дѣяніяхъ Скипіоновыхъ?“

[2]) Ibid., 363.

[3]) Ibid., 356, 360, 362, 365.

[4]) Ibid., I, слово XXVII, стр. 206, 388, 389, 410, 431, 433.

такъ какъ человѣкъ, въ случаѣ уклоненія отъ нравственнаго долга, не находитъ внѣ себя готовой помощи, а между тѣмъ убѣжденіе въ неумолимомъ вліяніи звѣздъ заставляетъ его покоряться случайностямъ безъ всякой борьбы; послѣдователи звѣздочетства обыкновенно пренебрегаютъ Богомъ, покаяніемъ, будущимъ судомъ, молитвами и, подобно безсловеснымъ животнымъ, совершаютъ житіе свое, угождая во всемъ чреву и срамнымъ удамъ, заботясь о наслажденіи ихъ и пренебрегая блаженствомъ, чему общій конецъ—вѣчно мучащій огонь"[1]). Наконецъ М. Грекъ доказываетъ естественную несостоятельность вліянія звѣздъ на жизнь человѣка и природы. „Если, говоритъ онъ, по всякому малѣйшему поводу, по тому или иному случаю прилагаются звѣзды а въ безчисленныхъ ихъ примѣненіяхъ въ дни царскихъ рожденій совершаются подобныя соединенія, то почему не во всѣ дни рождаются цари? или почему тогда устанавливаются наслѣдованія престола? Какимъ образомъ Озія родилъ Іоаѳама? какъ же Іоаѳамъ родилъ Ахаза? какъ же Ахазъ родилъ Езекію? но никто изъ нихъ не произошелъ отъ рабскаго рожденія"[2]). Онъ замѣчаетъ, что поле не дастъ земледѣльцу жатвы, если онъ будетъ надѣяться на фортуну, а не на свой трудъ; представляетъ въ примѣръ „многихъ", которые пострадали вслѣдствіе вѣры въ звѣздочетство, и указываетъ, что онъ самъ „искусствомъ многолѣтнимъ позналъ соблазненъ звѣздочетства". Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ возражаетъ противъ соблюденія добрыхъ и злыхъ дней. „О какое нечестіе!, говоритъ онъ, о неистовство! Содѣтель Богъ благословилъ и освятилъ седьмой день, скверные же астрологи, какъ бы становятся выше Бога, злословя и оскверняя его.....; почему третій день золъ? откуда сіе можно указать? отъ какого святаго писанія? болѣе того, какъ послѣ созданное можетъ владѣть прежде бывшимъ? развѣ не въ четвертый день созданы большія, свѣтила и прочія звѣзды? и какъ тотъ, который былъ созданъ спустя одинъ день, какъ соблазняющая и прельщающая планета Арисъ, могъ сдѣлать злымъ третій день, благосотворенный благимъ Содѣтелемъ"[3]).

VI.

Такимъ образомъ М. Грекъ употребилъ обширный арсеналъ доводовъ, чтобы доказать несостоятельность звѣздочетства. Въ заключеніе своихъ обличеній онъ убѣждаетъ не бояться вліянія звѣздъ и

---

[1]) Сочин., II, слово п, с. 52, 79—83.

[2]) Ibid., I, 408, 410. Подобная же мысль встрѣчается у Филоѳея въ посланіи къ Мунехину (Прав. Соб. 1860 г., мартъ, с. 88).

[3]) Сочин., I, 375, 421, 422.

вполнѣ положиться на промыслъ Божій [1]). Затѣмъ, приведя слова апостола: „если кто благовѣствуетъ вамъ болѣе, чѣмъ принято отъ насъ, апостоловъ Христовыхъ, анаѳема да есть", онъ говоритъ: „разумѣете ли отсюда, что *и нѣмцы, и латыне* подъ той же апостольской анаѳемой суть, какъ влагающіе чуждыя ученія въ мысли благочестивыхъ" [2]). Съ такимъ суровымъ приговоромъ М. Грекъ обращается какъ къ распространителямъ звѣздочетства въ Россіи, такъ и къ религіознымъ чувствамъ тѣхъ, которые увлеклись имъ, надѣясь подѣйствовать на нихъ столь сильнымъ аргументомъ, какъ церковное проклятіе. Однако, въ своихъ обличеніяхъ, онъ считалъ нужнымъ оговориться, что онъ возражаетъ не противъ всякаго „небеснаго вѣдѣнія", но только противъ звѣздочетства, и при этомъ показываетъ необходимость астрономическихъ наблюденій.

По поводу своихъ обличеній, Максимъ замѣчаетъ: „Все это я говорю, не укоряя вѣдѣніе небесное, нужное и пригодное въ жизни, какъ-то знать обхожденіе и исхожденіе, исчезновеніе и теченіе звѣздъ, которыми несоблазнительно исчисляются вѣка, и какъ держать пасхалію, но порицаю вѣдѣніе, возносящееся чрезъ мѣру и Богу единому извѣстное, излишне испытывающее и отлучающее злохитренно вѣрныхъ отъ Бога, и потому доказывающее вѣрность показаній звѣздъ; другіе же злотворными показываютъ не только дни и часы, но и людей, называя злыми и добрыми въ зависимости отъ нихъ. Сіе укоряю и нечестіемъ называю и пренебрегаю со всѣми отъ вѣка во благочестіи возсіявшими блаженными мужами"; потому что „бездушны и глухи, и ни въ чемъ зломъ и благомъ невиновны суть носящіяся по небеси планеты и звѣзды, но суть только знаменія ненаходящихся во власти нашей перемѣнъ, происходящихъ отъ держащаго все и управляющаго всѣмъ, какъ-то дождей и засухъ, теплоты и мороза, сухости и вѣтровъ и подобныхъ качествъ и явленій, а не нашихъ дѣяній" [3]).

При всемъ разнообразіи обличеній Максима противъ звѣздочетства, можно видѣть, что основная идея, около которой онъ группируетъ свои доводы,—есть идея о промыслѣ Божіемъ. „Одинъ Богъ, говоритъ онъ, проповѣдуется владыка промыслитель, правитель и строитель всѣмъ нашимъ благимъ дѣламъ и помысламъ; иного же развѣ Его правителя и строителя нашего не слышали мы отъ святыхъ писаній, ниже познали, ниже принимаемъ, хотя бы и ангелъ съ небесъ проповѣдывалъ и

[1]) Сочин., I, 407, 416, 420, 430, 445, 452.
[2]) Ibid., 417, 452, 453.
[3]) Сочин., I, 371, 387, 431, 432, 459. По І. Дамаскину.

училъ тому, *хотя бы и всѣ вмѣстѣ премудрые изыскатели сего міра утверждали то съ ними...*; не отъ звѣздъ и зодіаковъ, но свыше согласіемъ отъ самого Отца свѣтамъ сходитъ всякое благодѣяніе и всякъ даръ совершенный на родъ человѣческій, если благовѣрно и благоразумно, съ преподобіемъ и правдою служатъ Вышнему Владыкѣ, соблюдая святыя заповѣди Его и повелѣнія". По мнѣнію Максима, „одна есть нужнѣйшая астрологія — православная вѣра въ святую и живоначальную Троицу и на твердомъ семъ основаніи созидаемое богоугодное жительство" [1]); единая звѣзда неблазненная — божественный страхъ" [2]). Вслѣдъ за І. Златоустомъ, патр. Фотіемъ и др. отцами церквы [3]), М. Грекъ развиваетъ идею о вѣчномъ предопредѣленіи спасенія людей до ихъ творенія [4]).

Но, ставя человѣка подъ непосредственное покровительство промысла, Максимъ долженъ былъ опредѣлить и причины уклоненій человѣка отъ нравственнаго закона. Поэтому онъ замѣчаетъ (на основаніи словъ Максима Исповѣдника), что человѣка влекутъ три силы къ добру: естественное расположеніе къ нему, святыя силы и добрая воля, и три силы къ злу: страсти, бѣсы и злая воля. Все зависитъ отъ борьбы; потому что „власть и сила принадлежать уму, чтобы послѣдовать или противиться, святыя силы склонятъ всегда на доброе, естественныя сѣмена и добрая воля помогаютъ, бѣсовскіе же приступы, страсти и лукавое изволеніе существуетъ въ насъ". Къ числу дѣйствій дьявола Максимъ относитъ и звѣздочетство, чрезъ которое человѣкъ отпадаетъ отъ Бога [5]). Однако, не смотря на дѣйствіе промысла, бываютъ несправедливыя отношенія между людьми. Для объясненія ихъ Максимъ прибѣгаетъ къ богословскому толкованію, указывая на возможное попущеніе со стороны Бога; признавая же свободу человѣка, онъ принимаетъ и необходимость возмездія за его поступки [6]). Въ

---

[1]) Сочин., I, 81, 358, 365, 367, 393, 394.

[2]) Сочин. I, 86.

[3]) Опис. Синод. библ., II, ч. 3, с. 569—570; Маргаритъ, 840; Phot. Bibl. cod. p. 1548 и др.

[4]) Сочин., I, 543; ср. Іосифъ Волоцкій, 90; Зиновій Отенскій, 252—262; Калугинъ, 169 прилож.

[5]) Сочин., 391, 393, 400, 413, 414, 418, 433.

[6]) Ibid., 439, 440. Противники ученія о свободной волѣ—различно объясняютъ происхожденіе этой идеи. Спиноза говоритъ: „Люди потому только воображаютъ, будто они свободны, что сознаютъ свои поступки, *не зная впрочемъ причинъ, вызвавшихъ эти поступки*. Ребенокъ думаетъ, что произвольно желаетъ молока; злой мальчикъ—что онъ свободно желаетъ мщенія; трусъ—что онъ самъ рѣшается на бѣгство; пьяный—что онъ говоритъ по рѣшенію своей свободной воли.

заключеніе необходимо сказать, что сочиненія Максима противъ звѣздочетства представляютъ систематическій опытъ обличенія звѣздочетства въ Россіи. Они находятся въ тѣсномъ отношеніи съ современными ему слѣдствіями увлеченія астрологіей — религіозными и нравственными. Вмѣстѣ съ тѣмъ они представляютъ намъ обстоятельную характеристику самаго содержанія астрологическихъ мнѣній, извѣстныхъ въ современномъ русскомъ обществѣ. Наконецъ, основная идея, которой руководствуется М. Грекъ въ своихъ обличеніяхъ — это ученіе о промыслѣ Божіемъ, съ которой онъ связываетъ и всѣ послѣдующія явленія въ жизни, какъ религіозныя, такъ и нравственныя.

Обличенія звѣздочетства дѣлались и на Западѣ, и въ Россіи; проклятія и угрозы сыпались на виновниковъ; но, не смотря на это, еще долго владычествовала астрологія. „Солнце астрологовъ, говоритъ Уэвелль, зашло только тогда, когда надъ нашимъ горизонтомъ поднялся свѣтъ истинной науки“ [1]). Но и до сихъ поръ еще, какъ память нѣкогда сильнаго могущества астрологіи, въ разныхъ языкахъ сохранилось выраженіе: „онъ родился въ добрый или счастливый часъ“ [2]).

VII.

Въ современныхъ астрологическихъ мнѣніяхъ нашла себѣ поддержку идея о близкой кончинѣ міра, издавна распространенная въ Россіи при посредствѣ священнаго писанія, апокрифовъ, статей, помѣщенныхъ въ сборникахъ, и пасхалій. Она имѣетъ свою исторію.

Мысль о близкой кончинѣ міра идетъ отъ древнихъ временъ. Въ Евангеліи неоднократно указывается на приближеніе послѣдняго дня [3]); апостолы говорили о скоромъ пришествіи Христа и свое время называли послѣднимъ [4]); но систематически въ первый разъ развито это

Дитя, глупецъ, болтунъ и множество людей этого рода воображаютъ, что они говорятъ по свободной волѣ, между тѣмъ какъ они *просто не въ состояніи* принудить себя не болтать“. Вопросу о свободѣ воли былъ посвященъ рядъ рефератовъ въ М. Психолог. обществѣ (Труды Моск. Психол. общ., в. III, 1889) съ признаніемъ, что для научной мысли этотъ вопросъ навсегда останется неразрѣшеннымъ (281).

[1]) Gesch. der induct. Wissensch., I, 276.

[2]) О значеніи рода и роженицъ, въ Арх. ист. юрид. свѣдѣн. Калачова, II кн., 1 полов., стр. 133.

[3]) Матѳ. XXIV, 34; XVI, 28; Марка, XIII, 30; Луки XXI, 32.

[4]) 1-ое посл. Петра, IV, 7; 2-ое посл. Петра, III, 9—12. Апокалипс., III, 11; XXII, 12. Павла къ Евр. X, 37; IX, 26. Римл. XIII, 11. 1-ое къ Коринѳ., I, 7; X, 11; 1-ое Ѳессал. IV, 16, 17. 2-ое Ѳессал., I, 7. Іакова, V, 7—10. 1-ое посл. Іоанна, II. 18. Іудейскіе раввины приписывали прор. Иліѣ—преданіе о 6000-лѣтнемъ суще-

мнѣніе въ посланіи Варнавы. Въ немъ говорится: „Такъ какъ *тысяча лѣтъ предъ Богомъ какъ день единъ* (псал. 89, 5), то Богъ какъ сотворилъ міръ въ шесть дней, такъ и совершитъ все въ шесть тысячъ лѣтъ..., и какъ Богъ почилъ въ седьмой день, такъ въ седьмой же день міра (тысячелѣтіе) почіетъ Онъ, когда придетъ Его Сынъ и прекратитъ время беззаконнаго, осудитъ нечестивыхъ и измѣнитъ солнце, луну и звѣзды. А восьмой день, въ который воскресъ Іисусъ, предъизображаетъ новый міръ съ началомъ восьмого тысячелѣтія“ [1]). Ту же мысль продолжали развивать и нѣкоторые отцы церкви, различно толкуя и примѣняя къ ней то слова Евангелія о шестомъ часѣ (Іоанна, XIX, 14), то ветхозавѣтный праздникъ кущей (совершавшійся въ седьмой мѣсяцъ послѣ собранія плодовъ), то слова Апокалипсиса и притчи о виноградникѣ, при объясненіи которой день принимали за продолженіе міра въ 6000 лѣтъ, а часъ за эпохи въ 500 лѣтъ (Матѳ. XX [2]).

Противъ такого хронологическаго опредѣленія существованія міра отъ времени до времени появлялись возраженія. Сюда относятся толкованія: Аѳанасія, Григорія Нисскаго и особенно Августина и Фотія. По прошествіи предполагавшагося шеститысячнаго существованія міра [3]), подобное же мнѣніе было перенесено на тысячный годъ отъ Р. Х. и на седьмитысячный отъ сотворенія міра. Для перваго служили основаніемъ слова Апокалипсиса о связаніи сатаны на тысячу лѣтъ (XX, 2), и этого держались преимущественно на Западѣ; мнѣніе же о седьмитысячномъ годѣ было распространено особенно на Востокѣ. У Баронія подъ 1000 годомъ записано, что въ этомъ году западные христіане огромными толпами отправлялись въ Іерусалимъ, надѣясь, что скоро совершится второе пришествіе Христа, который произведетъ всеобщій судъ въ долинѣ Іосафатовой [4]). По словамъ Эрмольда Чернаго, Людо-

---

ствованіи міра (Порфирьевъ, Апокриф. сказ., 166). Нѣкоторыя церкви слѣдовали Талмуду въ признаніи 7000 лѣтъ, какъ предѣла существованія міра (Тр. Кіев. Дух. ак., 1885, № 10).

[1]) Epist. Barnab. c. 15. Coteler. Прав. Соб. О пасхаліи, 1860 г. ноябрь, 336.— О семи тысячелѣтіяхъ или семи эпохахъ находимъ преданіе еще въ Сивиллиныхъ оракулахъ, которые принадлежатъ V столѣтію О Сивиллахъ см. выше, стр. 251.

[2]) Во II, в.—Ириней; въ III—Ипполитъ, Кипріанъ, Меѳодій Патарскій; въ IV в.—Лактанцій, Юлій Иларіонъ, Оригенъ, Иларій, Іеронимъ. (Прав. Соб. 1860, ноябрь, 336—342). Во время императора Константина, нѣкоторые основывали мысль о близкой кончинѣ міра на 4-ой эклогѣ Виргилія (см. Gibbon, cap. xx).

[3]) См. Исидора, еп. Испаленскаго (Севилья древ. Hispalis). „Прочее же шестаго вѣка время единому Богу есть вѣдомо“ (Свѣд. о малоизв. памятн., I, 96).

[4]) Annal. sub 1000 ann. Ср. Оттонъ Фрейзингенскій, О. Лоренцъ, Geschichtsquellen, II, 167. О хиліазмѣ (Р. Мысль, 1902, № 11, с. 022).

викъ Благочестивый, посылая реймсскаго епископа Эбо крестить дановъ, говорилъ ему: „день уже клонится къ вечеру, послѣдній часъ призываетъ ихъ“... [1]).

Впрочемъ и на Западѣ, по истеченіи 1000 лѣтъ отъ Р. Х., нѣкоторые перенесли свои ожиданія на 7-ю тысячу, по общему счету отъ сотворенія міра. Вотъ какъ объясняетъ это Радульфъ Глаберъ, лѣтописецъ XI в.: „Господь, говоритъ онъ, посвятилъ 6 дней на созданіе міра, и въ седьмой день опочилъ, по совершеніи своего подвига; точно также въ теченіе 6-ти вѣковъ Онъ творилъ чудеса для назиданія ими человѣческаго рода; дѣйствительно во всѣ предъидущіе вѣка постоянно встрѣчаются чудесныя знаменія, совершенныя предвѣчнымъ провидѣніемъ до самого времени, когда божество воплотилось въ человѣчествѣ, т. е. до 6-го тысячелѣтія, къ которому принадлежитъ наше время; *полагаютъ теперь*, что въ седьмомъ тысячелѣтіи труды міра должны покончиться, для того, чтобы міръ также опочилъ отъ дѣлъ своихъ и нашелъ свой конецъ въ Томъ, Кто далъ ему существованіе“. Historiarum sui temporis, въ концѣ 1-й книги.

VIII.

Съ IX и X вв. предсказанія о кончинѣ міра связываются уже съ астрологическими комбинаціями. Такъ, напримѣръ, въ 1179 году западные астрологи разослали во всѣ страны письма, въ которыхъ предвозвѣщали на 1186 годъ гибель человѣческаго рода, и тѣмъ навели на всѣхъ паническій страхъ. Іоахимъ Флорскій ожидалъ наступленія царства Св. Духа въ 1200 г., на основаніи седмиричной цѣпи періодовъ и высказывалъ чаяніе субботняго дня—покоя [2]). Въ XIII и XIV вв. западный міръ волновался ученіемъ о *вѣчномъ Евангеліи*, сулившемъ людямъ осуществленіе счастливаго вѣка, которое должно было наступить въ 1268, а потомъ оно перенесено было на 1325, 1335, 1360, 1376 гг. [3]). Въ XIII в., во время борьбы импер. Фридриха Барбароссы съ папой Александромъ III предсказанія аб. Іоакима дель-Фіоре (тотъ-же), изложенныя въ комментаріяхъ на книгу прор. Іереміи въ стилѣ Ветх. Зав. и Апокалипсиса, волновали умы, особенно въ

---

[1]) Carminis in honorem Hludovici, 4-я пѣс. Pertz, Monum. Germ. II.

[2]) Нѣкоторыя проблемы Іохимизма, О. А. Добіанъ—Рождественской (Ж. М. Н. Пр. 1913, № 6, с. 522—523).

[3]) Литтре, Варвары и средніе вѣка, стр. 359—360.

Италіи, появленіемъ вскорѣ антихриста [1]). Хиліастическое ученіе [2]) и ожиданіе кончины міра имѣли мѣсто въ бурныя времена гуситства въ Чехіи [3]). Подъ конецъ жизни и Колумбъ сталъ вѣрить въ существованіе кончины міра съ 7000 лѣтъ или въ 1656 г. по Альфонсовымъ таблицамъ [4]). Нѣмецкіе перекрещенцы вѣрили въ наступленіе новаго Евангелія, второе пришествіе І. Христа и близость страшнаго суда, въ день Троицы въ 1528 г. Другіе допускали наступленіе новаго тысячелѣтняго царствованія, въ которомъ объединятся христіане, евреи, магометане и язычники [5]). Придворный математикъ курфюрста пфальцскаго, Кипріанъ Леовицій по звѣздамъ опредѣлялъ кончину міра на 1584 г., ректоръ Пав. Нагель въ Торгау на 1624 г., другіе на 1643, 1673, 1680 (Меланхтонъ) и 1681, а нѣкоторые на то же апокалипсическое число 1666, какъ и русскіе раскольники [6]). Еще большій ужасъ возбудило предсказаніе Іоанна Штофлера, что въ 1524 году міръ погибнетъ отъ новаго потопа. Ужасъ проникъ во всѣ сословія въ Германіи, Франціи, Италіи, Испаніи, Голландіи, Англіи и Скандинавіи. Люди дѣлали нелѣпѣйшія приготовленія для своей безопасности, строили ковчеги, и т. п. Правители потребовали мнѣнія объ этомъ у своихъ придворныхъ астрологовъ и священниковъ; между тѣми и другими возникла самая ожесточенная письменная война. Профессоръ астрологіи Георгъ Танштеттеръ въ Вѣнѣ, Августинъ Нифъ, извѣстный ученый и другъ Льва X, (см. выше, стр. 111—112) и многіе другіе писали особыя сочиненія въ опроверженіе этого предсказанія. Тиберій Русиліанъ, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ учениковъ Нифа, утверждалъ при этомъ, что потопъ вообще не составляетъ ничего особеннаго и долженъ случаться на вѣчно-пребывающей землѣ каждый разъ при соединеніи Сатурна съ Юпитеромъ въ созвѣздіи Рака, насупротивъ Аргонавта. Его сочиненія противорѣчили догматамъ церкви, а потому были про-

---

[1]) Легенды эти сведены у Вебера (VII, 193—194.

[2]) Исходя изъ Апокалипсиса (гл. XX, 4, 5), хиліасты вѣрили, что праведники воскреснутъ за 1000 лѣтъ ранѣе и будутъ царствовать вмѣстѣ съ Іисусомъ Христомъ, но существованіе это представляется въ слишкомъ матеріальныхъ чертахъ (В. И. Герье, Церковь, папство и государство, В. Евр. 1907, № 10, 456). Также о хиліазмѣ (Р. Мысль, 1902, № 11, с. 022).

[3]) Пыпинъ, ист. славян. литер., II, 862—866.

[4]) О. Пешель, Ист. эпохи открытій, 281; также онъ ссылался на проороч. Исаіи и на хоровую пѣснь въ Медеѣ Сенеки о грядущихъ открытіяхъ въ океанѣ.

[5]) Г. Тумбюльтъ, Перекрещенцы, 37, 40.

[6]) Шлейденъ, Этюды, 216. О происхожд. раскольн. ученія объ антихристѣ, А. Павлова (Прав. соб. 1858 г. № 6); Щаповъ, Очерки міросозерц. (Ж. М. Н. Пр. 1863, CXVII, стр. 32—33).

кляты инквизиціей, хотя онъ и защищался въ сочиненіи Rechtfertigung gegen die Kapuzenträger" [1]). Возбужденію умовъ въ этомъ отношеніи много содѣйствовали сильныя землетрясенія и наводненія, затопившія многіе города. Такъ до насъ дошли извѣстія о потопленіи 50 городовъ (въ Италіи, славян. земляхъ и др.) въ 1459 г. (отразившіяся и въ посланіи Филоѳея), о потопленіи Неаполя въ 1523 г., о землетресеніи въ Венгріи и потопѣ въ 1524 г. (см. Сборн. Вѳлокол. и Михайлов. златоверх. мм., Импер. публ. библ. [2]). Подобныя мнѣнія встрѣчаются, однако, до позднѣйшаго времени.

Профессоръ Форстеръ, директоръ физической обсерваторіи въ Берлинѣ, напечаталъ въ „Имперскомъ Германскомъ Указателѣ" 1896 г. статью, въ опроверженіе распространеннаго кѣмъ-то предсказанія, будто конецъ міра наступитъ въ 1899 году. Онъ говоритъ: „Вслѣдствіе неосторожныхъ и ложныхъ толкованій нѣкоторыхъ научныхъ статей, въ публикѣ распространились слухи, будто кончина міра наступитъ въ 1899 г. Основаніемъ этого заблужденія послужилъ тотъ дѣйствительный фактъ, что въ 1899 г. въ ноябрѣ мѣсяцѣ земля будетъ проходить чрезъ сферу маленькихъ астероидовъ, какъ это было уже въ 1866 г., 1833 и 1799 гг. Этотъ феноменъ отнюдь не можетъ внушать опасеній. Правда, въ орбитѣ астероидовъ можетъ находиться комета, какъ это было констатировано въ 1866. Эта комета дѣйствительно коснулась орбиты земли, но спустя два мѣсяца, т. е. въ январѣ 1867 г., когда земля находилась уже на нѣсколько милліоновъ километровъ въ сторонѣ отъ возможной точки соприкосновенія. Въ 1899 г. эта точка соприкосновенія будетъ еще дальше; но если бы даже комета коснулась нашей земли, то результатъ этого столкновенія не былъ бы особенно страшенъ. Самое большое, что это вызвало бы сильную бурю или циклонъ, какіе бываютъ ежегодно. Такимъ образомъ публика можетъ успокоиться. Ближайшее будущее не сулитъ ей міровыхъ катастрофъ".

Вотъ болѣе подробное извѣстіе о Штоффлерѣ. „Въ концѣ XV и нач. XVI вв., говоритъ Бокль, Штоффлеръ, знаменитый астрономъ, былъ профессоромъ математики въ Тюбингенѣ. Этотъ замѣчатель-

---

[1]) См. Шлейдена, Этюды, с. 216.

[2]) Малининъ, Старецъ Филоѳей, 234—235; Соболевскій, Переводн. литер., 236 („еже вси вмѣсто потопа нарицати могутъ"—переводн. статья о Неаполѣ); ср. донесен. о томъ же (Рукоп. гр. Толстаго, 414). О землетрясеніи въ Салоникахъ 1542 (Соболевскій, 237) занесено въ лѣтопись.

ный человѣкъ оказалъ важныя услуги астрономіи и одинъ изъ первыхъ указалъ на средство исправить ошибки Юліановскаго календаря, на основаніи котораго тогда повсюду считали время. Но ни способности, ни знаніе не могли охранить его отъ вліянія духа времени. Въ 1524 г. онъ издалъ результаты своихъ запутанныхъ исчисленій, которыми долго занимался и въ которыхъ утверждалъ, что въ томъ же году міръ долженъ погибнуть отъ новаго потопа. Подобное сообщеніе, сдѣланное столь замѣчательнымъ человѣкомъ и съ такою увѣренностію, произвело повсюду живую тревогу. Извѣстіе о предстоящемъ событіи быстро распространилось, и вся Европа исполнилась ужаса. Чтобы избѣжать перваго удара, тѣ, у кого дома были у рѣки или у моря, оставляли ихъ; а другіе, сознавая, что подобныя мѣры могутъ быть только временными, принимали болѣе дѣйствительные предосторожности. Предлагалось, какъ предварительная мѣра, чтобы императоръ Карлъ V назначилъ инспекторовъ для обозрѣнія страны и обозначенія тѣхъ мѣстъ, которыя, менѣе подвергаясь приливу воды, могли бы представить убѣжище. Исполненія этого желалъ императорскій полководецъ, бывшій въ то время во Флоренціи, по требованію котораго написано сочиненіе, указывающее на эту мѣру. Но умы людей были слишкомъ взволнованы для столь рѣшительнаго плана; сверхъ того, такъ какъ высота воды была неизвѣстна, то и невозможно было сказать, не достигнетъ-ли она вершины самыхъ высокихъ горъ. Среди этихъ и подобныхъ плановъ роковой день приближался, а еще ничего не было предпринято въ достаточно широкихъ для отстраненія зла размѣрахъ. Чтобы исчислить всѣ предложенія, которыя были сдѣланы и отвергнуты, надо написать длинную главу. Одинъ проектъ, впрочемъ, заслуживаетъ упоминовенія, потому что за исполненіе его принялись съ ревностію и, сверхъ того, онъ превосходно характеризуетъ время. Одинъ теологъ, по имени Оріолъ, бывшій профессоръ каноническаго права въ Тулузскомъ университетѣ, перебиралъ въ умѣ своемъ средства, которыми бы общее бѣдствіе могло быть ослаблено. Наконецъ ему представилось, что было бы удобно сдѣлать то же, что съ полнымъ успѣхомъ сдѣлалъ Ной въ подобномъ случаѣ. Едва возникла эта мысль, какъ ревностно принялись за ея исполненіе. Жители Тулузы предложили свою помощь, и ковчегъ былъ выстроенъ, въ надеждѣ, что по крайней мѣрѣ можетъ спастись хоть часть человѣческаго рода и снова населить землю послѣ того, какъ воды сойдутъ и земля снова высохнетъ". (Бокль, Истор. цивилиз. въ Англіи, по

изд. Тиблена, I, 244—245). Календари Штоффлера напервые 36 лѣтъ XVI в. пользовались всеобщимъ сочувствіемъ въ Европѣ. Его учениками были: Меланхтонъ и Себастіанъ Мюнстеръ, (Шлоссеръ XI, 442).

IX.

Мнѣніе о семитысячелѣтнемъ существованіи міра встрѣчается въ апокрифическихъ сказаніяхъ (см. слово Меѳодія Патарскаго въ Отреч. книг. г. Тихонравова, т. II [1]), житіяхъ святыхъ (напр. Андрея Юродиваго), въ сочиненіяхъ историческихъ, аскетическихъ и въ пасхаліяхъ. Кедринъ, писавшій въ XI вѣкѣ, въ началѣ своей исторіи говоритъ о седьмомъ днѣ творенія, какъ о прообразѣ седьмаго тысячелѣтія, ссылаясь при этомъ на Іосифа (Флавія) и на апокрифъ „Малое бытіе“. Въ XII в. Григорій, епископъ коринѳскій, находилъ прообразъ будущаго вѣка въ праздникѣ пятидесятницы (потому что въ самой пятидесятницѣ 7 воскресныхъ дней). Двѣ греческія рукописи XII или XIII в. основывали свои доводы о кончинѣ міра на переложеніи въ числа именъ: Моисея и Христа и слова σταυρὸς (крестъ), впрочемъ различными способами; третья же рукопись, соглашаясь въ вычисленіи съ одною изъ нихъ, совѣтовала при этомъ обращать вниманіе на событія міра, какъ на знаменія близкой кончины его, и въ особенности на то, не угрожаютъ-ли Константинополю какія-либо бѣдствія [2]). Въ реестрѣ греческихъ пасхалій, составленномъ Пиперомъ [3]), самыя обширныя изъ нихъ (X—XV вв.) не простираются далѣе 7000 года отъ сотворенія міра. Въ одной изъ нихъ за этимъ годомъ начерченъ кружокъ, въ которомъ написанъ такой возгласъ: „горе, горе достигшимъ до конца вѣковъ“. Въ надписаніи

---

[1]) О 7000—лѣтнихъ эпохахъ Меѳодія см. А. Н. Веселовскій, Опыты по исторіи развитія христіан. легенды (Ж. М. Н. Пр., 1875 г., № 1, с. 306).

[2]) О пасхаліи. Прав. Соб. 1860 г. ноябрь 343—346. Въ свящ. писаніи указывается на физическія явленія и общественныя бѣдствія, какъ на признаки близкой кончины міра (напр. Матѳ., гл. XXIV, Марка, XIII, 2-ое посл. Петра, III, 9—11). То же постоянно встрѣчаемъ и у св. отцовъ (Ефремъ, Beatitudines, p. 297; De secundo adventu, III, 378, D, E, 478, E, T; Sermo ascet., I, 44, 49; De peniten., I, 152; Іоаннъ Злат. in Matth. Homil.. XX, 6; VII, 268, A; Кипріанъ Exhort. ad Martyr., 514 A.; ad Demetr. 433. Euseb. Bibl. Max. Patr., VI, 861. C. D. Григорій Вел. in Evang. Homil. I, 1, 1, T. p. 1436; Epist. III, 65 T. II, 677). Указывали на паденіе Рима (Іерон. Comment in Matth. IV, 24, T, IV, 115). На Нерона смотрѣли какъ на антихриста (De civ. Dei Август. XX, 19). См. Laurent. Etudes sur l'hist. de l'humanité, IV. Въ XIII в. папскіе историки въ импер. Фридрихѣ II видѣли олицетвореніе Нерона и антихриста (Веберъ, VII, 191—192).

[3]) Karls des Grossen Kalendarium, Berl. 1858 г.

пасхаліи монаха Н. Каллиста (напис. 1439 г.) сказано: „пасхалія съ Богомъ, начинающаяся отъ настоящаго времени *до исполненія семи тысячъ лѣтъ*". Съ XIV в. мысль о семитысячномъ существованіи міра встрѣчается и въ греческихъ богослужебныхъ книгахъ. Тотъ же Никифоръ Каллистъ въ своемъ Синаксарѣ на недѣлю мясопустную замѣчаетъ: „говорятъ, что пришествіе Христово совершится послѣ седьмой тысячи" [1]). Какимъ же путемъ подобная мысль проникла въ Россію?

Съ первыхъ же вѣковъ христіанства на Руси было переведено и въ высшей степени распространено извѣстное слово Ипполита „О кончинѣ міра" („Λόγος περὶ τῆς συντελίας τοῦ κόσμου καὶ περὶ τοῦ ἀντιχρίστου [2]); затѣмъ явились сочиненія Ефрема Сирина „Объ антихристѣ и кончинѣ міра" [3]) и Андрея Константинопольскаго „О послѣднемъ времени и о пришествіи отъ бездны антихриста" [4]). Кромѣ того, были извѣстны: „Діоптра" Филиппа [5]), слово Меѳодія Патарскаго „О царствіи языкъ послѣднихъ временъ" (извѣстное еще Нестору [6]), вышеупомянутый Синаксарь (на который ссылается Іосифъ Волоколамскій [7]), апокрифическое посланіе Іисуса, римскаго происхожденія, помѣщенное въ „книгѣ Купріановской" — Часословѣ [8]) и „Астрологія", въ которыхъ такъ или иначе проводилась мысль о семитысячелѣтнемъ существованіи міра. Подъ вліяніемъ подобныхъ статей, ее высказывали проповѣдники въ своихъ поученіяхъ и словахъ [9]).

> Вотъ какъ опредѣленно высказалъ ее Кириллъ Туровскій въ словѣ „о небесныхъ силахъ, чего ради созданъ бысть человѣкъ". (нѣкоторые приписывали его Авраамію Смоленскому): „Устави же Богъ на земли житія человѣческаго 7000 лѣтъ, и еже что изберетъ въ ту семь тысячь лѣтъ, то тѣми исполненъ есть чинъ ангеловъ, отпадшій съ небеси... Скончавшуся року житія и остав-

---

[1]) Прав. Соб. 1860 г. ноябрь, 334, 346.

[2]) Щаповъ, Истор. очерк. міросозерц., вып. II, 33. Опис. рукоп. Синод. библ. I, 160.

[3]) Опис. рукоп. Царскаго, с. 33, 40.

[4]) Опис. рукоп. Толстого, 291.

[5]) Опис. рукоп. Синод. библ. II, 2, 458. Ср. Ж. М. Н. Пр. 1893 г. VII, 39.

[6]) Тихонравовъ, Отречен. книги, II, 237, 245.

[7]) Прав. Соб. 1859 г., августъ, 420, и Просвѣтитель, с. 345.

[8]) Ист. литер. Шевырева, III, 210; см. также житіе Стефана Пермскаго; ср. Ист. литер., III, 162.

[9]) Кириллъ Туровскій, Памятн. слов. XII в., с. 100. Кириллъ еписк. Ростовскій въ поуч. Прав. Соб. 1859 г., февр., 257. Григорій Цамблакъ. Шевыревъ, Ист. литер., III, 356, 374.

шимся тремъ лѣтомъ царствовати Антихристу, по скончаніи трехъ лѣтъ царства его, послетъ Господь Михаила и Гавріила, вструбити въ рога овня, и въ мановеніе ока воскреснуть мертвіи".— Въ грамотахъ нѣкоторыхъ святителей упоминается роковое *послѣднее сто.* Іосифъ Волоцкій, переписывая въ пустынькѣ своей Богородичникъ, въ 1489 г. замѣтилъ въ послѣсловіи: „написахъ послѣдняго ста седмитысячнаго вѣка, девяносто седьмаго лѣта". (Ист. литер., Шевырева, IV, 84).

Полн. Собр. рус. лѣт. III, 79; IV, 11, 90, 105, 232; VI, 183. Никон. лѣт., VI, 24. Митр. Кириллъ II, въ Словѣ на соборъ архистратига Михаила въ Чт. М. Общ. ист. 1847 г. № 8, с. 18 и 19. Кипріанъ въ послан., Акты истор. I, № 253, с. 481. Фотій (Ист. литер. Шевырева, 339). Григорій Цамвлакъ, Іона и Филиппъ (ib. 374, 386. Акты истор., I, №№ 267, 280). Особое слово Гр. Цамвлака (Прав. Соб. 1881 г. № 2). Въ одномъ сборникѣ XV в. находились „Пророчества о кончинѣ міра съ исходомъ седьмыя тысячи лѣтъ" и показаны годы 1427, 1445, 1459, 1490, 1491, стр. 195—197 (Строевъ, Библ. Словарь, 155, прим.). Общественные и церковные безпорядки на Западѣ вызывали также мысль о близкой кончинѣ міра. Damiani (кардиналъ и другъ Григорія VII, Epist. I, 15. T. I. p. 12), IV, 9 p. 51, II, 1, p. 54. Также Apologetic. de contemtu mundi. Opusc. XII, 13. (T. III, p. 11). Glaber, Chronic. II, 6. Laurent, Etudes sur l'histoire de l'humanite. VI. p. 47.

Въ физическихъ явленіяхъ и общественныхъ бѣдствіяхъ лѣтописцы и проповѣдники видѣли подтвержденіе той же мысли. Ею пользовалось духовенство въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходилось дѣйствовать наставленіемъ по поводу несогласій и безпорядковъ [1]). Епифаній, авторъ житія Сергія Радонежскаго, говоритъ, что такой свѣтильникъ въ Русской землѣ не даромъ возсіялъ *на скончаніи седьмой тысячи.* На рукописи, содержащей слова Аоанасія Александрійскаго, нѣкто Тимоѳей Веніаминъ, переписчикъ, знавшій греческій языкъ, оканчивая трудъ свой, написалъ: „писахъ къ вечеру солнечнаго дне захода *седморичнаго реку вѣка* [2]). Такимъ путемъ мнѣніе о кончинѣ міра, по

[1]) П. С. Р. Лѣт., III, 93. 97. Акты истор. I, № 281, с. 514. Никон. лѣт., VI, 20. Напоминаніемъ близкой кончины міра пользовались и отцы церкви; напр. Gregor. Nazianz. Orat. XVII, p. 272 sq. I. Chrysost. de Virgin. 73 (T. I, 325 sq.); Ефремовъ Serm. ascet. (Op. I, p. 44 sq.) Laurent, IV, 128, 129.

[2]) Ист. литер. Шевырева. IV, 82, 84; III, 139.

прошествіи 7000 лѣтъ отъ сотворенія его, сдѣлалось общимъ. И когда Стефанъ Пермскій крестилъ Пермь, то его современники выражали радость о томъ, что „*на исходѣ седьмой тысячи лѣтъ* Господь помилосердствовалъ о народѣ пермскомъ и послалъ ему христіанскаго просвѣтителя въ лицѣ Стефана", а по поводу изобрѣтенія послѣднимъ грамоты, говорили: „и преже сего издавна въ Перми не было грамоты.... нынѣ же на исходъ седьмой тысячи *точію за 120 лѣтъ до скончанія вѣка грамоты замышляти* [1]). Новогородцы и псковичи устроили у себя семь соборныхъ храмовъ, въ память семи соборовъ святыхъ отцовъ и семи вѣковъ, доводящихъ до будущаго вѣка [2]). Въ московскомъ Успенскомъ соборѣ хранился уставъ Саввина тверскаго мон. XV в., въ концѣ пасхаліи котораго, доведенной до 8-й тысячи лѣтъ, читаемъ: „конецъ седми тысячамъ, Троица св. слава тебѣ", δοξα σύ ὁ Θεός [3]). Въ одномъ сборникѣ Кирилло-Бѣлозерскаго мон. сообщается, что Адаму обѣщано было возвращеніе въ рай черезъ 7000 лѣтъ [4]).

X.

Паденіе Константинополя и наступавшее завершеніе пасхаліи еще болѣе утвердили въ этомъ мнѣніи. Мы видѣли, что одна греческая рукопись совѣтовала обращать вниманіе на бѣдствія греческой столицы, какъ на предвѣщаніе послѣдняго времени. И русскій лѣтописецъ, сказавъ о скоромъ пришествіи Христа, прибавляетъ: „Блюдите убо, братія, извѣстно разумѣйте, кто хощеши, въ то время бѣжи и невѣрія, *при насъ Измаилы*" [5]). Изъ житія Стефана Пермскаго извѣстно, что мартъ считался роковымъ мѣсяцемъ, въ который ожидали кончины міра, потому что 21-го марта, какъ думали, созданъ былъ Адамъ; въ мартѣ израильтяне освободились отъ работы египетской; въ мартѣ они вошли въ обѣтованную землю; въ мартѣ совершилось Благовѣщеніе и въ мартѣ былъ распятъ Іисусъ [6]). Въ 1459 г. Благовѣщеніе пришлось на пасху, а потому, на основаніи пасхаліи, ожидали второго пришествія [7]). Подобно греческой пасхаліи, и русская, написанная новгородскимъ архіеписк. Василіемъ (1331—1352), послѣ рокового года (1492), скорбнымъ возгласомъ возвѣщала о кончинѣ міра: „здѣ страхъ, гово-

---

[1]) Ж. Стефана Пермскаго.

[2]) Акты истор. I, № 286.

[3]) Филаретъ, Житія, мартъ, 27.

[4]) Лѣт. зан. Арх. ком., III, 18.

[5]) П. С. Р. лѣт., VI, 181.

[6]) Ист. литер. Шевырева, IV, 83.

[7]) П. С. Р. лѣт., VI, 181.

рилось въ ней, здѣ скорбь, аки въ распятіе Христовѣ сей кругъ бысть, сіе лѣто и на концѣ явися, въ немъ же чаемъ и всемірное твое пришествіе“ [1]). И когда исходила пасхалія, то, по словамъ Геннадія, „была молва въ людяхъ не только въ простыхъ, *но и у болѣе значительныхъ*, о семъ многіе сомнѣніе имѣли....; нѣкоторые думали, что по окончаніи седьмой тысячи быть кончинѣ міра, какъ и прежде по окончаніи шестой тысячи такое же мнѣніе держали люди“ [2]), Тоже говоритъ и Іосифъ Волоколамскій въ 8-мъ словѣ на жидовствующихъ [3]). Еще большее смущеніе въ народѣ производили еретики, оспаривая обыкновенный счетъ лѣтъ („еретики у насъ украли лѣза“, говоритъ Геннадій). Вслѣдствіе такого настроенія, Геннадій просилъ Іоасафа посовѣтоваться съ Паисіемъ и Ниломъ о томъ, что „преидутъ три лѣта, кончается седмая тысяча“ [4]), и самъ спрашивалъ объ этомъ Димитрія Герасимова, выражая, однако нѣкоторое сомнѣніе—вѣрить или не вѣрить общему убѣжденію, „како седмой тысячи лѣта преходятъ и знаменіе согрѣшенія не явися никоторое?“ [5]). Герасимовъ отвѣчалъ ему: „о лѣтахъ и о седьмой тысячѣ, что иные чаютъ один такъ, а другіе иначе конца, то ложь есть; но всѣ роды одинъ конецъ получатъ, и то есть истинно“; но, замѣчая, что „никто не вѣсть числа вѣку, только единъ Творецъ“, онъ однако придаетъ полное значеніе числу 7, и если проходитъ 7000 лѣтъ, то „подобаетъ тому свершиться въ другія седмицы“, т. е. 700-70-7 годовъ, даже мѣсяцевъ, дней и часовъ [6]).

Наконецъ наступила роковая ночь на 25-ое марта 1492 г., въ которую ожидали трубнаго гласа архангеловъ Михаила и Гавріила, такъ какъ уже прошли три года господства антихриста, которое совре-

---

[1]) Архивъ истор. юридич. свѣд. Калачова, кн. I, отд. III, 4. На пасхалію ссылается и Софійск. лѣт., VI, 181.

[2]) Архивъ, с. 4.

[3]) Просвѣтитель, стр. 396.

[5]) Чтен. Моск. Общ. ист. 1847 г. № 8.

[4]) Изъ Богородичника Іосифа Волоколамскаго видно, что онъ раздѣлялъ прежде мнѣніе о 7000-лѣтнемъ существованіи міра; см. О ереси жидовствующихъ, Прав. Обозр. 1862 г. іюль, 295; а въ одномъ изъ жизнеопис. Іосифа Волоколамскаго сообщается, что и Геннадій вѣрилъ общему предразсудку о 7-й тысячѣ. См. Твор. св. отцовъ, т. V, кн. II, прибавл., стр. 255.

[6]) Посланіе Герасимова, Прав. Соб. 1861 г. янв.—Число семь въ средніе, мистическіе вѣка, играло важную роль. Whevell, Gesch. der induct. Wessensch. I, 266 - 269. Такое же мистическое значеніе придавали и числу 4 (4 Евангелія, 4 стихіи, 4 рѣки въ раю, 4 эпохи человѣчества: до потопа, до Моисея, до Іисуса, до времени автора, XI вѣка). Радульфъ Глаберъ: Historiarum sui temporis, въ началѣ 1-ой книги.

менники видѣли въ ереси Схарiи. Но, къ общему удивленiю, послѣдняя ночь 1492 г. прошла, какъ и другiя, что доставило еретикамъ поводъ къ насмѣшкамъ [1]). Съ другой стороны, предубѣжденiе противъ пасхалiи и ея мнимаго конца заставило соборъ позаботиться о составленiи ея на 8-ю тысячу. Митрополитъ Зосима составилъ на 20 лѣтъ; Геннадiй, по его порученiю, продолжилъ до 70-го года 8-й тысячи, причемъ въ своемъ толкованiи уже замѣчалъ: „сiе счисленiе уставлено коловратно, а конца не имѣетъ, такъ какъ кончина мiру безвѣстна“ [2]).

XI.

Напрасно думалъ Шевыревъ, что, по прошествiи страшной ночи, свѣтлѣе стало въ умахъ русскаго народа; что онъ стряхнулъ съ себя тяжелый и нелѣпый предразсудокъ въ тотъ достопамятный годъ, когда пытливый генiй Запада въ лицѣ Колумба открывалъ вторую половину обитаемой нами планеты и братался съ нашими антиподами“ [3]). Урокъ былъ данъ, но онъ остался безъ особенныхъ послѣдствiй. Мы замѣчали, что и Герасимовъ, извѣстный въ свое время образованiемъ, видѣлъ нѣчто мистическое, роковое въ числѣ 7. Въ статьѣ о составленiи пасхалiи Зосимою, помѣщенной въ рукописной Кормчей XV вѣка, читаемъ: „Зосима... митрополитъ озаботился написать пасхалiю на осьмую тысячу лѣтъ, *въ ней же чаемъ всемiрнаго пришествiя Христова*“ [4]). Въ одномъ сборникѣ XVI вѣка, послѣ сочиненiя папы Ипполита „о кончинѣ мiра“, стоитъ приписка: „аще кто имать умиленiе и слезы въ молитвахъ и молится Господеви, да избавитъ отъ скорби тоя великiя (кончины мiра), хотящiя прiити на землю, и т. д.“ [5]). И старая мысль распространялась попрежнему: одни опять основывались на скоромъ исходѣ пасхалiи, составленной Геннадiемъ (такъ священникъ Агаѳонъ въ 1540 году написалъ новую пасхалiю „*мнѣнiя ради простыхъ людей, чающихъ, что прейдетъ пасхалiя*“ [6]); другiе, опирались на общественныя

---

[1]) Просвѣтитель, стр. 47.

[2]) Арх. истор. юридич. свѣд., I, отд. iii.

[3]) Ист. литер., IV, 85. Ср. Акты ист., I, № 286, с. 523.

[4]) Рукописн. Кормчая, Прав. Соб. 1860 г. iюль.

[5]) Сборн. Соловец. библ. № 818, с. 230. А. Щаповъ, Ист. очер. мiросозерц., II, 33. Въ Апокалипсисѣ Толковомъ XVIII в. приведены выписки изъ разныхъ пророчествъ и рядъ статей, касающихся кончины мiра послѣ 7000 лѣтъ. (отцовъ церкви, житiй и пр., Баронiя, посл. Зосимы, словъ М. Грека и т. п.). Титовъ, Опис. рукоп., I, 158. Любопытно, что въ греч. Часословѣ, вышедшемъ въ Венецiи въ 1535 г., пасхальный кругъ, начинающiйся въ 1535 г., названъ: Το Πασχαλιον του ὀγδόου αἰῶνος. Du Cange, Glossar. Graec., I, p. 1128; Рудневъ, Разсужд. о ересяхъ, 104 прим. 107).

[6]) О пасхалiи Прав. Соб. 1860 г. ноябрь.

бѣдствія и въ подавленіи Москвою областныхъ интересовъ видѣли послѣдніе дни. Такъ, когда въ 1510 г. Василій Ивановичъ „обычай псковскій перемѣнилъ и старину порушилъ", то лѣтописецъ записалъ: „А все то за наше согрѣшеніе такъ Богъ повелѣлъ быти. Запеже писано во Апокалипсисѣ глава 54 (по прежнему дѣленію, а теперь 17): пять бо царей минуло, а шестый есть, но не убѣ пришелъ; шестое бо царство именуетъ въ Руси Скиоскаго острова, си бо именуетъ шестый, и седмый потомъ еще, а осмый антихристъ. Себо Христосъ во святомъ Евангеліи глагола: да не будетъ бѣжество ваше зимѣ, ни въ субботу, се убо приде на ны зима. Сему царству расширятися и злодѣйству умножатися. Охъ увы"! [1]). А религіозно-мистическіе патріоты того времени съ гордостію взирали, что „всѣ христіанскія царства пришли въ конецъ и сошлись въ одно царство, по пророческимъ книгамъ, то-есть россійское царство; ибо два Рима пали, говорили они, а третій стоитъ (Москва), а четвертому не быть" [2]). И они думали, что только отъ русской державы зависитъ предотвратить близкую бѣду (кончину [3]). Такъ развивалась мистическая идея о кончинѣ міра до тѣхъ поръ, когда и Максиму пришлось высказать свое мнѣніе о ней.

XII.

Онъ былъ вызванъ на это мнѣніемъ Николая Нѣмчина, альманахомъ и одною рукописью („списаніе къ нѣкоему отъ своихъ друговъ... Нѣмчина нѣкоего родомъ, ученіемъ же и вѣрою латынина и астролога" [4]), которую ему давали читать и въ которой предсказывалось паденіе Турецкой имперіи и возникновеніе новаго порядка вещей. Въ одномъ изъ своихъ словъ Максимъ упрекалъ Николая Нѣмчина за предсказаніе кончины міра [5]), а въ хронографѣ, по поводу посланія Филоѳея Мунехину, замѣчено: „Написалъ же Николай Нѣмчинъ Мунехину посланіе 7032 г. (1524), что будетъ въ то лѣто вселенной странамъ и царствамъ и областямъ и обычаямъ и градамъ и достоинствамъ и скотамъ и бѣлугамъ морскимъ и всѣмъ вмѣстѣ земнороднымъ несомнѣнное премѣненіе. Въ то лѣто солнце и луна не будутъ видны, но дѣй-

---

[1]) П. С. Р. лѣт., IV 282.

[2]) Посланіе Филоѳея къ Мунехину, Прав. Соб. 1861 г., май, 95.

[3]) Тамъ же, и къ Вел. князю, Прав. Соб. 1863 г. мартъ.

[4]) Мы знаемъ уже, что Ник. Нѣмчинъ писалъ къ Карпову и Мунехину. Неправильныя мнѣнія указаны нами выше, стр. 231—32, 267.

[5]) Сочин., I, слово xx.

ствія преходящихъ звѣздъ, достойныя удивленія случатся, мѣсяца же февраля 20 съѣмы (стеченія) ихъ не средніе, но великіе будутъ, 16 изъ которыхъ *знаменіе водное* наслѣдять, кое несомнѣнное премѣненіе и преиначеніе знаменуетъ, таковое какого отъ многихъ вѣковъ и отъ лѣтописателей, и отъ древнихъ родовъ едва слышали!“ [1]). При этомъ прибавлено, что Николай ссылался на латинскихъ астрологовъ („такъ пишутъ латынстіи астрономи“, говорилъ онъ). Подобныя же черты предсказаній, относительно измѣненія вселенной, мы находимъ и у Максима, который ихъ заимствовалъ изъ альманаха [2]). Слѣдовательно предсказанія послѣдняго и Николая Нѣмчина стоятъ въ связи съ мнѣніемъ Штоффлера о новомъ потопѣ, который по его предположенію долженъ былъ произойти въ 1524 году, какъ утверждалъ Николай Нѣмчинъ.

М. Грекъ обращается къ распространителямъ этой мысли такъ: „если Христу вѣрите и воскресенію мертвыхъ..., то чего ради святыми его обѣщаніями, которые были даны праведному Ною пренебрегаете и слѣдуете звѣздозрительнымъ прелестямъ, проповѣдуя измѣненіе и преиначеніе быть всѣхъ существъ и всего происходящаго на землѣ“. Противорѣчіе это приводитъ его въ заключенію, что тѣ, которыхъ онъ обличаетъ, или не вѣрятъ въ промыслъ Божій, или допускаютъ его относительно „небесныхъ“, а все земное, по ихъ мнѣнію, управляется „зодіями, планетами и счастіемъ“. И то и другое, замѣчаетъ онъ, „равно безбожно есть“. Далѣе, когда бы была въ нихъ такая сила, какую допускаете вы (относится къ послѣдователямъ звѣздочетства), то давно бы все сіе погибло неотвратимыми звѣздными побужденіями, если не божественнымъ какимъ праведнымъ маніемъ, но своею силою и обношеніемъ, какъ вы говорите, таковыя совершаются погубленія. Но если есть Промыслъ, то какъ возможно зодіямъ и планетамъ такое погубленіе (потопъ) навести божіимъ тварямъ, когда Богъ ихъ содержитъ и охраняетъ творческою дланью своею?“.

Максимъ указываетъ на наказанія за преступленіе заповѣдей (примѣры изъ священнаго писанія: судьба Содома и Гоморры, фараона, израильтянъ и т. п.), какъ на доказательство того, что Богъ управля-

[1]) Пр. Соб. 1861, № 5, 80—81 и 81—86 (отвѣтъ Филоѳея). Ср. Хроногр. Соловец. библ. №53 (А. Щаповъ, Очерки міросозерц. Ж. М. Н. Пр. 1863, стр. 34); такъ же въ Сборн. библ. Спб. Дух. ак., 6-я тетр., XVI в., находится „Рѣчь Николая Латинника Миссюрю къ Мунехину, пророч. въ лѣто 7032 быти перемене всего міра (лл. 26—27) и отвѣтъ Филоѳея (А. Родосскій, Опис. рукоп., 384.); Малининъ см. выше, с. 232.

[2]) Сочин., I, сл. хх.

етъ міромъ, а не „планеты и звѣзды бездушныя и глухія вещи“. Къ числу подобныхъ наказаній онъ относитъ и первый потопъ. При этомъ Максимъ ставитъ во вниманіе библейское выраженіе: *„и навожу потопленіе“*, которое, по его словамъ, Богъ употребилъ для опроверженія тогдашнихъ звѣздочетцевъ, полагавшихъ всю силу въ „зодіяхъ и планетномъ обхожденіи“. Здѣсь же онъ замѣчаетъ, что звѣздочетство уже тогда существовало, потому что оно получило начало отъ Сиоа. Наконецъ, въ одномъ словѣ на Ник. Нѣмчина, Максимъ выставляетъ на видъ постигшее послѣдняго разореніе и бѣдствіе, въ доказательство того, что астрологи не могутъ предвидѣть и простыхъ случаевъ жизни, а не только кончину міра.

Общая идея, проходящая чрезъ эти обличенія, состоитъ въ указаніи того, что „вѣра въ альманахъ“ отрицаетъ Промыслъ и потому „беззаконна“; а заключительная мысль Максима и здѣсь можетъ быть выражена словами: „Божій промыселъ незвѣзднымъ нужамъ и планетнымъ схожденіямъ подлежитъ, но самъ владѣетъ всѣми и управляетъ всѣмъ, какъ хочетъ“ [1]). Такимъ образомъ, въ своихъ обличеніяхъ противъ распространившейся мысли о новомъ потопѣ и кончинѣ міра, М. Грекъ ограничивается доказательствами ложности астрологическихъ предсказаній; общаго мнѣнія о близкой кончинѣ міра, существовавшаго независимо отъ нихъ, онъ не касается и не опровергаетъ. Напротивъ, онъ его даже проводитъ въ своихъ сочиненіяхъ. Такъ, въ одномъ изъ нихъ, озаглавленномъ: „Слово пространное, излагающее съ жалостію нестроенія и безчинія царей и властей послѣдняго житія“, жена, подъ видомъ которой Максимъ представилъ тогдашнюю Россію, на его вопросъ: „ради чего при пути семъ пустомъ сидишь обступаемая столь лютыми звѣрями?“ отвѣчаетъ: „пустой путь сей показываетъ послѣднее время сего окаяннаго вѣка, какъ лишеннаго уже и опустошеннаго отъ царей благоговѣрномудренныхъ... всѣ бо только своего ищутъ и т. д. [2]). Въ „Словѣ къ благовѣрнымъ на богоборца Моамеоа“, Максимъ говоритъ, что „антихристъ весьма недалеко есть, но и при дверяхъ уже стоитъ, какъ божественное писаніе учитъ насъ, явственно говоря: *на осмомъ вѣкѣ быть должно всѣхъ устроеніе*, т. е. *и греческія области прекращенію, и началу губительства богоборца антихриста, и второму страшному на земли Спаса Христа пришествію.* А что не далеко стоитъ столь ожидаемое благовѣрныхъ всѣхъ устроеніе, явственно и отъ иныхъ многихъ, яснѣйшихъ письменныхъ показаній и преданій

---

[1]) Сочин., I, 455, 459—475.
[2]) Сочин., II, 335.

и наиболѣе то, что апостолъ Павелъ пишетъ во второмъ посланіи къ солунянамъ и т. д. (II, 4). Максимъ видѣлъ признаки скорой кончины міра въ различныхъ *„нестроеніяхъ"*, *притѣсненіяхъ отъ турокъ*, *паденіи Греціи*, *нерадѣніи духовенства*, *постоянныхъ войнахъ* и т. п. Все это, говоритъ онъ, соотвѣтствуетъ словамъ Евангелія о признакахъ послѣднихъ дней [1]). Вполнѣ понятно, что своимъ авторитетомъ, Максимъ Грекъ утверждалъ прежній, вѣковой предразсудокъ. Его ученикъ—Курбскій въ тиранніи Іоанна Грознаго видѣлъ восьмой, звѣриный вѣкъ [2]), его современникъ (быть можетъ Вассіанъ) въ безпорядкахъ монастырской жизни также усматривалъ признаки послѣдняго времени [3]), и ту же идею поддерживали болѣе просвѣщенные изъ его почитателей, какъ ученикъ его Зиновій Отенскій [4]) и близкій ему по духу Артемій [5]).

Дѣйствительно, идея о скорой кончинѣ міра, подъ вліяніемъ различныхъ политическихъ и общественныхъ условій, постоянно поддерживаемая мистико-апокалипсическимъ настроеніемъ народнаго духа, становилась чѣмъ-то роковымъ, что должно исполниться въ близкомъ будущемъ. Игнатій Тобольскій писалъ: „Нынѣшніе еретики (раскольники) ужасъ сатанинскій показываютъ, утверждая, что *уже настоитъ день втораго Христова пришествія и кончина настоящаго вѣка*. И посему, вѣруя ихъ скверному ученію, нѣкоторые изъ простаго народа оставили свои дома и бѣжали за ними, какъ овцы за волками, и были отъ нихъ погублены: одни огнесожженіемъ самовольнымъ погубили свои души, другіе же и донынѣ еще какъ бѣсноватые скитаются и помираютъ безъ таинъ божественныхъ [6])." Извѣстно, что раскольники въ особенности были проникнуты ожиданіемъ втораго пришествія Христа, и конечно они нашли тому сильное подтвержденіе (въ числѣ другихъ) въ сочиненіяхъ Максима, которыя пользовались въ ихъ средѣ большимъ уваженіемъ. Въ XVIII вѣкѣ суевѣрное мистико-апокалипсическое ожиданіе конца міра дошло до ужасныхъ суевѣрныхъ проявленій: живые ложились въ гробы и со дня на день ожидали его преставленія.

[1]) Сочин., I, 132—133.

[2]) Сказан. Курбскаго, I, 115. Прав. Соб. 1863 г., II.

[3]) Чт. Моск. Общ. ист., 1859 г. кн. III.

[4]) Истины показаніе, 48—49.

[5]) Рус. Ист. библ., IV, 282.

[6]) 3-е посланіе Игнатія Тобольскаго, Прав. Соб. стр. 165. О самосожигателяхъ въ XVII—XVIII ст. см. изслѣд. Д. И. Сапожникова (Чтен. въ Общ. исторіи 1891, III, 1—171, по архивн. источникамъ).

Суевѣры-фанатики вѣрили, что пришелъ уже разрушитель-антихристъ и проникъ не только въ гражданскій, но и въ физическій міръ, въ стихіи: огонь, воду, воздухъ и землю [1].....

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Связь звѣздочетства съ апокрифической литературой.—Апокрифическія произведенія въ Византіи и у славянъ. Распространеніе ихъ въ Россіи; содержаніе ихъ и характеръ.—Отношеніе апокрифовъ къ раціоналистическимъ ученіямъ.—Полемика противъ нихъ до Максима Грека и способъ его возраженій. Разборы сказаній: Афродитіана и Луцидаріуса; о незахожденіи солнца во всю свѣтлую недѣлю; о грамотѣ, сосланной съ неба; о рукописаніи грѣховномъ; объ Іудѣ предателѣ.—Возраженія противъ толкованій Іоанна Людовика Вивеса на книгу Августина Блаженнаго „De civitate Dei". Вопросъ о размноженіи рода человѣческаго.—Общій характеръ критики М. Грека.—Вѣра въ волшебство. Обличенія М. Грека противъ волхвованія.

I.

Мы видѣли, что астрологическія мнѣнія, и вѣрованія въ близкую кончину міра во многихъ случаяхъ опирались на апокрифическія сочиненія, получившія въ древней Руси широкое распространеніе, отчасти благодаря своей близости къ вопросамъ религіозно-богословскаго характера, отчасти же вслѣдствіе своего содержанія, которое такъ привлекало мало просвѣщеннаго читателя многими подробностями, какихъ онъ не находилъ въ церковной литературѣ, и, кромѣ того, благодаря многочисленнымъ даннымъ, какія онъ могъ найти относительно явленій міра физическаго, мало ему доступнаго, и нравственно-философскихъ понятій, не смотря на ложное отношеніе самыхъ апокрифовъ къ церковному ученію.

Съ литературной точки зрѣнія апокрифическія сказанія составляютъ обширную область богатаго религіознаго эпоса, въ которомъ среди заблужденій, анахронизмовъ и противорѣчій исторіи, встрѣчается много замѣчательныхъ идей, смѣлыхъ и оригинальныхъ мотивовъ, трогательныхъ и поэтическихъ картинъ. Поэтому апокрифы всегда были

---

[1]) А. Щаповъ, Историч. очерки міросозерцанія, II, 34.

Мнѣнія о всеобщемъ потопѣ и хронологическія вычисленія о кончинѣ міра отъ времени до времени появляются и на Западѣ. Наши тираспольцы, іоанниты, иннокентьевцы позднѣйшаго времени также вѣрили въ близость его „преставленія".

любимыми сказаніями, передавались отъ одного народа другому, проникали въ искусство и литературу и служили сюжетами въ области духовной поэзіи, живописи и скульптуры [1]). Они удовлетворяли религіозной мысли, стремившейся проникнуть въ міръ надземный, а съ другой стороны рисуютъ картины будущей жизни и потому носятъ апокалипсическій характеръ. Нѣкоторые изъ нихъ ближе стоятъ къ библейскимъ книгамъ, другіе носятъ черты позднѣйшей эпохи и, наконецъ, нѣкоторые примыкаютъ къ Талмуду, Каббалѣ и другимъ іудейскимъ сочиненіямъ, подвергшимся вліянію Вавилона и Персіи. Уже со времени вавилонскаго плѣна замѣчается особенное развитіе эсхатологическихъ идей или ученія о послѣднихъ временахъ міра, источникомъ которыхъ была книга пророка Даніила. Въ ней пророчества о временахъ Мессіи соединяются съ изображеніемъ послѣднихъ временъ міра. Она сдѣлалась источникомъ апокалипсическихъ идей для всѣхъ сочиненій, въ которыхъ изображаются время Мессіи и послѣдція времена міра [2]). Идеи и образы Книги Еноха, служащей прообразомъ подобныхъ сочиненій, возникли подъ вліяніемъ книги Даніила [3]). Идеи восточныхъ ученій и греческой науки, сходившіяся въ Александріи, содѣйствовали сліянію языческихъ представленій съ св. писаніемъ. Наконецъ, въ первые вѣка христіанства сюда присоединились вліянія еретическихъ сектъ, основатели и послѣдователи которыхъ были самыми ревностными распространителями апокрифическихъ сказаній. Изъ византійской литературы апокрифическія сказанія перешли въ западную литературу. Вся средневѣковая западная литература, духовная и свѣтская, наполнена ими. Они нашли мѣсто въ богословскихъ экзегетическихъ и историческихъ книгахъ, въ мистеріяхъ и духовныхъ драмахъ и присоединялись къ тексту библейскихъ книгъ. Съ самаго начала письменности апокрифы стали распространяться въ Болгаріи и Сербіи, преимущественно при посредствѣ богомиловъ, въ ученіи которыхъ видное мѣсто занимаетъ „Іоаннова книга“, составленная на основаніи апокрифическаго апокал. Іоанна Богослова (извѣстнаго въ славянской передѣлкѣ, подъ именемъ Вопросовъ Іоанна Богослова Господу на горѣ Ѳаворѣ [4]), въ которой излагаются вопросы Іоанна о на-

[1]) О вліяніи апокрифовъ на иконопись см. пренія на VIII-мъ Археол. съѣздѣ (Е. Ф. Шмурло, VIII Арх. съѣздъ, с. 74); на Западѣ (Древн. и Нов. Россія, 1875, III, 129—130).

[2]) Порфирьевъ, Апокриф. сказ. о ветхозав. лицахъ и событіяхъ, 4—5, 19, 26—27, 120—125; Н. Лавровскій, Обозр. ветхозав. апокрифовъ. (Духов. Вѣстн. 1864).

[3]) Пророку Иліи іудейскіе раввины приписывали преданіе о томъ, что міръ будетъ существовать 6000 лѣтъ и т. д. (Порфирьевъ, 166).

[4]) Памятн. отречен. литерат., II, 174—192.

чалѣ міра, паденіи Сатаны, грѣхопаденіи, о царствованіи Сатаны въ этомъ мірѣ, послѣднихъ временахъ міра и о страшномъ судѣ. Отсюда богомильскія идеи о сотвореніи міра (дуалистическаго характера) перешли въ разныя славянскія апокрифическія сказанія. Сказанія эти вмѣстѣ съ другими памятниками болгарской и сербской письменности перешли и въ Россію. Это можно сказать о большинствѣ изъ нихъ [1]). Но доставлялись они также и непосредственно изъ Византіи. „Фантастическое содержаніе апокрифовъ нравилось въ періодъ, когда всѣ умы были погружены въ религіозныя созерцанія". Новозавѣтныя апокрифическія сказанія основывались главнымъ образомъ на повѣствованіяхъ апокрифическихъ Евангелій Іакова, Ѳомы и Никодима [2]).

Многія изъ нихъ уже упоминаются въ первыя времена христіанства, въ актахъ римскаго собора 494 г. Только нѣкоторые были составлены богомилами; всѣ почти древніе славянскіе апокрифы переведены съ греческаго. (Иречекъ, Ист. Болгаръ, 230). Этюды по богомильству. Къ вопросу объ отношеніи апокрифовъ къ богомильству (Сборн. Т. Д. Флоринскаго), Радченка, 29—38. Перечень апокрифовъ болгар. и богомильск. (Иречекъ, 562—564) Также А. Веселовскій, Сказ. о. Соломонѣ и Китоврасѣ, 164: апокрифическая литература въ Россіи преимущественно богомильскаго характера.

Апокрифы занимаютъ важное мѣсто въ исторіи древнерусской письменности. Въ Россіи они стали распространяться вѣроятно вскорѣ послѣ введенія христіанства, вмѣстѣ съ церковными книгами. Тертулліанъ (De praescr. haeret.) происхожденіе апокрифовъ приписываетъ гностикамъ, отъ которыхъ они широко распространились по Греціи. Въ Болгаріи они также нашли благопріятную почву при посредствѣ павликіанъ и богомиловъ, составлявшихъ отрасль гностиковъ, мани-

[1]) Порфирьевъ, 128—132.

[2]) Всѣхъ апокриф. Еванг.—7: 3 на греч. яз., 2 на латин. и 2 на арабскомъ. Послѣдніе 4 считаются также переводомъ съ греч. яз. На славян. яз. были распространены Ев. Іакова (Первоевангеліе), Ѳомы и Никодима (съ добавочн. статьями). Подробн. см. М. Сперанскій, Славян. апокрифич. Евангелія, М. 1895, изд. М. Арх. общ. (и Тр. VIII Арх. съѣзда, II, 38—172); И. Порфирьевъ, Апокр. сказ. о новозав. соб., Спб. 1890 (Ев. Никодима, 164—191: Первоев. Іакова, 136—149). Первоев. Іакова въ рус. перев. (Прав. Обозр. 1860, № 1, с. 1—34, прилож.; Ев. Никодима въ рус. перев. (ib. № 3, с. 35—56); О евангеліяхъ апокрифическихъ, К. Скворцова (Тр. К. Д. акад. 1861 № 12, стр. 381—418). Пользованіе ими въ богосл. произведеніяхъ (Древ. и Нов. Рос. 1875, III, 124—131).

хеевъ и мессаліанъ [1]). Въ первой половинѣ XII в. въ болгарскомъ городѣ Меглинѣ почти всѣ жители приняли ученіе павликіанъ. Въ спискѣ апокрифическихъ книгъ, когда говорится „о ложныхъ канунахъ и молитвахъ отъ трясавицъ“, то прибавляется „Еремея попа болгарскаго басни“. Болгарія безъ сомнѣнія была главнымъ пунктомъ, откуда шли апокрифы въ Россію, а потому Курбскій ихъ прямо называетъ „болгарскими баснями“ [2]). Извѣстно также, что богомилы жили и дѣйствовали въ Россіи и первые еретики Адріанъ и Дмитръ считаются послѣдователями богомильской ереси [3]). Изъ Греціи апокрифы могли доставляться въ Россію паломниками—книжниками, которые не слишкомъ были разборчивы въ богословскихъ тонкостяхъ; тѣмъ болѣе, что религіозное содержаніе апокрифовъ и происхожденіе нѣкоторыхъ изъ нихъ приписываемое отцамъ церкви, — еще болѣе утверждали ихъ значеніе въ глазахъ читавшихъ. Курбскій говоритъ, что и русскіе „лжесловесники любили подписывать свои повѣсти на святыхъ имена, да удобно ихъ писаніе пріимется простыми и ненаученными“ [4]).

Уже въ лѣтописи Нестора подъ 1096 г. мы встрѣчаемъ ссылку на апокрифъ „о невѣрныхъ языкахъ Гогѣ и Магогѣ“. Онъ же приводитъ изъ Палеи разсказъ, заимствованный изъ ветхозавѣтной исторіи, который однако передѣлывается отъ лица греческаго философа, приходившаго къ князю Владиміру [5]). Въ Изборникѣ Святослава была статья, „о

[1]) Попъ Іеремія Богомилъ примѣнилъ ученіе павликіанъ и вскорѣ уже двѣ церкви принадлежали имъ (Rački, Rad, X); В. Левицкій, Богомильство—болгар. ересь (Хр. Чт., 1870); Иречекъ (227—229).

[2]) Смѣсь христіанства съ язычеств. и ересями въ древн. русск. народн. сказан. о мірѣ, А. Щапова, Прав. Соб. 1861 г., № 3.

[3]) Разсужд. о ересяхъ, Н. Руднева, 37; Макарій I, 173; И. Порфирьевъ, Апокриф. сказ. о ветхозавѣтн. лицахъ и событіяхъ, (Каз. 1872, с. 120—121, 128—139); В. М. Истринъ. Новый Сборникъ ветхозавѣт. апокрифовъ, по поводу изд. Ив. Франка, Львовъ, 1896 (Ж. М. Н. Пр. 1898, № 11, с. 112—133).

[4]) „Паче же на Златоуста, продолжаетъ Курбскій, клеветами ополчаются, и отъ книгъ русскихъ емлючи словеса развращенныя, отъ Еремѣи попа болгарскаго и иныхъ таковыхъ и на Златоуста имя подписуютъ и на иныхъ святыхъ яко щиты себѣ носятъ, и изъ-за нихъ на законъ Христовъ поруганіи и хулами стрѣляютъ, и вѣрныхъ, тяжущихся съ ними по невѣдѣнію, аки за словеса святыхъ, удобне одолѣваютъ, яко безотвѣтныхъ, и отъ истиннаго пути на прелесть свою возводятъ“ См. Послан. кн. Курбскаго, въ Прав. Соб. 1863 г., августъ, 555—557.

[5]) П. С. Р. лѣт., т. I. Въ Палеѣ, отнесенной къ дозволеннымъ книгамъ, у отцовъ церкви и въ византійскихъ хроникахъ находимъ рядъ апокрифич. сказаній (Порфирьевъ, 87—97, 134). О заимствованіяхъ изъ нихъ же апостолами (145—146), напр. въ посланіи Іуды (I, 14—15). О различіи между апокрифами и ложн. книгами (Тихонравовъ I, 65—78, дополн. 109—116; Изв. Ак. Наукъ 1899, IV, о Палеѣ).

добрыхъ и злыхъ дняхъ" и „сказаніе Епифанія о пророкахъ". Въ рукописи Троицкой лавры, относящейся къ XII в., находится „хожденіе Богородицы по мукамъ"; въ XIII в. встрѣчаемъ апокрифическое сказаніе о св. Агапіи, видѣвшей рай [1]), сказаніе Афродитіана о рождествѣ Іисуса Христа [2]), завѣты патріарховъ [3]). Въ житіи Авраамія Смоленскаго говорится, что его обвиняли въ чтеніи *глубинныхъ* книгъ (отреченная книга — Глубина, а не голубиная книга [4]). Въ XIV столѣтіи встрѣчаемъ „сказаніе о Макаріи римскомъ", котораго три черноца странника нашли въ двадцати поприщахъ отъ рая. Оно помѣщено въ Паисіевскомъ Сборникѣ, но еще прежде на него ссылается новгородскій архіеп. Василій (1331—1352) въ посланіи къ тверскому епископу Ѳеодору о раѣ [5]). Въ „Златой Чѣпи" того же вѣка помѣщено сказаніе о томъ, какъ солнце стояло во всю свѣтлую недѣлю [6]). Въ Паисіевскомъ Сборникѣ находятся „вопросы Варооломѣевы" къ Богородицѣ о томъ, какъ она родила Христа [7]); въ Сильвестровскомъ Сборникѣ „откровеніе Авраама", „хожденіе Зосимы къ Рахманамъ" [8]); въ Румянцевскомъ хронографѣ 1494 г. помѣщены: Лѣствица Іакова, житіе Моисея, повѣсть о Китоврасѣ; въ рукописи 1419 г.—хожденіе Іоанна Богослова и о древѣ крестномъ [9]); въ другой рукописи XV в.—Іаковля повѣсть; въ сборникѣ того же вѣка, принадлежащемъ Императорской Публичной библіотекѣ, встрѣчается статья о лунномъ теченіи, о добрыхъ и злыхъ дняхъ [10]). Въ спискахъ XIV—XVI вв. извѣстны: „статья отъ книгъ Еноха Праведнаго" [11]), „исповѣданіе Евы", „о смерти Адама" [12]), „посланіе Пилата къ Тиверію", „повѣсть о плѣненіи Іеруса-

---

[1]) Пыпинъ, Ложн. и отреч. кн. (Рус. Слово, 1862, январь, 97).

[2]) Чтен. Моск. Общ. ист. 1858, кн. 4. Сборн. XIII в. въ опис. рук. П. Лавровскаго.

[3]) Переяслав, лѣт., кн. Оболенскаго, предисл. с. 22, 29.

[4]) Житіе Авраамія, въ Прав. Соб. 1858 г. ноябрь, 372. Ср. Порфирьевъ, 123.

[5]) П. С. Р. лѣт., VI, 87—89.

[6]) Чтен. Моск. Общ. ист. 1846, II, 47.

[7]) Пыпинъ, ib.; Тихонравовъ, Сочин., I, 127—255; 13—84.

[8]) Тихонравовъ. Памятн. отреч. рус. лит. А. Веселовскій, Славян. сказ. о Соломонѣ и Китоврасѣ и западн. легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ, Спб. 1872.

[9]) Опис. рукоп. Румянц. муз., стр. 722, 726, 727, 723. Опис. рукоп. Синод. библ., II, 173.

[10]) Опис. рукоп, Румянц. муз. 681. Пыпинъ, Ложн. кн., янв., 97.

[11]) Опис. рукоп. Рум. муз., с. 326. Книга Еноха съ предислов. М. И. Соколова (Чт. Моск. Общ. ист., кн. II), 1899, IV, 1—112). А. Смирновъ, Книга Еноха, Истор. критич. изслѣдов., рус. перев. и объясн. апокриф. книги Еноха, Каз. 1888, рец. А. Соболевскаго (Ж. М. Н. Пр. 1889, № 1). Ср. Порфирьевъ, 198—231.

[12]) Въ апокр. Адамъ даются подроб. сказ. о пребываніи Адама и Евы въ раю и дальн. ихъ жизни (Порфирьевъ, 179—197). Въ исторіи ересей Епифанія много апокриф. сказаній (Порфирьевъ, 87).

лима“, хожденіе апостола Павла по мукамъ, о іерействѣ Іисуса Христа, вопросы Іоанна Богослова Господу на горѣ Ѳаворской, о 12-ти пятницахъ, имена ангеловъ, бесѣда трехъ Святителей, чудо св. Николы, о Синагрипѣ царѣ, слово св. праведнаго Іоанна Ѳеолога (разговоръ Іоанна Богослова въ раю съ Авраамомъ о будущей жизни), апокрифическое житіе Ѳеодора Тирона и мученіе Никиты, сказаніе объ Іудѣ предателѣ и т. д. [1]).

II.

Около того же времени для Россіи открылся новый источникъ апокрифовъ: они стали заходить съ Запада; такъ, при Максимѣ Грекѣ появился Луцидаріусъ, какъ полагаютъ, въ переводѣ съ нѣмецкаго языка [2]). Апокрифы съ Запада могли доставляться въ Россію черезъ русскихъ, бывшихъ тамъ по дѣламъ посольскимъ, или черезъ иностранцевъ, проживавшихъ въ Россіи [3]). XVI и XVII вв. были временемъ наибольшаго распространенія апокрифовъ въ народѣ. Конечно почитанію ихъ много способствовали тѣ обѣщанія разныхъ благъ, которыми распространители апокрифовъ старались побуждать къ чтенію ихъ; наприм. при апокрифѣ „семьдесятъ именъ Богу“ сказано: „сіи имена, егда прочитаеши, непобѣжденъ будеши въ рати, и отъ всѣхъ врагъ избавленъ будеши и отъ напрасныя смерти и отъ страха нощнаго и отъ дѣйства сатанина [4]); одно чтеніе „Сна Богородицы„ могло доставить царствіе небесное и спасти отъ бѣдствій; въ статьѣ о ложныхъ книгахъ говорится, что „Авгарево посланіе на шеѣ носятъ неразумніи“ [5]). По словамъ Курбскаго, въ его время апокрифическія писанія были чрезвычайно распространены какъ въ Московской Руси, такъ и въ Литовской землѣ, и даже предпочитались твореніямъ отцовъ церкви; онъ самъ прочелъ Никодимово Евангеліе въ переводѣ на польскій языкъ [6]).

[1]) Пыпинъ, Лож. кн., Рус. Сл. 1862, янв., 97. Румянц. муз. 167. Отреч. кн. Тихонравова. Опис. рук. Синод. библ., II, 507; Порфирьевъ, ibid.; Апокрифъ объ Авраамѣ, о завѣтахъ 12 патр., Лѣствица Іакова (Порфирьевъ, 197—306). Извлеченія изъ нихъ (Сборн. Ак. Н., XVII, 1—273). О новозавѣтн. апокрифахъ— его изслѣд.; также Макарій, V, 253 и д.; Виз. Врем. I, в. 2, 180—224.

[2]) Лѣтописи рус. лит. Тихонравова, I, 37.

[3]) Библіотека иностр. писат. о Россіи, ч I, 111 (Контарини).

[4]) Отреч. книги, Тихонравова, II, 339.

[5]) Пыпинъ, Ложн. кн. Рус. Сл. 1862, янв., 87.

[6]) Прав. Соб. 1863 г., II, 550—560 (посл. Курбскаго); также Порфирьевъ. Апокриф. сказ. о ветхозавѣтн. лицахъ, с. 133. Крижаничъ свидѣтельствуетъ, что у русскихъ много апокрифическихъ сочиненій, заимствованныхъ изъ лютеранскихъ

„При всемъ уваженіи къ произведеніямъ древности, говоритъ Пыпинъ, нельзя не видѣть, что въ сущности литература Туровскихъ была литература для немногихъ, что судить о ней по массѣ—было бы большой исторической ошибкой. Для большинства обыкновенныхъ грамотниковъ и тогда, и послѣ остались непонятны слишкомъ буквальные переводы греческихъ писателей и собственныя религіозныя и нравственныя произведенія въ томъ же тонѣ: ихъ фигурная или отвлеченная терминологія, перенятая потомъ и нашими писателями, ихъ условный языкъ, который едва умѣла передавать наша только-что рождавшаяся письменность,—были недоступны для массы, требовавшей себѣ мысли и выраженія болѣе простыхъ и по силамъ своему пониманію. Такому настроенію не могла въ сущности удовлетворять литература, настроенная на византійскій ладъ: языкъ ея былъ теменъ, ученіе слишкомъ отвлеченно... Для наивныхъ понятій, привыкшихъ къ образамъ и олицетвореніямъ, искавшихъ поэтической миѳологіи и осязательныхъ правилъ и предписаній, нужны были книги иного рода,—книги также христіанскаго происхожденія и колорита, но книги немудреныя, близкія къ пониманію массы, слегка фантастическія, яркія и доступныя по формѣ... Такими именно были ложныя книги, и этимъ характеромъ ихъ, и этими обстоятельствами объясняется ихъ историческое значеніе и вліяніе на понятія массы..., онѣ часто обращались именно къ тѣмъ предметамъ, о которыхъ молчало догматическое ученіе, предоставляя ихъ вѣрѣ, и для которыхъ масса тѣмъ не менѣе всегда старается найти точное, положительное объясненіе: таковы вопросы о подробностяхъ творенія, о загробной жизни, о раѣ и адѣ... О всемъ этомъ апокрифическія сказанія говорили съ такими подробностями, разсказывали столько фантастически-занимательнаго, ссылались на такіе авторитеты, что неопытный читатель увлекался и вѣрилъ на слово“ [1]).

Но кромѣ того, что грамотники находили въ апокрифахъ дополненія къ тѣмъ сказаніямъ, которыя кратко или, по ихъ мнѣнію, неполно представлялись въ священномъ писаніи и житіяхъ, они находили въ нихъ и другой, болѣе важный матеріалъ. Изъ апокрифовъ любопытные

и кальвинскихъ книгъ (М. Соколовъ, О крещеніи, Ж. М. Н. Пр. 1891, № 5 и отд. с. 75).

[1]) Рус. Слово, 1862 г., янв. и февр., сс. 105, 108, 110. Ист. рус. литер., I 411—484. Ср. Лѣт. зап. Арх. ком., I. с. 2. Къ ист. откров. Меѳодія Патарскаго въ зап. славян. литер. Н. М. Петровскаго (Изв. Ак. Н. 1909, III); Откров. Меѳодія Патарскаго и апокрифич. видѣнія Даніила въ визант. и славяно-русской литературахъ. Изслѣд. и тексты, В. М. Истрина (Чт. въ Общ. ист. 1897, кн. II—IV и 1898, кн. I).

почерпали свѣдѣнія о землѣ, стихіяхъ, физическихъ явленіяхъ, народахъ, планетахъ и т. п. Нѣкоторые апокрифы послужили предметомъ подражанія для народной фантазіи; такъ, подъ ихъ вліяніемъ сложились стихи о *голубиной* книгѣ, о Θеодорѣ Тиронѣ и др. Отсюда видно, какое обширное значеніе имѣлъ этотъ родъ литературы въ глазахъ русскихъ читателей, и, когда уже замолкли всѣ обличенія противъ него,—подобныя произведенія еще сохранялись въ значительной части народной массы.

III.

Вмѣстѣ съ появленіемъ апокрифическихъ сочиненій въ Россіи, появляются и статьи, направленныя противъ ихъ распространенія, очевидно византійскаго происхожденія [1]). Изъ нихъ извѣстны: такъ называемая статья Іоанна Богослова, помѣщенная въ Святославовомъ Изборникѣ; въ другихъ рукописяхъ встрѣчаются статьи или съ именами отцовъ церкви (Григорія Богослова, Аѳанасія и др.), или рядомъ съ церковными постановленіями Кормчей, въ Тактиконѣ Никона Черногорца и др. Въ этихъ индексахъ обыкновенно прежде перечисляются каноническія книги Ветхаго и Новаго Завѣта, потомъ книги неканоническія, хотя и неотвергаемыя церковью (книга премудрости Іисуса с. Сирахова, книга Товита, Юдиѳь, Есѳирь), наконецъ апокрифы. Въ древней Кормчей (1284 г.) указывается на ложныя „мученическія словеса“, т. е. апокрифическія сказанія о святыхъ. Кормчая опредѣляетъ, чтобы люди, почитавшіе ложныя книги, отлучались отъ церкви, а подобныя писанія сжигались-бы на ихъ тѣлѣ [2]). Въ XIII в. русскій митрополитъ Кириллъ II, въ „Словѣ на соборъ архистратига Михаила“ говорилъ священникамъ: „Многіе непрочитаніемъ книгъ съ праваго пути совратились, вы же избирайте разумное отъ божественныхъ писаній, какъ добрая пчела, пребывающая на цвѣтахъ и отъ нихъ взимающая, а былія оставляющая. *Ложныхъ книгъ не читайте* и отъ еретиковъ уклоняйтесь и общенія съ ними не имѣйте, а буесловцамъ

[1]) На Западѣ мы встрѣчаемъ распоряженіе объ апокрифическихъ сочиненіяхъ въ „Capitulare ecclesiasticum“ Карла В. Тамъ говорится: „Не должно ни вѣрить, ни читать поддѣльныя сочиненія, разсказы сомнительной вѣрности и вообще все, что противъ каѳолической вѣры, сквернѣйшія и ложныя писанія, которыя въ прошедшемъ году разносились бродягами, увѣрявшими, что эти посланія упали съ неба; тѣмъ самымъ они ввели иныхъ въ заблужденіе. Все такое сожигать, чтобы народъ подобными сочиненіями не былъ вовлеченъ въ заблужденіе. Можно читать и передавать однѣ каноническія книги, каѳолическіе трактаты и сказанія святыхъ отцовъ“. Pertz, Monum. Germ. I, Leg. 53.

[2]) Пыпинъ (Рус. Сл. 1862 г. янв. 89—90).

и сквернословцамъ и всякимъ богохульникамъ, *глаголающимъ* не отъ божественныхъ писаній, *а суетныя и ложныя* слова, что ведетъ къ пагубѣ правовѣрныхъ душъ, заграждайте уста и возбраняйте, принимая ихъ отъ писаній святыхъ". И въ 15-мъ мытарствѣ онъ помѣщаетъ тѣхъ, которые вѣровали въ „отреченныя вещи" [1]). Въ статьѣ о книгахъ ложныхъ, находящейся въ молитвенникѣ митр. Кипріана, перечисляются книги, приводящія читателей „къ бѣсамъ въ пагубу". Здѣсь говорится, что „о мученикахъ сложены слова неправо, не такъ, какъ истина о нихъ писана, въ чтеніяхъ, минеяхъ и прологахъ..., капуновъ много лживыхъ; молитвы составлены лживыя отъ трясавицы...; суть же между божественными писаніями ложныя писанія, насѣянныя отъ еретиковъ на пакость невѣждамъ, попамъ и діаконамъ, льстивые сборники, сельскіе, худые номоканоны по молитвенникамъ помѣщены у неразсудныхъ поповъ, лживыя молитвы о трясавицахъ, о нежитяхъ и недугахъ, и грамоты трясавскія пишутъ на просфорахъ и на яблокахъ, болѣзни ради". Далѣе говорится, что „апостолы и отцы церкви заповѣдали *отреченныхъ книгъ избѣгать*, какъ Лоту Содома, *и къ нимъ не приникать*, какъ женѣ Лота, которая, преступивши заповѣдь ангела, обратилась взглянуть на Содомъ и осталась донынѣ солянымъ столпомъ; а потому, если кто нарушитъ эту заповѣдь, тотъ подлежитъ проклятію, духовный же отецъ, знавшій о такой наклонности своихъ духовныхъ сыновей, подвергается отрѣшенію отъ своего сана и проклятію. Вообще, кто даже не повѣритъ и сочтетъ ложью эти правила, и тотъ подлежитъ проклятію" [2]). Іосифъ Волоколамскій, въ одномъ изъ словъ противъ жидовствующихъ, пишетъ: „отрицайся еретика человѣка, читай завѣщанныя книги, а отреченныхъ отнюдь не читай... *да будетъ тебѣ слушаніе неполезныхъ повѣстей горько*, а повѣсти святыхъ мужей и прочитаніе божественныхъ писаній да будутъ для тебя медовымъ сокомъ" [3]). Подобныя запрещенія продолжались до Домостроя и Стоглава включительно. Тѣмъ не менѣе они вносились и болѣе свѣдущими въ церковной литературѣ, какъ Геннадій и Макарій, рядомъ съ священными сказаніями [4]).

---

[1]) Напеч. въ Чт. Моск. общ. ист. 1847 г., № 8, стр. 15 и 7.

[2]) Пыпинъ (Рус. Сл. 1862 г., янв., 88, 89). Іоаннъ екс. болг. 208—210. Румянц. муз., 16. Сводъ запретит. старой лит. о ложныхъ книгахъ. (Лѣт. зан. Арх. ком. I, 1—55). Древнѣйшій индексъ Номокан. Погодин. собр. XIV в.

[3]) Просвѣтитель, въ Прав. Соб. 1856 г., кн. 4 и отд. 364—366.

[4]) Въ Чет. Мин. Макарія помѣщены отрывки изъ книги „Еноха" (31 декабря), др. въ Мин. и Прологахъ (Древн. Рос. 1875 г., III, 130), какъ дѣлаетъ и генуэз. еп. Іаковъ Варагине (Владиміровъ, Унив. Изв. 1900 г. № 2, с. 68). На апокрифъ „Енохъ" ссылаются Іосифъ Волоцкій (429) и Геннадій; Обзоръ хроногр., II, 161—164.

Нѣтъ надобности останавливаться на томъ, что отреченныя книги, въ своихъ повѣствованіяхъ, представляли уклоненіе отъ священнаго писанія, сказаній о святыхъ и т. п. Отзывы, что въ этихъ книгахъ „о мученикахъ словеса криво складены“ и „между божественными писаніи ложныя писанія насѣяны отъ еретиковъ“—приводятся, какъ доводы объ ихъ ложности. Достаточно указать на нѣкоторыя изъ отреченныхъ книгъ, чтобы видѣть, въ какомъ отношеніи стояли онѣ къ книгамъ церковнымъ. Напр. въ числѣ ложныхъ книгъ встрѣчаемъ: „Паралипомены,—что орла слали въ Вавилонъ съ грамотою къ Ереміи пророку;“ „о древѣ крестномъ лжею списано, что Христа въ попы ставили и что Христосъ плугомъ оралъ“; „Петрово житіе въ пустыни 52 лѣта и хожденіе Петрово по вознесеніи Господни; что Христа отрочатемъ продавалъ и архистратига Михаила крестилъ, и что рыбы по суху ходили“; „о Адамовѣ лбѣ, что седмь царевъ въ немъ сидѣло“; „о службѣ таинъ Христовыхъ, что опоздятъ служити обѣдню, врата небесныя затворяются и ангелы попа клянутъ“; „Евпатіево мученіе, что седмижды умре и оживъ“ (на что замѣчаетъ статья: „единою убо вси святіи спасени умроша“); „Архангелъ Михаилъ Авраама возносилъ на небо и далъ ему видѣти, что дѣютъ и судилъ имъ“ (на что замѣчено: „лгана суть, не бывало того“; „О Енохѣ, что былъ на пятомъ небѣ и исписалъ 300 книгъ“ [1]). Не говоримъ уже о лживыхъ молитвахъ и канунахъ, худыхъ номоканунцахъ и т. п. Обличители ограничивались запрещеніями; въ болѣе подробныя объясненія и разборъ этихъ книгъ они не считали нужнымъ входить; церковное проклятіе казалось въ ихъ глазахъ слишкомъ авторитетнымъ, чтобы подѣйствовать, какъ слѣдуетъ; но запретная вещь еще болѣе прельщала любопытныхъ книжниковъ. Время Максима Грека было временемъ весьма широкаго распространенія не только звѣздочетства, но и апокрифической литературы вообще.

IV.

Обличенія М. Грека важны въ томъ отношеніи, что они указываютъ, какія мнѣнія апокрифическаго характера были распространены въ его время въ русскомъ обществѣ. Въ отреченной книгѣ „Адамъ“ разсказывается, что въ то время, когда Адамъ хотѣлъ вспахать землю, то къ нему пришелъ дьяволъ и сказалъ: „не дамъ тебѣ обрабатывать земли, такъ какъ земля моя, а божія—небеса и рай“. „Напиши мнѣ *рукописаніе*, что ты—мой и тогда обрабатывай землю“. Адамъ отвѣчалъ:

[1]) Рус. Слово, январь 1862 г., стр. 88.

„чья земля, того и я и дѣти мои“. Дьяволъ обрадовался этимъ словамъ и сказалъ Адаму: „такъ и запиши мнѣ“. И, взявъ плечи, написалъ *рукописаніе* (запись) сіе рекъ: „чья есть земля, того и азъ, и чада мои“. И взялъ дьяволъ рукописаніе и обѣщаніе Адамово“ [1]). Полагаютъ, что основаніемъ такому мнѣнію послужили ложно понятыя слова ап. Павла въ посланіи къ колос. (II, 13—14), гдѣ сказано, что Богъ простилъ всѣ грѣхи черезъ І. Христа, истребивъ рукописаніе постановленій на насъ, и одной молитвы, о растерзаніи крестомъ грѣховъ [2]). Въ пространномъ своемъ возраженіи М. Грекъ съ крайнимъ негодованіемъ относится къ подобному мнѣнію, называя его „мудрословіемъ безумныхъ“ и не щадитъ выраженій противъ подобнаго „кощунства“. Показавъ затѣмъ рядомъ свидѣтельствъ изъ св. писанія, смыслъ побѣды креста надъ грѣхомъ, онъ заключаетъ, что „рукописаніе грѣховное“ слѣдуетъ понимать иносказательно—какъ притчу —„приточнѣ“ [3]).

Къ той же категоріи относится и вопросъ о грамотѣ, сосланной съ неба („кому преже всѣхъ грамота съ небеси сослана бысть“), явившійся подъ вліяніемъ чтенія апокрифической „Бесѣды трехъ святителей“ и принадлежащій къ числу многихъ другихъ, выставленныхъ тамъ и возникшихъ подъ вліяніемъ чтенія св. писанія и пытливаго воображенія слушателей [4]). М. Грекъ не считалъ нужнымъ даже распространяться опроверженіемъ его: онъ прямо отвѣтилъ, что грамота никому сослана не была, что всякая ложь происходитъ отъ дьявола, а истина отъ Бога и въ св. писаніи нѣтъ ничего подобнаго [5]).

Какъ извѣстно, въ томъ же родѣ и „епистолія о недѣлѣ“, спадшая съ неба въ Іерусалимѣ (по др. спискамъ папежу Іоанну), распространенная на Востокѣ и на Западѣ и извѣстная въ славян. литер. (рус. старѣйшій списокъ к. XV в.), заповѣдую-

[1]) Тихонравовъ, Отречен. книги, I, 4.

[2]) Порфирьевъ, Апокриф. сказанія о ветхозав. соб., 178. Въ „путешествіи Арсенія Селунскаго въ Іерусалимъ читаемъ: „А на брезѣ Іордана камень, знати стопы Христовы на немъ, а подъ тѣмъ каменіемъ *кости зміевы* видѣти, *что блюлъ рукописаніе Адамле*“ (Сахаровъ, Сказ. рус. нар., II, 76).

[3]) Сочин., I, слово XXVI, стр. 533—541.

[4]) Рус. Слово, 1862 г., II, 72. Здѣсь находится подобный же вопросъ (Памятн. отреч. рус. литер., II, 429—438); Апокрифич. сказ. о новозавѣтн. лицахъ и событіяхъ по рукоп. Солов. библ., И. Порфирьевъ, Спб. 1880, 378—417. Эр. Роттердамскій въ діалогѣ „Peregrinatio“ зло высмѣиваетъ разсказъ Огигія о письмѣ будто бы присланномъ отъ пр. Дѣвы съ неба (Отеч. Зап. 1879, № 8, стр. 420).

[5]) Сочин., III, 286. Ср. Лѣт. зан. Арх. ком. II, 1—13.

щая, какіе блюсти праздники и какъ поститься (Памятн. отреч. литер. II, 315; Пам. стар. литер., IV, 150); Соболевскій (Переводн. литер. 251—253, 378—379); А. Н. Веселовскій (Ж. М. Н. Пр. 1876, № 3, с. 101—111). О сп. ея на разныхъ языкахъ (Виз. Времен. 1894, II, 401—404); К. Ѳ. Радченко (Чт. въ общ. Нест. 1904, II); Строевъ (Словарь, 436; причемъ сказано, что списана она при Василіѣ Васильевичѣ, когда онъ ходилъ на кн. Юр. Дм. Шемяку). Въ одномъ изъ новгородскихъ сборниковъ повѣствуется о томъ, какъ Богъ послалъ Сиѳу 10 словъ Евангелія, и пр. (Лѣт. зан. Арх. ком. III, 18).

Сказаніе Афродитіана о бывшемъ въ Персидской землѣ чудѣ, противъ котораго Максимъ Грекъ написалъ одно изъ суровыхъ обличеній, направленныхъ по поводу ложныхъ мнѣній, извращающихъ свящ. писаніе, составляетъ собственно отрывокъ, распространенный въ славянской письменности болѣе обширной „Повѣсти о событіяхъ въ Персіи“, встрѣчающейся во многихъ рукописяхъ X—XIV вв., разсѣянныхъ по европейскимъ библіотекамъ. По разнымъ ихъ описаніямъ насчитываютъ до 60 списковъ этой повѣсти, изъ которыхъ иные представляютъ собственно отрывокъ, существующій въ переводѣ на сербскомъ и русскомъ языкахъ. Содержаніе „Повѣсти“ — преніе о вѣрѣ, имѣвшее мѣсто при дворѣ персид. царя Арревата между христіанами, язычниками и іудеями подъ предсѣдательствомъ верховнаго жреца Афродитіана. Основываясь на надписаніи нѣкот. рукописей, авторомъ ея считали историка († 237 г. по Р. X.) Секста Юлія Африкана (подъ его именемъ она издана Berger. въ 1804 г.; ср. Migne, X), другіе списки приписываютъ инымъ авторамъ и между прочимъ Филиппу Сидету (уроженцу г. Сидъ въ Памфиліи), извѣстному сотруднику Іоанна Златоуста, автору обширной хроники, дошедшей лишь въ незначительныхъ отрывкахъ; но есть основаніе полагать, что ему принадлежитъ только часть „повѣсти“ и можетъ быть ея редакція. Повѣстью этой пользовались: Ипполитъ изъ Ѳивъ въ генеалогіи дѣвы Маріи (впрочемъ его сочин. переработано уже въ X в.) и монахъ Епифаній (пол. IX в.), въ біографіи Маріи, матери І. Христа. Полагаютъ, что самый диспутъ на почвѣ защиты христіанства могъ состояться лишь въ царств. Бахрама V (420—438), когда, по заключеніи міра съ римлянами, была выговорена свобода вѣроисповѣданія. Поэтому въ самомъ діалогѣ (спорѣ) стараются найти зерно исторической истины. Славянскіе тексты не передаютъ всей повѣсти, а содержатъ въ себѣ лишь разсказъ Афродитіана о знаменіяхъ въ персидской кумирницѣ, въ ночь рожденія Христа, и о событіяхъ, послѣдовавшихъ затѣмъ — посольствѣ волхвовъ. На подобныя же темы писали

и другіе, напр. Іоаннъ-монахъ, пресвитеръ на о. Евбеѣ, въ своемъ словѣ на рождество Іис. Христа, нашедшемъ мѣсто и въ Макарьевскихъ Минеяхъ (8 сент.). Хотя слово Афродитіана имѣло цѣлью защиту превосходства христіанства и обличеніе невѣрующихъ въ чудеса, совершившіяся въ персидской кумирницѣ, но въ немъ такъ переплетены языческіе мотивы съ христіанскими событіями и греческой миѳологіи съ христіанскими воззрѣніями (сравн. Маріи съ Герой, зачатіе Богородицы сопоставляется съ зачатіемъ Герой и т. п.), что М. Грекъ, съ такимъ пуризмомъ относившійся къ еллинской мудрости (см. выше), узнавъ, что „нѣкое блядивое списаніе Афродитіана персянина о вочеловѣченіи Господа и Спаса нашего І. Христа у нѣкоторыхъ православныхъ, недугующихъ непониманіемъ истиннаго разума боговдохновенныхъ писаній, чтимо и любимо, не могъ оставить его безъ вниманія“ [1]).

Отрывокъ Повѣсти объ Афродитіанѣ издан. Н. С. Тихонравовымъ (Памятники отречен. литер., по пергам. рук. XIII в. III. 1—4); также см. въ Памятн. стар. рус. литер., III, 73—75; Starine, X, 74—80, изд. Новаковичемъ и Поливкой. XXII, 195—200; И. Порфирьевымъ (Апокр. сказ. о новозав. лицахъ и событіяхъ, 149—155, разборъ, 13—20); П. А. Лавровскимъ въ Описаніи рукоп. Имп. Публич. библ. (Чт. въ Общ. ист. 1858, IV); сказаніе въ чистомъ видѣ встрѣчается въ Толстов. сп. XIII в., въ остальныхъ оно осложняется вставками (Изв. Ак. Н. 1899, IV, 1326). Оно встрѣчается въ сборникахъ на господ. праздники и праздники свв. (25 дек.), въ Прологахъ и Четьи-Минеяхъ (Макарія и Милютина; у Д. Ростовскаго—нѣтъ). Въ толков. Палеѣ и Хроногр. 1-ой рус. ред. (б. м. изъ Палеи). Содержаніе памятника, его составъ, переводы и исторія изложены въ изслѣд. Н. Е. Щеголева, Очерки исторіи отречен. литературы. Сказанія Афродитіана (Изв. Ак. Н. 1899, кн. I и IV). Повѣсть въ полномъ видѣ о событіяхъ въ Персіи, въ греч. текстѣ, изд. А. Васильевымъ (Anecdota graeco-byzantina, I, M. 1893, p. 73—125) и A. Wirth'омъ (Aus orientalischen Chroniken, Fr. am M. 1894). Реценз. на первое Э. Курца и А. Кирпичникова (Виз. Врем., I, 180—207), реценз. на второе К. Крумбахера—весьма суровая (Byz Zeitschr. 1894, III, 621—624).

[1]) Слово xx, Слово обличительно вкупѣ и развратительно лживаго писанія Афродитіана (III, стр. 125—149). Повидимому М. Грекъ пользовался переводомъ въ сербскомъ спискѣ (Изв. Ак. Наукъ, 1899, I, 1325).

Въ противоположность голословнымъ запрещеніямъ и угрозамъ своихъ предшественниковъ, въ разборѣ отреченныхъ книгъ М. Грекъ употребляетъ *критическіе пріемы.* Приступая къ обличенію настоящей статьи, онъ говоритъ: „Подобаетъ же вѣдать, что всякое писаніе тремя свойствами должно подтверждаться: отъ благовѣрнаго ли и соборной церкви извѣстнаго и знаменитаго писателя сложено; во-вторыхъ по всему согласно ли съ апостольскимъ догматомъ и преданіемъ; въ третьихъ само въ себѣ всему ли согласно и нигдѣ не различается ли?“ [1]). Разсмотримъ сначала общія замѣчанія М. Грека на отреченныя книги, а потомъ укажемъ на характеръ его обличеній. Начнемъ съ сказанія Афродитіана.

На первое положеніе (состоящее въ томъ, что достоинство сочиненія узнается потому „отъ благовѣрнаго ли оно и соборной церкви извѣстнаго и знаменитаго списателя сложено было“). М. Грекъ отвѣчаетъ „А какъ написавшаго сіе (сказаніе), имя и санъ Афродитіана совсѣмъ невѣдомы соборной церкви и ни въ которыхъ церковныхъ повѣстяхъ не указаны, что извѣстно всѣмъ и самимъ поселянамъ, а также и о переложившемъ то писаніе съ персидскаго языка Филиппѣ [1]), котораго называетъ синкелломъ блаженнаго Іоанна Златоуста, то все это явная ложь; нигдѣ въ житіи блаженнаго онаго отца и вселенскаго свѣтильника ненаписанъ иной синкеллъ, кромѣ блаженнаго Прокла, который былъ преемникомъ его патріаршескаго престола“. Но, что Афродитіанъ неблаговѣренъ или даже безвѣренъ, доказывается уже тѣмъ, что онъ истукановъ называетъ священными, кумирницу—святилищемъ, жрецовъ—священнослужителями, поэтому „кто не возненавидитъ и анаѳемѣ не предастъ его“?... Далѣе идутъ опроверженія мѣстъ, несогласныхъ съ священнымъ писаніемъ. М. Грекъ замѣчаетъ, что въ сказаніи Ира получаетъ благовѣстіе отъ звѣзды въ языческомъ храмѣ, зачинаетъ и рождаетъ жизнь, но это противорѣчитъ Евангелію Луки о томъ же относительно Маріи и Іисуса: „и если такъ, прибавляетъ онъ, что Ира (Гера) благовѣтствованная родила жизнь, то и Христосъ не отъ Дѣвы, но отъ блудницы Иры и отъ корня Кроноса, Иры и Зевса бѣсовъ, а не отъ корня Авраама, Іессея и Давида праведныхъ, сочтется. О какое нечестіе! Ира и Зевсъ, по гнуснымъ языческимъ баснямъ, не только

[2]) Повѣсть Афродитіана въ его исторіи (36 книгъ). Синкелломъ онъ названъ въ собственной исторіи и исторіи Сократа (Hist. Ec.). Фотій считаетъ его современникомъ Синнія и Прокла. Сократъ говоритъ, что хотя онъ въ своей исторіи хотѣлъ казаться свѣдущимъ въ философіи и наполнилъ ея мнѣніями философовъ и теоремами математиковъ, но она равно безполезна для ученыхъ и неученыхъ, съ чѣмъ согласенъ и патр. Фотій (Bibl. cod. 24), Филаретъ, 72.

отродье Крона и Иры бѣсовъ и другъ другу братія, но Ира является и супругой своему брату Зевсу по баснословію“. Но быть можетъ нѣкоторые скажутъ, что Ира есть Марія „О нечестіе и безуміе вмѣстѣ! Скажите мнѣ Бога ради, кто такъ мудрствуетъ, отъ какихъ святыхъ писаній завѣтъ имѣете послушать бѣсовъ, учащихъ и устанавливающихъ божественныя таинства“? Апостолъ Павелъ запретилъ духу свидѣтельствовать о себѣ и изгналъ его изъ рабыни, и святые отцы запрещаютъ слушать нечистыхъ духовъ. Откуда взялъ Афродитіанъ, что истуканы радовались о зачатіи Иры и говорили человѣческимъ языкомъ? О нихъ говорится: „идолы сребро и злато, дѣла рукъ человѣческихъ: уста имѣютъ и не глаголютъ, очи имѣютъ и не узрятъ“ и т. д. (Псал. 113, 12—15). А если такъ, то какія же писанныя книги это сообщаютъ? персидскія“? но книги персидскія бѣсовскимъ духомъ писаны, бѣсовскіе источники суть, а не израилевы“, и развѣ могли бѣсы предсказывать о томъ, что было „скрыто отъ выше міра стоящихъ, земныхъ и умныхъ силъ“. Притомъ у греческихъ мудрецовъ есть извѣстіе, что за 40 лѣтъ до Р. Х. замолчала бѣсовская кумирница многообразно волхвовавшая и прельщавшая родъ человѣческій (т. е. Пноія), и если это произошло „божественнымъ повелѣніемъ и силою“ съ такою извѣстною кумирницею, то какъ истуканы у персіанъ могли радоваться, играть и пророчествовать о тайнѣ воплощенія? „не красна пѣснь, говоритъ писаніе, въ устахъ грѣшниковъ“. Да и затѣмъ радоваться врагамъ божіимъ о такомъ дѣлѣ? При этомъ М. Грекъ указываетъ на несогласіе сказанія о появленіи звѣзды (въ кумирницѣ надъ источникомъ) съ повѣтствованіемъ Евангелія (на востокѣ) и относительно бесѣды волхвовъ съ іудеями. Сказаніе говоритъ, что благовѣщеніе было въ субботу, но всѣ святые отцы согласно утверждаютъ, что оно случилось въ воскресенье. Сказаніе противорѣчитъ священному писанію и въ томъ, что говоритъ, будто-бы волхвы, пришедшіе къ Іисусу, видѣли его радующимся и смѣющимся, тогда какъ этого нѣтъ ни у Матѳея, ни у Луки, ни въ пѣсняхъ церковныхъ. М. Грекъ замѣчаетъ, что Іисусъ какъ богочеловѣкъ, исполненный совершенной божественной мудрости, былъ свободенъ отъ такой „легкости буйства и несмыслія“. На счетъ изображенія Маріи и Іисуса, Максимъ говоритъ, что оно было сдѣлано еванг. Лукою, а не какимъ-то живописцемъ для волхвовъ, какъ сообщаетъ сказаніе. Далѣе, М. Грекъ указываетъ на хронологическую несообразность сказанія, въ которомъ сообщается. будто бы все это происходило при царѣ Кирѣ.

Относительно несогласія сказанія съ самимъ собою, М. Грекъ замѣчаетъ, что въ немъ въ одномъ мѣстѣ выражено, что двухлѣтній младенецъ Іисусъ сидѣлъ на землѣ, а въ другомъ, что лежалъ въ ясляхъ; кромѣ

того, волхвы пришли въ Виѳлеемъ вскорѣ послѣ рожденія Іисуса, слѣдовательно ему тогда не было двухъ лѣтъ. Противъ Афродитіана Максимъ выставилъ общее свое положеніе: „апостолъ Павелъ сказалъ: если кто благовѣствуетъ вамъ болѣе того, о чемъ я благовѣстилъ вамъ, да будетъ проклятъ" (Гал. 1, 8); Афродитіанъ же благовѣствуетъ сверхъ даннаго намъ святыми евангеліями, поэтому—проклятъ по изложенному здѣсь апостольскому отвѣту"; послѣ сказаннаго „кто же внемлетъ ему, тѣмъ болѣе кто, благовѣренъ будучи, не погнушается тѣмъ *и огню не предастъ*, какъ плевелъ лукаваго бѣса, всѣянный посреди изобильнаго чистою пшеницею села благовѣрія"? Тотъ же, кто повѣритъ этимъ словамъ, будетъ подлежать одинаковому съ ними наказанію; потому что еретикомъ называется всякій, кто измѣняетъ и *незначительное* въ православной вѣрѣ, между тѣмъ какъ послѣдующій Афродитіану нарушаетъ *самую главизну спасенія.* Наконецъ, Максимъ обращается съ предостереженіемъ къ тѣмъ, которые могутъ соблазниться христіанскимъ содержаніемъ сказанія: „да знаютъ они, говоритъ онъ, что обычай есть, общій всѣмъ зломудреннымъ еретикамъ, сѣять въ своихъ писаніяхъ и нѣкіе догматы благовѣрные, чтобы такимъ образомъ достовѣрными и благопріятными казались православнымъ написанныя ими хульныя слова. На этомъ основаніи онъ дѣлаетъ евангельское наставленіе: „внимать, что отъ лживыхъ пророковъ приходятъ они въ одеждахъ овчихъ, внутрь же хищные волки", совѣтуетъ „узнавать ихъ отъ плодовъ ихъ" и дѣлаетъ общее увѣщаніе не вѣрить безъ испытанія всякому ученію, сохранять себя отъ еретическихъ плевелъ *„и любить только церковную истину"*. Возможно, что въ XVI в. Сказаніе Афродитіана внесено было въ индексъ запрещенныхъ книгъ подъ вліяніемъ обличенія М. Грека [1]) и потому уничтожалось въ тогдашнихъ сборникахъ [2]); но любители продолжали переписывать его даже вслѣдъ за словомъ М. Грека [3]).

V.

Въ славянскихъ рукописяхъ нерѣдко помѣщается не менѣе странное сказаніе: „какъ Христа ставили въ священство". Оно встрѣчается уже у Іоанна, пресвит. евбейскаго (VII в.), и въ томъ же повѣствованіи о жизни Богородицы—мон. Епифанія (IX в. [4]), на которое мы

---

[1]) Лѣт. занят. Арх. ком. I, 73—74.
[2]) Изв. Ак. Наукъ, 1901, III, 50—51.
[3]) Ibid. 1899, I, 148—149.
[4]) Житіе Пресв. Богородицы іером. Епифанія (Порфирьевъ, 295—311).

указывали выше, и оба они входятъ и въ славянскія рукописи, иногда въ соединеніи съ замѣчаніями М. Грека.

Филаретъ (М. Грекъ, 73—въ декабр. Минеѣ Акад. б., № 59 и Сборн., № 57). У Іоанна Евб. въ словѣ на благовѣщ. Іоакима и Анны сообщается какъ преданіе (Изв. Ак. Н. 1899, I, 196–198); слово это помѣщено въ Минеяхъ Макарія (ib. IV, 1305). Легенда о іерействѣ впервые напечатана въ лексиконѣ Свиды. Въ посланіи ин. Саввы читаемъ: „Христово священство по подобію Мелхиседекову“ и „Ветхому деньми Мелхиседеку Христу Богу нашему“ (Бѣлокуровъ, О жидовств. стр. 58). Въ апокрифѣ о священствѣ соединяется избраніе его на вакансію по умершемъ іереѣ съ еванг. разсказомъ о рожд. по благовѣстію и ученіи его въ храмѣ (Порфирьевъ, 235 — 239; разборъ, 55 — 61). Но фантазія пошла дальше. Въ одномъ изъ сборниковъ читаемъ, что І. Христосъ прошелъ всѣ церковныя степени: былъ иподіакономъ, когда выгонялъ изъ храма торжниковъ; діакономъ, когда умывалъ ноги ученикамъ; пресвитеромъ, когда училъ народъ; архіереемъ, когда благословлялъ хлѣбъ и вино на тайной вечерѣ (Лѣт. зан. Арх. ком. III, 35). Ср. замѣчаніе Н. С. Тихонравова о „Іерусалимскомъ путникѣ“ (Сочин. I, 025—026).

Названное апокрифическое сказаніе было напечатано нѣсколько разъ[1]), въ разныхъ редакціяхъ, отличающихся другъ отъ друга. Содержаніе его слѣдующее. При имп. Юстиніанѣ жилъ іуд. князь Өеодосій, котораго убѣждалъ нѣкто Филиппъ принять христіанство. Өеодосій, хотя и вѣрилъ въ І. Христа какъ Мессію, однако не рѣшался на это, боясь лишиться своего положенія; но онъ передалъ Филиппу одну тайну, извѣстную евреямъ. По существовавшему обычаю въ іерусалимскомъ храмѣ должно было состоять 22 іерея, и когда при Іис. Хр. умеръ одинъ изъ нихъ, то остальные собрались для выбора новаго. Было предложено выбрать Іисуса; но іереи избирались изъ колѣна Левіина, а Христосъ былъ изъ колѣна Іудина. Тогда предложившій заявилъ, что родъ его происходитъ изъ обоихъ колѣнъ и выборъ состоялся. Когда же понадобилось записать въ свитокъ имена отца и матери Іисуса, то было выражено, что онъ сынъ Бога живаго и Дѣвы Маріи.

---

[1]) По 2-мъ редакц. Тихонравовымъ (Памятн. отреч. литер., II, 164—173); 3-я редакц. Порфирьевымъ (Апокр. сказ. о новозав. событ., по Лексик. Свиды, 55—57 и сказ. 235—239), четвертая В. Ягичемъ (Starine, 79—95) и М Соколовымъ (Матер. и замѣт. по стар. славян. литер., М. 1888, I, 102—104). О монашествѣ апостоловъ (Яцимирскій, Къ ист. апокрифовъ, Изв. Ак. Н. 1909, III).

Свитокъ этотъ остался извѣстенъ немногимъ. Узнавъ сказанное, христіанинъ Филиппъ хотѣлъ донести имп. Юстиніану, но Θеодосій уговорилъ его умолчать, такъ какъ можетъ произойти война и кровопролитіе. Принадлежность „Сказанія противъ глаголющихъ: Христа во священство поставили“ М. Греку подтверждается надписаніемъ статьи его именемъ въ рукописяхъ и собр. сочиненій, какъ принято было пр. Филаретомъ и Порфирьевымъ [1]). Понятно, что М. Грекъ, узнавъ о существованіи этого разсказа среди русскихъ, не могъ оставить его безъ вниманія, но, по его явному безсмыслію, онъ ограничился лишь краткими замѣчаніями. Такъ, онъ указываетъ на противорѣчіе въ самомъ разсказѣ: священники поставлялись изъ колѣна Левіина, а Христосъ происходилъ изъ колѣна Іудина; по словамъ ап. Павла, І. Хр. былъ поставленъ священникомъ отъ Бога по чину Мельхиседека, поэтому какъ онъ могъ быть поставленъ вторично по чину Аарона и, наконецъ, если бы Христосъ былъ священникомъ, то къ нему не обращались бы съ негодованіемъ въ святилищѣ, допрашивая: кто далъ ему власть творить совершаемое. Такимъ образомъ, заключаетъ М. Грекъ, повѣсть эта есть явная ложь.

VI.

Древне-русскій человѣкъ былъ опутанъ мноами: все говорило ему о сверхъестественномъ съ одинаковою убѣдительностью — ему предоставлялось выбирать истинное отъ ложнаго; но какой же выборъ могъ быть тамъ, гдѣ все основывалось на одинаковыхъ доводахъ, гдѣ наставники часто были нисколько не выше учениковъ. „Когда не знали законовъ міросозданія, то дѣйствія ихъ конечно отуманивали душу мечтами“. Поэтому самыя фантастическія представленія о природѣ принимались съ полнымъ довѣріемъ. Такъ, при М. Грекѣ было сильно распространено мнѣніе, что „во всю свѣтлую недѣлю, по воскресеніи Іисуса солнце, не заходя, стояло“, и потому назвали „единъ день всю свѣтлую недѣлю“ [2]), чему вѣрили даже „на власти

---

[1]) По рукоп. Троиц библ. (Филаретъ, М. Грекъ, Москвит. с. 73); Порфирьевъ (Соловец. библ., см. Апокр.) и по недавно напечат. списку Общ. люб. древн. письм., XVI в. (С. А. Щеглова, Къ ист. изучен. соч. преп. М. Грека, оттискъ изъ Рус. Фил. Вѣстн. 1911, с. 6—7). Въ зобр. соч. М. Грека по рукоп. Солов. библ. оно не вошло. Ср. еще Ж. М. Н. Пр. 1883, № 5, с. 12.

Зиновій Отенскій возмущался изображеніемъ І. Христа въ схимѣ, омофорѣ и т. п. обстановкѣ (Калугинъ, 261; ср. Истины—показаніе, 976—980). Разныя легенды о Христѣ вызывали даже возраженія со стороны богомиловъ и вовсе имъ не принадлежали (Сборн. статей по славяновѣд., изд. В. И. Ламанскимъ, I, 71).

[2]) У Геродота передается легенда объ обращеніи ночи въ день.

сущіе", которые, по словамъ Максима, „писаніе проходили только по черному". Они ссылались при этомъ на „списаніе нѣкое не свидѣтельствованное", въ которомъ говорилось, что „по два дня солнце стояло въ трехъ мѣстахъ: на востокѣ, въ полудни и на западѣ". [1]). Мнѣніе это, встрѣчающееся у насъ уже въ XIV в., вѣроятно было заимствовано изъ „Златой Чѣпи" [2]). Здѣсь оно передается такимъ образомъ; „Отъ Ѳоминой недѣли до сошествія Св. Духа — ни поста, ни колѣнопоклоненія, въ среду же и пятокъ не употреблять вина и рыбы—на твоей волѣ, такъ какъ свѣтлая недѣля есть одинъ день". Далѣе говорится: по воскресеніи Іисуса, отъ шестаго часа взошло солнце и, взойдя, стояло на востокѣ два дня, на полудни три дня и вечеромъ два дня, въ 8-й же день зашло. Поэтому и называется великій день и того ради не достойно на той недѣлѣ съ женами совокупляться, ни ѳимоны пѣть, но вмѣсто нихъ слѣдуетъ пѣть святой Богородицѣ „либо молебенъ или похвальный, еще лучше было бы пѣть канонъ за упокой тѣхъ душъ, которыя тогда были отпущены со святыми на воскресенье и въ покоѣ пребывали отъ пасхи до пентикостіи" [3]). Опроверженія М. Грека въ этомъ случаѣ исключительно основаны на священномъ писаніи и церковныхъ пѣсняхъ пасхальнаго канона, содержаніе которыхъ заимствовано оттуда же. Для этого Максимъ беретъ изъ Евангелій и Дѣяній апостольскихъ тѣ мѣста, гдѣ ясно обозначается раздѣленіе дней или число ихъ.

Таковы выраженія Іоанна; „*суще же поздѣ* въ день той во едину отъ субботъ", т. е., замѣчаетъ Максимъ, вечеръ, солнцу зашедшу (20, 19). О ловлѣ рыбъ на Тиверіадскомъ морѣ сказано: *и въ ту нощь* неяша ничто же—вотъ вторая ночь", замѣчаетъ Максимъ, и понеже вторая нощь, то убо и вторый день. У Луки сказано, что ученики, идущіе въ Эммаусъ, разсказывая Іисусу о случившихся недавно происшествіяхъ, прибавили: „надъ всѣми сими *третій день се есть* отъ неже сія быша"; если же, объясняетъ Максимъ, третій день, то и третія ночь, ночь же не бываетъ, если не зайдетъ солнце, а что солнце заходило по обыкновенію въ дни свѣтлой недѣли, то свидѣтельствуютъ тѣ же ученики, говорившіе Іисусу: „облязи съ нама, яко *къ вечеру есть и*

---

[1]) Сочин., Ш, с. 164—170 сл, xxiv.

[2]) Чт. Моск. Общ. ист. 1846, II, 47; Виз. Врем. 1894, I, 189, 193; II, 82, 403—404. Епистолія о недѣлѣ (Соболевскій, Переводн. литер. 251, 378; Радченко. Чт. Общ. Нестора, 1904, II.).

[3]) Памятн. стар. рус. литер., изд. подъ ред. Пыпина, т. Ш, 153. И М. Грекъ говоритъ, что „тридневное воскресеніе до Ѳомины субботы одинъ день именуется" (Ш, 110).

преклонился есть день". (Луки, 24, 29). Тотъ же Лука въ Дѣяніяхъ говоритъ, что Іисусъ по воскресеніи 40 дней поучалъ учениковъ, а если бы свѣтлая недѣля была однимъ днемъ, то онъ сказалъ бы не 40, а 30, „какъ отъ недѣли Ѳомины считается, а не отъ воскресенья". Наконецъ еванг. Іоаннъ говоритъ: „по осмихъ днехъ паки бяху ученицы" и проч. (20, 26). Развѣ онъ сказалъ бы такъ, если бы вся свѣтлая недѣля составляла одинъ день?

Довѣріе къ такому мнѣнію М. Грекъ объясняетъ *незнаніемъ священнаго писанія*: „если бы, говоритъ онъ, въ состояніи были чудные въ наши *послѣднія времена мудрецы* благополучно и благоразсудно испытывать апостольскія и евангельскія писанія, то не такъ легко увлеклись бы всякимъ неученымъ и несвидѣтельствованнымъ писаніемъ.... Великое зло есть невѣдѣніе богодохновенныхъ писаній и неразсмотрительное и неразсудное испытаніе ихъ". Тѣмъ не менѣе недостаточно было знанія одного „богодохновеннаго писанія", чтобы „мудрецы" могли понять всю несостоятельность подобнаго мнѣнія; они вѣрили въ него, какъ въ случившійся фактъ, который своею сверхъестественностью подтверждалъ евангельское событіе, и возможность такого чуда (т. е. что солнце стояло) для нихъ въ свою очередь подтверждалась цѣлымъ рядомъ подобныхъ же уклоненій природы, представленныхъ въ самомъ писаніи, хотя бы напр., остановившимся солнцемъ, по повеленію Іисуса Навина, или восхищеніемъ Еноха.... Если архіеп. Василій могъ говорить съ полнымъ довѣріемъ о естественномъ раѣ, а митр. Макарій помѣстить въ Ч. Минеи отрывки изъ Еноха Праведнаго и др. апокрифы (см. выше), то къ обыкновенному читателю нельзя уже относиться такъ сурово. М. Грекъ указанное мнѣніе (т. е. что солнце не заходило) приписываетъ незнанію священнаго писанія; но никто не заподозритъ въ томъ того же Макарія, а между тѣмъ онъ же считалъ „книгу Еноха Праведнаго" каноническою [1]). Дѣло въ томъ, что для недалекихъ книжниковъ, при отсутствіи критики, переходъ отъ священнаго писанія къ апокрифамъ, по ихъ общему содержанію, былъ весьма легокъ и вполнѣ естественъ.

VII.

Свѣдѣній объ Іудѣ предателѣ, кромѣ находящихся въ Евангеліи нѣтъ; но народная фантазія не могла на этомъ успокоиться: она интересовалась какъ мотивами его преступленія, такъ и обстоятельствами

---

[1]) Лѣт. Рус. литер. Тихонравова, I. Луцидар. предисл., стр. 34. Сочин., т. I.

его смерти и судьбой въ загробной жизни; она старалась постигнуть его характеръ, начиная съ его дѣтства. Въ Византіи, на Западѣ и въ Россіи постепенно сложился обширный кругъ сказаній о немъ, какъ записанныхъ, такъ и сохраняющихся въ устной передачѣ. Были даже попытки оправдать Іуду и объяснить его предательство высокими побужденіями. Во II вѣкѣ существовала секта каинитовъ или іудистовъ, почитавшая Каина, Исава, содомитянъ, а также Іуду, которому одному, по ея ученію, была открыта тайна творенія человѣка и отношеніе земнаго міра къ небесному. Сектанты утверждали, что Іуда зналъ о предстоящемъ разрушеніи царства Іеговы смертью Іисуса Христа и для доставленія человѣчеству тѣхъ благъ, которыя соединяются съ ней, онъ предалъ его смерти. И поэтому іуданты почитали Іуду, какъ человѣка, достойнаго удивленія. Есть также извѣстіе, что визант. импер. Михаилъ хотѣлъ канонизировать предателя. Но подобныя увлеченія личностью и поступкомъ Іуды составляютъ исключенія. Все богатство фантазіи направилось въ обратную сторону. Такъ, постепенно создалась легендарная исторія Іуды, основная мысль которой та, что измѣна его не могла зародиться въ мысли человѣка, прошлое котораго не было бы запятнано ужасными преступленіями. Такимъ образомъ съ самаго дѣтства онъ является одержимымъ дьяволомъ, подъ вліяніемъ котораго онъ совершаетъ рядъ самыхъ мрачныхъ злодѣяній: подобно Каину, онъ убиваетъ брата и, подобно Эдипу, убиваетъ отца и становится мужемъ своей матери (впрочемъ не зная того, вслѣдствіе продолжительной отлучки съ дѣтства). Прежде, чѣмъ дойти до апостольства, онъ оказывается слугой у Пилата, а покаяніе сопровождается всепрощеніемъ Христа, принявшаго его въ сонмъ апостоловъ [1]). Приведенная выше легенда передана на страницахъ лѣтописи Матоея Вестминстерскаго [2]). Легенда эта, въ свою, очередь, отразилась въ памятникахъ народнаго творчества а также древне-христіанскаго и болѣе поздняго искусства.

Апокрифическое сказ. объ Іудѣ, воспроизводя означенный разсказъ, заканчивается описаніемъ его ужасной смерти. 30 сребр., за которые продалъ Іуда Христа, будто бы были тѣ сребр., за которые братья продали Іосифа египет. купцамъ, причемъ происходитъ

---

[1]) С. Соловьевъ, Историко-литер. этюды. Къ легендамъ объ Іудѣ предателѣ. В. І. Харьковъ, 1896 г.; дополнит. легенды объ Іудѣ (Отчетъ В. М. Истрина за 1894 г., Ж. М. Н. Пр. 1896, № 11, с. 12—23). Ист. Вѣст. 1896, № 7, с. 217.

[2]) Pars I, p. 86—88: „Judas matrem suam uxorem duxerat, et quod patrem suum occiderat". Подобный же разсказъ въ легендѣ о кровосмѣсителѣ (Памят. древ. рус. литер., II, 415—425; ср. Моногр. Костомарова, т. I).

цѣлый рядъ превращеній, пока они дошли до Іуды. (Порфирьевъ, 49—55, 231—235). Сказаніе это приписывается блаж. Іерониму (ib. 50), но извѣстно подъ именемъ Папія, ученика Іоанна Богослова; Аполлинарій (оба списка іерапольскіе, II вѣка) помѣщаетъ его въ своемъ сочиненіи, хотя и безъ достовѣрности къ нему (см. объ этомъ Буассонадъ, Anecdota judea, Paris. 1827; Филаретъ, М. Грекъ, 70); легенды объ Іудѣ пред. (Бокль, I, 234). Сказаніе Іеронима также у И. Е. Евсѣева въ Опис. рук., хранящ. въ Орловск. древнехран., I, 1905, Сборн. № 70.

По рус. народ. сказаніямъ, Іуда повѣсился на осинѣ, отъ чего листья осины постоянно дрожатъ. Въ сборникахъ охотно переписывались эти сказанія. Такъ, существуетъ разсказъ, что Іуда не удавился, такъ какъ, по повелѣнію божію, преклонился дубъ: „и ходи отекъ два года“ (по другимъ 30 лѣтъ), въ ожиданіи покаянія: въ улицу проходили колеса, а онъ не вмѣщался, тайные же уды его были болѣе трупа его и гной шелъ изъ него, и, выйдя изъ города, онъ бросился подъ тополь и разсѣлся (основа этого разсказа заимствована у Аполлинарія Іерапольскаго). Въ другомъ сборникѣ помѣщено „Слово св. Кирилла о 30 сребр.“ о способѣ вычисленія древнихъ монетъ на русскій счетъ: 30 сребр. имѣютъ 360 литръ, каждая литра—60 руб. Есть еще „Слово Евсевія, архіеп. александр. о сошествіи Іоанна Предтечи во адъ и о предательствѣ Іудинѣ“ (см. Опис. рукоп. Сборн. новгор. Соф. библ., Лѣт. зан. Арх. ком., III, 35, 48, 84, 105). Виз. Врем. 1895, III, 478; 1897, I—II; В. Н. Перетцъ (Унив. Изв. 1907, № 10, с. 85). Соболевскій, Переводн. литер. 228. Апокриф. сказ. о Іудѣ Пред. (Костром. Епарх. Вѣд. 1895 г., № 7, стр. 142—148)—сообщается апокрифъ объ Іудѣ по одному изъ почитаемыхъ русскими раскольниками сборниковъ. Ср. еще объ Іудѣ пред. въ монг. легендахъ (Зап. Ак. Наукъ, LXXV, 43).

М. Грекъ, выступивъ со своимъ опроверженіемъ апокрифическаго сказанія, разумѣетъ Папія, но не забываетъ и Аполлинарія[1]). Причину, побудившую написать это обличеніе, М. Грекъ объясняетъ словами: „такъ какъ много разъ я слышалъ отъ многихъ, крѣпко утвер-

[1]) Въ извѣстныхъ спискахъ его слова (Рум., Синод., Акад., Толстов., Соловец. и др.) оно озаглавливается „Сказаніе о Іудѣ Пред. и на Аполлинарія“, но въ самомъ словѣ идетъ рѣчь о Папіѣ, котораго считали ученикомъ ап. Іоанна (Филаретъ, 70).

ждавшихъ сказанное". На основаніи „Повѣсти" они толковали, что Іуда не погибъ тотчасъ по возвращеніи 30-ти сребренниковъ, но жилъ еще долго и послѣ того, и всѣ видѣли его „опухла презѣльнѣ", и какъ „дивое нѣкое страшно предлежаща", а потому Максимъ считалъ долгомъ „вкратцѣ отвѣчать объ истинѣ евангельской, *обличить лжу неправды* и неискусно преклоняющихъ ухо свое ко лжи *возвратить къ истинѣ евангельской* и увѣщевалъ ихъ не мудрствовать болѣе того какъ подобаетъ мудрствовать" [1]).

Если, говоритъ Максимъ, Папій думаетъ, что Іуда долго жилъ послѣ преданія Іисуса, то значитъ Евангеліе Матѳея ложно, а если оно ложно въ этомъ случаѣ, то „и въ прочихъ богодохновенныхъ повѣстяхъ оно недостовѣрно (возмнитъ)". Положимъ, замѣчаетъ Максимъ своимъ противникамъ, что Матѳей, какъ вы думаете съ Папіемъ, невѣрно передалъ объ Іудѣ *„либо по забвенію, либо по невѣдѣнію, какъ свойственно человѣку;* но какъ же Іоаннъ, „сынъ громовъ", написавшій Евангеліе погречески, отъ котораго, какъ вы говорите, узналъ объ Іудѣ Папій, какъ же онъ не исправилъ ошибки Матѳея, тѣмъ болѣе, что онъ въ своемъ Евангеліи выставилъ наклонность Іуды „красть метаемое въ ковчегъ", о чемъ не упоминаютъ другіе евангелисты? Развѣ приняли бы вѣровавшіе іудеи сказаніе Матѳея объ Іудѣ предателѣ, если-бы послѣдній долго жилъ послѣ преданія Іисуса, а между тѣмъ Евангеліе Матѳея было написано спустя 8 лѣтъ послѣ воскресенія? и какъ осмѣлился бы Матѳей говорить это въ глаза тѣмъ, которые должны были знать, что Іуда еще живъ? Но пусть Матѳей и Іоаннъ передали невѣрно объ Іудѣ, ошиблись по „человѣческой слабости впадать въ ошибку", что же вы скажете объ апост. Петрѣ и евангел. Лукѣ? Въ Дѣяніяхъ, спустя только 40 дней по вокресеніи Іисуса, объ Іудѣ говорится, что онъ „ницъ павъ, разсѣлся посреди и вылилась вся утроба его", причемъ прибавлено: „и извѣстно было то всѣмъ живущимъ въ Іерусалимѣ". Какъ же вы не принимате такихъ свидѣтельствъ, а тѣмъ болѣе свидѣтельства Духа Утѣшителя, говорившаго апостолами? Поэтому Максимъ снова повторяетъ, что тотъ подлежитъ анаѳемѣ, кто благовѣтствуетъ болѣе, чѣмъ предали апостолы, и совѣтуетъ „не восхищаться плохо всякимъ вѣтромъ ученій чужихъ, но искушать духи, отъ Бога ли они, т. е. согласны ли они съ евангельскимъ и апостольскимъ писаніемъ".

---

[1]) Позже стало извѣстно (печатное) сказаніе объ Іудѣ предателѣ блаж. Іеронима (Пекарскій, Литер. и наука при Петрѣ В. II, 53).

VIII.

Слово Максима противъ Іоанна Людовика [1]) вѣроятно было вызвано тѣмъ, что толкованіе послѣдняго распространилось между русскими, какъ можно заключать по тому, что Максимъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ: „какую, о Людовикъ, приносишь ты пользу благочестивымъ, предлагая столь смрадную тину гнилыхъ и позабытыхъ басенъ съ измышленіями пустослововъ, а не мнѣнія мудрецовъ—философовъ.

Іоаннъ Людовикъ Вивесъ, родомъ изъ Валенціи, былъ одно время наставникомъ англійской принцессы Маріи, будучи вызванъ въ Оксфордъ Генрихомъ VIII [2]). Онъ извѣстенъ, какъ сильнѣйшій противникъ схоластическаго метода въ философіи, что видно изъ его сочиненія „De corruptis artibus et tradendis disciplinis“, въ которомъ онъ прямо нападъ на схоластиковъ, такъ что, по словамъ Брюкера, „никто лучше его не подмѣтилъ слабой ихъ стороны и не поражалъ ихъ такъ сильно“ [3]). Во Франціи онъ былъ распространителемъ философіи Аристотеля [4]), написалъ много сочиненій, за которыя современники помѣщали его въ тріумвиратѣ съ Эразмомъ и Буддеемъ и которыя, по замѣчанію Галлама, „дышатъ чистою нравственностію“. Вивесъ хотя принадлежитъ въ XVI в. къ числу защитниковъ римской церкви, но къ такъ называемой доминиканской партіи или партіи Ѳомы Аквинскаго, которая держалась Августина [5]). Съ именемъ Вивеса связано также появленіе на свѣтъ римскихъ „Acta diurna“, подлинность которыхъ, однако, заподозривается [6]). Онъ самъ, по приглашенію извѣстнаго Эразма Роттердамскаго, принялъ на себя трудъ толкованія сочиненія Августина De civitate Dei“ [7]), которое вызвало М. Грека на возраженіе. Если мы примемъ во вниманіе, что Людовикъ, по обычаю того времени, вѣрилъ въ силу звѣздъ, любилъ дѣлать сравненія евангельскихъ событій съ языческими преданіями и до того уважалъ философію, что

[1]) Сочин.; III, слово, xxvп. 205—226.

[2]) Игнатовичъ, Ист. англ. универ. (Ж. М. Н. Пр., т. CXI. 162).

[3]) Галламъ, I, 323. Онъ избѣгнулъ, однако, преслѣдованій инквизиціи (Ланглуа, 108).

[4]) Schoell, III, 428.

[5]) Галламъ, 316, 337.

[6]) Гиббонъ, V, 19. Ср. еще А. Маленнъ, Газеты у древнихъ римлянъ (Библіографъ, 1893, №№ 4—5, с. 205).

[7]) Опис. рукоп. Синод. библ., II, 543. Допускаютъ, что тогда переведены были соч. Августина De civitate Dei съ толков. Іоанна Людовика Вивеса (Соболевскій, стр. 198; ср. наше М. Грекъ, 1-е изд. 152), нѣк. другія статьи и житіе его (195); ср. Засѣд. Общ. любит. древн. письм. 22 марта 1902 г.

Платона назвалъ „святѣйшимъ“, то намъ понятно будетъ, почему Максимъ такъ сильно вооружился на его сужденія. Слѣдуя мнѣніямъ своего времени, Людовикъ сравнивалъ рожденіе Іисуса съ рожденіемъ Паллады изъ головы Зевса, на что Максимъ замѣчаетъ иронически, что Зевсъ „пребылъ бы болѣзнуя до конца, если бы не Ифестъ сѣкирою обоюдоострою разсѣкъ главу твоего Зевса“. Людовикъ писалъ, что рай былъ созданъ прежде всего. Максимъ отвѣчаетъ: „гдѣ Богъ создалъ его, когда не созданы были еще небо и земля и нѣкоторые изъ четырехъ стихій“? и указываетъ для разрѣшенія этого вопроса на 22-ю гл. Богословія Іоанна Дамаскина. Людовика занималъ вопросъ, какимъ образомъ размножился бы родъ человѣческій, если бы не палъ человѣкъ?—на что Максимъ замѣчаетъ: „предоставимъ то единому премудрому и сильному Создателю, по мановенію котораго вскорѣ и въ мгновеніи ока создались безчисленныя тьмы разумныхъ воиновъ“.

Этотъ вопросъ занималъ и русскихъ современниковъ М. Грека, вѣроятно вызванныхъ къ тому книгою Іоанна Людовика, почему М. Грекъ написалъ отдѣльное „сказаніе противоглаголющимъ, что плотскимъ совокупленіемъ и рожденіемъ долженъ былъ размножаться человѣческій родъ, хотя бы и не согрѣшили праотцы“ [1]). Здѣсь онъ замѣчаетъ, что такъ говорятъ разсуждающіе *„не по божественному писанію, но руководимые человѣческими помыслами многоучительнаго внѣшняго наказанія (мудрости)“*. Вопросъ этотъ Максимъ разрѣшаетъ путемъ діалектическимъ: пусть скажутъ, говоритъ онъ, тѣ, которые такъ думаютъ, считаютъ-ли они родоначальниковъ созданными безсмертными или нѣтъ? Если нѣтъ, то они противорѣчатъ священ. писанію; если же признаютъ первое, то зачѣмъ допускать, что родъ человѣческій „скотскимъ образомъ долженъ былъ множиться, кромѣ похоти и страстей женскихъ болѣзней“. Знаемъ говоритъ онъ, что дѣтородные уды по двумъ причинамъ созданы для обоихъ половъ, *чтобы ими сохранился родъ человѣческій, а не до конца исчезъ, и чтобы посредствомъ ихъ устранялись измѣненія гніющихъ брашенъ;* ибо всевѣдущій прежде бытія предъувѣдалъ отпаденіе первозданныхъ, а также и вину ихъ отпаденія.... Поэтому Творецъ создалъ скотскія уды и сильныя животныя похоти, дабы и не хотящіе совокупляться и рождать дѣтей, были къ тому побуждаемы. Иначе никто не захотѣлъ бы подчиняться тому,

---

[1]) Сочин., I, сл. XVII, 541—546. Григорій Нисскій писалъ, что если бы Адамъ въ раю не отступилъ отъ Бога, то брака никогда-бы не было и размноженіе людей совершалось бы другимъ „болѣе достойнымъ образомъ“.

вспоминая многія и нестерпимыя страданія, причиняемыя деторожденіемъ и воспитаніемъ, какъ-то женскій полъ, вспоминая 9-мѣсячное ношеніе и связанныя съ нимъ гнусныя горести и послѣ того продолжающіяся печали о младенцахъ, пока не выростутъ, а отецъ, вспоминая многія попеченія о воспитаніи отъ своихъ родителей, какъ наставить дѣтей въ благочестіи и пріискать для сыновей женъ, а для дочерей—мужей. Отсюда ясно видно, что какимъ-то другимъ образомъ, выше человѣческаго разума и соотвѣтственно образу и подобію божію, хотѣлъ Премудрый Творецъ умножить нашъ родъ, если бы родоначальники пребывали въ соблюденіи заповѣди; а потому не слѣдуетъ думать, что если-бы человѣкъ не палъ, то такимъ же сквернымъ и скотскимъ способомъ долженъ былъ размножаться, такъ какъ, гдѣ скотское совокупленіе, тутъ всякое скверное истеченіе и тлѣніе и тайная страсть, почему не могло бы быть уже зачатое, рожденное и воспитанное безсмертнымъ, но было бы тлѣнное, мертвенное и маловременное. Все, что отъ тлѣнія началось, тлѣнью и смерти подлежитъ". Но хотя „инымъ образомъ, чуднѣйшимъ" долженъ былъ множиться родъ человѣческій, а не совокупленіемъ скотолѣпнымъ", однако „не слѣдуетъ мудрствовать напрасно о вещахъ, превосходящихъ нашъ разумъ и наше пониманіе.... Ибо кто позналъ умъ Господень?... Развѣ не могъ одинъ всесильный, всемогущій однимъ мановеніемъ своимъ умножить родъ человѣческій. Конечно могъ-бы" [1]).

„Адскій огонь, по словамъ Людовика, отъ воздуха имѣетъ истребительную силу или отъ земнаго разгорѣнія солнечныхъ лучей"; Максимъ замѣчаетъ ему на это, что „огонь сей скрытъ Творцомъ подъ землею и по существу своему негасимъ", и сравниваетъ его съ вулканическимъ огнемъ („етнѣйскій огнь", т. е. горы Этны). Одни говорили, что воскреснувшіе—всѣ будутъ въ образѣ мужчинъ, другіе—что будетъ два пола: мужской и женскій. М. Грекъ на послѣднее возражаетъ: „какая надобность въ такихъ скотолѣпныхъ удахъ для обоихъ половъ, если человѣческія тѣлеса возстанутъ нетлѣнными, не требующими ни пищи, ни дѣторожденія?... по воскресеніи же не будутъ ни жениться, ни посягать, и апостолъ говоритъ: „ибо всѣ вы сыны божіе вѣрою", а не „сыновья и дщери", и если во Христа крестились...., то нѣтъ ни мужскаго пола, ни женскаго пола" [2]).

---

[1]) Въ настоящемъ случаѣ М. Грекъ проводитъ означенную мысль Григорія Нисскаго, не указывая на него.

[2]) На многихъ страницахъ М. Грекъ касается еще мнѣнія о чувственномъ и мысленномъ раѣ, имѣвшаго мѣсто въ средневѣковой литературѣ (III, 210—224).

Подобныя мнѣнія въ Россіи распространялись и посредствомъ апокрифовъ. Въ нихъ говорится, что люди возстанутъ на судъ въ зрѣломъ возрастѣ (30 лѣтъ), а женщины измѣнятъ свой полъ; даже дѣти будутъ расти на томъ свѣтѣ до 30-ти лѣтъ, что бы предстать зрѣлыми мудрецами (см. Вопросы Іоанна Богослова въ Отречен. книгахъ Тихонравова, II). На Западѣ это мнѣніе встрѣчаемъ въ преданіяхъ вальденсовъ и катаровъ. Эбрардъ въ книгѣ Contra Valdenses говоритъ: „affirmant, quod in specie viri perfecti et in aetate xxx annorum ad judicium veniamus et mulieres suum permutent sexum". Среди ученыхъ XII вѣка поднимался вопросъ: *римскій первосвященникъ простой ли человѣкъ или выше человѣка?* (Иннокентій, Начерт. церковн. ист., II, 206) и являлось не менѣе странное положеніе ихъ, будто бы „papa est homo infallibilis (Григоровичъ, Перен. папъ съ рос. госуд. въ XVI в., 109).

Людовикъ въ доказательство своего мнѣнія противъ брака ссылался на Іеронима[1]); Максимъ противъ Людовика приводитъ мѣста изъ священнаго писанія и примѣръ Іис. Христа, присутствовавшаго на бракѣ въ Канѣ Галилейской (212—214). Людовикъ за истинныя книги свящ. писанія принималъ только еврейскія, а не переведенныя 72-мя толковниками; М. Грекъ еврейскія книги считаетъ испорченными „нарокомъ" (нарочно), а переводы толковниковъ „богодухновенными". Здѣсь же онъ исправляетъ выраженіе „40 дней и Ниневія разорится" на „три дня"..., потому что „невозможно 40 дней царю, во вретище облеченному, сидѣть безъ пищи на землѣ и пеплѣ и младенцамъ сосавшимъ оставаться безъ вкушенія молока или пребывать живымъ скотамъ безъ брашна и питья столько дней"? Такъ какъ это мѣсто ставили въ укоръ толковникамъ, какъ неправильно переведенное съ еврейскаго, то Максимъ считалъ нужнымъ объяснить подобную ошибку „забвеніемъ писца". Онъ, заурядъ перечисляетъ тѣхъ еретиковъ и учителей, которые уклонились отъ прямого смысла писанія и предпочли руководиться земною мудростію, какъ Симмахъ, Акила и Ѳеодотіонъ, или „еретики" Оригенъ (проклятый), Альбертъ, темноименный Скотъ и Ератосѳенъ, человѣки-міролюбцы, увлеченные такою мудростію, а не Духомъ Св., говорившіе, какъ и Людовикъ. М. Грекъ упрекаетъ его за вѣру въ звѣздочетство и за ссылки на свидѣтельства Платона, Аристотеля, Плотина, и совѣтуетъ „писаній внѣшнихъ" гнушаться и не мудрствовать

---

[1]) Максимъ здѣсь возражаетъ и противъ нѣк. толкованій Лактанція.

о томъ, что не писано пророками и апостолами. Относительно же ученія о божественномъ раѣ, онъ предлагаетъ держаться мнѣнія премудрѣйшаго толкователя Іоанна Дамаскина.

IX.

Въ разсмотрѣнныхъ нами апокрифическихъ сказаніяхъ играютъ роль восточныя мнѣнія, зашедшія въ Россію непосредственно изъ Византіи или при посредствѣ южно-славянской письменности. Въ XVI вѣкѣ открылся новый источникъ вслѣдствіе болѣе широкаго сближенія съ Западомъ, путемъ дипломатическихъ сношеній и распространенія языкознанія. Такъ появляется рядъ переводныхъ статей съ нѣмецкаго и латинскаго языковъ [1]). Въ ряду ихъ видное мѣсто занимаетъ „Луцидаріусъ", въ переводѣ съ нѣмецкаго языка, на что указываетъ рядъ германизмовъ, какъ выраженія „юностный день", гилистери (gelbe Stier), адереръ или адеръ (Nater), слонги—(Schlange), линтвормъ (Lindwurm), и буквальныхъ мѣстъ. Произведеніе это составлено было по порученію герц. Генриха Льва († 1195), извѣстнаго противника имп. Фридриха, капелланомъ его въ Брауншвейгѣ. Древнѣйшій списокъ его восходитъ къ XII в. Оно сопровождается иногда стихотворнымъ предисловіемъ. Обыкновенно его считали переводомъ съ Elucidarium'а (sive dialogus de summa totius christianae theologiae), приписываемаго Ансельму Кентерберійскому или Гонорію Отенскому или кому другому. На распространенность его въ средніе вѣка указываютъ многочисленные переводы и печатныя изданія памятника на нижне-саксонскомъ, нидерландскомъ, датскомъ, исландскомъ, шведскомъ, чешскомъ, итальянскомъ, французскомъ, англійскомъ и др. языкахъ (два древнѣйшіи нѣмец. изд. относятся къ 1479 и 1481 гг). Въ XVI в. была совершена переработка его въ протестантскомъ смыслѣ (изд. во Франкф. на Майнѣ 1549 г.). Насчитывается болѣе 30 рукоп. и свыше 80 печатныхъ изданій одного нѣмецкаго Луцидаріуса, который печатался въ разныхъ мѣстахъ (болѣе раннія изд. въ Аугсбургѣ, Страсбургѣ, Любекѣ и особенно часто печатался онъ во Франкф. на М. въ XVI—XVII стол.). Со 2-ой половины XVII в. онъ сталъ печататься подъ заглавіемъ „Kleine Kosmographia". Независимо отъ того отмѣчается нѣсколько редакцій нѣмецкаго памятника, отличающихся предисловіями (болѣе полн. и сокращ., стихотвор. и прозаич., измѣненныя перестановкой текста,

[1]) Е. В. Пѣтуховъ, Слѣды непосредств. вліянія нѣмец. литер. на древне русск. (Ж. М. Н. Пр. 1897, № 7). Опытъ русск. историогр., II, 1116—1117. А. И. Соболевскій, Переводная литература, 225.

вставками и дополненіями, раздѣлен. на книги и главы (въ болѣе древн. изданіяхъ онѣ отсутствуютъ). Единственной типичной чертой памятника удерживается его діалогическая форма: Iunger fragt. Meister sprach и т. п. Существенныя отличія представляетъ „Новый Луцидаріусъ" (1538, 1538—1539), сопровождаемый извлеченіями изъ Хроники 1535 г. Въ старыхъ нѣмец. изданіяхъ считается 216 вопросовъ и отвѣтовъ.

По вопросу объ источникахъ Луцидаріуса ставится еще другой— о возможности указать болѣе ранній, нежели соч. Гонорія Отенскаго, у писателя VI в. Исидора Испаленскаго (Севильскаго, см. выше, стр. 291, прим. 3), въ особенности въ его Etymologiarum libri XX, по сходству цѣлаго ряда мѣстъ, сходныхъ съ Луцидаріусомъ, Съ другой стороны указывалось, что самъ Исидоръ въ своихъ сочиненіяхъ находится въ зависимости отъ другихъ, въ особенности отъ греческихъ писателей [1]). Конечно, подобныя совпаденія отдѣльныхъ мѣстъ памятника съ разными источниками объясняются свойственной средневѣковымъ произведеніямъ компилятивности ихъ составленія и потому часто указаніе непосредственнаго источника становится затруднительнымъ, а иногда и невозможнымъ.

М. И. Соколовъ при этомъ указалъ на рукоп. Яросл. Спасскаго мон. XVII в., въ которой сказано, что Луцид. (рус.) переведенъ съ греч. яз. (но это замѣчан. могло быть простой догадкой переписчика рук.). Впрочемъ, у Строева (Библіогр. Словарь с. 397) эта замѣтка относится къ переводу Луцид. 1622 г. (Сборн. № 777, стр. 272—287), но едвали это 2-ой экз. назв. выше Луцид. и могъ дѣйствительно быть переведеннымъ съ греч. языка (?). Въ томъ же Сборн. другой списокъ Луцид., въ переводѣ съ бѣлорус., въ 67 главахъ. Заглавіе его по рукоп. XVII в. Синод. библ. № 785: „Сія книга именуемая Лусидаріусъ сирѣчь Просвѣтитель, яже глаголетъ толкованіемъ". По этому списку Луцид. изданъ Тихонравовымъ (Лѣт. рус. литер., I, М. 1859, с. 41—66); но здѣсь помѣщена только I-ая часть—обѣ части по рукоп. Соловец. библ. изд. И. Порфирьевымъ (Апокриф. сказ. о новозав. лицахъ и событіяхъ. Сборн. Им. Ак. Н. LII, 127—135; 416—471: „Книга именуемая Лусидаріусъ или Златый бисеръ"— это болѣе подроб., полная редакція). Существовала еще кратк. редакц. Луцидар. (Сборн. Флорищев. пуст.). Дѣлались извлеченія по списку Соловец. библ., см. Азбуковникъ по спискамъ Соловецкой библ. Карнова (Каз.

[1]) Замѣч. А. А. Покровскаго, М. И. Соколова и А. Н. Пономарева въ засѣд. Славян. ком. Моск. Археол. общ., т. III, 038 (проток.).

1878, с. 94—102). Есть указаніе на печатное (?) изданіе Луцидаріуса въ Москвѣ въ 1622 г.; но замѣчено, что оно не сохранилось и неизвѣстно библіографамъ, въ Сборн. XVII в. Вилен. публ. библ. (Опис., 232; ср. Уч. зап. Каз. унив. 1898, с. 93—98. Притомъ см. Строевъ Словарь, с. 397). Насколько этотъ памятникъ былъ популяренъ, видно изъ того, что списокъ, изданный Порфирьевымъ, имѣетъ надпись; „Сія книга Свято-троицкія Сергіевы лавры служительскаго сына Федора Селецкаго“ (стр. 417 и Опис. рукоп. Соловец. библ., I, 550). Онъ былъ распространенъ даже среди раскольниковъ, не смотря на ихъ уваженіе къ М. Греку (Отчетъ Рум. муз. 1901, № 31). Любопытно, что Луцид. отбирался у раскольниковъ, какъ богопротивное сочиненіе, въ 40—50 гг. (Рус. Арх. 1911, № 1, с. 53). См. еще Е. Ѳ. Карскій, Малорос. Луцидарій по рук. XVII в., текстъ, составъ памятника и языкъ. Варш. 1906, 57 стр. О Луцидаріяхъ и въ ст. Н. И. Петрова, О вліяніи зап. европ. литер. на древнерусскую, а также о звѣздочетствѣ съ привлеченіемъ отношеній М. Грека и Карпова (Тр. К. Д. ак. 1872, № 8).

Русскій переводъ Луцидаріуса появился современно М. Греку и получилъ широкое распространеніе среди читателей, и, судя по множеству списковъ XVII и XVIII вв. и даже болѣе позднихъ, былъ любимымъ чтеніемъ русскихъ. Такимъ образомъ, въ извѣстныхъ рус. хранилищахъ рукописей насчитывается свыше 60 списковъ этого памятника. Нѣкоторые списки дѣлятся на главы (въ 2-хъ частяхъ Соловец. сп. 107 главъ), или прямо на вопросо-отвѣты, безъ дѣленія на главы. Редакція текста иногда представляетъ сокращенія, иногда даетъ перефразировку, иногда является нѣсколько иной сравнительно съ нѣмецкими текстами, иногда же допускаетъ очевидныя искаженія, зависящія, впрочемъ, отъ недостатковъ текста нѣмецкихъ изданій. Изслѣдованіе текстовъ русскаго перевода прямо указываетъ, что послѣдній непосредственно примыкаетъ къ тексту нѣмец. Луцидаріуса.

Н. С. Тихоправовъ, въ предисловіи къ изд. тексту Луцидаріуса, старался указать многочисленные источники этого памятника, кромѣ подражанія латинскому „Elucidaruim'у“, называя въ числѣ ихъ Александрію (отсюда взято сказаніе о замурованныхъ Александромъ В. народахъ), повѣсть о Вавилонѣ, сказанія древнихъ географовъ (описаніе дивныхъ людей), планетники, альманахи, произведенія устной словесности, какъ стихъ о второмъ пришествіи. Онъ допускалъ, что изъ извѣстнаго „Elucid.“ уцѣлѣли лишь немногія мѣста, и то въ измѣненномъ видѣ, этого схоластическо-богословскаго діалога, и такимъ образомъ сохранились собственно общія свѣдѣнія о мірѣ, лю-

дяхъ, животныхъ, странахъ и вообще о томъ, на что требовала отвѣта любознательность грамотныхъ людей. Народное преданіе и народныя книги подали руку помощи и изъ отрывочныхъ извѣстій средневѣковыхъ повѣстей, гадательныхъ книгъ, бестіаріевъ и космографій сложился Луцидарій [1]). И. Я. Порфирьевъ пытался установить непосредственныя отношенія и связь древне-русскаго Луцидаріуса съ латинскимъ Elucid. Гонорія Отенскаго, находя наибольшую близость къ нему въ изданномъ имъ спискѣ Соловец. библ. (№ 261). Но позднѣйшія изслѣдованія этого памятника привели къ заключенію, что источниками ему служили: 1) Elucidarium латин. пис. к. XI—нач. XII в. Гонорія Отенскаго, 2) Imago Mundi, весьма популярное соч. того же автора, 3) Philosophia Mundi, весьма распространенное въ средневѣковой литературѣ соч., приписывавшееся ему же, но принадлежащее другому, неизвѣстному автору, и 4) Gemma Animae того же Гонорія. Всѣ они изданы въ Patrol. lat. Migne'я (t. CLXXII). Но, представляя тѣсную связь съ Elucid. Гонорія, нѣмецкій Луцид. имѣетъ существенныя отличія отъ него, по своему содержанію и по цѣлямъ составителя. Первое есть произведеніе по содержанію и по характеру схолостическо-богословскій діалогъ, нѣмецкій Луцид. — произведеніе общеобразовательнаго содержанія, составленное преимущественно для міряпъ и только отчасти богословское. Начинаясь вопросами о вѣрѣ, о Богѣ, о его троичности, о взаимныхъ отношеніяхъ лицъ св. Троицы, онъ сразу переходитъ къ длинному ряду вопросовъ объ устройствѣ міра, о небѣ и землѣ, о четырехъ элементахъ, о паденіи ангеловъ, объ адѣ, о томъ, гдѣ онъ находится, какой онъ имѣетъ видъ, о раѣ, объ Адамѣ, о Енохѣ, о томъ, чѣмъ держится земля, затѣмъ къ характеристикѣ трехъ частей свѣта—Азіи, Европы и Африки, съ подробнымъ описаніемъ какъ ихъ, такъ и острововъ; далѣе діалогъ обращается къ вопросамъ о естественно-историческихъ предметахъ, объ огнѣ, водѣ, вѣтрахъ, землетрясеніи, объ антиподахъ, о томъ, отчего происходитъ ночь, о планетахъ и звѣздахъ, о лунѣ, затменіяхъ, о громѣ и молніи, о происхожденіи свѣта, росы, о рожденіи человѣка, о его концѣ, о концѣ всѣхъ вещей и будущемъ воздаяніи [2]). Въ заключеніе дается

[1]) Тихонравовъ полагаетъ, что „стрѣлки громныя“ и „топорки“, запрещаемые Домостроемъ (Времен., № 1, с. 38), какъ названія, были заимствованы изъ существовавшаго тогда перевода Луцидаріуса, на что указываютъ и нѣкоторыя выраженія сходныя съ обличеніемъ М. Грека.

[2]) Отвѣты поражаютъ иногда своею наивностью, напр. „гдѣ есть верхній адъ? — на высокихъ горахъ и на островахъ при морѣ, и т. д.; или „вода имѣетъ три естества: пер ое, что мы по ней плаваемъ, второе, что мы ею моемся, третіе, что мы ее пьемъ.“

объясненіе церк. службъ и изображается жизнь людей послѣ смерти. Представляя существенное отличіе по изложенію и общему направленію отъ Elucid. Гонорія, нѣмец. Луц. вноситъ еще особый элементъ—географическій, совершенно отсутствующій въ первомъ. Въ этой части онъ представляетъ лишь сокращен. переводъ Imago Mundi, доходящій иногда до поверхностнаго изложенія и грубыхъ ошибокъ съ одной стороны и до предпочтенія описанія о необыкновенныхъ явленіяхъ природы и баснословныхъ людяхъ съ другой, что̀, однако, и находило особенно радушный пріемъ у читателей, судя по изложенію и извлеченіямъ въ современныхъ рукописяхъ. Русскій Луцид. самымъ тѣснымъ образомъ связанъ съ наиболѣе ранними изданіями нѣмец. Луцидаріуса, безъ всякаго существеннаго и значительнаго вліянія другихъ какихъ либо источниковъ. Не видно какихъ либо прибавленій даже въ позднѣйшихъ и болѣе полныхъ спискахъ. Напротивъ, въ этихъ послѣднихъ текстъ его значительно короче (вмѣсто 216 вопросовъ и отвѣтовъ—180); нѣкоторые вопро̀сы опущены, другіе соединены вмѣстѣ, иные, напротивъ, раздѣлены; переводъ нѣкоторыхъ мѣстъ замѣняется перифразомъ. Отмѣчаютъ двѣ редакціи, довольно отличныя одна отъ другой: редакцію списка Тихонравова, болѣе краткую (XVII в.), и списокъ Порфирьева, болѣе обширной ред. (Солов. библ. Казан. дух. акад., № 261), и хотя также неполный сравнительно съ нѣмец. оригиналомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе распространенный по количеству рукописей, къ которымъ принадлежитъ также списокъ, бывшій въ рукахъ М. Грека [1]), притомъ весьма близкій къ списку, находящемуся въ Солов. сп. № 261. Переводъ этотъ отличается крайней буквальностью, доходящей иногда до искаженія смысла текста. Особую редакцію представляетъ списокъ Ундольскаго (1700 г.), занимающій среднее мѣсто, и значительно отличной оказывается назв. печатная редакція 1622 г., сближающаяся съ чешскимъ Луцид. [2]). Языкъ перевода (старшей ред.)—церковно-славянскій, переходящій мѣстами въ русскій, очень простой и ясный. По употребле-

[1]) Сличеніе этого текста съ чешскимъ, напечат. у Порфирьева (Уч. зап. Каз. унив. 1898, № 10, 98--103; Унд., 72—93; Вилен. сп. 93—97; нѣмец. и Порфир. 104—114); о чешскомъ трудѣ Зибрта о Луцидаріѣ, 1903 г. и объ отношеніи рус. текста къ чешск. и нѣмец Луц., замѣч. А. А. Покровскаго (Труды Слав. ком. Моск. Археол. общ., IV, с. 23—24).

[2]) А. С. Архангельскій, Къ исторіи нѣмецкихъ Луцидаріусовъ (Каз. 1897, изъ Уч. зап. Каз. унив.); Къ исторіи древне-рус. Луцид., его же (тамъ-же, 1898, № 1, стр. 145—188; № 10, с. 71--114; № 12, с. 33—74; въ №№ 10 и 12 сличеніе нѣмец. и рус. Луц.; 1899, № 2, стр. 21—144—продол.—; № 3, с. 37—82—прод.—; № 5, с. 27—72: списки Уварова сравнительно съ Порфирьевскимъ, съ которымъ они согласны и общее заключеніе; объ особен. чешскихъ списковъ. стр. 70—72).

нію нѣкоторыхъ названій мѣстъ, переводчикъ былъ знакомъ съ греческимъ языкомъ[1]). Въ 1903 г. въ Прагѣ вышелъ трудъ Зибрта: „Staročesky Lucidarž text rukopisu furstenbergskeho a prvo tisku z roku 1498, который даетъ возможность установить совершенную независимость рус. и чешск. текстовъ, но въ то же время новые тексты заключаютъ много данныхъ для объясненія отдѣльныхъ мѣстъ рус. Луцидаріуса. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ русскіе тексты ближе стоятъ къ чешскимъ, чѣмъ къ нѣмецкимъ и доходятъ иногда до полнаго сходства съ ними, отличаясь существенно отъ послѣднихъ[2]). Русскій переводъ былъ и предложенъ Георгіемъ на разсмотрѣніе Максима Грека.

X.

Луцидаріусъ представлялъ особенный интересъ для книжниковъ уже потому, что заключалъ въ себѣ „велія учительства, которыя въ иныхъ книгахъ сокровенны, откуда каждый человѣкъ мудрость воспріять можетъ, такъ какъ то, что въ писаніи широко написано, здѣсь вмѣстѣ собрано“. Такъ говорится въ началѣ самаго Луцидаріуса. Онъ представляется въ разговорной формѣ; бесѣда же идетъ между учителемъ и ученикомъ: „ученикъ есть вопрошатель, а Святый Духъ есть учитель“.

Тихонравовъ, издавая памятникъ и упомянувъ, что М. Грекъ обращался къ нѣкоему Георгію (Посланіе къ нѣкоему мужу поучительно на обѣты нѣкоего латынина мудреца), сдѣлалъ заключеніе, что „какой-то Георгій перевелъ это произведеніе на русскій языкъ, и, кажется сообщилъ свой трудъ, уже оконченный, М. Греку, желая знать его мнѣніе о Луцидаріусѣ“. Далѣе Тихонравовъ говоритъ. „Кто этотъ Георгій, сказать трудно. Максимъ называетъ его въ посланіи: *господине, кѵръ.* Не князь ли этого Георгій Ив. Токмаковъ, составившій повѣсть о Выдропусской иконѣ Б. Матери? Онъ былъ намѣстникомъ въ Псковѣ, гдѣ представлялось болѣе случая сталкиваться съ иноземцами,—обстоятельство, которое можетъ говорить въ пользу нашего предположенія“ (Лѣт. рус. литер., I, 35 и примѣч.; Соч. I, 300—307,

---

[1]) А. И. Соболевскій, Перевод. литер., 225.

[2]) Ср. зам. объ изд. Зибрта, А. А. Покровскаго, (Тр. Славян. ком. Моск. Арх. общ., IV, 023—24).

Нѣкоторые выдѣляютъ Уваров. спис. и текстъ Типогр. библ. XVII в. въ особую редакцію, устанавливая 3 ред. Луц.—Порфирьев., Тихонрав. и Уваровскую (ib. 024).

примѣч., стр. 92, прим. 8). Въ 1-мъ изданіи соч. „Максимъ Грекъ“ (стр. 141, прим. 3) мы замѣтили: „Но М. Грекъ обыкновенно употребляетъ званіе князя, если относится къ князю, тогда какъ здѣсь посл. адресовано: „нѣкоему мужу“, а Георгій Ив. Токмаковъ, какъ намѣстникъ псковской не упоминается ранѣе 1570 г.“ (Карамз. IX, с. 90), слѣдов. много спустя по смерти М. Грека († 1556). Мнѣнія Тихонровова держатся Порфирьевъ (Ист. рус. слов. I, 278 и Апокриф. новозав. соб., 132) и Е. В. Пѣтуховъ (Ж. М. Н. Пр. 1897, № 7, с. 152—153 и др.). Но это совершенно неточно. Георгій просто послалъ М. Греку статью, тогда вышедшую въ свѣтъ, и просилъ его мнѣнія (статья не заканчивается, вѣроятно и Георгій не списалъ всего). Безъ сомнѣнія это тотъ же Георгій, котораго М. Грекъ въ другомъ посланіи называетъ „господиномъ и братомъ возлюбленнымъ“, съ которымъ онъ былъ въ постоянной перепискѣ (извинялся что, „надолго нѣсмь къ тебѣ писалъ... ниже посылалъ; радъ есмь всегда съ тобою бесѣдовати, не точію чернилом и бумагою, но и усты къ устамъ и лицемъ къ лицу. Но по грѣхамъ моимъ тягость противится желанію моему. Многое житіе мое въ болѣзняхъ и недугахъ различныхъ прохожу. Сего ради, молю тебя, любезный мой, прости меня въ томъ, что поневолѣ надолго замолчалъ“. Тогда же онъ послалъ ему окончаніе 1-го слова на агарян. прелесть и 2-ое слово о томъ же. Одна тетрадь была имъ самимъ писана, другія 6 рукою діакона Григорія (см. о немъ II, 386—88, 421), —соч. Самуила Евр. и возраженія на него и еще иную тетрадку его собств. рукою... зѣло потребну“). Георгій посылалъ ему и отъ себя для переписки какую-то рукопись (II, 424—425): „и ты, что послалъ ко мнѣ, чтобы я переписалъ снова, и не переписалъ я оттого, что не понимаю, откуда начать и до чего довести, да еще и потому, что *нѣтъ у меня хорошего чернила, ни киновари*. Самъ себѣ перепиши, какъ пригоже, а мнѣ о томъ не позазри, молю тебя... Да отпиши мнѣ о твоемъ здоровьѣ и пребываніи“. Такимъ образомъ сношенія эти относятся къ тверскому періоду жизни М. Грека и къ тому же времени вѣроятно относится и появленіе перевода „Луцидаріуса“, а не къ болѣе раннему времени, какъ полагаютъ (А. И. Соболевскій, Перев. лит., 225). А. А. Титовъ на основаніи рукописи Артынова, указываетъ на существованіе въ XV—XVI в. въ Ростовскомъ уѣздѣ, въ 3-хъ верстахъ отъ Ростова, деревни Поповки—терема кн. Георгія Петровича Шубина, впослѣдствіи попа Георгія Скрипицы и потомъ сына его кн. Юрія Петровича Шубина (Ростов. уѣздъ,

227—228), но довѣряться этому показанію нельзя. Тутъ же преданіе о немъ, какъ о правнукѣ кн. И. П. Шубы, потомка татар. царевича Петра (ib. 58).

Бесѣда открывается богословскими вопросами. Прежде всего дѣло идетъ о трехъ именахъ единаго Бога, на что ученикъ возражаетъ: какъ можетъ одно Божество раздѣлиться натрое? Учитель сравниваетъ троичность Божества съ солнцемъ, которое испускаетъ свѣтъ, лучи и теплоту, оставаясь однимъ солнцемъ.—На вопросъ ученика: одинъ ли Богъ былъ прежде сотворенія міра? учитель отвѣчаетъ: „онъ былъ не одинъ, но сотворенный міръ былъ съ нимъ", на что Максимъ замѣчаетъ: „*отвѣтъ сей платонскій и аристотельскій, а не христіанскій*, ибо они говорятъ, что міръ присносущенъ Богу. Если же сотворенный міръ былъ съ нимъ, то поэтому не одинъ былъ Богъ, но и міръ всегда былъ съ нимъ; а если всегда, то и присущенъ ему міръ, что есть хульно".—На вопросъ же ученика, гдѣ находился самъ Богъ прежде сотворенія міра, учитель объясняетъ это такъ: „тогда ничего не было кромѣ тьмы, именуемой хаосъ, потому что тогда было четыре состава вмѣстѣ сліянные, хаосъ толкуемый глубина или яма, или тракъ, или сліяніе вещамъ, или начало вещамъ, въ немъ уже все было слито и смѣшано...; греки разумѣютъ подъ хаосомъ естество небесъ и земли слитно, принимая его за первочинное существо; другіе иначе объясняютъ: силой, совокупностью всѣхъ образовъ, иные тѣломъ безтѣлеснымъ, а еще иные другими философіями зовутъ". Максимъ по поводу такого объясненія говоритъ: „и вопросъ дерзокъ, ибо писано: *вышнихъ себя не взыскуй*, и отвѣтъ ничего не доказалъ противъ вопроса, *только соръ пословицъ еллинскихъ прибралъ*, какъ хаосъ да илинь (ὕλη—матерія), которыя взяты *отъ еллинскихъ книгъ*; ибо онѣ говорятъ, что прежде сотворилъ Богъ илинь, т. е. вещество и отъ той *или* (ὕλη) создалъ все, какъ скудельникъ прежде приготовляетъ глину, а потомъ творитъ различные сосуды. *Святое же богословіе* того не принимаетъ; но учитъ, что все пришло *въ мгновеніе ока* отъ небытія въ бытіе".—По представленію Луцидаріуса, небо постоянно движется отъ востока къ западу, а противъ него идутъ: солнце, луна и звѣзды... Небо состоитъ изъ четырехъ элементовъ и подобно зеленой водѣ. Небесъ трое: одно отъ земли до луны, другое отъ луны до звѣздъ, третье надъ твердью и называется огненнымъ, на которомъ уже возсѣдаетъ Богъ со всѣми святыми. Отъ земли до луны помѣщаются злые духи, а отъ луны до звѣздъ простирается огненный воздухъ, гдѣ пребываютъ ангелы. М. Грекъ противъ мнѣнія о движеніи неба возражаетъ такъ: „и если всегда текутъ небо и солнце, и луна, и звѣзды и силою на западъ

влечется (небо), *то уже ложно будетъ изреченіе богодохновеннаго писанія:* поставившій небо *какъ камору* (Псал. 103, 2) и другое писаніе: простирая небо, яко же скинію, еже есть *шатеръ*, ибо сказано: „поставилъ твердое и недвижимое“ небо, камора же не движется, какъ и шатеръ, *и если говоритъ онъ, что всегда течетъ и все силою носится, то почему нѣкоторыя звѣзды позже иныхъ возсіявшія на востокѣ, скорѣе ихъ достигаютъ запада, а иныя наоборотъ?* И если бы сильнымъ небеснымъ теченіемъ влекомы были къ западу солнце, луна и звѣзды, то равно всѣ шли бы небеснымъ вертѣніемъ. Къ тому же говорится, что во всякое время течетъ небо отъ востока на западъ, и напротивъ его текутъ солнце и луна и звѣзды, то, *какъ видно, уже говоритъ онъ самъ себѣ противорѣча,* такъ какъ небо является столь сильнымъ, что солнце и луну и звѣзды съ мощію на западъ влечетъ... *Всѣ эти отвѣты даются по внѣшней человѣческой мудрости, а не по благочестивому ученію и преданію*“. — На вопросъ ученика: какой свѣтъ былъ прежде сотворенія солнца? учитель отвѣчаетъ: „говорятъ, что Богъ сотворилъ весьма свѣтлое облако, которое доставляло свѣтъ“. Максимъ дѣлаетъ замѣчаніе: „И тотъ отвѣтъ не по учительству православныхъ учителей. Ибо премудрый Іоаннъ Дамаскинъ въ 18-мъ словѣ объ этомъ явственно сказалъ: въ теченіе трехъ дней разсыпающемуся и соединяющемуся свѣту, по божіему повелѣнію, стали день и нощь. *Держися крѣпко книги Дамаскина, и будешь великій богословецъ и естествословецъ,* по чужимъ бурямъ не скитайся, чтобы ладья твоя не опроверглась и не погибла“.—Затѣмъ въ Луцидаріусѣ идетъ разговоръ о сотвореніи Адама и Евы, о мѣстоположеніи рая (находится онъ близъ небесъ, которыя выше всей земли... Тамъ облегаютъ весьма высокія горы и чащи лѣсныя, а впереди и мракъ мгла, и никто туда войти не можетъ, только душа съ добрыми дѣлами). Адамъ, по словамъ учителя, пробылъ въ раю только два часа; Максимъ же возражаетъ: „Святый Иванъ Златоустый говоритъ 6 часовъ. Сего ради и новый Адамъ Іисусъ Христосъ на 6-мъ часѣ распятъ былъ“. Ученикъ спрашиваетъ: тѣ овощи, которые растутъ въ раю, кому теперь служатъ пищею? Учитель говоритъ, что ихъ употребляютъ святые духи, обитающіе тамъ; но, замѣчаетъ ученикъ, имъ не нужна пища, потому что кто ѣстъ, тотъ растетъ и измѣняется („разнится“). Ты говоришь, отвѣчаетъ учитель, о плотской пищѣ, которой тамъ нѣтъ, потому что, какъ души духовны, то и пища ихъ духовна. Она подобна росѣ, высыхающей отъ солнца (у Максима гніющей). Это мнѣніе М. Грекъ опровергаетъ такъ: „сказалъ ты, что говоритъ онъ, будто бы пища духовнымъ душамъ духовная, а если духовная, то какъ же опять говоришь, что гніетъ какъ вода отъ солнца:

духовныя вещи нетлѣнны пребываютъ, а если гніетъ, то уже чувственны, уничтоживъ которую, необходимо душамъ всегда иную принять чтобы не алкать. О крайнее безуміе!" — На слова учителя, что Адамъ жилъ 930 л., умеръ въ Іерусалимѣ и погребенъ въ Европѣ на томъ же мѣстѣ, откуда была взята земля для его сотворенія, а Авель былъ убитъ въ Дамаскѣ,—Максимъ отвѣчаетъ: *„и то кромѣ преданія церковнаго;* Аѳанасій Великій въ словѣ о страсти Спасовѣ и о крестѣ говоритъ такъ: повѣсть отъ праотцевъ дошла до насъ, что глава первозданнаго Адама принесена была потопомъ, при Ноѣ, отъ востока въ Іудею, и осталась на Галгоѳѣ божіимъ мановеніемъ, да освятится кровію новаго Адама. Изъ сего ясно, что сначала люди до потопа въ высочайшихъ восточныхъ странахъ жили и тамъ умирали и погребались. И Авель праведный тамъ же убитъ былъ, а не въ Дамаскѣ, и отецъ его не въ Іерусалимѣ, какъ тотъ лжетъ".—Учитель говоритъ, что первый человѣкъ, открывшій письмена, былъ Енохъ; М. Грекъ замѣчаетъ: „и въ томъ лжетъ явно твой не лучидаріусъ, но обтенебраріусъ, т. е. темнитель, а не просвѣтитель. Сиѳъ, третій сынъ Адамовъ, первый обрѣлъ письмена, какъ то пишетъ Іосифъ іудеянинъ (Флавій), говоря, что услышавъ отъ отца своего, что потопъ будетъ на землѣ или огнемъ или водою, сотворилъ два столпа: одинъ каменный и другой глиняный, и написалъ на нихъ поеврейски—имена зодіаковъ и планетъ и другія небесныя свѣдѣнія, достигнутыя его мудростію, и поставилъ на мѣстѣ высокомъ, чтобы люди, по потопѣ, получили разумѣніе ихъ" [1]). На вопросъ ученика: кто былъ первый царь послѣ потопа?—учитель говоритъ: Мельхиседекъ, „его же латыни называютъ Сима Ноева сына". У Максима этого мѣста нѣтъ; оно вѣроятно пропущено въ рукописи, или можетъ быть онъ самъ сдѣлалъ только возраженіе, не приводя этого мѣста. Въ своемъ объясненіи Максимъ замѣчаетъ, что Мельхиседекъ царствовалъ 113 лѣтъ и не происходилъ изъ рода Авраама, а былъ хананеяниnъ, и т. д.

---

[1]) Въ изданіи Тихонравова стоитъ: *Сиѳъ,* какъ говоритъ и М. Грекъ въ опроверженіи мнѣнія относительно Еноха. Вѣроятно эта поправка произошла на основаніи сочиненія М. Грека (и можетъ быть была сдѣлана тѣмъ же Георгіемъ, который прислалъ ему Луцидаріусъ и къ которому писалъ М. Грекъ). Такой доводъ мы допускаемъ, такъ какъ Тихонравовъ имѣетъ основаніе принимать его относительно другого мѣста. Такъ, въ нѣкоторыхъ спискахъ пропущенъ разсказъ о паденіи перваго ангела, опровергаемый М. Грекомъ, и Тихонравовъ думаетъ, что пропускъ сдѣланъ на основаніи обличенія послѣдняго. Вообще замѣтимъ, что выдержки изъ Луцидаріуса, приводимыя Максимомъ, не согласны *буквально* съ Луц—мъ, изд. въ Лѣт. рус. литер. (нач. XVII в.). Тихонравовъ полагаетъ, что онъ измѣнялся, дополняясь или сокращаясь" (I, 39). Разница могла произойти и оттого, что М. Грекъ передавалъ только смыслъ рѣчи, а не дословно.

Послѣ всего сказаннаго, необходимо обратить вниманіе еще на одно мѣсто изъ Луцидаріуса, опровергаемое М. Грекомъ, котораго нѣтъ въ нѣкоторыхъ его спискахъ. Ученикъ спрашиваетъ: какъ назывался первый ангелъ? Учитель отвѣчаетъ: Сатаніилъ. Максимъ на это возражаетъ: „Пословица эта Сатанасъ *еврейская*, толкуется отступникъ. Прежде же отпаденія его ни Сатана, ни Сатаніилъ, но Еосфоросъ именовался, по пророчеству Исаину, толкуется же „свѣтоносецъ“ въ *греческомъ языкѣ*, за особенную свѣтлость, какою украсилъ его Творецъ. По отпаденіи же его названъ былъ Сатана, т. е. отступникъ, а не до отпаденія Сатаніиломъ именовался. Того святое писаніе соборное не предало намъ; кромѣ же писаннаго преданія, принимать что или учить чему отнюдь не похвально“. На слова учителя, что первый ангелъ на небѣ былъ только полчаса и что адъ былъ созданъ, какъ только діаволъ помыслилъ объ отпаденіи,—Максимъ Грекъ возражаетъ: „того никакое писаніе, ни богодохновенное, ни отеческое не знаетъ“.—Статья М. Грека противъ Луцидаріуса не окончена; можетъ быть Георгій предложилъ Максиму на разсмотрѣніе только часть своего труда и вслѣдствіе того остальная часть его осталась безъ замѣчаній [1]). Далѣе Луцидаріусъ сообщаетъ о міроустройствѣ, о частяхъ свѣта, о стихіяхъ, планетахъ, звѣздахъ, кометахъ, явленіяхъ природы (о землетрясеніи, затменіи, громѣ, молніи, градѣ, дождѣ, снѣгѣ, инеѣ), объясняетъ образованіе вѣтровъ, холодъ и теплоту, вліяніе солнца на долготу дней, годичное движеніе солнца, образованіе тучъ и росы, происхожденіе животныхъ; входитъ въ подробности при объясненіи причинъ кратковременности жизни, о дѣторожденіи, размышленіи, о волосахъ, ногтяхъ, сѣдинахъ и смерти. Наконецъ, Луцидаріусъ останавливается на разныхъ мелкихъ религіозныхъ вопросахъ, объясняетъ части богослуженія, значеніе колоколовъ и креста, говоритъ объ антихристѣ, будущемъ судѣ и новомъ мірѣ. Даже разрѣшаетъ такіе вопросы, какъ напр., возстанутъ ли на судъ некрещеные младенцы и родившіеся мертвыми.

Разсматривая вообще содержаніе Луцидаріуса, слѣдуетъ замѣтить, что онъ, во-первыхъ, стоитъ на религіозной почвѣ, а во вторыхъ, окружающія явленія старается объяснить естественнымъ путемъ. Мы встрѣчаемъ въ немъ нѣкоторыя несогласія съ священнымъ писаніемъ и преданіемъ, что однако не измѣняетъ его религіознаго значенія.

[1]) Посланіе М. Грека къ нѣкоему мужу поучительно на обѣты нѣкоего латынина мудреца (Соч. III, слово xxviii, 226—236).

Замѣчанія М. Грека прерываются въ началѣ 22-ой главы 1 части Луц. по изд. Порфирьева.

Въ другихъ случаяхъ онъ даетъ болѣе научныя объясненія, нежели прежнія статьи апокрифическаго характера [1]). Не смотря на это, М. Грекъ отнесся къ нему вполнѣ отрицательно. Онъ писалъ Георгію: „не особенно внимай предисловію книги сей, ибо не только больше и лучше говорятъ намъ православные святители и учители наши, но оно во многихъ случаяхъ лжетъ и пишетъ противно православнымъ преданіямъ и повѣстямъ... Латыне, Георгій, много прельстилися внѣшними ученіями и не подобаетъ вамъ внимать ихъ ученію, или переводить ихъ на русскій языкъ, берегитеся отъ нихъ, какъ отъ гангрены и злѣйшей коросты, если хотите быть чистой пшеницей, а не плевелами оказаться въ день жатвы". Въ чемъ же заключается причина такого строгаго отношенія М. Грека къ Луцидаріусу?

Она лежитъ въ основномъ взглядѣ на явленія умственной и общественной жизни, который онъ постоянно приводитъ въ своихъ сочиненіяхъ. „Кромѣ преданія писаннаго, говоритъ Максимъ по поводу Луцидаріуса, говорить что или учить чему не похвально". Разбирая же Луцидаріусъ, Максимъ находитъ, что мнѣнія его „платонскія и аристотельскія, а не христіанскія", что онъ говоритъ „не по учительству православныхъ учителей, кромѣ преданія церковнаго", а потому и совѣтуетъ „отлучаться чужихъ басней, какъ растлѣвающихъ добрые обычаи". Луцидаріусъ объясняетъ устройство неба не по священному писанію, а естественнымъ путемъ, но 103-ій псаломъ говоритъ, что небо подобно „комарѣ", „скиніи, которая есть шатеръ", замѣчаетъ М. Грекъ, а потому мнѣніе Луцидаріуса ложно, какъ составленное „по внѣшней человѣческой мудрости", а не „по благочестивому ученію и преданію". Въ Луцидаріусѣ сказано, что Адамъ пробылъ въ раю два часа, но Іоаннъ Златоустъ полагаетъ 6 часовъ,—и этого достаточно для опроверженія... Въ Луцидаріусѣ столкнулось „внѣшнее ученіе" съ вопросами вѣры,—и вотъ М. Грекъ опредѣляетъ дѣятельность мысли заключенною лишь въ предѣлы священнаго писанія и преданія: „высшихъ себя не взыскуй", говоритъ онъ. Кромѣ того Луц-съ есть произведеніе „латинянъ", которыхъ слѣдовало избѣгать какъ „гангрены и злѣйшей коросты", слѣдовательно уже одного этого достаточно было, чтобы Максимъ запретилъ переводить Луц-съ. Что же предлагаетъ М. Грекъ взамѣнъ еллинскихъ и римскихъ ученій, еврейскихъ и арабскихъ книгъ, которыми прельстились латиняне? Онъ предлагаетъ книги Дамаскиновы, „подобныя небесной красотѣ и пищи райстей, сладчайшія паче меда и сота.... и отвѣты великаго Аѳанасія къ князю Антіоху „премудрые и всякія истины исполненные"...

[1]) В. Н. Перетцъ, Матер. къ ист. апокриф. и легенды (Изв. Ак. Н. 1901, № 3, с. 19—21).

XI.

Г. Валишевскій (Іоаннъ Грозный [1]) легко разрубаетъ узелъ, когда утверждаетъ, что М. Грекъ вовсе былъ лишенъ критическаго чувства, нападая на Луцидаріусъ, довольно сносно разсказывающій о вопросахъ физики и астрономіи. Чтобы судить правильно о М. Грекѣ, не нужно забывать, какъ медленно усваиваются новыя міровыя идеи. Если въ древности долго держались мнѣнія, что знаменитая святыня Аполлона, находившаяся въ Дельфахъ, считалась центромъ земли (Геродотъ и др.), то въ средніе вѣка такимъ центромъ стали считать мѣсто погребенія І. Христа. По этому представленію, земля является дискомъ. Аристотеля считаютъ первымъ, ясно выразившимъ ученіе о сферической фигурѣ земли, хотя идея эта была не безъизвѣстна и Платону [2]). Древніе вѣрили въ шарообразность земли, но не шли дальше того; они допускали, что солнце центръ движенія, но оно считалось среднимъ пунктомъ въ ряду небесныхъ свѣтилъ, обращающихся вокругъ земли. Гиппарху принадлежитъ установленіе теоріи эпицикловъ и эксцентрическихъ круговъ, развитое далѣе Птоломеемъ [3]).

Ученіе объ антиподахъ было положительно принимаемо греками и слѣдовавшими затѣмъ астрономами, арабскими и европейскими, но оно встрѣтило отпоръ въ церковномъ ученіи. Лактанцій мнѣніе объ антиподахъ называетъ „нелѣпостію", Августинъ, не отвергая шарообразности земли, возражаетъ противъ послѣднихъ, такъ какъ въ свящ. писаніи не упоминается такого племени между потомками Адама, но Іеронимъ Блаж. привлекалъ свящ. писаніе въ противоположномъ направленіи. Въ VI в., бывшій александрійскій купецъ, а потомъ монахъ, Козьма Индикопловъ, написавшій „Христіанскую Топографію" въ 12 книгахъ (изд. въ Монфоконовой Col. Patr., t. II [4]), построилъ свои представленія на чисто народныхъ понятіяхъ: онъ описываетъ землю какъ продолговатую плоскость, окруженную прямыми стѣнами и покрытую сводомъ, подъ которымъ небесныя тѣла совершаютъ свои об-

[1]) Ср. также Рус. Стар. 1904, № 7, с. 144.

[2]) Уэвелль, I, 191, 202, 206.

[3]) Ibid., 222—232, 260—268.

[4]) Ibidem, 325—328. Понятіе Беды о землѣ общераспространенное въ сред. вѣка (Спенсеръ, Англія, стр. 231). Англо-сакс. ученые представляли землю шаромъ, но какъ центръ небесной тверди, которая считалась громадною вогнутою поверхностью съ звѣздами, такъ или иначе, прикрѣпленными къ ней. Двѣ звѣзды— сѣверн. полярная и южная, которыя противоположны другъ другу, признавались осями, на которыхъ твердь совершаетъ свое безконечное вращательное движеніе (ib.)

ращенія, обходя вокругъ высокой горы, которая, закрывая людей отъ лучей солнца, производитъ ночь, и мнѣніе о шарообразности земли считалось не безопаснымъ даже не задолго до открытія Колумба. Въ средніе вѣка, хотя и были люди, возвышавшіеся надъ общепринятыми мнѣніями, но они составляли рѣдкое исключеніе. Хотя еще въ древнѣйшія времена и послѣдующій періодъ астрономы говорили о геліоцентрической системѣ, причемъ нѣкоторые считали ее истинной (Пиѳагоръ, Аристархъ и др.), но большинство (до Аристотеля и въ томъ числѣ даже новые писатели включительно), ее отвергали. Чтобы геоцентрическая теорія была примѣнена къ геліоцентрической долженъ былъ принять участіе отличный математикъ и потому до появленія произведенія Коперника (извѣстнаго съ 1530, а вышедшаго въ 1543 г. [1]), эта теорія являлась не иначе, какъ въ видѣ поспѣшной и несовершенной гипотезы, иногда даже отвергаемой болѣе замѣчательными умами (какъ Іог. Мюллеръ въ Кенигсбергѣ [2]) и затѣмъ, даже послѣ него считали нужнымъ опровергать его предположенія (Маджини въ Венеціи 1587 г. или оппоненты Дж. Бруно—оксфордскіе доктора; сомнѣнія Бэкона, не говоря уже о возраженіяхъ на схоластико-теологическихъ основаніяхъ [3]). Лютеръ въ своихъ застольныхъ рѣчахъ называетъ Коперника „безразсуднымъ" и поддерживаетъ старую точку зрѣнія на міръ ссылкою на І. Навина [4]). Бэконъ съ презрѣніемъ отвергалъ теорію Галилея [5]).

---

[1]) Любопытно, что въ Италіи (въ Болоньѣ и Римѣ) Коперникъ былъ одновременно съ М. Грекомъ.

[2]) Уэвелль, I, 453—457, 483, 583—585. Необходимо замѣтить, что въ 1536 г. именно Коперникъ препроводилъ копію своего труда (De revolutionibus orbium coelestium) извѣстному уже намъ кардиналу Николаю Шонбергу.

[3]) Ibid. I, 482, 485—490, 498—500. Дж. Бруно (его борьба съ противниками системы Коперника, диспутъ въ Парижѣ, Божій міръ, 1900, № 12, сс. 182, 184, 194). Въ Римѣ Видманштадтъ объяснялъ систему Коперника папѣ и кардиналамъ, но не могъ излагать ее для публики (Уэвелль, 483). Въ Швеціи при Густ. Адольфѣ опасались преподавать астрономію не согласно съ свящ. писаніемъ (Ист. Вѣстн. 1889, № 8, с. 374).

[4]) Гейсеръ, Ист. реформаціи, 237—238; Вѣстн. Евр. 1882, № 11, с. 293. Также смотрѣлъ и Меланхтонъ.

[5]) Маколей, IV, 97; ср. отзывъ о немъ Либиха (Вѣстн. Евр. 1893, № 11, с. 207—208).

Въ то время, какъ Галилей только что изобрѣвшій зрительную трубу, показывалъ во Флоренціи по вечерамъ предметы звѣзднаго неба двору Медичи (одни съ удивленіемъ отходили отъ зрительнаго снаряда, другіе же боялись заглянуть), съ церковной каѳедры раздавались проповѣди противъ Галилея, на текстъ изъ Апост. дѣяній: „Мужи галилеяне, что стоите и смотрите"! (Страницы изъ современ. астрон., Р. Мысль, 1900, № 3, с. 154). Ср. также: Очерки изъ ист. естествознанія Ф. Даннемана (М. Божій, 1897, №№ 1, 2 и д., прилож. Коперникъ, Галилей и др.).

Мильтонъ современникъ Галилея, слѣдовалъ новой міровой системѣ....; но идея о ней очевидно безпокоитъ и волнуетъ мозгъ поэта. Онъ заставляетъ Адама и ангела вести подробную бесѣду на эту тему, приводитъ не мало убѣдительныхъ доводовъ противъ центральнаго, привилегированнаго положенія земли, и все-таки не рѣшается высказаться рѣшительно за Коперника или Птоломея и предпочитаетъ оставить вопросъ открытымъ, даже совсѣмъ устранить его со сцены. Онъ принадлежитъ области непостижимаго, а желаніе познать непостижимое,— „чадъ и дымъ", безслѣдно теряющіеся въ пространствѣ. Въ „Потерянномъ раѣ" онъ смѣется надъ хитросплетенными, но крайне неустойчивыми предположеніями астрономовъ [1]). Но и до позднѣйшаго времени существуютъ люди, которые не признаютъ ересей, отъ которыхъ пришлось отрекаться Галилею [2]). Послѣ этого не приходится удивляться, что въ Россіи еще въ полов. XVIII в. были люди съ положеніемъ, прошедшіе высшую школу (какъ помощн. дирек. Синод. типогр. Пельскій, ученикъ Слав. грек. латин. акад.), нападавшіе на мнѣнія въ пользу системы Коперника (Тредьяковскій, Ѳеоптія [3]), не говоря уже о календаряхъ (1804), гдѣ продолжали печататься давно отжившія объясненія о громѣ и молніи [4]).

XII.

Въ Россіи, въ средѣ книжной было, весьма распространено соч. Козьмы Индикоплова (Христіан. Топографія, съ рисунками), пользовавшееся большимъ уваженіемъ въ Византіи. На пространствѣ XV—XVII вв. почти каждая изъ монастырскихъ библіотекъ имѣла его и нерѣдко въ нѣсколькихъ экземплярахъ [5]). Онъ цитируетъ цѣлый рядъ древнихъ писателей. Какъ сочиненіе путешественника по Востоку (до предѣловъ Индіи), оно было оцѣнено такими учеными какъ Геренъ, Нибуръ, Неандеръ, Риттеръ; но относительно міросозерцанія трудъ Козьмы представляетъ шагъ назадъ; онъ является жаркимъ противникомъ системы Птоломея [6]). Въ хронографахъ и сборникахъ помѣщались статьи о мірѣ изъ отцовъ церкви, Епифанія Кипрскаго, Палеи,

---

[1]) Рус. Мысль, 1896, № 12, с. 148.

[2]) Эд. Фриманъ, Методы изученія исторіи, 53, 59 (о брош. The Bible Earth).

[3]) Пекарскій, Наука и литер., I, 175.

[4]) Изв. Ак. Наукъ, 1901, IV, 120.

[5]) Въ 1542 г. извѣстный Макарій распорядился списать рукопись для своихъ Четій-Миней (Опытъ изслѣд. о Визан. 543).

[6]) Опытъ изслѣд. о культ. знач. Византіи, 538—543. Соч. Козьмы Инд. изд. Общ. древн. письм. № LXXXVI (съ лицевыми изображеніями).

Еноха, Пренія Панагіота съ Азимитомъ и рядомъ съ ними изъ Луцидаріуса [1]). Открытіе Новаго Свѣта совершило переворотъ въ географическихъ понятіяхъ и содѣйствовало рѣшенію стародавняго спорнаго вопроса средневѣковой космографіи о существованіи антиподовъ [2]). Любопытно, что на эту тему отозвался и М. Грекъ. Въ своихъ толкованіяхъ на нѣкоторыя мѣста одного изъ словъ Григорія Богослова [3]), онъ даетъ объясненія о Мемфисѣ и поклоненіи Апису, о разливахъ Нила и оплодотвореніи Египта; о плаваніи до Гадира (—Кадиксъ—„еллинскіе мудрецы нарицаютъ конецъ земли весненнго запада), причемъ разсказываетъ, что древніе люди чрезъ него не дерзали плавать, а нынѣшніе португальскіе и испанскіе выплываютъ на великихъ корабляхъ „лѣтъ тому 40 или 50 по совершеніи 7-й тысячи и нашли острововъ много, обитаемыхъ и пустыхъ и величайшую землю, называемую Куба, конца которой не видаютъ живущіе тамъ. Нашли же еще, обойдя всю южную страну даже до зимняго восхода солнца, по направленію къ Индіи, 7 острововъ Молукиди (Молукскіе [4]) называемыхъ, на которыхъ родится корица и гвоздика и иные благовонные ароматы, которые дотолѣ не были вѣдомы человѣческому роду, нынѣ же всѣмъ извѣстны, королямъ испанскимъ и португальскимъ, которые тамошнихъ людей, незнавшихъ Бога истиннаго, наставили въ латинскую вѣру, пославъ къ нимъ епископовъ, учителей и священниковъ, всякія производства (ремества) и сѣмена здѣшнія, и нынѣ тамъ новый міръ и новое человѣческое устройство (составленіе).

Петръ Мартиръ разсказываетъ съ какою любознательностью первыя, привезенныя въ Европу съ Молук. остр. вѣтки гвоздики переходили изъ рукъ въ руки при испанскомъ дворѣ и всѣми обнюхивались. Онъ сберегъ нѣкот. изъ нихъ, чтобы переслать ихъ папѣ (Пешель, 480). Въ Лондонѣ откр. Нов. Свѣта считали скорѣе божьимъ чудомъ, чѣмъ человѣческимъ подвигомъ. (Hacluyt, Travailes, III, fol. 7). Папа Левъ X въ Михайловъ вечеръ 1514 г. до глубокой ночи читалъ своей сестрѣ и нѣкоторымъ кардиналамъ рукопись декадъ Петра Мартира, содержащихъ въ себѣ описаніе открытія Южн. моря. Извѣстный Карданъ считалъ

[1]) Поповъ, Обзоръ, II, 154—173. Объ остаткахъ средневѣковыхъ воззрѣній на Западѣ до XVI в. см. у М. Корелина „Западная легенда о докторѣ Фаустѣ“. Опытъ историч. изслѣд. (В. Евр. 1882, № 11, с. 263—294).

[2]) Оск. Пешель, Ист. эпохи открытій, 473—474, 482.

[3]) Слово VI, ч. III, 42—49.

[4]) Куба и Молукскіе о-ва открыты въ 1511 г.

Америку за открытіе карѳагенянъ, упоминаемое у Аристотеля, а іезуитъ Акоста—за Платонову Атлантиду (Пешель, 474, 477, 482). Извѣстія объ открытіяхъ распространялись постепенно по Европѣ и потому неудивительно, что и Максимъ Грекъ не точно обозначаетъ время открытій. Разныя мнѣнія отъ Атлантидѣ см. въ статьѣ Авр. Норова (Уч. зап. Ак. Наукъ по II отд.. I, 32—64); поздн. въ Историч. Вѣст. 1914, № 8 (новости).

Далѣе Максимъ Грекъ объясняетъ, что такое были Ѳивы седмивратныя, въ Египетской землѣ, по разсказамъ еллина (Геродота); о старомъ Вавилонѣ, гдѣ царствовалъ Навуходоносоръ; объ основателѣ Карійскаго царства Мавзолѣ (377—353), утвердившемся въ Галикарнассѣ, и похороненномъ въ знаменитомъ Мавзолеѣ (произведеніе Скопаса и Питида), одномъ изъ семи чудесъ свѣта [1]), о другомъ чудѣ свѣта—колоссѣ Родосскомъ; о египетскихъ пирамидахъ: онъ называетъ три изъ нихъ (это, конечно, гизехскія), самую большую—Сезогхоза (? разумѣется Хеопса) и двѣ меньшія—другихъ царей, „ихъ же имена запамятовалъ“—(Хефрена, Микерина), онъ описываетъ ихъ внѣшній видъ и размѣры и какъ приходится взбираться на нихъ. Затѣмъ разсказываетъ эпизодъ—объ Агамемнонѣ и Клитемнестрѣ и судьбѣ постигшей ихъ; о прибытіи Ореста въ Одрису, основаніи г. Орестіада (переимен. въ Адріанополь); наконецъ, ссылаясь на римскія повѣсти („въ повѣстяхъ римскихъ повѣствуется“), М. Грекъ разсказываетъ о патріотическомъ подвигѣ молодого римлянина, сына вельможи, который, чтобы вывѣдать тайны Карѳагена, отправился туда подъ предлогомъ изгнанія, и прислалъ къ отцу слугу съ вопросомъ, что ему дѣлать, а тотъ повелъ послѣдняго въ огородъ и сталъ сбивать головы большихъ маковицъ, не оставивъ ни одной съ головой, чѣмъ хотѣлъ утаить порученіе, данное сыну не письмомъ, а своимъ примѣромъ, какъ и понялъ онъ относительно того, какъ слѣдуетъ поступить съ карѳагенскими вельможами [2]). Вѣроятно онъ здѣсь передаетъ, отнеся къ Карѳагену, легенду, сообщаемую Титомъ Ливіемъ, по поводу поступка сына ц. Тарквинія—Секста Тарквинія съ городомъ Габіями (I. 53, 54 [3]).

Полагаютъ, что М. Грекъ первый сообщилъ на русскомъ языкѣ свѣдѣнія объ открытіи Новаго Свѣта [4]). Уже послѣ того переведены были

---

[1]) Подробности см. у Вебера, II, 786, 911; III, 180, 188.

[2]) Сочин., III, 48—49.

[3]) Подобный же разсказъ находится еще у Геродота относительно коринѳскаго тирана Періандра (V, 92).

[4]) Опис. рукоп. Синод. библ., Отд. II, № 191, стр. 123.

статьи изъ хроники Мартина Бѣльскаго (въ 1584 г.), которыя распространялись на Руси при посредствѣ хронографовъ. Въ XVII-же вѣкѣ появляются переводныя космографіи, въ которыхъ русскій читатель встрѣчалъ подробные разсказы объ Америкѣ [1]). Прибавимъ, что, по желанію патр. Никона, извѣстный Епифаній Славинецкій съ товарищами перевелъ съ латинскаго яз. обширную Космографію (605+650+422 листа съ рисунк.), сохранившуюся въ Синод. библ., въ которой изложены понятія о математической географіи и объяснены системы Птоломея и Коперника съ особенными похвалами послѣднему [2]), но трудъ этотъ, конечно, остался въ рукописи. Хотя мнѣнія Коперника были приняты при Петрѣ Вел., но и послѣ него невѣжественные книжники ратовали противъ его системы, какъ богохульной [3]). Поклонникъ Руссо, Мерсье написалъ въ 1805 г. книгу противъ системы Коперника и Ньютона [4]).

XIII.

Въ заключеніе отдѣла объ апокрифическихъ статьяхъ, мы должны упомянуть еще объ одномъ народномъ мнѣніи, имѣвшемъ широкое распространеніе, по поводу котораго пришлось высказаться и М. Греку. Это сказаніе о муч. Христофорѣ. У древнихъ писателей существовало представленіе о людяхъ съ собачьими головами--кинокефалахъ (Геродотъ), которое получило широкое распространеніе въ средніе вѣка какъ у разныхъ писателей, такъ и въ территоріальномъ отношеніи. Лангобарды хвалились своимъ союзомъ съ песьими головами, отличавшимися будто-бы неистовой жестокостью [5]). Другіе выводили происхожденіе

[1]) Поповъ, Обз. Хроногр., II, 110; Одна изъ русскихъ Космографій, Н. Спасскаго (Р. Филол. Вѣстн.. 1896, т. XXXV, стр. 95 и д., с. 187 и д.). Понятіе нашихъ предковъ объ Америкѣ, изъ древнихъ хронографовъ (Моск. Телеграфъ, 1832, IV, 594—599).

[2]) Переводъ ея былъ сдѣланъ Епифаніемъ вмѣстѣ съ мон. Исаіей и Арсеніемъ Сатановскимъ. Въ ней сказано, что нынѣ изящнѣйшіе математики Копернику подражаютъ. Во вкладной на ней Новоезер. мон. отмѣчены 1661—1665 гг. Особенно подробно описаны европейскія государства, а затѣмъ Азія, Африка и Америка. Въ черновомъ же спискѣ находятся даже неблагопріятные отзывы о Россіи Флетчера (Указатель Синод. библ. архим. Саввы, 194—195; Пекарскій, Наука и литер. при Петрѣ В., I, 337; Историч. Христом. Буслаева, 1185—1196— извлеченія).

[3]) Пекарскій, I, 283, 656; II, 388—389, 454. Ср. Соч. свящ. І. А. Разрушеніе Коперниковой системы (М. 1815).

[4]) Розановъ, Руссо, 210, пр. 3 и 501.

[5]) Павелъ Діаконъ, I, 11. Гиббонъ приписываетъ это качество самимъ лангобардамъ (IV, 473).

ихъ отъ связи амазонокъ съ какими-то чудовищами [1]). Какъ извѣстно, подобною же связью—вѣдьмъ и лѣшихъ объясняли происхожденіе ненавистныхъ гунновъ. Герберштейнъ, говоря о Лукоморьѣ (за Обью), по разсказамъ, передаетъ о людяхъ чудеснаго вида: у однихъ, какъ у дикихъ звѣрей, все тѣло поросло волосами, у другихъ *собачьи головы*, у нихъ совершенно нѣтъ шеи, на мѣстѣ головы грудь, нѣтъ ногъ, а длинныя руки, и замѣчаетъ, что хотя это онъ черпалъ изъ русскаго дорожника, но предоставляетъ изслѣдовать другимъ это дѣло глубже [2]). Въ лицевыхъ хронографахъ появлялись выписки изъ хроники Мартина Бѣльскаго о дивіихъ народахъ, причемъ замѣчается, что есть *люди съ песьими* головами, что дало поводъ мастеру нарисовать знакомыя ему изображенія Гога и Магога [3]). Въ иконописныхъ подлинникахъ измаильтяне также называются „песьими головами", быть можетъ по смѣшенію турокъ съ гуннами [4]),

Какъ извѣстно песья голова усвaивается св. Христофору, и въ Аонскомъ Великомъ Синаксарѣ наружность его, по простонародному воззрѣнію, изображается такъ: „зубы его высовываются изо рта, какъ у кабана. голова его была какъ у собаки" [5]).

Въ преданіи о Христофорѣ отмѣчаютъ этимологическое (Canineus—Chananacus, Исх, XXXII, 2—canis, въ связи съ ихъ характеристикой) производство и этнографическое происхожденіе (Египетъ), какъ основные мотивы, извѣстные въ восточной и западной версіяхъ. Въ славянской письменности мнѣніе это распространялось черезъ Александрію, ж. Макарія Римскаго, Минеи (подробн. см. А. Н. Веселовскій, Двѣ замѣтки объ источникахъ сербск. Александріи, Ж. М. Н. Пр., ч. CCXLI, 189—209: Хананеи Кинокефалы и иконографія, изображ. св. Христофора); о песьихъ головахъ (Уч. зап. Каз. унив. 1888, № 10, с. 94); ср. Ждановъ, Къ литер. истор. былевой поэзіи (Унив. Изв. 1881, № 7, с. 258 и отд.).

Любопытный разсказъ въ этомъ отношеніи мы находимъ въ путешествіи антіох. патр. Макарія", описанномъ его сыномъ архидіак. Павломъ Алеппскимъ. „Патріархъ (Никонъ), говоритъ онъ, захотѣлъ доставить нашему владыкѣ патріарху большое развлеченіе слѣдующимъ

[1]) Адамъ Бременскій, IV, 19 (Pertz, IX, 375).

[2]) Записки о Московіи по изд. Старчевскаго, стр. 55—56. По изд. Анонимова, 126.

[3]) Поповъ, Обз., II, 138: Буслаевъ, Очерки, II, 371.

[4]) Буслаевъ, II, 146—147.

[5]) Ж. М. Н. Пр. 1902, № 10, с. 357. Рус. и новогреч. изобр. Христофорова. см. въ Матер. для ист. иконопис. Н. П. Лихачева, I, №№ 47 и 48.

образомъ. Царь посылалъ вызвать часть племени мученика Христофора, которое состоитъ подъ его властью. Имя его *Лопани* (лопари). Эти люди ѣдятъ человѣческое мясо, а также своихъ мертвецовъ. Страна ихъ лежитъ при морѣ—океанѣ, что есть море мрака, въ 150 верст. за Архангельскимъ портомъ и въ 1650 верст. на востокъ отъ Москвы. Отъ нихъ пришло теперь на помощь царю болѣе 7000, а говорятъ даже 30000. Этотъ народъ возсталъ въ древности противъ Александра, какъ мы узнали отъ нихъ черезъ переводчиковъ, ибо у нихъ особый языкъ, и съ ними есть драгоманы, знающіе ихъ языкъ и русскій и т. д.[1]). По средневѣковымъ сказаніямъ, распространеннымъ и въ русской письменности, Александръ Макед. между многими другими чудовищами, встрѣчался и съ песьими головами (Кинокефалы), а Гогъ и Магомъ, связанные съ тѣми же сказаніями, изображались въ такомъ же видѣ[2]).

И М. Грекъ искренно убѣжденъ былъ въ существованіи людей съ песьими головами, слѣдуя церковному преданію. Отвѣчая на вопросъ о томъ юноши князя Михаила Васильевича („много много челомъ до земли, дай бо вы государи были на многія лѣта"), онъ пишетъ: „А что спрашиваешь о Христофорѣ мученикѣ, да будетъ тебѣ вѣдомо, что въ дивіихъ странахъ есть таковъ языкъ, называемый кинокефалы, т. е. песьи головы, поеллински или погречески, который божіимъ непостижимымъ судомъ просвѣтился и, познавъ таинство благовѣрія, мученъ былъ и названъ Христофоръ, т. е. Христоносецъ или носимый Христомъ. До того же (дотолѣ) имя его было Репревъ[3]).

На основаніи всего сказаннаго объ обличеніяхъ Максима Гр. на апокрифы, можно замѣтить, что, въ своемъ взглядѣ на отреченныя книги,

[1]) По изд. Моск. Общ. ист. въ переводѣ съ арабскаго Г. Муркоса, вып. III, М. 1898, стр. 54—57. О дикихъ лопаряхъ см. у Герберштейна.

[2]) Буслаевъ, II, 147. Ср. Сказанія о муч. Христофорѣ, Флорѣ и Лаврѣ (Журн. засѣд. Твер. арх. ком. 15 дек. 1888, с. 5). Синод. указъ въ коллег. иностр. дѣлъ по поводу мощей муч. Христофора, привез. изъ Греціи 1723 г., не вошедшій ни въ Полн. Собр. Зак., ни въ Опис. Синод. архива, по греч. дѣламъ, Моск. Арх. иностр. дѣлъ, Н. Каптерева (Характеръ отношеній Россіи къ православн. Востоку, прилож., 50—51); Легенда о св. Христофорѣ, А. Рыстенка (Ж. М. Н. Пр. 1911, № 11, с. 82—87).

[3]) Слово xxxvii (Сочин., II, 420—421). Оно озаглавлено: „Посланіе къ юношѣ Михаилу Васильевичу, сыну князя Петра Шуйскаго, о Христофорѣ". Въ началѣ же посланія сказано: „Благородному юноши Михайлу Васильевичю *Петровичя*". Слѣдов. рѣчь идетъ не о кн. Шуйскомъ, а объ юношѣ изъ рода Бороздиныхъ (см. Бархатн. книга, II, 143), какъ указано у Н. П. Лихачева (По поводу трудовъ Ярослав. ком., с. 11). Имя Репревъ (Reprobus) въ Прологѣ 9 мая (Сійскій иконоп. подлин., изд. Общ. люб. др. письм. IV, 166).

онъ согласенъ съ своими предшественниками, т. е. смотритъ на нихъ какъ на уклоненіе отъ свящ. писанія, но относится къ нимъ *критически*, между тѣмъ какъ его предшественники только запрещали и порицали ихъ. Относясь къ нимъ вполнѣ *отрицательно*, онъ запрещаетъ ихъ переводить, причемъ прибавляетъ, что благовѣствующій болѣе апостоловъ подлежитъ анаѳемѣ, а потому совѣтуетъ „не восхищаться всякимъ вѣтромъ ученій чужихъ", но испытывать „согласны ли они съ евангельскимъ и апостольскимъ писаніемъ". Онъ считаетъ *долгомъ* „обличить лжу неправды и, неискусно приклоняющихъ ухо свое ко лжи, возвратить къ истинѣ евангельской; онъ увѣщеваетъ ихъ немудрствовать болѣе, нежели подобаетъ мудрствовать"; а такъ какъ Максимъ былъ вызванъ на обличенія апокрифовъ частными случаями (одинъ ему предлагаетъ разсмотрѣть Луцидаріусъ; онъ узнаетъ, что сказаніе Афродитіана и „писаніе о стояніи солнца во всю свѣтлую недѣлю" пользуются большимъ уваженіемъ; что говорятъ о повѣсти Папія и рукописаніи грѣховномъ; нѣкто спрашиваетъ его о томъ, кому прежде всѣхъ была сослана съ небесъ грамота), то его обличенія въ совокупности представляютъ лишь замѣчанія на эти случаи.

Методъ, которому слѣдуетъ М. Грекъ въ своихъ обличеніяхъ на отреченныя книги, заключается въ сопоставленіи ихъ сказаній съ повѣствованіями священнаго писанія, въ указаніи противорѣчій въ самыхъ апокрифахъ, въ показаніи ихъ несогласія съ историческими свидѣтельствами (Іосифъ Флавій, хронологическая несообразность относительно Кира и рожденія Іисуса) и, наконецъ, въ діалектическомъ развитіи извѣстныхъ положеній, основанныхъ на его богословскихъ свѣдѣніяхъ.

XIII.

Съ утратою миѳологическихъ образовъ, съ потерею антропоморфическихъ представленій силъ природы, еще долго остается прежній взглядъ на природу, и народъ ищетъ въ окружающихъ его явленіяхъ таинственнаго, относительно къ себѣ, смысла, не давая уже себѣ отчета, откуда истекаетъ этотъ смыслъ, или привязывая его къ новымъ вѣрованіямъ. На этомъ основаніи удерживаются въ народѣ примѣты и гаданія. Можно сказать, что жизнь каждаго русскаго, по большей или меньшей личной наклонности къ мистической созерцательности, была управляема примѣтами. Предвѣщательность и знаменательность явленій для него была такъ широко развита, что обратилась въ своего рода систему [1]). Въ числѣ запрещенныхъ книгъ ходили по рукамъ

[1]) Костомаровъ, Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорус. народа, с. 184.

волховники или сборники примѣтъ и гаданій въ назиданіе людямъ. Почти каждый родъ примѣтъ имѣлъ особенныя книги или статьи, посвященныя объясненіямъ ихъ смысла; напримѣръ: „волховники, волхвующіе всякими кобями, птицами и звѣрями“, птичникъ различныхъ птицъ: воронограй, куроклнкъ и т. п., „трепетникъ: мышца подрожитъ“, „лопаточникъ, волхвованія различныя“, „путникъ книга, въ ней же написано о встрѣчахъ, коби всякія еретическія“, „сонникъ“, „громникъ“, „молніянникъ“, и т. п. [1]).

Вѣра въ волхованія была общераспространенною. Борьба съ волхвами и ворожеями идетъ съ первыхъ страницъ лѣтописи и до поздняго времени [2]). Никита Затворникъ (потомъ еп. новгор.) пріобрѣлъ, благодаря прельщенію дьяволу, способность всевѣдѣнія [3]). Владимірскій соборъ (1274) считалъ нужнымъ, въ числѣ условій для поставленія священниковъ, постановить, чтобы избираемые не занимались чародѣйствомъ [4]). Въ 1378 г. былъ поймапъ одинъ попъ, у котораго нашли мѣшокъ съ смертоноснымъ зельемъ. Въ житіи Никиты Переяславскаго говорится о монахѣ—волшебникѣ, имѣвшемъ большой успѣхъ въ этомъ дѣлѣ [5]). Когда Иванъ III хотѣлъ объявить своимъ наслѣдникомъ внука Димитрія, то Софья Ѳом., въ интересахъ сына, прибѣгала къ волхвованію („приходившей бабѣ съ зельемъ“ и вел. князь сталъ ея беречься [6]). Обстоятельство это сопровождалось придворными интригами и преслѣдованіями. Іосифъ Волоцкій избраніе Зосимы въ митрополиты объяснялъ только волхвованіемъ, посредствомъ котораго подѣйствовали на

---

[1]) Тамъ же, с. 185. Отречен. книги Тихонравова, I. сс. VIII, IX, II, 36—379. Стоглавъ, с. 139. С. П. Шестаковъ, Къ литер. трепетниковъ, Каз. 1900 (Тр. Общ. ист., арх. и этн. при Каз. унив.); А. С. Архангельскій, Образованіе и литер. въ Моск. госуд. въ XVI—XVII вв. (Уч. зап. Каз. унив. 1909, № 9, объ астрологич. гадат. книгахъ и статьяхъ); В. Н. Перетцъ, Матер. для ист. апокрифа и легенды, Изв. Ак. Н., 1901, № 3 (о громникахъ, лунникахъ, планитникахъ). О трепетн., громникахъ и проч. см. еще тексты въ ст. А. С. Архангельскаго, Два любопытн. сборника въ Соф. библ. въ Болгаріи (Изв. Ак. Н., 1899, I, 131—144) и Сборн. XVIII в. со статьями астрогадат. содержанія, Н. Н. Кононова (Труды Слав. ком. Моск. Арх. общ., IV, 024—026). Подъ ложными книгами разумѣются и магическія книги византійцевъ (Ж. М. Н. Пр. 1893, № 7, с. 270—271). Лютеръ вѣрилъ въ личное существованіе сатаны, въ колдовство, заклинанія и въ одержимость бѣсами (П. Сабатье, Жизнь Франциска Ассизского, 195).

[2]) Рус. лѣт. гг. 912, 986, 1024, 1044, 1071, 1092, 1097, 1237. Правосл. Соб. 1863 г., мартъ. Владимірскій соборъ, 232.

[3]) Сказанія. Печер. мон., изд. Яковлевымъ, CXXIX.

[4]) Правосл. Соб. 1863 г., мартъ. Владимірскій соборъ, 232.

[5]) Буслаевъ. Очерки литер. и искусства, II, 50, 51.

[6]) П. С. Р. лѣт., VI, 279; VIII, 234.

вел. князя [1]). Василій Ивановичъ, женившись на Глинской, прибѣгалъ къ чародѣямъ для того, чтобы они своими заговорами помогли ему въ плодотвореніи. Даже Курбскій вѣрилъ чародѣянію [2]). И одинъ лѣтописецъ замѣчаетъ вообще, что „русскіе люди прелестны и падки на волхвованіе“ [3]). Въ XVII вѣкѣ царскій теремъ сдѣлался жертвой подобныхъ же явленій, вызванныхъ борьбой партій при выборѣ царскихъ невѣстъ [4]).

Также рано начались обличенія противъ волхвованій и примѣтъ. Возраженія мы встрѣчаемъ на нихъ еще въ сочиненіяхъ Θеодосія Печерскаго (противъ вѣры во встрѣчу, чохъ [5]). Митр. Іоаннъ II требуетъ наставленія, а если не послушаютъ, то строгаго наказанія [6]); митроп. Кириллъ II писалъ противъ вѣры „во встрѣчу, чохъ, вполазъ, птичій грай и ворожбу“ [7]); еп. Серапіонъ (оба XIII вѣка)—возражалъ противъ мнѣнія, что отъ волхвованія бываетъ голодъ и плодородіе) [8]), митр. Фотій—противъ „узловъ, примолвленій, зелія и вороженья“ [9]); въ духовныхъ сборникахъ читаемъ о тѣхъ, которые, по захожденіи солнца, ничего не давали изъ дому, „внимали гласамъ куриному, враніимъ птичьимъ и лисьимъ“, вѣрили въ сновидѣнья и т. п. [10]). Современники М. Грека, новгород. архіеп. Макарій и Θеодосій писали въ Вотскую пятину посланія, въ которыхъ обличали тамошнихъ жителей въ томъ, что они *ко всему* прежде призывали „чудскихъ арбуевъ“, а потомъ уже священниковъ [11]). Въ обличеніяхъ, по обыкновенію, за всякаго рода суевѣрія угрожали „страшнымъ судомъ“, „гнѣвомъ божіимъ“, отлученіемъ отъ церкви и т. п. религіозными наказаніями, и совѣтовали преслѣдовать тѣхъ, которые вѣрили волхвованію и занимались имъ.

[1]) Просвѣтитель. с. 54.

[2]) Сказаніе Курбскаго, I. 33.

[3]) Псковск. I лѣт., стр. 318. Въ XVI в. врачей отожествляли съ волхвами (Лѣт. зан. Арх. ком. В. III, 84) и потому они также становились жертвой преслѣдованія (напр. при Иванѣ III).

[4]) Забѣлинъ, Бытъ русскихъ царицъ, II, 213—353.

[5]) О казняхъ божіихъ, въ Уч. Зап. II отд., кн. 2, вып. 2, стр. 195.

[6]) Рус. Историч. библ. с. 4 (п. 7); также въ вопросахъ Кирика (60, п. 18).

[7]) Слово на соборъ арх. Михаила, въ Чт. Моск. Общ. исторіи, 1847 г. № 8.

[8]) Е. В. Пѣтуховъ, Серапіонъ Владимір., рус. пропов. XIII в., Спб. 1883, прилож. 11—12.

[9]) Акты экспед. I, № 369. с. 462. Рус. Ист. библ., VI, №№ 33 и 34; ср. 133, 134

[10]) Прав. Соб. 1861, мартъ, 339, 342. Арх. ист. юрид. свѣд. Калачова, II, 1-я пол., с. xxxvii. Прав. Соб. 1859 г. апрѣль, 474.

[11]) Дополн. к актъ. истор. I, №№ 28, 43.

Въ правилѣ митр. Іоанна говорится, чтобы ихъ *яро казнить* на возбраніе злу, но не до смерти“ [1]). Въ словѣ „како жити крестьяномъ“ повелѣвалось „градскимъ властелямъ“ казнить чародѣя; „*въ конечныя влачить муки*, градскимъ казнить закономъ, не щадить злыхъ, да накажутся и оставятъ дѣлать злое“; а остальнымъ: „да не таятъ, да не сами предъ Богомъ осудятся въ муку“. При этомъ угрожается *проклятіемъ* „если власти отмщенія законнаго на злыхъ не наводятъ“ [2]). Митр. Фотій писалъ новгородскому духовенству: „христіаномъ заказывайте, чтобы ихъ (волшебницъ—„лихихъ бабъ“) не держали между собою нигдѣ, *гонили бы ихъ отъ себя*, а сами бы отъ нихъ бѣгали, *какъ отъ нечистоты*“; причемъ прибавлялъ: „а кто не будетъ слушать васъ, и вы тѣхъ также *отъ церкви отлучайте*“ [3]). Понятно, какое вліяніе на „ревновавшихъ по вѣрѣ“ должны были имѣть подобныя наставленія. Можно думать, что вслѣдствіе такихъ требованій, происходили иногда печальные случаи сожженія волшебниковъ [4]), а не по причинѣ мнимаго *„подражанія Западу“*, какъ думалъ Шевыревъ о подобномъ примѣрѣ, происшедшемъ въ 1411 году во Псковѣ [5]).

XIV.

Максимъ Грекъ въ своихъ обличеніяхъ упоминаетъ о гаданіяхъ „по летаніямъ птичнымъ, наблюденіямъ облачнымъ, смотрѣніямъ по движенію ока и наблюденіямъ длашнымъ“ (рукъ), о „волхвованіяхъ ячменныхъ, мучныхъ и бобныхъ“, о вѣрѣ „въ озванія (оклики) и срящи (встрѣчи)“. Взглядъ М. Грека на эти суевѣрія одинаковъ съ мнѣніями предшествовавшихъ ему обличителей, т. е. онъ смотритъ на нихъ какъ на „сатанинское дѣло“, и совѣтуетъ не надѣяться „получить предвидѣніе будущаго по голосу и полету“, такъ какъ все это „проклято святыми отцами, ученіе которыхъ преслушать равносильно вѣчному отпаденію отъ жизни“ [6]). Такимъ образомъ и здѣсь онъ оцѣниваетъ послѣднія лишь въ отношеніи религіи. Необходимо замѣтить, что послѣ М. Грека въ индексѣ запрещенныхъ книгъ появляется осужденіе Лунника, какъ гадательной книги [7]). Но у М. Грека мы находимъ весьма важный примѣръ значенія волхвованія въ общественной

---

[1]) Ист. церкв. Макарія, II, 346. Рус. Ист. библ., VI, 4.
[2]) Прав Соб. 1859, апрѣль, 476.
[3]) Акты экспед. I, № 369.
[4]) П. С. Р. лѣт. Ш, 42; V, 22. Е. В Пѣтуховъ, стр. 11—12.
[5]) Шевыревъ, Ист. словесн., Ш, 325.
[6]) Сочин. М. Грека, II. сл. vп. 155.
[7]) Изв. Ак. Н. 1901, № 3, с. 120.

жизни: мы говоримъ объ участіи волхвовъ и ворожей въ судебныхъ поединкахъ. Поединки въ древней Руси имѣли мѣсто, какъ старый обычай. Русская Правда о нихъ не упоминаетъ [1]); древнѣйшее же извѣстіе встрѣчается въ договорѣ, заключенномъ въ 1228 году смоленскимъ княземъ Мстиславомъ Давидовичемъ съ Ригою и Нѣмецкими городами, причемъ устанавливается, что иноземца нельзя вызвать на поединокъ на чужой землѣ [2]). Въ Псковской и Новгородской судныхъ грамотахъ говорится о законныхъ поединкахъ (XV в.), причемъ даже женщины допускались къ нимъ [3]). Въ договорной грамотѣ Новгорода съ Казимиромъ—судебный поединокъ признается законнымъ [4]). По словамъ Герберштейна, обвиняемый, недовольный рѣшеніемъ тяжбы, обыкновенно требовалъ присяги, суда божія, поля и поединка [5]). Судебникъ же Іоанна III опредѣляетъ и степени полевыхъ пошлинъ. [6]). Такимъ образомъ обычай и законъ утвердили этотъ способъ судебныхъ доказательствъ; самое духовенство уступило требованіямъ, противнымъ правиламъ церкви, и они продержались, съ нѣкоторыми колебаніями, до Ивана IV [7]). М. Грекъ говоритъ, что судьи при нерѣшительности дѣла „оружіемъ и бранями велятъ разсудиться обидящему и обидимому, и если кто послѣ продолжительной брани побѣдитъ, тотъ считается правымъ, хотя бы былъ и обидѣвшимъ"; при поединкѣ — „разыскивается достобранный полевщикъ, а *отъ обидящаго чародѣй и ворожея*, которые могли бы дѣйствомъ сатанинскимъ пособить своему полевщику" [8]).

Впрочемъ церковные обличители не оставили безъ вниманія судебныхъ поединковъ. Митр. Фотій назначалъ за нихъ самыя строгія церковныя епитиміи: въ его посланіи въ Новгородъ читаемъ: „если который человѣкъ пойдетъ на поле и прійдетъ къ которому попу причаститься, тому святаго причастія не давать, ни цѣлованья крестнаго, а который попъ дастъ ему святое причастіе, того поповства лишить; а

---

[1]) О существованіи ихъ съ древнѣйшаго времени есть свидѣтельства арабск. писателей Муккадези X в. (Погодинъ, Изслѣд. и лекціи, III, 384) и Ибнъ-Даста, нач. X в. (Ж. М. Н. Пр. 1868, № 12).

[2]) По сп. Мусина-Пушкина. Карамзинъ, III, пр. 248. По сп. Риж. арх. Собр госуд. грамотъ, II, № 1. Рус. достопам. II; Рус. ливон. акты, № 2.

[3]) Карамзинъ, V, пр. 404, Псков. судн. грам. Одесса 1868; Новгородъ (Акты Арх. экспед., I, № 92).

[4]) Карамзинъ, IV, пр. 42. Акты Арх. экспед. I, № 87.

[5]) Герберштейнъ, Rer. moscov. com. p. 39.

[6]) Акты истор., I, № 105.

[7]) Карамзинъ, X, пр. 803.

[8]) Сочин. II, сл. ix, 202.

кто убьетъ, полезши на поле, погубитъ душу, и, по Великаго Василія слову, душегубецъ именуется, въ церкви не входитъ, ни дары не пріемлетъ, ни Богородицына хлѣба, причащенія же святаго не пріиметъ 18 лѣтъ; а убитаго который попъ похоронитъ, тотъ поповства лишится"[1]). Современникъ Максима, митр. Даніилъ обличалъ поединки, какъ противные заповѣдямъ: „ты же, говорилъ онъ, не только не повинуешься, но и слышать не хочешь, мстя за себя, ссоришься, устраиваешь поле, убиваешь и какъ же ты христіаниномъ называешься, творя противное обѣщанію твоему, данному во святомъ крещеніи"[2]). И М. Грекъ, подобно Даніилу, на поединки смотритъ, какъ на „преслушаніе и преступленіе божественнаго повелѣнія и суда„; онъ указывалъ своимъ современникамъ на иноземцевъ и притомъ „невѣрныхъ", у которыхъ, онъ говоритъ, „мы не видѣли и не слышали такого безумнаго обычая, но или достовѣрными свидѣтелями, или клятвою разрѣшается у нихъ всякая тяжба недоумѣнная и недобрая" Обличенья эти не остались безъ вліянія въ судебной практикѣ[3]).

XV.

Въ другомъ обличеніи Максима Грека находится свидѣтельство о слѣдующемъ предразсудкѣ: нѣкоторые думали, что отъ погребенія утопленниковъ или вообще убитыхъ происходитъ вредное вліяніе на плодородіе земли[4]). Максимъ замѣчаетъ, что тѣла ихъ погребали на поляхъ и „отыняли коліемъ", а если случится весною вѣять студенымъ вѣтрамъ и если хлѣбъ и растенія не поспѣвали, то тѣла этихъ мертвыхъ выкапывали и выбрасывали, боясь, что ради погребенія утопленнаго и убитаго происходятъ „плодотлительныя стужи земныхъ прозябаній"[5]). Предразсудокъ этотъ обличалъ еще Серапіонъ[6]). Въ свою очередь, М. Грекъ написалъ отдѣльное „слово". Предварительно же сдѣлаемъ слѣдующее замѣчаніе.

---

[1]) Акты экспед., I, № 369; Рус. Ист. библ. VI, № 33, 34; (ср. стр. 862, 869 церк. правилъ).

[2]) Ист. чтен. о яз. и словесн., т. III, М. Даніилъ, с. 112; Жмакинъ, м. Даніилъ, 606—607.

[3]) Сочин., II, 202. Въ 1552 г., ссылаясь на соборныя опредѣленія (1551 г.) царскій указъ запрещалъ обращаться къ чародѣямъ и къ звѣздочетцамъ, чтобы у поля (поединка) чародѣи не были, подъ жестокимъ наказаніемъ (Карамзинъ, VIII, пр. 261 и IX, 272).

[4]) По вѣрованіямъ крестьянъ похороны самоубійцы могутъ навлечь неурожаи на 7 лѣтъ (Матер. для ист. крѣпостн. права, Берл. 1873, с. 162).

[5]) Сочин., III, сл. xxv, 170—178.

[6]) Слово о маловѣріи Серапіона (Е. В. Пѣтуховъ, Серапіонъ Владимірскій; Шевыревъ, Поѣздка въ Бѣлоцер. мон., II, 37).

У Геродота есть разсказъ о поэтѣ Аріонѣ (I, 24, варіантъ у Овидія), котораго ограбили корабельщики и заставили броситься въ море, грозя иначе убить его, но его спасъ на своей спинѣ дельфинъ, доставившій Аріона въ Коринѳъ, а разбойники, прибывъ туда, были наказаны. Аріонъ же, въ благодарность богу, поставилъ изображеніе человѣка, плывущаго на дельфинѣ. Извѣстно еще стихотвореніе Филиппа Ѳессалоникскаго; „Дельфинъ и соловей“. О св. Мартиріѣ сообщается, что онъ также спасся въ морѣ на дельфинѣ (Чт. въ Общ. ист. 1894, IV, с. 6.). Въ Византіи имѣли обыкновеніе свѣтильникамъ въ храмѣ придавать форму дельфиновъ (Герцбергъ, 190). Духовенство, даже въ лицѣ нѣкоторыхъ изъ своихъ представителей, было заражено сказаннымъ предразсудкомъ. Такъ, въ 1145 г. въ Новгородѣ утонуло два попа (во время половодья) и еп. Нифонтъ не позволилъ ихъ отпѣвать (П. С. Р. лѣт., III, 10; Синод. Новгор. лѣт., 135). Въ народѣ мнѣніе это держалось до поздн. времени (см. выше пр. 4). Чтобы понять упрекъ М. Грека, мы приведемъ слова неизвѣстнаго англійскаго автора книги: „Vestiges of the natural history of creation“. По поводу замѣчанія Тидеманна, что „у дельфина каждое полушаріе мозга состоитъ, какъ у человѣка и обезьянъ, изъ трехъ долей: изъ передней, средней и задней“, и что эти полушарія „представляютъ у него болѣе извилинъ и углубленій, чѣмъ у какого либо другого животнаго“, авторъ указаннаго сочиненія говоритъ: „Быть можетъ было бы слишкомъ поспѣшно видѣть въ этомъ обстоятельствѣ подтвержденіе древнихъ разсказовъ о дельфинѣ, о его любви къ людямъ, помощи, которую онъ имъ приноситъ во время кораблекрушенія и другихъ несчастій на морѣ,—хотя и трудно допустить, чтобы всѣ эти разсказы не имѣли никакого фактическаго основанія. Дельфину безъ сомнѣнія нравится общество человѣка,—и онъ услаждаетъ его плаваніе по морю своими скачками вокругъ корабля“... (Естественная Исторія мірозданія, перев. Пальховскаго, стр. 239).

Въ своихъ возраженіяхъ противъ указаннаго предразсудка М. Грекъ представляетъ примѣры заботливости о мертвыхъ (одного греч. мудреца, Товита, Іисуса Навина, Магистріана Милостиваго, татаръ, разбойниковъ, снятыхъ со креста) не только людей, но и морскихъ дельфиновъ, направляющихъ къ берегу трупы утопленниковъ, „дабы отъ единоплеменниковъ получили погребеніе“. При этомъ онъ вспоминаетъ случай, свидѣтелемъ котораго онъ былъ самъ въ Перекопѣ. Одинъ татаринъ былъ уличенъ въ воровствѣ, въ которомъ и признался. Царь (ханъ) велѣлъ повѣсить его въ воротахъ, а не въ полѣ, чтобы всѣ входившіе въ городъ и не-

ходившіе изъ него видѣли примѣръ праведнаго царскаго суда и обличеніе противъ злаго умысла, но послѣ трехъ дней велѣлъ снять его и погребсти, послѣ чего два татарина сняли трупъ и вынесли въ поле и тамъ, нагрѣвши воды омыли его и, обвивши саваномъ, милостиво погребли, а не гнушались трупомъ и не бросили его на съѣденіе звѣрей и птицъ, „какъ мы дѣлаемъ, по многому нашему немилосердію и безумію“. Затѣмъ, обращаясь къ своимъ современникамъ, онъ говоритъ: „Мы и дельфиновъ, животныхъ морскихъ, безсловесныхъ оказываемся неправеднѣйшими, и безбожныхъ татаръ не милостивѣйшими и неразумнѣйшими, ибо и дельфины, принявшіе отъ содѣтеля всѣхъ милостивое дарованіе, не небрегутъ его, совершаютъ его прилежно, татары же, хотя и чужды евангельскаго и апостольскаго законоположенія и просвѣщенія, однако, какъ словесныя существа, праведно думаютъ показать милость всегда къ таковымъ и погребенія сподобляютъ; христіане же, благочестивый и избранный народъ, безпрестанно просвѣщаемый и наставляемый всяческими богодохновенными писаніями, о какъ постыдно! оказываются безсловеснѣе дельфиновъ и суровѣе татаръ. Кто достойно восплачетъ, видя богомерзкое беззаконіе и безчеловѣчіе тѣхъ, которые должны образцомъ быть прочимъ безвѣрнымъ народамъ всякаго милосердія, правды и праваго разума; мы нынѣ служимъ соблазномъ и претюновеніемъ безвѣрнымъ народамъ и за наши беззаконія хулимо бываетъ отъ безвѣрныхъ имя божіе, такова недобрая похвала наша“! Въ связи же съ обличеніемъ Максимъ развиваетъ мысль, что бѣдствія постигаютъ людей въ наказаніе за уклоненіе ихъ отъ заповѣдей. Представивъ подобные примѣры изъ Второзаконія (xxviii, 15—27), онъ говоритъ: „Такія клятвы и гнѣвъ, скорби, и недуги безплодіе земли и садовъ, бездождіе и морозы напускаются отъ праведнаго судіи на беззаконно и неправедно живущихъ. Другъ друга ненавидя, другъ противъ друга враждуя и до смерти враждою бѣсовскою одержимые, желаетъ всякій пить кровь своего ближняго, вездѣ лихоимство жидовское и сребролюбіе ненасытное, блудъ и гнусное содомитское и богомерзкое оскверненіе, изливающіяся по всей землѣ, какъ на поганые народы, такъ и на насъ благовѣрныхъ, пьянство и объѣденіе скотское, игры и пѣсни сатанинскія, отлучающія отъ божьяго страха и памяти смерти, вотъ ради чего грядетъ гнѣвъ божій, говоря поапостольски, на сыны непокорные! *Наша беззаконная жизнь* бываетъ причиною всякаго земнаго безплодія, непрестаннаго мороза и бездождія, а не погребеніе утопленнаго или убитаго! Всякій, братіе, узами своихъ грѣховъ связанный, понесетъ свое бремя, и каждый, что посѣетъ, то и пожнетъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Утвержденіе аскетическихъ началъ въ русскомъ обществѣ.—Аскетическія воззрѣнія Максима Грека.—Склонность къ монастырской жизни.—Распространеніе монастырей.—Причины ихъ обогащенія.—Недостатки монастырской жизни.—Обнаруженіе ихъ въ литературѣ.—Вопросъ о недвижимой собственности монастырей.—Два направленія среди представителей монашества.—Борьба противниковъ.—Князь Вассіанъ Патрикѣевъ-Косой и м. Даніилъ.—Обличенія Максима Грека.—Средства, предложенныя для исправленія монастырскихъ нравовъ.—Вліяніе обличеній М. Грека.—Требованіе возстановленія древнихъ уставовъ.—Неудача этой мысли.

I.

Въ древней Руси мы замѣчаемъ рѣзкое направленіе народнаго духа—склонность къ мистицизму. Она сильнѣе всего проявилась въ постоянной мысли о близкой кончинѣ міра и увлеченіи монашествомъ. Мы указали выше на значеніе первой; теперь обратимся къ послѣдней.—Уже Ѳеодосія и Варлаама (сына боярина Іоанна) никакія угрозы родителей не могли удержать отъ ухода въ монастырь. Стремленіе къ монашеству поддерживалось и развивалось, съ одной стороны, подъ вліяніемъ аскетическихъ произведеній византійской литературы, съ другой—исключительно религіознымъ воспитаніемъ. „Патерики синайскій и скитскій, говоритъ Буслаевъ, проникнутые самою восторженною поэзіею отшельнической жизни, были любимымъ чтеніемъ нашихъ предковъ отъ XI и даже до XVII вѣка включительно... Эти аскетическія книги, отрывками внесенныя въ прологи, имѣли громадное вліяніе на древне-русскую литературу. Въ ежедневномъ чтеніи пролога онѣ заучивались наизусть и нечувствительно входили въ воззрѣнія и убѣжденія нашихъ грамотныхъ предковъ, и отражались въ практической ихъ дѣятельности учрежденіемъ и распространеніемъ пустынножительства въ безплодныхъ захолустьяхъ русской земли“ [1]). Такому развитію аскетическмхъ твореній еще болѣе способствовало то, что книжность исходила преимущественно изъ монастырей; отчего и въ переводахъ встрѣчается болѣе сочиненій иноческаго характера [2]).

Монашество, согласно съ восточно-византійскими понятіями, было поставлено въ глазахъ русскаго общества, какъ идеалъ христіан-

[1]) Очерки литер. и искусст. II, 231.
[2]) Опис. рукоп. Синод. библ. II, слово V.

ской жизни, и потому весьма естественно, что для тѣхъ лицъ, которыя проникались новымъ началомъ—христіанскимъ, монашество становилось конечною цѣлью всѣхъ желаній. Оно представлялось имъ „лучше царской державы"; о немъ говорили: „свѣтъ инокамъ ангелы, свѣтъ же мірянамъ иноки" [1]); а потому давался такой совѣтъ: „монастыри любите, то сыновья святыхъ, пристаница сего свѣта [2]). При взглядѣ на монастырь, какъ мѣсто покоя отъ мірской суеты,—онъ сталъ убѣжищемъ отъ неудачъ, бѣдствій и преслѣдованій. Князья и бояре искали въ немъ успокоенія отъ неурядицъ земскихъ; физическія и общественныя бѣдствія заставляли идти туда ради покаянія въ грѣхахъ, такъ какъ въ то время на всякое бѣдствіе смотрѣли, какъ на наказаніе свыше за грѣхи. И вотъ въ 1237 году, во время осады Владиміра татарами, въ 1352 и 1426 гг., во время мора и язвы во Псковѣ, подъ вліяніемъ бѣдствій, многіе принимали монашество [3]); въ 1510 г., послѣ взятія Пскова, когда 300 семействъ должны были переселиться въ Москву, то „во градѣ мнози постригалися въ черньцы, а жены въ черницы и въ монастыри поидоша, нехотяще въ полонъ поити отъ своего града во иные грады" [4]).

Если же принять во вниманіе обиліе общественныхъ бѣдствій въ древней Руси [5]), и связь ихъ съ мыслью о близкой кончинѣ міра, то становится понятнымъ, насколько эти обстоятельства способствовали развитію монастырской жизни. Для поступленія въ монашество, богатые считали долгомъ помогать бѣднымъ, такъ какъ при этомъ дѣлались вклады. Князья, бояре и многіе другіе считали религіозною обязанностью постригаться передъ смертью. Василій Ивановичъ говорилъ митрополиту, что если его не допустятъ постричься, то чтобы на мертваго положили монашеское платье [6]), и когда этому хотѣли воспрепятствовать окружающіе, то м. Даніилъ сказалъ Воронцову: „не будетъ на тебѣ благословенія ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій, хорошъ сосудъ серебряный, а позлащенный лучше". За противодѣйствіе обѣту угрожали наказаніемъ божіимъ [7]).

Для древне-русскаго религіознаго человѣка переходъ отъ мірской жизни къ монастырю не составлялъ особенной трудности. Ему запре-

[1]) Акты истор., I, № 204. Чт. Моск. Общ. ист. 1859, III, с. 1.
[2]) Шевыревъ, Ист. литер., III, 45.
[3]) П. С. Р. лѣт. IV, 60; Акты истор., I, № 30; П. С. Р. лѣт. III, 51.
[4]) П. С. Р. лѣт., IV, 287.
[5]) Соловьевъ, Ист. Россіи, III, 40—43. IV, 241—254;
[6]) П. С. Р. лѣт., VI, 274.
[7]) П. С. Р. лѣт., II. 94.

щались гусли, пѣсни и пляски; совѣтовалось проводить время въ „молитвахъ и славословіи“ [1]); постъ мірянъ мало чѣмъ долженъ былъ отличаться отъ поста монаховъ [2]). Относительно женщинъ давался такой совѣтъ: „блюдитесь и воззрѣнія на лица женскія, такъ какъ тѣ и святыхъ соблазнили, не бесѣдуй съ мужатицами (замужними), ибо не всѣ жены имѣютъ добрые нравы. Не хуля говорю то о женахъ, но блюдитесь дьявольской сѣти“ [3]). Въ другомъ старинномъ поученіи, на вопросъ: „что есть жена“? дается такой отвѣтъ: „сѣть для прельщенія людей, которая свѣтлымъ лицомъ своимъ, высоко очами подмигивая, ногами играя, дѣйствіями побѣждая, многихъ, уязвивши, низложила, поэтому красотой женской многіе прельщаются и отъ нея любовь, какъ огонь, возгорается..... Что есть жена? на святыхъ обложница [4]), покоище зміино, дьявольскій увѣтъ, безъ увѣта болѣзнь, подгнѣтающая сковорода, спасаемымъ соблазнъ, безъисцѣльная злоба, купница бѣсовская“ [5]). Подъ вліяніемъ подобныхъ наставленій и понятій, сложилось мнѣніе, что тотъ, кто „не имѣетъ жены и внѣ міра пребываетъ, заповѣди Господни исправить можетъ; *а съ женою и съ чадами живя, не можетъ спастися*“ [6]); поэтому бросали женъ и дѣтей безъ пристанища и шли въ монастырь [7]); а изъ посланія м. Фотія видно, что „жены отъ мужей стриглись тайно отъ черницъ“ [8]). На жизнь смотрѣли съ отрицательной стороны; о ней обыкновенно выражались: „вскорѣ житіе минуется и все въ немъ временно и мечтательно“ [9]); свѣтъ называли „суетнымъ, мимтеокущимъ и многомятежнымъ“ [10]). Мистическое

---

[1]) Прав. Соб. 1861 г., мартъ: Два древнихъ слова.

[2]) Тамъ же.—Герберштейнъ о Симеонѣ Курбскомъ говоритъ: „мужъ престарѣлый, рѣдкою умѣренностію и строгостію жизни, отъ самой юности соблюдаемою, совершенно истощилъ свои силы: мяса не ѣлъ онъ нѣсколько лѣтъ, даже рыбу употреблялъ онъ только по воскресеньямъ, вторникамъ и субботамъ“. Rer. Moscov. commentar. pag. 53. Въ житіяхъ хвалится неупотребленіе молока новорожденными.

[3]) Прав. Соб. 1859 г., январь: „Како жити крестьяномъ“ (христіанамъ), 143.

[4]) Облогъ—клевета. „Пляшущая жена многимъ мужамъ жена“ (Жмакинъ, 557). Впрочемъ и близкій эпохѣ возрожденія Салютати, какъ и Боккачіо въ старости, считалъ женщину самымъ соблазнительнымъ зломъ изъ всѣхъ золъ міра, а дѣвственность самой совершенной хотя и трудной добродѣтелью (Корелинъ 440, 799).

[5]) Костомаровъ, Очеркъ великорус. нравовъ въ XVI—XVII вв., 103.

[6]) Статья Соловьева, въ Чт. Моск. Общ. ист. 1846 г., № 1, с. 47.

[7]) Прав. Соб. 1861 г., февр., 175.

[8]) Опис. Рум. муз. 273.

[9]) Прав. Соб. 1859 г., январь, 146.

[10]) П. С. Р. лѣт., II, 95.

настроеніе простиралось до того, что многіе еще при жизни просили поминать ихъ за упокой [1]). Такимъ образомъ пустыня сдѣлалась „пустынею духовныхъ желаній“, предметомъ изображеній [2]) и поэзіи. Идеализація ея дышитъ крайнимъ аскетизмомъ. Въ весьма распространенномъ „стихѣ объ Іосафѣ царевичѣ“, въ уста его влагается длинная и поэтическая похвала пустынѣ, въ которой читаемъ:

Во тебѣ, матерь пустыня,
Гнилая колода
То сахарное мнѣ будетъ яство,
То мнѣ райская пища;
Во тебѣ, матерь пустыня,
Болотная вода
То медвяное мое пойло,
То мнѣ тихія прохлады!
Разгуляюсь я, младъ юношъ
Іосафій царевичъ,
Во зеленой, во дубравѣ;
Тамъ есть частыя древа,
Со мною будутъ думу думати,
На древахъ есть мелкія листья,
Со мною станутъ говорити,
Прилетятъ птицы райскія,
Станутъ распѣвати,
Меня будутъ потѣшати,
Христа Бога прославляти!

Тѣмъ не менѣе переходъ отъ языческаго быта къ гражданственности, безъ участія аскетизма, какъ и на Западѣ въ средніе вѣка, былъ бы невозможенъ [3]).

II.

Древніе обличители, въ своихъ поученіяхъ, одинаково возставали какъ противъ уклоненій отъ нравственнаго закона, суевѣрій и предразсудковъ, такъ и противъ „гуслей, сопѣлей, всякихъ игръ, плясанія на пирахъ и на свадьбахъ, плесканія ручнаго, скаканія ногами, скоморо-

---

[1]) Опис. рук. Синод. библ. II, 508; Слово о непоминовеніи живыхъ, въ Памятн. старин. рус. лит., изд. подъ ред. Костомарова IV, 217.

[2]) Прав. Соб. 1861 г., окт. Древн. пустыни, с. 219, 220.

[3]) Литтре, Варвары и средніе вѣка, 103—115; Опытъ рус. исторіогр. II, 184—185.

ховъ“ [1]). Такія увеселенія они называли „проклятыми“, игры—„сатанинскими“, пѣсни—„бѣсовскими“. По взгляду духовенства, пляска, особенно женская, почиталась душегубительнымъ грѣхомъ: „о злое проклятое плясаніе, говоритъ одинъ моралистъ; о, лукавыя жены многовертимое плясаніе! пляшущая жена любодѣйца діавола, супруга адова, невѣста сатанинская; всѣ любящіе плясаніе безчестіе Іоанну Предтечѣ творятъ—со Иродіадою имъ уготованъ неугасимый огонь и неусыпный червь“. Вѣрующему давался совѣтъ: „не смотрите на плясанія и иныя бѣсовскія игры, злыя и прелестныя, да не прельщены будете, видя и слушая ихъ; таковые нарекутся сатанинскими любовниками; христіанину всякому законъ воспрещаетъ баснословить, говорили они, ибо сказалъ Христосъ въ Евангеліи: о всякомъ глаголѣ праздномъ воздадутъ слово человѣки въ день судный“. Существовало мнѣніе, что въ образѣ весельчаковъ—скомороховъ странствуютъ бѣсы, а монахи-духовидцы даже видѣли, какъ лукавые бѣсы невидимо били христіанъ желѣзными палицами, отгоняя ихъ отъ божьяго храма къ играмъ и „ужами за сердце почепивше влекли ихъ“ [2]). Ригоризмъ этотъ въ значительной мѣрѣ объясняется языческимъ характеромъ пиршествъ и празднествъ, сохранявшихъ свою силу.

Въ связи съ представленными выше обличеніями стоятъ и запрещенія М. Грека, Вычисляя тѣ пороки, которые, по его мнѣнію, влекутъ за собою наказанія божія, проявляющіяся въ общественныхъ бѣдствіяхъ (лихоимство, блудъ, содомство и т. п.), онъ сюда же присоединяетъ *„игры и пѣсни сатанинскія, отлучающія отъ божьяго страха и памяти смертной, ради которыхъ грядетъ гнѣвъ божіи на сыны непокорныя“* [3]). Въ другомъ мѣстѣ, изображая пороки и грѣхи, за которые ожидаетъ преступниковъ одно наказаніе—адъ, Максимъ рядомъ ставитъ: лихоимство, обремененіе тяжелыми работами поручниковъ, игру въ зернь и *гусли*. Совѣтуя во время игръ и плясокъ сидѣть дома „во славу божію“ и не заниматься „пустошными бесѣдами“, моралисты того времени входили съ своими наставленіями въ супружескія отношенія и суровыми угрозами заставляли выполнять столь же суевѣрныя требованія: „если кто смѣсится, говоритъ одно изъ подобныхъ наставленій, съ женою въ пятокъ или субботу и въ недѣлю,

---

[1]) Сочин. Өеодосія, въ Уч. зап Ак. Наукъ, II, отд. II, вып. 2, 195. Слово Кирилла П., Чтен. Моск. Общ. ист 1847, № 8; Прав. Соб. янв., въ концѣ слова. Посланіе игум. Панфила къ Псковскому намѣстнику Чт. Моск. Общ. ист. 1846, № 4. Доп. къ акт. ист., I, № 22.

[2]) Костомаровъ, Очерки нравовъ с. 141—143.

[3]) Сочин. III, 177.

и если зачнетъ — родится *тать,* или *разбойникъ,* или *блудникъ*" [1]). Требованія эти иногда получали реальное основаніе: „по убіеніи царя (перваго Самозванца) и Басманова, говоритъ Буссовъ, первыми жертвами злобы народной были *музыканты и пѣсенники, люди невинные, благонравные* и въ своемъ дѣлѣ искусные: всѣ они, *человѣкъ до 100*, были побиты въ Кремлѣ, въ монастырскихъ домахъ, пожалованныхъ имъ покойнымъ государемъ" [2]). Воеводамъ предписывалось иногда истреблять инструменты и харп скомороховъ, и бить батогами тѣхъ, кто принимаетъ у себя пѣсенниковъ и глумцевъ. Однажды при Михаилѣ Ѳедоровичѣ въ Москвѣ было сожжено пять возовъ музыкальныхъ инструментовъ не только у скомороховъ, но и вообще въ домахъ.

Но, кромѣ идеализаціи аскетическихъ началъ, у М. Грека мы встрѣчаемъ и положительное развитіе превосходства этого идеала: „Зачѣмъ мы, говоритъ онъ, созданные ради небесныхъ благъ, безумно привязываемся къ земному; человѣкъ—образъ божества, и потому будемъ заботиться, чтобы получить первообразную красоту"; „для словесной души одно украшеніе—забота о божественномъ, и ее ищи всѣмъ сердцемъ". „Самое устройство человѣческаго тѣла, стремящагося къ верху, показываетъ свойство человѣка—стремиться къ небесному" [3]). Но человѣкъ не совершененъ, и потому одна премудрость, одно истинное искусство состоитъ въ томъ, чтобы одолѣть свои страсти; богатство душевное есть единственное богатство истинное, которое даетъ самъ Христосъ; оно заключается въ той наградѣ, которая послѣдуетъ послѣ смерти и которую человѣкъ заслужитъ своими добродѣтелями. Здѣшняя жизнь есть мѣсто усовершенствованія для человѣка, черезъ которое онъ достигаетъ своего прекраснаго отечества, богосозданнаго едема. Основаніемъ нравственной жизни человѣка должно быть убѣжденіе, что „вѣра кромѣ дѣлъ благихъ мертва есть и дѣла кромѣ правыя вѣры не полезны"; добродѣтели же заключаются въ христіанской мудрости, правдѣ, душевномъ мужествѣ и цѣломудріи; ихъ Максимъ уподобляетъ четыремъ столпамъ, поддерживающимъ кровлю дома [4]).

Аскетическій взглядъ на жизнь вообще становится у М. Грека еще болѣе яркимъ, когда обратимъ вниманіе на то, что онъ постоянно оцѣниваетъ ее настолько, насколько она приготовляетъ человѣка къ будущей жизни: „о какъ, восклицаетъ онъ, какъ свѣтелъ и благодатенъ и страшенъ для тебя, душе, подвигъ священныхъ трудовъ, потому

---

[1]) Прав. Соб. 1861, № 3, с. 343.

[2]) Лѣтопись Московская, с. 65.

[3]) Соч. II, с. 5. 6, 11.

[4]) Сочин., I, 23, 38, 358; II, 10.

что этотъ подвигъ не для жизни и смерти временной, но для славы небесной или мукъ вѣчныхъ“. Мы должны, говоритъ онъ, избѣгать пороковъ, если желаемъ избавиться вѣчныхъ мукъ, которыя уготовлены для презрителей и преступниковъ евангельскихъ заповѣдей и отеческихъ преданій“. Поэтому онъ совѣтуетъ совершенно не заботиться о тлѣнныхъ, земныхъ благахъ, желать только вѣчныхъ и мысли свои всегда имѣть на небесахъ. Въ негодованіи на пороки, онъ восклицаетъ: „Долго ли еще мы будемъ порабощены плотскимъ сладострастіемъ, конецъ которыхъ—червь и огонь неугасимый? Долго-ли мы еще будемъ гоняться за несущественнымъ, какъ за существеннымъ, и прельщаться въ умѣ соблазнительными мыслями? Долго-ли будемъ любить дьявольскою любовью сладкую пищу, какъ будто въ этомъ заключается все блаженство? Долго-ли пустая слава будетъ прельщать насъ, золото—наслаждать, постыдныя дѣла—оскверпять“? И затѣмъ онъ развиваетъ отрицательное воззрѣніе на жизнь, въ которой онъ не находитъ ничего отраднаго. „Здѣшняя жизнь, говоритъ Максимъ, непостоянна, въ ней нѣтъ ничего вѣрнаго, все исполнено скорбей; слава, пища, богатство и красота, какъ весенній цвѣтъ, временно проходятъ и исчезаютъ. Ты (душа) была возвышена, питалась, наслаждалась, прославилась побѣдами, живешь многіе десятки лѣтъ, а послѣ что?—червь, гніеніе, гнусный смрадъ и множество злыхъ, адскихъ мукъ. Какую ты ожидаешь отъ земныхъ благъ пользу?—чрезъ нихъ мы погибаемъ. Не такъ-ли, какъ дымъ и сонъ, все исчезаетъ и разсыпается, точно вѣтромъ?..... Смотри, чтобы къ тебѣ не примѣнились слова Гомера: „мужъ безсмысленный, впадая въ бѣдствія, тогда только чувствуетъ это, когда уже не можетъ пособить себѣ“. Для полнаго усовершенствованія, Максимъ совѣтуетъ употреблять и „худое ядѣніе“, какъ „бразду бѣсящейся плоти“. Наконецъ, онъ выражается такъ: „все, что красно на землѣ, гноище есть, и ложно, и суетно, и неприбыточно“; а себя, въ христіанскомъ смиреніи, называетъ „древомъ безплоднымъ, при корени котораго лежитъ сѣкира, мысленно сѣкущая его и во огнь вметающая“; „путемъ, каменіемъ и терніемъ, на которые падаетъ пометанное отъ небеснаго дѣлателя и, истлѣвши, плода не приноситъ“; „соломою, огнемъ неугасаемымъ сожигаемою“ [1]). Однако, монастырскій идеалъ не можетъ стать общимъ и М. Грекъ былъ самъ свидѣтелемъ неудачи, постигшей попытку его создать. Іеронимъ Савонарола думалъ, что весь міръ созданъ только для монашества и изъ Флоренціи сдѣлалъ монастырь: всякій день было одно и тоже: посты да моленія, моленія да посты; Флоренція сдѣлалась посмѣшищемъ Италіи; „она

[1]) Сочин., I,—182; II, 7—11, 16—17, 147, 221, 243.

надѣла клобукъ; весь народъ сталъ монахомъ“, говоритъ Савонарола. Была учреждена изъ дѣтей нравственная полиція, отбиравшая все, что доставляло удовольствіе; но самъ же Савонарола замѣчаетъ, что „не было дома, куда бы ни проникъ раздоръ: мужъ и жена, отецъ и дѣти —всѣ были въ ссорѣ“... Противъ такихъ увлеченій, пришлось уже, какъ увидимъ дальше, выступить самому М. Греку.

III.

Но монастыри не могли служить только одной отвлеченной идеѣ и уже съ первыхъ страницъ своей исторіи они являются важнымъ гражданскимъ факторомъ, и въ этомъ отношеніи все вліяніе ихъ выразилось въ многочисленныхъ пожертвованіяхъ и надѣлахъ недвижимою собственностью. Уже въ XI в. мы встрѣчаемся съ яркими фактами этого рода [1]). Въ житіи Θеодосія Печерскаго сказано, что многіе приносили ему отъ имѣній своихъ на утѣшеніе братіи и на устроеніе монастыря, *другіе же и села давали.* Въ другомъ мѣстѣ читаемъ, что князь Ярополкъ Изяславичъ (ум. 1086 г.) далъ Печерскому монастырю „*всю жизнь свою*, Небльскую волость и Деревьскую и Лучьскую, и около Кіева“. Въ 1158 г. дочь его, при своей смерти, отказала монастырю все свое имѣніе: „а по своемъ животѣ дала княгиня 5 селъ съ челядью, *и все отдала до повоя*“ [2]). Мы не станемъ приводить далѣе подобныхъ примѣровъ, а лишь укажемъ на тѣ многочисленные акты, которые подтверждаютъ сказанное выше. Подобные вклады дѣлались князьями, княгинями, боярами, посадниками, духовными лицами и простыми смертными [3]).

---

[1]) В. А. Милютинъ О недвиж. имуществ. духов. въ Россіи (Чт. Моск. Общ. ист. 1859 кн. IV, с. 26).

[2]) П. С. Р. лѣт., II, с. 82.

[3]) Князья: Ист. рос. іерар. II, 95 Акты экспед. II. № 85. Ист. рос. іерар. V; 122; II, 285. Дополн. къ ист. акт. I, №№ 10. 38, 176. Акты ист. I, №№ 84, 85, 96 Дополн. I, № 113. Акт. экспед. III, № 95. Акт. ист. № 131. Прод. Вивл., V, 140—143. Акт. ист. I, №№ 2. 13, 14, 36; II, № 79. Ак. эксп. I, №№ 15, 129, 136, 108. Акт. ист. I, № 15. Дополн. I, №№ 15, 207. Собр. госуд. грам. № 96, 112, 147 и т. д.—Княгини: Доп. къ ист. акт. I, № 207; Акт. ист. I, №№ 29, 38, 54, 55. Ак. эксп. I. №№ 41, 95. Доп. I, №№ 16, 17. Ак. ист. I, №№ 80, 81; II, № 79 Новгород.: П. С. Р. лѣт., IV, 99. Новгород. правители: Ак. эксп I. № 62 и т. п.—Князья потомки удѣльн. Ак. юрид. № 120, 115, 116. Дополн. I, № 115. Ак. ист. №№ 83, 177.—Бояре: Ак. ист. I; № 2; юрид. № 71, 114. Ак. ист. I, № 177. Ак эксп. I, № 88.—Посадники новгор.: Ак. юрид. № 110. – Духовныя лица: Ак. юрид. №№ 110, 111, 121. Ак. ист. I, № 163. Дополн. I, № 5. Карамз III. пр. 186. Лица низш. званія: Ак ист. I, № 197, 211.—Женщины; Ак. ист. № I, 143. Допол. I, № 208. Ак. юрид. № 113 и т. д.

Первоначальное побужденіе въ надѣлѣ духовенства недвижимою собственностью вытекало изъ необходимости обезпечить его и невозможности достигнуть этой цѣли иначе, какъ пожалованіемъ ему недвижимыхъ имуществъ. Такая невозможность зависѣла отъ экономическаго состоянія древней Россіи [1]). При общемъ уваженіи къ монастырямъ, весьма естественно, что они скоро получили перевѣсъ въ численности своихъ имуществъ надъ остальными церквами [2]). Кромѣ того надѣлы церквей и монастырей имуществами, въ глазахъ благочестивыхъ жертвователей имѣли особенное значеніе, такъ какъ они должны были служить вспомоществованіемъ для бѣдныхъ [3]). Пожалованіе вотчинъ духовенству и въ особенности монастырямъ часто давало возможность заселить и разработать такія земли, которыя оставлялись безъ всякаго употребленія, и потому князья, при своихъ пожалованіяхъ, иногда ставили, какъ условіе даренія, заселеніе земель купленными людьми или людьми свободнаго званія [4]).

Извѣстно, какое сильное впечатлѣніе производили на русскихъ общественныя бѣдствія: въ послѣднихъ они даже видѣли милость божію, предупреждающую людей отъ конечной гибели [5]), и потому съ цѣлью умилостивленія часто дѣлались большіе вклады на церкви и монастыри [6]). Вслѣдствіе же постоянной тревоги во время владычества татаръ и тѣхъ льготъ, какими пользовалась подъ ихъ властью церковь [7]), многіе спѣшили укрыться въ монастырь, избѣгая разныхъ повинностей

---

[1]) Чтен. Моск. Общ. ист. 1859 г., IV, 55 и далѣе. Противники, претендовавшіе на монастырскія имущества, считались святотатцами (ib., 105). Количество вкладовъ распредѣлялось по степени помиповенія (Чт. въ Общ. ист. 1846, № 2. Синод. Анаст. мон., 30 и дал.).

[2]) В. Милютинъ, Чт. Моск. Общ. ист. 1860 г., III, 153—155.

[3]) В. Милютинъ, Чт. Моск. Общ. ист. 1859 г., IV, 64. Никон. лѣт. V, 33. Въ литературѣ постоянно указывалось на благотворительное значеніе имуществъ для сиротъ, вдовъ, нищихъ и плѣнныхъ. Вкладчики (старики) и нищіе, жившіе въ сѣверн. монаст. достигали иногда 50 чел. (Вѣст. Евр. 1908, № 11, 296—297). Ср. также изслѣдованія М. Горчакова, Н. Никольскаго (Кирилло-Бѣлоз. монастырь) и др.

[4]) Колонизація монастырей приходилась на долю лучшихъ земель, потомъ уже онѣ доставались дворянамъ—помѣщикамъ (Зап. Ак. Н., LXXI, 16—17).

[5]) П. С. Р. лѣт., III, 134.

[6]) П. С. Р. лѣт., V, 61.

[7]) Ibid., V, 188. Никон. лѣт. III, 37, 38, 59.—Ханы угрожали смертною казнью нарушителямъ церковныхъ правъ. (Милютинъ, О недвиж. имущ. духовен. Чт. Моск. Общ. ист. 1859, V, 38, 39; 1860, III, 214—219). О вотчин. влад. Троицк. лавры при жизни преп. Сергія, іером. Арсенія (Лѣт. зап. Арх. ком. т. VII, 139—175). Авторъ доказываетъ, что тогда монастырь не имѣлъ вотчинъ, а позднѣйшія на имя Сергія подложны. Впослѣдствіи это былъ самый богатый монастырь.

и вмѣстѣ съ тѣмъ скрывая тамъ свои богатства, или просто передавали ихъ туда на сбереженіе. Въ монастырѣ можно было сохранить имущество, которое, по смерти вступившаго въ монашество, становилось собственностью монастыря [1]). Постепенно въ монастыряхъ скопились денежныя средства, а это дало имъ возможность пріобрѣтать вотчины покупкою у другихъ лицъ [2]). Притомъ монастыри и въ отдѣльности монахи, владѣя богатствами, отдавали ихъ за извѣстные проценты (обыкновенно „за пять шестой"), въ пользованіе частнымъ лицамъ, подъ закладъ недвижимой собственности. Въ такомъ случаѣ писалась закладная, которая, по прошествіи срока, назначеннаго для платежа, обращалась въ купчую; самое же имѣніе, отданное въ закладъ, предоставлялось по большей части во владѣніе монастырю (или монаху-заимодавцу), вмѣсто процентовъ [3]), „Основываясь на числѣ этихъ закладныхъ XV—XVIII вв., замѣчаетъ Милютинъ, можно предположить съ вѣроятностію, что довольно значительная часть церковныхъ и монастырскихъ вотчинъ перешла въ руки духовенства именно этимъ путемъ".

Понятно, что причиною распространенія монастырской недвижимой собственности была та религіозность, которая проникала во всѣ побужденія древне-русскаго человѣка. Лѣтописцы въ числѣ добродѣтелей князей, обыкновенно ставятъ: „чтилъ свыше мѣры іерейскій и монашескій чинъ, подавая имъ, что нужно, на потребу" [4]). Главною заботою для религіознаго человѣка было спасеніе души, которое обусловливалось, въ числѣ другихъ внѣшнихъ формъ религіи, и посмертнымъ поминовеніемъ, и въ большей части жалованныхъ грамотъ духовенству говорится, что имущество „даруется въ наслѣдіе вѣчныхъ благъ, по душѣ, для поминовенія души, въ вѣчный поминокъ души" [5]). Если же умершій не успѣвалъ сдѣлать распоряженія относительно вклада по душѣ,

[1]) Акты истор. I, № 24.

[2]) Акты юрид. № 71, XXII, XXIV—XXVII, XXIX—XXXII, XXXVII, 72, 6, 12, 77, 80, 85, 88, 89, 90. Акты экспед. I, №№ 20, 36, 68. 246. Акты истор. I, №№ 74, 215. Карамзинъ, V, 347.

[3]) Акты юрид. №№ 232, 234, 236, 237, 238, 241, 243, 249, 254 и т. п.—Сосредоточивъ въ своихъ рукахъ богатства, монастыри (какъ и на Западѣ) являются своего рода кредитными учрежденіями (Вѣстн. Евр. 1908 г., № 11, 299—300) и занимаются обширными хозяйственными операціями (Флетчеръ), каковы были въ особенности богатые монастыри—Кирилловъ, Троицкій и др., хотя возникли въ нестяжаніи и бѣдности.

[4]) П. С. Р. лѣт. I, с. 65, 85, 92, 129, 187, 131, 149, 157; II, 111—113, 154, 155. 135, 164, 102, 121 и т. п.

[5]) Акты истор. I, 54, 84. Дополн. I, № 111; II, № 74. Карамзинъ, V, пр. 122 и т. п.

то родственники его считали долгомъ назначить часть наслѣдства на поминъ по немъ [1]). Кромѣ того, въ жалованныхъ грамотахъ встрѣчаются обязательства молить Бога о здравіи и долголѣтіи вкладчика, а иногда упоминается, что дареніе сдѣлано по поводу какого-либо счастливаго событія или исполненія намѣреній и предпріятій [2]). Наконецъ, увеличенію монастырской недвижимой собственности содѣйствовали также добровольныя или насильственныя постриженія бояръ, князей, княгинь, царей [3]), причемъ въ такихъ случаяхъ они дѣлали значительные вклады, а у знатныхъ лицъ существовалъ обычай — имѣть при нѣкоторыхъ монастыряхъ родовыя кладбища, что́ также соединялось съ опредѣленными вкладами [4]).

IV.

Мы не касаемся здѣсь теоретическихъ основаній монастырскаго и вообще церковнаго землевладѣнія, разсмотрѣнныхъ въ нѣкоторыхъ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ [5]). Не смотря на ясно выраженныя мнѣнія о неудобствѣ и неприличіи монастырямъ владѣть вотчинами (м. Кипріанъ, Кириллъ Бѣлозерскій и др., въ разныхъ житіяхъ, не всегда согласныхъ съ дѣйствительностью [6]), въ XV в. возникаетъ теорія о

[1]) Акты истор. № 154, сс. 268—270; №№ 182, 200. Ак. юрид., № 125.

[2]) Акты истор. I, № 84. Продолж. Вивл., V, 140—143. Дополн., I, № 111.

[3]) Карамзинъ, II, 42, 53, 60, 86, 91, 129, 183, 184, пр. 34, 156, 228, 230, 251, 264, 411; III, 45, 55, 56, 57, 62, 67, 69, 83, 88, 104, 105, 112, 122, 134, 151, 154, 156, 170, пр. 62, 77, 78, 90, 97, 142, 153, 182, 186, 190, 326, 364, 369; IV, 23, 45, 56, 61, 70, 89, 98, 102, 117, 121, 147, 150, 167, 169, 170, пр. 39, 118, 137, 140, 147, 162, 175, 181, 182, 186, 189, 240, 248, 252, 322, 325, 357, 364; V, 12, 20, 54, 55, 60, 101, 103, 140, 186, 203, 207, 223, пр. 3, 4, 114, 119, 137, 202, 222, 254, 258, 386; VI, 174, 209, пр. 145, 177, 199, 321; VII, 84, 193, 104, пр. 73, 329; VIII, 31, 37, 149 и т. д. О насильственныхъ постриженіяхъ см. ст. Н. Аристова (Древн. и Нов. Рос. 1877, №№ 5—7).

[4]) Исторія іерархіи, II, стр. VII, VIII; Оп. рус. историогр. II (въ очеркахъ ист. княжествъ).

[5]) Пл. Соколовъ, Церков. имуществ. право въ греко-римской имперіи, Новг. 1896. А. Павловъ, Ист. оч. секуляризаціи церк. земель въ Россіи, Од. 1871. стр. 3—8. М. Горчаковъ, О земельн. владѣн. всерос. митр., патр. и св. Синода, Спб. 1871, стр. 111—113 (мнѣнія канонистовъ); ср. 257—258. Въ древней Россіи могли знать о теоріи неподвижности церковныхъ имѣній по толкованіямъ на церковн. правила Аристина и Зонары и по тѣмъ отрывкамъ Юстиніанова законодательства, которые вошли въ Кормчую книгу черезъ посредство разныхъ законодательныхъ сборниковъ. Аристинъ былъ извѣстенъ въ древней Руси не только въ славян., но и въ греч. подлинникѣ. Въ Моск. патр. библ. подъ № 237 сохранилась греч. рукопись его толкованія, относящ. къ XII или XIII в. (Горчаковъ, 145; Указ. Саввы, 42).

[6]) Павловъ, Историч. очеркъ секуляриз. церк. земель въ Россіи, Од. 1871.

неотчуждаемости или „неподвижности“ церковныхъ земель, окончательно утвердившаяся въ нач. XVI в. [1]). Процессъ развитія церковной собственности идетъ въ одинаковомъ порядкѣ на Западѣ, въ Византіи и въ Россіи. Уже въ нач. VIII в. въ Галліи треть всей земельной собственности находилась въ рукахъ церкви [2]). Въ Шотландіи, въ средніе вѣка, какъ и въ древнемъ Египтѣ, треть всей земли принадлежала духовенству [3]). Въ Англіи, передъ реформаціей Генриха VIII, духовенство обладало $^7/_{10}$ всей земельной собственности и 1041 религ. учрежденіе пользовалось доходомъ ок. 6 мил. франковъ на наши деньги, что представляло громадную сумму для того времени [4]). Въ моментъ революціи во Франціи церковь владѣла третьей частью національной территоріи, а доходы ея достигали 400000000 фр. [5]). Вообще въ Запад. Европѣ $^1/_3$ территоріи принадлежала духовенству и, кромѣ того, въ его распоряженіи, была половина доходовъ и двѣ трети капиталовъ [6]). Въ Византіи $^1/_3$ государственной территоріи также находилась въ рукахъ монастырей и духовенства [7]). Такое анормальное отношеніе матеріальныхъ условій вызывало неудовольствія и протесты [8]), тѣмъ болѣе имѣвшіе значеніе, что владѣніе нерѣдко достигалось незаконными средствами и путемъ злоупотребленій [9]), а въ глазахъ общества соединялось съ распространеніемъ роскоши и паденіемъ нравовъ въ монастырской жизни.

V.

Еще въ X в. во Франціи одинъ изъ аббатовъ нарисовалъ печальную картину монастырскаго быта, вслѣдствіе нарушенія братіей семейной жизни, свободнаго выхода изъ монастыря, употребленія дорогихъ одеждъ, вмѣсто монашескихъ, такъ что монаховъ скорѣе можно было

---

[1]) Горчаковъ, О земельныхъ владѣніяхъ, 257.

[2]) Г. Л. Мауреръ, Введ., въ ист. общин., подвор., сельск. и город. устр., М. 1880, стр. 217, 222—223.

[3]) Веберъ, Всеобщ. исторія, 131.

[4]) J. Wade, Hist. of the middle and working classes, p. 38; ср. Ад. Бланки, Ист. пол. эк. I, 258.

[5]) А. Рамбо, Ист. франц. револ., 79.

[6]) Тэнъ, Происх. общ. строя Франціи, 14, 24—26; Laurent, La papauté et l'empire, 196.

[7]) Герцбергъ, Ист. Византіи, 638. По другимъ $^1/_4$ (А. Лебедевъ, 109).

[8]) Döllinger, Die Papst-Fabeln des Mittelalters, 100—101.

Уже франкскіе государи жаловались, что ихъ казна остается пустою и что ихъ богатства перешли къ епископамъ и духовенству; а къ концу VII в. цѣлая треть поземельныхъ имуществъ принадлежала церкви.

[9]) Мауреръ (о поддѣлкѣ документовъ), 218.

принять за безстыдныхъ женщинъ, нежели за иноковъ: они презираютъ черное и даже коричневое платье, а любятъ цвѣтныя; допускаютъ употребленіе мѣховъ, покрывая ихъ норическимъ сукномъ; заказываютъ весьма узкіе башмаки, и заботятся придавать имъ зеркальный блескъ, нижнее же платье доходило уже до полнаго неприличія. Соборъ запретилъ всѣ эти отступленія, и лѣтописецъ свидѣтельствуетъ, что нравы монаховъ будто-бы съ того времени улучшились [1]). Однако церковный историкъ Флери, говоря о духовныхъ орденахъ XIV стол. выражается:, „эти святыя учрежденія были тогда въ наибольшемъ упадкѣ... Прошло уже время, когда парижскіе картезіанцы, узнавъ о намѣреніи графа Неверскаго (г. 1175) завѣщать имъ серебряныя вазы, отвѣтили ему, что они лучше желали бы получить пергаментъ для своихъ переписчиковъ. „О нихъ де-Пожанъ могъ сказать: „Они бѣдны, но обладаютъ богатыми библіотеками". Зато, въ тоже время, упрекая канониковъ св. Виктора въ Парижѣ, что они не строго соблюдаютъ уставы, „одинъ латинскій эпилогъ говоритъ о волкѣ, который далъ обѣтъ монашества и когда онъ отчаялся въ возможности пріучить себя къ постной пищѣ, то сдѣлался каноникомъ" [2]). Понятно, что въ самомъ учрежденіи, вступившемъ въ связь съ міромъ, заключалась уже опасность для него. Описанія монастырскаго быта въ XV—XVI вв. въ Англіи, Франціи и Германіи вызываютъ самую жестокую сатиру, побуждаютъ устраивать конгрегаціи и союзы и вводить болѣе строгіе уставы, но многіе монастыри вступаютъ даже въ борьбу изъ-за этихъ стремленій къ улучшенію [3]). Въ Италіи монашество постоянно служило предметомъ нападокъ, а въ эпоху „возрожденія" и ко времени реформаціи тонъ этотъ усиливается. Духовное сословіе считается уже самымъ развращеннымъ и описанія современной монастырской жизни достигаютъ высшей степени фривольности [4]). Развитіе монастырскаго землевладѣнія отразилось на упадкѣ мелкой собственности и положеніи крестьянъ, которые со временемъ вызываютъ стремленіе со стороны свѣтской власти къ ограниченію ею и совершенной отмѣнѣ въ разныхъ государствахъ съ различными особенностями [5]). Съ другой стороны, появились попытки реформы монастырей въ духѣ отшельничества и пустынножительства [6]). Попытки къ ограниченіямъ и прикосновенію къ монастыр-

---

[1]) Richerus. Histor, III, 37—41.

[2]) Литтре, Этюды, 357.

[3]) Женщина-монахиня въ средніе вѣка Лины Экенштейнъ (Р. Мысль, 1900, №№ 7 и 9). Лампрехтъ, III, 101—103, 159—160.

[4]) Бурхардтъ, 377—384.

[5]) Мауреръ, 222—223; Энгельсъ, Происхожд. част. собств. и государ., 149—152.

[6]) Ранке, Рим. папы, I, 136—139

ской собственности въ Византіи въ царств. Константина Копронима (VIII в.), Никифора Фоки (X в.), Алексѣя Комнена, Исаака Ангела (XII в.), при завоеваніи Константинополя крестоносцами и т. п. вызывали негодованія въ церковной средѣ, причисленіе къ еретикамъ и открытое возмущеніе духовной власти (столкновеніе Алексѣя I съ патр. Михаиломъ Керуларіемъ [1]). И въ Византіи обличенія монашества въ роскоши и нравственномъ паденіи идутъ рядомъ съ признаніемъ непомѣрнаго развитія землевладѣнія и угнетенія, не уступающаго свѣтскимъ вельможамъ. Въ 964 г. Никифоръ Фока обратился къ монашеству съ жестокимъ указомъ, открыто называя злоупотребленія пріобрѣтеніемъ имуществъ и другихъ стяжаній, которыя ничѣмъ не отличаютъ его отъ міранъ, но еще превосходятъ ихъ суетными заботами, роскошью и дурными нравами, и взывалъ къ исправленію этого зла евангельскими поученіями и примѣрами древнихъ пустынниковъ Египта, Палестины и Александріи [2]). Такимъ путемъ шло постепенное, но постоянное закрѣпощеніе свободныхъ крестьянъ свѣтскими и духовными владѣльцами и уничтоженіе крестьянскихъ общинъ, которое уже въ XIII и XIV вв. стало очевиднымъ [3]). Но едва ли можно найти болѣе рѣзкую картину монастырскаго быта, какъ описанная Евстаоіемъ, писателемъ XII вѣка (см. выше, стр. 63).

Весьма рано стала извѣстна въ Византіи грамота, назыв. обыкновенно „вѣномъ Константиновымъ", данная будто-бы императоромъ папѣ Сильвестру, которая перешла оттуда въ Россію, и есть основаніе полагать, что она была уже представлена въ защиту имущественныхъ правъ церкви Ивану III и самыя сильныя мѣста въ защиту церков. имуществъ и суда, помѣщенныя въ Стоглавѣ (гл. 60), также заимствованы изъ нея. Впервые въ такомъ видѣ, въ печати, появилась она уже при патр. Никонѣ и онъ позаботился о внесеніи ея въ Кормчую, напеч. въ 1653 г.

Вѣно Констан. помѣщено въ соч. Ф. А. Терновскаго „Изуч. виз. ист. въ древн. Руси" (II, 134—145). Ср. ст. о немъ Н. И. Петрова „Судьба вѣна Констант. въ русской церкви" (Труды Кіев. Дух. акад. 1865, № 12, с. 471—488). Констан. вѣно входило въ составъ хронографовъ (Поповъ, II, 240); А. С. Павловъ (Виз.

---

[1]) Герцбергъ, 199, 235, 261, 276, 356; Виз. Врем. 1896, I, 132—133. Ср. Къ ист. церк. реформы въ древн. Грузіи, И. А. Джавахова (Ж. М. Н. Пр. 1904, № 2).

[2]) Герцбергъ, 639—640; ср. также указъ импер. Романа 927 г. (ib. 627—628). Царь Алексѣй Комненъ за прикосновеніе къ церковн. имуществамъ причислялся къ иконоборцамъ (Виз. Врем. 1896, I, с. 132—133).

[3]) Герцбергъ, 644--645—650, 667.

Времен. III, 18—83. Подложная дарственная грамота Константина В. папѣ Сильвестру въ греч. и слав. переводѣ). На Западѣ противъ этого подложнаго акта сильно возражали Боккачіо, Салютати, Савонарола и особенно Лавр. Валла (Бурхардтъ, по 8-му нѣмец. изд. I, 110; Корелинъ, 152, 441, 800, 987; Виллари), соединявшіе свою полемику съ нападками на нравственность духовенства (также Фойгтъ, I, 430—432). О спорахъ относительно церк. имуществъ на Западѣ въ средніе вѣка (Оп. рус. исторіогр. II, с. 111, пр. 3); о значеніи Константинова дара (В. Евр. 1898, № 8 и Ж. М. Н. Пр, № 10, с. 351).

VI.

Вслѣдствіе указанныхъ условій въ Россіи мы также видимъ громадное развитіе монастырской собственности. Не считая нисколько преувеличеннымъ извѣстіе одного иностранца, можно судить о ея обширности уже въ XVI в. Климентъ Адамъ писавшій о Россіи въ 1553 году, говоритъ, что монастырскія имѣнія въ это время составляли третью часть всего государства („Nam tertiam fundorum partem totius imperii tenent monachi“ [1]).

Подобное же соотношеніе указано нами въ Опытѣ о вліяніи Византіи (гл. VI) и теперь оно не оспаривается (А. С. Павловъ, Истор. очеркъ секуляризаціи, 23, прим.—„можетъ оказаться близкимъ къ истинѣ“); Горчаковъ (Монастыр. приказъ, 145). Въ Новгор. области $^1/_3$ земель приходилась на монастырское землевладѣніе (Архим. Сергій, Вотская пятина, Чт. въ Общ. ист. 1899, IV). Карамзинъ замѣчаетъ: „Новгородскіе святители употребляли софійскую казну въ пользу государственную; но митрополиты наши не слѣдовали сему достохвальному примѣру. Народъ жаловался на скудость, иноки богатѣли. Они занимались и торговлею, увольняемые отъ купеческихъ пошлинъ“ (V, 223; ср. VI, 10). Изъ ист. секуляриз. монастыр. вотчинъ на Руси въ XVI в. С. Рождественскаго (Ж. М. Н. Пр. 1895, № 5); Н. Серебренниковъ, Псковское церк. землевлад. въ XVI и XVII вѣкахъ (ibid. 1905, № 12); В. Сторожевъ, О монастыр. землевлад. въ Вологдѣ XVII в. (Сборникъ Ключевскаго). Ср. общія замѣчанія Бокля (II, 40, 42) и Бастіа (Sophismes Economiques).

[1]) Rerum Moscov. comment., pag. 153; также Горсей, Коллинсъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ монастыри, какъ и въ другихъ государствахъ, получали обширныя привилегіи на свои владѣнія: такъ, они и ихъ крестьяне освобождались отъ податей и пошлинъ (всѣхъ или нѣкоторыхъ); они пользовались правомъ сбора податей и пошлинъ съ другихъ, не подвѣдомственныхъ имъ лицъ; они избавлялись отъ подсудимости мѣстнымъ властямъ, свѣтскимъ и духовнымъ (впрочемъ не всѣ); монастыри получали право суда и расправы надъ людьми, живущими на ихъ земляхъ (иногда не только въ дѣлахъ гражданскихъ, но и уголовныхъ), право—призывать виновныхъ въ ихъ обидѣ во всякій срокъ, между тѣмъ какъ крестьяне ихъ могли призываться только въ опредѣленный; монастыри избавлялись отъ законной отвѣтственности за смертные случаи, происшедшіе въ ихъ селахъ. Многіе монастыри получали право держать пятна для покупки и продажи лошадей, освобождались отъ проѣздовъ черезъ ихъ села княжескихъ чиновниковъ, выдачи имъ корма, подводъ и проводниковъ, отъ пировъ, братчинъ и скомороховъ [1]). Такія льготы заставляли многихъ идти на монастырскія земли; даже люди свободнаго состоянія, „посадскіе и уѣздные", добровольно записывались закладчиками за монастырями.

VII.

Выше мы представили тотъ взглядъ на монастырскую жизнь, какой сложился у русскихъ подъ вліяніемъ идеаловъ, созданныхъ аскетическою литературою. Число монастырей и пустынь и громадное развитіе монастырскихъ имуществъ фактически подтверждаютъ, что занесенныя съ Востока правила иночества нашли себѣ благопріятную почву [2]). Но, съ другой стороны, монашество, по своей идеѣ, требовало личностей, а не массы, которая никогда не можетъ проникнуться одинаковымъ сознаніемъ той или другой идеи, какова бы она ни была. Слѣдовательно въ древней Руси, какъ и въ другихъ странахъ, въ самомъ развитіи монастырской жизни уже заключалась причина ея слабости. Кромѣ того, монашество было создано людьми отвлеченными и, по ихъ идеѣ, оно было тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ болѣе удаляло своихъ послѣдователей отъ дѣйствительной жизни; чѣмъ ближе оно стояло къ ней, тѣмъ болѣе было вѣроятности въ неосуществимости сама-

---

[1]) См. вообще Акты истор., Дополн. къ нимъ и Акты Арх. экспедиціи, въ жалованныхъ грамотахъ.

[2]) См. выше, с. 15, пр. 4; также Ист. рос. іерар. II, сххх; Прав. Соб. 1860, III, 204; Макарій IV, кн. I, 209—210; VII, 57—58. Къ концу XVI в. всѣхъ монастырей насчитывалось до 400. Населенность ихъ обыкновенно=10—50 чел., въ большихъ—70—140, въ Троицкой лаврѣ—300 и въ началѣ XVII в. до 700.

го идеала и отступленіяхъ отъ него [1]). Поэтому самое развитіе монастырской собственности, съ ея разнообразными отношеніями, должно было привести къ паденію монашества, и въ XVI вѣкѣ монастырская жизнь представляла уже результаты вліянія указанныхъ выше двухъ причинъ. Обличители того времени, съ одной стороны, показываютъ намъ, что монастыри не соотвѣтствовали своей первоначальной идеѣ, а съ другой стороны—они обыкновенно связываютъ упадокъ монашеской жизни съ владѣніемъ недвижимою собственностію.

Замѣчательно, что, до введенія въ новгородскихъ монастыряхъ общаго житія архіеп. Макаріемъ, даже въ лучшихъ монастыряхъ было только по шести или по семи чернецовъ; со введеніемъ же общежитія число ихъ тамъ увеличилось до 40 и болѣе, а гдѣ было 2 или 3, тамъ стало 12 и 15. Это объясняется словами самого лѣтописца; онъ говоритъ, что прежде „коиждо себѣ въ келіяхъ ядяху *и всякими житейскими печалми одержими бяху*“; слѣдовательно новое устройство привлекало лучшею обезпеченностію, почему показалось, что выгодно идти въ монастырь „покоя ради тѣлеснаго“.—О преобразованіи Макарія см. Полн. Собр. рус. лѣт,, VI, стр. 284,—Понятно почему на соборѣ 1503 года, лица, разсматривавшія вопросъ о монастырскихъ имуществахъ въ іерархическихъ интересахъ, говорили: „если у монастырей селъ не будетъ, то какъ честному и благородному человѣку постричься“? (Іосифъ Волоцкій).

На Стоглавомъ соборѣ было заявлено: „Теперь часто стригутся ради покоя тѣлеснаго, чтобы всегда бражничать и ѣздить по селамъ для прохлады. Черцы и черницы по міру волочатся и живутъ въ міру, не зная даже что такое монастырь. Старецъ поставитъ въ лѣсу келью или церковь срубитъ, да и идетъ по міру съ иконою просить на сооруженіе, а у царя земли и руги проситъ, а что собралъ, то пропьетъ такъ что людямъ только соблазнъ. Черцы и черницы, мужики и бабы, настроенные разными снами и видѣніями, скитаются по городамъ и дворамъ объявляютъ свои пророчества, собирая деньги подъ предлогомъ сооруженія церкви или искупленія отъ долговъ; и по рынкамъ ходятъ съ образами безчинно, такъ что иноземцы и иновѣрцы дивятся, а у православныхъ

[1]) Въ XIV в. новгород. прот. Сентъ съ такой силой проповѣдывалъ противъ монашества, что многіе оставляли монастыри и вступали въ бракъ. (Никон. лѣт., III, 135; Татищевъ, IV, 95). Стригольники и жидовствующіе также выступали противъ монастырей.—Раннее негодованіе въ Словѣ Даніила Заточника—о чернецахъ на пирахъ (ср. также поученіе Өеодосія).

возбуждаютъ подозрѣнія. Нѣкоторые иноки не могутъ сносить монастырскаго устава и наказанія и, позабывъ свои обѣты, шатаются по городамъ и селамъ, надоѣдая царю и благочестивымъ людямъ; они своимъ поведеніемъ только вводятъ въ соблазнъ и смущеніе многихъ православныхъ. Если у насъ есть въ обителяхъ напитки, то мы не можемъ воздержаться отъ пьянства; мы не хотимъ и слышать о томъ, чтобы пить только по одной, по двѣ или по три чаши, и то извѣстной мѣры; наша мѣра—напиться на повалъ, такъ чтобы и себя не помнить, до блевоты. Таковъ ужъ обычай! Въ монастыряхъ живутъ черицы и черницы вмѣстѣ, а по кельямъ въ иныхъ мѣстахъ жонки и дѣвки небрежно приходятъ, и онѣ, по сговору съ судьями, на черницахъ и на попахъ ищутъ срамоты. И ребята молодые, голоусые, живутъ по всѣмъ кельямъ невозбранно, и ѣздятъ съ чернецами по селамъ и по міру безъ всякаго зазрѣнія. Даже въ баню мужи и жены, иноки и черницы ходятъ, не стыдясь вмѣстѣ [1]). Архимандриты и игумены добиваются сановъ деньгами, лишь-бы получить власть; службы же церковной и монастыря они даже незнаютъ и покоятъ себя въ кельѣ съ гостями; да племянниковъ своихъ содержатъ въ монастырѣ и удовлетворяютъ ихъ всѣмъ монастырскимъ, а монастыри опустошаютъ и вкладчиковъ изгоняютъ, такъ что братія обѣднѣла, страдаетъ голодомъ и жаждою и томится всякими нуждами; потому что все богатство перешло къ властямъ, а они его истощили вмѣстѣ съ своими родственниками и друзьями. Между тѣмъ своимъ же крестьянамъ епископы и монастыри, въ случаѣ нужды, отдаютъ деньги и хлѣбъ не иначе, какъ въ ростъ, и отъ такой тягости села пустѣютъ“ [2]).

Далѣе соборъ обращается къ церковной жизни вообще. „Попы и причетники въ церкви бываютъ всегда пьяны, и тогда всякія неподобныя рѣчи исходятъ изъ устъ ихъ, а подъ-часъ и бьются въ церкви, а міряне, смотря на ихъ безчиніе, дѣлаютъ тоже, какъ на торжищахъ и играхъ, или на пиру и въ корчмахъ: „лаются безъ стыда всегда и всякими укоризнами неподобными, и скаредными богомерзкими рѣчами [3]).

---

[1]) Совмѣстное мытье у древнихъ грековъ и римлянъ (Плутархъ, Жизнь Марка Катона цензора). Ср. Hülmann, IV, гл. 3; Лампрехтъ II, 492—433.

[2]) Стоглавъ, по изд. Кожанчикова и Правосл. Собесѣдника.

[3]) Въ Бесѣдѣ Германа и Сергія валаамскихъ чудотворцевъ о монахахъ—клирошанахъ читаемъ: „какъ волы ревутъ другъ передъ другомъ, ногами пинаютъ, руками трясутъ и головами киваютъ, испуская гласы, подобно бѣснующимся“. (Чтен. Моск. Общ. ист. 1859, III, 15, и Лѣт. зан. Арх. ком., вып. X, 27). Подобныя же сцены въ Троицко-Сергіевской лаврѣ и т. п. (Соловьевъ, IX. 433—436).

нѣкоторые многимъ людямъ на смятеніе и на соблазнъ и погибель, скверное беззаконіе творятъ—содомскую пагубу, за что отъ множества народа и отъ иновѣрныхъ бываетъ поношеніе и укоризна вѣрѣ. На Ивановъ день и въ навечеріе Рождества Христова и Богоявленія сходятся мужи, жены, и дѣвицы на бѣсовскія пѣсни и плясанія: тогда бываетъ отрокамъ оскверненіе и дѣвамъ растлѣніе, а которые тяжутся—на полѣ бьются (на поединкахъ) и кровь проливаютъ, и въ то время волхвы и чародѣи помогаютъ имъ волхвованіемъ [1]). Просвирницы, подобно чудскимъ арбуямъ, надъ просвирами приговариваютъ—и тѣ просвиры попу даютъ. У иныхъ дѣти родятся въ сорочкахъ—и тѣ сорочки приносятъ къ попамъ и велятъ ихъ класть на престолѣ до шести недѣль; а на освященіи церкви міряне приносятъ мыло и велятъ его также попамъ держать на престолѣ шесть недѣль. Въ великій четвергъ на зарѣ солому палятъ и кличутъ мертвыхъ, а нѣкоторые неразумные попы тогда соль подъ престолъ кладутъ и держатъ ее до седьмаго четверга по великому дню, и ту соль раздаютъ на врачеваніе людямъ и скоту. Да по погостамъ и по селамъ ходятъ лживые пророки—мужики, женки, дѣвки и старыя бабы—нагіе и босые, волосы отростивъ и распустя; трясутся и убиваются, и говорятъ, что имъ являются святыя Пятница и Настасія—и заповѣдываютъ въ среду и пятницу ручной работы не дѣлать, а женщинамъ—не прясть и платья не мыть и камня не разжигать, а иные еще заповѣдываютъ богомерзкія дѣла творить".

Иванъ Грозный дополняетъ намъ эти неприглядныя черты монастырскаго быта. „У Троицы въ Сергіевѣ, пишетъ онъ, благочестіе изсякло, поэтому и монастырь оскудѣлъ, не пострижется никто и не дастъ никто ничего. А на Сторожахъ (въ Сторожевскомъ мон.) до чего дошли? уже и затворить монастырь некому, по трапезѣ трава растетъ...; не имѣемъ ли селъ, какъ и мірскіе, не слывутъ ли нивы чернеческія и озера, и пажити скоту, и дома твердо огражденные, и храмы свѣтлые? не имѣемъ ли ковчеги съ имѣніемъ, твердо хранимые, какъ и мірскіе домодержцы? не украшаемся ли золотыми одеждами, не веселимся ли свѣтлостью ризъ и не величаемся ли? обѣды и праздники мірянъ не бываютъ ли нами полны? не мы ли созываемъ мірскихъ богачей, на обѣдѣ у себя посажаемъ, чтобы имѣть большее дерзновеніе ко входу въ ихъ дома? не на бракахъ ли у нихъ мы предсѣдательствуемъ? не наша ли рука выше всѣхъ пресвитеровъ возвышается для благословенія чаши? не наше ли око всѣхъ сидящихъ разсматриваетъ? не наше ли горло на народномъ пиру разсыпаетъ многіе укоры? Хри-

[1]) Ср. указаніе Максима Грека (см. в., стр. 357).

стіане по заповѣди Спаса вводятъ насъ въ ихъ дома, то молитвы ради, то ради милостыни; мы же, своего чина не храня, посидѣвъ такъ немного съ опущенными головами, потомъ возведемъ брови и затѣмъ горло, пьемъ пока не станемъ въ смѣхъ даже дѣтямъ"... Монахи изъ бояръ пробавлялись по кельямъ съ остальными „постилами и коврижками и иными пряными составными овощами", а за монастыремъ держами дворъ, „а на немъ запасы годовые всякіе"; къ нимъ приносили „потихоньку въ келью и фряжскія вина" [1]). Монахъ, по словамъ М. Грека „часто бываетъ пьянъ, весь красный и, безчинно слоняясь, вѣщаетъ гордыя слова" [2]). Онъ говоритъ, что нѣкоторыхъ монаховъ „возмущало" не только „женское видѣніе, но и доброличнаго отрочища" [3]). На этомъ основаніи Іосифъ Волоцкій въ своей духовной грамотѣ [4]) и Стоглавый соборъ запрещали жить въ монастырѣ „голоусымъ"; соборъ же еще прибавляетъ, что въ случаѣ нужды, „немощи ради или старости", монахъ можетъ пользоваться услугою, „по имущаго браду" [5]). Иванъ Грозный, въ томъ же посланіи къ игумену, писалъ: „я видалъ, по четкамъ матерны лаютъ, что въ тѣхъ четкахъ". Монахи и монахини жили вмѣстѣ и вели соблазнительную жизнь [6]). Рядъ посланій м. Даніила на темы о монастырскихъ безпорядкахъ, отступленіяхъ и порокахъ, подтверждаетъ намъ общій упадокъ монастырской жизни [7]).

Легкость постриженія дѣлала доступнымъ вступленіе многихъ праздныхъ людей въ монастыри. Вотъ подобная картина. Въ 1669 г. возникло дѣло по челобитной братіи Бѣлоколоцкой пустыни, поданной архіеп. рязан. Иларіону, въ которой сообщалось, что черный попъ Леонидъ (Корочюнскаго мон.) приходитъ въ ихъ монастырь, беретъ у нихъ церковныя книги, ходитъ по разнымъ селамъ и мірскихъ людей въ иноческій чинъ постригаетъ безъ указа самовольствомъ. По этому поводу попъ Леонидъ былъ вытребованъ въ Переяславль Рязанскій [8]). Почти одновременно производилось слѣдствіе по такому же

---

[1]) Акты историч. I, № 204. Посланіе игумену Кирилло-Бѣлоз. мон. Козьмѣ съ братіею (372—395).

[2]) Слово Максима, яко достоитъ намъ дѣломъ исполняти наши обѣты. Соч. II, 219.

[3]) Ibid. Слово о покаяніи, 141 и д.

[4]) Опис. рукоп. Синод. библ. II, 517.

[5]) Стоглавъ, 8-й вопросъ изъ 1-хъ. О томъ же писалъ м. Даніилъ (Лѣт. зан. Арх. ком. XXI, с. 80—95). Онъ запрещаетъ постригать несовершеннолѣтнихъ.

[6]) Акты экспед. I, № 382. Наказная грам. Макарія, Прав. Соб. 1863 г., январь.

[7]) Лѣт. зан. Арх. ком. xxi. Жмакинъ, М. Даніилъ (отд. II, гл. 4).

[8]) С. Введенскій, Матер. для ист. Воронеж. еп. Воронеж. Стар., вып. V. В. 1905 и отд. от., с. 4—5).

дѣлу въ Кирилловомъ мон-рѣ. Крестьянинъ Иванъ Павловъ сказалъ: „Пошелъ—де я изъ дому сего мѣсяца ноября 24 числа (176—1667 г.) въ ночи и пришелъ на усть Шексны въ Троицкій мон. постричься, потому что тутъ у меня по условію договорено было священнику, чтобы постричь ему меня за шесть алтынъ и четыре деньги. И какъ я пришелъ къ нему священнику постригаться, а онъ у меня сталъ спрашивать отпускной памяти, а у меня отпускной памяти нѣтъ, и для того онъ меня на усть Шексны въ Троицкомъ м. и не постригъ, и я оттуда пошелъ въ Кирилловъ мон., и, не дошедъ Кириллова мон., будучи на дорогѣ въ Вогненской волости на перелѣскѣ встрѣтилъ меня старецъ, а сказался мнѣ тотъ старецъ изъ-за Бѣлоозера, изъ пустыни, а которой пустыни и какъ его зовутъ, того я не вѣдаю, потому что онъ мнѣ не сказался, а я у него не спросилъ. *И постригъ онъ меня старецъ тутъ на дорогѣ въ лѣсѣ подъ елью, и волосы рѣзалъ ножемъ, а ножницъ и книги у него не было, и грамотѣ онъ умѣетъ ли или нѣтъ, того я не вѣдаю, а рукою онъ меня не благословлялъ и за постриженіе далъ я ему тринадцать алтынъ двѣ деньги.* А платье у меня черническое примышлено задолго до сего времени, потому что постричься я давно наряжался—*ради хлѣбной скудости, что ѣсть стало нечего и сталъ я скорбенъ, а жена и дѣти постригаться меня не отпускали, и я отъ нихъ ушелъ таемъ* (тайкомъ), а дѣтей у меня осталось три сына, большой въ пятнадцать лѣтъ и нынѣ я у него, прохожаго старца, наложа на себя подъ елью черноческое платье, пришелъ въ Кирилловъ монастырь къ отцу своему старцу Пахомію“. Въ допросѣ старецъ Пахомій сказалъ: „Я де сына своего и не видалъ, какъ онъ пришелъ нынѣ въ Кирил. мон. и въ кельѣ у меня не бывалъ, а постриженъ ли онъ или нѣтъ, того я не вѣдаю, а для хлѣбной скудости постричься онъ хотѣлъ, и я ево удерживалъ (унималъ), и постригаться не велѣлъ, а велѣлъ ему съ женою и съ дѣтьми скитаться въ мірѣ, а онъ мнѣ говорилъ—если ты мнѣ въ Кирил. мон. постричися воли не дашь, и я де, уйдя въ другое мѣсто, гдѣнибудь постригусь“ [1]). Въ обществѣ существовало мнѣніе, что монаху, по раскаяніи, все можетъ быть прощено [2]). Другимъ побужденіемъ служило влеченіе къ удобствамъ монастырской жизни.

---

[1]) Рус. Стар. 1909 г. № 12, с. 617—618, сообщ. И. Суворовъ.

[2]) Въ Сборн. Спб. дух. акад. читаемъ: „Слово преп. отца Іакова мниха, иже бысть въ пустынѣ, сътвори блудъ и убійство (надъ исцѣленою имъ отъ бѣса дѣвицею); но, по раскаяніи, былъ прощенъ и снова получилъ даръ чудотворенія“ (Лѣт. занят. Арх. ком. Ш, 27).

VIII.

Монастырскія богатства и выгоды, соединенныя съ ними, пробуждали въ монашествѣ страсть къ роскоши. „Мы, читаемъ въ „Бесѣдѣ“, въ иноческомъ образѣ строимъ каменныя ограды и палаты, позлащенныя узоры съ травами многоцвѣтными, царскіе чертоги украшаемъ себѣ въ келліяхъ, и вездѣ лучше и завидное все, и покоимъ себя пьянствомъ и брашнами, *отъ труждающихся намъ, и отъ мірянъ* все лучшее имѣемъ; *лишаемъ бѣльцовъ* отъ брашна своего лучшаго; а по достоянію подобаетъ пища и питіе лучшія мірянамъ, *труждающимся на насъ*, а не намъ инокамъ, не намъ и еще скажу не намъ“ [1]). Съ злой ироніей Иванъ Грозный замѣчаетъ, что лишь только у кого изъ нихъ голова заболитъ или прыщъ сядетъ, то сейчасъ „извѣщаютъ своихъ знакомыхъ и тогда женскія руки тѣло осязаютъ и мажутъ, льготу творя, отходятъ же вздыхаючи, и больной, смотря на нихъ, сожалѣетъ до слезъ“ [2]).

Для удовлетворенія широкихъ потребностей, необходимы были постоянныя средства, а такими могли быть преимущественно недвижимыя имущества. И монастыри всѣми способами старались пріобрѣтать ихъ. Они совѣтовали „не давать имѣніе даже убогимъ сродникамъ, а отдавать на монастырь, за что, прибавляли они, святые умолятъ у Бога царствіе небесное“ [3]). Они угождали царю и властямъ для того, чтобы „выманить имѣнія монастырямъ, или богатство многое и жить въ сладострастіяхъ скверныхъ, питаясь подобно свиньямъ“ [4]). Они захватывали чужія имѣнія [5]). Максимъ говоритъ: „влекли къ суду за малую землицу и то многажды не свою“ [6]); они составляли подложные акты въ пользу монастырей [7]). Наконецъ они говорили открыто всѣмъ: „что имѣете потребное несите къ намъ, ибо все то въ руки божіи влагасте“ [8]). „А малосмысленные цари—Христу противники, замѣчаетъ ав-

[1]) Чтен. Моск. Общ. ист. 1859, III, 9; Лѣт. зан. Арх. К., XXI, 15.

[2]) Акты истор. I, № 204. Въ то время бывали случаи женитьбы монаховъ (Рус. Ист. библ., VI, №№ 51 и 77, с. 433, 606); Калугинъ, 74.

[3]) Востоковъ, Опис. Рум. муз. 243, 244. Также П. С. Р. Лѣт. IV, 238.

[4]) Сказанія Курбскаго, I, 51; 2-е изд., 40.

[5]) Опис. рукоп. Рум. муз. с. 43. Ак. экспед. I, № 227.

[6]) Сл. Бесѣда ума съ душею, т. II, 41—42. Обличенія Максима Грек. направленныя противъ монашества, относятъ ко времени до 1525 г. (Павловъ, 132).

[7]) См. в., стр. 27.

[8]) Поученіе всякому христіанину, Прав. Обозр. 1862 г., іюнь. Ересь жидовств., 180.—Домострой въ числѣ другихъ правилъ нравственнаго житія ставитъ и приношеніе даровъ въ монастыри (стр. 6, 9, 33, 106).—Въ повѣсти о Лукѣ Колоцкомъ читаемъ: „Онъ былъ простой поселянинъ, но случилось ему найти на деревѣ икону

торъ „Бесѣды“, иноковъ жалуютъ и даютъ инокамъ свои *царскіе вотчины, грады, села и волости* съ крестьянами, и отдаютъ изъ міру отъ крестіанъ своихъ, какъ отъ невѣрныхъ, завидное и *все лучшее* въ монастыри инокамъ..... и вѣрятъ ихъ *ложному* иноческому челобитью“. (см. выше, стр. 26—27 [1]).

Нерѣдко основатель монастыря служилъ въ ветхихъ крашенинныхъ ризахъ (какъ Сергій Радонежскій, Кириллъ Бѣлозерскій) а преемники его уже облачаются въ золото [2]). Но такъ какъ не всѣ изъ монаховъ могли пользоваться мірскими благами монастырской жизни, то главною заботою ихъ сдѣлалось пріобрѣтеніе „нѣкой земной славицы“, или „духовнаго сана“ [3]). М. Грекъ замѣчаетъ о такихъ: „Всякимъ образомъ стараемся взойти на санъ церковный, не только лицемѣрствуя, житіе благоговѣйное и дружбу составляя съ сущими во властяхъ и всякимъ образомъ угождая имъ и ласкаяихъ, *но многажды и дарами,* то принося имъ, то обѣщая, чтобы устроили искомое и желаемое намъ“ [4]).

Главный мотивъ его обличеній, направленныхъ противъ недостатковъ монастырской жизни, состоитъ въ представленіи контраста между удовольствіями и роскошью, какимъ предавались владѣльцы, и печальнымъ состояніемъ ихъ крестьянъ. Каждый изъ монаховъ, говоритъ Максимъ, „старается богатства ради получить нѣкоторыя земныя славицы“, а получивъ думаетъ, что „надъ закономъ владѣть поставленъ..., гордит-

---

Богородицы отъ которой начали твориться чудеса; Лука понесъ икону въ Можайскъ, въ Москву, повсюду появленіе ея сопровождалось чудесами, и Лука собралъ отъ приношеній большое богатство; разбогатѣвши, онъ построилъ себѣ на Колочѣ большой и красивый дворъ, какъ-будто какой князь, набралъ отроковъ, вкусно пилъ, ѣлъ, ѣздилъ на охоту съ ястребами, соколами и кречетами, держалъ множество псовъ и медвѣдей“. Соловьевъ, IV, пр. 318.

[1]) Курбскій свидѣтельствуетъ о составленіи ложныхъ чудесъ и явленій монахами, многими по невѣжеству, а другими изъ корыстныхъ цѣлей (предисл. къ Маргариту); также Ж. М. Н. Пр. ч. CCLVII, 225; Калугинъ, 68.

[2]) Соловьевъ, XIII, 58.

[3]) „Умершу нѣкоему игумену, говоритъ Иванъ Грозный, или иконому, многіе изъ нихъ (монаховъ) встанутъ, чтобы пріять его мѣсто (и тая сіе одинъ отъ другаго, а всѣмъ вѣдомо есть), одни мздами, неимущіе же ласками, какъ змія, ядъ хотя излити на искреннихъ своихъ. Чтожъ сіе? явно имѣнія ради“. „Иноческое житіе не игрушка: три дня въ чернецахъ, а седьмой монастырь“, замѣчаетъ онъ.

[4]) Сочин., II. Слово о покаяніи. Чтен. Моск. Общ. ист. 1859 г., III, 13. Лѣт. зан. Арх. ком. 7. Посланіе Геннадія, Прав. Соб. 1863 г., мартъ. Объ архіепископахъ новгородскихъ, Іонѣ, Геннадіѣ и Леонидѣ см. П. С. Р. лѣт. т. III, 170; IV, 234; VI, 244.

ся, беззаконствуетъ, люто гнѣвается, мучитъ, связываетъ, мзду беретъ, блудно питается, все его мудрованіе заключается въ златѣ и многомятежномъ попеченіи — какъ угодить властямъ. Языкъ его разрѣшенъ отъ священныхъ узъ молчанія, все съ яростью вѣщаетъ и съ досажденіемъ...., да и рука не безмолвствуетъ, но, высоко жезлъ воздвигни, *хребетъ мужа убогаго готова ударитъ съ яростью...;* къ тому же, погубивъ душевную доброту.., пестрыми и мягкими шелковыми тканями, золотомъ и сребромъ и добрыми бисерами старается украсить внѣшній свой образъ.... Одѣвшись въ мягкія одежды какъ нѣкій глухой аспидъ, затыкаетъ уши свои, руки же его, забывши о томъ, чтобы съ любовью простираться на милостыню къ жестоко обуреваемымъ нищетою, увы! *бичами ихъ истязуютъ* изъ-за лютаго рѣзоиманія (процентовъ), какъ неимущихъ чѣмъ отдать, или, *свободы лишивъ ихъ и рабами себѣ записавъ* или *лишивъ ихъ имущества*, съ руками тощими, изъ ихъ предѣловъ *отгоняютъ бѣдныхъ*. Властію надъ селами весьма превознесшись, онъ не склоняется къ поселянамъ, какъ своимъ членамъ, по заповѣди Господней, но какъ рабовъ купленныхъ *частыми моритъ тягостями всяческихъ трудовъ*, и если когда нибудь прегрѣшатъ, то *оковами желѣзными* озлобляетъ ноги ихъ. Съ лютою ярестью возгордившись властію, безъ страха носится онъ по пагубной пропасти, какъ жестоковыйный конь, дерзостію избывшій узды и сбросившій съ себя всадника, пока не встрѣтитъ плотоядныхъ звѣрей, которыя растерзаютъ и пожрутъ его“ [1]).

Монахи, говоритъ Максимъ Грекъ, сохраняли хлѣбъ „по вся лѣта“, на голодный годъ, руководясь „желаніемъ большаго прибытка“ [2]), а крестьяне ихъ „томились въ житейскихъ потребахъ, обильную пищу имъ уготовляя, въ скудости и нищетѣ всегда пребывали, *не имѣя даже ржаного хлѣба чистаго, много же разъ и безъ соли оставались отъ послѣдней нищеты*“; если крестьяне не могли возвратить заимодавцамъ-монахамъ долга, то послѣдніе „расхищали *оставшіяся* у нихъ отъ крайней нищеты стяжанія“ [3]). Когда же обремененные „тягостью“

---

[1]) Сочин., I, Сл. Бесѣда ума съ душею. Любопытенъ разсказъ сибир. архіеп. Нектарія о физическомъ воздѣйствіи, какому онъ подвергался отъ игумена (Пр. Нектарій, архіеп. тобольскій, В. Успенскаго, т. 1882), но онъ принималъ это съ благодушіемъ.

[2]) Ibid., стр. 44. Мильтонъ, со словъ нѣкоторыхъ путешественниковъ, говоритъ о русскихъ (собственно троицкихъ) монахахъ, что они такіе торгаши, какихъ нѣтъ на всей землѣ. См. его соч. о Россіи, въ Отеч. Зап. 1860 г., № 7, с. 112. Ср. В. Рождественскій, (см. в. стр. 375). Вклады семьи Трудцыныхъ въ Троиц. гледен. монастырь (В. Евр. 1908, № 11, 294—295).

[3]) Сочин., II, 94—131. „Не достаитъ иноку въ храбро вооруженныхъ полкехъ ѣздити съ вершники, аки воину на брань“ (Бес. Сергія и Германа, 13).

крестьяне хотѣли куда нибудь переселиться, то съ нихъ монахи требовали плату за прожитое на монастырской землѣ время, а въ крайнихъ случаяхъ и *продавали ихъ* [1]). Это свидѣтельство М. Грека получаетъ особенное значеніе, если принять во вниманіе, что монастырскіе крестьяне пользовались большими льготами, и если уже рѣшались оставлять свои мѣста раньше срока, то видно, что притѣсненія со стороны ихъ владѣльцевъ пересиливали всякое терпѣніе [2]). И нападки на лихоимство въ монашеской средѣ занимаютъ выдающееся мѣсто въ обличеніяхъ Максима Грека. Вмѣстѣ съ тѣмъ владѣльцы нерѣдко отягощали крестьянъ „безпрестанно всякими монастырскими работами, огорчая ихъ жизнь внутри и внѣ монастыря, все сдѣлавъ, кромѣ щедротъ и милости“ [3]).

Страсть къ стяжанію лицъ высшаго духовенства часто приводила къ печальнымъ результатамъ: ихъ намѣстники притѣсняли своимъ судомъ, ихъ посѣщенія были тягостью для самихъ же духовныхъ; не получивъ требуемаго подъѣзда, они налагали отлученія на свою паству; ихъ насилія заставляли искать суда у патріарха. Ихъ требованія были до того тяжки, что лѣтописцы отзывались о нихъ, какъ объ общественныхъ бѣдствіяхъ: „это все по нашимъ грѣхамъ“, говорили они. (П. С. Р. лѣт. III, 80, 228; IV, 53, 209; Карамзинъ, V, 144; посланіе Г. Скрипицы, въ Чт. Моск. Общ. ист. 1847 г., № 6, 48). Въ житіи Михаила Клопскаго читаемъ: „Бысть же нужѣ нѣкоей належащи монастырю отъ архіепископа Евфимія перваго, овогда насильствіемъ сребролюбія, овогда монастырскихъ коней отъятіемъ“, съ обличеніемъ его (Памят. стар. литер. IV, 43).

Высшая іерархія служила нерѣдко примѣромъ подобныхъ отношеній. Они, говоритъ Максимъ, хвалили Бога „красногласными пѣснями“, „шумомъ доброгласнымъ свѣтлошумныхъ колоколовъ“, „благоуханными мурами, иконами, великолѣпно украшенными златомъ и сребромъ и многоцѣнными камнями“; но средства на украшеніе храмовъ шли отъ „неправедныхъ и богомерзкихъ лихвъ и хищенія чужихъ имѣній“ [4]). Эти

[1]) Сочин., II, 131, 132.

[2]) Наприм. Акты экспед., I, № 64.

[3]) Сочин., II, 98. III, 206 и далѣе.

[4]) Рабле, Вѣстн. Евр. 1878, III, 153, 193. М. Греку, помазанному духомъ гуманизма, такъ же, какъ и Рабле, глубоко претило это колокольное увлеченіе, чуждое истинной вѣры. О фарисействѣ см. еще у Макарія, VIII, 333, 335, 339.—Русскіе далеко ушли во внѣшности отъ грековъ (Голубинскій, I, 77). Обиходъ богатаго инока XVI в. (Чт. М. Общ. ист. IV, 25—28). Монастырскія тюрьмы (18, 19). Роскошная кухня монаховъ вопреки Зин. Отенскому (Павловъ, 132, 134).

представители духовенства „свѣтло и обильно напивались во вся дни, пребывали въ смѣхѣ и пьянствѣ и всяческихъ веселіяхъ“, тѣшили себя гуслями и тимпанами, сурнами и постыдной болтовней воровъ“, а сиротъ и вдовицъ „безщадно и безмилостивно расхищали“. Тѣ дары и вклады, которые назначались на церкви, для употребленія на пользу бѣдныхъ, они брали себѣ „въ различныя наслажденія душъ, на украшеніе ризъ и свѣтлые пиры“. Они призывали на пиры богатыхъ и удовлетворяли во всемъ своихъ родственниковъ, а нищихъ и сиротъ, таявшихъ и внѣ вратъ стоявшихъ и горько плакавшихъ отъ своей скудости, прежде обидѣвши горькими лайбами (ругательствами), отгоняли, кинувъ имъ кусокъ гнилого хлѣба“ [1]).

Сознаніе высоты духовнаго сана [2]), не мѣшало лицамъ высшей духовной іерархіи искать мірскихъ благъ и спускаться до обыкновеннаго сребролюбія [3]). О другомъ лицѣ Максимъ говоритъ: „Ты же, треокаянный, кровью убогихъ нещадно напивающійся, лихвами и всякимъ дѣломъ неправеднымъ изобильно приготовляешь все тебѣ угодное, когда же пожелаешь во градѣ разъѣзжаешь на коняхъ благородныхъ со многими, одними, послѣдующими, другими же напереди воплемъ и бичемъ разгоняющими встрѣчающихся или стѣсняющихъ тебя,—угодное ли ты думаешь творить долгими молитвами и чернымъ власянымъ образомъ Христу, любящему милость болѣе жертвы и осуждающему всякаго нищененавидца“ [4])? „Такой, замѣчаетъ Максимъ, какъ нѣкій кровопійца звѣрь отъ сухихъ костей тщится сосать мозги, подобно роду псовъ и вороновъ“ [5]), и обѣими руками нещадно истощаетъ имѣнія нищихъ въ наслажденіяхъ всякихъ своего сердца. Самъ свѣтло веселясь и пренебрегая нищими, погибающими отъ голода и мороза, самъ грѣемый нарочитыми (отличными) соболями и свѣтло и пресладко по вся дни питаясь, окруженный многими рабами и слугами, предстоящими ему, какъ бы нарочно

---

[1]) Сочин. II, 174—175, 260—276.

[2]) Мѣста изъ древнихъ памятниковъ, касающіяся этого предмета, см. у Жмакина, м. Даніилъ, 299—301. М. Грекъ держался той же точки зрѣнія, когда указывалъ, что духовная власть поставляетъ царей, а меньшая отъ большаго поставляется.

[3]) См. посланіе м. Даніила къ епископу (ib. 727, 731—736, 048); Макарій, VII, 365—367. Вѣроятноužд. еп. Никандръ, участвовавшій въ судѣ надъ Максимомъ.

[4]) Сочин., II, сл. Бесѣда ума съ душею.—О богатствѣ высшаго духовенства можно судить по грамотѣ тверскаго епископа Нила къ Василію Коробову, въ которой онъ перечисляетъ вещи, отправляемыя черезъ послѣдняго въ даръ византійскому патріарху. (Продолж. Древ. Рос. Вивл. VI, 1—4).

[5]) Сочин. II, Бесѣда ума съ душею; также стр. 94—95, 104, 131—132.

противится божественному закону, повелѣвающему кормить вдовъ, сиротъ и убогихъ [1]). Князь Курбскій въ оцѣнку этихъ явленій вноситъ уже свое личное раздраженіе. „Таковъ, восклицаетъ Курбскій, въ нынѣшнемъ вѣкѣ презлой, любостяжательный и лукавства исполненный минишскій родъ! Во истину всякихъ катовъ горши: понеже къ лютости вселукавъ зѣло" [2]), приговоръ, сложившійся у него подъ вліяніемъ негодованія противъ іосифлянъ. Въ свою очередь врагъ послѣднихъ, авторъ „Бесѣды" говоритъ: „ихъ обиды (т. е. монаховъ) паче всѣхъ вопіютъ къ Богу и къ Пресвятой Богородицѣ и ко всѣмъ святымъ. И за таковой иноческій грѣхъ, и за царскую простоту попущаетъ Богъ и на праведныхъ людей свой праведный гнѣвъ" [3]). И въ безпорядкахъ монастырской жизни онъ видѣлъ признаки кончины міра.

Съ чувствомъ глубокой скорби взывалъ Максимъ о печальной дѣйствительности; „Нѣтъ ни единаго, учащаго прилежно, ни наказующаго безчинныхъ, никто не утѣшаетъ малодушныхъ, никто не заступается и не прилежитъ о немощныхъ, никто не обличаетъ противящихся слову благочестія, никто не запрещаетъ безстыдныхъ, никто не обращаетъ заблудшихъ отъ истины и честнаго житія христіанскаго, никто, соблюдая совершенное смиренномудріе, не избѣгаетъ священническихъ сановъ, ни по божественной ревности принимаетъ ихъ, чтобы беззаконнующихъ и безчинствующихъ исправить. Но противное скорѣе найдешь нынѣ: *всѣ готовы дарами великими ихъ купить, да въ отрадѣ и славѣ и всякомъ покоѣ всегда поживутъ*..., всѣ уклонились отъ спасительнаго пути евангельскихъ заповѣдей, апостольскихъ и отеческихъ преданій, и являются непотребными житіемъ, словомъ и дѣломъ, а что затѣмъ послѣдуетъ, *молчаніемъ миную, щадя негодующихъ словомъ и дерзновеніемъ ревности по истинѣ. О кто достойно восплачетъ обуявшую нынѣ родъ намъ тьму*!.. *Наши пастыри оказываются безчувственнѣе камней*, пренебрегая всѣмъ, чтобы спасти себя"... Признавая высокое значеніе духовнаго сана, М. Грекъ свидѣтельствуетъ, что его носители являются „наставниками всякаго безчинія и соблазномъ вѣрнымъ и невѣрнымъ, а равно простымъ и безчиннымъ людямъ" [4]).

---

[1]) Въ житіяхъ XV и XVI вв. обнаруживается часто недовольство крестьянъ на основателей пустынь, вызывавшее столкновенія, а иногда и убійства на почвѣ земельнаго захвата (Павловъ, 20—21; Филаретъ, апр. 33, прим.).

[2]) Сказанія Курбскаго, I, 181; изд. 2-е, 134—136.

[3]) Бесѣда Валаамскихъ чудотворц., стр. 9.

[4]) Сочин. I, 139, 140, 266.

IX.

Общественные дѣятели XVI вѣка, для устраненія монастырскихъ безпорядковъ, предлагали два средства: отнятіе у монастырей недвижимыхъ имуществъ и возстановленіе древнихъ монастырскихъ уставовъ. Между тѣмъ, владѣльцы монастырскихъ имуществъ угрожали наказаніями въ здѣшнемъ и будущемъ мірѣ тѣмъ, которые рѣшатся прикоснуться къ ихъ дареніямъ [1]). Неумѣстность обогащенія монастырей сознавалась еще въ первую пору ихъ существованія. Несторъ по этому поводу говоритъ: „Изяславъ поставилъ монастырь св. Димитрія и вывелъ Варлаама на игуменство къ св. Димитрію, желая его сотворить выше сего (Печерскаго) монастыря, надѣясь на богатство. Многіе же суть монастыри отъ царей, и отъ бояръ, и отъ богатства поставлены, но не таковы они, какъ поставленные слезами, постомъ, молитвою и бдѣньемъ“ [2]). Подобное мнѣніе далѣе становилось все болѣе общимъ. Въ XIV в. Кипріанъ писалъ: „А села и люди держать инокамъ не предано намъ святыми отцами: какъ можно тому кто отъ міра и мірьскихъ благъ отрекся, опять мірскими дѣлами обязываться, и то, что разорилъ, снова создавать, по апостолу, и творить себя преступникомъ“ [3]). И въ Сборникѣ того же вѣка, въ „поученіи, какъ подобаетъ задушье принимать и милостини творить“, довольно рѣзко замѣчается, что „кто дастъ село монастырю, на пагубу своей души дастъ, и принимающимъ нѣтъ въ томъ спасенія“ [4]).

Въ XIV же вѣкѣ уже ясно обнаружилось движеніе противъ церковныхъ имуществъ. Оно явилось прежде всего на почвѣ Новгорода и Пскова, подъ вліяніемъ ереси стригольниковъ, которая вообще

---

[1]) „Аще кто, писали они въ своихъ записяхъ, цьто хочетъ отъяти, отъ нивъ ли, отъ пожень ли, отъ ловищь, а буди ему противъ святый Спасъ и въ сей вѣкъ и въ будущій“. „А черезъ сю мою грамоту кто на комъ что возьметъ, или чѣмъ изобидитъ, быти отъ меня въ казни“, „быти въ опалѣ,“ а взятое велимъ отдати вдвое“, прибавляли князья и власти. Дополн. къ истор. акт. I, № 5. Акты экспед. I, №№ 4, 7, 21, 104, 110, 174.

[2]) П. С. Р. лѣт. I, 69.

[3]) Акты историч. № 253. Однако, тотъ же Кипріанъ, м. Фотій и др. епископы XIV—XV вв. вели постоянную борьбу за имущественныя права церкви (Павловъ, 6—7).

[4]) Рукоп. Рум. муз. Народоправст. Костомарова, II, 429. Новгородскій дьякъ Александръ, побывавъ въ Констан—лѣ съ похвалою говоритъ о монастыряхъ, живущихъ безъ земли (Макарій, V, 180). Сторонники же монастыр. владѣнія за захватъ земли угрожали болѣзнями и др. бѣдствіями. (Степен. Книга въ Опис. Румян. муз., 641).

имѣла антиіерархическое направленіе. По крайней мѣрѣ съ этого времени начался рядъ посланій русскихъ митрополитовъ въ Новгородъ и Псковъ, съ запрещеніями прикасаться къ церковнымъ имуществамъ и пастырскими угрозами[1]). Въ своихъ посланіяхъ митрополиты напоминали о религіозномъ назначеніи церковныхъ имуществъ (поминовеніе души); прикосновеніе къ нимъ называли „обидою святой церкви"; „великимъ грѣхомъ" и даже грозили за нарушеніе ихъ церковными проклятіями. И благочестивые лѣтописцы въ общественныхъ бѣдствіяхъ видѣли наказаніе божіе за прикосновеніе къ церковнымъ имуществамъ[2]). Въ новгородскихъ и псковскихъ попыткахъ, направленныхъ противъ нихъ, видно намѣреніе обратить ихъ на общественныя нужды. Въ свою очередь, когда въ 1477 году Иванъ III овладѣлъ Новгородомъ, то, отобравъ архіепископскія и монастырскія волости, отдалъ ихъ въ „помѣстье" дѣтямъ боярскимъ, „которые были пожалованы изъ холопей боярскихъ за ихъ службу"[3]). Такимъ образомъ въ этомъ случаѣ была заявлена уже государственная потребность, для которой нужно было найти безобидный исходъ; на первый разъ ограничились землями завоеванными, слѣдовательно болѣе другихъ подверженными случайности. Но такъ какъ этихъ имуществъ оказалось недостаточно, то вел. князь рѣшился взять въ вѣдѣніе государства и остальныя вотчины духовенства. Онъ предложилъ обсудить это на соборѣ, созванномъ по поводу „вдовыхъ поповъ и дьяконовъ" (1503 года). На соборѣ мнѣнія присутствовавшихъ раздѣлились: въ пользу вел. князя говорили—Паисій Ярославовъ, Нилъ Сорскій и пустынники бѣлозерскіе, какъ блюстители отшельнической жизни; противъ нихъ возражали Іосифъ Волоцкій и его сторонники.

Нилу Сорскому приписываютъ статью: „О инокахъ, кружающихъ стяжанія ради". Опис. р. Рум. муз. 628. Царскаго, № 274. Архангельскій, Нилъ Сорскій, 53. Іосифъ Волоцкій, въ свою очередь написалъ большой трактатъ въ защиту монастырскаго землевладѣнія и неприкосновенности имуществъ, въ опроверженіе „многихъ глаголющихъ, яко несть грѣха еже что отъ монастыря взяти; того ради нѣцін *отъ вельможъ* зѣло не любяху мя, и глаголаху, съ собой ли онъ принесъ, монастырскаго не дасть, оскудитъ ли тѣмъ монастырь". Такихъ онъ называетъ „помраченными лихоимствомъ"

[1]) Посланія Кипріана въ Новгородъ и Псковъ. Акты ист. I, №№ 7, 9. Послан. митр. Ѳеодосія въ Новгор. и Псковъ. № 77, и митр. Филиппа I, въ Новгородъ, № 82.

[2]) П. С. Р. лѣт., IV, 238.

[3]) П. С. Р. лѣт. III, 43; IV, 271. Татищевъ, V, с. 13, 81.

и т. д. (Малининъ, Старецъ Филоѳей, прилож. 0128—0144). Такой же взглядъ на нихъ высказываетъ м. Даніилъ (Лѣт. зап. Арх. ком., XXI, 36—38; Жмакинъ гл. 3-я). Къ этому времени относится еще обширное слово въ защиту монастыр. и церковн. имуществъ, одними (Горскій и Невоструевъ) признаваемое за переводъ съ латинскаго языка (знаніе законовъ римской церкви, пользованіе текстами Вульгаты и употребленіе латин. словъ), а другими (Голубинскій, А. Д. Григорьевъ) за сочин., написанное по порученію архіеп. Геннадія, относящееся къ новгородской письменности и принадлежащее доминиканцу Веніамину. Авторъ слова ссылается уже на Вѣно Константина Вел., въ защиту правъ церкви, подтвержденное Людовикомъ Благоч., Карломъ Вел., Оттономъ I и Генрихомъ I римскими царями (см. Чтен. Моск. Общ. ист. 1902, II, xxx + 68 стр.; изъ Матер., собран. Андр. Н. Поповымъ).

Нилъ Сорскій съ бѣлозерскими пустынниками замѣчалъ, „чтобы у монастырей селъ не было, а жили бы черницы по пустынямъ и кормили бы себя рукодѣліемъ". Остальные члены собора держались противнаго мнѣнія, и главнымъ защитникомъ его былъ Іосифъ Волоцкій. Въ подтвержденіе своихъ словъ онъ приводилъ въ примѣръ Аѳанасія Аѳонскаго, Ѳеодосія Вел., Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ и многіе монастыри, которые владѣли селами; наконецъ онъ такъ заключилъ свою рѣчь: „Если у монастырей селъ не будетъ, какъ тогда честному и благородному человѣку постричься? если же не будетъ честныхъ старцевъ, откуда взять на митрополію, или архіепископію, или епископа и на всякія честныя власти? а если не будетъ честныхъ старцевъ и благородныхъ, то вѣрѣ будетъ поколебаніе" [1]). Его мнѣніе восторжествовало, и здѣсь началась та вражда между Іосифовскимъ и Кирилловскимъ монастырями, которая продолжалась и далѣе, какъ бы по преданію. Послѣ своихъ обсужденій, соборъ отвѣчалъ вел. князю [2]), что „святители и монастыри земли держали и нынѣ держатъ, а отдавать ихъ не смѣютъ *и не благоволятъ, такъ какъ всѣ таковыя стяжанія церковныя божія суть*", причемъ онъ ссылался на примѣръ греческой и русской церкви, на уставы Владиміра и Ярослава и на ханскіе жалованные ярлыки. Духовенство, въ лицѣ митр. Симона, отстояло свое дѣло,

---

[1]) Творенія св. отцовъ, годъ 9, кн. 3. Объ отношеніяхъ иноковъ Іосифовскаго и Кирилловскаго монастырей.

[2]) Отвѣтъ собора см. у Калачова (О Кормчей, Чт. Общ. ист. 1847, III, 41—43); дополн. И. Хрущевъ, Изслѣд. о соч. Іосифа Санина 174—176).

и вел. князь долженъ былъ отказаться отъ своей прежней мысли. Іосифъ Волоцкій и его сторонники дѣйствовали на соборѣ въ интересахъ іерархическихъ, между тѣмъ какъ Нилъ Сорскій, Паисій Ярославовъ и бѣлозерскіе пустынники защищали свое мнѣніе на религіозно-нравственномъ основаніи. Но этимъ дѣло не кончилось; послѣ нихъ вопросъ о монастырскихъ имуществахъ продолжали развивать авторы „Бесѣды" и Максимъ Грекъ.

Извѣстный своими злоключеніями митр. Спиридонъ былъ также сторонникомъ идей Нила Сорскаго. Онъ жилъ въ Ѳеропонтовомъ мон. (бл. Кирил. Бѣлозер.), а умеръ въ Соловецкомъ мон. въ 1503 г. Въ своемъ „изложеніи о православной истинной нашей вѣрѣ" онъ проситъ „посѣтителей и пастырей словесныхъ овецъ" быть милостивыми къ бѣднымъ: „да не будемъ любиміи злату хранители и сребру събиратели и ризамъ мяккымъ любиви, молцемъ (молью) едаемыми, а нищимъ мразомъ истаеваемы и гладомъ изнуряеми и жаждею растлѣваеми, колицы суть вашего претительства недужни, въ градѣхъ вашихъ лежаще, при вратехъ церковныхъ и по улицищахъ... Помянемъ убо богатаго и Лазаря... *А иже о церковныхъ имѣнихъ... нищимъ, сиротамъ, вдовамъ и плѣнникомъ свобода, а не на своя страсти*"... (Лѣт. зан. Арх. ком. III, Опис. Сбор., 25). О немъ см. разсказъ въ ж. Зосимы и Савватія Соловецк. (Прав. Соб.); Соф. Врем., II, 223; Карамзинъ, VI, 94; лѣтоп. записи (Рус. Арх. 1894, № 6, с. 163). Въ ханскихъ ярлыкахъ мысль о неприкосновенности церк. имущества выражается (очевидно со словъ самихъ митрополитовъ) даже съ большею силой и торжественностью, чѣмъ въ русскихъ княжескихъ грамотахъ того же содержанія (Павловъ, 4, прим.). Трактатъ Іосифа Волоцкаго въ защиту неприкосновенности монастыр. имуществъ (см. выше, стр. 389—390).

X.

Но, касаясь обличеній М. Грека, направленныхъ противъ язвъ монастырской жизни XVI вѣка, мы должны нѣсколько остановиться на характеристикѣ двухъ современныхъ дѣятелей, близко стоявшихъ къ его дѣятельности и имѣвшихъ большое значеніе въ его судьбѣ. Мы говоримъ о князѣ-инокѣ Вассіанѣ Патрикѣевѣ-Косомъ и митр. Даніилѣ.

По прибытіи М. Грека въ Россію, его келлія скоро стала мѣстомъ собраній, куда сходились книжные люди „спиратъся" (спорить) по дѣламъ книжнымъ и бесѣдовать объ общественныхъ нуждахъ, а нѣкоторые касались и политическихъ обстоятельствъ того времени. Въ этомъ

кружкѣ вращались: кн. Ив. Токмаковъ, Вас. Мих. Тучковъ, Ив. Дан. Сабуровъ, Юрій Тютинъ, кн. Петръ Ив. Шуйскій, Андрей Холмскій, Ив. Никитичъ Беклемишевъ-Берсень, Ѳед. Ив. Карповъ, дьякъ Жареный, Дм. Герасимовъ и др.[1]), наконецъ кн. Вассіанъ Патрикѣевъ Косой, ставшій вскорѣ самымъ близкимъ лицомъ къ М. Греку, раздѣлявшимъ его убѣжденія и его участь.

По своему происхожденію, Вассіанъ принадлежалъ къ самымъ родовитымъ людямъ: онъ былъ потомокъ Гедемина. Сынъ послѣдняго, Наримунтъ, получилъ отъ Новгорода (1333 г.) въ удѣлъ нѣсколько городовъ (Ладогу, Орѣховъ, Кексгольмъ и др.), которые послѣ него перешли къ сыну его Патрикію, вступившему на службу къ вел. кн. Василію Дмитріевичу. Юрій Патрикѣевичъ женился на дочери вел. князя Аннѣ, а Ив. Юрьев. Патрикѣевъ Голица (отсюда Голицыны) на дочери Владиміра Гр. Комнина (по лѣт. Ховрины)—Евдокіи, прадѣдъ которой Стефанъ Вас. выѣхалъ съ сыномъ Григоріемъ въ Россію послѣ взятія Кафы въ 1399 г. На берегу р. Москвы онъ пріобрѣлъ имѣніе, которое передъ кончиною отдалъ на монастырь, принявъ монашество съ именемъ Симона. Послѣдній былъ отстроенъ его сыномъ и получилъ названіе Симоновскаго (1405 г.[2]), первые монахи котораго были греки и монастырь находился сначала въ непосредственномъ вѣдѣніи патріарха. Иванъ Владиміровичъ Ховринъ (Комненъ) былъ государственнымъ казначеемъ. Онъ былъ женатъ на дочери извѣстнаго воеводы кн. Дан. Дм. Холмскаго и первый изъ русскихъ бояръ построилъ въ Москвѣ каменный домъ, считавшійся своего рода чудомъ. По прозванію *Голова*, потомки его стали называться Головиными[3]). Праправнука его (Александра Васильевна) была матерью кн. М. В. Скопина-Шуйскаго. Принимая во вниманіе происхожденіе отъ Комниныхъ, Курбскій Головиныхъ, называетъ „мужами грецкаго рода, зѣло благороднаго и богатаго“[4]). Понятно, что Патрикѣевы занимали весьма видное мѣсто при дворѣ Василія Темнаго и Ивана III. Расположеніемъ послѣдняго пользовался и Василій Иван. Патрикѣевъ, который успѣлъ прославиться на военномъ поприщѣ (1493 г.), подъ начальствомъ двоюроднаго брата, Даніила Вас. Щени (Патрикѣева). Въ 1493 г. по случаю сватовства дочери Ивана III Елены за литов. князя Александра, кн. Василій при-

[1]) Акты Археогр. экспед., I, № 172.

[2]) Соф. Времен., 1485 г.

[3]) Нѣсколько словъ о родѣ греческихъ князей Комниныхъ, М. 1854; Родосл. Головиныхъ, влад. села Спасскаго, П. Казанскаго, М. 1847.

[4]) Сказанія, стр. 94. Греками назывались Ховрины-Головины и въ современныхъ документахъ (Собр. госуд. грам. I, с. 372; Древн. Рос. Вивл., II, 431; XIII, 3).

нималъ участіе въ посольствѣ, вмѣстѣ съ Сем. Ив. Ряполовскимъ и Ѳ. В. Курицынымъ, бывшими въ родствѣ и близости съ Патрикѣевыми [1]). Въ 1496 г. онъ, въ званіи главнаго воеводы, ходилъ изъ Новгорода на Каянскую землю (въ Финляндіи), противъ шведовъ, откуда возвратился съ большой добычей и полономъ. Не долго, однако, пользовался кн. Василій своимъ положеніемъ. Въ 1499 г., Патрикѣевы, вмѣстѣ съ другими сторонниками правъ вел. кн. Димитрія Ив. и противниками Софіи Ѳом., подверглись преслѣдованію. Сем. Ив. Ряполовскій былъ казненъ, а Патрикѣевы также приговорены къ смерти, но, благодаря заступничеству митр. Симона и епископовъ, избѣгли казни: отецъ былъ пострижен въ Троицкомъ мон., а сынъ, съ именемъ Вассіана, заточенъ въ Бѣлозерскомъ мон. Обстоятельство это послужило причиною переворота въ жизни послѣдняго и отразилось на его мнѣніяхъ.

XI.

Бѣлозерскій монастырь славился своими книжными сокровищами. Кириллъ Бѣлозерскій и его преемникъ игуменъ Кассіанъ заботились о пополненіи монастырской библіотеки. Въ немъ были опытные писцы и школа для дѣтей. Нѣкоторыя книги списывались въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Такъ, здѣсь находились: Сборникъ Святослава въ нѣск. спискахъ (XIII—XV вв.), Христіан. Топографія Козьмы Индикоплова, Хронографъ Георгія Амартола (5 экз.), русскіе хронографы разнаго состава, русскія лѣтописи (11 экз.), а позже и лучшій списокъ соч. Курбскаго, памятники законодательства русскаго (очень хорошіе списки Судебника Ивана IV), и византійскаго, Тактиконъ, Номоканонъ съ дополнительными русскими статьями, житія, литературныя произведенія, рядъ произведеній апокрифическаго содержанія, многочисленные сборники (числомъ до 70), важные по весьма разнообразному содержанію отъ лѣтописнаго до естественно-историческаго, своего рода энциклопедіи [2]). Въ противоположность внѣшнему пониманію христіанскаго ученія, Кириллъ Бѣлозерскій говорилъ своимъ ученикамъ: „воистину скажу вамъ: ничто не избавитъ насъ на страшномъ судѣ отъ мученія, но только *добрыя дѣла*“ [3]). Іосифъ Волоцкій свидѣтельствовалъ о строгости устава Кириллова мон. среди упадка монастырскихъ нравовъ [4]). Здѣсь положилъ

---

[1]) О немъ: Дьякъ Ѳед. Курицынъ, Ѳ. Ильинскаго (Рус. Арх. 1905, I, 5—16; П. С. Р. лѣт., тт. VI и VIII, и Разрядная книга; Н. П. Лихачевъ, Разрядные дьяки.

[2]) Опытъ рус. исторіогр. II, 896—898.

[3]) Изв. Ак. Н., 1897, I, 77.

[4]) Сказан. о св. отцахъ (Чтен. въ Общ. ист. годъ 2-й, № 7-й); Шевыревъ, Поѣздка въ Кирил. Бѣлоз. мон., М. 1850; Н. Никольскій, Кир. Бѣлоз. мон. и его устройство, т. I, в. 1-й Спб. 1897; в. 2-й, 1910; Строевъ, Словарь (см. по указателю).

начало своимъ подвигамъ Нилъ Сорскій (изъ рода Майковыхъ), представитель созерцательнаго направленія и отшельническаго житія, окончательный укладъ котораго сложился у него уже подъ вліяніемъ путешествія на Востокъ, на Аѳонскую гору и глубокаго изученія святоотеческой литературы. Результатомъ его путешествія по Востоку и знакомства съ аскетическою литературой и было „Преданіе ученикамъ о скитской жизни“. Онъ раздѣляетъ монашескую жизнь на три разряда: къ первому принадлежитъ общежительство, ко второму скитская жизнь, когда два или три отшельника живутъ вмѣстѣ, имѣя все общее и повинуясь другъ другу; третій разрядъ—уединенное отшельничество, доступное только совершеннымъ натурамъ. Наиболѣе желательнымъ Нилъ считаетъ второй путь, называемый царскимъ; онъ даже порицаетъ современныхъ отшельниковъ, которые предпочитаютъ жить каждый особо и руководствоваться во всемъ собственною волею. Въ защиту своей мысли онъ приводитъ общій голосъ древнихъ подвижниковъ и примѣръ константинопольскихъ и аѳонскихъ скитовъ. Уединенное отшельничество, по его признанію, ведетъ къ высокоумію. Одинъ идти въ пустыню можетъ только тотъ, кто долгою подвижническою жизнію очистился отъ всѣхъ страстей, такъ какъ одна пустыня не можетъ освободить отъ нихъ, а еще болѣе разовьетъ эти послѣднія. Тутъ легко впасть въ сонъ, лѣность и отчаяніе. По совершенному человѣку пустыня служитъ входомъ къ свѣтлому лицезрѣнію Бога и таинственнымъ видѣніямъ [1]). Въ 15-ти верстахъ отъ Кириллова мон., на р. Соркѣ, онъ основалъ свой скитъ изъ 12 челов. братіи. Существенной чертой его устава было—отказъ отъ монастырской собственности, въ противоположность уставу Іосифа Волоцкаго, признававшаго, что монастыри не могутъ удовлетворять своему назначенію безъ этого условія, въ число обязанностей которыхъ входило приготовленіе лицъ на высшія іерархическія мѣста. Отдавая предпочтеніе внутренней молитвѣ

---

[1]) Преданіе Нила Сорскаго издавалось нѣсколько разъ, лучшее изд. Общ. люб. древн. письм., подъ редакц. М. С. Боровковой-Майковой (Преданіе и уставъ Нила Сорскаго, съ предисл. № CLXXXIX, Спб. 1913, XXXIX+91+XXXI); Преп. Нилъ Сорскій, первонач. скитскаго житія въ Россіи, Спб. 1864 г.; А. С. Архангельскій, Пр. Нилъ Сорскій, Спб. 1882; Гр. Левицкій (Журн. Сов. Спб. дух. акад. 1889—90 уч. годъ, Спб. 1895, с. 287—345); П—овъ, Изъ ист. рус. монашества въ XVI в. (о Нилѣ Сорскомъ, его уставѣ и сочиненіяхъ), Чт. въ Общ. любит. духов. просв. 1872, №№ 9, 11 и 12, стр. 138—149, 349—357); Б. Г. Гречевъ, Преп. Нилъ Сорскій и заволжскіе старцы-публицисты (Богослов. Вѣстн., 1907, №№ 7—8; 1908, № 5, с. 57—82; № 9, с. 49—66; 1908, № 11, с. 327—343; 1909, № 5, с. 45—56). О вліяніи визант. ученій на Нила Сорскаго (Виз. Врем. 1895, III, 192—195); Опис. греч. рукоп. монаст. св. Екатерины на Синаѣ, архим. Порфирія, изд. Ак. Наукъ, Спб. 1911.

передъ внѣшней, Нилъ Сорскій критически относился и къ многочисленнымъ религіознымъ сказаніямъ: ему принадлежитъ два обширныхъ сборника житій, въ составленіи которыхъ обнаруживается способность самостоятельно пользоваться источниками [1]). Въ практической дѣятельности своей (на соборѣ 1503 г.) онъ обнаруживалъ ту же послѣдовательность, будучи противникомъ внѣшняго преслѣдованія еретиковъ, монастырскихъ имуществъ и лишенія вдовыхъ поповъ права служенія, вслѣдствіе монашескаго пуризма, свойственнаго современнымъ представителямъ іерархіи. На почвѣ этихъ отношеній и пришлось столкнуться его послѣдователямъ съ противоположнымъ, болѣе сильнымъ вліяніемъ,—Іосифа Волоцкаго и его учениковъ.

XII.

Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, владѣвшій прекрасной библіотекой, естественно привлекалъ любителей чтенія своими книжными сокровищами; а чтеніе возбуждало мысль и вызывало нерѣдко на сомнѣнія. Кромѣ множества сборниковъ разнообразнаго содержанія, здѣсь было не мало и такихъ, въ которыхъ находились произведенія апокрифической литературы [2]). Курбскій свидѣтельствуетъ, что между кирилловскими монахами вообще было распространено свободомысліе [3]). Самое отношеніе Нила Сорскаго къ такимъ вопросамъ, какъ право владѣнія монастырями недвижимою собственностію и преслѣдованіе еретиковъ, открывало болѣе широкое поприще оппозиціонно настроенной мысли. Вскорѣ на этомъ поприщѣ завязалась ожесточенная борьба, сопровождавшаяся взаимными преслѣдованіями, въ которой, по праву сильнаго, взяли верхъ іосифляне [4]) и въ которой вскорѣ затѣмъ при-

---

[1]) Изв. Ак. Н., 1897, I, 78—80.

[2]) Прав. Обозр. 1862, № 6, О новгород. ерет. 187, прим.

[3]) Опис. рукоп. Рум муз., 243.

[4]) Объ отношеніи Кирил. и Іосиф. монастырей (Приб. къ Твор. св. отцевъ, годъ IX, кн. 3). Объ отнош. Кирил. Бѣлоз. мон. къ идеямъ Нила Сорскаго (Гречевъ, Богослов. Вѣстн. 1908. № 5, сс. 62—66); Н. Никольскій, Кирил. Бѣлозер. мон. xxxvii—xlvi; его же, Матер. для ист. древне-рус. духов. письм., 17 и д.; его же, Общин. и келейн. жизнь въ Кирил. Бѣлоз. мон. (Христ. Чтен., 1907, № 8). Въ сборникахъ Кирил. мон. помѣщены статьи противъ монастыр. землевладѣнія (Лѣт. зап. Арх. ком. Ш, 21, 25). Въ одномъ изъ сборниковъ находится статья, съ указаніемъ на греческіе источники, о нестяжаніи, и разсказывается о борьбѣ іосифлянъ съ послѣдователями Нила Сор., принадлежащая старцу Герману Подольному (Никольскій, Кирил. Бѣлоз. мон. и Ж. М. Н. Пр., 1900, № 4, стр. 661—663). Однако, Кирилл. Бѣлоз. мон. уже въ пол. XV в. высказался въ пользу ограниченія правъ перехода крестьянъ (Акты экспед. I, № 48).

нилось видную роль занять послѣдователю ученія Нила Сорскаго († 1508)—Вассіану. Здѣсь въ Кирилловомъ мон. жилъ впослѣдствіи Артемій и сюда же бѣжалъ Ѳеодосій Косой, также постриженникъ Кириллова монастыря.

Дружественныя отношенія съ Ѳед. Курицынымъ, посольскія обязанности, заставлявшія Вассіана соприкасаться съ иностранцами и современное умственное движеніе—должны были оказать вліяніе на мнѣнія послѣдняго. Его прежняя политическая дѣятельность и послѣдовавшія затѣмъ неудачи могли развить въ немъ рѣзкость сужденій и непримиримую антипатію къ противникамъ, подкрѣпленную въ его новомъ положеніи—на Бѣлоозерѣ. Если даже считать преувеличеннымъ утвержденіе кн. Курбскаго, что Вассіанъ „такъ жестоко и свято житіе препровождалъ, что уподобился великому и славному древнему Антонію“ [1]), то едва ли нельзя поставить въ заслугу ему, что уже при Василіѣ Ивановичѣ, противъ правъ котораго дѣйствовала раньше его партія, онъ успѣлъ привлечь къ себѣ вниманіе вел. князя и стать для него незамѣнимымъ собесѣдникомъ. Не мало лѣтъ, проведенныхъ вдали отъ свѣта, среди книжной братіи, вѣроятно, не прошли безслѣдно для него, и онъ вскорѣ уже могъ свободно разбираться въ произведеніяхъ церковной литературы, въ интересахъ своей полемики [2]). Нила же Сорскаго онъ называетъ своимъ старцемъ“ [3]), т. е. наставникомъ и въ основаніе полемики полагаетъ мысли, высказанныя въ его „уставѣ“. Вассіанъ писалъ довольно логически, языкомъ правильнымъ и книжнымъ [4]), качества не маловажныя въ то время. Еще въ концѣ 1503 и нач. 1504 г. Вассіанъ прибылъ въ Москву [5]), въ числѣ другихъ бѣлозерскихъ пустынниковъ, для поддержанія желанія вел. князя рѣшить вопросъ о церковныхъ имуществахъ на соборѣ, созванномъ подъ предлогомъ („паче же рещи“) сужденія о вдовыхъ попахъ, держащихъ наложницъ [6]); но едвали тогда онъ остался уже на житье въ Москвѣ [7]).

---

[1]) Сказанія, с. 4—5.

[2]) Въ своихъ статьяхъ Вассіанъ дѣлаетъ много выписокъ изъ свящ. писанія и отцовъ церкви.

[3]) Вассіанъ имѣлъ свою пустыню на Бѣлоозерѣ (Макарій, VI, 126, прим. 172).

[4]) А. С. Павловъ, Полемич. сочин. инока кн. Вассіана Патрикѣева (Прав. Соб. 1863, III, стр. 96). Правда м. Макарій иначе отзывается о сочин. Вассіана (VII, 258), слѣдуя впрочемъ буквально Невоструеву (рец. на соч. Хрущова, с. 62—63.

[5]) Вел. княг. Софія умерла въ томъ же году.

[6]) Прав. Соб. 1863, III, 206; Прибавл. къ Твор. св. отцовъ, X, 505; Хрущовъ, Изслѣд. о соч. Іосифа Волоцк. (171—175); посланіе Нила Сорскаго къ Вассіану Патрикѣеву (Богослов. Вѣстн, 1908, № 5, с. 69). Нерасположеніе къ вдовымъ попамъ рѣзко выразилось уже при Иванѣ III.

[7]) Древн. и Нов. Россія, 1875, I, 270, ст. И. П. Хрущова о немъ.

На соборѣ, какъ извѣстно восторжествовали мнѣнія Іосифа Волоцкаго по всѣмъ пунктамъ, не исключая и права казни еретиковъ; поэтому возвращеніе Вассіана въ Москву могло произойти и позже, чему содѣйствовало, вѣроятно, покровительство вел. княг. Соломоніи, изъ рода Сабуровыхъ, родственныхъ Патрикѣевымъ [1]), быть можетъ по смерти его наставника Нила Сорскаго († 1508), однако при жизни еще его, противника—Іосифа Волоцкаго († 1515 [2]). Пользуясь близостью ко двору, Вассіанъ могъ выступить съ большею рѣшительностью противъ Іосифа Волоц., о чемъ свидѣтельствуютъ дошедшія до насъ три его слова на Іосифа, писанныя еще при жизни послѣдняго, основанныя главнымъ образомъ на Пандектахъ Никона Черногорца [3]). Мало доступный, вел. кн. Василій Ивановичъ, успѣлъ, однако, оцѣнить Вассіана и позабыть выступленіе фамиліи Патрикѣевыхъ противъ его правъ. Такимъ образомъ по поводу распри между Іосифомъ и Серапіономъ (бывш. новгор. архіеп.), служившей предметомъ разбирательства на соборѣ 1509 г., жалобу Іосифа на Ниловыхъ пустынниковъ вел. князь передалъ на разсмотрѣніе Вассіана. „Я, говорилъ вел. князь, не находилъ еще такого собесѣдника, какъ ты для меня, ты подпора моей державѣ, умягченіе сердца, утоленіе гнѣва, веселіе моей бесѣды, обогащеніе души, вѣтеръ, разсѣевающій мои скорби, наставникъ нелицемѣрный любви и братолюбія“ [4]) Понятно, что вел. князь постарался обставить и жизнь Вассіана болѣе удобно. Невольный постриженникъ при дворѣ, не могъ не подчиниться требованіямъ жизни или приличія. А между тѣмъ впослѣдствіи, Зиновій Отенскій, хотя и ученикъ М. Грека, но защищавшій взглядъ собора 1504 г., столь рѣзко выраженный въ посланіи м. Симона вел. князю [5]), обвиняетъ его въ томъ, что онъ ѣлъ лучшія блюда, пилъ рѣдкія вина (романею [6]), бастръ [7]),

---

[1]) Хрущовъ, О соч. Іосифа, 248; Др. и Нов. Рос., 272.

[2]) „Какъ не стало, говорится въ современномъ сказаніи, старца Нила, тогда ученикъ его, кн. Вассіанъ Косой началъ сильно поборать за него, чтобы у монастырей не было селъ, а къ нему присоединились и др. старцы, а также святогорцы“ (М. Грекъ, Савва и др.). Объ отнош. иноковъ Іосиф. и Кирил. мон. (Прибавл. къ Твор. св. отцевъ). А. С. Павловъ также относитъ его появленіе къ болѣе позднему времени (65).

[3]) Прав. Соб. 1863. III, 95—112, 180—210, съ предисл. А. С. Павлова. Послѣдній полагаетъ, что Вассіанъ написалъ цѣлую книгу, болѣе чѣмъ изъ 10 словъ; но м. Макарій считаетъ это мнѣніе простымъ недоразумѣніемъ (VII, 258; ср. рец. Невоструева на соч. Хрущова, Спб. 1870, с. 60—63).

[4]) Чт. въ Общ. ист. 1847, № 8, с. 2.

[5]) Карамзинъ, VI, прим. 622, полнѣе у Калачова, О Кормчей, прим. 15 (Чт. въ общ. ист. 1847. III, 41—43), Дополнен. (Макарій, VI, 130—131).

[6]) Бургонское вино.

[7]) Канарское вино.

мушкатель, рейнское бѣлое, доставлявшіяся отъ княжескаго стола) и пользовался разными удобствами и, въ противоположность этому, даетъ изображеніе печальной и бѣдственной жизни обвиняемаго имъ землевладѣльческаго монашества [1]). Уже во время переводной дѣятельности М. Грека Вассіанъ является полнымъ распорядителемъ въ этомъ дѣлѣ. Впослѣдствіи на судѣ одинъ изъ сотрудниковъ М. Грека, Медоварцевъ выражался о Вассіанѣ такъ: „блюлся (опасался), господине, преслушать кн. Вассіана старца, потому что *онъ былъ великой временной человѣкъ*, у вел. князя ближній и я такъ государя не блюлся, какъ его я блюлся и слушалъ“ [2]). И въ 1523 г. передъ казанскимъ походомъ, у духовной записи вел. князя, вмѣстѣ съ духовникомъ послѣдняго, сидѣлъ старецъ Вассіанъ, князь Ивановъ [3]). По всему видно, что это былъ человѣкъ властный и умѣвшій пользоваться своимъ вліяніемъ, а потому и не стѣснявшійся въ своихъ дѣйствіяхъ.

XIII.

Мы знаемъ, что на соборѣ по поводу преній объ отнятіи монастырскихъ имуществъ, образовалось два враждебныхъ теченія, представителями которыхъ являются Нилъ Сорскій и Іосифъ Волоцкій. Если первый изъ нихъ стоялъ исключительно на идеалистической точкѣ зрѣнія [4]), то второй всецѣло руководствовался практическими соображеніями, свойственными этому основателю богатаго и вліятельнаго монастыря [5]). Но защита его не имѣла строго эгоистическихъ побужденій, такъ какъ онъ преслѣдовалъ и болѣе широкія цѣли; тѣмъ не менѣе борьба его съ противниками приняла крайне ожесточенный характеръ. За отсутстві-

---

[1]) Истины показанія, 899—90. Тутъ же намеки на М. Грека, пользовавшагося также пищей отъ вел. князя, теплой и мягкой одеждой и державшаго въ кошелькѣ по 1000 серебр. монетъ и больше“. Замѣчанія на эти обвиненія А. С. Павлова. (Очеркъ секуляриз. монастыр. имущ., 129—133). Деньги, бывшія у М. Грека,—милостыня, собранная имъ въ надеждѣ возвращенія на Аѳонъ (133); ср. замѣч. Ѳ. Калугина (Зиновій Отенскій, 235—240) и пр. Филарета (Ист. рус. церк., III, 232). Сочувственный отзывъ протестамъ Нила Сорскаго и Вассіана также въ ст. П—ва—Пономарева (Чт. въ Общ. любит. дух. просв. 1873, № 5, с. 618—626). И современные книжники признавали, что „Вассіанъ *добрѣ писа*, будто мон—ри, заповѣди преступающе нестяжанія, имѣютъ села“. (Истины показ. 890).

[2]) Чт. въ Общ. ист. 1847, № 7.

[3]) Продолж. Древ. Рос. Вивл., V, № 164, стр. 143; Собр. Госуд. грамотъ I, № 150.

[4]) О значеніи мистическихъ ученій см. в., с. 211; Лампрехтъ, II, 496—500; III, 105—106.

[5]) Политическая сторона этого вопроса выяснена А. С. Павловымъ (Очеркъ, 83—87).

семъ училищъ, Іосифъ разсматривалъ монастырь, какъ высшую школу для приготовленія сановниковъ церкви [1]). Въ своей же полемикѣ, онъ приписываетъ князю Вассіану даже иниціативу въ означенномъ дѣлѣ, возобновленномъ при Василіѣ Ивановичѣ. „Вассіанъ пустынникъ, говоритъ онъ, для того пришелъ на Москву, чтобы научить вел. князя и благородныхъ людей—села отнять у монастырей". И самъ Вассіанъ на это замѣчаетъ: „Въ этомъ, Іосифъ, ты не лжешь, что я велю князю села отнимать у монастырей. А я пишу и говорю правду". Борьба мнѣній по вопросамъ, бывшимъ предметомъ сужденія на соборѣ, привела обѣ партіи къ жестокому антагонизму въ жизни. Іосифъ завѣщалъ своимъ ученикамъ, чтобы они не имѣли никакихъ сношеній съ учениками Нила и Вассіана, чтобы избѣгали съ ними дружбы и совѣтовъ, и даже запрещалъ сожительство съ ними [2]). Противная сторона держала себя также. Хотя Вассіанъ и упрекалъ за это Іосифа, но самъ же онъ на соборѣ говорилъ митр. Даніилу: „старцы Іосифова мон. у меня и въ кельи не бывали; я ихъ къ себѣ не пускаю и дѣла мнѣ до нихъ нѣтъ" [3]). Будучи безусловнымъ противникомъ Іосифа въ мнѣніяхъ по церковнымъ вопросамъ, возбужденнымъ въ то время, Вассіанъ написалъ отдѣльное „слово на Іосифа", въ которомъ въ діалогической формѣ (лица: Вассіанъ и Іосифъ) дѣлаетъ возраженія на всѣ эти мнѣнія. Здѣсь онъ опровергаетъ необходимость казни еретиковъ, запрещеніе служить вдовымъ попамъ, порицаетъ обыкновеніе украшать церкви и особенно касается вопроса о монастырскихъ имуществахъ. Еще при жизни Іосифа, ученики его—почитали его какъ святаго. Вассіанъ сильно напалъ за это на Іосифа, тѣсно связывая самое почитаніе съ его мнѣніями. „А ты, Іосифъ, писалъ онъ, называешь себя святымъ и чудотворцемъ и будто-бы получилъ даръ пророчества, и ученики твои о тебѣ то же проповѣдываютъ; нѣтъ, ты преступникъ заповѣдей божіихъ. О такихъ чудесахъ и ложныхъ знаменіяхъ въ 43-мъ словѣ книги Никона (Черногорца) написано: „это бѣсовскія чудеса и знаменія... и намъ не слѣдуетъ въ нихъ вѣрить" [4]).

Общій мотивъ обличеній Вассіана Косого, направленныхъ противъ монастырской жизни, тотъ же, что и у М. Грека. Это представленіе контраста между удовольствіями и роскошью, какимъ пре-

---

[1]) Объ отнош. иноковъ Іосиф. и Кириллов. мон—рей въ Твор. св. отц., годъ IX, кн. 3. Трактатъ Іосифа Волоцкаго въ защиту монастыр. имуществъ. (см. в., с. 389).

[2]) Полемич. сочин. Вассіана, Прав. Соб. 1863, окт. 207, 209.

[3]) Чт. Моск. Общ. ист. 1847, № 9, стр. 10.

[4]) На Іосифа, игумена Волоцкаго, Прав. Соб., 1863, окт. 200—210.

давались монахи, и бѣдственнымъ состояніемъ ихъ крестьянъ, забытыхъ своими владѣльцами: „Мы, побѣжденные сребролюбіемъ и алчностью, различными способами оскорбляемъ убогихъ братій нашихъ, живущихъ въ нашихъ селахъ, налагая на нихъ лесть на лесть и лихву на лихву и нигдѣ не обнаруживая даже милости, такъ что, если кто изъ нихъ не можетъ отдать лихвы (процента), то мы безъ сожалѣнія лишаемъ ихъ послѣдняго имущества: отнимаемъ у нихъ корову и лошадку, а самихъ ихъ съ женами и дѣтьми, какъ будто-бы поганыхъ, изгоняемъ далеко отъ своихъ предѣловъ; другихъ же еще предаемъ въ руки княжеской власти, и такимъ образомъ доводимъ до конечнаго истребленія. Намъ повелѣно для усовершенствованія въ добродѣтели и свое раздавать нищимъ, а мы, какъ будто ополчаясь противъ заповѣдей, обижаемъ, грабимъ и продаемъ крестьянъ, братій нашихъ, и безъ милости истязуемъ ихъ бичемъ, бросаясь на нихъ, какъ дикіе звѣри бросаются на тѣла [1]). Какая польза тѣмъ благочестивымъ князьямъ, которые принесли свои имѣнія Богу (т. е. пожертвовали въ монастырь), когда вы неправедно и съ лихоиманіемъ управляете ими. Сами вы богатѣете и питаетесь безмѣрно и сверхъ иноческой потребы, а братія наша, работающіе вамъ на селахъ крестьяне, живутъ въ крайней нищетѣ, и если не удовлетворятъ вашей прихоти или не въ состояніи отдать вамъ лихвъ—тогда, увы! бываютъ изгнаны изъ селъ вашихъ нагіе и избитые... Вы, по своему безумію и самолюбію и по неблагодарности къ тѣмъ князьямъ (т. е. вкладчикамъ), весь годовой доходъ берете себѣ и одну часть обращаете въ деньги, чтобы отдать въ ростъ, а другую—сохраняете до той поры, когда наступитъ скудость, чтобы продать по высшей цѣнѣ“ [2]).

Представители духовенства, по его словамъ, нисколько не уступали низшей братіи. „Нынѣшніе святители, говоритъ Вассіанъ, владѣющіе столькими имѣніями и богатствами, заботятся только о безчисленномъ разнообразіи одеждъ и пищи, и не имѣютъ никакого попеченія о своихъ братьяхъ—крестьянахъ, погибающихъ отъ холода и голода... Ибо кто въ состояніи передать роскошь и украшенія нынѣшнихъ архіереевъ?.. И сколько предъ ними стоитъ богато-убранныхъ слугъ, готовыхъ на всякое мановеніе владыкъ своихъ? Сверхъ того,

---

[1]) Полемич. сочин. Вессіана, Прав. Соб. 1863, сентябрь, 109, 110).

[2]) Полемич. сочин. Вессіана, ibid., окт. с. 184, 188).

Контрастъ жизни самого Вассіана въ укоризнѣ Зиновія Отенскаго не оправдывается на дѣлѣ (см. выше, стр. 398, пр. 1).

эти святители завели еще у себя „множество батогоносныхъ“, которые бьютъ, мучатъ и различнымъ образомъ оскорбляютъ священниковъ и и міряпъ, ищущихъ суда у своихъ владыкъ. Будучи блюстителемъ церковнаго нестяженія, Вассіанъ, слѣдуя въ этомъ случаѣ своему наставнику Нилу, не допускаетъ даже никакого украшенія въ церквахъ. Онъ говоритъ, что не слѣдуетъ церквей и иконъ украшать золотомъ и серебромъ, не слѣдуетъ имѣть въ церквахъ золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ; лучше раздать богатство нищимъ и убогимъ, нежели украшать церкви. „Церковное украшеніе, прибавляетъ онъ, пропадаетъ отъ огня и расхищается варварами и ворами, а то, что дается нищимъ, и дьяволъ не может украсть“ [1]).

Впрочемъ, Вассіанъ не безусловно отрицалъ законность церковной недвижимой собственности. Онъ желалъ возстановленія первоначальнаго ея назначенія. „А соборнымъ и мірскимъ церквамъ, говоритъ онъ, церковныя правила повелѣваютъ держать земли, но только не должны владѣть ими ни епископъ, ни попы. Все церковное богатство долженъ вѣдать экономъ и выдавать изъ него, съ разрѣшенія епископа и священнаго собора, всему церковному клиру на что потребно, а также отсюда слѣдуетъ помогать нищимъ и убогимъ и на выкупъ плѣнныхъ. Съ этой цѣлью христолюбцы и приносятъ соборнымъ церквамъ свои имѣнія и богатства. А инокамъ не слѣдуетъ обогащаться и земли держать, потому что они отреклись отъ всего, и это имъ чуждо“ [2]).

Конечно мысли Вассіана не могли нравиться духовной іерархіи. Защитники іерархическихъ интересовъ, какъ Іосифъ Волоцкій, видѣли въ нихъ только дерзость, которая могла привести къ запустѣнію церквей и монастырей. Даже смерть одного изъ противниковъ не примирила спорящихъ, обоюдно ссылающихся на завѣтъ христіанской любви. Въ заключеніе своей полемики, Вассіанъ говоритъ: „Охъ, что будетъ тебѣ, Іосифе, предъ Христомъ въ день судный и съ твоими учениками. Ты не потребовалъ у насъ даже прощенія, оскорбляя и смущая насъ въ божіихъ заповѣдяхъ, и самъ насъ не простилъ, отходя на путь вѣчный. Каждому по дѣламъ его“! [3]). Въ рукописи, заключающей въ себѣ полемическія сочиненія Вассіана, вслѣдъ за ними идутъ длинныя выписки изъ Никона Черногорца, собранныя въ подтвержденіе его доводовъ.

---

[1]) Полемич. соч. Вассіана, Прав. Соб. 1863, окт., с. 192—196, 209.

[2]) Ibid., стр. 207. Вассіанъ обзываетъ Іосифа отступникомъ, учителемъ беззаконія, лжепророкомъ и даже антихристомъ.

[3]) Ibid., сс. 182, 188, 197, 274.

XIV.

Но этимъ не ограничилась борьба Вассіана съ іосифлянами. Онъ рѣшился поставить этотъ вопросъ на болѣе прочную почву — каноническую. Теперь для него настали болѣе благопріятныя времена. Съ 1511 г. во главѣ церкви стоялъ уже митр. Варлаамъ, благосклонный къ идеямъ Нила Сорскаго и къ исправленію церковныхъ книгъ и самому Вассіану, а потомъ и къ прибывшему вскорѣ съ Аѳона Максиму Греку. Вассіанъ получилъ отъ него разрѣшеніе на приведеніе въ порядокъ Кормчей книги [1]). Съ этой цѣлью онъ воспользовался списками Кормчей, имѣвшимся въ Симоновомъ мон., и Кормчей сербской редакціи, принесеннымъ съ Аѳона инокомъ тверскаго Саввина мон. — Саввою. Поэтому въ его спискѣ отстутствуютъ русскія церковно-юридическія статьи (Владиміра и Ярослава) и слова св. отецъ 165 на обидящихъ св. божія церкви и др., на которыя всего болѣе опирались защитники вотчинныхъ правъ монашества. Не нашли въ ней мѣста и греко-римскія статьи („гражданскіе законы“), обыкновенно входившія въ составъ греческихъ Номоканоновъ и славянскихъ Кормчихъ.

Списокъ Вассіана принадлежалъ гр. Толстому, нынѣ въ Имп. Публ. библ. Трудъ этотъ озаглавленъ „Книга глаголема Кормчія, рекъше Правила закону“. Списана въ 7025 (1517) году по благословенію Всерос. митр. Варлаама, съ Симоновскихъ правилъ и сличена съ другимъ спискомъ — Вассіана архіеписк. ростовскаго, вывезеннымъ изъ Св. горы Саввою инокомъ тверского Саввина мон. Полуустав. рукоп. на 447 лл. (Обст. опис. славян. рус. рукоп. гр. Ѳ. А. Толстого, I, № 169, с. 92—94; о другихъ спискахъ см. ниже). На послѣднемъ листѣ списатель прибавилъ слѣд. замѣчаніе: „Есть въ св. Правилѣхъ супротивно св. Евангелію и Апостолу и всѣхъ святыхъ отецъ жительству, но не смѣхъ на моей души сего положити, и о семъ возвѣстихъ господину отцу своему митр. Варлааму и всему священному собору, и они мнѣ не велѣли ничего выставливати, глаголя: кто цѣломудръ разумъ имѣетъ, тъй лучше его держится, еже есть по Бозѣ; такожде и мы хотимъ и благословляемъ“. (ib. примѣч.), Любопытное извѣстіе

---

[1]) О близкихъ отношеніяхъ Вассіана къ митр. Варлааму съ горечью говоритъ Іосифъ Волоц. въ посланіи къ своему покровителю, бояриу Челяднину. Однажды Вассіанъ въ митрополичьихъ палатахъ назвалъ Іосифа и его учениковъ отступниками и Іосифъ просилъ своего друга жаловаться о томъ не митрополиту, а вел. князю (Хрущовъ, 260—261; Павловъ, 66).

для оцѣнки самаго труда и отношенія къ нѣкоторымъ отступленіямъ тогдашней іерархіи, въ противоположность обстоятельствамъ, сопровождавшимъ судъ надъ М. Грекомъ и Вассіаномъ (какъ увидимъ ниже). Голубинскій приписываетъ эти слова самому Вассіану (II, 660).

По прибытіи М. Грека въ Москву, Вассіанъ постарался ознакомиться съ исторіей греческаго Номокапона и лучшими его комментаторами, изъ которыхъ иные не были извѣстны у насъ даже по имени. Кромѣ того, Максимъ перевелъ для Вассіана нѣкоторыя правила съ толкованіями Вальсамона, которыми воспользовался Вассіанъ при составленіи замѣчаній къ тексту каноническаго трактата, помѣщеннаго въ Кормчей подъ заглавіемъ: „Собраніе нѣкоего старца, на воспоминаніе своего обѣщанія (т. е. монашескаго обѣта), отъ святаго писанія о отверженіи міра“. Всѣ его положенія сводятся къ общей мысли, что всѣ св. отцы объ отверженіи міра писали: „селъ не держать, ими не владѣть, но жить въ тишинѣ и въ безмолвіи, питаясь своими руками“ [1]). И если въ правилахъ именуются монастырскія села, то не инокамъ повелѣвается ими владѣть (11 грань Номокан. Фотія), но данныя имъ села хранить отъ соборной церкви экономамъ, и кормятся отъ него всякими потребами, повелѣніемъ епископа, или милостыней отъ христолюбцевъ, если не довольствуются своимъ рукодѣліемъ“. Онъ ссылается на рядъ какъ византійскихъ, такъ и русскихъ святыхъ, которые селъ не принимали, ими не владѣли и не пользовались. Обильный матеріалъ въ подтвержденіе своей мысли онъ находилъ въ житіяхъ святыхъ, но этому часто противорѣчили жалованныя купчія, вкладныя и мѣновыя грамоты, данныя или совершенныя тѣми же лицами. Ссылаясь на правила всел. соборовъ (IV—го, 24; VII—го, 12 и 18), Вассіанъ категорически утверждаетъ (Номокан. Фотія), что селъ въ мон. держать не велѣно, что управленіе всѣми монастырскими и церковными имуществами должно принадлежать епархіи и совершаться черезъ эконома и что зазорно для епископа и монаховъ имѣть частыя и близкія сношенія съ женщинами, а это неизбѣжно при вотчинномъ бытѣ рус-

[1]) Чтобы ослабить право владѣнія на „села“ Вассіанъ объясняетъ его какъ поле, а не поселеніе (ἄγρος), по 12 правил. VII Вселен соб., а по 18 прав. προάστειον М. Грекъ объяснилъ „приградіе сельное“, что́ Вассіанъ истолковалъ: „пашни и винограды“ (Павловъ, 74—75). Но Вассіану осталось неизвѣстнымъ болѣе рѣшительное запрещеніе м. Кипріана (см. в., 388; Рус. Ист. библ., VI, 263). На Аѳонѣ недвижимая собственность существовала (Тр. Кіев. Д. акад. 1873, № 1, стр. 55), въ извѣстныхъ размѣрахъ (Павловъ, 88, пр. 2). Аѳонскіе монахи въ 1552 г. говорили: „Мы селъ не имѣемъ, но сами дѣлаемъ винограды и землю копаемъ“ (Карамзинъ, VIII, пр. 587).

скихъ монастырей и епископій. Кромѣ того въ свои правила Вассіанъ внесъ изреченія и мнѣнія „еллинскихъ мудрецовъ—Аристотеля, Омира, Филиппа, Александра, Платона, быть можетъ взятыя изъ сборниковъ (какъ Пчела и др.) или заимствовавъ ихъ у того же М. Грека, за что подвергся осужденію на судѣ спустя всего нѣсколько лѣтъ (1531 [1]).

Со словъ М. Грека Вассіанъ даетъ свѣдѣнія о толкователяхъ церк. правилъ (Розенкампфъ, Обозр. Кормчей, 76, прим.), переводъ нѣкоторыхъ толкованій Ѳеодора Вальсамона, сдѣланный для него М. Грекомъ, и его статью „О св. горѣ жительства"—общежительномъ, скитскомъ и лаврскомъ (Сочинен., III, 243—245, вѣроятно написанныя для него же), направленныя противъ рус. мон-рей и ихъ вотчинъ (подробн. см. у Макарія, VIII,149—162). Вассіанъ интересовался также жизнью іерусалим. монастырей (разсказъ старца Климента 1518 г., см. Соболевскій, 288). Списки Кормчей Вассіана: Румянц. муз. № ccxxxvi; Им. Публ. библ. (Макарій, VIII, съ перечнемъ содержанія, 150—159 пр. 185 и 193); рук. сузд. Спасо.-Евѳим. мон. (Шляпкинъ, Опис. рукоп., Памятн. древн. письм., Спб. 1890, с. 53); Моск. главн. арх. мин. ин. дѣлъ; (рук. Пискарева), въ Моск. публ. муз. (Опис. рук., № 39), сход. со сп. Рум. м. и нѣк. дополненіями.

Съ Кормчей Вассіана былъ знакомъ и одобрилъ его мысль помѣстить въ ней его „Собраніе" м. Варлаамъ; ее читалъ вел. кн. Василій Ивановичъ [2]). Она была въ рукахъ во время Стоглаваго собора у одного изъ вліятельныхъ его членовъ (какъ полагаютъ еп. ряз. Кассіана [3]). Повидимому ее имѣлъ въ виду Башкинъ, когда сталъ укорять духовныя власти (на соборахъ) въ присвоеніи имъ царской и святительской власти и ея вліяніе сказалось [4]) въ тѣхъ спискахъ Кормчихъ, которые вышли современно Стоглаву изъ рукъ самой іерархіи [5]). Тѣмъ не менѣе, какъ увидимъ, Вассіанъ долженъ былъ дать отвѣтъ за эти свои вольности и отступленія.

---

[1]) Преніе (Чт. въ Общ. ист. 1847, № 9). М. Н. Сперанскій, Перевод. сборники изреченій, М. 1904, стр. 456, 565, 0141—245.

[2]) Чтен. въ Общ. ист. 1847, № 7. Судный списокъ М. Грека.

[3]) Матер. для ист. Стоглава (Лѣт. рус. литер. V, 137—144), с. 140—выписка о монастыр. имущ. изъ „Собранія" Вассіана и Макарій, VIII, 159.

[4]) Акты истор., I, № 161, с. 297.

[5]) Розенкампфъ, 13 и д.; А. С. Павловъ, О Кормчей инока кн. Вассіана Патрикѣева (Учен. зап. Казан. ун. 1864); № 1, с. 489—498; Секуляризація церкови. имущ., 72, пр. 1 и 2 и 129, прил. 3. (о спискахъ Кормчей и его „Собранія").

XV.

Съ именемъ Вассіана связано еще одно сочиненіе, извѣстное прежде подъ именемъ „Разсужденія о неприличіи монастырямъ владѣть вотчинами“ [1]). Въ указанномъ изданіи оно признано принадлежащимъ кн. Вассіану Патрикѣеву. Но въ исторической литературѣ—вопросъ объ авторѣ его до сихъ поръ остается спорнымъ, и оно помѣщается даже на пространствѣ времени съ 1510—1554 г. Издатель соч. Вассіана А. С. Павловъ, хотя и не признавалъ, по внѣшнимъ признакамъ (простота слога), „Разсужденіе“ за произведеніе Вассіана, но допускалъ, что оно (по др. сп. наз: „Бесѣдой Сергія и Германа Валаамскихъ чудотворцевъ“) могло быть произведеніемъ кого либо изъ послѣдователей („учениковъ“ Вассіана [2]). Правда, въ другомъ мѣстѣ, Павловъ рѣшительно отказался отъ усвоенія „Бесѣды“ Вассіану, но признавалъ, что и догадка Невоструева подъ именемъ двухъ чернецовъ Сергія и Германа разумѣть Нила Сорскаго и Вассіана можетъ быть остроумной и пожалуй „вѣроятной“ [3]). Невоструевъ, напротивъ, рѣшительно высказался въ пользу авторства Вассіана, видя въ Бесѣдѣ прямыя указанія на свѣтское происхожденіе автора, тѣ же рѣзкія сужденія о монашествѣ и правѣ землевладѣнія и покровительствѣ тому русскихъ царей и вел. князей и т. п. [4]). Преосв. Макарій, признавая современность „Бесѣды“ разсматриваемымъ событіямъ (раннее упоминаніе „царей“ и „шлы-

---

[1]) Чтен. въ Общ. ист. 1859, III, 1—16. Въ изданіи О. М. Бодянскаго статья эта оказывается безъ начала (предисл., въ которомъ назв. оба мнимые автора „Бесѣды“) и заключенія, написан. въ формѣ челобитной къ русскому государю и безъ сказанія о явленіи Сергія и Германа новгор. архіеп. Іоанну съ извѣтомъ о томъ, какъ москов. цари должны устроять свое государство. Въ литературѣ насчитывается до 20 списковъ этой статьи, но не всѣ они имѣютъ означенное прибавленіе (въ 8 изъ 12, бывш. въ рукахъ поздн. издателей, нѣтъ вовсе прибавл.), а въ одномъ есть „Извѣтъ“, приписан. Іосифу Волоцкому. „Разсужденіе“ приписывалось Вассіану еще Устряловымъ (Сказ. Курбскаго, 308, пр. 5) и можетъ быть Карамзинымъ (VII, пр. 277).

Буслаевъ считалъ указаніе Бодянскаго недостаточно обоснованнымъ, такъ какъ въ Бесѣдѣ названы два лица, къ которымъ она пріурочивается (Ист. очер. рус. народ. словесн., II, 306—307 и прим. 1; Сочин., I, 312—314).

[2]) Прав. Соб. 1863, III, с. 208, прим.

[3]) Ист. очеркъ секуляриз. церк. земель въ Россіи, с. 136—137, прим. 2. Сначала авторъ видѣлъ въ „Бесѣдѣ“ произведеніе новгород. письменности, а потомъ нѣсколько съузилъ—заволжскихъ пустынь, и полагаетъ, что она написана въ нач. цар. Ивана IV (137). Еще см. Павлова: „Земское (народное и общественное) направленіе рус. литер. въ XVI вѣкѣ (Прав. Соб. 1863, № 3, с. 300—306).

[4]) Разсмотрѣніе книги Хрущова о соч. Іосифа Волоцкаго (Отчетъ о XII присужд. наградъ гр. Уварова) 1869, стр. 147—149; отд. см. 60—66.

ковъ“ не противорѣчитъ тому), считалъ невозможнымъ приписать Бесѣду Вассіану[1]), однако затѣмъ нѣсколько позже, послѣдовавъ всецѣло за Невоструевымъ, онъ выражается, что хотя нѣтъ прямыхъ доказательствъ, что названное соч. („Разсужденіе“ или „Бесѣда“) дѣйствительно написано Вассіаномъ, но, судя по содержанію и изложенію, оно съ вѣроятностью можетъ быть усвояемо этому иноку-князю[2]). П—овъ (Пономаревъ), авторъ очерка о Вассіанѣ Патрикѣевѣ, ограничивается только статьями, изданными подъ его именемъ въ „Правосл. Собесѣд.“[3]). Вассіану же приписываютъ „Бесѣду“ И. П. Хрущовъ[4]), пр. В. Жмакинъ[5]) и Д. И. Иловайскій[6]). Пр. Филаретъ видѣлъ въ „Бесѣдѣ“ лишь апокрифическое сказаніе, явно подложное, нигдѣ Вассіану не приписываемое и быть можетъ—произведеніе свящ. Василія—творца разныхъ вымысловъ[7]). Какъ на произведеніе боярина-публициста, вышедшее изъ того круга, къ которому принадлежатъ кн. Вассіанъ и кн. Курбскій, смотрятъ В. О. Ключевскій[8]), и П. В. Знаменскій, выражающійся, что „это самый задорный памфлетъ противъ духовныхъ властей и монаховъ—вотчинниковъ“[9]). Е. А. Бѣловъ, вѣроятно по недоразумѣнію, Вассіана считаетъ авторомъ „Разсужденія“, а неизвѣстное лицо —авторомъ „Бесѣды“, раздѣляя такимъ образомъ оба памятника[10]). При этомъ нѣкоторые изъ названныхъ авторовъ относили появленіе „Бесѣды“ къ болѣе позднему времени, чѣмъ статьи Вассіана, но до Стоглаваго собора или вскорѣ послѣ него. Издатели „Бесѣды“, вышедшей въ Лѣт. Арх. ком. (1890, В. Г. Дружининъ и М. А. Дьяконовъ[11]), разсматриваютъ послѣднюю какъ апокрифическій памятникъ,

---

[1]) Макарій, VI, 140. Однако онъ прибавляетъ, что Бесѣда была написана если не самимъ Вассіаномъ, то кѣмъ либо изъ его единомышленниковъ, бѣлозерскихъ старцевъ и т. д. (ibid. 139).

[2]) Ibid., VII (1874), стр. 259.

[3]) Чт. въ Общ. люб. дух. просв. 1873, кн. V, 618—626.

[4]) Князь—инокъ Вассіанъ Патрикѣевъ (Др. и Нов. Россія, VII, 259, прим.).

[5]) Даніилъ и его соч., М. 1881, 79, 97—100. Кромѣ того онъ приписываетъ Вассіану еще статьи, направл. противъ тщеславія юныхъ, творящихъ новоканоны и ж. святыхъ и обрядовой наклонности иноковъ (107—121, 090). Курбскій также обвинялъ монаховъ въ порчѣ книгъ съ корыстной цѣлью (Посл. въ Псково-печер. мон.).

[6]) Рус. Вѣстн. 1887, № 2 и Рус. ист., III, ч. I, 608.

[7]) Обз. рус. дух. лит., 3-е изд. Спб. 1884 (въ 1-мъ нѣтъ) и Рус. св., № 6, с. 287, по 3-му изд.

[8]) Боярская Дума, 1882, 304 и д.

[9]) Руковод. къ рус. церк. ист., Каз. 1886, с. 142.

[10]) Объ истор. знач. рус. боярства, Спб. 1886. с. 128—130.

[11]) Лѣтописи зан. Арх. ком., X, xxiii+32 стр.

Вассіану не принадлежащій, который, по нѣкоторымъ признакамъ можетъ быть отнесенъ (съ Инымъ сказаніемъ, прибавленнымъ къ нему) ко времени послѣ соборовъ, бывшихъ на еретиковъ въ 1553—1554 гг.. Внутреннее основаніе не считать Вассіана авторомъ Бесѣды—то, что въ ней весь интересъ нападенія сосредоточивается на правѣ владѣнія монастырями вотчинъ и на отрицательныхъ чертахъ современнаго монашества, а другіе вопросы, поднятые Вассіаномъ (о еретикахъ, о вдовыхъ попахъ и т. п.) вовсе не затронуты. Той же точки зрѣнія держится В. Боцяновскій въ біографіи Вассіана, приписывая ему нѣкоторыя изъ статей, названныхъ о. Жмакинымъ [1]). Прѣсняковъ, соглашаясь съ доводами издателей, отодвигаетъ появленіе статьи къ болѣе отдаленному времени отъ спора заволжскиихъ старцевъ и усматриваетъ въ мысляхъ „Бесѣды" предчувствіе наступающей смуты, почему и самый памятникъ относитъ къ концу XVI и нач. XVII в. [2]). Другой рецензентъ, С. И. Смирновъ [3]), напротивъ, вслѣдъ за издателями памятника, пріурочиваетъ его къ собору 1553—1554 гг., но считаетъ автора „Бесѣды" сочувствующимъ собору, имѣвшему явно іосифлянскія тенденціи (на соборѣ судились Артемій, ученикъ Нила Сорскаго, и др. заволжскіе старцы), почему онъ не могъ имѣть никакой связи съ заволжскимъ монашествомъ и, вѣроятно, не былъ однимъ изъ учениковъ Вассіана. Раздѣляя мысль заволжцевъ о монастырскихъ вотчинахъ, онъ не питаетъ ненависти къ іосифлянамъ и прилагаетъ къ своей „Бесѣдѣ" „Извѣтъ преп. Іосифа Волоцкаго". Автору безразличны счеты двухъ монашескихъ партій, но дороги землевладѣльческіе интересы. „Бесѣдой" откликнулось на вопросъ о монастырскихъ вотчинахъ землевладѣльческое боярство половины XVI в. И хотя „Иное сказаніе" и „Извѣтъ" очевидно приписаны послѣ къ „Бесѣдѣ" (чѣмъ и объясняется рѣдкость новыхъ списковъ памятника), за единство ихъ говорятъ общая ссылка на новгород. архіеп. Іоанна и Бесѣды Іосифа Прекраснаго и оригинальная мысль о царскомъ надзорѣ за исправнымъ хожденіемъ вѣрующихъ на исповѣдь. Все это свидѣтелствуетъ въ пользу одного автора „Бесѣды" и добавленій. П. Н. Милюковъ также стоитъ за единство памятника и появленіе его около времени созыва духовнаго и земскаго соборовъ, причемъ программа вопросовъ, представленныхъ царемъ на соборъ, напоминаетъ ему идеи автора „Бесѣды"; но признаетъ его памфлетомъ написаннымъ какимъ нибудь почитателемъ Вассіана и являющимся возраженіемъ на другой памфлетъ — „Сказаніе" Ивашки Пересвѣтова,

---

[1]) Венгеровъ, Крит. біогр. словарь, IV, 1895, с. 184—189.

[2]) Ж. М. Н. Пр. 1896, № 9, с. 160—162.

[3]) Богосл. Вѣстн. 1899, № 1, с. 141—144.

соединяющимъ въ себѣ теоріи нестяжателей съ теоріями оппозиціоннаго боярства, идеи религіозной оппозиціи съ идеями оппозиціи политической, Нила Сорскаго съ Курбскимъ[1]). Е. Е. Голубинскій держится того же мнѣнія, т. е. что Вассіану „Бесѣда" не принадлежитъ, „ибо онъ былъ не такой человѣкъ, чтобы прибѣгать къ подлогу и чтобы ссылаться на какія-то „бесѣды Іосифа Прекраснаго". Авторъ говоритъ: „Ученикъ и продолжатель Нила былъ человѣкъ несомнѣнно умный, надѣленъ былъ весьма важнымъ для публициста и пропагандиста талантомъ остроумія и ѣдкости; но онъ не могъ вести своей письменной пропаганды слишкомъ блистательно потому, что у него не было выработано способности литературнаго изложенія, которое страдаетъ у него отсутствіемъ ясности, отчетливости и послѣдовательности въ изложеніи мыслей и что, какъ большой баринъ, онъ не могъ имѣть охоты къ усидчивости въ письменномъ трудѣ". Съ другой стороны, Голубинскій не признаетъ въ дѣятельности Вассіана прямоты и искренности, свойственныхъ его учителю—Нилу Сорскому[2]). Въ послѣднее время была сдѣлана еще попытка появленіе этого памятника снова отнести къ болѣе раннему времени; а именно слѣдовавшему непосредственно за соборомъ 1503 г.[3]). и даже снова связать (1531—35) его съ именемъ Вассіана[4]).

Въ свое время (1866) мы высказали мнѣніе о принадлежности „Разсужденія" (извѣстнаго тогда только въ единственномъ изданіи) Вассіану, въ связи съ общей антивладѣльческой полемикой въ первой половинѣ XVI в.[5]), и, хотя въ позднѣйшее время явился рядъ противоположныхъ мнѣній, но и прежнее имѣетъ своихъ защитниковъ. Не оспаривая сдѣланныхъ возраженій, скажемъ только, что „Бесѣда" (Разсужденіе) явилась въ свѣтъ въ непосредственной связи съ полемическими статьями, направленными противъ монастырскаго землевла-

---

[1]) Очерки по ист. рус. культуры, III, 1901, с. 55—65.

[2]) Ист. рус. церкви, II, 1900 (стр. 651—665).

[3]) Стратоновъ, Замѣтки по ист. земск. соборовъ. (Уч. зап. Казан. унив. 1906, № 3).

[4]) С. Аваліани, Бесѣда преп. Сергія и Германа, какъ историч. источникъ (Богосл. Вѣст. 1909, № 3, с. 368—383).

[5]) Максимъ Грекъ, 1865, сс. 30 и 268; Рус. обществ. дѣятели XVI в., 1866, с. 47—53.

Въ недавно появившейся статьѣ Н. К. Гудзія, „Къ вопросу объ авторѣ „Бесѣды" и пр. (Рус. Филол. Вѣстн. 1913 г. и отд.), отвергается принадлежность ея Вассіану, чрезъ сличеніе съ его полемич. сочиненіемъ и относится она къ болѣе позднему времени.

дѣнія[1]), статьями Вассіана и соч. М. Грека и защитой церковныхъ имуществъ въ переводѣ съ латинскаго яз. въ 1505 г., какъ полагаютъ сдѣланномъ по порученію Геннадія[2]), которымъ еще пользовались въ позднѣйшее время (Димитрій Ростов.[3]), а также политическими памфлетами какъ Извѣтъ, надписанный на имя Іосифа Волоцкаго[4]) и помѣщенный рядомъ съ „Бесѣдой", авторъ котораго могъ воспользоваться мотивами „Бесѣды", какъ позже Сказаніе Ивана Пересвѣтова и т. п. произведенія публицистическаго характера, большею частью анонимныя или подписанныя на имя другихъ лицъ.

Отличаясь властнымъ характеромъ, еще болѣе укрѣпленнымъ вліяніемъ при дворѣ, Вассіанъ оказывалъ очевидное давленіе на Максима Грека, болѣе податливаго при настойчивыхъ требованіяхъ другихъ и, конечно, совершенно незнакомаго съ придворной средой. Между тѣмъ, кругъ лицъ, въ которомъ ему приходилось постоянно вращаться, принадлежалъ къ направленію болѣе близкому и сочувственному Вассіану, многіе изъ которыхъ подверглись вскорѣ опалѣ и стали въ открытую оппозицію къ правительству. Подобныя обстоятельства не могли не отразиться потомъ на положеніи и судьбѣ самого М. Грека[5]). Самое отношеніе Вассіана къ послѣднему обязывало какъ бы М. Грека слѣдовать его указаніямъ. Въ своей критикѣ окружающей дѣйствительности Вассіанъ выражался такъ: „Здѣшнія книги всѣ лживыя, отъ діавола писаны, а не отъ св. Духа. До Максима по тѣмъ книгамъ Бога хулили, а не славили, ни молили, а нынѣ Бога познали Максимомъ"[6]). Пока во главѣ церкви стоялъ м. Варлаамъ, сочувствовавшій мнѣніямъ заволжскихъ старцевъ и книжной дѣятельности М. Грека, послѣдній могъ пользоваться спокойствіемъ и неприкосновенностью; но съ удаленіемъ его покровителя, взяло верхъ противоположное теченіе, съ которымъ пришлось считаться и Вассіану, и Мак-

[1]) См. выше, стр. 389—91; Сборн. Кирил. мон.; Посланіе о инокахъ, кружающихъ стяжаній ради, припис. Нилу Сорскому (Архангельскій, Преп. Нилъ Сорскій, 72—73);

[2]) Опис. рук. Синод. библ., Отд. II, ч. 3, с. 609—616; Рук. Казан. унив. № 21382; Рум. муз. № 1257; Павловъ Секуляриз., 61—63; Макарій. VI, 140.

[3]) И. А. Шляпкинъ, 77. Монахи Ватопед мон. пишутъ вел. кн. Василію Ивановичу посланіе, въ которомъ сообщаютъ о жизни общежительной и келліотской и утверждаютъ, что Св. гора держится покровительствомъ свыше (Ист. Вѣст. 1898, № 5, с. 689).

[4]) Опис. рук. Синод. библ., II, № 171, с. 464 (здѣсь онъ слѣдуетъ въ числѣ прибавочныхъ статей къ Діоптрѣ Петра Пустынника, XVII в.).

[5]) Ср. Жмакинъ, М. Даніилъ, с. 153—159.

[6]) Преніе м. Даніила съ М. Грекомъ (Чт. въ Общ. ист. 1847, № 7, с. 8).

симу Греку. Преемникомъ этимъ былъ митр. Даніилъ. Онъ содѣйствовалъ канонизаціи Іосифа Волоцкаго, изображеніе котораго, какъ святого, вскорѣ заняло видное мѣсто въ церковномъ обиходѣ [1]), и его ученики въ церковной іерархіи (см. выше, стр. 211) и направленіе это боролось за свое господство въ теченіе всего XVI вѣка [2]).

XVI.

Митрополитъ Даніилъ, родомъ рязанецъ [3]), не пренадлежалъ къ старшей братіи, такъ какъ въ списокъ кандидатовъ (10) на игуменство послѣ своей смерти Іосифъ его не называетъ; однако братія избрала именно Даніила, мотивируя тѣмъ, что онъ любилъ нищету и пребывалъ въ постѣ, трудахъ и молитвахъ; но, быть можетъ, и потому, что не хотѣла отпустить его въ другой монастырь, гдѣ онъ *искалъ* игуменства. Въ этомъ его актѣ видятъ признакъ честолюбія; но, вѣроятно, и тѣ его монашескія добродѣтели, на которыя указано выше, съиграми свою роль [4]). Нѣкоторые видятъ въ этомъ даже своего рода ловкость и умѣнье расположить въ свою пользу братію [5]). Повидимому тогда (1515) онъ былъ еще въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ [6]). Іосифъ долженъ былъ примириться съ этимъ выборомъ и нисколько не ошибся, такъ какъ преемникъ его оказался вѣрнымъ выразителемъ его мнѣній и желаній. Отъ монаховъ, согласно волѣ своего учителя и вел. князя, какъ ктитора монастыря, онъ требовалъ строгого исполненія устава, отступленія отъ котораго вызывали открытыя обличенія [7]). Воспитавшись въ монастырѣ, богатомъ книжными сокровищами [8]), онъ обогатилъ его

---

[1]) Чтен. въ Общ. ист. 1902, III, 35.

[2]) Любопытно, что патр. Никонъ не признавалъ Іосифа святымъ (Жмакинъ, 456—457), вѣроятно за его преклоненія передъ свѣтской властью.

[3]) Ж. Іосифа Волоцкаго, напис. Саввою, еп. крут. (изд. Невоструевымъ).

[4]) Жмакинъ, Митр. Даніилъ, 111, 211—222.

[5]) Голубинскій, 701.

[6]) Герберштейнъ, видѣвшій его уже въ 1526 г., говоритъ, что онъ возведенъ былъ въ митрополиты (1522) ок. 30 лѣтъ (по изд. Старчевскаго, p. 20); но это сомнительно, однако вѣроятно, что онъ казался цвѣтущаго здоровья и молодымъ на видъ. Какъ понимать терминъ „старецъ“ (Малининъ, Старецъ Филоѳей, 40—41), относящійся не всегда къ лѣтамъ.

[7]) Савва, 61, 65; Жмакинъ, 663 и д.; Макарій, VII, 363—365. Любопытна жалоба монаховъ на его строгость (Жмакинъ, 055—57), вызванную его стремленіемъ распространить требованіе общности (общежитія) и на книги (лучшій списокъ въ Изв. Ак. Наукъ 1906, II, 312—315).

[8]) Нѣсколько весьма красивыхъ рукописей, пожертв. сюда Даніиломъ, и нѣкот. изъ нихъ, писанныя имъ самимъ, свидѣтельствуютъ о его любви къ книжности (Строевъ, Библ. Словарь, 84; Макарій, VII, 309). Уваженіе его къ книжности вообще (Жмакинъ, 038).

библіотеку новыми вкладами, какъ игуменъ и митрополитъ [1]). М. Даніилъ, по словамъ довольно безпристрастнаго его біографа, по праву можетъ быть поставленъ первымъ членомъ Волоколамской общины послѣ личности ея основателя [2]). Вел. кн. Василій Ивановичъ часто наѣзжалъ въ Волоколамскій монастырь, охотился въ его окрестностяхъ и даже послѣдніе дни его жизни связаны были съ этимъ монастыремъ. Понятно, что игуменъ его могъ обнаружить всѣ качества, пріятныя вел. князю и послѣдній не ошибся въ немъ. Въ борьбѣ съ противниками вел. князя (дѣло Шемячича) и въ осуществленіи его желаній (разводъ и второй бракъ) митрополитъ являлся вѣрнымъ исполнителемъ его воли, хотя и подвергался за то суровымъ нареканіямъ. Тѣмъ болѣе для него это должно было быть чувствительно, что разрѣшеніе, данное имъ, вопреки довольно вліятельнымъ настояніямъ (возраженія аѳонцевъ), вызвало желаніе у другихъ послѣдовать примѣру вел. князя. Разрѣшенія, конечно, они не получили, но это обстоятельство послужило предлогомъ къ осужденію дѣйствій митрополита, доказательствомъ чего служатъ три поученія послѣдняго, въ которыхъ онъ безусловно отвергаетъ разводъ и вторичный бракъ послѣ него, а свои дѣйствія оправдываетъ тѣмъ, что отступленія отъ церковныхъ постановленій, допущенныя ради государственныхъ цѣлей, не могутъ служить примѣромъ для частныхъ лицъ [3]); но М. Грекъ, Вассіанъ, кн. Симеонъ Курбскій и др. блюстители церковныхъ постановленій не могли примириться съ подобной точкой зрѣнія, [4]), и отголосокъ этихъ обличеній нашелъ мѣсто въ одномъ изъ посланій М. Грека, какъ увидимъ ниже [5]).

Митр. Даніилъ принадлежалъ къ выдающимся писателямъ своего времени, какъ по количеству произведеній и начитанности, такъ и по общественнымъ вопросамъ, затронутымъ въ нихъ. До насъ дошло два сборника его поученій и посланій, въ которыхъ помѣщено 29 произведеній и нѣсколько отдѣльныхъ сочиненій (6) такого же характера, кото-

---

[1]) Большая часть книгъ Волоколамскаго мон. относится ко времени м. Даніила, одного изъ главныхъ его вкладчиковъ (Хрущовъ, Изслѣд. о соч. Іосифа Волоц., 64); Опись книгъ (Чтен. Общ. ист. 1847, № 7, с. 7—8). О чтеніи „Византійскаго Временника“ (Жмакинъ, 350, 432).

Многіе епископы, вышедшіе изъ этого монастыря, щедро одѣляли его книгами, а въ теченіе 1479—1573 гг. насчитывается до 190 вкладчиковъ и списателей книгъ (Жмакинъ, 119—120).

[2]) Жмакинъ, 120.

[3]) Бѣляевъ, М. Даніилъ, 114. Жмакинъ, 128—143, 501—533. Опис. рукоп. Синод. библ., II, 3, стр. 163.

[4]) Сказаніе Паисія о второмъ бракѣ (Чт. въ Общ. ист. 1848, № 8).

[5]) Сочин. II, 237—238.

рыя могли бы составить третій Сборникъ [1]). Въ своихъ произведеніяхъ онъ цитируетъ до 50 писателей, конечно пользуясь часто ими въ извѣстныхъ тогда сборникахъ, составлявшихъ обычную принадлежность монастырскихъ библіотекъ, въ хроникѣ Георгія Амартола, а также преимущественно въ Пандектахъ Никона Черногорца, въ которыхъ приводится масса чужихъ свидѣтельствъ, безъ связи, относящихся къ тому или другому предмету, и подобнымъ способомъ изложенія пользуется м. Даніилъ, наполняя ими свои слова и не дѣлая никакихъ прибавленій или поясненій. Но онъ не прочь также внести въ подтвержденіе своихъ мнѣній, „Сократа мудреца еллинскаго, вопросы и отвѣты“, Аристотеля „философа отъ епистоліи къ царю Александру Македонскому“ или помѣстить сказаніе объ этомъ послѣднемъ, а, коснувшись разныхъ занятій, выдѣлить „философовъ“ какъ имѣющихъ особый даръ художества [2]). Какъ компиляторъ, свойство, впрочемъ, общее тогдашней литературѣ, м. Даніилъ, не обинуясь, соединяетъ и ученіе Нила Сорскаго о помыслахъ [3]), и мнѣніе своего наставника Іосифа Волоцкаго о „коварствѣ и хитрости божіей“ [4]), которыя онъ даже обобщилъ и расширилъ. Онъ не такъ суровъ, какъ его учитель, въ отношеніи менѣе опасныхъ и виновныхъ еретиковъ, но, съ другой стороны, въ интересахъ успѣха обращенія къ нимъ, онъ рекомендуетъ даже, какъ средство, поселять раздоръ между ними, чтобы ослабить вредное вліяніе вольнодумцевъ, „принципъ, отзывающійся нѣкоторымъ іезуитизмомъ“. Онъ приводитъ даже свидѣтельства Іоанна Злат. (Бесѣда на Евангеліе Матѳея), въ которыхъ говорится, что должно не ненавидѣть грѣшниковъ и еретиковъ, а молиться за нихъ и обращать ихъ къ истинѣ любовью и милостью и даже приводитъ мѣсто изъ того же источника, категорически утверждающее, что вообще еретиковъ не должно убивать и умерщвлять [5]), т. е. тѣ самыя свидѣтельства, съ которыми выступалъ Вассіанъ Косой въ своей полемикѣ съ Іосифомъ Волоцкимъ.

---

[1]) Списки ихъ находятся въ библ. Моск. дух. акад., Моск. Синод. библ. Новгород. Соф. (Спб. дух. акад.), Рум. муз., бывш. библ. Царскаго (нынѣ гр. Уварова), библ. митр. Макарія (Макарій, VII, 310). См. также перечень всѣхъ его сочин., сост. В. Г. Дружининымъ (Лѣт. зан. Арх. Ком., XXI 019—33). М. О. Кояловичъ допускалъ участіе Даніила въ составленіи „Просвѣтителя“, признавая „многосоставность“ этого памятника, явившагося плодомъ работы Волокаламской общины, и сходство въ построеніи его и Сборника Даніила (Рѣчь, чит. въ торж. собр. Спб. Дух. ак. 17 февр. 1871 г.).

[2]) Жмакинъ, 222, 038.

[3]) Жмакинъ, 350, 432, 697—699. Макарій, VII, 396.

[4]) Ibidem, 344—345, 352; ср. Просвѣтитель, стр. 168—176—180.

[5]) Жмакинъ, 404, 407.

Но относительно упорныхъ еретиковъ Даніилъ неумолимъ, хотя и тутъ онъ болѣе скрывается за свидѣтельствами изъ отцовъ церкви [1]). Въ сочиненіяхъ его можно найти много бытовыхъ данныхъ, характеризующихъ современные нравы и отношенія разныхъ классовъ общества, чѣмъ и отличаются они существенно отъ другихъ обычныхъ церковныхъ обличеній и поученій [2]). Они касаются церковной жизни, современныхъ ересей, быта монашества, отношеній служилаго класса, правительствующихъ лицъ (во время господства бояръ), положенія крестьянъ, семейныхъ отношеній, поединковъ, увлеченія астрологіей, роскоши, пьянства, содоміи, гаданій, грубости обращенія и т. п. нравственныхъ явленій. Нѣкоторыми изъ его показаній мы воспользуемся далѣе, въ своемъ мѣстѣ, а здѣсь замѣтимъ, что онъ, какъ и М. Грекъ, рѣшительно поднимаетъ голосъ противъ излишняго увлеченія монашествомъ, въ ущербъ семейной жизни, и въ защиту женъ, нерѣдко подвергавшихся грубому обращенію и истязанію со стороны мужей, въ то время, когда въ обществѣ въ широкихъ размѣрахъ имѣли мѣсто правила Домостроя. Онъ настаиваетъ на необходимости грамотности для женщинъ [3]), что́ уже выдвигаетъ его въ ряду тогдашнихъ общественныхъ дѣятелей. По его желанію игуменомъ Волоцк. мон. Нифонтомъ была составлена Кормчая, пополненная при м. Макаріѣ и послужившая основаніемъ для печатной Кормчей патр. Іосифа [4]); но любопытно, что составитель пользовался для своей цѣли и Кормчей Вассіана, противъ которой съ такимъ осужденіемъ соборъ высказался на его судѣ подъ предсѣдательствомъ того же Даніила [5]), какъ онъ самъ—переводами М. Грека, не смотря на участіе свое въ его осужденіи [6]). Онъ желалъ (три раза просилъ), чтобы М. Грекъ пе-

[1]) Жмакинъ, 410—414, 422.

[2]) В. Н. Жмакинъ, Рус. общество XVI в. (преимущ. по соч. м. Даніила, Древн. и Нов. Россія, 1880, I. 219—256, 486—516).

[3]) И. Бѣляевъ, М. Даніилъ (Ист. чт. о языкѣ и слов., II, 96—118); Жмакинъ, 474—488, 548—551, 589, 606, 630—648, 720; Макарій, VII, 309—398. На Западѣ въ тоже время защитникомъ женщины является Генрихъ Корнелій Агриппа Неттесхеймъ богословъ и синдикъ г. Меца (Л. Крозе, въ Revue Hebdom. 1913; Ист. Вѣстн. 1913, № 10, с. 758—762). Сочин. его переведено съ латин. на рус. яз. при Екатеринѣ II, подъ ред. извѣст. протоіер. Петра Алексѣева, подъ заглавіемъ „О благородствѣ и преимуществѣ женскаго пола, соч. Корн. Агриппы", Спб. 1784.

[4]) Макарій, VIII, 162—165.

[5]) Ibidem, 163—164; Жмакинъ, 597, 743—751.

[6]) Жмакинъ, 333, 345, 356, 359, 359, 396, 421, 440, 444, 600.

ревелъ [1]) на русскій языкъ „церковную исторію" блаж. Θеодорита, но послѣдній уклонился, опасаясь, что подробное изложеніе еретическихъ мнѣній можетъ повести къ соблазну простыхъ читателей и этимъ отказомъ такъ обидѣлъ Даніила, что послѣдній не постѣснялся припомнить М. Греку свое неудовольствіе на судѣ противъ него [2]). По желанію же м. Даніила былъ сдѣланъ въ 1534 г. переводъ съ нѣмецкаго языка обширнаго лѣчебника („Благопрохладный вертоградъ здравію", по сп. 1616 г. на 20+300+14 листахъ мелкой скорописи съ 461 чернымъ, отчетливо выполн. рисункомъ травъ, употребляемыхъ въ лѣченіи, съ названіями ихъ на разныхъ языкахъ). Лѣчебникъ этотъ представляетъ описаніе болѣзней и способовъ лѣченія и перечень (вначалѣ) философовъ и писателей, касающихся медицины. Переводъ былъ исполненъ, какъ можно полагать, не Θеофиломъ [3]), также врачемъ Василія Ивановича, а тѣмъ же Николаемъ Люевымъ, о которомъ намъ приходилось говорить какъ объ извѣстномъ своими переводами и сочиненіями. Если принять во вниманіе частыя болѣзни, которымъ подвергался Даніилъ, то можно думать, что при своей болѣзненной тучности, онъ прибѣгалъ иногда къ искусственнымъ средствамъ, о которыхъ судили иначе его противники.

> Одному близкому къ нему человѣку, м. Даніилъ писалъ: „яко отъ *многихъ лѣтъ и временъ* извѣстна тебѣ немощь моя и знаема тебѣ худость моя, боголѣпче! Нынѣ же наипаче пребываю убо немощенъ трегубо: *главою, нутромъ, ногами.* И отъ сихъ много сугубо—и печаль и утѣсненіе, и оскудѣніе смысла, и зубомъ болѣзни, и изнуреніе, и свѣта очію умаленіе, и крѣпости и силы изнеможеніе" и т. д. (Макарій, VII, 393). Подтвержденіемъ

---

[1]) Въ 1523 г. монахъ Селиванъ подъ ред. М. Грека, перевелъ Бесѣды Іоанна Злат. на Еванг. Іоанна „проторами и попеченіемъ митрополита" (Предисл. Селивана къ переводу въ сп. Троиц. лав., № 200; Голубинскій, II, 87).

[2]) Сочин. М. Грека, II, 372; Чт. въ Общ. ист. 1847, кн. 7.

Указываютъ, что переводъ могъ быть желателенъ м. Даніилу и потому, что въ Ист. церк. Θеодорита содержатся свидѣтельства о дозволеніи монахамъ въ древней греческой церкви владѣть вотчинами (Голубинскій, II, 708).

[3]) А. Θ. Змѣевъ, Русскіе врачебники, изд. Общ. люб. древн. письм. Спб. 1896, с. 1—32. Переводъ сдѣланъ съ изд. 1492 г. (Бѣлокуровъ, О царской библ., 323). Рецензія Буслаева, на соч. Костомарова, Очерки домашн. быта великорус. народа, 144; Ист. зап. о Рум муз., 44; также опис. рук. Рум. муз., Пискарева, Царскаго, гр. Толстого; замѣч. Пѣтухова (Ж. М. Н. Пр. 154—155).

Касаясь одного порока, м. Даніилъ прибѣгаетъ къ физіологическому объясненію (Жмакинъ, 706), между тѣмъ какъ М. Грекъ даетъ только религіозный совѣтъ. (Соч. II, 251—260).

тому служитъ посланіе къ м. Даніилу архіеп. новгор. Макарія, который, сообщая о слышанныхъ имъ нестерпимыхъ болѣзняхъ, укоряетъ его въ незаботливости о себѣ и возложенія попеченія на Бога, пресв. Богородицу и великихъ чудотворцевъ (Жмакинъ, 060—061). Однако мы видѣли, что Даніилъ прибѣгалъ къ лѣчебникамъ, и, вѣроятно, къ врачамъ, если принять во вниманіе, что переводъ сдѣланъ былъ врачемъ Люевымъ. Не съ тѣми ли болѣзненными обстоятельствами соединяется разсказъ Герберштейна (1526), что Даніилъ былъ человѣкъ дюжій и тучный (robustus et obaesus) съ лицомъ краснымъ, что повидимому онъ былъ преданъ болѣе чреву, чѣмъ посту и молитвеннымъ бдѣніямъ, и что когда нужно было являться въ народѣ для служеній, онъ придавалъ лицу своему блѣдность посредствомъ окуриваній себя сѣрой (по изд. Старчевскаго, pag. 20). Не отъ придворныхъ ли лицъ, близкихъ къ Вассіану, шла подобная безпощадная характеристика, въ особенности послѣ суда надъ М. Грекомъ, когда о всѣхъ архіереяхъ тотъ же Вассіанъ выражался, что имъ нужны только „пиры и села и скакати и смѣятися съ воры“ (Судное дѣло, Чт. Моск. Общ. ист. 1847, № 7, с. 8).

Но его книжная ученость, кажется, не подлежала сомнѣнію. Если ученѣйшій изъ современниковъ, м. Макарій, могъ отзываться о немъ, какъ о „премудромъ въ человѣцѣхъ и чудномъ во святителяхъ“, какъ о „свѣтѣ учителямъ“, „книжникѣ живота“ и „острѣйшемъ толковникѣ божественному и человѣческому писанію“, ученому, уму котораго ничто не можетъ быть сокровенно въ писаніи“ [1]), то это можно было бы счесть за цвѣты любезностей, расточаемые подчиненнымъ лицомъ своему патрону, но не менѣе цѣнятъ эти качества м. Даніила и М. Грекъ, не пользовавшійся вообще его расположеніемъ, и извѣстный уже намъ Карповъ, обращающійся къ нему, какъ „высокія книжности разуму уроженному“ [2]). Въ одномъ изъ посланій къ Николаю Нѣмчину М. Грекъ, между прочимъ, писалъ: „Когда ты будешь просвѣщенъ разумомъ, то вопроси о томъ господина и учителя Даніила, митрополита всея Россіи, и онъ научитъ тебя всей истинѣ; я написалъ неучено и неразсудно, словомъ варварскимъ и дебелымъ, а онъ просвѣтитъ своимъ ученіемъ и возвѣститъ тебѣ; тогда ты ясно увидишь, что насколько отстоитъ солнце отъ звѣзды по свѣтлости, настолько отстоитъ онъ отъ насъ благодатію и свѣтомъ разума, ты отринишь луну и прилѣпишься

---

[1]) Жмакинъ, 059, 060—061. Также: „языкъ божій“. „гласъ небесный“, „ученикъ Христовъ“ и пр.

[2]) Лѣтоп. занятій Археогр. ком. XXI, 106.

къ солнцу... Когда ты узришь изящный разумъ святого митрополита, *доктора закона Христова*, украшенный многими знаніями и съ любовью будешь слушать его,—то пощади, честный друже, краткость (малословіе) и простоту моей трости, которою я начерталъ тебѣ немногое“ [1]).

Въ свое время сочиненія м. Даніила пользовались литературнымъ успѣхомъ. Они выписывались цѣликомъ или въ извлеченіяхъ въ теченіе XVI и XVII вв., а иногда подвергались передѣлкамъ. Для своего времени они служили какъ бы „церковной энциклопедіей“, пригодной для справокъ, по выраженію П. М. Строева. Въ извѣстномъ кругѣ читателей сборникъ его сочиненій разсматривался какъ продолженіе „Просвѣтителя“ Іосифа Волоцкаго. Въ средѣ же раскольниковъ они оставались съ такимъ же авторитетомъ до позднѣйшаго времени, наравнѣ съ святоотеческими твореніями [2]). Въ ряду митрополитовъ собственно сѣверной Руси его считаютъ самымъ просвѣщеннымъ, за исключеніемъ развѣ Макарія, безъ сомнѣнія не менѣе начитаннаго, но болѣе даровитаго и болѣе дѣловитаго для русской литературы, хотя и оставившаго менѣе своихъ сочиненій. Даніилъ былъ любитель просвѣщенія. Едва ли какую мысль онъ повторялъ такъ часто и съ такою настойчивостью, какъ мысль объ ученіи и необходимости читать божественныя писанія, разумѣя это въ обширномъ смыслѣ, не только инокамъ, но и мірянамъ. Но въ его сочиненіяхъ есть и существенные недостатки. Почти всегда онъ ограничивается общими понятіями и поверхностными замѣчаніями, часто повторяется, уклоняется въ сторону и вообще излагаетъ свои мысли безъ надлежащей отчетливости и послѣдовательности и въ этомъ отношеніи онъ уступаетъ своему наставнику Іосифу Волоцкому... Лучшія мѣста въ его сочиненіяхъ—тѣ, гдѣ ему приходится касаться современныхъ заблужденій и пороковъ. Тутъ онъ оставляетъ свой спокойный и холодный тонъ и замѣтно одушевляется; слово его становится живѣе, образнѣе, краснорѣчивѣе; чувствуется, что онъ проникнутъ тѣмъ, о чемъ говоритъ и свои образы и примѣры заимствуетъ изъ жизни. Въ этомъ отношеніи сочиненія Даніила, какъ и сочиненія М. Грека, являются яркимъ отраженіемъ современной жизни русскаго общества [3]). Нѣкоторые дѣлаютъ даже сопоставленіе въ его изображеніи русскаго общества съ сатирическими

---

[1]) Сочин., I, 530—531. Не думаемъ, чтобы здѣсь была своего рода иронія. (Голубинскій); вѣрнѣе, что онъ писалъ искренно (Макарій, VII, 308).

[2]) Жмакинъ, 756—662.

[3]) Макарій, VII, 308, 394—398. Любопытны его два посланія о сребролюбіи и невоздержаніи въ пищѣ и питьѣ (365—367). Не щадилъ онъ и духовенства вообще (387), и своихъ коллегъ—епископовъ, въ частности.

описаніями современнаго польскаго общества въ произведеніяхъ публицистовъ-писателей золотого вѣка польской литературы: Петра Скарги, Кохановскаго, Рея, Збылитовскаго, Модржевскаго и др. [1]).

Сопоставленіе двухъ дѣятелей эпохи, принадлежавшихъ къ разнымъ направленіямъ, но судившихъ о ней подъ однимъ угломъ зрѣнія, усиливаетъ значеніе ихъ свидѣтельствъ, какъ историческихъ данныхъ. Если не всегда они согласны въ признаніи основныхъ причинъ извѣстныхъ явленій, то данныя эти не теряютъ своего фактическаго значенія и историческаго характера, и, напротивъ, даютъ обильный матеріалъ для оцѣнки современныхъ общественныхъ явленій.

XVII.

Авторъ „Бесѣды" на существованіе монастырскихъ имуществъ смотрѣлъ, какъ на „душевредство" для монаховъ, потому что они обѣщались избѣгать мірской суеты, а владѣть вотчинами значитъ „позавидѣти сесвѣтная". Они „отреклися сесвѣтнаго житія мірскаго", и потому должны „питаться отъ своихъ праведныхъ трудовъ и своею потною прямою силою, а не царскимъ жалованьемъ и не христіанскими слезами, *какъ прочіе праведные пустынные жители*". Тѣ изъ монаховъ, которые не хотятъ кормиться своими трудами—„не богомольцы, а иконоборцы." Изъ подаяній въ пользу монаховъ тотъ же авторъ допускалъ только „урочную годовую милостыню". Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ постоянно даетъ совѣты свѣтской власти противъ монашескаго вліянія и порицаетъ ее за потворство монахамъ [2]).

Въ свою очередь, М. Грекъ указываетъ на владѣніе монастырей имуществами, какъ на главную причину зла, обнаружившагося въ монастырской жизни: „Ничто говоритъ онъ, столько не можетъ озвѣрить насъ, какъ владѣть стяжаніемъ, подобно господамъ, потому что „не можетъ душа двумъ господамъ работать, Богу и мамонѣ вмѣстѣ, какъ нельзя однимъ окомъ смотрѣть на землю, а другимъ на высоту небесную, но обоими нужно смотрѣть вверхъ или внизъ" [3]). И въ этомъ случаѣ онъ представлялъ въ примѣръ русскимъ монахамъ—картезіанцевъ, которые питались однимъ подаяніемъ. „Сіе же пишу, прибавляетъ Максимъ, *не для того, чтобы показать латинскую вѣру чистою, совершенно*

---

[1]) В. Качановскій въ рец. на книгу о. Жмакина (Ж. Н. Пр. 1881, № 12, с. 388—390.

[2]) Разсужденіе о неприличіи монастырямъ владѣть вотчинами, въ Чт. Моск. Общ. ист. 1859 г., кн. III; Лѣт. зап. Арх. ком., X.

[3]) Соч. II, 36. 39, 69, 402.

и прямо ходящею—*да не будетъ во мнѣ таково безуміе*—но да покажу православнымъ, что и не у правомудренныхъ латынъ естъ попеченіе и прилежаніе о евангельскихъ спасительныхъ заповѣдяхъ" [1]). Нужно замѣтить, что М. Грекъ судитъ о картезіанцахъ по ихъ уставу и разсказамъ. Но мы знаемъ уже какова была жизнь картезіанцевъ во Франціи въ его время. Въ Commentario d'Italia помѣщено также изложеніе „безшабашной жизни" картезіанскихъ монаховъ [2]). Въ одномъ изъ своихъ сочиненій, Максимъ представилъ два противоположныхъ мнѣнія о монастырскихъ имуществахъ, существовавшихъ тогда въ русскомъ обществѣ. Это сочиненіе написано въ діалогической формѣ, подъ заглавіемъ: „Стязаніе о извѣстномъ иноческомъ жительствѣ. Лица же стязующихся Филоктимонъ, сирѣчь любостяжательный, да Актимонъ, сирѣчь нестяжательный" [3]). Въ лицѣ „нестяжателя" Максимъ приводитъ собственныя возраженія.

Защитники монастырскихъ имуществъ, въ подтвержденіе своего мнѣнія, приводили слова Евангелія, въ которомъ, за отреченіе отъ отца, матери, дѣтей *и селъ*, обѣщается награда сторицею не только въ будущей жизни, но и въ „нынѣшнемъ вѣкѣ" (Матѳ. 19, 29). Они указывали въ примѣръ на Авраама, Исаака, Іакова, Іова, Давида, Самуила, левитовъ и священниковъ (Ветх. Завѣта), которые владѣли имуществомъ. Наконецъ говорили, что и при существованіи монастырскихъ имуществъ „все общее всѣмъ" и каждый изъ монаховъ самъ по себѣ не можетъ располагать ничѣмъ.

М. Грекъ на это возражаетъ, что поступающій въ монастырь изъявляетъ свободное желаніе, причемъ отказывается „отъ стяженія", а слѣдовательно „приложеніе стяжанія" есть нарушеніе обѣта, тѣмъ болѣе, что съ многостяжаніемъ и лихоимствомъ соединяются безчеловѣчные поступки; евангельскія же обѣщанія слѣдуетъ понимать духовно, такъ какъ въ противномъ смыслѣ выходило бы, что „и за едину жену, которую кто оставитъ, воспріиметъ иныя многія, и чада породитъ больше первыхъ". Противъ указанія на примѣръ Авраама, Исаака и др., Максимъ замѣчаетъ, что они заботились о бѣдныхъ, вдовицахъ и

---

[1]) Повѣсть страшная. Соч., III, 187—189, 202. Подроб. см. выше, стр. 105—107. М. Грекъ имѣлъ основаніе опасаться ссылки на латинскіе монастыри, такъ какъ даже ученикъ его Зиновій увидѣлъ въ этомъ обиду своей братіи (Истины показаніе 890—898).

[2]) См. выше, стр. 106, 373; Бурхардтъ, 381. Эр. Роттердамскій въ своихъ произведеніяхъ (Похв. глупости, Разговоры и др.) даетъ яркія черты разложенія монаст. жизни на Западѣ, въ связи съ обогащеніемъ.

[3]) Существовала легенда о двухъ монахахъ—дающемъ и берущемъ (Ист. Вѣстн. 1896, № 8, стр. 528), въ разныя эпохи.

сиротахъ; притомъ они жили съ женами, дѣтьми и рабами „по данному закону", и заповѣдь не запрещала имъ владѣть имѣніями и рабами, почему они и угодили Вышнему". „Мы же иноки, продолжаетъ онъ, въ оправданіе себя приводимъ тѣхъ праведныхъ мужей? Гдѣ о нихъ писано, что свое сребро, вопреки заповѣдямъ и уставамъ, съ ростомъ взаимъ давали, или росты на ростахъ истязали отъ убогихъ и не могущихъ отдать и, за умноженіемъ многолѣтныхъ ростовъ, расхищали оставшіяся у нихъ въ послѣдней нищетѣ худыя стяжанія, какъ нынѣ дерзаемъ мы налагать еще на бѣдныхъ поселянъ, лихоимствуя и обременяя ихъ тягчайшими ростами и разоряя тѣхъ, которые трудятся безпрестанно въ нашихъ селахъ и во всѣхъ нашихъ нуждахъ, внутрь и внѣ монастыря? Гдѣ что нибудь столь безчеловѣчное о праведныхъ мужахъ писано"?

На доводы защитниковъ монастырскихъ имуществъ, что левиты и священники Ветх. Завѣта владѣли собственностью и получали десятину, Максимъ отвѣчаетъ: „Ветхій Завѣтъ миновалъ и теперь все ново", и представляетъ имъ въ примѣръ извѣстныхъ пустынниковъ. „Корень всѣмъ злымъ, говоритъ онъ, сребролюбіе", потому что оно приводило многихъ къ самоубійству, умерщвленію другихъ и къ отреченію отъ вѣры. „Гораздо лучше и спасительнѣе для соблюдающихъ уставы иноческаго житія, ради Христа обходить грады и страны, и, если гдѣ случится претерпѣть поношеніе и безчестіе, со благодареніемъ переносить по заповѣди Спаса, нежели обливаться сребромъ и златомъ и огражденными быть землями и селами, вопреки заповѣди Господней... Любостяжательный и сребролюбивый инокъ боголюбцемъ, какъ подобаетъ, и нищелюбцемъ быть не можетъ, такъ какъ онъ ходитъ въ преступленіи святыхъ божіихъ заповѣдей". Наконецъ, противъ послѣдняго довода своихъ противниковъ (объ общности имуществъ), Максимъ возражаетъ: „смѣшно, что вы вздумали мнѣ говорить, ничѣмъ не различаясь отъ тѣхъ, которые, сочетаясь съ одною блудницею и будучи за это поносаемы, отвѣчаютъ, каждый говоря: никакого нѣтъ мнѣ грѣха въ томъ, такъ какъ она общее достояніе, или какъ тотъ, кто со многими разбойниками идетъ на разбой и соберетъ многія богатства, когда будетъ взятъ и подвергнутъ истязанію, станетъ отвѣчать: я неповиненъ; все у нихъ оставилъ и ничего изъ того себѣ не взялъ" [1]).

---

[1]) Назначеніе церк. имуществъ на содержаніе неимущихъ и нищихъ, а равно на выкупъ плѣнныхъ, имѣло преимущественное значеніе въ глазахъ благотворителей (П. Соколовъ, Церк. им. право, 131—132). Духовенство же болѣе всего указывало на ихъ назначеніе на поминъ „по душахъ" (Павловъ, 16, прим. 1) и повышало цѣну за выкупъ ихъ родственниками, на что обратило вниманіе правительство (ib. 17, пр. 3).

Въ заключеніе, обращаясь къ читателю, Максимъ Грекъ, проситъ его „не враждовать къ написавшему по истинѣ это слово“, такъ какъ въ послѣднемъ нѣтъ ничего несогласнаго съ евангельскими заповѣдями и преданіемъ; еще проситъ, чтобы читатели (онъ имѣлъ въ виду монаховъ) не оправдывались, но молились, чтобы имъ „приложиться на добрыя и спасительныя дѣла и мысли въ пользу нестяжательности“. „Не только предосудительно, замѣчаетъ Максимъ, чтобы согрѣшать,—человѣку эта страсть свойственна,—но, чтобы, по согрѣшеніи, не познавать своего грѣха и не исповѣдать его“, ибо, по словамъ „Лѣствицы“: „отвращающійся обличеній лишится своего спасенія“. Относительно же самыхъ имуществъ, Максимъ замѣчаетъ: „лучше дурно скопленное достойно раздать“, а въ „Главахъ поучительныхъ начальствующимъ правовѣрно“ онъ говоритъ вел. князю: „все, что отъ правовѣрныхъ царей и христолюбивыхъ князей возложено святымъ божіимъ церквамъ, имѣнія и стяжанія, на прокормленіе нищимъ и сиротамъ, должно быть назначено на ихъ потребности и нужды въ ихъ жизни. Воистину солгало дѣло маслины мысленной, т. е. дѣло милостыни, потому что оскудѣло и изсякло дѣло благотворенія. Таковую обиду для нищихъ кто иной можетъ исправить кромѣ Бога, и царствующимъ благовѣрно на землѣ необходимо и прилично таковые священническіе недостатки, не скажу прегрѣшенія, по ревности древнихъ православныхъ царей—Константина, Θеодосія и Юстиніана Великихъ,—исправить. Ничто иное такъ не можетъ утвердить царскій скипетръ, какъ попеченіе о нищихъ и милосердіе къ нимъ“ [1]). Слѣдовательно, признавая весь вредъ монастырскихъ имуществъ, М. Грекъ требовалъ возстановленія ихъ первоначальнаго назначенія, т. е. чтобы они служили вспомоществованіемъ для нищихъ, вдовъ и сиротъ. Онъ ставилъ въ примѣръ порядки Аѳона, гдѣ всѣ обязаны были нести общій трудъ, а нѣсколько служителей предназначались только для ухода за скотомъ [2]).

Вассіанъ и М. Грекъ, въ своихъ сочиненіяхъ, смотрѣли на этотъ вопросъ съ религіозно-нравственной стороны. Такимъ образомъ они были прямыми продолжателями въ развитіи мнѣнія, высказаннаго на Московскомъ соборѣ Ниломъ Сорскимъ и его сторонниками. Такъ смотрѣли на нихъ и лица, близко знавшія эти отношенія. „Какъ не стало, говоритъ современникъ, старца Нила, *то ученикъ его* князь Вассіанъ Косой началъ сильно поборать по своемъ старцѣ Нилѣ, чтобы

---

[1]) Сочин., II, 89—118, 174. Другія мѣста приведены нами выше.

[2]) Сочин., III, 243—245. Тутъ же онъ указываетъ на запрещеніе на Аѳонѣ принимать и постригать „безбородыхъ“.

у монастырей не было селъ, и съ нимъ стали иные старцы, *а съ ними святогорцы*“ [1]). И Вассіанъ и Максимъ, подобно Нилу, указывали монахамъ на пустынножительство, какъ на образецъ монашеской жизни. Но въ ихъ полемикѣ есть и нѣкоторое отличіе. Вассіанъ находился въ значительной степени подъ вліяніемъ личныхъ мотивовъ и отношеній; М. Грекъ ратовалъ за чистую идею [2]), въ которой возросъ и воспитался. Однако напрасны были совѣты Вассіана и М. Грека вел. князю. Василій Ивановичъ не раздѣлялъ убѣжденій своего отца. Во время своего правленія, онъ безпрестанно подтверждалъ жалованныя грамоты своихъ предшественниковъ (на монастырскія имущества), давалъ новыя, строилъ монастыри и надѣлялъ ихъ вотчинами. Иванъ Грозный, не стѣснявшійся относительно церковныхъ имуществъ (Горсей) и ограничившій права монастырей въ пріобрѣтеніи вотчинъ (дополнит. статьи къ Судебнику), по обстоятельствамъ своей жизни, дѣлалъ постоянныя отступленія.

Свой взглядъ на этотъ вопросъ Иванъ Грозный высказалъ въ письмѣ къ Гурію, архіеп. казанскому (съ 1555 г.), бывшему игуменомъ Іосифова мон.: „Многіе, которые взялись пасти и беречь церковь, разоряютъ ее, казну церквей и монастырей истребляютъ на своихъ родственниковъ и на свою роскошную жизнь, а нищихъ не питаютъ и странниковъ не призрѣваютъ. Не спроситъ Господь на судилищѣ своемъ, какъ долго молитесь? какъ много поститесь? по какому чину въ храмѣ и церкви воспѣваете? Хотя и все это хорошо, но спроситъ: сколько оказали милости бѣднымъ, сколько научили ихъ, какъ св. Матоей пишетъ.... Помни ты только то, что я тебѣ часто говорилъ, когда ты былъ игуменомъ, что не хорошо монастыри черезчуръ обогащать и давать имъ многія вотчины; они отъ того болѣе пустуютъ, пьянствуютъ и лѣнятся, а праздность на всякое зло влечетъ; а когда убоги, то болѣе трудятся, какъ достать хлѣбъ и одежду, а другое и въ голову не пойдетъ“ (Продолж. Рос. Вивл., V, 243—244. Письмо подписано: Царь Иоаннъ благословеніе прошу). Тутъ же похвалы Макарію, Діонисію и ему, Гурію, и укоризны другимъ. Онъ поощряетъ, чтобы старцы дѣтей учили и не только читать и писать, но и читаемое право разумѣть, чтобы могли и другихъ учить и бусурманъ

[1]) Творен. св. отцевъ, годъ IX, кн. 3. См. в., стр. 396.

[2]) Павловъ, Истор. оч. секуляриз. церк. земель, 78—79. Картина состоянія Россіи въ изображеніи кн. Курбскаго тожественна съ изображеніемъ Максима Грека (Прав. Соб. 1863, № 6, стр. 552—568).

наставлять. Гурій, будучи игуменомъ, заботился не объ обогащеніи монастыря и внѣшнемъ благолѣпіи, но о достойной жизни братіи (Филаретъ, Житія, 4 дек.). Въ житіи Геннадія Костромского (1-й ред.), сост. игуменомъ Спасо-Геннад. мон. Алексѣемъ, читаемъ слѣд. мѣсто, характеризующее отношеніе Ивана Грознаго къ монастырямъ: „яко дымъ прогоняетъ пчелы, такъ и піянство Св. Духа отгоняетъ отъ человѣковъ; сей же преп. авва Геннадій чужался піянства. Нѣцы братія наша любятъ піянство, яко же и азъ, а ини же игумены малыхъ обителей желаютъ въ великія обители на игуменство. Яко како въ день ярости Господня не ползуетъ человѣка многое имѣніе, тако же и насъ не ползуетъ въ великихъ обителехъ игуменити: ему же дано много, много ся и взыщетъ. Мнѣ глаголалъ самодержецъ великороссійскій православный царь и вел. князь Иванъ Васильевичъ: „живи ты, игуменъ, да имѣй расходъ по приходу; аще ли не по приходу расходъ, и ты скатерти урѣжь“ (Проток. засѣд. Арх. ком., III, 217, примѣч.).

Иванъ Грозный, въ своихъ теоретическихъ воззрѣніяхъ на современный бытъ монастырей, былъ истолкователемъ мнѣній М. Грека (Павловъ, 107), съ которыми, конечно, познакомился по его сочиненіямъ.

XVIII.

Въ борьбѣ за право владѣнія церковными имуществами, рѣзче всего обнаружилась сила вліянія духовенства. И насколько оно было настойчиво въ этой борьбѣ, можетъ служить подтвержденіемъ слѣдующій примѣръ: когда митрополиту Іоасафу (жившему на покоѣ въ Троицкой лаврѣ) предложили на разсмотрѣніе мнѣнія Стоглаваго собора, между которыми находилась статья, чтобы для выкупа плѣнныхъ собирать ежегодно *посошныя* съ крестьянъ, и когда Іоасафъ совѣтовалъ, брать на это деньги изъ суммъ митрополитскихъ, архіепископскихъ, епископскихъ и монастырскихъ, потому что крестьянамъ и такъ *много тягла въ своихъ податяхъ*, то его совѣтъ не былъ принятъ.

При каждомъ важномъ случаѣ духовенство всегда напоминало о неприкосновенности церковныхъ имуществъ (1504, 1551). И въ числѣ условій, предложенныхъ Владиславу, при избраніи его въ цари, было поставлено и требованіе, чтобы новый царь никакимъ образомъ не нарушалъ неприкосновенности церковныхъ имуществъ и доходовъ [1]). То

---

[3]) Акты экспед. II, № 165. Это требованіе вѣроятно было результатомъ поступка перваго Самозванца, который, по словамъ Буссова, велѣлъ осмотрѣть монастыри, представить вѣдомость ихъ доходамъ, оцѣнить ихъ помѣстья, и, оста-

же поставлено было на видъ и въ уставной грамотѣ 1611 года, въ числѣ условій, предписанныхъ земскою думою тремъ избраннымъ ею для управленія Россіею военачальникамъ [1]). Въ 1648 г. люди всѣхъ сословій поднесли Алексѣю Михайловичу челобитную, въ которой просили, чтобы онъ отобралъ у духовенства всѣ вотчинныя земли, неправильно имъ пріобрѣтенныя послѣ запретительнаго указа 1580 года, и раздалъ бы ихъ *служилымъ людямъ* [2]). Хотя за это дѣло принялись, но просьба все-таки осталась безъ послѣдствій. Даже Петръ Великій не могъ окончательно разрѣшить вопроса о церковныхъ имуществахъ, и только при Екатеринѣ II вопросъ этотъ былъ рѣшенъ, но онъ вызвалъ сильное негодованіе противъ нея [3]), которое не скоро улеглось.

Могло ли помочь исправленію монастырской жизни возстановленіе древнихъ уставовъ?—Посмотримъ, къ чему приводили подобныя попытки того времени.

Когда Іосифъ Волоцкій хотѣлъ ввести въ Боровскомъ монастырѣ строгій уставъ, то встрѣтилъ противодѣйствіе въ большинствѣ братіи [4]). Въ XVI в. Өеодоритъ основалъ на рѣкѣ Колѣ Троицкій монастырь и запретилъ въ своемъ уставѣ всякое пріобрѣтеніе, кромѣ труда рукъ, а также держать въ монастырѣ женщинъ, то „сего ради, говоритъ Курбскій, сложившись со діаволомъ, иноки оные вознепстовствовали; схватили святаго старца и били его нещадно, и не только изъ монастыря извлекли, но и изгнали изъ той страны, какъ врага нѣкоего“. Өеодоритъ пошелъ въ одинъ изъ новгородскихъ монастырей, но и тамъ пробылъ только два года. Когда онъ былъ архимандритомъ суздальскаго Евѳиміевскаго монастыря и началъ обличать монаховъ, жившихъ не по уставамъ и церковнымъ правиламъ, сталъ „уздать ихъ страхомъ божіимъ, наказывая жить по великому Васильеву уставу, то иноки его возненавидѣли“. И Артемій отрекся отъ игуменства въ Троицкомъ-Сергіевомъ монастырѣ „многаго ради мятежа любостяжательныхъ и издавна законопреступныхъ мниховъ“ [5]), говоритъ Курбскій, а извѣстный Паисій

вивъ изъ нихъ только необходимое для содержанія праздныхъ монаховъ, все прочее отобралъ въ казну на жалованье войску. (Лѣт. Моск. стр. 52).

[1]) Карамзинъ, XII, прим. 793.

[2]) Акты экспед., IV, № 33.

[3]) Записки Дашковой. См. нашу монографію объ Арсеніѣ Мацѣевичѣ.

[4]) Соловьевъ, V, 285. Его собственный монастырь уже въ слѣдующемъ поколѣніи заявилъ себя распущенностью (Жмакинъ, 665; ср. Рус. Стар. 1901, № 9, с. 611).

[5]) Курбскій, Сказанія, I, 174; изд. 2-е, 132. Въ XVII в. въ Печенгскомъ мон. изъ 14 монаховъ—13 были пьяницы и одинъ игуменъ—„добраго житія“ (В. Евр. 1908, № 11, с. 292—293). Доходы мон-ря обыкновенно уходили на увеселенія (Р.

оставилъ игуменство потому, что „не могъ превратить чернецовъ на божій путь, на молитву, постъ и воздержаніе“; они хотѣли даже убить его, такъ какъ между монахами были бояре и князья, которые не хотѣли ему повиноваться [1]). Іосифъ Волоцкій написалъ отдѣльное сочиненіе, въ которомъ ясно показалъ, въ какомъ печальномъ положеніи оказывались игумены, требовавшіе соблюденія уставовъ, а мы видѣли изъ какихъ лицъ часто избирались игумены.

Максимъ Грекъ съ своей стороны предлагалъ, чтобы игумены избирались „соборомъ“ братіи, а не „дарами сребра и злата, приносимыми народнымъ писарямъ“. Такіе игумены, онъ замѣчаетъ, „суть безчинники житіемъ, въ пьянствѣ всегда и пищѣ всякой упражняющіеся сами, а сущая подъ рукою ихъ братія, презираемая тѣлесно и не брегомая духовно, скитается безпутно, какъ овцы не имѣющія пастыря [2])“. Но если онъ ставилъ хорошую жизнь монаховъ въ зависимость отъ избранныхъ игуменовъ, то самымъ лучшимъ доказательствомъ противъ его мнѣнія служитъ борьба указанныхъ выше лицъ. Іосифъ Волоцкій, Паисій, Артемій и Ѳеодоритъ хорошо извѣстны своею жизнью, чтобы подтвердить сказанное нами, и въ соч. Іосифа Волоцкаго „о святыхъ отцѣхъ, бывшихъ въ рустѣхъ монастырѣхъ“, ясно представляются безпорядки монастырской жизни именно отъ выбранныхъ монахами игуменовъ [3]). Митр. Даніилъ былъ защитникомъ монастырскаго общежитія и Макарій проводилъ, по его настоянію, послѣднее въ Новгородѣ, но существенно оно отразилось лишь на увеличеніи монастырской братіи [4]).

По утвержденію Зиновія Максимъ не могъ судить о русскихъ монахахъ, такъ какъ до заключенія своего жилъ при дворѣ, а Вассіанъ, хотя и жилъ въ Симоновѣ монастырѣ, но получалъ содержаніе отъ вел. князя, а не отъ монастыря, почему и не могъ знать о неудобствахъ монастырской жизни (Истины показ., Прав. Соб. 1863 г., гл. 45, и Ист. іерархіи, II, xxxi—xxxiii). Но Максимъ не былъ постоянно при дворѣ, а жилъ въ Чудовѣ, а потомъ въ Волоколамскѣ, въ Твери и Троицкой лаврѣ и видѣлъ нагляд-

Арх. 1902, № 2, с. 339). Игуменъ, поразившій своимъ видомъ католическихъ патеровъ въ г. Можайскѣ (Р. Стар. 1901, № 9, с. 611). Воинственный игуменъ Ефремъ тиранившій священника за нечистоту въ храмѣ (ib. 1910 г, № 6, с. 526), хотя порядокъ въ церкви вещь хорошая.

[1]) Соловьевъ, V, 250.

[2]) Сочин. М. Грека. Повѣсть страшная.

[3]) Чтен. Моск. Общ ист. 1847, № 7.

[4]) Даніилъ выражается съ пренебреженіемъ о жизни (житьишкѣ) самовольныхъ пустынниковъ, но самъ не сдѣлалъ широкаго примѣненія общежительнаго устава (Голубинскій, 734).

ные примѣры монастырской жизни. Иванъ Грозный указываетъ на распутство именно Симоновскаго и Чудовскаго монастырей: „якоже сами видите *на Симоновѣ...* точію одѣяніемъ иноцы, а мірская вся совершаются, яко же *и у Чюда* быша среди царствующаго града, предъ нашима очима“. (Акты истор. I, № 204).

Въ к. XVI в. дѣлаются напоминанія о соблюденіи монастырскихъ порядковъ, установленныхъ Стоглавымъ соборомъ; но и въ XVII вѣкѣ встрѣчаемъ извѣстія, что отъ пьянства въ монастыряхъ бываютъ многая вражда и мятежи, отчего иноческому чину угрожало совершенное разрушеніе; монастырскія власти съ своихъ слугъ, посланныхъ въ монастырскія вотчины, на жалованье, и съ крестьянъ брали посулы большіе, а кто не давалъ, тому чинили побои и изгони большіе же [1]). Картина эта остается такою же неизмѣнно, какъ по русскимъ свидѣтельствамъ, такъ и по иностраннымъ извѣстіямъ, вызвавъ рѣзкій поворотъ въ дѣятельности власти уже при Петрѣ Великомъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Взаимныя отношенія разныхъ классовъ общества.—Мѣстныя и экономическія условія быта.—Управленіе и судъ.—Нравы общества.—Отношеніе къ нимъ обличительной литературы и Максима Грека.—Признаки закрѣпощенія. Опасность переворота.

I.

Когда обстоятельства не позволяютъ говорить прямо, писатели прибѣгаютъ къ аллегоріи или мистическому изображенію современной дѣйствительности. Говоря о вавилонскомъ плѣнѣ прор. Іезекіиль выражается: „Большой орелъ прилетѣлъ на Ливанъ и снялъ съ кедра верхушку, сорвалъ верхній изъ молодыхъ побѣговъ его и въ городѣ торговцевъ положилъ его“ (XVII, 3, 4). Іеремія свою скорбь о паденіи родины назвалъ „книгой плача“. Въ трогательныхъ выраженіяхъ изображаетъ языческій поэтъ Клавдіанъ плачъ Рима, обращенный къ импер. Гонорію по случаю его посѣщенія вѣчнаго города, жалуясь на свои печали [2]). Не менѣе горько сѣтуетъ соракстскій монахъ—лѣтописецъ на бѣдствія Рима („горе Риму“) по случаю прибытія въ Римъ Оттона I, напоминая элегіи Іеронима по поводу нападенія готовъ

[1]) Акты экспед. IV, 37, 188, 322, 325, 328; Сборникъ, кн. Хилкова, 162—165.
[2]) В. И. Герье, Средневѣковыя міровоззрѣнія (В. Евр. 1891. № 1, 182)

и Григорія на утѣсненія лангобардовъ [1]), и въ томъ же X вѣкѣ раздается горькій плачъ въ поэмѣ Флора Діакона по поводу распаденія Каролингской имперіи [2]). Петрарка въ письмѣ изъ Падуи къ имп. Карлу IV (1350) изображалъ старѣющій Римъ въ вѣчномъ образѣ скорбной вдовы съ растерзанными одеждами и растрепанными сѣдыми волосами, припоминалъ ему вѣка славы и глубокое паденіе города, умоляя о его спасеніи [3]). Таковы же плачи и пѣсни на взятіе Константинополя латинами и Константинополя и Аѳинъ турками („Ὦ πόλις, πόλις" и т. д. [4]), или плачъ діакона Аѳанасія о бѣдствіяхъ Сербіи, посвящ. ц-нѣ Софіи (XVII в. [5]). Мишле въ своемъ патріотическомъ увлеченіи изображаетъ бѣдствія Франціи 40-хъ годовъ въ видѣ страдающаго ветхозавѣтнаго Іова [6]). Мотивы эти не были чужды Россіи. Плачъ о паденіи Пскова въ его лѣтописи (1510) напоминаетъ призывы прор. Іезекіиля и Іереміи. Въ Воскресенской лѣтописи, среди хронологическихъ записей встрѣчаемъ слѣд. мѣсто: „Нѣкто, ходя по пустыни, обрѣте жену, стоящу печальну, и рече къ ней: ты кто еси? Она рече: азъ есмь *истина*. И рече ей человѣкъ: которыя ради вины, оставивши градъ, въ пустыни живеши? Она же рече: въ прежнія лѣта среди немногихъ была лжа, нынѣ же во всѣхъ людяхъ и злое житіе лукаво будетъ въ человѣцѣхъ, и едва-ли будетъ лучшее" [7]). Наконецъ къ этой же категоріи мучительныхъ вопросовъ принадлежатъ и „плачи" раскольничьей литературы на излюбленныя ею темы [8]).

Максимъ Грекъ современную ему Россію также представляетъ въ „образѣ жены, сидящей при пути, стонущей горько и плачущей безъ утѣхи", облеченной въ „одежду черную, каковъ обычай есть вдовамъ—женамъ, вокругъ которой кишатъ звѣри, львы, медвѣди, волки и лисицы" [9]). Что же это были за „стоны горькіе и плачъ неутѣшный?" Время, о которомъ говоритъ М. Грекъ—было время господства боярщины въ малолѣтство Ивана Грознаго (1533—1547).

---

[1]) Грегоровіусъ, Ист. Рима, III, 299—300.

[2]) Брайсъ, Свящ. Рим. имперія, 66.

[3]) Грегоровіусъ, Ист. Рима VI, 186; Фойгтъ, II, 390.

[4]) Статья Ламброса, Byz. Zeitschr., IX, 161—169. Ср. рец. Д. Бѣляева на изд. Керамевса (Ж. М. Н. Пр. 1892, № 5, с., 510. Виз. Врем. 1900, III, 206).

[5]) Проток. Общ. любит. 1892—1893, с. 8; Ист. Вѣстн. 1893, № 3, с. 934.

[6]) В. Евр. 1896, № 3, 137, ст. В. И. Герье.

[7]) П. С. Р. лѣт., VII, 253.

[8]) Внутр. вопросы въ расколѣ въ XVII в. П. С. Смирнова, 016—018.

[9]) Сочин., II, 319. Политическое значеніе этой статьи ясно: „жена"—это „Василія", царство. Того же вопроса касается и м. Даніилъ, потерпѣвшій въ боярское правленіе (589).

Въ древне-русскихъ нравственно-обличительныхъ сочиненіяхъ нерѣдко представляется контрастъ между жизнію богачей, пріискивающихъ себѣ всѣми неправдами лишній прибытокъ и участью подавленныхъ и угнетенныхъ обстоятельствами жизни бѣдняковъ и рабовъ. „Какъ звѣри алчутъ насытиться плотію, говорилъ Серапіонъ (XIII в.), такъ мы алчемъ и не престаемъ желать, какъ бы всѣхъ погубить, а горькое и кровью облитое имущество сиротъ захватить. Звѣри ѣдятъ и насыщаются, а мы не можемъ насытиться“ [1]). Митр. Фотій въ своемъ поученіи замѣчалъ современникамъ: „отъ голода и отъ нужды всѣ пришли въ конечную пагубу, видя естества нашего единородственную нашу братію, происходящую отъ единыхъ удъ, а не отъ иныхъ,..... нами же зримую и видимую повсюду валяющеюся и отъ звѣрей и птицъ на путяхъ безчисленно снѣдаемую... и мы о сихъ нисколько не болѣзнуемъ и не болимъ“ [2]). Въ Измарагдѣ XV в. читаемъ: „Какъ безъ ума, мятется всякій богатый.... сей у того имѣніе исхитилъ, иной у другого землю отнялъ, а иной на ближняго зло замыслилъ; а другіе изъ-за земли бьются и тяжутся [3]); иной, ничего не давая, хочетъ взять, а другой, взявшій, споритъ, чтобы не отдать, имѣя умъ ненасытный; изъ-за богатыхъ жизнь мятежами ниспровергается. *Имѣнія ради, свободныхъ людей порабощаютъ и продаютъ;* богатые питаютъ мысль о прибыткѣ, должники отъ печали увядаютъ; златолюбцы на судилища часто ходятъ и клеветники лжами продаютъ. Имущіе отдаютъ на прибытокъ, а убогимъ части не отдѣляютъ, подъ клятвою только Бога видятъ“ [4]). Во время татарскаго ига, многіе богатые откупали у татарскихъ властей (посаженныхъ по городамъ) дани для собственной корысти, а бѣдные принуждены были работать на нихъ въ ростахъ [5]). „Что отвѣтимъ мы, замѣчаетъ М. Грекъ, которые всю надежду спасенія нашего полагаемъ въ одномъ лишеніи мясъ, рыбы и елея во время святыхъ постовъ, а обидѣть и лихоимствовать надъ *бѣдными подручниками и* въ судилища враждебно ихъ влачить и ратовать и озлоблять ихъ различными просьбами не перестаемъ“ [6]).

---

[1]) Прав. Соб. 1858 г., іюль, стр. 481, и Прибавл. къ Твор. св. отцевъ 1843 г., II, 202. Когда въ 1259 году татары наложили на Новгородъ число, то бояре по словамъ лѣтописца, „творяху себѣ легко, а меньшимъ зло“ П. С. Р. лѣт., III, 57.

[2]) Поучен. Фотія, Прав. Соб. 1861 г., іюль, 308.

[3]) Т. е. изъ-за межи, границы земли; см. Правыя грамоты въ Акт. юридич.

[4]) Прав. Соб. 1861 г., январь. Попеч. церк. о внутр. благоустр., 43.

[5]) Никон. лѣт. III, с. 41.

[6]) Главы поучительны, II, стр. 161.

Между тѣмъ тѣ же богачи записывали имѣнія на монастыри, щедро кормили монаховъ, строили церкви... Однажды къ Димитрію Прилуцкому одинъ богачъ принесъ съѣстные припасы, но тотъ велѣлъ ему отнести домой и раздать своимъ рабамъ, которые у него *голодали* [1]). Іосифъ Волоцкій писалъ посланіе къ одному вельможѣ, который до того дурно обходился съ своими рабами, что они „голодомъ таяли, наготою страдали, терпѣли тѣсноту и скудость въ тѣлесныхъ потребахъ“ [2]). Если рабы выкупались на волю, то ихъ владѣльцы не удовлетворялись „цѣною уреченною“, а брали сколько смогутъ, и обыкновенно гораздо больше той цѣны, какую сами дали за нихъ; если же у выкупившихся рабовъ оказывались послѣ дѣти, то прежній владѣлецъ снова требовалъ выкупа и за нихъ. Такія безчеловѣчныя отношенія древніе обличители называли „торгомъ живыхъ душъ“. Подъ вліяніемъ подобныхъ отношеній сложилось въ народѣ представленіе, что господа и мужики созданы изъ двухъ различныхъ матеріаловъ [3]).

По словамъ Зиновія Отенскаго подобное зло настолько укоренилось въ обществѣ, что даже во время лютаго голода представители власти и владѣльцы-помѣщики, проявлявшіе до сихъ поръ свое отношеніе къ ближнимъ лишь въ жестокости и въ разныхъ притѣсненіяхъ, не измѣнили своего поведенія, не выказали стремленія къ нравственному улучшенію и остались равнодушными къ общему несчастію. Когда голодъ разлился по землѣ и многіе поселяне, бросивши свои рала, разошлись и явились въ городъ, опухли и умерли, оставшіеся въ селахъ ѣли, какъ скотъ, траву, кору и гнилыя колоды, то иные земскіе правители показали свое милосердіе тѣмъ, что изъ запустѣнія хотѣли извлечь пользу казнѣ, налагая на оставшихся дань на дань и подвергая ихъ разнымъ истязаніямъ, подобно Ксерксу, повелѣвшему наказать море, разсыпавшее своими волнами его мосты. Хотя и опредѣляется, говоритъ онъ, цифры погибшихъ тогда сотней тысячъ, но эта цифра не истинна, ибо никто не считалъ, когда люди падали какъ пожинаемая трава, а съ ними погребавшіе и ихъ духовныя лица. Самое паденіе Греческаго царства Зиновій связываетъ съ неправдой, царившей въ судѣ; такъ и, мы казнимы, прибавляетъ онъ, за то, что не любимъ милости, суда и правды [4]).

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, IV, прим. 322.

[2]) Ibid. V, 291; Хрущовъ. 93—97.

[3]) Рус. народ. легенды, А. Пыпина (Соврем. 1860, № 3, сс. 84, 88).

[4]) Слово на откр. мощей архіеп. Іоны (Калугинъ, 017—25). По лѣтописямъ. жестокій голодъ и моръ въ Новгор. и Псков. областяхъ показаны въ 1544 и 1552 гг.

II.

Одинъ писатель о Россіи XVII в. слѣдующимъ образомъ объясняетъ намъ причины этого порядка вещей: „Народу нашему, говоритъ онъ, природный недостатокъ есть многопированіе и тщеславіе въ угощеніи, и затѣмъ идетъ расточительность и разореніе. А за симъ, по необходимости, слѣдуетъ суровость къ подданникамъ. Несчетны въ нашемъ народѣ люди, кои себѣ за честь вмѣняютъ, когда много пируютъ и имѣніе свое безъ причины раскидаютъ, а выжимаютъ все у подданниковъ своего рода людей“ [1]). Замѣчаніе это вполнѣ подтверждается словами митр. Даніила. Въ одномъ изъ своихъ обличеній онъ говоритъ: „Откуда у насъ многогубительные расходы и долги, не отъ гордости ли и безумныхъ проторовъ, и на жену и на дѣти кабалы, и поруки, и сиротство, и рыданіе, и вопли, и слезы? Всегда наслажденія и упитанія, всегда пиры и позорища, всегда бани и лежаніе, всегда праздность и безумныя тасканія, какъ нѣкіихъ мошенниковъ и обманщиковъ, демонскимъ наученіемъ“.... „Сколько, замѣчаетъ онъ, тщанія и подвиговъ имѣетъ пища и питіе, сколько золота и серебра тратится на сіе и сколько подвиговъ, заботъ, трудовъ и болѣзней употребляютъ чреворaботники“! А вотъ изображеніе тогдашнихъ волокитъ, щеголей и ихъ занятій: „великій подвигъ, творишь ты, угождая блудницамъ, говоритъ Даніилъ, одежды (ризы) мѣняешь, сапоги надѣваешь красные, отъ которыхъ ноги твои терпятъ тѣсноту и боль. Занимаешься только болтовней, скаканіемъ и ржаніемъ, уподобляясь тѣмъ жеребцу ...; волосы твои не только бритвою съ тѣломъ отнимаешь, но и щипцами съ корнемъ вырываешь и выщипать не стыдишься; позавидовавъ женщинамъ, мужское лицо твое претворяешь въ женское, весь хочешь быть, какъ женщина....; лицо твое много умываешь и натираешь, щеки твои творишь багряно-красныя и блестящія, точно какую пищу изъ себя дѣлаешь на снѣденіе; уста свѣтлыя и багряныя дивно уставивъ, подобно нѣкіимъ женамъ, стараешься придать себѣ красоту. Подобно имъ, ты, украсившись, натершись, умывшись, намазавшись благоуханіемъ [2]), умягчивъ тѣло, выставляешь себя, чтобы возмочь многихъ прельстить [3]). Какая тебѣ нужда носить сапоги, шитые шелкомъ, какая тебѣ нужда не только выше мѣры умывать руки, но и

---

[1]) Русское государство въ половинѣ XVII в., стр. 38.

[2]) Раф. Барберини (1565) писалъ, что въ Москву нужно привезти „всякихъ душистыхъ и хорошихъ сортовъ водъ въ довольномъ количествѣ и также самыхъ лучшихъ мылъ для умыванья рукъ“.

[3]) „Бритву накладающе на брады своя, женамъ угодіе творяще“ (Цар. книга, 213), говоритъ м. Макарій.

надѣвать на персты золотые и серебряные перстни [1])? Какой тебѣ прибытокъ надъ птицами дни свои проводить, какая тебѣ надобность имѣть много псовъ, какая тебѣ похвала ходить на позорища, какое для тебя любомудріе напрасно спорить.... О юные! къ вамъ мое слово: не уподобляйтесь блуднымъ юношамъ, которые очень заботятся о тѣлесной красотѣ, украшая себя болѣе женъ, различными водами, хитрыми натираніями, умъ которыхъ всегда занятъ мыслію объ одеждахъ, объ ожерельяхъ, о пуговицахъ, о поясахъ, о сапогахъ, о стриженіи головы, о разныхъ украшеніяхъ, о видѣ глазъ, о движеніи головы, объ уставленіи перстовъ, о выставленіи ногъ и о многомъ другомъ, что они принуждены творить" [2]).

III.

Общественныя и экономическія условія жизни привели массу населенія къ печальному состоянію рабства, близкому къ полному закрѣпощенію. Частыя войны, моровыя повѣтрія, голода, пожары и вообще бѣдствія физическія и общественныя губили населеніе и всею своею тягостью ложились на низшіе классы. Такъ, съ 1228--1462 было 232 военныхъ опустошенія; съ 1228—1462 встрѣчается 23 извѣстія о морѣ, но считая собственно съ половины XIV в., прійдется по одному извѣстію на каждыя 5 лѣтъ. Въ Москвѣ за этотъ же періодъ приходится по одному большому пожару на 7 лѣтъ и въ Новгородѣ на 5 лѣтъ. Иногда горѣли цѣлые города. Съ 1228—1462 было 10 голодовъ во всей Русской землѣ, не говоря о мѣстныхъ случаяхъ и неурожаяхъ. Во время голода въ Смоленскѣ въ 1230 г. было собрано 32 тысячи труповъ, въ Новгородѣ за два раза 3030 и 3500. Случалось, что во время голодовъ и дороговизны, слѣдовавшей за ними, и отъ неурожаевъ, народъ ѣлъ липовый листъ, березовую кору, насѣкомыхъ, солому, мохъ, конину, дѣтей отдавали даромъ купцамъ; отъ истощенія силъ многіе падали мертвыми на улицахъ. Недостатокъ осѣдлости и опасность отъ нападе-

---

[1]) Подобныя же черты вызывали обличенія на Западѣ (Вейсъ, Внѣш. бытъ народ., т. II, ч. II, 414; т. III, ч. II, 64, 69, 94. Трайль, III, 121, 143, 358) и въ Зап. Россіи (Переясл. лѣт. 66; Буслаевъ, Очерки, 335—336). Башмаки съ острыми концами до двухъ футовъ длиною (Hüllmann, IV, гл. 5). „Подражали женщинамъ въ походкѣ, въ одеждѣ, даже въ звукѣ голоса" (Лампрехтъ, III, 60—61). Во французской литературѣ, въ подраженіе Боккаччіо, появился Heptameron кор. Марг. Наваррской, рисующій нравы современнаго дворянства и особенно не пощадившій духовенства (С. Новиковъ, Декамеронъ Боккаччіо—Heptameron М. Наваррской, Ж. М. Н. Пр. 1914 № 11).

[2]) Бѣляевъ, М. Даніилъ, въ Чт. о языкѣ и словесности, 1856—1857 г., с 111—115; Жмакинъ, М. Даніилъ, 691—700.

ній не позволяли низшему классу заботиться о сборѣ запасовъ; это даже было запрещено; и потому въ случаѣ бѣдствія онъ подвергался всѣмъ невыгодамъ безъисходнаго положенія; многіе рѣшались отдавать себя въ кабалу за три рубля на всю жизнь, а иногда и со всѣмъ семействомъ [1]). Всѣми невзгодами, падавшими на низшій классъ, пользовались люди зажиточные: у нихъ было все въ запасѣ, почему принять человѣка на пустое содержаніе, за ничтожную плату, въ минуту нужды,—имъ ничего не стоило. Богатый бояринъ жилъ какъ независимый владѣтель, окруженный многочисленною свитою. Съ другой стороны, суровое управленіе и тяжкія повинности заставляли посадскихъ оставлять свои жилища и закладываться за частныхъ владѣльцевъ и монастыри, а другіе даже постригались въ монахи [2]). Рядомъ съ тяжестью труда для однихъ, развивается наклонность къ праздности у другихъ, какъ отличительная черта тогдашняго общества. Митр. Даніилъ по этому поводу замѣчаетъ: „всякъ лѣнится учиться художеству, всѣ избѣгаютъ рукодѣлія, всѣ пренебрегаютъ торговлею, всѣ поносятъ земледѣльцевъ“ [3]). Обѣднѣвшіе дворяне считали неприличнымъ пріобрѣтать содержаніе трудомъ и предпочитали просить милостыню [4]). Суровая зависимость отъ климата и окружающихъ условій жизни не пріучали къ интенсивному труду. Иностранцы постоянно упоминаютъ о лѣни и праздности, свойственныхъ разнымъ классамъ общества (Герберштейнъ, Флетчеръ, Маржеретъ, Олеарій и др. [5]). Но положеніе крестьянъ и на Западѣ не было лучше. Уже въ половинѣ XIV в. слышатся суровыя обличенія владѣльцевъ въ томъ, что они угнетаютъ бѣд-

[1]) Соловьевъ, III, 35—40; IV, 244—45, V, 465. Лешковъ, Рус. народъ и государство, 451—517. О бѣдности населенія въ Германіи (Лампрехтъ, III, 52).

[2]) Монастыри, призрѣвали нищихъ и голодающихъ (Дубакинъ, Вліяніе христіанства на семейный бытъ рус. общества до появленія Домостроя, Спб. 1880); но незначительность пожертвованій на это дѣло монастырей и владыкъ, кромѣ М. Грека, Вассіана и т. п., устанавливается и защитниками монастырскаго землевладѣнія; сравнительно больше дѣлали приходскія церкви, на землѣ которыхъ ставились кельи для нищихъ, питавшихся отъ прихода. (А. С. Павловъ, Очеркъ, 96, 119).

[3]) Чтен. о яз. и словесн., с. 115. Во второй полов. XV в. встрѣчаемъ подобное же извѣстіе: „*а попы не хотяше дѣлати рукодѣлія, но всякой въ попы, тѣмъ ся и кормяху*“ (П. С. Р. лѣт. VI, 186). Благородный, какъ бы онъ ни былъ бѣденъ, почитаетъ для себя позоромъ и безславіемъ добывать хлѣбъ своими руками, а не считаетъ постыднымъ подбирать съ земли и ѣсть корки, или кожу плодовъ, въ особенности дынь, чесноку и луку, которыя бросаемъ мы и наши слуги. (Герберштейнъ, 85).

[4]) Костомаровъ, Нравы великорус. народа, 29, 208.

[5]) Митр. Іоасафъ замѣчалъ Стоглавому собору, что слѣдуетъ „извести молодыхъ годныхъ къ работѣ людей, которые ходятъ по міру и своевольствуютъ“.

ныхъ людей и отнимаютъ у нихъ съ трудомъ пріобрѣтенное, и въ 1404 г. герцогъ бургундскій принималъ мѣры противъ помѣщиковъ. Въ одномъ дворянскомъ поученіи XV в. читаемъ такія жестокія строки: „Если ты, молодой дворянинъ, хочешь пропитаться, послѣдуй моему ученію, отправляйся въ зеленый лѣсъ, когда мужикъ ѣдетъ съ дровами. Хватай его за воротъ, услаждай свое сердце, бери у него все, что у него есть, отними и лошаденку. Будь смѣлъ и рѣшителенъ; а если у него денегъ нѣтъ, разрѣжь ему горло ...Щегольство и вмѣстѣ съ тѣмъ грубость сдѣлались отличительными признаками рыцаря и вездѣ за это должны были расплачиваться крестьяне: хотя-бы у него жена и дѣти умерли и погибли, нѣтъ ему никакой милости“ [1]). Такъ подготовлялись крестьянскія движенія XVI вѣка.

IV.

Русскіе обличители постоянно говорятъ намъ о двухъ большихъ порокахъ, господствовавшихъ въ обществѣ—это *пьянство* и *содомство*. Мы не станемъ распространяться о цѣломъ рядѣ обличеній противъ пьянства, составляющихъ своего рода литературу [2]), но ограничимся болѣе опредѣленными указаніями. „Всѣ безъ различія, говоритъ Маржеретъ, мужчины и женщины, мальчики и дѣвочки, заражены здѣсь порокомъ пьянства, самаго неумѣреннаго. Духовенство не уступаетъ мірянамъ, если не превосходитъ ихъ [3]). Контарини замѣчаетъ, что „москвитяне даже презирали тѣхъ, кто не пьетъ [4])“. Замѣчательны также частыя повторенія правительства своимъ посламъ, чтобы они, живя при иностранныхъ дворахъ, не пили и не дрались, и не срамили тѣмъ своей земли [5]). И Максимъ писалъ противъ тѣхъ, которые обѣщались не ѣсть мяса въ понедѣльникъ, „будто спасенія ради большаго, а на винопитіи си-

---

[1]) Лампрехтъ, III, 52—57, 60—61. Rustica gens optima flens, pessima gaudens говорится въ дружественной дворянству книгѣ De nobilitate (1457).

[2]) Литерат. о пьянствѣ (Лѣт. Тихонравова, V; Лѣт. зан. Арх. ком. XXI, 71—88; Опис. рук. Рум. муз. 158; Прав. Соб. 1855, I, 471—72); М. Даніилъ, Жмакина, 548—551; В. Н. Перетцъ (Сборникъ въ честь С. Ѳ. Платонова).

[3]) Записки Маржерета, въ изд. Устрялова, I, 253. Ср. Домострой.

[4]) Библ. иностран. писат. о Россіи, I, 111. Братчины часто оканчивались убійствами. Акты истор. I, №№ 261, 268.

[5]) Олеарій пишетъ: „Не только простой народъ, но также знатные сановники и даже великокняжескіе послы, обязанные въ чужихъ земляхъ свято соблюдать высокое свое назначеніе, не знаютъ мѣры въ предлагаемыхъ имъ крѣпкихъ напиткахъ, и если напитки эти имъ нравятся, то тянутъ ихъ какъ воду, совершенно теряя разумъ, а иногда падая замертво. Подобный случай былъ съ великимъ посломъ, отправленнымъ къ шведскому королю Карлу XI“ и т. д. Ср. Соловьевъ, V, 296; IX, 258.

дѣли весь день", и постоянно „искали гдѣ братчина, гдѣ пированіе", откуда не выходили „безъ брани". Поэтому Максимъ объяснялъ имъ, что „лишнее винопитіе всякому злу виновно, отъ него происходятъ и брани, и свары, и убійство и всякое богомерзкое блуженіе, *а въ мясояденіи ничто подобное не случается*" [1]). Въ устахъ монаха-аскета это откровенное слово, направленное противъ пьяницъ, требовавшихъ соблюденія поста и молитвы, имѣетъ свое значеніе.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что Россія представляла въ этомъ отношеніи исключительное явленіе. Картина нравовъ, изображаемая въ обличеніяхъ и описаніяхъ западно-европейскаго общества, мало уступаетъ приведеннымъ выше фактамъ. Дж. Бруно зналъ Германію какъ страну пьяницъ, гдѣ много пьютъ (Alemagna bibace [2]). Эней Сильвій Пикколомини даже о придворномъ дворянствѣ ея отзывался, какъ о погруженномъ въ варварство и обжорство. Конюшня и винный погребъ, по словамъ Энея, пользовались въ Германіи такимъ же почетомъ, какъ въ Италіи музеи и библіотеки. Графъ прусскій Генрихъ по ночамъ будилъ своихъ дѣтей и заставлялъ ихъ пить и если они плохо пили, то винилъ въ томъ жену. Нѣмцы говоритъ Поджіо, были нѣкогда воинственнымъ народомъ, а теперь они отличаются только по части ѣды и питья и способны къ дѣламъ лишь по тому, сколько выпили они вина... Жизнь и пьянство тамъ одно и тоже" [3]). Голландцевъ называли „пьяницами и винными бочками" [4]). Поджіо удивлялся, что въ Англіи по четыре часа просиживали за столомъ, отчего ему часто приходилось вставать изъ-за стола и мочить глаза холодной водой, чтобы не заснуть въ этомъ обществѣ. Даже учащееся юношество любило больше проводить время въ пирахъ, чѣмъ за перепиской и исправленіемъ книгъ [5]).

---

[1]) Сочин. II, 218.

[2]) Божій Міръ, 1900, № 12, с. 194.

[3]) Фойгтъ, Возрожденіе, II, 219—224, 248, 275, 276. О разныхъ обществахъ питуховъ (Hüllmann, т. IV, 180—184).

[4]) Мотлей, III, 70, 78. „Большая часть германскихъ и нидерланскихъ дворянъ предавалась пьянству и разврату" (381). О грубости тогдашнихъ пировъ и пьянствѣ см. Hüllmann, IV, гл. 6. О пьянствѣ литовскаго и венгерскаго пословъ въ Москвѣ (Соловьевъ, V, 297).

[5]) Фойгтъ, II, 221, 224. Грубость нравовъ въ англ. обществѣ XVI в., выражающаяся въ убійствахъ и суровыхъ наказаніяхъ, всецѣло отразилась въ пьесахъ Шекспира (Вѣстн. исторіи 1900, № 8, с. 194); о дракѣ кор. Елисаветы съ гр. Эссексомъ въ тайномъ совѣтѣ (206). И по позднѣйшимъ даннымъ Россія не самая пьющая страна. Всѣ народы, кромѣ Швеціи и Швейцаріи, пьютъ гораздо больше (см. Alcoholic Beverages 1906).

V.

Не менѣе часты и обличенія того времени противъ содомства. На эту тему писали современники М. Грека Старецъ Филоѳей въ посланіи къ вел. кн. Василію Ивановичу дѣлаетъ весьма широкое обобщеніе [1]). М. Даніилъ многократно входилъ въ подробныя изображенія этого порока. „А ты весь къ женамъ уклонился, говоритъ онъ. Какъ же сохранишь чистоту, женскія лица обзирая? Какое сердечное умиленіе воспринимаешь, водворяясь съ доброзрачными отроками, бесѣдуя съ ними и съ любовью взирая на ихъ свѣтлыя лица“! Одинъ изъ страдавшихъ этимъ недугомъ, обращался за совѣтомъ къ митрополиту, не будучи въ состояніи удалить отъ себя предметъ страсти, и Даніилъ еще разъ возвращается къ нему. Онъ готовъ былъ допустить даже оскопленіе, ссылаясь на примѣры изъ подвижнической литературы и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ любопытную характеристику этого лица съ высокимъ положеніемъ, дошедшаго до полнаго физическаго разстройства, которому м. Даніилъ писалъ много разъ, но безуспѣшно [2]). Сильвестръ въ посланіи къ Ивану Грозному, выражается о своихъ современникахъ такъ: „доброе хулятъ—женитву, а злое хвалятъ прелюбодѣяніе—содомскій грѣхъ“; „тьмою зоветъ жену, а свѣтомъ зоветъ—дѣтину“ [3]). М. Грекъ также написалъ обширное слово „противъ погибающихъ безъ ума въ богомерзкомъ содомскомъ грѣхѣ“ [4]). Начавъ издалека о древнихъ содомлянахъ,—которыхъ постигъ божественный судъ, уничтожившій ихъ огнемъ и жупеломъ вмѣстѣ съ ихъ городомъ, Максимъ признаетъ, что виновныхъ въ этомъ грѣхѣ слѣдуетъ жечь огнемъ и предавать анаѳемѣ [5]). Онъ напоминаетъ имп. Юстиніана, который подвергалъ жестокимъ наказаніямъ виновныхъ въ этомъ гнусномъ порокѣ [6]), и венец. дожа, подвергшаго сожженію многихъ и въ томъ числѣ не пощадившаго своего сына (см. выше, стр. 118, примѣч.). Онъ ссылается на при-

---

[1]) „Сія мерзость умножися не токмо въ мірскихъ, *но и въ прочихъ*, о нихъ же помолчу, чтый же да разумѣетъ“ (Прав. Соб. 1863, I, 337—348); свидѣтельства к. XV—XVI вв. (Рус. Ист. библ. VI, 847, 856. Карамзинъ, II, пр. 132; VIII, пр. 88); м. Макарій (Прав. Соб. 1863, т. I, сс. 203, 216; Прав. Соб. 1859, I, 471—72, 1862 № 3; Ак. ист., I, 289; Буссовъ, 140; Маржеретъ, 313; Шаумъ (Чт. въ Общ. ист. и древн. 1847, № 3); Соловьевъ, VI, 207; VIII, 194; XI, 353, 463 (въ монаст. средѣ).

[2]) Жмакинъ, 538—539. 542, 692—693, 715—719, 063, 096.

[3]) Чтен. въ Общ. ист. 1874, I, 81.

[4]) Сочин., II, слово XIX, с. 251—260.

[5]) Ср. послан. ап. Павла къ Римлянамъ, I. 24—27.

[6]) См. у Георгія Амартола (греч. и славян. тексты), Опис. рук. Общ. любит. древн. письм., II, 271—272; по Муральту, 541.

мѣръ агарянъ, которые хотя предаются этому пороку [1]), но мудрѣйшіе изъ которыхъ говорятъ, что виновные въ этомъ грѣхѣ Бога не узрятъ и погибнутъ. Съ своей стороны Максимъ грозитъ имъ не огнемъ чистительнымъ, какъ мудрствуютъ зломудреные латины, слѣдуя еретику Оригену, но огнемъ негасимымъ, которымъ будутъ мучиться всѣ нечестивые [2]).

Однако и этотъ порокъ не былъ особенностію только русскаго общества. По словамъ Георгія Амартола онъ былъ очень распространенъ среди вельможъ и высшаго духовенства Византіи (см. в.). Современно М. Греку Іер. Савонарола приказывалъ жечь живыми обвиненныхъ въ содомскомъ грѣхѣ, который сталъ сильно распространяться между итальянцами, вслѣдствіе превратнаго изученія римскихъ писателей— отсюда идутъ запрещенія противъ классиковъ вообще [3]). Въ 1496 г. Эрколе I, герц. феррарскій, издалъ указъ противъ запрещенныхъ игръ, оргій, допущенія въ дома непотребныхъ женщинъ, наложничества и мужеложства [4]). Порокъ этотъ, по словамъ историка „возрожденія", возникши въ XV ст., встрѣтилъ суровое преслѣдованіе со стороны церкви и законодательства, почти былъ искорененъ, но снова вкрался вмѣстѣ съ эллинскими миѳами, которые изображали его въ привлекательныхъ формахъ, и съ произведеніями римскихъ поэтовъ, относившихся къ нему легкомысленно и съ увлеченіемъ. Указываютъ на Неаполь, Сіэну и Флоренцію, какъ на главные центры всякой распущенности и противоестественныхъ наслажденій. И въ Неаполѣ нашелся проповѣдникъ, св. Бернардино, который громилъ своими проповѣдями античный порокъ и возвѣщалъ грѣшникамъ гнѣвъ божій, готовый истребить ихъ съ лица земли огнемъ, какъ города Содомъ и Гоморру. Гуманисты упрекали другъ друга этимъ порокомъ, причемъ Помпоній Лэтъ въ свое оправданіе приводилъ примѣръ Сократа [5]). М. Грекъ, отнесся къ этому злу столь же сурово, какъ и Іер. Савонарола, но изъ позднѣйшихъ указаній видно, что послѣднее продолжало имѣть мѣсто и въ XVII вѣкѣ [6]).

---

[1]) Подать десятиной въ Турціи состояла изъ самыхъ красивыхъ и крѣпкихъ мальчиковъ. (А. П. Лебедевъ, 158).

[2]) Въ 1493 г. въ Ревелѣ былъ сожженъ одинъ русскій, обвиненный въ этомъ преступленіи (Карамзинъ VI, стр. 163).

[3]) Осокинъ, 158; Виллари I, 355; II, 201.

[4]) Бурхардтъ, 406.

[5]) Фойгтъ, II, 415—416.

[6]) Буссовъ, 140; Маржеретъ, 313; Шаумъ (Чтен. въ Общ. ист. въ 1847, № 3, с. 3); Крижаничъ (Рус. госуд., разд. 57, стр. 231—232—латин. текстъ болѣе подробный). Олеарій выражается: „Въ Россіи этотъ гнусный грѣхъ считаютъ шуткою... Необходимо употребить какія-нибудь средства, чтобы поднять стыдливость противъ содоміи" (кн. III, гл. 4).

VI.

Въ связи съ нарушеніемъ семейныхъ правовъ возникаетъ другой вопросъ—о защитѣ женщины отъ мужскаго произвола, царившаго въ обществѣ. Аскетизмъ, свойственный литературѣ (поученія, житія, сборники въ родѣ Пчелы, Измарагда, поучительныя статьи въ Сборн. Святослава и т. п.), создалъ преобладающій характеръ аскетическаго идеала, поддерживавшаго отчужденіе женщины и находившаго примѣръ въ византійскомъ теремѣ [1]), въ политическихъ бѣдствіяхъ, связанныхъ съ татарскимъ завоеваніемъ, и сношеніями съ Востокомъ [2]). Въ эпоху процвѣтанія монашества (XV—XVI в.) порядокъ этотъ укрѣпляется, считается уже непоколебимымъ и вполнѣ отражается въ извѣстномъ „Домостроѣ". Правда, подобные памятники извѣстны были и въ литературѣ Запада [3]); но общественныя условія и развитіе свѣтской литературы рано выдвинули новые принципы въ жизни и общественныхъ отношеніяхъ. Въ старинныхъ „домострояхъ", послужившихъ образцомъ для настоящаго, власть главы семьи приравнивалась къ власти „игумена и апостола" [4]). Типъ домовладыки, „государя"—въ домашнемъ быту являлся прямымъ слѣдствіемъ родоваго строя общества, освященнаго церковными основаніями [5]). Въ позднѣйшихъ постановленіяхъ появились статьи ограничительнаго характера въ семейственномъ правѣ [6]). Въ „Домостроѣ" всей семейной обстановкѣ придается характеръ почти

---

[1]) Орбинскій, Визант. женщины (Р. Слово 1859—60). Диль. (Визант. портреты).

[2]) Д. Дубакинъ, Вліяніе христіанства на семейный бытъ рус. общества, Спб. 1880, стр. 101, 118—127; Буслаевъ, Ист. оч., I, 586; „Книга о злонравныхъ женахъ, зело потребна, а женамъ досадна". (И. Е. Забѣлинъ, Рус. Вѣстн. 1857, IX, 23—26: Женщина по понятіямъ старин. книжниковъ, Опыты, I, 129-178); Великія Минеи-Четьи, изд. Арх. ком., мѣс. сент., 569, 603, 998; ср. еще Нравств. сост. рус. общ. въ XVI в. по соч. М. Грека и соврем. ему памятн., И. Преображенскаго, М. 1881.

[3]) И. С. Некрасовъ, Опытъ ист. литер. изслѣдов. о происхожд. Домостроя (Чт. въ Общ. ист., 1872, III, 1—184; Прав. Соб. 1860, III, Домострой Сильвестра, И. Я. Порфирьева. Житейская мудрость составителя Домостроя основывается на библейской мудрости Іисуса, сына Сирахова (Дубакинъ, 73—79).

[4]) Москвитянинъ, 1851, VI, кн. 2, с. 125—128; Буслаевъ, Ист. христ. церк. слав. яз., 480; Забѣлинъ, Домашній бытъ рус. царицъ, 44. Домострой, 30; Дубакинъ, 148. Въ рус. Кормчихъ помѣщалось правило, „яко не подабаетъ жены звати госпожею" (ib. 80), приписываемое Козьмѣ Халкидонскому.

[5]) Забѣлинъ, Бытъ рус. царицъ, гл. 1-ая.

[6]) Судебн. ц. Ивана Вас., с. 76, 122; Герберштейнъ, Записки о Московіи, 67. Въ чинопослѣдованіи брачномъ, употреблявшемся въ рус. церкви до XVIII в., не встрѣчается вопросовъ относительно добровольнаго согласія вступающихъ въ бракъ (Дубакинъ, 26—30, 169; Горчаковъ, О тайнѣ супруж., 333).

настоящаго монастыря, съ его особенностями и порядками [1]). Понятно, что постриженіе являлось уже тогда необходимымъ актомъ, хотя бы передъ самой смертью, даже по умершемъ, какъ неизбѣжное спасительное средство [2]); а стремленіе къ разводамъ и уходъ въ монастырь, вслѣдствіе семейныхъ раздоровъ и по аскетическому влеченію, находятъ полную поддержку въ литературѣ и мнѣніяхъ представителей церкви и монашества, руководившаго ими—о бракѣ, какъ снисхожденіи къ слабостямъ природы и во всякомъ случаѣ, какъ уступающемъ въ превосходствѣ дѣвству, и даже какъ неизбѣжному злу, и относительно грѣховности женщины вообще, опасной не только для иноковъ, но и для міряпъ въ близкихъ сношеніяхъ съ ней [3]).

Жены отъ мужей постригались тайно (посл. м. Фотія, Опис. Рум. муз. № 273). Предостереженія о недопущеніи женщинъ въ мон-ри, объ уклоненіи отъ бесѣды съ ними и опасности даже взиранія на нихъ со стороны представителей разныхъ направленій (Нилъ Сорскій, Іосифъ Волоцкій, м. Даніилъ) понятны при грубости нравовъ, шаткости монастырской жизни и т. п. (Жмакинъ, 474—476, 472—488, 682—697, 715, 723), но уже другой характеръ имѣютъ запрещенія напр. прикасаться къ платью и вещамъ, принадлежащимъ женщинѣ, цѣловать крестъ послѣ женщинъ и т. п. (Духов. Вѣстн. 1862, с. 179—180; ср. Герберштейнъ, 75). Въ ж. Макарія Калязинскаго сообщается, что онъ былъ женатъ и три года жилъ съ женой „во всякой добродѣтели и чистотѣ, *не прикасаясь къ ней никогда же*“ (Бычковъ, Опис. рукоп. Им. публ. библ. 64—65); о Евфросиніи Полоцкой (Памятн. рус. литер., IV, 172—173); о Юліаніи Лазаревской (Буслаевъ, II, 254); ср. Степен. книгу I, 235. Артемію сообщали, что нѣкоторые живутъ съ женами, соблюдая дѣвство, на что онъ отвѣчалъ, что это дѣло совѣсти, а не закона (Рус. Ист. библ., III, 1417—1419).

Но тотъ же м. Даніилъ всею силою своего слова вооружился противъ примѣненія къ женщинамъ суровыхъ домостроевскихъ правилъ

---

[1]) Домострой (Времен. Общ. ист., I, 16—17); изд. Яковлева и Чт. Общ. ист. по сп. Коншина и др. (1908, II).

[2]) П. С. Рус. лѣт., VI, 274—275.—Въ 1554 г. жители г. Тотьмы просили Ивана IV, черезъ Ѳеодосія Тотемскаго, основать у нихъ монастырь, чтобы умирающіе передъ смертью могли получить постриженіе (Жит. свят. рос. цер., Спб. 1854, янв., 494).

[3]) Слово св. от., како жити крестьяномъ. (Прав. Соб. 1859, I, 137—138; Опис. рук. Рум. муз., 273; Дубакинъ, 121—124, 131, 135—136).

(см. выше, стр. 413). Въ одномъ изъ своихъ поученій онъ объясняетъ, что міръ не есть зло, а подъ міромъ, какъ противникомъ спасенія, по ученію отцовъ церкви, разумѣется совокупность зла нравственнаго, а не физическаго. Онъ возражаетъ противъ тѣхъ, которые находили, что не слѣдуетъ дѣлать, орать, покупать, продавать, строить дома и т. п. Онъ отвергаетъ подобное толкованіе его словъ, а даетъ совѣтъ только не очень заботиться (не выше мѣры) о дѣлахъ и славѣ міра; онъ вооружается противъ мнѣній, что въ мірѣ нельзя спастись, что иначе зачѣмъ существуетъ монашество [1]) и т. д., и даетъ совѣтъ каждому жить по влеченію, но у кого есть домъ, жена и дѣти, пусть не смущаются, такъ какъ прежніе св. мужи, которые жили въ мірѣ съ женами и дѣтьми, угодили Богу [2]). Онъ совѣтуетъ родителямъ заботиться о юношахъ, чтобы они упражнялись въ писательномъ художествѣ или ученіи книжномъ, въ слушаніи духовныхъ бесѣдъ, чтобы не были праздны, и мысль о необходимости ученія онъ распространяетъ всецѣло на женщинъ. Онъ порицаетъ за суровое обращеніе мужей съ женами, которыя отъ такого свирѣпства могутъ дойти до умоизступленія: „перестань такъ творить, о человѣче!“ взываетъ онъ. М. Даніилъ посвящаетъ цѣлыхъ три слова противъ развившагося въ его время насильственнаго постриженія женъ, чтобы получить право на новый бракъ, причемъ ссылались даже на допущенный имъ разводъ вел. князя. Онъ допускаетъ единственную причину развода—прелюбодѣяніе [3]). Онъ совѣтуетъ не унижать женъ, не осуждать ихъ передъ другими, не тиранить жестокими наказаніями; настаиваетъ на умѣренности въ жизни, на недопущеніи роскоши, украшенія лица и платья, въ пищѣ и питьѣ: „во всемъ мѣра изяществуетъ“! прибавляетъ онъ [4]).

VII.

М. Грекъ писалъ отдѣльное „слово“ на современную тему: „Слово къ хотящимъ оставити жены своя безъ вины законныя и итти въ ино-

---

[1]) Съ другой стороны были и такіе (даже епископъ), которые утверждали, что не слѣдуетъ теперь жить по Евангелію: „родъ нынѣ слабъ“ (Соч. Артемія, Рус. Ист. библ., IV, 1383).

[2]) Жмакинъ, 498.

[3]) Н. Аристовъ, Невольн. и неохотн. поступл. въ монаш. у нашихъ предковъ до нач. XVII в. (Др. и Нов. Россія 1878, II); также Дубакинъ, 64—65. Въ тогдашней практикѣ существовало пять причинъ для расторженія брака (57—58). Какъ поступали въ Россіи и на Западѣ за уклоненіе въ прелюбодѣяніе (Кіев. Стар. 1900, № 9, с. 262).

[4]) Жмакинъ, 517—522.

ческое житіе“ [1]) Посланіе это написано къ другу, открывшему Максиму свои помыслы, съ цѣлью просвѣтить и вразумить его. Онъ ставитъ во главу угла три заповѣди, которыя вмѣщаютъ все требуемое отъ человѣка для нравственнаго совершенствованія: *вѣру*, *судъ* и *милость*. Онъ совѣтуетъ не отчаиваться въ спасеніи живущимъ съ женами и воспитающимъ своихъ чадъ [2]); но если желаете большаго, то разрѣшите себя самихъ отъ всякой злобы, неправды, лукавства, лихоимапія, хищенія чужихъ имѣній, лжи, клеветы, зависти, лихорадства и всякаго безчеловѣчья, возлюбите правду, человѣколюбіе, милость и милосердіе, довольны бывайте своими супружницами, а чужихъ не желайте. При этомъ знайте, что иноческое житіе есть не что иное, какъ прилежное исполненіе спасительныхъ заповѣдей Евангелія (перечисляются христіанскія добродѣтели), и если кто это совершитъ, какъ любезное Богу, въ мірскомъ житіи, не отстоитъ далеко отъ иноческаго жительства и блаженства, какъ равно и обложенный иноческими платьями, если заповѣдей Спасовыхъ и отеческихъ преданій не исполняетъ, живетъ безчинно и недостойно, ходитъ и живетъ всегда напиваясь, объѣдаясь, сребролюбствуя и т. п., таковой только ризами отличается отъ безчиннаго бѣльца, по апостольскому слову: обрѣзаніе ничто же есть, но соблюденіе заповѣдей божіихъ; а кто заповѣди исполняетъ, во угожденіе Богу, а не человѣкамъ, вмѣненъ будетъ и наречется инокъ, хотя и въ мірскомъ чинѣ отъ житія его изыдетъ; ибо не ризнымъ измѣненіемъ и брашеннымъ воздержаніемъ благовѣріе христіанское составляется и хвалится, а премѣненіемъ отъ злыхъ поганскихъ обычаевъ и воздержаніемъ отъ всякой злобы и душетлительныхъ страстей плоти и духа; ибо какъ говоритъ апостолъ (Іоаннъ, 14, 21), имѣяй и творяй заповѣди моя, т. е. совершая дѣломъ, той есть любяй мя, сирѣчь другъ мой есть любовный и т. д. (рядъ текстовъ). Далѣе М. Грекъ рекомендуетъ воздержаніе вообще и въ супружеской жизни въ частности, ссылаясь на слова ап. Павла къ коринѳянамъ (I, 7, 27). И далѣе, въ другомъ обширномъ словѣ, направленномъ противъ недостатковъ современнаго монашества, увлеченнаго стремленіемъ къ стяжанію, честолюбію и роскоши, онъ говоритъ: „Не пользуетъ намъ ко спасенію ни мало внѣшнее сіе одѣяніе власяныхъ рубищъ, но еще большему осужденію будемъ подлежать, такъ какъ, будучи обложены столь худыми

---

[1]) Сочин., II, 231—241. Карамзинъ неправильно относитъ его къ браку вел. кн. Василія Ивановича (VII, 107 и прим. 343).

[2]) Въ другомъ мѣстѣ онъ возражаетъ по поводу ссылки Вивеса на Іеронима Блажен., и настаиваетъ на достоинствѣ брака по Евангелію (II, 213—214).

одеждами, житіе проводимъ неприличное имъ и всячески неподобное“ [1]). Въ другомъ мѣстѣ, обращаясь къ монашеству, онъ говоритъ: „Если не такъ (добродѣтельно) устроимъ себя, вотще явимся труждающимися и всуе окажемся украшающими многопестрыми шелковыми тканями носимый нами куколь великія схимы. Хочешь ли благоугоденъ быть Владыкѣ всѣхъ, не внѣшній куколь, который въ гробѣ тлѣетъ, украшай многопестрыми шелковыми тканями, ибо не такими лживыми одѣяніями страшный и неумытный Судія бываемъ угождаемъ, но укрась прилежно мысленный куколь внутренняго человѣка, честнѣйшую душевную часть и умъ чистыми поученіями богодухновенныхъ писаній, трезвыми молитвами и богоугодными дѣяніями“; а тѣмъ, кто полагалъ постъ въ извѣстнаго родѣ пищѣ, М. Грекъ писалъ, что воздержаніе тѣлесное отъ душетлительныхъ страстей есть истинный постъ, пріятный Богу, а одно воздержаніе отъ брашнъ не только не приноситъ пользы, но скорѣе подлежитъ осужденію и уподобляетъ бѣсамъ, которые никогда не ѣдятъ“. Подобный постъ онъ называетъ прямо лицемѣріемъ [2]). Наконецъ, на вопросъ одного изъ своихъ друзей объ употребленіи свинины, М. Грекъ пишетъ, что запрещеніе ея установлено Моисеемъ, какъ и нѣкоторыхъ другихъ мясъ и рыбъ безъ чешуй. Въ Новомъ Завѣтѣ нѣтъ никакихъ запрещеній, ибо, по ученію Христа, не то оскверняетъ человѣка, что входитъ въ уста, какъ думали старцы іудейскіе и книжники, а, наоборотъ, для чистыхъ, т. е. освятившихся христіанъ, все чисто, оскверненнымъ же и нечистымъ ничто не чисто, ибо осквернились ихъ умъ и совѣсть. Замѣчанія свои М. Грекъ подтверждаетъ рядомъ изреченій апостоловъ, Василія В. (Пости. слова), допускавшаго небольшое употребленіе свинины въ пищѣ („по просту рещи ветчины„) чтобы не быть жидовствующими, воздерживаясь (ошаятися) отъ мясъ, но избѣгая употребленія ихъ, чтобы умертвить плотскія скверныя движенія; наконецъ указываетъ на примѣръ великаго Пахомія, который, принимая приходящихъ къ нему, тучныя части изъ свиныхъ мясъ предлагалъ мірянамъ, а худшія и костлявыя части—инокамъ. Пока мы, повторяетъ М. Грекъ, пребываемъ въ богомерзкихъ поступкахъ (злоба, лукавство, лесть, неправда, лихоимание, хищеніе чужихъ имѣній, ложь клевета, зависть, гордость и пр.), то не только не приноситъ намъ

[1]) Ibid. II, 126; ср. Ш, 203—205.—Въ одномъ *не изданномъ* Словѣ М. Грека указывается, что многіе въ его время пренебрегали покаяніемъ, а другіе не приступали къ нему, надѣясь выполнить передъ смертью (Рукоп. Воскресен. мон., Жмакинъ, 639, прим. 2).

[2]) Ibid., II, 223—224 и вторично, 225—226; также 246. „Фарисеи—ипокриты“ (II, 199).

пользы воздержаніе отъ мясъ, рыбъ, вина и масла, но еще болѣе подлежимъ мы осужденію, какъ полагающіе все наше упованіе въ однихъ брашнахъ (пищѣ) [1]).

VIII.

Древніе обличители въ пользу угнетенныхъ старались дѣйствовать религіозными угрозами; но виновники примиряли свою совѣсть соблюденіемъ религіозной внѣшности, которою думали загладить свои поступки противъ нравственности. Нравственно-обличительныя сочиненія М. Грека сосредоточиваются именно на этихъ мотивахъ. По этому поводу онъ написалъ „Словеса къ лихоимцамъ, какъ сквернымъ и всякія злобы исполненнымъ отъ лица преч. Богородицы, а каноны всякими и различными пѣсньми угождати чающимъ“. Съ глубокимъ осужденіемъ относится онъ и къ подобной религіозности, и къ печальнымъ фактамъ дѣйствительной жизни. Отъ лица Богородицы онъ говоритъ: „Тогда мнѣ такъ часто пѣваемое „радуйся“ пріятно будетъ, когда увижу тебя дѣломъ совершающимъ заповѣди и отступившимъ отъ всякой злобы, блуда, лжи, гордости и неправеднаго хищенія чужихъ имѣній, пока же держишься всего этого, и съ радостью пьешь кровь живущихъ въ бѣдности убогихъ, обременяя ихъ сугубыми ростами [2]) и безчисленными трудами высасывая ихъ мозги, то ничѣмъ передо мной не различаешься отъ иноплеменника скиѳянина и христоубійцъ, хотя и крещеніемъ хвалишься, и я не внемлю тебѣ и безчисленнымъ твоимъ канонамъ и стихирямъ, которые воспѣваешь мнѣ краснымъ гласомъ своимъ, ибо милости, а не жертвы, слышишь, Господь хочетъ отъ тебя и познанія разума божія, а не всесожженій“! „Ты же, какъ свинья, всякими постыдными дѣлами ненасытно насыщаешься и, какъ хищный волкъ, похищая чужія стяжанія, лихоимствуешь надъ бѣдными вдовицами и, изобилуя во всемъ, обливаешься беззаконными дѣлами...; отринувъ страхъ божій, думаешь ли благоугодить множествомъ каноновъ и стихирей, воспѣвая мнѣ высокимъ воплемъ. Ты не слышишь проповѣдника, который ясно говоритъ, что творящіе таковое наслѣдуютъ не царство божіе, а тѣ горкія вѣчныя муки, которыя подъ землею. Не обманывай же себя!... Ибо иначе нѣтъ возможности ни избавиться мученій, ни благоугодить страшному Судіи. Если же этихъ моихъ совѣтовъ не послушаешь, о безумный, и будешь продолжать держаться своего беззаконнаго нрава, то познаешь свое безуміе тогда, когда будешь связанъ по рукамъ кандалами, какъ не имѣющій одежды,

[1]) Сочин., Ш, 254—259.

[2]) М. Грекъ выражается: „жидовское сребролюбіе“ (II, 246); Буссовъ: „росты больше жидовскихъ и мусульманскихъ“.

приличной духовному браку, и будешь ввержен въ преисподнія безконечныя огненныя мученія". Въ другомъ мѣстѣ, очевидно имѣя въ виду скептиковъ, М. Грекъ замѣчаетъ: „Если же никакое другое достовѣрное слово и никакой разумъ не можетъ заставить тебя ожидать будущаго суда, то пусть убѣдитъ тебя хотя бы хитроумный (многомудренный) Одиссей, сходившій во адъ и видѣвшій въ Елисейскихъ поляхъ благородныхъ людей, всегда освѣщаемыхъ прекраснымъ свѣтомъ, а другихъ, преданныхъ горькимъ мученіямъ. Пусть увѣрятъ тебя Минось и Радамантъ, эти баснословные судьи во адѣ, и огненныя рѣки Коцитъ и Ахеронъ, въ которыя осуждаются всѣ беззаконники за свое нечестіе... Иначе, продолжаетъ онъ, затворится предъ тобою мысленный чертогъ за то, что не принялъ ты въ сосудъ свой елея, но, будучи побѣжденъ сребролюбіемъ, никогда не переставалъ безъ надобности всѣхъ обижать и возненавидѣлъ убогихъ". И М. Грекъ даетъ совѣтъ позаботиться о бѣдныхъ подручныхъ, а идущему служить молебенъ предлагаетъ отдать деньги не іерею, а нищему [1]).

Страсть къ роскоши, развившаяся въ высшемъ кругу русскаго общества XVI вѣка, не всегда была слѣдствіемъ вкуса: богачъ старался удовлетворить себя внѣшнею обстановкою, за неимѣніемъ болѣе благородныхъ, внутренныхъ потребностей; отсюда та безграничность въ удовлетвореніи прихотей, которая ложилась тяжелымъ гнетомъ на низшее, „подручное" населеніе. Подъ вліяніемъ подобныхъ впечатлѣній сложились нѣкоторыя практическія наставленія „Домостроя"; въ нихъ говорится, „чтобы всякому человѣку, богатому и убогому, великому и малому, разсудить и установить смѣту по промыслу и по добытку и по своему имѣнію, а приказному человѣку—по государскому жалованью и по доходу, и таковъ дворъ себѣ держать и всякое стяженіе, и всякій запасъ; и по тому разсчету людей держать, и всякій обиходъ"..., съ предостереженіемъ что „если станутъ они держать у себя людей не по силѣ и не по достаткамъ, не удовлетворять пищей, питіемъ и одеждой,—слуги, мужики, женки, или дѣвки, въ неволѣ заплакавъ, станутъ лгать, красть, разбивать и всякое зло чинить" [2]).

IX.

Правый судъ М. Грекъ считалъ важнѣйшей функціей государственнаго порядка (см. ниже, стр. 447—448); но лѣтописи прошлаго даютъ богатый матеріалъ постояннаго нарушенія этой истины, а суровая

---

[1]) Сочин., II. 241—245 408; I, 14.

[2]) Временникъ, № 1, гл. 27 и 28. О роскоши и пирахъ (Олеарій).

дѣйствительность въ свою очередь, вызывала на новыя обличенія. О притѣсненіяхъ правителей и судей постоянно говорятъ лѣтописцы безотносительно о той или другой области населенія [1]). Даже самоуправляющіяся общины Великаго Новгорода и Пскова далеко не были свободны отъ неправаго суда. Подъ 1446 годомъ лѣтописецъ горько жалуется на это: „Въ то время, говоритъ онъ, не было въ Новгородѣ правды и праваго суда, встали ябедники, изнарядили четы, обѣты и крестныя цѣлованія на неправду, начали грабить по селамъ, волостямъ и по городу, и были мы въ поруганіе сосѣдямъ нашимъ, живущимъ окрестъ насъ; были по волости съѣзды великіе и поборы частые, крикъ, рыданіе, вопль и клятва отъ всѣхъ людей на старѣйшихъ нашихъ и на городъ нашъ, потому что не было въ насъ милости и суда праваго“. О томъ же свидѣтельствуютъ другіе литературные памятники [2]), и въ особенности обличенія [3]), въ которыхъ судьи прямо называются „татями и разбойниками“, которые „овецъ Христовыхъ заклали, кровь ихъ испили, плоть ихъ изъѣли и овчинами ихъ одѣлись сами“; въ обличеніяхъ заявляется, что вслѣдствіе суда „многіе сдѣлались босы, наги, голодны и ранены безвинно“. Полоцкій епископъ Симеонъ прямо сказалъ князю, что мѣсто его тіунамъ въ аду [4]). Подъ вліяніемъ дѣйствительности сложилась сатира („повѣсть“) о „Шемякиномъ судѣ“ [5]), а въ извѣстномъ разсказѣ, помѣщенномъ при „повѣсти о началѣ и взятіи Царьграда“ и приписываемомъ Ивану Пересвѣтову, греки, расхваливая передъ латинами русское царство, говорятъ: „еслибы къ той истинной вѣрѣ христіанской да *правда турецкая* была, то съ русскими людьми ангелы бесѣдовали бы“ [6]). Въ этомъ сказаніи, современномъ Ивану Грозному, примѣромъ праведнаго суда выставляется султанъ Магометъ II [7]).

---

[1]) П. С. Р. лѣт., I, 93; IV, 124 и т. п.

[2]) Извѣстны слова Даніила Заточн. о тіунахъ, и Мѣрило праведное. Пр Соб. 1861 г., янв., 81.

[3]) Прав. Соб. 1861, февр., Попеч. церкви, 182, 186; янв. 80. Поуч. Кирилла II Прав. Соб. 1861, янв., 87.

[4]) Уч. зап. Им. Ак. Н. по II отд. т. V. Опис. Сборн. Кир. Бѣлозер. мон., стр. 66. Князь этотъ Константинъ Владиміровичъ? Безрукій (Опытъ рус исторіогр. II, 535). Въ русской литературѣ было извѣстно апокрифич. слово св. отца нашего Василія, архіеп. кесар. „о судіяхъ и властителяхъ“, но прямо относящееся къ рус. быту. (Прав. Соб. 1864, I, 365).

[5]) Архивъ истор. практ. свѣд. 1859, кн. 4; а также изд. Общ. люб. др. письм. 1879.

[6]) Соловьевъ. VII, 239.

[7]) Уч. зап. Казан. унив. 1865, 21—30. Ср. выше, стр. 68, пр. 1.

Присоединеніе новыхъ областей давало себя особенно чувствовать въ этомъ отношеніи. Такъ, когда въ XIV в. Стефанъ Пермскій крестилъ зырянъ, то жрецы кудесники говорили: „какъ слушать пришедшаго изъ Москвы, которая *угнетаетъ насъ податями*" [1]). Въ житіи Сергія Радонежскаго читаемъ, что съ подчиненіемъ Ростова Москвѣ, вслѣдствіе насилія московскихъ властей, многіе дошли „*до послѣдняго бѣдствія,* лишившись не только имѣнія, но и раны на плоти своей подняли, и язвы жестокія на себѣ носили и претерпѣли" [2]), и такъ было во всѣхъ волостяхъ и селахъ ростовскихъ; многіе принуждены были бѣжать въ другія страны. Въ 1485 г. пріѣхали служить въ Москву тверскіе бояре потому, что не могли сносить обидъ вел. князя, бояръ его и дѣтей боярскихъ при спорахъ о земляхъ: „гдѣ не изобидятъ московскіе дѣти боярскіе, прибавляетъ лѣтописецъ, то пропало, а гдѣ тверичи изобидятъ, а то князь великій съ поношеніемъ и съ угрозами шлетъ къ тверскому, а отвѣтамъ его вѣры не имѣетъ и суда не даетъ" [3]). Еще до взятія Пскова московскій князь посылалъ туда иногда своихъ намѣстниковъ, которые, насиловали жителей, грабили и продавали ихъ поклепами *и судами неправедными*" [4]). Когда же Псковъ былъ взятъ и начались тамъ новые порядки, то, по замѣчанію лѣтописца, *у намѣстниковъ и у ихъ тіуновъ, и у дьяковъ великаго князя правда ихъ взлетѣла на небо и кривда начала въ нихъ ходить*... и псковичи не вѣдали *правды московской*... и начали пригородскіе *намѣстники* пригорожанами торговать и продавать ихъ по великому и злому умышленію, *подметомъ и поклепомъ*, и была людямъ великая тягость тогда.... Псковитинъ если молвитъ, почему отъ поруки велѣно брать, и они того *убивали*, и отъ ихъ налоговъ и насильства *многіе разбѣжались по чужимъ городамъ, пометавъ женъ и дѣтей*, а которые *иноземцы* жили во Псковѣ, и тѣ *разошлись* во свои земли; не мочно стало во Псковѣ жить, прибавляетъ лѣтописецъ, только одни псковичи остались, вѣдь земля не разступится, а вверхъ не взлетѣть" [5]).

И близкій къ Максиму Греку Ѳ. И. Карповъ писалъ [6]) м. Даніилу: „Поистинѣ *златыя* теперь времена: златомъ добываются саны, съ златомъ совѣтуется любовь, всему цѣна есть: дастъ кинсонъ (плата)

---

[1]) Ист. церкви, Филарета, II, 34. Пам. стар рус. литер. в. II, ж. Стефана.

[2]) Шевыревъ, Ист. литер., Ш, пр. 5.

[3]) П. С. Р. лѣт., VI, 237.

[4]) Ibidem, IV, 283.

[5]) П. С. Р. лѣт., IV, 288.

[6]) Лѣтоп. занятій Арх. ком. XXI, с. 106—112 (см. стр. 112).

саны, даетъ кинсонъ связи (дружбы) убогій вездѣ остается (лежитъ) празднымъ... Никакой порокъ не скуденъ, въ томъ числѣ и похотный грѣхъ, отъ котораго все человѣчество страдаетъ. Много нынѣ въ мірѣ лести и лукавства, кто вредилъ одному, хочетъ вредить и другому; радъ человѣкъ за медъ дать ядъ, за плодъ—пеню, за благость—лесть. Нынѣ брани вездѣ; вездѣ живутъ отъ похищенія: гостинникъ въ боязни отъ гостя, тесть отъ зятя, и братская любовь рѣдка[1]). Належитъ пагуба: взявшій ризу, хочетъ взять и сорочку, укравшій овцу замышляетъ отвести и корову и въ томъ конца не полагаетъ, но, если можно, хочетъ все похитить у ближняго своего—до конца. Но да престанетъ трость моя описывать пути злыхъ въ семъ бѣдномъ животѣ. Изъ сказаннаго ты уразумѣлъ уже, какими вредными и неугодными стезями, хромыми ногами, слѣпыми очами земная власть и все естество человѣческое ходятъ нынѣ".

X.

Обыкновенно древніе обличители дѣйствовали увѣщаніями и религіозными угрозами. Муками ада грозили они тѣмъ, которые преступали заповѣдь „о нищелюбіи". Но жизнь говорила другое. Служилые люди,—различные „властели" и судьи были на „кормленіи", и потому средства ихъ жизни зависѣли отъ бо̀льшого или меньшаго ихъ умѣнья вести свои дѣла. Такъ, бояринъ Яковъ Захарьичъ, назначенный въ Кострому намѣстникомъ вмѣстѣ съ Иваномъ Судимонтовымъ, билъ челомъ вел. князю о томъ, что имъ обоимъ на Костромѣ „сытымъ быть не съ чего"; а Беклемишевъ, алексинскій воевода, запросилъ у городскихъ жителей посула, и когда они ему дали 5 рублей, то онъ потребовалъ еще шестого для жены своей[2]). Современники М. Грека также постоянно говорятъ объ этихъ явленіяхъ[3]).

М. Грекъ по этому поводу написалъ слѣдующія статьи: 1) Главы поучительны начальствующимъ правовѣрно; 2) Слово на лихоимствующихъ; 3) Слово пространнѣе излагающее съ жалостію неустроенія и безчинія *царей и властей послѣдняго житія*; 4) Посланіе къ начальствующимъ правовѣрно[4]) и нѣкоторыя другія, въ которыхъ косвенно

---

[1]) Въ этихъ строкахъ находятъ дословный переводъ изъ Метаморфозъ Овидія: Vivitur ex rapto; non hospes ab hospite tutus,
Non socer a genero; fratrum quoque gratia rara est.
(Изв. Ак. Наукъ 1914, № 15, с. 1105).

[2]) Соловьевъ, Ист. Россіи, V, 287.

[3]) Жмакинъ, М. Даніилъ; 584, 720, 070. Курбскій (три посланія, Прав. Соб. 1863, № 8, с. 565—566).

[4]) Сочин., II, слова VIII, IX, XXVI, XXVII, стр. 157—184—185, 212, 319—337, 339—346, особ. 158, 320, 327, и особенно сурово Зиновій Отенскій, см. в. стр. 429.

касается тѣхъ же вопросовъ. „Мы, говоритъ онъ, которые находимся во властяхъ и начальствахъ, правый судъ, или милость являемъ не обидимымъ и требующимъ помощи, но приносящему намъ множайщую мзду, будетъ ли то обидящій или обидимый, обоимъ даемъ вѣру, волею преслушая страшнаго Судію... Страсть іудейскаго сребролюбія и лихоиманія до такой степени овладѣла судьями и начальниками, посылаемыми отъ благовѣрныхъ царей по городамъ, что они приказываютъ слугамъ своимъ вымышлять разныя вины на зажиточныхъ людей, *подбрасываютъ въ домы ихъ чужія вещи*, или—*притащатъ трупъ человѣка* и, бросивши на улицѣ, а потомъ, какъ-будто отмщая за убитаго, начинаютъ истязать не только одну улицу, но всю часть города, по поводу этого убійства, и собираютъ себѣ деньги такимъ неправеднымъ и богомерзкимъ образомъ. Слышалъ ли кто когда отъ вѣка о такомъ гнусномъ способѣ лихоиманія между язычниками, какой придумали нынѣ наши властели? Разжигаемые неистовствомъ несытаго сребролюбія, они обижаютъ, лихоимствуютъ, расхищаютъ имущество вдовицъ и сиротъ, вымышляютъ всякія обвиненія на невинныхъ, не боятся Бога, страшнаго отмстителя за обидимыхъ, не срамятся людей, окрестъ ихъ живущихъ, ляховъ и нѣмцевъ, которые хотя и латынники по ереси, но управляютъ подчиненными имъ съ правосудіемъ и человѣколюбіемъ... Наши же властители и судьи никогда не внимаютъ, хотя бы и весь городъ предсталъ передъ ними, свидѣтельствуя за обидѣвшаго, но велятъ разсудиться оружіемъ и многими бранями (т. е. посредствомъ поединковъ) и если кто изъ борящихся побѣдитъ, считается у нихъ правымъ, не смотря даже на причиненную обиду“ [1]).

Въ посланіи къ Ивану Грозному М. Грекъ совѣтовалъ ему князей, бояръ, воеводъ и воиновъ почитать, беречь и *обильно награждать*, такъ какъ, замѣчаетъ онъ, обогащая ихъ, царь укрѣпляетъ государство и *ограждаетъ вдовъ и бѣдныхъ отъ притѣсненій*“ [2]). Максиму казалось, что власть простымъ этимъ способомъ можетъ уничтожить вѣками утвердившееся зло,—но и въ этой мысли было болѣе практическаго значенія, чѣмъ въ рядѣ однѣхъ угрозъ.

Впрочемъ опытъ указывалъ на средство, которое облегчало народъ отъ насилія намѣстниковъ, ихъ недѣльщиковъ и ѣздоковъ;—оно заключалось въ непосредственномъ участіи общества въ дѣлахъ суда

---

[1]) Сочин., II, 199—201.

[2]) Сочин. II, сл. XXVII, 346—357. Въ походѣ войско кормилось на счетъ областей, черезъ которыя проходило. Соловьевъ, IV, 208. О необходимости денежнаго жалованія заявлялъ Иванъ Пересвѣтовъ и снова повторяется въ смутное время (1610—11 г.).

и управленія. Въ правленіе Бѣльскаго стали давать грамоты всѣмъ городамъ, большимъ пригородамъ и волостямъ, на основаніи которыхъ жители получали право вѣдаться судебнымъ порядкомъ съ лихими людьми, не представляя ихъ намѣстникамъ и тіунамъ, и тогда была, говоритъ лѣтописецъ, крестьянамъ радость и льгота великая отъ лихихъ людей и отъ поклепцовъ, и отъ намѣстниковъ, и отъ ихъ недѣльщиковъ, и отъ ѣздоковъ и начали псковичи за государя Бога молить.... о его жалованьи, показанномъ къ своей отчинѣ, милость къ своимъ сиротамъ“ [1]). Но лишь только намѣстники получили снова силу, все пошло по прежнему. Насилія властей и судей, всею тяжестью надавшія на низшій классъ, заставляли притѣсненныхъ непосредственно обращаться за защитою къ высшей власти. Однако въ древнихъ обличеніяхъ, направленныхъ противъ этихъ насилій, часто встрѣчаются и обвиненія князей и правителей, которые выставляются тамъ даже виновниками самыхъ притѣсненій. Ихъ называютъ „причастниками и сообщниками во всемъ грабителямъ тіунамъ“ [2]). Не говоримъ уже о тѣхъ случаяхъ, когда какая нибудь волость подвергалась насиліямъ вслѣдствіе политической борьбы. Максимъ Грекъ (см. ниже, стр. 448—449). прямо нападаетъ на тѣхъ, кто благочестивый санъ царскій растлѣваетъ неправдами, лихоимствомъ и богомерзкимъ блуженіемъ, кто направляетъ стопы свои на изливаніе крови по неправедному гнѣву и звѣрской ярости [3]).

XI.

„Вел. князь, говоритъ Герберштейнъ, имѣетъ власть надъ свѣтскими и надъ духовными особами и по своему произволу распоряжается жизнію и имуществомъ всѣхъ“. Онъ разсказываетъ, что когда дьякъ Василій Третьякъ-Далматовъ, назначенный посломъ къ Максимиліану, сказалъ, что у него нѣтъ денегъ на дорогу и на издержки, то его схватили, увезли на Бѣлоозеро и на всю жизнь заключили въ тюрьму, гдѣ онъ и погибъ жалкою смертію, а вел. князь взялъ все его имѣніе и ничего не далъ его наслѣдникамъ. Василій Ивановичъ отбиралъ въ свою казну у своихъ пословъ подарки, которые они привозили съ собою отъ иностранныхъ государей [4]). По случаю смерти псков-

[1]) П. С. Р. лѣт., 305. И въ западныхъ обращеніяхъ населеніе называлось сиротами (Тьерри. Письма).

[2]) Прав. Соб. 1861, янв. Попеч. церкви, 81, 87, 21.

[3]) Нѣкоторые думаютъ, что здѣсь рѣчь идетъ о Василіѣ Ивановичѣ (Жмакинъ, 157), такъ какъ упоминается о разводѣ, но по другимъ чертамъ слово это могло относиться и ко времени боярскаго управленія или І. Грознаго.

[4]) Rer. Moscov. comment. по изд. Старчевскаго 12—14; по изд. Анонимова, 27—28. Ср. Лихачевъ, 161.

скаго дьяка Мисюря Мунехина (1528 г.), лѣтописецъ замѣчаетъ: „и началъ князь великій имущество его сыскивать, а на его мѣсто прислалъ Владиміра Племянникова и нашли въ его казнѣ книги вкратцѣ написанныя, кому что далъ на Москвѣ боярамъ или дьякамъ, или дѣтямъ боярскимъ, *и князь великій все то выискивалъ на себя*, а иные его племянники и подъячій Артюша (Артемій) псковитинъ, любезный его на Москвѣ, и на пыткѣ былъ; *и былъ въ людяхъ мятежъ великій о его имуществѣ и взысканіе великое.* И были по Мисюрѣ дьяки частые... и были дьяки мудрые, а земля пустая; *и начала казна великаго князя множиться во Псковѣ*, а сами они ни одинъ не съѣхалъ поздорову со Пскова къ Москвѣ, другъ на друга воюя" [1]). Понятно, какъ подобные примѣры должны были отражаться въ представленіи М. Грека, И онъ написалъ „Главы поучительны начальствующимъ правовѣрно" [2]).

Въ этомъ обращеніи Максимъ представляетъ образецъ царя и даетъ совѣты вел. князю, которые, какъ само собою ясно, были основаны на дѣйствительныхъ происшествіяхъ... „Считай, говоритъ онъ вел. князю, того истиннымъ царемъ и самодержцемъ, который заботится устроить жизнь своихъ подданныхъ—правдою и хорошими законами и старается побѣждать безсловесныя страсти души своей, т. е. злобу, гнѣвъ и беззаконныя плотскія похоти; потому что тотъ, кто подчиняется имъ, уже не можетъ назваться одушевленнымъ образомъ небеснаго владыки, но только человѣкообразнымъ подобіемъ безсловеснаго естества. *Разумъ*, кромѣ того, что украшаетъ человѣка мудростію, кротостію и правдою, можетъ еще направлять и внѣшніе члены на правый путь; онъ удерживаетъ глаза отъ блуднаго наслажденія чужею красотою, слухъ (уши) отъ постыдныхъ пѣсней и завистливыхъ клеветъ, языкъ отъ выраженія досады и злословія, наконецъ руки—*отъ похищенія чужихъ имѣній*". Самое необходимое для царя—*правда*, о которой Максимъ совѣтуетъ позаботиться вел. князю.... Мы, продолжаетъ онъ, всю надежду спасенія полагаемъ въ лишеніи мясъ, рыбы и масла, а между тѣмъ всевозможнымъ образомъ обижаемъ своихъ подчиненныхъ. Хорошимъ и желающимъ добра совѣтникомъ считай не того, кто побуждаетъ тебя на войну, но того, кто совѣтуетъ имѣть миръ со всѣми сосѣдними державами [3])..... Только душевная красота,

---

[1]) П. С. Р. лѣт., IV, 297.

[2]) Сочин. II, 157—181.

[3]) Берсень такъ жаловался Максиму на вел. князя: „а все нынѣ отвсюду брани, ни съ кѣмъ намъ миру нѣтъ, ни съ Литовскимъ, ни съ Крымскимъ, ни съ Казанью, всѣ намъ недруги, а наше нестроеніе... на Бога одного и надѣя". Акты экспед. I, № 172.

т. е. правда, имѣетъ значеніе, а внѣшняя и тѣлесная есть временная и ложная; она затемняетъ душу и дѣлаетъ ее мерзкою. Позаботься же, о благовѣрнѣйшій царь, получить разумную красоту души, которая нетлѣнна. Самая свѣтлая планета—солнце, потому что оно одно освѣщаетъ вселенную, а ему подобна душа царя, украшенная правдою, кротостію, чистотою и щедростію. Царь своимъ примѣромъ побуждаетъ на добрыя дѣла и подданныхъ, подобно тому, какъ солнце своею теплотою оплодотворяетъ землю. Но какъ небольшое яблоко, закрывъ солнце, лишаетъ вселенную прежняго свѣта, такъ и душа царя, если подчинится страстямъ, то помрачится, а все подвластное царю поколеблется и смутится мятежною бурею частыхъ волненій. Много трезвости требуетъ царскій умъ, чтобы богоугодно управлять врученнымъ ему царствомъ. Умъ подобенъ воску и бумагѣ: какъ на нихъ можно начертать какіе угодно знаки, такъ и онъ слѣдуетъ тѣмъ обычаямъ и ученіямъ, въ которыхъ его наставили. *Мудрому царю не прилично желать чужихъ имѣній*, потому что Судія всѣхъ отмститъ за обиженныхъ; царю слѣдуетъ удалять развратныхъ совѣтниковъ, потому что бесѣда со злыми до конца развращаетъ насъ..... Не столько скорбитъ мать о нуждахъ дѣтей своихъ, сколько заботливый царь печется объ устроеніи своихъ подданныхъ.... Благовѣрному царю и пастырю слѣдуетъ пріобрѣтать милостію и кротостію къ подручнымъ небесныя сокровища, а не земныя—*похищеніемъ чужихъ имѣній и богатствъ*. Царь! утверди себя богомудренно, чтобы ты не былъ когда либо побѣжденъ *страстію іудейскаго сребролюбія*, по слову апост. Павла, который называетъ такого кумирослужителемъ.... Ничто такъ не утверждаетъ царскія державы, какъ попеченіе о нищихъ и милосердіе.... М. Грекъ скорбитъ, что милость къ бѣднымъ и нищимъ оскудѣла и даже церковныя имущества, назначенныя для нихъ отъ царей и князей, употребляются на свои потребы и житейскія дѣла и онъ настаивалъ на возстановленіи ихъ прежняго назначенія [1]). Далѣе М. Грекъ, на основаніи святыхъ отцовъ, даетъ анализъ человѣческихъ страстей.

„Тремя страстями, говоритъ онъ, смущается душа и особенно царская, именно: властолюбіемъ, славолюбіемъ и сребролюбіемъ, и послѣдствія ихъ очень губительны. Отрасль сластолюбія есть „ненасытное угожденіе чреву и подчревнымъ неприличнымъ похотямъ“. Слѣдствіемъ славолюбія бываетъ то, что все дѣлаютъ изъ угожденія людямъ, и, если удается желаніе, то всѣмъ благотворятъ, если же сла-

[1]) Поучит. главы (какъ полагаютъ Ивану IV) начальствующимъ правовѣрно (Соч. II, слово VIII, 157—185).

волюбцы узнаютъ, что надъ ними насмѣхаются, то они начинаютъ мстить хуже всякаго дикаго звѣря. *Корень же всякому злу—сребролюбіе*, которое состоитъ въ собираніи всѣми способами богатства, какъ-то: *похищеніемъ, лихоимствомъ, клеветою, лжею, рѣзоиманіемъ (ростами) и обидами*. Если кто побѣдилъ эти страсти, тотъ есть угодникъ Троицы, *а царь можетъ назваться самодержцемъ*". Затѣмъ, обращаясь къ вел. князю, Максимъ говоритъ: „и что можетъ сего зазорнѣйше быть, да не скажу окаяннѣйше, чтобы *мнящему владѣть преславными и неисчисленными народами, самому владѣему и водиму* бывать безсловесными страстями и рабомъ нарицаться отъ святыхъ устъ Спасовыхъ. Разумѣваяй да разумѣетъ внятно сказанное. И въ заключеніе Максимъ, въ видѣ наставленія князю, приводитъ слова Менандра, который говоритъ: „три добродѣтели дѣлаютъ царство твердымъ и славнымъ: правда, т. е. правый судъ, когда не руководствуются лицепріятіемъ и не берутъ мзды; цѣломудріе, когда обуздываютъ „движенія естественныя", и, наконецъ, кротость къ подчиненнымъ. „Кто, заключаетъ Максимъ, тремя сими добродѣтелями правитъ жизнь свою, сущій воистину царь православный, образъ воодушевленный самого царя небеснаго".

XII.

Во время боярскаго правленія—въ малолѣтство Ивана IV, насилія правителей достигли чрезвычайныхъ размѣровъ: самъ Иванъ, въ приписываемой ему рѣчи на лобномъ мѣстѣ открыто признавалъ невозможность пока исправить обиды и разоренія, происшедшія отъ бояръ и властей, безсудства неправильнаго, лихоимства и сребролюбія [1]). Въ это время много людей погибло въ междоусобной брани. Пользуясь покровительствомъ самихъ правителей, ихъ сторонники давали полную волю своимъ требованіямъ. Такъ, въ первое правленіе Шуйскихъ намѣстниками во Псковѣ были назначены Андрей Михайловичъ Шуйскій и кн. Василій Ивановичъ Репнинъ-Оболенскій; они, говоритъ лѣтописецъ, были свирѣпы какъ львы, а люди ихъ, какъ звѣри дикіе, до крестьянъ, и начали поклепцы добрыхъ людей клепать, и разбѣжались добрые люди по инымъ городамъ, а игумены изъ монастырей убѣжали въ Новгородъ. Не только псковичи разошлись отъ лихихъ намѣстниковъ, но и пригорожане не смѣли ѣздить во Псковъ. Андрей Мих. Шуйскій, прибавляетъ лѣтописецъ былъ злодѣй: дѣла его злы

---

[1]) О ней, впрочемъ, существуетъ теперь другое мнѣніе, находящее подтвержденіе въ болѣе компетентномъ источникѣ (Статьи С. Ѳ. Платонова, стр. 219—225).

на пригородахъ и на волостяхъ; поднималъ онъ старыя дѣла, правилъ на людяхъ по сту рублей и больше, а во Псковѣ мастеровые люди все дѣлали на него даромъ, большіе же люди давали ему подарки. Этотъ Андрей Шуйскій разорялъ землевладѣльцевъ, заставляя ихъ силою, за малую цѣну, продавать ему свои отчины, крестьянъ разорялъ требованіемъ большого числа подводъ для своихъ людей, ѣздившихъ къ нему изъ его деревень и обратно; каждый его слуга каждый крестьянинъ, подъ защитою имени своего господина, позволяли себѣ всякаго рода преступленія [1]). Насилія, происходившія въ малолѣтство Ивана IV, вызвали Максима написать: „Слово пространнѣе излагающее съ жалостію нестроенія и безчинія"... Въ этомъ словѣ, въ лицѣ жены, Россія жалуется на свои бѣдствія. На вопросъ Максима женѣ—въ чемъ заключается „вина плача и скорби ея"?—она отвѣчаетъ: „къ прочимъ моимъ неисцѣлимымъ бѣдствіямъ, правящіе нынѣ мною, по многой ихъ жестокости, не принимая общеполезныхъ совѣтовъ отъ доброхотовъ, руководятся одними своими страстями, меня же неключимою (непотребною) и поругаемою сотворили, сами же поддаются плѣненію отъ живущихъ вокругъ ихъ... Меня, всѣ вмѣстѣ славолюбцы и властолюбцы по своему нраву, стараются подчинить себѣ, по истинѣ мало заботящіеся о мнѣ, которые были бы достойно названы царскими рачителями, ибо подручныхъ моихъ, одолѣваемые сребролюбіемъ и лихоимствомъ, лютѣйше морятъ всякими истязаніями, побуждаемые *денежными нуждами и заботами о строеніи многоцѣнныхъ домовъ*, ничѣмъ не способствуя къ утвержденію ихъ державы, но только излишне угождая веселію блудливыхъ душъ своихъ...; домы ихъ—домы беззаконія, какъ отъ неправедныхъ истязаній устроенные и исполненные всякимъ лихоимствомъ и безчиніемъ...; благочестивый санъ царскій растлѣваютъ всяческими своими неправдами, лихоимствомъ и богомерзкимъ блуженіемъ, стопы которыхъ устремлены больше на пролитіе крови, по неправедному гнѣву своему и ярости звѣрской...; ни ученія духовнаго не пріемлютъ, ни сѣтованія многоискусныхъ старцевъ ни прещеніямъ богодухновенныхъ писаній не внемлютъ; ко всему такому они глухи, какъ аспиды, затыкающіе свои уши, поработившись однимъ сатанинскимъ играмъ, пищѣ, пьянству и низменнымъ страстямъ (подчревнымъ), оставленные Богомъ, обладаемые лукавыми духами и носимые бѣсами" [2]).

Какъ извѣстно, Иванъ Грозный отнималъ у богатыхъ вельможъ родовыя имѣнія, а имъ раздавалъ земли въ отдаленныхъ провинціяхъ,

---

[1]) П. С. Р. лѣт., IV, 304. Щербатовъ, Ист. Россійская. V, 184. Соловьевъ, VI, 79.

[2]) Сочин., II; ср. соотвѣт. слово м. Даніила (Жмакинъ, 591—598).

которыя уже не приносили прежнихъ доходовъ [1]). Онъ бралъ взаймы деньги, которыхъ однако не думалъ возвращать, и онѣ были отданы только при первомъ Самозванцѣ. Вслѣдствіе частыхъ походовъ множество семействъ осталось безъ пропитанія, о чемъ напоминалъ ему тотъ же Максимъ [2]). Въ 1547 г. 70 псковичей пріѣхали къ Ивану (въ с. Островку) жаловаться на намѣстника, а онъ, вмѣсто управы, сталъ обливать ихъ горячимъ виномъ, палилъ бороды, зажигалъ волосы свѣчею и велѣлъ положить ихъ нагихъ на землю, но въ это время большой колоколъ оборвался въ Москвѣ и царь поспѣшилъ туда [3]), позабывъ о судѣ. Быть можетъ подобные же факты побудили Максима указать Ивану на прямой его долгъ. Въ одномъ изъ своихъ посланій, онъ писалъ ему: „Много есть различныхъ художествъ, искусствъ и сановъ привлекающихъ людей, которые, стараясь достигнуть въ нихъ совершенства, берутъ себѣ въ примѣръ кого нибудь изъ предковъ, для того, чтобы, подражая имъ, пріобрѣсть славу въ потомствѣ—тебѣ же, которому вручено царство отъ самого Вышняго, кому другому слѣдуетъ подражать кромѣ царствующаго въ небесахъ“?... поэтому: „ничего не предпочитай болѣе правды и суда Іисуса Христа, который ни за что такъ не будетъ покровительствовать твоей державѣ, какъ за твою правду къ подданнымъ, правый судъ, щедрость и кротость ко всѣмъ нуждающимся“ [4]).

XIII.

При общественномъ неустройствѣ, при неопредѣленности въ отношеніяхъ къ власти, при личномъ произволѣ самихъ правящихъ, являлась необходимость въ особенномъ родѣ защиты, которая выходила изъ круга законныхъ мѣръ, а потому совершенно подлежала случайности. Такою мѣрою было „печалованіе“.—Въ древнихъ наставленіяхъ говорится: „если имѣешь дерзновеніе къ царямъ—поскорби, видя обидимыхъ“ [5]). Правомъ такого печалованія по преимуществу пользовалась духовная власть, въ силу того вліянія, какое она имѣла въ древней Руси. Вотъ почему къ ней главнымъ образомъ обращались опальные и угнетенные съ просьбами о защитѣ. Печалованіе было до того необходимымъ и обыкновеннымъ, вслѣдствіе указанныхъ причинъ, что лишеніе его, въ лицѣ вліятельнаго человѣка, для цѣлой области каза-

---

[1]) Флетчеръ, глава IX.
[2]) Сказаніе Курбскаго, I, 49; 2-е изд., 40.
[3]) П. С. Р. лѣт., IV, 307.
[4]) Сочин., II, 346.
[5]) Опис. Рум. муз.. 233.

лось предвѣстникомъ бѣдствій. Подъ вліяніемъ подобнаго предчувствія написанъ „Плачъ земли Пермской на смерть Стефана“. Тамъ между прочимъ читаемъ: „Теперь мы лишились добраго промышленника и ходатая, который Богу молился о спасеніи душъ нашихъ, *а князю доносилъ наши жалобы, хлопоталъ о нашихъ льготахъ, о нашей пользѣ; предъ боярами и всякими властями былъ нашимъ теплымъ заступникомъ, часто избавлялъ насъ отъ насилій, работы, тіунской продажи, облегчалъ отъ тяжкой дани*“ [1]). Государь долженъ былъ являться въ такихъ случаяхъ необходимымъ заступникомъ и покровителемъ угнетенныхъ. М. Грекъ самъ принималъ участіе въ печалованіи и побуждалъ къ тому митр. Макарія и Сильвестра, которые въ особенности могли помочь въ этомъ дѣлѣ [2]). Кромѣ того, почти во всѣхъ своихъ обличеніяхъ, онъ является защитникомъ интересовъ слабыхъ и угнетенныхъ, не смотря на положеніе виновныхъ.

Но утвердившаяся государственная власть [3]) въ печалованіи видѣла ограниченіе и потому старалась противодѣйствовать или по крайней мѣрѣ ослабить его вліяніе. Берсень жаловался Максиму, что митрополитъ уже „не печаловался ни о комъ“, а Жареный такъ объяснялъ свою бѣду: „пропалъ деи есми, печальника не могу добыти, а государь по моимъ грѣхамъ пришелъ жестокъ, а къ людямъ немилостивъ“ [4]). Россія жаловалась Максиму въ лицѣ жены, что у нея нѣтъ Самуила, противуставшаго Саулу, Наѳана, избавившаго отъ паденія Давида, Иліи и Елисея, ратовавшихъ противъ беззаконныхъ царей, Амвросія, не убоявшагося царской высоты, Ѳеодосія Вел., Василія Вел., ужаснувшаго своимъ словомъ гонителя Валента, и Іоанна Злат., изобличившаго Евдоксію [5]). Князь Курбскій уже не могъ найти „у святителей и преподобныхъ (т. е. духовныхъ лицъ) ни малыя помощи, ни

---

[1]) Житіе Стефана Пемскаго въ Памятн. древ. рус. литер. и изд. Арх. ком.

[2]) Сочин. II, 361, 381, 382. Янковскій, Печалов. духовенства за опальныхъ (Чт. въ Общ. ист. 1876, кн. I). О роли царя у м. Даніила (Жмакинъ, 070—071).

[3]) Берсень о Василіѣ выражался: „а нынѣ деи государь нашъ запершися самъ-третей у постели всякіе дѣла дѣлаетъ..... Государь деи упрямъ и встрѣчи (противорѣчія) не любитъ противъ себя, кто ему встрѣчю говоритъ и онъ на того опаляется“. (Акты экспед, I, № 172), „Между совѣтниками вел. князя, говоритъ Герберштейнъ, никто не пользуется такимъ значеніемъ, чтобы осмѣлиться въ чемъ нибудь противорѣчить ему или быть другого мнѣнія“. „Властію онъ превосходитъ едва ли не всѣхъ монарховъ цѣлаго міра“..... „Почти всѣхъ гнететъ онъ тяжкимъ рабствомъ“ (Rer. Moscov. comment., см. в. с. 447).

[4]) Акты экспед. I, № 172.

[5]) Сочин., II, 336—337; III, 155. Въ одномъ поученіи XVI в. читаемъ; „Пастыри умолкли страха ради, чтобы не лишиться своей тщетной славы или отъ своихъ дѣлъ обличаемы“ (Жмакинъ, 091).

утѣшенія бѣдамъ своимъ“ [1]), и, подобно женѣ, представленной у Максима, жаловался, что уже нѣтъ Иліи, Елисея, Амвросія и Златоуста, которые бы обличали неправду [2]).

Между тѣмъ высказывались мнѣнія прямо противоположныя этимъ требованіямъ. Въ извѣстной уже намъ „Бесѣдѣ“, вслѣдствіе злоупотребленій духовенства своимъ вліяніемъ, заявлялась необходимость его невмѣшательства въ дѣла свѣтской власти [3]). Иванъ Грозный писалъ Курбскому: „Развѣ хорошо, попу и прегордымъ рабамъ владѣть, царю же только предсѣданіемъ и царскою честію почтену быть, властію же ничѣмъ же лучше быть раба? И развѣ не похвально, чтобы самому царю содержать все повелѣнное имъ? *Какъ же и самодержцемъ наречется, если не самъ строитъ*“ [4]). М. Грекъ какъ мы видѣли, иначе понималъ роль самодержца (см. стр. 449—450). Извѣстно чѣмъ окончилось печалованіе митр. Филиппа. Иванъ даже требовалъ у духовенства отреченія отъ обычая печалованія... Притомъ теорія этой власти создавалась и поддерживалась тѣми же представителями духовенства [5]).

Яркія краски, набросанныя современными обличителями о положеніи низшаго класса населенія, несомнѣнно свидѣтельствуютъ о томъ надвигавшемся кризисѣ въ народной жизни, который завершился прикрѣпленіемъ крестьянъ и вмѣстѣ съ тѣмъ создалъ условія, благопріятныя предстоявшей смутѣ. Близкій свидѣтель современныхъ явленій, Флетчеръ замѣчаетъ, что всеобщій ропотъ и непримиримая ненависть такъ ясны, что все это должно окончиться не иначе, какъ всеобщимъ переворотомъ [6]); а современникъ смуты, дьякъ Иванъ Тимоѳеевъ источникъ (корень) ея видитъ въ событіяхъ царствованія Ивана Грознаго и его личномъ характерѣ. Если начало смуты [7]) было дано прекращеніемъ династіи, то это не значитъ, что помимо этого факта положеніе вещей, не могло привести къ тѣмъ народнымъ движеніямъ, какими такъ богато было царств. Алексѣя Михайловича.

---

[1]) Сочин. Курбскаго 291; Прав. Соб. 1863, № 8.

[2]) Посл. Курбскаго, изд. въ Прав. Соб. 1863, № 8, с. 307.

[3]) О неприличіи мон. владѣть вотчин. (Чт. Моск. общ. ист. 1859, кн. 3. с. 13.

[4]) Сказанія Курбскаго, II, 34; 2-е изд. 194—196.

[5]) Ср. мнѣнія Іосифа Волоц. и м. Даніила (Жмакинъ, 92—93, 408, 070); М. Грека (II, 336—337; III, 155).

Въ Византіи молитвы и клятвы не обезпечивали вѣрности царямъ (Виз. Врем. 1895, III, 389).

[6]) О государствѣ русскомъ, гл. IX.

[7]) Временникъ (Рус. Истор. библ., XIII), стр. 271—272.

М. Грекъ оставилъ глубокій слѣдъ въ сознаніи русскаго общества, захвативъ своими обличеніями всѣ слои этого послѣдняго. Широта сюжетовъ, разнообразіе мотивовъ и мѣткость нападеній даетъ иногда право сравнивать его съ представителемъ эпикодидактической и сатирической поэзіи въ нѣмецкой литературѣ XVI в. Іос. Фишартомъ (род. изъ Майнца, докт. правъ, † 1589) [1]), авторомъ многихъ произведеній въ прозѣ и стихахъ, проникнутыхъ желчной сатирой и грубоватымъ юморомъ, направленными противъ пороковъ, „столь же безчисленныхъ, какъ небесныя звѣзды и морскіе пески", въ которыхъ онъ касается разныхъ классовъ общества, современныхъ нравовъ, воспитанія, страсти къ генеалогіямъ, астрологіи, прогностикамъ, гаданіямъ, невоздержности, пьянства, роскоши, высокомѣрія учености и въ особенности духовенства—францисканцевъ, доминиканцевъ и іезуитовъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Судъ надъ Максимомъ Грекомъ.—Связь его съ опальными—Беклемишевымъ-Берсенемъ и Жаренымъ.—Ихъ бесѣды о положеніи Россіи и его сношенія съ турецкимъ посломъ Скиндеромъ.—Соборъ 1525 г.—Обвиненія по поводу исправленія книгъ.—Ссылка въ Волоколамскій монастырь.—Вторичный судъ (1531 г.). Продолженіе прежнихъ допросовъ.—Связь новаго суда надъ Максимомъ съ дѣломъ Вассіана по поводу „Житія Богородицы" и со смертію турецкаго посла.

I.

Вообще полагали, что главною причиною злоключеній М. Грека было его противорѣчіе по дѣлу о разводѣ Василія Ивановича съ Соломоніею, не смотря на опроверженіе этого мнѣнія еще м. Платономъ [2]).

Источникомъ этого извѣстія является „Повѣсть о второмъ бракѣ вел. кн. Василія Ивановича" (1526), приписываемая Паисію Ярославову (Чтен. въ Общ. ист. и древн. рос. 1846—1847, годъ 2-й, № 8. Выпись о соч. втораго брака и пр., 1—8), близкому къ заволжскимъ старцамъ. Онъ ссылается на мнѣніе о томъ Вассіана (о немъ говорится прямо, М. Грекъ подразумѣвается), что вызвало привлеченіе его къ суду вмѣстѣ съ М. Грекомъ за неправильные переводы и толкованія свящ. книгъ, а въ подтвержденіе незаконности развода авторъ приводитъ отвѣты четырехъ патріарховъ и аѳонскихъ монастырей. Грамоты и сношенія, о ко-

---

[1]) Тихоправовъ, предисл. къ Луцидаріусу (Лѣтоп. рус. литер., I, 39; Соч. т. I).
[2]) По поводу мнѣнія кн. М. М. Щербатова (Церк. ист., II, 34).

торыхъ упоминается здѣсь остаются неизвѣстными. Сношенія эти пріурочиваются къ посольству Ивана Борис. Колычева 1523 г. (Никон. лѣт. VI, 233; Карамзинъ, VI, 108) и повидимому авторъ имѣлъ нѣкоторыя основанія: такъ, имъ упоминается рѣзкій отзывъ о разводѣ іерус. патр. Марка, какой дѣйствительно былъ тогда. Того же взгляда держится Курбскій (с. 4), Хроногр. Толст. и др. (Карамзинъ, VI, 107, пр. 277, 343), но уже Карамзинъ заподозрилъ достовѣрность этой повѣсти, однако допуская возможность неудовольствія по поводу развода (108, 109; болѣе опредѣленно въ Соч. I, 484—485, съ похвалой стойкости М. Греку). По словамъ той же повѣсти затѣмъ послѣдовалъ судъ и М. Грекъ, Вассіанъ и ихъ соучастники были разосланы по монастырямъ. Но, по имѣющимся даннымъ, Вассіанъ оставался нетронутымъ, до 1531 г. Лѣтописи варьируютъ разсказъ о причинахъ развода, то приписывая внушеніе его боярамъ (IV, 295, самый полный разсказъ VI, 29—30), то говоря о насильственномъ дѣйствіи вел. князя (ib. и III, 199), то о добровольномъ актѣ, „по болѣзни и бездѣтству" Соломоніи (VI, 264; VIII, 271). Указанію „Повѣсти" слѣдуютъ: Филаретъ (М. Грекъ, Москвит. 1842), И. Бѣляевъ (Чтен. о яз. и словесн. М. Даніилъ) и др. Мы оставляемъ наше изложеніе какъ было въ первомъ изданіи. Замѣч. Макарія о повѣсти Паисія (VI, 173); Слово же М. Грека „объ оставленіи женъ своихъ", относится къ хотѣвшимъ идти въ монахи (см. выше), что отмѣтилъ еще Соловьевъ (V, прим. 433). Въ одномъ изъ сказаній даже говорится, что М. Грекъ писалъ грамоты на Аѳонъ, чтобы помѣшать браку (Бѣлокуровъ, LXV). Прибавимъ, что спутники М. Грека были отпущены на Аѳонъ и въ Константинополь 11 сент. 1519 г. (Никон. л., VI, 224); Горскій (Твор. св. отц., 46); Карамзинъ (VII, пр. 373), вопреки Голубинскому (II, 681, пр. 2).

Со сказаннымъ нельзя согласиться. Можно заключать, что М. Грекъ не одобрялъ намѣренія вел. князя и оставался вѣренъ своему исключительно религіозному взгляду на святость брака. Но о протестѣ не могло быть и рѣчи. М. Грекъ и Вассіанъ могли только совѣтовать князю обратиться къ восточнымъ патріархамъ и на Аѳонъ. Между тѣмъ, по словамъ лѣтописи, вел. князь въ разводѣ руководствовался государственными цѣлями; такъ какъ у него не было наслѣдника, „а братья своихъ удѣловъ не умѣли устраивать" [1]), и это подтверждается тѣмъ,

[1]) П. С. Р. лѣт., IV, 295. Еще въ 1523 г., передъ Казанскимъ походомъ въ числѣ важнѣйшихъ лицъ бывшихъ поручителями на духовной вел. князя находился и Вассіанъ князь Ивановъ сынъ (Собр. гос. грам. I, № 150; ср. ниже, с. 458).

что Василій Ивановичъ, посылая на Аѳонъ грамоту о присылкѣ переводчика (1515 г.), въ тоже время просилъ поминать Соломонію „чадородія ради“, слѣдовательно за девять лѣтъ до мысли о разводѣ (1524 г.).

Гр. С. Д. Шереметевъ выставилъ вопросъ: „У вел. кн. Василія Ивановича сынъ Георгій отъ Соломоніи Сабуровой, съ которой онъ незаконно развелся. Какая судьба этого сына? ВъUžд. мон., близъ гробницы Соломоніи, гробница ея дочери. Три года новая супруга вел. князя литовка, Елена Глинская, безплодна. Положеніе ея критическое въ виду отвергнутой Соломоніи, Ив. Вас. Грозному 12 лѣтъ, когда умираетъ Соломонія. Онъ растетъ подъ страхомъ, что у него есть братъ законнѣе его, Георгій Вас. Развитіе его подозрительности не въ связи-ли съ сомнительностью его происхожденія? Что побуждало Ивана Грозн. обращать особое вниманіе на Суздаль? Что побудило его выбрать въ жены старшему сыну племянницу Соломоніи?“ (Р. Арх. 1895, № 5, с. 288). Замѣтимъ, что извѣстіе это идетъ отъ Герберштейна (по изд. Старчевскаго, 18—19; ср. Одерборнъ, 196, 232—33; Анонимовъ, 42—43); причемъ онъ самъ не довѣряетъ ему, но прибавляетъ, что слухъ имѣетъ сторонниковъ. Виновницей его была жена казначея Юрія Траханіотова, за что вел. князь подвергъ будто бы ее тѣлесному наказанію и удалилъ отъ двора. Молва могла смѣшать Георгія съ братомъ Ивана IV отъ Елены, родив. послѣ него, 6 лѣтъ спустя (Соловьевъ, VI, 413, и Сказ. Курбскаго, 183). Соломонія (въ монашествѣ Сусанна, Соловьевъ, VI примѣч. 375) по своей судьбѣ вызвала религіозное почитаніе въ Суздалѣ и вѣроятно отсюда идетъ монастырское преданіе, что она разрѣшилась сыномъ Юріемъ, послѣ постриженія, который жилъ при ней и умеръ 7 лѣтъ, причемъ показываютъ и камень, покрывающій его могилу, возлѣ ея гробницы (Алфав. справ. переч. госуд. рус. и пр., сост. М. Д. Хмыровымъ, I, 75; ср. 19). Фр. да-Колло пишетъ, что вел. князь, „не имѣя удовольствія быть отцемъ, не весьма уважалъ супругу, такъ что я, находясь въ Москвѣ, долженъ былъ ходатайствовать о свободѣ брата ея, сидѣвшаго въ темницѣ за легкую вину“ (Карамз. VII, пр. 402). Онъ же сообщаетъ, что, при выборѣ царемъ невѣсты, обыкновенно ихъ осматривали повивальныя бабки (ib., IX, 110, ср. VII, пр. 402). О Соломоніи и ея чествованіи см. еще актъ сузд. Покров. мон. 1650 г. (Рус. Стар. т. XVI, 383—384); Книга столовая сузд. Покров. дѣвич. мон. 1685 г. (Архивъ практич. свѣд. Калачова 1861, VI, 20 и дал.); о службѣ ей (Барсуковъ, Агіографія и Строевъ, 259). Бестужевъ-Рюминъ

видѣлъ въ этихъ разсказахъ только легенды (Письма о смути. врем. 56—57). Мнѣніе м. Платона (II, 36) о показаніи кн. Курбскаго см. далѣе.

Сужденіе М. Грека о разводѣ, какъ бы онъ его рѣзко ни высказывалъ, могло только вызвать неудовольствіе вел. князя, перемѣнить прежнее расположеніе его къ Максиму, но преслѣдовать послѣдняго было напрасно, такъ какъ вел. князю нечего было опасаться. Въ дѣлѣ о разводѣ вел. князя, вмѣстѣ съ мнѣніемъ Максима обыкновенно соединяютъ возраженіе Вассіана, за что, какъ полагаютъ, они оба были сосланы; но изъ одной грамоты (писан. 1526 г. 14 сентября [1]) видно, что Вассіанъ пользовался благоволеніемъ вел. князя даже послѣ новаго брака (24 янв. 1526 г.), хотя М. Грекъ былъ уже заточенъ. Кромѣ того повѣствователь „о сочетаніи второго брака“ [2]), одинъ хронографъ и „сказаніе о Максимѣ“ [3]) говорятъ, что по поводу мнѣнія о разводѣ Максимъ былъ сосланъ въ Тверь, а Вассіанъ въ Волоколамскій монастырь, но это произошло уже послѣ суда надъ ними въ 1531 году. Изъ сличенія же этихъ извѣстій съ судными списками и извѣстіемъ Курбскаго, очевидно, что Максимъ прежде былъ заточенъ въ Волоколамскій монастырь, а Вассіанъ оставался въ покоѣ до 1531 года, когда его вызвали къ суду совершенно по другимъ винамъ.

Первое судное дѣло М. Грека (соборы 20 и 22 февр. 1525) было издано два раза: въ Акт. Арх. экспед. т. I, № 172 (стр. 141—145) и кн. М. А. Оболенскимъ въ его рѣдкомъ „Сборникѣ“, (№ 3, М. 1838 1—18 стр.), по подлин. М. арх. ин. дѣлъ, съ черновиками, дополняющими „отрывки“ (вѣрнѣе сводъ „преній“, въ которомъ опущены нѣкоторыя подробности, существенныя для изслѣдователя) и въ третій разъ, по списку Погодина, вмѣстѣ съ дѣломъ 1531 года (Чт. въ Общ. ист. и древн. 1847, № 7, стр. 1—13). Въ дѣлѣ 1531 г. говорится, что въ апрѣлѣ и маѣ 1525 г.

---

[1]) Акты экспедиц. I, № 173. Рѣчь идетъ даже о защитѣ правъ Ниловой пустыни по челобитью кн. Вассіана. Любопытно, что почти одновременно (19 сент. 1526 г.) вел. князь пожаловалъ старицу Софію селомъ Вышеславскимъ въ Суздалѣ, съ деревнями и починками и что къ нимъ изстари потягло до ея живота, а послѣ ея смерти въ прокъ тому же сузд. Покровскому монастырю. Соломонія названа въ этомъ актѣ „старицей Софьей“, какъ встрѣчается нерѣдко и въ другихъ актахъ. По Сузд. лѣтоп. она скончалась 18 дек. 1542 г. и погребена въ томъ же мон-рѣ (Карамзинъ, VII, прим. 280).

[2]) Чт. Моск. Общ. ист. 1847 г., № 8.

[3]) Хроногр. Толст. и сказан. о Максимѣ. Карамзинъ, VII, пр. 343, 345. Въ придворной средѣ были защитники брака вел. князя (Жмакинъ, 091).

было много соборовъ (засѣданій) на М. Грека. Есть списокъ Суднаго дѣла въ Моск. арх. ин. дѣлъ, съ отличіями, въ портф. Малиновскаго, въ библ. Хлудова и библ. гр. Уварова (Жмакинъ, 172, 180). Судъ на Максима, Чт. Моск. Общ. ист 1847, № 7. Судъ надъ Вассіаномъ, тамъ же, № 9. Сказан. Курбскаго, I, 49. Наша точка зрѣнія поддержана м. Макаріемъ (Ист. рус. церкви, VI, 175 и дал.) и Жмакинымъ (М. Даніилъ, 167—170 и дал.), который, впрочемъ, соединяетъ бракоразводное дѣло съ политическими основаніями (181). Голубинскій признаетъ главной причиной суда—недовольства на Максима духовной іерархіи (т. II, стр. 711—718), мотивъ, преобладающій вообще въ трудѣ автора.

То обстоятельство, что Вассіанъ остался нетронутымъ за свое мнѣніе о разводѣ вел. князя, сильно говоритъ противъ прежняго предположенія, будто-бы главною причиною заточенія Максима было его возраженіе по поводу новаго брака вел. князя. Да и самъ Максимъ, когда сообщаетъ о возведенныхъ на него винахъ, то упоминаетъ только о переводныхъ отступленіяхъ, недоброжелательствѣ русской державѣ и поклепахъ какихъ-то небратолюбцевъ [1]). Вотъ почему слѣдуетъ искать другихъ причинъ его опалы.

II.

Первое слѣдствіе надъ Максимомъ стоитъ въ связи съ допросами, сдѣланными его келейнику Аѳанасію Грекову (родомъ греку; былъ при немъ еще Ѳедоръ Сербинъ [2])). Берсеню и дьяку Жареному, которые происходили 20 и 22 февраля 1525 г. На допросѣ келейникъ Максима показалъ, что кромѣ тѣхъ лицъ, которыя приходили къ Максиму „спираться о книжномъ“, у него бывалъ Берсень. „Когда къ Максиму придутъ, замѣчалъ онъ, Токмакъ (кн. Иванъ), Василій Тучковъ, Иванъ Даниловъ, Сабуровъ, князь Андрей Холмскій и Юшко (Юрій) Тютинъ... и насъ тогда Максимъ вонъ не выгоняетъ; а когда къ нему придетъ Берсень, *и онъ насъ вышлетъ тогда всѣхъ вонъ, а съ Берсенемъ сидитъ долго одинъ на одинъ*“. Изъ словъ келейника: „*насъ* вышлетъ тогда *всѣхъ* вонъ“ видно, что у Максима было довольно такихъ людей, которыхъ онъ принужденъ былъ высылать въ важныхъ случаяхъ, а это самое давало имъ поводъ къ толкамъ, которые, распространяясь мало-по-малу, навели, наконецъ, подозрѣніе на самого Максима. Такой ходъ дѣла еще болѣе подтверждается тѣмъ, что и первый допросъ сдѣланный Максиму, находится въ связи съ допросами *опальныхъ* Берсеня и Жаренаго, посѣщавшихъ его чудовскую келью.

---

[1]) Въ послан. къ Ивану IV (Сочин., II, сл. xxvIII, 355—56).

[2]) Чтен. въ Общ. ист. 1847, № 7, с. 12; Акты экспед. I, № 172.

Боярскій сынъ Ив. Никит. Беклемишевъ-Берсень состоялъ въ великокняжеской свитѣ при Иванѣ III (въ жильцахъ); въ 1490 г. встрѣчалъ близъ Москвы цесарскаго посла (Забѣлинъ, Ист. г. Москвы, стр., 619); въ 1492 г. ѣздилъ посломъ въ Польшу (Сборн. Им. Рус. Ист. общ. т. XXXV, 60—68); въ 1492—1494 находился въ приставахъ при разныхъ послахъ (ib. 74, 108, 117—136; 1511 г., 495); въ 1495 г.—въ свитѣ Ивана III ѣздилъ въ Новгородъ (Лихачевъ, Разряд. дьяки, 172), въ 1502 и 1503 гг. былъ посланъ въ Крымъ (во второй разъ, будучи ограбленъ, возвратился съ поля, Сборн. XXI, 434—443, 455—465, 526, 537); въ маѣ 1514 г. встрѣчалъ посла султ. Селима I Камала передъ дверьми набережной палаты въ „большихъ" (Лихачевъ, 58) и участвовалъ (лѣтомъ) въ походѣ съ вел. княземъ подъ Смоленскъ, гдѣ своими замѣчаніями навлекъ на себя неудовольствіе вел. князя (дѣло М. Грека); участвовалъ, какъ полагаютъ, и въ Думѣ вел. князя (Лихачевъ, 173, также „Отвѣтъ суровому критику"); Ѳедоръ Жареный—крестовый дьякъ вел. князя (Типогр. лѣтоп., 381). Кн. Ив. (Юр.) Токмаковъ и Ив. Дан. Сабуровъ вѣроятно будущіе воеводы подъ Нарвой (Карамз. X, 64); Василій Тучковъ (см. выше стр. 135, 257, 392); А. И. Холмскій подписался на поручной грам. (1527) за побѣгъ кн. М. Л. Глинскаго, въ числѣ другихъ, въ 5000 р. (Собр. госуд. грам. I, 428, 429); Юрій Тютинъ въ спискахъ не значится, но очевидно его сынъ Хозяинъ Юрьевичъ Тютинъ былъ царскимъ казначеемъ при Иванѣ IV (Ак. Арх. экспед. I, 175 218, 262, 278, 292,—293; Акты историч. I, 251—253, 258, 260, 266; Дополн. къ акт. 79. 132, 138, 157, 170; Сборн. И. Р. И. Общ. LIX, по указателю). По указанію Курбскаго, Тютины „грецкаго рода". Хоз. Тютинъ, казначей царскій, „зѣло богатый", казненъ со своей семьей при Иванѣ Грозномъ (Сказанія, 106, и пр. 158). Что же касается Юрія Тютина, то не былъ ли это тотъ вельможа Юрій Дмитріевичъ, къ которому твер. еп. Нилъ писалъ посланіе „объ артосѣ", прибывшій въ свитѣ ц. Софіи (Псков. лѣт. IV, 244) и который былъ „того же роду" съ еп. Ниломъ. „Вѣроятно тѣмъ же вопросамъ былъ вызванъ и М. Грекъ, писавшій объ артусѣ и панагіи (Соч. III, слова XIII—XIV). Ю. Тютинъ могъ интересоваться восточными обычаями (ср. Хр. Чтен. 1909, II, 1115—1119).

О чемъ же шли бесѣды между Берсенемъ и Максимомъ?—Иванъ Никитичъ Беклемишевъ-Берсень, сынъ дипломата [1]), былъ близкимъ ли-

[1]) См. П. С. Р. Лѣт., т. VI, 32, 203; VIII, 167, 176, 179—180.

цомъ при Иванѣ III и Василіѣ и постоянно отправлялъ посольскія обязанности, но послѣдній не взлюбилъ его по „обговорамъ“ или за возраженія по поводу похода подъ Смоленскъ [1]), и кромѣ того, какъ видно изъ слѣдствія, Берсень не одобрялъ постоянныхъ военныхъ безпокойствъ [2]). Максиму онъ говорилъ, что у него (т. е. Максима) слѣдовало бы спрашивать, „какъ устроить государю свою землю, какъ людей жаловать и какъ митрополиту жить“. Слѣдовательно, въ глазахъ Берсеня, Максимъ имѣлъ важное значеніе. И дѣйствительно, ихъ разговоры сосредоточивались на весьма интимныхъ вопросахъ. На допросѣ прежде всего спросили, что говорилъ Максимъ съ Берсенемъ, когда сидѣлъ съ нимъ „одинъ на одинъ“.

III.

Берсень, какъ служилый человѣкъ и занимавшій видные посты, тяготился невниманіемъ къ нему вел. князя и постоянными службами, требовавшими не мало трудовъ и средствъ, недовольство которыми постоянно поддерживалось въ служиломъ классѣ. И Берсень жаловался М. Греку: „вотъ нынѣ отовсюду брани, ни съ кѣмъ намъ нѣтъ миру: ни съ литовскимъ, ни съ Крымскимъ, ни съ Казанью, всѣ намъ недруги и за наше нестроенье“. Когда же на соборѣ спросили Максима, что разумѣть подъ „нестроеньемъ“, то онъ отвѣчалъ: „мнѣ думается, что дѣла дѣлаются *несовѣтіемъ и высокоуміемъ*“. Максимъ говорилъ Берсеню, чтобы онъ не дивился тому, что намъ всѣ враги, такъ какъ одни „поганые“, другіе „еретики“ и не подабаетъ ихъ бояться, когда съ нами Богъ и нынѣшній вел. князь подобенъ царю Давиду, котораго сохранитъ Богъ отъ всѣхъ иноплеменниковъ, на что Берсень отвѣтилъ: „на Бога-то одна и надежда“. М. Грекъ спросилъ Берсеня: „господине Иванъ, за что князь великій тебя такого разумнаго человѣка не жалуетъ?“ И Берсень сказалъ ему: „по грѣхамъ моимъ пришли на меня обговоры и вину мнѣ Берсень сказывалъ да не помню хорошо, помнится говорилъ о встрѣчѣ (возраженіи) вел. князя изъ-за Смоленска; и вел. князю то не поправилось, и онъ сказалъ ему: „поди смердъ прочь, ты мнѣ не надобенъ“. Ѳедоръ же Жареный дополнилъ, сказавши: „Берсень говорилъ: Смоленскъ городъ взялъ, а люди тамъ! и миру быть нельзя. Нужно было поставить городъ на своей сторонѣ, тогда и миръ былъ бы“. Напомнимъ, что вел. кн. Василій три похода

---

[1]) Карамзинъ, VI, стр. 148, пр, 345, 377, 527, 532, 542. Сборн. И. Р. Общ. XXXV, XLI, LIX; слѣдств. дѣло въ Акт. экспед. I, № 172; ср. Н. П. Лихачевъ, Разряд. дьяки, 58, 134, 172—173.

[2]) Акты экспедиц. I, стр. 142, 144.

предпринималъ противъ Смоленска (1512, 1513 и 1514 гг.) и только послѣ третьяго похода городъ былъ взятъ. Но опасности продолжали существовать со стороны Казани, Крыма и Литвы, съ которыми были постоянныя сношенія, но прочнаго мира не было. Мы видѣли (см. выше 151), что вел. князь старался обезопасить себя отъ Крыма, вступивъ въ дружескія сношенія съ султаномъ Селимомъ I (1515, 1517), а потомъ (1521) съ Солиманомъ, но крымскій ханъ (Магметъ-Гирей) сталъ вести свою политику, ознаменовавшуюся захватомъ Казани, взятіемъ Астрахани и нападеніемъ на московскіе предѣлы, вызвавшіе походы на Казань (1523 и постр. Васильсурска, и въ 1524 г.), которые не достигли своей цѣли, а вызвали новыя неудовольствія въ служилой средѣ [1]). И вотъ тотъ же Жареный показалъ: „Какъ князь великій ѣхалъ изъ Н. Новгорода и ждали въѣзда его въ Москву, то Берсень, стоя тутъ же, говорилъ: „почто вел. князь ходилъ въ Новгородъ? поставилъ на ихъ сторонѣ лукно (лукошко), какъ же съ ними помириться, какъ Смоленскъ-же городъ взялъ, а люди тамъ“. Пользуясь нашествіемъ Магметъ-Гирея (1521) убѣжалъ изъ Москвы рязан. князь (Иванъ Ивановичъ) въ Литву, но и крымскій ханъ перезывалъ его къ себѣ, завязывался такимъ образомъ новый узелъ. Между тѣмъ постоянныя ссоры и навѣты между потомками двухъ враждебныхъ Москвѣ князей Василіемъ Сем. стародубскимъ и Василіемъ Иван. (Шемячичемъ) новгородъ-сѣверскимъ привели къ присоединенію ихъ удѣловъ. В. И. Шемячичъ дважды былъ вызываемъ въ Москву (1511, 1517), по доносамъ, за сношенія съ Литвой, и возвращался въ свой удѣлъ [2]); въ 1523 г. онъ былъ вызванъ въ третій разъ и, вопреки обѣщанію м. Даніила, схваченъ и посаженъ въ тюрьму (въ набережной палатѣ [3]), за что м. Даніилъ подвергся большимъ укоризнамъ. По словамъ же Герберштейна [4]) уликой противъ Шемячича послужило письмо, которое онъ послалъ королю черезъ кіев. воеводу, пересланное послѣднимъ вел. князю, хотя авторъ этого сообщенія не особенно довѣряетъ тому [5]). Съ этимъ обстоятельствомъ связывалось непріятное воспоминаніе у Берсеня, какъ пользовавшагося расположеніемъ вел. князя. Однажды Максимъ спросилъ его: „Есть ли у тебя дворъ въ городѣ? и я ему отвѣтилъ, говорилъ Берсень: „дворъ у меня въ городѣ есть, да нынѣ его отдали, отнявъ у меня, и поставили на немъ княгиню Шемячи-

[1]) Соловьевъ, V, 391.
[2]) Собр. госуд. грам. II, №№ 28, 29; Карамз. VII, 75.
[3]) П. С. Р. лѣт., VI, 264; VIII, 270.
[4]) Rer. Moscov. comment., ed. Starczewski, 45; по изд. Анонимова, 105—107.
[5]) Шемячичъ умеръ въ Москвѣ въ 1529 г. въ заключеніи.

чеву“ да въ разговорѣ съ Максимомъ, говоря о здѣшнихъ дѣлахъ, прибавилъ, „что нынѣ въ людяхъ правды нѣтъ“. По этому же поводу Жареный показалъ: „приходилъ ко мнѣ Берсень и говорилъ: Ѳедоръ, ходишь ли ты къ митрополиту? и я ему молвилъ: Мало хожу. Гнѣвенъ на меня про то, что я не давалъ ему денегъ, если онъ не служилъ (—мѣсто, зачеркнутое въ чистомъ спискѣ). И Берсень въ свою очередь сообщилъ ему: „Я у митрополита былъ и сидѣлъ у него одинъ на одинъ. Митрополитъ вел. князю великую хвалу воздаетъ за то, что городъ поставилъ, тѣмъ-де городомъ всю землю возьметъ; а вотъ Богъ избавилъ его отъ запазушняго врага. И я митрополита спросилъ: кто былъ запазушный врагъ государю? Митрополитъ молвилъ: Шемячичъ. А митрополитъ самъ позабылъ, что къ Шемячичу грамоту писалъ и руку свою и печать къ той грамотѣ приложилъ, а взялъ его на образъ Пречистой, да на чудотворцевъ, да на свою душу“.

Дворъ Берсеня находился вблизи наугольной башни Кремля, почему и самая башня стала называться *Беклемишевскою*. Дворъ этотъ отличался своимъ крѣпкимъ устройствомъ, а потому служилъ какъ бы крѣпостью для заключенія въ немъ опасныхъ людей, или такихъ, которыхъ нужно было держать подъ стражею. И по смерти Берсеня, дворъ его сохранялъ значеніе крѣпостной тюрьмы, такъ сказать для политическихъ преступниковъ, когда „вмѣсто единодержавія и самодержавія появилось на поприщѣ управленія безграничное самовластіе, развившееся до сумасшествія при Иванѣ Грозномъ“ (Забѣлинъ, Исторія гор. Москвы, 618—621). Было предположеніе, что нын. домъ Моск. Арх. общ. (на Берсеневкѣ), замѣчательный, какъ одинъ изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ въ Москвѣ памятниковъ древней гражданской архитектуры, признавался получившимъ названіе отъ двора, даннаго Берсеню взамѣнъ отнятаго; но изъ документовъ выяснилось, что названіе этой части города произошло отъ завѣдыванія Берсенемъ ею въ качествѣ объѣзжаго головы. По преданію, домъ этотъ принадлежалъ потомъ Малютѣ Скуратову, Борису Годунову, Стрешневымъ и думн. дьяку А. С. Кириллову, который былъ убитъ, какъ сторонникъ Нарышкиныхъ (В. Е. Румянцовъ, Домъ Моск. Арх. общ. Древности, статьи съ общ. оглавленіемъ, 1875, с. 33—40, съ рисунк.). Стрѣльница Никиты Беклемишева въ Кремлѣ существовала уже при Иванѣ III и въ нее былъ посаженъ за обманъ венец. посолъ Иванъ Тревизанъ (П. С. Р. лѣт. VI, 196; VIII, 176); она построена была въ 1487 г. итальянцемъ Маркомъ (Фрязи-

нымъ), который строилъ великокняж. палаты и двѣ стрѣльницы въ Москвѣ, Никольскую и Флоровскую (П. С. Р. лѣт. IV, 156; VI, 36, 278; VIII, 217 и Соловьевъ, V, прим. 220).

IV.

Сношенія Москвы съ Турціей имѣли между прочимъ въ виду ослабить вліяніе въ Константинополѣ крымскаго хана. По поводу этихъ дѣлъ въ Москву пріѣзжалъ три раза Скиндеръ князь мангупскій (1522—1526), а изъ Москвы ѣздилъ въ Константинополь И. С. Морозовъ, но цѣль этихъ сношеній все-таки не была достигнута. Какъ оказалось, и въ Константинополѣ (султанскій казначей грекъ Абессаломъ и близкій къ нему грекъ Адріанъ), и въ Москвѣ (Скиндеръ) были недружелюбно настроены противъ послѣдней, требуя большихъ подарковъ и ссылаясь на права султана на Казань, на дурной пріемъ, оказанный послу, иначе угрожая войной и указывая на радость въ Москвѣ по случаю извѣстія о побѣдѣ венгерскаго короля надъ турками [1]). Но въ Москвѣ, были сторонники болѣе рѣшительной политики вел. князя и въ этомъ, конечно, заключается недовольство М. Грека, высказывавшаго открыто мысль о надеждѣ освободиться отъ турецкаго ига при посредствѣ Россіи и видѣть даже на престолѣ одного изъ русскихъ князей [2]). По прибытіи въ Москву М. Грекъ не могъ не сойтись съ такимъ вліятельнымъ человѣкомъ, какъ Юрій Дм. Траханіотъ, считавшійся въ Константинополѣ покровителемъ грековъ, и придворный врачъ Маркъ, а оба они въ одно время подверглись опалѣ (см. ниже стр. 475 [3]). Въ допросахъ же Максиму читаемъ слѣдующее: „Да спро-

---

[1]) Карамзинъ, VII, 70, 79, 90; Соловьевъ, V, 402—406.

[2]) Сочин. I, стр. 141—143. Мысль эта не покидала грековъ (Пов. о взятіи Цареграда, изд. Яковлевымъ) и поддерживалась въ средѣ русскихъ книжниковъ (Зиновій Отенскій, Многословное посланіе, 9; ср. Ж. М. Н. Пр. 1893, № 5, с. 97). Въ моментъ надеждъ, какія питалъ М. Грекъ (при м. Варлаамѣ, слѣдов. въ началѣ своего пребыванія), онъ желалъ вел. князю уподобиться Константину и Ѳеодосію Вел. и освобожденія отъ турецкаго ига его рукою, „какъ нѣкогда Богъ воздвигъ Константина, избавивъ его отъ злочестиваго Максентія, такъ и новый Римъ, волнуемый безбожными агарянами, да будетъ избавленъ державою царствія твоего и да подастъ отъ отеческихъ твоихъ престоловъ наслѣдника и подастъ тобою свѣтъ намъ бѣднымъ своею милостію и щедротами" (II, 317—319). Ср. замѣчанія о Юріѣ Дм. Траханіотѣ Б. И. Дунаева. (Тр. Славян. ком. IV, 058—061) и Милюкова (Очерки, III, 33).

[3]) Герберштейнъ зналъ Траханіота во время перваго пребыванія въ Москвѣ (1517), но не засталъ во второй пріѣздъ (1526) и есть указаніе, что онъ въ 1520 г. принималъ еще участіе въ переговорахъ съ Нѣмец. орденомъ. Поэтому показаніе послуж. списка (Древ. Вивл. XX, с. 1—131) о кончинѣ его въ 1514 г. невѣрно.

силъ меня Берсень: вѣдаешь ли, по какому дѣлу къ намъ пришелъ турецкій посолъ Искандеръ? Максимъ отвѣчалъ: „не вѣдаю, господине, а слышу, что деньги отъ султана привезъ, чтобы купить, что приказалъ. Берсень на это отвѣчалъ: „На что намъ его дружба, лучше было не дружиться съ нимъ. Вел. кн. Иванъ Васильевичъ всея Руси посылалъ посла своего къ султану и онъ, призвавъ посла, отвѣтилъ: скажи своему государю: далеко отъ меня живетъ, нѣтъ ему до меня дѣла, а будетъ ему какое дѣло, такъ сынъ мой (ханъ) живетъ въ Кафѣ (Ѳеодосіи): посылай къ нему". Между тѣмъ изъ описи царскаго архива видно, что въ немъ хранились (ларчикъ дубовый, № 61) грамоты греческія посольскія, взятыя у Саввы, бывшаго архимандрита Спасскаго мон. [1]). Савва былъ одновременно сосланъ въ волоколамскій Возмицкій мон. [2]). Савва также грекъ и, какъ видно, греки тѣсно держались другъ друга, а пріѣздъ грека Искандера могъ оживить надежды Максима на возвращеніе (впослѣдствіи онъ также хлопоталъ о томъ черезъ султана и не былъ ли въ этомъ случаѣ посредникомъ архим. Савва); но политика и домашнія бесѣды могли вести дальше, въ особенности при той враждебности, какую обнаруживалъ Искандеръ къ Москвѣ. Поэтому на соборѣ 1531 г. м. Даніилъ обратился къ М. Греку съ слѣдующимъ упрекомъ: „Вы пришли отъ Св. горы изъ Турецкой державы къ благочестивому и христолюбивому государю царю и вел. князю, Василію Ивановичу, ради милостыни, и государь васъ жаловалъ милостынями и всѣмъ изобиліемъ и многіе дары посылалъ въ ваши монастыри и честью великою почиталъ и вамъ слѣдовало за государя Бога молить и за всю его державу, о здравіи, спасеніи и одолѣніи враговъ [3]), а вы съ Саввою, вмѣсто блага, умышляли зло, совѣтовались и посылали грамоты къ турскимъ пашамъ и къ самому турскому царю, подымая его на благочестиваго и христолюбиваго государя и вел. князя Василія Ивановича всея Руси и на всю его благочестивую державу. Да вы же говорили: ратуетъ вел. князь Казань, да его не будетъ и турецкій царь сраму не потеритъ. Да вы же вѣ-

Въ такомъ случаѣ и опала обоихъ грековъ (по словамъ Герберштейна), обвиненныхъ въ ереси, могла быть объяснена политическими соображеніями. Хронологическія показанія „послужнаго списка вообще не достовѣрны, говоритъ Карамзинъ: какъ я замѣтилъ въ разныхъ случаяхъ" (IX, прим. 37).

[1]) Акты Арх. экспед., I, 341.

[2]) Строевъ, Списки, 142; Типогр. лѣтоп. 386.

[3]) Напрасно Голубинскій (с. 726) видитъ въ этомъ обращеніи умышленную обиду Максиму. Онъ въ числѣ другихъ считался прибывшимъ за милостынею (П. С. Р. лѣт. VII, 263). Ср. стр. 152, пр. 4.

дали совѣты и похвалы турскаго посла Искандера, который хотѣлъ поднимать турскаго царя на государя и вел. князя и на всю его державу". „Да ты Максимъ то вѣдалъ, а государю вел. князю и его боярамъ не сказалъ. Да ты же говорилъ *многимъ людямъ* (слѣдовательно были и доносы): быть на русской землѣ турецкому султану, потому что султанъ не любитъ сродниковъ цареградскихъ царей, а князь великій Василій внукъ Ѳомы Аморейскаго. Да ты же Максимъ вел. князя называлъ нечестивымъ гонителемъ и мучителемъ, какъ и прежніе нечестивые гонители и мучители были. Да ты же Максимъ говорилъ: вел., кн. Василій выдалъ землю крымскому царю, а самъ побѣжалъ отъ турскаго. Да и какъ ему не бѣжать [1]). Пойдетъ на него турскій царь и ему нужно дать харачъ (дань) или бѣжать" [2]). Мы уже знаемъ, къ какимъ событіямъ должны относиться приведенные толки и замѣчанія, которые могли высказываться во время печальныхъ обстоятельствъ, соединявшихся съ походами на Казань и нападеніями крымскаго хана, и съ точки зрѣнія послѣдующихъ событій представляться, въ глазахъ предубѣжденно настроенныхъ судей, не только опасными, но и завѣдомо враждебными, въ особенности, если сношенія съ турецкимъ посломъ сами по себѣ вызывали подозрѣнія, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ.

V.

Нѣкоторыя бесѣды касались митрополита Даніила. „Пришелъ ко мнѣ Берсень, сказалъ Максимъ, *когда* (уже) *былъ въ опалѣ*, а тому съ года нѣтъ; не упомню о какую пору. И я спросилъ его: былъ сегодня у митрополита? И Берсень молвилъ: „я того не вѣдаю, есть ли митрополитъ на Москвѣ". Я сказалъ Берсеню: какъ митрополита нѣтъ? Митрополитъ на Москвѣ Даніилъ. И Берсень мнѣ молвилъ: не вѣдаю-де митрополитъ, не вѣдаю простой ли чернецъ; учительнаго слова отъ него нѣтъ никакого, а не печалуется ни о комъ, а прежніе святители сидѣли на своихъ мѣстахъ въ мантіяхъ и печаловалися государю о всѣхъ людяхъ [3]). Вотъ тебя, Максимъ, взяли изъ Святой горы, да отъ

[1]) Это относится къ набѣгу хана Магметъ-Гирея. Ср. Герберштейна, pag. 66—67.

[2]) Чтен. въ Общ. ист., № 7, с. 4—5. Акты Археогр. экспедиц., I, № 172.

[3]) Странное обвиненіе при значительной литературной дѣятельности м. Даніила; онъ также иногда печаловался (Соловьевъ, V, 436); но вообще онъ былъ преданный угодникъ власти. Опальные могли вспоминать времена м. Варлаама, который, принадлежа по духу къ бѣлозерцамъ (отзывъ Герберштейна о немъ см. выше, стр. 157, пр. 1), выступалъ въ защиту открыто и, когда не нашелъ поддержки, отдалъ свой посохъ. вел. князю, былъ заключенъ и сосланъ въ Спасо-Камен. мон." (Герберштейнъ, pag. 20, и П. С. Р. лѣт. VI, 264; VIII, 269).

тебя какую пользу получили? И я ему сказалъ: я, господине, сиротина, какой отъ меня быть пользѣ? И Берсень мнѣ молвилъ: ты человѣкъ разумный и можешь насъ пользовать и пригоже было намъ тебя спрашивать, какъ устроить государю землю свою и какъ людей жаловать? И я, Максимъ, Берсеню молвилъ: у васъ, господине, книги и правила есть, можете устроиться“! Тогда Максима спросили: „къ чему онъ это сказалъ“? Максимъ отвѣчалъ: молвилъ онъ ту рѣчь про государя. Да Берсень мнѣ говорилъ: добръ-де былъ отецъ вел. кн. Василія, вел. кн. Иванъ и къ людямъ ласковъ и если пошлетъ людей на какое дѣло, то и Богъ съ ними; а нынѣшній государь не по тому: людей мало жалуетъ. А какъ пришли сюда греки, то и земля наша замѣшалася, а дотолѣ земля наша русская жила въ тишинѣ и въ мирѣ; а молвилъ то про великую княгиню Софью. Какъ пришла сюда мать вел. князя, вел. княг. Софья съ вашими греками, такъ наша земля замѣшалася, и пришли нестроенія великія, какъ и у васъ въ Цареградѣ, при вашихъ царяхъ. И я сказалъ Берсеню: господине, мать вел. князя вел. княг. Софья съ обѣихъ сторонъ была рода великаго—по отцѣ царскаго рода цареградскихъ царей, а по матери великаго душуса феррарійскаго итальянской страны. И Берсень мнѣ молвилъ: „Я, господине, того не вѣдаю, чья дочь вел. княг. Софья“; Максимъ замѣтилъ: вел. княг. Софья по отцѣ *христіанка*, а по матери *латынка*“ [1]); но Берсень отвѣтилъ: „господине, какова ни была бы, а къ нашему нестроенію пришла“ [2]). Приходилъ ко мнѣ Берсень и говаривалъ со мной о книгахъ и о цареградскихъ обычаяхъ: нынѣ у васъ цари бесерменскіе и гонители и вамъ-де отъ нихъ нынѣ времена лютыя и какъ вы отъ нихъ проживаете? и я ему сказалъ: цари у насъ злочестивые, а у патріарховъ и у митрополитовъ въ ихъ судъ не вступаются. И Берсень молвилъ: „хотя у васъ цари злочестивые, а такъ хотятъ, то у васъ еще Богъ есть“ [3]). Да Берсень мнѣ говорилъ: „Максимъ, господине, вѣдаешь и самъ, а и мы слыхали у разумныхъ людей, которая земля

---

[8]) Ѳома женился въ 1430 г. на принцессѣ Екатеринѣ, дочери Чентуріоне Захаріи II, котораго онъ лишилъ престола, чтобы стать владыкой Мореи, и плодомъ этого брака были двѣ дочери и два сына (Елена за Лазаремъ II сербскимъ, Андрей, Мануилъ и Зоя—Софія).

[1]) Недовольство противъ Софіи существовало издавна и перешло въ лѣтописи: ее винили, въ томъ, что свита ея разоряла мѣста, черезъ которыя она проѣзжала, убѣгая отъ Ахмата (П. С. Р. лѣт., IV, 154; VI, 21, 232, 279) и за растрату княжеской казны на родственниковъ, когда пріѣзжалъ братъ ея Андрей, и на приданое племянницѣ, вышедшей замужъ за кн. верейскаго Василія Мих., отнятое потомъ Иваномъ III (ib., VI, 235).

[5]) Ср. Сказаніе Ивана Пересвѣтова о „правдѣ турецкой“ и Магометѣ II.

переставливаетъ обычаи свои, и та земля не долго стоитъ, а здѣсь у насъ старые обычаи князь великій перемѣнилъ, то какого добра намъ чаять. И я, Максимъ, Берсеню молвилъ: „господине, которая земля преступаетъ заповѣди божіи, та и отъ Бога казни чаетъ, а обычаи царскіе и земскіе государи перемѣняютъ, какъ государству ихъ лучше. Берсень же молвилъ: однако лучше старыхъ обычаевъ держаться и людей жаловать и старыхъ почитать, а нынѣ деи государь нашъ, запершись, самъ-третей у постели всякія дѣла дѣлаетъ. И жаловался Берсень на вел. князя: подворье деи отъ меня отнялъ въ городѣ (въ Кремлѣ), да прочь отдалъ, а изъ Нижняго Новгорода людей всѣхъ распустилъ, а сына моего одного оставилъ въ Новгородѣ". Далѣе Максимъ сообщалъ: „Спросилъ меня Берсень: хочетъ ли тебя вел. князь отпустить въ Св. гору? и я ему молвилъ: прошуся-деи у вел. князя *много*, и онъ меня не отпускаетъ; на что Берсень замѣтилъ: „а не бывать тебѣ отъ насъ". И я его спросилъ: „за что ему меня не отпустить, взялъ насъ государь отъ нашей братіи на томъ, что ему насъ и назадъ отпустить". Берсень отвѣчалъ: „держитъ на тебя мнѣнія, пришелъ еси сюда, а человѣкъ еси разумный, и ты здѣсь увѣдалъ наши добрая и лихая и, придя туда, будешь все сказывать".

Отвѣтъ Берсеня имѣлъ полное основаніе. Придворнаго лѣкаря Ѳеофила не отпустили, не смотря на ходатайство прусскаго магистра, сославшись, что онъ лѣчитъ одного вельможу. Султанъ просилъ объ отпускѣ лѣкаря грека Марка, жена и дѣти котораго жили въ Конст-лѣ и который пріѣхалъ въ Москву единственно для торговли, и его не отпустили, сославшись на то, что лѣчитъ новгород. намѣстника кн. Ал. Вас. Ростовскаго, и просили прислать его жену и дѣтей. Тогда вмѣстѣ съ посломъ Скиндеромъ (1524) пріѣзжалъ шуринъ Марка—Андроникъ. Не отпустили врача Ѳеофила (Малининъ, 263) и архим. Неофита, заточеннаго за болтливость, не смотря на просьбы патріарха въ 1597 г. (Малышевскій, Мелетій Пигасъ, II, 17—23). Карамзинъ по этому поводу справедливо выразился: „Иностранцамъ съ умомъ и съ дарованіемъ легче было тогда въѣхать въ Россію, нежели выѣхать изъ нея" (VII, 112).

М. Грекъ заявлялъ, что онъ не упомнитъ о всѣхъ рѣчахъ, какія велись между нимъ и Берсенемъ, но прибавилъ: „многія, господине, рѣчи Берсень про государя говорилъ: Государь—деи упрямъ и встрѣчи противъ себя не любитъ; кто ему встрѣчу говоритъ (возражаетъ, противорѣчитъ) и онъ на того опаляется; а отецъ его князь великій

противъ себя встрѣчу любилъ и тѣхъ жаловалъ, которые противъ его говорили. Да и заказывалъ мнѣ Берсень, чтобы я тѣхъ рѣчей не сказывалъ никому. Когда Жареный пришелъ къ Максиму (на Симоново), послѣдній спросилъ его, былъ-ли онъ у митрополита (слѣдов. Максимъ еще былъ свободенъ, когда Жареный искалъ уже защиты) и добылъ-ли себѣ печальника: „печальника я не добылъ, а государь пришелъ жестокій и немилостивый“, отвѣчалъ онъ. Отъ нѣкоторыхъ показаній оба опальные сначала отказывались, но, при новыхъ очныхъ ставкахъ, ихъ признали. Съ своей стороны Максимъ еще прибавилъ (сохранился отрывокъ): „истину вамъ скажу, что у меня въ сердцѣ, ни отъ кого того не слыхалъ и не говорилъ ни съ кѣмъ, а мнѣніе то держалъ себѣ въ сердцѣ: вдовицы плачутъ, а когда государь пойдетъ къ церкви, то вдовицы плачутъ и за нимъ идутъ, а они (приставы?) ихъ бьютъ, а я за государя молилъ Бога, чтобы государю Богъ на сердце положилъ и милость бы государь надъ ними показалъ“ (это мѣсто зачеркнуто и въ бѣловой списокъ не внесено). Были вычеркнуты также слова о жестокости и немилости (въ показаніяхъ только Берсеня), но оставлены слова объ упрямствѣ и встрѣчѣ. Въ одной изъ очныхъ ставокъ Жареный показывалъ, что онъ былъ у М. Грека въ то время, когда вел. князь пировалъ у владыки, вмѣстѣ съ Ѳедоромъ Палицынымъ, и хотѣлъ отвести оговоръ, но Максимъ, признавши, что это было въ другой разъ, одинъ на одинъ, и Жареный говорилъ, и „тетрадки“ взялъ. Жареный признался, что у Максима бывалъ и тетрадки взялъ, но отъ рѣчей, приписываемыхъ ему, отказался. Повидимому и Берсень отчаялся въ исходѣ своего дѣла, заключивъ очную ставку съ Жаренымъ такъ: „А что, господине, рѣчи на меня Ѳедька говорилъ про городъ и про Шемячича и я тѣхъ рѣчей не говорилъ; которыя же рѣчи говорилъ Жареный, то мнѣ ихъ не упамятовать: что ему вѣтеръ нанесъ на ротъ, то и говорилъ; *нѣтъ того, кто лихихъ рѣчей не говорилъ бы,* какъ бы взбѣсясь, сказалъ“.

VI.

Въ дошедшемъ до насъ отрывкѣ суднаго списка (по рукописи Погодина) упоминается еще о еретическомъ мнѣніи М. Грека на основаніи его перевода книгъ: „Максимъ, читаемъ тамъ, говорилъ и училъ многихъ и писалъ о Христѣ, что сидѣніе „Христово одесную Отца мимошедшее и минувшее; какъ Адамово селеніе въ раю и сидѣніе его противъ (прямо) рая, такъ и сидѣніе Христово одесную Отца мимошедшее есть. Гдѣ было въ здѣшнихъ книгахъ написано: „Христосъ взыде на небо и сѣде одесную Отца“ или „сѣдяй одесную Отца“, и онъ то зачерпилъ, а иное выскребъ, а вмѣсто того написалъ „сѣдѣвъ оде-

сную Отца" и „сѣдѣвшаго одесную Отца", а въ иномъ мѣстѣ „сидѣлъ одесную Отца" [1]). Въ этомъ Максимъ обнаружилъ неповиновеніе и послѣ указанной ему вины. Дѣйствительно на судѣ Максимъ, будучи спрошенъ, по порученію м. Даніила, Досиѳеемъ, еп. сарскимъ и подонскимъ, настоятельно утверждалъ, что разницы въ томъ, какъ принято читать (въ настоящемъ времени) и какъ исправлено имъ, нѣтъ никакой. И этой точки зрѣнія онъ держался даже нѣсколько лѣтъ спустя, на вторичномъ судѣ, въ 1531 г. Между тѣмъ противъ него была выдвинута цѣлая литература текстовъ изъ свящ. писанія и отцевъ церкви съ явнымъ осужденіемъ, очевидно подобранная самимъ митрополитомъ Даніиломъ, какъ можно судить по его пріемамъ въ сочиненіяхъ, когда онъ старается подкрѣпить свою мысль цѣлымъ рядомъ ссылокъ. Впослѣдствіи Максимъ Грекъ призналъ свою ошибку, ссылаясь на невѣдѣніе тогда различія этихъ реченій и относилъ уже вину на счетъ своихъ переводчиковъ, которымъ онъ передавалъ слова латинскою бесѣдою [2]).

Подобное же обвиненіе находится въ извѣстной соловецкой челобитной противъ Епифаніева перевода книги Іоанна Дамаскина „Небеса:" проповѣдуютъ С. Божія еще въ плоть не пришедша, на томъ основаніи, что Епифаній въ своемъ переводѣ напечаталъ: „всякъ, не исповѣдая С. Божія и Бога во плоти *пришествовати* антихристъ есть" (Прибавл. къ Твор. св. отц. 1848, ч. VI, 25). Можетъ имѣть мѣсто и слѣд. объясненіе: порусски переведено было *сѣде*—второе и третье лицо, а въ греч. подлинникѣ аористъ ἐκάθισας, ἐκάθισεν; порусски переведено было „сѣдяй", а въ греч. подлинникѣ аористъ: καθίσας (т. е. возсѣдшій). При незнаніи рус. языка, Максимъ находилъ a priori, что греч. аористъ вѣрнѣе и правильнѣе передать порусски не прошедшимъ совершеннымъ и не настоящимъ временемъ, а прошедшимъ несовершеннымъ: на этомъ основаніи онъ сдѣлалъ свою неудачную поправку и поэтому могъ настойчиво защищать ее, пока не ознакомился хорошо съ рус. языкомъ. Сопоставленіе же этого мѣста съ „сидѣніемъ" Адама прямо рая имѣетъ неясный смыслъ (Голубинскій, 713).

Но тогда же на соборѣ были заявлены и другія отступленія въ переводахъ М. Грека, о которыхъ упоминается въ дѣяніи собора 1531 г.,

---

[1]) Возможно, что этотъ отрывокъ одинъ изъ пунктовъ о порчѣ книгъ Максимомъ, составленныхъ по порученію м. Даніила Чудовск. архимандр. Іоною (архим. съ 1518—1549), потомъ епископ. суздальскимъ (ср. Повѣсть Паисія и др. сказанія въ книгѣ Бѣлокурова). См. ниже.

[2]) Сочин. I, 34; ср. III, 60—62.

хотя въ записи ихъ нѣтъ (стр. 6, 10, 11). Быть можетъ тогда менѣе придавали имъ значенія, чѣмъ потомъ, когда они получили смыслъ въ связи съ рядомъ другихъ отступленій.

Въ сочин. Зиновія Отенскаго находимъ еще одно обвиненіе, которое могло быть вмѣнено ему, какъ измѣненіе принятаго текста, которое не находится въ судномъ спискѣ. Послѣдователи Ѳеодосія Косого утверждали, что М. Грекъ велѣлъ говорить въ символѣ вѣры: „*жду* воскресенія мертвыхъ", ибо *чаять* рѣчь не тверда: чаемъ того, что будетъ или не будетъ, а чего ждемъ, то будетъ непремѣнно. Зиновій на это отвѣчалъ: „Максимъ Грекъ былъ очень ученъ, искусенъ и въ переводѣ съ греческаго языка на латинскій; когда онъ пришелъ изъ Святой горы, и вел. князь Василій велѣлъ ему переводить псалтырь толковую съ греческаго языка на русскій, то онъ пріискалъ толмачей латинскихъ, и перевелъ псалтырь съ греческаго языка на латинскій, а толмачи латинскіе переводили съ латинскаго на русскій, потому что Максимъ русскій яз. мало разумѣлъ. Но во времена вел. кн. Ивана и сына его Василія возникла ересь безбожная и многіе тогда вельможи и люди чиновные въ эту ересь попользнулись. Великіе князья судъ на нечестіе воздвигли, особенно вел. кн. Василій, и огнемъ хульниковъ истребилъ; тогда многіе вельможи страха ради предъ самодержцемъ, отверглись нечестія только лицомъ, а не сердцемъ, они-то умыслили лукавство на святое исповѣданіе вѣры, потрясли народную рѣчь и ввели новое, говоря, что слово *чаю* смысла неопредѣленнаго, а Максимъ принялъ это отъ вельможъ (Вассіана?).—Я думаю, говоритъ Зиновій, что и это лукавое умышленіе христолюбцевъ или людей грубыхъ смысломъ возводить въ книжныя рѣчи отъ общихъ народныхъ рѣчей, тогда какъ по моему приличнѣе книжными рѣчами исправлять общенародныя рѣчи, а не книжныя народными обезчещивать" [1]).

VII.

Весьма вѣроятно, что въ то время было выставлено противъ Максима и обвиненіе по поводу его порицаній отдѣленію русской церкви отъ подчиненія константинопольскому патріарху, причемъ онъ и себя считалъ подсуднымъ только патріарху [2]). Притомъ въ особой статьѣ

[1]) Истины показаніе, стр. 964—968.

[2]) Сочин. I, 36. М. Грекъ весьма интересовался отношеніями русской церкви. Такъ, онъ привезъ съ собою грамоты, что дали прежніе государи земли во Св. гору (Акты Арх. экспедиц. I, 337). Сомнѣнія въ существованіи грамотъ относительно отдѣленія русской церкви см. выше, стр. 49, прим. Ср. Жмакинъ, 177—178 и Т. Барсовъ, Конст. патріархъ и его власть надъ рус. церк., Спб. 1878, с. 569—573.

онъ рѣзко ставилъ вопросъ: почему отметаетесь отъ поставленія у константиноградскаго вселенскаго патріарха, сохраняющаго доселѣ православіе и каноны, и указывалъ на древнюю церковь, которая сіяла какъ солнце при нечестивыхъ христіаногонителяхъ, но святительство и царя можетъ (превозмогаетъ), вѣнчаетъ и утверждаетъ, а не царство святителей, ибо священство больше царства земнаго, и потому несомнѣнно меньшее отъ большаго благословляется. Поэтому хотя мірскіе цари изгнаны (въ Константинополѣ), но духовноцарствующій не отринутъ отъ божіей благодати и сохраняетъ православіе среди нечестивыхъ и какъ похвально отвращаться еретичествующихъ, такъ укорительно и неспасительно отлучаться православно-архіерействующихъ"![1]). Но М. Греку уже тогда былъ поставленъ ребромъ вопросъ, по которому онъ такъ много писалъ и о чемъ не могъ не знать м. Даніилъ и судившіе его іерархи, близко принимавшіе къ сердцу дѣло, столь усердно отстаиваемое въ свое время Іосифомъ Волоцкимъ. „Да ты же, Максимъ, говорили ему на судѣ, святыя божія соборныя и апостольскія церкви и монастыри укоряешь и хулишь за то, что они стяжаніе, и люди, и доходы и села имѣютъ, а и въ вашихъ монастыряхъ, во Св. горѣ и въ иныхъ мѣстахъ, у церквей и монастырей села есть, да и въ писаніяхъ отеческихъ писано: велѣно ихъ держать св. церквамъ и монастырямъ. Да ты же Максимъ святыхъ чудотворцевъ Сергія, Варлаама, Кирилла, Пафнутія и Макарія укоряешь и хулишь, и говоришь: такъ какъ они держали города, села, людей, судили и пошлины, оброки и дани взимали, и многое богатство имѣли, то имъ нельзя быть чудотворцами". Въ судномъ спискѣ нѣтъ отвѣта на это обвиненіе, а есть только указаніе, что ему и его единомышленникамъ предъ всѣмъ соборомъ прочтено было не однажды свидѣтельство отъ божественныхъ писаній, чтобы привести его въ познаніе, въ истинный разумъ и исправленіе[2]).

---

[1]) Статья эта была писана къ духовному лицу (твое преподобіе, Сочин. III, 154—156) и вызвана очевидно установленною послѣ поставленія въ Конст-лѣ, въ 1474 г., митр. Спиридона, архіерейскою присягою—не принимать какъ отъ Рима латинскаго, такъ и отъ Царьграда турецкія державы и во всемъ повиноваться русскому митрополиту (Карамз. V, пр. 309; см. Твор. св. отц., годъ VI кн. I, 158, прим.). При поставленіи митр. Іоасафа (1539) обѣщаніе это было исключено (Акты Арх. экспед. т. I, № 158, с. 161—162). См. выше, 48, 156.

[2]) Чтен. въ Общ. ист. 1847, № 7, с. 5—6.

Голубинскій напрасно думаетъ, что въ 1525 г. не былъ еще поднятъ этотъ вопросъ, такъ какъ не время было тому (стр. 382, пр. 6). Изъ означеннаго текста видно обратное (ссылка на бывшіе соборы).

VIII.

Итакъ, изъ приведенныхъ данныхъ оказалось, что келлія М. Грека служила мѣстомъ обсужденія различныхъ общественныхъ вопросовъ, а также относившихся къ дѣйствіямъ вел. князя, который не любилъ „встрѣчи“ и „всякія дѣла дѣлалъ самъ-третей у постели“. Опальные разсуждали съ Максимомъ, что уже правды нѣтъ въ людяхъ, что самъ вел. князь чинитъ обиды, немилостивъ, постоянно воюетъ и только остается одна надежда на Бога. Правда, Берсень и Жареный на очныхъ ставкахъ съ Максимомъ отказывались отъ своихъ бесѣдъ, но послѣдній, быть можетъ по свойственной ему правдивости, остался при своихъ показаніяхъ и прибавилъ: „мнѣ всего не упомятовати, что со мной Берсень говорилъ; *многіе*, господине, *рѣчи* Берсень говорилъ *про государя*, да *заказывалъ* мнѣ, Берсень, чтобы я тѣхъ рѣчей *не сказывалъ никому*“... а Ѳеодоръ Жареный потомъ призналъ, что онъ „тѣ рѣчи *говорилъ*“. На слѣдствіи обнаружилось, что М. Грекъ, лишь только приходилъ къ нему Берсень, обыкновенно высылалъ изъ кельи своихъ прислужниковъ; послѣдніе должны были обратить вниманіе на подобные случаи, стали толковать объ этомъ и прежде всего въ самомъ монастырѣ, молва разносилась—и вотъ узнали, что Максимъ имѣетъ тайныя сношенія съ опальными. Можно думать, что и келейникъ Максима способствовалъ открытію дѣла, опасаясь послѣдствій утайки, такъ какъ на допросѣ онъ является свидѣтелемъ противъ Максима. На слѣдствіи открыли важность содержанія тайныхъ бесѣдъ; мнѣніе о бракѣ, какъ видно, здѣсь остается совершенно въ сторонѣ.

Вѣроятно, послѣ перваго слѣдствія, М. Грекъ и былъ пока заключенъ въ Москвѣ, это происходило въ февралѣ 1525 г. (число неизвѣстно [1]), а на слѣдующемъ допросѣ Берсеня и Жаренаго, первый говорилъ: „угонилъ меня, господине, Ѳедко Жареный, тому съ недѣлю *противъ Николы* (6 декабря), а Максима *уже изымали*“.

Преосв. Филаретъ думаетъ, что Максимъ еще передъ первымъ допросомъ былъ заключенъ въ Симоновскую темницу по доносамъ на него въ произвольномъ исправленіи книгъ, послѣ того, какъ вел. князь высказалъ ему свое нерасположеніе за его мнѣніе о разводѣ. Предположеніе это основано на словахъ Максима, сказанныхъ имъ въ первомъ допросѣ: „Ѳедко Жареный приходилъ ко мнѣ *на Симоново*“ (Максимъ прежде былъ въ Чудо-

---

[1]) М. Грекъ самъ говоритъ, что онъ девять лѣтъ пользовался особенными милостями вел. князя, слѣдовательно до 1525 г.

вомъ мон.). Но выраженіе *на Симоново* не показываетъ заключенія; быть можетъ Максимъ перешелъ туда на жительство, послѣ того какъ сошелся съ Вассіаномъ, который жилъ въ Симоновомъ мон. Если бы Максимъ былъ заключенъ въ Симоновскую тюрьму прежде перваго допроса, то зачѣмъ было Жареному говорить Берсеню: „а Максима уже изымали".

Нѣкоторые полагаютъ, что теперь стали пріискивать клеветниковъ на Максима и будто-бы самъ князь обѣщалъ за это пожаловать Ѳедора Жаренаго [1]); но при этомъ не обращаютъ вниманія *на все* изложеніе слѣдующаго мѣста второго допроса; вотъ оно: „сказывалъ Иванъ Берсень: угонилъ (догналъ) меня, господине, Ѳедько Жареный, тому съ недѣлю противъ Николы, а Максима уже изымали и сталъ мнѣ сказывать: „велятъ мнѣ Максима клепать; и мнѣ его клепать-ли"? и я Ѳедькѣ молвилъ: „что будешь слышалъ и ты то сказывай прямо, а что говоришь о лжи, то это твое дѣло, ты вѣдаешь", да и прочь отъ меня пошелъ, а сказываетъ, что князь великій присылалъ къ Ѳедькѣ игумена троицкаго: только мнѣ солги на Максима, и я тебя пожалую, и (см. стран. 469) и Ѳедька съ Берсенемъ очи на очи сказалъ, что тѣ рѣчи ему говорилъ, что „къ нему игумена троицкаго [2]) присылалъ, *чтобъ ему на Максима всю истину сказалъ, а лжи Берсеню не говаривалъ*"... На это Берсень отвѣчалъ, заключивъ свое возраженіе словами: „нѣтъ того, который лихихъ рѣчей не говорилъ, какъ бы взбѣсясь сказалъ". Здѣсь Жареный объяснилъ, зачѣмъ присылали къ нему игумена и исправилъ смыслъ своихъ словъ, переданныхъ Берсенемъ, и послѣдній призналъ неточность своего выраженія, но изъ словъ Жаренаго можно заключить, что вел. князь хотѣлъ знать *истину* о М. Грекѣ. На второмъ допросѣ Берсень призналъ справедливость показаній М. Грека и тѣмъ самымъ подтвердилъ важность своихъ сношеній съ нимъ; а что имъ дѣйствительно придавали значеніе,—то это подтверждается извѣстіемъ, что вскорѣ послѣ допросовъ („*той же зимы*" 1525 г. говоритъ лѣтопись) „вел. князь велѣлъ казнить боярина своего Берсеня-Беклемишева, голову отсѣчь, на Москвѣ рѣкѣ, а Ѳедору Жареному языкъ вырѣзать". [3]).

[1]) Карамз. VII, пр. 335; Филаретъ въ Москвит. 1842, № 11, с. 56; Христ. Чт. 1862, мартъ, 346.

[2]) Это былъ не Порфирій, оставившій игуменство въ сент. 1524 г., а Арсеній Сухорусовъ, поставленный въ янв. 1525 г. (Типогр. лѣтоп., 381). Голубинскій склоняется скорѣе къ версіи Берсеня (711).

[3]) Карамзинъ, VII, 335 пр. (по Синодальн. лѣт. № 365).

Въ томъ же году созванъ былъ соборъ въ царскихъ палатахъ, на которомъ присутствовали: вел. князь съ своими братьями Юріемъ и Андреемъ, митрополитъ, архіепископы, епископы, архимандриты, игумены, старцы изъ многихъ монастырей, бояре, князья, вельможи и воеводы. Уже на второмъ соборѣ противъ Максима, бывшемъ въ 1531 г., говорилось, что на него въ 1525 г. созывались „многіе соборы" въ апрѣлѣ и маѣ, слѣдовательно послѣ допросовъ, сдѣланныхъ ему вмѣстѣ съ Берсенемъ и Жаренымъ. Обвиненія, взведенныя на него тогда, упоминаются и на второмъ соборѣ (т. е. 1531 г.): они всѣ по тогдашнимъ понятіямъ *еретическаго свойства* ...

Такимъ образомъ М. Грекъ, за мнѣнія, высказанныя на соборѣ 1525 г., былъ признанъ виновнымъ. Легко однако замѣтить тотъ контрастъ, какой представляется между допросами, сдѣланными М. Греку по дѣлу Берсеня и Жаренаго, и обвиненіями собора: тогда какъ Берсень и Жареный за свои бесѣды подверглись жестокимъ наказаніямъ, Максимъ Грекъ, посаженный въ темницу въ слѣдствіе того же дѣла, осуждается вскорѣ затѣмъ въ ссылку, по главнымъ образомъ за книжное дѣло. Необходимо объяснить это кажущееся противорѣчіе.

IX.

Максимъ Грекъ „много" просилъ у вел. князя о своемъ отпущеніи на Аѳонъ, но какъ объясняетъ Берсень, его не отпускали, потому, что онъ „человѣкъ разумный, увѣдалъ наше доброе и лихое, и когда пойдетъ изъ Россіи, то все разскажетъ". [1]). Въ 1524 г. вторично прибылъ въ Россію турецкій посолъ, мангупскій князь Скиндеръ, родомъ грекъ, къ которому вѣроятно ходилъ Максимъ, и, быть можетъ, надѣялся, при помощи его, возвратиться въ Грецію. Что связь Максима съ Скиндеромъ существовала, на это указываетъ обвиненіе собора 1531 года [2]). Легко понять, что Максимъ могъ желать черезъ турецкое правительство выхлопотать себѣ возвращеніе. Такъ, наприм. черезъ того же посла султанъ просилъ вел. князя отпустить обратно лѣкаря Марка грека, хотя его просьба и не имѣла успѣха, послѣдняго также обвинили въ ереси и засудили. [3]).

---

[1]) Акты экспед. I, № 172.

[2]) Судное дѣло. Чт. Моск. Общ. ист. 1847, № 7.

[3]) Карамзинъ, VII, 106. 112, пр. 235.

Кажется это было одновременно съ дѣломъ М. Грека, когда подвергся временной опалѣ казначей Юрій Ем. Трахапіотовъ Малый, бывшій въ связи съ Маркомъ (Карамзинъ, VII, 107). Его жена въ 1526 г. потерпѣла опалу за слухъ, будто-бы у первой супруги Василія, Соломоніи, послѣ развода родился сынъ (Карамз., VII, 84, пр. 281). См. выше, стр. 457.

На первыхъ допросахъ Максима обнаружилось, что онъ съ Берсенемъ толковалъ о причинѣ прибытія турецкаго посла, что могло навлечь подозрѣніе. Изъ суднаго же дѣла оказывается, что въ сношеніяхъ Максима съ послѣднимъ видѣли даже цѣлое политическое предпріятіе. Вслѣдствіе этого, вѣроятно, его заключили въ темницу прежде, чѣмъ порѣшили съ Берсенемъ и Жаренымъ, между тѣмъ, судя по ихъ бесѣдамъ, онъ оказывался менѣе виновнымъ.

Итакъ, изъ слѣдствія надъ Максимомъ узнали, что онъ принималъ близкое участіе въ сужденіяхъ о разныхъ политическихъ отношеніяхъ и лицахъ, стоявшихъ во главѣ управленія, и что онъ находился въ близкой связи съ враждебнымъ русской державѣ турецкимъ посломъ. Насколько первое обстоятельство могло лишить Максима прежняго покровительства, настолько второе должно было содѣйствовать печальному исходу его дѣла. Но Максима неудобно было пока судить за сношенія со Скиндеромъ, такъ какъ послѣдній находился тогда въ Москвѣ: замѣшать его въ это дѣло, притомъ безъ видимыхъ доказательствъ было опасно, въ виду имѣвшихся свѣдѣній, что онъ хотѣлъ вооружить султана на Россію [1]). Поэтому, чтобы порѣшить съ Максимомъ, дѣлу его придали болѣе благовидное направленіе. Говоря о переводной дѣятельности Максима, мы уже упоминали, что во время его переводовъ образовался кружокъ недовольныхъ его исправленіями (см. выше, стр. 173), которые распускали неблагопріятные для Максима слухи. Теперь воспользовались этими слухами, и на основаніи ихъ стали судить послѣдняго. Его уклоненія въ переводѣ и исправленіи книгъ дали возможность не касаться болѣе опасной стороны дѣла, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя неточности въ переводныхъ выраженіяхъ Максима открывали лицамъ, искуснымъ въ богословскихъ толкованіяхъ, удобную почву. Поэтому и Герберштейнъ прямо говоритъ (1526), что М. Грекъ былъ осужденъ за исправленіе книгъ и отзывъ о русскихъ книгахъ, какъ еретическихъ.

Соборъ представилъ Максиму его вину относительно перевода и исправленія книгъ, но онъ стоялъ на своемъ, слѣдовательно и въ глазахъ собора казался виновнымъ. Максимъ былъ сосланъ въ Волоколамскій монастырь. Вѣроятно вслѣдствіе той же связи Максима со Скиндеромъ, его вывезли изъ Москвы такъ тайно, что во время пре-

---

[1]) Карамзинъ, VII, 90, и Судное дѣло, Чт. Моск. Общ. истор. 1847, № 7, с. 5.—Мы оставляемъ наше изложеніе, представленное въ 1-мъ изданіи. О судѣ надъ М. Грекомъ см. также Прибавл. къ Твор. св. отц., VI, 18—34; Макарій, VI, 173—176 193—203; Жмакинъ, 168—198; Голубинскій, II, 708—730.

бывания тамъ Герберштейна не знали даже, живъ ли онъ [1]). По достаточно-ли было того обвиненія, за которые его сослали? Извѣстно, какую важность придавали въ Россіи вопросамъ религіозной внѣшности и буквѣ. Вспомнимъ, что вычеркнуть отпустъ для м. Даніила казалось уничтожить „великій догматъ", а когда Медоварцевъ заглаживалъ его, то на него „напалъ ужасъ и дрожь объяла его" [2]). Стоглавъ трегубое аллилуіа называлъ „латинскою ересью", а за употребленіе трехперстнаго крестнаго знаменія—проклиналъ [3]). И мнѣніе Максима о выраженіи „сѣдѣвъ" считали большою ересью; а какая вина могла быть тогда хуже того? Слѣдовательно, разбирая дѣло и съ фактической стороны, для Максима не было лучшаго исхода, какъ тотъ, какой ему готовили, тѣмъ болѣе, что на соборѣ онъ призналъ свое мнѣніе вполнѣ вѣрнымъ. Отзывъ его о вел. князѣ и политическихъ дѣлахъ настолько казались важными, что онъ не могъ уже ожидать покровительства отъ него въ настоящемъ дѣлѣ.

Въ Волоколамскомъ монастырѣ Максимъ былъ отданъ подъ начало старцу Тихону Ленкову и священноиноку (духовникъ) Іонѣ [4]). Въ числѣ другихъ наказаній ему было запрещено писать къ кому бы то ни было; теперь же вѣроятно у него отняли и греческія книги, которыя онъ привезъ съ собою [5]). Въ Волоколамскомъ мон., говоритъ Курбскій, Максимъ „много претерпѣлъ многолѣтнихъ и тяжкихъ оковъ и многолѣтняго заточенія въ прегорчайшихъ темницахъ" [6]). Здѣсь онъ терпѣлъ страданія отъ дыма, холода и голода [7]), и по временамъ при-

---

[1]) Rer. Mosc. com., pag. 30; Анонимовъ, 67, „По мнѣнію многихъ, онъ былъ утопленъ, хотя князь и оказывалъ ему величайшее благоволеніе". Конечно, это оказалось пустымъ слухомъ.

[2]) Чт. Моск. Общ. ист. 1847, № 7, с. 11.

[3]) Стоглавъ, гл. 31, 41.

[4]) Тогда игуменомъ былъ Нифонтъ Кормилицынъ, ученикъ м. Даніила (Москвит., с. 158).—Старецъ Ленковъ, лично извѣстный вел. князю, пользовался его покровительствомъ (по рукоп. Синод. библ., Жмакинъ, 231).

[5]) Чтен. Моск. Общ. ист, 1847 г. № 7, с. 6. Посл. къ кн. Петру Шуйскому, Соч., II, 415—20.

[6]) Сказан. Курбскаго, I, 49; 2-е изд. 39—40. По нѣкоторымъ сказаніямъ (Паисія и др., Бѣлокуровъ, ccLxxvi, 300. Опис. рукоп. Соловец. библ., I, 163—164), вмѣстѣ съ Максимомъ сосланъ былъ въ Іосифовъ мон. и Сильванъ, какъ главный его помощникъ. О Герасимовѣ см. ниже. Сказаніе Паисія отличается анахронизмами.

[7]) Посланіе Максима къ м. Макарію (Сочин. II, 361) и Сказаніе о Максимѣ (Опис. рукоп. Синод. библ. II, 579). Объ оковахъ (Опис. Соловец. библ., I, 163; Сочин. М. Грека, II, 369—374).

ходилъ въ омертвѣніе[1]). Однажды въ религіозномъ восторгѣ онъ излилъ свою скорбь въ канонѣ Св. Духу, написавъ его, за недостаткомъ чернилъ, углемъ на стѣнѣ темницы[2]). Вотъ онъ: „Иже манною препитавый Израиля въ пустынѣ древле, и душу мою, Владыко, Духа наполни всесвятаго: яко да о немъ богоугодно служу ти выну". „Всегда бурями губительныхъ страстей и духовъ возмущаемъ душею, тебѣ всеблаженному Параклиту, яже о моемъ спасеніи, яко Богу возлагаю"[3]). Такъ прошло пять лѣтъ.

X.

Однако, въ 1531 году Максима опять потребовали на соборъ и подвергли новому допросу. Общая форма обвиненія выражена словами: „Максимъ покаянія и исправленія не показалъ, называлъ себя *неповиннымъ*, во *всемъ держался отреченныхъ* мудрствованій *и посланія писалъ*". Нашли *„хулы* на Господа Бога и Пресвятую Богородицу, на церковные уставы и законы, на святыхъ чудотворцевъ, на святые монастыри и прочее". Вслѣдствіе этого, какъ сказано въ судномъ спискѣ, „привезли Максима съ Волока на Москву и поставили предъ Даніиломъ, митрополитомъ всея Руси, и предъ архіепископами, епископами, и предъ всѣмъ освященнымъ соборомъ". Главными дѣйствующими лицами были тѣже: м. Даніилъ и еп. Досиоей, игравшій роль прокурора. Вѣроятно теперь м. Даніилъ поручилъ чудовскому архим. Іонѣ[4]) собрать необходимыя данныя о переводной дѣятельности, происходившей въ Чудовомъ монастырѣ. Обстоятельства дѣла представляются въ слѣдующемъ видѣ.

Не задолго до этого обнаружилось, что Вассіанъ посылалъ въ Бѣлозерскую пустынь житіе Богородицы, сочиненія Метафраста, въ переводѣ М. Грека, въ которомъ были неправильныя выраженія; а вслѣдъ за тѣмъ Вассіанъ послалъ грамоту къ строителю Христофору, чтобы онъ „загладилъ ту строку, кабы ея не знати". Въ то же время новгородскій архіепископъ Макарій прислалъ къ митрополиту грамоту,

[1]) Сказаніе о Максимѣ, тамъ же.

[2]) Подобныя записи на тюремныхъ стѣнахъ весьма обычны. Д. Д. Ахшарумовъ написалъ свое изліяніе гвоздемъ на стѣнѣ Петропавлов. крѣпости (В. Евр. 1901, № 12, с. 669).

[3]) Опис. рукоп. Синод. библ., II, ч. 2, с. 78—81; Житія святыхъ, А. Муравьева, 80. Карамзинъ хвалитъ М. Грека за противодѣйствіе произволу Василія III и Ивана IV (Сочин., 484—485).

[4]) По сказанію Паисія—это былъ „доносъ" на Максима Грека, Вассіана (заключеннаго въ Чудовомъ мон.), Савву святогорца (грека) и Мих. Медоварцева, жившаго съ Максимомъ въ Чудовомъ монастырѣ Голубинскій не безъ основанія полагаетъ, что и Савва и былъ здѣсь (какъ грекъ) въ качествѣ переводчика (II, 732, прим.).

въ которой писалъ, что „сказывалъ ему чернецъ Вассіанъ Рушенинъ [1]), что о той строкѣ съ Вассіаномъ онъ спрашивался (разговаривалъ), а Вассіанъ, *поговоря съ Максимомъ*, отвѣчали ему: „такъ-то и надобѣ". И въ судѣ надъ Максимомъ вопросъ о житіи Богородицы играетъ весьма важное значеніе. На допросѣ Максимъ отвѣчалъ, что онъ переводилъ его вмѣстѣ съ Медоварцевымъ и Сильваномъ, что переводъ житія списалъ для себя Медоварцевъ, а Исаакъ Собака для Вассіана (князя) вмѣстѣ съ его правилами [2]), Вассіанъ же отдалъ и то, и другое вел. князю. Тогда митрополитъ послалъ за житіемъ къ послѣднему, и когда принесли его, то оказалось, что „строки хульныя такъ и написаны". На судѣ Медоварцевъ показалъ, что онъ не переводилъ житія съ Максимомъ, а только Сильванъ, что для себя онъ досталъ житіе у Юшка Елизарова, и, какъ только стали ходить дурные слухи о переводѣ, онъ „исправилъ у себя хульныя строки".

Митрополитъ сталъ укорять Медоварцева за то, что онъ, зная, какъ Максимъ „портитъ книги и писанія еретическія составляетъ и въ народѣ распространяетъ жидовскія и еллинскія ученія, и ереси аріанскія и македонскія—и самъ съ нимъ одинъ человѣкъ, и все то таилъ". Медоварцевъ оправдывался тѣмъ, что онъ въ свое время заявлялъ о хульныхъ строкахъ *Вассіану и Максиму*, а они отвѣчали: „то не твое дѣло; только ты пиши; а такъ то и надобно, то есть истина"; а когда онъ хотѣлъ сказать о строкахъ митрополиту и владыкамъ, то Вассіанъ и Максимъ говорили „не сказывать имъ того ничего, они того не вѣдаютъ, а что они и знаютъ, имъ надобны пиры и села, и скакать и смѣяться съ ворами". Когда м. Даніилъ отнесся по этому поводу съ вопросомъ къ Максиму, то онъ только замѣтилъ: „душа, господине, его подыметъ"; а какъ прочли ему хульныя строки [3]), то онъ отвѣтилъ: „то господине ересь жидовская, а я такъ не переводилъ и не писалъ и писать не велѣлъ. То на меня ложь; я такъ не говорю и не пишу. Если я такую хулу мудрствовалъ или писалъ, да буду про-

[1]) Одинъ изъ переписчиковъ, жившій въ Чудовомъ мон-рѣ и нѣкоторое время у Вассіана для переписки („Преніе съ М. Грекомъ, 8).

[2]) Исаакъ Собака былъ каллиграфъ своего времени: такъ, ему поручено было троицкими властями (1523) приготовить роскошный списокъ Евангелія (лавр. библ. № 10) учительнаго (Акты Арх. ком., I, 380; Списки Строева, 162—163). Съ 1544—45 г. архим. Чудова м.

[3]) Вотъ онѣ вполнѣ: „обрѣтеся убо Іосифъ якова искаше слова, а отъ того же колѣна и отечества Дѣвицы, и обручаетъ по совѣщанію себѣ отроковицу; *совокупленія* же до обрученія бѣ"; другая: „и носимаго въ ней плода утробы преславнѣ нарицаетъ, аки (т. е. условно) сѣмени мужеска никако же причастившеся"; третья: „тайное отпущеніе устрояше Іосифъ, аки праведенъ сый глаголя".

клятъ". Митрополитъ замѣтилъ Максиму, что онъ разъ говоритъ, что переводилъ житіе, а потомъ, когда находятъ въ переводѣ хулу, отказывается отъ него. На очныхъ ставкахъ одни утверждали одно, другіе иное.

Странно то, что Максимъ и Вассіанъ настаивали на своемъ мнѣніи, когда имъ вскорѣ послѣ перевода, говорили, что онъ не вѣренъ. Между тѣмъ переводъ житія Богорицы былъ главною причиною вызова М. Грека на новое слѣдствіе. Вассіанъ посылалъ грамоту на Бѣлоозеро, чтобы тамъ изгладили хульныя строки, и объ этомъ узнали черезъ нѣкоего Вассіана Рогатую-Вошь. Рушенинъ, жившій какъ переписчикъ въ Чудовомъ мон., и спрашивавшій о хульной строкѣ у Вассіана, былъ потомъ въ Новгородѣ, гдѣ разсказалъ архіеп. Макарію о своемъ сомнѣніи въ этой строкѣ и объ отвѣтѣ князя Вассіана (который, *поговоря съ Максимомъ* о ней сказалъ: „такъ то и надобно"); а Макарій прислалъ по этому поводу грамоту къ митрополиту, въ которой сообщалъ о происшедшемъ. Такъ возникло новое дѣло противъ М. Грека, къ которому уже былъ привлеченъ и Вассіанъ. М. Грекъ не могъ переводить сочиненія еретическаго (онъ же отказалъ м. Даніилу въ переводѣ соч. Ѳеодорита Киррскаго), а Метафрастъ [1]), признается православнымъ писателемъ, и его „житіе Богородицы" не имѣло въ себѣ ничего противнаго ученію церкви. Максимъ перевелъ его за 10 лѣтъ до этого суда [2]), слѣдовательно въ 1520—1521 г., когда онъ еще не зналъ хорошо русскаго языка (въ то время онъ исправлялъ Тріодь „латинскою бесѣдою говоря толмачамъ Митѣ да Власу"), а потому въ переводъ могли вкрасться ошибки отъ неточной передачи подлинника. Послѣднія двѣ строки сами собою говорятъ объ этомъ *аки* вмѣсто *яко*). Что же касается слова „совокупленіе" (см. тамъ же), то оно очевидно, должно быть переведено въ смыслѣ *собранія, совѣта* (по Метафрасту, чтоархіереи совѣщались о Маріи); такъ исправляетъ и Медоварцевъ, когда разнеслись слухи о еретичествѣ *строкъ* [3]). Максиму трудно было понять тогда подобную двойственность выраженія. Лица же, приходившія въ недоумѣніе отъ него, обращались въ одно время и къ Вассіану, и къ Максиму. Неизвѣстно, какъ толковали они объ этомъ, но Вассіанъ много могъ повредить Максиму своею рѣзкостью. Наклонность же его къ отступленіямъ уже была извѣ-

---

[1]) Писатель X вѣка по имени Симеонъ, извѣстный составленіемъ и исправленіемъ житій. О немъ см. выше, стр. 176.

[2]) Преніе м. Даніила съ Вассіаномъ, Чт. Моск. Общ. ист. 1847, № 9).

[3]) Означенное мѣсто взято изъ апокрифа (Голубинскій, 721).

стна. Черезъ 10 лѣтъ и самому Максиму переводъ могъ показаться еретическимъ [1]).

XI.

Мы видѣли, что Максима подозрѣвали въ политическихъ сношеніяхъ съ турецкимъ посломъ Скиндеромъ, но тогда опасно было выставить эти обвиненія противъ Максима, тѣмъ болѣе если они основывались только на однихъ подозрѣніяхъ и не подтверждались явными доказательствами. Въ 1530 году Скиндеръ умеръ въ Москвѣ во время послѣдняго (1526) своего пріѣзда въ Россію [2]), и вѣроятно въ его бумагахъ нашли что-либо касающееся этого дѣла [3]). Максимъ могъ пересылать турецкому послу письма изъ Волоколамскаго мон., хотя бы съ настояніями о возвращеніи на Аѳонъ. Однимъ словомъ годъ смерти посла (въ 1530) и время суда надъ Максимомъ (въ нач. 1531) ясно указываютъ на связь этихъ событій. Максима и Савву обвиняли въ томъ, что они, не смотря на жалованье и щедрость вел. князя, посылали грамоты не только къ пашамъ, но и къ турецкому султану, подымая его на Россію, причемъ говорили, что вел. князь, „ратуя Казань“, не можетъ сопротивляться туркамъ; обвиняли ихъ въ сношеніяхъ съ Скиндеромъ и за то, что они, зная его замыслы—поднять султана на Россію, не донесли объ этомъ. Въ подтвержденіи вины Максима приводили его собственныя слова, что султанъ пріидетъ въ Россію, такъ какъ онъ не любитъ родственниковъ греческихъ царей, а онъ обвинялъ вел. князя въ нерѣшительныхъ дѣйствіяхъ относительно турокъ и крымцевъ. Такимъ образомъ Максима заподозривали въ недоброжелательности къ вел. князю и Россіи. Конечно теперь трудно утверждать, насколько вѣрны обвиненія его въ сношеніяхъ съ турецкимъ правитель-

---

[1]) Списки житія находились уже въ обращеніи. Самъ Вассіанъ, сдѣлавъ противень съ оригинала перевода, вмѣстѣ съ своими правилами, поднесъ вел. князю. Во время засѣданія митрополитъ вытребовалъ этотъ списокъ для подтвержденія обличенія. Переводъ былъ буквально точенъ, но, какъ видно, отъ двусмыслія неудачно употребленныхъ, приведенныхъ выше, частей рѣчи (примѣч.), получился еретическій смыслъ (ср. еще замѣч. у Голубинскаго. стр. 720—721, примѣч.). Какъ опасно было „чернить и приписывать строки“ даже въ печатной псалтири, см. дѣла Сибирскаго приказа 1649 г. (Р. Стар. 1892, № 3, стр. 682). Сличеніе переводовъ съ греческимъ текстомъ (опущенія) не даютъ права обвинять М. Грека въ умышленной порчѣ.

[2]) Карамзинъ, VII, прим. 298.

[3]) Напримѣръ, въ этихъ бумагахъ оказалось донесеніе султану о непріязненныхъ къ нему отношеніяхъ вел. князя. (Соловьевъ, Ист. Россіи, V, 403). Уже этого достаточно было, чтобы подозрѣніе возъимѣло свое дѣйствіе.

ствомъ; но что онп не были лишь клеветою — въ этомъ едва-ли можно сомнѣваться [1]). Замѣчательно, что послѣ суда у Максима отобрали въ царскую палату нѣкоторыя бумаги [2]) и у Скиндера, послѣ его смерти, оказались также важныя бумаги.

Максима обвиняли, что онъ говорилъ своимъ надсмотрщикамъ (Тихону Ленкову и Іонѣ): „азъ вѣдаю все вездѣ, гдѣ что дѣется". Слѣдовательно объ этомъ могли донести послѣдніе. Соборъ призналъ такое всевѣдѣніе Максима волхвованіемъ. Какъ человѣкъ, имѣвшій широкія связи, онъ могъ знать ходъ дѣлъ; онъ имѣлъ не мало доброхотовъ, какъ въ самой Москвѣ, такъ и между іосифовскими монахами (среди нихъ могли быть и болѣе человѣчныя отношенія), которыя доставляли ему возможность писать и пересылать посланія (въ чемъ обличалъ его соборъ). Обвиняли его въ хулѣ на церковные уставы, чудотворцевъ и монастыри, подъ чѣмъ разумѣли его обличенія противъ монастырскихъ имуществъ (въ судномъ спискѣ говорится: „зане держали городы, и волости, и села, и люди, и судили, и пошлины, и оброки, и дани имали и многое богатство имѣли, ино имъ нельзѣ быти чюдотворцомъ)". М. Грекъ и до заключенія писалъ подобныя обличенія, напримѣръ, „Стязаніе Филоктимона съ Актимономъ", „Бесѣда души съ умомъ", „Сказаніе, яко достоитъ намъ дѣломъ исполнити наши обѣты", „Объ исправленіи иноческаго житія", и на первомъ соборѣ ему велѣно было каяться за хулу на монастыри [3]), но въ то время дѣло его имѣло другое значеніе. Теперь онъ писалъ и обличалъ, когда ему было то воспрещено,—отсюда обвиненіе въ явномъ неповиновеніи собору.

Такимъ образомъ если толки о еретическихъ строкахъ житія Богородицы (которое переводилъ Максимъ) и донесеніе о немъ Макарія вызвали необходимость допроса Максима, то смерть турецкаго посла дала возможность установить прежнюю вину Максима, тѣмъ болѣе, что въ бумагахъ посла могли открыть доказательства этихъ сношеній [4]).

---

[1]) Голубинскій ослабляетъ значеніе этихъ сношеній. Въ пользу нихъ, однако, недавно были высказаны тѣ же соображенія (докладъ Б. И. Дунаева, Труды Славян. ком. Моск. Арх. общ., IV, в. 1, 058—061).

[2]) Словарь Евгенія, II, 394. Во время богослов. споровъ въ 1689 г. братьевъ Лихудовъ также заподозрили въ сношеніяхъ съ турецкимъ правительствомъ и заточили въ монастырскую тюрьму (И. Соколовъ, Отношеніе протестантизма къ Россіи, 133).

[3]) Судное дѣло, Чт. Моск. Общ. ист. 1847, № 7, с. 6.

[4]) Если бы мнѣніе о принадлежности Вассіану „Разсужденія о неприличіи монастырямъ владѣть вотчинами" имѣло основаніе, то въ двухъ инокахъ, отъ имени которыхъ писано оно, могли усмотрѣть скрытое авторство неустанныхъ борцовъ противъ монастырскаго землевладѣнія. Употребленіе словъ „царь" и „шлыки" еще не важно (Макарій, VI, 140).

Тогда обратили вниманіе на всѣ слухи и жалобы, относившіеся къ переводу книгъ при участіи М. Грека и Вассіана.

XII.

Кромѣ представленныхъ выше обвиненій на соборѣ 1531 г., Максима обвиняли въ томъ, что онъ въ Волоколамскомъ мон. вполнѣ оправдывалъ себя (причемъ прибавлялъ: „а учился еси философству и приходитъ ми гордость“), вел. князя называлъ гонителемъ и мучителемъ, какими были прежніе гонители и мучители (для этого слѣдуетъ вспомнить отзывы Максима о Василіи Ивановичѣ, приведенные выше) и занимался волхвованіемъ („писалъ водками на дланѣхъ своихъ и распростиралъ длани свои противъ вел. князя и противъ иныхъ многихъ, волхвуя“). Конечно нельзя подозрѣвать Максима въ волшебствѣ— стоитъ вспомнить его обличенія; но извѣстно, какъ легко было въ XVI и XVII вв. попасть въ чернокнижники: достаточно указать на извѣстный процессъ Матвѣева въ XVII вѣкѣ.

Болѣе важныя обвиненія относились къ книжнымъ исправленіямъ и установленіямъ церкви. Такъ, митрополитъ спрашивалъ Максима, зачѣмъ онъ загладилъ строку въ Дѣяніяхъ апост.: „Рече каженику Филиппъ: аще вѣруеши въ Сына Божія... отъ всего сердца своего, мощно ти есть“ и отвѣтъ этого послѣдняго. По толкованіямъ судей это значило—загладить строку о вѣрѣ въ Сына Божія. Максимъ отвѣчалъ, что ихъ заглаживалъ Медоварцевъ, послѣдній сослался на князя Вассіана, который велѣлъ ему слушать во всемъ Максима, а онъ сказалъ ему загладить [1]). Когда же Медоварцевъ возразилъ Вассіану, что русскія книги переведены съ греческаго, а тѣ писаны по вдохновенію Св. Духа, то Вассіанъ отвѣтилъ на это: „отъ діавола писаны, а не отъ Св. Духа, а ты слушай меня да Максима Грека; здѣшнія книги всѣ лживыя, а правила здѣшнія кривила, а не правила, а до Максима по тѣмъ книгамъ Бога хулили, а не славили, а теперь мы познали Бога Максимомъ и его ученіемъ“. Максимъ на это только замѣтилъ: „Брате Михаиле! душа твоя подыметъ“! А когда митрополитъ спросилъ Медоварцева, почему онъ до сихъ поръ молчалъ объ этомъ, то онъ отвѣчалъ ему такъ: „Азъ, господине, *блюлся* старца Вассіана о тѣхъ вѣщахъ изъявити, *боясь что уморитъ меня*, и я, господине, въ томъ виноватъ, что загладилъ *страха ради Вассіанова*“.

---

[1]) Необходимо замѣтить, что слова эти читаются не во всѣхъ греч. спискахъ (см. ученыя изданія Новаго Завѣта съ показаніемъ разностей, а въ Евангеліи м. Алексѣя слова эти написаны на полѣ).

Митрополитъ обличалъ Максима въ томъ, что онъ загладилъ великій догматъ премудрый—большой отпустъ троицкой вечерни. Максимъ опять сослался на Медоварцева, но послѣдній объяснилъ, что Максимъ велѣлъ ему уничтожить и онъ загладилъ всѣ строки, но далѣе гладить усумнился и сталъ говорить Максиму: „не могу заглаживати, дрожь меня великая объяла и ужасъ на меня напалъ“, тогда Максимъ взялъ и самъ загладилъ все до конца [1]). Оправдываясь въ этомъ, Максимъ говорилъ, что ему было велѣно загладить м. Варлаамомъ (предшественникъ Даніила), другими владыками и княземъ Вассіаномъ, причемъ былъ свидѣтелемъ Медоварцевъ; но послѣдній возразилъ, что онъ ничего подобнаго не слышалъ отъ нихъ. Тогда митрополитъ обратился къ крутицкому владыкѣ Досиѳею, на котораго также ссылался Максимъ, какъ на свидѣтеля; но и онъ подтвердилъ слова Медоварцева. Правда, Вассіанъ старался защитить Максима, но, вслѣдъ за тѣмъ, Досиѳей, вторично спрошенный, отвергнулъ его слова. При этомъ Медоварцевъ повторилъ, что онъ во всемъ слушалъ Максимапо по велѣнію Вассіана, потому что боялся ослушаться его, такъ какъ онъ (Вассіанъ) былъ великой *временной человѣкъ, у великаго князя ближній, и я такъ и государя не блюлся, какъ его блюлся и слушалъ*“, прибавлялъ Медоварцевъ. Затѣмъ Максима обвиняли еще въ томъ, что онъ многимъ въ Москвѣ говорилъ: „великому князю и митрополиту кличутъ многолѣтіе, а еретиковъ проклинаютъ, но творятъ такъ не по писанію, ни по правиламъ“. Въ этомъ порицаніи дѣйствительно виденъ М. Грекъ, всегда обличавшій, что дѣлаютъ „не по писаніямъ и не по правиламъ“. На многолѣтіе онъ могъ неодобрительно смотрѣть, такъ какъ оно, по его мнѣнію, нарушало церковное благочиніе (такъ, онъ называлъ *безчинствомъ* благословеніе, совершаемое святителями свѣчами надъ народомъ изъ алтаря [2]). Относительно же проклятія слѣдуетъ замѣтить, что въ греческой церкви анаѳематство существовало, и самъ Максимъ въ обличеніяхъ на латинянъ постоянно подводитъ ихъ подъ проклятіе отцовъ церкви и соборныхъ правилъ. Очевидно, что анаѳематство онъ признавалъ; но онъ зналъ, какъ имъ распоряжались въ старину въ Россіи, притомъ онъ не признавалъ независимости русской церкви, а слѣдовательно и ея отлуче-

---

[1]) Тоже, о чемъ замѣчено въ предъидущемъ примѣчаніи, слѣдуетъ сказать объ отпустѣ въ Троицкой вечернѣ, о Еванг. Луки (гл. 8, 15) и о 8-мъ членѣ символа вѣры—слово „истинный“ (Голубинскій, 721—722). И М. Грекъ прямо говоритъ, что тѣхъ словъ въ греч. книгахъ нѣтъ, почему онъ и загладилъ (Преніе, стр. 9, 11, 12).

[2]) Судное дѣло Вассіана, въ Чт. Моск. Общ. ист. (1847, № 9, с. 11).

нiй безъ участiя греческой iерархiи. Поэтому Максимъ возражалъ только противъ проклятiя еретиковъ „не по писанiю и не по правиламъ", что однако не могло нравиться русской iерархiи.

XIII.

Нѣкоторые изъ отвѣтовъ Максима казались вовсе неубѣдительными. Такъ, его обличали, что въ правилахъ его перевода сказано: „Аще кто наречетъ Пречистую Богородицу Дѣву Марiю, да будетъ проклятъ". На это онъ отвѣчалъ, какъ ему было свойственно: „а будетъ такъ писано въ нашихъ книгахъ (т. е. греческихъ), то книга виновата, а не я [1]); а живутъ описи и въ вашихъ книгахъ, такъ же и въ нашихъ вездѣ описи живутъ; и вы на насъ о томъ вины не возлагайте; а что будетъ неправо, вы то сами исправляйте". Вмѣсто „безстрастно Божество" было неписано „не страшно Божество", „безстрашно Божество". Оправдываясь въ этомъ, Максимъ сослался на писца. Епископъ Досиѳей спрашивалъ Максима: зачѣмъ онъ „часто говорилъ многимъ людямъ, что Христосъ взошелъ на небо, а тѣло свое оставилъ на землѣ, и оно ходитъ между горами по пустымъ мѣстамъ, а отъ солнца погорѣло и почернѣло, какъ головня". Максимъ прежде прямо отказался отъ обвиненiя, но когда на очной ставкѣ подтвердили сказанное Медоварцевъ, Рушенинъ, келейникъ Максима—Грековъ, инокъ Аѳанасiй *грекъ* и Ѳедоръ Сербъ, то Максимъ объяснилъ, что онъ говорилъ „о лихихъ невѣрныхъ людяхъ, которые такъ толкуютъ". Досиѳей обвинялъ Максима за исключенiе изъ символа слова „истинный", при имени Св. Духа. Максимъ сложилъ вину на Медоварцева, который въ свою очередь оправдывался тѣмъ, что онъ вычеркнулъ это слово по требованiю М. Грека, утверждавшаго, что „въ греческихъ книгахъ нѣтъ того".

Въ приведенныхъ обвиненiяхъ ясно видно, до какой степени въ мнѣнiяхъ того времени господствовало смѣшенiе понятiй и смѣшенiе внѣшнихъ обрядовъ съ догматами, даже у представителей религiознаго знанiя. [2]). Гораздо существеннѣе было возобновленiе пренiя о церковныхъ имуществахъ, вновь повтореннаго и въ особенности ярко выразившагося въ пренiи съ Вассiаномъ (см. ниже); но въ настоящемъ вопросѣ отразилось и личное отношенiе членовъ собора, какъ послѣдователей iосифовскихъ мнѣнiй. Сведенiе личныхъ счетовъ съ подсудимыми выразилось какъ въ постановкѣ обвинительныхъ пунктовъ,

---

[1]) Вѣрнѣе здѣсь былъ пропускъ частицы *не* (Голубинскiй, 722).

[2]) Калугинъ, 185; Жмакинъ, 189.

такъ и въ суровомъ приговорѣ, постигшемъ всѣхъ виновныхъ. Въ свое время М. Грекъ дѣлалъ переводы по заказу м. Даніила (Бесѣды Іоанна Златоуста на Евангеліе Матѳея); но послѣдній просилъ „дважды и трижды“ М. Грека сдѣлать переводъ „церковной исторіи“ (322—450 г.) Ѳеодорита, еп. Киррскаго († 457), которая для Даніила, какъ обличителя, представляла большой интересъ. Максимъ, по низверженіи Даніила, объяснялъ ему, что онъ не послушалъ его, боясь, чтобы его переводъ не послужилъ претыканіемъ и соблазномъ, такъ какъ въ книгѣ Ѳеодорита (слѣд. греческій текстъ былъ въ Россіи, не самого ли М. Грека?) находились посланія Арія, Македонія и другихъ ересеначальниковъ, въ которыхъ прославлялось ихъ ученіе и ниспровергались православные догматы, и которыя могли послужить ко вреду нѣкоторыхъ благочестивыхъ, но простыхъ и слабыхъ. При этомъ Максимъ сообщаетъ любопытную черту, въ которой обрисовывается злопамятность мит. Даніила. „Знаю, пишетъ ему Максимъ, и хорошо помню, что я опечалилъ священную твою душу, не послушавъ твоего повелѣнія, какъ ты высказалъ мнѣ съ негодованіемъ на судѣ предъ соборомъ, сказавъ мнѣ тогда: „достигли тебя, окаянный, грѣхи твои за то, что ты отказался перевести для меня священную книгу блаженнаго Ѳеодорита“ [1]). Быть можетъ такая страстность Даніила въ этомъ случаѣ вызвана была и тѣмъ, что онъ узналъ, что „Исторія“ Ѳеодорита содержитъ въ себѣ свидѣтельства о дозволеніи монахамъ въ древней греч. церкви владѣть вотчинами, [2]) имѣвшія для него значеніе во время оживленной полемики по этому вопросу.

Въ заключеніе было приведено весьма важное обвиненіе: „Максимъ говорилъ многимъ людямъ, что здѣсь на Москвѣ митрополитъ поставляется своими епископами русскими безъ благословенія патріарха Цареградскаго“, причемъ прибавлялъ: „а все то за гордость не пріемлютъ патріаршескаго благословенія, ставятся собою самочинно и безчинно“. И Максимъ сознался, что онъ „пыталъ, почему не ставятся митрополиты русскіе по прежнему и по старому обычаю, у патріарха Цареградскаго? а ему сказали, что патріархъ Цареградскій далъ благословенную грамоту рускимъ митрополитамъ — поставляться имъ вольно своими епископами на Руси, и онъ *много* о той о грамотѣ пыталъ и до сихъ поръ не видалъ ея“ [3]).

---

[1]) Сочин., II, 372—373. Ср. Блаженный Ѳеодоритъ, еп. Киррскій (см. выше стр. 176, пр. 6). М. Филаретъ даже въ 1856 г. высказывалъ опасенія по поводу изд. соч. и ист. Ѳеодорита въ рус. переводѣ (Рус. Арх. 1893, № 6, 168—169).

[2]) Голубинскій, II, 708.

[3]) Судное дѣло (Чтен. въ Общ. ист. 1847, № 7, стр. 13).

Мы уже знаемъ, какъ смотрѣлъ М. Грекъ на это дѣло (с. 49—50). Приведенное обвиненіе вполнѣ соотвѣтствуетъ его небольшой отдѣльной статьѣ: „Сказаніе ко отрицающимся на поставленіи и кленущимся своимъ рукописаніемъ русскому митрополиту и всему священному собору, еже не пріимати поставленія на митрополію и на владычество (епископство) отъ римскаго папы латынскія вѣры и отъ цареградскаго патріарха, аки во области безбожныхъ турковъ поганаго царя и поставленнаго отъ нихъ не пріимати". (Соч. III, 154—156). Впрочемъ М. Грекъ отстаивалъ здѣсь и общій религіозный принципъ. Такъ и въ другой статьѣ онъ опровергалъ, что не оскверняются святыя мѣста, хотя бы и многія лѣта обладаемы были отъ поганыхъ, имѣя въ виду уже собственно Іерусалимъ (III, 156—164).

Мы уже упоминали, что въ исповѣданіи епископомъ, въ числѣ разныхъ отрицаній, заключалось обѣщаніе—не принимать поставляемыхъ изъ Константинополя митрополитовъ. Это показываетъ, насколько русская церковная іерархія хотѣла оградить свою самостоятельность отъ вліянія константинопольскаго патріарха, которое казалось тягостнымъ и для самой свѣтской власти. Такое нерасположеніе къ вмѣшательству византійской іерархіи нашло себѣ поддержку и въ религіозно-національномъ предубѣжденіи русскихъ. Въ этомъ случаѣ ссылались на то, что патріархъ находится „подъ властію безбожныхъ турковъ поганаго царя". Максимъ обличалъ подобный предразсудокъ, но въ то же время онъ вдался въ другую сторону—„сталъ доискиваться" благословенной патріаршей грамоты", не подозрѣвая, что подобное отношеніе даже въ глазахъ свѣтской власти могло показаться и подозрительнымъ, и оскорбительнымъ; тѣмъ болѣе оно должно было не нравиться духовной іерархіи. Вдвойнѣ опасно было поднимать этотъ вопросъ въ то время, когда въ Москвѣ стало утверждаться уже мнѣніе, что она третій Римъ, который долженъ занять мѣсто не только второго Рима, но и Іерусалима [1]). Максимъ, обращаясь къ собору, сказалъ: „Коли здѣсь у нихъ грамотъ нѣтъ патріарха Цареградскаго, и они въ гордости не ставятца, по прежнему и по старому уставу и обычаю, отъ патріарха Цареградскаго, то мнѣ остается плакать тѣмъ плачемъ Іереміинымъ, какимъ онъ плакалъ на рѣкѣ Вавилонской, но плакавшіе плѣненные ни покаянія, ни прощенія грѣховъ не получили. Но я хочу слышать разумно; *ибо нынѣ видимъ мятежъ еретическій:*

---

[1]) Ср. посланія старца Филоѳея и отношеніе его къ данному вопросу (Малининъ, 049—59).

Вавилонъ бо нарицается мятежъ, а рѣка Вавилонская ученіе еретическое и наши грѣхи. Мы же, съ плачемъ обращаясь въ молитвахъ къ Богу, избываемъ еретической рати, раскола и своихъ грѣховъ злой тяготы. А что вербіе и органъ, то притча: какъ вербіе безъ плода, такъ и жидове безъ разума и еретики безъ чистыя вѣры; органы висятъ на вербіе и душа повѣшена посреди тѣлеси нашего, не имущая плода добродѣтели. Такъ и мы, пріявшіе святое крещеніе и держащіе вѣру правовѣрную и честную, и святую, *плода добраго не имѣемъ*".

Понятно, какъ должны были подѣйствовать эти укорительныя слова, брошенныя въ лицо собора и произнесенныя, вѣроятно, съ приличнымъ грекамъ эмфазомъ.

XIV.

Ясно, что въ самыхъ обличительныхъ пунктахъ на Максима и ходѣ суда заключалась возможность его осужденія. Медоварцевъ, на котораго онъ постоянно ссылался въ винахъ по книжному дѣлу, какъ бы выходилъ болѣе правымъ, а связь Максима съ Вассіаномъ, уже прежде извѣстнымъ своими отступленіями, бросала тѣнь и на его дѣло. Политическія отношенія, въ которыхъ былъ замѣшанъ М. Грекъ,— казались вопросами первой важности; вопросы по книжному переводу и исправленію были столь же важными по взгляду вѣка и собора, а между тѣмъ такіе отвѣты Максима, какъ напримѣръ — въ греческихъ книгахъ такъ писано, сами исправляйте и т. п. — ничего не говорили въ его защиту. Обстоятельства сложились неблагопріятно противъ М. Грека. Медоварцевъ сильно сомнѣвался относительно хульной строки, допытывался о ней, но все-таки молчалъ до тѣхъ поръ, пока его самого не обвинили („А ты, говорилъ ему митрополитъ, коли доселѣ о тѣхъ строкахъ хульныхъ и рѣчехъ взысканія не было, и ты то все таилъ и никому же того не изъявилъ"...... „и когда та хула на тебя пошла и ты сталъ сказывать на Вассіана и на Максима тѣ хульныя рѣчи"). Та же строка смущала Вассіана Рушенина, и онъ искалъ разрѣшенія своего недоумѣнія у Максима и Вассіана, а они ему отвѣчали: „такъ то и надобно, то истина". Въ Новгородѣ онъ обратился за разрѣшеніемъ къ Макарію;—и вотъ уже поводъ къ слѣдствію за одну строку! Нѣкоторые (протопопъ Аѳанасій, протодіаконъ Иванъ Чюшка, попъ Василій) смущались, что Максимъ порицалъ русскія книги, и имъ казалось, что уже нѣтъ въ Россіи Евангелія, Апостола, Псалтири, правилъ, уставовъ отеческихъ и пророческихъ; однимъ словомъ—не почему спасаться; и вотъ они подаютъ на Максима запись, а между тѣмъ оказывается, что онъ говорилъ только, что на Руси книги не прямы, неправильно переведены, и нужно ихъ снова переводить. Максимъ го-

ворилъ, что нѣкоторые невѣрные толкуютъ, будто-бы Христосъ взошелъ на небо, а тѣло свое оставилъ на землѣ и оно ходитъ между горъ по пустымъ мѣстамъ и отъ солнца погорѣло и почернѣло, какъ головня, а его келейникъ, Медоварцевъ и другіе это мнѣніе приписали ему самому [1]).

XV.

Извѣстно, въ какихъ рѣзкихъ краскахъ Максимъ изобразилъ темную сторону жизни монашества и даже высшаго духовенства, о чемъ было замѣчено и на соборѣ. Его обличенія многіе могли принять на свой счетъ [2]); поэтому понятно, что и члены собора не могли питать къ нему сочувствія. Въ нѣкоторыхъ же намекахъ въ его обличеніяхъ могли усматривать самого м. Даніила, который, кромѣ того, былъ противникомъ мнѣній Максима и Вассіана о монастырскихъ имуществахъ, столь близкихъ тогда сердцу высшаго духовенства и въ особенности іосифлянъ. Наконецъ Даніилъ былъ до крайности обиженъ отказомъ Максима принять на себя переводъ исторіи церкви Ѳеодорита и не задумался даже открыто высказать ему это во время суда.

Видя безвыходность своего положенія и по свойственному ему духу смиренія въ признаніи ошибокъ, Максимъ три раза повергался передъ соборомъ, просилъ прощенія, но признавалъ свою виновность „въ нѣкіихъ малыхъ описяхъ“, найденныхъ въ переводахъ, по поводу которыхъ онъ отвѣчалъ собору, что сдѣлалъ ихъ не по ереси, ни по лукавству, но случайно по забвенію, по скорби, смутившей тогда его мысль или по излишнему винопитію, погрузившему его въ забвеніе [3]). Конечно, всѣ эти доводы оказались напрасными, тѣмъ болѣе, что вслѣдъ затѣмъ начался судъ надъ Вассіаномъ, который считался его единомышленникомъ и былъ еще болѣе непріязненнымъ лицомъ въ мнѣніи тѣхъ, которые являлись судьями ихъ обоихъ.

Необходимо напомнить, что м. Даніилъ самъ не менѣе рѣзко осуждалъ иноковъ и епископовъ за влеченіе къ матеріальнымъ

---

[1]) По словамъ Никиты Хоніата (Сокровище православной вѣры), нѣкоторые еретики держались мнѣнія, что Христосъ по воскресеніи покинулъ на землѣ свое тѣло и вознесся на небо только божествомъ (А. П. Лебедевъ, Очерки исторіи византійско-восточной церкви отъ конца XI до половины XV вѣка, стр. 577). См. ниже.

[2]) Въ показаніи Медоварцева на Максима и Вассіана, что онъ хотѣлъ о житіи Богородицы донести ему митрополиту (уже Даніилу) и они ему запретили говорить, прибавивъ: „а что они и знаютъ, имъ надобе игры и села, и скакати и смѣяти съ воры“ (Чтен. Моск. Общ. ист. 1847, № 7, с. 8)—тонъ рѣчи скорѣе подходящій, по рѣзкости языка и выраженій, къ Вассіану.

[3]) Посланіе къ м. Даніилу (Сочин., II, 369—370).

благамъ. Въ одномъ изъ поученій онъ говоритъ: „Увы мнѣ! Себя упасли, расширили свои чрева браннами и пьянствомъ. Уклонились только на славу и честь, ради собственнаго покоя, чтобы ѣсть все сладостное, дорогое и лучшее, на тщеславіе, гордость (презорство) и мздоимство... Почему, братіе, мы такъ гордимся и превозносимся, имѣя власть игумена или епископа? Потому что мы добиваемся ихъ, побуждаемые страстями и немощами. Мы заботимся, чтобы ѣсть и пить разнообразныя, дорогія и изысканныя кушанья и питія, чтобы собирать золото, серебро, многія богатства и имѣнія, чтобы веселиться и прохлаждаться, созывать на обѣды знатныхъ и богатыхъ и понапрасну истощать церковные доходы на тунеядцевъ, то, что нужно на потребности церкви, для странниковъ и нищихъ, а ихъ презираемъ". (Опис. рукоп. Синод. библ. Отд. II, ч. 3, стр. 152—153; ср. еще Жмакинъ, 619—620; 062—69 и тождественный отзывъ М. Грека, см. в., ст. 383—385).

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Дѣло Вассіана Патрикѣева-Косого.—Торжество іосифлянъ и пораженіе заволжцевъ.— Вторичное осужденіе Максима Грека. Заточеніе въ тверской Отрочъ монастырь.—Судьба его сторонниковъ. Покровительство ему еп. Акакія.—Слово Максима Грека по случаю тверскаго пожара 1537 г. Собраніе сочиненій. Похвальное слово по поводу побѣды надъ татарами въ 1541 г. Новые труды.—Неудачная попытка примиренія съ м. Даніиломъ. Оправдательныя статьи.—Хлопоты Максима Грека объ освобожденіи. Участіе въ томъ восточныхъ патріарховъ и аѳонской братіи.—Сближеніе съ кружкомъ м. Макарія и Сильвестра. Вниманіе къ нему Ивана IV.—Участіе игум. Артемія. Перемѣщеніе въ Троицкую лавру.—Вліяніе сочиненій М. Грека на рѣшенія Стоглаваго собора. Вопросъ о монастырскихъ имуществахъ.—Предложеніе М. Грека о школахъ. Отношеніе его къ началу книгопечатанія въ Россіи.

I.

Судъ надъ Вассіаномъ начался 11 мая 1531 г. На соборѣ присутствовали тѣ же лица: митр. Даніилъ, архіепископы, епископы со всѣмъ духовнымъ соборомъ, бояринъ вел. князя Михайло Юрьевичъ и великокняжескіе дьяки. Еще живя въ пустынѣ Вассіанъ вдавался въ еретическія мнѣнія по поводу чтенія Евангелія о самарянинѣ и эти строки продолжали его смущать по переѣздѣ въ Москву. Свидѣтелемъ противъ него выступилъ теперь старецъ Іосифова мон. мон. Досноей. „Однажды, говорилъ онъ, позвалъ меня Вассіанъ въ келлію, въ Симо-

новомъ мон., и далъ мнѣ толковое Евангеліе недѣльное о самарянинѣ, гдѣ было написано: „тварь поклоняется твари" и сказалъ мнѣ: „эту строку я, еще живя въ пустынѣ, разыскивалъ" [1]). Потомъ я сталъ смотрѣть ее въ церкви, а онъ пришелъ ко мнѣ и молвилъ: „что-де ты смотришь?" Я ему говорю: „вчерашнюю строку", а онъ мнѣ въ отвѣтъ: „покинь, Христосъ-де самъ тварь, твари поклоняется тварь". И тогда я ему не возразилъ. А онъ опять пришелъ ко мнѣ и крикнулъ: „дьявольскимъ-де духомъ писано". Потомъ снова въ церкви сталъ говорить мнѣ: „какъ твой Іосифъ писалъ, что на семи соборахъ отцы святые Св. Духомъ писали, мой-де старецъ Нилъ того не писалъ". Да послѣ ефимона со мною сталъ говорить: „Богъ-де молвилъ къ себѣ: „сотворимъ человѣка по образу нашему; а я ему отвѣчалъ: „такъ еретики говорятъ; когда бы къ себѣ молвилъ, то сказалъ-бы: „сотворю человѣка по образу моему, а то онъ говорилъ къ Сыну и Духу: „сотворимъ человѣка по образу нашему". И Вассіанъ замолчалъ, видя, что во мнѣ ему нѣтъ части. Вассіанъ отвергъ сначала это обвиненіе, но, послѣ выступленія Досиѳея, къ которому онъ такъ довѣрчиво отнесся, Вассіанъ могъ только сказать: „Богъ меня съ тобою разсудитъ". Повидимому М. Грекъ оказалъ значительное вліяніе на мнѣнія Вассіана, по преимущественно въ дѣлѣ исправленія книгъ: „нынѣ мы Бога познали Максимомъ и его ученіемъ", говорилъ онъ. Но не во всемъ онъ соглашался съ нимъ. Въ то время, какъ послѣдній допускалъ и преслѣдованіе еретиковъ, Вассіанъ рѣзко заявлялъ свой голосъ противъ этой мѣры. Защитниковъ ея онъ называлъ лишенными здраваго смысла и облеченными мірскою гордостью. Іосифляне опирались на примѣры древнихъ ревнителей (Моисея, Илію, Финееса)—Вассіанъ за всякое добавленіе къ новозавѣтнымъ постановленіямъ угрожаетъ страхомъ проклятія; Іосифъ совѣтовалъ не обращать вниманія даже на покаявшихся еретиковъ, Вассіанъ такихъ лицъ, потерпѣвшихъ наказаніе, считаетъ мучениками, за что заслужилъ названіе безстыднаго и дерзкаго" [2]).

---

[1]) Мы знаемъ, что въ Бѣлозерской пустынѣ свободомысліе было обычно (см. в. с., 395). Еще при жизни Іосифа, его монахи слѣдили за этимъ и, по извѣщенію двухъ изъ нихъ, возникло дѣло о сомнительной книгѣ, уничтоженной однимъ изъ пустынниковъ. Опасность была предупреждена Вассіаномъ, который добился даже пытки относительно одного изъ доносчиковъ, поплатившагося за это жизнью, тогда вел. князь выразилъ свой гнѣвъ противъ іосифлянъ за то, что ввели его въ грѣхъ. Можно думать, что и коллективный протестъ вологодскихъ монастырей по вопросу о еретикахъ, вызвавшій отвѣтъ Іосифа, не обошелся безъ участія Вассіана (Прибавл. къ Твор. св. отц. 1851, с. 506—507, 521—522).

[2]) Полемич. сочин. (Прав. Соб. 1863 г., № 10, стр. 182, 188, 198—204)

Вѣроятно отъ тѣхъ же доносителей шло обвиненіе противъ Вассіана въ ереси о плоти Іисуса Христа. Митр. Даніилъ спросилъ его: „Самъ ты мудрствовалъ и иныхъ поучалъ своему мудрствованію, говоря: плоть Господня до воскресенія нетлѣнна, но это противно Евангелію, Апостолу и ученію святыхъ отцевъ, и есть древняя „нетлѣнная ересь", проклятая отъ всѣхъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ". Вассіанъ на это отвѣчалъ: „я, господине, какъ дотолѣ говорилъ, такъ и нынѣ говорю: плоть Господня нетлѣнна отъ воплощенія Его и до воскресенія Его". Когда же отъ него потребовали свидѣтельствъ, то онъ, настаивая на правотѣ своего мнѣнія, отвѣчалъ: „А то вѣдаетъ Богъ да ты, кто хочетъ искать, тотъ и найдетъ" [1]). Тогда м. Даніилъ сказалъ: „Искать того нечего: то древняя ересь Аполлинарская, Манихейская, Юліанская, Валентинская, Василидская, Евтихіанская и Діоскоридская (пристегивая сюда и армянъ), которая учитъ, что Христосъ воплотился по привидѣнію, а не истинно, а нѣкоторые говорятъ, что тѣло Господне свыше снесено было и, какъ вода сквозь трубы, такъ Христосъ прошелъ сквозь Дѣву Марію. Иные же еретики признаютъ тѣло Христово отъ самаго зачатія несозданнымъ и нетлѣннымъ и еще иные называютъ тѣло Господне неописаннымъ, какъ божественное естество. Карпократъ же признаетъ Господа родившимся отъ совокупленія, какъ и ты съ Максимомъ написали въ житіи Богородицы. По этому поводу Даніилъ далъ обширный отвѣтъ по двумъ изложеннымъ пунктамъ [2]), собравъ свои доводы изъ Ветхаго и Новаго Завѣтовъ, отцовъ церкви, соборовъ, разныхъ толкованій и т. п. (къ сожалѣнію самое „Преніе" дошло до насъ безъ конца). Аргументація эта соотвѣтствуетъ одному изъ словъ (Слово о воплощеніи) въ его сборникѣ и очевидно принадлежитъ ему. Въ его преніяхъ съ Максимомъ и Вассіаномъ преобладаютъ основанія каноническія, историческія и сказанія (изъ житій), богослужебныя пѣсни, но сравнительно меньше отведено мѣста свящ. писанію, а нѣкоторое исключеніе пред-

---

[1]) „Это ученіе Вассіана есть въ полномъ смыслѣ ересь". (Жмакинъ, 227). Впослѣдствіи М. Грекъ написалъ обширное „Слово отвѣщательное о исправленіи книгъ русскихъ, въ немъ же и на глаголющихъ, яко плоть Господня по воскресеніи изъ мертвыхъ неописанна есть" (Сочин. III, 60—79), въ которомъ видитъ тѣ же ереси въ означенномъ мнѣніи, а слово „неописуемо" (по І. Дамаскину) онъ объясняетъ въ смыслѣ „несозданнаго" и „непремѣннаго", „невмѣстимаго", „необъемлемаго" „безмѣрно-великаго" и т. п.

[2]) Въ подтвержденіе „человѣчества" І. Христа, съ заключеніемъ: „нетлѣнное-бо и бесмертное не умираетъ, и аще не умираетъ, то уже не воскреснетъ, но всэгда нетлѣнно и безсмертно пребываетъ" (стр. 28). О ереси армянъ (21—26).

ставляють настоящія возраженія Вассіану, гдѣ присоединены выдержки изъ Евангелія и посланій, но и онѣ поставлены послѣ другихъ аргументовъ [1]).

Убѣжденный въ правотѣ своего мнѣнія, Вассіанъ держалъ себя на судѣ весьма свободно и даже наступательно. „Разсматриваемый съ этой стороны судъ надъ Вассіаномъ, долженъ быть отнесенъ къ одному изъ самыхъ выдающихся и замѣчательныхъ эпизодовъ въ исторіи развитія двухъ направленій древне-русской мысли. Но этотъ же самый эпизодъ по справедливости можетъ быть названъ и трагическимъ. Онъ имѣлъ роковое значеніе для заволжской братіи“ [2]), какъ обнаружилось нѣсколько позже. Но этимъ не исчерпывался судъ надъ Вассіаномъ. Значительная доля въ преніяхъ была отведена его „Кормчей“ и въ частности вопросу о правѣ владѣнія монастырскими вотчинами. Митр. Даніилъ укорялъ его, говоря: „а чудотворцевъ называешь смутотворцами, потому что они у монастырей села имѣютъ и люди“, на что Вассіанъ отвѣтилъ: „Я писалъ о селахъ: въ Евангеліи писано, не велѣно селъ монастырямъ держать“, противъ чего Даніилъ выступилъ съ обычными аргументами (ссылками); тогда Вассіанъ замѣтилъ: „тѣ (древніе отцы церкви) держали села, но пристрастія къ нимъ не имѣли“ [3]). При этомъ ему вмѣнялось въ вину то, что онъ внесъ и свои правила рядомъ съ словами св. отцовъ еллинскія ученія: Аристотеля, Омира, Филиппа, Александра, Платона. Между тѣмъ въ свящ. правилахъ писано, чтобы ничего не прилагать къ нимъ, а многія изъ правилъ апостоловъ, св. отцовъ и соборовъ исключилъ [4]). Очевидно, что вопросъ о правѣ владѣнія землями, съ котораго и начинается „преніе“ съ Вассіаномъ, составлялъ главную и существенную часть направленнаго противъ М. Грека и Вассіана судебнаго приговора.

Наконецъ противъ Вассіана былъ выставленъ еще одинъ опасный пунктъ. Даніилъ замѣтилъ ему: „Да ты Вассіанъ говорилъ про чудотворцевъ: Господи, что это за чудотворцы? Говорятъ въ Колязинѣ Макаръ чудеса творилъ, а мужикъ былъ сельской“. И Вассіанъ на это

---

[1]) Жмакинъ, 228.

[2]) Жмакинъ, 298—299).

[3]) Выборъ Вассіаномъ Номоканона патр. Фотія въ основаніе его Кормчей объясняется тѣмъ, что въ немъ, кромѣ правилъ не находилось другихъ (неканоническихъ) статей, болѣе всего благопріятствовавшихъ вотчиннымъ правамъ монашества. (См. в., стр. 402—404).

[4]) Какъ мы видѣли м. Даніилъ и самъ пользуется словами древнихъ писателей (Жмакинъ, 222). Притомъ изреченія древнихъ мужей помѣщались и въ славянскихъ сборникахъ. См. М. Н. Сперанскій (выше, стр. 404, пр. 1).

отвѣтилъ: „я его зналъ, *простой* былъ человѣкъ, а чудотворецъ-ли онъ былъ или нѣтъ,—это какъ вамъ любо“. М. Даніилъ, указывая на рядъ примѣровъ, прибавилъ: „важно не тѣлесное благородство, но духовное“; на что Вассіанъ замѣтилъ: „то вѣдаетъ Богъ, да ты со своими чудотворцами“. Потомъ опять митрополитъ сказалъ ему: „Вотъ всѣ православные поклоняются честному гробу и св. мощамъ Іоны чудотворца, митр. всея Руси, а мы слышали отъ многихъ достовѣрныхъ людей, что ты-де Вассіанъ одинъ только не поклоняешься ему и не почитаешь его, какъ слѣдуетъ почитать святыхъ“. И Вассіанъ снова отвѣчалъ: „Я не вѣдаю де—Іона чудотворецъ-ли“?

Вассіанъ могъ говорить о Макаріѣ, подразумѣвая духовную простоту. Макарія выводятъ отъ прославившагося въ бояхъ бояр. Василія Кожи, рода бояръ Кожиныхъ (Оп. рус. исторіогр. II, 996, 1687). Вассіанъ противъ обвиненія Іосифа возражалъ, что кіевскихъ и всѣхъ русскихъ чудотворцевъ онъ чтитъ и называетъ ихъ знаменоносцами (Прав. Соб. 1863, III, 204—205). Хотя мощи Макарія были открыты въ 1521 г., но повсемѣстное чествованіе его установлено только въ 1547 г. (Барсуковъ, 340; Макарій, VI, 200, прим. 271). Можетъ быть тутъ сказалось и чувство особеннаго почитанія, какое питалъ къ Макарію Іосифъ Волоцкій (Сказ. о св. отцахъ. Лѣт. зап. Арх. ком., II, 89), наставникъ Даніила. Хотя почитаніе м. Іоны началось вскорѣ послѣ смерти (П. С. Р. лѣт. тт. VI и VIII), но канонизованъ онъ былъ въ 1547 г. (Барсуковъ, 270). Въ силу преобладанія мѣстнаго почитанія святыхъ до собора 1547 г., часто встрѣчаются примѣры недовѣрчиваго и неуважительнаго отношенія къ нимъ, напр. архіеп. новгор. Сергія (москвитянинъ) къ мощамъ Моисея новгород. (П. С. Р. л., III, 183--184), ряз. еп. Кассіана къ мощамъ Димитрія Прилуцкаго (Чт. въ Общ. ист. 1847, № 3, отд. 2-ой); архим. Иларіона къ мощамъ Іоны новгород., другихъ къ еп. новгор. Никитѣ; Іова философа къ Евфросину Псков.; рост. еп. Трифона къ Θеодору кн. ярослав. и сынов. его Давиду и Константину (Ключевскій, Житія, 171, 421; Н. Некрасовъ, Древн. рус. литер., Бесѣды Общ. любит. рос. слов. I, 48—49; Калугинъ, Зиновій Отенскій, 65, 205, 206. 210 и 212). Вассіанъ Патрикѣевъ осуждалъ іосифлянъ за поспѣшную канонизацію (Прав. Соб. 1863, III, 190). Разсужденіе лѣтописца на эту тему (П. С. Р. лѣт. VI, 196)—весьма характерное въ этомъ отношеніи и по мотивамъ почитанія.

Вообще въ дѣйствіяхъ суда особенно замѣтно было чрезмѣрное раздраженіе м. Даніила, какъ вѣрнаго ученика Іосифа противъ при-

жизненнаго врага этого послѣдняго. Уже съ самаго начала Даніилъ обрушился на него съ упрекомъ: „Ты ни апостолъ, ни святитель, ни священникъ, то какъ смѣлъ ты дерзнуть на такое дѣло? Святыми писаніями и божественными правилами возбранено простымъ людямъ, инокамъ и міряпамъ наскакивать на божественныя правила, на уставы и чины, на законы и на престолы учителей и преданія святой соборной и апостольской церкви колебать и учить противное имъ“ [1]). Сужденіе же нѣкоторыхъ изслѣдователей о неискренности Вассіана лишено основанія [2]). Трудно быть неискреннымъ, выступая съ такимъ багажемъ отрицаній и порицаній, отъ которыхъ ничего нельзя было ожидать, кромѣ преслѣдованія и заключенія.

II.

Виновныхъ ожидало суровое осужденіе. Участь привлеченныхъ къ суду въ 1525 г. была отягощена, остальныхъ подвергли болѣе тяжелымъ наказаніямъ. Такъ, наиболѣе важный изъ нихъ Вассіанъ Патрикѣевъ былъ сосланъ въ Волоколамскій Іосифовъ монастырь, подъ наблюденіе того же старца Тихона Ленкова, а когда послѣдній былъ вызванъ въ Москву, то надзоръ надъ нимъ вел. князь поручилъ брату его Θеогносту Ленкову [3]).

Курбскій пишетъ, будто вел. князь повелѣлъ блаж. Вассіана заточить въ прегорчайшую темницу въ Іосифомъ мон. и скорою смертію уморить и иноки будто-бы уморили его (Сказ. I, 4), причемъ въ монастырѣ онъ подвергался мученіямъ, почему и называлъ его преподобнымъ мученикомъ (предисл. къ Твор. І. Дамаскина; Опис. рукоп. Румянц. муз., 243—244; Опис. рук. Хлудова, 29—30); Курбскій также говоритъ, что Даніилъ Сильвана въ своемъ епископскомъ дому злою смертію за малые дни уморилъ (Сказанія, 52); но это не подтверждается. Современное показаніе удостовѣряетъ, что Вассіанъ „въ монастырѣ и преставился и погребенъ бысть тамо“. (Прибавл. къ Твор. св. отц., X, 508). Спустя годъ въ мартѣ 1532 г. онъ былъ еще живъ. Воз-

[1]) Преніе м. Даніила съ старцемъ Вассіаномъ (Чт. въ Общ. ист. 1847, № 9, по рукоп. XVI в., принадлеж. Им. Ак. Наукъ). Даніилъ иначе думалъ въ своихъ сочиненіяхъ (Жмакинъ, 199).

[2]) К. Невоструевъ, Разсмотр. книги И. Хрущова: Изслѣд. о сочин. Іосифа Волоцкого, Спб. 1870, стр. 56—57); Розановъ, Споръ іосифлянъ съ бѣлозерскими старцами (Странникъ, 1877, № 5, стр. 156—172).

[3]) Жмакинъ, 231.

можно, что онъ дожилъ до низверженія Даніила и заточенія его въ Іосифомъ монастырѣ, гдѣ прежніе враги могли встрѣтиться. Во всякомъ случаѣ онъ былъ погребенъ въ почетномъ мѣстѣ, въ самомъ придѣлѣ и надъ его гробницей была помѣщена икона Богородицы въ серебряной ризѣ, о чемъ говорится въ монастырской описи 1545 г., слѣдовательно въ это время его уже не было въ живыхъ (Жмакинъ, Поѣздка въ Волокол. мон. Древн. и Нов. Россія 1880, I, 35—36; М. Даніилъ, 231—232, 247). О томъ, что лишеніе причастія М. Грека относится къ 1531 г., а не къ 1525 г. (Сочин. М. Грека, II, 364; ср. Макарій, VI. 192—193), какъ думаетъ Голубинскій (стр. 817). Доводъ слѣдующій: въ посланіи къ м. Макарію (Сочин., II, 364) Максимъ говоритъ, что онъ 17 лѣтъ лишенъ причастія и тутъ же сообщаетъ, что о немъ ходатайствовалъ вселенскій патріархъ (с. 366). Это былъ Діонисій, который извѣщалъ царя о своемъ возведеніи на престолъ (что было въ іюнѣ 1544 г.; см. Списки цареград. патр., Хр. Чт. 1861, Ш, 81, а по Крузію даже въ 1546 г.). О грамотѣ патр. Діонисія см. ниже. Савва не давалъ показаній на соборѣ, но самое перемѣщеніе указываетъ на то, что его сношеніямъ придавали значеніе (Ратшинъ; Сказ. Паисія; Бѣлокуровъ, ссь, 300). О Сильванѣ—Опис. рукоп. Синод. библ. I, ч. II, с. 579; Опис. рукоп. Соловец. библ. I, 163—164; Бѣлокуровъ ʟxvɪɪ, ccʟxxvɪ).—„Сказаніе о Максимѣ“ также неправильно сообщаетъ о задушеніи въ дыму Сильвана въ Іосиф. мон., по распоряженію будто-бы м. Даніила (ср. Курбскій, 2-е изд. 42; Жмакинъ, 192—193; Голубинскій, 717—719). Въ описаніи царскаго архива называются: дѣло Берсеня, Жаренаго, Максима и Саввы грековъ (совмѣстно) и грамоты греческія Сильвана, присланныя имъ передъ смертью (Акты Арх. экспед. I, 337). Тамъ же значатся списки съ грамотъ, бывшихъ у М. Грека, данныхъ аѳон. монастыр. Слѣдов. показаніе Курбскаго, что Сильвана м. Даніилъ въ своемъ епископскомъ дому злою смертію за малые дни уморилъ“ не вѣрно. Курбскій о немъ выражается: „Сильвана Максимова ученика, обоего любомудрія внѣшняго (свѣтскаго) и духовнаго искуснаго мужа“ (с. 42).

Максимъ Грекъ былъ перемѣщенъ въ Тверской-Отрочъ монастырь подъ наблюденіе еп. Акакія — іосифлянина, съ запрещеніемъ причастія и заключеніемъ въ оковы [1]), Савва (исключительно по греческому дѣлу) перемѣщенъ изъ волоколамскаго Возмицкаго мон. въ Зосимину пу-

[1]) Бѣлокуровъ, с. ɪx.

стынь Вологодскаго края; ближайшій ученикъ и помощникъ въ переводѣ книгъ — Сильванъ посланъ былъ въ Соловки, гдѣ и скончался, приславъ передъ кончиною какія-то греческія грамоты; Мих. Медоварцевъ—въ Коломну, конечно за продолжительное укрывательство тѣхъ отступленій по переводу, въ которыхъ обвинялись М. Грекъ и Вассіанъ.

Въ то время, какъ собирался м. Даніилъ устроить пораженіе вождей анти-іосифлянскаго направленія, за нѣсколько дней до суда надъ Максимомъ и Вассіаномъ, а именно 1-го мая 1531 года, онъ устроилъ канонизацію духовнаго отца Іосифа Волоцкаго—Пафнутія Боровскаго, установивъ повсемѣстное чествованіе ему, и такимъ образомъ санкціонировалъ торжество идей своего учителя — Іосифа Волоцкаго; [1]) но борьба этихъ идей тѣмъ не менѣе не прекращалась.

Страстная борьба, возникшая на почвѣ важнѣйшихъ внутреннихъ политическихъ и церковныхъ вопросовъ, не могла не привлекать вниманія и не вызвать того или иного отношенія къ этимъ послѣднимъ и ихъ защитникамъ. И вотъ, когда сошли уже со сцены главные вожди этого движенія, одинъ изъ постороннихъ наблюдателей задаетъ вопросъ лицу, очевидно близко стоявшему къ затронутымъ явленіямъ: „почему Кириллова монастыря старцы Іосифовыхъ старцевъ не любятъ"? И онъ, разобравъ всѣ вопросы, раздѣлившіе надолго обѣ партіи, заключилъ свой отвѣтъ словами: „Воистину сбылось сказанное святыми отцами: „мнѣніе второе паденіе", а „всѣмъ страстямъ мати—мнѣніе" [2]). Въ „мнѣніяхъ" и заключалась истинная причина осужденія Максима Грека и Вассіана.

III.

Въ своемъ обращеніи къ м. Даніилу (послѣ 1539 г.) М. Грекъ писалъ, что онъ вмѣсто прощенія и милости, получилъ „оковы, заточеніе, тюрьму (затворенъ) и различныя „озлобленія". Но и для него наступило нѣкоторое облегченіе въ столь жалкой участи. По словамъ житія Максима (рукоп. Ундольскаго), еп. Акакій (въ Твери 1522 — 1567) не обнаружилъ себя завзятымъ іосифляниномъ. Онъ посѣтилъ М. Грека въ темницѣ и, будучи въ Москвѣ, упросилъ вел. князя, Василія Ивановича, оказать милость заключенному ради здравія новорожденнаго сына—Ивана (IV), снять съ него оковы и облегчить его заключеніе.

[1]) Акты Арх. экспед., I, 213; Жмакинъ, 236.
[2]) Прибавл. къ Твор. св. отц. 1851, ч. X, 504—508.

Находясь въ заключеніи въ Твери, М. Грекъ написалъ „Словеса сія въ темницѣ затворенъ и скорбя, ими же себя утѣшаше и утверждаше въ терпѣніи“ (Сочин. II, 452—453), вмѣняя себѣ въ заслугу переводъ Псалтири отъ бесѣды еллинскія на бесѣду шумящаго вѣщанія русскаго и иныхъ многихъ книгъ, красотою истины утвердивъ, какъ долгъ съ лихвою, и многъ талантъ воздавъ за причиненныя скорби“ и т. д. Акакій изъ волоколамскихъ монаховъ, но не братъ Іосифа какъ думаетъ Макарій, (VI, 276; см. К. Невоструевъ, Разборъ книги Хрущова, стр. 13). Еп. Акакій былъ въ Москвѣ и участвовалъ въ служеніи, по случаю пріѣзда новгор. архіеп. Макарія въ 1535 г. (П. С. Р. лѣт., VI, 295), слѣдов. уже въ правленіе Елены, но едва ли облегченіе участи Максима могло состояться при м. Даніилѣ, до конца сохранившаго непріязнь къ нему (см. ниже). Въ хронографѣ гр. Толстого о Максимѣ читаемъ: „и ослабу улучи отъ еп. Акакія, по благословенію митр. Іоасафа; къ церкви хождеше и св. таинъ причащенія“ (Карамз. VII, пр. 345; о послѣднемъ см. еще ниже): Это вѣроятнѣе, но послѣднее съ ограниченіемъ, какъ увидимъ дальше. М. Іоасафъ былъ почитателемъ сочиненій М. Грека и еп. Акакій могъ теперь безбоязненно принять участіе въ немъ.

Послѣ этого М. Грекъ находился въ чести у епископа Акакія, такъ что раздѣлялъ съ нимъ иногда общую трапезу и ѣлъ изъ одного арѳема (блюда [1]); хотя это вызвало неудовольствіе на Акакія въ Москвѣ и требованіе ограничить свободный выходъ Максима [2]). По словамъ сказанія, Акакій мало ученъ былъ грамотѣ и потому охотно пользовался наставленіями Максима. М. Грекъ и впослѣдствіи называлъ его боголюбивымъ епископомъ и своимъ промысленникомъ [3]). Какъ видно, добросердечіе не всегда мирится съ ученостью. Объ этомъ гуманномъ отношеніи Акакія свидѣтельствуетъ уже самъ Максимъ въ письмѣ къ брату Григорію (діаконъ при епископѣ), когда онъ (Максимъ) находился на покоѣ въ Троицкой лаврѣ: „Жаловалъ государь и успокоилъ меня *всякимъ довольствомъ много лѣтъ*, пожаловалъ бы и до конца поберегъ, да и ему было бы совершенное возмездіе отъ Господа. Скажи

---

[1]) Напомнимъ жалобу іосифл. еп. ряз. Леонида, поданную царю Θеодору Ивановичу на архіеп. ростов. Евѳимія, не захотѣвшаго ѣсть (на Рожд.) за царскимъ столомъ съ одного блюда съ нимъ (Лѣт. рус. литер. V, 142—143). Это считалось особою честью.

[2]) Бѣлокуровъ, LXIX—LXX.

[3]) Въ посланіи къ м. Макарію (Сочин., II, 359).

пожалуй безъ боязни святителю сей складъ и челобитье низкое. Я всегда въ любви духовной пребываю къ его святительству и *его многолѣтнее бреженіе и жалованье* забыть мнѣ, Григорій, невозможно. Не таковъ я безумецъ и неблагодарный. Писалъ бы и пространнѣе отвѣтъ о пословицѣ сей (скажемъ ниже), а не хотѣлъ, чтобы и о мнѣ не сказалось пророческое слово: „ядый хлѣбы мои возвеличилъ (поднялъ) на меня пяту" [1]). Благосклонное отношеніе Акакія къ Максиму позволило послѣднему написать потомъ пространное обращеніе (слово) отъ имени Акакія къ Богу по поводу бывшаго пожара въ Твери, изъ котораго видно, что Акакій любилъ украшать храмъ дорогими иконами, совершать частыя и торжественныя богослуженія, сопровождаемыя красногласнымъ пѣніемъ, различными благоуханными мvрами и доброгласными звуками свѣтлошумныхъ колоколовъ [2]), и М. Грекъ не стѣснялся теперь въ продолженіи своей учительной роли. Признавая Максима необходимымъ собесѣдникомъ, Акакій могъ обращаться къ нему за разъясненіями своихъ недоумѣній и поученіями. Такъ, вѣроятно къ этому времени относится рядъ толкованій М. Грека на различныя мѣста свящ. писанія и богослуженія (кн. Бытія, псалмовъ, пророчествъ, Евангелія, Апостола, молитвъ, обрядовъ, съ указаніемъ обычаевъ на Востокѣ, объясненіемъ греческихъ выраженій и словъ въ нихъ), и, быть можетъ, нѣкоторыхъ апокрифовъ, разсмотрѣнныхъ выше [3]). Къ этой же категоріи слѣдуетъ отнести статьи, писанныя Максимомъ къ близкому къ Акакію діакону Григорію, [4]) который иногда сносился съ нимъ отъ имени своего патрона [5]). Въ одной изъ этихъ статей [6]) онъ прямо говоритъ: „Такъ какъ ты по твоему апостолодержавному смиренномудрію (Акакій) сподобляешь меня худоумнаго и грубаго святительской своей бесѣды и совопрошаешь о нѣкоторыхъ

---

[1]) Сочин., II, 421—423.

[2]) Сочин., II, 260—261.

[3]) Сочин., III, слова II—IX, XI, XIII—XV, XVII, XIX, XXXII, XXXIX, стр. 23—79, 104—117, 118—125, 239—240, 269—276.

Ко времени пребыванія М. Грека въ Твери относятся, вѣроятно, и два слова, касающіяся замѣны на св. недѣлѣ „чина панагіи" „воздвизаніемъ артуса" (Сочин. II, слова XIII, и XIV) съ легендами о Богородицѣ и основаніи Ватопедского мон. Недавно указано, что однимъ изъ источниковъ слова XIV послужило посланіе *тверского епископа* Нила (грека) къ вельможѣ Георгію Дмитріевичу (см. Христ. Чт. 1909, II, 1117—1119). Поэтому мы относимъ оба слова къ этому періоду. Ср. Легендарно-апокрифич. элементъ въ „Небѣ Новомъ" Іоанникія Голятовскаго, И. Огіенка, съ литер. сказ. о Богородицѣ (Чт. въ Общ. Нестора лѣт. 1914, I, 41—98).

[4]) Сочин., III, слово XXXVII, с. 260—62.

[5]) Ibid., II, 423.

[6]) Ibid., III, 92.

недоумѣнныхъ книжныхъ реченіяхъ, то праведно разсудилъ вкратцѣ извѣстить твое преподобіе (ясно, что и въ другихъ статьяхъ такое обращеніе не всегда относится къ низшему чину) о семъ, насколько истинный свѣтъ вразумилъ худую мою мысль (рѣчь относится къ толкованію понятій *міръ* и *миръ*, причемъ онъ сопоставляетъ тексты греческіе и переводные русскіе [1]). Прося впослѣдствіи у протосинкелла Макарія — Алексѣя прислать ему книгу Григорія Богослова, онъ пишетъ объясненіе на одно изъ словъ послѣдняго и даетъ историческія свѣдѣнія о Египтѣ, Кароагенѣ, Троѣ и т. п. [2]), очевидно понадобившіяся тому же Акакію. Къ тому же болѣе благопріятному времени его жизни относятся нѣкоторыя изъ нравственно-обличительныхъ сочиненій М. Грека, касающіяся современныхъ нравовъ, монашескихъ обѣтовъ, религіозной внѣшности и нравственныхъ уклоненій, съ совѣтами, за которыми обращались къ нему разныя лица [3]). При желаніи еп. Акакія пользоваться ученостью М. Грека, послѣдній легко могъ выступать съ подобными наставленіями и обличеніями. Уже одно обращеніе Акакія, сознававшаго свои недостатки, къ М. Греку, свидѣтельствуетъ въ пользу его благодушія и желанія воспользоваться наставленіями ученаго собесѣдника, что́, въ сравненіи съ другими іосифлянами, только дѣлаетъ ему честь.

IV.

Возможно, что къ этому времени относится похвальное слово М. Грека апост. Петру и Павлу, въ которомъ онъ касается трехъ большихъ латинскихъ ересей, лихоимства и др. нравственныхъ недостатковъ, въ особенности духовенства [4]). Нѣкоторые полагаютъ, что „посланіе къ нѣкоему другу его сѣдящему въ темницѣ и просившему у него, какъ избыть отъ искушенія сатанина и стужаемому отъ помысловъ блудныхъ и отъ малодушія“ [5]), относится къ кн. Вассіану Патрикѣеву [6]), но наставительный тонъ и отсутствіе употребляемаго обыкновенно Максимъ „званія“ не позволяетъ настаивать на этомъ. Въ посланіи Максимъ удивляется обращенію друга, подвергшагося такой скорби и просящаго у него совѣта, когда онъ самъ наиболѣе требуетъ подобнаго врачеванія. Причину такихъ напастей онъ видитъ въ без-

---

[1]) Въ одной изъ подобныхъ статей онъ обращается словами „твое благовѣнство“ (118).

[2]) Сочин., II, 386; III, 42—49 (изложеніе см. выше, стр. 348 - 349).

[3]) Таковы нѣкоторыя слова во II и III томахъ его сочиненій.

[4]) Сочин., II, слово x, с. 180—212.

[5]) Сочин., II, слово xviii, 248—251.

[6]) Голубинскій, 652, 686.

мѣрной сытости сладчайшими брашнами и питіями [1]), въ излишествѣ гордости, влекущей къ осужденію ближнихъ, и дѣйствіи бѣсовъ, которыя онъ совѣтуетъ укрощать, какъ слѣдуетъ иноку, постомъ, бдѣніемъ и молитвою [2]). М. Грекъ не забывалъ старыхъ друзей, для которыхъ являлась теперь надобность въ письменной бесѣдѣ, но явились и новыя связи. Такъ, онъ писалъ „господину и брату Георгію" (очевидно прежній почитатель [3]), что всегда радъ съ нимъ бесѣдовать не только черниломъ и бумагой, но и устами къ устамъ и лицомъ къ лицу; причемъ жалуется, что проводитъ жизнь въ различныхъ болѣзняхъ и недугахъ, и проситъ прощенія за продолжительное молчаніе [4]). При этомъ онъ посылаетъ ему конецъ перваго слова па агарянскую прелесть и другое слово о томъ же, въ которомъ помѣщено и сказаніе о кончинѣ вѣка, въ переписанной тетрадкѣ имъ самимъ, и шесть другихъ тетрадокъ, руки Григорія (конечно того же), главы Самуила Евреина и свои возраженія на нихъ и иную тетрадку, писанную собственною рукою, а также возвращаетъ ему какое-то произведеніе, присланное для переписки, не зная гдѣ начать и гдѣ кончить и не имѣя хорошаго (отраднаго) чернила и киновари, побуждая его переписать самому, какъ лучше и прося ему отписать о своемъ здравіи и пребываніи [5]). „Господину Ивану благоразумному и вѣрному другу, доброхотно къ нему прилежащему", онъ пишетъ длинное посланіе съ объясненіемъ непонятныхъ реченій въ свящ. писаніи [6]). Въ такихъ же отношеніяхъ къ нему стояли нѣкоторыя инокини, обращавшіяся за совѣтами и онъ отвѣчалъ имъ длинными посланіями о преимуществѣ

---

[1]) Едва ли Вассіанъ въ Волоколам. мон. могъ пользоваться такими благами.

[2]) Сочин., II, 248—251.

[3]) Не тотъ-ли Георгій, который прислалъ М. Греку Луцидаріусъ? См. выше, стр. 338—339.

[4]) Сочин., II, 424. Въ сказаніи о Максимѣ Гр. говорится: „А былъ отъ великія тѣсноты темничныя вельми скорбенъ очьми и ногами". (Бѣлокуровъ, XVI).

[5]) Сочин., II, 424—425. Очевидно это было духовное лицо съ извѣстнымъ положеніемъ. Что же касается Григорія, то онъ именно, есть тотъ діаконъ Григорій, которому писалъ М. Грекъ объ исправленіи отъ пьянства („люди добры меня нудятъ", отговаривался онъ), если еще есть у него „капли́нка христіанолѣпнаго разума", и повидимому настоянія Максима имѣли свое дѣйствіе (см. выше, Сочин. II, 386—388).

[6]) Сочин., III, 5—22. Другое слово надписано: „другу возлюбленному", какъ блюсти исповѣданіе правосл. вѣры (III, 54—60) съ замѣчаніемъ: „Довольна вамъ ратная дѣла умѣти строити" (55). Вѣроятно тому же лицу послано (благородіе) по вопросу, истинно, какъ говорятъ нѣкоторые, что убиваемые въ бояхъ „съ нечестивыми языками" причастны бываютъ жизни праведныхъ (245—254). Слѣдов. это былъ служилый человѣкъ, но любознательный (рѣчь идетъ о книжныхъ дѣлахъ, о постѣ и т. п).

внутренняго религіознаго чувства передъ внѣшними обрядами; иногда писалъ утѣшительныя слова въ случаѣ скорби объ умершихъ [1]); иногда изливалъ свое настроеніе въ молитвенныхъ обращеніяхъ на разные случаи [2]), а иногда привлекала его чья либо общая съ нимъ участь. Когда въ 1540 г. были оказаны милости нѣкоторымъ лицамъ, томившимся въ темницѣ, а у кн. Димитрія, сына Андрея Ив. углицкаго, сняли только оковы, не смотря на проведенныя 50 лѣтъ въ тюрьмѣ, то М. Грекъ написалъ ему утѣшительное посланіе (см. выше, стр. 272 [3]).

V.

По словамъ лѣтописи, въ 1537 г., въ Петровъ постъ, въ іюнѣ, отъ молніи загорѣлась городская стѣна въ Твери, отъ чего выгорѣло 87 городень [4]) и погорѣли житницы, а 22 іюня (въ воскресенье) вторично произошелъ пожаръ, которымъ былъ уничтоженъ весь городъ, всѣ церкви и соборъ, украшенный древними иконами, покрытыми золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными камнями, дорогіе сосуды, книги и прочее безъ остатка, торги и много людей и самого епископа Акакія едва живаго изъ города вывезли [5]). М. Грекъ подтверждаетъ это событіе, какъ свидѣтель ужаса, объявшаго всѣхъ жителей. Онъ замѣчаетъ, что епископъ Акакій вскорѣ принялся за возстановленіе своей святыни, не щадя средствъ и трудовъ и пригласивъ лучшихъ мастеровъ, возвратившихъ храму прежнюю красоту, посрединѣ же храма возведенъ былъ амвонъ, украшенный разными узорами и красками, для котораго М. Грекъ составилъ надпись [6]), причемъ въ большихъ похвалахъ распространяется о заботахъ Акакія на пользу церкви. Но въ то же время онъ написалъ отдѣльное „слово", въ которомъ какъ-бы отъ лица того же Акакія, въ которомъ послѣдній вопрошаетъ Бога, чѣмъ прогнѣвали его люди, претерпѣвшіе столь великій гнѣвъ, не смотря на то, что онъ всегда заботился о достойномъ почитаніи Его (см. выше, стр. 385—386), и въ отвѣтъ на это слышитъ укоръ свыше въ слѣдующихъ словахъ: „Вы наиболѣе прогнѣвили меня, предлагая

---

[1]) Сочин., II, 394—415; 425—432.

[2]) Ibid., 432—453.

[3]) Сочин., II, 388—394. Ср. о немъ: Святыня вологодской тюрьмы—объ образѣ всѣхъ скорбящихъ Радости, принадл. уд. князьямъ I. и Д. Андр. (Ист. Вѣстн. 1912, № 7).

[4]) Городня—переплетъ изъ бревенъ или изъ свай, наполненный землей или камнями, звено (см. Царств. книгу, 278; Никон. лѣт., II, 226).

[5]) П. С. Р. лѣт., VI, 303.

[6]) Сочин., II, 290—296. Предисловіе къ нему тоже, что и къ Ж. Зосимы и Савватія (III, сл. xxxviii).

доброгласное пѣніе и шумъ колоколовъ, украшеніе многоцѣнныхъ иконъ, благоуханіе различныхъ мѵръ и если то приносимо отъ законныхъ пріобрѣтеній и праведныхъ трудовъ и правой мыслію, какъ древнимъ Авелемъ, то это любезно мнѣ и я призрю на нихъ и воздамъ вамъ; но если даете мнѣ отъ неправедныхъ и богомерзкихъ лихвъ, лихоимства и хищенія чужихъ имѣній, то не только душа моя возненавидитъ ихъ, какъ смѣшанные съ слезами сиротъ и вдовицъ и кровью убогихъ, но еще и вознегодуетъ на васъ, какъ недостойно правдѣ и человѣколюбивой моей мысли приносящихъ, и тогда я великимъ огнемъ истреблю ихъ или предамъ на расхищеніе скиѳамъ (татарамъ), какъ и гораздо лучшихъ васъ людей, одинаково беззаконствовавшихъ въ пьянствѣ, гордости, лихоимствѣ, постыдныхъ дѣлахъ, по моему праведному гнѣву". И тутъ же онъ указываетъ на примѣръ Греческаго царства, внезапная погибель котораго совершилась не за много лѣтъ. „Поминайте, какое благолѣпное пѣніе вмѣстѣ съ шумными колоколами и благовонными мѵрами богато мнѣ совершалось тамъ, по всѣ дни; какія всенощныя пѣнія въ духовные праздники и преподобныя торжества возносились; какія красоты и высоты предивныхъ храмовъ создавались тамъ для меня, въ которыхъ скрывались апостольскія и мученическія мощи, обильно источающія источники исцѣленій; какія сокровища горней премудрости и всякаго разума находились тамъ; но ни чѣмъ все то не пользовало, потому что убогаго возненавидѣли, сироту, пришельца (намекъ и на себя М. Грека) и вдову убили, какъ есть писано. И вмѣсто того, чтобы уповать на мои щедрости, на звѣзды возложили все упованіе: и свое здравіе, и счастіе, и плодородіе, и побѣды супостатовъ, и, будучи побѣждены златолюбіемъ, всякій законъ правды возненавидѣли, ради мзды оправдывали всякаго обидѣвшаго, какъ и священники не достойные избирались, но приносящіе имъ великую мзду". Взывая о покаяніи, М. Грекъ дѣлаетъ рядъ противоположеній между внѣшними знаками почитанія и украшеній и требованіями нравственнаго закона и затѣмъ продолжаетъ: „Не доброшумныхъ колоколовъ и пѣснопѣній и многоцѣнныхъ мѵръ требую я, о человѣцы, ибо моя есть вся подсолнечная, пѣснями же прекрасными и хваленіями предивными безпрестанно вокругъ меня шумитъ безчисленное множество безплотныхъ пѣснопѣвцевъ, но желаю вашего спасенія, чтобы привести къ Богу чистою вѣрою, чистымъ житіемъ и ангельскими нравами... Вы же книгу моихъ словесъ и внутрь и внѣ весьма обильно украшаете серебромъ и золотомъ, силу же писанныхъ въ ней повелѣній моихъ не только не желаете исполнять, но еще дѣлаете все противное тому". Затѣмъ, подробно распространившись на цѣломъ рядѣ страницъ о тѣхъ порокахъ, на которые онъ указывалъ выше, Максимъ заключаетъ: „Судія

же не на ризы тлѣющія, но на украшающія душу добродѣтели зритъ...; бойтеся страшнаго моего судилища, которое ни дѣвства (монашества) ни творящаго чудеса не оправдаетъ, такъ какъ въ своихъ сосудахъ не стяжали масла, т. е. не позаботились объ убогихъ, озлобляемыхъ морозомъ, голодомъ и всякой нуждой, ибо и вѣра и добрыя дѣла похвальны, но другъ безъ друга никакой пользы не приносятъ“ [1]).

Очевидно М. Грекъ, вѣрный своему призванію обличителя, воспользовался печальнымъ обстоятельствомъ, — пожаромъ, чтобы напомнить о нравственномъ долгѣ и совершенствованіи, какъ любилъ онъ это дѣлать и въ отдѣльныхъ статьяхъ, не касаясь фактовъ [2]); но рѣшительное выступленіе противъ внѣшняго пониманія религіозныхъ обязанностей съ явными уколами предпочтенія „доброгласныхъ пѣній и многошумныхъ колоколовъ“, не могло понравиться Акакію, его милостивцу [3]), однако, судя по позднѣйшимъ отношеніямъ, это огорченіе сгладилось [4]). Но этого мало: нѣкоторые стали осуждать его даже за форму въ изложенія о тверскомъ пожарѣ, гдѣ онъ выводитъ самого Спаса говорящимъ къ виновнымъ въ разныхъ порокахъ, почему онъ долженъ былъ оправдываться въ „отвѣтѣ“ на эти „клеветы“, представивъ рядъ примѣровъ подобнаго обращенія у пророковъ и отцовъ церкви [5]), причемъ снова напоминаетъ о прежнихъ своихъ трудахъ въ защиту вѣры. Впрочемъ, М. Грекъ долженъ былъ еще разъ понять, какъ опасно было тогда на Руси плыть между буквой и духомъ церковнаго закона.

По своей живой и отзывчивой натурѣ, М. Грекъ чувствовалъ потребность въ постоянномъ трудѣ, въ неустанной работѣ мысли, безъ которыхъ онъ не могъ существовать, въ томъ или иномъ отношеніи

---

[1]) Сочин., II, 260—276—одно изъ обширныхъ словъ, представляющее развитіе этой главной мысли.

[2]) Таковы двѣ статьи о покаяніи (II, слова IV и V), съ указаніемъ, что надѣяться на очищеніе по смерти напрасно (чистилище), и нужно творить добро здѣсь. М. Евгеній указываетъ на слово о покаяніи, имѣвшееся въ библ. Волокол. мон.—переводъ, сдѣланный М. Грекомъ въ 1542 г. изъ соч. Кирилла, архіеп. александрійскаго (Словарь, I, 37).

[3]) Филаретъ, 60.

[4]) Сочин., II, 359, 421.

[5]) Филаретъ, 84—91. Отвѣтъ М. Грека озаглавленъ къ св. собору. Голубинскій правильнѣе, по послѣднимъ строкамъ обращенія, называетъ его писаннымъ къ вел. князю Ивану IV (806), но вначалѣ М. Грекъ молитъ всякаго боголюбиваго священноначальника и благочестиваго князя съ кротостью и правосудіемъ выслушать его. Онъ не рѣшился обращаться къ собору.

къ совершавшимся событіямъ. Пользуясь относительной свободой въ Твери, М. Грекъ уже въ 1532 г. приступилъ къ составленію сборника своихъ сочиненій [1]). Онъ охотно давалъ ихъ списывать и самъ переписывалъ для другихъ, сообщалъ по просьбѣ разныхъ лицъ и разсылалъ, какъ прежнія, такъ и новыя статьи старымъ друзьямъ и новымъ знакомымъ [2]), не успѣвая иногда удовлетворить желанія этихъ лицъ. Кромѣ того въ новгород. Софійской библіотекѣ (нынѣ Спб. духов. академіи, № 78) находится греческая Псалтирь съ киноварной записью о томъ, что эта книга трудъ монаха Ватопедскаго мон., написанный въ Твери въ 1540 г., при еп. Акакіѣ [3]). Въ 1541 г. Максимъ воспользовался блестящей побѣдой русскихъ войскъ (въ правленіе кн. Ив. Ѳ. Бѣльскаго) надъ татарами (скиѳами), вторгшимися въ предѣлы государства подъ начальствомъ Саипъ-Гирея, который хвалился захватить Москву и представлялся тогда чѣмъ-то въ родѣ Мамая и Тамерлана [4]), и въ длинномъ витіеватомъ словѣ, воздалъ похвалы молодому царю, митр. Макарію и епископамъ, приписывая побѣду защитѣ Богородицы, ихъ молитвамъ [5]) и мужеству царя и войска. Но въ этомъ его словѣ сказалось и чувство радости по поводу одолѣнія „крымскаго пса“, „новаго хагана“ и „безбожныхъ скиѳъ и столь ненавистныхъ ему магометанъ, какъ нѣкогда Богъ избавлялъ и „благовѣрный градъ“ Константинополь отъ страшныхъ варварскихъ нахожденій и осады. Къ 1542 г., судя по одной записи на рукописи XVI в., относится его переводъ статьи Кирилла Александрійскаго объ исходѣ души и о второмъ пришествіи [6]).

Наступившее по смерти Елены боярское правленіе и произволъ властей въ дѣлахъ управленія вызвали М. Грека на рядъ обличеній и призваній къ долгу и правдѣ, о которыхъ мы говорили выше (стр. 445—446) и которыя не могли содѣйствовать его освобожденію. Къ чести Даніила нужно сказать, что онъ въ эпоху боярскаго произвола присталъ къ болѣе нравственному представителю власти—кн. Ив. Бѣль-

---

[1]) Рукописи Моск. духов. акад., №№ 42 и 153 (Голубинскій, 804).

[2]) См. посл. къ діак. Григорію и протосинк. Алексѣю. т. II, xxxiii, xxxiv, xxxix.

[3]) Опис. рукоп. Спб. духов. акад, Софійская библіотека. Сост. Д. И. Абрамовичъ, Спб. 1905, I, № 78, 4°, с. 125—127—автографъ, съ греч. записью, дов. чистая рукоп. въ полиняв. бархат. перепл., поступ. въ Соф. библ., а оттуда въ Спб. дух. акад. О ней Христ. Чтен. 1882, II, 609—615. Греческая запись (Евгеній, II, 39). Псалтирь пис. для ризничаго епископа, іерод. Веніамина.

[4]) Никон. лѣт., Царств. лѣт.

[5]) Сочин., II, 277—289.

[6]) Опис. рукоп. Моск. Синод. библ. II, ч. 1, с. 77; II, ч. 2, с. 574; Макарій, VII, 269;

скому, но какъ только одолѣли кн. Шуйскіе, они низложили Даніила и возвели въ санъ митрополита Іоасафа (Скрипицына), изъ троицкихъ игуменовъ (6 февр. 1539 г.), но, освобожденный, по его ходатайству, Бѣльскій возвратилъ себѣ власть. Лѣтопись приписываетъ ему и м. Іоасафу освобожденіе многихъ опальныхъ князей, царскихъ родственниковъ и упорядоченіе внутренняго управленія (см. выше, стр. 447—448); а когда снова одолѣли Шуйскіе, начались насилія, Бѣльскій былъ сосланъ и умерщвленъ; смерть грозила и Іоасафу, но его сослали на Бѣлоозеро (въ 1542 г.)

По заключеніи м. Даніила въ Волоколамскій мон., М. Грекъ воспользовался случаемъ, чтобы примириться съ нимъ; но эта попытка оправданія Максима не имѣла успѣха, такъ какъ Даніилъ съ негодованіемъ отвѣчалъ, что „не за нѣкое ко мнѣ преслушаніе (переводъ Ѳеодорита), но за развращеніе церковнаго нѣкоего слова и праваго ученія возбранилъ тебя, по божественной ревности отъ пречистыхъ таинъ, какъ хульника“. Столь рѣзкій приговоръ возбудилъ въ Максимѣ крайнюю скорбь и онъ излилъ ее въ длинномъ посланіи, въ которомъ настойчиво заявлялъ о своей твердости въ вѣрѣ съ юныхъ лѣтъ, перечислялъ всѣ свои труды, совершенные въ Россіи, напоминалъ свою защиту противъ разныхъ лжеученій, сознавался лишь въ „малыхъ описяхъ“, допущенныхъ имъ по невѣдѣнію и случайнымъ обстоятельствамъ, указывалъ на свои скорби и страданія, перенесенныя съ тѣхъ поръ и, ссылаясь на евангельскія слова о любви и кротости, умолялъ Даніила „разорить многолѣтнее на него негодованіе и показать священную любовь, ссылаясь на слова Іисуса о прощеніи не до семи, а до седмижды семидесяти разъ и, выражаясь, что никто не чистъ („и ты яко человѣкъ“), а о себѣ, какъ о смирившемся передъ Богомъ и передъ нимъ, Даніиломъ, заявляетъ, что онъ напрасно осуждаетъ его за ересь и отлучаетъ отъ причастія, и заключаетъ напоминаніемъ, что оба они предстанутъ предъ страшнымъ и нелицемѣрнымъ Судіею [1]). Не видно, чтобы просьба о мирѣ имѣла успѣхъ, поэтому едва-ли также состоялось и примиреніе между Даніиломъ и Вассіаномъ, если они могли встрѣтиться въ ссылкѣ въ Волоколамскомъ монастырѣ. Въ такомъ случаѣ здѣсь у Даніила сказалась вполнѣ непримиримость „іосифлянина“.

VI.

Послѣ того М. Грекъ пользовался каждымъ случаемъ, чтобы напомнить о себѣ и добиться возвращенія на Аѳонъ—мысль эта стала

---

¹) Сочин., II, 367—376.

преобладающей подъ конецъ его жизни, а располагая довольно обширными связями, онъ вездѣ искалъ защитниковъ и посредниковъ въ своемъ дѣлѣ. Уже вскорѣ по сверженіи Даніила, онъ составилъ своего рода „исповѣданіе вѣры“, чтобы защитить себя отъ взведенныхъ на него ересей, чего онъ болѣе всего опасался, не только по внутреннему убѣжденію, но и изъ опасенія не добиться осуществленія своей завѣтной мысли. Въ означенномъ исповѣданіи онъ представилъ свои религіозныя убѣжденія въ духѣ православной церкви; но если, замѣчалъ онъ при этомъ, „почему иному *еретикомъ меня называть* нѣкоторые не ужасаются, да глаголютъ, да доведутъ, исправленія да сподобятъ меня, явно да обличатъ. Не отвергаю и справленія и не стыжусь обличеній, если отъ отеческія любви съ миромъ и кротостію происходятъ“. Максимъ сознавался въ ошибкѣ относительно выраженія „сѣдѣлъ еси“ и „сѣдѣвъ“, оправдываясь тѣмъ, что онъ „тогда не вѣдалъ различія этихъ реченій. Если бы я вѣдалъ, говоритъ онъ, то никакъ не замолчалъ бы, но всячески исправилъ бы такую нелѣпую опись“. Максимъ писалъ, что онъ не врагъ русской державы, но „по десять разъ ежедневно преклоняетъ колѣна за вел. князя Ивана Васильевича и брата его Георгія“; если же не нравится истина, то къ чему держатъ его насильно; а если онъ виновенъ, то подлежитъ суду вселенскаго патріарха, а не святителей русской земли. Наконецъ, онъ замѣчалъ: „многія суть случаи на всякій часъ несовершенному уму человѣческому, ибо и забытіе омрачаетъ его, и скорбь смущаетъ, иногда же и ярость, и гнѣвъ, и пьянство отемнѣваютъ его. При столькихъ треволненіяхъ обуреваемаго немощнаго ума человѣческаго, если что гдѣ нибудь презрѣно бываетъ, не подобаетъ дивиться, ни смущаться, ни ересію осуждать его, но праведно еще болѣе ущедрить... и то, что отъ него презрѣно, по забвенію или по нѣкоторому иному обстоятельству, исправлять вмѣстѣ съ нимъ; такъ какъ никто не получилъ совершенства, но забвенію и невѣдѣнію подлежимъ всѣ, одни больше, другіе меньше, всѣ же другъ отъ друга требуемъ и совѣта, и помощи“ [1]).

Въ свою очередь константинопольскій патріархъ Діонисій, извѣщая царя Ивана Васильевича о своемъ избраніи (въ іюнѣ 1544 г.) и вмѣстѣ съ тѣмъ присоединяя благія пожеланія его державѣ, напоминалъ о содержащемся столько лѣтъ въ Москвѣ инокѣ Максимѣ и настоятельно просилъ отъ себя, іерусалимскаго патр. Германа и священнаго собора, бывшихъ на его поставленіи, отпустить бѣднаго, убогаго и страннаго Максима инока, до старости дошедшаго и сущаго близъ

[1]) Сочин. I, слово 1, 23—39.

смертныхъ вратъ, чтобы онъ могъ сподобиться возвратиться въ свою землю и быть погребеннымъ на мѣстѣ своего постриженія во Св. горѣ, выражая надежду, что царь не пожелаетъ своимъ отказомъ и самому Богу погрубить, и такихъ богомольцевъ оскорбить [1]). И одновременно, но въ болѣе энергическомъ духѣ прислана была въ Москву грамота отъ престарѣлаго патр. александрійскаго Іоакима (4 апр. 1545 г.). Послѣ обычнаго вступленія, онъ прямо говоритъ: „Въ землѣ царства твоего обрѣтается нѣкій человѣкъ, инокъ св. Аѳонской горы, имя ему Максимъ, на котораго отъ дѣйства діавольскаго и отъ козней злыхъ человѣковъ крѣпко опалилось царство твое и ввергло его въ темницу и узы нерѣшимыя, и не можетъ онъ ни туда, ни сюда ходить, чтобы учить слову Божію, какъ ему даровалъ сіе Богъ. *Мы о немъ слышали и пріяли ради него писаніе отъ многихъ и великихъ людей, тамъ сущихъ и отъ св. горы Аѳонской,* ибо тотъ вышереченный Максимъ, связанный царствомъ твоимъ, *неправильно пойманъ и связанъ властію твоею*: такъ не творятъ православные христіане надъ нищимъ и особенно надъ инокомъ, наиболѣе же цари, удостоенные великаго смысла и отъ Бога поставленные праведными судіями, но они должны имѣть дверь отверстую для каждаго приходящаго. Праведно есть заключать въ темницѣ не боящихся тебя и озлобляющихъ и связывать желающихъ тебѣ зла, но убогихъ, наипаче учителя, каковъ тотъ убогій Максимъ, *который научалъ и пользовалъ многихъ христіанъ въ царствѣ твоемъ и индѣ, гдѣ случалось ему быть,* не добро и неправедно держать силою и оскорблять, ибо воздыханія убогихъ не погибнутъ до конца, а еще болѣе иноковъ. Неблаговидно также царствію твоему давать вѣру всякому слову и всякому писанію, къ тебѣ приходящему, безъ разсмотрѣнія и испытанія. Посему молимъ царствіе твое, когда узришь сіе наше писаніе, да освободишь вышеназваннаго инока Максима, отъ св. горы Аѳонской, и подашь ему полную волю идти, куда захочетъ, и скорѣе всего на мѣсто его постриженія, помоги и способствуй ему, сколько тебѣ Богъ положитъ на сердце, по обычаю похвальнаго твоего царства, и не посрами насъ о семъ. Если послушаешь словесъ моихъ, будешь имѣть похвалу отъ Бога и отъ человѣкъ, и отъ насъ молитву и благословеніе. Никогда я не писалъ къ тебѣ и не просилъ какого-либо себѣ утѣшенія; не оскорби же меня въ этомъ и не заставь писать иное писаніе къ твоему царству, второе моленіе и прошеніе, доколѣ не услышитъ меня великое твое царство и не даруешь ты мнѣ сего человѣка“ [2]).

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1834, ч. III, стр. 272; А. Муравьевъ, Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ, I, 46—48 (съ ошибками, рукоп. библ. Троиц. лавры).

[2]) Ж. М. Н. Пр. 1834. ч. III, стр. 275—276; Акты ист., I, № 297; Муравьевъ, 46—48.

Въ одномъ изъ посланій къ Ивану IV Максимъ сообщаетъ, что и отъ Ватопедской обители было моленіе объ отпускѣ его, нуждающейся въ устройствѣ многолюдной братіи, въ разныхъ потребностяхъ *и его трудахъ* [1]); но грамота о томъ не дошла до насъ. Воспользовавшись этими побужденіями, М. Грекъ съ своей стороны рѣшился написать молодому царю, что *правда* и *милость* суть главныя добродѣтели царствующихъ на землѣ и по своему обыкновенію, сославшись на примѣры нѣкоторыхъ библейскихъ и византійскихъ царей, онъ просилъ отпустить его къ мѣсту его иноческихъ подвиговъ, какъ ни на что не нужнаго уже землѣ русской. Въ другомъ болѣе краткомъ посланіи, съ широковѣщательнымъ титуломъ царя, онъ подтвердилъ свои прежнія настоянія, и представилъ Ивану IV „малъ помнокъ словесъ тетрадки", чтобы „знала держава его, каковъ изначала онъ былъ доброхотенъ богомолецъ и благовѣрный служебникъ державѣ русской и какимъ останется до преставленія своего" [2]). Но, въ дѣлѣ М. Грека, кромѣ обычной политики московскаго правительства—не отпускать изъ предѣловъ Россіи долго зажившихся иноземцевъ (напомнимъ поступки съ Фіоравенти, Ив. Фрязинымъ, Маркомъ и др.) играли большую роль его слишкомъ откровенныя сужденія и мнѣнія, нажившія ему не мало враговъ въ разныхъ сферахъ московскаго общества. Поэтому его обращенія къ царю, къ м. Макарію и Боярской думѣ („Слово отвѣщательно о исправленіи книгъ русскихъ"), въ которыхъ онъ пытался защитить себя отъ взведенной на него ереси о „неописуемой плоти" Іисуса Христа, наиболѣе существенной, въ чемъ обвинялся и Вассіанъ (см. выше, 492), и умолялъ избавить его отъ клеветы, тяготѣющей надъ нимъ много лѣтъ, и лишенія причастія, и даровать за его труды возвращеніе во Св. гору, — ссылаясь на завѣтъ монахамъ оставаться до конца дней вѣрнымъ своей обители и не переходить изъ монастыря въ монастырь, изъ страны въ страну, чтобы и онъ могъ со всѣми вѣрными молиться о вел. кн. Иванѣ Васильевичѣ и о всѣхъ ихъ [3]), и не имѣли все-таки успѣха.

---

[1]) Сочин., II, 356—357 (см. еще выше, стр. 157). Въ посланіи къ митр. Макарію (см. ниже) М. Грекъ говоритъ о ходатайствѣ Ватопедскаго монастыря и вселенскаго патріарха (366), слѣдовательно посланіе къ царю писано раньше.

[2]) Сочин., II, 376—379.

[3]) Сочин., Ш, 60—79. Въ разныхъ спискахъ лѣта его отлученія показаны различно: 15, 18, 19. Голубинскій принимаетъ послѣднее, чтобы считать его отъ 1525 г. до господства Боярской думы (816—817); но если взять за основаніе первую цифру, то допустимо считать за исходный пунктъ 1531 г., какъ и слѣдуетъ.

VII.

Узнавъ отъ многихъ достовѣрныхъ мужей о богоугодномъ правленіи Макарія и наиболѣе подъ вліяніемъ слышаннаго „отъ своего промысленника боголюбиваго епископа Акакія, велегласнаго проповѣдника его (Макарія) добродѣтелей“, Максимъ рѣшился написать ему посланіе, въ которомъ, воздавая съ своей стороны похвалы его качествамъ и сѣтуя на несправедливость нѣкоторыхъ, противящихся его наставленіямъ, онъ, сообщаетъ о своихъ миссіонерскихъ подвигахъ на Аѳонѣ и своей защитѣ русской церкви отъ еретиковъ[1]), жалуется на то, что его оболгали, что вина его заключается не въ какой либо ереси, а въ невольныхъ ошибкахъ, за которыя онъ претерпѣлъ заключеніе, морозъ, дымъ голодъ и лишеніе въ теченіе 17 лѣтъ причастія[2]) и снова проситъ объ отпущеніи его во Святую гору. Макарій не сразу поддался на эту просьбу, такъ какъ писалъ ему черезъ протосинкелла своего, монаха Алексѣя: „узы твои цѣлуемъ, какъ одного изъ святыхъ, пособить же тебѣ не можемъ“ и прилагалъ денежное пособіе. Огорчившись такимъ оборотомъ дѣла, М. Грекъ выражалъ печаль, что ему позволяютъ принимать причастіе тайно и въ случаѣ недуга: „чего ради возбраняютъ мнѣ въявѣ и предъ всѣми людьми“, а допускаютъ тайно и съ лестнымъ недугомъ или истиннымъ, но я, писалъ онъ, „скрыто и со лжею причащаться божественныхъ тайнъ не наученъ отъ св. апостоловъ и преподобныхъ отцевъ нашихъ[3]),“ и тутъ же негодуетъ на горесть отъ *клеветниковъ*, кто бы они ни были. Онъ заявлялъ уже, что проситъ *не суда, а милости*. Ему пріятно было узнать, что Макарій (самъ цѣнитель книгъ и составитель Четій-Миней—этой энциклопедіи тогдашней литературы) хвалитъ его писанія и проситъ присылать ихъ къ нему, и онъ, съ своей стороны, пишетъ, что охотно это дѣлаетъ всѣмъ, просящимъ у него, посылаетъ ему десять тетрадокъ догматическихъ и душеполезныхъ сказаній черезъ митрополичьяго слугу Андрея, выражая свою печаль о лишеніи возвратиться во Св. гору и его книгъ, которыя были у него отобраны, и о другихъ житейскихъ нуждахъ. Онъ удивляется, что Макарій, обладающій столь великой властью и успѣвшій выхлопотать освобожденіе многимъ заключеннымъ въ темницы и узы, „пособить ему не можетъ“. „Владыко, пишетъ Максимъ, воля

---

[1]) Макарій, собиравшій сочиненія и переводы для своихъ Четій-Миней, зналъ труды М. Грека (см. Н. Лебедевъ, Макарій, митр. всероссійскій, 101—111).

[2]) Слѣдов. посланіе это относится къ 1547 г. (Сочин. II, 357—367).

[3]) Отсюда его постоянныя просьбы о разрѣшеніи причащенія, т. е. снятія запрещенія собора. „Горе воистину зрящему всегда въ лѣвая“ пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ (II, 425; III, 21).

Господа Бога, да твоя! *Я о возвращеніи въ Москву и житіи тамъ не прошу*, а только хлопочу о причастіи, которое просто всѣмъ дается, ни суда, ни собора не прошу [1]), а только *милости и человѣколюбія*", и, представивъ рядъ примѣровъ подобнаго отношенія Іоанна Златоуста, онъ заключаетъ: „Такъ и я пострадалъ, павъ отъ неправеднаго гнѣва Даніила. Да не поставитъ ему Богъ грѣхъ сей" и, указавъ вновь на свидѣтельства о заступничествѣ духовныхъ лицъ передъ царями, онъ предлагаетъ Макарію послѣдовать ихъ примѣру [2]).

Въ то же время М. Грекъ писалъ кн. Петру (Гурію) Ивановичу Шуйскому, извѣстному потомъ воеводѣ (ссылка на тѣ же 17 лѣтъ лишенія причастія [3]), причемъ жалуется на клеветы „своихъ братій", говоритъ, что міръ управляется Промысломъ божіимъ, а не колесомъ счастья, зодіаками и планетами, вспоминаетъ доброе отношеніе къ нему Шуйскаго, къ которому онъ обращался письменно о своихъ нуждахъ, повторяетъ, что уже не просится во Св. гору, такъ какъ такое прошеніе непріятно, а проситъ о разрѣшеніи причастія и о возвращеніи греческихъ книгъ, принесенныхъ сюда, чѣмъ доставятъ славу душѣ вел. кн. Василія Ивановича, и отказывается приводить въ подтвержденіе свидѣтельства изъ писанія, признавая, что сами они искусны въ божественныхъ книгахъ [4]). Приближеніе Адашева и Сильвестра (1547 г.) къ Ивану IV, въ моментъ готовности его служить правдѣ, еще болѣе приблизило Максима къ удовлетворенію его просьбъ. Протосинкелла Алексѣя онъ проситъ прочесть посланіе, которое онъ писалъ Макарію, чтобы тотъ узналъ всю правду и правду о *клевещущихъ* на него;

---

[1]) Посланіе это (Москвитянинъ, 91—96), конечно писано по смерти м. Даніила († 22 мая, 1547 г. и похороненъ въ маломъ придѣлѣ собора Волоколамскаго мон., близъ алтаря, Др. и Нов. Россія 1880, I, 31—34) и послѣ приведеннаго выше слова.

Безъименное посланіе здѣсь (Москвит.) приписано относящимся къ м. Іоасафу, но характеристика лица согласна съ тѣмъ, что говоритъ Максимъ въ посланіи къ Макарію. Въ немъ онъ упоминаетъ о посылкѣ 10 тетрадокъ, какъ и въ посланіи протосинк. Алексѣю, котораго проситъ помочь ему. Протосинкеллъ и судохранитель м. Макарія и есть тотъ же казначей м. Макарія (Изв. Имп. Археол. общ., III, 49).

[2]) Очевидно препятствіемъ выставляли подобныя требованія.

[3]) Голубинскій желаетъ отодвинуть время этого ходатайства къ господству Шуйскихъ и принимаетъ поэтому запрещеніе причастія Максиму въ 1525 г., но послѣдній могъ обращаться къ П. И. Шуйскому и позже: онъ уцѣлѣлъ и является потомъ дѣятельнымъ лицомъ въ военныхъ и административныхъ дѣлахъ, тѣмъ болѣе, что М. Грекъ ссылается на прежнія отношенія къ нему П. И. Шуйскаго. Послѣдній посѣтилъ его въ Твери (Соловьевъ, VI, 191).

[4]) Сочин., II, 415—420.

сообщаетъ о посылкѣ къ „самому великому властителю“ (царю) тетрадки въ 27 главъ („та списана мною добрѣ“ [1]); проситъ похлопотать о разрѣшеніи причастія, о присылкѣ греческой книги Григорія Богослова съ толкованіемъ [2]), прибавляя, что греческій клобукъ у него невзраченъ, и благодаритъ ризничаго діакона Вассіана за присланное имъ пособіе [3]). Отсюда ясно, что въ Москвѣ было не мало враговъ у Максима, на которыхъ онъ жалуется во всѣхъ своихъ письмахъ, а чтобы помѣшать ему въ успѣхѣ, они стали толковать о его требованіи новаго суда [4]), что могло бы надолго затянуть рѣшеніе его дѣла, на что онъ настойчиво замѣчаетъ: „суда, господине (обращается къ Алексѣю) не прашивалъ и не прошу, милости прошу, милость покажите, да и вы воспріимите отъ Спаса туже благодать, судъ же безмилостенъ не сотворшимъ милости“, сказалъ Онъ. Тонкій въ обхожденіи Макарій [5]), умѣвшій благополучно ладить среди борьбы партій и придворныхъ отношеній, оказывавшій возможныя любезности Максиму, не рѣшался на болѣе открытый шагъ, чтобы не возбудить противъ себя неудовольствій въ придворныхъ и духовныхъ сферахъ [6]); но явился ходатай, не думавшій о славѣ міра сего, а воспользовавшійся лишь благосклоннымъ настроеніемъ царя. То былъ игуменъ Троицкаго монастыря, вызванный изъ благопріятной новому теченію Бѣлозерской пустыни,—Артемій „Пустынникъ“. По его ходатайству,

---

[1]) Тетрадка эта содержала именно „Главы поучительны къ начальствующимъ правовѣрно“ (Сочин. II. 338—346, о нихъ см. выше, стр. 447), и въ рукоп. Моск. духов. акад. № 42, принадлеж. м. Іоасафу, статья эта читается съ указаніемъ на поляхъ въ 27 главѣ.

[2]) Въ посланіи къ боярамъ онъ обѣщаетъ предложить извлеченіе изъ 33 главы Іоанна Дамаскина, по полученіи греческой книги, такъ какъ славянскій текстъ крайне испорченъ переписчиками (III, 76—77), а это показываетъ, что греческіе тексты были въ Россіи (вѣроятно самого М. Грека, отобранные у него) и во вторыхъ, что онъ предпочиталъ обращаться къ подлинникамъ. Напомнимъ, что въ библіотекѣ Сильвестра было также нѣсколько греческихъ книгъ (Чтен. въ Общ. ист. 1874, I, 52) и на греческой Псалтири М. Грека есть надпись: „Сильвестровская“.

[3]) Сочин., II, 382—386. Сношенія происходили черезъ того же Андрея (Семенова).

[4]) Ibid. II, 385—418. О томъ, что здѣсь, между прочимъ разумѣлись бояре (ср. Москвит., 93 и Сочин. Ш, 61—62).

[5]) Правда на первыхъ порахъ онъ потерпѣлъ чувствительно отъ тѣхъ же Шуйскихъ, которые его призвали въ Москву. При ссылкѣ Воронцовыхъ въ Кострому, когда Макарій хотѣлъ уладить это, Ѳома Головинъ, клевретъ Шуйскихъ, въ царскихъ покояхъ наступилъ на мантію митрополита и разорвалъ ее. Но затѣмъ до смерти своей Макарій сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, что рѣдко удавалось до него.

[6]) Думаютъ даже, что Макарій не благоволилъ къ нему, какъ іосифлянинъ (Н. Лебедевъ, Макарій, митр. всерос., 101—102).

М. Грекъ переведенъ былъ въ 1551 г. на жительство въ Троицкую лавру[1]); но это случилось уже послѣ Стоглаваго собора[2]) и хотя ему, какъ неразрѣшенному еще, не удалось принять участія въ послѣднемъ, но слѣды его вліянія сказались въ широкомъ смыслѣ въ постановленіяхъ этого собора.

VIII.

Максимъ Грекъ постоянно оправдывался „нѣкими описями" и указывалъ на свое доброхотство къ Россіи, чѣмъ надѣялся очистить себя отъ прежнихъ обвиненій; но, повидимому, подозрѣнія не устранялись и на описи все еще продолжали смотрѣть, какъ и раньше. И прежде Максима боялись отпустить, какъ человѣка, узнавшаго „наше доброе и лихое"; тѣмъ болѣе могли этого опасаться теперь; даже настоятельныя посланія патріарховъ и аѳонской братіи могли бросить тѣнь на непремѣнное желаніе Максима освободиться при посредствѣ столь сильныхъ ходатаевъ, придавая ему въ глазахъ русскаго правительства бо̀льшее значеніе, чѣмъ онъ въ дѣйствительности имѣлъ; притомъ могли еще помнить его заботы о правахъ „вселенскаго патріарха" и интересахъ Византіи. Для насъ важно это сочувствіе, установившееся между М. Грекомъ и Сильвестромъ. Вѣроятно новгородецъ по происхожденію и по связи съ м. Макаріемъ, который долженъ былъ оцѣнить въ немъ литературныя свѣдѣнія во время своихъ трудовъ надъ Четьями-Минеями (новгор. ред.), самая мысль о созданіи которыхъ могла сложиться и созрѣть подъ вліяніемъ богатаго собранія рукописей мѣстной Софійской библіотеки (нынѣ Пет. духов. академіи[3]) Сильвестръ вмѣстѣ съ Макаріемъ появляется въ Москвѣ, становится священникомъ Благовѣщенскаго (придворнаго) собора (ок. 1543 г.) и приближается ко двору, гдѣ утверждаетъ свое значеніе настолько, что занимаетъ господствующее положеніе, распространяя свое вліяніе на гражданскія (разверстка помѣстій въ 1550 г.) и церковныя дѣла (Сто-

[1]) „Неповинный М. Грекъ, вел. княземъ Иваномъ Васильевичемъ и умоленіемъ Троицкаго-Сергіева мон. игумена Артемія изведенъ бысть изъ Твери и повѣлено ему жити въ Троицкомъ монастырѣ" (Хроногр. Толстого, тамъ же). Послѣдовало это въ 1551 г., такъ какъ Артемій былъ игуменомъ всего полгода (Списки Строева, стр. 139).

[2]) Макарій, VI, 286. Артемій оставилъ игуменство по враждѣ непокорныхъ монаховъ. Тутъ же о его вліяніи при дворѣ. Курбскій, 40, 135; Опис. рукоп. Синод. библ., II, ч. 2, с. 580.

[3]) Подробное опис. Д. И. Абрамовича, 3, кн., 1905—1910. Сборники опис. въ Лѣт. зан. Археогр. ком. (кн. III), стр. 1—106; Памятн. древн. письмен. № XXI, 1881.

главъ; испытаніе Артемія при назначеніи въ игумены). Въ роли ментора молодого царя, онъ является властнымъ его наставникомъ (посл. къ Ивану Грозному, свидѣтельство Курбскаго и отзывы царя въ его перепискѣ съ послѣднимъ), а, пользуясь своимъ положеніемъ, и ходатаемъ за опальныхъ, покровителемъ ищущихъ милостей и защиты отъ опасностей въ полной случайностей и невзгодъ въ придворной сферѣ (посл. къ казан. намѣстникамъ кн. А. Б. Шуйскому-Горбатому и кн П. И. Шуйскому). Связанный дружескими отношеніями съ кн. Владиміромъ Андреевичемъ и не ставъ открыто за права наслѣдника (младенца Димитрія) въ моментъ опасной болѣзни царя Ивана (1553), Сильвестръ не съумѣлъ удержать своего прежняго значенія и, видя приближающуюся грозу вокругъ себя, во время ушелъ въ Бѣлозерскій монастырь (1560), принявъ имя Спиридона, гдѣ и скончался ок. 1566 г.[1]). Вращаясь въ книжной средѣ м. Макарія, Сильвестръ усвоилъ любовь къ просвѣщенію, которымъ могъ справедливо похвалиться. И въ Новгородѣ, и въ Москвѣ онъ держалъ во дворѣ сиротъ и работныхъ людей до ихъ возраста, научивъ многихъ грамотѣ, письму, пѣнію, иконному художеству и книжному рукодѣлію (вѣроятно искусству книжнаго письма и переплетному дѣлу), какъ говоритъ въ поученіи сыну, — это были своего рода школы. Онъ любилъ красивыя рукописи (Сильвестровскій сборникъ), поручалъ списывать ихъ и жертвовалъ въ монастыри и церкви, и самъ имѣлъ не только славянскія, но и греческія рукописи. Какъ хорошій книжникъ, онъ могъ щеголять обиліемъ текстовъ свящ. писанія и историческими примѣрами (посл. къ Ивану Грозному[2]); но не пренебрегалъ и философскими изреченіями. Въ письмѣ къ кн. А. Б. Шуйскому-Горбатому онъ выхваляетъ болѣе всего въ человѣкѣ мудрость и, ссылаясь на философа Демокрита, пишетъ: „Прежде всего князю подобаетъ имѣтъ умъ въ дѣлахъ временныхъ, на враговъ крѣпость, мужество, храбрость, къ своей дружинѣ любовь и привѣтъ, добродѣтель же лучше и сана царскаго. Ни что не приноситъ столько пользы человѣку, какъ разсужденіе, безъ котораго нѣтъ и благого разума. Не поноси, господине, человѣка, но

[1]) Ссылка его въ Соловецкій мон. (о чемъ не упоминаютъ ни Курбскій, ни Иванъ IV въ отвѣтахъ ему) сомнительна; предположеніе И. Н. Жданова (Матеріалы для ист. Стоглав. собора), что Сильвестръ долженъ былъ оставить службу какъ вдовецъ, послѣ извѣстнаго постановленія Стогл. собора, едва ли вѣрно. Сынъ Сильвестра Анѳимъ служилъ у „таможенныхъ дѣлъ“ (посл. къ нему Сильвестра).

[2]) Многія мѣста этого посланія можно сопоставить съ царскими „вопросами“, предложенными Стоглавому собору, указывающими на руководительство Сильвестра (Ждановъ, Матер. для ист. Стогл. соб., 199—200).

прежде разсуди, а потомъ обличай". „Домострой", представляя сборникъ правилъ, не вполнѣ принадлежитъ Сильвестру, а острота его суровыхъ правилъ въ извѣстной степени сглаживается при сравнительномъ изученіи съ западно-европейскими „домостроями" того времени [1]). Сильвестръ представляетъ удивительное сочетаніе нравственныхъ качествъ съ замѣчательнымъ умѣньемъ практическаго приспособленія къ своему положенію и окружающей его средѣ, о чемъ и самъ онъ такъ опредѣленно говоритъ въ наставленіи сыну, рекомендуя ему этотъ образъ дѣйствій словами: „отъ *всѣхъ* почитаемъ и *всѣми* любимъ и *всякому* въ потребныхъ (нуждахъ) упоровилъ". Такимъ образомъ не было только позолоченной пилюлей, когда М. Грекъ писалъ Сильвестру, „какъ всякими цвѣтами добродѣтели преукрашенному и въ искусствѣ и разумѣ богодухновенныхъ писаній изящному разсудителю„ и отказывался обращаться къ нему иначе, какъ къ „мужу многоученому" [2]); „онъ слышалъ отъ всѣхъ", что Сильвестръ легко „преклоняется къ милосердію требующимъ помощи" и въ этотъ разъ писалъ не о себѣ (вѣроятно съ него сняты были уже запрещенія). Къ Сильвестру М. Грекъ обращался съ ходатайствомъ о дѣтяхъ и вдовѣ покойнаго Никиты Борисовича, „чтобы государь показалъ милость къ нимъ, живущимъ въ великой скудости и нуждѣ: большіе долги, а три сестры, да нечѣмъ отдать (замужъ). Умилосердись, прибавляетъ онъ, помоги много скорбной вдовѣ и сиротамъ ея, угаси горькія слезы, будь вдовамъ заступникомъ и отецъ сиротамъ, послѣдуя словамъ апостола о посѣщеніи сирыхъ и вдовицъ въ ихъ скорбяхъ".

Д. П. Голохвастовъ и архим. Леонидъ (Благовѣщ. іерей Сильвестръ) подъ Никитой Борисовичемъ разумѣютъ кн. Н. Б. Ростовскаго-Пріимкова, о которомъ ходатайствовалъ Сильвестръ по случаю опалы князей Ростовскихъ за измѣну, въ чемъ упрекаетъ Иванъ IV Сильвестра въ перепискѣ съ Курбскимъ, но дѣло объ измѣнѣ кн. Ростовскихъ возникло позже (въ 1554 г.), а кн. Н. Б. Пріимковъ-Ростовскій упоминается до 1577 г. (Карамзинъ, VIII, пр. 393 и 452; IX, 148, пр. 452; А. А. Барсу-

---

[1]) Благовѣщенскій іерей Сильвестръ и его писанія (Чт. въ Общ. ист. 1874, I и отд.). Опытъ ист. литер. изсл. о происх. Домостроя, И. Некрасова (ib. 1873 г. и отд.); статьи А. Михайлова (Ж. М. Н. Пр. 1889, №№ 2 и 3 и 1890, № 8). Е. Е. Замысловскаго (Сборн. госуд. знаній, кн. II, 1875); Москов. благовѣщ. свящ. Сильвестръ, какъ государ. дѣятель, еп. Сергія (Соколова), тамъ же 1891, и отд.; Алексѣя Комнена Ποίημα Παραινετικόν въ сравненіи съ рус. Домостроемъ, Од. 1892; посланія Сильвестра въ Христ. Чт. 1871 и Чт. въ Общ. ист. 1874, I.

[2]) Сочин. II, 379—381.

ковъ, Родъ Шереметевыхъ, I, 425; Спбир. Сборн., 57); слѣдовательно о сиротахъ его здѣсь не могло быть рѣчи. Другого же лица съ подобнымъ именемъ и отчествомъ не встрѣчается (Др. Рос. Вивл., т. XX). Жена кн. Никиты Ростовскаго-Прiимкова помѣщена въ Синодикѣ Ивана IV (Устряловъ, подъ № 63); Лихачевъ, Разрядные дьяки, 20, 29. Возможно, что до М. Грека дошелъ невѣрный слухъ по поводу опалы кн. Н. Б. Ростовскаго. О службѣ сына его Бор. Никит. (А. П. Успенскiй, Столбцы Оруж. приказа, I, 32).

IX.

Благопрiятное отношенiе къ М. Греку обнаруживается въ тотъ моментъ, когда въ правительственной средѣ сказывается влiянiе м. Макарiя, Сильвестра, Адашева и близкихъ къ нимъ лицъ и когда подготовлялся Стоглавый соборъ. Макарiй, какъ мы видѣли, весьма сочувственно отзывался о его сочиненiяхъ и просилъ посылать ихъ къ нему, чѣмъ М. Грекъ не преминулъ воспользоваться и послалъ ему черезъ митрополичьяго служебника, Андрея, свои догматическiя и душеполезныя статьи, а въ другой разъ 10 тетрадокъ *о нравахъ* и вооруженiе сильное на латинскiя ереси и злочестивое еврейское упрямство, на еллинскую прелесть и звѣздочетство [1]). Макарiй хотѣлъ знать мнѣнiе М. Грека о тафьяхъ, такъ какъ послѣднiй писалъ протосинкеллу Алексѣю: „Какъ государь митрополитъ разсуждаетъ о тафiяхъ [2]), господине мой, вѣждь, что и самъ также гнушаюсь, когда вижу на головахъ бритыхъ православныхъ, и отъ глубины сердца вздыхаю воистину, что христiане уподобляютъ себя христiаноборцамъ туркамъ, не только тафiями, но еще и сапогами туркообразными и не можешь иныхъ узнать, что они христiане, только узнаешь крестнымъ знаменiемъ. Братiя мои греки много лѣтъ уже работаютъ туркамъ и среди нихъ живемъ [3]), а такого обычая не знаемъ; боюсь, Алексѣю, что дальше полюбятъ и чалмы потурецки носить; гнусно, Алексѣю, гнусно и чуждо православнымъ людямъ соблюдать такой мерзкiй и еще болѣе поганскiй обычай и пусть крѣпкою заповѣдь апостольской власти подобное беззаконiе и наиболѣе мастерамъ, чтобы не дѣлали ихъ, и приказать приходскимъ

[1]) Филаретъ (Москвитян., 94); Сочин. М. Грека, II, 383.

[2]) Шапочка въ родѣ скуфiи, какъ носятъ татары.

[3]) Въ нач. XVIII в. греки стояли въ Венецiи въ церкви въ тафьяхъ, по словамъ Толстого (В. Евр. 1897, № 9, с. 262). М. Макарiй какъ въ этомъ словѣ, такъ и въ допущенiи казни еретиковъ видитъ отсталость во взглядахъ М. Грека (VII, 306—307).

попамъ не давать тѣмъ, кто не послушаетъ, ни семьѣ его, причастія, не пускать его въ церковь, и армянамъ и прочимъ гостямъ приказать крѣпко такой товаръ не возить на Русь, а привезетъ, подвергать того наказанію въ торгу кнутомъ и подвергнуть ограбленію" [1]). Іоанну Грозному однажды М. Грекъ послалъ „словесъ тетрадки", а въ другой разъ тетрадку въ 27 главъ (см. выше, стр. 509 [2]); но конечно, и другія сочиненія М. Грека были читаны такими книжными людьми, какъ Иванъ IV и Макарій [3]). На Стоглавомъ соборѣ присутствовалъ и тверской еп. Акакій, [4]) съ которымъ часто бесѣдовалъ М. Грекъ и для котораго онъ писалъ статьи, касавшіяся церковнаго благочинія. Если Акакій не могъ не сочувствовать тому, что было такъ близко сердцу Іосифа Волоцкаго, то онъ не могъ не помнить его требованій о соблюденіи монастырскаго устава и картины монастырскихъ нравовъ, нарисованной въ „сказаніи о святыхъ отцахъ, бывшихъ въ русской землѣ" того же Іосифа. И въ Стоглавѣ мы находимъ рѣшеніе многихъ вопросовъ, которыхъ касался М. Грекъ. Онъ признавалъ негодность русскихъ церковныхъ книгъ и указалъ на многіе въ нихъ недостатки, происшедшіе не только отъ переписчиковъ, но и отъ переводчиковъ. Стоглавъ, касаясь книжнаго исправленія, прибавляетъ, чтобы писцы писали ихъ съ *добрыхъ переводовъ*, да, написавъ, правили бы, а потомъ уже продавали и указываетъ мѣры противъ злоупотребленій [5]). М. Грекъ въ рѣзкихъ чертахъ представилъ нравы духовенства и въ особенности монашества, обличалъ ихъ въ исканіи сановъ, мздоимствѣ; того же касается и Стоглавый соборъ, дѣлая разныя постановленія, какъ облеченный властью [6]). М. Грекъ писалъ противъ ростовъ и особенно обличалъ монастыри, которые брали высокіе проценты съ своихъ крестьянъ; Стоглавъ позволяетъ святителямъ, архимандритамъ и игуменамъ давать деньги въ заемъ крестьянамъ, но безъ роста и хлѣбъ „безъ насыпу", и велитъ записывать о томъ въ книги [7]). Максимъ рисуетъ печальную картину состоянія „бѣдныхъ и сиротъ"— соборъ предлагаетъ царю устроить богадѣльни [8]). М. Грекъ писалъ противъ содомскаго грѣха, судебныхъ поединковъ, звѣздочетства, отреченныхъ книгъ и волхвова-

[1]) Сочин., II, 384—385.

[2]) Ibidem, II, 379, 383.

[3]) Иванъ IV подарилъ Сильвестру Сборникъ, въ которомъ было слово на латинъ М. Грека (Строевъ, 202).

[4]) Стоглавъ, изд. Кожанчикова, стр. 20; казан. изд., 19.

[5]) Стоглавъ, гл. 27, 28.

[6]) Стоглавъ, гл. 49, 50, 52, 86.

[7]) Стоглавъ, гл. 76.

[8]) Ibid. гл. 73.

ній—Стогловъ грозитъ виновнымъ въ томъ церковнымъ проклятіемъ и царскою опалою [1]). Самое посланіе М. Грека о тафьяхъ на вопросъ митрополита и запрещеніе собора носить ихъ, хотя и безъ суроваго прибавленія, предложеннаго М. Грекомъ, [2]) показываетъ, что голосъ его былъ услышанъ. М. Грекъ постоянно говоритъ о пьянствѣ, какъ господствующемъ порокѣ русскихъ — и соборъ посвятилъ ему обширную статью [3]). М. Грекъ обратилъ вниманіе на тяжелое положеніе плѣнныхъ и хотя соборъ не пожелалъ переложить эту тягостную повинность на духовенство и монастыри, но сочувствовавшій М Греку бывшій митр. Іоасафъ подалъ заявленіе именно въ такомъ смыслѣ, которое помѣщено было въ видѣ приложенія къ постановленіямъ собора, свидѣтельствующее лишь о томъ, какъ трудно быть судьею въ своемъ дѣлѣ [4]). На соборѣ было установлено держаться двойной аллилуіа и двуперстія и запрещено брадобритіе [5]); но такія же статьи соединяются обыкновенно съ именемъ Максима Грека и хотя церковные писатели въ интересахъ полемическихъ, большею частью (до позднѣйшаго времени) отрицательно относились къ принадлежности послѣднему этихъ произведеній [6]); но теперь выяснено, что мнѣнія эти, принятыя на соборѣ, съ большимъ основаніемъ должны быть отнесены къ М. Греку (держался ихъ и м. Даніилъ), авторитетъ котораго имѣлъ значеніе въ глазахъ Макарія и нѣкоторыхъ членовъ собора, а онъ, въ свою очередь, основывался на давно установившейся практикѣ греческой церкви и на Аѳонѣ, а съ другой стороны на введеніе этихъ новшествъ могло имѣть вліяніе обрядовъ, заимствованныхъ отъ малоазіатскихъ грековъ, возобладавшихъ послѣ завоеванія Константинополя латинами и вторично—турками черезъ южныхъ славянъ. Преосв. Макарій справедливо замѣчаетъ, что мнѣнія эти (какъ и о тафьяхъ и т. п.) представляются странными въ устахъ просвѣщеннаго грека эпохи возрожденія [7]);

---

[1]) Ibid. гл. 33, 41, вопросы 17, 22. Въ 1552 г. состоялось запрещеніе присутствовать при поединкахъ волшебникамъ. Карамзинъ (VIII, пр. 261, IX, 272).

[2]) Стоглавъ, гл. 39.

[3]) Ibid. гл. 52. О пьянственномъ питіи.

[4]) Гл. 72 и 99, 100.

[5]) Гл. 26, 40, 42.

[6]) Филаретъ (Максимъ Грекъ); А. Синайскій (Очеркъ дѣятельности М. Грека) и отношеніе рус. церк. власти къ расколу (94—96, 126, 159) и др. По тѣмъ же соображеніямъ соч. объ аллилуіа и двуперстіи не помѣщены въ казан. изданіи (Сочин. III, 290). Слово о брадобритіи издано въ статьѣ С. А. Щегловой (Варш. 1911 г., с. 10—13, писан. на имя вел. кн. Ивана IV съ обычными историч. примѣрами) Брадобритіе—латинскій обычай.

[7]) Макарій, Исторія церкви, VII, 306—307.

но они вытекали изъ богословско-полемическихъ оснований, преобладающихъ у М. Грека и усвоеннаго имъ уваженія къ принятымъ обычаямъ, которые по его мнѣнію, не приносили вреда, но, какъ мы видѣли, самъ онъ былъ противникомъ чисто-обрядоваго пониманія религіи.

Сомнѣнія о приведенныхъ соч. М. Грека были уже у м. Макарія (Ист. церк., VIII, 124, 139—140) и поддержаны Голубинскимъ. (Къ нашей полемикѣ съ старообрядц. Чт. въ Общ. ист. 1905, III, 215—218); также Н. Каптеревъ, Патр. Никонъ и его противники М. 1887; Жмакинъ, М. Даніилъ, 063, 073, 442—444; ср. посл. епископа князю о постриженіи брады и о пользѣ душевной, полов. XV в. (Архангельскій, Нилъ Сорскій, 232). Сочиненія эти встрѣчаются уже въ Сборн., принадлеж., м. Іоасафу и въ древнихъ спискахъ. См. также Опытъ рус. исторіогр., II, 777—778; А. И. Соболевскій, Двуперстіе, сугубое аллилуіа и хожденіе посолонь съ историч. точки зрѣнія. Владим. 1908 (Труды III областн. Археол. съѣзда; Ист. Вѣстн. 1906, № 8, с. 575—576). Вопросъ о двуперстіи (Синайскій, Отношеніе рус. церкви къ свѣтской власти, 1896, сс. 94—96, 126, 159); Жмакинъ, 16 и прилож. О двойномъ аллилуіа (Оп. рус. исторіогр. II, 777); Голубинскій (Чтенія, 1895, III, 215—218). Въ рѣзкомъ приговорѣ Максима о тафьяхъ, какъ магометанской принадлежности, выразилось и чувство негодованія его, какъ грека. О значеніи бороды въ древнерусскомъ бытѣ см. у Буслаева (Очерки рус. народ. слов., II, 215—237); мотивы противъ брадобритія у И. В. Бѣляева (Сильвестръ и его писанія). У готовъ, какъ и у германцевъ, коротко остриженные волосы и бритая борода считались признакомъ неволи и безчестія, но съ конца XII в., подъ вліяніемъ Франціи, распространяется обычай брить бороду; въ XIV—XV вв. бороды по большей части брили и только люди пожилые и высокопоставленныя лица носили полную бороду, но ей стали придавать болѣе заостренный видъ, что удержалось и въ XVI в., причемъ ей давали разнообразныя формы. Впрочемъ и теперь многія брились гладко или носили только бороду, или только усы. Носившіе только усы составляли пока меньшинство. Между тѣмъ въ Венгріи и Польшѣ вошло въ обычай голову брить совершенно, какъ дѣлаютъ татары и турки, оставляя лишь небольшую прядь волосъ на макушкѣ; тогда какъ усы отращивали длинные, бороду брили или носили небольшую или остроконечно подстриженную бородку (см. Вейсъ, Внѣшній бытъ народовъ, т. II, ч. I, 51;

и ч. II, 140, 415; т. III ч. I, 51; ч. II, 67, 96, 106; III; Hüllmann, Städtewesen, VI, 146). Типъ головы запорожца—также бритый съ длинной космой волосъ—чубомъ (такъ наз. оселедецъ): По словамъ Буссова, крестьяне называли поляковъ (въ смутное время) *глаголяли*, потому что они ходили съ бритыми головами, оставляя наверху хохолъ; хохлы въ Бѣлоруссіи (Соловьевъ X, 227, 253, 263; ср. Карамзинъ XII, пр. 339). Мы видѣли, что М. Грекъ говоритъ о бритьѣ головъ и у москвитянъ. Византія оставалась вѣрной преданіямъ Востока и даже въ Италіи въ эпоху возрожденія греки неохотно брили бороду, чѣмъ нерѣдко вызывали насмѣшки. (Фойгтъ, II, 97, 103, 109). М. Грекъ, подобно Виссаріону, могъ похвалиться своей роскошной бородой. По вопросу о бородѣ, усахъ и одеждѣ см. также у Жмакина (373 — 375). Любопытно, что новгор. еп. Никиту (XII в.) изображаютъ совсѣмъ юнымъ, безъ бороды (Калугинъ, 318.)

Стоглавый соборъ въ такомъ важномъ вопросѣ, какъ запрещеніе служенія вдовымъ, попамъ и діаконамъ, остался на точкѣ зрѣнія собора 1503 г., вызвавшаго въ свое время протестъ Скрипицы, и повторилъ мнѣніе Іосифа Волоцкаго, что побудило бывшаго митр. Іоасафа напомнить о заволжскихъ старцахъ, бывшихъ тогда на соборѣ и судившихъ иначе [1]). М. Грекъ съ своей стороны писалъ „повѣсть о соборѣ и о вдовыхъ попѣхъ“ [2]). Тотъ же Іоасафъ похвалилъ распоряженіе собора о десятильникахъ—этихъ архіерейскихъ чиновникахъ, вѣдавшихъ судъ и управленіе и такъ досаждавшихъ низшему духовенству, о чемъ также писалъ М. Грекъ и заявлялъ царь въ не менѣе рѣзкихъ выраженіяхъ [3]).

X.

Стоглавъ съ одной стороны стремился закрѣпить и поддержать старый церковный порядокъ, а съ другой, въ своихъ постановленіяхъ являлся актомъ благихъ пожеланій, которыя неохотно принимались даже въ исполненіе, почему снова приходилось свѣтской власти напоминать о приведеніи въ дѣйствіе соборнаго уложенія (1553 [4]); созывать соборъ (1555 [5]), и все таки рѣшенія его затягивались надолго

[1]) Стоглавъ, казан. изд., стр. 429; ср. гл. 79 (стр. 349).

[2]) Рукоп. Хлудова, № 74; Жмакинъ, 453.

[3]) Стоглавъ, 53; ср. Каптеревъ, Свѣт. архіер. чиновники, 131—132: „Судъ десятильниковъ въ большинствѣ случаевъ являлся судомъ Шемяки“

[4]) Макарій, Ист. рус. раск., 47.

[5]) Никон. лѣт., VII, 231.

(въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 1558 г. и д.). Принадлежа по своему составу къ благопріятному направленію „іосифлянъ“ [1]), соборъ не могъ сочувствовать предложеніямъ царя, направленнымъ противъ имущественныхъ правъ церкви и въ такомъ смыслѣ было составлено опредѣленіе собора; ограничившагося только нѣкоторыми постановленіями, касавшимися большихъ монастырей (гл. 75, 98). Независимо отъ того, м. Макарій, по примѣру м. Симона (1503 г.), въ обширномъ отвѣтѣ царю Ивану IV, ссылаясь на хорошо извѣстную грамоту царя Константина, данную папѣ Сильвестру, постановленія русскихъ князей, ханскіе ярлыки и примѣры русскихъ святителей и св. отцовъ, далъ рѣшительный отказъ „о недвижимыхъ вещехъ, вданныхъ Богови въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ“ [2]) и тѣмъ не менѣе вліяніе близкихъ къ Ивану IV „стратиговъ“, интересовавшихся этимъ вопросомъ въ служебныхъ отношеніяхъ [3]) и мнѣніе близкихъ къ нему тогда совѣтниковъ (Сильвестра, Артемія, М. Грека и др.), нашли осуществленіе въ цѣломъ рядѣ послѣдующихъ ограниченій (1573, 1580 [4]). Если Стоглавый соборъ, въ интересахъ іерархіи, не рѣшилъ достойнымъ образомъ вопроса о плѣнныхъ, то прибавленное къ нему особой статьей мнѣніе м. Іоасафа, клонившееся къ ограниченію кре-

---

[1]) На Стоглавомъ соборѣ (открытомъ въ царскихъ палатахъ 23 февр. рѣчью царя), кромѣ благосклоннаго тому же направленію, митр. Макарія, присутствовали: архіепископы новгород. *Ѳеодосій*, ростов. Никандръ, епископы: сузд. Трифонъ, смолен. *Гурій*, рязан. Кассіанъ, тверской *Акакій*, коломенскій Ѳеодосій, сарскій (крутицкій) *Савва* Черный и пермскій Кипріанъ, четверо изъ которыхъ были іосифляне. Послѣ собора Ѳеодосій новгородскій за утѣсненіе клира былъ устраненъ (онъ жаловался на навѣты), а также Трифонъ (Ждановъ, Сочин. II, 222, 263), о которомъ Курбскій говоритъ, какъ о „погруженномъ въ піянство“ (118—119). Третій изъ нихъ, Ѳеодосій такъ былъ ненавистенъ коломенцамъ, что они хотѣли побить его камнями и ок. 1555 г. онъ былъ удаленъ оттуда (Курбскій, 183; Строевъ, Списки 1031). Вообще, судьба волоколамскихъ архіереевъ заслуживаетъ вниманія: въ XVI в. ихъ было 17, изъ нихъ были удалены 9, изъ которыхъ 6 жили въ своемъ монастырѣ. (Жмакинъ, 456—57). Число епархіи въ то время было незначительное (до 10).

[2]) Лѣт. рус. литер., V, 129—136. Въ Стогл. приводится заповѣдь цц. Константина В. и Мануила Комнена на обидящихъ св. церкви (60 и 61). Но уже 11 мая 1551 г. собору пришлось поступиться значительными правами относительно пріобрѣтенія и неправильно пріобрѣтенныхъ вотчинъ, помѣстій, черныхъ земель и угодій (Статья 101 Стоглава и Акты историч., I, № 227).

[3]) Въ 1550 г. была сдѣлана разверстка 118000 четв. служилому классу (Ак. Арх. экспед. I, № 225), но ихъ оказалось недостаточно. Иванъ IV впослѣдствіи упрекалъ Сильвестра за неправильную раздачу земель (Курбскій, 164), причемъ Адашевъ, его отецъ и кн. Курбскій вмѣстѣ съ дѣтьми боярскими 1-ой статьи получили по 200 четвертей.

[4]) Дополн. ст. къ Судебн. (Акты ист., I, № 154); ср. Курбскій, 10.

стьянъ отъ тягостнаго налога, указываетъ, что были представители іерархіи, иначе мыслившіе. Такимъ образомъ ясно, что въ царскихъ вопросахъ собору, Иванъ IV близко и рѣшительно стоялъ на точкѣ зрѣнія названныхъ лицъ. Много писалъ М. Грекъ въ защиту „правды“ и „праваго суда“, какъ въ прежнихъ своихъ статьяхъ, такъ и въ посланіяхъ къ Ивану IV и той же цѣли долженъ былъ служить новый Судебникъ, пересмотрѣнный и дополненный одновременно съ церковнымъ соборомъ.

По литературѣ Стогл. собора см. И. В. Бѣляевъ (Р. Бесѣда, 1858 г., IV); И. М. Добротворскій (Прав. Соб. тт. II и III); И. С. (Матер. для ист. Стоглава, Лѣтописи Тихонравова, т. V); Макарій (Ист. церкви, т. VI); И. Н. Ждановъ (Матер. для ист. Стоглава, Ж. М. Н. Пр. 1876, №№ 7 и 8; Сочин. т. I); Е. Голубинскій (Ист. рус. церкви, т. II; Чтен. въ Общ. ист. 1900, кн. I; ср. его же, Къ нашей полемикѣ съ старообряд., ib. 1905, III); Н. Н. Дурново, одинъ изъ источниковъ Стоглава (Ж. М. Н. Пр. 1904, № 2); В. Бочкаревъ, Стоглавъ и ист. собора 1551 г. Историко-канонич. изслѣд., г. Юхновъ, Смолен. губ. 1907; Д. Стефановичъ, О Стоглавѣ. Его происхожд., редакція и составъ, Къ ист. памятниковъ древн. рус. церк. права, Спб. 1909 г. (реценз. Г. З. Кунцевича, Изв. Ак. Наукъ 1910, IV, 317—340); А. А. Покровскій, Къ вопросу о Стоглавѣ. (Древн. Моск. Арх. общ., Труды Славян. ком. т. IV, в. 1, стр. 55—56; также Чт. въ Общ. ист. 1905, III, 216—17). Еще И. В. Бѣляевъ замѣтилъ: „Всякій, кто прочтетъ сочиненія этого замѣчательнаго человѣка (Максима Грека) и послѣ нихъ Стоглавъ, не можетъ не замѣтить вліянія не только мыслей, но даже иногда какъ будто выраженій на мысли и выраженія ц. Іоанна въ его вопросахъ собору... Сколько напр. сходства, если сравнить только о духовенствѣ, въ особенности о монашествующихъ у М. Грека и въ Стоглавѣ“ (Р. Бесѣда, 1858, IV, 13—14; ср. также Ждановъ, 203). Приведенная нами выше точка зрѣнія была высказана въ первомъ изд. этой монографіи.

XI.

Стоглавый соборъ въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ заведеніе училищъ, ограничился лишь добрыми пожеланіями, предоставивъ ихъ устраивать, съ благословенія епископовъ, въ домахъ добрыхъ священниковъ, дьяконовъ и дьяковъ, которые бы учили грамотѣ, писать, пѣть и читать духовныя книги, но наиболѣе берегли бы своихъ учениковъ въ чистотѣ и блюли ихъ отъ всякаго растлѣнія (гл. 26). Не видно,

однако, чтобы это наставленіе имѣло большой успѣхъ. По прежнему главными разсадниками просвѣщенія являлись монастыри и тѣже мастера (см. выше, стр 24).

Многія лица церковной іерархіи получали воспитаніе въ монастыряхъ, гдѣ учились и ихъ сверстники. Въ житіяхъ и сборникахъ встрѣчаются указанія на училища (напр. въ Волоколамскомъ и Бѣлозерскомъ мон.), на обученіе и составленіе съ этою цѣлью пособій. Контингентъ грамотныхъ людей въ монастыряхъ былъ довольно значительный, но это не исключаетъ и обратнаго явленія даже среди выдающихся подвижниковъ. По этому можно признать вѣрнымъ замѣчаніе Кобенцеля (1576), который говоритъ: „Во всей Московіи нѣтъ школъ и другихъ способовъ изученія кромѣ того, чему можно научиться въ монастыряхъ“ [1]). По словамъ кн. Курбскаго въ современномъ ему обществѣ были и такіе, мнящіе быть учителями, которые прельщали юношей, склонныхъ къ наукѣ и хотѣвшихъ научиться писанію, угрозами, говоря: „не читайте книгъ многихъ“, причемъ указывали „на тѣхъ, кто ума лишился, а кто въ книгахъ повредился, а кто въ ересь впалъ“ [2]). Поэтому заслуживаетъ особеннаго вниманія совѣтъ Максима Грека, данный русскимъ и представленный въ живомъ примѣрѣ изъ его ранней жизни, на основаніи личныхъ наблюденій и разсказовъ просвѣщенныхъ людей, тѣмъ болѣе важный, что онъ критически относился къ явленіямъ западно-европейской жизни, глубоко чувствовалъ лишеніе его въ порабощенной Греціи и полное отсутствіе въ странѣ, ставшей для него второй непривѣтливой родиной, многія язвы которой онъ объяснялъ отсутствіемъ тѣхъ средствъ, которыя теперь онъ рѣшился ей предлагать. Въ одной изъ своихъ статей, посвященной воспоминаніямъ прошлаго, онъ сообщаетъ, что въ Парижѣ стекаются изъ всѣхъ странъ „западныхъ и сѣверскихъ“ желающіе словесныхъ художествъ, не только сыновья простѣйшихъ людей, но и самыхъ достигающихъ въ царскую высоту, боярскаго и княжескаго сана, гдѣ каждый изъ нихъ, „прилежно упражнився довольное время въ ученіяхъ“, возвращается въ свою страну, преполненный всякой премудрости и разума и служитъ таковой украшеніемъ и похвалой своему отечеству, достойнымъ ему совѣтникомъ, искуснымъ защитникомъ и наилучшимъ споспѣшникомъ во всемъ необходимомъ. И тутъ же, обращаясь къ русскому обществу, М. Грекъ пишетъ: „Такими подо-

---

[1]) De leg. ad Mosc., ed. Starczewski, II, 15; ср. у Поссевина (ib. 277) и Опытъ рус. исторіогр. II, 1100).

[2]) Опис. рукоп. Рум. муз., 557.

баетъ быть и бывать для своего отечества и у насъ хвалящимся своимъ благородіемъ и изобиліемъ богатства, чтобы, будучи наставляемы и просвѣщаемы отъ священнаго наказанія словесныхъ ученій, возмогли не только сами одолѣть свои непохвальныя страсти, не заботиться о внѣшнемъ женолѣпномъ украшеніи и блюсти себя отъ всякаго сребролюбія и лихоимства, но еще и другихъ понудить быть имъ подражателями и любителями всякаго богоугоднаго жительства"[1]). Такимъ образомъ, М. Грекъ просвѣщенію придавалъ высокое нравственное значеніе и въ наукѣ видѣлъ средство, которое должно было измѣнить взаимныя ненормальныя отношенія разныхъ классовъ общества, внести въ него высшія потребности и условія жизни и оказать существенное вліяніе на улучшеніе самаго быта. Въ другомъ мѣстѣ онъ совѣтовалъ вел. князю (еще Василію Ивановичу) привлекать иностранцевъ въ страну, которые могли бы ей принести пользу. „Поселяне, пишетъ онъ, чтобы заманить голубей, обкладываютъ горло домашней голубицы муромъ, называемымъ мсхосъ (вѣроятно смѣсь отъ μίσγω), и пускаютъ ее летать на волѣ; когда же дикіе голуби прилетятъ къ ней, привлеченные запахомъ масла, то послѣ влетаютъ и въ храмину господъ. Такъ пусть и цари отпускаютъ съ честью пришельцевъ (намекъ на свое положеніе), если ищутъ похвалы и дружбы отъ иноземцевъ, а своимъ городамъ желаютъ украшаться и изобиловать мужами, всякой премудрости, словеснаго художества и житейскихъ хитростей искусными. Общій обычай, свойственный всѣмъ людямъ, стараться туда идти, гдѣ они слышатъ свойственное имъ словесное художество или житейскую хитрость пребывающими въ большой чести"[2]).

Въ другомъ словѣ (о нестроеніяхъ) онъ хвалитъ Мельхиседека за страннолюбіе (Сочин., II, 325). Въ отдѣльной же статьѣ М. Грека „О пришельцахъ философахъ", составляющей предисловіе къ греческимъ стихамъ (о томъ какъ подобаетъ входити во св. божіи храмы), написаннымъ для испытанія приходящихъ и предлагающихъ услуги по книжному дѣлу (III, 286—287), въ спискѣ сочин. М. Грека Общ. люб. древн. письм. (Опис. рукоп., III, 190) прибавлено: „простая рѣчь глаголется, то есть гостью почесть, что воля, аще ли неволя гостью, то есть плѣнникъ, а не гость". Подобно М. Греку, жестоко отнесся къ такому лишенію свободы Юр. Крижаничъ, помѣстивъ ее въ число несознанныхъ грѣховъ, именно тиранскихъ дѣлъ, за которые Богъ посылаетъ свои бичи (О промыслѣ, 29—30; ср. 4, 39), что онъ и самъ испыталъ.

---

[1]) Сочин., III, 180.

[2]) Сочин., II, 157

Но въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ, легко усвоявшемъ внѣшнія измѣненія (см. выше, стр. 429—430), мало было еще Карповыхъ, Курбскихъ, Патрикѣевыхъ, чтобы оцѣнить подобный совѣтъ. Примѣромъ можетъ служить одинъ изъ совѣтниковъ М. Грека, такъ жестоко поплатившійся за свои бесѣды съ нимъ: „Максимъ, господине, говорилъ ему Берсень-Беклемишевъ, вѣдаешь и самъ, и мы слыхали *у разумныхъ людей*, что та земля, которая переставливаетъ свои обычаи, не долго стоитъ, а здѣсь у насъ старые обычаи вел. князь перемѣшилъ, а потому какого добра намъ ожидать“? И когда Максимъ ему возразилъ: „господине, которая земля преступаетъ заповѣди, та и отъ Бога наказывается, а обычаи царскіе и земскіе государи перемѣняютъ какъ лучше ихъ государству“, то Берсень все-таки отвѣтилъ: „однако лучше старыхъ обычаевъ держаться, людей жаловать и старыхъ почитать“ [1]). Современная дѣйствительность вполнѣ подтверждала эту господствовавшую точку зрѣнія на поставленный Максимомъ вопросъ. Правда Иванъ Грозный понималъ уже все практическое значеніе образованія [2]), и есть указанія, что онъ посылалъ для обученія нѣмецкому языку въ Германію (Лыкова [3]) и что онъ будто бы основалъ (въ 1560 г.) въ Москвѣ училище для обученія латинскому языку, но духовенство поспѣшило его уничтожить (космогр. Thevet'а и Коллинсъ). Планъ обширнаго вызова при немъ иностранцевъ (миссія Шлитта) какъ извѣстно, потерпѣлъ неудачу даже на Западѣ. Борису Годунову приписывается такой же планъ вызова иностранцевъ изъ разныхъ государствъ для обученія языкамъ (Буссовъ) и даже основанія университета въ Москвѣ (Лонціусъ), по русскимъ же и по иностраннымъ извѣстіямъ при немъ было отправлено нѣсколько (Буссовъ называетъ 18, по документ. рус. архива 9) молодыхъ людей для обученія въ Любекъ и Лондонъ, но изъ нихъ, однако, никто не возвратился въ Россію. Тѣ же планы приписывались потомъ Д. Самозванцу (Маржеретъ). Уже при Алексѣѣ Михайловичѣ духовенство даже въ учителяхъ-монахахъ, пришедшихъ изъ Малороссіи учить латыни и въ учителяхъ-грекахъ видѣло разсадниковъ ереси [4]); желающіе заниматься латинскимъ языкомъ и науками должны были дѣлать это тайкомъ, подтверждая пословицу: „Ars nullum habet inimicum praeter ignorantem“

[1]) Акты экспед., I, № 172.

[2]) Въ отвѣтѣ Ракитѣ Иванъ Гроз. говоритъ: „Мы чтимъ архитекторовъ, философовъ, учителей и другихъ представителей земной человѣческой мудрости“.

[3]) Курбскій, 107. Греческому языку двое молодыхъ людей учились въ Константинополѣ.

[4]) Соловьевъ, XIII, 141.

(Коллинсъ). А когда Никонъ добылъ на Востокѣ большое собраніе греческихъ и латинскихъ книгъ, то защитники старины говорили, что отъ того учинился разврать въ русской землѣ и навелись пагубы чужими нововводными догматами [1]). Проектъ Московской академіи, составленный при Θеодорѣ Алексѣевичѣ, долженъ былъ создать лишь „цитадель для защиты православія“ [2]), говоритъ Соловьевъ.

XII.

Въ связи съ книжнымъ дѣломъ, о которомъ шла рѣчь выше, нельзя не упомянуть о такомъ важномъ предпріятіи, какъ начало книгопечатанія въ Москвѣ (1553), бывшемъ съ одной стороны послѣдствіемъ признанія на Стоглавомъ соборѣ общей порчи книгъ, подтвердившемъ такимъ образомъ правоту доводовъ М. Грека, а съ другой вліянія этого послѣдняго. Если были попытки печатанія нѣсколько ранѣе (минимальныя), то выяснившіяся въ послѣднее время данныя по этому вопросу склоняютъ признать участіе въ этомъ дѣлѣ итальянцевъ, имѣвшихъ въ то время преобладающее значеніе въ Москвѣ.

Указываютъ на пребываніе въ Москвѣ „главнаго любекскаго книгопечатника Варθоломея Готана“ (1493—1495), который положилъ начало книгопечатанію въ Москвѣ, по хроникѣ Реймара Кока (С. В. Арсеньевъ въ Чт. Общ. ист. 1909, IV, 17 — 20). Е. В. Румянцевъ, Сборникъ памятниковъ, относящ. до книгопечатанія въ Россіи, М. 1872. Е. Е. Голубинскій, отводя первенствующую роль въ этомъ дѣлѣ Петру Тим. Мстиславцу (Мстиславль принадлежалъ Польшѣ, а у поляковъ славился уже своими типографіями Краковъ), признаетъ вліяніе послѣднихъ (Къ вопросу о нач. книгопечат. въ Россіи, Богослов. Вѣстн. 1895, № 2). Къ Мстиславцу примкнулъ сначала въ качествѣ товарища Ив. Θедоровъ, но потомъ онъ сталъ настоящимъ энтузіастомъ въ книжномъ дѣлѣ. Барберини указываетъ на греческое вліяніе (Аделунгъ, I, 152). Первая греч. книга напеч. въ Венеціи въ 1486 г. (Чт. въ Общ. ист. 1896, I, 20); ср. еще Владиміровъ, Нач. славян. книгопеч. въ XV и XVI в. (Чт. въ Общ. Нестора лѣт-ца, кн. VIII); И. И. Малышевскій, О новонайден. данныхъ для біографіи Ивана Θедорова (ib., кн. VII).

---

[1]) Щаповъ, Расколъ, 146—147.

[2]) Древн. Рос. Вивл., тт. VI и XVI; ср. Соловьевъ, XIII, 330. По этимъ памятникамъ трудно было русскому обществу усвоить и благія пожеланія М. Грека.

Въ пользу высказаннаго предположенія можетъ говорить и то, что М. Грекъ лично былъ знакомъ съ знаменитымъ итальянскимъ типографомъ Альдомъ Мануціемъ, изданія котораго онъ привезъ съ собою въ Москву, успѣлъ заинтересовать ими любознательныхъ лицъ и давалъ имъ объясненія знаковъ альдинскихъ изданій [1]). Князю Курбскому онъ разсказывалъ, какъ венеціанцы, по завоеваніи Константинополя турками, воспользовавшись книжными сокровищами Византіи, озаботились переводомъ на латинскій языкъ восточныхъ отцовъ церкви и печатаютъ ихъ въ большомъ количествѣ, а затѣмъ разсылаютъ не только по Италіи, но и во всѣ западныя страны. „Повѣдалъ мнѣ то Максимъ и я слышалъ сіе отъ превозлюбленнаго учителя моего изъ самыхъ его преподобныхъ устъ“ [2]). Сказанное выше подтверждается и первоначальной типографской терминологіей, и словами Ивана Грознаго, ссылающагося на образцы печатанія у грековъ (печатавшихъ тогда въ Венеціи) въ Венеціи и Фригіи (фряги — итальяицы [3]), и сказаніемъ о началѣ печатанія въ Москвѣ, излагающимъ состояніе книжнаго дѣла въ Россіи словами М. Грека.

Въ 1563 г. изданъ былъ Апостолъ, въ 1565 г.—Часословъ и затѣмъ печатаніе остановилось надолго. Сказаніе о книгопечатаніи у Калайдовича: „Записка объ Иванѣ Өеодоровѣ „(В. Евр. 1822, № 11), служ. приложен. къ его статьѣ Ив. Өедоровъ, первый москов. типографъ (ib. 1813, № 18) и въ изд. Е. В. Румянцева. Первопеч. Апостолъ, В. Е. Викторова (Тр. III Арх. съѣзда, II). Ср. еще И. М. Снегирева, О сношеніяхъ датскаго короля Христіана III съ царемъ Иваномъ Васильевичемъ касательно заведенія типографіи въ Москвѣ (Сборн. Им. Общ. ист., 117—131). Н. П. Лихачевъ, Бумага и древн. бумажн. мельницы (49—53, 84—86).—Послѣ случая въ Москвѣ русскіе печатники перебрались въ Запад. Россію и работали въ Заблудовѣ, Львовѣ, Вильнѣ, Острогѣ. Діаконъ Иванъ Өедоровъ погребенъ въ 1583 г. на монастыр кладб. базиліанъ Судьба типографіи Ивана Өедорова (Ист. Вѣстн. 1902, № 7, с. 325). Опроверженіе легенды объ уни-

---

[1]) Опис. рук. Румянц. муз., стр. 369.

[2]) Предисловіе къ переводу Маргарита (Жизнь Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни, II, 308—310).

[3]) Аристовъ, Промышленность древн. Руси, 115, 160, 188. Заслуживаетъ вниманія сходство герба на книгахъ, печат. Ив. Өедоровымъ, и на его надгробномъ памятникѣ съ знакомъ дельфина на изданіяхъ Альдо Мануція (Кирпичниковъ, Исторія книги, с. 54). Не отъ Максима ли Грека идетъ это заимствованіе?

чтоженіи его могилы и надгробной плиты (Г. Л. Воробьевъ, Городъ Львовъ, съ рисунк. и снимкомъ плиты (Ист. Вѣстн. 1901, № 10, с. 283--313; Stan. Ptaszycki, Iwan Fedorowicz, drukarz, ruski we Lwowie, z końca XVI wieku, Кr. 1886 — о дѣятельности его во Львовѣ, объ отношеніи къ нему кн. Острожскаго, о типогр. въ Конст—лѣ, о командар. Ѳедорова Стеф. Баторіемъ въ Краковъ въ 1583 г. Памятникъ ему поставленъ въ Москвѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ упомянуть, что при Иванѣ Грозномъ, въ 30 верстахъ отъ Москвы была устроена на р. Унѣ первая бумажная мельница, но выдѣлка бумаги была такъ плоха, что итальянцы по прежнему доставляли бумагу въ Москву. Вслѣдствіе возбужденнаго негодованія духовенства и книжниковъ (vi et armis, Коллинсъ), какъ раньше противъ дѣятельности М. Грека, печатаніе потерпѣло неудачу и должно было надолго прекратиться[1]). Печатаніе книгъ, по возобновленіи его, съ разныхъ сличенныхъ списковъ, возникло потомъ (въ Троиц. лаврѣ) опять подъ вліяніемъ мысли М. Грека[2]).

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Переселеніе Максима Грека въ Троицкую лавру.—Участіе Артемія въ его дѣлѣ.—Благопріятели Максима Грека.—Поѣздка царя по монастырямъ.—Порядки монастырскаго быта въ представленіи Ивана Грознаго.—Характеристика Максима кн. Курбскимъ.—Вопросъ о престолонаслѣдіи.—Дѣла Башкина, Висковатова и Ѳеодосія Косого.—Послѣдствія этихъ процессовъ.

I.

Переселившись въ Троицкую лавру, Максимъ Грекъ встрѣтился здѣсь съ рядомъ новыхъ лицъ и прежде всего со своимъ посредникомъ въ дѣлѣ освобожденія—Артеміемъ.

Псковитянинъ родомъ, постриженикъ преп. Корнилія Комельскаго (въ Вологод. краѣ, 1501—1537), потомъ жившій въ бѣлозерской пустынѣ Порфирія (въ 1536), въ которой оставался продолжительное время и могъ усвоить свободомысленныя мнѣнія заволжцевъ[3]), а затѣмъ

---

[1]) Во Франціи даже многіе въ университетѣ на печатаніе сначала смотрѣли, какъ на дѣло дьявола (Кирпичниковъ, Ист. книги, 45, 51). При Францискѣ I, въ 1535 г., изъ боязни лжеученій, печатаніе всякихъ книгъ было запрещено, но вскорѣ указъ этотъ былъ отмѣненъ (В. Евр. 1878, № 3; с. 177—178.

[2]) Д. Скворцовъ, Діонисій Зобниновскій, архим. Тр. Серг. лавры, 184, 208—209

[3]) О посланіи здѣсь онъ говоритъ въ списанной имъ въ 1543 г. книгѣ о постничествѣ Василія Вел. (на 451 листѣ). См. опис. рук. Царского, № 25, с. 11,

основавшись въ псковскомъ Печорскомъ мон., извѣстномъ своими книжными интересами, онъ продолжалъ знакомиться съ отеческой литературой и, окруженный неумолкавшими религіозными толками, ѣдетъ въ Нейгаузенъ, чтобы побесѣдовать „книгами" о римскомъ законѣ[1]); но потомъ снова переселяется въ ту же заволжскую пустынь (Порфирія), сближается съ Ѳеодоритомъ и окончательно склоняется на сторону ученія Нила Сорскаго. Несомнѣнно, что онъ долженъ былъ познакомиться и съ сочиненіями Максима Грека[2]), которыя легко распространялись тогда въ обществѣ; а о немъ самомъ настолько стало извѣстно въ Москвѣ, что къ его мнѣнію считали нужнымъ прислушиваться въ моментъ приготовленія къ Стоглавому собору, и заслуживаетъ вниманія, что въ посланіяхъ къ царю Артемій съ особенной настоятельностью говорилъ о монастырскомъ землевладѣніи[3]). Въ оправдательномъ посланіи къ царю, онъ потомъ писалъ: „Враждуя на меня, говорятъ не такъ, какъ я говорилъ, а всѣ нынѣ согласно враждуютъ, будто я говорилъ и писалъ тебѣ, чтобы отнимать села у монастырей и другъ другу о томъ сказываютъ; а отъ того, думаю, государь, что *я тебѣ писалъ на соборъ*, извѣщая свой разумъ, а не говорилъ о томъ имъ, ни тебѣ не совѣтую по принужденію и по власти творить что такое. Развѣ между собою (въ кругу братіи) разсуждали, какъ писано въ книгахъ быть инокамъ, и сіе наше мудрованіе, какъ и святые отцы устанавливаютъ жить, по Василію Великому...; чтобы намъ жить своимъ рукодѣліемъ и у міряиъ не просить, а то я писалъ и говорилъ тебѣ объ истинномъ и непрелестномъ пути Христовыхъ заповѣдей, и о томъ Бога ради не спѣши соблазняться, будетъ еще время, когда Господь просвѣтитъ тебя разумѣть сіе, если взыщешь всѣмъ сердцемъ его волю"[4]). Артемій былъ смущенъ, очевидно, разоблаченіемъ тайны, кото-

что относятъ именно къ нему (Голубинскій, Преп. Сергій радонеж., Чтен. въ Общ. ист. 1909, III, 147; С. Г. Вилинскій, Посл. Артемія, 38).

[1]) Голубинскій полагаетъ—съ лютеранствомъ (Ист. р. церкви, II); но въ дѣлѣ говорится въ указанномъ смыслѣ. Въ то время въ Ливоніи шла упорная борьба между католическимъ и протестантскимъ ученіями. Быть можетъ эта борьба и заинтересовала Артемія. Нейгаузенъ, замокъ въ Лифляндіи, Дерпт. (Юрьев.) уѣзда, въ 6 верстахъ отъ Псковской губ. и въ 17 вер. отъ Печорскаго мон.

[2]) Посланіе Артемія въ Заволжскую пустынь о любви къ Богу и ближнему, какъ объемлющей всѣ добродѣтели, о постѣ и бракѣ, о томъ, что вѣра не отъ чудесъ познается и проч. (Рус. Истор. библ., IV, 1400—1420), тождественно съ мнѣніями М. Грека по тѣмъ же вопросамъ; но въ вопросѣ о ревности Иліи и Финееса онъ настоящій послѣдователь Нила Сорскаго (1367).

[3]) Второе посл. къ царю о книжномъ ученіи (тамъ же, стр. 1432—1441).

[4]) Рус. Историч. библ. IV, 1440—1441.

Курбскій говоритъ о многихъ бесѣдахъ его съ царемъ, который поучался ими и держалъ его въ приближеніи (136).

рая была условлена между нимъ и Иваномъ IV, и нажилъ себѣ тѣмъ враговъ, которые возстали на него и онъ искалъ заступничества. Такимъ образомъ, его участіе въ дѣлѣ подготовленія собора также не подлежитъ сомнѣнію. Указанныя бѣдствія постигли его потомъ, а теперь, вызванный въ Москву, онъ былъ поселенъ въ Чудовомъ монастырѣ, испытанъ Сильвестромъ и назначенъ игуменомъ Троицкаго монастыря „по братскому прошенію", въ маѣ того же года [1]). По обычаю, старинныя жалованныя грамоты, данныя Троицкому мон., были подтверждены вновь [2]). Артемій, живя во Псковѣ въ Печорскомъ мон. и въ Бѣлозерскихъ пустыняхъ уже могъ значительно начитаться въ отеческой литературѣ: важнѣйшіе отцы церкви въ славянскомъ переводѣ были ему извѣстны: изъ русскихъ писателей—особенно онъ чтилъ Нила Сорскаго и М. Грека [3]). Въ посланіи къ Ивану Грозному онъ также совѣтуетъ упражняться въ чтеніи божественныхъ писаній, отъ непониманія которыхъ происходятъ ложныя писанія, старческія басни и уставы растлѣнныхъ людей.

II.

Принимая игуменство, Артемій успѣлъ выхлопотать освобожденіе Максиму Греку и переводъ его въ Троицкій монастырь, надѣясь, быть можетъ, и на нравственную его поддержку въ трудномъ для себя дѣлѣ [4]). Другимъ дѣломъ его было—назначеніе Ѳеодорита архимандритомъ суздальскаго Евѳиміева монастыря [5]). По одному изъ сказаній о Максимѣ, онъ былъ вызванъ въ Москву и самъ царь указалъ ему „на мѣсто покойное у живоначальной Троицы, „у любезнаго ему друга—Артемія," и что М. Грекъ жилъ при немъ „въ великой чести и похвалѣ" [6]); но Артемій зналъ (если отказывался), да и скоро почувст-

---

[1]) Акты Арх. экспед., I, 246, 348—49, 353.

[2]) Тамъ же (числомъ 12).

[3]) Подобно Курбскому, и онъ сообщаетъ, что нѣкоторые, мнящіе быть учителями, говорятъ: „грѣхъ простымъ читать Апостола и Евангеліе, чтобы не читали много книгъ, да въ ересь не впадутъ", а если кто лишится естественнаго смысла, то говорятъ: „зашелся въ книгахъ, многія книги въ неистовство прилагаютъ" (Посл. къ царю, въ Рус. Ист. библ., IV, 1383—1384).

[4]) Павловъ, Очерки секуляризаціи, 126; Посл., стр. 1435.

[5]) Курбскій, 116.

[6]) Бѣлокуровъ, LXXVII.

Объ Артеміѣ см. гр. М. В. Толстой (Старецъ Артемій, Вологод. Еп. Вѣд. 1868, № 15 и прибавл. с. 387); свящ. С. Садковскаго: „Артемій игуменъ троицкій"; (Чт. въ Общ. ист. 1891, кн. IV, и отд.); Павловъ (Историч. очер. секуляр. церк. земель, 111—112, 126—128); Макарій (Ист. рус. церкви, VI, 255—262); Калугинъ (Зиновій Отенскій, 58—80); Жмакинъ (М. Даніилъ, 459—462); Ждановъ (Матер. для

вовалъ, что ожидаетъ его „въ великомъ царскомъ богомоліи“, гдѣ, по словамъ м. Іоасафа, невозможно было строгое соблюденіе правилъ общежитія, такъ какъ то мѣсто чудотворное и гости бываютъ безпрестанно день и ночь„; но тутъ же онъ прибавляетъ, что „въ приговорѣ не написано, чтобы (здѣсь) по келліямъ ѣствы и питія не было, будутъ ѣства и питіе, то *лицемѣрные столы будутъ въ трапезахъ*“. Онъ дѣлаетъ исключеніе для больныхъ и большихъ вкладчиковъ и заявляетъ, чтобы въ большихъ монастыряхъ были „веліе квасы, старые и черствые, выкислые и сладкіе, житные, сыченые и простые, чье какъ естество подыметъ, такимъ бы и поконть по немощамъ“ [1]). Слѣдовательно Іоасафъ не столько является здѣсь любителемъ стола, какъ думаетъ Голубинскій, сколько врагомъ писать законы съ тѣмъ, чтобы ихъ не исполняли.

Троицкій монастырь принадлежалъ къ типу тѣхъ большихъ монастырей, которые давно уклонились отъ основныхъ началъ своихъ уставовъ и погрузились въ общій водоворотъ житейскихъ треволненій. Иванъ Грозный въ 1573 г. [2]) писалъ кирилловскимъ монахамъ: „Или не знаете Шереметева (Ивана, въ монаш. Іона), отца Василія? вѣдь его бѣсомъ звали; и какъ постригся, да пришелъ къ Троицѣ въ Сергіевъ монастырь (между 1537—1539 гг., въ боярскую смуту, подъ именемъ Вассіана) да снялся (сошелся) съ Курцовыми [3]), а Асафъ (Іоасафъ [4]), что былъ митрополитъ, тотъ съ Коровиными (монахи Троиц. мон.), да стали межъ собой браниться, да оттолѣ и началось: и въ какое простое житіе достигла та святая обитель, всѣмъ, имѣющимъ разумъ и хотящимъ видѣть, видимо, а дотолѣ у Троицы было житіе крѣпкое и мы то видѣли; и при нашемъ пріѣздѣ потчиваютъ множество, а сами чувственны пребываютъ. Вотъ что мы видѣли своими очами: князь Иванъ Кубенскій былъ у насъ дворецкій [5]), да у насъ кушанье отошло пріѣзжее, а благовѣстятъ къ всенощной, и онъ захотѣлъ по-

---

ист. Стогл. собора); С. Г. Вилинскій (Посл. старца Артемія, Одес. 1906, 425 стр.); Гречевъ (Богосл. Вѣстн. 1908, № 9 и 11 и 1909, № 5); Посл. Артемія къ царю и др. (Рус. Ист. библ., IV, 1201—1448 столбцовъ); Голохвастовъ. Благовѣщ. свящ. Сильвестръ (Чт. въ Общ. ист. 1874, I); М. Петровскій (Кн. А. М. Курбскій, с. 17).

[1]) Стоглавъ, 417—420.

[2]) Акты историч., I, № 204. Точно годъ опредѣленъ позже (Ждановъ, Матер. для ист. Стогл. собора, Сочин., 98).

[3]) Курцовы Іовъ и Серапіонъ, монахи Троиц. мон. Серапіонъ съ 1549 г. былъ игуменомъ Троиц. мон., а съ 1551—1552 архіеп. новгород.

[4]) Іоасафъ былъ игум. Троиц. мон. 1529—февр. 1539 г. (Строевъ, 138), изъ монаховъ того же монастыря.

[5]) Князь Ив. Ив. Кубенскій дворецкимъ состоялъ съ 1535—1545 г. (Древн. Рос. Вивл. XX, 25, 28, 33), когда обозначенъ „выбывшихъ“, т. е. казненнымъ. Троюродный братъ I. Грознаго; онъ былъ казненъ въ 1545 г. по обвиненію въ лихо-

ѣсть; не для прохлады, а по жаждѣ, и старецъ Симонъ Шубинъ и иные съ нимъ, не изъ большихъ (большіе давно отошли по келліямъ, т. е. въ церковь не попали) и они ему какъ бы игумену молвили: князь Иванъ, поздно, уже благовѣстятъ; онъ же, сидя у конца поставца—ѣстъ, а они съ другаго конца обираютъ, да хватился хлебнуть—выпить, ано ни капли не осталось, все отнесено на погребъ. Таково было у Троицы крѣпко, да то міряпину, а не черну. А слышалъ отъ многихъ, что такіе старцы во святомъ томъ мѣстѣ обрѣтались: въ пріѣздъ бояръ нашихъ и вельможъ ихъ потчивали, а сами ни къ чему не прикасались, хотя вельможи ихъ и принуждали. Въ древнія времена, какъ слышалъ, когда пришелъ къ Троицѣ преп. Пафнутій и, помолившись и побесѣдовавъ, собрался отойти и они проводили за ворота, но вспомнили завѣтъ Сергія—не выходить за ворота, помолились вмѣстѣ съ нимъ и разошлись... А вся та слабость учинилась отъ Василія Шереметева, подобно тому, какъ иконоборство пошло отъ Льва Исавра и сына его Константина Гноеточиваго (Копронима)...; такъ и Вассіанъ Шереметевъ у Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ, близъ царствующаго града, постническое житіе своимъ злокозніемъ ниспровергъ. Такъ и сынъ его Іона тщится погубить послѣднее свѣтило, сіяющее подобно солнцу,.. въ Кирилловѣ монастырѣ... А и въ мірѣ тотъ Шереметевъ съ Висковатымъ первые начали за крестами (въ крестные ходы) не ходить, и, на нихъ смотря, всѣ стали не ходить, а до того времени всѣ православные христіане, съ женами и съ младенцами, за крестами ходили и не торговали въ тѣ дни, кромѣ съѣстнаго, и кто станетъ торговать и съ того брали обязательство (заповѣди). А то все благочестіе погибло отъ Шереметевыхъ; таковы тѣ Шереметевы"! Далѣе, Иванъ напоминаетъ, что Іоасафъ (митрополитъ), живя въ Кирилловѣ, не могъ уговорить Алексѣя Айгустова (келарь) поваровъ прибавить противъ того, какъ было при чудотворцѣ (Кириллѣ), хоть было немного, да не могъ". Иванъ припоминаетъ, какъ онъ былъ впервые въ Кирилловѣ и кто-то изъ придворныхъ спросилъ о стерлядяхъ и привели подкеларя Исаію, а онъ отвѣчалъ, что приказа не было, а теперь ночь и взять негдѣ, прибавивъ: „Государя, боюся, а Бога надобно больше бояться"... „О праведно то, чтобы противъ царей вѣщать, а не иначе! А нынѣ у васъ Шереметевъ сидитъ въ кельѣ, что царь...

———

имствѣ, по доносу дьяка Захарова (Никон. лѣт., VIII, 49; Царств. кн. 124; Львов. лѣт., IV, 181). Кубенскій принималъ дѣятельное участіе въ борьбѣ боярскихъ партій и въ заговорѣ противъ Бѣльскаго и Воронцова, а въ 1545 г. обвиненъ въ подговорѣ новгород. пищальниковъ противъ дворянъ, посланныхъ царемъ усмирить послѣднихъ.

(далѣе идетъ описаніе монастырской жизни въ Кирилловѣ). „Пригоже ли такъ въ Кирилловѣ быть, какъ Іоасафъ митрополитъ у Троицы съ клирошанами пировалъ, или какъ Мисаилъ Сукинъ въ Никитскомъ (мон.) и по инымъ мѣстамъ, какъ нѣкій вельможа жилъ, или какъ Іона Мотякинъ и иные многіе таковые же, которые, не любя держать на себѣ монастырскаго начала, живутъ“ [1])!

Въ описаніи подробностей, касающихся Кириллова монастыря, главными лицами являются Іона Шереметевъ, Варлаамъ Собакинъ и Іоасафъ Хабаровъ. Порядки эти мало измѣнились и потомъ. Въ приговорѣ троицкой братіи, при вступленіи въ должность архимандрита Митрофана (1584—88), дается подробный наказъ, какъ жить ему и держать братію въ порядкѣ по древнимъ уставамъ, у себя въ келліи сходовъ, бесѣдъ и пировъ бездѣльныхъ не чинить (Акты, относ. до юрид. быта, Ш, № 274). Въ житіи архим. Діонисія, извѣстнаго дѣятеля смутнаго времени, можно видѣть, чего стоила ему борьба съ монастырскими непорядками. И въ настольной грамотѣ архимандрита Троицкой лавры Ѳеодосія (1667—1674) читаемъ: „а мірскихъ людей мужска пола и женска ему архим. Ѳеодосію въ духовность себѣ не принимати“ (Ист. іерар., II, 115). Въ Новгородѣ, за введеніе въ Антоніевомъ мон. строгаго общежитія, игум. Кириллъ (Завидовъ, 1580—1594 г.), потомъ троиц. архим. и архіеп. ростовскій, едва не былъ отравленъ (Святыни и древности Вел. Новгорода, гр. М. В. Толстого, 148).

III.

Легко понять, что монастырская обстановка подобнаго рода не могла мириться съ настроеніемъ Артемія. По словамъ Сильвестра, вскорѣ „за совѣсть“ онъ долженъ былъ оставить игуменство въ Троицкомъ монастырѣ. По указанію же другого свидѣтеля, онъ не видѣлъ въ томъ пользы и пожелалъ возвратиться въ пустыню [2]). Курбскій говоритъ, что Артемій ушелъ обратно въ пустыню и не послушалъ царя „ради мятежа того великаго монастыря и любостяжательныхъ издавна законопреступныхъ монаховъ“ [3]). И Артемій признавался потомъ предъ соборомъ, что ушелъ отъ навѣтовъ (выше мы видѣли какихъ) и хотѣлъ безмолвствовать, чтобы избѣжать обвиненій въ ереси, [4]) какъ до-

[1]) Акты истор., I, 381—384.
[2]) Акты Арх. экспед., I, стр. 247 и 249, 348—349.
[3]) Сказанія, 117.
[4]) Акты Арх. экспед. I, с. 251.

нли до него слухи. Его упрекали въ томъ, что его ученики (пустынники) не соблюдаютъ старческихъ преданій; ясно, что во всѣхъ этихъ заявленіяхъ слышится голосъ опять тѣхъ же іосифлянъ. Царь пытался защитить его, Артемій просилъ разслѣдованія, но, не желая подвергаться подозрѣніямъ и навѣтамъ, и, судя по тому, что троицкіе монахи являются потомъ свидѣтелями противъ него, опасность дѣйствительно существовала, а неудовольствіе царя за то, что онъ оставилъ игуменство, показываетъ, что онъ цѣнилъ въ Артеміѣ извѣстныя качества, зная уже порядки Троицкаго монастыря [1]).

Вѣроятно одновременно съ Артеміемъ переселился въ Троицкій монастырь и бывшій митр. Іоасафъ. По извѣстнымъ уже намъ церковнымъ вопросамъ, онъ былъ единомышленникъ Артемія и М. Грека. Любопытно, что при своемъ посвященіи, онъ опустилъ въ „исповѣданіи вѣры“ отрицаніе отъ константинопольскаго патріарха, столь непріятное М. Греку [2]). Онъ былъ любитель книгъ. Такъ, въ библ. Троицкой лавры и Московской духовной академіи сохраняется до 23 рукоп. (кромѣ богослужебныхъ), большею частью прекраснаго письма, принадлежавшихъ м. Іоасафу и характеризующихъ его какъ цѣнителя изящныхъ изданій [3]). Ему же принадлежалъ одинъ изъ лучшихъ списковъ сочиненій М. Грека, нынѣ Моск. дух. акад. (№ 42), съ предисловіемъ, которое написалъ послѣдній, когда составлялъ свой сборникъ сочиненій [4]). Это тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что до архим. Діонисія (нач. XVII в.) переводы и сочиненія М. Грека въ Троицкой лаврѣ любимы не были и считались запретными [5]). Еще Ундольскимъ было указано, и мнѣніе это въ послѣднее время возобладало, что м. Іоасафъ былъ авторомъ житія новгор. архіеп. Серапіона, такъ много потерпѣвшаго отъ Іосифа Волоцкаго, въ которомъ видно вліяніе житія Іосифа, сост. „неизвѣстнымъ“, благосклоннымъ къ мнѣнію заволжскихъ старцевъ, по вопросу о церковныхъ имуществахъ, и къ архіеп. Серапіону [6]). Быть можетъ ему принадлежитъ лѣтопись, послужившая источ-

---

[1]) Рус. Истор. библ., IV, 1382—1397; Курбскій, 118—119.

[2]) Акты Арх. экспед., II, 158—162.

[3]) См. выше, стр. 534.

[4]) Голубинскій, II, ч. I, стр. 804 и 814; Опис. рук. Троиц. Серг. мон., 150—152; Макарій, VII, 119.

[5]) Въ житіи архим. Діонисія (гл. 30-я) читаемъ: „До сего же Діонисія въ дому Сергія чюдотворца мало любили Максима Грека книгъ, такоже и переведенныхъ отъ ученика его Сильвана, *ни во что же полагаху тѣ книги* и на соборъ въ торжества уставщики *не давали имъ честь*“, и т. д. (Строевъ, Словарь, 207).

[6]) Рукоп. Ундольскаго, 252; И. А. Шляпкинъ. (Отчетъ Общ. люб. древн. письмен. 1899—1900, с. 166, по рукоп. Сійскаго мон.); Голубинскій, 742.

никомъ для Никоновскаго и Воскресенскаго сводовъ [1]), и этотъ послѣдній (Синод. и Париж., оконч. 1541 г.; Париж., Синод. и Акад. полов. и к. XVI в.) составленъ не безъ его участія. О его замѣчаніяхъ на постановленія Стоглаваго собора мы уже знаемъ. Онъ скончался 27 іюля 1555 г. [2]).

IV.

Въ Троицкой лаврѣ М. Грекъ встрѣтилъ еще одного сожителя, который сталъ его другомъ: это былъ монахъ Нилъ Курлятевъ, принадлежавшій къ опальной семьѣ князей Курлятевыхъ, постриженныхъ и казненныхъ въ царств. Ивана Грознаго (1563, 1570 [3]). По просьбѣ (въ 1552 г.) Нила Курлятева, М. Грекъ научилъ его греческому языку настолько, что онъ могъ переписать Псалтирь погречески, а затѣмъ съ греческаго текста М. Грекъ диктовалъ ему русскій переводъ псалмовъ. Нилъ Курлятевъ замѣчаетъ, что въ то время М. Грекъ „позналъ нашъ языкъ довольно и извѣстно и весьма разумно, а онъ Курлятевъ писалъ такъ, какъ стоитъ въ греческомъ, все по порядку, прямо и безъ украшенія“. Конечно, со словъ Максима, онъ замѣчаетъ, что прежніе переводчики нашего языка хорошо незнали и перевели что погречески, что пославянски, иное посербски, а другое поболгарски, что не смогли перевести на русскій языкъ. При этомъ въ особенности достается м. Кипріану, который греческаго языка не разумѣлъ и нашего довольно незналъ и болѣе неразумно написалъ, въ рѣчахъ и словахъ, все посербски написалъ, какъ и теперь многіе пишутъ; онъ же хвалится, что въ его переводѣ нѣтъ рѣчей сербскихъ или болгарскихъ, а все написано по нашему языку и прямо съ греческаго и безъ украшенія.

О спискѣ Псалтири Нила Курлятева см. Евгеній, I, 37—38. Строевъ, Опис. рукоп. Царскаго, 323—324 (въ Опис. архим.

[1]) А. Шахматовъ, Іоасафовская лѣтопись (Ж. М. Н. Пр. 1904, № 5; Опытъ рус. исторіогр. II, 1095, 1187. 1238).

[2]) Списокъ погребен. въ Троиц. Серг. лаврѣ отъ основанія оной до 1880 г., М. 1880, № 66; Надписи Троиц. Серг. лавры, собр. архим. Леонидомъ, Спб. 1881, № 134.

[3]) Курбскій посвящаетъ имъ много сочувственныхъ словъ, а Иванъ Грозный съ большимъ негодованіемъ говоритъ о нихъ по поводу присяги Димитрію и принадлежности ихъ къ партіи Сильвестра и Адашева (Сказ. Курбскаго, 93, 188, 191, 224, прим. 124 и 126); Карамзинъ, тт. VII, VIII и IX, прим.; Филаретъ, М. Грекъ, 63; но къ этимъ дѣламъ Нилъ отношенія не могъ имѣть, такъ какъ они случились позже, а въ то время многіе постригались въ надеждѣ избѣжать политическихъ потрясеній. Упоминаніе о дѣлѣ старца Курлятева одновременно съ розыскомъ другихъ бѣлозерцевъ (Акты Арх. экспед., I, 349) указываетъ на его прикосновенность къ Артемію.

Леонида, Рукоп. гр. Уварова, I, стр. 13—14), мелкій почеркъ скорописью XVI в,, 24⁰, 147 листовъ, перепл. старин., бархатн., застежки серебрян., написано тщательно, близкій ко времени, если не подлинникъ. Другой списокъ см. Троиц. лав. № 62. Соловец. библ. № $\frac{862}{759}$; Опис. рук. Синод. библ. I, № 13, с. 16—20; Бѣлокуровъ, стр. ссlxvii, ccLxxiii. Архим. Амфилохій сдѣлалъ возраженія въ защиту трудовъ м. Кипріана: „Справедливъ ли упрекъ монаха Нила Курлятевыхъ въ томъ, что м. Кипріанъ погречески гораздо не разумѣлъ и нашего языка довольно незналъ при исправленіи Псалтири"? (Труды IV Археол. съѣзда, Казань, II, 1—6). Авторъ, сличивъ переводы Псалтири, переписанной Кипріаномъ и М. Грекомъ, замѣчаетъ: „Слѣдовательно совершенно несправедливъ упрекъ Нила Курлятевыхъ на счетъ незнанія нашего языка въ Псалтири Кипріана... Исправленная же М. Грекомъ Псалтирь не вошла въ употребленіе".

Вѣроятно по поводу означеннаго перевода М. Грекъ дѣлалъ нѣкоторыя толкованія, и вотъ до епис. Акакія дошелъ „стороною" слухъ, что Максимъ относительно выраженія „Господь прибѣжище *былъ еси* намъ" (Псал. 89, 2)„ мудрствуетъ, будто намъ нѣтъ уже прибѣжища къ Богу". М. Грекъ былъ очень обезпокоенъ такимъ объясненіемъ. „Избави меня Господи отъ таковой хулы, писалъ онъ „брату Григорію", а кто такъ учитъ, да будетъ анаѳема во вѣки, и представилъ тутъ же грамматическое толкованіе словъ „былъ", „бысть" въ согласованіи съ лицомъ первымъ или вторымъ, о которомъ идетъ рѣчь [1]). Въ заключеніе онъ вспоминаетъ о добромъ отношеніи къ нему Акакія и проситъ и впредь жаловать, о чемъ мы упомянули въ своемъ мѣстѣ (см. выше, сс. 339, 499, 501).

Но еще большее значеніе имѣло пребываніе М. Грека въ Троицкомъ мон. для кн. А. М. Курбскаго. Вотчина его Курба находилась въ 25 верстахъ отъ Ярославля [2]), а Троицкій монастырь лежитъ на пути изъ Москвы въ Ярославль. Раздѣляя свое время между службою въ Москвѣ и отдыхомъ въ Курбѣ, кн. Курбскій навѣщалъ Максима

[1]) Сочин., II, 421—423.

[2]) Правнукъ ярослав. кн. Василія Давидовича Грозныя очи (1321—1344), женатаго на дочери Ивана Калиты, Семенъ Ивановичъ первый принялъ прозваніе князя Курбскаго. Любопытна полемика Ивана Грознаго, по поводу ссылки Курбскаго на свое происхожденіе отъ кн. Ѳеодора Ярославскаго. „Село Курба, родина и отчина князей Курбскихъ въ 25 верст. отъ Ярославля" (Москвитян. 1852, № 17, стр. 16—18).

Грека и пользовался его бесѣдами. Уже на чужбинѣ онъ вспоминалъ эти бесѣды, которыя касались положенія Греціи, флорентійской уніи, отцовъ церкви, книгопечатанія и пребыванія М. Грека на Западѣ. Максимъ сообщилъ ему о томъ, что онъ учился у І. Ласкариса философіи (будто въ Парижѣ). „Многажды пользовалъ онъ меня, говоритъ Курбскій, какъ бы цвѣтами нѣкіими прекраснѣйшими и благоухающими, произнося отъ памяти блаженной своей души и наставляя меня [1]). Преп. Максимъ, монахъ Ватопедскаго мон., родомъ грекъ, мужъ весьма мудрый, не только въ риторскомъ искусствѣ, но и философъ искусный, жилъ въ Троицкомъ мон. въ лѣтахъ, превосходной старостью умащенный и исповѣдническимъ терпѣніемъ украшенный; много претерпѣлъ онъ неповинно отъ отца царя, многолѣтнихъ и тяжкихъ оковъ и заточенія въ прегорчайшихъ темницахъ и другихъ родовъ мученій, по зависти митр. Даніила, прегордаго и лютаго, и отъ вселукавыхъ іосифлянскихъ мниховъ; а онъ (т. е. Иванъ Грозный) освободилъ его изъ заточенія, по совѣту нѣкоторыхъ синклитовъ своихъ, сообщившихъ ему, что неповинно страждетъ таковой блаженный мужъ“ [2]).

V.

При этомъ Курбскій подробно разсказываетъ объ одномъ обстоятельствѣ, имѣвшемъ большое значеніе въ жизни Ивана Грознаго. Вскорѣ по возвращеніи изъ казанскаго похода Иванъ IV жестоко заболѣлъ и, въ виду опасности, задумалъ привести къ присягѣ на имя сына, младенца Димитрія, двоюроднаго брата своего Владиміра Андреевича и бояръ,—обстоятельство, вызвавшее борьбу партій у постели больного (11 марта 1553 г.), отъ которой онъ велъ потомъ начало дальнѣйшихъ бѣдъ своего царствованія; однако царь выздоровѣлъ и въ благодарность далъ обѣтъ отправиться на богомолье въ Кирилловъ монастырь, но предварительно заѣхалъ въ Троицкую лавру. По словамъ Курбскаго, М. Грекъ давалъ благой совѣтъ царю не ѣздить въ такой дальній путь, особенно съ женою и новорожденнымъ ребенкомъ. „Если ты и далъ обѣщаніе ѣхать въ Кирилловъ монастырь, чтобы подвинуть св. Кирилла на молитву къ Богу, то обѣты такіе съ разумомъ несогласны и вотъ почему: во время казанской осады пало много воиновъ христіанскихъ; вдовы ихъ, сироты, матери обезчадившія въ слезахъ и скорби пребываютъ; такъ гораздо тебѣ лучше пожаловать ихъ и устроить, утѣшить ихъ въ бѣдѣ, собравши въ свой царственный городъ, чѣмъ исполнять

[1]) Бѣлоусовъ, ccLxxv.

[2]) Сказанія, 6, 39—41, 296—297.

неразумное обѣщаніе. Богъ вездѣсущъ, все исполняетъ и всюду зритъ недремлющимъ окомъ; также и святые не на извѣстныхъ мѣстахъ молитвамъ нашимъ внимаютъ, но по доброй нашей волѣ и по власти надъ собою. Если послушаешься меня, то будешь здоровъ и многолѣтенъ съ женою и ребенкомъ". Но Иванъ IV не захотѣлъ измѣнить своего намѣренія. Тогда Максимъ черезъ четырехъ его приближенныхъ, духовника Андрея [1]), кн. Ивана Мстиславскаго, Алексѣя Адашева и кн. Курбскаго велѣлъ сказать ему: „Если не послушаешься меня, совѣтующаго тебѣ по Богѣ, забудешь кровь мучениковъ, избитыхъ погаными за христіанство, презришь слезы сиротъ и вдовицъ и поѣдешь съ упрямствомъ, то знай что сынъ твой умретъ на дорогѣ". Максимъ Грекъ могъ говорить въ такомъ духѣ съ Иваномъ IV, не придавая значенія посѣщеніямъ монастырей, неразумнымъ обѣтамъ и прямой истинной вѣрѣ, въ чемъ удостовѣряютъ его собственныя сочиненія. Онъ могъ убѣждать царя позаботиться о призрѣніи падшихъ воиновъ, какъ неоднократно напоминалъ о томъ, въ особенности послѣ счастливой побѣды надъ врагами христіанства—могометанами, и что въ настоящемъ случаѣ могло такъ понравиться князю Курбскому [2]); но едва ли М. Грекъ выражалъ угрозу царю въ столь рѣшительномъ и несообразномъ съ его же ученіемъ заключеніемъ...

Иванъ Грозный не послушался совѣта М. Грека. Изъ Троицкаго мон. онъ поѣхалъ въ Дмитровъ, а оттуда въ Пѣсношскій мон., гдѣ встрѣтился съ другимъ заточенникомъ, Вассіаномъ Топорковымъ, нѣкогда любимцемъ вел. кн. Василія Ивановича, „іосифляниномъ", бывш. епископомъ коломенскимъ, близкимъ къ м. Даніилу и въ 1542 г. сверженнымъ Шуйскими. По словамъ Курбскаго, Иванъ IV будто бы спросилъ Вассіана „какъ я долженъ царствовать, чтобы вельможъ своихъ держать въ послушаніи"? Вассіанъ же *прошепталъ* ему на ухо: „Если хочешь быть самодержцемъ, не держи при себѣ ни одного совѣтника, который былъ бы умнѣе тебя, потому что ты лучше всѣхъ; если такъ будешь поступать, то будешь твердъ на царствѣ и все будешь имѣть въ рукахъ своихъ. Если же будешь имѣть при себѣ людей умнѣе себя, то, по необходимости, будешь послушенъ имъ". Царь поцѣловалъ руку его

---

[1]) Близкое лицо къ Сильвестру и послѣ Макарія ставшій митрополитомъ (Аѳанасій); онъ принималъ участіе въ составленіи Четій-Миней послѣдняго.

[2]) Курбскій писалъ: „Воинскій чинъ нынѣ худѣйшій стровъ обрѣтеся, яко многимъ не имѣти не токмо коней къ бранямъ уготованныхъ или оружей разныхъ, но и дневныя пищи, ихъ же не достати, и убожество и бѣды и смущенья всяко словесно превзыде" (Сказ., 39, 47). М. Грекъ могъ и отъ него знать о нуждахъ служилыхъ людей.

и отвѣтилъ: „Если бы и отецъ мой былъ живъ, то и онъ такого полезнаго совѣта не подалъ бы мнѣ“. Отсюда, отъ этого совѣта, Курбскій, въ свою очередь ведетъ начало бѣдъ въ цар. Грознаго, сваливая всю вину на главу „презлыхъ іосифлянъ“ и употребляя въ дѣло даже прозваніе Вассіана („топоромъ“ [1]). Вскорѣ послѣ печальныхъ сценъ изъ-за присяги „младенцу Димитрію“, такой совѣтъ могъ имѣть мѣсто, но связь его съ совѣтомъ М. Грека, столь искусно сопоставленная, являлась уже въ позднѣйшей политической комбинаціи Курбскаго, приправленная кстати послѣдовавшей смертію Димитрія.

Курбскій говоритъ: „и не доѣзжаючи монастыря Кириллова, еще Шексною рѣкою плывучи, сынъ ему, *по пророчеству святого*, умре. Се первая радость за молитвами онаго предреченнаго епископа. Се полученіе мзды за обѣщанія не по разуму, паче же небогоугодныя. И оттуда пріѣхалъ до онаго Кириллова монастыря въ печали мнозѣ и въ тузѣ, и возвратился тщима руками во мнозѣй скорби до Москвы“ (стр. 47). Лѣтопись говоритъ иначе: „Того же лѣта (1553) мѣсяца іюня не стало ц-ча Димитрія въ объѣздѣ Кирилловскомъ, *назадъ ѣдучи* къ Москвѣ; и положили его въ Архангелѣ, въ ногахъ у в. кн. Василія Ивановича“ (Никон. лѣт., VII, 203). Ему было 8 мѣсяцевъ. Голландецъ Масса разсказываетъ слѣдующее: „Однажды вел. князь поѣхалъ по озеру для осмотра лагеря. Княгиня, имѣя при себѣ ребенка, слѣдовала за нимъ въ другой лодкѣ. Когда ихъ лодки поравнялись, вел. князь попросилъ у нея Димитрія, чтобы съ нимъ поиграть. Во время передачи ребенокъ внезапно вывернулся изъ рукъ родителей, упалъ въ воду между обѣими лодками, тотчасъ же пошелъ ко дну, какъ камень, и его не могли даже найти. Такъ скончался ихъ первый сынъ“. (Сказ. Исаака Массы, 13). Дьякъ Иванъ Тимоѳеевъ, въ своемъ „Временникѣ“ подтверждаетъ этотъ разсказъ, сообщая, что бѣдствіе это случилось *на обратномъ пути*, причемъ ребенокъ упалъ изъ рукъ кормилицы, удрученной сномъ, что родители послѣ этого заѣхали въ лавру Никиты Переяславскаго, по молитвамъ котораго утѣшены были рожденіемъ вскорѣ сына Ивана“ (28 марта 1554 г.), отсюда почитаніе Иваномъ IV св. Никиты (Рус. Истор. библ. XIII, 282—284),—цвѣтистое риторическое повѣствованіе, свойственное автору. Раньше у Ивана IV умерли двѣ дочери (Анна и Марія). Но и рожденіе другихъ дѣтей не было сча-

---

[1]) Сказанія, 41—46. Соловьевъ замѣчаетъ, что это только догадка Курбскаго съ товарищами, ибо шепчутъ на ухо не для того, чтобы другіе слышали (VI, 195).

стливымъ. Означенный ц-чъ Иванъ былъ убитъ отцомъ въ 1584 (онъ былъ женатъ три раза и умеръ бездѣтнымъ). Өедоръ Ивановичъ—оказался разслабленнымъ, а Димитрій палъ жертвой катастрофы въ 1591 г. Событіе, сообщаемое двумя названными писателями, настолько было извѣстно въ придворныхъ сферахъ, что Д. Самозванецъ разсказывалъ о немъ въ Польшѣ (Р. Стар. 1901; № 12, сс. 622—624), а это показываетъ, какъ ему были хорошо свѣдомы событія въ царской семьѣ. Курбскій навязываетъ М. Греку роль, какую Нифонтъ Кирику—о хожденіи въ Іерусалимъ. И точно такой же фактъ сообщается Комнномъ (р. 238) по поводу угрозы Савонаролы Карлу VIII, неисполненіе обѣщанія котораго повлекло смерть франц. дофина (Осокинъ, 197).

VI.

Между тѣмъ, не задолго до отъѣзда царя по монастырямъ въ Москвѣ обнаружилось новое религіозное броженіе, бывшее отчасти продолженіемъ ранѣе имѣвшихъ мѣсто подобныхъ явленій, отчасти же созрѣвшихъ на основѣ тѣхъ литературныхъ мнѣній, которыя вызваны были въ русскомъ обществѣ знакомствомъ съ сочиненіями Максима Грека, Вассіана Косого и полемикой между послѣдователями Іосифа Волоцкаго и Нила Сорскаго. Мнѣнія эти настолько были разнообразны, что одни не выходили изъ предѣловъ нравственнаго ученія, а другія составляли совершенное отрицаніе не только церковной обрядности, но и догматическаго ученія. Представителемъ перваго является нѣкто Матв. Сем. Башкинъ. Хотя о немъ мы имѣемъ мало свѣдѣній, но видно, что онъ жилъ въ Москвѣ [1]), принадлежалъ къ книжной семьѣ и былъ самъ человѣкъ книжный и достаточный по своему состоянію [2]), такъ какъ имѣлъ у себя слугъ и рабовъ. Свѣдѣнія о его религіозныхъ сужденіяхъ были получены слѣдующимъ образомъ. Однажды, въ великій постъ, пришелъ онъ къ своему духовному отцу, благовѣщенскому попу Симеону [3]) на исповѣдь и сталъ говорить ему: „Ваше

---

[1]) Башкина (Бакшинъ) нѣкоторые (Костомаровъ, Ист. моногр., I) считаютъ татариномъ по происхожденію. Нѣкто Бакшей служилъ при дворѣ кн. Сем. Лобанова-Ростовскаго, который въ 1554 г. хотѣлъ бѣжать въ Литву (Никонов. лѣт., VII, 212). Бакшеи у татаръ—писцы.

[2]) Братъ Башкина, Өедоръ Сем., 12 ноября 1546 г. закончилъ списаніе Псалтири съ толкованіями Аѳанасія Александрійскаго (Опис. рукоп. Синод. библ.; отд. II, ч. I, № 65).

[3]) Симеонъ былъ родомъ псковитянинъ и появляется въ Москвѣ одновременно съ Сильвестромъ при томъ же Благовѣщенскомъ соборѣ, вѣроятно по вызову Макарія, а потомъ состоялъ духовникомъ Ивана IV въ званіи протопопа и

дѣло великое; въ законѣ написано: нѣтъ ничего больше той любви, какъ положить душу свою за други свои, и вы полагайте души свои за насъ и бдите о душахъ нашихъ, чтобы вамъ слово воздать въ день судный". Послѣ этого Башкинъ пріѣзжалъ еще къ попу Симеону на подворье, читалъ ему евангельскія бесѣды и опять говорилъ: „Бога ради пользуй меня душевно; надобно, что въ бесѣдахъ тѣхъ написано, читать, да на слово не надѣяться, и дѣломъ совершать. Все начало отъ васъ; прежде вамъ, священникамъ, слѣдуетъ показать начало, да и насъ научить; въ Евангеліи же написано: „Научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, иго бо мое благо и бремя мое легко есть". Ибо что нужнѣе человѣку, какъ быть смиреннымъ, кроткимъ и тихимъ? а это на васъ лежитъ: прежде всего слѣдуетъ вамъ творить и насъ учить". Да потомъ еще Башкинъ прислалъ за Симеономъ человѣка и у себя въ домѣ сталъ ему говорить: „Въ Апостолѣ написано: весь законъ заключается въ слѣдующемъ: возлюби искренняго своего, какъ самого себя, если же вы грызете и съѣдаете (другихъ), то берегитесь, чтобы другъ отъ друга не были съѣдены, а мы христовыхъ рабовъ у себя держимъ. Христосъ всѣхъ братіею называетъ, а у насъ на иныхъ кабалы: бѣглыя (т. е. держать бѣглыхъ рабовъ) или нарядныя (фальшивыя), а на иныхъ и полныя, а я благодарю Бога, сколько ни было у меня кабалъ и полныхъ, то я все отобралъ и держу *своихъ слугъ* добровольно: хорошо ему — онъ живетъ, а нехорошо — и онъ идетъ, куда хочетъ. А вамъ отцамъ прилично посѣщать насъ почаще и во всемъ научать: какъ намъ самимъ жить и людей у себя держать не томительно; я видѣлъ такъ и въ правилахъ написано — и мнѣ то показалось хорошо". Такимъ образомъ русскіе книжные люди въ своихъ отрицаніяхъ существующаго порядка черпали доводы изъ того же писанія, на которое опирались и его защитники. Такъ, у Башкина треть Апостола была измѣчена воскомъ въ тѣхъ мѣстахъ, въ смыслѣ которыхъ онъ искалъ разрѣшенія, но Симеонъ не могъ или не хотѣлъ дать отвѣта: „я того не знаю", сказалъ онъ. Тогда Башкинъ обратился къ нему съ такою рѣчью: „Посовѣтуйся съ Сильвестромъ и онъ тебѣ скажетъ, а ты тѣмъ пользуй мою душу; мнѣ извѣстно, что тебѣ некогда знать объ этомъ въ суетѣ мірской: день и ночь покоя не знаешь"! Но всѣ эти мудрованія Башкина показались Симеону „недоумѣнными" и даже „развратными". Къ тому же Башкинъ—мірянинъ осмѣлился не только разсуждать о такихъ вопросахъ, но еще и дерзнулъ поучать въ нихъ своего отца духовнаго. Тогда Симеонъ поспѣшилъ

умеръ въ Волоколамскомъ мон. (съ именемъ Симона) при игум. Евѳиміѣ Турковѣ (1575—1581), который хвалитъ его за добродѣтели и милостивое отношеніе (Чт. въ Общ. ист. 1871, I, 15—16).

сообщить о всемъ слышанномъ попу Сильвестру. „Пришелъ ко мнѣ, говоритъ онъ, духовный сынъ *необыченъ* и великими клятвами и молитвами упросилъ принять его на исповѣдь въ великій постъ и многіе вопросы простираетъ недоумѣнные; отъ меня поученія требуетъ, а иному и самъ учитъ“. Очевидно Башкинъ не молчалъ, такъ какъ Сильвестръ замѣтилъ Симеону, что „слово про него недоброе носится“. Духовенство заволновалось: „прозябе ересь, говорили духовные отцы, и явилось шатаніе въ людяхъ“.

Во время этой тревоги Иванъ Грозный былъ въ Кирилловомъ мон.; по возвращеніи же оттуда, Симеонъ, Сильвестръ и Андрей протопопъ (тогда царскій духовникъ) донесли ему о всемъ случившемся. Говорили уже, что Башкинъ съ своими единомышленниками неправильно умствуетъ о существѣ І. Христа, о таинствахъ, о церкви и о всей православной вѣрѣ. Тогда Иванъ Грозный сказалъ Симеону: „вели Матюшѣ измѣтить тѣ слова въ Апостолѣ и подать мнѣ“. Башкинъ передалъ Симеону свой Апостолъ и самъ пришелъ въ церковь. Духовные толковали царю, что мнѣнія Башкина—ересь. Однако царь оставилъ его тогда въ покоѣ и уѣхалъ въ Коломну, желая самъ вникнуть въ это дѣло, какъ опытный книжникъ. Послѣ этого обиженные враги стали распространять самые неодобрительные слухи о Башкинѣ и донесли м. Макарію. Тогда царь велѣлъ взять его подъ стражу. Съ нимъ были взяты два брата Борисовы, нѣкто Игнатій и Ѳома. О своихъ догматическихъ убѣжденіяхъ Башкинъ заявлялъ на исповѣди у попа Симеона такъ: „я христіанинъ, вѣрую въ Отца, Сына и Св. Духа и поклоняюсь образу Господа Іисуса Христа и преч. Богородицы и всѣмъ святымъ, на иконѣ написаннымъ“. На допросахъ всѣ они показывали, что они не еретики, а православные христіане, но ихъ всетаки посадили въ подклѣть, при царскихъ палатахъ, подъ надзоръ двухъ іосифовскихъ монаховъ (одинъ изъ нихъ Герасимъ Ленковъ—третій братъ, уже намъ извѣстныхъ досмотрщиковъ Максима и Вассіана [1]). Подавленный неожиданными треволненіями и допросами, Башкинъ былъ постигнутъ гнѣвомъ божіимъ: „началъ бѣсноваться, и, извѣсивъ языкъ, сталъ кричать разными голосами и говорить непотребныя и нестройныя рѣчи“. Говорятъ, онъ слышалъ голосъ Богородицы, призывавшей его къ покаянію и побуждавшій выдать его единомышленниковъ. И онъ покаялся устно и письменно. Такимъ образомъ онъ показалъ на заимствованіе ученія своего отъ „латынниковъ“ аптекаря Матѳея (литвина) и Андрея Хотѣева и на похвалы ему со сто-

---

[1]) Волокол. монахи постоянно являются въ роли оффиціальныхъ блюстителей правовѣрія.

роны заволжскихъ старцевъ. Но „латынники“ были бы здѣсь причемъ, если бы самое ученіе соотвѣтствовало тому. Курбскій уже указываетъ на люторскую ересь“ [1]), но и она не исчерпываетъ вполнѣ всей полноты ереси, если принять во вниманіе, что въ составъ ея входятъ отрицанія равенства лицъ Троицы, ученіе о причащеніи, о церкви, объ иконопочитаніи, о таинствахъ, о св. писаніи и т. п., сближающими ее съ ересью жидовствующихъ, какая имѣла мѣсто въ Литвѣ и снова проявилась въ одновременномъ ученіи. Видно, что здѣсь произошло такое же смѣшеніе понятій, какое было допущено соборомъ (составъ его былъ почти одинъ и тотъ же) относительно М. Грека и Вассіана. Указаніе же на заволжскихъ пустынниковъ, столь враждебныхъ „іосифлянамъ“ дало право привлечь въ качествѣ обвиняемыхъ многихъ изъ нихъ, начиная отъ Артемія, благожелателя и почитателя М. Грека, до Ѳеодосія Косого включительно. Такъ легко смѣшивались въ одну кучу ортодоксальныя отступленія и требованія о нравственномъ совершенствованіи человѣка. Наконецъ набралось такое множество прикосновенныхъ къ дѣлу Башкина, что ихъ пришлось размѣстить въ Москвѣ по монастырямъ и подворьямъ и учинить имъ допросы на очныхъ ставкахъ съ Башкинымъ.

VII.

Смѣшеніе еретическихъ понятій — явленіе обычное въ то время; но для насъ важны другія обстоятельства, которыя могли вліять на суровость приговоровъ. Такъ, Башкина и его соучастниковъ обвиняли въ порицаніи св. отцовъ за то, что они все для себя писали, желая владѣть всѣмъ — и царскимъ и святительскимъ, что̀ съ ясностью указываетъ на порицаніе монастырскаго землевладѣнія [2]). Любопытно, что Иванъ IV, самъ хорошій книжникъ и любитель богословскихъ преній (напомнимъ его споры съ Рокитою, Поссевиномъ и т. п.), принялъ участіе въ „премудромъ испытаніи еретиковъ“. Артемія два раза приводили на соборъ въ качествѣ свидѣтеля на Башкина (въ первый разъ онъ ушелъ отъ суда). Когда ему сообщили (въ Кирилловомъ мон.) объ арестѣ Башкина, онъ сказалъ: „не знаю, что это за ереси; вотъ сожгли Курицына и Рукаваго (въ 1504 г.), а до сихъ поръ не знаютъ сами за что ихъ сожгли“ и на соборѣ онъ заявилъ, что еретиковъ нѣтъ и онъ незнаетъ, чтобы кто спорилъ о вѣрѣ. Теперь подняли на судъ всю его біографію (поѣздку къ нѣмцамъ, испытаніе передъ игумен-

[1]) Сказанія, 133—134.

[2]) Акты Арх. экспед., I, 250.

Три такихъ столпа православія, какъ К. Т. Аксаковъ (Собр. сочин., т. I), М. П. Погодинъ (Истор. отрывки, т. I) и графъ М. В. Толстой (Вологод. Еп. Вѣд. 1868, № 15, прибавл., с. 387) не считаютъ Башкина еретикомъ.

ствомъ, исповѣдь и, позабывъ совѣтъ на этотъ счетъ Антонія Великаго, даже то, что онъ *у царя* въ день Воздвиженія ѣлъ рыбу. Въ догматическихъ отступленіяхъ, показанныхъ на него Башкинымъ подъ вліяніемъ страха, онъ себя виновнымъ не призналъ. Въ нѣкоторыхъ же его мнѣніяхъ слышится лишь послѣдователь Максима Грека. Такъ, онъ говорилъ: „въ канонѣ читаютъ: Іисусе сладчайшій, а какъ услышатъ слово Іисусово о его заповѣдяхъ, какъ Іисусъ повелѣлъ пребывать и какъ житіе свое вести, такъ горько дѣлается заповѣди Іисуса исполнять; и въ акаюистѣ читаемъ: „радуйся да радуйся чистая", а сами не радятъ о чистотѣ и пребываютъ въ празднословіи, значитъ только наружно исполняютъ обычай, а не истинно. Такое мнѣніе отцы собора назвали развратнымъ и хульнымъ, потому что, говорили они, всякому христіанину слѣдуетъ Іисусовъ канонъ и акаѳистъ Богородицы *держать честно*". Еще Артемія обвиняли въ томъ, что онъ говорилъ, будто „нѣтъ пользы пѣть панихиды и обѣдни по умершимъ, чѣмъ они муки не избудутъ". Но Артемій отвѣчалъ: „я говорилъ про тѣхъ, которые жили растлѣннымъ житіемъ и грабили людей, что когда начнутъ пѣть по нихъ панихиды и обѣдни, то нѣтъ имъ пользы и чрезъ то имъ муки не избыть". Мысль совершенно согласная съ мнѣніемъ Максима Грека по поводу ученія о чистилищѣ [1]). Не смотря на нѣкоторыя отступленія, говоритъ преосв. Макарій, Артемій не былъ еретикомъ, проповѣдывавшимъ какое либо опредѣленное еретическое ученіе, но любилъ повольнодумничать о священныхъ предметахъ вѣры— и только [2]). Главными свидѣтелями противъ Артемія на судѣ были монахи тѣхъ монастырей, въ которыхъ ему приходилось бывать прежде (Кирилло-Бѣлозерскаго, Ѳерапонтова и особенно Троицкаго) и хотя игуменство его въ Троицкомъ—этомъ „ультра—стяжательномъ монастырѣ" [3]), было непродолжительно, но обошлось ему дорого въ смыслѣ

---

[1]) Сочин., II, 213, 241.

Преосв. Макарій, однако, замѣчаетъ: „Соборъ справедливо осудилъ эту ложную мысль и обвинилъ Артемія за то, что онъ отнимаетъ у грѣшниковъ надежду спасенія, подобно Арію, который училъ, что не должно творить приношенія за умершихъ".

[2]) Ист. рус. церкви, VI, 260—261. Засѣданія собора происходили въ дек. и янв. 1554 г. (253, прим. 331) по сентябр. счету. Гораздо мягче судятъ другіе, объясняя нѣкоторыя отступленія современными бытовыми чертами (Калугинъ, 58—80; Голубинскій 835—838). Впослѣдствіи Артемій искусно защищалъ иконопочитаніе (Рус. Ист. библ. IV, 1243—1304; ср. Калугинъ, 201).

[3]) Калугинъ, 61. О близости Башкина къ заволжскимъ старцамъ (ib. 1 и 59). „Многіе, говоритъ Августинъ Блаж., стоящіе внѣ церкви и называющіеся еретиками, лучше многихъ праведныхъ католиковъ, по предвѣдѣнію божію.... Въ церкви есть

нравственномъ. Показанія же другихъ свидѣтелей въ его пользу не были приняты во вниманіе. Вызванный на соборъ для спора съ еретиками „книгами“, онъ вскорѣ самъ попалъ въ подсудимые [1]). И въ то время, какъ онъ сомнительно отнесся къ казни еретиковъ, произведенной по настоянію Іосифа Волоцкаго, и указывалъ на ошибки въ его „Просвѣтителѣ“, соборъ для обличенія еретиковъ, пользовался этимъ послѣднимъ, называя его свѣтиломъ православія, да и самъ царь похвалилъ книгу Іосифа [2]). Вмѣстѣ съ Артеміемъ къ суду были привлечены Ѳеодоритъ, просвѣтитель лопарей, Савва Шахъ [3]), Исаакъ Бѣлобаевъ, приведенный изъ Соловецкой пустыни, и Порфирій, ученикъ Артемія, также бесѣдовавшій съ Сильвестромъ и Симеономъ. При этомъ случился любопытный эпизодъ. Епископъ рязанскій Кассіанъ сталъ защищать своего старца (наставника, Исаака Бѣлобаева) и вмѣстѣ съ тѣмъ похулилъ книгу Іосифа Волоцкаго, назвавъ его свидѣтельства неподлинными, за что, по словамъ соборнаго акта, онъ подвергся небесной карѣ: у него отнялись рука, нога и языкъ и онъ, разслабленный, оставилъ свою епископію и отошелъ въ монастырь [4]).

Тутъ же указано, что Кассіанъ не называлъ Христа Бога Вседержителемъ и т. п., а между тѣмъ онъ оставался на соборѣ до конца (Акты Арх. экспед. I, 250), слѣдов. первое показаніе невѣрно. Подобные случаи (отнятіе языка, параличъ) встрѣчаются и въ криминальныхъ дѣлахъ западной церкви; случай съ архіепископомъ безансонскимъ при папѣ Львѣ IX (Ист. Вѣстн. 1884, т. XVII, 669); ср. наказанія еретиковъ физическими бѣдствіями по поводу флорент. уніи (Ж. М. Н. Пр., 1895. № 7, с. 183). Впрочемъ, въ дѣлѣ еп. Кассіана можно видѣть сведеніе личныхъ счетовъ митр. Макарія. Въ 1554 г. Кассіанъ жаловался царю на митрополита за то, что онъ освятилъ нѣсколько церквей въ Рязанской епархіи чрезъ своихъ священниковъ, и царь,

ложные христіане, а среди нечестивыхъ (impios) есть сыны церкви“ (Церковь, папство и государство, В. Герье, В. Евр. 1907 г, № 10, стр. 453—355). Цвингли утверждалъ, что знаменитые древніе мужи спасены, а Лютеръ отвергалъ это (Сперанскій, Исторія нѣмец. школы, 17).

[1]) Взведенныя на него обвиненія въ догматическихъ отступленіяхъ Артемій тогда же отвергъ въ письмахъ къ близкимъ ему лицамъ (Рус. Историч. библіот., IV, стр. 1372, 1394—1399, 1420).

[2]) По словамъ Курбскаго, нѣкотор. изъ епископовъ его защищали (Кассіанъ?) Сказанія, 135.

[3]) „Искусный въ писаніяхъ“ (Курбскій, 134). А гдѣ они?

[4]) Моск. соборы (Чт. въ общ. ист. 1847, III, 1—2; Карамзинъ, VIII, пр. 394).

разсмотрѣвъ это дѣло, запретилъ митрополиту вмѣшиваться въ дѣла Рязанской епархіи (Т. Воздвиженскій, Истор. обозр. Рязан. епархіи, М. 1820, стр. 46; Калугинъ, 355; И. Перовъ, Епарх. учрежд. въ рус. церкви въ XVI и XVII вв. стр. 10—11). Кассіанъ, выходецъ изъ Заволжья. Во время собора имѣлъ при себѣ „собраніе“ Вассіана, составленное при содѣйствіи М. Грека „на воспоминаніе своего обѣщанія о отверженіи міра“ (Павловъ, 72, прим. 1 и 128—129). Если Кассіанъ передъ тѣмъ былъ архимандритомъ Юрьевскаго новгород. мон., то онъ, по свидѣтельству Зиновія, не чуждъ былъ сомнѣній относительно нѣкот. святыхъ (Калугинъ, прилож. 026). Сосланный въ Кирилловъ монастырь, Кассіанъ скончался 21 окт. 1558 г. (Строевъ, 413). Ему принадлежалъ Еллинскій Лѣтописецъ, подаренный Кириллову мон. (Поповъ, Обз. хронографовъ, I, 72). Вообще, онъ выдавался среди тогдашнихъ епископовъ книжными интересами.

Мы не имѣемъ надобности касаться другихъ частностей этого дѣла, но замѣтимъ только, что прикосновенныя къ нему лица потерпѣли соотвѣтственныя кары: такъ, Башкинъ былъ присужденъ въ заточеніе въ Волоколамскій мон., куда и доставленъ 22 дек. 1554 г., Артемій—въ Соловецкій мон., Ѳеодоритъ—въ Кирилло-Бѣлозерскій, но вскорѣ, по ходатайству бояръ, былъ освобожденъ (послѣ полуторагодоваго заключенія), и даже въ 1557 г. отправленъ въ Константинополь, для испрошенія утвердительной грамоты въ царскомъ санѣ Ивану IV; Савва Шахъ сосланъ въ одинъ изъ ростовскихъ, а другіе разосланы по разнымъ монастырямъ.

Запись въ Богородичникѣ Волоколам. библіот. о ссылкѣ Башкина, № 134 (Филаретъ, Ист. рус. церкви, III, пр. 214 и житія, ноябрь. 337). Привезъ его архим. Германъ, о которомъ выражается Курбскій, что хотя онъ и „іосифлянинъ, по лукавому ихъ обычаю и лицемѣрію не причастенъ, человѣкъ простой, истинный и непоколебимый въ разумѣ, великій былъ помощникъ въ напастяхъ и бѣдахъ и милостивый къ убогимъ, тѣла великаго мужъ и разума многаго“ (121—122). Это Садыревъ-Полевъ, основатель свіяжскаго Богород. монастыря, впослѣдствіи архіеп. казанскій. Курбскій считаетъ его казненнымъ, но онъ умеръ въ 1567 г. отъ мора (и въ 1595 причисленъ къ лику святыхъ, Строевъ, 288). Курбскій же называетъ его „отчасти ученикомъ М. Грека“. О ссылкѣ Артемія (Акты Арх. экспед. I, 353; подроб. приговоръ объ Артеміѣ въ грам. м. Макарія въ Соловецкій мон., № 239 с. 244—256). Сказ. Курбскаго, 135

(окованъ). Въ то время игуменомъ здѣсь былъ Филиппъ, впослѣдствіи митрополитъ, задушенный Малютой Скуратовымъ. Өеодоритъ, будучи архим. сузд. Евөиміева мон., обличалъ сузд. епископа (члена собора) Аөанасія въ его порокахъ (сребролюбецъ и пьяница, по словамъ Курбскаго, 135). О Өеодоритѣ (Курбскій, 126—140; казненъ будто бы за ходатайство о немъ, 141). Аөанасій изъ князей Палецкихъ, взятъ на епископство изъ игуменовъ Кирил. мон. (1551—64), уволенъ туда-же. Съ 1556 г. архіеп. полоцкій (Строевъ, 655; Никонов. лѣт., VII, 204). Свѣдѣнія о ересяхъ см. Москов. соборы на еретиковъ XVI в. (Жалобницы Симеона и Сильвестра, Чт. Моск. Общ. ист. 1847, III; Акты Арх. экспед., I, № 238); Никон. лѣт., VII, 203—207; также Лѣтописецъ русскій по рукоп. А. Н. Лебедева (Чт. въ Общ. ист. 1895, III, 7—8, очевидно по соборн. излож.); къ сожалѣнію до насъ не дошло подлинное дѣло о ересяхъ. Въ описи царск. архива (по Акт. Арх. экспед. I, № 289) сказано: ящикъ 222, а въ немъ *соборныя дѣла*, списки черные Мат. Башкина, да Ортемія, быв. игум. троицкаго, и Өедоса Косова и иныхъ старцевъ (Акты Арх. экспед. I, 353). Сказанія кн. Курбскаго (124—142; Опис. рукоп. Рум. муз. 243). Изслѣдованія: И. И. Малышевскаго, Иванъ Смера (Труды Кіев. дух. акад. 1876, № 1 и отд.); О сношеніяхъ дат. кор. Христіана III съ царемъ Іоанномъ Васильев. IV, касательно заведенія типогр. въ Москвѣ, И. Снегирева (Сборн. Общ. ист. IV, кн. I); Макарій (VI, 248—265); Голохвастовъ (Сильвестръ). Калугинъ (258—280); Голубинскій (II, 818—842); Жмакинъ (463—465); П. Заиковъ, Старецъ Артемій, пис. XVI вѣка (Ж. М. Н. Пр., 1887, № 11); А. К. Бороздинъ, Очерки религіозн. разномыслія (Слово 1905 — Башкинъ и др.); Садковскій и Вилинскій (см. выше, стр. 530—531).

VIII.

Какъ бы ни судить о послѣдствіяхъ этого собора, но нельзя не признать, что Иванъ Грозный сравнительно милостивѣе отнесся къ религіознымъ вольнодумцамъ, чѣмъ дѣдъ и отецъ его, и въ то время, когда при Францискѣ I, этомъ „оплотѣ гуманизма и свободомыслія, еретиковъ сожигали, предварительно задушивъ ихъ, а потомъ придумали способъ сожиганія въ нѣсколько пріемовъ[1]), и когда въ Англіи

---

[1]) Вѣстн. Евр. 1878, № 3, с. 178.

Въ 1540 г., по распоряженію Франциска I разнесено 3 города и 22 деревни убито 3000 чел., казнено 288, сослано на галеры 700, множество дѣтей продано въ

при Генрихѣ VIII было повѣшено до 72000 разбойниковъ, воровъ и бродягъ, а въ послѣдніе годы царств. Елисаветы, рѣдкій изъ нихъ проходилъ безъ казни 300—400 преступниковъ (англичане считались тогда самымъ свирѣпымъ народомъ въ Европѣ), причемъ тѣла еретиковъ послѣ казни предавались сожженію для удовлетворенія страсти народа къ рѣзнѣ; казни же еретиковъ были обычнымъ явленіемъ![1]). Не говоря уже о Варѳоломеевской ночи, успѣху которой такъ радовался Филиппъ II, Иванъ Грозный, не признавалъ религіозныхъ отступленій равносильными политическимъ возмущеніямъ. Поэтому, получивъ въ 1573 г. отъ импер. Максимиліана II сообщеніе о Варѳоломеевской рѣзнѣ, стоившей будто бы до 100000 жертвъ[2]), и предложеніе союза противъ замысловъ Франціи, онъ ему отвѣчалъ; „Ты, братъ нашъ дражайшій, скорбишь о кровопролитіи, что у французскаго короля въ его королевствѣ нѣсколько тысячъ перебито вмѣстѣ съ грудными младенцами: христіанскимъ государямъ пригоже скорбѣть, что такое безчеловѣчіе французскій король надъ столькимъ народомъ учинилъ и столько крови безъ ума пролилъ“[3]).

Но Артемій имѣлъ и многихъ почитателей, о чемъ свидѣтельствуютъ его посланія во время судебныхъ процессовъ и заключенія, писанныя, въ Заволжье въ утѣшительномъ тонѣ, которыя онъ проситъ прочесть и другимъ „христовымъ рабамъ“[4]). Впрочемъ, вскорѣ уже онъ освободился отъ своихъ узъ (вѣроятно въ 1555—56), бѣжавъ изъ Соловокъ въ Литву (въ Витебскъ и Слуцкъ), гдѣ много потрудился на общемъ поприщѣ съ кн. Курбскимъ, о чемъ свидѣтельствуютъ какъ

рабство (Міръ Божій, 1899, № 3, стр. 83); М. Петрункевичъ, Маргарита Ангулемская, защитница вѣротерпимости, Спб. 1899; И Лучицкій, Проповѣдникъ религіоз. терпимости на Западѣ, Спб. 1895.

[1]) Спенсеръ, Англія, I, 192—195; Трайль, Обществ. жизнь Англіи, II, 231, 243; III, 160, 166—167, 172; Ранке, Папы, I, стр. 184—192, 201—202, 319—321, 366—371, 375, 426, 463, 475, 535.

[2]) Соловьевъ, VI, 338—340 (посольство К. Скобельцына). О немъ Н. Н. Бантышъ-Каменскій, Обзоръ внѣш. снош. I, 7—8, 210.

[3]) Ранке полагаетъ въ 50,000. Но что это можетъ значить въ сравненіи съ дѣяніями Габсбурговъ, отъ легендарнаго яблока Вильгельма Телля до религіозно-политическихъ преслѣдованій нашихъ дней включительно, въ передѣлкѣ которыхъ перебывали всѣ національности, населяющія эту имперію: чехи, венгры (усвоившіе ея пріемы), итальянцы, южные славяне, поляки.... и, наконецъ, столь излюбленные русскіе, именуемые русинами, процессы и истязанія которыхъ напоминаютъ отдаленное средневѣковье, память о которыхъ давно исчезла въ остальной Европѣ.

[4]) Рус. Истор. библ., IV, 1359—1373, 1390—1399.

этотъ послѣдній въ своихъ сочувственныхъ отзывахъ[1]), такъ и его посланія, направленныя противъ „люторовъ“ и другихъ еретическихъ сектъ, дѣйствовавшихъ въ Западной Россіи[2]). Онъ скончался около 1575 г. Поэтому недавняя попытка возвести его въ наставники Димитрія Самозванца, притомъ въ качествѣ аріанскаго учителя, лишена всякаго основанія, какъ въ хронологическомъ отношеніи, такъ и по не имѣющимъ ничего общаго съ ними мнѣніямъ Артемія, съ которыми, какъ видно, авторъ вовсе не знакомъ[3]).

Разсмотрѣнное нами выше дѣло важно и въ другомъ отношеніи,— по связи съ именемъ Максима Грека. Созывая соборъ, Иванъ Грозный задумалъ пригласить и его въ числѣ епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ и черноризцевъ, которые въ благочестіи пребываютъ, почему просилъ его прибыть на соборъ; но послѣдній уклонился отъ этой чести: „какъ слышали мы, пишетъ Иванъ Грозный, что ты оскорбляешься и полагаешь, что мы тебя считаемъ за одно съ Матѳеемъ (Башкинымъ); ты же сомнѣніе отложи“. И въ длинномъ посланіи, сопровождаемомъ богословскимъ предисловіемъ и перечисленіемъ еретическихъ мнѣній, ниспровергающихъ все церковное ученіе, отъ которыхъ онъ, царь, содрогнулся душею, что такое злочестіе вошло въ землю нашу въ нынѣшнее слабое время, въ послѣдніе годы, Иванъ IV обращается къ М. Греку, чтобы и онъ былъ поборникомъ православія и ревнителемъ благочестія, какъ первые богоносные отцы, а чтобы тотъ не опасался сопричтенія себя къ дѣлу Башкина, то царь заявляетъ,

---

[1]) Сказанія, 223—226. Въ посланіи къ Кадіану Чаплію онъ называетъ Артемія новымъ исповѣдникомъ рядомъ съ М. Грекомъ „многострадальнымъ“ (235). По словамъ же автора „Палинодіи“, Захаріи Копыстенскаго (нач. XVII в.), Артемій „въ Литвѣ отъ ереси аріанской и лютеранской многихъ отвернулъ и презъ него Богъ справилъ, же ся весь русскій народъ въ Литвѣ въ ереси тыи не перевернулъ“ (Рус. Ист. библ., IV, стр. 913); ср. ib., 1266, 1273.

[2]) Рус. Истор. библ., т. IV. Полемическія посланія его слѣдующія: 1) „Къ люторскимъ учителемъ (1202—1266), 2) Къ кн. Чарторижскому (1266—1273); 3) Къ Ивану Зарѣцкому (1273—1287); 4) Къ какому-то князю (м. б. К. Острожскому, 1328—1359); 5) къ Евстаѳію Воловичу (1447—1448); 6 и 7) два посланія къ Симону Будному (1287—1328; 1423—1432). Онъ имѣлъ въ виду написать также полное опроверженіе господствовавшихъ въ Литвѣ ересей (стр. 1273).

[3]) Aryanie polscy i Dymitr Samozwaniec (nowe źródla), pr. H. M. (Przegl. Historyczny, Warsz. 1907, № 2, str. 170—180).

Уже потому Артемій не могъ быть антитринитаріемъ, что онъ стоялъ весь на сторонѣ Новаго Завѣта, какъ и М. Грекъ, антитринитаріи же, какъ говоритъ Артемій „къ Моисееву закону обратилися и вмѣсто Евангелія десятословіе проповѣдуютъ и всѣхъ святыхъ богоносныхъ отецъ книгъ не пріемлютъ“ (1278, 1426) Русская литература автору осталась вовсе неизвѣстной.

что ничего подобнаго нѣтъ и проситъ его умножить данный ему отъ Бога талантъ и не оставить его безъ отвѣта писаніемъ" [1]). Тѣмъ не менѣе нѣтъ данныхъ, свидѣтельствующихъ объ участіи въ томъ Максима ни лично, ни письменно, или это послѣднее не дошло до насъ. Нѣкоторые думаютъ, что ему грозила тогда новая опасность по его отношеніямъ къ Артемію [2]); но едва ли это такъ. И Артемій привлекался сначала въ качествѣ свидѣтеля и толкователя мнѣній еретиковъ; но Максимъ тѣмъ болѣе могъ не желать причинить какую либо непріятность послѣднему и потому; вѣроятно, сослался на свою болѣзнь и старость.

IX.

Въ то время, когда шелъ разборъ дѣла лицъ, причастныхъ къ ереси Башкина, былъ привлеченъ къ нему одинъ изъ усердныхъ свидѣтелей по этому процессу, дьякъ Ив. Мих. Висковатый, предшественникъ по службѣ знаменитыхъ дьяковъ Щелкаловыхъ. Повидимому это былъ типъ тѣхъ свѣтскихъ чиновниковъ въ мундирѣ, которые, кромѣ своихъ обязанностей, любятъ богословствовать и даже считаютъ это занятіе своимъ прямымъ дѣломъ. Онъ соблазнялся, что современная церковная живопись принимала болѣе художественный и символическій характеръ, допуская изображеніе отвлеченныхъ представленій въ видѣ аллегорическихъ предметовъ, а окружающую обстановку въ церковныхъ изображеніяхъ представляла соотвѣтствующей современной дѣйствительности (нѣкоторые тексты, напр. символа вѣры, также олицетворялись). Подобная тенденція проявилась раньше въ Новгородѣ и Псковѣ; такъ, Іисусъ Христосъ представлялся то въ видѣ царя Давида, то отрока съ царскимъ вѣнцомъ, то серафима, пригвожденнаго къ кресту и симолировавшаго собою душу Іисуса. Извѣстный уже намъ дьякъ Мисюрь Мунехинъ обращался по этому поводу за объясненіемъ въ Москву, къ Дмитрію Герасимову, а послѣдній спрашивалъ М. Грека, который сказалъ, что такихъ изображеній онъ не видѣлъ, что не слѣдуетъ представлять І. Христа въ разныхъ видахъ на одной доскѣ и что серафимы, какъ безплотные, не могутъ пригвождаться. Какъ оказывается, объ этомъ спорили еще при Геннадіѣ, но псковитяне архіепископа не послушали [3]) И вотъ, когда въ 1540 г. въ Псковъ привезли „изъ

---

[1]) Акты истор., I, № 161, стр. 296—298. Въ нѣкоторыхъ сборникахъ помѣщается рѣчь Ивана Грознаго къ М. Греку, съ разборомъ мѣстъ (!) изъ его сочиненій и признаніемъ ихъ еретическими. Но это отвѣтъ ц. Ивана Яну Рокитѣ (Опис. сборниковъ Им. Публ. библ. Погодин. собр., I, 76, 527) и къ М. Греку отношенія не имѣетъ.

[2]) Павловъ, Очеркъ секуляриз. церк. земель, 128.

[3]) Прибавл. къ Твор. св. отцевъ, XVIII, 189—192.

иныя земли образъ св. Николы да св. Пятницу, особенно тамъ почитаемыхъ, „на рѣзяхъ въ храмцахъ“, которыхъ прежде не бывало, а многіе невѣжды приняли ихъ за *болванное поклоненіе* и былъ по этому случаю большой мятежъ въ городѣ, то ихъ отправили въ Новгородъ къ архіеп. Макарію, который оказалъ этимъ изображеніямъ требуемое почтеніе и распорядился торжественно принять ихъ во Псковѣ [1]). Въ то время къ рѣзнымъ изображеніямъ относились также подозрительно, какъ и къ литымъ, считая ихъ католическими [2]). Вѣроятно Новгороду же обязано русское художество первыми началами свѣтской исторической и портретной живописи. Въ XV в. въ Новгородѣ на образахъ писали портреты тѣхъ семей, которыми они заказывались [3]). Полагаютъ также, что извѣстная „Царственная книга“, представляющая замѣчательный образецъ русской исторической живописи и украшенная множествомъ миніатюръ, расписана была новгородскими рисовальщиками [4]). Заслуживаютъ еще вниманія и новгородскія рѣзныя изображенія, стоявшія подъ нѣкоторымъ вліяніемъ западной средневѣковой пластики, какъ и амвонъ Софійскаго собора, устроенный архіеп. Макаріемъ, о которомъ упоминаютъ лѣтописцы, неправильно иногда называемый халдейскою печью [5]). По переходѣ въ Москву Макарія и Сильвестра, новгородская живопись (Сильвестръ имѣлъ живописную школу, см. выше, с. 514) должна была найти мѣсто и здѣсь, и вотъ послѣ пожара 1547 г., когда въ Кремлѣ погорѣли всѣ церкви, вызваны были живописцы изъ Новгорода, Пскова и др. городовъ, для написанія новыхъ изображеній въ церквахъ и царскихъ палатахъ. Тогда на многихъ иконахъ, по указанію Сильвестра, были изображены событія изъ свящ. исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта, причемъ на нихъ олицетворены символъ вѣры, нѣкоторыя церковныя пѣсни и т. п., въ особенности нашедшія мѣсто въ царскихъ палатахъ. Висковатый не только сталъ критиковать подобную живопись, но и возбуждалъ толки въ народѣ. Онъ говорилъ, что не слѣдуетъ изображать невидимаго Бога и безплотныхъ силъ: Бога-Отца въ видѣ старца, Троицу въ видѣ трехъ ангеловъ, явившихся Аврааму и т. п.; нѣкоторыя притчи были писаны не по божественому, а по собственному разуму; онъ указывалъ, что въ цар-

[1]) Псков. лѣт. 1-ая, 303—304; 245.

[2]) Памят. Моск. древн. Снегирева, 629, 680; Макарій, VIII, 21—24.

[3]) Буслаевъ, Истор. очерки, II, 206, 282, 308, 362—365 (со снимк.); его же Рус. искусство (Критич. Обозр. 1879, № 2, с. 1—25).

[4]) Н. П. Кондаковъ, Рус. древн., VI, 153—154.

[5]) П. С. Р. лѣт., VI, 291; ср. Н. Кондаковъ, 154—157. Амвонъ, устроенный Акакіемъ въ Твери, былъ также украшенъ разными изображеніями.

скихъ палатахъ написана жонка, которая, спустя, рукава, пляшетъ; онъ могъ бы указать также на День и Ночь, на лица четырехъ Вѣтровъ, на Любовь со Стрѣлкомъ и т. п. Онъ бесѣдовалъ по этому поводу съ Матисомъ Ляхомъ, извѣстнымъ по дѣлу Башкина. Нѣкоторыя изъ произведеній, писанныхъ по заказу Сильвестра, псковскими живописцами, какъ оказывается, были не что иное какъ копіи съ извѣстныхъ итальянскихъ картинъ, снятыя по гравюрамъ (Единородный сынъ съ рисунка Чимабуэ; Во гробѣ плотски — съ рисунка Перуджино). Кромѣ того, образецъ новгородскаго вліянія можно видѣть въ миніатюрахъ рукописнаго „Апокалипсиса XVI в., на которомъ костюмъ Антихриста и его свиты тотъ же, какой живописцы давали русскимъ князьямъ и боярамъ, а Енохъ и Илья, обличающіе Антихриста, носятъ на себѣ подобіе новгородскихъ переводовъ[1]). Митр. Макарій пытался успокоить Висковатаго, но онъ не унимался и подалъ подробное изложеніе своихъ недоумѣній, причемъ обвинялъ уже въ этихъ отступленіяхъ Сильвестра и Симеона, какъ завѣдывавшихъ живописнымъ дѣломъ.

См. розыскъ о Висковатомъ (Чт. въ Общ. ист. 1858, III, 3—29); ср. Опис. рукоп. Москов. Синод. библ., II, ч. III, 639—640; Калугинъ, 257—258, 355—356). Висковатаго смущала даже величина жертвенника въ алтарѣ собора. Многіе другіе возмущались стариннымъ изображеніемъ (XIII в.) на серебряной лжицѣ Антон. мон. (съ Богомъ Отцомъ) въ Новгородѣ, которое вызвало толки въ Москвѣ и запросы клирошанъ Зиновію Отенскому (о немъ статья П. Д. Мансветова (Древн. М. Арх. общ. 1874 II, 37—48, съ изображ.). Все это говоритъ о значительномъ западномъ вліяніи, шедшемъ изъ Новгорода. Наконецъ нѣкоторые соблазнялись изображеніемъ Св. Духа, въ видѣ птицы „съ головою внизъ — незнаемой“ (Голубинскій, 894, ср. 845). Максимъ Грекъ написалъ статью къ епископу (святительству, б. м. Макарію) объ изображеніи І. Христа на образѣ, наз. „Упиіе“, объясняя неправильность его, такъ какъ pietas порусски значитъ милосердіе или „благочестіе“, сказаніе о которомъ связано съ именемъ папы Григорія В. Повѣсть же эту онъ получилъ отъ мужей, у которыхъ долгое время жилъ въ Италіи (Соч. III. 122 — 123).

---

[1]) Буслаевъ, Очерки, I, 325—329; Ровинскій, Ист. русск. школъ иконописн, стр. 15; ср. Древн. Моск. Общ. археол. 1874, в. 2 (новгор. лжица съ изображ.—о Висковатомъ).

Макарій далъ благой совѣтъ Висковатому, очевидно защищая и себя: „ты сталъ на еретиковъ; смотри не попадись и самъ въ еретики, зналъ бы ты свои дѣла, которыя на тебѣ положены—не разроняй списковъ". И хотя на соборѣ Висковатый покаялся; но на него была наложена трехлѣтняя епитимія (14 янв. 1554 г.), причемъ соборъ напомнилъ еще ему 64 правило VI вселенскаго собора: „не подобаетъ міряннину предъ народомъ произносить слово или учить и брать на себя учительское достоинство, но должно повиноваться преданному отъ Господа чину, отверзть ухо пріявшимъ благодать учительства и отъ нихъ поучаться божественному слову", съ прибавкою, „чтобы нога не думала, что она голова", и внушительными угрозами, если онъ и впредь будетъ разсуждать о священныхъ вещахъ [1]). Показанія его на Сильвестра и Симеона вызвали съ ихъ стороны извѣстныя намъ „жалобницы", изъ опасенія быть привлеченными къ ереси Башкина и Артемія [2]). Впрочемъ, нѣкоторые видятъ въ поступкѣ Висковатаго не болѣе какъ интригу противъ Сильвестра, положеніе котораго послѣ дѣла о завѣщаніи царя считали тогда поколебленнымъ, причемъ Висковатый, какъ стоявшій на сторонѣ правъ Димитрія, могъ надѣяться на успѣхъ въ этомъ дѣлѣ [3]). Съ именемъ дьяка Висковатаго связано приведеніе въ порядокъ царскаго архива, опись котораго, не вполнѣ сохранившаяся, свидѣтельствуетъ лишь объ исчезновеніи многихъ важныхъ документовъ въ послѣдующихъ пожарахъ и расхищеніяхъ (смутное время, пожары 1626, 1736 [4]). Въ 1570 г. Висковатый былъ казненъ со многими другими, какъ обвиненный въ тройной измѣнѣ: въ пользу короля польскаго, крымскаго хана и султана турецкаго [5]).

X.

Вслѣдъ за дѣломъ Башкина и Артемія въ Москву былъ доставленъ болѣе важный противникъ церкви — Ѳеодосій Косой. Одновременное распространеніе его ереси и осужденіе съ приведенными выше, вѣроятно, и послужило причиной смѣшенія разсмотрѣнныхъ нами мнѣній, какъ одного и того же раціоналистическаго направленія.

Ѳеодосій Косой, родомъ москвичъ, былъ прежде рабомъ у одного изъ близкихъ вельможъ царя; обокравъ своего господина, онъ бѣ-

[1]) Покаяніе и соборная епитимія дьяка Висковатаго (Акты Арх. экспед., I, 241—246).

[2]) Ibid., 246—256; ср. Калугинъ, 254—258, 355—356.

[3]) Голохвастовъ и Леонидъ, 29—31.

[4]) Акты Арх. экспед., I, № 289, стр. 335—355.

[5]) Карамзинъ, IX, 91—94, прим. 276, 299, 303, 750.

жалъ отъ него на Бѣлоозеро, гдѣ постригся въ монахи [1]). По возвращеніи Артемія въ пустынь, Ѳеодосій пользовался нѣкоторое время его вниманіемъ, а потомъ перешелъ на Новоозеро, гдѣ и распространялъ свое ученіе [2]). Ѳеодосій выступилъ проповѣдникомъ „новаго" ученія въ томъ районѣ, гдѣ долгое время поддерживалось религіозное броженіе, обнаружившееся послѣдовательно въ различныхъ еретическихъ толкахъ. Его послѣдователи отдавали преимущество его ученію, такъ какъ оно было „открыто" и для неученыхъ, тогда какъ отеческое ученіе для нихъ было непонятно. Указывали, что онъ училъ по книгѣ и давалъ всѣмъ ее читать, между тѣмъ какъ епископы и попы учили наизусть. Его послѣдователи говорили, что такого ученія еще не бывало отъ созданія міра и никто не постигъ въ такой степени истину, какъ Косой, который обнаруживаетъ „здравый умъ". Они свидѣтельствовали, что его ученіе сильно распространилось и встрѣтило большое сочувствіе (отъ многихъ пріемлемо и похваляемо) въ обществѣ; дѣйствительно, не смотря на крайнее отрицаніе, оно коснулось даже духовныхъ лицъ. Такъ лица, пришедшія къ Зиновію Отенскому въ обитель потолковать о новомъ ученіи, были клирошане Спасова хутынскаго монастыря: двое изъ нихъ уже были монахи, а третій міряниnъ-иконописецъ. Они же говорили, что даже прежній господинъ Косого покровительствовалъ ему. Сущность ученія Косого, какъ мы сказали, изложена въ сочиненіяхъ Зиновія Отенскаго, ученика М. Грека, подвергшагося ссылкѣ вмѣстѣ съ своимъ учителемъ.

Зиновій, инокъ Отенскаго (т. е. Отчаго) Предтеченскаго мон-ря (въ 50 верстахъ отъ г. Крестцовъ, Новгород. губ.), ученикъ М. Грека, сосланный послѣ перваго суда (вѣрнѣе послѣ второго, Калугинъ, 82), надъ послѣднимъ (1531) въ означенную пустынь, гдѣ и скончался въ 1568 г. (Евгеній, I, 189). Дѣло о Косомъ до насъ не дошло и свѣдѣнія о его ученіи получаются изъ двухъ сочин. Зиновія: „Истины показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи" (изд. по рукоп. Солов. библ. и Моск. духов. акад. XVII в. въ Прав. Соб. 1863 и 1864 гг., раздѣл. на 56 главъ и 12 бесѣдъ и отд.). Трактатъ этотъ составленъ въ 1566 г. (см. стр. 56 и 57). Въ свое время его читалъ царь В. И. Шуйскій, какъ значится на рукописи. Это обширное сочиненіе въ 1000 не-

[1]) Въ упоминаемыхъ о привозѣ съ Бѣлоозера двухъ чернецахъ въ Волоколам. рукоп. № 134 видятъ Ѳеодосія Косого и его единомышленника Игнатія или Вассіана (Макарій, VI, пр. 346).

[2]) Многословное посланіе Зиновія (см. ниже).

чатн. страницъ. Другое его сочин., посвященное той же ереси „Многословное посланіе черноризца къ вопросившимъ о извѣстіи благочестія на зломудріе Косого и иже съ нимъ". (Рукоп. Спб. духов. акад.). Свѣдѣнія о немъ, его спискахъ и авторѣ — П. Ѳ. Николаевскаго (Дух. Вѣст. Харьк. 1865, XI, 24—54). Оно изд. А. П. Поповымъ (Чтен. Моск. Общ. ист. 1880, кн. II, стр. 1—305). Третье сочин. (съ выписками изъ обоихъ) „Слово на открытіе мощей Іоны, архіеп. новгород." (въ прилож. къ изслѣд. Калугина, 17—26) и 4-е „Слово на открытіе мощей еп. новгор. Никиты (о немъ ib. 314—342). Подробное изслѣд. въ ист. церкви Макарія (VII, 487—526—авторъ ставитъ „Истины показаніе" выше Просвѣтителя Іосифа) и въ соч. Ѳ. Калугина: „Зиновій инокъ Отенскій и его богослов. полемич. и церков. учит. произведенія", Спб. 1894 (авторъ отвергаетъ какія либо заимствованія у Іосифа). Въ отношеніи къ еретикамъ Зиновій держался мнѣнія М. Грека (275—298), требуя сначала примѣненія гуманныхъ мѣръ (306, 310). При всей начитанности Зиновія, его произведенія далеко не отличаются правильнымъ и легко усваиваемымъ слогомъ. См. также: П. Емельяновъ: „О происхожд. ученія Башкина и Косого на Руси (Труды Кіев. дух. акад. 1862, № 3); Ученіе Ѳеодосія Косого (1868, № 6); Полемика противъ ученія Косого (ib. № 9); А. Никольскій, Матер. для исторіи противо-лютер. полем. сѣверо-восточ. рус. церкви XVI и XVII стол. (ib. 1862, № 6; 1864, №№ 1 и 2).

Косой не признавалъ божественнаго происхожденія Христа, отрицалъ иконопочитаніе, церковную службу, построеніе храмовъ, безсмертіе души и необходимость искупленія, поклоненіе святымъ и составленіе имъ службъ, силу мощей, молитвъ и поста, и вообще внѣшніе обряды церкви. Ссылаясь на свящ. писаніе (Дѣяніе X, 34, 35; Галат., III, 28), онъ проповѣдывалъ религіозный и національный индифферентизмъ [1]). Свое ученіе онъ основывалъ на подборѣ извѣстныхъ мѣстъ священнаго писанія и отцовъ церкви. Съ другой стороны, онъ строго проводилъ идею единобожія и потому отдавалъ предпочтеніе Ветхому Завѣту. Онъ также совѣтовалъ читать сочиненія апостольскія, но заподозрѣвалъ посланіе ап. Павла къ евреямъ, считая его произведеніемъ другого Павла, какъ и западные протестанты скептически относились къ этому сочиненію. Къ отеческимъ же писаніямъ Косой относился съ недовѣріемъ и считалъ ихъ безполезными для чтенія, какъ заключающими въ себѣ „человѣческія преданія".

---

[1]) Зиновій, 143 293.

Въ ученіи М. Грека и Артемія напротивъ постоянно полагается въ основаніе Новый Завѣтъ. Иванъ Грозный, въ отвѣтъ Рокитѣ, доводитъ до крайности отверженіе Ветхаго Завѣта (Чт. въ Общ. ист. 1879, IV, 7—9, 25, 48). Англійскіе пуритане питали также расположеніе къ В. Завѣту (суббота, имена при крещеніи, въ юридическихъ и общественныхъ дѣлахъ обращеніе къ книгамъ Моисея, Судей, Царствъ, отдавали предпочтеніе еврейск. языка греческому и т. п., Маколей, VI, 81). Единобожіе Косой подтверждалъ ссылками на В. Завѣтъ, а его послѣдователи жаловались, что эти книги (столповыя) скрываются отъ людей. Флетчеръ замѣчаетъ, что русскіе вообще придаютъ мало значенія книгамъ В. Завѣта и нѣкоторые думаютъ, что малодоступность книгъ В. Завѣта была слѣдствіемъ опасенія отъ распространенія ереси жидовствующихъ (А. Лебедевъ, Макарій, митрополитъ московскій, 124; Калугинъ, Зиновій Отенскій, 163).

XI.

Косой, какъ мы видѣли, принадлежалъ къ мыслившимъ книжникамъ. Уже одно то обстоятельство, что бывшій рабъ могъ стать книжнымъ и „разумнымъ“ человѣкомъ, когда часто князья оказывались безграмотными, а духовные сановники „мало наученными“, говоритъ въ его пользу. Вѣроятно еще въ Москвѣ онъ побывалъ въ кругу книжниковъ и познакомился съ разными писаніями, почему и его коснулось то литературное движеніе, которое почти съ начала XVI стол. сосредоточивалось тамъ и волновало московское общество. Въ указанной литературной борьбѣ, притомъ въ произведеніяхъ лучшихъ ея представителей—Максима Грека и Вассіана—на жизнь и стремленія духовенства было наложено много тѣней, за что впослѣдствіи имъ обоимъ пришлось поплатиться горькими бѣдами. Сочиненія М. Грека и Вассіана расходились въ обществѣ и возбуждали толки, которые сами собою вели къ различнымъ заключеніямъ. Если Максимъ обличалъ духовенство за его нравы, недостойные тѣхъ лицъ, которыя брали на себя право учительства, и осуждалъ его за исключительную заботливость только о мірскихъ стяжаніяхъ; если Вассіанъ хотѣлъ дать своимъ требованіямъ даже каноническую силу, и, во имя одного изъ основныхъ положеній религіи, грозилъ проклятіемъ отступникамъ; то можно было ожидать, что, при возбужденномъ настроеніи мысли, явится человѣкъ, который всѣ эти заявленія приведетъ къ конечному результату. Такъ поступилъ Ѳеодосій Косой. Клирошане, излагавшіе его ученіе Зиновію Отенскому, между прочимъ говорили: „*Максимъ Грекъ* сильно принуждаетъ хранить заповѣдь нестяжанія и по этому поводу

написалъ „Слово о покаяніи души“... а Косой, *послѣдуя ему*, говоритъ, что прельстились тѣ, которые называютъ преподобными Кирилла, Нила, Пафнутія и прочихъ, пріобрѣтавшихъ села, потому что, *по Максиму*, они чужды спасенія“ [1])... Проводя же одухотвореніе религіи далѣе, Косой пришелъ къ отрицанію монастырей, какъ выражающихъ собою извѣстную религіозную форму, утвержденную человѣческимъ преданіемъ. „Монастыри, училъ онъ,—человѣческія преданія, и въ нихъ законы и уставы завѣщаны обычаю по своей волѣ. Василій же говоритъ, чтобы удалиться (отскочить) отъ своихъ желаній и человѣческихъ обычаевъ и отъ соблюденія преданій... Въ Евангеліи монастыри не положены и законы и уставы ихъ не написаны; отъ такихъ же волей и соблюденія человѣческихъ преданій Василій Великій (!) учитъ уклоняться“ [2]).

Съ другой стороны, къ отрицательнымъ заключеніямъ приводили Косого нравы духовенства и обличенія его жизни, на которыя не щадили словъ Максимъ и Вассіанъ, а сочиненія ихъ, какъ мы видѣли, были извѣстны Косому [3]). Косой только дѣлалъ выводы изъ того, на чемъ они останавливались. Вотъ какъ обличали православное духовенство еретики: „Нѣтъ у васъ единомыслія, не соблюдается, какъ велитъ Василій, союзъ мира; не хранится крѣпость духа, но обрѣтаются раздвоеніе, ссоры, ревность; великая дерзость будетъ называться членами Христовыми, поставленными отъ Христа въ начальство. Просто надобно сказать—плотское мудрованіе царствуетъ у вашихъ игуменовъ, епископовъ, и у митрополита; нѣтъ духа кротости, оттого они и насъ гонятъ, запираютъ въ тюрьмы, не даютъ намъ узнать истины, а утверждаютъ свои преданія. Повелѣваютъ не ѣсть мяса и не жениться, возбраняютъ исполнять евангельскую заповѣдь, которая ясно говоритъ: „не входящая въ уста скверннтъ человѣка“ (совершенно такъ выражено у Максима Грека) и заповѣдь апостольскую объ изженныхъ совѣстью, возбраняющихъ жениться и удаляться брашенъ. *Поэтому* всему не слѣдуетъ слушать епископовъ, когда они учатъ преступать заповѣди, какъ и сами ихъ *преступаютъ*, а только прилежать пѣнію, да канонамъ (см. у Максима Грека), что въ Евангеліи не показано хра-

---

[1]) Истины показаніе, 908, 913; ср. Чтен. въ Общ. ист. 1847, № 7 (отзывы Даніила на судѣ).

[2]) Истины показаніе, гл. 44.

[3]) Такъ, клирошане замѣтили Зиновію, что о монастырскихъ вотчинахъ очень хорошо писалъ князь Вассіанъ и что Максимъ Грекъ много говорилъ объ этомъ.

нить и творить [1]). Они отвергаютъ любовь христіанскую, именуя насъ еретиками, мучатъ насъ, а въ Евангеліи не велѣно мучить и еретиковъ, какъ указано въ притчѣ о сельныхъ плевелахъ; они же гонятъ насъ за истину". Дальнѣйшее развитіе этой мысли представляетъ уже отрицаніе самой церковной іерархіи... „Косой учитъ, говорили клирошане, повелѣвая людямъ, не называть себѣ на землѣ отца, по имѣть Бога Отца на небеси, кресты и иконы сокрушать, святыхъ на помощь не призывать, въ церкви не ходить, книгъ церковныхъ учителей и житій святыхъ не читать, не молиться имъ и не каяться, не причащаться и не кадить; на погребеніи отъ поповъ и епископовъ не отпѣваться и по смерти не поминаться. Епископы и попы ложные учители и идольскіе жрецы... Богу же слѣдуетъ поклоняться духомъ, а не творить поклоны, не приносить просвиры, каноны и свѣчи. Книгу Іосифа Волоцкаго онъ запрещалъ читать [2]). Привезенный въ Москву и помѣщенный въ одномъ изъ монастырей (1555), Косой съумѣлъ приласкаться къ стражамъ и бѣжалъ въ Литву, вмѣстѣ съ единомышленникомъ Вассіаномъ (другой Игнатій скрылся раньше), гдѣ, свергнувъ монашество, женился на вдовѣ-еврейкѣ, чѣмъ вызвалъ негодованіе Артемія [3]) и Курбскаго [4]); но имѣлъ и тамъ успѣхъ. Зиновій замѣчаетъ, что какъ Востокъ развратился Бахметомъ (Магометомъ), а Западъ Мартиномъ нѣмчиномъ (Лютеромъ), такъ Литва Косымъ [5]). По словамъ же Андрея Венгерскаго (Регенвольскій), Ѳеодосій Косой умеръ вскорѣ, въ старости, имѣя свыше 80 лѣтъ [6]).

XII.

До насъ не дошли полныя свѣдѣнія о происходившихъ тогда процессахъ еретиковъ; но изъ отрывочныхъ указаній видно, что въ то же время и вслѣдъ за тѣмъ въ Москву былъ доставленъ рядъ лицъ, причастныхъ къ ереси: такъ, въ томъ же 1555 г. производилось со-

---

[1]) Для отрицанія почитанія Богородицы Косой пользовался формулой Константина Копронима, приведенной у М. Грека (Многосл. посл., 255; Сочин. М. Грека I, 500); ссылается на него по поводу чествованія святыхъ (914), а въ другихъ случаяхъ заимствуетъ свои выводы (о преданіи и т. п.) прямо изъ посл. Артемія на Бѣлоозеро (Калугинъ, 70—72).

[2]) Истины показаніе, 930.

[3]) Рус. Истор. библ. IV, 1420. Калугинъ, 102, 127, 193. Истины показаніе, 31—37.

[4]) Курбскій замѣчаетъ, что Ѳеодосій и Игнатій примкнули къ аріанамъ и др. еретикамъ не такъ ради ученій, яко зацныхъ для своихъ паней (268—269). Женитьбы монаховъ случались и въ Россіи (Рус. Ист. б. VI, 433, 606).

[5]) Истины показаніе, 49.

[6]) Syst. hist. chronol. eccles. Slavon. 1650, p. 262—263.

борное дѣло противъ учениковъ Артемія „новоозерскихъ чернецовъ“ Іоны и попа Аникія Кіянскаго; въ 1556 г. противъ торопчанъ Ѳедки Жирина „съ товарищи“, „бѣлозерца“ Тим. Сергѣева „съ товарищи“; чернеца Сергѣя, по письменному сообщенію смоленскаго епископа Симеона (изъ игуменовъ Кириллова-Бѣлозерскаго мон., 1555—1567); старца Нила Курлятева, друга М. Грека, а слѣдовательно и сторонника заволжскихъ идей „и иныхъ“,[1]). И еще въ 90-хъ годахъ XVI стол. въ Волоколамскомъ мон. содержался „на смиреніи“ нѣкто Василій Курицынъ „первый грѣшникъ предъ Богомъ“, быть можетъ одинъ изъ потомковъ Ѳедора Курицына, покровителя ереси жидовствующихъ[2]).

На основаніи всего сказаннаго можно заключить, что литературное движеніе XVI в. по важнѣйшимъ церковно-общественнымъ вопросамъ непосредственно примыкаетъ къ произведеніямъ Максима Грека и исходитъ изъ нихъ. Самъ по преимуществу критикъ, онъ возбудилъ интересъ къ критическому отношенію среди современныхъ ему книжныхъ людей, которое проявилось въ двухъ направленіяхъ, одно изъ которыхъ стремилось примирить усвоенныя ими идеальныя требованія жизни съ бытовыми условіями современнаго строя (Башкинъ, Артемій), а другое, расширяя область критическаго мышленія, дошло до отрицанія существующаго церковнаго порядка[3]), хотя основывалось на тѣхъ же религіозно-нравственныхъ началахъ. Можно удивляться, что всѣхъ ихъ, какъ и нѣкогда М. Грека и Вассіана, постигла равная участь, но это еще разъ подтверждаетъ, что въ тогдашнихъ церковныхъ правящихъ кругахъ господствовало полное смѣшеніе нравственно-религіозной критики съ отступленіями догматическаго характера, которыя притомъ не ясно понимались.

Понятно, что Максимъ Грекъ не могъ въ современномъ движеніи не чувствовать значительной доли своего вліянія и не опасаться за недавно полученный относительный покой, когда вокругъ его падали его друзья (Артемій, Нилъ Курлятевъ) и онъ самъ оказался въ средѣ,

[1]) Акты Арх. экспед. I, 349 (ящикъ 190 по описи архива). Курбскій, говоритъ, что между кирилловскими монахами была секта такихъ, которые писателями соборныхъ посланій считали не апостоловъ, а старцевъ—пресвитеровъ (Опис. Рум. муз., 243; Ан. Поповъ, Опис. рук. Хлудова, 114). Объ извѣстн. Исаакѣ (Іоасафѣ). Бѣлобаевѣ въ соборн. актѣ сказано, что онъ „нѣчто отъ церковныхъ законъ развращалъ“ (Чт. въ Общ. ист. 1847, № 3).

[2]) Филаретъ, Ист. рус. церкви, отд. III, 321, пр. 214; Жмакинъ, 467—469.

[3]) Чтеніе свящ. писанія и на Западѣ вело къ религіозному и политическому свободомыслію. Гоббсъ считалъ это одною изъ первыхъ и главныхъ причинъ (Спенсеръ, Англія, 197).

настроенной къ нему крайне враждебно, которая принимала даже дѣятельное участіе въ этихъ новыхъ потрясеніяхъ, происходившихъ на его глазахъ. Поэтому можно думать, что послѣдній годъ его жизни (1555—1556) прошелъ для него крайне неблагопріятно, а прежнія невзгоды давно давали себя чувствовать, и 21 января 1556 г. его не стало [1]).

Уроженецъ и житель благословеннаго юга, брошенный судьбой на отдаленный суровый сѣверъ, гдѣ онъ долженъ былъ подвергаться продолжительному и томительному заключенію, М. Грекъ дожилъ, однако, до глубокой старости, обязанный тѣмъ [2]) своему крѣпкому организму [3]) и той глубокой вѣрѣ въ свое призваніе и долгъ, которая проникала все его существо и которой онъ остался вѣренъ до конца. Гробница его находится въ Троицкой лаврѣ, близъ церкви Св. Духа, сооруженной ц. Иваномъ Васильевичемъ на память о взятіи Казани, въ особой малой часовнѣ [4]).

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Вопросъ о вліяніи пребыванія Максима Грека въ Италіи на образъ его мыслей.— Іеронимъ Савонарола и М. Грекъ — историческая параллель.— Значеніе его въ исторіи русскаго просвѣщенія.— Послѣдователи, ученики и почитатели М. Грека.— Степень распространенности его сочиненій, списываніе и собранія ихъ.— Печатныя изданія.—Почитаніе М. Грека. Его житія.— Историческая оцѣнна его дѣятельности.

I.

Въ воспоминаніяхъ о своей юности Максимъ Грекъ сохранилъ лучшія чувства о трехъ лицахъ и связашныхъ съ ними событіяхъ: о Іеронимѣ Савонаролѣ и его дѣятельности во Флоренціи, объ Іоаннѣ Ласкарисѣ и объ Альдѣ Мануціѣ. Съ представителями отрицательныхъ ученій онъ рано порвалъ связи. І. Ласкарисъ, самъ преданный инте-

---

[1]) Означенное число принимаемъ на основанік установленной ему памяти.

[2]) Объ этомъ можно заключать по внѣшнему облику.

[3]) Ратшинъ, 186. Въ спискѣ надгробій Троиц. Сергіев. мон. въ XVII в. сказано: „У западнаго угла церкви Сошествіе Св. Духа старецъ Максимъ Грекъ, преставился 64 году“ (т. е. 1556 г. Чтен. въ Общ. истор. 1846, № 3, стр. 42).

[4]) Подъ конецъ онъ жаловался на болѣзни: „Множае бо житія моего въ болѣзняхъ и недугахъ различныхъ прохожу“, что заставляло его прекращать переписку съ друзьями (II, 424). Въ другой разъ онъ жалуется на многія немощи (421). Ср. стр. 501, прим. 4.

ресамъ Греціи и ея церковнымъ преданіямъ, могъ утвердить въ немъ религіозно-политическія чувства, заставившія его возвратиться на родину и послужить ей въ наиболѣе доступной тогда средѣ. О Ласкарисѣ М. Грекъ бесѣдовалъ съ Курбскимъ и назвалъ его своимъ наставникомъ въ философіи, обнимавшей тогда общія начала всѣхъ наукъ. Ученое общество, основанное Альдомъ Мануціемъ и его предпріятіе ввели Максима въ кругъ научныхъ занятій и, быть можетъ, къ этому времени относится его ближайшее знакомство съ произведеніями древней литературы и церковными писателями[1]), на которыхъ онъ такъ часто ссылается и которыми онъ легко могъ пользоваться въ библіотекѣ кард. Виссаріона, находившейся въ Венеціи, пополнивъ свѣдѣнія потомъ на Аѳонѣ, и если онъ указываетъ на свои частыя посѣщенія Мануція, окруженнаго многими его соотечественниками—греками, то и дѣятельность Ласкариса, и бесѣды съ Мануціемъ и членами означенной академіи могли значительно расширить его умственный кругозоръ путемъ чтенія и живыхъ сношеній. Свидѣтельствомъ интереса Максима къ предпріятію Альда Мануція остались изданія послѣдняго, которыя онъ привезъ съ собою въ Москву. Но наибольшее и самое сильное впечатлѣніе отъ его пребыванія въ Италіи, несомнѣнно сохранилось объ Іеронимѣ Савонаролѣ. Вся дѣятельность М. Грека была какъ бы отраженіемъ того нравственно-религіознаго культа, которому такъ самоотверженно служилъ Савонарола. Повѣствованіе М. Грека о проповѣднической дѣятельности послѣдняго настолько точно передаетъ впечатлѣніе объ общемъ характерѣ рѣчей и значеніи Савонаролы, что обнаруживаетъ въ М. Грекѣ вполнѣ достовѣрнаго свидѣтеля его нравственной реформы. Увлеченіе самого Максима пламенными проповѣдями флорентійскаго реформатора было столь сильно, что онъ готовъ и его, и его товарищей по мученической кончинѣ причислить къ древнимъ защитникамъ благочестія, если бы они не были „латыняне по вѣрѣ“, потому что находилъ въ нихъ „туже пламенную ревность о словѣ Христа и объ исправленіи вѣрныхъ“ [2]).

Подобное отношеніе къ знаменитому проповѣднику позволяетъ признать, что и въ переломѣ міросозерцанія Максима, окруженнаго языческими традиціями и прикосновеннаго къ современнымъ увлеченіямъ,

[1]) На это указываетъ интересъ его къ церковнымъ вопросамъ за границей (о картезіанцахъ, объ образѣ Pietas и др.).

[2]) Сочин., III, стр. 194—202.

Максимъ Грекъ упоминаетъ только о слышанныхъ имъ проповѣдяхъ (слѣдов. онъ хорошо понималъ итальян. языкъ), но умалчиваетъ о чтеніи произведеній Савонаролы.

значительное участіе принадлежитъ тому же Савонаролѣ. Это побуждаетъ насъ остановиться на той сторонѣ ихъ дѣятельности, которая отразилась не только въ ихъ произведеніяхъ, но и на самой судьбѣ. По своему образованію оба они (Іер. Савонарола род. 21 сент. 1452 г.) принадлежали Италіи и наиболѣе блестящей въ развитіи мысли—эпохѣ возрожденія. И въ оцѣнкѣ ея вліянія оба они стоятъ на одной и той же точкѣ зрѣнія: оба они защищаются отъ упрековъ въ отрицаніи „наукъ внѣшнихъ", признавая ихъ полезность и пользуясь ими подъ условіемъ, чтобы такое употребленіе не нарушало „богословской догмы". М. Грекъ всецѣло утверждается на ученіи (въ философскомъ смыслѣ) Іоанна Дамаскина; Іер. Савонарола, писавшій цѣлые трактаты по научнымъ вопросамъ (о разныхъ отрасляхъ знанія и, составивъ свою систему[1]), о поэзіи, о красотѣ и т. п.[2]), исходитъ изъ Ѳомы Аквинскаго (и Аристотеля съ арабскими комментаріями), переработавшаго для той же цѣли философію І. Дамаскина, и даетъ въ удобопонятной формѣ изложеніе основъ философіи (не исключая и естествовѣдѣнія), служившей тогда общеобязательной наукой, какъ необходимое введеніе во всѣ отрасли знанія.

II.

М. Грекъ не можетъ претендовать на подобную широту своего призванія. Это объясняется различіемъ ихъ жизненныхъ условій, среды и характера дѣятельности. Іер. Савонарола призванный трибунъ не только въ сферѣ религіозной, но и политической, реформаторъ въ государственномъ смыслѣ слова, который успѣлъ заслужить признательность не только многихъ выдающихся современниковъ, но и послѣдующихъ политическихъ писателей (Макіавелли, Гвичіардини и др.), не только въ области примѣненія своихъ политическихъ мнѣній, но и въ теоріи государствовѣдѣнія. М. Грекъ былъ призванъ для опредѣленнаго круга дѣятельности и долженъ былъ ограничиться предѣлами литературныхъ занятій, и вотъ въ то время, какъ Савонарола въ теченіе своей кратковременной жизни (45 лѣтъ), изъ которой половина приходится на долю общественной дѣятельности, могъ дать, пользуясь рукописными трудами и печатнымъ станкомъ,—до 20 томовъ разнооб-

---

[1]) Философія Савонаролы сходна съ ученіемъ Том. Кампанеллы.

[2]) „Разсужденіе всѣхъ наукъ": „Метафизика царица всѣхъ знаній; она стремится къ высочайшимъ истинамъ и болѣе всѣхъ прочихъ наукъ облагораживаетъ и возвышаетъ человѣка; но разсужденіе secondo puri naturali, прибавляетъ онъ, ибо съ христіанской точки зрѣнія только богословіе есть единственная истинная наука".

разныхъ произведеній (политическихъ и богословскихъ трактатовъ, проповѣдей, писемъ и стихотвореній, не считая разныхъ брошюръ, вызванныхъ текущими событіями), М. Грекъ въ теченіе продолжительнаго жизненнаго пути (почти вдвое) написалъ рядъ статей (богословскихъ, экзегетическихъ, обличительныхъ и посланій къ разнымъ лицамъ), составляющихъ всего три небольшихъ тома. Даже въ сферѣ церковной Іер. Савонарола прошелъ разныя стадіи духовнаго служенія до пріорства и званія главы Тосканской конгрегаціи (1494) и могъ быть польщенъ кардинальской шапкой, отъ которой самъ отказался; М. Грекъ остался до конца тѣмъ же аѳонскимъ монахомъ [1]), саномъ котораго онъ такъ гордился [2]); поэтому первый изъ нихъ могъ не только обличать, но и реформировать монастырскую жизнь по своимъ началамъ, а второй только обличать и выражать пожеланія; но у обоихъ ихъ—была общая черта—стремленіе къ отшельнической жизни [3]); у обоихъ ихъ влеченіе это вытекало изъ присущаго имъ мистицизма, какъ очистительнаго элемента въ религіозной жизни [4]). Но они оба не ставили монашество на высоту недосягаемой святости (по византійскому воззрѣнію—8-ое таинство), а писали и совѣтовали подвергать себя предварительно продолжительному испытанію и не пренебрегать супружеской жизнью (см. выше, стр. 439 [5]). Это вытекало у нихъ обоихъ изъ того піэтизма, свойственнаго мистикамъ, которое смягчаетъ суровость даже монашескаго режима и заставляетъ относиться снисходительно къ другимъ. У Савонаролы суровость реформатора проявилась лишь относительно нарушенія созданной имъ формы правленія

---

[1]) Сообщеніе поздѣйшихъ біографій о возведеніи его въ разные чины (до архимандрита) плодъ фантазіи его почитателей.

[2]) „А философомъ Бога ради не зови мене; азъ инокъ есмь, паче всѣхъ невѣжа, писалъ онъ Карпову (Хр. Чтен.. 1909, II, 1125).

[3]) Виллари, I, 128; II, 333. Мысли Іер. Савонаролы „объ умной молитвѣ“ (I, 89) соотвѣтствуютъ наставленію Нила Сорского о томъ же: „Умственная молитва выше тѣлесной, тѣлесное упражненіе—листъ, а внутреннее, умственное—плодъ“ и т. д. (Преданіе ученикамъ о скитской жизни). Трактатъ Іер. Савонаролы „о любви къ І. Христу“ проникнутъ мистическимъ энтузіазмомъ и выдержалъ нѣсколько изданій.

[4]) См. выше, стр. 211 —. Мистика, нарушивъ религіозное единство, которое было высшимъ желаніемъ Савонаролы, расчистила путь для реформаціи (Виллари, II, 64). Возникновеніе пустынничества въ Италіи на уединенныхъ горахъ въ моментъ реформаціи (Ранке, Папы, I, 136—138). Конечно это не тотъ мистицизмъ, который появился у насъ въ 20-хъ годахъ XIX в.

[5]) Виллари, I, 131—319. Савонарола принялъ монашество послѣ неудачнаго предложенія (хотя и незаконной дочери, но извѣстной фамиліи—Строцци). Одно слово, августинскаго проповѣдника, слышаннаго въ Фаэнцѣ и видѣнные нравы, достойные Содома и Гаморры, рѣшили (1474) его участь (Виллари, Іер. Савон., I, 13—15; II, 296). Защита супружества въ „Книгѣ о вдовьей жизни“.

и въ уничтоженіи соблазнительныхъ предметовъ, какъ дважды и у М. Грека (см. выше, стр. 208 и 434); но это были вспышки того фанатизма, безъ котораго, по словамъ Руссо, не совершается ни одно великое дѣло. Савонарола былъ весь пропитанъ негодованіемъ противъ свѣтской (Петръ Медичи и др. итальянскіе тираны) и духовной (Александръ VI) тиранніи, въ особенности если она соединялась съ безнравственностью и цинизмомъ; Максимъ Грекъ могъ только писать посланія къ свѣтскимъ и духовнымъ властямъ, взывая о милости, правомъ судѣ и заботахъ объ униженныхъ и бѣдствующихъ меньшихъ братіяхъ или обличать нарушителей нравственнаго порядка; но у него не было каѳедры.

У Іер. Савонаролы и М. Грека въ основаніи ихъ требованій лежитъ религіозная точка зрѣнія и постоянныя указанія на тлѣнность мірскихъ заботъ („суетъ", какъ названы у Савонаролы предметы, употреблявшіеся во время карнаваловъ и имъ уничтоженные въ 1497—1498); но М. Грекъ и тутъ долженъ былъ ограничиться одними благочестивыми пожеланіями. Послѣдній, чтобы избыть суеты и предаться религіознымъ подвигамъ, всю жизнь мечталъ о возвращеніи на Аѳонъ—и безплодно; Савонарола приготовлялъ для себя вблизи монастыря скитъ—и также напрасно. Оба они смотрѣли на свою дѣятельность, какъ на исполненіе обязательнаго для нихъ религіознаго *долга*. Савонарола выполняетъ всѣ, возлагаемыя на него порученія, и когда ему хотѣли воспрепятствовать силой, то онъ отвѣчалъ: „для вѣры все возможно, она все побѣждаетъ. Она презираетъ жизнь земную, ибо надѣется на небесную. Теперь приближаются времена, о которыхъ было предсказано; насталъ часъ опасностей, и мы скоро увидимъ, кто воистину съ Господомъ. Нечестивые думали, что они могутъ воспрепятствовать моей сегодняшней проповѣди, но пусть знаютъ они, что изъ страха я никогда не отступалъ передъ лежащимъ на мнѣ долгомъ. Нѣтъ на землѣ человѣка ни великаго, ни малаго, который имѣлъ бы право гордиться тѣмъ, что онъ воспрепятствовалъ мнѣ исполнить мою обязанность. Я готовъ жизнью пожертвовать ради нея" [1]). И когда ему встрѣтились дѣйствительныя опасности на пути и со стороны флорентійскихъ властей, и въ лицѣ „папы разбойника", то онъ, скорбя объ отлученіи, пошелъ съ своими помощниками на смерть. М. Греку не

[1]) Виллари, I, 71; II, 20. Жажда мученичества къ концу его дѣятельности стала обычной, какъ бы болѣзненной, о чемъ упоминаетъ М. Грекъ, (см. выше, с. 120). Послѣдній утѣшалъ себя въ страданіяхъ примѣрами мучениковъ (Соч. I, 147—148). „Вы думаете, что я боюсь Рима? Мы пойдемъ противъ него, какъ пойдемъ противъ язычества". Или: „Эти отлученія нынѣ дешевы; каждый можетъ зачетыре ливра добиться чьего бы то ни было отлученія" и т. д., говоритъ Савонарола.

угрожала такая опасность, но онъ провелъ много лѣтъ въ заточеніи и такъ же, какъ и Савонарола, писалъ, не смотря на запрещенія, и разсылалъ свои поученія и обличенія властямъ и всѣмъ близкимъ. Ивану Грозному онъ пишетъ, что дѣлаетъ это, боясь участи того лѣниваго раба, который скрылъ талантъ своего господина въ землю; онъ писалъ, ревнуя по вѣрѣ, по Богѣ, по истинѣ [1]). И если его обличенія не имѣли успѣха, онъ считалъ себя чистымъ передъ совѣстью, такъ какъ онъ выполнилъ *долгъ*: „хорошо, если слово мое достигнетъ цѣли по примѣтѣ, говоритъ онъ, но если погрѣшитъ, и тогда слава Богу, который воздвигъ насъ къ вашему исправленію“ [2]). Какъ М. Грекъ жаждалъ обрѣсти безопасный портъ на Аѳонѣ, такъ и Савонарола искалъ въ монастырѣ „двухъ вещей“, которыя онъ любилъ болѣе всего: „свободы и покоя“ [3]); но оба они не нашли ихъ. Отсюда, каждый изъ нихъ могъ сказать, „тѣсноты мои, скорби гнетутъ меня со всѣхъ сторонъ и я не вижу, что же я долженъ предпринять... Сзади я потерялъ изъ виду портъ, а противный вѣтеръ гонитъ меня все далѣе отъ берега. Кажется, что и Господу неугодно, чтобы я возвращался назадъ“... И въ изнеможеніи Савонарола восклицаетъ: „Дайте мнѣ цвѣтовъ, какъ говоритъ „Пѣснь пѣсней Соломона“, принесите мнѣ цвѣтовъ (начинающіе спасаться) и фруктовъ (совершенные), ибо я изнемогаю отъ любви, ибо изъ-за любви къ вамъ я томлюсь. Живите благочестиво и я ничего не буду требовать отъ васъ, кромѣ одного, чтобы вы были угодны Богу и чтобы вы спасли души ваши. Теперь дайте мнѣ отдохнуть отъ этой бури“ [4]). Но отдыхъ не приходилъ, какъ и отпущеніе для М. Грека. Оба они считали себя вѣрными сынами своей церкви [5]), даже тревожились за свое отлученіе, но сознаніе выполненія долга ихъ успокаивало. Они признавали, что ихъ обличенія и даже грозныя реплики не касаются лицъ (хотя намеки, а у Савонаролы и прямыя указанія должны были приниматься за таковыя [6]). Они заботились объ очищеніи церкви отъ плевелъ и желали направить ее въ прямое русло...

---

[1]) Сочин., I, 35, 237, 457, 510, 530, II, 355, 452.

[2]) Сочин., I, 458.

[3]) Такіе моменты бываютъ: вспомнимъ желанія Пушкина передъ кончиной и слова Лермонтова: „Я ищу свободы и покоя“.

[4]) Вилларн, I, 235—236.

[5]) Савонарола и его товарищи по мученичеству до конца утверждали, что они истинные католики и признаютъ власть папы; но, видя безплодность борьбы и грозившую ему участь, онъ надѣялся на очищеніе церкви посредствомъ собора, къ созванію котораго и взывалъ, на каноническомъ основаніи.

[6]) „Сперва служители церкви называли своихъ сыновей племянниками, а теперь уже не племянниками, а сыновьями. Ты, церковь — блудница, ты устроила

III.

По прибытіи въ Москву, М. Грекъ нашелъ здѣсь остатки ереси, старанія въ пользу соединенія церквей, многихъ иновѣрцевъ, почему либо казавшихся опасными въ церковномъ отношеніи: такъ появился рядъ его полемическихъ сочиненій. Италіи угрожало не многовѣріе, а *невѣріе* подъ вліяніемъ „возрожденія наукъ и древней литературы; поэтому и полемика Савонаролы носитъ совсѣмъ иной характеръ; но и онъ надѣялся на обращеніе въ христіанство евреевъ, которыхъ поэтому совѣтовалъ не преслѣдовать, и турокъ, опасность отъ которыхъ уже угрожала Италіи, причемъ утверждалъ, что для такой цѣли нужны истинные миссіонеры, которые могутъ явиться только по „обновленіи" самой церкви. На церковь восточную онъ смотрѣлъ такъ же, какъ М. Грекъ на западную [1]). Представляя толкованіе одной предложенной имъ притчи, онъ говоритъ о двухъ дочеряхъ согрѣшившей и потому отвергнутой Богомъ матери—синагоги: греческой и римской церкви. „Греческая церковь заблудилась въ своихъ ересяхъ и потому она лишилась проповѣдниковъ. Другая церковь есть римская, преисполненная симоніи и мерзостей, согрѣшившая *больше* чѣмъ первая и вторая" и потому она будетъ наказана гораздо строже... „И такъ будь увѣренъ, что церковь будетъ обновлена и скоро". М. Грекъ могъ бы порадоваться, какъ Савонарола внушительно говоритъ, что особенно внесла развращеніе въ церковь—это свѣтская власть папы, вмѣстѣ съ которой погибла власть духовная (Проповѣдь въ великій постъ 1498 г.) и что онъ сознательно умалчивалъ о *чистилищѣ*, и требуетъ прежде и болѣе всего, какъ и онъ, добрыхъ дѣлъ.

Савонарола и М. Грекъ всецѣло стояли на всѣхъ требованіяхъ Н. Завѣта; но оба они обильно пользовались примѣрами, представленными въ Ветх. Завѣтѣ, такъ какъ исторія еврейскаго народа представляетъ сплошную смѣну нарушеній закона и постоянныхъ наказаній за отступленія отъ него, почему въ немъ можно было найти множе-

---

блудилище въ мѣстахъ святыхъ" (Проп. на прор. Іезек.)... „Но ты знаешь, что въ Римѣ кое-кто (папа Александръ VI, не разъ бывшій отцомъ), потерялъ сына, ты видѣлъ, что и здѣсь померъ кое-кто, кому мѣсто въ аду, и вы еще познакомитесь съ ихъ процессами". (Проповѣдь о блудномъ сынѣ 1498 г.). „Отлученіе, изданное противъ меня, противорѣчитъ благочестію, слѣдовательно оно исходитъ отъ дьявола" (Проповѣдь въ сыропустную недѣлю 1498 г.).

[1]) Виллари, I, 68, 130, 228, 254; II, 224—225.

Въ его монастырѣ преподавались языки греческій, еврейскій и др. восточные, въ видахъ проповѣдничества и миссіонерскихъ подвиговъ. И Максимъ Грекъ съ удовольствіемъ упоминаетъ о своей миссіонерской дѣятельности.

ство доказательствъ въ пользу того, что развращеніе церкви ведетъ за собой гнѣвъ божій [1]). Такимъ образомъ высшее значеніе для насъ пріобрѣтаютъ не тѣ изъ ихъ произведеній, которыя касаются догматическихъ отступленій или личныхъ мотивовъ, но тѣ, которыя вводятъ насъ въ глубь интересовъ общества, въ его нравственныя отношенія въ борьбу взаимныхъ страстей, мѣшающихъ прогрессу жизни и въ смыслъ и характеръ стремленій обоихъ реформаторовъ. Значеніе этой стороны картины весьма рельефно выразилось въ одномъ изъ эпизодовъ въ жизни Савонаролы. Однажды ему пришлось быть въ засѣданіи капитула. Пока шли рѣчи о догмѣ и разныхъ схоластическихъ тонкостяхъ, онъ оставался спокойнымъ и молчаливымъ, но, когда возникъ вопросъ о дисциплинѣ, онъ поднялся, голосъ его загремѣлъ, пламя блеснуло въ его словахъ, всѣ затаили дыханіе и всѣ были поражены, а онъ говорилъ о развращеніи клира и церкви, и горячность его слова была такова, что увлекла и его самого, и онъ долженъ былъ сдѣлать усиліе надъ собою, чтобы остановиться [2]). М. Грекъ заявлялъ, что онъ самъ былъ „жегомъ“ ревностью „по истинѣ“ и „по вѣрѣ [3]); но ему пришлось много потратить времени на борьбу съ еретическими мнѣніями, а потомъ на собственную защиту отъ обвиненій въ нихъ. Савонарола постоянно указываетъ на значеніе внутренней религіи передъ внѣшними знаками. Онъ говоритъ, что жестоко ошибаются тѣ, которые предписываютъ опредѣленное количество молитвъ. Господь хочетъ, говоритъ онъ, не множества словъ, а теплоты духа. Словами І. Христа къ самаритянкѣ онъ отвѣчаетъ (Іоаннъ, IV, 21, 23) защитникамъ обрядовъ и культа... Господь желаетъ внутренняго служенія, безъ множества церемоній, такъ было въ первоначальной церкви, когда не было нужды въ органахъ и пѣніи; но когда оскудѣла ревность, начали вводить обряды для врачеванія душъ; теперь же христіане дошли до положенія больного, который потерялъ свои естественныя силы, а лѣкарства уже не имѣютъ на него дѣйствія (Объ умной молитвѣ). Онъ постоянно говоритъ о необходимости живаго чувства къ Богу (Тракт. о любви къ І. Хр.). Онъ признавалъ, что легко людей склонить къ литургіи и на исповѣдь, но очень трудно расположить къ внутренней жизни, къ благодати. Онъ утверждалъ тщет-

---

[1]) „Исторія Ветх. Завѣта должна убѣдить насъ въ необходимости близкаго наказанія“. (Толков. на Аввакума). Библія служила единственною опорою для всѣхъ его проповѣдей (Виллари, І, 58). Библію онъ толкуетъ духовно, нравственно, аллегорически и мистически (І, 95).

[2]) Виллари, І, 62—63.

[3]) Посл. къ м. Макарію (Москвитян. 1842. № 11).

ность разныхъ писаній папъ, ладонокъ и бумажекъ, навѣшиваемыхъ на шеи, такъ что люди, употребляющіе ихъ, кажутся похожими на разносчиковъ, идущихъ на базаръ. Христіанская любовь не въ бумагахъ, истинныя книги Христовы — это апостолы и святые, а истинное чтеніе состоитъ въ подражаніи ихъ жизни, и далѣе онъ представляетъ картину нравовъ духовенства, князей и общества. Когда онъ говоритъ объ увлеченіи древними писателями, объ астрологіи, о содоміи, о нравахъ въ итальянскихъ городахъ (Проповѣдь вел. поста 1494), то эти болѣе подробныя описанія напоминаютъ намъ отзывы М. Грека объ увлеченіи древностью и распущенности итальянскаго общества[1]). Савонарола постоянно говоритъ, что христіанская жизнь состоитъ не въ обрядахъ, но въ томъ, чтобы быть добрымъ, т. е. быть жалостливымъ и милосерднымъ; доброта человѣка узнается по тому, милосердъ-ли онъ къ другимъ, въ особенности къ обиженнымъ судьбою, чтобы сдѣлать причастниками того, чѣмъ онъ самъ обладаетъ. Въ этомъ и состоитъ сущность христіанской религіи, основанной на *любви* и *милосердіи*. Творя дѣла милосердія, человѣкъ, можно сказать, тоже молится („О молитвѣ умной"). „Вамъ говорятъ: поститесь въ такую-то субботу, въ такой-то часъ, и вы это дѣлаете и думаете, что этимъ спасаетесь. Я же вамъ говорю, что Господь не хочетъ такой-то субботы и такого-то часа, но хочетъ, чтобы вы всю жизнь свою удалялись отъ грѣха. А вы, наоборотъ, бываете хороши въ продолженіе одного часа, чтобы быть потомъ дурными цѣлую жизнь. Понаблюдайте за такими лицами въ послѣдніе три дня Страстной недѣли: они ходятъ по церквамъ и стараются заполучить себѣ индульгенцію и прощеніе грѣховъ; они мечутся то туда, то сюда, прикладываются къ св. Петру, къ св. Павлу, къ одному, къ другому святому. Идите, идите, звоните въ колокола, украшайте алтари церкви. Три дня передъ пасхой приходите всѣ, а потомъ все это можно оставить. Богъ смѣется надъ дѣлами вашими и не внимаетъ вашимъ церемоніямъ. Послѣ пасхи вы будете еще хуже, чѣмъ прежде. Все суета, все лицемѣріе въ наши дни. Истинная религія угасла" [2]). Онъ возмущается значительными пожертвованіями на капеллы и даже на величественныя постройки съ водруженными на нихъ гербами во славу своего имени, и въ тоже время никто изъ этихъ жертвователей не дастъ и 10 дукатовъ для бѣднаго (поученія въ Рожд. постъ 1493, вел. постъ 1494, вел. постъ 1496 гг.), и онъ грозитъ бѣдствіями Риму и Италіи, которые будутъ постигнуты завос-

[1]) „Истинное религіозное движеніе въ Италіи было тогда невозможно, ибо ни въ комъ почти не было искренняго, горячаго религіознаго чувства" (Виллари, II, 437).

[2]) Ср. выше, стр. 503.

ваніемъ и чумою. Въ другомъ мѣстѣ, напротивъ, рисуя картину внѣшняго блеска церкви (торжественныя мессы вечерами, органы, пѣвцы и т. п.), онъ продолжаетъ: „поди, почитай декреталіи: сколько хорошихъ постановленій относительно клира, монаховъ, святости брака, царей и князей и пр., думается, что все должно быть соблюдаемо, какъ Евангеліе, и люди живутъ этимъ вздоромъ, восхищаются церемоніями и говорятъ, что церковь І. Христа никогда не процвѣтала такъ пышно“... Но онъ напоминаетъ, что въ первоначальной церкви сосуды были деревянные, за то прелаты золотые, теперь церковь имѣетъ сосуды золотые, за то прелаты изъ дерева. Нынѣ христіане въ этихъ храмахъ хвалятся только вещами суетными, но рушится крыша подъ тяжестью грѣховъ духовныхъ лицъ и мірскихъ владыкъ, убьетъ она ихъ всѣхъ въ самый разгаръ празднествъ, потому что они слишкомъ довѣрчиво относятся къ этой кровлѣ... Городъ полонъ игръ, богохульства, содомскаго грѣха и распрей [1]). Распущенность клира не поддавалась описанію. Духовенство въ роскоши подражало женщинамъ; священники проводятъ съ ними цѣлые часы въ храмахъ, монашенки цѣлый день стоятъ у рѣшетокъ и болтаютъ съ молодыми людьми; духовныя лица ходятъ по тавернамъ, публично играютъ, держатъ сожительницъ и творятъ тому подобное. Они заботятся только о томъ, чтобы извлекать доходы; они наполнили церкви огнемъ жадности, честолюбія, зависти и сластолюбія. Теперь христіане хуже язычниковъ; а нападая на непомѣрные росты (12—20%) и отягощеніе бѣдствующаго населенія налогами (есть такіе, что зарабатываютъ 50, а платятъ 100; когда вдовы плачутъ, имъ говорятъ: убирайтесь вонъ), онъ говоритъ, что нѣтъ другого средства исправленія, какъ покаяніе и другого высшаго добра, какъ милосердіе къ ближнему (Пропов. на псаломъ „Сколь благъ“, на тему объ обновл. церкви, на псал. „Хвалите Бога“, на книгу Іова и разн. псалмы, на Евангеліе Іоанна Богослова).

IV.

Въ особенности стрѣлы его обличеній были направлены на безобразія современнаго духовенства. Онъ говорилъ, что всѣ бѣдствія Италіи преимущественно происходятъ „изъ-за клира“. Въ церкви все продажно. Римъ смѣшалъ все Писаніе, перемѣшалъ всѣ пороки, все на свѣтѣ, это—настоящій Вавилонъ. Пороки его: симонія, продажность, жестокость, развратъ [2]). Духовные наполнили гордостью своею

[1]) Въ письмѣ къ отцу онъ говоритъ, что рѣшился принять монашество, видя, что добродѣтель въ корнѣ угасла, а пороки восторжествовали (II, 201).

[2]) Ср. выше, с. 488.

весь міръ, а корыстолюбіе ихъ нисколько не уступаетъ ихъ гордости. Они все дѣлаютъ за деньги, колокола ихъ звонятъ ради ненасытной жадности. Они только и требуютъ, что денегъ, свѣчей и хлѣба; ты похожъ на размалеванную фигуру: внутри у тебя нѣтъ ничего хорошаго. „Не говорю такъ: то не пастыри, нѣтъ, говорю тебѣ—то волки" (Пропов. о блудн. сынѣ, о папск. бреве). Примѣръ заразителенъ. Нѣтъ теперь въ церкви хорошихъ прелатовъ. Они отбираютъ у бѣдныхъ то, безъ чего и жить нельзя. Теперь угасла всякая религія. Сегодня актеръ, а завтра епископъ, сегодня актеръ, а завтра каноникъ, сегодня солдатъ, а завтра священникъ. Въ клирикахъ своего времени онъ находитъ всѣ инстинкты „вепря" (тамъ же, псал. Qui regis Isr.). Алтарь сдѣлался лавочкой клира и т. п. Ничто не принесло церкви большаго вреда, какъ лицемѣріе. Гдѣ справедливость правителей и князей? Гдѣ заботливость пастырей? Гдѣ добрые примѣры священниковъ и истинныхъ монаховъ? Гдѣ послушаніе пасомыхъ прелатамъ". Гдѣ справедливое отношеніе прелатовъ къ пасомымъ?.. Указавъ на 10 признаковъ, свидѣтельствующихъ о близкомъ переворотѣ въ судьбѣ церкви и главнѣйшій — отсутствіе *милосердія*, Савонарола восклицаетъ: „О клиръ! Клирикъ, изъ-за тебя воздвиглась вся эта буря, ты причина всего этого зла! Теперь всякому кажется, что счастливъ тотъ домъ, гдѣ есть священникъ, а я тебѣ говорю, придетъ время, когда скажутъ: счастливъ тотъ домъ, гдѣ нѣтъ бритыхъ клириковъ (псал. „Сколько благъ", пропов. на прор. Іезек.). Но Савонарола былъ искрененъ и послѣдователенъ. Въ своемъ монастырѣ онъ удалилъ роскошныя украшенія, даже роскошныя книги (съ миніатюрами), одѣлъ монаховъ въ простое платье, установилъ добываніе средствъ собственными трудами, продалъ принадлежавшія монастырю имѣнія, завелъ школы живописи, скульптуры, искусство писать и украшать рукописи для продажи, пріобрѣлъ библіотеку, принадлежавшую Медичи и т. п.; и это не только не уменьшило числа братіи, а, напротивъ, увеличило [1]). Онъ прямо говоритъ „*Обладаніе имуществомъ принесло церкви не мало вреда и доказывать это нѣтъ никакой надобности. Поэтому и для церкви лучше всего было бы отречься отъ всякихъ богатствъ.* Оттого я и говорю моимъ монахамъ: твердо держитесь вашей *нищеты*, потому что какъ только богатство входитъ въ домъ вашъ, съ нимъ входитъ и смерть. Никакой канонъ не долженъ стоять въ противорѣчіи съ требованіями *милосердія* и *совѣсти*, въ противномъ случаѣ то будетъ уже не канонъ". Но такъ какъ трудно было произвести подобную

---

[1]) Съ 50 онъ возрасло до 238 (Виллари, I, 263).

метаморфозу (морякъ не бросаетъ своего богатства въ море безъ достаточнаго повода), то онъ даетъ совѣтъ тѣмъ, кто присвоилъ церковныя имущества, возвратить ихъ церкви, если пастыри ея хороши, а если нѣтъ, то отдать ихъ бѣднымъ, не стѣсняясь канонами (Пропов. на прор. Iезек.). Онъ способствовалъ введенію налога (10 %) во Флоренціи на церковныя имущества (1495 г. [1]). Для своего монастыря онъ возстановилъ завѣтъ св. Доминика, который былъ нарушенъ послѣ него и гласилъ слѣдующее: „Имѣйте *любовь къ ближнему*, сохраняйте *смиреніе*, соблюдайте добровольную *нищету*: проклятіе мое и божіе пусть падетъ на того, кто позволитъ имѣть собственность кому либо въ этомъ орденѣ“ [2]).

Если мы обратимъ вниманіе на то, что говорилъ выше на многихъ страницахъ Максимъ Грекъ о любви, милосердіи, современныхъ порокахъ общества и духовенства и въ особенности о вредѣ и употребленіи церковныхъ имуществъ, особенно монашествомъ, то нельзя не замѣтить значительнаго соотвѣтствія между ними и, конечно, прежде всего потому, что оба они исходили изъ одного источника—св. писанія и преданій древней церкви, но, вступивъ на путь борьбы съ злоупотребленіями, Максимъ могъ вспоминать и тѣ впечатлѣнія, какія сохранились въ его памяти о дѣятельности и вліяніи реформы Савонаролы, происходившей на его глазахъ. Въ небольшомъ изложеніи ея онъ даетъ весьма вѣрную картину этой перемѣны подъ вліяніемъ сильнаго слова и необычайной энергіи итальянскаго проповѣдника.

Внѣшность обстановки, общій характеръ реформы и самая борьба Савонаролы въ послѣдніе два года, переданные спустя много времени такъ вѣрно, указываютъ на то глубокое впечатлѣніе, какое произвелъ Савонарола на М. Грека, причемъ въ особенности обращаютъ на себя вниманіе и тѣ пороки, съ которыми боролся самъ Максимъ и даже въ способѣ изложенія нравственныхъ требованій можно отмѣтить извѣстное сходство (напр. діалоги отъ лица Спасителя и Богородицы, бесѣда любостяжателя съ нестяжателемъ, бесѣда ума съ душею), хотя М. Грекъ обыкновенно основывается на отцахъ церкви. Необходимо еще прибавить, что то, что являлось здѣсь слѣдствіемъ грубости нравовъ и отсутствія просвѣщенія, тамъ происходило отъ чрезмѣрныхъ матеріальныхъ благъ и увлеченія нравами древнихъ въ эпоху ихъ упадка.

---

[1]) Виллари, II, 400.
[2]) Ibid. I, 129; II, 334.

V.

Однако, въ выступленіи обоихъ писателей есть и существенная разница. Іеронимъ Савонарола являлся передъ обществомъ, жившимъ публичною жизнію, обладавшимъ высокимъ образованіемъ и широкими вкусами, весьма требовательнымъ къ рѣчамъ ораторовъ (Савонаролѣ не сразу удалось завоевать симпатіи и приходилось то терять, то снова пріобрѣтать ихъ), а съ другой стороны—рѣчи Савонаролы (не считая его трактатовъ)—это живыя импровизаціи (набросанныя обыкновенно на поляхъ Библіи неразборчивымъ мелкимъ почеркомъ, даже полатыни), произнесенныя на итальянскомъ языкѣ [1]), со всѣми требованіями и пріемами ораторскаго искусства (жестами, нерѣдко въ діалогической формѣ, съ ударами руки по амвону, гдѣ его противники потомъ набивали гвозди, чтобы досадить проповѣднику, со звономъ ключей, когда приходилось говорить о продажности куріи, и т. п.), причемъ самъ ораторъ находился обыкновенно въ экзальтаціи, съ экстазами въ область видѣній, доводившихъ его до изможденія, въ пророческомъ настроеніи, дѣйствовалъ призывами къ покаянію—угрозами, притчами, фантастическими картинами, иносказаніями, въ удивительномъ ихъ сочетаніи, до жажды мученическаго вѣнца за свой подвигъ [2]), которыя по слѣдамъ его записывались и потомъ, переданныя въ письменной формѣ, нерѣдко много разъ печатались, и слава о которыхъ расходилась далеко за предѣлы Италіи (во Франціи, Германіи, Англіи), а султанъ Баязетъ II распорядился перевести ихъ на турецкій языкъ [3]), и въ которыхъ (вмѣстѣ съ другими его произведеніями) даже позднѣйшіе изслѣдователи находятъ „проблески высочайшаго генія, порывы удивительнаго краснорѣчія, глубокаго мыслителя, даже изъ ряда вонъ выходящаго и перваго оратора новыхъ временъ, хотя они часто затемняются массой схоластическихъ и наивныхъ концепцій“ [4]). А не разъ онъ становился и политическимъ ораторомъ, и настоящимъ трибуномъ, управлявшимъ толпой [5]).

---

[1]) Флорентійцы привлекли вниманіе Савонаролы изяществомъ языка и утонченными манерами (Виллари, I, 30).

[2]) „Я не желаю ни шляпъ, ни митръ, ни малыхъ, ни большихъ; я не желаю ничего, кромѣ того, что ты далъ твоимъ святымъ: смерти, красной шляпы, шляпы кровавой—вотъ чего я желаю“ (xix-я празднич. пропов. 1496; Виллари, II, 393). Максимъ Грекъ это запомнилъ и напоминаетъ (см. в., с. 120).

[3]) Виллари, I, 76, 334; II, 402.

[4]) Виллари, I, xxvIII; 107—109, 114.

[5]) „Попадаются страницы, которыя совершенно ясно показываютъ намъ, что въ другихъ условіяхъ и при другихъ занятіяхъ Савонарола былъ бы величайшимъ итальянскимъ ораторомъ“ (322).

Максимъ Грекъ на фонѣ русской жизни явился случайно, мечталъ о возвратѣ въ прежнее свое мѣстопребываніе и неблагопріятно сложившимися обстоятельствами втянутъ былъ въ водоворотъ русской дѣйствительности, долженъ былъ говорить и писать (или бесѣдовать) на чуждомъ ему языкѣ, по установившимся литературнымъ пріемамъ; однако, обладая живой и отзывчивой натурой, далъ рядъ характеристикъ современнаго русскаго общества, но дальше этого онъ пойти не могъ ни по своему положенію, ни по условіямъ, среди которыхъ ему приходилось дѣйствовать. Обоимъ имъ приходилось оправдываться. Савонарола пишетъ „Тріумфъ креста“ (Il triomfo del croce), выдержавшій множество изданій, въ которомъ все христіанское ученіе изложено на основаніи одного лишь естественнаго разума, чѣмъ онъ и стремился достигнуть лучшей цѣли. Максимъ Грекъ даетъ формальное изложеніе „исповѣданія вѣры“ [1]) и неправильности его обвиненія, проникнутое правда негодаваніемъ и печальнымъ сознаніемъ своей безпомощности, но точекъ соприкосновенія между этими двумя произведеніями нѣтъ. У Савонаролы часто стихъ Ветх. или Нов. Завѣта даетъ поводъ къ бесѣдѣ, но вся она состоитъ изъ постоянныхъ отвлеченій въ сторону, ряда обращеній, вопросовъ и отвѣтовъ и просто воззваній; М. Грекъ близко держится избраннаго текста, примѣровъ, часто цѣлаго ряда текстовъ, подтверждающихъ или поясняющихъ его мысль, но которые не позволяютъ писателю такъ свободно пользоваться вниманіемъ читателя. И Савонарола, и М. Грекъ писали въ заключеніи покаянныя воззванія съ обращеніемъ къ помощи св. „Параклита“, но у перваго это поэтическій вопль наболѣвшей и истерзанной души, причемъ онъ какъ бы совсѣмъ забываетъ, что онъ въ тюрьмѣ, а не на церковной каѳедрѣ; у второго—лишь смиренное молитвенное обращеніе византійскаго монаха.

VI.

Подобно Савонаролѣ, Максимъ Грекъ имѣлъ учениковъ послѣдователей и почитателей. Мы уже знаемъ, что къ нему были приставлены помощники для перевода и списыванія книгъ. Одинъ изъ нихъ, монахъ Сильванъ, настолько выучился греческому языку, что могъ уже самъ переводить [2]); онъ потерпѣлъ ссылку вмѣстѣ съ М. Грекомъ. Другой его сотрудникъ, Дмитрій Герасимовъ, по удаленіи изъ Москвы

---

[1]) Сочин., I, 23—39.

[2]) Бесѣды І. Златоуста на Евангеліе Матѳея. „Ученія ради вдался ему въ послушаніе“ (Опис. рукоп. Казан. дух. акад., I, № 138, стр. 163—164, запись на означен. переводѣ). Въ нѣкоторыхъ записяхъ на Толковой Псалтири говорится

Максима, отправился въ Новгородъ, и здѣсь, по просьбѣ архіеп. Макарія, перевелъ (1536) Псалтирь толковую съ латинскаго, съ толкованіями западныхъ отцовъ и учителей: Іеронима, Августина, Григорія Вел., Беды и Кассіодора, собранную въ XI в. Брюнономъ, епископомъ вюрцбургскимъ, котораго онъ называетъ блаженнымъ [1]). Вассіанъ Косой оказался настоящимъ бойцомъ за ученіе М. Грека и вмѣстѣ съ нимъ потерпѣлъ гоненіе отъ „іосифлянъ". Онъ утверждалъ, что „Бога познали Максимомъ и его *ученіемъ*" [2]), какъ признавали и послѣдователи Іер. Савонаролы. Вскорѣ по прибытіи М. Грека въ Россію обнаружились явленія религіозно-литературнаго броженія, возбужденнаго статьями придворнаго врача Николая Нѣмчина, мнѣнія котораго заинтересовали другого книжнаго человѣка Ѳ. И. Карпова, вызвавшаго на переписку М. Грека (см. выше, стр. 234—238), занимающую выдающееся мѣсто въ его полемикѣ. Если принять во вниманіе, что Зиновій Отенскій потерпѣлъ ссылку послѣ суда надъ М. Грекомъ (см. выше, стр. 554) и умеръ долго спустя послѣ него (1568 или 1570 г. [3]), то можно заключить, что онъ, по своей обширной начитанности и наклонности къ критикѣ, хорошо усвоилъ наставленія Максима о книжномъ ученіи и хотя не всегда соглашается съ своимъ наставникомъ [4]), но сохраняетъ къ нему благоговѣйную память, постоянно называя его премудрымъ, преподобнымъ, добрымъ, многоученымъ [5]), и ссылается на его авторитетъ въ вопросахъ философіи, грамматики, греческой миѳологіи, византійской исторіи, отцовъ церкви, сказаній (басня о фениксѣ) и др., исправленія книгъ и богословскихъ понятій [6]). Признаніе его труда, какъ составленнаго независимо отъ Просвѣтителя и стоящаго выше соч. Іосифа Волоцкаго [7]), уже показываетъ, что онъ значительно выдавался въ средѣ современныхъ книжныхъ людей, не го-

---

что Сильванъ„ у Максима Грека учился *художнѣ* еллинскому ученію" (Бѣлокуровъ, CCLV, CCLVIII). Полагаютъ, что М. Грекъ могъ обучить греч. яз. и др. монаховъ въ тѣхъ монастыряхъ, гдѣ ему приходилось жить. (Соболевскій, Перевод. литер., 286).

[1]) Опис. рукоп. Синод. библ. I, 1, 101 и далѣе. Объ этомъ переводѣ записано и въ лѣтописи (Синод., годъ 1536, Карамзинъ, VIII, пр. 71). О немъ см. в., стр. 32.

[2]) Чтен. въ Общ. ист. 1847, № 7, с. 10.

[3]) Калугинъ, 89.

[4]) Ученикомъ М. Грека онъ называется въ надписаніи „Истины показ." 2-ой ред., во всѣхъ спискахъ; (Барсуковъ, Ист. рус. агіогр., 82). Въ Сборн. И. П. Библ. XVIII в., Q, XVII, № 199, л. 201 сказано: „изъ книгъ киръ Зиновія Отни пустыни, ученика М. Грека" (Отч. И. П. библ. 1890, прил. I, № 46; Бычковъ, Опис. Сборн. I, 71).

[5]) Истины показаніе 893—895, 898, 904, 905.

[6]) Ibid., 54—57. 953—964—967. Подлинникъ „Истины" Зиновія былъ взятъ для ц. Василія Шуйскаго (94).

[7]) Макарій, VII, 487; Калугинъ, 274.

воря о самой обширности (до 1000 стр.) и другихъ его произведеніяхъ. Онъ чрезвычайно живо изображаетъ свои бесѣды съ сторонниками ученія Ѳеодосія Косого въ діалогической формѣ, и хотя часто удаляется въ побочные и посторонніе вопросы, причемъ изложеніе его страдаетъ излишними мелочами, но нерѣдко его слогъ становится живымъ, сильнымъ и проникнутымъ чувствомъ, такъ что многіе недостатки его изложенія должны быть отнесены скорѣе на счетъ невыработанности литературнаго языка и ученой богословской терминологіи [1]). Съ другой стороны, въ своихъ трудахъ Зиновій обнаружилъ хорошо усвоенное, свойственное М. Греку, критическое направленіе мысли и взгляды его на явленія общественной жизни, почему онъ не касается въ своей полемикѣ мелочныхъ отступленій и внѣшнихъ пороковъ людей, обусловленныхъ слабостью природы и невѣжествомъ, а осуждаетъ всю систему нравственныхъ и общественныхъ отношеній. Причины физическихъ бѣдствій онъ видитъ не въ однихъ грѣхахъ, и нравственныхъ порокахъ, а восходитъ до пониманія явленій, лежащихъ въ самомъ строѣ общественныхъ условій жизни. Поэтому и главные удары своихъ обличеній онъ направляетъ на высшій, господствующій классъ, „на владущихъ и правителей земскихъ“. Онъ рисуетъ ихъ нравственную распущенность, деморализацію ихъ частной жизни, въ ихъ сношеніяхъ съ окружающими и особенно отъ нихъ зависящими: правда и милость забыты и вытѣснили ихъ эгоистическіе инстинкты, не знающіе границъ въ своихъ удовлетвореніяхъ (см. выше, 428). И не было никого, возбраняющаго такому злу, ни мстящаго на нихъ такое губительство [2]). Но попытка Зиновія совершенно обѣлить современную монастырскую жизнь, причемъ онъ полемизируетъ съ М. Грекомъ и Вассіаномъ, признается неудачной [3]). У Зиновія любопытна еще та черта, что и онъ, вслѣдъ за М. Грекомъ, причину несчастія „второго Рима“, т. е. греческаго царства, видитъ въ нарушеніи правды [4]).

VII.

Мы видѣли, что возлѣ М. Грека группировался кружокъ лицъ, видныхъ по своему положенію, которыя интересовались не только бе-

---

[1]) Калугинъ, 276—277; ср. 45, 82, 98, 100, 102, 103, 123, 188. Обличенія М. Грека противъ монашества онъ старается смягчить его раздраженіемъ (237—38) и дѣлаетъ рядъ оговорокъ.

[2]) Слово на открытіе мощей новгородскаго святителя Никиты.

[3]) Калугинъ, Зиновій Отенскій, 98, 214, 233, 237—238, 242, 254, 270, 346, 347, 355, 360; Павловъ, Ист. очеркъ секуляриз., 128—129.

[4]) Слово на откр. мощей св. Іоны (345—346).

сѣдами религіозными, но и дѣлами политическаго и общественнаго характера, кружокъ, разбитый въ 1525 г.; но не всѣ изъ нихъ потерпѣли пораженіе. Въ числѣ ихъ находился между прочимъ В. М. Тучковъ-Морозовъ. Это былъ сынъ боярскій, заявившій себя уже на ратномъ полѣ и близкій ко двору („всегда во царскихъ домѣхъ живый и мягкое нося и подружіе законно имѣя"). Въ 1536 г. онъ былъ посланъ въ Новгородъ для сбора воиновъ и архіеп. Макарій, узнавъ, что онъ съ дѣтства навыкъ въ свящ. писаніи, побудилъ его написать чудеса Михаила Салоса — юродиваго (Клопскаго), составленныя прежде, но весьма просто, такъ какъ новгородцы не были тогда искусны въ писаніи. Тучковъ, по словамъ лѣтописца, старое описаніе поновилъ и весьма чудно изложилъ. Лѣтописецъ называетъ его „свѣтлымъ окомъ" и человѣкомъ великаго разума". На этотъ трудъ, однако, понадобился ему цѣлый годъ[1]). Это была 3-я редакція означеннаго житія. Въ предисловіи къ нему онъ ссылается на книгу о плѣненіи Трои, въ которой сплетены многія похвалы еллинамъ отъ Омира и Овидія, (см. в. стр. 256—257). Житіе это, писанное въ стилѣ реторики XVI в., обнаруживаетъ въ авторѣ начитаннаго книжника того времени, и вошло въ Четьи-Минеи Макарія. Въ 1545 г. была переписана въ Москвѣ весьма четко и красиво, ростовцемъ Богд. Якимовичемъ, рукопись перевода толкованій І. Златоуста на Евангеліе Іоанна, Максима Грека, по повелѣнію В. М. Тучкова[2]). Съ М. Грекомъ онъ, конечно, бесѣдовалъ по книжнымъ дѣламъ и потому остался въ сторонѣ отъ преслѣдованія интимнаго кружка этого послѣдняго. По его отношеніямъ къ М. Греку и прикосновенности къ литературѣ можно было бы допустить, что для него М. Грекомъ были переведены нѣк. статьи изъ Свиды (см. в., стр. 135, 149) и сообщены объясненія нѣкоторыхъ мѣстъ св. писанія, а также отвѣты на нѣкоторые вопросы, какъ-то: о днѣ воскресенія Господня, о діаволѣ, толкованіе притчи о душѣ въ видѣ дѣвицы [3]), и въ такомъ случаѣ къ нему же относилось бы и толко-

---

[1]) Синод. лѣт. (Карамзинъ, VIII пр. 71; П. С. Р. лѣт., VI, 301). Отецъ его, бояринъ Мих. Вас. Тучковъ при Василіѣ Ивановичѣ отбывалъ посольства въ Крымъ и Казань и, въ числѣ немногихъ близкихъ, присутствовалъ при духовной вел. князя (ibid., VI, 252, 257—258, 272—280; VIII, 252—259—260). Онъ приходился дѣдомъ Курбскому (по матери). Отца его Иванъ Грозный обвинялъ въ измѣнѣ Ивану III, а его самого въ расхищеніи казны вел. княг. Елены Васильевны (Сказ. Курб. 178, 182).

[2]) Библіогр. Словарь Строева, 200—201 (означен. рукоп. принадлежала потомъ Кириллову мон., а патр. Никономъ отдана Воскресен. мон.); Опытъ рус. исторіогр., II, стр. 876, 1113, 1115, 1317, 1718, 1766.

[3]) Надписаніе этихъ статей на имя Василія Михайловича сдѣлано въ обращеніи Максима Грека и въ описи статей въ Сборн. нач. XVII в., принадл. костром.

ваніе типографскихъ знаковъ на книгахъ Альда Мануція. Къ нему же адресовано посланіе объ управленіи и милостивомъ судѣ, въ которомъ Максимъ пишетъ: „Вотъ я въ короткихъ словахъ написалъ тебѣ, добрѣйшій Василій, благороднаго корня благородная вѣтвь. Знаю, что ты многому наученъ и весьма разуменъ и нынѣ требуешь словъ для напоминанія того, что можетъ привести къ совершенству во всякой правдѣ рачителя ея и теплаго ревнителя. Здравствуй о Господѣ" [1]). По поводу нѣкоторыхъ изъ названныхъ статей М. Грекъ писалъ: „если полюбишь, государь князь Василій Михайловичъ, вели списать себѣ ихъ на чистую тетрадку, а черную ту опять отошли ко мнѣ Бога ради, такъ какъ и другіе спрашиваютъ о такихъ вещахъ; а я тебѣ, государю своему, много челомъ бью за всѣ твои блага, что не забываешь меня" [2]). Вѣроятно еще до своей ссылки М. Грекъ свелъ знакомство съ кн. П. И. Шуйскимъ, принимавшимъ участіе въ боярскихъ смутахъ въ малолѣтство І. Грознаго, который посѣтилъ его въ Твери и оказывалъ ему милости, почему М. Грекъ и обращался къ нему за посредничествомъ (см. выше стр. 352, 392, 472). Вслѣдъ за посланіемъ къ послѣднему помѣщается посланіе къ юношѣ Михаилу Васильевичу, съ прибавленіемъ „сына князя Петра Шуйскаго [3]), но такого (см. в., стр. 352) сына у послѣдняго въ родословныхъ не показано [4]), и въ такомъ случаѣ оно должно быть отнесено къ Мих. Вас. изъ рода Бороздиныхъ [5]). Тому же лицу (Бороздину) М. Грекъ посылалъ статьи о проскурницѣ [6]) и яйцѣ строфокамила (страуса [7]). Въ числѣ знатныхъ знакомцевъ М. Грека былъ еще близкій человѣкъ — князь Никита Борисовичъ Ростовскій-Пріимковъ (см. выше, стр. 516), о семьѣ котораго, можетъ

Богоявленскому мон. (Бѣлокуровъ, О библіотекѣ Москов. госуд. ccLxxxvIII—cCxc). Посл. объ изд. Альда Мануція (Опис. рук. Рум. муз., стр. 369; вполнѣ у Строева, Библ. Слов., 206—207). Возможно, что и еще нѣк. статьи изъ Свиды (о талантахъ, названія многоцѣнныхъ камней и т. п.) назначались тому же лицу (Сочин., III, 283—284).

[1]) Сочин. II, слово xxvI.

[2]) Бѣлокуровъ, ccLxxxIx. О сомнѣніяхъ по поводу титула см. в., стр. 135.

[3]) Сочин., II, 420.

[4]) Родослов. книга (Времен. Общ. ист., X, 44, 58, 142; кн. Долгоруковъ, Родосл. книга, I, 234; IV, 61; Р. Стар. 1896, № 7, Замѣтка о родѣ князей Шуйскихъ, Г. М., 118—125).

[5]) Въ Родосл. книгѣ (Времен., X, 175 сказано: „а у Петра Борисовича одинъ сынъ Василій, а у Василія Петровича одинъ сынъ Михайло", 175).

[6]) Сочин., II, 229—240.

[7]) Бѣлокуровъ, cccvII.

быть, онъ хлопоталъ передъ близкимъ къ царю Сильвестромъ. О близкихъ дружественныхъ отношеніяхъ Максима Грека къ Карпову мы говорили подробно (см. в., стр. 232—238, 243, 256—258, 267—271, 280, 302, 335). Сюда же слѣдуетъ присоединить Нила Курлятева, преданнаго ученика М. Грека, жившаго въ Троицкомъ монастырѣ. О близости къ Максиму Греку митр. Іоасафа, по его мнѣніямъ и почитанію его трудовъ, мы уже упоминали (см. выше, стр. 533 — 535 [1]); знаемъ также, что Сильвестръ и Артемій были расположены къ М. Греку. Первый изъ нихъ имѣлъ книги М. Грека: греческую Псалтирь, писанную последнимъ въ 1540 г. въ Твери [2]), быть можетъ, и другія греческія книги [3]) и Сборникъ, подаренный Иваномъ Грознымъ со словомъ на латиновъ М. Грека, съ обозначеніемъ особеннаго вниманія на это последнее, поступившія потомъ въ Кирилловъ мон. [4]). Митр. Макарій внесъ, правда, въ Четьи-Минеи одно слово М. Грека противъ латинянъ (о Св. Духѣ) и въ связи съ нимъ противъ того же Николая Нѣмчина о звѣздозрѣніи (неокончен.), но въ нихъ есть два житія, соч. Метафраста, переведенныя М. Грекомъ, его же пѣснь на Успеніе Б. М. и онъ же принималъ участіе въ исправленіи текста Бесѣды на обрѣтеніе нерукотвореннаго образа Григорія Нисскаго, помѣщеннаго тамъ же [5]). Артемій содѣйствовалъ облегченію участи М. Грека, былъ нѣкоторое время съ нимъ въ Троицкомъ мон. и пользовался его сочиненіями въ своемъ обширномъ посланіи противъ „люторскихъ учителей“ въ Западной Руси [6]), а именно „словомъ о поклоненіи св. иконъ“, надписаннымъ (по другому списку) также „на люторы“ [7]). И вообще сочиненія М. Грека, вѣроятно, были въ его распоряженіи. Курбскій называетъ въ числѣ послѣдователей М. Грека Германа („мало нѣчто отчасти Максима философа ученія причастенъ былъ“), „свѣтлаго рода Полевыхъ“ (изъ князей смоленскихъ [8]), къ которому онъ выражаетъ

---

[1]) Вначалѣ м. Даніилъ благоволилъ къ М. Греку, заказывалъ ему переводы, пользовался его переводами, а также и правилами, которыя внесены въ Кормчую Вассіана (Жмакинъ, 333, 345, 356, 359, 396, 421, 440, 600; 210, 444, 597).

[2]) А. С. Родосскій (Христ. Чт. 1882, № 9—10, с. 609—615); Бѣлокуровъ, cccvi.

[3]) Опись книгъ въ Степенныхъ монастыряхъ (Чт. въ Общ. ист. 1848, № 6-й, с. 18—20; Бѣлокуровъ, cccvii).

[4]) Строевъ, 202.

[5]) Ж. М. Н. Пр. 1901. № 10, с. 624. Соболевскій, Переводн. литер., 265.

[6]) Рус. Историч. библ., IV, 1201—1266.

[7]) Сочин., I, 485—494. Сочиненія М. Грека служили однимъ изъ источниковъ въ его полемикѣ (Вилинскій, 216—217, 275). Въ то время, какъ еретики опирались на В. Завѣтъ, онъ, вслѣдъ за М. Грекомъ, отстаиваетъ преимущество Н. Завѣта (178—180).

[8]) Родословн. книга, II, 305.

особенное расположеніе, такъ какъ онъ произошелъ „отъ іосифлянскихъ мниховъ четы“, но чуждъ былъ ихъ лукаваго обычая и лицемѣрія, человѣкъ великаго тѣла и многаго разума, мужъ чистой и святой жизни, послѣдователь священнаго писанія и великій помощникъ въ бѣдахъ. Основатель Свіяжскаго монастыря (см. с. 546), потомъ архіеп. казанскій, онъ былъ вызванъ на московскую митрополію (1567), но отказался отъ нея и умеръ (6 ноября) отъ моровой язвы [1]).

VIII.

Но едва ли не самымъ ревностнымъ почитателемъ и послѣдователемъ М. Грека былъ самъ кн. А. М. Курбскій, посвятившій ему рядъ воспоминаній въ своей „исторіи“ (см. выше, стр. 521—540 [2]) и переводахъ [3]). Онъ воспользовался его бесѣдой для своей исторіи Флорентійскаго собора, въ которой М. Грекъ, какъ и въ сочиненіяхъ выставляетъ три основныхъ пункта разногласія съ римскою церковью (исх. Св. Духа, чистилище и опрѣсноки) и которую Курбскій совѣтуетъ читать защитникамъ западнаго ученія вмѣстѣ съ отвѣтами М. Грека противъ епистоліи Николая Нѣмчина, писанной „до разумнаго мужа“ Ѳедора Карпова [4]). Въ одной изъ записей Курбскій говоритъ, что М. Грекъ много пользовалъ и наставлялъ его какъ бы цвѣтами прекраснѣйшаго благоуханія отъ памяти блаженной души своей [5]).

Несомнѣнно, что въ своей полемической борьбѣ съ противными ученіями Курбскій много разъ вспоминалъ о М. Грекѣ и, называя его „исповѣдникомъ“, считалъ себя достойнымъ его ученикомъ и послѣдователемъ. Въ числѣ рукописей Синод. библ., а именно въ Новоспасскомъ собраніи, имѣется (№ 1) Псалтирь съ толкованіями, писанная изящнымъ южно-русскимъ полууставомъ, переходящимъ въ скоропись полов. XVI ст., съ толкованіями свыше 40 авторовъ, которая представляетъ нѣчто въ родѣ цѣлой системы религіознаго знанія, расположенной въ порядкѣ псалтирныхъ чтеній со множествомъ краткихъ поученій и съ наклонностью въ концѣ къ риѳмѣ. Текстъ Псалтири не совпадаетъ съ Острожской Библіей и повторяетъ иногда чтеніе Библіи

---

[1]) Сказанія Курбскаго, 122—123. Показаніе автора объ его отравленіи невѣрно. Въ 1595 г. причисленъ къ лику святыхъ (Строевъ, 287; Барсуковъ, Агіогр. 129).

[2]) Сказанія, 39—42, 122.

[3]) Предисловіе къ Маргариту и предисл. къ переводу діалога Геннадія Схоларія (Н. Иванишевъ, Жизнь Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни, II, 303—316).

[4]) Сказанія, 294—302. Соболевскій, 279. Пыпинъ, Курбскій и М. Грекъ (В. Евр. 1894, № 7, и Ист. литер., т. I).

[5]) Бѣлокуровъ, О библіотекѣ москов. государей, cclxxv.

Геннадія, съ большимъ количествомъ латинскихъ и польскихъ глоссъ. Толкованія Псалтири между прочимъ направлены противъ ереси Павла Самосатскаго (III вѣка), реставраторами котораго считали въ XVI и XVII стол. антитринитаріевъ, имѣвшихъ большое распространеніе въ Запад. Россіи и Польшѣ, особенно во второй полов. XVI в., когда утвердилась социніанская догма. Представителей этихъ ересей, совпавшихъ съ жидовствующими, очевидно имѣлъ въ виду составитель сводныхъ толкованій, причемъ онъ преклоняется передъ авторитетомъ М. Грека, пользуется его переводами и переводами кн. Курбскаго въ Нов. Маргаритѣ. Все это, а также обороты рѣчи, киноварныя замѣтки, покрывающія памятникъ, и т. п. особенности приводятъ изслѣдователей къ заключенію, что означенный памятникъ есть трудъ Курбскаго и его сотрудниковъ [1]). Курбскій уже въ Россіи располагалъ переводными статьями и сочиненіями М. Грека и, бѣжавъ въ Литву, добивался, чтобы выслали въ числѣ его оставшагося имущества и эти книги („да и иныя многія словеса Максима философа, да и иныхъ святыхъ" [2]). Вслѣдъ за Максимомъ, онъ является почитателемъ трудовъ Симеона Метафраста, Іоанна Дамаскина, Геннадія Схоларія, церковн. исторіи Никифора Каллиста, усердно изучаетъ ихъ и дѣлаетъ изъ нихъ переводы вмѣстѣ съ своими сотрудниками. Со словъ М. Грека, онъ записываетъ разсказы о чудесахъ блаж. Августина. Сочиненія московскихъ писателей не доходили тогда до юго-западной Руси; но труды М. Грека представляютъ почти единственное исключеніе. Произошло это благодаря московскимъ выходцамъ, между прочимъ Артемію, но особенно кн. Курбскому, который включилъ его переводы въ свои сборники (Сборн. Синод. библ. № 219) и содѣйствовалъ вообще ихъ распространенію. Такимъ образомъ они появляются въ разныхъ западно-русскихъ изданіяхъ (1584, 1588, 1618—1620 гг. [3]). На него же ссылаются острож. свящ. Василій въ соч. „О единой вѣрѣ [4]), 1588 г. и Захарія Копыстенскій въ 1621 г. (Палинодія [5]).

---

[1]) Н. Поповъ, Рукоп. Моск. Синод. библ. (Патріаршей) В. I. Новоспасское собраніе, М. 1905 г.; В. Н. Перетцъ, Нов. труды по источниковѣд. древн. рус. литер. и палеогр., XVI—XXIV, Кіевъ, 1906 (изъ Унив. Изв., стр. 18—21); замѣч. М. Н. Сперанскаго (Изв. Ак. Н. 1906, № 3, с. 500—501).

[2]) Бычковъ, Опис. сборн. Им. Публ. библ., I, 56, 143.

[3]) Соболевскій, Перевод. литер., 266, 278—282, 384; Обозр. слов. рус. библ. Сахарова, Спб. 1849, I, кн. 2, № 75 (Сборн. напеч. въ Вильнѣ 1585 съ діалог. Геннадія Схоларія—Курбскаго). О сочин. М. Грека въ З. Россіи, Н. Петровъ (Кіев. Епарх. Вѣд. 1874, № 18). Новые матер. для ист. Ю. З. Россіи.

[4]) Рус. Истор. библ., VII, 664, 688.

[5]) Ibid., IV, 912. Ср. еще П. Гильтебрандъ (Др. и Нов. Россія, 1876, II, 291).

IX.

Мы упоминали, что Герберштейнъ говоритъ въ своихъ запискахъ о М. Грекѣ (с. 465, 477). Но о немъ сообщаетъ также и папскій посолъ Антоній Поссевинъ [1]), по поводу бесѣдъ съ нимъ флорентійскаго купца Дж. Тедальди, много разъ бывшаго въ Москвѣ (1551—1565) по торговымъ дѣламъ и изъѣздившаго Россію отъ Нарвы до Астрахани, а теперь (1581) имѣвшаго бесѣду о ней съ папскимъ нунціемъ въ Диснѣ. Поссевинъ по этому поводу говоритъ: „Относительно того человѣка, котораго отецъ нынѣшняго государя вызвалъ изъ Константинополя отъ тамошняго патріарха, Тедальди не могъ ничего сообщить мнѣ. Но въ противность тому, что утверждаетъ баронъ Герберштейнъ, въ своей книгѣ о дѣлахъ московскихъ, Ясинскій, литвинъ-католикъ и секретарь его величества нынѣ царствующаго короля польскаго (Баторія), мнѣ говорилъ, что, напротивъ, въ теченіе 30 лѣтъ, т. е. до самой смерти, его держали плѣнникомъ, сколько потому, что довѣряли въ вопросахъ религіи или въ обрядахъ греческой церкви, а онъ между тѣмъ, будучи вызванъ государемъ, пріѣхалъ туда безъ паспорта; столько еще и потому (только эту послѣднюю причину указываетъ баронъ Герберштейнъ, замѣчаетъ Поссевинъ), что раскрылось много неправильностей въ дѣлахъ москвитянъ касательно ихъ церковныхъ обрядовъ, и ему не было дозволено вернуться къ своему патріарху“. О стараніяхъ, защитѣ и участіи восточныхъ патріарховъ и Аѳонской горы въ пользу М. Грека, какъ учителя православной вѣры и „о которомъ слышали (патр. Іоакимъ) и приняли писаніе отъ многихъ и великихъ людей“, намъ приходилось уже говорить.

Не смотря на то, что М. Грекъ дважды былъ осужденъ соборомъ, какъ еретикъ, лишенъ причастія и заточенъ, это какъ будто еще болѣе привлекало къ нему вниманіе послѣ его кончины. Неизвѣстный авторъ статьи, посвященной М. Греку тотчасъ послѣ его смерти, какъ бы некролога, заключилъ свой трудъ удостовѣреніемъ, что Максимъ „мужъ истинно-благочестивъ и ни единаго въ немъ порока еретичества нѣтъ“ [2]). Ближайшій изъ сотрудниковъ М. Грека и съ нимъ по-

---

[1]) P. Pierling, Un nonce du pape en Moscovie, P. 1890, pp. 81—85, 169—179; Е. Ф. Шмурло, Извѣстія Дж. Тедальди о Россіи временъ Ивана Грознаго (Ж. М. Н. Пр. 1891, № 5 и отд., съ дополн.).

[2]) Соболевскій, Перевод. литер., 260. При этомъ, однако, авторъ сказанія замѣчаетъ, что хотя М. Грекъ оставилъ множество писаній, но многимъ людямъ невѣдомъ, кто Максимъ (Опис. Сборн. Им. публ. библ., I, 92). Въ 1559 г. за долгъ

терпѣвшій монахъ Троицкаго мон. Сильванъ (Силуанъ) восхваляетъ Максима, какъ „во всемъ благоискуснаго и и много отъ человѣкъ нынѣшняго отстоящаго мудростью, разумомъ и остроуміемъ“ [1]) Другой современникъ, составившій предисловіе къ собранію его сочиненій, называетъ ихъ „даромъ Духа св„ хранилищемъ духовнымъ, преполненнымъ всякой благодати и исцѣленій духовныхъ“, а давая отзывъ о значеніи послѣднихъ, особенное вниманіе обращаетъ на то, что его труды „не только инокамъ, которые погрѣшили нарушеніемъ иноческихъ обѣтовъ богато предлагаютъ къ исправленію, беззаконствующихъ невѣждъ суровымъ образомъ обличаютъ, но еще и царямъ, и князьямъ и всѣмъ сущимъ во властяхъ совѣтуютъ, какъ человѣколюбиво со всякою правдою и благозаконіемъ править, обидимыхъ человѣкъ любовью защищать, а обидящихъ по градскимъ законамъ прилично карать, чтобы не думали, что благоденствіе и благополучіе подвластныхъ имъ городовъ принадлежитъ имъ, а должны быть ими охраняемы, а не подвергаться несправедливому ихъ лихоимству“ [2]). Въ 1559 г. инокомъ вологодскаго Троицкаго (Герасимова) монастыря Іосифомъ, предполагаемымъ ученикомъ М. Грека, составлена была грамматическая книга, имѣвшая въ виду обученіе ц-ча Ивана Ивановича (1554—1581), но оставшаяся безъ употребленія и свидѣтельствующая о начальномъ опытѣ въ области русской грамматики [3]). Уже въ XVI в. сочиненія М. Грека были въ употребленіи въ разныхъ монастыряхъ и уваженіе къ нимъ простиралось до того, что ихъ жертвовали въ церкви на поминъ по душѣ [4]).

X.

Мы видѣли, что въ Троицкомъ Сергіевомъ мон. сочиненія М. Грека долго считались запрещенными, а отсюда можно заключить, что и самое пребываніе его тамъ едва ли было благопріятнымъ для него. Но достойный архимандритъ монастыря Діонисій, извѣстный своею дѣятельностью въ смутное время, былъ почитателемъ М. Грека, вполнѣ

совѣсти сочли просить конст. патр. Іеремію, во время пребыванія его въ Москвѣ, чтобы торжественно было произнесено разрѣшеніе умершему Максиму и патріархъ далъ прощальную грамоту. (Филаретъ, 64). Защита его отъ еретичества (Бычковъ, Опис. Сборниковъ, I, 89, 92).

[1]) Отчетъ Имп. Публ. библ. 1868, стр. 66—67.

[2]) Сочин., I, 7—10; Опис. рукоп. Синод. библ., II, 420—421.

[3]) Отчетъ Общ. древн. письмен., 1907—1910, с. 15.

[4]) Опис. рукоп. Синод. библ., II, 586, 605. Подолянинъ Исаія, прибывшій въ Москву и подвергшійся заключенію, пишетъ въ темницѣ „Плачъ“ въ подражаніе М. Греку (Чт. въ Общ. ист. 1912, IV; Ист. Вѣстн. 1912, № 10, с. 402). Ему же принадлежитъ краткая біографич. записка о М. Грекѣ (Бѣлокуровъ, прилож. I—III).

одобрялъ сдѣланныя имъ исправленія и переводы, самъ ими пользовался, по его примѣру справлялся съ греческими книгами и даже потерпѣлъ за это, пока не вступился за него патр. Ѳеофанъ, которому и удалось защитить его, благодаря воздѣйствію на парт. Филарета [1]). Со времени Діонисія переводы и сочиненія М. Грека сдѣлались доступными для монаховъ [2]). Другой дѣятель смутной эпохи, извѣстный превратностью своей судьбы (за 4-ый бракъ и политическую неблагонадежность), кн. С. И. Шаховской, какъ любитель книжнаго ученія и самъ писатель, цѣнилъ сочиненія М. Грека и подрожалъ ему (молитва къ Богородицѣ [3]). Вологодскій архіеп. Іона Думинъ въ 1600 году положилъ въ монастырь Рождества Богородицы во Владимірѣ списокъ твореній М. Грека на поминъ по своей душѣ и своихъ родителей [4]). Троицкій монахъ Арсеній Глухой расточаетъ ему похвалы въ разумѣ и любомудріи, о чемъ свидѣтельствуетъ явно „его святыя и божественныя писанія" [5]). Въ библіотекѣ патр. Филарета находились сочин. М. Грека, откуда они были выданы архіеп. сузд. Іосифу для списыванія; выдавались и другимъ лицамъ [6]). Патр. Никонъ имѣлъ хорошій и полный (возможно) списокъ сочиненій М. Грека (113 словъ, 643 листа), данный имъ вкладомъ въ Воскресенскій мон. [7]). Конечно здѣсь сказалось его уваженіе къ М. Греку, вопреки нерасположенію къ Іосифу Волоцкому (см. выше, стр. 410), котораго онъ обзывалъ сплетникомъ и не признавалъ святымъ [8]).

Предполагаютъ, что со 2-ой полов. XVI в. подъ вліяніемъ М. Грека и его учениковъ вошла въ преподаваніе грамматика Іоанна Дамаскина [9]). Бесѣды М. Грека „о пользѣ грамматики" съ разборомъ двухъ молитвъ (Царю небесный и Отче нашъ) и его опыты въ славянской лексикографіи облегчили труды Смотрицкому и Поликарпову, какъ

---

[1]) Каптеревъ, Патр. Никонъ, I, 38—39, примѣч.

[2]) Житіе архим. Діонисія, гл. 30-ая; Строевъ, Словарь, 207.

[3]) Строевъ, Словарь, 293, 295.

[4]) Опис. рукоп. Царскаго, 200—211. Объ Іонѣ см. Ключевскаго, Житія, 312—313.—Писаны полуустав. XVI в., въ 2-хъ переплетахъ, 228+344 листовъ (82 главы) Вкладъ этотъ считался цѣннымъ, такъ какъ ежегодно полагалось братіи два корма, а монастырь былъ многолюдный. Ср. также Книговѣдѣніе, 1896, № 1, с. 016; № 2, с. 023—024. Книга М. Грека названа „святою".

[5]) А. И. Соболевскій, Переводн. литер., 260.

[6]) Мухановъ, Сборникъ, 378, 382.

[7]) Строевъ, 208.

[8]) Ср. Древн. и Нов. Россія 1880, Ш, 370—371. Жмакинъ, 118—120

[9]) А. Соболевскій, Образов. Моск. Руси, 21.

признаютъ и издатели Словаря Памвы Берынды [1]). Въ первое москов. изданіе (1648) грамматики Смотрицкаго внесены были статьи М. Грека о грамматикѣ и возданы похвалы ему (въ предисловіи) относительно исправленія книгъ [2]), почему и самая грамматика иногда приписывалась М. Греку [3]). О немъ сообщалось также въ школахъ XVII вѣка [4]).

XI.

Возмущенный противъ грековъ, Крижаничъ включаетъ въ число тѣхъ изъ нихъ, которые приходили въ Москву за собираніемъ денегъ, и М. Грека и нападаетъ на него за отзывы о трудностяхъ грамматическаго ученія; за отзывъ объ истребленіи греческихъ книгъ латинами (неправильно переданный Курбскимъ) и даже клевещетъ на него, когда говоритъ, что М. Грекъ называетъ І. Дамаскина еретикомъ; но такія мнѣнія вызваны у него соображеніями, какъ интересовавшагося вліяніемъ латинской пропаганды. Кромѣ того онъ перевелъ сочиненіе Максима Грека объ исхожденіи Св. Духа (изъ Кирилловой книги, гл. 36 [5]). Между тѣмъ въ бесѣдахъ съ раскольниками онъ оправдывалъ исправленіе книгъ М. Грека и патр. Никона. Онъ называетъ даже статью М. Грека объ аллилуіи подложной, сочиненной раскольниками [6]). Извѣстный Арсеній Сухановъ, побывавшій на Востокѣ (1654—1665 г.), по порученію патр. Никона и вывезшій оттуда много греческихъ книгъ, но заподозрившій грековъ въ истинномъ православіи, въ своемъ спорѣ о двуперстіи ссылается на авторитетъ М. Грека [7]). Мнѣнія послѣдняго объ аллилуіа, двуперстіи и неприкосновенности бороды, на которые М. Грекъ смотрѣлъ лишь какъ на обычаи, особенно были дороги въ глазахъ раскольниковъ, которые возвели ихъ какъ бы въ догматы. Поэтому ссылки на М. Грека, какъ столпа православія, пестрятъ въ раскольничьихъ произведеніяхъ, начиная съ первыхъ ихъ писателей до

---

[1]) Опис. старопечатн. книгъ гр. Толстого, № 115, стр. 254; Царскій, № 244, с. 272.

[2]) Соболевскій, ibid. 21; А. Голубцовъ, Преніе о вѣрѣ, М. 1891, 367—370.

[3]) Евгеній, II, 54.

[4]) Д. Мордовцевъ, О русскихъ школьныхъ книгахъ XVII вѣка (Чт. въ Общ. ист. 1861, IV, 54).

[5]) М. И. Соколовъ, Матер. и замѣтки по старин. славян. литер., Спб. 1891, в. II-й (изъ Ж. М. Н. Пр.). стр. 23—24, 74, 77, 80—81).

[6]) Обличеніе Соловец. челобитной (Опис. рук. Синод. библ., I, № 283, стр. 388—397; Смирновъ, Серб. попа Ю. Крижанича опроверж. Соловец. челобитн. (Твор. св. отц. 1860, кн. IV, прибавл.); А. Безсоновъ. (Правосл. Обозр., 1870, I, 365—378); А. Маркевичъ, Юрій Крижаничъ, 210—215. Новооткрытое соч. Крижанича о соединеніи церквей М. Соколова (см. выше).

[7]) Чт. въ Общ. ист. 1894, II, 30—31, 142.

позднѣйшихъ, причемъ имя его стоитъ рядомъ съ отцами церкви и древними русскими церковными писателями, а самъ онъ величается титуломъ блаженнаго и святаго [1]). Съ другой стороны, на М. Грека ссылаются и православные писатели въ полемикѣ к. XVII в. (мон. Евѳимій) по вопросу о пресуществленіи [2]) и тотъ же Евѳимій въ своихъ отвѣтахъ на вопросы объ иконописаніи приводитъ слова многихъ греческихъ отцовъ церкви и въ томъ числѣ М. Грека [3]). Патр. Адріанъ переводы М. Грека ставилъ уже въ примѣръ, какъ образцовые [4]), хотя съ этимъ, по указаннымъ выше замѣчаніямъ, нельзя согласиться.

А. И. Соболевскій замѣчаетъ: „Лишь тогда Максимъ рѣшился писать пославянски, когда прожилъ нѣкоторое время въ Москвѣ и освоился съ ея литературнымъ языкомъ. Но онъ никогда не могъ овладѣть послѣднимъ вполнѣ, и языкъ даже позднѣйшихъ его трудовъ отличается своеобразными словами, необычными синтаксическими сочетаніями, получающими наилучшее объясненіе то изъ греческаго, то изъ латинскаго, то изъ болгарскаго языка, и тяжелой конструкціею фразы (Переводн. литер., 264; примѣры, 261—264, въ примѣч.), Можетъ быть (на основаніи особенностей языка) часть его оригинальныхъ сочиненій перваго періода его дѣятельности въ Россіи (до 1525 г.) была написана имъ на латинскомъ языкѣ и переведена на славянскій яз. толмачами или кѣмъ либо другимъ... По нашему мнѣнію, несомнѣнно написано на латин. яз. посланіе къ вел. кн. Василію“ (Сочин., II, № 25). Приходится сожалѣть, что „языкъ Толковой Псалтири и другихъ крупныхъ переводныхъ трудовъ М. Грека остается совершенно неизслѣдованнымъ“ (263, примѣч. 3),

XII.

Не смотря на осужденіе соборами (впослѣдствіи это создало М. Греку даже ореолъ мученика), на всѣ недостатки его переводовъ и собственныхъ сочиненій, не легко читаемыхъ, можно сказать, что ни

---

[1]) Лѣт. зан. Арх. ком., VI, 45, 49, 55, 61, 66—68, 76—78, 82, 83, 113; Сказаніе о Павлѣ, еп. коломен. (Чт. въ Общ. ист. 1905, II, 36); Ал. Б. (Бровковичъ, архіеп. Никаноръ, Опис. соч. раск., II, 113). Нильскій, Сем. жизнь въ расколѣ, I, 247 (о брачныхъ вѣнцахъ); Бумаги Арсеньева, стр. 21—о звѣздочетствѣ и математическихъ книгахъ; такимъ же вниманіемъ у нихъ пользуются сочин. м. Даніила (Жмакинъ, 756—761).

[2]) Сильвестръ Медвѣдевъ, Прозоровскаго (Чт. въ Общ. ист. 1896, III, 262; Козловскій, 84.

[3]) Опис. рукоп. Синод. библ., II, 105.

[4]) Ibid., II, 598.

одинъ писатель древней Россіи не пользовался еще при жизни такимъ уваженіемъ и значеніемъ, какъ М. Грекъ. Потомство уже совсѣмъ забыло соборное осужденіе послѣдняго и авторитетъ его, какъ писателя, еще болѣе возвысился. Благодаря такому уваженію, сочиненія и переводы М. Грека дошли до насъ во множествѣ списковъ, изъ которыхъ нѣкоторые ему современны или почти современны. Толковая Псалтирь дошла до насъ въ спискахъ 1520 г. (Хлудова), 1549 г. (Ак. Наукъ), 1550—51 гг. (Е. Е. Егорова), 1555—60 гг. (Троиц. лавры). Бесѣды І. Златоуста на Евангеліе Іоанна—1545 г. (Нов. Іерус. мон.); Толкованіе на книгу Дѣяній 1550 г. (Троиц. лавры); Толков. І. Златоуста на Евангеліе Матѳея, съ предисловіемъ Сильвана и на Еванг. Іоанна, оба съ подписью митр. Іоасафа (Троиц. лавры); собраніе переводовъ и словъ въ спискѣ, принадлежавшемъ митр. Іоасафу, до 1553 г. (Моск. дух. акад.) и въ спискѣ 1563 г. (одна часть Хлудова [1]), другая—Моск. Румянц. муз.); нѣсколько переводовъ и словъ вошло въ составъ Миней м. Макарія [2]).

Собр. словъ его Моск. дух. акад. № 153 (52 слова)—предполагаемый автографъ. Переводы и сочиненія М. Грека иногда по нѣсколько экземпл. встрѣчаются во всѣхъ извѣстныхъ общественныхъ и многихъ монастырскихъ библіотекахъ (см. описанія ихъ). Сводъ этихъ данныхъ у Строева (199—208) и Бѣлокурова (О библіотекѣ моск. царей, стр. ccxxxv—cccxiv). Въ послѣднемъ перечислено до 45 библіотекъ и частныхъ собраній и до 250 рукописей съ именемъ М. Грека. Переводы и сочин. его прежде принадлежали разнымъ духовнымъ и свѣтскимъ лицамъ. Сочиненія его встрѣчаются отъ нѣсколькихъ словъ до 151—наиболѣе полнаго собранія. Нѣкоторые изъ списковъ сопровождаются житіями и изображенія.

Еще съ XVI ст. стали собирать ихъ въ сборники, болѣе или менѣе полные, и такіе сборники списывались и распространялись въ теченіе двухъ послѣдующихъ столѣтій и въ значительномъ количествѣ сохранились до сихъ поръ [3]). Нельзя однако не отмѣтить, что лучшія

---

[1]) О важности списка Хлудова (и соч. ненапеч.), Лебедевъ, М. Макарій, 110—111; Зап. Ак. Наукъ, XXI, кн. II, 123; Опис. рукоп. Хлудова, I, № 73).

[2]) Соболевскій, Ibid., 260—261; Филаретъ, М. Грекъ (Москвит., 67).

[3]) См. Опис. рукоп. Моск. Синод. библ., II, отд. 2-е, 520—591; Опис. рукоп. Рум. муз., гр. Толстого, Царскаго (нынѣ гр. Уварова) и мн. др. (см. Опытъ рус. исторіогр., т. I, по указат.), а также отдѣльныя сочиненія въ тѣхъ же и другихъ Сборникахъ (Лѣт. зан. Арх. ком. тт. III, VII и VIII, по указ.). Въ одномъ изъ нихъ (с. 60) рядомъ съ такими памятниками, какъ Зап. рус. лѣт., Псков. судн. грам. и др.; Вѣст. Археол. Инст. XIII, 270—274; Обз. хроногр. II, 2.

и возможно полныя собранія его произведеній принадлежатъ послѣдователямъ стараго обряда: А. И. Хлудову [1]) и Т. Ѳ. Большакову. Большаковъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ жизни работалъ надъ сочиненіями М. Грека и собралъ 216 его статей [2]). На свидѣтельства М. Грека часто ссылались на ряду съ свидѣтельствами отцовъ церкви [3]); а нѣкоторыя статьи его вносились въ другіе, вновь составляемые сборники или печатались особо [4]).

Отч. Рум. муз. 1886—88, стр. 93; 1892—1894, с. 40 и далѣе; Опис. бумагъ П. И. Щукина, I, 258, 265; Стар. и Новизна, XV, 20; О творен. М. Грека въ библ. Тихонравова (Критико — библіогр. обзоръ В. Н. Перетца, № XVI — XXIV, 28; Отч. Рум. муз. 1912 г.); О рукописной Псалтири въužд. Евѳим. мон. К. Тихонравова (Владим. Губ. Вѣдом. 1856, № 25); о Псалт. и его соч. (Алекс. Нев. древнехран. во Владимірѣ, В. I, 1806 г.); въ отд. муз. Щукина съ изображеніями (Ист. муз., Отчетъ 1905 г.); ср. Ж. М. Н. Пр. 1906, № 11, 233—236; Сборн. Моск. публ, муз.; собр. сочин. М. Грека Казан. дух. Акад.—3 списка (одинъ бывшій дьяка Шошина, другой дьяка Дементьева и третій, съ изображеніями) и Общ. люб. древн. письмен. т. Ш, также съ изображ., какое приложено въ изд. Казан. акад. и по списку Общ. любител. древн. письмен.—у Бѣлокурова; кромѣ того изображенія—въ Христ. Древ. Прохорова, Сійск. иконописн. подлин., издан. Общ. любит. древн. письмен. т. IV, 215, 216; при статьѣ Ѳ. Нелидова (Десять чтеній по литературѣ, М. 1909, ориг. въ Имп. Ист. музеѣ); и въ Матер. для ист. рус. иконопис., Н. П. Лихачева), ч. II—3 изображ. XVII и XVIII вв. (см. въ дополн.), О сочин. М. Грека въ дворц. библ. XVII в. (Чт. въ Общ. ист. 1902, Ш, 61). Въ нѣкоторыхъ спп. 1, 2 и 3 ред. Хронографа, между прочимъ объ Америкѣ—это первое извѣстіе, сообщ. М. Грекомъ (Поповъ, II, 2, 76, 82, 110, 151). Переводъ Космографіи Ортелія, сдѣланный въ сокращеніи, былъ пополненъ потомъ вставками изъ Библіи, Кормчей, Г. Амартола и Максима Грека (Изв. Ак. Наукъ, VIII, 389). Опис. рукоп. Петербург. дух. акад. Софійская библіо-

[1]) Рукописи его въ библ. Никол. единовѣрческ. мон. въ Москвѣ.

[2]) Рус. Біограф. словарь, 208.

[3]) Опис. рукоп. Синод. библ., II, отд. 2-е, с. 605.

Сочиненія М. Грека помѣщались также въ Сборникахъ рядомъ съ сочин. отцовъ церкви и т. п. (Макарій, VII, 307).

[4]) Опис. рук. Синод. б. 548, 549; Евгеній, Слов. духов. писат., II, 36.

тека, В. I, изд. Д. И. Абрамовичемъ (о греческой Псалтири, писан. рукою М. Грека въ Твери, № 78); о ней же въ Христ. Чтен. (1882, № 9—10, с. 600).

Съ другой стороны, благодаря вліянію полемики М. Грека, нѣкоторые изъ апокрифовъ (напр. сказаніе Афродитіана, Лунникъ) были внесены въ индексъ запрещенныхъ книгъ[1]). Въ вопросахъ грамматики имя Максима Грека стояло такъ высоко, что на него ссылались въ теченіе всего XVIII стол. — не только лица духовной школы[2]), но и Россійская, академія. Приступивъ въ 1794 г. къ печатанію россійской грамматики, она постановила наиболѣе руководствоваться грамматиками М. Грека и Ломоносова, и грамматика эта была издана въ 1802 г., 1809 и 1819 гг. [3]).

Уваженіе къ М. Греку шло дальше. Уже во второй половинѣ XVI в. стали составляться его *житія*, въ видѣ краткихъ сказаній, въ основѣ которыхъ повидимому лежали его сообщенія о начальномъ періодѣ его жизни, которыя постепенно пополнялись, то съ помощію его сочиненій и грамотъ, связанныхъ съ его пріѣздомъ въ Россію, то фантастическихъ разсказовъ о его первоначальной жизни (о посвященіи въ разныя духовныя званія, вопреки его собственному показанію)— такъ образовалось двѣ радакціи сказаній—краткая и подробная, помѣщаемыя въ сборникахъ (и въ Минеяхъ Милютина[4]) и при нѣкот. спискахъ его сочиненій. Заботы о его церковномъ почитаніи возводятся ко времени царя Ѳеодора Ивановича, съ описаніемъ нѣкоторыхъ чудесъ; съ полов. же XVII ведутся уже постоянныя записи о нихъ, а въ концѣ XVII в. имя Максима Грека появляется и въ святцахъ[5]); но о

---

[1]) Изв. Ак. Наукъ, 1901, № 3, стр. 49.

[2]) Опис. дѣлъ св. Синода, III, стр. ccciі и далѣе (Арсеній Мацѣевичъ).

[3]) Рус. Стар. 1901, № 8, стр. 361—362.

Въ рукописи латинской грамматики (Донатуса), перевед. въ 1522 г. Д. Герасимовымъ и списанной въ 1563 г., вслѣдъ за изреченіями изъ св. писанія, отцовъ церкви и древнихъ писателей отъ Гомера до Плутарха, слѣдуютъ извлеченія изъ сочин. М. Грека и Нила Сорскаго (Опис. рукоп. Казан. унив., 324).

[4]) Подробн. свѣдѣнія о нихъ въ томъ же трудѣ С. А. Бѣлокурова (стр. i—cxxv). Въ рукоп. Ундольскаго житіе и избран. сочин. съ опис. 20 чудесъ, полууставомъ XVII в., № 338. О др. спискахъ см. Рукоп. Унд., с. 10.

[5]) Филаретъ, Житія, янв., 99 (Мѣсяцесловъ Троиц. Сергіев. лавры). Архим. Леонидъ, Святая Русь, 1881. „Мощи его подъ спудомъ“ (Сергій, II, 19). „Не канонизованъ, но изображается на иконахъ“, Гр. М. В. Толстой „Книга, глаголемая описаніе о рос. святыхъ“ (Чтен. въ Общ. ист. 1887, IV, 81). Его изображенія, какъ святого (Иконописный подлинникъ, Филимонова, 43—44) и въ изд. Н. П. Лихачева. (см. в., с. 585).

канонизаціи здѣсь не могло быть и рѣчи [1]. Въ подробныхъ житіяхъ, прошедшихъ черезъ редакцію расколоучителей, вносятся соотвѣтственныя мнѣнія (въ защиту брадобритія, двуперстія и т.п. [2]). Стоглавый Соборъ широко пользовался его указаніями. Соборъ 1666 г. также ссылался на авторитетъ его мнѣній. Въ церковныхъ же тропаряхъ ему вмѣняется уже въ заслугу, что онъ пришелъ отъ восточной страны къ сѣверу, озаряя мглу и всячески темность мрака просвѣщая [3]). Такимъ образомъ, въ почитаніи его сошлись противники, стоящіе на двухъ противоположныхъ точкахъ зрѣнія. На Аѳонѣ Максимъ Грекъ занесенъ въ мѣстный Патерикъ [4]). Митр. Платонъ озаботился устройствомъ раки и часовни надъ гробомъ Максима Грека, съ надписью, не совсѣмъ, впрочемъ, достовѣрною [5]).

XII.

При всемъ уваженіи къ трудамъ М. Грека, до сихъ поръ нѣтъ полнаго собранія его сочиненій и даже установленнаго полнаго перечня ихъ [6]). Митр. Евгеній въ 1818 г. писалъ В. Г. Анастасевичу: „Великое дѣло затѣваетъ гр. Румянцевъ, чтобы издать всѣ любопытныя рукописи, въ моемъ словарѣ упоминаемыя. Хотя бы одного Максима Грека издалъ, и за то спасибо бы ему. Онъ въ духовной московской цензурѣ уже 10 лѣтъ валяется, взятый изъ новгородской Софійской библіотеки“ [7]). Такимъ образомъ даже м. Евгенію не удалось напечатать собранія сочиненій М. Грека. И только въ 1859—1862 гг. оно могло появиться въ свѣтъ въ изданіи Казанской Духовн. академіи, которое послѣ того пополнилось вновь напечатанными статьями или по другимъ спискамъ.

Въ Прав. Соб. и отдѣльно, съ портретомъ, по 4 списк., принадлеж. Казан. академич. библ,, XVI—XVII вв. и нѣкоторыя по рукоп. Троиц. мон., 3 тома (547+453+296; 2-ое изд. чч. I и III,

---

[1]) Поэтому основываются на предположеніяхъ (А. Синайскій, Кратк. описан. жизни, 1-ое изд., 14; 2-ое, 23—относится къ 1566); ср. Литер. Вѣстн. 1902, № 6, с. 162.

[2]) Бѣлокуровъ, cxix—cxxv. Едва-ли не напраслина въ замѣткѣ арх. Аполлоса по адресу Курлятева (стр. cclш)

[3]) Барсуковъ, 350.

[4]) Аѳонскій Патерикъ или жизнеопис. святыхъ на св. Аѳон. горѣ просіявшихъ. Части I и II, изд. 7-ое, М. 1897; ср. Визант. Времен. 1900 г., вып. I и II, 217.

[5]) Бѣлокуровъ, cclш (сост. іером. Аполлосомъ).

[6]) Ср. указатели Евгенія, Филарета, Строева, Бѣлокурова и др. (у послѣднихъ двухъ съ указаніемъ библіотекъ и списковъ). Печатаніе его сочиненій началось давно (см. выше, сс. 196—197). Переводы также печатались, а именно: Бесѣды на Евангеліе Матѳея (М. 1664) и на Іоанна (1665, 1765, 1793).

[7]) Архивъ, 1889, № 5, стр. 80.

435+234, 1895 и 1897 гг.), съ тѣмъ же предислов., портретомъ и оговоркой о сугубой аллилуіа и крестномъ знаменіи, какъ не принадлежавшихъ ему (Ш, 234), какъ и думали раньше (Платонъ, Евгеній, Филаретъ и сначала Макарій), но въ виду поздн. указаній (Ист. церк. Макарія, Голубинскій и др.), мнѣніе это не можетъ быть принято; Голохвастовъ и архим. Леонидъ (Чтен. въ Общ. ист. 1874, I; Благовѣщ. свящ. Сильвестръ, стр. 31—33 посл. къ попу Сильвестру; между прочимъ по дѣлу Никиты Бор. кн. Ростовскаго-Пріимкова). Жмакинъ, М. Даніилъ, 081—084, посл. М. Грека къ Іоанну Вас. о брадобритіи (на мнѣніе М. Грека ссылается патр. Адріанъ и б. часть приводитъ у себя въ поученіи), изд. по рукоп. Соф. библ. и др.; указаніе на Слово о покаяніи въ рукоп. Воскр. Нов. Іерус. мон., 639. Н. К. Никольскій, Матер. для ист. древне-рус. духов. письменности (Хр. Чт. 1900, два посл. къ Ѳед. Ив. Карпову). А. С. Щеглова (Рус. Фил. Вѣстн. 1911: сказ. противъ глаголющ. Христа во священство ставили (Общ. любит. древн. письм.), посл. къ нѣкоему князю, просивш. у него съ чего пошло не ясти скоромнаго въ понедѣльникъ, по рукоп. Им. Публич. библ., Общ. люб, Синод.; посл. къ вел. кн. Ивану Васильевичу о обрадобритіи; о строфокам. яйцѣ, по рукоп. Петрогр. Дух. акад.—изъ кирилловскихъ, — это другая ред. слова „о храп. ума" въ т. Ш, сл. сь; ср. Сборн. Ак. Н. (Изв. 1905, Ш, 219). Указываютъ еще нѣсколько неизд. статей (см. в. стр. 440), прим. 1; другія указанія того же автора едва ли точны—статьи извѣстны подъ другими заглавіями (Жмакинъ, 092—093); одно озаглавл. такъ: „противу тщащихся звѣздозрѣніемъ предрицати о будущихъ, въ немъ же и о туркахъ" (095).

Тѣмъ не менѣе вопросъ о полнотѣ списка Сочиненій М. Грека остается открытымъ, хотя можетъ быть и не прибавитъ ему новыхъ лепестковъ къ литературной его славѣ.

Ср. Рукописи В. Ундольскаго: „Сочиненія М. Грека въ 4-хъ спискахъ (№№ 487—490), изъ коихъ одинъ писанъ въ 1587 г. (№ 487), другой въ 1699 (№ 488) и отличается рѣдкой полнотой и правильностію состава" (стр. 10). И. П. Сахаровъ возбуждалъ вопросъ объ утратѣ перевода Синт. Властаря (Барсуковъ, Погодинъ. УШ, 173), которая принимается нѣкоторыми изслѣдователями (Жмакинъ, 209—213). О сочин., ошибочно ему припис... (Бычковъ, Сборн., I, 89, 169, 200, 367). О вставкахъ въ сочин. М. Грека (Порфирій, Аѳонскіе книжники, Бесѣды любит. дух.

просв. 1883, № 2); неиздан. сочин. М. Грека (Труды славян. ком. Моск. Арх. Общ., т. V). О переводахъ съ его именемъ (Лѣт. зан. Арх. ком. III, 91—92; Памятн. древн. письмен., XII. 1881, Опис. рукоп. Соф. библ., 25—26).

XIII.

Уже въ XVII. в. сочиненія М. Грека обращали на себя вниманіе библіографовъ [1]). Князь Щербатовъ въ свою исторію внесъ имя Максима Грека, воспользовавшись съ этою цѣлью исторіей князя Курбскаго и представивъ его въ той роли, какую приписалъ ему этотъ послѣдній. Упомянувъ о его благочестивой жизни, онъ видитъ причину бѣдствій, постигшихъ М. Грека, въ порицаніи развода вел. князя и мести м. Даніила и затѣмъ разсказываетъ о его заточеніи и бесѣдѣ съ Іоанномъ Грознымъ въ Троицкомъ монастырѣ. Любопытно, что князь Щербатовъ, слѣдовавшій мнѣніямъ XVIII в. о чудесахъ и вліяніи духовенства, по поводу удержанія Максимомъ Грекомъ царя отъ поѣздки въ Кириллову пустынь, замѣчаетъ: „то почитаю не пророческимъ вдохновеніемъ, яко нѣкоторые лѣтописцы насъ увѣряютъ, и не потому, чтобы путешествіе сіе противно Богу почиталъ, но соображая разныя должности государя и опасаясь свиданія царскаго съ единымъ притворяющемся въ святости, въ самомъ же дѣлѣ злымъ монахомъ (еписк. Вассіанъ Топорковъ), какъ ради сей причины, такъ и по мудрости своей, почитая безполезными такія дальнія царскія для богомолья путешествія, началъ его увѣщевать" и далѣе, передавая разсказъ словами Курбскаго, онъ допускаетъ, что „могли столь сильныя и на самой справедливости основанныя увѣщанія поколебать мысли царскія; но съ другой стороны другіе монахи не столь истиннымъ закономъ, коль нѣкіими предубѣжденіями пораженные, представляли государю святость обѣта его, а тогда же надѣяся и награжденія, совѣтовали церкви и монастыри благодарностію своею снабдить" [2]). Шлецеръ также зналъ труды М. Грека и сравнивалъ свои планы надъ изученіемъ текстовъ русскихъ лѣтописей съ его исправленіемъ богослужебныхъ книгъ [3]). Митр. Платонъ коснулся Максима Грека по случаю его кончины въ 1556 г. [4]), но входитъ въ сужденіе о немъ главнымъ образомъ въ от-

---

[1]) Сильв. Медвѣдевъ—первый рус. библіографъ, онъ насчитываетъ 82 соч М. Грека (Чт. въ Общ. ист. 1846, кн. 3-я). Нѣкот. первымъ библіографомъ считаютъ М. Грека (К. Никольскій, Опис. рук. Кир. Бѣлоз. мон., Спб. 1897, с. xi, прим.).

[2]) Исторія россійская, т. V, I, 460—462.

[3]) Изв. Ак. Наукъ, 1903, № 1, стр. 199—200, 205.

[4]) Краткая церковн. рос. исторія, изд. 3-ее, 1829, т. II, стр. 31—36.

ношеніи къ расколу. Онъ говоритъ: „Взялся онъ за нѣжную струну, за поправленіе нѣкоторыхъ словъ въ церковныхъ книгахъ. Невѣжество того вѣка тѣмъ же голосомъ возопіяло, какимъ послѣ поправителя церковныхъ книгъ святѣйшаго патр. Никона огласило: Максимъ портитъ церковныя книги, Максимъ еретикъ! Вел. кн. Василій Ивановичъ и м. Даніилъ сами ли пристали къ общей невѣжественной огласкѣ, или принуждены были уступить буйству мятежныхъ воплей, сослали его въ заточеніе въ Тверь (такъ мало было извѣстно тогда дѣло М. Грека), въ монастырь Отроческій, гдѣ онъ содержанъ былъ безъисходно болѣе двадцати лѣтъ", и т. д. Упомянувъ затѣмъ о настояніяхъ М. Грека въ своемъ православіи и неподсудности его здѣшнему суду и объ облегченіи его участи, съ присоединеніемъ „посрамленія" виновниковъ его отягощенія, м. Платонъ заключаетъ, что онъ „почитается яко мужъ святостію себя прославившій". Далѣе, м. Платонъ останавливается на томъ фактѣ, что еще до Никона церковныя книги признаны были неисправными и требующими исправленія; что касается сочиненія о двуперстіи, то списки его не согласны между собою и въ одномъ утверждается даже троеперстное сложеніе; сочиненіе о двойной аллилуіа онъ признаетъ принадлежащимъ М. Греку, но полагаетъ, что онъ написалъ такъ сообразно тогдашнему мнѣнію и былъ наученъ заключеніемъ, чтобы писать осторожнѣе, не сталъ углубляться въ столь маловажное дѣло. М. Платонъ отвергаетъ мнѣніе кн. Щербатова о возраженіяхъ М. Грека относительно второго брака вел. князя Василія Ивановича, какъ не удостовѣренное лѣтописцами. Совѣтъ М. Грека ц. Ивану IV не ѣздить въ Кирилловъ монастырь, по его положенію, и внушеніе еп. Вассіана, какъ царствовать, онъ признаетъ вымышленными и довольно опровергаемыми уже тѣмъ, что кн. Курбскій былъ бѣглецъ и противъ государя писалъ поносныя и ругательныя письма и повѣсти, то заслуживаетъ ли таковой, чтобъ ему во всемъ безъ изслѣдованія повѣрить? Но тутъ онъ присоединяетъ еще одно соображеніе: „А болѣе вѣроятно, говоритъ онъ, что князь Курбскій, изливая свою ненависть противу государя, и по той злобѣ *стремясь доказать, что царь былъ аки бы незаконный сынъ*, вложилъ ложно въ уста Максима и епископа Топоркова то, что самъ въ себѣ чувствовалъ, дабы чрезъ то своему повѣствованію болѣе вѣроятности придать".

Митр. Евгеній, рано познакомившійся съ памятниками русской письменности, близко зналъ сказанія о М. Грекѣ, всѣ его сочиненія, повѣсть о второмъ бракѣ и исторію кн. Курбскаго, которую онъ не отвергаетъ, какъ источникъ, и даже съ довѣріемъ относится къ его свидѣтельствамъ; наконецъ ему извѣстно было и судное дѣло М. Грека

1525 г. (по Моск. арх. иностр. коллегіи). „Онъ имѣлъ, говоритъ м. Евгеній, общую всѣмъ знаменитымъ мужамъ участь, какъ въ гоненіи, такъ и въ томъ, что по смерти самые враги почли его невиннымъ и праведнымъ, и только себѣ въ оправданіе приписали ему свои заблужденія" [1]). Съ тѣмъ же кругомъ источниковъ и довольно полнымъ собраніемъ сочиненій М. Грека (по списку Троиц. лавры, въ числѣ 134) былъ знакомъ и Карамзинъ [2]), и съ этого времени имя Максима Грека стало достояніемъ русской исторіи и литературы. Соловьевъ ставитъ его имя въ ряду раннихъ предшественниковъ сближенія Россіи съ Западомъ [3]). Позднѣйшая же критика видитъ въ Максимѣ Грекѣ „единственнаго ученаго человѣка Московской Руси" [4]), „проповѣдника истиннаго христіанства и настоящаго критика въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова" [5]), „полемиста, обладавшаго истинно-греческой діалектикой" [6]), греческаго гуманиста [7]), наконецъ—идейнаго борца, павшаго жертвой своихъ убѣжденій [8]).

---

[1]) Словарь духов. писателей, II, 26—41.

[2]) Ист. государ. россійскаго, VII, прим. 255, 257, 275, 277, 335, 339—346, 373; VIII, пр. 386.

[3]) Рус. Вѣст. 1857, т. VIII (Шлецеръ и анти-историч. направл.)

[4]) Н. Каптеревъ, Патр. Никонъ и его противники, 47.

[5]) Голубинскій, II, 695, 709.

[6]) Павловъ, Истор. очеркъ секуляриз. церков. земель въ Россіи, 50.

[7]) В. Н. Забугинъ, Юл. Помпоній Лэтъ, 16, 227.

[8]) A. Brückner, Gesch. der russischen Litteratur, Leipz., 1905 г.

ДОПОЛНЕНІЯ.

Стр. 18—19. Еще дьякъ Святослава Ярославича, писавшій книги для своего князя, замѣчаетъ: „Святославъ, державный владыка, возжелавъ сильнымъ желаніемъ открыть сокровенный смыслъ въ глубинѣ сихъ трудныхъ книгъ (болгарскаго перевода), повелѣлъ моей немудрости сдѣлать перемѣны въ рѣчахъ съ удержаніемъ того же смысла" (см. Калайдовичъ, Іоаннъ екс. болгар., стр. 102). Въ одномъ изъ „Азбуковниковъ" читаемъ: „Ко всѣмъ же иностраннымъ рѣчамъ разсмотрихомъ яко бы приличио быть мало и отъ грамматики приложити, понеже мы славяне много погрѣшаемъ мнози и пишуще и глаголюще, не вѣдуще истиннословія своего словенскаго языка въ глаголаніяхъ различія тонкости, еже кое есть различіе еже рещи или написати" (примѣры)... А. Карповъ, „Азбуковники" (163—164). Князь Курбскій свидѣтельствуетъ, что, заботясь о переводѣ святоотеческихъ твореній на русскій языкъ, онъ „искалъ мужей, словенскимъ языкомъ книжнымъ добрѣ умѣющихъ, и не возмогохъ обрѣсти". (Сказ., 275—276).

Стр. 64. Въ противоположность мнѣнію Гиббона, слѣдуетъ указать на сужденіе позднѣйшаго изслѣдователя, сложившееся благодаря болѣе широкому изученію матеріала и успѣхамъ исторической науки. „Бываютъ, говоритъ Ш. Диль, дурно звучащія слова и въ числѣ ихъ самую дурную славу имѣютъ слова: *византійскій, византійская, византійское* и т. д.; напримѣръ, когда въ парламентѣ происходятъ пустыя, безполезныя пренія, то газеты называютъ ихъ византійскими. Если пресловутый протоколъ, т. е. правила оффиціальнаго этикета, доходятъ до нелѣпости, то его укоряютъ въ византійскихъ церемоніяхъ. Лучшіе умы подъ словомъ византизмъ представляютъ себѣ без-

конечные безсмысленные споры о какой нибудь пустой формальности и вообще большая часть изъ насъ представляютъ себѣ Византію страной, которая болѣе заботилась о церемоніяхъ и формахъ, чѣмъ о насущныхъ потребностяхъ жизни. Конечно, она не могла заслужить такой дурной славы безпричинно, но ея недостатки и слабости могутъ быть объяснены очень разумными аргументами, въ значительной степени ея оправдывающими. Несомнѣнно, Византія любила придворныя революціи, государственные перевороты и военные мятежи, но она въ этомъ только походила на Римъ во времена цезарей. Она страстно любила зрѣлища въ циркахъ, но и въ этомъ она нисколько не отличалась отъ императорскаго Рима и притомъ ей скорѣй, чѣмъ Риму, надоѣли эти опасныя зрѣлища. Она отличалась, не смотря на культурную мѣстность, жестокими и варварскими нравами; но въ этомъ отношеніи она была истинной представительницей среднихъ вѣковъ и даже большинство сосѣднихъ современныхъ народовъ превосходили ее въ жестокости и варварствѣ. Наконецъ, она любила до безумія богословскіе споры, въ которыхъ одинаково компрометировались интересы государства и церкви, но въ сущности подъ богословскими преніями византійцевъ скрывались политическія стремленія. Вообще, о Византіи нельзя судить огуломъ, и притомъ или съ точки зрѣнія современныхъ идей, или сравнивая ее съ Римомъ и Греціей. Ее надо разсматривать какъ средневѣковое государство, поставленное на крайней границѣ между Европой и варварской Азіей. Судя о ней такимъ образомъ, мы получимъ совершенно иное мнѣніе, чѣмъ до сихъ поръ.“ (Introduction. L'histoire de Byzance etc., par Ch. Diehl, P. 1900).

Стр. 100—101. Въ числѣ обращенныхъ Іер. Савонаролою былъ и Николай Шомбергъ, позднѣе поступившій въ монастырь св. Марка и ставшій архіеп. Капуи и кардиналомъ (Виллари, 339). Сп. къ с. 226.

Стр. 134. Въ Отчетѣ Имп. Москов. и Румянц. музея за 1913 г. (М. 1914 г.) напечатанъ каталогъ имѣющихся въ немъ „Альдиновъ“, собран. въ свое время гр. Н. П. Румянцовымъ и главнымъ образомъ А. С. Норовымъ, 1495—1590 гг., №№ 1—142, стр. xv+81, сост. А. Виноградовымъ.

Стр. 148. Разсказъ о гигантахъ и крадѣ огненной по Еллин. лѣт., съ привлеченіемъ Плутарха (о гигантахъ) и др. см. въ Обз. Хроногр. I, 8—9. Крада—κάμινος, πυρά – костеръ (по славян. памятникамъ въ Матер. для Словаря древне-рус. языка. И. И. Срезневскаго, стр. 1310).

Стр. 149. Къ словамъ М. Грека, предлагающаго стяжать себѣ божественнаго псина, на утвержденіе духовныхъ трудовъ (инокамъ),

на полѣ сдѣлано поясненіе. „Псипъ (ψήν) есть животнище нѣкое крилато тончайше, яко же прахъ, еже ражается отъ дивіихъ смоковъ, глаголемыхъ олинфъ (ὄλυνθος—фига), ихже садовницы нарокомъ вѣшаютъ на добрыхъ смоковницахъ на укрѣпленіе плодовъ ихъ, ражаеми бо отъ олинфъ псипи прилѣтающе и прилѣпляющеся къ концамъ смоковнымъ крѣпятъ смоквы, и не отпадаютъ прежде зрѣльства“ и т. д. (Сочин. II, 49—50).

Стр. 149. Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ (въ библ. Хлудова № 74, опис. А. Н. Попова, с. 168, 197) Максиму Греку приписывается разсказъ о фениксѣ, существующій въ разныхъ редакціяхъ, о чемъ см. изслѣд. о Физіологѣ, А. Карнѣева, изд. Общ. люб. древ. письмен., Спб. 1890, гл. VII. Рец. И. В. Ягича (Зап. Имп. Ак. Н., т. LXXV, кн. II, стр. 104). Подр. разск о фениксѣ у Геродота (II, 73) и Тацита (Лѣтопись, VI, 28); ср. еще Gregorvius, III, стр. 55 и 90, Пыпинъ (I, 256—257); Калугинъ (03—04); В. Клингеръ, Живот. въ античномъ мірѣ и современномъ суевѣріи (141).

Стр. 157. Мы не можемъ принять мнѣніе объ осмотрѣ библіотеки вел. кн. Василіемъ Ивановичемъ въ 1506 г. и удерживаемъ сказанное нами въ 1-мъ изд. Въ сказаніи о М. Грекѣ читаемъ: „Осмѣй убо тысящи наставши, въ четвертоенадесять лѣто годищнаго обхожденія русскія земли скипетръ державшу благоч. Василію Ив..., *не поколицѣхъ убо лѣтѣхъ державы царства своего*, сей православный г-рь Василій Ивановичъ отверзе царская сокровища древнихъ вел. князей и обрѣте въ нѣкоторыхъ полатахъ безчисленное множество греческихъ книгъ“, и пр. (Бѣлокуровъ, XXXI). Слѣдовательно годъ начала его княженія и время осмотра библіотеки ясно раздѣляются. Послѣднее должно быть отнесено приблизительно къ году вызова переводчика (1516). См. 1-е изд. нашего труда (стр. 102 и 107, примѣч.).

Стр. 160. Знаніе наизусть псалмовъ и на Западѣ считалось признакомъ хорошаго образованія (Gregrovius, Gesch. d. Stadt Rom, II, 182, 195, 269).

Стр. 181. При сличеніи двухъ текстовъ „Алфавита“ М. Грека (Рум. муз. № 265 и Синод. библ. № 191), видно, что первый представляетъ болѣе точный и полный списокъ словаря. Онъ писанъ по-русски и заключаетъ въ себѣ толкованіе собственныхъ именъ и названій нѣкоторыхъ предметовъ и понятій, въ количествѣ 272 словъ, главнымъ образомъ именъ, причемъ порядокъ (по греческой азбукѣ)

соблюденъ только относительно первой буквы слова. М. Грекъ нерѣдко указываетъ, изъ какого языка взято слово, а римское имя переводитъ на греческій языкъ и въ нѣсколькихъ случаяхъ признается въ невѣдѣніи ихъ значенія (какъ Игнатій, Сергій, Несторъ, Терентій). Правописаніе греческихъ словъ выдержано довольно послѣдовательно. Хотя Словарь задуманъ по образцу лексикона Свиды, но заимствованій изъ него не видно, какъ, судя по времени, нельзя указать и на другой источникъ; но высказано предположеніе, что образцомъ ему могъ служить рукописный латино-греческій словарь, вывезенный изъ Италіи. Повидимому М. Грекъ предпринялъ его, будучи вызванъ какими либо вопросами и отчасти спискомъ словъ, предложеннымъ ему какимъ нибудь лицомъ. Нѣкоторыя толкованія обнаруживаютъ хорошее знаніе М. Грекомъ русскаго языка, и потому полагаютъ, что этотъ словарь былъ составленъ уже во второй періодъ его пребыванія въ Россіи. Впослѣдствіи словарь М. Грека становится однимъ изъ источниковъ русскихъ „Азбуковниковъ“ (см. сообщеніе А. А. Покровскаго въ Славян. ком. Моск. Археол. общ., съ замѣч. на него, Труды Славян. ком. IV, вып. I, 1907, стр. 029—031).

Стр. 197. Соч. студ. Дм. Таруптаева: „Догматическія соч. Максима Грека“ указано въ „Отчетѣ Петербург. духов. академіи“ за 1895 г., стр. 412 (Христ. Чтен. 1896, г. II, мартъ-апр.).

Стр. 201, прим. 2. О мнимомъ еретичествѣ москов. митроп. Зосимы. Ѳ. М. И. (Рус. Арх. 1900, № 7, стр. 333—341).

Стр. 205. А. В. Фехнеръ (Chronik der Evang. Gemeinden in Moskau, I, 1876, s. 29) не принимаетъ также означенныхъ соч., какъ писанныхъ противъ лютеранъ (отзывъ о М. Грекѣ на стр. 9). Ту же точку зрѣнія поддерживаетъ и Н. А. Поповъ въ рец. на его книгу (Прав. Обозр. 1878, № 2). И хотя есть памятники, указывающіе на знакомство въ Россіи съ ученіемъ Лютера раньше (1536), но вліяніе его оспаривается (Жмакинъ, 255).

Стр. 215. Отношеніе древней Руси къ раздѣленію церквей, А. И. Соболевскаго (Изв. Имп. Ак. Наукъ 1914, стр. 1485—1492, м. прочимъ объ „Епистоліи на римляны“).

Стр. 219. прим. 4. Объ Оржеховскомъ (Орѣховскомъ) см. также въ изд. Biblioteka zapomn. poetów i prozaików polskich XVI—XVIII w. Zesz. XXV. St. Orzechowckiego, „Fidelis subditus“ w red. z. r. 1548, wydali Gregorz Saenger i Teod. Wierzbowski, Warsz. 1908, p. x+120.

Стр. 247. В. кн. Василій Ивановичъ просилъ волоколам. инока Кассіана Босаго молиться объ избавленіи отъ латинства и бесерманства (Жмакинъ, 254).

Стр 283. В. Кузьминъ. Картина Кебета Ѳивскаго, перев. съ греч. (Журн. Мин· Нар. Просв. 1876, № 3, отд. v, стр. 12—38); В. Алексѣевъ, Кебетъ. Картина, перев. съ греч., Спб. 1888 (изъ Пантеона литературы) и нѣск. переводовъ XVIII вѣка.

Стр. 298. О близкомъ пришествіи антихриста (Пск. лѣт., 1510 г. и Курбскій, предисл. къ Н. Маргариту).

Стр. 311. Источникъ „Бесѣды трехъ святителей", Н. Ѳ. Красносельцова (Зап. Новор. унив., т. LV); В. М. Истринъ, Апокрифическое мученіе Никиты (Лѣтоп. Ист. Фил. общ. при Новорос. унив., VII, 211—304).

Стр. 318. Древній хорватскій текстъ Луцидарія напеч. проф. Милетичемъ въ Старинахъ 1903.

Стр 327. Н. К. Гудзій. Къ легендамъ объ Іудѣ Предателѣ и Андреѣ Критскомъ (съ литерат. вопроса). Варш. 1915 (Рус. Филол. Вѣсти).

Стр. 330—331, примѣч. Д. И. Тихомировъ, Григорій Нисскій какъ моралистъ, Мог. на Днѣп. 1887. Объ указанномъ вопросѣ на стран. 119—124—139; о близости къ тому же І. Златоуста и Ѳеодорита Киррскаго и разногласіи Августина Блаженнаго. О раѣ мысленномъ и реальномъ (140—151); о дѣвствѣ (307—318).

Стр. 351. Изображеніе муч. Христофора съ песьею головою, въ воинскомъ костюмѣ, въ латахъ, съ мечемъ въ одной рукѣ и крестомъ въ другой. Характерная особенность этого изображенія—голова, повторяющаяся обычно въ русскихъ памятникахъ московскаго періода, но неизвѣстная по памятникамъ византійскимъ, въ которыхъ вообще не принято смѣшеніе формъ человѣческихъ съ животными (такъ, иначе изображенъ муч. Хр. на визант. миніат. грузин. Минеи XI в., какъ отмѣчаетъ и рус. иконоп. подлин. XVI в.). Но въ русской иконографіи XVII в. стали изображать Хр. съ песьей головой. Полагаютъ, что объясненіе этого находится въ древнемъ преданіи, слѣды котораго имѣются въ Прологѣ, гдѣ сказано, что муч. Хр. происходилъ изъ страны антропофаговъ и кинокефаловъ; но Прологъ оспариваетъ послѣднее, ссылаясь на Минеи-Четьи и Димитрія Ростовскаго (Розыскъ). Въ

1746 г. противъ того же возражалъ въ донесеніи Синоду Арсеній Мацѣевичъ, который распорядился въ своей епархіи подобныя изображенія переправить. Но ни тогда, ни въ 1770 г. Синодъ не далъ никакого рѣшенія. Находятъ также связь между именемъ Хр. въ Прологѣ (Репревъ—Reprobus) и западнымъ преданіемъ объ исполинѣ Христофорѣ (Сійск. иконоп. подлин., В. IV, стр. 165—168).

Стр. 354—355. Въ нижненѣмецкомъ требникѣ XV вѣка находятся слѣдующіе вопросы: не имѣешь ли ты какихъ либо суевѣрій или слабости вѣры къ заговорамъ, колдовству и предсказаніямъ относительно денегъ и имуществъ; на счетъ примѣтъ; не поклоняешься ли какому либо созданію и не воздаешь ли ему божескія почести и похвалу, какъ-то солнцу, лунѣ и др. планетамъ или не думаешь ли ты, что для начала извѣстнаго дѣла извѣстный часъ хуже другихъ? Конечно, сѣять, пахать или принимать лѣкарства можно, соображаясь съ фазами луны; но не думаешь ли ты, что крикъ птицы можетъ причинить человѣку добро или зло. Вѣришь ли ты въ сны или въ приговоры или въ другія необычайныя изреченія, которыя будто бы охраняютъ отъ огня, воды и враговъ? Не давалъ ли ты себя заговаривать колдовскими словами—или какъ нибудь иначе—не имѣющими своей, особой естественной силы? Вѣришь ли ты въ добрыхъ фей, или въ то, что ночью разъѣзжаетъ кошмаръ, или въ то, что ты самъ на кочергѣ ѣздишь на Блаксбергъ?“ (Лампрехтъ, II, 492).

Стр. 357, прим. 3. Новое изданіе „Псков. суд. грам.“, Имп. Арх. ком. 1914 (съ 1 и 17 таблиц.), 28 стр.

Стр. 362. Для освѣщенія вопроса приводимъ слѣд. позднее свидѣтельство: 15 янв. 1655 г. царь Алексѣй Михайловичъ писалъ бояр. И. В. Морозову: „Вѣдомо намъ учинилось, что въ Москвѣ въ моровое повѣтріе мужья отъ женъ постригались, а жены отъ мужей, а теперь изъ нихъ многіе живутъ на своихъ дворахъ съ женами, и многіе постриженные въ рядахъ торгуютъ, пьянство и воровство умножилось. И все бы велѣли провѣдать о томъ подлинно и къ намъ отписали тотчасъ съ нарочнымъ гонцомъ“ (изъ Вязьмы).

Стр. 375. Кардин. Цез. Бароній, крайній католикъ (XVI в.) въ своихъ Annal. eccles. отвергаетъ актъ „Константинова дара“ папѣ Сильвестру, какъ дара неприличнаго папѣ и чести римской церкви, и полагаетъ, что онъ составленъ греками съ цѣлью компрометировать священный Римъ (ср. А. Терновскій, Грековост. церковь въ періодъ вселен. соборовъ, 568—569).

Стр. 380. Еще съ XIV в. въ кодексъ монашескихъ правилъ вносится требованіе, чтобы монахи „съ юными дѣтьми не дружились и книгамъ ихъ не учили“ (Жмакинъ, 619, прим. 2).

Стр. 380—381 и 425. Монастырскій вопросъ занималъ русское общество долгое время и послѣ разсмотрѣнныхъ явленій. Къ к. XVI или нач. XVII в. относится „поученіе объ общемъ житіи иноческаго сущаго чина спасительнаго пребыванія св. отецъ и самочинномъ — своробоицкомъ и худомъ житіи иноческомъ сирѣчь о особномъ своевольномъ житіишкѣ, и о скитскомъ, и пустынномъ добромъ житіи“, съ любопытными указаніями на распущенность монашества (Рук. Соф. библ. № 1445, л. 351—356. См. у Жмакина, 094).

Стр. 411 и къ 458. Въ похвальномъ словѣ вел. кн. Василію Ивановичу (въ собр. графа Толстого, рук. Имп. Пуб. библ., А. № 13, XVII в., по Оп. рук. отд. I, № 33, л. 1—14 и Кир. Бѣлозерскаго м. №№ 131/1280, 8/⁰ л. 224) выражается восторженное сочувствіе второму браку вел. князя и рожденію отъ него наслѣдника престола. Какъ полагаютъ, оно принадлежитъ кому либо изъ оффиціальныхъ лицъ, близкихъ ко двору (Жмакинъ, 091).

Стр. 432. Распросраненію пьянства въ Европѣ особенно содѣйствовало изобрѣтеніе (IX в.) арабами алкоголя (Дреперъ, Ист. умств. разв. I, 340), вошедшаго въ употребленіе въ XIII—XVI в., а оттуда и въ Россію (Успенскій, Древн., 76). Альб. Кампензе (1523), писавшій со словъ отца и др., бывшихъ въ Россіи, сообщаетъ, что Иванъ III, чтобы ограничить пьянство, разрѣшилъ пользоваться напитками только въ праздничные дни и что москвитяне подчинились этому съ необычайной покорностью (Библ. иностр. писат., I, 59). Позже литвинъ Михалонъ (1550) подтверждаетъ это похвальное распоряженіе, но при Василіѣ Ивановичѣ началось отступленіе въ пользу княжескихъ слугъ и иноземцевъ, которые, по признанію же иностранныхъ писателей, пили гораздо больше русскихъ (Герберштейнъ, Михалонъ, Флетчеръ, Олеарій). Курбскій о ливонскихъ нѣмцахъ говоритъ, что они „мало бываютъ въ день трезвы“ (Сказанія, 72); но въ особенности сурово онъ отзывается въ этомъ отношеніи о полякахъ (65—68). При Иванѣ IV отмѣнены были частныя корчмы и вводится казенная продажа питей, о результатахъ которой можно судить изъ посланія новгород. архіеп. Ѳеодосія къ ц. Ивану IV (ок. 1547—51). Послѣ витіеватаго титула, онъ пишетъ: „Бога ради, государь, и преч. Богородицы и великихъ чудотворцевъ, потщися и промысли о своей отчинѣ, о Великомъ Новгородѣ, что ся нынѣ въ ней чинитъ: въ корчмахъ безпрестани души погибаютъ безъ

покаянія и безъ причастія, въ домѣхъ и на путехъ и на торжищѣхъ убійство и грабленія, во градѣ и по погостамъ, великіе учинилися, прохода и проѣзду нѣтъ; кромѣ тебя, государь, того душевнаго вреду и треволненія внѣшняго уставити нѣкому". Далѣе слѣдуетъ широковѣщательное обращеніе на тему о высотѣ царской власти и ея обязанностяхъ, съ обычныхъ умаленіемъ себя (какъ ученикъ учителю и рабъ государю) и призывомъ къ подвигу (Дополн. къ акт. истор. I, № 41 и Древн. Рус. Вивл. XIV, 238). Дѣйствительно, тогда же царь помиловалъ (въ янв. 1547 г.) и корчмы въ Новгородѣ были уничтожены (П. С. Р. лѣт. III, 153, 201); но питье не унималось, не смотря на суровыя мѣры (III, 166) и запрещенія Судебника и Стоглава. Мало этого: право на пользованіе корчмами стало даваться въ прибавокъ къ кормленію служилымъ людямъ и боярамъ. Стоглавъ, Домострой (47) и др. извѣстія (см. въ текстѣ) свидѣтельствуютъ о широкомъ развитіи пьянства. Послѣ же казанскаго похода прививается кабакъ (татарское учрежденіе) съ казенной продажей питей (Карамз. X, 148, XI, 816; Арцыбашевъ, IV, 162), которыя къ к. XVI в. дѣлаются принадлежностію каждаго города (Флетчеръ). И вотъ митроп. Макарій, въ моментъ побѣды надъ Казанью, шлетъ (25 мая 1552) посланіе въ Свіяжскъ, къ царскому войску, настаивая на воздержаніи отъ объяденія и отъ упиванія, и указываетъ при этомъ на „безстудный блудъ содѣвающихъ съ младыми юношами, содомское злое, скаредное и богомерзкое дѣло и оскверняющихъ и растлѣвающихъ освобожденныхъ изъ поганыхъ рукъ плѣнниковъ, благообразныхъ женъ и добрыхъ дѣвицъ", угрожая виновнымъ царской великой опалой и церковнымъ отлученіемъ (Акты историч., I, № 159, стр. 287—290; Царств. книга, 210—217; Исторія Рос. кн. М. Щербатова, V, 552—558). Англ. посланникъ Дженкинсонъ, посѣтивъ Москву (1557), свидѣтельствуетъ о существованіи царскихъ кабаковъ, въ которыхъ мужчины и женщины пропивали не только имущество, но и дѣтей своихъ (Чтен. въ Общ. ист. 1884, IV, 34—35). Тоже говоритъ и Тедальди, „хотя государь самъ далекъ отъ того", прибавляетъ онъ. Пьянство сдѣлалось настолько обычнымъ, что, отправляясь въ шведскій походъ (1571), царь просилъ о молитвѣ кирилловкихъ монаховъ, настаивая „чтобы они воздержались отъ пьянства и питія въ Филиповъ постъ, въ великій мясоѣдъ, въ четыредесятницу и до Великаго дня (Ак. Арх. эксп., I, № 283). Въ связи съ этимъ отмѣтимъ, что Ѳедора Басманова винили въ служеніи дурнымъ порокомъ Ивану IV (Гваньини, гл. v.), а кн. Ив. Анд. Хворостинина,—заявившаго себя безмѣрнымъ пьянствомъ и кощунствомъ (Соловьевъ, 457—459),—Д. Самозванцу (Масса, 208). Русскій современникъ смутной эпохи говоритъ: „впали мы въ объяденіе и въ пьянство великое, въ блудъ, и

въ лихвы, и въ неправды, и во всякія злыя дѣла“ (Сказ. Авр. Палицына, 20; ср. также „Повѣсть о видѣніи нѣкоему мужу духовному“, въ Рус. Ист. библ., т. XIII, 177—186).

Стр. 437. Старцу Филоѳею принадлежитъ еще неизд. сочиненіе въ которомъ онъ откровенно касается отношеній половъ.

Стр 449. Иванъ Грозный кирилловскимъ монахамъ ставитъ въ упрекъ три пристрастія: сластолюбіе, златолюбіе и міролюбіе (Акты ист. I, 387).

Стр. 460. Посланіе еп. Нила могло бы относиться къ Юрію (Георгію) Тютину, если понимать выраженіе лѣтописи („того же роду“), какъ указаніе на происхожденіе, а не родство. Иначе оно скорѣе можетъ быть отнесено къ Ю. Д. Траханіоту.

Стр. 494—495. Голубинскій высказываетъ догадку, что въ раздраженіи м. Даніила противъ Вассіана выразилось недовольство за возможное съ его стороны противодѣйствіе (по близости къ вел. кн.) при выборѣ Даніила въ митрополиты (II, 705—706).

Стр. 586. Имѣющіеся при многихъ рукописяхъ снимки Максима Грека собственно не портреты, а изображенія. Приложенное къ печатному изданію его сочин., заимствовано изъ списка быв. Соловец. библ. (нынѣ Казан. Д. ак.), подъ № 497, 8/⁰, относится къ нач. или первой полов. XVII в. (см. I, стр. 547) и помѣщено нами въ началѣ книги, и совершенно такое же изображеніе находится при собр. соч. М. Грека, принадлежащемъ Общ. люб. древ. письм., писанномъ полууставомъ XVI вѣка (Опис. рукоп., III, № clxxvi, стр. 186). Оно заимствовано отсюда въ трудѣ С. А. Бѣлокурова (О библ. моск. государей (стр. cccx), слѣдов., судя по указанію, это наиболѣе близкій типъ ко времени автора сочиненій. При статьѣ г. Нелидова (въ сборн. „Десять чтеній“) помѣщено ориг. изображеніе М. Грека, въ скуфьѣ съ обычнымъ для святыхъ кругомъ и роскошной бородой (принадл. Импер. Ист. музею). Близкое по типу къ первому изображеніе находится въ Сійск. иконоп. подлин. XVII в., въ обратномъ положеніи, но въ тойже обстановкѣ (см. вып. IV, стр. 215), причемъ въ изданіи замѣчено, что „изображенія М. Грека вообще принадлежатъ къ числу довольно рѣдкихъ“ (стр. 216). Въ „Матеріалахъ для исторіи русск. иконописанія“; Н. П. Лихачева (Спб. 1906, т. II) помѣщено три изображенія М. Грека: 1) подъ № ccciii – 568=поясное, нѣсколько отлич. отъ обычнаго, съ бородой, начерч. по кругу, такъ что напоминаетъ воротникъ отъ шубы, лицо сухощавое, изъ собр. автора; 2) № cccvii—584—

за столомъ, съ раскрытой книгою, фрязь петровскаго времени, изъ собр. автора и 3) № cccviii—587—поясной съ раскрытою книгою, изъ росписи ярослав. церк. св. Іоанна, что на точкѣ, съ фот. Суханова, всѣ съ головой въ кругѣ и различными головными уборами. Второе изъ нихъ приложено въ нашемъ трудѣ. Въ изд. Е. И. Бурцева: „Обстоятельное описаніе рѣдкихъ и замѣчат. книгъ“ и пр., т. IV, Спб. 1901, с. 134, при „Исповѣд. прав. вѣры“ помѣщено изобр. М. Грека въ сидячемъ полож., съ широкой бородой и въ бархат. шапочкѣ, отлич. отъ предъид., принадл. издателю. Въ переводѣ соч. М. Грека, издан. въ 1910 (т. I, при Троиц. лаврѣ) находится изображеніе, имѣющееся на гробницѣ М. Грека.

Стр. 587. Въ Чтен. Общ. исторіи печатаются отрывки 2 ч. II т. Ист. р. церкви Голубинскаго, въ которой данъ обзоръ сочин. М. Грека съ замѣч. о нихъ и опредѣленіемъ ихъ хронологіи.

Стр. 589. Въ обзорѣ соч. М. Грека, принадл. Общ. люб. др. письм., № clxxvi, сдѣлано сличеніе ихъ съ печатнымъ изданіемъ и указаны особенности (Опис. рукоп., III, 186—227).

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ НАЗВАНІЙ.

ВАЖНѢЙШІЯ ПОГРѢШНОСТИ.

Страница:	Строка:	Напечатано:	Слѣдуетъ:
6	24 св.	Зонара	Зонары
10	12 сн.	слушали	слушати
35	22 св.	Акила	Акила,
42	19 и 13 св.	κοράζον	χοράζων
47	18 св.	Палеоолога	Палеолога
52	16 св.	болгаръ	аваръ, болгаръ,
56	15 сн.	Expéduion	Expédition
—	14 сн.	Boncicant	Boucicaut
64	16 св.	періодомъ	періодовъ
—	3 сн.	Мумієобразному	мумієобразному
65	23 св.	что	, что
77	23 св.	300	900
95	13 св.	Боккаччю	Боккаччіо
100	15 св.	Марандола	Мирандола
102	11 св.	Дома-	Доми-
106	17 св.	человѣчеамъ	человѣкамъ
115	6 св.	пріютъ.	пріютъ:
116	10 св.	боровшіійся	боровшимся
121	23 св.	ее подтверждая	подтверждая ее
120	8 св.	случаи исправленія	исправленія
123	16—17 св.	свидѣтельствуютъ	свидѣтельствуетъ
125	5 св.	Турецкаго	турецкаго
132	16—17 сн.	времѣ	время
146	2 св.	божими	божьими
148	8 сн.	481....346	344,
—	9 сн.	II, 220, 222	„
—	11—12 сн.	II, 163, 290; III, 256	II, 290, 386; III, 263
149	1 св.	407	407; III, 257, 269, 481
—	4 св.	528	528; II, 216
—	10 св.	118	110
—	24 св.	III, 53	II, 49; III, 53
151	13 сн.	Арх.	I-го Арх.
155	12 св.	имѣетъ	имѣемъ

163	1 св.	Ніенштедта	Ніенштедта
—	15 св.	также	также въ.
—	8 сн.	Козвини	Казвини
167	12 св.	Евѳам.	Евѳим.
171	8 сн.	Ѳодоритова	Ѳеодоритова
173	5 св.	придисловіи	предисловіи
187	5 св.	Греки	Грекъ
190	10 сн.	имирменія	имарменія
—	5 сн.	„	I, 136, 450, 477; II, 20, 322; также стр. III, 42, 50, 177.
193	11 сн.	глубоок	глубоко
199	5 сн.	Döllinger.	Döllinger, Beiträge zur Sektenqeschichte, I-II.
208	10 сн.	бѣшенныхъ	бѣшеныхъ
209	15 сн.	Юстиніинѣ	Юстиніанѣ
211	17 св.	Ламптрехъ	Лампрехтъ
212	5 сн.	Санкелла	Синкелла
216	8 св.	сношеніе	сношенія
217	18 св.	30	до 30
229	16 св.	Коло	Колло
237	25 св.	должно	должны
248	6 св.	пагарянъ	агарянъ
251	5 св.	[1]). М.	М.
—	9 сн.	О началѣ	О началѣ.
261	1 св.	, людей,	людей,
273	14 сн.	стеченіи	истеченіи
282	15 св.	начинать	не начинать.
287	18 сн.	соблазненъ	соблазнъ
292	3 сн.	Добіанъ	Добіашъ
298	2—3 сн.	Ефремовъ	Ефремъ
303	3 сн.	Миссюрю къ	къ Мисюрю
307	10 сн.	, подъ	подъ
320	22 св.	затѣмъ	зачѣмъ
325	15 св.	по	не
327	9 сн.	43).	43); литер. апокрифовъ (В. Н. Перетцъ, Изъ лекцій по методологіи, 428—437).
327	5 св.	достовѣрности	довѣренности
330	23 св.	тѣ;	тѣ,
332	5 св.	мудрецами	мужами
339	3 сн.	Петровича	Георгіевича
—	5 сн.	въ 3-хъ	въ 32-хъ
349	5 св.	отъ	объ
365	1 сн.	III, 177	II, 266; III, 177.
375	15 св.	писавшій	, писавшій
384	2 сн.	достаитъ	достоитъ

384	21 сн.	которыя	которые
—	—	ярястью	яростью
387	13 сн.	намъ	нашъ
391	9 св.	Өеропонтовъ	Өерапонтовъ
410	7 св.	списокъ	спискѣ
415	4 св.	возложенія	возложеніи
424 и 432	12 св.и 20 сн.	призираемая	презираемая
427	9 сн.	просьбами	способами
428	15 св.	созданны	созданы
—	9 сн.	погребавшіе и	и погребавшіе
448	7 св.	былъ	были
478	3 сн.	монастырѣ	монастырѣ.
480	7 св.	Богорицы	Богородицы
480	13 сн.	*аки*	(*аки*
—	11 сн.	что архіереи	архіереи
500	11 сн.	Максимъ	Максимомъ
501	12 сн.	, есть	есть
505	1 сн.	VII, 269;	VII, 269; ср. с. 504, пр. 3
515	3 сн.	Домостроемъ	Домостроемъ, П. Бракен-геймера,
524	5 сн.	ее	его
526 и 527	18 сн.	Е. В.	В. Е.
528	6 св.	командар.	командир.
543	2 сн.	т. I	т. I, 273
552	14 сн.	(Древн.	,Древн.
564	13 св.	лежитъ	лежатъ
573	10 сн.	учениковъ	учениковъ,
583	9 св.	подрожалъ	подражалъ
586	14 сн.	изображенія.	изображеніями.
10 указ.	22 св.	Мааса	Масса

+ 8

ὡσεὶ καπνὸς αἱ ἡμέραι μου· καὶ τὰ ὀστᾶ μου ὡ-
σεὶ φρύγιον συνεφρύγησαν· ἐπλήγην ὡσεὶ
χόρτος καὶ ἐξηράνθη ἡ καρδία μου· ὅτι
ἐπελαθόμην τοῦ φαγεῖν τὸν ἄρτον μου· ἀπὸ
φωνῆς τοῦ στεναγμοῦ μου, ἐκολλήθη τὸ ὀ-
στοῦν μου τῇ σαρκί μου· ὡμοιώθην πελε-
κᾶνι ἐρημικῷ· ἐγενήθην ὡσεὶ νυκτικό-
ραξ ἐν οἰκοπέδῳ· ἠγρύπνησα καὶ ἐγενόμην
ὡς στρουθίον μονάζον ἐπὶ δώματος· ὅλην
τὴν ἡμέραν ὠνείδιζόν με οἱ ἐχθροί μου·
καὶ οἱ ἐπαινοῦντές με κατ' ἐμοῦ ὤμνυον· ὅ-
τι σποδὸν ὡσεὶ ἄρτον ἔφαγον· καὶ τὸ πόμα μου
μετὰ κλαυθμοῦ ἐκίρνων· ἀπὸ προσώπου
τῆς ὀργῆς σου καὶ τοῦ θυμοῦ σου· ὅτι ἐπάρας
κατέρραξάς με· αἱ ἡμέραι μου ὡσεὶ σκι-
ὰ ἐκλίθησαν· κἀγὼ ὡσεὶ χόρτος ἐξηράν-
θην· σὺ δὲ κύριε εἰς τὸν αἰῶνα μένεις· καὶ
τὸ μνημόσυνόν σου εἰς γενεὰν καὶ γενεάν·
σὺ ἀναστὰς οἰκτειρήσεις τὴν σιών· ὅτι και-
ρὸς τοῦ οἰκτειρῆσαι αὐτήν· ὅτι ἥκει και-
ρός·

Ἐγράφη δὲ τὸ παρὸν ψαλτήριον ἐν πόλει Τφέρῃ χειρὶ
πόνῳ μοναχοῦ τινὸς ἁγιορείτου βατοπεδινοῦ μαξίμου
τοὔνομα ... μηνὶ ... ἔτει ... ὀκτ... χιλιοστοῦ ... ἀν-
λώμασι βενιαμὶν τοῦ ἀληθῶς ... ἱεροδιακόνου καὶ
ἱεροφύλακος τοῦ θεοφιλεστάτου ἐπισκόπου τῆς Τφέρης
κυροῦ ἀκακίου: οἱ δὲ ἀναγινώσκοντες, μὴ ... γίνω-
σκετε τοῦ γράψαντος ... τοῖς γραφεῖσι ...
... αὐτοῦ. ... γὰρ δὲ ἁμαρτάνειν ... ἀτύχημα:
ἔρρωσθε ἐν κυρίῳ καὶ εὔχεσθε ὑπὲρ ἐμοῦ τοῦ ἁμαρτωλοῦ: +

+ Повелѣнїемь господина максима грека
светогорца інока съ ... ватопедскаго
написася сїя ψалтырь во градѣ Твери
трудомъ и болѣзнїю монаха нѣкоего
светогорца монастыря ватопедскаго
именемъ максима, во время убо
оно ... лѣтъ семой тысящи
навершающимъ. умоленїемъ венїамина
благоговѣйнаго іеродїакона, и сосудохранителя
благолюбиваго епископа тверскаго
господина акакїа, чтущїи не зазрите съгрѣшенїи
писавшаго, и ... что здравы писанїе
согрѣшихъ бо, человѣкъ бо согрѣшити, ...
... здрастви ... ...
... +

[illegible]